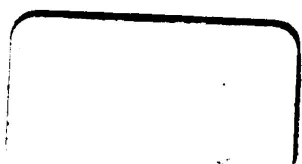

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

1802 — 1867

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1893.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1893.

Стр.

I.—ГОРЛЕНКИ. — Разсказъ.—I-XX.—**П. Д. Боборыкина** 5

II.—ДИКАРКА.—Повѣсть Эл. Оржешко.—Съ польскаго.—IV.—**Гл.** 67

III.—ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ.—Романъ въ шести книгахъ, соч. Фр. Шпильгагена. —Съ нѣмецкаго.—Книга третья.—I-X.—**А. Э.** 95

IV.—ПУБЛИЧНЫЕ МИТИНГИ ВЪ АНГЛІИ. — Очерки изъ политической исторіи Англіи.—IV-IX.—Окончаніе.—**В. Ѳ. Дерюжинскаго** 142

V.—СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ XVIII-ГО ВѢКА.—Изъ дѣлъ сибирской старины.— Разсказъ. — I-XIII.—**Н. С. Лѣскова** 177

VI.—ГОЛОСА. — I. Одинъ голосъ. II. Другой голосъ. — Стих. **А. М. Жемчужникова** 201

VII.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ НА ВОЛГУ ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ. — Впечатлѣнія и замѣтки.—I-IX.—**Л. Нелидовой** 204

VIII.—РАЗСКАЗЫ ИНОСТРАНЦА О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ. — Записки Юста Юля, датскаго посланника при русскомъ дворѣ (1709—1711).—**А. Н. Пыпина** . 255

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. In memoriam.—II. На прощанье.—III. Nocturno nuovo. —**М. Мартова** 294

X.—КРЕСТЬЯНСКІЯ НУЖДЫ И ИХЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.—**Л. З. Слонимскаго**. 296

XI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Когда съ высотъ горящаго Сіона.—**Кн. Д. Н. Цертелева**. 319

XII.—ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ.—Изъ личныхъ воспоминаній.—VII.—**П. А. Тверского** 320

XIII.—ХРОНИКА.—Соляной налогъ и его значеніе.—**Л. В. Ходскаго** 340

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Сессія дворянскихъ собраній въ Новгородѣ и Петербургѣ.—Вопросъ о способахъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства. — Возраженія дворянскихъ собраній противъ проекта опекунскаго устава. — Заповѣдность дворянскихъ имѣній и воспитаніе дворянскихъ дѣтей. — Сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Земства рязанское и костромское 367

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Парламентская „болтовня“ и ея значеніе. — Политическая дѣятельность Гладстона. — Засѣданіе палаты общинъ 13-го февраля.—Новый ирландскій билль, его достоинства и недостатки.—Возраженія оппозиціи.—Вопросъ объ ирландской автономіи въ теоріи и на практикѣ. — Новые консерваторы въ Германіи. — Торжество оппортунизма во Франціи 388

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Волна, сборникъ русской художественной лирики, К. Геруца.—**Р.**—Матеріалы для біографіи Гоголя, В. Шенрока.—Записки и Дневникъ А. В. Никитенка.—Этнографическое Обозрѣніе, кн. XIII, XIV и XV.—Извѣстія Общества археол., исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, т. X.—**А. П.**— Очерки Сибири, С. Елпатьевскаго. —**Д.** —Новыя книги и брошюры. 401

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Cosmopolis, par P. Bourget. —**С. П—нъ.**—II. The Speeches and public Addresses of E. Gladstone, vol. X.—**В. Д—ій.**—III.—L'Ennemi des lois, par M. Barrès.—**З. В.** 425

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. Развитіе борьбы съ послѣдствіями неурожая. — Усиленіе частной помощи; ея крайняя недостаточность. — Эксплуатація народной нужды.—Эпилогъ одного изъ лукояновскихъ дѣлъ.—Предложеніе черниговскихъ гласныхъ.—Еще о томскомъ обществѣ естествоиспытателей и врачей. — Ю. Э. Янсонъ †. 438

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова, кн. 6. —Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, Е. Альбицкаго и А. Ширгена.—Исторія нѣмецкой литературы, В. Шерера, пер. съ нѣм. п. р. А. Н. Пыпина, ч. I.—Изъ зеленаго царства, Д. Кайгородова.—Въ странѣ контрастовъ, изъ жизни и природы туркестанскаго края, Л. П. Шелгуновой.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1893 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

[illegible] XXVIII. — ТОМЪ CCCXXXIV. — 1/13 МАРТА, 1893.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

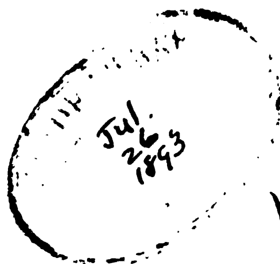
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1893

(2055)

ГОРЛЕНКИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

У старинной кладбищенской церкви стояла извозчичья пролетка. Нищій, съ открытой лысой головой, ждалъ въ узкой калиткѣ, примыкавшей къ каменнымъ воротамъ.

Свѣжее, вёдреное утро играло на крестахъ памятниковъ и церкви, выглядывавшей изъ-за чащи старыхъ липъ и кленовъ.

Въ теплой церкви — у лѣваго придѣла — служили панихиду. На правомъ придѣлѣ шла передѣлка. Потолокъ, сводчатый и расписной, былъ на половину закрытъ досками маляровъ.

Только-что отошла обѣдня, и молельщики всѣ почти разбрелись. У выхода стояли двѣ нищенки съ красными лицами старыхъ пьяницъ. Староста запиралъ свой шкафъ съ свѣчами. Въ глубинѣ, за печкой того придѣла, гдѣ служили панихиду, темнѣли двѣ одноцвѣтныя фигуры старушекъ, изъ обывательницъ сосѣдней улицы.

Ближе къ амвону стояли рядомъ, точно взялись за руку, гимназистъ лѣтъ шестнадцати и такого же на видъ возраста дѣвушка въ короткой накидкѣ и темной соломенной шляпѣ. Полосатое лѣтнее платье носила она вершка на два выше обыкновенной длины для взрослыхъ.

Служили священникъ и дьяконъ, безъ дьячка.

Гимназистъ не крестился и смотрѣлъ въ эту минуту на лицо священника, обернувшагося къ нему въ полоборота.

Лицо это не нравилось ему: широкое, пухлое, въ веснушкахъ, съ рыжеватой бородой. Очки сжимали его виски и дѣлали общее

выраженіе смѣшнымъ и неподходящимъ ни къ мѣсту, ни къ облаченію. Онъ смахивалъ на какого-нибудь писца. Желтые, рѣзко обрѣзанные волосы—еще не успѣвшіе отрости—топорщились изъ подъ старой рясы, сшитой на другой совсѣмъ мужской станъ.

Братъ—это были братъ и сестра—чувствовалъ, что у него подступаютъ слезы, и въ груди начинало слегка ныть. Чтобы не расплакаться, онъ усиленно смотрѣлъ на священника — на его широкое лицо финскаго типа, очки и жесткія пряди волосъ.

Равнодушное и туповатое лицо очень ему не нравилось. Было въ немъ что-то совершенно неподходящее къ службѣ и къ ихъ настроенію. Каждый день служитъ онъ по нѣскольку такихъ панихидъ и литій, и въ церкви, и на могилахъ. Голосъ у него —въ носъ, жидкій, невнушительный и неискренній. Вова — такъ звали брата—продолжалъ усиленно смотрѣть на лицо священника, чтобы задержать въ себѣ слезы... Но очки и носъ стали его такъ раздражать, что онъ поднялъ голову въ сторону потолка и досокъ, съ которыхъ маляры должны были расписывать его... Сверху виднѣлось облако, изъ котораго смотрѣло „Око".

Дьяконъ—худой, съ голосомъ, точно выходившимъ изъ котла —сильно кадилъ и переминался въ своихъ огромныхъ сапогахъ, поднимая правой рукой орарь, закапанный воскомъ.

Съ такимъ хорошимъ настроеніемъ пришли они сюда съ сестрой, Мисенькой! Правда, мысль отслужить панихиду по нянѣ пришла ей... Онъ было-возразилъ: „Ей и безъ этого хорошо"; но Мися его пристыдила.

О религіи они рѣдко говорили. Мисѣ не хотѣлось, чтобы Вова считалъ ее ханжей. И она не считала его „нигилистомъ". Но во всемъ, что̀ отзывается вѣрой и обрядомъ, Вова давно уже не тотъ мальчуганъ, который, бывало, вставалъ ночью и тайкомъ бѣгалъ съ нею къ утренѣ.

Мися, слушая, какъ дьяконъ завелъ о „вѣчномъ покоѣ", замигала, и слезинки потекли по щечкамъ ея продолговатаго, миловиднаго лица съ легкимъ розоватымъ загаромъ... Она стала усиленно креститься.

Братъ ея не заплакалъ и только зажмурилъ глаза, чтобы не глядѣть ни на облако съ „окомъ" — на сводчатомъ потолкѣ сосѣдняго придѣла,—ни на лицо священника, ни на его волосы сосульками и очки, вдавившіяся въ переносицу.

Вовѣ хотѣлось, чтобы панихида была скорѣе кончена.

Но будетъ еще литія—на могилѣ: такъ просила Мися.

Когда они—минутъ съ десять спустя—стояли около деревян-

ной рѣшетки и смотрѣли на чугунный крестъ надъ могилой няни —имъ обоимъ сдѣлалось веселѣе... Запахъ ладана не разстроивалъ ихъ на воздухѣ; кругомъ—березы и липы зеленѣли надъ памятниками; солнце то-и-дѣло выглядывало изъ-за нихъ и даже пекло ихъ въ затылокъ.

Литію справили въ нѣсколько минутъ.

Мисенька опустилась надъ дерномъ могилы. Вова дотронулся только рукой до земли, какъ дѣлаютъ большіе, чтобы не класть, какъ слѣдуетъ, земного поклона.

Ему предстояла непріятная обязанность—онъ взялъ ее на себя—заплатить священникамъ. И на исповѣди ему всегда бывало это непріятно. Но онъ не хотѣлъ выказывать такого малодушія передъ сестрой. Во всемъ, что̀ они дѣлали вмѣстѣ —онъ ставилъ себя мужчиной, старшимъ.

Послѣдній возгласъ дьякона замеръ въ утреннемъ воздухѣ.

Вова приблизился къ батюшкѣ и всунулъ ему въ руку желтенькую. Тотъ—все съ тѣмъ же безстрастнымъ выраженіемъ толстаго лица — припряталъ бумажку подъ край ризы привычнымъ движеніемъ руки.

Дошла очередь до отца-дьякона. Вова рѣшилъ съ Мисей— они платили изъ своихъ карманныхъ денегъ, — что дьякону довольно и полтинника.

Серебряную мелочь держалъ Вова въ кулакѣ лѣвой руки. Неловкимъ жестомъ перевелъ онъ деньги изъ лѣвой руки въ правую и торопливо отдалъ ихъ дьякону.

Тотъ зажалъ мелочь въ своей мозолистой рукѣ, потомъ разжалъ и въ бокъ, не стѣсняясь нисколько, посмотрѣлъ, сколько именно тамъ денегъ, съ такимъ видомъ, что еслибъ ихъ было меньше, онъ попросилъ бы и додать.

Мися не замѣтила этого. Она опять прослезилась и вынула поспѣшно носовой платокъ.

Священники ушли, шагая широко между могилами. Ихъ ждала новая панихида.

— Пойдемъ! — полушопотомъ сказалъ Вова, нагнувшись къ сестрѣ, и прикоснулся губами къ ея шеѣ.

Она обернулась—вся въ слезахъ—и большими голубыми глазами приласкала его.

— Вотъ ужъ и два года протекло!—проговорила она, оправляя прядь волосъ, выбившихся у ней изъ-подъ шляпки.

— Да, два года!—повторилъ ея братъ.

Они пошли медленно, по той же тропинкѣ, между памятниками, къ воротамъ.

Старушка-няня выходила ихъ обоихъ и умерла ровно два года назадъ, отъ водяной. Хоронили ее они же. Мать ихъ не пріѣхала на кладбище, была нездорова—какъ почти всегда, какъ и теперь: не лежала въ постели, а не считала себя здоровой и сидѣла дома.

Никто уже не любилъ ихъ съ тѣхъ поръ такъ, какъ любила няня. Къ матери они оба льнули; но она слаба, не выноситъ долгаго разговора, любитъ быть одна, цѣлые дни проводитъ на кушеткѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ въ живыхъ няни, никто уже не зоветъ ихъ „гòрленками". Она дала имъ это прозвище.

Съ первыхъ годовъ дѣтства, они, точно близнецы, живутъ душа въ душу и все „воркуютъ, ровно горленки". Эти слова няни припомнились имъ обоимъ, когда они уже подходили къ воротамъ. И послѣ ея смерти они такъ же дружны; но иногда не то что ссорятся, а спорятъ. Доходитъ у нихъ и до слезъ. Прослезится Мися, а братъ назоветъ ее плаксой и всегда уйдетъ, хлопнувъ дверью. При жизни няни—никогда, ни единаго раза не выходило у нихъ размолвки; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ поступили въ гимназію. Даже и маленькими не дрались. Это повторяла имъ всегда все та же няня.

II.

Пониже кладбища, въ сторонѣ отъ дамбы, черезъ оврагъ, разроссся кустарникъ, вдоль нѣсколькихъ балокъ.

Братъ и сестра, возвращаясь домой пѣшкомъ, спустились въ этотъ оврагъ. Имъ захотѣлось спуститься туда. Бывало, когда няня брала ихъ съ собою въ „полевую"—такъ она называла кладбищенскую церковь,—они бѣгали по склонамъ оврага, цѣплялись за кусты, искали самыхъ укромныхъ закоулковъ.

Недавно тутъ устроили что-то въ родѣ садика. Въ самомъ низу, въ тѣни балокъ—бесѣдка, обвитая зеленью, съ листьями, начинавшими краснѣть—въ этомъ году раньше обыкновеннаго: шли послѣдніе дни августа.

Еще глубже и совсѣмъ въ тѣни стояла скамейка.

Они сбѣжали къ ней и сѣли.

Имъ хотѣлось говорить, и они оба боялись начать разговоръ.

Вчера Мися, прощаясь съ нимъ,—они оба жили въ мезонинѣ — сказала ему:

— Вова, я бы хотѣла тебѣ сказать одну вещь... Ты не разсердишься?

И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, у ней вздрогнули ноздри.

— Ну, ужъ на ночь нѣчего! — отвѣтилъ онъ, предчувствуя, что выйдетъ какое-нибудь объясненіе.

— Завтра, вотъ послѣ панихиды по нянѣ. Да?

— Хорошо.

Но у Миси осталось такое чувство, что брату ея, съ нѣкоторыхъ поръ, непріятны ея „приставанья".

Ужъ онъ не разъ говорилъ ей:

— Ахъ, сестренка, ты все — по книжкѣ. Смотри, совсѣмъ будешь дѣвуля... классная дама.

Это ее огорчаетъ; но она не можетъ хитрить съ нимъ, считаетъ безчестнымъ не сговориться съ нимъ въ томъ, что̀ начинаетъ мозжить ее.

— Ты ныньче въ гости собираешься?—спросилъ Вова, сидя съ опущенной головой и хлыстикомъ проводя по песку.

— Можетъ быть... Къ Анечкѣ. Они собираются пить чай къ Асафу-схимнику. Ты не поѣдешь?

— Скучно мнѣ съ дѣвчонками!—выговорилъ Вова и сдѣлалъ гримасу.

— Онѣ мнѣ ровесницы,—промолвила Мися.

Ее начинало тяготить то, что между ними что-то залегло и они оба уклоняются отъ „настоящаго" разговора.

— Вова...—заговорила она тише и поглядѣла на него въ бокъ.

„Ну, такъ и есть!—подумалъ онъ.—Сейчасъ начнетъ поднимать вопросы".

Къ этому „подниманью вопросовъ" онъ самъ давно ее пріучилъ, когда ей было не больше двѣнадцати лѣтъ.

Тогда онъ развивалъ ее, гордился тѣмъ, что она его—„выученица"—во всемъ: въ урокахъ, въ чтеніи, во вкусахъ, въ манерѣ разсуждать, въ выборѣ пріятельницъ.

А теперь ему иногда—не по себѣ.

Мися очень ужъ до всего допытывается, пристаетъ. Нельзя же во всемъ идти на проломъ... И, наконецъ,—она многаго не понимаетъ... Съ тѣхъ поръ, какъ при ней нѣтъ больше гувернантки, она ужасно какъ „пропахла" гимназіей.

Онъ находитъ, что она стала неглижировать языками. Читаетъ она много, но не старается говорить. Мать ихъ не можетъ долго разговаривать; отецъ ей не разъ уже замѣчалъ, что она не дѣлаетъ успѣховъ. Когда онъ начнетъ съ ней говорить по-французски—она, точно нарочно, отвѣтитъ всегда по-русски.

Положимъ, и онъ не очень любитъ французить; но онъ — „мужчина". А она — дѣвушка-подростокъ. Вѣдь ее будутъ вывозить. Не пойдетъ же она въ телеграфистки или въ приказчицы въ магазинъ „Муравейникъ"? Да и тамъ нынче—какія франтихи, а одна такъ и рѣжетъ съ барынями по-французски.

Они помолчали; но по блѣднымъ щекамъ Миси прошла струйка нервной дрожи. Она опять въ бокъ оглянула брата.

— Да, — выговорила она еще тише.—Няни не стало... И прежней жизни уже нѣтъ.

— Разумѣется,—уклончиво отвѣтилъ гимназистъ.

— Мнѣ, Вова, непріятно, ты вчера не далъ досказать...

— Что такое?

Въ вопросѣ брата зазвучало смущеніе.

— Насчетъ... Элоизы Христофоровны.

— Ну-у...

Этотъ звукъ „ну-у" показался Мисѣ грубымъ. Никогда Вова такъ не говорилъ.

— Послушай!—она прижалась къ нему и заглянула ему въ глаза.—Вѣдь нельзя же уклоняться... Ты—честный... Мы всегда жили душа въ душу!—На глазахъ ея заблестѣли двѣ крупныхъ слезы.

Братъ хотѣлъ перебить ее и сказать, что она дѣлается плаксой.

Но Мися сдержала слезы и, все въ томъ же положеніи, продолжала болѣе твердымъ голосомъ:

— Я давно уже догадывалась, Вова... У меня никогда не лежала душа къ этой женщинѣ... А теперь я знаю...

— Чтò ты знаешь?

— И ты знаешь... Только не хочешь сознаться.

— Въ чемъ сознаваться-то?

— Ахъ, Вова!

Мися отклонилась немного отъ брата и опустила голову.

— Ты съ ней дружилъ.

— Почему же дружилъ?

— Что же оправдываться... Ходилъ къ ней въ гости.

— Не думалъ... А она меня сама приглашала... Остановитъ на крыльцѣ или въ садикѣ...

— Подарки ты отъ нея принималъ.

— Съ какой стати ты это говоришь?

Глаза его сердито блеснули.

— А какъ же? Отъ кого у тебя книга „Самообразованіе" Смайльса съ золотымъ обрѣзомъ? Это она тебѣ подарила.

— Подарила, подарила!—почти передразнилъ гимназистъ.—Просто дала читать.

— Книга у тебя уже больше года лежитъ.

— Да скажи,—заговорилъ онъ нервно и съ жестами обѣихъ рукъ:—скажи на милость—изъ-за чего я буду съ ней ссориться? Она ко мнѣ ласкова... разспрашиваетъ... даетъ книжки и вообще понимаетъ меня. Что-жъ? Папа придирается... мама тоже раздражительна... Иногда Богъ знаетъ чего боится. И, наконецъ, часто никто и не подумаетъ, что̀ намъ обоимъ нужно... изъ платья... изъ бѣлья... Что-жъ? Элоиза Христофоровна—женщина умная и развитая. И во все умѣетъ войти.

— Вотъ она тебя... и подкупила.

— Глупости говоришь!—крикнулъ гимназистъ, всталъ и сдѣлалъ два шага къ обрыву узкой площадки, гдѣ они сидѣли.

— Не кричи на меня!—тихо, но твердо выговорила сестра его.—Это—не доказательство... Ея разсчетъ—ясный: притянуть къ себѣ насъ обоихъ и показать, что она гораздо больше о насъ заботится, чѣмъ родная мать. Какъ же ты не видишь, куда она пробирается?..

— Куда?

Мися взглянула на него своими большими глазами, гдѣ слезинки оставили еще слѣды.

— Доведетъ папу до того, что онъ на ней женится.

— При жизни матери?

— Заставитъ дать разводъ... Развѣ это трудно?.. Это теперь дѣлается вездѣ.

— Вздоръ какой! Сколько лѣтъ она живетъ тутъ!..

— А! вотъ видишь, Вова! Ты проговорился. Ты, значитъ, давно понимаешь все... то̀, въ чемъ я убѣдилась только на дняхъ.

У него на губахъ зажглась фраза:

„Скажите, пожалуйста,—какая наивная!“

Но его уже смущали „приставанія“ сестры. Онъ чуялъ, что она, по-своему, права, потому что больше его любитъ мать и оскорблена за нее.

А развѣ онъ самъ—пошлякъ? Или способенъ „ломать идіота“ и увѣрять, что онъ не понимаетъ—кто для его отца Элоиза Христофоровна.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

III.

Да, они жили душа въ душу вплоть до этого лѣта. Ихъ дразнили товарищи и товарки въ мужской и женской гимназіи. Старшіе, мать, отецъ, пріятели отца, называли ихъ „inséparables“ или „сіамскіе близнецы“.

А теперь вотъ имъ нужно объясняться.

И братъ сознавалъ, что сестра не можетъ оставить такъ—безъ разговора—того, что̀ ее мозжитъ.

Но почему же она „воображаетъ“, что онъ—Владиміръ Майоровъ—съ его душой и мыслями—способенъ подло зажмуривать глаза на то, что̀ нехорошо, что̀ способно возмутить ихъ обоихъ?

Ну да, онъ сталъ—больше года, даже около двухъ лѣтъ—догадываться.

Его отецъ очень близокъ съ Элоизой Христофоровной. Не дальше, какъ весной, во время экзаменовъ готовился онъ у товарища своего Ситнѣва, ночевалъ у него на квартирѣ; и только-что разсвѣло, когда они собрались уже читать—тотъ спрашиваетъ его:

— Майоровъ... Отецъ твой, говорятъ, живетъ съ вашей жилицей, съ нѣмкой?

Ему бы слѣдовало сейчасъ же крикнуть:

„Какъ смѣешь такъ говорить?“

А онъ стерпѣлъ и не сразу отвѣтилъ.

Что же тутъ горячиться, когда всѣ это знаютъ, весь городъ?

Когда онъ сталъ захаживать къ Элоизѣ Христофоровнѣ? Еще мальчишкой, по четырнадцатому году, а теперь ему семнадцать. Черезъ годъ онъ студентъ. Въ то время онъ ни о чемъ, какъ слѣдуетъ, не догадывался. Она стала съ нимъ разговаривать, къ себѣ приглашала. Дѣлала и подарочки, но самые маленькіе—книжку или какую-нибудь фотографію.

Правда и то, что съ этого лѣта, когда отецъ къ нему придирался или не хотѣлъ въ пустякахъ побаловать его—онъ просилъ сдѣлать ему новый китель,—онъ говорилъ объ этомъ Элоизѣ Христофоровнѣ.

Тотъ же товарищъ спросилъ его:

— Что-жъ... эта нѣмка у него на *держаніи*?

Товарищъ—изъ мѣщанъ—говорилъ грубо и употреблялъ всегда свои выраженія.

Но и тутъ какъ же было обижаться или обругать его? О *такихъ вещахъ* въ гимназіи говорятъ, особенно въ старшихъ клас-

сахъ. Кто же не знаетъ—какая у кого интрига, между барышнями и молодыми людьми, или у замужнихъ. Все извѣстно, отъ губернатора до послѣдней телеграфистки.

Смѣшно напускать на себя гоноръ.

Сейчасъ получишь въ отвѣтъ:

— Нечего ломаться... Ты, небось, отлично знаешь... Или уже такъ глупъ...

Вотъ и все. Больше у него на совѣсти ничего нѣтъ—никакой „подлости".

Нехорошо, непріятно и обидно за мать... Но вѣдь она это—давно знаетъ: онъ въ этомъ увѣренъ. Мать—все нездорова, съ припадками.

Онъ хотѣлъ-было сказать про себя:

„И отца тоже надо извинить"...

Однако—удержался.

Братъ и сестра давно уже шли по дорогѣ къ себѣ и молчали.

Тамъ, въ оврагѣ, онъ ей сказалъ:

— Мися... зачѣмъ же теперь, въ день памяти няни, разстроивать себя такимъ разговоромъ?

Она замолчала и первая поднялась съ мѣста.

Теперь она не дуется—такихъ замашекъ у нея нѣтъ,—а считаетъ себя обиженной тѣмъ, что онъ уклонился отъ объясненія.

На полпути имъ надо было пересѣчь городской садъ. Можно пройти и въ сторонѣ; но прямѣе—по саду, отъ однихъ воротъ до другихъ.

Мися шла ускоренно и не совсѣмъ рядомъ, съ наклоненной головой, и смотрѣла себѣ подъ ноги.

— Вова!—окликнула она брата, не поднимая головы.

— Чтò тебѣ?

— Пойдемъ садомъ.

— Изволь.

Въ саду—прудъ, запущенный. Но онъ имъ милъ, потому что тамъ они игрывали, чуть не каждый день, и по зимамъ, когда жили по близости, до покупки отцомъ дома.

„Опять за свое возьмется!"—досадливо подумалъ Вова.

Дорожка—полная щебня съ горбылями — привела ихъ къ тому мѣсту, гдѣ еще недавно стояла старинная круглая бесѣдка, пришедшая въ ветхость. Подъ парой рябинъ, съ переплетенными стволами, пріютилась скамейка.

Сестра, ничего не говоря, сѣла.

Сѣлъ и братъ.

Ему захотѣлось курить. На улицѣ было опасно—надзоръ и

лѣтомъ былъ довольно строгій. Но тутъ, въ саду, совсѣмъ не видать прохожихъ—можно себѣ позволить.

Онъ закурилъ и тотчасъ же сплюнулъ.

Мися покосилась на него. Ей не очень нравилось то, что братъ пріобрѣтаетъ привычку часто сплевывать, когда куритъ. Но она еще ни разу ему насчетъ этого не замѣчала.

— Вова,—начала она спокойно и смотрѣла въ эту минуту на зеленѣющую плесень воды въ прудѣ:—ты, пожалуйста, не думай, что я хочу забираться въ твою душу. Но я не могу молчать—ты извини. Тебѣ непріятно было, что я заговорила объ *этомъ* тамъ... тотчасъ послѣ панихиды... Прости... это, дѣйствительно, было...

Она искала слова.

— Не время,—выговорила она съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Ты опять!

— Нѣтъ, дай мнѣ кончить... Всего одну минуту, милый.

Она положила ему руку на плечо.

— Только минуту.

— Ну, врядъ-ли!—шутливо возразилъ онъ и улыбнулся ей глазами.

— Не больше двухъ... Клянусь тебѣ. Погоди, только не перебивай меня. Что-жъ *это* перебирать... Ты отлично понимаешь. И я—не маленькая. Я не хотѣла бы ничего ни видѣть, ни слышать; но вѣдь этого нельзя... Вова, согласись самъ...

— Двѣ минуты уже прошли.

— Оставь!.. Пожалуйста, умоляю тебя... Это—очень важно—протянула она, блѣднѣя.—Не знаю—какъ ты могъ помириться. Можетъ быть, ты гораздо умнѣе и терпимѣе меня... Но для меня теперь необходимо выяснить...

Она путалась.

— Да что ты все высокимъ слогомъ выражаешься... Это—книжка! Точно Гамлетъ... въ юбкѣ.

— Вова! Это очень, очень дурно.

Щеки ея запылали. Она вскочила со скамейки и, обдергивая края шляпки, прошлась взадъ и впередъ передъ братомъ.

— Да полно... Потомъ.

— Сегодня я не скажу ни слова. Но свое поведеніе я не могу—ты пойми—не могу...

— Вотъ видишь—все пыжишься и словà выискиваешь.

Но онъ больше не сталъ подсмѣиваться. Ему сдѣлалось жаль сестры.

Онъ тоже всталъ и, подойдя къ ней, сказалъ:

— Прошу вѣрить и мнѣ... Я ни на какую подлость не шелъ до сихъ поръ—и не пойду. А мы съ тобой между отцомъ и матерью становиться не будемъ. На это мы не имѣемъ права—пойми и ты меня. И во всякомъ случаѣ, если ты что-нибудь такое надумаешь... или захочешь свое поведеніе измѣнить, что-ли... ты тогда мнѣ скажи. А теперь—у тебя только такъ... нервы что-ли... Измѣнить мы ничего, сударыня, не можемъ—такъ-то! А теперь пойдемъ. У меня подъ ложечкой засосало... Чаю смерть какъ хочется.

Мися закрыла глаза и, сдѣлавъ усиліе, чтобы удержать слезы, молча пошла впередъ.

IV.

Розоватый, штукатуренный домъ съ мезониномъ украшенъ дворянскимъ гербомъ и короной изъ бѣлаго алебастра. Уже съ четверть часа стоитъ на перекресткѣ фаэтонъ на шинахъ, запряженный парой сѣрыхъ съ пристяжкой. Онъ дожидается выхода на крыльцо барина, Павла Андреевича Майорова, владѣльца дома и отца Вовы и Миси.

Кабинетъ Павла Андреевича—тотчасъ изъ дверей налѣво—очень большая комната съ альковомъ, гдѣ стоитъ кровать. Онъ давно уже не спитъ въ спальнѣ, помѣщающейся въ мезонинѣ, такъ что внизу онъ одинъ; и только къ обѣду собирается вся семья, да и то Марѳа Петровна часто не спускается сверху.

Въ исходѣ одиннадцатаго Павелъ Андреевичъ, одѣвшись къ выѣзду, присѣлъ къ серебряному зеркалу туалетнаго столика.

Онъ старательно выщипывалъ сѣдые волоски изъ бакенбардъ, расчесанныхъ на двѣ длинныя пряди.

Сохранился онъ на рѣдкость. Ему за сорокъ лѣтъ, а на видъ не больше тридцати-пяти; высокій, плечистый, очень франтоватый. Бѣлокурые волосы немного порѣдѣли на лбу. Въ голубыхъ глазахъ, въ губахъ, сочныхъ и красиво сложенныхъ, въ кругломъ подбородкѣ—чувственность и слабость воли, незамѣтная сразу ни въ рослой, худощавой посадкѣ туловища, ни въ общемъ обликѣ красивой головы.

Чуть замѣтныя морщинки у слегка прищуренныхъ глазъ придавали ему характерное выраженіе человѣка, бывшаго всегда слабымъ къ женщинамъ.

Отойдя отъ туалетнаго столика, Павелъ Андреевичъ еще разъ поправилъ свой бѣлый батистовый галстухъ—по московско-провинціальной модѣ—и взглянулъ въ окно, готовъ ли экипажъ.

Онъ не былъ лошадятникъ, любилъ только хорошую выѣздку и нарядную закладку. Свой фаэтонъ-дрожки, по особому рисунку, заказывалъ онъ у Маркова, въ Москвѣ, и такой только у него и былъ во всемъ городѣ... Надъ нимъ кое-кто изъ знакомыхъ подтрунивалъ, говоря: „Павелъ Андреевичъ у насъ—что твой полиціймейстеръ: на парѣ съ пристяжкой ѣздитъ".

Онъ это зналъ. Но за нимъ уже установилась прочная репутація франтовства—настоящаго, дворянскаго.

Павелъ Андреевичъ зналъ, что онъ „даетъ тонъ" всему городу въ вопросахъ изящества и моды. Ни у кого нѣтъ такого бѣлья, обуви, шляпъ, канцелярскихъ принадлежностей, такихъ сигаръ и такого краснаго портвейна.

Кучеромъ своимъ онъ очень доволенъ — непьющій, ѣздитъ молодцовато и безъ бѣшеной гонки, лошадей любитъ, смыслитъ въ нихъ, чего про себя Павелъ Андреевичъ не можетъ сказать: ему приводилось не разъ провираться на лошадяхъ „съ аттестатами", въ которыхъ будто бы были несомнѣнныя породистыя „крѡви".

Утромъ, между кофеемъ и сословнымъ банкомъ—гдѣ Майоровъ уже второе трехлѣтіе директоръ-предсѣдатель—у него есть полчаса совершенно свободнаго времени. Газету онъ читаетъ за кофеемъ и очень скоро, не любитъ передовыхъ статей, пробѣгаетъ только телеграммы и фельетонъ, если это не о скучныхъ матеріяхъ.

И всего бы лучше проводить эти полчаса во флигелѣ его дома, куда можно пройти и дворомъ, и съ улицы—у Элоизы Христофоровны Ленгольдъ—ихъ жилицы, уже болѣе пяти лѣтъ.

Но.., *такъ* онъ не любитъ дѣлать. Безъ соблюденія декорума онъ ничего не позволяетъ себѣ. Не станетъ онъ „аффишироваться" передъ прислугой или передъ сосѣдями.

Въ теченіе дня—другое дѣло. Кучеръ уже знаетъ, что изъ банка, сдѣлавъ два-три визита, баринъ ѣдетъ домой по другой улицѣ, снизу, и остановить прикажетъ, каждый разъ, у подъѣзда флигеля, выходящаго въ переулокъ.

Изъ дому нельзя никакъ видѣть, что у подъѣзда—барскія дрожки или сани, зимой. Оттуда баринъ скажетъ ему:

— Можешь откладывать, Сергѣй!

Тамъ Павелъ Андреевичъ обѣдаетъ — не каждый день—и всегда скажетъ дома, чтобы его не ждали.

Вѣроятно, тамъ же онъ и отдыхаетъ. Но этого доподлинно никто не можетъ знать. Вечеромъ онъ въ клубѣ, изо дня въ день, кромѣ вечеровъ въ гостяхъ или театрѣ. Возвращается онъ поздно,

никогда не раньше двухъ—прямо ли изъ клуба, или изъ флигеля—тоже никто не знаетъ. Кучера онъ отпускаетъ почти всегда и беретъ извозчика—жалѣетъ его, особенно когда начнутся кислая погода или морозы.

И такъ идетъ уже болѣе пяти лѣтъ. Вначалѣ предосторожности были еще больше.

Въ этомъ онъ полагаетъ свою высшую порядочность Чтò бы кто ни болталъ въ обществѣ; но никто не скажетъ, что Майоровъ ведетъ себя какъ циникъ.

Вонъ генералъ Пашинный—тотъ знать никого не хочетъ. Завелъ себѣ „помпадуршу"—жену подчиненнаго ему лекаря—и днюетъ, и ночуетъ у ней. Его коляска стоитъ-стоитъ у ея подъѣзда. И всѣ это знаютъ. Вздумается ему ѣхать съ нею за городъ, въ лѣсъ—онъ ѣдетъ, также на глазахъ у всѣхъ. А дома у него жена и шестеро дѣтей—сынъ офицеръ, дочь старшая кончила курсъ.

А его „тужурка"—какъ любятъ выражаться клубные остряки—такъ нахальна, что всюду лѣзетъ впередъ,—на благотворительныхъ базарахъ, въ дворянскомъ собраніи затмѣваетъ всѣхъ и еле кланяется генеральшѣ. Для нея всегда выведутъ такой павильонъ, съ такой драпировкой, что даже неприлично. И самъ генералъ—сѣдой, лысый, шестидесятилѣтній старикъ—стоитъ у прилавка и зазываетъ мужчинъ выпить шампанскаго, по два рубля за бокалъ.

Вотъ это цинизмъ!

А Павелъ Андреевичъ ничего подобнаго себѣ не позволитъ никогда—пока жива его жена. Въ немъ порядочность и тактъ и наслѣдственны, и даны заведеніемъ, гдѣ онъ воспитывался. Это—сословное заведеніе, самое первое въ Петербургѣ. Правда, онъ не кончилъ курса и на министерской службѣ не могъ имѣть настоящаго хода; но до сихъ поръ въ немъ узнаютъ питомца этого заведенія, и на его письменномъ столѣ стоитъ фотографическій портретъ, гдѣ онъ снятъ воспитанникомъ подготовительнаго училища, въ курточкѣ, съ отложнымъ воротникомъ.

Жилица флигеля въ первые два года была знакома съ его женой. Но потомъ это знакомство сошло на нѣтъ,—безъ всякаго разрыва, безъ малѣйшей непріятности. Дальше визитовъ оно и не шло. А потомъ Марѳа Петровна стала болѣзненна,—никуда почти не ѣздитъ, одну зиму пролечилась въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ она, можетъ быть, и догадывается; но ни до какихъ сценъ онъ ее не допускалъ и не допуститъ.

А Элоиза Христофоровна живетъ до-нельзя скромно. У ней есть двѣ-три пріятельницы, нѣсколько знакомыхъ дамъ. Мужчинъ

она почти что не принимаетъ, хотя онъ на этомъ совсѣмъ не настаиваетъ. Ее онъ не можетъ ревновать—до такой степени она честна и безупречна, и преисполнена такта и душевнаго спокойствія, тихой веселости, умѣнья занять его—все свойства драгоцѣнныя въ женщинѣ.

V.

Къ женѣ онъ не поднимается.

Къ чему? Марѳа Петровна навѣрно еще лежитъ или бродитъ по мезонину, вялая и кислая, плохо причесанная, въ несвѣжемъ пеньюарѣ, а то и въ кофтѣ.

Онъ давно не дѣлаетъ ей никакихъ замѣчаній насчетъ ея туалета, привычекъ, расположенія духа, занятій. Хорошо уже и то, что всю зиму она была пободрѣе. Еще лучше было бы, еслибъ эту зиму она провела гдѣ-нибудь на югѣ, въ Ялтѣ или въ Меранѣ.

Но Марѳа Петровна не захотѣла разставаться съ дѣтьми.

Какъ будто она ими много занимается?!

Вотъ уже больше года, какъ при Мисѣ нѣтъ гувернантки. Она плохо говоритъ по-французски, по-англійски совсѣмъ, кажется, забыла; а ребенкомъ—когда при ней жила англичанка-бонна—болтала удивительно бойко и съ прекраснымъ произношеніемъ. Мать съ ней постоянно говоритъ по-русски. Ходитъ она къ какой-то учительницѣ-француженкѣ; но толку изъ всего этого онъ видитъ мало.

Съ дѣтьми мать очень рѣдко обѣдаетъ. Она ѣстъ въ неопредѣленные часы. Только онъ—когда обѣдаетъ дома—настаиваетъ, чтобы дѣти приходили къ столу ровно въ пять, а не ѣли бы безпорядочно, когда вздумается.

Павелъ Андреевичъ подошелъ еще разъ къ открытому окну и увидалъ, какъ его дѣти—Вова и Мися—переходятъ черезъ улицу къ воротамъ.

Они всегда возвращались домой съ задняго, а не съ параднаго крыльца, чт̀о онъ тоже не долюбливалъ.

Онъ окликнулъ изъ окна:

— Дѣти!

Мися первая подняла голову и подбѣжала къ окну, довольно низкому. За ней подошелъ Вова, въ фуражкѣ.

— Здравствуй, папа!—звонко прозвучалъ ея вздрагивающій голосъ.

— Откуда?

— Съ кладбища... Ныньче память няни.

Вова, подойдя, переминался.

— И ты былъ?—спросилъ отецъ.

— Какъ же, папа.

— То-то.

И Павелъ Андреевичъ, въ сторону дочери, добавилъ:

— Одной, безъ брата, не слѣдуетъ ходить... особенно въ такія дальнія мѣста.

— Развѣ это далеко? Мы и не замѣтили, какъ дошли.

— Ну, хорошо... Ты у мамы была? Какъ ея здоровье?

— Я теперь—къ ней.

— Ну, хорошо.

Онъ отвернулся и кивнулъ имъ обоимъ головой.

Часы показывали безъ пяти минутъ одиннадцать. Ему бы надо было повидаться съ Элоизой Христофоровной, спросить ее—не хочетъ ли она, чтобы онъ заѣхалъ въ гастрономическій магазинъ; привезли, кажется, свѣжую абрикосовскую пастилу и копчёную стерлядь съ Суры. Она всегда стѣсняется, когда онъ дарить ей сюрпризомъ.

Но онъ не зайдетъ. Деворумъ — не пустое для него дѣло, разъ онъ рѣшилъ, что такъ лучше и для него, и для нея. Она очень ему признательна за такой тактъ и умѣнье жить.

Онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею—пожилому и чисто выбритому — подавать. Пристяжная — молодая лошадь—давно уже прыгала на мѣстѣ и задирала коренника.

На заднемъ крыльцѣ Вова и Мися остановились, точно имъ обоимъ пришла одна и та же мысль.

— Ты къ мамѣ?—спросилъ братъ.

— А ты не зайдешь?

— Попозднѣе... Мнѣ до завтрака надо еще въ одно мѣсто... Я только захвачу книжку.

— Мама вдругъ спроситъ о тебѣ...

— Скажи—къ товарищу ушелъ.

Братъ вошелъ первый въ заднюю прихожую, откуда шла лѣсенка въ комнаты антресоля; а сестра поднялась по другой лѣстницѣ, изъ корридора въ антресоль, гдѣ жила Марѳа Петровна.

Площадка раздѣляла антресоль на двѣ большія комнаты. Одна служила Марѳѣ Петровнѣ спальной окнами на дворъ; а другая—ея кабинетомъ, гдѣ она проводила часть дня, больше лежа на кушеткѣ.

Мися заглянула тихонько въ спальню.

Тамъ еще стоялъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ сторъ. Воздухъ пропитанъ былъ запахомъ папиросъ.

Мать ея еще лежала на кровати, въ альковѣ, гдѣ было еще совсѣмъ темно.

— Кто тамъ?—спросила Мареа Петровна разслабленнымъ голосомъ.

— Это я, мама... Къ тебѣ можно?

— Нѣтъ, мой другъ, я еще лежу... Позови ко мнѣ Наташу... Теплой воды мнѣ нужно. Никогда она не принесетъ вò-время.

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Голова глупая... Папа уѣхалъ?

— Кажется, уѣхалъ.

— Приди ко мнѣ... туда... послѣ... такъ черезъ полчаса. А теперь позови Наташу.

Дочь прошла въ маленькую комнатку горничной. Наташи тамъ не оказалось.

Надо было спуститься внизъ. Она желала бы во всемъ быть полезной матери; только это не всегда удавалось ей. Мареа Петровна часто не можетъ справиться со своими нервами. Тогда ей все въ тягость.

Сегодня Мися хотѣла бы прильнуть къ ней. Сегодня ей особенно жаль свою мать. Ей до сихъ поръ не было за нее такъ обидно.

Теперь она уже не въ силахъ уклоняться отъ того, чтобы все выяснить.

Она ни во что не будетъ вмѣшиваться, но она должна сначала убѣдиться, что мать ея понимаетъ свое положеніе и мирится съ нимъ... Если же она страдаетъ, то такъ не можетъ и не должно идти.

Внизу Мися поторопила Наташу—рыхлую молодую дѣвушку, франтиху и неряху вмѣстѣ, въ модныхъ рукавахъ съ буффами голубого платья и въ нечистомъ фартукѣ, съ лицомъ арфистки изъ трактирнаго хора.

Опять поднялась Мися въ свою комнатку мезонина. Она жила рядомъ съ братомъ. У него было попросторнѣе. Но — до сихъ поръ—она любила свою „келью", держала ее чисто и разводила на подоконникѣ разныя „деревца": лимонные черенки, жасмины; иногда сажала простой лукъ—его зелень ей нравилась.

Войдя въ комнатку, она присѣла къ окну и тихо заплакала—размолвка съ братомъ и все, чтó она за послѣдніе два дня передумала, подкатили ей къ горлу, точно клубокъ, и она не стала сдерживать тихихъ слезъ.

Подъ самымъ потолкомъ у нея былъ соловей. Онъ дремалъ утромъ и теперь, заслышавъ шумъ, завозился, но безъ всякихъ звуковъ: для него уже прошла пора пѣть.

VI.

— Къ тебѣ можно, мама?—спросила Мися, часомъ позднѣе, заглядывая въ кабинетъ матери, гдѣ та пила кофе у окна.

Марѳа Петровна сидѣла въ мягкомъ креслѣ изъ кретона, съ головой, прислоненной къ спинкѣ.

Она была въ батистовомъ пеньюарѣ, надѣтомъ небрежно, и съ кружевной косынкой на головѣ.

Мисю огорчало то, что мать, еще недавно такая интересная, ужасно постарѣла и совсѣмъ не занимается собою. Прежнее выраженіе ея длинныхъ свѣтло-карихъ глазъ исчезло. Теперь глаза —съ красными вѣками—часто мигаютъ и слезятся. Цвѣтъ лица — бурый, съ множествомъ морщинокъ. И она знаетъ, что мать ея—отъ безсонницы—принимаетъ часто разныя „ѣдкія“ лекарства—хлоралъ и еще какіе-то порошки. У нея „неврастенія“— болѣзнь, отъ которой, кажется, ничѣмъ нельзя освободиться, сколько ни лечись.

— Какъ ты сегодня, мама?

Мися этого не спросила бы; но она знаетъ, что мать ея любитъ, чтобы ее пожалѣли.

— Въ глазахъ какое-то чувство странное .. Точно сѣтка.

— Это, можетъ быть, начало мигрени.

— Можетъ быть... Ну, что̀ ты мнѣ скажешь?

Марѳа Петровна протянула къ ней руку. Мися прильнула къ ней.

— Мы были съ Вовой на кладбищѣ.

— Да? Ну что-жъ! Хорошо... Память няни? Вова гдѣ?

— Онъ ушелъ куда-то. Я не знаю...

— Сегодня я могу съ вами позавтракать внизу... Какъ это несносно, что у насъ, изъ-за меня, такой безпорядокъ... Надо все-таки садиться въ одинъ и тотъ же часъ. А то это точно трактиръ.

— Мы почти всегда въ половинѣ перваго.

— Это поздно.

Марѳа Петровна поморщилась.

Всегда выходило уже такъ—послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора Мися чувствовала, что мать ея точно тяготится ея при-

сутствіемъ. Захочется ей что-нибудь разсказать, спросить ея мнѣніе или просто излиться—она обо что-то упирается. Въ глазахъ матери какой-то туманъ, ей какъ бы непріятно слушать.

Но сегодня она, несмотря на начало мигрени, — не прочь поговорить.

— Хорошо, мамочка, я буду настаивать, чтобы Вова возвращался аккуратно. Да вѣдь онъ часто дома—по утрамъ.

— Ты у меня все одна, — начала Марѳа Петровна болѣе искренно и немного унылымъ звукомъ... Надо бы къ тебѣ взять кого-нибудь.

— Гувернантку? Нѣтъ, мамочка!—живо вскричала Мися и, ставъ на колѣна у кресла матери, положила голову на край ручки.—Зачѣмъ? Мнѣ всего одинъ годъ остается... Я ужъ большая.

— Для практики языка, мой другъ. Да и нельзя же тебѣ ходить все одной... И быть постоянно одной.

— Я не одна, мама... А Вова?

— Съ нимъ ты пріучаешься къ тону гимназистовъ.

— Тебѣ самой, мама, нужно бы компаньонку.

— Ахъ, нѣтъ! Это—отвращеніе. Только въ тягость будетъ.

— Читать вслухъ...

— Чтеніе меня раздражаетъ, голубчикъ. Я о тебѣ говорю,— съ вялой настойчивостью заговорила Марѳа Петровна.—Но это надо обдумать... Павелъ Андреевичъ слишкомъ занятъ.

— Чѣмъ же папа такъ занятъ? — съ живостью возразила Мися: — днемъ онъ въ банкѣ, а потомъ совершенно свободенъ. И вечера проводитъ—внѣ дома.

Марѳа Петровна взглянула на дочь въ бокъ и нервно поправила на рѣдѣющихъ волосахъ кружевную косынку.

— Папа волёнъ проводить время какъ ему угодно,—сентенціозно выговорила она.

— Я знаю, мама.

— Съ какой же стати ты это сказала?—еще нервнѣе спросила Марѳа Петровна.

Мися хотѣла опять припасть къ матери; но ея блѣдныя щеки вздрогнули. Тонъ матери обижалъ ее. Она была за нее оскорблена, и ее же какъ бы ловятъ на неделикатности, на желаніи уличать отца.

Не уличаетъ она его, а хочетъ знать, наконецъ, какъ ея мать смотритъ на свое собственное положеніе.

Неужели она сознательно и по доброй волѣ способна унижать себя?

Развѣ мать ея виновата въ томъ, что стала слаба здоровьемъ,

что она постарѣла и не можетъ, по прежнему, заниматься туалетомъ, не играетъ на фортепьяно,—а она, прекрасная музыкантша, не бываетъ почти нигдѣ, должна ѣздить лечиться на воды?

И вотъ она же окачиваетъ ее, какъ холодной водой, такимъ замѣчаніемъ.

Мися отодвинулась отъ кресла и встала.

— Мама, — заговорила она, подавляя слезы: — ты меня не поняла.

— Чего же тутъ не понимать? Съ какой стати ты—дѣвочка, почти дѣвчонка—позволяешь себѣ обсуждать то, какъ твой отецъ и гдѣ—протянула Марѳа Петровна—проводитъ свое время?

— Я не сказала—гдѣ!.. Мамочка, я не говорила—гдѣ...

Слезы брызнули изъ свѣтлыхъ, большихъ глазъ дѣвушки, и она отвернулась—еще дѣтскимъ жестомъ—точно хотѣла убѣжать и спрятаться въ уголъ.

— Пожалуйста, безъ хныканья.

— Мама, мама... я не заслужила...

— Чего?

Марѳа Петровна привстала въ креслѣ и тотчасъ же взялась за високъ.

— Ты меня только разстроиваешь... Я и безъ того ничего не понимаю отъ боли.

— Мама!—Мися опять подбѣжала къ креслу.—Мнѣ за тебя обидно... горько...

— Что такое?

Отуманенные глаза Марѳы Петровны зажглись.

— Ты—все одна... Папа...

Какъ бы она излила все, что̀ у ней накипѣло на сердцѣ! Она бы схватила маму за голову, стала бы цѣловать ее и на ушко сказала бы ей, какъ ей жаль ее, какъ она страдаетъ отъ того, что вонъ тамъ во флигелѣ, въ ея домѣ,— какая-то нѣмка дурного поведенія смѣетъ такъ нахально отнимать у нея мужа, а у нихъ отца!

— Что̀ папа?—повторила Марѳа Петровна и совсѣмъ поднялась съ кресла.—Вы, кажется, съ ума сошли Марья Павловна?.. Вы позволяете себѣ какіе-то точно... намеки. Какъ тебѣ на мысль взбрело становиться между твоими родителями? Развѣ я когда-нибудь подавала тебѣ поводъ?.. Сказала я въ твоемъ присутствіи что-нибудь невыгодное для твоего отца? Какъ же ты, дѣвчонка, смѣешь?

Марѳа Петровна схватилась обѣими руками за голову и пошла колеблющейся походкой къ выходной двери.

— Не желаю тебя видѣть... ни сегодня, ни завтра... И если ты чистосердечно не покаешься въ твоей глупой и возмутительной выходкѣ...

Она не договорила и, схватившись за високъ, то̀чно простонала и захлопнула за собой дверь.

По срединѣ комнаты Мися стояла какъ пришибленная. Ей надо было разрыдаться, чтобы слезы совсѣмъ не задушили ее. Никогда еще не испытывала она такой горечи.

Вотъ что̀ она найдетъ въ своей матери,—какую оцѣнку ея чувства, ея душевнаго протеста за нее же!

Не „дѣвчонка" страдаетъ въ ней, а дѣвушка, отлично все понимающая, готовая на всякій благородный порывъ.

И такая награда!

VII.

У Вовы въ городѣ довольно обширное знакомство — не въ семейныхъ „хорошихъ домахъ; а больше съ молодыми людьми и съ нѣкоторыми „разночинцами" — какъ выражается иногда, съ брезгливой усмѣшкой, его отецъ.

Во время вакацій онъ каждый день,—до обѣда или вечеркомъ, —непремѣнно навѣститъ кого-нибудь изъ своихъ пріятелей.

Его влечетъ къ нимъ то, что они обращаются съ нимъ какъ съ взрослымъ, — точно онъ студентъ или офицеръ. Нѣкоторые даже особенно почтительно, немножко снизу вверхъ, напр. купчикъ Сырейщиковъ, сынъ канатнаго фабриканта и пароходчика, „давшій стречка" изъ гимназіи, какъ только онъ перешелъ въ тотъ классъ, гдѣ начался греческій языкъ. Дальше третьяго склоненія онъ не могъ одолѣть грамматики и до сихъ поръ, съ ужасомъ и не безъ комизма, повторяетъ обозначеніе словъ, имѣющихъ удареніе на разныхъ слогахъ. Онъ не забылъ ихъ потому, что называетъ такъ живыхъ людей. Одного приказчика онъ прозвалъ „окси̇тононъ", а городового, у нихъ, на перекресткѣ — „периспо̀менонъ". До сихъ поръ онъ съ улыбочкой, когда при немъ произносятъ слово „баритонъ", переглянется съ Вовой—я-де не забылъ, что̀ такое это слово значитъ въ той же греческой грамматикѣ.

Съ Вовой онъ познакомился на рыбной ловлѣ. Они закидывали тоню — и съ тѣхъ поръ стали пріятелями. Онъ же свелъ его съ молодымъ актеромъ, —мѣстнымъ уроженцемъ изъ мѣщанскихъ дѣтей, исключеннымъ изъ реальнаго училища. Фамилія

актера—Телкинъ, но онъ сочинилъ себѣ двойное имя—Брянскій-Волгинъ, въ память двухъ столичныхъ артистовъ. Малый онъ — чудной, немного какъ бы тронутый—тронутъ на томъ, что никто не понимаетъ такъ, какъ онъ, „принца датскаго". Онъ служилъ уже въ провинціи, но нигдѣ удержаться не могъ. Теперь живетъ здѣсь,—у него мать, имѣющая домикъ,—въ ожиданіи ангажемента въ Ростовъ-на-Дону—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ увѣрялъ.

Сегодня, послѣ размолвки съ Мисей,—первой въ ихъ жизни, — Вова почувствовалъ приливъ влеченія къ этому Гамлету. Захотѣлось уйти съ нимъ въ особенные разговоры, не думать все о томъ же. Да онъ и обѣщалъ ему завернуть на дняхъ—послушать, какъ онъ будетъ „зàново" произносить монологи.

У Брянскаго—Вова для краткости такъ его звалъ—въ садикѣ ему всегда пріятно, не похоже на то, что онъ живетъ въ обыкновенной мѣщанской обстановкѣ. Мать актера никогда не показывается. Подъ вишнями — теперь онѣ уже совсѣмъ созрѣли — такъ пріятно сидѣть въ тѣни. Если ему будетъ забавно—онъ не вернется завтракать. Онъ знаетъ сестру: она будетъ взглядывать на него жалобно, и если онъ вспылитъ—непремѣнно разрюмится.

Путь его лежалъ въ сторону рѣки. По крутой тропинкѣ поднялся онъ къ обрыву, гдѣ стоитъ старинная, приземистая церковь „Женъ-Мѵроносицъ", и съ площадки взялъ въ узкій проулокъ, шедшій опять въ гору.

Всю эту мѣстность, изрытую и холмистую, съ закоулками, заросшими лопухомъ и крапивой, онъ очень любилъ. Когда былъ помоложе,—захаживалъ сюда съ книжкой и забирался на самыя вышки, откуда видна рѣка и подгородный монастырь, съ византійскими луковицами главъ, на фонѣ липоваго густого сада.

Но размолвка съ сестрой—нѣтъ, нѣтъ—да и всплыветъ у него внутри,—точно въ груди, а не въ головѣ.

Разумѣется, онъ—по своему—правъ, и она должна его понять. Разъ онъ никакой „подлости" не дѣлаетъ—нечего и поднимать исторію.

Когда онъ уходилъ изъ дому, ему вздумалось даже: не зайти ли къ Элоизѣ Христофоровнѣ за однимъ романомъ, который она ему предлагала недавно. Но онъ сдержалъ себя. Нарочно, изъ озорства, онъ ничего не станетъ дѣлать, но и передъ сестрой не будетъ прыгать.

„Надо быть мужчиной!" — повторялъ онъ, поднимаясь на вышку къ домику актера. Вотъ и глухая калитка съ скамеечкой, и другая,—всегда полуоткрытая.

Онъ вошелъ въ нее и крикнулъ сейчасъ же собакѣ-овчаркѣ, запрыгавшей на цѣпи:

— Султанка! Тубо!

Изъ окна выставилось здоровое, краснощекое лицо еще не очень пожилой женщины—матери актера, въ сѣдѣющихъ волосахъ и въ затрапезномъ ситцевомъ халатѣ.

— Вы къ Витѣ?.. Онъ никакъ въ саду... въ бесѣдкѣ... Пожалуйте.

Мать смотрѣла на своего сына какъ на „полоумненькаго", но, по слабости своей, снисходила, только бы онъ совсѣмъ не свихнулся отъ своего театральства. Она его и упросила „завывать" не въ мезонинѣ, надъ ея головой, а въ саду.

Вова нашелъ пріятеля подъ тѣнью липъ, въ шолковой голубой блузѣ и большихъ охотничьихъ сапогахъ,—развалившимся въ соломенномъ креслѣ.

Его сразу можно было признать за актера: бритое, очень блѣдное и худое лицо, довольно красивое, съ растеряннымъ взглядомъ темныхъ глазъ и большимъ ртомъ, который онъ привыкъ, по-актерски, кривить, часто переводя толстоватыми губами. Волосы вились и были отпущены ниже ушей. На видъ ему было лѣтъ за двадцать.

— А!.. Господинъ классикъ! Добро пожаловать!—крикнулъ онъ Вовѣ, баритономъ, съ басовыми, искусственными нотами.

Правой рукой онъ смялъ газету и бросилъ ее на землю, а лѣвую подалъ Вовѣ особымъ жестомъ и ладонью внаружи.

— Прохлаждаетесь?—спросилъ Вова.—Я думалъ,—роль проходили?

— Нѣтъ! Презрѣнныхъ газетчиковъ читалъ. Вотъ ёрники! Вотъ безпардонные писаки! Надъ артистами издѣваются, точно надъ презрѣнными рабами... Разумѣется, лучше идти въ приказчики на пароходную баржу, чѣмъ лицедѣйствовать!..

Онъ сплюнулъ и перекосилъ глаза на газету, брошенную имъ на землю.

— Стоитъ волноваться!.. О васъ что-ль?—спросилъ Вова, садясь рядомъ на скамью.

— Нѣтъ, не обо мнѣ... Но это все равно. Какая возможность войти въ душу дѣйствующаго лица, когда ни одинъ рецензентишка самъ не понимаетъ, чего ему нужно отъ артиста, не понимаетъ того, какъ артистъ посмотрѣлъ на свою задачу... Эхъ!

— Вамъ что же до этого,—возразилъ Вова тономъ взрослаго:—вы такъ входите въ роль... Пускай ругаются.

— Не то, Владиміръ Павловичъ, не это одно... Мнѣ самому явились сомнѣнія.

— Насчетъ чего?

Вова не считалъ его полоумнымъ, а немножко страннымъ, да и то тогда, когда онъ увлекается ролью Гамлета. Сегодня тонъ у него былъ огорченный, но гораздо проще.

— Насчетъ чего? — повторилъ актеръ.—А насчетъ того,— какого держаться тона. Понимаете? Чтò заложить въ свою декламацію, грунтъ какой?.. Я хотѣлъ съ юныхъ лѣтъ быть реальнымъ артистомъ. Прежде всего, чтобы душа была видна, чтобы каждая въ ней жилка трепетала.

„Что-жъ,—думалъ Вова, слушая пріятеля:—онъ отлично говоритъ. Я такъ не съумѣлъ бы; а онъ—сынъ мѣщанки".

Это его даже укололо!

VIII.

Актеръ быстро поднялся съ кресла и зашагалъ по бесѣдкѣ.

— Вотъ какая штука, Владиміръ Павловичъ!.. Принято смѣяться надъ тѣмъ, какъ Несчастливцевъ въ „Лѣсѣ" говоритъ про „основаніе".

— Какое основаніе?—спросилъ Вова, видавшій пьесу Островскаго давно.

— Музыкальное... такъ сказать. Играющій Гамлета долженъ быть басъ. Такъ Несчастливцевъ доказываетъ. И онъ правъ. Басъ не басъ, можетъ быть и баритонъ—не въ томъ дѣло. А говорить нельзя обыкновеннымъ образомъ... Простоты одной недостаточно!..

— Что-жъ? По нотамъ что-ли пѣть? По-каратыгински?— спросилъ Вова, не мало читавшій о театрѣ и разныхъ манерахъ игры.

— Простота-то, Владиміръ Павловичъ, хуже воровства. На что ужъ я въ Гамлетѣ реально изображаю терзанія души. Но мнѣ до сихъ поръ невдомёкъ было, что надо другую музыку рѣчи пустить... Понимаете?

— Какъ же это?

— А такъ!.. Смѣяться надъ этимъ нечего. Прежде первые актеры—хоть бы Каратыгина взять—каждую фразу иначе произносили. Нынче издѣваются надъ словами: „Пей подъ ножемъ Прокопа Ляпунова!"—а вѣдь ихъ надо произнести на особый манеръ. И прежде въ самой простой фразѣ музыка была: „Я вижу

тебя, Заруцкій, да и тебя, Ржевскій*... А начни-ка теперь—на смѣхъ подымутъ. Я, Владиміръ Павловичъ, ни Сальвини, ни Росси не удостоился видѣть; но навѣрняка у нихъ нотка музыкальная. По-итальянски это обязательно... а почему не у насъ?

Онъ присѣлъ къ Вовѣ и, наклонивъ голову, заговорилъ менѣе возбужденно:

— Мечтаю я объ Эдипѣ.

— Учите роль?

— Нѣтъ!.. У насъ въ боевомъ репертуарѣ его нѣтъ. Новаго перевода я не читалъ, а есть старинный. Вотъ положеніе-то. Стòитъ гамлетовскаго. Вы, небось, должны помнить.

— Нѣтъ, я знаю,—оговорился Вова, слегка краснѣя,—только содержаніе.

— Вы вѣдь счастливецъ: по-гречески можете читать. У васъ трагиковъ-то проходили ужъ?

— Въ седьмомъ будутъ... кажется, отрывки.

— Видите!

Актеръ всталъ и отошелъ къ входу въ бесѣдку, образованную двумя вишневыми деревьями.

— Греки-то стихи свои нараспѣвъ читали... съ музыкой. Это доподлинно извѣстно.

— Да,—подтвердилъ серьезно Вова.—Рапсоды распѣвали.

— Рапсоды?

— Пѣвцы... гомеровскіе. Дѣлали паузы и играли на гитарахъ... на цитрахъ, по нынѣшнему.

— Вотъ видите! Значитъ, держались размѣренной рѣчи?

— Разумѣется... Гекзаметръ иначе нельзя читать.

— Вы, небось, умѣете?—блеснувъ глазами спросилъ актеръ.

— Умѣю... Только это, по моему, одна затѣя: нашего брата ловить на короткихъ и долгихъ.

— Ну, я не согласенъ. Музыка! Вотъ куда надо идти. Чтобы каждое чувство выливалось въ нотѣ.

— Для этого пѣніе въ оперѣ есть.

— То само собою. Вы, голубчикъ, что-нибудь знаете наизусть... изъ гекзаметровъ?

— Знаю.

— Напримѣръ?

— Ну, изъ Одиссеи... что-ли.

— Батюшка, продекламируйте какъ слѣдуетъ со всѣми долгими и короткими. Хоть одинъ стихъ.

Вова закинулъ немного голову—такъ онъ всегда припоминалъ—и началъ произносить, усиленно отбивая стопы:

— „Андра—мой—эннепэ—му́са—по—лю́тропонъ — ὂсмаля пὂлля...“

— Чудесно! Точно елей проливаете!—вскричалъ актеръ и взбилъ себѣ волосы на правомъ вискѣ...—Повторите-ка еще, Бога ради!

Вова повторилъ поскорѣе.

— Вѣдь небось этому надо учиться? А такъ, просто, безъ... какъ это у васъ называется?

— Скандировки?

— Ну, да... выйдетъ совсѣмъ не то!

— Выйдетъ такъ:

Вова прочелъ съ обыкновенными паузами:

— „Андра мой, эннепе, му́са, полю́тропонъ, ὂсмаля, пὂлля.

— То, да не то... И чѣмъ же греки-то хуже насъ были, Владиміръ Павловичъ? Все вѣдь отъ нихъ пошло... искусство, театръ?.. Такъ ли?

— Такъ.

Актеръ говорилъ умно, и это какъ бы задѣвало Вову. Отчего же онъ—какъ истый школьникъ—не находилъ до сихъ поръ никакой красоты въ греческомъ гекзаметрѣ и, вообще, не дѣлалъ изъ своего знанія языка никакого пріятнаго употребленія?.. Могъ бы и теперь, не дожидаясь занятій седьмого класса, добыть себѣ этого самаго „Эдипа-царя“ и начать его читать, для себя, хотя бы и заглядывая въ словарь.

Вѣдь онъ—не какой-нибудь заурядный „реалистъ“, знающій свою химію и механику. Онъ—классикъ, ему дорὂга въ университетъ, и онъ мечтаетъ уже о томъ, какъ вернется сюда, на будущій годъ, съ голубымъ воротникомъ и при шпагѣ.

— Теперь все измельчало,—продолжалъ волноваться Брянскій, то вскакивая, то присаживаясь къ нему:—а въ древнемъ-то театрѣ не такъ играли, ничего не боялись—ни декламаціи нараспѣвъ, ни криковъ... Гдѣ-то я читалъ, что въ одной трагедіи герой воемъ вылъ отъ боли... Такъ-то! А съ этой простотой мы совсѣмъ поглупѣли.

Онъ тряхнулъ своими кудрями и, съ быстрымъ переходомъ въ другой тонъ, спросилъ Вову:

— Не хотите ли пойти покалякать къ Сырейщикову? У него бы и закусили?

„Мися ждетъ“,—подумалъ сейчасъ же Вова; но ему не стало жалко сестры. Позавтракаетъ одна.

— Пожалуй. Онъ изъ Москвы вернулся?

— Нѣтъ, бѣгалъ на отцовскомъ пароходѣ... Слышно, по газетамъ, на Волгѣ пловучій театръ устроиваютъ.

— Какъ пловучій?

Вова оживленно всталъ, и они пошли по аллейкѣ изъ кустовъ малины въ глубь садика.

— Домъ цѣлый, въ видѣ башни, со сценой. И на буксирѣ его возить будутъ. Комнаты для артистовъ... Сегодня дадутъ спектакль въ Казани, завтра въ Чебоксарахъ, и такъ—въ каждомъ поволжскомъ городѣ.

— Идея богатая!

— Еще бы!

— Вотъ бы вамъ, Брянскій! Чего бы лучше?.. Это вѣдь сосьете будетъ?

— Должно полагать! Только я не очень этими товариществами восхищаюсь!.. Сейчасъ пойдутъ раздоры да умничанье. Одно слово—семибоярщина... Ужъ лучше антрепренеръ. Онъ—неучъ, кабатчикъ, плутяга; но коль скоро я у него первый сюжетъ— никто надо мной командовать не станетъ.

Съ этимъ Вова согласился. Въ собственномъ дѣлѣ надо быть мужчиной. Ты чувствуешь себя артистомъ и гни въ свою сторону. Ни передъ кѣмъ не прыгай: мало ли чтò товарищество!

И Мися норовитъ все свести къ жизни душа въ душу, чтобы ни въ чемъ не идти иначе, какъ въ ногу. А это въ сущности— умничанье и тиранство.

— У Сырейщикова мы навѣрняка найдемъ еще кого-нибудь. Дароносцева, небось, знаете?

— Видалъ.

— Навѣрняка—тамъ... Можетъ, и фотографъ Гадюкинъ завернетъ. Я такъ, какъ есть, пойду. Только крылатку накину... Подождите меня минутку... Я сейчасъ.

Актеръ побѣжалъ на заднее крыльцо.

IX.

На балконѣ у купеческаго сына Сырейщикова собралось цѣлое общество—послѣ закуски, еще стоявшей на столѣ первой комнаты.

Онъ занималъ весь мезонинъ отцовскаго дома.

Самъ онъ—краснощекій, кудрявый блондинъ, пестро и чрезвычайно старательно одѣтый, съ полной шеей, точно у женщины, съ отложнымъ воротничкомъ—приглашалъ гостей подышать „чистымъ воздухомъ“ и разсаживалъ ихъ.

Фасадъ выходилъ въ садъ, гдѣ липы стояли густыми купами подъ самымъ балкономъ.

Сырейщиковъ со всѣми своими гостями обращался ласково и съ оттѣнкомъ почтенія—такъ же и съ Вовой: его онъ даже отличалъ немного, какъ сына настоящаго „барина", да еще директора земельнаго банка, выбраннаго дворянами. Онъ очень часто изливался Вовѣ въ своихъ „особенныхъ чувствахъ" къ нему.

У него было влеченіе къ „интеллигенціи" — къ актерамъ, писателямъ, ко всѣмъ, кто въ ихъ городѣ жилъ подъ надзоромъ, ко всякимъ заѣзжимъ знаменитостямъ, вплоть до клоуновъ цирка, которыхъ онъ всегда угощалъ; но скрывалъ это отъ тѣхъ, кого уважалъ и побаивался. Въ Брянскомъ-Волгинѣ онъ признавалъ талантъ потому именно, что онъ нежножко „съ придурью". Онъ читалъ книгу Ломброзо: „Геній и безуміе", какъ и много другихъ книгъ „самаго послѣдняго привоза"—такъ острилъ надъ нимъ одинъ изъ учителей гимназіи, который помнилъ его успѣхи въ греческомъ языкѣ.

Кромѣ Вовы и актера, закусывали у Сырейщикова еще двое: фотографъ Гадюкинъ—молодой малый, обросшій весь черной бородой, вплоть до половины щекъ, смуглый и съ глазами на выкатъ, плотный и небрежно одѣтый, съ запахомъ эѳира. Его дѣла шли еще плоховато. Онъ тоже льнулъ къ интеллигенціи. Сегодня онъ забѣжалъ къ Сырейщикову насчетъ портрета, заказаннаго ему „въ натуральную величину",—и тотъ удержалъ его.

Недавнимъ гостемъ—и Сырейщиковъ очень за нимъ ухаживалъ — былъ живущій „не по своей волѣ" съ прошлой зимы и работавшій по статистикѣ Дароносцевъ, о которомъ говорилъ Вовѣ Брянскій. И Вову онъ интересовалъ. Дароносцевъ пришелъ къ концу закуски, и хозяинъ не успѣлъ или не догадался познакомить съ нимъ Вову особенно. Онъ только угощалъ его, повторяя, что сейчасъ можно оборудовать стерлядку по-американски, отъ чего Дароносцевъ отказался.

Статистикъ смотрѣлъ еще нестарымъ дьякономъ — высокій, вершковъ больше десяти, худой, борода съ рыжиной и взбитые, какъ пѣна, также рыжеватые волосы. Лицомъ красивый: крупный носъ и насмѣшливыя губы придавали ему почти постоянное выраженіе умной и безцеремонной усмѣшки.

Онъ весь былъ въ парусинѣ и безъ галстуха, въ рубашкѣ съ расшитымъ воротомъ.

— Сигарочку не угодно ли кому? — угощалъ Сырейщиковъ. — Флегонтъ Кузьмичъ?

— Спасибо... Я свои папиросы люблю.

— А наливочки, господа! Еще по рюмкѣ. Маменька клубникой настояла. Превосхо-одна!.. — пропѣлъ Сырейщиковъ и даже подмигнулъ правымъ глазомъ.

— Это можно,—отозвался статистикъ.—И сигарку соблаговолите.

— А ты не хочешь?—спросилъ хозяинъ у актера.

— Нѣтъ... Меня отъ куренья отшибло.

— А вамъ, Владиміръ Павловичъ?

Вова немного стѣснялся. Ему льстило то, что его считаютъ „совсѣмъ мужчиной"; но присутствіе статистика какъ-то смущало его. Да онъ и папиросы-то курилъ рѣдко, больше для виду. А тутъ еще, пожалуй, мутить будетъ.

— Наливочки повторить?

— Ужъ не знаю.

Онъ, закусывая, выпилъ уже рюмку хересу и рюмку другой наливки. Щеки у него и безъ того пылали.

— Я мигомъ, господа.

Сырейщиковъ побѣжалъ въ комнаты — очень довольный, что у него такая отборная компанія и цѣнитъ его угощеніе.

— Ну, что же, Степанъ Өедоровичъ,—спросилъ фотографъ, подсаживаясь къ статистику:—много поѣздили этимъ лѣтомъ?

— Не мало.

Голосъ у Дароносцева былъ басовой, отзывавшійся семинаріей.

— Въ заволжскихъ трущобахъ, небось?

— Именно.

— И какъ нашли состояніе оныхъ палестинъ?

— Да вездѣ одно и то же—скудость большая въ крестьянствѣ, самодурство нàбольшихъ, порютъ здорòво—вездѣ кулачество; господа дворяне или отсутствуютъ по заграницамъ, или проѣдаютъ свои ссуды. А ссуды вездѣ по самымъ облыженнымъ оцѣнкамъ даны.

Актеръ прислушался. Онъ считалъ благородство своей души —на высотѣ Гамлета, и любилъ обличительные разговоры. И Вова, заслышавъ слова о ссудахъ дворянамъ, тоже пододвинулся.

Не въ первый разъ доходили и до него городскіе толки, что въ банкѣ, гдѣ отецъ былъ главнымъ „воротилой", много имѣній остается на рукахъ у банка, и за нихъ, на торгахъ, не даютъ той цѣны, какую банкъ назначилъ. Стало быть, оцѣнки были дѣланы слишкомъ большія.

Но онъ не могъ въ это входить, не хотѣлъ обвинять отца. Мало ли чтò толкуютъ въ городѣ про всякаго, кто—на виду.

Слова статистика задѣли его.

Онъ спросилъ, не безъ волненія, ни къ кому прямо не обращаясь:

— Стало быть... цѣны пали?

— Ничуть не бывало,—отвѣтилъ Дароносцевъ, улыбнувшись вкось и положивъ ногу на ногу.—Въ банкѣ—шахеръ-махерство.

Фотографъ не зналъ, что Вова — сынъ Павла Андреевича Майорова; актеръ не вникъ въ это — у него въ головѣ всегда было что-нибудь свое, дополнительное къ разговору, какой вели при немъ.

Шумно влетѣлъ на балконъ хозяинъ съ ящикомъ сигаръ и со столикомъ.

— Такъ удобнѣе будетъ... господа!.. Я сейчасъ и наливку, и рюмки. А вотъ и сигары. Рекомендую... По-испански... называются: „Лось эрманосъ". Что такое значитъ—не могу объяснить; но звонко выходитъ.

И онъ опять убѣжалъ.

— То-есть, какое же шахеръ-махерство? — спросилъ Вова, чувствуя, что у него въ ушахъ зазвенѣло.

Его интересовали такіе, какъ этотъ Дароносцевъ. Но зачѣмъ же вдругъ, безъ всякихъ доказательствъ, обвинять въ чемъ—въ мошенничествѣ?

— Да самое простое. По пословицѣ — рука руку моетъ... Первый у насъ въ банкѣ ловкачъ—директоръ-предсѣдатель Какъ же ему другимъ не мирволить, коли онъ себѣ въ худояровской волости такую лѣсную дачу пріобрѣлъ за треть цѣны?

Первое движеніе Вовы было встать и крикнуть:

„Вы не смѣете такъ! Этотъ директоръ—мой отецъ, Павелъ Андреевичъ Майоровъ, и я вамъ не позволю про него говорить, какъ про жулика!"

Но онъ ничего не крикнулъ, а только всталъ въ сильномъ возбужденіи, которое не могъ и не хотѣлъ сдержать.

X.

Сырейщиковъ снова влетѣлъ съ бутылкой наливки и рюмками.

Его суетливость и купеческіе пріемы угощенія показались Вовѣ противными, и вообще вся эта „компанія", къ которой онъ попалъ.

— Вы о чемъ это?—спросилъ статистика хозяинъ.

— Да вотъ насчетъ гешефтмахерства господъ сословныхъ за-

правилъ банка, — съ оттяжкой выговорилъ Дароносцевъ, отхлебнувъ изъ рюмки и на особый ладъ крякнулъ, переглянувшись съ остальными.

— Однако... позвольте...—губы Вовы дрогнули и онъ всталъ прямо противъ Дароносцева.—Такъ нельзя-съ.

— Чего?—довольно безцеремонно спросилъ тотъ.

— Такъ нельзя... обвинять и порочить людей.

— Почему же, коли на это есть несомнѣнные факты?

Хозяинъ понялъ, въ чемъ дѣло, наклонился къ Дароносцеву и полугромко сказалъ, указавъ глазами на Вову:

— Господинъ Майоровъ, сынокъ Павла Андреевича.

— А-а!—протянулъ Дароносцевъ и крупнѣе усмѣхнулся.—Я не зналъ... не зналъ, что вы—сынокъ господина директора. Ваше сыновнее чувство я не желалъ задѣвать; но вы—тоже не дитя. Пора и вникать въ то, чтѡ вокругъ васъ творится.

Остальные гости смущенно промолчали. Хозяинъ взялъ Вову за плечи и сталъ ихъ жать.

— Владиміръ Павловичъ... вы извините, голубчикъ... Степанъ Ѳедоровичъ не хотѣлъ ничего такого... чтобы васъ, значитъ, задѣть или тамъ чтѡ.

Вова отстранилъ его и остался на томъ же мѣстѣ, противъ Дароносцева, продолжавшаго улыбаться.

— Знаю-съ. Господинъ Дароносцевъ сдѣлалъ это... безъ намѣренія... Но не въ томъ дѣло-съ...

Онъ сталъ, противъ воли, прибавлять частицу „съ“, чувствуя, что волненіе его не улеглось.

У него уже мелькнула мысль:

„Будь это во Франціи или будь онъ офицеръ или юнкеръ, онъ бы сразу осадилъ этого злоязычника, который кичится тѣмъ, что онъ подъ надзоромъ и по деревнямъ ѣздитъ. Да, любой юнкеръ крикнулъ бы ему:—Извольте взять свои слова назадъ, а если нѣтъ, то вотъ вамъ моя карточка!“

Но теперь уже глупо будетъ такъ повести себя — разъ это перешло въ разговоръ, въ споръ.

Онъ не могъ сразу найти, въ какомъ смыслѣ дать отпоръ этому „семинару“, воображающему, что онъ—защитникъ высшей честности.

— Выпейте, голубчикъ, наливочки!—приставалъ хозяинъ.

— Оставьте меня съ вашей наливкой!

Вова отвелъ его даже рукой и сталъ блѣднѣть.

— Позвольте вамъ вотъ чтѡ сказать,—началъ онъ, сдѣлавъ шагъ назадъ, но все еще противъ самого Дароносцева.— Случись

тутъ или не случись сынъ Павла Андреевича, а такъ нельзя-съ!.. Оттого, что я посмотрю на себя какъ на обличителя—такъ и давай про всѣхъ какъ про грабителей говорить. Мой отецъ у всѣхъ на виду. Ему довѣряютъ... А сплетень и всякой клеветы... въ газетахъ—не оберешься.

— Голубчикъ!—бросился къ нему Сырейщиковъ...—Вы напрасно... Вы напрасно...

— Про это я самъ знаю. Я вашей компаніи разстроивать не хочу... Господинъ Дароносцевъ своихъ словъ вѣдь не возьметъ назадъ?

Этотъ вопросъ пронесся среди молчанія.

— Вы это меня спрашиваете?—откликнулся не сразу статистикъ...—Въ одномъ я могу повиниться и передъ хозяиномъ, и передъ вами—хотя вина моя невольная: при васъ не слѣдовало говорить—вотъ и все.

Дароносцевъ всталъ и отошелъ къ periламъ.

— Такъ и мнѣ здѣсь нечего дѣлать!—уже крикнулъ Вова. —Вы, Брянскій, остаетесь?

— Что-жъ!.. И я пойду.

Какъ хозяинъ ни упрашивалъ: выпить и все обратить въ шутку — Вова сбѣжалъ поспѣшно внизъ. За нимъ спустился и актеръ, не проронившій все время ни слова.

Первые шаги по улицѣ они прошли молча. Вова не смотрѣлъ на актера. Онъ отдавался тому, что̀ въ немъ происходило.

Худо ли, хорошо ли, но онъ повелъ себя какъ мужчина, а не какъ мальчуганъ, при которомъ можно безнаказанно говорить такъ про его отца.

— Владиміръ Павловичъ!—глухо окликнулъ его актеръ.

— Что вамъ?

— Я васъ понимаю.

Брянскій остановился по срединѣ троттуара.

Остановился и Вова.

— Понимаю!—повторилъ Брянскій.—Я не буду входить въ разборъ вопроса по существу... но вхожу въ душу сына. Она должна быть неприкосновенна... Принцъ датскій до тѣхъ поръ былъ цѣльный человѣкъ, пока его сыновнее чувство не было затронуто... Что-же! Этому семинару надо было дать отпоръ. Очень ужъ эти господа зазнались. Вѣдь и въ искусство лѣзутъ тоже со своей мѣркой. И ничего-то не смыслятъ!

„Ну, поѣхало!“ — воскликнулъ про себя Вова и двинулся опять по троттуару.

Актеръ попадалъ на одну изъ своихъ зарубокъ.

— Вы куда?—спросилъ его Вова.—Домой?

— Нѣтъ, засидѣлся... Хочу зайти къ Стружкину въ трактиръ, на билліардѣ партію другую... Не желаете ли и вы?

— Нѣтъ. Я домой.

Они простились на углу Московской улицы, а Вова пошелъ все въ гору и сталъ задерживать ходъ.

Щеки его уже не такъ горѣли. Въ головѣ стало яснѣе и его точно подмывало что-то пріятное, новое. Сознаніе, что онъ заступился за отца, приблизило его къ нему. Нельзя человѣку жить какъ ему хочется... Всѣ суютъ носъ, сплетничаютъ, обвиняютъ, допытываются. Въ городѣ — статистикъ и ему подобные... Даже Мися начинаетъ вмѣшиваться совсѣмъ не въ свое дѣло — точно она какой-то Гамлетъ. Еще недоставало того, чтобы она явилась къ отцу, какъ принцъ датскій, и начала его усовѣщивать.

Все теперь—тамъ, въ домѣ, казалось Вовѣ понятнымъ. Что-жъ! Ну, положимъ, нѣмка—пріятельница отца; такъ вѣдь это должно быть извѣстно ихъ матери. Мать—больная, нервная; отцу съ ней тоскливо. Не будь этой Элоизы Христофоровны—другая бы явилась. Онъ на нее не разоряется, коли имѣнія покупаетъ; а если и обезпечитъ—такъ какъ же иначе?

Ему такъ пріятно и ново было чувствовать и разсуждать не по-мальчишески, а какъ настоящему мужчинѣ—терпимо, съ пониманіемъ людей и всѣхъ ихъ слабостей.

Онъ вспомнилъ прибаутку покойной няни:

„Всѣ, батюшка, люди, всѣ—человѣки“.

Вотъ что слѣдовало бы его сестрѣ почаще вспоминать.

Спускаясь по Московской улицѣ, онъ такъ ушелъ въ себя, что пропустилъ поворотъ къ ихъ дому, и долженъ былъ взять назадъ.

XI.

Элоиза Христофоровна между завтракомъ и обѣдомъ работала или читала у окна, поджидая возвращенія Павла Андреевича изъ банка.

Вова это зналъ. Онъ, какъ бы нарочно, перешелъ улицу за нѣсколько шаговъ отъ флигеля, гдѣ жила „нѣмка“.

Если она ему поклонится и окликнетъ изъ окна, онъ зайдетъ къ ней непремѣнно и попроситъ книжку.

Еще издали онъ разглядѣлъ бѣлокурую моложавую голову Элоизы Христофоровны, всегда аккуратно причесанной, съ кучкой на маковкѣ. Она читала у окна, въ свѣтлой шолковой кофтѣ съ

высокимъ воротникомъ. Талія—еще стройная и тонкая—стянута желтымъ кушакомъ съ мысомъ. Ему видны были только голова и плечи—не очень пышныя, но красивыя, немного приподнятыя вверхъ подъ широкими буффами рукавовъ.

Это бѣлокурое лицо съ нѣжнымъ румянцемъ и пріятнымъ загибомъ короткаго носа — всегда привѣтливо улыбалось ему и свѣтло-сѣрые глаза, спокойные и чуть-чуть высматривающіе, дополняли эту улыбку.

Онъ поклонился первый, переходя на троттуаръ.

— Здравствуйте, Вольдемаръ!—раздался звучный, вздрагивающій голосъ Элоизы Христофоровны.

Передъ окномъ Вова спросилъ не очень громко:

— Можно зайти за книгой... тотъ романъ... вы говорили, Элоиза Христофоровна?

— Очень рада. Зайдите.

Вошелъ онъ съ переулка, съ параднаго крыльца. Ему отворила горничная, тоже нѣмка, чистенькая, въ фартучкѣ, такъ же по модному причесанная, какъ и ея барыня.

И она улыбнулась ему, а въ ея узкихъ карихъ глазахъ онъ могъ бы прочесть заигрыванье, какъ будто они говорили: „какой ты плохой! большой, а не желаешь хоть немножко побалагурить со мною!“

Мися давно не могла выносить этой горничной, и онъ до сихъ поръ, когда она ему попадалась, хмурился.

Но тутъ онъ ласково взглянулъ на нее и первый выговорилъ:

— Здравствуйте!

У Элоизы Христофоровны во всѣхъ комнатахъ была особенная чистота. И все какъ-то блестѣло: мебель, картинки по стѣнамъ, вещицы на столикахъ въ ея будуарѣ, гдѣ она сидѣла, у окна. И пахло куреньемъ, освѣжающимъ и очень пріятнымъ. Растенія стояли въ углахъ; окна и двери были драпированы недорогими восточными одѣялами.

Невольно сравнилъ онъ этотъ порядокъ и эту чистоту съ тѣмъ, какъ держались у его матери комнаты мезонина.

— Благодарю, что зашли,—встрѣтила его Элоиза Христофоровна и даже приподнялась. — Садитесь... Книжка давно васъ ждетъ.

Она говорила ровно, веселымъ тономъ, съ чуть замѣтными остановками.

— У васъ здѣсь какъ прохладно,—выговорилъ Вова, озираясь, и присѣлъ также къ окну.

— Гдѣ побывали?.. Ходили на рѣку, купались?

— Нѣтъ... Я былъ въ гостяхъ.

Лицо его было все еще красно. Вѣроятно, вино и наливка, выпитыя имъ, давали духъ.

Что-то промелькнуло въ глазахъ и въ усмѣшкѣ Элоизы Христофоровны.

Она отложила книгу на столикъ и, выпрямивъ свой бюстъ, поправила прическу движеніемъ пальцевъ съ блестящей кожей, въ кольцахъ. Руки у нея были холеныя и красивыя.

— Что-жъ... гдѣ-нибудь у вашихъ товарищей... Тамъ и завтракали?

Элоиза Христофоровна прошлась взглядомъ по возбужденному лицу Вовы.

Онъ ей вообще нравился. Въ немъ она не чуяла той заслонки, какъ въ сестрѣ его, сознавая впередъ, что если ей судьба пошлетъ быть законной женой Павла Андреевича, съ своимъ будущимъ пасынкомъ она поладитъ легче, чѣмъ съ падчерицей.

— Да, завтракалъ... тутъ у одного купчика.

— Развѣ такое общество васъ интересуетъ?

Тонъ вопроса былъ не строгій, а дружескій.

— Видите ли... Элоиза Христофоровна,—у него собирается... кое-кто изъ интересныхъ личностей. Онъ любитъ угостить.

— А-а!—протянула она и усмѣхнулась, совсѣмъ уже попріятельски... Вы, Вольдемаръ, и угощались?

— Признаться сказать... я пожалѣлъ, что пошелъ туда.

Она не спросила „почему", а только глядѣла на него выжидательно.

Это очень понравилось Вовѣ. Ему надо было излиться. Ихъ соединяло чувство къ одному человѣку. Она пойметъ и оцѣнитъ поведеніе сына, который не могъ не заступиться за отца.

— Видите ли...

— Да вы, пожалуйста, не разсказывайте, Вольдемаръ, если вамъ это непріятно.

— Нѣтъ! Почему? Только, пожалуйста, это—между нами.

— О! Я скромная!.. Вы меня совсѣмъ не знаете.

— Конечно, конечно... Не передавайте... папѣ.

— Павлу Андреевичу? Съ какой стати!

Она чуть замѣтно повела плечами.

— Я прошу васъ быть со мною какъ съ хорошимъ товарищемъ. У васъ могутъ быть свои тайны. Вы уже не ребенокъ.

Глаза ея игриво блеснули.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то... Это не касается моей жизни по гимназіи... или вообще какой-нибудь исторіи.

Смущеніе начало овладѣвать имъ; но взяло верхъ желаніе разсказать ей, какъ онъ повелъ себя у Сырейщикова.

Уже не путаясь въ словахъ, быстро, горячимъ тономъ разсказалъ онъ, что̀ вышло на балконѣ у купчика.

— Согласитесь сами, Элоиза Христофоровна,—закончилъ Вова и заходилъ по комнатѣ.—Я не могъ стерпѣть. Моего отца я не стану судить и разбирать его поведеніе.

— Еще бы! — вырвалось у Элоизы Христофоровны, и щеки ея стали розовѣть.

— Ему довѣряетъ все общество, всѣ, кто его выбиралъ. Но я—его сынъ, и только у насъ такъ... можно сказать... свински ведутъ себя господа...

Онъ искалъ слова.

— Господа интеллигенты, воображающіе, что они—соль земли.

Этой тирадой онъ остался очень доволенъ, въ особенности словами: „соль земли“. И ни одной секунды ему не было неловко оттого, что сидитъ онъ у пріятельницы своего отца, которая, при жизни его матери, заняла ея мѣсто и въ сердцѣ, если не во всемъ домѣ.

Она его понимала и не можетъ не оцѣнить его поступка.

XII.

— Милый Вольдемаръ!

Элоиза Христофоровна подошла къ нему очень быстро и поцѣловала въ лобъ.

Этого онъ не ожидалъ и густо покраснѣлъ.

— Милый!—повторила она.—Это очень... очень хорошо съ вашей стороны... Я всегда считала васъ съ благородной душой.

Вова молчалъ. Онъ былъ тронутъ, и его вовсе не дернуло то чувство, что такъ оцѣнила его не родная мать, а... подруга его отца.

Что-жъ! Тѣмъ хуже! Мися, конечно, могла бы понять благородство его поступка, но—онъ ее знаетъ—она начала бы болтать лишнее. Стала бы, пожалуй, говорить въ кисло-огорченномъ тонѣ, что отца нельзя оправдать, если онъ, дѣйствительно, купилъ за безцѣнокъ землю, заложенную въ его же банкѣ.

— Только, пожалуйста... Элоиза Христофоровна... не говорите папѣ.

— Не скажу, не скажу... Я не хочу его тревожить... И безъ того онъ знаетъ, что сплетничаютъ про него всюду, по

всему городу. Но вы этимъ не должны смущаться, Вольдемаръ... и должны продолжать вѣрить вашему отцу.

Она тоже заходила по комнатѣ. Вова слѣдилъ за нею глазами,—и ему она все больше нравилась: такая она умная и все понимающая, красивая, свѣжая и нарядная.

„Что-жъ! Отцу можно только позавидовать!"—подумалъ онъ и не смутился такой мыслью, не подумалъ тотчасъ же о Мисѣ, какъ дѣлалъ до сихъ поръ всегда, думая про себя.

— Не хотите ли... чаю? Или варенья съ холодной водой?—спросила все также оживленно Элоиза Христофоровна.

— Merci... Къ чаю я слабости не имѣю.

— Есть у меня водянка... свѣжая... изъ черной смородины.

— Позвольте.

Она позвонила. Пришла та же горничная, и она ей приказала по-нѣмецки.

Пріятное волненіе Вовы продолжалось; только онъ не находилъ уже, о чемъ ему говорить дальше съ Элоизой Христофоровной... Онъ вспомнилъ о книжкѣ,—о томъ романѣ, за которымъ, собственно, и зашелъ.

— Вы кончили романъ? — спросилъ онъ, возвращаясь къ окну.—Я могу и подождать.

— Возьмите, возьмите... Очень интересно... А вы по-французски читаете, Вольдемаръ?

— Читаю... но не всякій языкъ понимаю.

— Отчего же вы неглижируете языками? Если угодно, мы могли бы читать вмѣстѣ. Это самая лучшая практика... У меня порядочное произношеніе.

— Я очень радъ... Только вслухъ я по-французски не пріученъ.

— Надо начинать... Такой вы представительный юноша — вамъ неловко будетъ потомъ въ обществѣ безъ языка.

— Нынче это такъ не требуется, какъ когда-то...

— Не скажите!.. Почему же не знать языка, если есть возможность. Вашъ папа всегда объ этомъ говоритъ, и ему очень непріятно, что при сестрѣ вашей никого нѣтъ теперь. И она отстаетъ отъ языка.

— Да, Мися немногимъ бойчѣе меня.

— Вотъ видите. И это очень-очень жаль. А потомъ уже поздно будетъ. Выйдетъ изъ гимназіи—надо выѣзжать.

Все, что̀ она говорила, онъ находилъ сегодня очень дѣльнымъ.

Съ Мисей они любили „полиберальничать" насчетъ французскаго „прононса". Но вѣдь почему же и отказываться отъ зна-

нія языка? Вотъ и онъ,—могъ бы читать всякія книжки, а теперь ему надо лазить въ лексиконъ, и онъ кончитъ тѣмъ, что совсѣмъ забросить.

Эта „нѣмка“—умная и съ тактомъ; нечего и говорить. Она не желаетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло. Но она заботливо думаетъ о нихъ обоихъ и отлично знаетъ, чтѐ отцу нравится, чтѐ онъ желалъ бы видѣть въ своихъ дѣтяхъ.

Вова понялъ тутъ яснѣе, чѣмъ прежде, что мать его, по болѣзненности и отъ своего характера, хоть и любила отца—не умѣла ему угодить въ самомъ существенномъ, не занималась и дѣтьми „какъ слѣдуетъ“.

— Вы правы, Элоиза Христофоровна,—сказалъ онъ, отхлебывая изъ стакана водянку, поданную горничной.

— Я очень, очень рада, Вольдемаръ, что вы согласны со мною... Хотите начать теперь... читать?

— Да я, право, не привыкъ. Вамъ будетъ скучно.

— Нисколько!

Своей легкой походкой—очень молодой женщины—подошла она къ этажеркѣ и достала оттуда желтый томикъ. Это былъ романъ Альфонса Додэ.

— Ну вотъ, начните... Я возьму шитье и буду васъ останавливать только на... серьезныхъ ошибкахъ. Если хотите, приходите ко мнѣ хоть каждый день, вотъ въ это же время, или лучше—немного пораньше, послѣ вашего завтрака.

Ему стало немного конфузно передъ нею. За произношеніе онъ еще не такъ боялся; но читать живо, безъ запинки онъ не могъ.

— Что же... я слушаю! — раздался веселый и ободряющій возгласъ.

Онъ началъ, отхлебнувъ еще разъ изъ стакана.

Произносилъ онъ порядочно, но слишкомъ мягко и съ разными русскими оттѣнками въ выговариваніи гласныхъ.

Элоиза Христофоровна слушала нѣсколько минутъ, наклонивъ голову надъ своей работой... На ея губахъ застыла снисходительная усмѣшка.

Она была родомъ нѣмка; но провела нѣсколько лѣтъ во французской Швейцаріи, въ семействѣ богатыхъ людей, у которыхъ — до замужства — жила въ качествѣ полу-гувернантки, полу-компаньонки. Выговоръ у нея былъ хорошій, но немного жестковатый, похожій на то, какъ говорятъ въ Лозаннѣ и Вевé; но среди русскихъ дамъ—въ провинціи и гдѣ угодно—она мог-

ла сойти за иностранку, когда говорила по-французски. Нѣмецкаго акцента у нея не было—никакого—и по-русски.

— Плохо?—наивнымъ звукомъ спросилъ Вова.—Гнусно?

— Почему же?... Только у васъ нѣтъ никакой практики... И потомъ, позвольте сейчасъ же указать вамъ, Вольдемаръ... вы только не обижайтесь.

— Съ какой-же стати, Элоиза Христофоровна?

— Какъ у многихъ русскихъ... И барышни, и барыни наши такъ произносятъ... У васъ всѣ гласныя на одинъ фасонъ.

Она слегка разсмѣялась; но это его не задѣло.

— То-есть какъ же это?

— Гласная „е"... она вѣдь различно произносится, смотря по знаку... Надо иначе разѣвать ротъ.

— Это точно.

— А у русскихъ все одно „е", хотя бы стоялъ accent circonflexe.

— Я это зналъ... Только славянская рыхлость мѣшала.

Они оба разсмѣялись. Вовѣ стало очень весело.

XIII.

Съ крыльца позвонили.

— Это папà! — сказала Элоиза Христофоровна.

Вова смолкъ, опять густо покраснѣлъ и всталъ тотчасъ же.

Уходить было уже поздно. Какъ посмотритъ на это отецъ — онъ не могъ знать навѣрно.

Но смущеніе свое Вова подавилъ. Что-жъ такое! Навѣрно отецъ уже зналъ, что они съ Элоизой Христофоровной знакомы не со вчерашняго дня.

Стало быть, чего же тутъ „дрейфить" — выразился онъ мысленно любимымъ гимназическимъ словомъ.

Элоиза Христофоровна пошла на встрѣчу къ Павлу Андреевичу, и Вова, оставшись въ гостиной, прошелся немного по ковру и поправилъ волосы, взглянувъ издали въ стѣнное зеркало.

Отецъ его что-то сказалъ вполголоса, и она ему отвѣтила такъ же.

— Здравствуй, Вова!—раздался на порогѣ гостиной пріятный басокъ Павла Андреевича.

Вова не подошелъ къ нему къ рукѣ; онъ этого не дѣлалъ, да и отецъ не требовалъ. Онъ только, на особый ладъ, выпрямился, стоя у круглаго стола съ лампой и альбомами.

— Читаетъ вамъ вслухъ, Элоиза Христофоровна?—спросилъ Павелъ Андреевичъ съ улыбкой одобренія.

— Да, и, право, очень недурно.

Она сказала это нѣсколько возбужденно и потерла руки.

— Что-жъ, продолжай, я послушаю.

При отцѣ Вовѣ совсѣмъ не хотѣлось читать. Элоиза Христофоровна это поняла.

— Зачѣмъ же его конфузить!—сказала она тономъ баловницы-матери.

— Какой вздоръ!

Майоровъ сѣлъ и закурилъ папиросу. Онъ и самъ былъ немного стѣсненъ; но ловко скрывалъ это.

— Что-жъ, Вольдемаръ, рѣшаетесь?

— Я думаю, довольно,—отвѣтилъ Вова, взглянувъ бокомъ на отца.

— Какъ знаешь,—благодушно выговорилъ отецъ.—Ты долженъ быть благодаренъ Элоизѣ Христофоровнѣ за ея доброту. И если ты не воспользуешься ея указаніями — вини себя. А языками пренебрегать не слѣдуетъ. Вотъ и сестра твоя неглижируетъ...

Павелъ Андреевичъ остановился. Дочь можно было и не поминать въ этой гостиной, у своей „подруги“. Навѣрно, уже и сынъ догадывается о многомъ. Малый совсѣмъ возмужалъ, подбородокъ обросъ пушкомъ и усики пробиваются... Но Элоиза Христофоровна — женщина съ „чудеснымъ savoir faire“. Она только подготовитъ почву дальнѣйшаго своего положенія въ семействѣ.

— Хотите заняться завтра, такъ около часа?

— Съ удовольствіемъ,—торопливо выговорилъ Вова и такъ же торопливо пожалъ ей руку.—До свиданія, папа!—сказалъ онъ отцу, не глядя на него, когда проходилъ къ двери въ залу.

— Вы не возьмете съ собою книжки?—окликнула его Элоиза Христофоровна.

— Ахъ, да, пожалуйте.

— Вы можете просмотрѣть дальше.

Онъ взялъ томикъ и захватилъ свою фуражку, брошенную на подоконникъ.

Только въ передней онъ почувствовалъ себя вольнѣе. Нѣмка спросила его:

— Вы пройдете дворомъ или на улицу?

Выйти заднимъ крыльцомъ—Мися можетъ увидать его изъ окна свой комнатки. Мать не увидитъ.

Да что же такое, если сестра и увидитъ... Ничего постыднаго онъ не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ.

— Я дворомъ пройду,—твердо выговорилъ онъ.

Горничная провела его въ заднія сѣнцы. Дверь стояла незапертой. Онъ сбѣжалъ съ ступенекъ крылечка и довольно смѣло поднялъ глаза на одно изъ небольшихъ оконъ антресоля.

У окна могла сидѣть Мися.

Лица ея онъ не замѣтилъ, и ему, все-таки, стало отъ этого легче.

Онъ прошелъ заднимъ же крыльцомъ большого дома и поднялся къ себѣ, тихо ступая по ступенькамъ узкой лѣсенки, дѣлавшей три поворота.

Ихъ комнатки раздѣляла узкая площадка. Сестра, навѣрно, сидитъ—читаетъ. Врядъ-ли у матери. Та не выноситъ, чтобы кто-нибудь подолгу оставался при ней.

Войдя къ себѣ, онъ прислушался.

Никого! Мися, можетъ быть, внизу, въ гостиной или въ угловой. Она любитъ просторъ и прохладу и читаетъ гдѣ-нибудь.

Въ комнатѣ у него было мало порядку; но онъ не любилъ, чтобы прибирали то, что̀ у него висѣло по стѣнамъ или лежало на столѣ. Когда начинались классы, онъ сиживалъ здѣсь, послѣ обѣда, за урокомъ; остальной вечеръ всегда почти проводилъ у Миси, или съ нею, внизу, въ столовой.

Его потянуло ко сну. Завтракъ, выпитое вино, „исторія“ съ статистикомъ, визитъ Элоизѣ Христофоровнѣ и встрѣча съ отцомъ— вызвали въ немъ только теперь какую-то истому.

Не раздѣваясь, Вова повалился на кровать, надъ которой, по боковой стѣнѣ, висѣлъ кабинетный портретъ, гдѣ онъ сидѣлъ съ сестрой въ вагонѣ. Они такъ снялись прошлой зимой. Это означало тогда, что если они уѣдутъ отсюда, то уѣдутъ непремѣнно вмѣстѣ.

Засыпая, онъ сейчасъ же увидалъ себя на балконѣ купчика Сырейщикова, въ позѣ нападенія на „семинара“, и это его наполнило сладкимъ чувствомъ своего превосходства. Въ полузабытьѣ, сообразилъ онъ, что Элоиза Христофоровна навѣрно скажетъ отцу про то, ка̀къ онъ велъ себя съ семинаромъ. Отецъ, конечно, пойметъ благородство его поведенія.

Что-то, однако, прошлось по его душѣ совсѣмъ другого рода.

Неужели онъ вступилъ въ пріятельство съ этой нѣмкой? Вѣдь кто же она? Ее считаютъ всѣ—и Сырейщиковъ, и Брянскій, и фотографъ, и Дароносцевъ—„содержанкой“. Такъ говоритъ весь городъ, и глупо было бы наивничать.

— Мало ли что!—выговорилъ онъ громко, но уже во снѣ... Въ комнаткѣ стояла душная тишина жаркаго дня. Ни единаго звука не раздавалось изъ-за площадки. И въ мезонинѣ все было тихо. Марѳа Петровна, послѣ пріема какого-то наркотическаго лекарства—отъ острой боли въ вискѣ—забылась въ креслѣ.

Весь домъ какъ вымеръ, и на улицѣ только баба съ вишнями музыкально выкрикивала свой товаръ.

Ея крикъ не разбудилъ Вову.

XIV.

Но Мися сидѣла у себя, все слышала и все видѣла.

Она видѣла, какъ ея братъ спустился съ задняго крыльца отъ „нѣмки“, и какъ онъ взглянулъ вверхъ, на ѳкна антресоля. Она слышала его шаги по лѣстницѣ и приходъ въ комнату, и то, какъ онъ бросился на кровать, заснулъ тотчасъ же и началъ немного всхрапывать.

Къ завтраку она долго ждала его... И должна была ѣсть одна—кажется, въ первый разъ за все лѣто.

Мать ея за нею прислала почитать ей газету; но слушать не захотѣла больше четверти часа, нашла, что она „комкаетъ“ слова. Это бы ее не очень огорчило, но вдругъ она спросила ее:

— Гдѣ Вова?

— Онъ ушелъ въ гости.

— А не тамъ—во флигелѣ?

Ей, стало быть, извѣстно, что Вова знакомъ съ нѣмкой?

И, кажется, она этимъ не возмущается. Ей точно хотѣлось что-нибудь узнать про нѣмку черезъ Вову; а его она, вѣроятно, стѣсняется выспрашивать.

Съ этимъ Мися не можетъ помириться.

Мама—такая безупречная и вѣрная жена—влюблена до сихъ поръ въ отца—и вдругъ допускаетъ все это. И точно рада была бы, еслибъ Вова разсказалъ ей что-нибудь про нѣмку. Прежде этого не было. Какъ же ей, Мисѣ, выражать матери свое чувство, когда та не желаетъ, чтобы она позволяла себѣ хоть малѣйшій намекъ на ея оскорбительное положеніе, какъ жены и матери?

Мися неподвижно сидѣла поодаль отъ окна, откуда она могла, однако, видѣть, какъ Вова сходилъ съ задняго крыльца флигеля.

Это ее рѣзнуло, точно ножомъ. Вся размолвка съ братомъ съ новой силой начала мозжить ее.

Вотъ они—„гѣрленки“, два голубя, жившіе—до сегодня—душа

въ душу! У нихъ слово „вмѣстѣ“ значило все. И вдругъ, въ одинъ день, это *все* покачнулось. И она не можетъ уступить, —не можетъ, а не то что не хочетъ.

До сихъ поръ братъ каждую свою мысль и каждое побужденіе сейчасъ ей показывалъ и зналъ напередъ, что она его поддержитъ. Бывали между ними споры; но такъ, въ пустякахъ, и она всегда уступитъ.

А тутъ—не то! Отъ него чѣмъ-то совсѣмъ другимъ повѣяло. Она чуетъ—чѣмъ. Ему надоѣло благородно на все смотрѣть, строго за собою слѣдить—это глупо, наивно, хорошо для „дѣвчонокъ“, какъ она... Развѣ ныньче такъ живутъ и такъ чувствуютъ? Никто не хочетъ себя стѣснять, вмѣшиваться въ то, что̀ его не касается, только бы ему самому было хорошо.

Да, она знаетъ... Начни она изливаться какой-нибудь умненькой подругѣ по гимназіи—та ей, навѣрно, скажетъ:

— Какое тебѣ дѣло? Съ какой стати ты судишь поведеніе твоего отца? Это ни съ чѣмъ не сообразно.

Всѣ почти такія въ ея классѣ. Поэтому она ни съ кѣмъ особенно и не дружитъ. Да и зачѣмъ ей были подруги, когда Вова ей замѣнялъ ихъ всѣхъ? Развѣ она побѣжитъ къ которой-нибудь изъ нихъ жаловаться?.. На кого? На Вову? Станетъ молчать—будетъ жить одна.

Она не могла выдержать и тихонько, на цыпочкахъ, подошла къ своей кроваткѣ съ кисейными занавѣсками и легла, чего она днемъ никогда не дѣлала. Ей надо было уйти хоть за эти кисейныя занавѣски, закрыть глаза, не смотрѣть и на свою комнату, которою она такъ занималась. Теперь все въ этой комнатѣ—письменный столикъ, этажерки, картины, шкафъ съ зеркаломъ—все ей напоминало, что прежней жизни не будетъ—она, эта жизнь, отошла, канула.

И плакать Мися уже не могла. Прежней мягкости она въ себѣ не чувствовала. Ее не тянетъ перебѣжать площадку, къ Вовѣ, разбудить его поцѣлуемъ, броситься къ нему на шею—просить прощенія за все, что̀ между ними вышло горькаго.

Что-то держитъ ее внутри. Не злость, даже не обида, а огорченіе за него, за Вову. Какое озорство съ его стороны! Послѣ такого разговора, куда она положила всю свою душу, и пойти нарочно къ нѣмкѣ, сидѣть тамъ сколько времени и вернуться заднимъ крыльцомъ!

„На-де, смотри, я тебя не испугался. Ты—глупая дѣвчонка, и я не позволю тебѣ вмѣшиваться въ мое поведеніе“.

До сихъ поръ Мися вѣрила, что вся ея жизнь пройдетъ рука

объ руку съ братомъ. Кончитъ она курсъ въ одинъ годъ съ Вовой. Потомъ они поѣдутъ въ Москву—онъ въ студенты, она—въ педагогички или на курсы, которые читаются въ музеѣ, на Лубянской площади. Будутъ возвращаться домой раза по четыре въ годъ: лѣтомъ, на святки, на масляницу и на святой.

Она любила до сихъ поръ брата своего больше матери. Оставить ее одну она заранѣе рѣшалась; но почему? Потому что мать не требуетъ за собой особеннаго ухода, она часто тяготится ими—и ей, и Вовой, всякимъ разговоромъ; съ трудомъ выноситъ, чтобы у нея „торчали передъ глазами“.

Но все-таки она стоитъ за мать свою, за ея достоинство; она не можетъ лгать самой себѣ и поддаваться тому, что̀ на ея взглядъ гадко.

Теперь она точно прозрѣла. Ужъ и въ гимназіи ее коробитъ отъ разговоровъ многихъ подругъ. Со всѣмъ мирятся—только бы у нихъ туалеты были, да возили ихъ туда, гдѣ весело. И во всемъ городѣ—то же самое. Не остережешься—и сама опошлѣешь. Она вѣрила, какъ въ крѣпкую стѣну, въ благородную натуру своего близнеца по духу — Вовы; а теперь она будетъ одна, совсѣмъ одна.

Мать не поддержитъ ее. Она не хочетъ, чтобы дочь ея вмѣшивалась въ то, что̀ ей не слѣдуетъ ни знать, ни трогать.

Какое же положеніе будетъ она занимать между отцомъ и матерью? Неужели и она станетъ дружить съ „нѣмкой“, проводить у ней вечера, ѣсть ея лакомства, принимать отъ нея подарки, говорить съ ней для практики по-французски или играть въ четыре руки?

„Никогда!“—воскликнула про себя Мися, и вся содрогнулась и даже схватила себя обѣими руками за похолодѣвшія щеки.

Если дойти до такой „гадости“, то будешь со всѣмъ, со всѣмъ мириться.

А Вова, ея Вова, сидитъ тамъ! Навѣрно нѣмка его угостила чѣмъ-нибудь, или дала книжку—онъ и прежде съ ней разговаривалъ и приносилъ отъ нея книжки; но не такъ открыто, не съ такимъ озорствомъ.

Чувство душевнаго одиночества входило въ нее, точно особаго рода зловѣщій холодъ; но слезы оставались въ горлѣ. Вова могъ бы радоваться: онъ считалъ ее „плаксой“, а эта плакса лежала теперь съ сухими глазами. Разрыдайся она—ей было бы легче, хотя ничего бы не измѣнилось, ничего!

И вдругъ Мися вскочила съ кровати.

Пора было идти внизъ обѣдать. Можетъ быть, мать сойдетъ внизъ, или отецъ придетъ домой къ обѣду отъ своей нѣмки.

XV.

Обѣдали внизу. Марѳа Петровна надѣла другой капотъ и голову покрыла кружевной косынкой—поновѣе. Она почему-то думала, что Павелъ Андреевичъ будетъ обѣдать дома.

Но онъ не пришелъ. Мися спустилась внизъ первая. Она умыла себѣ лицо и слегка напудрила его: боялась, что глаза у нея покажутся очень красными. Лакей принесъ суповую чашку и поднялся къ барынѣ доложить.

Вова, съ заспаннымъ и хмурымъ лицомъ, показался въ дверяхъ столовой. Онъ надѣлъ нарусинную блузу и немного поправилъ волосы.

Мися взглянула на него въ бокъ. Еслибъ онъ улыбнулся ей, смѣшливо, какъ прежде, съ забавнымъ выраженіемъ глазъ, ей только понятнымъ, она бы подбѣжала, не выдержала бы характера.

Но онъ поморщился отъ солнца, подошелъ къ окну и спустилъ стору.

Они оба молчали.

„Неужели такъ и будетъ?"—подумала Мися, и сердце ея сжалось. Она не любила брата, совсѣмъ, совсѣмъ не любила. Ей сдѣлалось противно въ этомъ домѣ. И мать свою она не смѣла жалѣть.

Это ея не касается. Она—дѣвчонка, подростокъ... Ей неприлично даже и показывать видъ, что она о чемъ-нибудь догадывается, хотя „это" длится нѣсколько лѣтъ, и весь городъ знаетъ, на какую унизительную роль соглашается ея мать. Но вѣдь все „шито-крыто", все прилично. Чего же еще?

Ее такъ захватили эти мысли, что она машинально пододвинулась къ столу.

Въ дверяхъ показалась Марѳа Петровна. Лицо у нея было менѣе нервное и больное, чѣмъ сегодня утромъ.

— Папа не будетъ?—сказала она тономъ полу-вопроса.

Она знала, что въ тѣ дни, когда Павелъ Андреевичъ обѣдаетъ дома, онъ возвращается гораздо раньше.

Сѣли за столъ молча. Лакей служилъ, тихо ступая по паркетному полу.

— Ты, Володя,—обратилась къ сыну Марѳа Петровна,— гдѣ же сегодня побывалъ?

Она сказала это довольно ласково.

Мися, нагнувшись надъ тарелкой супа, не удержалась—кинула быстрый взглядъ на брата.

Вова наморщилъ лобъ и, проглотивъ кусокъ хлѣба, небрежно выговорилъ:

— Заходилъ къ товарищамъ.

Про свое знакомство съ актеромъ и купчикомъ Сырейщиковымъ онъ не разсказывалъ матери.

Изъ какого-то ухарства онъ прибавилъ:

— А теперь спалъ... отъ жары! Разомлѣлъ!

Горничная уже доложила Мароѣ Петровнѣ, что молодой баринъ спустился съ задняго крыльца отъ нѣмки... Она и раньше знала, что Элоиза Христофоровна разговариваетъ съ ея сыномъ.

Сегодня утромъ она осадила Мисю, и теперь ей захотѣлось показать имъ обоимъ, что она все прекрасно знаетъ и не хочетъ, чтобы ея дѣти считали ее жертвой или дурой. Подъ этимъ сидѣло и желаніе сохранить въ ихъ глазахъ „престижъ отца“.

Но она не сразу нашла переходъ къ такому разговору. Ея голова, отуманенная наркотическими средствами, плохо работала.

— Ты видѣлъ папу?—спросила она Вову, когда лакей пошелъ за вторымъ блюдомъ.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ онъ глухо.

Мисю всю обдало внутреннимъ жаромъ, и она усиленно начала глотать корочку чернаго хлѣба.

— Гдѣ же ты видѣлъ его? — спросила Мароа Петровна и пристально взглянула на сына.

Мися закрыла глаза и мысленно выговорила:

„Вотъ теперь и разскажи—гдѣ“.

Но она испугалась за Вову, и жуткое чувство ожиданія чего-нибудь „нехорошаго“ сжало ей сердце.

— Ты заходилъ къ мадамъ Ленгольдъ?—подсказала Мароа Петровна.

— Да,—отвѣтилъ Вова, точно онъ съ трудомъ что-то проглотилъ.

— У нея были гости?

— Нѣтъ, никого.

— Что же ты у нея дѣлалъ?

— Она книгу одну хотѣла мнѣ дать.

— Какую?

— Одинъ французскій романъ. И заставила прочитать ей вслухъ.

„Зачѣмъ она объ этомъ разспрашиваетъ?“—съ тѣмъ же жут-

кимъ чувствомъ подумала Мися и опять закрыла глаза.—„Развѣ ей это пристало?“

— Что же—это для тебя полезно.

Лакей внесъ второе блюдо, и разговоръ минуты на двѣ смолкъ.

— Папа огорчается,—начала Марѳа Петровна:—вы можете оба отстать отъ французскаго языка... И тебѣ, Мися, надо бы читать вслухъ. Я ничего противъ этого не имѣю.

И она поглядѣла на Мисю почти недовольнымъ взглядомъ.

Внутри у Миси вскипѣло. Въ вискахъ „затрепетали бабочки“, какъ она называла нервное ощущеніе, часто бывающее у нея.

— Ты желаешь, стало быть, — спросила она съ дрожью въ голосѣ,—чтобы я посѣщала мадамъ Ленгольдъ?

— Кто же тебѣ это сказалъ?

Щеки Марѳы Петровны пошли пятнами.

— Довольно и того, что Вова дѣлаетъ ей визиты.

Ноздри Миси расширились и вздрагивали.

— Ну и что-жъ?—съ внезапной разсерженностью спросила Марѳа Петровна.

— Я не желаю... съ ней знакомиться.

— Кто жъ тебѣ это говоритъ? Кто?

Марѳа Петровна приподняла правую руку съ вилкой.

— Я не понимаю, мама, какъ можно...

— Что такое?

Голосъ Марѳы Петровны сдѣлался визгливъ.

— Я не понимаю, мама...

Мися закусила удила. Она должна была высказать все, что̀ ее душило.

— Что̀ ты не понимаешь?.. Ты съ ума сошла!.. Дѣвчонка— Богъ знаетъ, что̀ себѣ позволяетъ!

— Но что-же я, мама!..

Слезы уже задрожали въ горлѣ Миси.

— Молчать! Ступай вонъ! Не хочу я съ тобой обѣдать.

Мися поблѣднѣла; слезы остановились. Она быстро встала и положила салфетку на столъ.

— Ты меня не понимаешь!

— Я тебя не понимаю!.. Очень хорошо понимаю. Иди! Я тебѣ приказываю!

— Я иду, мама.

Мися бросила взглядъ на брата. Тотъ сидѣлъ, опустивъ глаза. Ему было не по себѣ; но онъ — не безъ рѣзкости — выговорилъ про себя:

„По дѣломъ! Не суйся!.. Глупить такъ нельзя“.

Мися, не вынимая платка, вышла изъ столовой, и только на темной площадкѣ, откуда поднимается лѣстница,—закрыла лицо руками. Обида обожгла ее,—и горькое чувство отъ измѣны брата.

XVI.

Отошла поздняя обѣдня. По тѣневому троттуару, вдоль длиннаго зданія съ арками, выходившаго однимъ фасомъ на большую площадь, Вова лѣниво пробирался въ общественную читальню.

Онъ несъ двѣ книги, держа ихъ въ кулакѣ. Погода стояла жаркая, и весь онъ былъ въ парусинѣ, вплоть до форменной фуражки съ серебряными листьями значка.

Второй день онъ запоемъ читаетъ. Въ домѣ ему тошно — вездѣ, кромѣ своей комнаты. Съ Мисей они не говорятъ. Она тоже заперлась у себя, сказывается больной и къ матери—просить прощенія—нейдетъ... Отца дома нѣтъ до поздней ночи.

Къ нѣмкѣ онъ не ходитъ читать вслухъ. Ему, послѣ неожиданно разразившейся бури за обѣдомъ, третьяго дня, стало самому жутко.

Положимъ, сестра опять сама „нарвалась“ безъ всякаго толку и смысла. Но и мать—зачѣмъ она его стала разспрашивать про Элоизу Христофоровну?

Послѣ того, какъ они остались одни за столомъ и мать немного успокоилась,—она продолжала его выспрашивать. Прежде ничего подобнаго не бывало... Ей хотѣлось узнать, какая у „нѣмки“ обстановка и, главное, — какъ она одѣта, смотритъ ли вблизи такой же свѣжей и молодой, какъ издали.

Она вся разгорѣлась, разспрашивая объ этомъ. Сначала онъ находилъ, что это со стороны матери неглупо: показать, что она ничего не знаетъ и знать не хочетъ, а просто разговариваетъ о ихъ „жилицѣ“. Ни однимъ словомъ она не дала ему понять, что ей непріятно его знакомство съ Элоизой Христофоровной. Напротивъ! Она бы, кажется, желала, чтобъ онъ и почаще захаживалъ туда, и разсказывалъ ей про все.

Это его кольнуло. Ему пришлось разсказать потомъ про свою встрѣчу съ отцомъ и передать весь разговоръ насчетъ чтенія вслухъ по-французски. И когда онъ говорилъ, то внутри у него шевелилось чувство, что это не ладно, и мать напрасно входитъ въ такія подробности.

Онъ никакъ бы не хотѣлъ „шпіонить“ на отца; а если такъ пойдетъ, то ему придется, не сегодня—завтра, попросить мать,

чтобы она его не выспрашивала, или перестать бывать у Элоизы Христофоровны.

Все это особенно какъ-то мозжило его сегодня утромъ, — а онъ проснулся рано и сейчасъ же принялся дочитывать одну изъ двухъ книгъ, которыя несъ теперь въ библіотеку.

Онъ повернулъ въ улицу и поднялся на высокое крыльцо, откуда вела крутая деревянная лѣстница во второй этажъ, гдѣ помѣщалась библіотека:

— Прохоръ Евсеичъ пришелъ? — спросилъ онъ унтера въ прихожей.

— Здѣсь, пожалуйте.

Въ первой залѣ — длинной и узкой—за конторкой, у окна, высилась голова старика, совсѣмъ бѣлая, съ такой же бѣлой бородой. Онъ нагнулся надъ конторкой и что-то смотрѣлъ въ книгѣ.

Читало за большимъ столомъ, въ лѣвомъ углу, человѣка три— все мужчины.

Вова на цыпочкахъ подошелъ къ конторкѣ и поздоровался со старикомъ.

Тотъ взглянулъ на него изъ-подъ серебряныхъ очковъ въ тяжелой оправѣ и ласково, шамкающимъ голосомъ выговорилъ:

— Скоро читаешь, голубчикъ.

Этотъ Прохоръ Евсеичъ сдѣлался завѣдующимъ городской читальней—изъ книжниковъ, держалъ самъ маленькую библіотеку для чтенія больше тридцати лѣтъ и зналъ весь городъ; гимназистамъ и посѣтителямъ попроще говорилъ „ты". Вова бѣгалъ къ нему лѣтъ съ десяти, и теперь Прохоръ Евсеичъ давалъ ему книжки и на домъ, противъ правилъ читальни, зная, что онъ не затеряетъ.

Принесенные Вовой два тома были нумера одного прошлогодняго журнала.

Старикъ всталъ съ своего табурета и—длинный, немного сутуловатый, въ сюртукѣ мѣщанскаго покроя и безъ бѣлья—подошелъ къ нему и, при поворотѣ, своимъ жидкимъ голосомъ спросилъ:

— Чтò возьмешь?.. Новенькаго-то не проси... И такъ меня, намедни, попечитель заругалъ.

У него былъ мѣстный говоръ на „онъ". Глазами становился онъ плохъ; но еще могъ сразу отличить какую угодно книжку, взглянувъ на корешокъ.

Они стояли у окна.

Одинъ изъ читавшихъ газету—брюнетъ съ курчавой головой и четырехугольной бородкой, въ сѣрой визиткѣ — поднялъ го-

лову и первый поклонился Вовѣ, а потомъ отложилъ газету и подошелъ къ нему.

Это былъ писатель, жившій въ городѣ „не по своей волѣ", какъ выражался о немъ купчикъ Сырейщиковъ, который и познакомилъ ихъ. Фамилія его—Карасевъ.

Вова немного побаивался этого писателя и уважалъ его издали. Въ журналахъ печатались его разсказы и очерки. „Направленіе" его нравилось Вовѣ—и характеръ таланта. Онъ давно бы сталъ къ нему захаживать, да побаивался, какъ бы не узналъ отецъ и не сдѣлалъ ему выговора за то, что онъ водится съ „нелегальнымъ народомъ".

Ему польстилъ поклонъ Карасева. Другой бы первымъ не сталъ кланяться гимназисту, хотя бы и сыну Павла Андреевича Майорова. Карасевъ ни передъ кѣмъ шапки не ломалъ, хотя по тону разговора былъ мягокъ, и его тонъ Вовѣ также очень нравился.

— Здравствуйте, здравствуйте!

Карасевъ пожалъ ему руку и, указывая своими умными и привѣтливыми глазами на старика-библіотекаря, прибавилъ:

— У дѣдушки умственной пищи пришли попросить?.. Онъ, небось, знаетъ, что̀ кому выбрать. О каждой книжкѣ доложитъ все до тонкости.

— Еще бы!—возбужденно подтвердилъ Вова.

Карасевъ протянулъ руку къ ближайшей полкѣ, на высотѣ его плеча—онъ вершка на два былъ ниже Вовы—и вынулъ запыленный томикъ въ кожаномъ переплетѣ.

— Дѣдушка,—спросилъ онъ шутливо, развертывая томикъ:— что это такое за господинъ Алипановъ, изъ какихъ-такихъ сочинителей?

Старикъ приподнялъ свои густыя брови и, прищуривъ глаза, заговорилъ шопотомъ:

— Такой былъ сочинитель... Книжки эти — „Досуги для дѣтей".

— Вѣрно, вѣрно. Какого года?

— Должно, сорокового, либо сорокъ-перваго.

— Вотъ память-то! — воскликнулъ писатель, подмигнувъ Вовѣ.—Не намъ чета.

— Помню,—продолжалъ такимъ же шопотомъ библіотекарь.— И стишки которые помню.

— Изъ этого самаго господина Алипанова?—спросилъ Карасевъ.

— Изъ него... И Бѣлинскій, никакъ, прохаживался на его счетъ. Дай Богъ памяти.

Прохоръ Евсеичъ взялся жилистой рукой за ручку окна и проговорилъ:

Какъ лѣтни настали
Прекрасны деньки,
Въ лѣсу выростали
Младые грибки!

По тогдашнему времени и это годилось. Ныньче вѣдь малолѣтки-то избаловались хорошими книжками.

— Хе, хе! — сдержанно разсмѣялся Карасевъ и поставилъ томикъ на полку.

Вову очень потянуло душой къ этому писателю.

XVII.

Подъ ними спускался крутой обрывъ бульвара.

Карасевъ курилъ и глядѣлъ внизъ, на откосъ, гдѣ дернъ уже пожелтѣлъ, къ концу жаркаго лѣта.

Вова вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ читальни. Писатель началъ съ нимъ разговаривать особенно мягко, разспрашивать, чтò онъ читаетъ и куда сбирается поступить по окончаніи курса гимназіи. И какъ будто онъ уже слышалъ про то, чтò произошло у Сырейщикова: статистикъ Дароносцевъ долженъ быть изъ его пріятелей.

И Вовѣ, въ эту минуту, сильно захотѣлось высказаться Карасеву, услыхать отъ него—одобритъ онъ его или нѣтъ.

Но онъ не рѣшался сразу.

— Старина-то нашъ, Прохоръ Евсеичъ,—заговорилъ Карасевъ, — много на своемъ вѣку народу просвѣтилъ. Могла бы и его губернская тина затянуть; по нынѣшнимъ временамъ, я на него смотрю какъ на настоящаго просвѣтителя... На Бѣлинскаго до сихъ поръ молится.

— Да,—выговорилъ Вова,—и у него дрогнуло въ груди отъ душевнаго усилія: — такой Прохоръ Евсеичъ куда выше стоитъ многихъ здѣшнихъ умниковъ... даже изъ интеллигенціи.

Онъ дѣлалъ намекъ на „семинара“, на статистика Дароносцева, и хотѣлъ, чтобы такъ его и понялъ Карасевъ.

Тотъ взглянулъ на него въ бокъ и чуть-чуть усмѣхнулся.

— О какой вы интеллигенціи говорите?—спросилъ онъ мягко, но очень серьезной интонаціей.

— Да хотя бы и о тѣхъ, которые считаютъ себя солью земли,—задорнѣе сказалъ Вова и сталъ краснѣть.

Но ему хотѣлось излиться по душѣ; только онъ не посмѣлъ сдѣлать это сразу.

— Видите ли,—продолжалъ онъ однимъ духомъ:—вотъ хоть бы вашъ знакомый, господинъ Дароносцевъ.

— Онъ чѣмъ же вамъ не угодилъ?

Взглядъ Карасева, брошенный на Вову, былъ не безъ добродушнаго лукавства.

Вова не вынесъ этого взгляда, еще болѣе зардѣлся и—опять однимъ духомъ — разсказалъ всю сцену свою съ статистикомъ... Вышло у него порывисто, несовсѣмъ складно, но очень искренно, и Карасевъ сталъ улыбаться все ласковѣе и ласковѣе, подувая на пепелъ своей папиросы.

— Вотъ какъ я поступилъ... И я желалъ бы выслушать ваше мнѣніе. Я васъ уважаю по тому, что̀ вы пишете... Но скажите на милость — какъ бы господинъ Дароносцевъ ни считалъ себя честнѣе и умнѣе всѣхъ—какъ же позволять себѣ такія вещи? Вѣдь это клевета!.. За это и по суду отвѣчаютъ!

Вова всталъ и отошелъ къ самому обрыву. Щеки его продолжали пылать... Въ груди сперлось, и онъ, въ эту минуту, опять за̀ново негодовалъ на дерзкаго „семинара"—и не боялся даже того, что его не одобритъ Карасевъ.

— Послушайте,—Карасевъ началъ очень тихо:—развѣ Дароносцевъ зналъ, что вы—сынъ Павла Андреевича Майорова?

— Положимъ, и не зналъ!—Вова опять присѣлъ на скамью: — но что-жъ изъ этого? Развѣ можно такія сплетни выдавать за истинную правду?.. Позвольте васъ спросить: честно ли это?

Лобъ Карасева, у переносицы, наморщился.

— Честно,—отвѣтилъ онъ тихо, но очень твердо, и поднялъ голову.

— Не понимаю-съ,—отвѣтилъ Вова и нарочно приставилъ частицу „съ", что̀ онъ обыкновенно считалъ „хамствомъ".

— Онъ ѣздитъ по всей губерніи. Ему хорошо извѣстны факты. Дѣйствія вашего батюшки онъ оцѣниваетъ съ общественной стороны. Многое нельзя доказать—до поры, до времени— что̀ несомнѣнно для людей знающихъ и честныхъ.

Тонъ этого отвѣта былъ мягкій, но Вова почуялъ подъ этой мягкостью нѣчто безповоротное.

— И вы такъ же смотрите на моего отца?—спросилъ онъ и пристально сталъ глядѣть на Карасева.

— Зачѣмъ же вы сами ставите человѣка въ тяжелое поло-

женіе—говорить вещи, печальныя для васъ, какъ для сына... Я не имѣю такихъ данныхъ, какъ у моего пріятеля Дароносцева... Можетъ быть, я и не высказался бы такъ рѣзко, даже и знай я все, что̀ ему извѣстно. У меня—натура другая... Вы вступились за отца... Чувство понятное... и хорошее. Но правда—остается правдой.

Карасевъ не договорилъ и смолкъ.

„Другими словами,—тотчасъ же подумалъ Вова:—отецъ мой—воръ"...

Щеки его быстро стали блѣднѣть, и глаза онъ отвелъ въ сторону, усиленно мигая.

„Чего добился?.. Чего?"—бросилъ онъ самому себѣ почти презрительный окрикъ.

— Чувство ваше уважаю,—слышался ему голосъ Карасева:—но надо, и въ ваши лѣта, готовиться къ тому, какіе въ жизни насъ ожидаютъ сюрпризы. Дароносцевъ васъ понялъ бы лучше всякаго другого... Но людямъ, которые испытывали много, какъ онъ, своимъ горбомъ продѣлали всѣ прелести нашихъ порядковъ, тѣмъ простительно и не стѣсняться въ пріятельскомъ кругу.

Карасевъ опять не договорилъ.

Вова сидѣлъ уже опустивъ голову, и дыханіе его было слышно.

— Однако,—заговорилъ онъ глухо и не поднимая головы:—этакъ что̀ же ждетъ тебя впереди? Сегодня господинъ Дароносцевъ, завтра—какой-нибудь карапузикъ-второклассникъ хватитъ тебѣ прямо въ лицо—твой отецъ такой-сякой. И въ банкѣ тамъ всѣ проворовались. Соблазнительно! Нечего сказать!

Онъ машинально сплюнулъ.

На душѣ у него было очень скверно. Опять онъ нарвался—и уже по своей винѣ—на нѣчто, чего нельзя даже отпихнуть горячей выходкой, какъ было на балконѣ у Сырейщикова.

Онъ боялся поставить себѣ мысленно вопросъ: „а если онъ правду говоритъ и твой отецъ воровскимъ образомъ наживался—какъ же ты-то будешь съ этимъ мириться?"

— Вопросы совѣсти пора и вамъ рѣшать,—выговорилъ Карасевъ, и тонъ его не звучалъ учительствомъ, проповѣдью; такъ бы сказалъ и человѣкъ, чувствующій, что его товарищу тяжко, но не желающій кривить душой.

— Что-жъ! И на томъ спасибо!

Вова всталъ и приподнялъ фуражку.

— Куда же вы бѣжите? Потолковали бы... Извините, что разстроилъ васъ... Жизнь—дѣло рѣзкое. Хотите сами себя по-

знать—а вамъ уже пора—вотъ и увидите: способны вы на открытую борьбу, или уступочки, компромиссы вамъ пріятнѣе.

— Мое почтеніе!

Вова сразу не протянулъ Карасеву руки.

Тотъ сдѣлалъ это первый.

— Вы, когда захотите поговорить объ этомъ, заверните. Я всегда дома послѣ обѣда... пораньше, часу въ шестомъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Вова торопливо и глухо.

Онъ не могъ самъ распознать, какое чувство говорило въ немъ сильнѣе, но себя онъ презиралъ за что-то и готовъ былъ бы расплакаться, какъ „плакса“ Мися.

Мысль о сестрѣ пронизала его подъ конецъ.

XVIII.

Павелъ Андреевичъ, передъ выѣздомъ, позвонилъ.

— Барышня никуда не уходила?

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ лакей.

— Позовите ее ко мнѣ.

Мися третій день сидѣла въ своей комнатѣ и не шла просить прощенія у матери.

Вчера Павелъ Андреевичъ обѣдалъ дома и спросилъ, почему нѣтъ Миси. Марѳа Петровна разсказала ему все въ очень нервномъ тонѣ, но такъ, что ему неясно было, въ чемъ же именно провинилась его дочь.

Онъ терпѣть не могъ исторій. И безъ этого его положеніе становилось деликатнымъ. Дѣти подросли. Сынъ—совсѣмъ уже молодой человѣкъ, и дочь — дѣвица. Что-то тутъ неладно, въ этой опалѣ Миси. Навѣрно, замѣшалась Элоиза Христофоровна. Разспросить Вову онъ не считалъ порядочнымъ. Въ дѣтяхъ своихъ онъ всегда поддерживалъ уважительное отношеніе къ ихъ матери.

Мися появилась въ дверяхъ кабинета блѣдная, небрежно причесанная. Это Павлу Андреевичу не понравилось.

— Здравствуй, папа, — грустно, но не боязливо выговорила она и поцѣловала его въ плечо.

— Здравствуй... Ты нездорова?

— Нѣтъ, ничего.

— Присядь.

Онъ указалъ ей рукой на диванчикъ, куда и самъ сѣлъ.

— Чѣмъ ты огорчила maman?—спросилъ онъ довольно мягко, но съ наморщеннымъ лбомъ.

— Я не знаю... Никакой грубости... Я не позволяла себѣ... Увѣряю тебя.

— Однако...

— Увѣряю тебя.

Еще третьяго дня она рѣшила объясниться съ отцомъ, и еслибъ онъ ее не позвалъ, она сама бы пошла къ нему.

Допытываться Павлу Андреевичу было рискованно... Онъ уже чувствовалъ, что дочь его обо многомъ думаетъ и давно записалась въ разрядъ „восторженныхъ“ натуръ.

— Ты долженъ знать, за что разгнѣвалась мама.

— Почему же я долженъ?—брезгливо переспросилъ Павелъ Андреевичъ.

Взглядъ дочери остановился на немъ—сухой и возбужденный. Ему становилось невозможнымъ—молчать.

— Все равно, папа,—я хотѣла, и безъ того, поговорить съ тобой.

— О чемъ?

— Мнѣ слишкомъ тяжело оставаться здѣсь.

— Гдѣ здѣсь? Что это за тонъ?

— Ты меня понимаешь... Я не маленькая... Если я начала страдать... за мать мою...

— Страдать?

Павелъ Андреевичъ всталъ и весь стряхнулся. Щеки его нервно вздрогнули.

— Съ какой стати ты все это говоришь?

— Если тебѣ не нравится... я могу и замолчать.

Такого тона онъ еще не слыхалъ отъ дочери.

— Мама, — продолжала Мися и тоже встала,—не поняла или не хотѣла понять моего чувства. Но я не могу притворяться. Ты считаешь себя безупречнымъ... А мнѣ за мать стало обидно... И я позволила себѣ это показать. Пожалуйста, не допрашивай меня. Ты долженъ самъ понять, на что я намекаю...

— Что это такое?.. Ты просто Богъ знаетъ что̀ говоришь!

Павелъ Андреевичъ отошелъ къ окну и опустилъ стору, точно затѣмъ, чтобы смягчить звуки ихъ разговора.

Мися стояла у дивана въ напряженной позѣ, опустивъ голову, и правой рукой нервно теребила бахрому сафьянной обивки.

— Я не могу иначе говорить, папа,—вымолвила она, сдерживая наплывъ слезъ.

Но заплакать она не хотѣла, ни подъ какимъ видомъ, чтò бы ни пришлось ей испытать.

— Тебѣ надо всячески успокоивать твою мать,—заговорилъ Павелъ Андреевичъ, чувствуя, что у него изъ-подъ ногъ ускользаетъ почва.—А ты только ее разстроиваешь неумѣстными разговорами. И съ какой стати берешь ты на себя такую роль?.. C'est à pouffer de rire! Дѣвчурка—и является какимъ-то Гамлетомъ! Въ какой это нелѣпой книжкѣ ты вычитала?.. Я и понимать-то отказываюсь твои намеки. A-t-on jamais vu!..

Онъ отошелъ къ угловому окну и обернулся къ дочери спиной.

Ему было уже досадно на себя за то, что онъ повелъ себя совсѣмъ не такъ—сталъ давать окрики и можетъ вызвать со стороны этой нервной дѣвчонки что-нибудь и еще болѣе рѣзкое, послѣ чего выйдетъ непріятнѣйшая сцена.

Столько времени онъ держится съ величайшимъ тактомъ и не допускалъ ни до чего подобнаго. И теперь, съ первыхъ же словъ этой дѣвчонки, ему бы слѣдовало взять совершенно другой тонъ и обратить все въ шутку. Такъ и совѣтовала ему, вчера вечеромъ, Элоиза Христофоровна. Будь она на его мѣстѣ, она съумѣла бы повести себя не такъ: давно заставила бы Мисю попросить прощенія у матери. Она очень цѣнитъ то, что Марѳа Петровна поняла, кàкъ ей себя вести, и показала дочери, что судить о поведеніи ея отца она ей, ни подъ какимъ видомъ, не позволитъ.

Эти мысли быстро зароились въ его головѣ; но по всему тѣлу его разлилось уже раздраженіе и щеки продолжали вздрагивать.

Онъ обернулся лицомъ къ дочери и, выйдя на середину кабинета, поднялъ правую руку съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

— Я тебѣ приказываю пойти попросить прощенія у maman. И объявляю тебѣ, что никакихъ твоихъ нелѣпыхъ объясненій и намековъ слушать не хочу и запрещаю обращаться ко мнѣ съ чѣмъ-либо подобнымъ.

Это было совсѣмъ не то, какъ бы слѣдовало покончить; но Павелъ Андреевичъ не смогъ сдержать себя.

Мися не поднимала головы, только отняла пальцы отъ бахромы, и грудь ея стала замѣтно колыхаться.

— Какъ тебѣ угодно, папа,—заговорила она раздѣльно и тихо, но настойчиво.—Я въ такихъ условіяхъ не могу оставаться.

— Что?!—уже закричалъ Павелъ Андреевичъ и весь вспыхнулъ.

Онъ подбѣжалъ къ Мисѣ, взялъ ее за руку и началъ трясти.

— Повтори, чтò ты сказала?

— Я сказала, что въ такихъ условіяхъ я оставаться не могу... Передъ матерью я извинюсь... Она—больная... И я ее раздражила... Что-жъ дѣлать! Она меня не поняла... Но я говорю про себя... Другая бы со всѣмъ мирилась... а я—не могу!..

— Какъ ты смѣешь!—еще громче крикнулъ Павелъ Андреевичъ и продолжалъ трясти руку дочери.

Мися не выдержала, и взрывъ рыданій пронесся жалобной и звонкой нотой.

XIX.

Вова слышалъ, какъ лакей пришелъ звать сестру внизъ, „къ барину".

Онъ проснулся самъ не свой, послѣ вчерашняго разговора съ писателемъ Карасевымъ. Съ Мисей онъ ничего не говорилъ; но къ вечеру его начало разбирать желаніе войти въ ея комнату. Пересилило самолюбіе. Онъ не пошелъ къ ней.

Но сегодня, когда ее вызвали внизъ, онъ не могъ усидѣть и спустился въ залу.

Подслушивать онъ не хотѣлъ, отошелъ къ окну, первому отъ двери, и присѣлъ на стулъ. Ему хотѣлось быть тутъ „наготовѣ".

Упорство Миси передъ матерью онъ находилъ сначала „ни съ чѣмъ несообразнымъ"; но теперь жалость закралась въ него.

И за себя ему дѣлалось стыдно.

Какъ бы тамъ ни было, но сестра его осталась вѣрна сама себѣ. Чтò ее возмущало, то и продолжаетъ ее возмущать. Все она на себя взяла. Онъ отъ нея совсѣмъ отшатнулся, и который день—точно врагъ ея и трусъ... И ему самому со вчерашняго дня не по себѣ. Чтò ему на прощанье сказалъ Карасевъ? *Такой* человѣкъ зря говорить не станетъ. Если онъ самъ хочетъ остаться честнымъ, когда поведеніе его отца—по банковскимъ дѣламъ—сдѣлается притчей всего города и произойдетъ крахъ—а объ этомъ уже толкуютъ—какъ тогда онъ будетъ себя чувствовать? Отецъ не чужой ему; но развѣ любовь его къ сестрѣ не была до сихъ поръ самымъ сильнымъ чувствомъ?

Точно также и насчетъ поведенія отца съ ихъ матерью.

Не слѣдовало Мисѣ соваться впередъ и становиться судьей того, какъ отецъ ведетъ себя; но *чувствовать* она могла. Она—дѣвушка. Для нея слишкомъ обидно за мать. Мися—чистая въ своихъ мысляхъ и правилахъ. Она непохожа на другихъ дѣву-

шекъ ея лѣтъ, изъ ея товарокъ. Инымъ—трава не рости, только бы имъ послаще жилось. Не то что отцы, а матери ихъ—легкаго поведенія, и онѣ отлично понимаютъ, кто изъ друзей дома находится съ матерью въ близкихъ отношеніяхъ. А онѣ отъ такихъ друзей конфекты да подарочки принимаютъ.

Жалость къ сестрѣ все росла въ Вовѣ. Онъ притихъ на своемъ стулѣ, и сердце у него застучало въ груди, когда вдругъ раздался возгласъ Павла Андреевича, потомъ другой, третій. Дверь была плотно затворена, и Вова не могъ отчетливо разслышать всѣхъ словъ, но ясно, что отецъ въ первый разъ такъ закричалъ на Мисю. За что же? За то, что она не проситъ прощенія у матери?.. Не за одно это; а за то, что она не хочетъ помириться съ унизительнымъ положеніемъ матери, за Элоизу Христофоровну.

А онъ—ея братъ и другъ, ея Вова—дружитъ съ нѣмкой, сидитъ у нея въ гостяхъ, принимаетъ отъ нея угощеніе, да еще дѣлаетъ все точно на зло своей Мисѣ.

Онъ всталъ, быстро подошелъ къ двери въ кабинетъ, не смягчая шума своихъ шаговъ. Ему сдѣлалось вдругъ невыносимо стыдно за себя и также невыносимо повлекло туда—стать за сестру, выказать себя такимъ, какимъ всегда былъ съ нею, съ ранняго дѣтства.

И его еще сильнѣе схватилъ за сердце жалобный взрывъ рыданій.

Ни одной секунды Вова не колебался, сильнымъ движеніемъ отворилъ дверь, вошелъ въ кабинетъ и, весь блѣдный и трепетный, остановился въ портьерѣ, держа рукой, откинутой за спину, ручку дверной половины.

Павелъ Андреевичъ сначала немного оторопѣлъ. Этотъ внезапный приходъ сына могъ и повернуть въ сторону его раздраженіе, и усилить его.

— Вотъ и прекрасно!—крикнулъ онъ дочери, но уже менѣе гнѣвно.—Твой братъ можетъ быть свидѣтелемъ того, какъ ты отвратительно ведешь себя... Что-жъ! Развѣ онъ не старше тебя? Или глупѣе? Испорченнѣе? А почему же онъ не позволяетъ себѣ ничего подобнаго? А? Почему?

Опять что-то кольнуло Павла Андреевича и подсказало ему, что этого не слѣдовало говорить; но онъ, во всей этой сценѣ, потерялъ свой тонкій тактъ, которымъ столько лѣтъ гордился во всѣхъ случаяхъ жизни.

Мисю душили рыданія. Она безпомощно опустилась на диванъ, и голова ея упала на спинку.

— Папа,—заговорилъ Вова, съ трудомъ владѣя своимъ голосомъ:—за что же ты такъ на нее? Мися, перестань!—Вова наклонился къ ней и взялъ ее за плечи:—перестань!

Ему стремительно захотѣлось обнять ее и расцѣловать, показать ей, что онъ виноватъ передъ ней, что она — честная и смѣлая, что никогда и ни передъ кѣмъ онъ не отдастъ ее въ обиду.

Мися внезапно притихла. Она заслышала въ голосѣ брата добрыя ноты, и это ее неожиданно обдало струей тепла и бодрости.

— Какъ же ты,—все еще задорно спросилъ Павелъ Андреевичъ:—смотришь на поведеніе своей сестры? А?

Вова приподнялъ Мисю и они теперь стали бокъ-о-бокъ. Ихъ руки искали одна другую.

— Я не могу судить,—выговорилъ Вова и брови его нахмурились:—только мама... и тогда, за обѣдомъ, разсердилась такъ, вдругъ... Ничего особеннаго Мися не сказала.

— Значитъ, и ты способенъ былъ на нелѣпыя выходки?—вскрикнулъ Павелъ Андреевичъ.

— Отецъ,—перебила его Мися, и слово „отецъ“ зазвучало у ней особенно:—я и при братѣ повторяю тебѣ: мнѣ тяжело у насъ... Я не могу ничего измѣнить. Но не могу и лгать... Не могу, не могу!—выговорила она, близкая опять къ высшему напряженію нервовъ.

Но ея рука уже лежала въ рукѣ Вовы, и она чувствовала пожатіе.

Братъ вернулся къ ней. Онъ ее поддержитъ, онъ пойдетъ съ ней вмѣстѣ, какъ было до сихъ поръ... Вова самъ понялъ ее и прибѣжалъ, заслышавъ взрывъ ея рыданій.

Глаза ея блестѣли... По щекамъ еще текли слезы; но голову держала она высоко и не боялась гнѣвныхъ взглядовъ отца.

— Если ты сейчасъ же не пойдешь къ матери,—глухо крикнулъ Павелъ Андреевичъ,—и не попросишь у нея прощенія, ты будешь имѣть дѣло со мной...

Мися встрѣтила взглядъ Вовы.

„Поди, не упирайся,—говорилъ этотъ взглядъ:—а потомъ мы будемъ вмѣстѣ съ тобой, и что̀ ты сдѣлаешь, то̀ и я“.

— Изволь... я пойду, — сказала Мися, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.—Изволь... Но я не хочу лгать, папа, и не могу иначе чувствовать.

Опять взглядъ Вовы остановилъ ее.

— Сейчасъ отправляйся къ maman!

Павелъ Андреевичъ указалъ рукой на дверь, отошелъ къ окну и поднялъ стору.

Какъ только Мися съ братомъ вышла въ залу,—она бросилась къ Вовѣ на шею и, судорожно обнимая его, съ новымъ наплывомъ слезъ, прошептала:

— Вова! Вова!.. Ты со мной!.. Мы опять вмѣстѣ!

— Вмѣстѣ!—повторилъ и онъ, и поцѣловалъ ее въ голову...

XX.

Вова съ Мисей шли вдоль березъ старой „большой“ дороги. Въ полуверстѣ бѣлѣла часовня съ низкимъ заборчикомъ въ сторону крутого берега рѣки—ихъ родной рѣки. Они любили ходить гулять въ это мѣсто, даже зимою.

Закатъ блѣднѣлъ, и солнце стояло только на полъ-аршина отъ окраины береговой полосы.

Имъ можно было попасть еще засвѣтло въ монастырь, куда тропинка—среди огуречной бахчи—спускается къ оградѣ съ нѣсколькими башнями, отъ того мѣста, гдѣ стоитъ часовня „Асафа-Схимника“. Тамъ, давно-давно, жилъ монахъ въ кельѣ и ложился спать въ гробъ. Когда онъ умеръ, на мѣстѣ кельи поставили часовню и много ходило богомольцевъ. И до сихъ поръ приходятъ поклониться его могилѣ, на монастырскомъ кладбищѣ.

Мися, въ соломенной шляпѣ и свѣтлой кофточкѣ, и Вова—въ парусинной блузѣ—двигались гуськомъ. Сестра шла впереди. Они сдѣлали больше десяти верстъ взадъ и впередъ. Оба они были хорошіе ходоки.

Дойдя до часовни, стоявшей саженяхъ въ трехъ отъ дороги, они присѣли на ступеньки входа.

Съ минуту они молчали.

Справа, по большой дорогѣ, поднималась длинная фура, запряженная парой. Изъ отверстій холщеваго верха выглядывали ребятишки... Мужчина, видомъ мѣщанинъ, въ картузѣ и поношенной чуйкѣ, шелъ рядомъ, привязавъ возжи къ облучку.

Братъ и сестра переглянулись.

— Переселенцы,—сказала Мися.—Вотъ такъ и мы съ тобой пустимся въ путь, Вова.

Онъ ничего не отвѣтилъ; но долго глядѣлъ вслѣдъ удалявшейся фурѣ.

— Намъ только сѣсть на чугунку, ночь въ вагонѣ—и очутимся въ Москвѣ.

— А меня не будешь обвинять?

Мися спросила это тихо и не глядя на брата.

— Въ чемъ?

— Да, вотъ, что ты хочешь круто повернуть, бросить гимназію и пойти въ техники?

— Съ какой стати?

Вова снялъ фуражку, отеръ влажный лобъ и всталъ съ открытой головой.

— Тебѣ тяжко въ домѣ,—продолжалъ онъ:—ты уйдешь, и я съ тобою вмѣстѣ.

— Изъ-за меня тебѣ нечего портить себѣ дороги.

— Останусь я классикомъ, поступлю въ университетъ — въ юристы что-ли. Все это требуетъ большой поддержки. Да и не туда ведетъ... понимаешь... Я скажу отцу: дайте мнѣ только на первый годъ содержаніе... А потомъ я прокормлюсь и самъ. Три-четыре года прошло — и я выйду съ дипломомъ и мѣсто получу на заводѣ... Здѣсь я больше не жилецъ...

Она уже знала, что̀ у него теперь на душѣ. Они уже спѣлись, и вчера—дома, и сегодня—на прогулкѣ. Вова разсказалъ ей про сцену съ Дароносцевымъ и про разговоръ съ Карасевымъ. Въ него закрались подозрѣнія. Про отца толкуютъ дурно въ городѣ... Надо ждать и разоблаченій, и краха. Да еслибъ и не вышло исторіи — все равно, Вова чувствуетъ, что, оставаясь въ семьѣ, онъ изгадится, будетъ мириться съ тѣмъ, что̀ и ее гонитъ теперь изъ родительскаго дома.

Да, они спѣлись. За себя она не боится. Ее отпустятъ. Мать беретъ компаньонку. И отецъ—должно быть, по совѣту „нѣмки“ —смягчился. У него съ матерью былъ сегодня разговоръ о ней. Она выдержитъ въ Москвѣ экзаменъ на гувернантку и будетъ ходить на педагогическіе курсы. И жить станутъ вмѣстѣ, въ двухъ дешевыхъ комнаткахъ.

То̀, что̀ сейчасъ сказалъ Вова—сказано имъ не на вѣтеръ... Иначе и не могло быть... На него находило затмѣніе. Они всю жизнь проведутъ душа въ душу, что̀ бы имъ ни послала судьба.

Они опять „го̀рленки“. Но все-таки ей захотѣлось еще разъ все перебрать.

— Вова,—начала она и прильнула къ его плечу. На иной взглядъ мы глупости дѣлаемъ... А...? И все это идетъ отъ меня... Но ты подумай — если теперь не уйти отсюда, во что мы сами превратимся?

— Что же тутъ толковать?—перебилъ ее братъ:—ты думаешь, я та̀къ, зря?

— Я ничего не оставила безъ разбора. Будутъ меня осуждать... Отъ матери ухожу. Она—больная. Еслибъ я ей нужна была, я бы осталась. Но я ей не нужна... Тутъ не одно это, а какъ ты говоришь—все надо измѣнить... всю свою жизнь.

— Чего-же ты себя тормошишь?—вскричалъ Вова и обернулся къ ней лицомъ.—Чтò ты думаешь: я буду съ тобой считаться, Мися? Ты первая заговорила о томъ, что у насъ дѣло не ладно. Я разсердился. Глупо было... Глупо и пошло! Вотъ всѣ эти дни, какъ мы съ тобой въ первый разъ повздорили...

— Въ первый, повторила Мися.

— Въ меня точно совсѣмъ другой человѣкъ вселился... Повздорили—къ лучшему. Еслибъ я тогда — помнишь, какъ мы сидѣли въ оврагѣ, послѣ панихиды — еслибъ я тогда согласился съ тобой,—не было бы такого... какъ это сказать... поворота... Такъ-то!

Онъ привлекъ ее за плечи.

Мися была растрогана; но тотчасъ же сдержала свое волненіе: а вдругъ какъ на рѣсницахъ покажутся слезы, и выйдетъ опять „плакса"! У нея такое чувство, что въ одну недѣлю она постарѣла на цѣлый годъ и сравнялась съ братомъ годами.

Снизу мягко и протяжно подползъ первый благовѣстъ ко всенощной.

— Идешь?—спросилъ Вова—и поднялся.

— Въ монастырь?

— Тамъ я у ограды знаю одно мѣстечко — подъ дубомъ у самаго обрыва, видъ богатѣйшій! — протянулъ Вова и сдвинулъ фуражку на затылокъ.

Онъ стоялъ оперши́сь руками въ бёдра — молодцовато, съ блуждающей улыбкой.

Мися подошла и взяла его подъ-руку.

— Вотъ видишь,—весело сказала она: — мы за три версты отъ дому, и еще пойдемъ куда хотимъ... Только захотѣть надо.

Черезъ пять минутъ они подошли къ спуску, откуда монастырскія башни и главы церкви со старыми поливными черепицами выглядывали изъ-за густой и темной зелени вѣковыхъ липъ.

Благовѣстъ уже непрерывной волной дрожалъ въ воздухѣ; отъ огородовъ шли пряные запахи овощей. Гдѣ-то крякалъ дергачъ. Надъ ними низко-низко пронеслись стрижи.

И имъ обоимъ вспомнилось то утро, когда они стояли на могилѣ няни и слушали литію. Няня испугалась бы того, чтò

они хотятъ натворить... испугалась бы за нихъ; но поняла бы и не осудила.

Они шли книзу, плотно прижавшись другъ къ другу, по узкой и крутой тропинкѣ, и на душѣ ихъ трепетало что-то совсѣмъ новое. Сегодня они кидались въ жизнь; радостное и жуткое чувство пахнýло на нихъ отъ того—чтò будетъ.

П. Боборыкинъ.

Москва, 1892 г.

ДИКАРКА

Повѣсть Эл. Оржешко.

Съ польскаго.

IV *).

Ожиданія мои оправдались. Въ Мировѣ я былъ принятъ какъ нельзя лучше. Я не хотѣлъ телеграфировать брату Дали, Конраду, чтобы онъ прислалъ лошадей за мною на станцію желѣзной дороги, и нанялъ первый попавшійся мнѣ деревенскій экипажъ, а потому явился въ Мировъ никѣмъ не ожидаемый и какъ разъ въ ту минуту, когда сидѣвшее за обѣденнымъ столомъ общество провозглашало тосты. За столомъ, въ минуту моего пріѣзда, сидѣло очень много моихъ знакомыхъ; столовая была освѣщена прекрасно; туалеты дамъ блестящи; сервировка, лакеи и прислуга, застольные тосты, шумъ и говоръ — все это произвело на меня такое впечатлѣніе, какъ будто я ни на одну секунду не уѣзжалъ изъ большого города. Послѣ обѣда въ нѣсколькихъ большихъ и со вкусомъ отдѣланныхъ залахъ было весело: кто-то игралъ на роялѣ; другіе бесѣдовали о музыкѣ, о новыхъ книгахъ, о томъ и семъ, что вообще интересуетъ людей въ самыхъ оживленныхъ центрахъ... Я нашелъ здѣсь и немножко флирта, и французскій языкъ, и скуку— tout comme chez nous. „Миленькое созданіе“ и одинъ изъ прелестнѣйшихъ, какіе мнѣ случалось встрѣчать, небольшихъ женскихъ носочковъ командовали всѣмъ этимъ съ элегантностью, въ которой даже неопытный глазъ могъ подмѣтить настоящую породу frou-

---

*) См. выше: февр., 712 стр.

frou и тотъ entrain, который является подъ вліяніемъ особенной радости или пріятной неожиданности... Даже Нимвроды не являлись черными пятнами на этой картинѣ; хотя они между собою разговаривали о лисицахъ, зайцахъ и тому подобной лѣсной твари, все-же они обладали достаточнымъ запасомъ вкуса, чтобы не болтать объ этомъ съ дамами. Умѣніе вести себя въ обществѣ они довели до того, что, несмотря на усталость, играли однако въ безигъ, позѣвывая лишь изрѣдка и такъ, чтобы — сохрани Господи — ни одна изъ дамъ не могла этого замѣтить. Послѣ полуночи я очутился, наконецъ, въ прекрасно отдѣланной и отведенной мнѣ комнатѣ, и лишь здѣсь утомленіе заставило меня вспомнить о томъ, что я вѣдь ровно двадцать-четыре часа просидѣлъ въ вагонѣ, что затѣмъ мнѣ пришлось еще путешествовать на лошадяхъ по ухабистой дорогѣ, но все-же я и въ малѣйшей степени не ощущалъ того, что нахожусь гдѣ-то далеко отъ вседневныхъ условій моей городской жизни. Со мною пріѣхалъ и мой Викентій, потому что я не могъ никогда путешествовать безъ лакея. Въ то время, когда онъ меня раздѣвалъ,—а надо отдать ему полную справедливость — раздѣвалъ онъ меня всегда прекрасно, особенно же тогда, когда, выходя изъ комнаты, онъ хлопнулъ дверью,—не будь другихъ обоевъ и иной обстановки, я былъ бы увѣренъ, что засыпаю въ своей спальнѣ, послѣ раута у Дали, или у мадамъ Октавіи, или у другой изъ нашихъ свѣтскихъ барынь.

На слѣдующій день—опять то же самое: завтракъ, который принесъ бы честь самому Борелю, „миленькое созданіе“—въ утреннемъ туалетѣ, котораго детали я невольно старался запомнить, чтобы потомъ обстоятельно описать ихъ Далѣ—до того эти детали новы и шикарны... Изъ-подъ ея капота выглядывала прелестная изящная ножка въ не менѣе интересной и изящной туфлѣ. До сихъ поръ мнѣ казалось, что я одинъ только знаю кое-что о прекрасныхъ деталяхъ этого миленькаго созданія, однако я лишь сегодня впервые убѣдился, что у нея такая маленькая и миленькая ножка. Я зналъ это созданіе уже нѣсколько времени тому назадъ, но обстоятельства, не зависящія отъ меня, не позволили мнѣ встрѣчаться съ нею: мы были, такъ сказать, разъединены этими обстоятельствами. Дѣла Конрада не были блестящи, и вотъ уже двѣ зимы онъ проводилъ въ деревнѣ, съ цѣлью уменьшить расходы, а слѣдовательно, нѣсколько поправить свое разстроенное финансовое положеніе. Судя по тому, что̀ я теперь видѣлъ, это уменьшеніе расходовъ не было особенно велико. Въ самомъ дѣлѣ, странная мысль—заставить жить въ деревнѣ красавицу-женщину

круглый годъ, когда это вовсе не вело къ желанной цѣли: къ уменьшенію расходовъ! Этому послѣднему, впрочемъ, я не удивлялся, такъ какъ я видѣлъ, что вести другую жизнь, несмотря на все желаніе, они не могли и не умѣли бы вести. Это—правда, съ этимъ я согласенъ. Но я искренно жалѣлъ прехорошенькую женщину, узнавъ отъ нея же о ея мечтахъ и печаляхъ... Между завтракомъ и обѣдомъ, въ то время, когда гости разбрелись по обширному дому, въ кабинетѣ, очень похожемъ на кабинетъ Дали, мы очутились съ ней вдвоемъ. Здѣсь она разсказала мнѣ многое изъ своихъ впечатлѣній и ощущеній: мы коечто вспомнили изъ того, что̀ когда-то бывало, но все это не возбудило во мнѣ ни ощущенія счастья, ни особеннаго неудовольствія. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ это могло быть иначе? Еще одна красивая бабочка, съ крыльями, разукрашенными всѣми цвѣтами радуги, хоть и нѣсколько смятыми, явилась и пролетѣла—вотъ и все. Я былъ свидѣтелемъ ея порханія, а это вѣдь меня ни къ чему не обязывало. Да и не за этимъ пріѣхалъ я сюда, но что же дѣлать? On prend son plaisir où on le trouve et tel qu'on le trouve,—да, кромѣ того, явились нѣкоторыя внѣшнія вліянія, такъ сказать, атмосферныя; они состояли изъ такихъ неуловимыхъ составныхъ частей, какъ свѣтовые эффекты, нѣкоторый ароматъ въ воздухѣ, шуршанье батиста и т. п.; все это производило на меня непреодолимое впечатлѣніе, непреоборимое вліяніе, которымъ я никакъ не съумѣлъ противиться. Привычка! Исторія пьяницы, который почувствовалъ въ воздухѣ запахъ алкоголя!... Но все же не за этимъ я пріѣхалъ сюда, нѣтъ! Зачѣмъ же я пріѣхалъ? Я именно теперь только понялъ осязательнѣе всего причину моего пріѣзда, когда, судя по всему, я долженъ былъ бы совершенно о ней забыть. Я стоялъ въ обставленномъ премило кабинетѣ хорошенькой женщины, въ которомъ ощутительно для меня распространялись эѳирные пары запаха, издаваемаго интереснымъ туалетомъ хозяйки, и смотрѣлъ въ окно на плывущія высоко облака, а на ихъ фонѣ—такова ужъ прихоть фантазіи!—я невольно искалъ образъ дорогого созданія съ коралловыми губками, до которыхъ—въ этомъ я былъ глубоко убѣжденъ!—никогда еще не прикасались чужія губы!.. Я невольно сравнивалъ этотъ желанный образъ съ крошечными, проникнутыми насквозь небеснымъ свѣтомъ облаками, которыя клубились гдѣ-то высоко, въ самомъ чистомъ эѳирѣ... О, злая тучка! она ушла отъ меня въ область эѳира! Тучка недобрая, я за тобою бѣгу, да и не за одною тобой, а и за твоимъ эѳиромъ; я скучаю по тебѣ и по немъ, скучаю именно теперь, именно въ эту минуту, когда я

ниже, чѣмъ когда-либо, наклонился надъ землею, и когда я сорвалъ прекрасный цвѣтокъ, да! прекрасный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой обыденный, заурядный, такой заурядный!.. Сорвавъ, я безъ сожалѣнія брошу его!.. Боже, какой диссонансъ!.. Но безъ обыденныхъ вещей жить нельзя; мы беремъ эти вещи, даже просто хватаемъ ихъ и питаемся ими, какъ хлѣбомъ, даже съѣдаемъ какъ нѣчто вкусное, какъ лакомство, но сейчасъ же относимся къ нимъ съ чувствомъ нѣкотораго отвращенія, быть можетъ потому именно, что онѣ не были въ состояніи утолить того голода, который гдѣ-то въ самой глубинѣ души работаетъ безпрестанно, не давая ни минуты покоя... Что же это такое? Что это за птица, которая время отъ времени стряхиваетъ въ нашей душѣ крошки отъ съѣдаемыхъ нами лакомствъ и стремится вмѣстѣ съ нами въ эѳиръ? Послѣ очень пріятно проведеннаго вечера, а еще болѣе пріятнаго утра, которые я провелъ въ Мировѣ, эта странная птица начала уносить меня къ сосѣднимъ, но неизвѣстнымъ еще мнѣ Красовицамъ, съ такою силою, что я почувствовалъ въ груди жестокую боль. Я сейчасъ же попросилъ бы Конрада дать мнѣ лошадей, и сейчасъ же уѣхалъ бы, еслибы Конрадъ не сидѣлъ теперь гдѣ-то въ лѣсу со своими Нимвродами, и затѣмъ—еслибы не то обстоятельство, что—особенно теперь—объ этой поѣздкѣ мнѣ никакъ нельзя было сказать ни слова, по крайней мѣрѣ еще нѣсколько дней. Я рѣшился сказать вскользь лишь за обѣдомъ, что гдѣ-то въ этихъ краяхъ, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, у меня есть какіе-то родственники, которые состоятъ тоже въ родствѣ и съ Конрадомъ.

— Здроіовскіе?—отвѣтилъ Конрадъ.—Да, да, это наши родственники, но незачѣмъ къ нимъ ѣздить! Красовицы надо считать для насъ навсегда потерянными... Да тамъ рѣшительно никто не бываетъ.

Благодаря этому началу, всѣ сидѣвшіе за столомъ начали бесѣдовать о Здроіовскихъ. Съ первыхъ же словъ, сказанныхъ то тѣмъ, то другимъ, я безъ труда замѣтилъ, что Здроіовскіе въ глазахъ близкихъ и дальнихъ своихъ сосѣдей слыли за семью маніаковъ, въ которой каждый членъ лелѣялъ какую-нибудь идею и жилъ не такъ, какъ всѣ другіе. Старикъ-отецъ, Адамъ Здроіовскій, добрую половину своей жизни предавался культу Наполеона; его сынъ былъ мизантропомъ, критикующимъ все и всѣхъ; внукъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ, преслѣдуемый идеею, которая единственно способна была его воодушевлять. Впрочемъ, у него было нѣсколько идей, которыя онъ любилъ одинаково. Всѣ Здроіовскіе отличались безпокойнымъ характеромъ, подвижнымъ умомъ, ищущимъ всегда

чего-то и во всякое время готовымъ воевать съ мельницами. Конечно, весьма непріятно жить съ людьми, которые всегда засучиваютъ рукава, зорко слѣдя за тѣмъ, гдѣ и какъ можно было бы приняться за починку мірового зданія. Всѣ однако соглашались, что Здроіовскіе были образцово честны и высокообразованы; молодой Адамъ отличался даже особенными, чуть не геніальными способностями, но при своемъ бурномъ характерѣ и безпокойномъ умѣ, способности эти не могли ничего создать и погибли вмѣстѣ съ нимъ. Красовицы—прекрасное имѣніе; около трехъ или четырехъ тысячъ морговъ земли, много лѣса, долговъ ни копѣйки, жилой барскій домъ, обширный, удобный, хотя и старый. Въ этомъ домѣ можно найти предметы высокой цѣнности, собираемые въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, какъ-то: старинное серебро, фарфоръ, драгоцѣнные камни и т. п. Северина Здроіовская—несомнѣнно очень богатая невѣста, но жаль только, что и у нея есть свои особенныя идеи, и ни за что она не хочетъ вести такой образъ жизни, какой ведутъ всѣ. Съ самаго начала дѣлались усилія въ направленіи нѣкотораго на нее воздѣйствія; сосѣди старались привлечь ее въ свой кругъ, родственники дѣйствовали въ этомъ же духѣ, но вскорѣ всѣ убѣдились, что у нея есть свои идеи и своеобразный характеръ, который мѣшаетъ ей слушаться чьего-либо совѣта.

— Красавица!—замѣтилъ кто-то.

Нѣсколько голосовъ не согласилось съ этимъ мнѣніемъ. Ей недоставало манеръ и обязательной въ ея положеніи женственности.

— Она и не думаетъ заботиться о своей внѣшности,—замѣтилъ кто-то изъ молодежи.

— Какая-то неприступная, холодная!—сказалъ другой.

— Она хорошенькая барышня, сердце у нея доброе, но она—дикарка!—опредѣлила ее хозяйка, и это опредѣленіе раздѣлили всѣ присутствующіе.

— C'est le mot! Vous avez trouvé juste!.. Дикарка! oui, c'est le mot!

— Богатая, красавица—но дикарка!

— Да, да... Красавица, богатая, но—дикарка! Vous avez raison. C'est le mot. Дикарка!

— Какъ это, однако, бываетъ на свѣтѣ! Еслибы Ромуальдъ Здроіовскій не прожилъ дольше своего сына всего нѣсколько мѣсяцевъ, Северина никогда не получила бы въ наслѣдство этого прекраснаго имѣнія!

— Но тогда она и не была бы дикаркою, потому, чтобы быть

дикаркою среди цивилизованныхъ людей—для этого необходима извѣстная доля мужества, храбрости!

— C'est vrai! Золотое основаніе всегда позволяетъ быть увѣреннымъ въ себѣ, даже через-чуръ увѣреннымъ...

Во все время этой длинной бесѣды, несмотря на сильное недовольство ею, я молчалъ. Я былъ недоволенъ и самимъ собою, а потому счелъ приличнымъ принять видъ человѣка, котораго все это не интересуетъ нисколько. Не желая принимать никакого участія въ общемъ разговорѣ, я бродилъ взглядомъ по развѣшенным на стѣнахъ портретамъ. Для разнообразія я переносилъ мой взглядъ на украшенія потолка въ столовой и случайно остановилъ его на сидящемъ напротивъ меня субъектѣ, на котораго всѣ смотрѣли, но до сихъ поръ никто его не видѣлъ... Этого господина я только теперь замѣтилъ: немолодой, худощавый, съ сѣдѣющими волосами и загорѣлымъ лицомъ, съ руками цвѣтомъ напоминающими апельсины, въ особенномъ какомъ-то сюртукѣ страннаго покроя; господинъ этотъ во всемъ смахивалъ на нѣчто приглашенное къ обѣду или изъ состраданія, или же изъ вѣжливости. Его помѣстили между молодымъ родственникомъ и немолодой дальней родственницей хозяина дома, т.-е., вѣрнѣе сказать, онъ сидѣлъ между „бланбэкомъ" и старою дѣвой, а такое мѣсто за столомъ отводятъ обыкновенно такимъ людямъ, которые не занимаютъ въ обществѣ никакого положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ странный господинъ принадлежалъ къ разряду тоже дикихъ, потому что онъ ѣлъ при посредствѣ одного лишь ножа и имѣлъ странную, какъ и онъ самъ весь съ ногъ до головы, манеру слушать все, что̀ вокругъ него говорятъ: съ вытянутою впередъ шеей, съ вытаращенными глазами и полуоткрытымъ ртомъ, онъ имѣлъ видъ человѣка, готоваго все проглотить. Лицо этого господина походило на видѣнные мною на старинныхъ картинахъ портреты аскетовъ-отшельниковъ. Быть можетъ, я и не обратилъ бы на него вниманія, еслибы не рѣзкія перемѣны въ чертахъ лица этого существа во все время разговора о Здроіовскихъ. Странный господинъ видимо желалъ тоже вставить и свое слово, но у него не хватало храбрости или умѣнія сдѣлать это какъ слѣдуетъ; онъ и довольствовался тѣмъ, что вытягивалъ шею то въ одну, то въ другую сторону, посматривалъ на говорящихъ и слушающихъ, вертѣлся на стулѣ и вообще своимъ поведеніемъ доказывалъ наглядно, что въ немъ бушуютъ впечатлѣнія, ощущенія и чувства чрезвычайно сильныя, хотя и не высказываемыя словами. Господинъ этотъ

заинтересовалъ меня, и я обратился къ хозяйкѣ, которая сидѣла рядомъ со мною: кто это такой?

— Это ближайшій сосѣдъ Мирова... Такая фигура!—отвѣтила она.

Фигура — гораздо болѣе подходящее опредѣленіе, нежели субъектъ, но все же еще неясное. Рядомъ со мною сидѣла хорошенькая сосѣдка Мирова, съ которою я уже успѣлъ довольно коротко познакомиться; я обратился къ ней съ вопросомъ: какъ зовутъ господина съ большими бровями?

На лицѣ моей сосѣдки выразилось нѣкоторое недоумѣніе.

— Это... господинъ... Это...

— Фигура?—сказалъ я.

— Да, да, какая-то фигура!—и она улыбнулась. Но въ эту же минуту подошелъ ко мнѣ Конрадъ съ бутылкою вина и на вопросъ мой отвѣтилъ:

— Это нѣкто господинъ Жиркевичъ... Un pauvre diable, владѣлецъ небольшого хутора по сосѣдству... Онъ пріѣхалъ ко мнѣ по дѣлу передъ самымъ обѣдомъ, а потому мы и пригласили его.

Вскорѣ затѣмъ кто-то предложилъ тостъ за представительницъ прекраснаго пола, затѣмъ въ честь того Нимврода, который въ этотъ день лишилъ жизни самое большое число четвероногихъ, —и еще нѣсколько тостовъ. Прекрасное вино располагало къ полному веселью. Шумъ и говоръ, веселое настроеніе собравшихся, чрезвычайно милая обстановка—и вдругъ среди всего этого, на такомъ прекрасномъ фонѣ, появляется какой-то господинъ Жиркевичъ, поднимается со своего мѣста съ изящнымъ хрустальнымъ бокаломъ въ рукѣ и произноситъ:

— Милостивые государи!...

Эти слова произвели странное впечатлѣніе.

Блѣдныя губы этого Жиркевича, послѣ произнесенныхъ имъ двухъ словъ, такъ сильно задрожали, что онъ не могъ произнести ничего больше. Онъ былъ просто жалокъ въ своемъ безобразномъ длиннополомъ сюртукѣ, въ какомъ-то допотопномъ жилетѣ, на которомъ въ видѣ украшенія усѣяны были яркіе цвѣтки по яркому атласному фону. Голубые его глаза подъ густыми бровями доказывали, что онъ ужасно чего-то испугался, но несмотря на то во что бы то ни стало обязанъ и долженъ говорить. Да, онъ дѣйствительно боялся, но долженъ былъ говорить... Послѣ нѣсколькихъ секундъ онъ, наконецъ, собрался съ силами и дрожащимъ, но громкимъ голосомъ сказалъ:

— Я знаю, что принялъ на себя непосильную задачу, съ которою, быть можетъ, и не съумѣю справиться, но сердце и

долгъ приказываютъ мнѣ принять на себя эту задачу... Я долженъ сказать... я скажу... Простите мнѣ, господа, но я обязанъ, я долженъ здѣсь, въ этомъ обществѣ выпить за здоровье одной особы, о которой здѣсь одни сказали то, другіе—другое, а между тѣмъ эта особа—настоящій ангелъ, сошедшій къ намъ съ небесъ за тѣмъ, чтобы утѣшать и спасать насъ, бѣдныхъ и несчастныхъ, оставленныхъ и забытыхъ всѣми... Послѣ этихъ словъ ораторъ сталъ говорить гораздо внятнѣе; видно было, что онъ преодолѣлъ робость, хотя его рука съ бокаломъ все еще сильно дрожала, и такъ сильно, что капли золотого вина сплывали по его пальцамъ:

— Этотъ ангелъ небесный, господа, снизошелъ ко мнѣ въ то время, когда я былъ въ темницѣ, и вывелъ меня оттуда на свѣтъ божій... И я, и дѣти мои, мы уже собирались оставить родной уголъ, чтобы отправиться на всѣ четыре стороны свѣта, чтобы вымаливать кусокъ черстваго хлѣба, когда ангелъ этотъ явился въ нашъ домъ, по доброй волѣ, хотя никто и не посмѣлъ бы даже просить его объ этомъ,—не какъ богатая барыня-благодѣтельница, о, нѣтъ, но какъ сестра-доброжелательница,—и она спасла насъ отъ угрожавшаго намъ несчастья. Быть можетъ, господамъ исторія эта хорошо знакома, я и не намѣренъ ее разсказывать здѣсь, но, господа, я былъ свидѣтелемъ, какое мнѣніе угодно было вамъ выразить объ этой особѣ... О ней сказано было и то, и другое... Вотъ господа, и сердце, и долгъ благодарности, полной, безпредѣльной благодарности, заставляютъ меня заявить здѣсь... передъ лицомъ достойныхъ хозяевъ и ихъ гостей... да, заставляютъ меня поднять бокалъ и выпить за здоровье и полное, вѣчное счастье этой моей благодѣтельницы, моей спасительницы, госпожи Северины Здроіовской... которая и была ниспосланнымъ съ небесъ ангеломъ...

Жиркевичъ не могъ продолжать: слезы закапали по крупнымъ морщинамъ его лица, падая на его сѣдѣющіе, жесткіе усы. Молодецъ, однако, эта „фигура"! Когда тутъ выражали мнѣніе о той, которую онъ обоготворялъ, онъ не осматривалъ, какъ я, портретовъ и потолка, но послѣдовалъ велѣнію своего сердца и долга. Разныя, значитъ, среди людей бываютъ фигуры: однѣ въ смѣшныхъ яркихъ жилетахъ, другія—подъ прекрасно сшитымъ сюртукомъ работы мастера своего дѣла Шабу—скрывающія напрасную и неумѣстную стыдливость. Другой человѣкъ, который всегда судилъ и рядилъ о томъ, что я же дѣлалъ и думалъ, вдругъ заставилъ меня въ эту минуту подняться съ мѣста, взять бокалъ въ руку и произнести:

— Господа! Предлагаю тостъ, такъ сказать, абстрактный, но

глубоко прочувствованный. Пью за здоровье двухъ прекрасныхъ сокровищъ, быть можетъ самыхъ рѣдкихъ среди людей: за сердце, которое умѣетъ быть благодарнымъ, и за увѣренность въ правотѣ своего убѣжденія... безъ „золотого основанія"!

Я и „фигура", мы оба обращались почти одновременно къ людямъ образованнымъ, къ представителямъ интеллигенціи, къ рыцарямъ, наконецъ, а если и не къ настоящимъ рыцарямъ, то все же къ ихъ потомкамъ. Они поняли, о чемъ мы говорили, и съумѣли оцѣнить справедливо наши намѣренія. Конрадъ и его гости, точно по мановенію волшебнаго жезла, всѣ бросились жать руку фигурѣ, воздавая такимъ образомъ должное благодарному сердцу и мужеству тѣмъ болѣе цѣнному, что оно выросло на почвѣ небольшого хутора. Меня же преслѣдовалъ вопросъ: что̀ же это было такое, что̀ тогда произошло, при воспоминаніи о чемъ крупныя слезы такъ странно покатились по морщинамъ загорѣлаго лица? Мнѣ не пришлось никого спрашивать объ этомъ, потому что сейчасъ послѣ обѣда, когда я сидѣлъ въ кабинетѣ Конрада и курилъ сигару, нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, самъ Жиркевичъ подошелъ ко мнѣ и разсказалъ мнѣ всѣ детали интересующаго меня событія. Онъ началъ съ того, что нынѣ тяжелое время, о чемъ частенько говорили за обѣдомъ и въ Мировѣ. Но объ этомъ тяжеломъ времени Жиркевичъ говорилъ такъ, что видно было безъ особенныхъ объясненій, что тяжелое время не только причиняетъ ему непріятности и убытки, но просто давитъ его, душитъ. Le pauvre diable весь былъ проникнутъ этимъ тяжелымъ временемъ, по причинѣ котораго годъ съ небольшимъ тому назадъ онъ не былъ въ состояніи уплатить коекакихъ процентовъ и обязательныхъ платежей, и вслѣдствіе этого вмѣстѣ со своими пятерыми дѣтьми чуть не лишился своего хутора. Надо было во что бы то ни стало добыть откуда-нибудь двѣ-три тысячи рублей, которыхъ онъ нигдѣ и ни отъ кого достать не могъ. Вслѣдствіе этого его хуторокъ долженъ былъ быть проданнымъ съ публичнаго торга, но, къ счастью, явилась неожиданная помощь.

— Покойнаго ея отца, изволите видѣть, я зналъ очень хорошо, но ее-то я совсѣмъ не зналъ... Я видѣлъ ее нѣсколько разъ, когда она была малымъ ребенкомъ,—но наврядъ ли она могла меня запомнить. И вотъ, изволите видѣть, она пріѣхала, хотя я не обращался къ ней съ просьбою... и пріѣхала не какъ барыня въ каретѣ, которую я бы не зналъ, куда дѣвать, не разодѣтая, что̀, быть можетъ, озадачило бы меня такъ, что я бы не зналъ, что̀ сказать и какъ съ ней обращаться, но явилась какъ

сестра, какъ самая близкая родственница, разспросила, разузнала все и спасла меня отъ неминуемой гибели!

Жиркевичъ добавилъ еще, что Здроіовская тогда же взяла съ собою и старшую его дочь и дала ей мѣсто учительницы въ Красовицахъ.

— Кого же дочь ваша обучаетъ въ Красовицахъ?

— Дѣтей, изволите видѣть, разныхъ дѣтей.. Вотъ теперь у меня есть сынъ, который окончилъ пять классовъ въ гимназіи, но у меня не хватаетъ средствъ для того, чтобы содержать его въ школѣ. Что-жъ дѣлать!.. Сынъ мой хотѣлъ бы обучиться хозяйству, и если господинъ Донимирскій согласится, чтобы онъ практиковался въ Мировѣ...

Конрадъ слышалъ слова Жиркевича и сейчасъ же заявилъ ему, что охотно исполнилъ бы его желаніе, еслибы не то обстоятельство, что въ самомъ началѣ весны онъ намѣревается отдать свое имѣніе въ аренду и на нѣкоторое время уѣхать за границу.

— Я пробовалъ-было лично хозяйничать,—продолжалъ Конрадъ,—но нынѣ такое тяжелое время, что хозяйство въ такихъ обстоятельствахъ становится просто невозможнымъ. Однѣ только непріятности. На каждомъ шагу приходится вести борьбу со всякаго рода препятствіями!.. Ко всему этому прибавьте, что сосѣдей почти нѣтъ, что желѣзная дорога проходитъ въ разстояніи двадцати слишкомъ верстъ отсюда, вслѣдствіе чего сношенія со свѣтомъ крайне трудны—и вы не будете удивляться, что, проживая постоянно въ деревнѣ, мы просто ржавѣемъ и понемногу превращаемся въ какихъ-то умственныхъ бѣдняковъ...

— А не будешь ли ты такъ любезенъ,—вдругъ прервалъ я этотъ потокъ изліяній:—приказать къ завтрашнему дню приготовить лошадей... Я бы хотѣлъ поѣхать въ Красовицы...

— Охотно, но съ условіемъ, что ты оттуда скоро вернешься къ намъ и не заставишь насъ долго ждать.

Боже мой! я ее какъ бы видѣлъ точно передъ собой, какъ она, въ простомъ платьѣ, ровною, тихою походкою входитъ въ небольшой хозяйскій домъ на хуторѣ и подаетъ руку несчастной, убитой горемъ „фигурѣ"! Въ моемъ воображеніи возстали и пятеро ребятъ, которые должны были съ удивленіемъ глядѣть на эту сцену... Какой прекрасный мотивъ для картины въ религіозномъ духѣ!..

Вскорѣ все общество узнало о моей завтрашней поѣздкѣ, которая на хозяйку произвела самое неожиданное впечатлѣніе: въ ея глазахъ я вдругъ сталъ героемъ, который бѣгствомъ старается побѣдить и усыпить старую страсть. Ну, и что-жъ, въ самомъ дѣлѣ? Она вѣдь замужемъ, мужъ ея—мой родственникъ и другъ дѣт-

ства; подъ вліяніемъ тоски по ней я вотъ пріѣхалъ сюда; подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти я опять бѣжалъ: все это очень просто, очень мило, все это—борьба чувства съ долгомъ! Въ прелестной головкѣ обрисовались въ одно мгновеніе контуры маленькой драмы, которой мы, я и она, были главные герои... Въ ней явилось желаніе, даже больше того—гордость стать такою же героинею, какъ я. Все это я угадывалъ изъ ея взглядовъ, словъ, полусловъ, изъ того также, что она ни единымъ словомъ не задерживала меня. Я же, со своей стороны, ничего такого не сдѣлалъ и не произнесъ, что̀ могло бы ее убѣдить, что я раздѣляю ея мнѣніе, но и не думалъ разубѣждать ее вовсе. Ея ошибка въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе кстати была мнѣ на руку; эта ошибка въ нѣкоторомъ родѣ являлась спасеніемъ моимъ, потому что не могъ же я сказать ей: „несмотря на наши отношенія въ прошедшемъ, на то, что̀ еще вчера произошло между нами, сегодня я всѣми помыслами души и сердца стремлюсь къ той, къ которой завтра поѣду!" Такая откровенность была бы неумѣстною грубостью, просто невозможною; а та мелкая пошлость, которой я сталъ почти невольнымъ авторомъ, разрѣшала вопросъ проще и спокойнѣе. Такіе мелкіе проступки совершаютъ всѣ, никто ихъ не осуждаетъ и не думаетъ осуждать. Развѣ одинъ только дикарь не согласился бы со мною! Правда, я съ капелькою горечи пошлость съумѣлъ назвать пошлостью, но все-же не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поиграть съ женщиною, которая отъ этого не стала нисколько хуже.

Узнавъ о моемъ отъѣздѣ, одинъ изъ гостей Конрада, постарше, подошелъ ко мнѣ и началъ бесѣдовать о прекрасномъ имѣніи Северины:

— Вы встрѣтите тамъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—обломокъ превосходнаго нѣкогда корабля, который послѣ крушенія нашелъ спокойную пристань въ Красовицахъ. Это—мадамъ Леонтинъ Брожекъ, тетушка мадемоазель Здроіовской... Какая это была красавица, просто чудо—не женщина!.. Черезъ свои пальчики въ очень короткое время мадамъ Брожекъ съумѣла просѣять около полумилліона... Теперь уже больше десятка лѣтъ, какъ она пріютилась у своихъ родныхъ. Всѣ забыли о ней... Sic transit gloria mundi!.. Но во время о̀но!.. При одномъ воспоминаніи ея имени въ моемъ воображеніи возстаютъ лучшія минуты моей молодости!.. Будьте любезны, передайте ей мой нижайшій поклонъ!

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, я уѣхалъ изъ Мирова. Сидя въ удобныхъ саняхъ, первый разъ я испыталъ на себѣ, что̀ значитъ и какъ на человѣка вліяетъ увеличивающееся раз-

стояніе, раздѣляющее его отъ условій, въ которыхъ онъ жилъ постоянно. Это чувство возростало во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я удалялся отъ веселаго общества въ Мировѣ и все болѣе и болѣе обнимала меня со всѣхъ сторонъ снѣговая пустыня. Домъ Конрада среди этой пустыни былъ настоящимъ и единственнымъ оазисомъ. Онъ былъ похожъ на прекрасный аккордъ, съ маленькою ноткою развеселой пляски, который судьбѣ угодно было бросить на эту безпредѣльную пустыню. Безпредѣльною казалась мнѣ бѣлизна пустыни и безпредѣльнымъ—ея молчаніе, напоминающее мертвую тишину. Я зналъ, что я нахожусь въ странѣ огромныхъ пространствъ, лишь изрѣдка заселенныхъ, но я не имѣлъ доселѣ ни малѣйшаго понятія о той тоскѣ, о той ноющей тоскѣ, которая, казалось, наполняла собою весь воздухъ пространствъ бѣлыхъ, безпредѣльныхъ, грустныхъ... Небольшіе кусты, кое-гдѣ мелкія деревья, бросая черную тѣнь на эту бѣлизну снѣговъ, вмѣсто того, чтобы придавать имъ хотя бы оттѣнокъ жизни, еще усугубляли ихъ монотонную тоску; стаи черныхъ птицъ, уносящихся надъ этимъ пространствомъ, несмотря на ихъ карканье, тоже увеличивали впечатлѣніе грусти и тоски... Я ѣхалъ уже около часу и по обѣимъ сторонамъ дороги не замѣтилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ жизни. Вездѣ лишь снѣговыя волны безъ предѣловъ, безъ жизни... Въ воздухѣ лишь слышны были возгласы разгульнаго вѣтра, взмахи крыльевъ черныхъ птицъ, а гдѣ-то высоко плыли сѣрыя облака, безучастныя ко всему, что̀ происходило на снѣговомъ пространствѣ. Все это составляло особенную картину; нельзя сказать, чтобы эта картина была вовсе лишена красоты, но это была суровая, угрюмая красота, полная меланхоліи. И неудивительно, что я, привыкшій любоваться всѣмъ прекраснымъ, предавался созерцанію всего, что̀ меня окружало. Однимъ изъ величайшихъ наслажденій, какое въ состояніи намъ дать все прекрасное, несомнѣнно является способность забывать свои личныя скорби и чувства, способность забывать о себѣ, да не только о самой своей личности, но даже обо всѣхъ чувствахъ и понятіяхъ, о прошедшемъ и будущемъ, о добрѣ и злѣ, обо всемъ, что̀ насъ можетъ касаться. Но, къ сожалѣнію, такое забытьё никогда не продолжается долго. И тогда тоже въ картину, которую я разсматривалъ съ истиннымъ наслажденіемъ, вмѣшалось нѣчто личное мое, сначала неопредѣленное, туманное, но затѣмъ ясно опредѣлившееся сознаніе собственнаго ничтожества. Къ этому чувству вскорѣ присоединилось и другое, которому даже трудно придумать соотвѣтственное названіе. Это—полное разногласіе того, что̀ жило во мнѣ,

съ тѣмъ, что меня окружало. Земля въ безпредѣльныхъ своихъ границахъ, упирающаяся гдѣ-то тамъ въ небеса, этотъ сводъ небесный, котораго ничто не заслоняетъ, этотъ почти неподвижный воздухъ, котораго мертвую тишину лишь изрѣдка нарушали ползающіе по поверхности снѣговъ шопоты вѣтра—все это было до того грандіозно и до того лишено всякаго родства съ моею природою, со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ я уже сроднился, что я сразу понялъ, какъ я жалокъ и ничтоженъ... Мнѣ казалось, что я ничтожнѣе снѣжинки. Я—чужой здѣсь всему, я—лишній, даже хуже завядшаго листа, который вѣтру угодно было занести сюда... Сани, лошади, кучеръ въ ливреѣ, мой Викентій, который гордился своей осанкою, я, наконецъ, вмѣстѣ съ моею дорогою, прекрасною шубой—все это было похоже на ничтожную, мелкую раковину. Небо, земля, даже грустные шопоты вѣтра не обращали на насъ никакого вниманія. Здѣсь явилось у меня сознаніе полной безпомощности, полной невозможности разъиграть хоть какую-нибудь роль... Здѣсь невозможно выказать никакихъ своихъ преимуществъ, достоинствъ, талантовъ, которые благодѣтельница-природа соизволила намъ дать. Кому здѣсь нужно, на что бы пригодилось все то, что среди людей называется счастьемъ? Молодость, красота, богатство расположеніе дамъ, близкое знакомство съ музами—все это здѣсь не имѣетъ никакого рѣшительно значенія. Природа, одинокая и грандіозная, безъ всякихъ мелкихъ прикрасъ, закутанная въ зимній покровъ, произносила здѣсь передъ лицомъ каждаго живого существа: „ты ничтоженъ и жалокъ!“

Я поднялъ глаза къ облакамъ... Какое тяжелое, грустное небо!.. И такимъ оно бываетъ здѣсь въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, а человѣкъ долженъ постоянно на него глядѣть, потому что здѣсь ничего нѣтъ, рѣшительно ничего! Развѣ—то тутъ, то тамъ—среди этой пустыни взоръ остановится на старыхъ крестахъ, возносящихъ къ небу свои руки...

Неправильно было бы утверждать, что эта грандіозная картина не понравилась мнѣ. Напротивъ, я нашелъ, что такая картина природы, которой я до сихъ поръ еще не зналъ, обладаетъ ей одной свойственными красотами, и онѣ, кромѣ чувства тоски и грусти, способны возбуждать въ людяхъ силу и мощь. Я понялъ, что среди этого огромнаго одиночества, передъ лицомъ природы суровой и въ своей суровости прекрасной, человѣческій духъ легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можетъ стряхнуть съ себя всѣ грязныя мелочи, всѣ даже блестящія пылинки глупаго самолюбія; освободившись отъ этой лишней тяжести, онъ можетъ расправить крылья и вознестись къ небу. Теперь только я понялъ, по-

чему здѣсь именно, на этой почвѣ рождались поэты, которые походили не на ароматный ландышъ, а на звонъ, въ которомъ играло и трепетно возносилось къ небу сердце милліоновъ братьевъ.

Но я, ничтожный,—не жрецъ, не поэтъ,—и въ груди моей трепетало лишь мое собственное сердце. Да притомъ земная пыль такой густою пеленою съиздавна покрывала мое существо, что изъ-подъ нея я едва былъ въ состояніи приподнять лишь самый край моихъ крыльевъ. И то сказать, я родился на совершенно другой почвѣ, чуть ли не въ другой странѣ, гораздо болѣе заселенной, болѣе веселой; по своей родинѣ я почти вовсе не путешествовалъ, а за границею я привыкъ къ совершенно другимъ впечатлѣніямъ. Неудивительно, что послѣ нѣсколькихъ часовъ созерцанія этой новой для меня природы я почувствовалъ нѣчто похожее на страхъ, который долженъ испытывать человѣкъ, котораго заживо хоронятъ. Гдѣ-то тамъ вдали люди живутъ, ходятъ, говорятъ, суетятся, поютъ, любятъ на всѣ лады и на всѣ лады щеголяютъ другъ передъ другомъ, а здѣсь—рѣшительная ненужность всѣхъ прекрасныхъ нашихъ достоинствъ, здѣсь—снѣгъ, вороны, кресты на перекресткахъ, пустыня...

Я теперь только понялъ, почему Конрадъ не въ состояніи былъ дольше сидѣть въ деревнѣ, даже въ такомъ прекрасномъ оазисѣ, какимъ былъ Мировъ, — оазисѣ, по краямъ котораго, кромѣ снѣговъ и хищныхъ птицъ, гнѣздилось такое грубое невѣжество, просто варварство, что при одномъ о немъ воспоминаніи цивилизованный человѣкъ вдругъ забываетъ обо всемъ и испытываетъ чувство первобытнаго жителя земли во время первыхъ проблесковъ цивилизаціи. Это варварство невольно бросилось мнѣ въ глаза въ нѣсколькихъ большихъ деревняхъ, мимо которыхъ мнѣ пришлось проѣзжать... Эти деревни представляли собою нѣчто въ родѣ тянувшихся по обѣихъ сторонамъ дороги *вигвамовъ*, построенныхъ дикими. Еслибы можно было не отыскать, а хоть догадаться, что строившіе ихъ имѣли кое-какое понятіе объ архитектурѣ!..

Ни малѣйшаго вкуса въ одеждѣ встрѣчаемыхъ мною людей! Мнѣ случалось видѣть въ разныхъ мѣстахъ за границею деревни и села, и въ каждомъ изъ нихъ можно было всегда подмѣтить какія-нибудь красивыя, подчасъ просто восхитительныя детали. Здѣсь, кромѣ первобытныхъ формъ, кромѣ самыхъ грубыхъ чертъ лица и странной одежды, я ничего рѣшительно не видѣлъ и ничего не испыталъ, кромѣ ужасной, всепоглощающей скуки. Сильное впечатлѣніе произвела только на меня застава въ одной изъ этихъ деревень, которая заскрипѣла такъ безобразно, такъ

дико, что я почувствовалъ ознобъ. Этотъ случай подѣйствовалъ на меня до того, что поэтическое настроеніе, навѣянное путешествіемъ, исчезло безслѣдно; даже образъ Северины покрылся въ моемъ воображеніи такимъ туманомъ, что я съ большимъ трудомъ съумѣлъ воскресить въ памяти ея прелестную фигурку и лицо. Гдѣ же, наконецъ, находятся лѣса, которые были предметомъ заботъ Здроіовской во время ея пребыванія въ большомъ городѣ? Гдѣ же эти лѣсныя дебри, съ которыми, какъ говорили по крайней мѣрѣ, ея лѣса соединяются? На вопросъ мой кучеръ отвѣтилъ, что лѣса эти вскорѣ увидимъ, потому что мы именно къ нимъ приближаемся, точно также какъ и къ самому имѣнію госпожи Здроіовской.

Значитъ, она живетъ на самой границѣ пустыни и лѣсовъ! Одно представленіе о мѣстѣ жительства моей волшебницы сразу уничтожило прискорбное впечатлѣніе скрипящей деревенской заставы. Я снова увидѣлъ въ моемъ воображеніи точно живую Северину, и сердце мое сразу вспыхнуло чувствомъ, которое успокоило всѣ мои печали и сомнѣнія. Удивительно ли, что послѣ всего, мною испытаннаго, образъ Северины предсталъ передо мною точно долетающая съ полей строфа чудной пѣсни, или вздохъ, навѣянный съ кургановъ? И мнѣ казалось, что я — сказочный королевичъ, которому суждено разбудить спящую царевну, вырвать ее изъ этой глуши, увезти ее далеко отъ черныхъ птицъ, снѣговъ и скрипящихъ заставъ и собственными руками напоить ее животворящимъ напиткомъ всѣхъ радостей жизни!.. А дальше что̀?.. Будь, что̀ будетъ! Быть можетъ, раньше, чѣмъ намѣреваюсь, я рѣшусь на тотъ шагъ, который, все равно, долженъ же сдѣлать! Я неохотно простился бы съ полною, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемою свободою, которою я всецѣло пользовался, но для нея... для того, чтобы обладать ею и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы спасти ее... да, я былъ готовъ сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ... Я рѣшусь, я уже рѣшился... Я дрожалъ отъ нетерпѣнія увидѣть ее поскорѣе; я ничего не видѣлъ, что̀ происходило вокругъ меня, я видѣлъ лишь ее одну, не однимъ только воображеніемъ, но видѣлъ ее физически, а память давала мнѣ возможность прослѣдить всѣ ея движенія, ея улыбки и свѣтовые переливы на ея лицѣ... О, дорогая моя, будешь ли ты моею, всецѣло, исключительно моею?!..

Несмотря, однако, на такое настроеніе и глубокое чувство, на днѣ моей души неустанно, хотя и незамѣтно, работалъ холодный и ироническій скептицизмъ: какое же произведетъ на нее впечатлѣніе мое неожиданное появленіе, — особенно же, что̀ я

испытаю, увидавъ ее? Радость ли и чувство безпредѣльное, какъ мнѣ кажется теперь, или, быть можетъ, разочарованіе и мучительный холодъ? На какомъ фонѣ предстанетъ она передо мною въ первый разъ? Въ какой обстановкѣ увижу я ее? Не уменьшитъ ли ея красоты, и не расхолодитъ ли моего чувства что-нибудь ординарное, жалкое, пустое, что-нибудь такое, чего я въ такой же степени не въ состояніи перенести, какъ, напримѣръ, скрипа заставы? А затѣмъ?.. Ахъ, ея взоры, всегда возносящіеся къ возвышеннымъ предметамъ, которые мнѣ чужды!.. Я понималъ прекрасно, что такое созданіе невозможно заставить жить на равнинахъ жизни, но вѣдь и я въ такой же степени гнушался этихъ низменныхъ равнинъ...

— Красовицы!—воскликнулъ Викентій, обращаясь ко мнѣ съ самою гадкою улыбкою, которая на этотъ разъ должна была выражать радость.

Кучеръ протянулъ руку по направленію цѣлой кучи деревьевъ, которая на темномъ фонѣ густого лѣса выдѣлялась рельефно, благодаря окутывавшей всѣ вѣтки изморози.

И туда, и потомъ обратно, я проѣзжалъ черезъ эту деревню съ такимъ страннымъ чувствомъ въ сердцѣ, такъ былъ растроганъ, что въ моей памяти сохранился весьма смутно ея видъ. Въ моемъ воображеніи при воспоминаніи объ имѣніи Северины воскресли цѣлыя группы деревьевъ и клумбы, среди которыхъ вилась то узкая, то широкая дорога. Дома и домики, стоявшіе въ разныхъ разстояніяхъ отъ этой дороги, среди этихъ группъ и клумбъ, живописно расположенныхъ, походили на дрожащія свѣтомъ лампады... Я запомнилъ лишь одно и помню это сихъ поръ: изъ одного изъ этихъ домиковъ, какъ разъ во время моего проѣзда, явилась цѣлая куча дѣтей разнаго возраста съ учительницею во главѣ: я и теперь вижу этотъ каменный домъ съ большимъ крыльцомъ и большими ярко освѣщенными окнами. Окружающія деревья придавали этому дому характеръ тихой и милой пристани. Этотъ домъ, нѣсколько удаленный отъ другихъ, казался большою пряжкою, которою замыкался цѣлый поясъ домовъ и лѣсной гущи, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ дорожками и тропинками. По всему было видно, что здѣсь никто не жалѣлъ ни пространства, ни деревьевъ, для которыхъ, въ свою очередь, зима—изморози, а столѣтія—полнаго развитія не пожалѣли... Вслѣдствіе того, несмотря на отсутствіе какихъ-нибудь архитектурныхъ украшеній, домъ этотъ невольно производилъ пріятное впечатлѣніе, какъ произведеніе суровой, но богато одаренной природы.

Когда я вошелъ въ бѣлыя, свѣтлыя сѣни, украшенныя головами рогатыхъ и нерогатыхъ звѣрей и вѣнками разныхъ хлѣбовъ, во мнѣ сразу явились два противоположныя чувства: сердечный восторгъ и злобное любопытство. Оба эти чувства гнѣздились одновременно въ моемъ сердцѣ, и они до того одинаковое занимали тамъ мѣсто, что мнѣ трудно было отличить, которое изъ нихъ сильнѣе. Глухой внутренній голосъ, предсказывающій мнѣ, что я вскорѣ увижу ее, дотронусь до ея руки, посмотрю, что̀ творится въ ея прекрасныхъ, голубыхъ глазахъ. — этотъ голосъ скрещивался съ насмѣшливыми до извѣстной степени вопросами: что̀ я найду во внутренностяхъ этого дома? какая тамъ жизнь? Я вѣдь нахожусь въ пустынѣ, на родинѣ дикарки, происходящей изъ семейства маніаковъ; цивилизованный человѣкъ, при моемъ умѣ, чувствахъ и помыслахъ, не хотѣлъ уступить мѣста влюбленному; критика и насмѣшки не хотѣли отдать своихъ правъ безпредѣльному желанію любить и восхищаться. Быть можетъ, я пріѣхалъ сюда единственно потому и за тѣмъ, чтобы восхищаться, такъ какъ были у меня такія минуты, въ которыя я восторгался этою женщиною, и несмотря на то, я думалъ: неужели же нѣтъ въ этомъ домѣ хотя бы жалкаго какого-нибудь лакея, который доложилъ бы о моемъ пріѣздѣ? Значитъ, есть на свѣтѣ господскія квартиры безъ лакеевъ? Мой Викентій, и тотъ былъ въ странномъ расположеніи духа. Онъ снялъ съ меня шубу и держалъ ее въ рукахъ, не зная, куда съ нею дѣваться. Подъ его рыжими усами, на его некрасивыхъ губахъ, я прочелъ полный недоумѣнія вопросъ: „что же это такое? кажись, мы пріѣхали къ страннымъ людямъ, у которыхъ нѣтъ лакеевъ?!“ Минуты двѣ, три—никто къ намъ не вышелъ на встрѣчу; олени, кабаны и другіе дикіе звѣри, развѣшенные по стѣнамъ, взаимно угрожали другъ другу зубами... Изъ какой-то, должно быть, отдаленной комнаты, долетали звуки рояля, странные звуки, безсвязные, свидѣтельствующіе о забавно-романическомъ настроеніи того или той, кому вздумалось сѣсть за рояль. Нѣтъ, это не она играетъ!.. Ея музыка, хотя и не особенная по техникѣ, по выработкѣ, все же куда лучше; кто-то другой вызываетъ здѣсь духъ „Лючіи изъ Ламермура“, но вызываетъ такъ, что наврядъ Лючія послушается... Что же мнѣ дѣлать? Очень просто: открыть любую дверь, ведущую въ любую комнату, хотя бы подъ опасеніемъ попасть въ гардеробъ или спальню, и—войти. Я уже намѣревался исполнить эту мысль, какъ въ сѣни вошла... кто? А развѣ я знаю! Какая-то старая дама въ платкѣ и большомъ бѣломъ чепцѣ, быть можетъ, бабушка, быть можетъ, старуха-служанка... Дама эта, или слу-

жанка, была средняго роста, нѣсколько широкоплечая, что̀ придавало ей видъ осанистаго куба. Нѣкоторое разногласіе ея сѣдыхъ волосъ съ черными глазами и черными большими бровями невольно бросилось мнѣ въ глаза. Раньше чѣмъ успѣлъ я отрекомендоваться, дама эта задала мнѣ вопросъ:

— Съ кѣмъ имѣю честь?..

Этотъ вопросъ разъяснилъ мнѣ сразу, съ кѣмъ я имѣлъ честь говорить, и я сейчасъ же сказалъ свою фамилію, которая, сверхъ всякихъ моихъ ожиданій, произвела магическое впечатлѣніе на даму. Эти два слова: Здзиславъ Грановскій—вызвали на ея лицѣ выраженіе какого-то вовсе непонятнаго для меня страха... Потомъ я прочелъ въ ея глазахъ удивленіе, а наконецъ—какъ бы вопросъ: „кто ты такой? откуда ты? зачѣмъ сюда пріѣхалъ?“ Наконецъ,—по той ли причинѣ, что этотъ экзаменъ представилъ меня съ лучшей стороны, или, быть можетъ, потому, что я просто понравился знакомой моей незнакомкѣ,—но дама улыбнулась такою добродушною улыбкою, какъ будто бы была готова сейчасъ броситься мнѣ на шею. Еще не успѣлъ я опомниться, какъ старуха произнесла нѣсколько пѣвучимъ голосомъ:

— Господинъ Грановскій! Господи! Такъ это вы къ намъ пріѣхали!.. Ахъ, Боже мой!.. Вообразите, какъ разъ Северины нѣтъ дома!.. Она поѣхала въ городъ съ Владиславомъ... по дѣлу этой лавки для крестьянъ... Но они должны скоро вернуться!.. Но, все-же, пожалуйте, войдите... вы подождете... будьте любезны...

Старуха все улыбалась такою пріятною, просто дружескою улыбкою, ея глаза такъ радостно, весело глядѣли на меня, что, несмотря на громадное желаніе расхохотаться ей въ глаза, я почувствовалъ къ ней влеченіе, словно къ близкому, родному человѣку. Она, должно быть, уже слышала обо мнѣ, о, слышала!.. Одна эта мысль расположила меня къ нѣкоторой откровенности.

— Догадываюсь, что имѣю честь бесѣдовать съ мадамъ Богурскою, не правда ли?—спросилъ я.

— Конечно, конечно!.. Но откуда вы знаете обо мнѣ?

— Угадайте, сударыня!

— Северина разсказала... да?

— Конечно!.. А мадемоазель Северина сказала ли вамъ хоть что-нибудь обо мнѣ?

Старуха посмотрѣла мнѣ въ глаза и какъ будто бы нерѣшительно отвѣтила:

— Разсказывала.

Такъ вотъ она, любимая, добрая няня Богуся, которая научила Северину пѣть „ду-ду“ и тому подобное! Тѣмъ временемъ въ одной изъ послѣднихъ трехъ комнатъ оставляетъ рояль и выходитъ мнѣ на встрѣчу женщина, по походкѣ, по манерамъ, по прическѣ и костюму, да и по всему, наконецъ, напомнившая мнѣ городъ и общество, которое я оставилъ, чтобы посѣтить жителей пустыни. Въ общемъ она произвела на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы въ далекомъ изгнаніи я вдругъ увидѣлъ частицу родины... При встрѣчѣ съ этой дамой я догадываюсь, что это и есть „обломокъ стараго корабля“. Да, обломокъ, это вѣрно, но обломокъ этотъ сохранился прекрасно. Мелкія морщинки на кругломъ лицѣ этой дамы свидѣтельствуютъ о томъ, что она была свидѣтельницею многихъ событій, но ловкія движенія, золотистые волосы, блестящіе глаза—все это свидѣтельствовало о ея жизненности, о готовности и, по крайней мѣрѣ, о желательности жить весело, какъ жилось въ прошедшемъ. Въ лицѣ мадамъ Леонтины Брожекъ я съ удовольствіемъ узналъ женщину, знавшую свѣтъ и людей; мы болѣе получаса съ большимъ оживленіемъ бесѣдовали о столицѣ, о театрѣ, объ артистахъ, о новыхъ книгахъ, на половину по-польски и по-французски, что доставляло намъ обоюдное удовольствіе, потому что этимъ путемъ мы взаимно показали другъ другу, кто мы на самомъ дѣлѣ. Въ человѣческихъ отношеніяхъ, въ началѣ перваго знакомства, особенно же при первой встрѣчѣ, всѣ желанія и намѣренія сводятся къ тому: „удивляйтесь, каковъ я есть!“ Но на этотъ разъ желаніе порисоваться вскорѣ мнѣ надоѣло, и мною овладѣло крайнее нетерпѣніе. Мадамъ Брожекъ замѣтила это и возъимѣла оригинальную мысль развлечь меня посредствомъ взглядовъ, гримасъ и шутокъ двадцатилѣтней кокетки. По всей вѣроятности ее мучила жажда видѣть людей одного съ нею сорта, а потому, встрѣтивъ одного изъ нихъ, она рада была выказать передъ нимъ притупленныя, о, сильно притупленныя орудія, которыя когда-то были чрезвычайно опасны. Теперь только я замѣтилъ, что она просто —старая бабуся. Глаза ея, блѣдныя улыбки, щебетанье чижика— производили впечатлѣніе цвѣтовъ, выросшихъ на развалинахъ. Съ чувствомъ сожалѣнія и досады я подумалъ тогда, что и прекрасныя души, приближаясь къ пятому десятку своего земного существованія, вовсе не привлекательны. Неужели же мадамъ Октавія, Даля, жена Конрада и другія наши дамы лѣтъ черезъ двадцать непремѣнно должны стать похожими на развалины? Неужели и онѣ будутъ стараться тогда, чтобы на этихъ развалинахъ выросли цвѣточки? Я тогда же замѣтилъ, что этотъ

контрастъ цвѣтовъ и развалинъ не только комиченъ, но и очень, очень печаленъ... Да, печаленъ, потому что свидѣтельствуетъ о цѣломъ рядѣ дней пустыхъ и безсодержательныхъ. Сколько же арій понапрасну должна была спѣть романическая „Лючія изъ Ламермура", не только подъ пальцами, но въ сердцѣ и въ нервахъ этого созданія, у котораго было свое блестящее прошлое, но которая вотъ уже болѣе десяти лѣтъ жила въ этомъ тихомъ и молчаливомъ домѣ, полномъ однѣхъ только старинныхъ вещей... Изъ оконъ этого дома, кромѣ лѣсовъ и степей, ничего не было видно. Я понималъ прекрасно, что явившійся изъ другого міра гость долженъ былъ вызвать къ жизни всѣ оставшіяся еще въ живыхъ искорки прежнихъ вожделѣній. Здѣсь-то я вспомнилъ и передалъ мадамъ Леонтинѣ поздравленіе, о чемъ просилъ меня одинъ изъ гостей Конрада. Мадамъ Брожекъ обрадовалась и этому и, всплеснувъ сильно похудѣвшими ручками, сказала:

— Ахъ, да!.. Мы были очень, очень дружны... Это одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей!..

Но сейчасъ же добавила, опуская глаза, что друга этого она давно, давно ужъ не видѣла, съ того времени, какъ постигло ее несчастіе и она должна была поселиться въ Красовицахъ. Да, она является здѣсь изгнанницею, которая должна была оставить все любимое, все дорогое, но и это все любимое, все дорогое тоже ее оставило, позабыло о ней.

— Потому что наши друзья, — прибавила она, — въ сущности питаютъ гораздо больше дружбы ради нашихъ успѣховъ, чѣмъ ради насъ самихъ, и оставляютъ насъ, забываютъ совершенно въ ту самую минуту, когда насъ оставляетъ успѣхъ...

Я не могъ не согласиться въ извѣстной мѣрѣ съ этимъ мнѣніемъ, и мы невольно раздѣляли скептическій взглядъ на людей и ихъ чувства. Но вскорѣ я опомнился и замѣтилъ, смѣясь, что мы оба, я и она, до нѣкоторой степени разсуждаемъ нелогично, потому что, высказывая нелестное мнѣніе о людяхъ и чувствахъ, она искренно желала жить среди такихъ именно людей, а я безъ нихъ вовсе не могъ, да и не хотѣлъ бы жить.

— Да, — отвѣтила она, — потому что люди и свѣтъ являются матеріаломъ, изъ котораго мы создаемъ удовольствія и миражи, позволяющіе намъ забывать объ ихъ и нашей ничтожности.

Хорошо сказано! Удовольствія и миражи! C'est le mot! Удивительно, какъ мы оба разочарованы и вмѣстѣ съ тѣмъ очарованы свѣтомъ! Да, нѣтъ сомнѣнія, мадамъ Леонтина—это братская душа, родня моей душѣ. Еслибы она только не вращала такъ некрасиво глазами и не подражала молодымъ кокеткамъ! Да и пудры

она слишкомъ много оставляетъ на лицѣ, и немного неделикатно даетъ мнѣ понять, что я напрасно нерадъ долгому отсутствію Северины. Неужели же, благодаря этому отсутствію, она хотѣла бы занять ея мѣсто въ моемъ сердцѣ?.. Смѣшно, ужасно смѣшно, а все же очень правдоподобно!.. Во-первыхъ, правдоподобно потому, что такія развалины, на которыхъ ростутъ цвѣточки, никогда не сознаютъ, что онѣ—развалины; а во-вторыхъ, онѣ готовы рѣшиться на все, на все рѣшительно, если дѣло касается хотя бы самаго крошечнаго романа. Да, эта нахлѣбница Северины нѣсколько злобно, нѣсколько насмѣшливо выражается о своей благодѣтельницѣ. Такая злоба похожа на шипъ, притаившійся подъ розаномъ. Она тихонько, едва замѣтно высовываетъ кончикъ своего языка изъ-подъ безпредѣльной преданности, которая, питая зависть, питаетъ тоже и преданность къ этому неземному созданію. Вообще трудно понять, какъ съумѣла Северина стать неземнымъ созданіемъ—ангеломъ. Дѣтскіе годы провела она подъ опекою отца, быть можетъ, черезъ-чуръ суроваго, но воспитывавшаго ее очень старательно. Нѣсколькими годами старшій ея братъ, какъ бы для уравновѣшенія ея жизни, ласкалъ ее, быть можетъ, не въ мѣру. При такихъ обстоятельствахъ Северина въ первые годы своей юности представлялась людямъ такою, какими были всѣ барышни ея возраста. Она была весела, любила наряды, танцы, веселье—словомъ, была похожа на своихъ сверстницъ. Но, видно, все это было лишь внѣшнее, скоропреходящее, потому что впослѣдствіи, подъ вліяніемъ различныхъ катастрофъ, сразу сталъ измѣняться ея характеръ: она стала задумчива, грустна, точно это не она, точно другая... Сколько она пролила слезъ, сколько выстрадала при каждомъ печальномъ извѣстіи, при каждомъ печальномъ случаѣ!.. Нѣтъ сомнѣнія, что эти событія и эти извѣстія печалили и другихъ, не только ее одну, но каждый страдалъ только въ извѣстной мѣрѣ и извѣстное время. У нея же эти впечатлѣнія не имѣли никакихъ опредѣленныхъ границъ по отношенію къ силѣ и времени. Не трудно вообразить себѣ, чтò должна была Северина выстрадать, узнавъ о смерти брата, Адама, а вскорѣ потерявъ и отца...

— Адамъ Здроіовскій,—спросилъ я, — насколько мнѣ извѣстно, былъ чрезвычайно способный, талантливый?..

— О, да, чрезвычайно способный и вполнѣ благородный... Это несомнѣнно!.. Но отецъ воспитывалъ его нѣсколько своеобразно... Притомъ, у него были товарищи, какъ вотъ, напримѣръ, этотъ Владиславъ... сынъ старой служанки, которая тоже была няней Северины... Это удивительно, это почти неправдоподобно,

но эти gens de rien имѣли на Северину громадное и, надо сказать, крайне печальное вліяніе...

Мадамъ Брожекъ забыла о кокетливой улыбкѣ, о глазкахъ, а появившіяся на лицѣ острыя улыбки свидѣтельствовали, что она искренно ненавидѣла этихъ gens de rien. Да и по правдѣ сказать, у нея были серьезныя на это причины! Молодая дѣвушка, Северина, которую постигшія несчастья въ ранніе годы жизни разстроили совершенно, была предметомъ борьбы двухъ этихъ женщинъ, и въ этой борьбѣ одержала полную побѣду дорогая няня Богуся надъ тетей Леонтинкою. Больную физически, убитую горемъ молодую дѣвушку изгнанница эдема хотѣла лечить и утѣшать — эдемомъ. Она уговаривала Северину поскорѣе отдать въ аренду Красовицы, уѣхать за границу, поселиться въ большомъ городѣ, жить въ свѣтѣ, въ которомъ она—тетя Леонтинка—была бы ея учительницею и руководительницею. Она вѣдь старше Северины (немного, конечно, старше!), знала свѣтъ (и какъ!), а потому роль учительницы она бы исполнила прекрасно, отплачивая такимъ образомъ родственницѣ за вниманіе, ей оказанное семьею Северины. Она—объ этомъ слѣдовало догадаться—такую роль исполнила бы съ величайшимъ удовольствіемъ. Для барышни такого происхожденія, какъ Северина, обладающей такимъ имѣніемъ и такою красотою, это и былъ единственный путь, ведущій къ желанной цѣли. По правдѣ сказать, Северина никакого влеченія не испытывала именно къ этому пути, но со временемъ она согласилась бы избрать этотъ путь, еслибы не вліяніе этой... этой... „бабы“!...

Для того, чтобы изъ устъ этой родственной мнѣ души могло выйти такое слово, какъ баба, необходимо было крайнее раздраженіе, и это раздраженіе было равно пораженію, какое испытала тетя Леонтинка, благодаря вмѣшательству этой бабы. Эта-то баба и есть единственная виновница того нежелательнаго факта, что тетя Леонтина не вернулась ужъ болѣе въ эдемъ и должна была мучить несчастную „Лючію изъ Ламермура“ въ пустынѣ... Баба между тѣмъ ни на одну секунду не оставляла Северины, а такъ какъ баба эта была простая крестьянка, то, надо думать, она посредствомъ разныхъ штукъ и добилась того, что съумѣла — если не утѣшить, то по крайней мѣрѣ успокоить свою воспитанницу. Кто ихъ знаетъ, на что способны эти крестьянскія бабы! Когда, послѣ смерти брата, Северина не могла спать по цѣлымъ ночамъ, баба убаюкивала ее на рукахъ, какъ маленькаго ребенка, и пѣла ей тѣ же печальныя пѣсни, какими усыпляла ее въ дѣтствѣ. Когда ее утѣшала тетя Леонтинка тѣмъ, что у нея большое состояніе,

Северина хваталась руками за голову и кричала: „На что же мнѣ это состояніе? Что же я съ нимъ сдѣлаю?.. Адамъ потерялъ все, даже жизнь, а я должна теперь пользоваться его богатствомъ?!"... Конечнымъ результатомъ общенія съ бабой было то, что въ одно прекрасное утро Северина объявила мадамъ Леонтинѣ: „Красовицы—не моя собственность; это имѣніе принадлежитъ Адаму. Доходы съ этого имѣнія я буду употреблять для себя только въ размѣрахъ крайней необходимости,—все остальное отдамъ тому, чтò ему было дороже всего на свѣтѣ. Духъ можетъ пережить тѣло. Духъ Адама жить здѣсь будетъ именно потому, что я буду дѣлать лишь то, чтò дѣлалъ бы онъ самъ, еслибы жилъ среди насъ".

— Simple comme bonjour, не правда ли?.. Съ этого времени она безвыѣздно сидитъ въ Красовицахъ, и вотъ выписала сюда товарища и друга своего брата, съ которымъ они вдвоемъ выдумываютъ и исполняютъ всевозможные планы. Сначала я думала, что это пройдетъ, — однако, нѣтъ; la foi vient en priant: сначала она дѣлала все для духа Адама, а затѣмъ у нея самой явились такія привычки и желанія, что я боюсь, боюсь серьезно...

Здѣсь моя собесѣдница махнула рукою, и на ея морщинистомъ лицѣ явилось выраженіе отчаянія. Я не спрашивалъ, чтò именно пугаетъ ее. Вопросъ этотъ былъ излишнимъ, потому что я зналъ причину ея испуга. Прежде всего она боялась того, что никогда въ жизни она не выѣдетъ за предѣлы имѣнія Северины, если богатая барышня выйдетъ замужъ за человѣка, который, и по рожденію, и по богатству, не былъ бы ей пара. Во все время этого длиннаго разсказа мною поочередно овладѣвали два чувства: чувство сомнѣнія и какое-то милое, задушевное чувство, такъ что я самъ не зналъ, которое изъ нихъ сильнѣе. Съ одной стороны, я понималъ чувство, какимъ руководилась Северина, но съ другой—я никакъ не могъ понять, зачѣмъ ей понадобилось лично ѣздить въ городъ по дѣлу какой-то лавки для крестьянъ... Господинъ Богурскій могъ бы, кажется, одинъ всюду ѣздить и взять на себя всю прозу этой поэзіи! Но, видно, такой ужъ у нея дѣятельный характеръ. Отъ моей собесѣдницы я узналъ, что Северина лично принимала участіе во всемъ, чтò только дѣлалось въ Красовицахъ во имя Адама, съ цѣлью увѣковѣченія его памяти. И такъ она принимала участіе въ администраціи, разъѣзжала по полямъ и лѣсамъ, вела книги, мирила, лечила и просвѣщала окрестныхъ жителей и старалась всѣми силами облегчить ихъ трудовую жизнь. Когда же у нея не было рѣшительно

никакой работы, Северина отправлялась въ садъ и собственноручно сѣяла и садила всевозможныя травы и растенія. Это были трудовые ея часы, посредствомъ которыхъ она старалась заработать себѣ нѣсколько часовъ для чтенія и музыки, которыя составляли уже полную ея собственность. Чтò и говорить, прекрасное препровожденіе времени; бѣда лишь въ томъ, что со временемъ отъ такихъ занятій не только испортятся ручки, но отупѣютъ мозгъ и нервы...

Я взглянулъ въ окно и на бѣлой снѣговой скатерти увидѣлъ сани, въ которыхъ сидѣло двое. Въ одно мгновеніе я очутился у окна, а мадамъ Леонтина сейчасъ же вскочила и, подпрыгивая, выбѣжала изъ комнаты, съ цѣлью приказать всѣмъ, чтобы никто не смѣлъ докладывать Северинѣ, что я пріѣхалъ. Мадамъ Леонтина хотѣла сдѣлать Северинѣ неожиданное удовольствіе. Хотя это намѣреніе и было нѣсколько неумѣстно, но я ничего не могъ сказать уже потому, что Леонтина рада была случаю показаться моложавою, оживленною, а также и потому, что это позволяло мнѣ поздороваться съ Севериною безъ свидѣтелей.

На обширномъ пространствѣ, покрытомъ деревьями точно по оригинальному рисунку, чтò придавало ему видъ узорчатаго ковра, небольшія, красивыя сани, запряженныя въ одну лошадь, огибая клумбы и группы деревьевъ и поминутно прячась за нихъ, подъѣзжали къ дому. Я замѣтилъ, что Северина правила лошадью чрезвычайно ловко. Она очень ловко подъѣхала и къ крыльцу, остановила лошадь и передала возжи своему спутнику, который сидѣлъ рядомъ съ нею. Я лишь теперь замѣтилъ, что на ней одѣта была та же самая мизерненькая шубка, которую я такъ хорошо запомнилъ. Еще минута—и Северина, взбѣжавъ на крыльцо, а потомъ въ сѣни, позвала своимъ прекраснымъ голосомъ:

— Богуся! Богуся!

Но на этотъ зовъ никто не отвѣчалъ... Послѣ нѣкотораго молчанія подъ низкими сводами стараго дома вдругъ раздались слова хорошо знакомой мнѣ пѣсни:

Росла калина съ широкими листьями,
Надъ голубымъ въ лѣсу...

И снова наступила тишина, но вскорѣ пѣсня возобновилась:

.... росла она ручьемъ,
Мелкій дождикъ пила, росу собирала,
Въ майскомъ солнышкѣ листья купала...

Прекрасно! Прелестно!.. Я хотѣлъ рукоплескать пѣвицѣ. Какая чистота и какой широкій тонъ! Въ голосѣ ея звучала

печаль, безпредѣльная, глубокая печаль... Но это была совершенно другая печаль, чѣмъ та, которую изъ-подъ пальцевъ мадамъ Леонтины пѣла Лючія изъ Ламермура!.. Я былъ растроганъ, я ловилъ каждый звукъ этой пѣсни, боялся дышать, чтобы не испугать пѣвицы, а она продолжала:

Вѣтеръ чесалъ ея волосы...

Пѣсня раздавалась теперь въ незнакомыхъ мнѣ комнатахъ стараго дома, и то удалялась, то приближалась ко мнѣ:

А глаза мыла каплями росы...

Наконецъ, въ близкомъ разстояніи, за какою-то дверью, которая захлопнулась, пѣсня замерла... Вскорѣ на голубомъ фонѣ старыхъ позолоченныхъ обоевъ я увидѣлъ мою красавицу... Въ одно мгновенье я былъ уже около нея, цѣловалъ ея холодныя руки, старался глядѣть въ ея прекрасные глаза... Мы оба молчали... Послѣ нѣсколькихъ секундъ такого молчаливаго привѣтствія, Северина, наконецъ, спросила тихимъ, едва слышнымъ голосомъ, похожимъ на таинственный шопотъ:

— Вы, кузенъ?.. здѣсь!.. Какъ?.. Когда?

А я, не отвѣчая ей на вопросъ, нѣсколько безсвязно говорилъ объ ея бѣгствѣ, о томъ, что это очень и очень нехорошо являться причиною чужого несчастья; что есть же на свѣтѣ паровозы, желѣзныя дороги, искреннія желанія и непобѣдимая воля, которые дѣлаютъ то, что разстоянія исчезаютъ — и вотъ я здѣсь, я снова ее вижу и прошу лишь объ одномъ, чтобы она, безъ слѣдствія и суда, не заставляла меня сейчасъ уѣзжать изъ ея дома и изъ—пустыни!

Северина въ это время уже успокоилась и съ улыбкою отвѣтила:

— Искренно привѣтствую васъ, кузенъ,—въ пустынѣ!

И она повела меня къ столу, около котораго разставлены были старинные тяжелые стулья.

— Развѣ я не была права, кузенъ,—сказала она,—что зимою домъ этотъ стоитъ точно въ алебастровомъ гнѣздѣ?

— Гнѣздо это—настоящій сонъ сѣвернаго поэта!—воскликнулъ я.— Еще за минуту до нашей встрѣчи я слышалъ здѣсь пѣсню, чудную пѣсню соловья...

Северина опустила глаза.

— Чтò же пѣлъ этотъ соловей?... Можетъ быть, „ду-ду"?...

Мы все еще улыбались, сами не зная, чтò и о чемъ болтаемъ; я предугадывалъ, что въ моей собесѣдницѣ происходитъ борьба несокрушимой воли съ чувствомъ, которое, благодаря неожиданнымъ обстоятельствамъ, добивалось своихъ правъ.

— Конрадъ Донимирскій и его жена, — началъ я, — велѣли передать вамъ поклонъ.

— Вы были въ Мировѣ, кузенъ? — переспросила она.

По всей вѣроятности, ей показалось, что цѣлью моего путешествія былъ Мировъ, а къ ней я явился лишь за тѣмъ, что этого требуетъ этикетъ. Я догадался, что такая именно мысль посѣтила головку моей кузины, и поспѣшилъ добавить:

— Я заѣзжалъ въ Мировъ именно за тѣмъ, чтобы узнать дорогу въ Красовицы...

Радость, неподдѣльная, искренняя радость на одно мгновенье вспыхнула на ея лицѣ, загорѣлась въ ея глазахъ, но лишь на одно мгновенье, потому что сейчасъ же на этомъ самомъ лицѣ я прочелъ объявшій ее ужасъ, тотъ ужасъ, тотъ испугъ, который возбудило въ ней мое неожиданное появленіе въ ея домѣ.

— Въ Мировѣ, кажется, позабыли о дорогѣ, которая ведетъ въ Красовицы, — сказала она. — Мы не посѣщаемъ другъ друга...

— Донимирскіе вѣдь ваши близкіе родственники, кузина, — отвѣтилъ я: — и, насколько мнѣ извѣстно, не они въ томъ виноваты...

Въ эту минуту я увидѣлъ такую оригинальную и прекрасную картину, что, не окончивъ даже начатаго предложенія, умолкъ. Въ комнатѣ смежной съ тою, въ которой мы находились, я увидѣлъ такія существа, какія встрѣчаются развѣ въ преданіяхъ. Это были старикъ и старуха, но такіе, одинъ видъ которыхъ приводилъ на память Адама и Еву, Филемона и Баввиду, Пяста и Ржепиху. Онъ былъ высокаго роста, худощавый, въ черномъ платьѣ, съ чѣмъ-то въ родѣ красной ленточки въ петлицѣ, съ рѣдкими бѣлыми волосами и осанкою солдата; она, ростомъ значительно ниже его, тоже въ черномъ платьѣ, тоже съ сѣдыми волосами на нѣсколько наклоненной головѣ. Онъ и она, эта несравненная пара, поддерживали взаимно другъ друга. По ихъ походкѣ легко можно было догадаться, что старикъ былъ слѣпой, а его спутница вела его, но сама была очень слаба, почти безсильная, и онъ поддерживалъ ее... Какая неожиданная, какая оригинальная картина! Впрочемъ, я тотчасъ вспомнилъ, что у Северины были дѣдушка и бабушка.

— У тебя, Северина, говорятъ, есть гость, явившійся сюда изъ дальнихъ странъ? — спросилъ старикъ тихимъ и чрезвычайно пріятнымъ голосомъ. Я былъ всегда крайне впечатлителенъ на звукъ человѣческаго голоса, а въ этой семьѣ всѣ говорили какъ-то особенно пріятно.

— Да, да, дѣдушка.

Послѣ взаимной рекомендаціи и пожатія руки, которая нѣкоторое время блуждала въ пространствѣ раньше чѣмъ встрѣтилась съ моей рукою, глаза Адама Здроіовскаго, удивительно чистые, голубые глаза, блуждали въ пространствѣ и, судя по морщинамъ на лбу и щекахъ, онъ о чемъ-то думалъ. Видно было, что старикъ вспоминаетъ что-то—и наконецъ вспомнилъ:

— Грановскій... Грановскій!.. Какъ же!.. Помню... прекрасно помню... Въ третьемъ дивизіонѣ кавалеріи... въ корпусѣ генерала Массены...

Я сразу понялъ, что дѣдушка ошибся, и поспѣшилъ добавить:

— Двоюродный мой дѣдушка служилъ въ корпусѣ генерала Массены...

— Дѣдушка?—спросилъ онъ... А не вы?

— Господинъ Грановскій, дѣдушка, — сказала Северина,— тѣхъ временъ и тѣхъ людей не помнитъ!..

Старикъ выпрямился.

— Не помнитъ!—повторилъ дѣдушка.—Жаль! очень жаль! Жаль, что вы ихъ не помните, тѣхъ временъ... Это было время... время... Горячее время... Да!.. Да, тогда были богатыри, герои...

Странная мысль—требовать отъ меня, чтобы я жалѣлъ, что я не дѣдушка самъ себѣ! Но, несмотря на всю странность этой мысли, я преклонилъ голову передъ старцемъ, который провелъ молодость среди героевъ.

— Счастливы поколѣнія,—сказалъ я,—которымъ было суждено сѣять по землѣ геройскіе подвиги!

Но едва я успѣлъ произнести эти слова, какъ во мнѣ явилась совсѣмъ другая мысль:

„Еслибы Юзіо или Леонъ, особенно же всегда веселая Даля, или мадамъ Октавія—услышали, чтὸ я сказалъ!?“...

— Не думайте... нѣтъ...—возражалъ старикъ,—что мы гонялись только за славою... нѣтъ... И слава — вещь прекрасная... но есть вещь гораздо лучше... гораздо красивѣе... У насъ была... да, была—идея!

Вотъ интересно! — подумалъ я про себя: — какая же это у нихъ была идея? Подчинить себѣ все и всѣхъ? Но вѣдь такая идея во всякую эпоху имѣетъ изрядное количество любителей-охотниковъ!

Едва успѣлъ я это подумать, какъ вошла мадамъ Брожекъ, одѣтая понаряднѣе, и, взявъ подъ руку Северину, вышла съ нею въ сосѣднюю комнату, гдѣ что-то горячо ей проповѣдовала или въ чемъ-то ее убѣждала. Северина не соглашалась съ нею, чтὸ видно было по движеніямъ ея головы. Меня крайне заинтересо-

валъ предметъ этого спора, но я никакъ не могъ выйти въ смежную комнату: волей-неволей я долженъ былъ бесѣдовать со стариками, а вѣрнѣе съ однимъ только старикомъ, потому что бабушка не произнесла ни одного слова. Старикъ сейчасъ же постарался въ краткихъ словахъ объяснить мнѣ, въ чемъ состоитъ „великая идея“, которую онъ и его товарищи нѣкогда разносили изъ „священной“ Франціи по бѣлу свѣту.

Вдругъ старикъ спросилъ:

— Вы бывали во Франціи?

И на лицѣ его показалось зарево, которое, казалось, помолодило его на нѣсколько десятковъ лѣтъ!.. Почтенный старецъ!.. Я опасался лишь,—à la longue, не надоѣстъ ли онъ мнѣ...

Гл.

ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ

Романъ, соч. Фр. Шпильгагена.

— **Sonntagskind, Roman in sechs Büchern, v. Fr. Spielhagen. Berlin, 1893.**

КНИГА ТРЕТЬЯ *).

I.

Послѣ всего испытаннаго Юстомъ, онъ впалъ въ продолжительный бредъ, овладѣвшій имъ еще въ то время, какъ онъ бѣжалъ по лѣсу и лишь на мигъ уступившій мѣсто страшному сознанію, при видѣ трупа отца. Безумныя грёзы облекались въ такія ужасающія формы, и онъ умѣлъ ихъ такъ живо изображать, что у добраго патера Щончаллы волосы поднимались дыбомъ подъ бархатной ермолкой, между тѣмъ какъ старикъ докторъ Мальтусъ относился ко всему этому вовсе не такъ трагично.

— Все это происходитъ въ сферѣ безсознательнаго,—говорилъ онъ; — то-есть, тамъ, гдѣ человѣкъ, сочиняющій всѣ эти ужасы, такъ же мало принимаетъ ихъ на себя, какъ зрители въ театрѣ принимаютъ на себя убійство и смертельные удары, хотя и проливаютъ сантиментальныя слезы надъ ними. Онъ забудетъ весь этотъ безумный вздоръ, какъ только опомнится. Тогда начнется настоящее горе для бѣдняги! Если онъ и вспомнитъ, что дѣйствительно видѣлъ отца мертвымъ,—а я думаю, что онъ это вспомнитъ, такъ какъ постоянно говоритъ о немъ какъ объ умер-

---

*) См. выше: февраль, стр. 621.

шемъ, — то смерть матери все-же будетъ для него страшнымъ ударомъ. Для самой бѣдняжки это, конечно, было избавленіемъ; болѣзнь сердца такъ сильно развилась въ ней въ послѣднее время, что остатокъ ея жизни, еслибы она продлилась, превратился бы въ одну сплошную муку. Но Юстъ не можетъ же посмотрѣть на это событіе съ такой точки зрѣнія, и вамъ придется, ваше преподобіе, какъ можно дольше оставлять его въ невѣденіи на этотъ счетъ. И что̀ я еще хотѣлъ спросить васъ — хотя это, собственно говоря, до меня не относится, но и старый медикъ все же можетъ сохранить частичку добраго чувства, и меня трогаетъ судьба этого бѣднаго юноши;—какъ вы думаете: его отношенія къ графской фамиліи не пострадаютъ отъ этой ужасной исторіи?

Патеръ Щончалла, почесавъ за ухомъ, отвѣчалъ:

— Да, да, исторія ужасная, и я еще не вполнѣ понимаю, въ чемъ дѣло. Молодой графъ сознался, что у нихъ произошелъ споръ изъ-за пустяка и кончился потасовкой. Онъ утверждаетъ также, что у Юста кровь пошла изъ носу, а пятна въ комнатѣ доказываютъ, что кровь была пролита... Но онъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы раны Юста произошли отъ удара, который онъ нанесъ ему острымъ инструментомъ...

— Это я могу подтвердить на судѣ подъ присягой, — перебилъ докторъ.

— Ошибаться свойственно людямъ,—сказалъ патеръ,—и я бы желалъ, чтобы вы ошибались на этотъ счетъ, и Юстъ поранилъ бы себя въ лѣсу, наткнувшись на дерево или на острый сукъ. Въ лѣсу вѣдь было очень темно. Въ такомъ случаѣ все можетъ уладиться. Съ графской стороны, мнѣ кажется, выказываютъ полную готовность. Во всякомъ случаѣ,—принимая во вниманіе извѣстную экономію графа,—выражаюсь по-христіански какъ можно мягче,—утѣшительно, что графъ принялъ на себя не только всѣ расходы по погребенію, но даже обѣщалъ заплатить издержки, причиненныя болѣзнью Юста. Я знаю также, что молодой графъ получилъ сильный выговоръ за то, что не поднялъ тревоги тотчасъ же, а докторъ Мюллеръ чуть не лишился мѣста оттого, что допустилъ дамъ уѣхать на другое утро, не доведя до ихъ свѣдѣнія о случившемся. Конечно, о возвращеніи въ за̀мокъ нашего милаго юноши въ письмѣ графа не упоминается. Быть можетъ, онъ считаетъ, что это само собой разумѣется; быть можетъ, онъ думаетъ, что слѣдуетъ предоставить Юсту рѣшить: хочетъ ли онъ, послѣ нанесенной ему обиды, вернуться въ за̀мокъ. Я думаю, онъ захочетъ то, чего она захочетъ.

— Кто?

— Моя Изабелла.

— Ну, а она чтȍ говоритъ?

Патеръ опять почесалъ у себя за ухомъ.

— Не всегда легко понять, чего она хочетъ и чего не хочетъ; она сначала говорила: Юсту не мѣсто въ зáмкѣ. Затѣмъ, не знаю почему, устроила все-таки такъ, что его пригласили, и заставила его принять приглашеніе. Вчера онъ писалъ мнѣ...

Патеръ порылся въ карманѣ шлафрока и, вытащивъ оттуда письмо, развернулъ его дрожащими руками.

— Вотъ! „Скажи тетушкѣ Аннѣ, что въ моемъ комодѣ“...— нѣтъ, это не то — вотъ: „скажи Юсту, какъ только онъ придетъ въ себя, что его здѣсь примутъ милостиво, если онъ вернется, а если не вернется, то тоже милостиво къ нему отнесутся. А я думаю, что для него лучше, чтобы къ нему были милостивы издали, чѣмъ вблизи“...—Понимаете вы, докторъ?

— Гмъ!—проговорилъ докторъ,—для юной, четырнадцатилѣтней дамы письмо довольно замысловатое. Но она всегда задавала намъ загадки.

— Да, Богу извѣстно,—вздохнулъ патеръ, — что ее понять не легко.

— Ну, я еще объ этомъ подумаю,—сказалъ докторъ, допивая остатки токайскаго изъ стакана.—Съ паціентомъ продолжать все то же, чтȍ и до сихъ поръ. Завтра я опять пріѣду и надѣюсь, что бредъ ослабѣетъ. Уже и сегодня температура тѣла показываетъ только тридцать-восемь и пять-десятыхъ; послѣ сорока слишкомъ, чтȍ длилось цѣлую недѣлю, это пустяки. Кромѣ того, Шкапчикъ сознался вчера судебному слѣдователю Бертраму, что онъ участвовалъ въ убійствѣ отца Юста, въ чемъ ни одинъ разумный человѣкъ не сомнѣвался, равно какъ и въ томъ, что нравственнымъ зачинщикомъ преступленія является Лёбъ, которому Арнольдъ сталъ бѣльмомъ на глазу съ тѣхъ поръ, какъ перестал пропускать контрабандистовъ черезъ свой участокъ. Своихъ сообщниковъ Шкапчикъ еще не назвалъ. Но, я думаю, его къ этому принудятъ. По мнѣнію Бертрама, ихъ было по меньшей мѣрѣ шестеро; въ меньшемъ числѣ они не осмѣлились бы напасть на Арнольда; да и тутъ, вѣроятно, заманили его въ западню. Хорошо еще, что онъ успѣлъ выстрѣлить, и это заставило вернуться назадъ его помощника, котораго онъ неразумно отослалъ домой. Еслибы не это, то онъ пролежалъ бы долго въ лѣсу, прежде чѣмъ его бы нашли.

Старикъ-докторъ ушелъ; пасторъ Щончалла опять засѣлъ въ

уголъ дивана за полуопорожненной бутылкой вина. Больному онъ не былъ нуженъ; Марта Андерсъ ухаживала за нимъ послѣ полудня, когда она могла уйти изъ дому. А на Марту Андерсъ можно было положиться.

Но что̀ могли означать загадочныя слова Изабеллы? Глупо было съ его стороны ломать надъ ними голову. Быть можетъ, она хотѣла сказать, что Юсту лучше не возвращаться въ за́мокъ, а вмѣсто того принять деньги на поступленіе въ гимназію и затѣмъ въ университетъ, въ чемъ графъ не могъ ему отказать. Но только дастъ ли графъ эти деньги? Онъ славится своей скупостью. Да и согласится ли гордый Юстъ принять эти деньги? А если нѣтъ,—что̀ тогда? Богу извѣстно, что онъ съ радостью взялъ бы юношу себѣ вмѣсто сына; но у него никогда не бываетъ гроша въ карманѣ; откуда онъ возьметъ денегъ? И даже еслибы у него были деньги, Анна не позволитъ истратить ихъ на Юста.

Шумъ въ кухнѣ перебилъ его размышленія: Анна ссорилась съ сидѣлкой-полькой. Онъ покачалъ головой, прихлебнулъ изъ стакана, и снова забился въ уголъ дивана.

Ужасная женщина, эта Анна; ни о чемъ она не думаетъ, кромѣ личной выгоды. Но онъ никогда не рѣшался прогнать ее, сначала по добродушію, а затѣмъ изъ страха, что она выдастъ его Изабеллѣ. Да она его и выдала. Изабелла знаетъ... знаетъ то, чего бы ей ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало знать! Вотъ почему она, бывало, такъ странно глядитъ на него большими, большими глазами, и почему она такъ легко бросила его! Она — его сокровище, идолъ!

Несчастный человѣкъ закрылъ лицо руками и громко простоналъ.

Но вдругъ привскочилъ и ударилъ кулакомъ по столу, такъ что до краевъ налитое вино въ стаканѣ пролилось.

— Пусть она меня бросила! Я не стою ничего лучшаго, я — старый, спившійся, дурной человѣкъ! но если она броситъ Юста, такого добраго и славнаго юношу и такъ искренно ей преданнаго, то Богъ накажетъ ее за это. А она броситъ его, я это знаю; да она уже и бросила его; она гонится за блескомъ и великолѣпіемъ, и кто не можетъ ихъ ей доставить, тотъ—нуль въ ея глазахъ. Ахъ! а моей мечтой было, чтобы дѣти полюбили другъ друга и стали мужемъ и женой. Это бы меня вознаградило за все, къ чему я нѣкогда стремился и чего бы достигъ, если бы не растратилъ зря дарованій, данныхъ мнѣ Господомъ Богомъ: славы и чести ученаго, кардинальской шапки и дворца въ Римѣ среди благовонныхъ апельсинныхъ деревьевъ и боскетовъ изъ цвѣтущихъ

олеандровъ и пиній, въ тѣни которыхъ журчитъ фонтанъ въ большомъ мраморномъ бассейнѣ, а вокругъ него красуются фавны и нимфы. Да, да, отъ меня перешла къ ней любовь къ красотѣ! И подумать, что я тутъ сижу въ рваномъ шлафрокѣ, немытый и нечесаный, въ этой жалкой лачужкѣ, обросшей грязью, за убогимъ столомъ, на которомъ толстыя, мерзкія мухи упиваются пролитымъ виномъ... Пошла прочь, мерзкая тварь!

Онъ хотѣлъ ударить сѣраго мышенка, пробиравшагося между мухами, причемъ ни одна изъ послѣднихъ не пошевелилась.

Ужасъ охватилъ его. Онъ уставился на столъ, надъ которымъ теперь носились тучи испуганныхъ мухъ, собиравшихся снова наброситься на пролитое вино.

— Если мыши показываются уже бѣлымъ днемъ, то мѣра грѣховъ моихъ исполнилась!

Онъ опять прижалъ руки къ глазамъ и горько заплакалъ о своей погибшей жизни и о той, которую онъ такъ любилъ и которая такъ жестоко покинула его, а также и объ Юстѣ; у Юста не было теперь никого на всемъ бѣломъ свѣтѣ, кромѣ его, потеряннаго человѣка, которому уже при свѣтѣ дня мерещатся пугала ночи.

II.

Старикъ-докторъ былъ правъ: на слѣдующій день температура у его паціента сразу упала. Прошелъ еще день, и пульсъ сталъ тоже нормальнымъ. Проблески сознанія смѣнились полнымъ сознаніемъ и только оставалась большая слабость: за выздоравливающимъ требовался большой уходъ, и его слѣдовало оберегать отъ всякаго волненія. Добрый патеръ очень старался объ этомъ. Его страшилъ тотъ мигъ, когда ему нельзя будетъ долѣе скрывать правду отъ больного. А пока онъ всячески ее маскировалъ. Недѣли, проведенныя Юстомъ безъ памяти, онъ обратилъ во дни; его принесли сюда, къ патеру, когда нашли раненаго и безъ памяти въ лѣсу; мать не могла посѣщать больного сына, потому что сама въ настоящую минуту больна; отецъ отправился въ дальній участокъ на смѣну сослуживца, получившаго отъ графа разрѣшеніе уѣхать лечиться на воды.

Добрякъ патеръ не мало гордился такой простительной ложью и очень испугался, когда Марта Андерсъ, все еще приходившая послѣ полудня, сказала ему одинъ разъ напрямки:

— Не трудитесь, г. патеръ: онъ все знаетъ.

— Святые угодники!—вскричалъ патеръ:—ты ему сказала?

— Я ничего не говорила, но тетушка Анна, кажется, сказала.

Патеръ ударилъ себя ладонью по лбу; объ этомъ-то онъ какъ разъ и не подумалъ.

— Ужасная женщина! — вскричалъ онъ:—она хотѣла его убить.

— Можетъ быть, и убила бы,—отвѣчала Марта:—но я убѣждена, что онъ зналъ раньше того.

Предположеніе умной дѣвушки было вѣрно.

Первое, что̀ Юстъ, придя въ память, установилъ въ своемъ умѣ, какъ незыблемый фактъ—это смерть отца. Зрѣлище блѣднаго человѣка, распростертаго на носилкахъ, не было лихорадочной грёзой, но дѣйствительностью. Ему не нужно было никакихъ доказательствъ, онъ это твердо зналъ. Мать не разъ жаловалась, что боится, какъ бы контрабандисты, которымъ теперь солоно отъ него приходилось, не отомстили ему. Ну, вотъ, контрабандисты и убили отца.

Но если отецъ умеръ, то и мать не пережила его. Бездыханное тѣло отца навѣрное принесли домой, и слабая нить, привязывавшая ее къ жизни, порвалась. Она, конечно, умерла,—иначе давно бы, хотя сама больная, притащилась къ постели своего больного Юста. И хотя его хотѣли увѣрить, что онъ пробылъ безъ памяти всего лишь два, три дня, но онъ примѣчалъ по сухимъ листьямъ, что̀ гналъ вѣтеръ мимо окна, отъ котораго онъ по цѣлымъ днямъ не отводилъ взора, что осень значительно подвинулась впередъ. И солнце позднѣе всходило и раньше заходило; и гуси на деревенской улицѣ кричали такъ жалобно, точно знали, что имъ скоро предстоитъ конецъ. Двадцатаго сентября былъ онъ въ послѣдній разъ въ за̀мкѣ, а теперь долженъ былъ уже наступить конецъ октября. Отецъ и мать умерли—въ этомъ онъ убѣдился прежде, нежели тетушка Анна сообщила ему не безъ колебанія и присовокупивъ, что онъ не долженъ выдавать ее, такъ какъ ей строго запрещено говорить ему правду.

Раздумавшись обо всемъ, что̀ было, Юстъ вдругъ такъ громко застоналъ, что Марта, сидѣвшая у окна съ шитьемъ въ рукахъ, подняла голову и спросила:

— Что съ тобой?

— О, ничего!—отвѣчалъ онъ:—немножко въ вискахъ сдавило... теперь прошло.

— Мнѣ пора идти, — сказала дѣвушка, вставая. — Патеръ

въ деревнѣ, напутствуетъ св. дарами старуху Ядвигу; она при смерти. Послать мнѣ къ тебѣ тетушку Анну?

— Нѣтъ, мнѣ хочется спать.

— Ну, такъ до завтра; покойной ночи.

Она ушла; Юстъ не хотѣлъ спать, ему хотѣлось побыть одному. Ему всегда казалось, что ясные, умные, сѣрые глаза Марты читаютъ его мысли у него на лицѣ, а эти мысли ему хотѣлось бы лучше прогнать и отъ себя. Но ихъ нельзя было прогнать, онѣ навязчиво лѣзли въ голову; какъ только онъ пришелъ въ себя, онѣ неотступно преслѣдовали его, и онъ, наконецъ, ни о чемъ иногда не могъ думать, какъ только: „ты ее любишь, а она тебя знать не хочетъ!"

Онъ прежде этого не зналъ. Любить ее было для него такъ же естественно, какъ и дышать. А то, что она такъ часто бывала немилостива и мучила его своими капризами—это тоже казалось ему естественнымъ: вѣдь одинаково дышешь какъ теплымъ, такъ и холоднымъ воздухомъ.

И пребываніе въ замкѣ не измѣнило ничего существеннаго въ ихъ отношеніяхъ; онъ находилъ совершенно въ порядкѣ вещей, что весь свѣтъ за ней ухаживаетъ, и былъ ей благодаренъ за ея доброту и за то, что она такъ умно и такъ дружелюбно предостерегала его отъ безтактностей. Даже въ послѣдній вечеръ, когда онъ разсказывалъ свою сказку, ему не приходило въ голову, что въ сказкѣ этой есть глубокій, скрытый смыслъ, и что другіе могутъ доискаться этого смысла. Онъ только тогда сообразилъ это, когда Арманъ со взглядомъ ненависти подошелъ къ нему и потребовалъ отчета за наглую сказку,—наглую не потому, что въ ней выведены король-людоѣдъ и его сынъ принцъ-людоѣдъ, а потому, что простой охотникъ смѣетъ любить фею которую любитъ принцъ. Вотъ настоящая причина ихъ драки; изъ-за этого они чуть не убили другъ друга. И даже въ тотъ моментъ это было для него не совсѣмъ ясно; только теперь онъ вполнѣ созналъ, что любитъ Изабеллу чуть не отъ рожденія, и что для него лучше было бы, еслибы лѣсные сторожа принесли его мертвымъ изъ лѣсу вмѣстѣ съ трупомъ отца. Если она и не выйдетъ замужъ за принца-людоѣда или за бѣлокураго барона—все же несомнѣнно: женой бѣднаго охотничьяго сына она никогда не будетъ! никогда!

Печальное пробужденіе изъ мрака болѣзни...

И когда добрый патеръ вернулся домой, онъ нашелъ, что лобъ его любимца снова горячъ, а подушка подъ горячимъ

лбомъ — мокра; старикъ-докторъ, за которымъ послали спозаранку на другое утро, сказалъ:

— Ничего не понимаю; все было такъ хорошо, а теперь оказывается жесточайшій рецидивъ.

III.

Но рецидивъ длился всего лишь нѣсколько дней, и теперь уже самъ докторъ Мальтусъ настаивалъ на томъ, чтобы молодому человѣку сообщили печальную дѣйствительность, о которой онъ, очевидно, уже догадывается. Горесть, громко выраженная, будетъ для него менѣе вредоносна, чѣмъ скрытая печаль.

Ни одинъ грѣшникъ не являлся на исповѣдь съ такимъ удрученнымъ сердцемъ, съ какимъ патеръ Щончалла подсѣлъ къ постели Юста, чтобы пересказать ему о всемъ, чтò было.

И въ душѣ онъ благодарилъ Бога за то, что тетушка Анна облегчила ему горькую задачу своей въ высшей степени грѣховной и непростительной болтовней. Онъ могъ въ короткихъ словахъ сообщить Юсту о событіяхъ; и тотъ выслушалъ гораздо хладнокровнѣе, чѣмъ самъ патеръ, по щекамъ котораго катились слезы состраданія, ихъ высказывалъ. Въ родительскомъ домѣ, — если можно назвать домомъ такую развалину — уже поселился преемникъ отца Юста, молодой его помощникъ, и собирался по этому случаю жениться. Патеръ полагалъ, что поступилъ въ интересахъ Юста, продавъ новому лѣсничему всю хозяйственную утварь, за исключеніемъ немногихъ вещей, которыя, по его мнѣнію, Юстъ могъ пожелать сохранить на память.

Тутъ пришлось также затронуть вопросъ о томъ, какъ думаетъ Юстъ устроиться на будущее время. Патеръ считалъ своей обязанностью сдѣлать видъ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что Юстъ по выздоровленіи вернется въ графскій зáмокъ.

— Развѣ этого желаютъ? — спросилъ Юстъ.

Патеръ долженъ былъ сознаться, что въ письмахъ, полученныхъ имъ отъ графа въ отвѣтъ на его собственныя о дѣлахъ Юста, графъ не высказывалъ такого желанія вполнѣ опредѣленно, но, можетъ быть, онъ считалъ, что это само собой разумѣется.

Еслибы болѣзнь и не сдѣлала всѣ чувства Юста воспріимчивѣе, то и тогда онъ понялъ бы, что патеръ говоритъ все это вопреки своему убѣжденію. Да и на лицѣ у него можно было это прочитать. И къ чему только добрякъ такъ старается!

— Послушайте! — перебилъ его Юстъ: — вамъ и вамъ од-

ному скажу я правду о томъ, чтò произошло между мною и юнымъ графомъ. Онъ солгалъ, говоря, что ссора вышла изъ-за пустяковъ. И это уже было худо; но на дѣлѣ вышло еще хуже.

И Юстъ, пересказавъ о томъ, чтò было въ дѣйствительности, объявилъ, что ноги его больше не будетъ въ зáмкѣ, гдѣ съ нимъ такъ позорно обошлись. Между нимъ и Арманомъ вражда на всю жизнь.—Одного этого, кажется, уже достаточно, чтобы старикъ-графъ не желалъ моего возвращенія въ зáмокъ,—говорилъ Юстъ.—Но все равно, желаетъ онъ этого или нѣтъ, никакая власть въ мірѣ не загонитъ меня обратно въ зáмокъ. И я долженъ сказать вотъ еще чтò: графъ заплатилъ издержки по погребенію родителей — это мнѣ очень непріятно, но дѣлать нечего. Что касается другихъ расходовъ, причиненныхъ моей болѣзнью, то, по моему, не слѣдуетъ и допускать его заплатить ихъ, если онъ этого, какъ вы говорите, желаетъ. Докторъ не будетъ настаивать, чтобы я уплатилъ ему за визиты, да и вы также не возьмете съ графа деньги за свою доброту ко мнѣ.

— Нѣтъ, мой сынъ!—вскричалъ патеръ, беря обѣ руки Юста въ свои:—клянусь Спасителемъ, я этого никогда не сдѣлаю.

— Я зналъ это,—отвѣчалъ Юстъ.—И еще послѣднее слово: я не приму больше ни одного пфеннига отъ графа, хотя бы умиралъ съ голоду на мостовой.

— Этого съ тобой и не случится, пока я живъ!—вскричалъ патеръ, все еще не выпуская блѣдныя руки юноши изъ своихъ:—Съ тѣхъ поръ какъ ее со мною нѣтъ, и она такъ легко покинула меня, у меня нѣтъ никого въ мірѣ, кого бы я любилъ, кромѣ тебя; я и прежде любилъ тебя какъ сына, а теперь ты будешь мнѣ вмѣсто сына.

— А что Изабелла, ничего не писала?

Патеръ испугался. Впервые Юстъ произнесъ ея имя, и онъ не зналъ теперь, чтò ему дѣлать. Если онъ сообщитъ странныя слова этой дѣвочки, то какъ бы это не вызвало новаго рецидива болѣзни, и на этотъ разъ съ смертельнымъ исходомъ.

Патеръ сидѣлъ въ мучительномъ недоумѣніи, вытирая бумажнымъ колпакомъ, который онъ звалъ своимъ носовымъ платкомъ, потъ, выступившій у него на лбу.

— Дайте мнѣ ея письмо, отецъ!—сказалъ Юстъ.—Обѣщаю вамъ, что я не заболѣю.

Патеръ уставился на него и уже поднялъ руку, чтобы перекреститься. Это явная чертовщина! Откуда онъ знаетъ о письмѣ? Союзъ чорта съ этимъ добрымъ юношей, хотя онъ и не принад-

лежитъ къ святѣйшей церкви... чистая нелѣпость! Одно ясно: письмо надо дать.

И ни слова не говоря, онъ вышелъ изъ комнаты, вернулся черезъ нѣсколько минутъ, положилъ письмо на одѣяло Юста и снова вышелъ, по прежнему не говоря ни слова.

IV.

То было первое настоящее письмо, полученное Юстомъ отъ нея уже изъ Берлина. Онъ уставился на адресъ, точно то была надпись на двери, которая вела въ таинственный храмъ, и начертана неизвѣстными письменами на непонятномъ языкѣ, а между тѣмъ на конвертѣ ничего не было, кромѣ его имени и адреса, написанныхъ своеобразнымъ, твердымъ и хорошо знакомымъ ему почеркомъ. Чтó скрывалось въ этомъ святилищѣ? Жизнь или смерть? Раскается ли онъ съ сладкими слезами въ своихъ помыслахъ, прочитавъ его, или же скажетъ: я былъ правъ.

Онъ вспомнилъ про „юношу въ Саисѣ“.

— Нужно взглянуть истинѣ въ лицо! — громко произнесъ онъ и распечаталъ письмо.

Онъ прочелъ:

„Какъ ты себя теперь чувствуешь, мой милый счастливецъ? Дядя (почему ты не помѣстилъ его въ своей сказкѣ? или, можетъ быть, онъ-то и есть благочестивый старый отшельникъ?) пишетъ мнѣ, что злая вѣдьма Урака такъ жестоко оттрепала тебя, что даже вырвала чуть не половину твоихъ прекрасныхъ, темныхъ волосъ, и ты теперь совсѣмъ безъ волосъ. Мнѣ жаль тебя. Голова такъ некрасива безъ волосъ. Когда я сегодня вечеромъ буду заплетать свои волосы—несносная, мимоходомъ говоря, работа!—я буду постоянно думать о моемъ бѣдномъ безволосомъ счастливцѣ. Но у него скоро, скоро отростутъ его красивыя, темныя кудри.

„Знаешь ли, Юстъ, собственно говоря, очень глупо все, чтó у тебя вышло съ Арманомъ. Васъ, мальчиковъ, нельзя ни одной минуты оставить однихъ. И при этомъ онъ утверждаетъ, что билъ тебя хлыстомъ! Я ему въ лицо сказала:—Вы лжете! Еслибы вы его ударили хлыстомъ, онъ бы васъ задушилъ.—Не правда ли, Юстъ, ты бы такъ и сдѣлалъ? А затѣмъ я ему сказала:—Будьте довольны, что Юстъ молчитъ и не говоритъ, какой это въ дѣйствительности сукъ, на который онъ наткнулся. А

rgropos! Своей феѣ ты можешь, однако, сообщить, какъ въ сущности было дѣло; не дурно имѣть оружіе въ рукахъ противъ принцевъ-людоѣдовъ: они порою бываютъ нахальны.

„Къ счастію, черезъ четыре недѣли онъ уѣзжаетъ изъ дому въ юнкерскую школу. Такъ продолжаться дольше не могло: старикъ-графъ (еслибы онъ зналъ, что я его называю „старикомъ“!) и онъ—совсѣмъ не ладятъ другъ съ другомъ. Вслѣдствіе этого и любезный герръ Мюллеръ становится лишнимъ. Онъ читалъ раза три проповѣдь за одного больного пастора, мѣсто котораго ему обѣщано, а потому не нуждается больше въ графѣ и доказываетъ это тѣмъ, что не смѣется больше при его остротахъ (ты помнишь: прежде онъ разѣвалъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ свой противный ротъ до ушей). M-lle Аделаида плаваетъ въ желтыхъ локонахъ и въ блаженствѣ, которое я могла бы сильно ей испортить, разсказавъ, какъ ея будущій господинъ и повелитель недавно стоялъ передо мной на колѣняхъ,—правда, затѣмъ, чтобы объяснить мнѣ, что онъ надѣется теперь съ Божіей помощью побѣдить свою грѣховную любовь. Я тоже надѣюсь. Не смѣшно ли, что старая графиня, которая прежде, по ея словамъ, не могла жить безъ m-lle Аделаиды, теперь не дождется времени, когда она оставитъ ея домъ? Вообще графинѣ не хорошо: то есть, конечно, она совсѣмъ не больна, но лежитъ въ постели и увѣряетъ, что у нея нѣтъ силъ встать, что она не переноситъ свѣта, не можетъ ничего ѣсть и пить, enfin: съума сошла, и мнѣ съ ней не мало хлопотъ, такъ какъ она никого не терпитъ около себя, кромѣ меня. Ну, а ухаживать за больными — это совсѣмъ не моя страсть; но что дѣлать! Къ тому же пріятно и то, что гордая графиня позволяетъ командовать собою такой дѣвчонкѣ, какъ я. Врачи хотятъ отослать ее какъ можно скорѣе на Ривьеру. Всѣ мы, конечно, поѣдемъ съ нею. Она пока не хочетъ ѣхать, и я хорошенько не знаю: убѣждать ее или отговаривать. Я представляю себѣ, что на Ривьерѣ, гдѣ въ январѣ мѣсяцѣ цвѣтутъ розы и фіалки, апельсинныя деревья и синѣетъ море,—прекрасно; но вѣдь и здѣсь, въ Берлинѣ, очень хорошо.

„Ты не повѣришь, какъ здѣсь хорошо, счастливецъ! Большой городъ съ великолѣпными магазинами, и на ихъ выставкахъ—груды прекрасныхъ вещей; толпа людей на улицахъ и всѣ спѣшатъ; все это очень занимательно! А театръ! Я сначала была очень возбуждена, хотя этого и не показывала. Теперь я привыкла и, говорятъ, всегда вѣрно сужу: хорошо играютъ актеры или дурно. Часто спрашиваю я себя: какъ бы я играла, еслибы попала на

сцену? Ты знаешь, что вѣдь это давнишняя моя идея,—и кто знаетъ, если я соскучусь... Но, конечно, объ этомъ пока нечего думать. Я совсѣмъ не скучаю. Напротивъ того, въ домѣ бываетъ столько мужчинъ, столько знатныхъ дамъ... И графиня принимаетъ ихъ, когда я хочу, а они говорятъ мнѣ комплименты, конечно, только потому, что видятъ какъ это пріятно графинѣ. Вообще, счастливецъ, ты не повѣришь, какъ здѣсь носятся съ твоей бѣдной, маленькой феей, въ особенности мужчины,—тѣ часто бываютъ просто смѣшны. Офицеры нравятся мнѣ всѣхъ больше; по моему, всѣ мужчины должны были бы ходить въ мундирахъ, потому что фракъ совсѣмъ некрасивъ рядомъ съ изящнымъ мундиромъ. Даже баронъ Шенау,—онъ вѣдь красивый мужчина,—а въ мундирѣ кажется еще красивѣе. Онъ здѣсь, и служитъ во второмъ гвардейскомъ полку. Сначала мнѣ было трудно отличать различные роды оружія (ты, конечно, знаешь, что это такое, я же не знала) и различные полки и значки офицеровъ. Теперь я съ одного взгляда различаю ихъ. Только одно еще затрудняетъ меня: я не могу сразу отличить прапорщика отъ поручика или капитана. Для этого надо поглядѣть на звѣздочки ихъ эполетъ, а офицеры большею частію очень высокаго роста, — почти всѣ такъ же высоки, какъ графъ, а феи, какъ извѣстно, никогда не бываютъ большими, и вотъ въ этомъ все затрудненіе. Я обязана почти всѣми своими познаніями одному сѣдому генералу; онъ часто бываетъ въ домѣ и „поклоняется“ мнѣ, какъ говорятъ. Онъ очень смѣшной господинъ, и я всячески шучу надъ нимъ.

„Знаешь ли ты, однако, счастливецъ, что и тебѣ поклоняются? Ты ни за что не угадаешь ктò, а потому лучше я тебѣ скажу сразу: Сивилла!

„Мнѣ кажется, ты обворожилъ ее своей сказкой, и она постоянно о ней говоритъ (и бредитъ во снѣ, я убѣждена), хотя сама въ ней никакой роли не играетъ. Или, быть можетъ, это она—фея? Тогда у меня оказалось бы une illusion perdue. Миссъ Броунъ говоритъ, что это книга Бальзака; я нашла ее въ ея собственной маленькой библіотекѣ и всю ночь читала въ постели; днемъ тутъ некогда читать, да притомъ, эта книга не для меня. Я не знаю, почему бы это: въ газетахъ пишутъ еще болѣе странныя вещи, а то, чтò видишь и слышишь въ театрахъ!!.. Но сама Броунъ—чудеснѣйшее созданіе въ мірѣ и безконечно любитъ меня; она разсказала мнѣ всю свою любовную исторію. Я сначала не понимала хорошенько—зачѣмъ? теперь понимаю. Но этимъ я не буду утомлять тебя, счастливецъ, да ты этого и не поймешь; скажу

тебѣ только по секрету: она помолвлена съ нашимъ докторомъ, но онъ не долго еще пробудетъ нашимъ докторомъ, такъ какъ получаетъ хорошее мѣсто въ большой здѣшней больницѣ. Осенью, когда онъ займетъ это мѣсто, они повѣнчаются. До тѣхъ поръ все остается въ секретѣ, потому что иначе ему нельзя было бы ѣхать съ нами на Ривьеру, а это было бы жаль: такая секретная любовная пара очень забавна, счастливецъ!

„Я серьезно говорила вчера о тебѣ съ графомъ. Онъ зналъ, что я буду сегодня писать, и рѣшилъ, что тебѣ всего лучше узнать объ его намѣреніяхъ отъ меня. Я уже говорила тебѣ, онъ очень сердитъ на Армана, и хотя этого открыто и не высказываетъ, но убѣжденъ, что онъ игралъ жалкую роль въ вашей ссорѣ. Кромѣ того, Армана нѣтъ теперь здѣсь, и онъ бы не стоялъ тебѣ на дорогѣ. Но потому самому, что Армана нѣтъ здѣсь—„устраняется и причина, почему Юстъ переселился тогда въ нашъ домъ“ (слова графа). Онъ думаетъ также, что тебѣ самому будетъ пріятнѣе и удобнѣе заниматься не у насъ въ домѣ, среди вѣчной суеты, а въ какомъ-нибудь тихомъ пансіонѣ, напримѣръ въ Бреславлѣ, куда онъ самъ часто ѣздитъ, и гдѣ у него много знакомыхъ, и ему легко пріискать для тебя хорошій пансіонъ. Онъ не допуститъ тебя въ чемъ-либо нуждаться и даже назвалъ сумму, которую будетъ ежегодно давать тебѣ. Я не помню теперь, какъ велика эта сумма, но мнѣ она показалась значительной. Мы разстались наилучшими друзьями, и онъ поцѣловалъ мнѣ руку, чтò, сказать мимоходомъ, онъ всегда дѣлаетъ, когда никого съ нами нѣтъ. Я не знаю, чтò онъ при этомъ думаетъ. Мнѣ это кажется очень смѣшно.

„Но вотъ чтò я хотѣла сказать: я нахожу все это очень разумнымъ. Конечно, какъ я тебя знаю, ты ничего не захочешь больше принять отъ графа, и дядя будетъ тебя въ этомъ укрѣплять. Но дядя столько же знаетъ свѣтъ, какъ новорожденное дитя, да и ты въ этомъ отношеніи не далеко ушелъ отъ него. Поэтому мой совѣтъ: напиши графу, когда поправишься, письмо и въ немъ, поблагодаривъ его сперва за доброту, попроси сообщить тебѣ или дядѣ объ его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ, и всего лучше опять черезъ меня, уже потому, что я желаю удержать это дѣло въ своихъ рукахъ.

„Ну, а теперь глаза у меня слипаются (я пишу ночью) и руки у меня устали, и мнѣ надо кончить, если я не хочу разсѣяться въ воздухѣ серебристымъ облачкомъ, какъ „Майская Ночь“. Поклонись дядѣ и поскорѣе напиши—твоей Изабеллѣ“.

„P.-S.—Такъ какъ никакой соколъ не пролетаетъ мимо моей башни, я должна, къ сожалѣнію, отослать это письмо по почтѣ.

„Майская Ночь".

Въ то время, какъ Юстъ читалъ письмо, Марта Андерсъ тихо вошла въ комнату и сѣла у окна, въ которое стучалась снѣжная метель.

Юстъ выронилъ послѣдній листокъ изъ руки на одѣяло, гдѣ лежали другіе.

— Я былъ правъ,—пробормоталъ онъ.

Невыразимое чувство горечи и печали овладѣло имъ. Вотъ благодарность за его любовь! Она хладнокровно отсылаетъ его отъ себя на долгіе годы, на цѣлую вѣчность!

Взглядъ его упалъ на дѣвушку, сидѣвшую у окна; онъ совсѣмъ позабылъ про нее. Ахъ! какъ права она была, когда говорила ему въ то утро въ лѣсу: „не ходи въ зàмокъ!"

— Марта! — позвалъ онъ.

Она повернула къ нему лицо. Оно не было такъ волшебно прекрасно, какъ то, другое; и глаза ея не сверкали, а темные, курчавые волосы, разметанные снѣжною бурей, перепутались на низкомъ лбу.

— Что?—спросила она.

— Сдѣлай мнѣ одолженіе. Ночи такія длинныя, а мнѣ нечего читать. Между моими книгами въ зàмкѣ остался романъ Вальтеръ-Скотта: „Квентинъ Дорвардъ". Мнѣ бы хотѣлось его получить. Ты легко добудешь его у кастеляна.

Она тотчасъ встала и повязала голову мокрымъ платкомъ, который передъ тѣмъ только-что положила около себя на подоконникъ. Въ этотъ мигъ налетѣлъ такой порывъ вѣтра, что весь домъ задрожалъ. Снѣгъ валилъ густыми хлопьями, и церковь, стоявшая напротивъ окна, скрылась за бѣлымъ покрываломъ.

— Мнѣ не пробраться по снѣгу черезъ лѣсъ, а по шоссé гораздо дальше,—сказала она, взявшись за ручку двери.—Я вернусь поэтому только къ ночи...

— Марта!

Она вопросительно взглянула на него.

— Марта, какъ можешь ты думать, что я въ такую погоду погоню тебя въ зàмокъ за какой-то глупой книгой! Вотъ что лучше сдѣлай: твой отецъ собирался меня навѣстить, и я очень этому радовался. Еслибы ты его попросила придти ко мнѣ, всего лучше сегодня вечеромъ.

— Онъ дома,—отвѣчала Марта:—на фабрикѣ что-то произошло. Хочешь, я за нимъ схожу?

— Буду очень благодаренъ.

— Но тебѣ не слѣдуетъ много говорить.

— Я и не буду много говорить съ твоимъ отцомъ. Я хочу только сказать ему, что придумалъ новый конецъ для своей сказки, и этимъ обязанъ ему.

Юстъ много бредилъ въ болѣзни про сказку. Неужели у него опять бредъ? Но глаза его, хотя и грустные, были вполнѣ ясны, а тихій голосъ спокоенъ.

— Я пойду за отцомъ, — сказала Марта.

V.

— Зачѣмъ ты понадобился Юсту?—спрашивала Марта отца, когда онъ, всегда и все ей сообщавшій, молчалъ о свиданіи съ Юстомъ цѣлыхъ два дня.

— Ахъ, пустяки!—недовольно отвѣчалъ старикъ.

— Я такъ и думала. Мнѣ кажется, у него въ головѣ все еще не совсѣмъ въ порядкѣ. Онъ говоритъ иногда такія странныя вещи.

— Да, да, странно-то оно странно,—сказалъ старикъ:—но совсѣмъ не глупо. Онъ хочетъ бросить ученье и стать рабочимъ, какъ мы.

— Ну, тогда это совсѣмъ глупо, потому что онъ очень слабъ, —отвѣчала Марта.—Да притомъ онъ годится на что-нибудь лучшее, чѣмъ простой рабочій.

— Но вѣдь и ты также, мое дитя, не лишена способностей.

— Да и ты, отецъ, также. Но ты женатъ; у тебя четверо дѣтей, и руки несвободны. И я тоже несвободна—иначе отправилась бы въ городъ и поступила бы въ больничныя сидѣлки.

— Ты можешь хоть сейчасъ выйти замужъ. Станикъ Столярчикъ охотно на тебѣ женится.

— Да я-то не пойду за Станика,—отвѣчала Марта, сдвигая густыя брови. — Очень нужно выходить замужъ, чтобы терпѣть побои отъ мужа! А вотъ зачѣмъ хочетъ Юстъ въ рабочіе? Если родители его умерли, и онъ не хочетъ ничѣмъ больше обязываться злымъ людямъ въ за́мкѣ—чего бы и я на его мѣстѣ не сдѣлала,—то вѣдь у него все же остается добрый патеръ. Еще вчера онъ говорилъ мнѣ: „я никогда не оставлю Юста“.

Старикъ сдвинулъ шапку на затылокъ и принялся гладить

задумчиво лобъ. Потомъ опять надвинулъ шапку на лобъ и сказалъ:

— Все это знаетъ Юстъ такъ же хорошо, какъ и мы съ тобой; но какъ долго проживетъ еще патеръ? Мнѣ думается: врядъ ли онъ протянетъ и годъ, если будетъ такъ пить. А и проживетъ онъ дольше и его не лишатъ должности, то все же ему придется каждый грошъ, истраченный на Юста, вырывать насильно изъ рукъ тетушки Анны. Все это Юстъ хорошо взвѣсилъ, и какъ только выздоровѣетъ — пойдетъ просить у директора работы. А если все такъ и случится, какъ онъ думаетъ, жить же ему у патера, разъ онъ станетъ рабочимъ, окажется неудобнымъ,—то почему бы ему не занять у насъ мансарду? Вѣдь она стоитъ пустая съ тѣхъ поръ, какъ Зоська вышла замужъ. Какъ ты думаешь?

Марта не сразу отвѣчала. Она наклонилась надъ очагомъ и помѣшала въ котелкѣ, но только затѣмъ, чтобы скрыть румянецъ, разлившійся у нея по щекамъ. Юстъ будетъ жить у нихъ въ домѣ! Среди сутолоки и безпорядка! Юстъ будетъ видѣть, какъ Христофоръ и Болеславъ дерутся, или хуже того: какъ мачиха напивается!

— Тебѣ, видно, не по душѣ эта мысль?—спросилъ отецъ, удивленный ея молчаніемъ.

— И да, и нѣтъ, — коротко отвѣтила Марта.

И, снявъ котелокъ съ огня, понесла его въ горницу.

Она хотѣла на досугѣ поразмыслить о томъ: отвѣтить ли ей согласіемъ или отказомъ, если случай, о которомъ говорилъ отецъ, представится. Выздоровленіе Юста шло очень медленно, и старикъ-врачъ сѣтовалъ на погоду, мѣшавшую его паціенту пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Зима наступила и была, даже для той мѣстности, очень суровая; снѣжныя метели свирѣпствовали во всей округѣ, занося всѣ пути и стѣсняя движеніе даже по желѣзнымъ дорогамъ.

Выбравъ, наконецъ, болѣе благопріятный денекъ, Юстъ отправился къ директору фабрики. То былъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ и болѣзненный; обремененный большимъ семействомъ и не пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ графа, а также и оберъ-директора, онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ потерять свое мѣсто. Юстъ видалъ его мелькомъ въ былое время, такъ какъ домà, гдѣ жили фабричные служащіе, находились неподалеку отъ отцовскаго дома, между нимъ и фабрикой, на опушкѣ лѣса.

Онъ нашелъ болѣзненнаго старика въ особенно скверномъ расположеніи духа. Оберъ-директоръ только-что былъ у него, и

между нимъ и герромъ Венделикомъ произошла очень рѣзкая сцена; Юстъ, дожидавшійся въ передней, могъ даже разслышать послѣднія слова.

Поэтому герръ Венделикъ принялъ его, когда онъ къ нему вошелъ, очень немилостиво. Господинъ оберъ-директоръ только-что объявилъ: по нынѣшнимъ худымъ временамъ необходимо отпустить извѣстное число рабочихъ, а онъ, директоръ, находитъ болѣе чѣмъ страннымъ то, что Юстъ, выгнанный, сколько ему извѣстно, изъ графскаго зáмка, ищетъ работы на графской фабрикѣ. Впрочемъ это вовсе до него не касается; пусть Юстъ обратится къ господину инспектору.

Съ этимъ Юстъ и былъ отпущенъ. Господинъ инспекторъ находился на фабрикѣ. Юстъ пошелъ туда и послѣ долгихъ мытарствъ благополучно добрался, наконецъ, до герра Фабіана и изложилъ ему свою просьбу. Герръ Фабіанъ почесалъ за ухомъ и объявилъ, что дѣло выходитъ довольно курьезное: какъ добрый знакомый покойнаго отца Юста, онъ охотно готовъ ему помочь; но неужели же Юстъ не могъ придумать для себя ничего болѣе подходящаго? Ему вѣдь уже шестнадцать—скоро даже семнадцать лѣтъ—и хотя онъ въ полной силѣ, но инспекторъ можетъ помѣстить его на первыхъ порахъ только въ мастерской, гдѣ упаковываютъ бумагу—работа, которую могутъ выполнить совсѣмъ необразованные люди такъ же хорошо, какъ онъ, Юстъ, и даже лучше его. При этомъ плата, надо сознаться, ничтожнѣйшая. Пусть Юстъ хорошенько подумаетъ.

Юстъ сказалъ, что онъ все уже обдумалъ и обсудилъ вмѣстѣ съ Андерсомъ.

— Ахъ! причемъ тутъ Андерсъ!—перебилъ инспекторъ:— Андерсъ хорошій работникъ, даже лучшій у меня, но у него голова не совсѣмъ въ порядкѣ. Его-то вамъ и слушать вовсе не слѣдовало бы. Если вы непремѣнно хотите служить и притомъ заявляете, что у васъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ иныхъ средствъ и иного исхода... ну, что-жъ, я самъ вышелъ изъ рабочихъ, и, конечно, трудолюбивый и толковый человѣкъ можетъ, начавъ простымъ рабочимъ, выйти въ люди. Пожалуй, я васъ запишу въ списокъ кандидатовъ, и когда представится случай, вспомню о васъ. Но предупреждаю—до весны нѣтъ почти никакой надежды.

Послѣднее показалось Юсту особенно тяжело: въ своемъ рвеніи онъ готовъ былъ бы лучше въ тотъ же день стать за работу.

Первый выходъ изъ дому и бесѣда съ директоромъ и инспекторомъ очень утомили и взволновали его. Вернувшись домой, онъ снова почувствовалъ лихорадку и даже слегъ дня на два въ постель.

Но это прошло, и онъ почувствовалъ, наконецъ, въ себѣ силы написать Изабеллѣ. Его письмо было такъ же коротко, какъ ея — длинно; онъ благодарилъ ее за старанія устроить его судьбу, но объявилъ, что никакъ не можетъ воспользоваться предложеніемъ графа. Затѣмъ пожелалъ ей какъ можно больше веселиться въ Берлинѣ и на Ривьерѣ, если она туда поѣдетъ, и просилъ поклониться отъ него миссъ Броунъ и въ особенности графинѣ Сивиллѣ. О своихъ планахъ онъ не писалъ ничего.

Изабелла отвѣчала по истеченіи недѣли:

„Милый Юстъ! должна тебѣ сказать, что ты очень неразуменъ. Таково мнѣніе и графа. Не все ли тебѣ равно: охотно или неохотно даетъ онъ тебѣ то, что̀ предлагаетъ. Онъ обѣщалъ тебѣ это, когда ты переѣхалъ къ намъ, и долженъ сдержать свое слово, хотя бы уже для того, чтобы не испортить въ конецъ своихъ отношеній со мной. Что же ты теперь будешь дѣлать? Кажется, ты разсчитываешь на дядю. Точно на него можно положиться! Я надѣюсь, ты одумаешься. Скажу больше: я приказываю тебѣ написать графу такъ, какъ я совѣтовала тебѣ въ послѣднемъ письмѣ. Повторяю: все остальное предоставь мнѣ; я въ сто разъ лучше, чѣмъ ты, знаю, что̀ для тебя хорошо.

„Больше я тебѣ ничего не напишу въ наказаніе за то, что ты ни однимъ звукомъ не отозвался на тысячу вещей, о которыхъ я наболтала.

„Еще послѣднее слово, хотя и боюсь, что оно только пуще раззадоритъ твое тщеславіе — твой худшій недостатокъ, Юстъ! Сивилла на память записала твою сказку и читала ее мнѣ и миссъ Броунъ. Мы обѣ нашли, что въ ней не пропущено и не прибавлено ни одного слова. Но только она выбрала второй конецъ: Губертъ не умираетъ, а становится отшельникомъ. Она находитъ, что хотя любовь его къ Майской Ночи и понятна, но все же грѣховна, и онъ долженъ ее искупить! Грѣхъ молодому охотнику любить прелестную фею!—Благочестивые люди, право, непостижимы“.

Если первое письмо глубоко огорчило Юста, то второе сильно раздражило. Она часто журила его, но онъ никогда не сердился за это; можетъ быть, не разсердился бы и на этотъ разъ, еслибы она говорила только отъ своего имени. Но слова: „таково мнѣніе и графа“—вывели его изъ себя. Онъ живо представилъ себѣ, какъ графъ запечатлѣлъ такое тождество мнѣній поцѣлуемъ маленькой ручки. Даже то, что она написала ему про Сивиллу не

утѣшило его. И она, при всей ея симпатіи къ нему, принадлежала къ роду людоѣдовъ, вѣковѣчному врагу бѣднаго человѣка, съ которымъ онъ поведетъ борьбу не на животъ, а на смерть. Въ этомъ онъ поклялся передъ деревяннымъ Распятіемъ грубой работы, висѣвшимъ на стѣнѣ.

До весны, объявилъ ему инспекторъ, нѣтъ никакой надежды попасть на фабрику. Время это слѣдуетъ чѣмъ-нибудь наполнить. На лѣсномъ дворѣ пилили и рубили дрова. Онъ примкнулъ къ рабочимъ и усердно пилилъ и рубилъ, не взирая на мозоли на рукахъ и ломоту въ спинѣ и плечахъ. По вечерамъ онъ ходилъ къ Андерсу и неустанно разспрашивалъ его про фабричную работу, а одного молодого человѣка, служившаго химикомъ въ техническомъ бюрѣ, попросилъ одолжить ему книги, откуда онъ могъ бы почерпнуть научныя знанія. Молодой человѣкъ далъ книги, но онѣ мало помогли ему. Математика всегда была его слабымъ пунктомъ, да кромѣ того ему недоставало необходимыхъ предварительныхъ свѣденій. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что дѣло пойдетъ на ладъ, когда онъ практически освоится съ нимъ.

Вынужденное пребываніе въ домѣ патера становилось ему день ото дня несноснѣе. Онъ ничего не сказалъ о своихъ планахъ доброму патеру, да тотъ и не разспрашивалъ, а предоставлялъ вещи ихъ естественному ходу. Объ урокахъ не было больше и рѣчи: точно Юстъ уже окончилъ гимназію и пріѣхалъ къ патеру случайно въ гости. И чѣмъ долѣе засиживался гость, тѣмъ сердитѣе глядѣли косые глаза тетушки Анны. Она не пропускала ни одного случая намекнуть: какъ неприлично для молодого и здороваго человѣка объѣдать бѣднаго патера. То, что Юстъ передалъ ей двѣсти марокъ, вырученныхъ за продажу отцовскаго имущества, тотчасъ же по выздоровленіи, въ уплату за свое содержаніе — она, повидимому, позабыла.

Если, говоря съ нимъ, она прибѣгала къ намекамъ, то съ патеромъ она совсѣмъ не стѣснялась. Юстъ съ содроганіемъ слышалъ сквозь тонкую стѣну ея брань и попреки. Не разъ готовъ онъ былъ принять предложеніе Андерса и переѣхать къ нему, но его удерживало состраданіе къ доброму патеру: безпомощный передъ злой бабой, онъ цѣплялся за Юста, какъ утопающій за вѣтку, долженствующую его спасти. Но тутъ не могло быть спасенія. Андерсъ говорилъ, старикъ докторъ подтверждалъ, да и самъ онъ видѣлъ это. Въ періодъ болѣзни Юста несчастный человѣкъ нѣсколько обуздывалъ свою страсть, послѣ того, какъ раза два уснулъ пьяный около кровати Юста, котораго взялся сторожить. Но теперь онъ, казалось, тайкомъ хотѣлъ вознаградить себя за

воздержаніе. Налитые кровью глаза, заплетающійся языкъ доказывали это. Насколько тоска по утраченной имъ Изабеллѣ играла въ этомъ роль,—кто могъ это измѣрить? Одинъ Юстъ зналъ, на какую любовь способно было это бѣдное, простое сердце, и чтò онъ выстрадалъ за свою любовь къ прекрасному, неблагодарному ребенку! Выстрадало, но теперь уже перестало страдать; оно одеревенѣло. Къ патеру уже приставили адъюнкта, такъ какъ онъ не могъ болѣе исполнять свои духовныя обязанности; а послѣ пріѣзда духовнаго ревизора изъ Бреславля, пришелъ декретъ, которымъ патеръ Щончалла увольнялся отъ должности.

— Я давно уже это предвидѣлъ, — сказалъ онъ Юсту въ одну изъ трезвыхъ минутъ:—меня удивляетъ только, что они такъ долго терпѣли меня. Благодарю Бога, что ея здѣсь нѣтъ, и она не будетъ свидѣтельницей моего стыда! Только ради тебя, мой бѣдный юноша, мнѣ это прискорбно. Я хотѣлъ помочь тебѣ. Ты мнѣ вѣришь и не будешь негодовать на меня, когда я буду въ могилѣ, за то, что я не сдержалъ слова. Ахъ, милый сынъ мой, духъ бодръ, но плоть немощна! Такъ немощна! такъ немощна! Ахъ, Юстъ! и какъ же я любилъ ее! Слушай, Юстъ, хотя она насъ бросила, но ты не бросай ее! Кто знаетъ, какія испытанія предстоятъ ей впереди! Тогда будь ей опорой, и Богъ тебя благословитъ!

Онъ обнялъ Юста и заплакалъ на его груди, какъ ребенокъ.

Такое же дѣтское выраженіе имѣло его лицо, когда на слѣдующее утро его нашли мертвымъ въ постели. Смерть изгладила всѣ безобразные слѣды порока съ лица; оно было благородно и прекрасно, какимъ вышло изъ рукъ природы.

— Ударъ!—объявилъ старикъ-докторъ.—И ничего лучшаго онъ бы самъ для себя не придумалъ,—прибавилъ онъ.

VI.

Добрый патеръ Питрекъ Щончалла былъ погребенъ со всѣми церковными почестями; бабы голосили, а мужчины воспользовались случаемъ лишній разъ выпить и тѣмъ усерднѣе, что погребеніе пришлось на воскресенье, а священникъ, служившій заупокойную обѣдню, преемникъ покойнаго, выбралъ темой для проповѣди страшный порокъ пьянства, и громилъ его съ каѳедры. Въ виду свѣжей могилы человѣка, пагубная слабость котораго была всѣмъ извѣстна, это показалось даже грубѣйшимъ изъ прихожанъ

жестокостью, противъ которой необходимо протестовать. Если изъ-за этой слабости придется идти въ адъ, то многіе ли—хотя бы только изъ женщинъ—могутъ разсчитывать на спасеніе, не говоря уже о мужчинахъ! А что касается другихъ его слабостей, то, Боже мой!—вѣдь патеры, въ сущности, тѣ же люди, и большинство ихъ далеко еще не такіе добрые, какъ патеръ Щончалла: онъ вреда никому не дѣлалъ, кромѣ какъ самому себѣ, а помогалъ многимъ; нѣтъ, новый господинъ патеръ, съ длиннымъ, худымъ туловищемъ, худымъ лицомъ и мрачными глазами, которые никому не глядятъ прямо въ лицо, можетъ быть и очень святой человѣкъ, но чтобы его такъ полюбили, какъ покойнаго добраго патера Щончаллу... нѣтъ, этого онъ не дождется! Обвиняли его и за то, что онъ на другой же день послѣ похоронъ прогналъ тетушку Анну — говорили даже: съ бранью и позоромъ,—даромъ, что послѣднюю не долюбливали. Никто не зналъ, куда она направилась со своими сундуками и чемоданами, давно уже уложенными на такой случай. Она всегда хвалилась передъ Юстомъ, что—въ случаѣ умретъ ея милый Питрекъ—она полетитъ къ своей дорогой Изабеллѣ, и та приметъ ее съ распростертыми объятіями. Юстъ не вѣрилъ въ распростертыя объятія, но хотя онъ и преодолѣлъ — какъ ему казалось — свою страсть къ прекрасному ребенку, — одна мысль, что эта ужасная женщина можетъ когда-нибудь вновь жить по близости, — наполняла его ужасомъ. Эта мысль заставила его даже позабыть, что тетушка Анна увезла съ собой довольно значительный остатокъ денегъ, довѣренныхъ ей въ счетъ его содержанія. Такимъ образомъ, заявленіе его инспектору о томъ, что у него рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ къ существованію, оказалось буквальной истиной. Сама Марта должна была сознаться, что у Юста, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, нѣтъ иного прибѣжища, кромѣ дома ея отца.

То была, конечно, скорѣе хижина, нежели домъ, но зато собственность Андерса. Мансарда, гдѣ поселился Юстъ, была мала и убога, и единственное окошечко выходило на навозную кучу, въ настоящее время милостиво прикрытую снѣгомъ. Конечно, помѣщеніе не роскошное, и не могло сравниться съ комфортабельной комнаткой, какую онъ занималъ въ графскомъ замкѣ, но зато оно предоставлено было ему не по лживой графской милости, а съ дружелюбіемъ бѣднаго человѣка,—и на его вѣрность можно было положиться. И онъ не хотѣлъ жить даромъ, а разсчитывалъ заплатить бѣдному человѣку всѣ расходы по своему содержанію, какъ только получитъ работу на фабрикѣ.

Это случилось раньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Благопріятныя условія для производства картона и бумаги наступили въ половинѣ февраля; отпущенныхъ работниковъ пригласили вновь и наняли новыхъ. Въ числѣ послѣднихъ поступилъ на фабрику и Юстъ.

Дѣло было утромъ въ понедѣльникъ, въ шесть часовъ. Стояла лютая стужа; звѣзды сверкали на темномъ небѣ, и на деревенской улицѣ было бы совсѣмъ темно, еслибы не огни, зажигавшіеся повсемѣстно въ оконцахъ. Андерсъ молча ступалъ рядомъ съ нимъ по снѣгу, и молча двигались по той же дорогѣ и другія темныя фигуры, выходившія изъ низенькихъ домиковъ. Юстъ былъ въ такомъ же праздничномъ настроеніи какъ и тогда, когда маленькимъ мальчикомъ хаживалъ вмѣстѣ съ матерью мимо полей съ раскачивающимися колосьями въ церковь. Онъ вспоминалъ, какъ глубоко трогалъ его всегда колокольный звонъ, достигавшій до его ушей, когда онъ подходилъ ближе къ городу. И теперь изъ фабрики доносился рѣзкій, мощный звукъ парового свистка. То былъ, конечно, совсѣмъ иной призывъ, но и отъ него трепетало его сердце: призывъ къ труду, къ низшему, грубому труду; но его слѣдовало выполнить для того, чтобы люди стали лучше и счастливѣе; и онъ выполнитъ его по мѣрѣ силъ своихъ.

Человѣкъ, шествовавшій рядомъ съ нимъ, не мѣшалъ ему думать. И только когда они со всей толпой остановились передъ большими воротами, Андерсъ взялъ его руку и, крѣпко пожавъ, проговорилъ:—Желаю удачи, товарищъ!

Послѣ того онъ провелъ своего питомца мимо различныхъ зданій, со стѣнъ которыхъ скупо освѣщали дорогу газовые фонари, разставленные далеко одинъ отъ другого, черезъ узенькіе дворы и, наконецъ, черезъ самую фабрику въ то отдѣленіе, куда былъ опредѣленъ Юстъ, представилъ его своему тамошнему сослуживцу, старшему рабочему, и ушелъ своей дорогой. Десять минутъ спустя Юстъ стоялъ за работой.

Механически монотонная, но совсѣмъ не легкая работа: кипы разсортированной бумаги, которую слѣдовало взвѣсить и старательно упаковать, были довольно тяжелы, а Юстъ не зналъ тѣхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ опытные работники облегчали себѣ трудъ. Къ тому же отъ большой массы свѣжей бумаги шелъ противный запахъ и еще болѣе отягчалъ душный, дурной воздухъ длиннаго, низкаго, холоднаго помѣщенія съ мутными, никогда не раскрывавшимися окнами: новичку трудно дышалось, и холодный потъ выступалъ у него на лбу. Но онъ мужественно выдержалъ до того момента, когда наступила пора завтракать. Тогда съ разбитыми членами сѣлъ онъ въ уголокъ и

съ жадностью съѣлъ бутербродъ, завернутый ему Мартой. Молодой человѣкъ, немного постарше его, присоединился къ нему: это былъ Юликъ Пьерекъ, изъ дальней деревни, только-что поступившій на фабрику и ему незнакомый.

Этотъ малый, съ черными косыми глазами, широкими скулами и толстыми губами, сквозь которыя безпрестанно сверкали бѣлые зубы, совсѣмъ не понравился Юсту; но другіе рабочіе, хорошо знавшіе, кто онъ, сторонились отъ него, очевидно не довѣряя ему и считая присутствіе сына лѣсничаго и воспитанника покойнаго патера глупою шуткой. Но онъ рѣшилъ доказать имъ, что относится къ дѣлу серьезно.

Такое вынужденное, хотя и честное товарищество дорого обошлось ему. Юликъ, принявшій его за своего ровню,—не успѣли они обмѣняться двумя-тремя словами,—повелъ двусмысленныя, неприличныя рѣчи; темой для нихъ служили его ночныя похожденія съ одной фабричной дѣвушкой. Юстъ слишкомъ долго жилъ въ деревнѣ, чтобы не знать распущенности этихъ людей, но ему еще никогда не приходилось такъ близко съ нею сталкиваться. Тѣмъ не менѣе, онъ овладѣлъ собой и удовольствовался нѣсколькими неодобрительными словами, которыя его новый товарищъ принялъ съ цинической насмѣшкой: онъ видитъ, что имъ надо сначала поближе сойтись. Съ своей стороны, онъ—добрый малый и всегда радъ подѣлиться съ товарищемъ, и если Юсту дѣвушка понравится...

Но тутъ перерывъ въ занятіяхъ окончился, и Юстъ благодарилъ Бога, что онъ могъ вернуться къ работѣ: она показалась ему теперь гораздо легче. Онъ подмѣтилъ нѣсколько ловкихъ пріемовъ и усвоилъ ихъ себѣ, а нѣкоторые другіе пріемы показали ему старѣйшіе рабочіе: увидя, что онъ желалъ работать не на шутку, они понемногу стали къ нему довѣрчивѣе. Это очень ободрило его и привело въ радужное настроеніе духа, выразившееся во время обѣденнаго перерыва, когда онъ раздѣлялъ съ Андерсомъ скромный обѣдъ, присланный на фабрику Мартой, съ однимъ изъ младшихъ братьевъ. Андерсъ съ дружеской серьезностью выслушивалъ его, но не проронилъ ни слова; когда же раздался свистокъ, призывавшій на работу, онъ снова и крѣпко пожалъ ему руку. И снова закипѣла работа до самаго вечера.

Такъ прошелъ первый день; за нимъ послѣдовалъ второй, походившій на первый, какъ двѣ капли воды; за ними—третій, и потянулся безконечный рядъ дней, съ тою только разницей, что зиму смѣнила весна, весну лѣто, а съ лѣтомъ наступила снова осень и затѣмъ зима. Юстъ постепенно переходилъ изъ

одного отдѣленія фабрики въ другое, и мало-по-малу ознакомился почти со всѣмъ производствомъ.

Но работалъ ли онъ при сравнительной тишинѣ, какъ въ томъ отдѣленіи, куда его теперь перевели, и раньше въ укладочной мастерской,—работалъ ли онъ при оглушительномъ гвалтѣ паровой машины,—а все же его работа была все та же механическая работа. Это было тяжело; а еще тяжелѣе видѣть тупость и глупость на лицахъ и въ сердцахъ и умахъ рабочихъ. Да и какъ могло быть иначе, когда тѣ немногія силы, какія не пожирались работой, окончательно убивались порокомъ!

— Я не думалъ, что дѣло стоитъ такъ худо, — говорилъ Юстъ печально Андерсу.

— Вѣдь прежде не было такъ худо,—отвѣчалъ тотъ;—но вліяніе новаго патера привело къ худымъ результатамъ. Чѣмъ сильнѣе громитъ онъ мужчинъ въ проповѣдяхъ и чѣмъ строже эпитиміи накладываетъ на женщинъ, тѣмъ хуже онѣ ведутъ себя. Прежде было хоть нѣсколько семей, гдѣ царствовали миръ и согласіе. Теперь вездѣ воцарился раздоръ. Бабы стали сварливы и придирчивы, мужчины драчливы, и въ концѣ-концовъ спасаются отъ домашнихъ дрязгъ въ кабакъ, гдѣ топятъ въ винѣ свое недовольство, а бабы занимаются тѣмъ же у себя по домамъ. И знаешь, Юстъ, я остаюсь при своемъ: главная вина падаетъ на твоего людоѣда. Онъ пожираетъ не вершины елей, какъ въ твоей сказкѣ, но людей, Юстъ, людей! Нашъ графъ можетъ быть чуточку похуже другихъ; но я разумѣю не его и не другихъ ему подобныхъ; я разумѣю все это капиталистическое хозяйство: милліоны людей обращаются въ скотовъ, чтобы нѣсколько тысячъ могли жить по-человѣчески. Это ясно доказалъ Лассаль.

Лассаль былъ богомъ этого добраго человѣка. Онъ досталъ себѣ брошюры великаго агитатора и читалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не выучилъ почти наизусть. Внутренній смыслъ брошюръ не былъ для него вполнѣ ясенъ. Но онъ этого не скрывалъ и не стыдился обращаться за разъясненіями къ младшему товарищу. Чисто философскія мѣста Юстъ могъ по большей части объяснить довольно удовлетворительно; остальныя же и его самого ставили въ тупикъ. А между тѣмъ то были какъ разъ самыя важныя; а именно: политико-экономическія, трактовавшія о капиталѣ, процентѣ, рентѣ, предложеніи, спросѣ, колебаніяхъ курса, ажіотажѣ и другихъ условіяхъ рабочаго рынка и биржи. Безъ яснаго пониманія этихъ вещей толковать о нихъ, по мнѣнію Юста, было то же, что слѣпому разсуждать о краскахъ.

Промучившись разъ цѣлое воскресное утро надъ одной изъ

такихъ трудныхъ главъ и не добившись никакого результата, онъ пожаловался на свою бѣду Андерсу.

— Какъ ты думаешь, Христосъ зналъ всѣ эти вещи?—спросилъ Андерсъ.

— Навѣрное, нѣтъ,—отвѣчалъ Юстъ.—Я даже убѣжденъ, что кромѣ того динарія, который ему показалъ фарисей, Онъ мало денегъ видалъ въ своей земной жизни. Но времена тогда были другія, и отношенія—проще, натуральнѣе, по крайней мѣрѣ въ сельскихъ кружкахъ земледѣльцевъ, пастуховъ, садовниковъ и рыбаковъ, среди которыхъ главнымъ образомъ жилъ Христосъ,—хотя, безъ сомнѣнія, ужъ и тогда дѣла шли иначе въ Іерусалимѣ, и въ особенности въ Римѣ.

— И тѣмъ не менѣе Его ученіе пустило корни и тамъ, а также и въ Аѳинахъ, и въ Коринѳѣ; объ этомъ можно прочитать въ апостольскихъ посланіяхъ,—замѣтилъ Андерсъ.

— Конечно,—продолжалъ Юстъ:—я только-что хотѣлъ прибавить, что Его простое ученіе, какъ только оно коснулось центровъ образованности, должно было видоизмѣниться въ умѣ людей, чтобы подойти къ ихъ болѣе сложнымъ отношеніямъ.

— Вотъ къ этому-то я и велъ!—вскричалъ Андерсъ съ торжествомъ:—ученіе должно было измѣниться, чтобы подойти къ болѣе сложнымъ отношеніямъ, т.-е. ухудшиться, пропитаться суемудріемъ, котораго и понять никакъ нельзя, и которое противно волѣ и желанію Христа. Почему Онъ сказалъ: „не мѣшайте дѣтямъ приближаться ко Мнѣ, ибо ихъ есть царствіе небесное“? Или: „если не станете какъ дѣти“... Но для меня христіанская образованность и соціальная демократія—рѣшительно одно и то же. А потому я говорю: христіанская образованность погибнетъ, если снова не станетъ столь же простою, какъ училъ Христосъ, и изъ соціальной демократіи ровно ничего не выйдетъ, пока надъ ея ученіемъ приходится ломать голову не только такому бѣдному неучу, какъ я, но даже и тебѣ, хотя ты уже много учился.

— Много учился!—вздохнулъ Юстъ.—Но чему?—такимъ вещамъ, которыя, какъ я вижу, совсѣмъ не пригодны въ жизни. И кромѣ того, Андерсъ, если вы хотите, чтобы наше ученіе было просто и понятно ребенку, то, очевидно, Лассаль, котораго вы такъ уважаете, не настоящій учитель.

Андерсъ сдвинулъ шапку со лба и отвѣчалъ по нѣкоторомъ раздумьи:

— Послушай, Юстъ, я такъ себѣ это представляю: вотъ, напримѣръ, очень сложная машина, стоившая большихъ денегъ и постоянно требующая большихъ расходовъ, потому что ее надо

безпрестанно чинить; и при этомъ она мало и плохо работаетъ. Понятно, нашему брату кажется: отчего бы не построить машину проще и дешевле, и такъ, чтобы она лучше работала. Но построить ее, Юстъ, мы не можемъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ такой человѣкъ, который съумѣетъ разобрать старую машину и показать, почему она при всей своей сложности и дороговизнѣ такъ ужасно плоха, и не укажетъ, какъ сдѣлать ее гораздо проще и дешевле. И такой человѣкъ сдѣлаетъ машину, Юстъ; онъ ее сдѣлаетъ — это главное.

— Ну, такъ Лассаль ее навѣрное не сдѣлалъ, — замѣтилъ Юстъ.

— Но онъ показалъ, почему старая машина негодна, — а и это уже много. Придутъ другіе, и они сдѣлаютъ новую машину.

— Но что это будемъ не мы съ вами, Андерсъ, — въ этомъ я увѣренъ.

Андерсъ ничего не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ въ Юстѣ мессію труда, который все выполнитъ, на что̀ не хватаетъ силъ у него, бѣднаго неуча, — и никакъ не хотѣлъ разстаться съ этой надеждой.

VII.

Кто не раздѣлялъ этой надежды, кто предоставлялъ вещи ихъ естественному ходу, по невозможности имъ воспрепятствовать, такъ это — Марта. Еслибы отъ нея зависѣло, Юстъ не переступилъ бы за порогъ фабрики и не поселился бы у нихъ на чердакѣ. Что онъ не стыдился ни того, ни другого — это возвышало его въ ея глазахъ. Давно уже существованіе Юста представлялось ей символомъ ея собственнаго горячаго стремленія возвыситься надъ низменной средой, ее окружавшей.

Сынъ простого лѣсничаго и, слѣдовательно, не Богъ вѣсть какъ выше того состоянія, изъ котораго она сама происходила, Юстъ говорилъ, однако, совсѣмъ инымъ языкомъ, отличался совсѣмъ иными манерами, взглядами, тономъ голоса, чѣмъ всѣ другіе юноши, которыхъ она знала. Поиграть съ нимъ въ воскресенье всегда казалось ей большой честью; счастливая возвращалась она домой, и всю недѣлю въ ней поддерживала радостное настроеніе надежда на слѣдующее воскресенье. Она и не подозрѣвала, что любитъ этого милаго юношу, разсказывающаго такія славныя исторіи; она знала только, что ненавидитъ Изабеллу, не за то, что та гораздо красивѣе, чѣмъ она, но за то, что гордячка принимала поклоненіе Юста какъ должное и нисколько

не была ему благодарна за его любовь. Чувство ненависти къ неблагодарной мало-по-малу открыло ей глаза на то, что она любитъ Юста больше всѣхъ другихъ людей, не исключая и отца, и что она, еслибы это понадобилось, съ радостью умерла бы за него.

Она созналась себѣ въ этомъ, когда Юстъ принялъ приглашеніе явиться въ зáмокъ. Она сказала ему на свой лаконическій ладъ: „не ходи!“ Но онъ пошелъ, и она забралась вечеромъ въ глухое мѣстечко въ лѣсу и тамъ наплакалась такъ, какъ въ жизнь свою не плакала, и думала, что сердце у нея разорвется. Это ее напугало: она вообще не легко плакала, такъ почему же она такъ плачетъ теперь? Какъ разсудительная дѣвушка, она должна была бы сказать себѣ: великое счастіе для Юста, если онъ попадетъ въ зáмокъ, лишь бы тамъ остался; въ этомъ она сомнѣвается, — но, конечно, это его дѣло. И когда она ему сказала: „не ходи!“ — ну да, она не хотѣла уступить его Изабеллѣ. Не потому, чтобы думала завладѣть имъ сама, — объ этомъ она и не помышляла, — но Изабеллѣ онъ не долженъ доставаться, потому что она сдѣлаетъ его несчастнымъ; вѣдь уже и теперь онъ несчастенъ по ея милости. Только ничего нельзя было тутъ сдѣлать. Онъ ушелъ и не вернется. Бѣдныя, некрасивыя дѣвушки, какъ она, не могутъ ждать счастія.

Марта вернулась домой, и никто, даже отецъ, не примѣтилъ, чтобы съ ней случилось что-нибудь особенное, что она мужественно пережила очень большое горе.

Но вотъ скоро онъ вернулся; ей — не то на радость, не то на горе. На радость, потому что другіе его лишились, и она могла за нимъ ходить; на горе, потому что — чтò же станется съ нимъ?

Рабочій на фабрикѣ и ихъ квартирантъ! Она не знала, чтò тутъ хуже. Она, всѣми силами стремившаяся выбраться изъ окружающей ее нищеты, должна спокойно смотрѣть, какъ онъ, кому она желала самаго блестящаго жребія на землѣ и считала его достойнымъ высшаго положенія, добровольно бросился въ нищету! Она сердилась на него за рѣшеніе, казавшееся ей и неразумнымъ, и малодушнымъ; сердилась на отца за то, что тотъ поддержалъ въ немъ это рѣшеніе. Впервые въ жизни задумалась она надъ тѣмъ, насколько ученіе отца, казавшееся ей до сихъ поръ правдоподобнымъ, разумно на практикѣ, и къ своему удивленію нашла, что оно — неразумно. Помогать тамъ, гдѣ помощь нужна — противъ этого она ничего не возражаетъ; она сама всю жизнь такъ поступала, и это вошло ей въ плоть и кровь; но помогать — гдѣ

помощь не требуется, гдѣ люди сами себѣ могутъ и должны помочь, и отъ ненужной помощи станутъ только лѣнивѣе и хуже, это—безсмыслица. А то, чтò говорилъ отецъ про равныя права всѣхъ на работу и про равныя права на вознагражденіе, какая бы ни была работа,—все это, ей казалось, приводитъ къ той же безсмыслицѣ, такъ какъ подводитъ подъ одинъ уровень умныхъ и глупыхъ, лѣнивыхъ и прилежныхъ. Чтобы Юстъ получалъ столько же, и никакъ не больше, чѣмъ Станикъ Столярчикъ, съ круглыми, полуидіотическими глазами, хотѣвшій на ней жениться, или Юликъ Пьерекъ, нагло глядѣвшій на нее при встрѣчахъ и скалившій при этомъ бѣлые, волчьи зубы—если это не безсмыслица, то значитъ безсмыслицы вовсе не существуетъ. Нѣтъ, если Юстъ и утверждаетъ, что въ зáмкѣ не его мѣсто, то на фабрикѣ ему и подавно не мѣсто, и она заранѣе благословляетъ тотъ послѣдній день, какой онъ на ней проведетъ.

А также и въ ихъ домѣ. Его пребываніе у нихъ въ домѣ стало для нея мукой. Сначала она думала, что привыкнетъ къ этому; но нѣтъ; напротивъ того, ей становилось все тяжелѣе. Она старалось прочитать у него на лицѣ и въ глазахъ: не возбуждаетъ ли въ немъ отвращеніе все неприглядное, чтò происходитъ въ ихъ домѣ, или не смѣется ли онъ про себя надо всѣмъ, чтò видитъ вокругъ себя. Она ничего не могла прочесть. Онъ, повидимому, ничего не видѣлъ и все принималъ какъ должное. Она была убѣждена, что его спокойствіе—только притворство; что онъ лгалъ, когда снова и снова увѣрялъ, что ему хорошо у нихъ въ домѣ и онъ ничего лучшаго не желаетъ.

И она все выносила! и скудость хозяйства, неопрятность, неизбѣжную въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, и грубости Болеслава и Христофора, становившіяся съ каждымъ мѣсяцемъ все необузданнѣе, и безцеремонность, какую отецъ позволялъ себѣ у себя въ домѣ, даже то, что ей часто приходилось показываться Юсту въ такомъ костюмѣ, котораго она стыдилась,—все; одного только она не могла вынести...

Мѣсяца три тому назадъ она замѣтила, какъ ея мачиха, вернувшись нà-веселѣ съ крестинъ, происходившихъ въ деревнѣ, и встрѣтивъ Юста въ сѣняхъ, бросилась къ нему на шею и принялась цѣловать безъ конца. Что мачиха, слывшая красавицей въ деревнѣ, гдѣ не было недостатка въ хорошенькихъ дѣвушкахъ, и до сихъ поръ, несмотря на тридцать лѣтъ, считалась красивой женщиной и очень свободно обращалась съ мужчинами,—это она знала, и всегда на это сердилась, удивляясь, какъ отецъ этого не замѣчаетъ. Но въ сущности до нея это не касалось, а если

мачиха и вела себя зачастую не прилично, то Марта все-же не думала, чтобы у нея было что-нибудь злое на умѣ, а просто въ пьяномъ весельѣ она не знаетъ себѣ удержу.

Но на этотъ разъ дѣло было иначе: нѣчто особенное, въ родѣ ея плача въ лѣсу, когда Юстъ отправился въ зàмокъ, какое-то откровеніе, словно факеломъ освѣтившее тайники души, озарило ее и теперь; но только на этотъ разъ душа была чужая, и то, что она открыла въ ней, было ужасно, невыносимо. И все-таки она должна терпѣть это. Чтò ей дѣлать? Предостеречь отца? Она не могла рѣшиться на это. Да это бы ни къ чему не повело: отецъ вѣрилъ всѣмъ на свѣтѣ, а молодую жену, несмотря на ея недостатки, обожалъ до умопомраченія. Могло ли бы, въ противномъ случаѣ, укрыться отъ его вообще зоркихъ глазъ то, чтò происходило: и жадные взгляды, которыми мачиха точно пожирала Юста, и то, какъ она къ нему льнула, брала его подъ-руку, пользовалась всѣми случаями, чтобы дотронуться до него, и перемѣну въ ея лицѣ, когда онъ уходилъ и приходилъ, и то, что она пробирается къ нему на чердакъ, когда ей тамъ рѣшительно нечего дѣлать, и подкарауливаетъ его на узенькой лѣсенкѣ, гдѣ два человѣка едва могли протиснуться рядомъ?

А Юстъ? Неужели онъ такъ невиненъ, что, будучи предметомъ такой назойливой страсти, ничего рѣшительно не примѣчаетъ? Она молила Бога, чтобы это было такъ, и утѣшала себя мыслью, что Богъ услышалъ ея молитву. А затѣмъ наступали часы и дни, когда ея вѣра колебалась и бѣшеная ревность кипѣла въ сердцѣ; сравнительно съ этой ревностью, та, которую ей внушала Изабелла, казалась ребячествомъ. На этотъ разъ никто изъ нихъ не былъ больше ребенкомъ: ни искусительница, ни она сама, ни даже Юстъ, девятнадцатилѣтній молодой человѣкъ, выросшій на цѣлую голову, съ закаленными на работѣ мускулами и темными усиками на верхней губѣ. Конечно, она никогда не видѣла, никогда не слышала, чтобы онъ ухаживалъ за той или другой женщиной или дѣвушкой на фабрикѣ; онъ никогда не сопровождалъ мачихи на вечеринки, какъ она къ нему ни приставала съ этимъ. Но вдругъ это все—притворство и обманъ, и онъ только прикидывается добродѣтельнымъ и слѣпымъ, чтобы успокоить ее и отца, а тайно насмѣхается надъ ними обоими, вмѣстѣ съ своею любовницей?

Подозрѣніе казалось ей грѣховнымъ, безстыднымъ, преступнымъ, и однако она не могла отъ него отдѣлаться. Она сторожила ихъ; придумывала, какую бы ей устроить ловушку, чтобы накрыть ихъ, и выходила изъ себя, что это ей никакъ не удается. Она чувствовала себя близкой къ помѣшательству и часто спра-

шивала себя: не сошла ли она уже съ ума? Затѣмъ надумывалась: не лучше ли ей, не простившись съ нимъ, уйти далеко, далеко, куда глаза глядятъ, или лучше того: броситься въ прудъ, находившійся за деревней, или же подъ колеса машины, или, наконецъ, выйти замужъ за Станика,—словомъ, что-нибудь сдѣлать, чтобы избавиться отъ нестерпимой пытки?

VIII.

Былъ лѣтній вечеръ. Солнце уже зашло за лѣсъ, но зной жаркаго дня еще стоялъ въ воздухѣ. На деревенской улицѣ, въ пыли, поднимаемой босыми ногами, играли и дрались крикливые ребятишки; у дверей хижинъ на завалинкахъ сидѣли старики и старухи съ младенцами на рукахъ; изъ обоихъ кабаковъ неслись густые звуки контрбасовъ и визгливые—скрипокъ, и раздавался шумъ и топотъ.

Мачиха Марты слышала все это, но только минутами; затѣмъ снова кровь бросалась ей въ голову, и она переставала что-либо слышать, кромѣ глухого біенія своего сердца. Она пристально глядѣла черезъ открытое окно, на которомъ сидѣла, въ садикъ, но ничего не видѣла, ни о чемъ не думала, кромѣ того, что хочетъ и должна добиться, чтобы онъ принадлежалъ ей; что случай благопріятствуетъ ей, и если она имъ не воспользуется, то она не умная, неотразимая женщина, какою ее всѣ считаютъ, а просто гусыня, и ничего лучшаго не заслуживаетъ, какъ стараго, чуть не впавшаго въ дѣтство мужа, который ей смѣшонъ и противенъ. Старикъ отправился въ городъ, покупать свои глупыя книги, то-есть по-пусту бросать деньги за окно; Марта, разлучница, пошла навѣстить больную подругу,—оба не вернутся до ночи. Христофоръ и Болеславъ играютъ на улицѣ; въ домѣ никого нѣтъ; только онъ да она. Не подняться ли ей наверхъ? но подъ какимъ предлогомъ? Не все ли равно. Да и зачѣмъ предлогъ? Развѣ она не красавица? Развѣ всѣ мужчины не увиваются за ней?

Она встала съ окна и направилась къ двери; но вдругъ услышала его шаги наверху и затѣмъ по лѣстницѣ. Сердце подступило ей къ горлу. Если онъ уйдетъ изъ дому—все погибло.

Но тутъ она услышала, какъ онъ вышелъ въ сѣни, подошелъ къ дверямъ и нащупывалъ въ темнотѣ задвижку. И вдругъ остановился передъ растворенной дверью, удивясь, что видитъ по-

среди горницы фигуру, которую не сразу узналъ. Затѣмъ онъ вошелъ въ горницу, оставивъ дверь настежъ?

— Какъ? — спросилъ онъ: — вы еще здѣсь?

Она не отвѣчала, не могла отвѣчать.

— Одолжите мнѣ пару спичекъ; у меня всѣ вышли.

И онъ хотѣлъ пройти въ уголъ, гдѣ на столѣ, около жестяной лампы, думалъ найти коробочку со спичками, но остановился въ удивленіи, что эта болтливая женщина молчитъ, какъ убитая, и не двигается съ мѣста. Невольно шагнулъ онъ къ ней.

— Чтò съ вами? — спросилъ онъ.

Опять никакого отвѣта; онъ слышалъ только, какъ она тяжело дышала.

— Боже мой! вы больны?

— Да,—проговорила она хриплымъ, глухимъ голосомъ.

Онъ взялъ ее за руку; она была покрыта холоднымъ потомъ.

— Боже мой!—испуганно вскричалъ онъ:—что такое? что съ вами?

— Ничего, ничего!—пролепетала она:—тебя, только тебя!

Съ дикимъ воплемъ, не то рыданіемъ, не то стономъ, охватила она обѣими руками его шею и прижалась къ его лицу горячимъ лицомъ. Онъ оттолкнулъ ее.

— Вы съ ума сошли!—закричалъ онъ.

Онъ давно уже боялся, что дѣло дойдетъ до этого, и что равнодушіе и безучастіе, выставляемыя имъ на показъ, не предохранятъ его. И совсѣмъ тѣмъ онъ весь дрожалъ съ головы до ногъ: несмотря на ожиданія, онъ былъ захваченъ врасплохъ. Но одно онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду: состраданіе, какое ему можетъ внушить женщина, казавшаяся вообще олицетвореніемъ самонадѣянности и самомнѣнія, теперь же лежавшая у его ногъ съ плачемъ и стонами обнимая его колѣни.

— Встаньте!—сказалъ онъ ей мягче.—Если васъ кто-нибудь увидитъ!

— Мнѣ все равно!—рыдала женщина.

Онъ приподнялъ ее съ трудомъ съ полу; она дрожала всѣмъ тѣломъ и такъ шаталась, что онъ боялся, что она упадетъ. Еслибы она была только на-веселѣ, какъ это съ нею часто случалось, то ему было бы только противно; но онъ видѣлъ, что она не пьяна, и что страсть, бушевавшая въ ней, искренняя. Онъ охватилъ дрожащую женщину за талію и отвелъ ее къ небольшому, жесткому диванчику, у стѣны, и усадилъ ее. При этомъ онъ ударился о круглый столъ, стоявшій передъ диванчикомъ, потерялъ равновѣсіе и присѣлъ на край дивана около нея. Онъ

хотѣлъ тотчасъ же встать, но это оказалось невозможнымъ; она вдругъ охватила его обѣими руками, и онъ тщетно старался отъ нея вырваться...

— Бѣдная женщина! — прошепталъ онъ:—это невозможно.

— Хочу, хочу...—лепетала она въ отвѣтъ.

Еще мигъ, и онъ вырвался изъ ея рукъ, оттолкнулъ круглый столъ съ такою силой, что тотъ упалъ, и вскочилъ въ ужасѣ: на порогѣ открытой двери появилась темная женская фигура. То могла быть только Марта. На ея глазахъ, на глазахъ чистой, славной, доброй дѣвушки, которую онъ всячески оберегалъ, произошла такая сцена!

Стыдъ и бѣшенство наполняли его душу; онъ оттолкнулъ безумную женщину, бросившуюся ловить его, съ браннымъ словомъ...

Теперь и она увидѣла темную фигуру у дверей. Нечеловѣческій вопль вырвался у нея изъ горла. Въ тотъ мигъ, какъ она думала, что уже завладѣла своей добычей, ее отнимали у нея; и кто же?.. Она, ненавистная, презрѣнная! Ее унизили, отвергли при падчерицѣ, которая, конечно, ея соперница!

И вновь вскрикнула она; Юстъ думалъ, что она упадетъ, какъ передъ тѣмъ, но она нагнулась за какой-то вещью, лежавшей на столѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, а теперь упавшей на полъ; затѣмъ бросилась на Марту, держа въ высоко приподнятой рукѣ ножъ, клинокъ котораго сверкнулъ въ глазахъ Юста, озаренный свѣтомъ, горѣвшимъ въ хижинѣ, стоявшей по другую сторону улицы, и проникавшимъ къ нимъ въ горницу. Однимъ прыжкомъ очутился онъ около нея и схватилъ ее за руку; между ними завязалась борьба; онъ придерживалъ ее правой рукой, лѣвою стараясь вырвать ножъ, при чемъ Марта, бросившаяся къ нимъ и пытавшаяся ихъ разнять, только мѣшала ему. Наконецъ ему удалось вырвать ножъ, но онъ долженъ былъ тотчасъ же выпустить его отъ сильной боли; рука его повисла и облилась горячей кровью; въ ушахъ зашумѣло; свѣтъ, проникавшій изъ хижины, запрыгалъ въ его глазахъ и вдругъ смѣнился мракомъ ночи.

Когда онъ пришелъ въ себя, опять горѣлъ свѣтъ, но уже въ рукахъ Марты, которая свѣтила доктору Мальтусу, только-что окончившему перевязку руки. Юстъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на доктора, на Марту, которая поставила свѣчу на столикъ. Онъ не понималъ, какъ онъ очутился въ своей комнатѣ, у себя на кровати, пока внезапно острая боль въ рукѣ не напомнила ему обо всемъ, что̀ случилось.

Докторъ Мальтусъ, шопотомъ разговаривавшій съ Мартой, повернулся къ нему и приложилъ руку къ его лбу.

— Ну, вотъ, — сказалъ онъ Юсту: — мы опять другъ другу понадобились. Я думаю, что на этотъ разъ мы отдѣлаемся одной недѣлькой, если будемъ очень спокойны и будемъ слушаться нашей славной Марты...

Онъ подошелъ къ Мартѣ, что-то тихо ей сказалъ и послѣ того вышелъ изъ комнаты, но Юстъ этого уже не замѣтилъ. Когда онъ вновь открылъ глаза, одна Марта сидѣла у его постели.

— Знаетъ онъ? — спросилъ Юстъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Марта;—онъ все еще не вернулся домой. Онъ ничего не долженъ знать. Предоставь это мнѣ...

— А она?...

— Сидитъ внизу и плачетъ. Докторъ уложитъ ее въ постель. Онъ не болтунъ, ты знаешь.

— Какъ случилось, что онъ какъ разъ...

— Очень просто. Завтра тебѣ все разскажу.

— Чтò съ моей рукой?

— Завтра, Юстъ! Сегодня ты не долженъ больше говорить.

Да онъ и не могъ. Потеря крови изъ порѣзанной руки была слишкомъ велика.

IX.

Двѣ недѣли позже, въ одинъ прекрасный день, Юстъ сидѣлъ на скамейкѣ въ садикѣ подъ окномъ комнаты, гдѣ разыгралась въ тотъ памятный вечеръ роковая сцена. Уже нѣсколько дней какъ онъ просиживалъ здѣсь по нѣскольку часовъ послѣ полудня, и настолько докторъ Мальтусъ былъ правъ въ своемъ діагнозѣ. Но рука не была излечена и никогда не могла стать вполнѣ здоровой рукой.

— Вы должны рано или поздно это узнать,—сказалъ ему вчера его врачъ и другъ:—и думаю, что лучше ужъ сказать вамъ это сразу, чтобы вы могли обдумать, какъ вамъ теперь поступить. Вашъ рабочій періодъ завершенъ, или вы должны найти такую работу, которую можно дѣлать одной только правой рукой; вашу лѣвую никакой Бергманъ въ Берлинѣ и никакой Бильротъ въ Вѣнѣ не можетъ вернуть къ прежнему состоянію. Итакъ, Юстъ, придумайте что-нибудь другое и не падайте духомъ! Ужъ мы что-нибудь найдемъ для васъ болѣе подходящее, чѣмъ укупорка бумажныхъ тюковъ.

Юстъ печально глядѣлъ на забинтованную руку. Онъ боялся, что онъ не только лишился руки, но и голова его пострадала. Голова его пострадала отъ работы: механическій трудъ обезсилилъ его мышленіе. Онъ чувствовалъ, какъ это дѣлалось съ нимъ мало-по-малу; какъ постепенно ему становилось самому все тяжелѣе и тяжелѣе думать, и наконецъ стало нестерпимымъ бременемъ, которое онъ съ радостью отбросилъ прочь и жилъ со дня на день, не задумываясь. Фантазія, въ былое время неустанно работавшая въ немъ во снѣ и на яву, потухла...

Усталыми глазами и не поднимая опущенной головы, осматривался онъ кругомъ. День былъ чудно хорошъ, и воздухъ, очищенный грозой, душистъ и прохладенъ. По другую сторону улицы солнечные лучи такъ нѣжно озаряли жалкія хижины, что и онѣ казались поэтическими. Сама улица была пуста: мужчины и женщины работали на фабрикѣ или въ полѣ; дѣти—въ училищѣ. Левкои и гвоздика въ саду пахли такъ же сильно, какъ и въ тотъ вечеръ...

Бѣдная женщина! прежде такая смѣлая, самонадѣянная, теперь она неслышно двигалась по дому, блѣдная, съ опущенной головой, едва осмѣливаясь поднимать заплаканные глаза! А самъ онъ, былъ ли онъ вполнѣ невиненъ? Съумѣлъ ли бы онъ самъ уйти отъ объятій красивой женщины? Слава Богу, что ему приходилось рѣшать этотъ вопросъ наединѣ съ своей совѣстью! Добрый докторъ Мальтусъ былъ не любопытенъ, а гордая Марта не стала бы разспрашивать, еслибы даже мачиха—съ отчаянія или со страха, какъ бы Марта не пересказала отцу,—не покаялась передъ нею, принявъ всю вину на себя. Во всякомъ случаѣ только онѣ двѣ были посвящены въ тайну. Старикъ думалъ, что Юстъ, ища въ потемкахъ спичекъ на столѣ, такъ жестоко поранилъ себя падавшимъ ножемъ. Марта все это устроила въ наилучшемъ видѣ. Марта снова была его добрымъ геніемъ...

Почему бы ему не соединить съ нею свою жизнь?.. И она такъ къ нему расположена. Что она на полтора года старше его—не велика бѣда! Какая-нибудь работа найдется и для него; она найдетъ ему работу, а въ ея рукахъ, которыхъ она никогда не покладала, и изъ малаго получится многое. И въ этомъ еще они согласны: она также стремится вонъ изъ дома отца, и ему приходится оставить его. Они оба возьмутъ въ руки страннической посохъ, сначала какъ братъ и сестра, прінщутъ подходящее мѣсто, выстроятъ себѣ хижину и заживутъ какъ мужъ и жена. То будетъ не сказочная жизнь, о которой онъ мечталъ вмѣстѣ съ тою... вмѣстѣ съ тою...

Онъ глубоко вздохнулъ, глядя на левкои и астры, надъ которыми кружились дѣятельныя пчелы... Быть можетъ, потомки тѣхъ, которыхъ его мать воспитывала въ двухъ ульяхъ въ саду, позади дома, гдѣ онъ часто сидѣлъ подъ кустомъ бузины, на скамейкѣ, которую самъ выстругалъ... рука объ руку съ тою!

И какъ во снѣ проносились передъ его глазами дорогія сцены, пережитыя имъ въ домѣ и саду, на лугу и въ лѣсу. И вотъ снова засверкали передъ нимъ ея темные глаза въ полусвѣтѣ подъ высокими елями; снова заиграли солнечные лучи на ея золотистыхъ волосахъ; снова раздался въ лѣсной тишинѣ ея серебристый смѣхъ.

„Боже мой! Боже мой! былъ же я когда-то счастливъ въ жизни. И не съумѣлъ удержать это счастіе, потому что былъ мечтатель, глупый мальчикъ, застѣнчиво жавшійся въ уголъ и каждому уступавшій свое мѣсто. Не такъ, какъ она: всегда знала ея умная головка, чего она хочетъ, а руки цѣпко хватали то, что ей нужно, и уже не выпускали!

„Недаромъ насмѣшливо улыбался ея хорошенькій ротикъ, когда онъ, глупый, стоялъ въ углу или говорилъ и дѣлалъ что-нибудь совсѣмъ не подходящее въ знатномъ обществѣ...

„Но бывала же она также и добра,—о, какъ добра!—въ то утро, въ шолковомъ шатрѣ въ паркѣ, когда графъ хотѣлъ меня прогнать... и вечеромъ у фрау Кёрнеръ, когда я разсказывалъ сказку, и она протянула мнѣ руку, холодную какъ ледъ, и, глядя на меня свѣтящимися глазами, тихонько сказала:—ты заслужилъ поцѣлуй, счастливецъ, и я бы поцѣловала тебя, еслибы тутъ не было такъ много глупыхъ людей...—И то былъ бы не первый поцѣлуй! А теперь забыла меня, точно и на свѣтѣ никогда меня не было!"

Онъ вздрогнулъ, пробужденный отъ своего сна: голосъ съ улицы назвалъ его по имени. То былъ старый почтальонъ; онъ отворилъ скрипучую калитку и протянулъ ему письмо.

— Вамъ вѣдь это?

Юстъ могъ только головой кивнуть. Страхъ лишилъ его языка. Письмо отъ нея! послѣ двухъ лѣтъ опять письмо отъ нея!

Почтальонъ ушелъ. Онъ все еще глядѣлъ на адресъ, написанный твердымъ, четкимъ почеркомъ. Итакъ, она его не забыла! Но онъ хотѣлъ ее забыть! Зачѣмъ снова врывается она въ его жизнь? Не разорвать ли письмо, не читая?

Но онъ уже вскрылъ слегка заклеенный конвертъ, дрожащею правою рукой вынулъ заключенный въ немъ листокъ, и сталъ читать:

Берлинъ, 12-го августа.

„Мой милый счастливецъ! Не знаю, годъ или два прошло съ тѣхъ поръ, какъ я тебѣ писала. Во всякомъ случаѣ не моя вина, если наша переписка прекратилась. Возможно ли переписываться съ сердитымъ счастливцемъ, который или ничего не отвѣчаетъ, или отвѣчаетъ такъ холодно, что бѣдная Майская Ночь, вмѣсто легкаго платья, чувствуетъ потребность закутаться въ шубу! Жаль, очень жаль! Мы могли бы сообщить другъ другу много забавнаго, потому что, знаешь ли ты, счастливецъ?—нѣтъ, ты этого, разумѣется, не знаешь—у тебя есть юмористическая жилка, и ты можешь быть очень даже остроуменъ. Какъ часто ты изощрялъ свое остроуміе надъ бѣдной Майской Ночью, когда она—какъ и подобаетъ настоящей феѣ — не могла справиться съ уроками, и главное съ несносными ариѳметическими задачами! Ну, да считать ты и самъ не силенъ, и отъ этого, можетъ быть, на тебя и нельзя разсчитывать. Вѣдь вотъ я должна послать это письмо на удачу въ Эйзенкамеръ, тогда какъ ты давно, можетъ быть, находишься Богъ вѣсть гдѣ. Но я слышала недавно, какъ говорили въ одномъ обществѣ: въ Германіи (а можетъ быть и въ области всемірнаго почтоваго союза) каждое письмо дойдетъ куда слѣдуетъ, хотя бы на немъ не было адреса. Это меня успокоиваетъ до нѣкоторой степени за судьбу моего письма. А если оно и пропадетъ, то бѣда невелика. Вѣдь я не знаю, захочешь ли ты даже знать свою маленькую Изабеллу?

„Да, счастливецъ, я все еще маленькая Изабелла, хотя выросла на полъ-вершка, или даже, пожалуй, и на цѣлый вершокъ. Но звѣздочки на эполетахъ господъ офицеровъ все еще мнѣ не по росту, хотя я въ десяти шагахъ отличаю прапорщика отъ поручика или капитана. Не можешь представить себѣ, сколько я ихъ въ эти два года перевидала! Нескончаемо! А такъ какъ каждый господинъ, котораго мнѣ представляютъ, неизмѣнно за мной ухаживаетъ, то число моихъ поклонниковъ тоже нескончаемо. Только моего счастливца недостаетъ. И мнѣ это очень жаль, потому что я тебя всегда очень любила, хотя ты и знать меня не хочешь.

„Почему? я этого, собственно говоря, не понимаю. Вѣдь ты зналъ меня, когда я была совсѣмъ крошкой и, несмотря на то, уже протягивала руки ко всему, чтò блеститъ. Ну, теперь-то я знаю, что не все то золото, чтò блеститъ. И ладить съ глупыми людьми, какъ и съ собой, очень трудно. Ну, вотъ, мнѣ и пришлось много побиться съ самой собой, и я не знаю—умное или глупое рѣшеніе приняла я, наконецъ, и пишу тебѣ затѣмъ, чтобы сооб-

щить это рѣшеніе. Но я должна сначала поразсказать тебѣ коечто о себѣ, иначе ты никакъ не поймешь, какъ могла маленькая Изабелла придти къ такому рѣшенію.

„Дорогой Юстъ, какую разсѣянную жизнь вела я въ эти два года! Я была въ Италіи отъ Ривьеры до Капри... долгіе мѣсяцы. Затѣмъ прожила почти столько же въ Парижѣ, недѣлями двумя меньше въ Лондонѣ—сама не знаю, гдѣ я только не была. Въ Лондонѣ я чуть-было не стала невѣстой, но такъ какъ почти тоже чуть не случилось въ Римѣ и въ Парижѣ—и даже не разъ—то я оставила это безъ послѣдствій. Въ Парижѣ мнѣ всего больше понравилось. Городъ, обстановка, воздухъ, люди—все такъ весело, такъ живо, жизнерадостно! По моему, только по ошибкѣ я тамъ не родилась! Тѣмъ болѣе, что меня много разъ увѣряли, что я говорю по-французски какъ парижанка. Но развѣ можно этому вѣрить! Въ Римѣ и въ Лондонѣ меня увѣряли въ томъ же—но, конечно, съ перемѣной языка. Мое польское происхожденіе облегчаетъ мнѣ эту задачу, въ особенности здѣсь, въ Берлинѣ, гдѣ—по крайней мѣрѣ, въ нашихъ кружкахъ—говорятъ на всѣхъ языкахъ.

„Мы, впрочемъ, здѣсь не долго останемся: недѣли двѣ. Въ половинѣ августа ѣдемъ въ Остенде, котораго я еще не знаю, а потому съ удовольствіемъ туда отправляюсь.

„Когда я говорю: мы, то это значитъ: графиня, Сивилла и новая компаніонка, m-lle Клементина Мёнье — божественная Аделаида съ полгода уже какъ вышла замужъ за своего милаго пастора—наконецъ, графъ (по крайней мѣрѣ, иногда) и баронъ Шёнау.

„Должна тебѣ сказать, что я—невѣста барона Шёнау.

„Да, счастливецъ, теперь я сказала главное, и мнѣ стало легче. Можетъ быть, во мнѣ говоритъ тщеславіе или самомнѣніе, но мнѣ казалось, что тебѣ будетъ непріятно это услышать. Но знаешь, счастливецъ,—хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ—а я бы охотнѣе вышла замужъ за тебя; но это невозможно, право, невозможно! Во-первыхъ, ты еще очень молодъ, а еслибы ты былъ и старше, то я не могу ждать—скажу потомъ, отчего. Во-вторыхъ, у меня ничего нѣтъ, и у тебя также, и ты даже еще „ничего не сдѣлалъ для безсмертія“. Послушалъ бы ты, какъ произноситъ эти слова Жозефъ Каинцъ! Это jeune premier на новой нѣмецкой сценѣ и лучшій изъ актеровъ, какихъ я тогда видала. Всѣ безъ ума отъ него, въ особенности дамы,—за исключеніемъ меня. Мой принципъ—никогда не увлекаться тѣмъ, чѣмъ весь свѣтъ увлекается. Я нахожу это вульгарнымъ. (NB. Только когда весь

свѣтъ восхищается мною, я не нахожу этого вульгарнымъ, это совершенно въ порядкѣ вещей.) Заговоривъ о Каинцѣ, я вспомнила объ одномъ утрѣ въ лѣсу, когда я объявила тебѣ, что буду актрисой. Боже, какъ же я была тогда глупа! Актрисой! Царь небесный, да для этого незачѣмъ поступать на сцену! Въ свѣтѣ непрерывно играютъ комедію. И притомъ, знаешь, если бы я не была дамой, я бы не хотѣла совсѣмъ жить на свѣтѣ, а я думаю, что очень трудно быть вмѣстѣ актрисой и вмѣстѣ дамой—какъ я то понимаю. А потому нашъ союзъ „былъ бы слишкомъ прекрасенъ" и, слѣдовательно, невозможенъ. А почему я не могу ждать, пока ты станешь безсмертнымъ? Милое дитя, это очень трудно объяснить тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ. Что я въ эти два съ половиною года до смерти надоѣла графинѣ—хотя она меня все еще обожаетъ—повѣрь мнѣ на слово. Я считала ее, между нами будь сказано, полу-сумасшедшей, и ее слѣдовало бы помѣстить если не въ домъ умалишенныхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ лечебницу для нервныхъ больныхъ, гдѣ бы она могла мучить своими невѣроятными капризами сидѣлокъ и врачей. Еслибы, по крайней мѣрѣ, легче жилось съ Сивиллой! Ты знаешь, что она—воплощенная доброта и любовь и только снисходительно подсмѣивается надъ моими глупостями и самомнѣніемъ. Но она постоянно больна, почти не встаетъ съ постели или съ дивана, и стала такъ набожна! Ты помнишь, у нея всегда было къ этому расположеніе. Не то чтобы она навязывала другимъ свою набожность!—но, право, когда самъ нисколько не религіозенъ, то не знаешь порою: смѣяться или сердиться. Такъ, напримѣръ, мы говоримъ про тебя—что̀, кстати, довольно часто случается—и я выскажу, что съ твоей стороны было донкихотствомъ сдѣлаться рабочимъ, прегрѣшеніемъ противъ самого себя. Она подниметъ свои прекрасные глаза къ потолку, сложитъ бѣлыя руки на груди и скажетъ:—Онъ избралъ истинный путь: блаженны нищіе, ибо они дѣтьми Божіими назовутся.—Я хотѣла отвѣтить:—да вѣдь Богъ знаетъ, что онъ и безъ того ребенокъ;—но промолчала, какъ всегда слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ. Къ чему спорить? It doesn't pay.

„Тѣмъ не менѣе съ матерью и дочерью я бы какъ-нибудь протянула еще съ полгода; но отецъ съ сыномъ — рѣшительно нестерпимы. Это темный пунктъ въ моемъ существованіи, и я постаралась бы тебѣ его объяснить, еслибы мы бы съ глазу на глазъ и могли бы хоть разокъ поболтать, какъ въ доброе старое время. Въ письмѣ же это невозможно. Короче сказать: дальше такъ идти не можетъ. Если эти два человѣка не могутъ не ссориться, то пусть же не я буду поводомъ къ ихъ ссорамъ—я

такъ обязана передъ семьей, которая меня пріютила, и передъ самой собой. Поэтому я должна сдѣлать единственное, что возможно для дѣвушки при такихъ обстоятельствахъ: совершить отступленіе, то-есть выйти замужъ.

„Ты спросишь, почему именно за Шёнау? Во-первыхъ, потому, что выбирать значитъ мучиться, а я устала. Во-вторыхъ, онъ утверждаетъ, что я уже прежде обѣщала ему выйти за него замужъ, когда мнѣ минетъ шестнадцать лѣтъ. Я не помню, чтобы давала дѣйствительно такое обѣщаніе, но что-нибудь въ этомъ родѣ могла сболтнуть... чего не наболтаешь, будучи четырнадцати, пятнадцати лѣтъ отъ роду! Во всякомъ случаѣ я бы не считала себя этимъ связанной, не будь онъ дѣйствительно—въ своемъ родѣ—милый человѣкъ и искренно—я такъ думаю—меня любящій, хотя онъ и не „увѣряетъ честью, что лишитъ себя жизни, и пр.“, если я его отвергну. И слава Богу,—я столько этого наслушалась! Но ты знаешь, мой другъ, съ метрическимъ свидѣтельствомъ у меня неладно, и другого это, можетъ быть, остановило бы, а его—нѣтъ. Я очень цѣню въ немъ это, и мы повѣнчаемся въ Англіи, гдѣ, говорятъ мнѣ, на это проще смотрятъ. У него есть и другія преимущества, цѣнныя въ моихъ глазахъ. Я нахожу, что на землѣ нѣтъ ничего несноснѣе родственниковъ. У него ихъ нѣтъ, или почти что нѣтъ, а потому мы очень подходимъ другъ къ другу. Мы дополняемъ другъ друга: я бѣдна, онъ довольно богатъ; я немного своенравна, онъ—воплощенное благодушіе; у меня капризная фантазія, у него—никакой; у меня мало разсудка, а у него—еще меньше. Enfin: все было бы хорошо, еслибы только его не звали Аксель. Я нахожу это имя ужаснымъ. И вдобавокъ оно у него одно, такъ что я не могу его перекрестить. What is there to be done? Мы повѣнчаемся весной. Я бы пригласила тебя на свадьбу, еслибы она происходила не въ Англіи, а по правдѣ говоря, потому что я тебя слишкомъ для этого люблю, мой милый счастливецъ.

„Ну, теперь пора кончить. Я не увѣрена даже, что ты дочитаешь до этого мѣста! Прошу, отвѣчай на это письмо и облегчи удрученное сердце твоей бѣдной Майской Ночи.

„P.-S.—Только-что пріѣзжала ко мнѣ Эдита—миссъ Броунъ, знаешь, уже съ годъ какъ жена д-ра Эбергарда—вся взволнованная и по поводу тебя. Она переписывается отъ времени до времени съ женой оберъ-директора, и та написала ей, что ты работаешь на фабрикѣ и недавно съ тобой случилось несчастіе: ты поранилъ себѣ руку—машиной, думаю я. Бѣдный мальчикъ! и эта еще бѣда стряслась надъ тобой! Но, быть можетъ, она

принесетъ то добро, что тебѣ придется—за невозможностью работать руками—обратиться къ головѣ, которая богата такими прекрасными идеями. Ты долженъ это сдѣлать, Юстъ, уже потому, что въ противномъ случаѣ мало надежды, чтобы мы когда-либо встрѣтились въ здѣшней жизни. А это было бы жаль. Мы такъ много проводили времени вмѣстѣ, дѣтьми, и должны въ будущемъ видѣться еще чаще. Будь здоровъ, счастливецъ".

Юстъ выронилъ послѣдній листокъ—ихъ было нѣсколько—на колѣни и разгоряченнымъ взглядомъ уставился въ пространство. Теперь онъ зналъ, что въ дѣйствительности потерялъ ее. Невыразимая боль поднялась въ его груди. Онъ не хотѣлъ плакать, и слезы, выступившія на глазахъ и скатившіяся по его щекамъ, были послѣдствіемъ слабости послѣ болѣзни. Но онъ невольно поддался слабости и, закрывъ лобъ и глаза здоровой рукой и откинувшись въ уголъ скамейки, разрыдался такъ, точно сердце у него разрывалось на части.

Легкое прикосновеніе къ его плечу заставило его вздрогнуть. То была Марта. Онъ зналъ, что она дома, слышалъ, какъ она хлопотала въ кухнѣ, но письмо заставило его забыть о ней, и онъ испугался, увидя ее. Она была очень блѣдна, и странное выраженіе свѣтилось въ ея сѣрыхъ, пытливыхъ глазахъ.

— Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы люди увидѣли тебя въ этомъ видѣ,—сказала она.—Ты получилъ отъ нея письмо?

— Да,—отвѣчалъ Юстъ:—она непремѣнно пожелала сообщить мнѣ, что помолвлена.

— Я это знала,—сказала Марта, нагибаясь, чтобы поднять нѣсколько листковъ, упавшихъ на землю, и, сложивъ ихъ, положила вмѣстѣ съ другими въ конвертъ.

— Какъ такъ?—съ удивленіемъ возразилъ онъ:—вы вѣдь не переписываетесь?

— Нѣтъ,—отвѣчала спокойно Марта:—я думаю, мои письма доставили бы ей мало удовольствія, а ея—мнѣ. Я знаю это не отъ нея...

Она помолчала съ минуту, и яркій румянецъ залилъ ея блѣдныя щеки; затѣмъ продолжала нетвердымъ голосомъ:

— Я не хотѣла тебѣ обо всемъ этомъ сообщать, но жена оберъ-директора говоритъ, что не слѣдуетъ стыдиться того, что̀ дѣлаешь съ добрымъ намѣреніемъ для друга; и я должна тебѣ сказать, чтобы ты былъ подготовленъ, и чтобы она не даромъ сюда пріѣзжала...

— Жена оберъ-директора?—вскричалъ удивленный Юстъ:— но ради самого неба, зачѣмъ?

Краска давно уже сбѣжала съ лица Марты, и оно стало блѣднѣе прежняго; дыханіе сдѣлалось прерывистымъ. Она сѣла на скамейку и на минуту положила на его здоровую руку свою.

— Выслушай меня спокойно, Юстъ,—сказала она.—Ты не можешь здѣсь оставаться—это дѣло рѣшеное: ни въ деревнѣ, гдѣ тебѣ нечего дѣлать, ни у насъ въ домѣ. Но куда тебѣ отправиться и чтò предпринять—этого ты не знаешь. Я и сама ничего не могла придумать, сколько ни ломала голову. Но тутъ мнѣ припомнилось, что ты, въ бытность свою въ зáмкѣ, познакомился съ женой оберъ-директора, и она тебѣ такъ понравилась. Я подумала, что навѣрное и ты ей понравился,—и нѣсколько дней тому назадъ, въ субботу, пошла къ ней и спросила, не можетъ ли она чего-нибудь присовѣтовать.

— Ты развѣ съ ней знакома? — спросилъ Юстъ, взволнованный.

Марта покачала головой.

— Нѣтъ; но вѣдь дѣло шло не обо мнѣ, а о тебѣ. А у насъ всѣ здѣсь знаютъ, что она—добрая женщина. Это было не трудно. И, пожалуйста, не затрудняй мнѣ теперь дѣла, и не гляди такъ пристально и сердито. Я не побиралась отъ твоего имени; я спросила только ее: не согласится ли она переговорить о тебѣ съ господиномъ оберъ-директоромъ. Она не дала мнѣ договорить и сказала, что сама пріѣдетъ на дняхъ, по всей вѣроятности, во вторникъ—то-есть сегодня—и повидается съ тобой. Я ее жду съ минуты на минуту...

— И отъ нея ты узнала, что Изабелла...

Тѣнь пробѣжала по лицу дѣвушки. Ясно, что въ виду такого важнаго извѣстія онъ былъ равнодушенъ къ собственной судьбѣ.

— Да,—сказала она;—она назвала мнѣ и фамилію дамы, которая ей объ этомъ написала, да я забыла... Юстъ, не правда ли, ты будешь разсудителенъ? обѣщай мнѣ это!

Она опять положила ему руку на плечо и такъ взглянула на него, что онъ затрепеталъ. Съ такой заботливостью и тревогой глядѣла на него порою его мать; но во взглядѣ Марты было еще нѣчто, чего онъ не умѣлъ себѣ объяснить.

Онъ не успѣлъ ей ничего отвѣтить. Изъ боковой улицы, выходившей на шоссе, которое тянулось параллельно съ деревней, выѣхала открытая коляска на главную улицу и остановилась передъ домомъ.

Въ каретѣ сидѣла дама; она дружески кивнула молодымъ лю-

дямъ и, прежде нежели Марта успѣла подбѣжать къ ней, вышла изъ экипажа.

Юстъ видѣлъ эту даму всего одинъ разъ при свѣтѣ лампы и въ домашнемъ туалетѣ, но и безъ предувѣдомленія Марты узналъ бы фрау Кёрнеръ. Какъ молнія, воспоминаніе о томъ вечерѣ пронизало ему душу, и впервые ему стало стыдно рабочей блузы, надѣтой на немъ. Но онъ поборолъ это чувство и спокойно пошелъ на встрѣчу дамѣ.

X.

Марта, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ фрау Кёрнеръ, вошла въ домъ. А фрау Кёрнеръ протянула дружески руку Юсту, какъ передъ тѣмъ Мартѣ, и замѣтила:

— Вы такъ перемѣнились, что я бы съ трудомъ васъ узнала, развѣ только по глазамъ. Марта вамъ сказала, что я хочу съ вами поговорить. Я позволяю себѣ думать, что мой пріѣздъ вамъ не непріятенъ. Сядемъ тутъ, на скамейкѣ, и побесѣдуемъ. Но если вы еще слишкомъ слабы, скажите откровенно: я пріѣду въ другой разъ.

Фрау Кёрнеръ достигла своего намѣренія—разсѣять смущеніе Юста, очевидно овладѣвшее имъ. Онъ снова, какъ и въ первое свиданіе, почувствовалъ, что эта женщина не такая, какъ другія, что на нее можно безусловно положиться, какъ на стараго друга или какъ на опытнаго врача. Онъ позабылъ о своей рабочей блузѣ и безъ стѣсненія поблагодарилъ ее за доброе участіе, какого онъ не заслужилъ ничѣмъ.

— Я думаю, вы ошибаетесь, — отвѣчала фрау Кёрнеръ съ дружеской улыбкой.—По моему мнѣнію, всѣ люди заслуживаютъ участія, если находятся въ нуждѣ и болѣзни, хотя бы даже они не только не были къ намъ близки лично, но даже по собственной винѣ, неразумію или лѣности впали въ бѣду и въ нужду. Вы же, вдобавокъ, стоите совсѣмъ въ иномъ положеніи. Во-первыхъ, вы не виноваты въ своемъ несчастіи, а во-вторыхъ, развѣ мы не знакомы лично? Развѣ вы не были моимъ гостемъ? Развѣ мы не помогали сообща, какъ добрые самаритяне, старухѣ? И наконецъ, когда общество изъ зàмка собралось у меня въ тотъ вечеръ, если оно не скучало до смерти, то этимъ обязана я вамъ, вашей сказкѣ, доставившей всѣмъ намъ такое удовольствіе?

Фрау Кёрнеръ умолкла съ короткимъ смѣхомъ.

— Когда я говорю: всѣмъ намъ, то, конечно, это немного

преувеличено. Нѣкоторые изъ присутствующихъ строили такія лица, какъ будто бы при нихъ читали мучительнѣйшую главу изъ Дантова Ада — или еще болѣе мрачную вещь. Но большинство было за васъ: хорошенькая англійская миссъ, обѣ молодыхъ дамы и, наконецъ, я сама. Могу сказать вамъ, что часто, часто думала я о вашемъ произведеніи, и могу если не слово въ слово, то все-таки очень подробно пересказать его. Не сочинили ли вы съ тѣхъ поръ что-нибудь новенькое?

Печальная улыбка скользнула по блѣдному лицу Юста.

— Мнѣ некогда сочинять, gnädige Frau, — отвѣчалъ онъ, невольно взглядывая на здоровую руку, носившую ясные слѣды тяжкой работы.

— Простите меня, — сказала фрау Кёрнеръ;—мой вопросъ глупъ, но хорошъ тѣмъ, что тотчасъ же приводитъ насъ medias in res. Кто, какъ я, имѣлъ отцомъ профессора литературы, тотъ невольно удерживаетъ въ памяти нѣсколько фразъ изъ древнихъ языковъ, да сверхъ того остается еще и любовь къ литературѣ и ко всѣмъ тѣмъ, кто къ ней призванъ. Я твердо убѣждена, что вы именно призваны. Этимъ объясняется мое участіе къ вашей судьбѣ. Теперь выслушайте терпѣливо, какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ побѣдить препятствія, мѣшающія вамъ слѣдовать этому призванію. Послѣ случившагося съ вами несчастія, не можетъ быть больше и рѣчи о черной работѣ, убивающей умственныя способности. Но, конечно, работать вамъ все-таки надобно, потому что: il faut vivre! Еслибы даже и нашелся человѣкъ, который предложилъ бы вамъ средство для того, чтобы продолжать учебныя занятія, то вы бы отказались отъ этого предложенія, какъ уже, я знаю, это и сдѣлали. Та работа, о которой я говорю, къ сожалѣнію, тоже механическая, но только такая, при данныхъ обстоятельствахъ, можетъ доставить вамъ немедленный заработокъ. Вы поступите въ контору моего мужа—сначала какъ писецъ, чтобы освоиться съ ея атмосферой,—и я не сомнѣваюсь, что въ самомъ непродолжительномъ времени вы получите повышеніе. Да и прозаическая жизнь въ конторѣ не будетъ вполнѣ безполезна для вашихъ литературныхъ цѣлей. Тамъ есть возможность наблюдать людей и изучать ихъ характеры и отношенія. Точное знаніе людей и ихъ отношеній всегда было орудіемъ и оружіемъ для поэта, а въ наше время, когда поэзія претендуетъ на то, чтобы быть оруженосцемъ науки, — и тѣмъ болѣе,—хотя я не хочу этимъ сказать, что и вы обязаны быть такимъ оруженосцемъ. Въ свободные часы вы можете заниматься литературой и пополнять свое образованіе. О книгахъ и всякихъ учебныхъ пособіяхъ вамъ заботиться не-

чего: у моего отца богатая библіотека, и она вся къ моимъ услугамъ. Если чего не найдемъ въ ней, — достанемъ въ другомъ мѣстѣ.

Фрау Кёрнеръ говорила съ такимъ жаромъ, что щеки ея раскраснѣлись, а сѣро-голубые глаза разгорѣлись. Говорила она все быстрѣе и быстрѣе, но не искала словъ, и Юстъ, который никогда еще не слыхалъ, чтобы кто-нибудь говорилъ такъ хорошо, заслушался и даже позабылъ на мгновеніе о письмѣ, лежавшемъ въ карманѣ его блузы, а когда она умолкла, глубоко вздохнулъ, точно пробуждаясь отъ сна.

— Вамъ не нравится мое предложеніе? — спросила фрау Кёрнеръ.

— Я не знаю только, какъ мнѣ васъ благодарить! — пролепеталъ Юстъ.

— Это еще поспѣется,—весело отвѣчала она.—Къ тому же, я не кончила. Излишне было бы вамъ говорить, что мужъ знаетъ о моихъ планахъ и вполнѣ съ ними согласенъ. Я ничего не дѣлаю, вообще, не посовѣтовавшись съ нимъ, а въ данномъ случаѣ онъ, само собой разумѣется, рѣшающій факторъ. Вы не знаете моего мужа?

— Я видалъ г. оберъ-директора разъ или два, когда онъ пріѣзжалъ сюда осматривать фабрику,—отвѣчалъ Юстъ.

— И онъ видѣлъ васъ.

Юстъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

Впервые во время этого разговора на лицѣ молодой женщины появилось выраженіе смущенія, но только на мгновеніе — и она продолжала оживленной скороговоркой:

— Я должна быть и буду съ вами вполнѣ откровенна. Ни для моего мужа, ни для меня не было тайной, что вы работаете здѣсь на фабрикѣ. Я уже потому не могла упустить васъ изъ виду, что моя пріятельница, миссъ Броунъ, теперешняя фрау Эбергардъ—я переписываюсь съ ней—держала меня au courant всего, что̀ происходило въ графской семьѣ. О трагической катастрофѣ убійства, лишившей васъ родителей, говорила вся округа, равно какъ и о смерти добраго пастора, вашего друга и покровителя. О томъ, что вы поступили на фабрику, толковалось больше, чѣмъ вы предполагаете. Во всякомъ случаѣ, это зналъ мой мужъ, а черезъ него и я. Я бы уже тогда предложила вамъ свою помощь, но подчинилась воззрѣніямъ мужа. Онъ, какъ и всѣ люди self-made, того мнѣнія, что каждый человѣкъ не только господинъ своей судьбы, но что такъ и должно быть. Извѣстія изъ графскаго лагеря убѣждали меня къ тому же, что вы не-

премѣнно хотите располагать своей судьбой по своему, а потому я вынуждена была пребывать въ бездѣйствіи и кажущемся безучастіи, чтò мнѣ было довольно тяжело. Но теперь, когда ясно, что вы не можете болѣе обойтись безъ чужой помощи, знаменитое правило: help yourself—въ истинности котораго я, по правдѣ сказать, очень сомнѣваюсь—больше непримѣнимо. Всѣ дѣловыя подробности сообщитъ вамъ мой мужъ. Что касается вашего помѣщенія, то прошу васъ предоставить это мнѣ. Это гораздо легче устроить, нежели вы думаете. Но, какъ я уже сказала, предоставьте всѣ эти мелочи мнѣ. Еще послѣднее слово: я знаю отъ Марты, а ей говорилъ д-ръ Мальтусъ, что черезъ нѣсколько дней вамъ можно будетъ переѣхать. До тѣхъ поръ я успѣю все приготовить, чтò нужно. А теперь мнѣ пора. Боже! уже половина одиннадцатаго, а въ одиннадцать меня ждетъ мужъ къ завтраку. Въ двѣнадцать онъ уѣзжаетъ изъ дому. Ну, да лошади довезутъ! Іоганнъ!

Кучеръ, медленно проѣзжавшій лошадей, во время этого разговора, какъ разъ въ эту минуту подъѣзжалъ къ дому и остановился по зову госпожи. Фрау Кёрнеръ такъ спѣшила, что пожала на ходу руку Юсту и Мартѣ, сказавъ послѣдней, которая провожала ее изъ садика:

— Ну, все устроено, и я еще разъ благодарю васъ.

Она сѣла въ экипажъ, лошади тронулись, и она махнула на прощанье рукой, прежде чѣмъ коляска повернула за уголъ.

Юстъ вернулся съ опущенной головой къ скамейкѣ и усѣлся на ней, уставя въ пространство неподвижный взглядъ, точь въ точь какъ его видѣла Марта, когда передъ тѣмъ подходила къ нему. Она остановилась теперь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и печально глядѣла на него. Она знала, что онъ позабылъ объ ея присутствіи, она читала въ его душѣ, какъ въ открытой книгѣ. Чтò ему настоящее, чтò ему будущее—послѣ того, какъ онъ невозвратно потерялъ ту, которую всю жизнь любилъ и будетъ любить, пока живъ!

И вдругъ мрачныя мысли овладѣли Мартою.

— Юстъ!—сказала она глухо.

Онъ взглянулъ на нее; она ждала этого безучастнаго, разсѣяннаго взгляда.

— Юстъ,—повторила она, не присаживаясь на скамейку, но стоя передъ нимъ:—тебѣ не за что благодарить меня. Я думала больше о себѣ, отправляясь къ женѣ директора, нежели о тебѣ.

— Ты хотѣла удалить меня изъ дома,—сказалъ онъ.—Я это знаю, и это само собой понятно.

— Конечно, но это не все; я хотѣла также знать, гдѣ ты будешь, послѣ того какъ уйдешь отсюда, потому что я тоже здѣсь не останусь.

— Ты?—вскричалъ Юстъ, удивясь.

— Не хочу и не останусь; ты знаешь мое желаніе. Я говорила о немъ женѣ директора, и она помогла мнѣ: написала въ Берлинъ, и сегодня—она сообщила мнѣ это, когда сидѣла уже въ экипажѣ—отвѣтъ полученъ, и я могу ѣхать къ доктору Эбергарду; онъ, знаешь, первый ассистентъ въ больницѣ Августы, гдѣ я буду сидѣлкой.

— Желаю тебѣ счастья,—сказалъ Юстъ.

— Не похоже на то, судя по твоему голосу.

— И желаю отъ всего сердца. И желалъ бы я также...

— Чего?

— Уйти съ тобой далеко, далеко отсюда.

Въ душѣ ея звучало: пойдемъ со мной! ты въ этомъ не раскаешься!

Но уста молчали.

— Что же станется здѣсь съ хозяйствомъ?—спросилъ Юстъ.

— Это уже улажено,—отвѣчала Марта.—Отецъ будетъ произведенъ въ мастера и получитъ хорошее содержаніе, такъ что мачихѣ не придется больше работать на фабрикѣ и можно заниматься хозяйствомъ.

— Отецъ уже знаетъ?

— Ему сегодня скажетъ инспекторъ.

— Тебя ему будетъ очень недоставать, Марта.

— Что дѣлать. Нельзя думать все о другихъ. Это ни къ чему не служитъ.

Такія слова въ устахъ Марты поразили бы Юста всего какой-нибудь часъ тому назадъ. Теперь они не произвели на него никакого впечатлѣнія. Онъ не думалъ о другихъ, онъ не думалъ даже о самомъ себѣ, погруженный въ безъисходную печаль: легкое письмо на груди давило его точно пудовая гиря, и ему все труднѣе и труднѣе дышалось. Вдругъ съ глухимъ стономъ вскочилъ онъ съ мѣста и бросился мимо Марты въ домъ.

Марта осталась у дверей. Темныя брови ея были сдвинуты, губы крѣпко сжаты.

Школа находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, занятія тамъ окончились; дѣти выбѣжали изъ нея и толпа босоногихъ ребятишекъ съ крикомъ понеслась по улицѣ. Съ фабрики донесся паровой свистокъ, возвѣщающій объ обѣдѣ.

Христофоръ и Болеславъ ворвались въ садикъ. Оба, противъ обыкновенія, получили хорошія отмѣтки.

— Вотъ умницы!—сказала Марта, гладя ихъ бѣлокурыя головки.—И я тоже сготовила вамъ вкусный обѣдъ. Ступайте впередъ! Я сейчасъ приду.

Она готова была впасть въ прежнее мрачное раздумье, но совладала съ собой. Губы ея искривились горькой, презрительной усмѣшкой.

— Еслибы еще она была достойна его,—пробормотала она: —а то вѣдь нѣтъ!

Нижній конецъ улицы оживился прибывающими съ фабрики рабочими, спѣшившими домой.

Марта вошла въ домъ.

А. Э.

ПУБЛИЧНЫЕ МИТИНГИ

ВЪ

АНГЛІИ

Очерки изъ политической исторіи Англіи.

Окончаніе.

IV *).

Мы прослѣдили исторію публичныхъ митинговъ въ Англіи со времени первоначальнаго возникновенія ихъ до того момента, когда, послѣ упорной борьбы и длиннаго ряда преслѣдованій и ограниченій, за населеніемъ вполнѣ было обезпечено право собраній для свободнаго обсужденія политическихъ вопросовъ и общественныхъ интересовъ. Итакъ, въ Англіи окончательное пріобрѣтеніе этого права совершилось не ранѣе первой четверти нынѣшняго вѣка, а именно въ 1825 году, когда истекъ срокъ дѣйствія послѣдняго исключительнаго акта, направленнаго къ ограниченію права публичныхъ собраній. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть дальнѣйшіе фазисы въ развитіи института публичныхъ митинговъ и прослѣдить, какую роль довелось ему играть въ послѣдующія пять-шесть десятилѣтій англійской политической исторіи.

Несмотря на близость къ намъ этого времени, несмотря на

*) См. выше: февраль, 582 стр.

то, что оно, такъ сказать, непосредственно сливается съ моментомъ, переживаемымъ Англіею теперь,—есть полная возможность подвести общіе итоги указанной эпохи. И это благодаря тому, что сквозь самыя разнообразныя проявленія политической жизни ея рѣзко проходитъ одна главная черта, налагающая свою печать на весь этотъ періодъ: — постепенная демократизація политическаго строя во всѣхъ многосложныхъ его элементахъ. Важнѣйшими актами этого процесса являются безспорно три парламентскія реформы (1832, 1867 и 1885 гг.), изъ которыхъ каждая знаменовала собою новый шагъ на пути отъ режима аристократической олигархіи къ водворенію демократическаго строя: реформа 1832 года надѣлила избирательными правами средніе классы; реформа 1867 г. привлекла къ участію въ политическихъ дѣлахъ слишкомъ 1 милліонъ низшихъ городскихъ классовъ; реформа 1885 г. увеличила контингентъ избирателей $2^1/_2$ милліонами сельскихъ рабочихъ. Тогда какъ до реформы 1832 г. число избирателей немногимъ превышало полъ-милліона, въ избирательныхъ спискахъ 1892 г. значилось болѣе 6 милліоновъ облеченныхъ верховною политическою властью. Еще одна парламентская реформа, и въ Англіи найдетъ себѣ полное примѣненіе принципъ всеобщей подачи голосовъ.

Обращаясь къ исторіи этихъ реформъ, мы увидимъ, что онѣ явились результатомъ общественной самодѣятельности, выразившейся въ грандіозныхъ движеніяхъ, направленныхъ къ осуществленію идей и потребностей общественныхъ классовъ, выступавшихъ на политическую сцену. Постараемся выяснить роль, какую въ этихъ движеніяхъ играли публичные митинги, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ и выразителей демократической эволюціи. Но рядомъ съ политическими реформами намъ необходимо будетъ коснуться и нѣкоторыхъ другихъ общественныхъ движеній для того, чтобы дать болѣе полное освѣщеніе тому значенію, какое въ Англіи пріобрѣлъ институтъ публичныхъ митинговъ.

Намъ уже пришлось замѣтить, что авторъ разсматриваемаго сочиненія [1]) не касается тѣхъ движеній, сценою которыхъ была Ирландія. Такъ, несмотря на то, что онъ доводитъ свое изложеніе до 1885 года, онъ ни словомъ не упоминаетъ о „гомрулерскомъ“ движеніи, возникшемъ значительно ранѣе этого времени; полнымъ молчаніемъ обходитъ онъ и болѣе раннюю аги-

[1]) Henry Jephson, The Platform, its Rise and Progress.

тацію въ пользу упраздненія уніи между Англіею и Ирландіею, извѣстную подъ именемъ „Repeal Agitation“ (1840—1843 гг.). Онъ, однако, допускаетъ одно отступленіе и даетъ довольно подробный очеркъ ирландскаго движенія по вопросу объ эмансипаціи католиковъ. Мотивомъ къ этому отступленію для Джефсона служитъ важное значеніе, какое эта агитація имѣла и непосредственно для англійской „платформы“, всего болѣе въ организаціонномъ отношеніи. Съ этого движенія начнемъ и мы свое изложеніе.

Когда велись переговоры объ упраздненіи ирландскаго парламента и полномъ сліяніи Ирландіи съ Англіею (1800 г.), Вилльямъ Питтъ—съ цѣлью ослабить оппозицію со стороны католическаго большинства ирландскаго населенія — далъ понять, что однимъ изъ первыхъ актовъ соединеннаго парламента будетъ дарованіе всѣмъ католикамъ гражданскихъ и политическихъ правъ наравнѣ съ протестантами. По заключеніи уніи, Питтъ дѣйствительно намѣревался приступить къ исполненію этого обѣщанія и готовился внести въ парламентъ билль объ эмансипаціи католиковъ; но онъ встрѣтилъ преграду въ рѣшительномъ сопротивленіи короля Георга III, сломить которое оказалось невозможнымъ въ виду враждебнаго отношенія къ проекту Питта со стороны большинства англійскихъ политическихъ дѣятелей. Питтъ вынужденъ былъ подать въ отставку; вопросъ объ эмансипаціи католиковъ отошелъ на задній планъ. Ирландскій народъ былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ, а между тѣмъ безправное положеніе католиковъ сказывалось очень рѣзко, ставя ихъ въ сильную политическую и даже экономическую зависимость отъ протестантскаго меньшинства. Выйти изъ этого положенія, добиться признанія религіознаго и политическаго равенства — стало излюбленной мечтой большинства ирландцевъ.

Между тѣмъ въ Англіи идея католической эмансипаціи находила сочувствіе лишь въ группѣ либераловъ; со стороны ихъ дѣлались попытки снова возбудить этотъ вопросъ, но безуспѣшно. Замѣтные успѣхи сталъ онъ дѣлать только тогда, когда въ Ирландіи началось общественное движеніе въ пользу эмансипаціи католиковъ. Руководителемъ этого движенія явился горячій патріотъ и блестящій ораторъ, Даніэль О'Коннелль, который въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій стоялъ во главѣ ирландскаго народа и впервые показалъ, какую огромную силу можетъ представить собою народная агитація и притомъ на совершенно мирныхъ и законныхъ основаніяхъ. Первыя проявленія ирландскаго движенія въ пользу эмансипаціи относятся къ 1809 г., когда въ

Дублинѣ образовался „католическій комитетъ", собиравшій митинги съ цѣлью обсужденія вопроса и редактировавшій петиціи въ парламентъ. Но движеніе это вскорѣ стихло отчасти подъ внѣшнимъ давленіемъ, отчасти же по причинѣ внутреннихъ несогласій въ средѣ высшихъ слоевъ католическаго населенія, которыми первоначально и ограничивалось движеніе. Въ 1823 г. О'Коннель пришелъ къ сознанію необходимости организовать движеніе на болѣе широкихъ основаніяхъ путемъ привлеченія къ нему народныхъ массъ и духовенства. По иниціативѣ его и другого виднаго оратора Шейля, положено было основаніе „католической ассоціаціи" (Catholic Association), которая поставила себѣ задачею объединить католиковъ Ирландіи въ одномъ общемъ стремленіи къ завоеванію гражданскихъ и политическихъ правъ. Въ Дублинѣ образованъ былъ центральный органъ ея (Central Association), на который возложено было общее руководство и направленіе движенія. Еженедѣльныя регулярныя собранія центральной ассоціаціи, на которыхъ произносились пламенныя рѣчи, перепечатывавшіяся въ газетахъ, вскорѣ сдѣлали общеизвѣстными задачи ассоціаціи. Популярность ея быстро возростала; въ составъ ассоціаціи могли входить представители всѣхъ классовъ населенія, и въ короткій промежутокъ времени вся Ирландія усѣяна была мѣстными органами ассоціаціи, дѣйствовавшими подъ общимъ руководствомъ центральнаго комитета. Главныя усилія были направлены на привлеченіе къ движенію массъ провинціальнаго и сельскаго населенія, чему помогли какъ постоянные разъѣзды руководителей агитаціи, устроивавшихъ митинги, такъ въ особенности вліяніе духовенства, принимавшаго самое горячее участіе въ движеніи. Въ цѣляхъ обезпеченія за нимъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ рѣшено было установить повсемѣстно особый сборъ (Catholic Rent), въ размѣрѣ одного пенса въ мѣсяцъ. Эта идея дала блестящіе результаты: помимо ближайшаго своего назначенія, этотъ сборъ помогалъ поддерживать въ населеніи постоянный интересъ къ движенію, вызывая необходимость частыхъ митинговъ для обсужденія стоявшихъ въ связи съ нимъ вопросовъ.

Успѣхъ „католической ассоціаціи", значеніе которой быстро возростало, не преминулъ вызвать опасенія и недовольство со стороны англійскаго правительства. Лондонскій кабинетъ рѣшилъ закрыть ассоціацію, и представленный по этому поводу билль обратился въ законъ (1825 г.), срокомъ дѣйствія котораго назначено было три года. Но О'Коннель не напрасно говорилъ про себя, что онъ „свободно можетъ проѣхать шестерикомъ сквозь

самыя затянутыя петли любого парламентскаго акта". По его совѣту „католическая ассоціація" сама провозгласила свое распущеніе, но взамѣнъ ея немедленно была образована новая ассоціація, лишь съ тѣми измѣненіями чисто-формальнаго характера, которыя избавляли ее отъ дѣйствія парламентскаго акта. Задачами новой ассоціаціи поставлены были различныя благотворительныя цѣли и развитіе образованія въ ирландскомъ народѣ, но въ существѣ своемъ характеръ ея дѣятельности остался тотъ же.

Руководители ея съ удвоенною энергіею продолжали работать надъ осуществленіемъ своихъ стремленій и постарались еще болѣе усовершенствовать организацію движенія. Для этого Шейлемъ было предложено произвести общую перепись католическаго населенія Ирландіи и составить списокъ именъ и адресовъ всѣхъ приходскихъ патеровъ, съ цѣлью установить постоянныя правильныя сношенія въ интересахъ развитія агитаціи. Особенно же сильный толчокъ эта послѣдняя получила вслѣдствіе организаціи провинціальныхъ митинговъ и съѣздовъ, которые явились отличнымъ средствомъ объединенія народныхъ массъ. Лѣтомъ 1828 г. Шейль торжественно заявлялъ, что ирландскимъ народомъ правитъ „католическая ассоціація", которая въ сущности представляется Ирландіею. „Мы обладаемъ огромнымъ авторитетомъ. Стоитъ намъ подать сигналъ, и къ нашимъ услугамъ, какъ по мановенію волшебства, поднимутся семь милліоновъ". Сила движенія не преминула выразиться въ блестящемъ избраніи О'Коннелля депутатомъ отъ Клэра,—избраніи, которое произвело на англійское правительство большое впечатлѣніе и не мало содѣйствовало повороту его политики. Когда же истекъ срокъ дѣйствія акта 1825 г. и явилась возможность возродить прежнюю организацію ассоціаціи во всей ея полнотѣ, агитація приняла еще болѣе величественные размѣры, выразившись въ рядѣ грандіозныхъ митинговъ и процессій.

Для сужденія о силѣ движенія и значеніи, какое имѣла ассоціація, весьма любопытно признаніе, сдѣланное въ публичной рѣчи однимъ изъ членовъ министерства, Джорджемъ Даусономъ (въ августѣ 1828 г.): „Положеніе Ирландіи, — говорилъ онъ на публичномъ обѣдѣ въ протестантской части страны, — представляетъ собою аномалію въ исторіи цивилизованныхъ народовъ. Мы видимъ, правда, правительство, которому выказывается наружное повиновеніе, которое отвѣтственно передъ парламентомъ въ исполненіи своихъ административныхъ функцій; но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что огромное большинство народа обращаетъ свои взоры не къ законному правительству, а къ безотвѣтствен-

ной и произвольно установленной ассоціаціи. Спокойствіе въ Ирландіи зависитъ не отъ королевскаго правительства, а отъ велѣнія католической ассоціаціи... Отъ нея—этого никто не станетъ отвергать—зависитъ, будетъ ли духовенство получать свои доходы, или нѣтъ... Отъ одного слова ея зависитъ, будетъ ли отъ землевладѣльцевъ отнята ихъ рента, или нѣтъ. Такой совершенной организаціи никогда еще не достигало ни одно учрежденіе, которое не обладаетъ законными полномочіями правительства". Далѣе ораторъ выразилъ убѣжденіе въ томъ, что необходимо предпринять нѣчто положительное для рѣшенія вопроса объ эмансипаціи католиковъ. По поводу этой рѣчи Джефсонъ замѣчаетъ, что это былъ первый случай, когда видный членъ правительства воспользовался „платформою" для публичнаго заявленія о важной перемѣнѣ правительственной политики.

Нѣсколько раньше рѣчи Даусона лордъ-намѣстникъ Ирландіи писалъ Пилю: „Ассоціація или вѣрнѣе агитаторы, среди которыхъ есть много очень способныхъ, горячихъ и самоотверженныхъ людей, пріобрѣли такую чрезвычайную силу, что, по моему глубокому убѣжденію, они въ любой моментъ могутъ привести народъ къ открытому возстанію". „Въ исторіи Англіи и другихъ государствъ,—пишетъ въ 1829 году историкъ ассоціаціи, Уайзъ, —не было примѣра столь широкой и столь совершенной организаціи, какъ католическая ассоціація. Ея развѣтвленія были такъ же многочисленны и такъ же тѣсно переплетены между собою, какъ самыя сложныя части мускульной системы".

Руководителямъ движенія не долго пришлось ожидать результатовъ своей дѣятельности. Тронная рѣчь при открытіи парламента, 5-го февраля 1829 г., возвѣстила о намѣреніи правительства подвергнуть пересмотру законы о правахъ католическаго населенія королевства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было заявлено о другомъ биллѣ, въ силу котораго лорду-намѣстнику Ирландіи предоставлялось право закрывать всякаго рода ассоціаціи и митинги, признаваемые имъ опасными. Не успѣлъ, однако, этотъ билль, направленный противъ католической ассоціаціи, обратиться въ законъ, какъ ассоціація эта рѣшила закрыться сама, въ виду близости осуществленія ея цѣлей.

Дѣятельность католической ассоціаціи, благодаря которой достигнута была эмансипація католиковъ, составляющихъ огромное большинство населенія Ирландіи, оказала большое вліяніе и на англійскій народъ. „Онъ также,—говоритъ Джефсонъ,—боролся за эмансипацію, не религіозную, а политическую эмансипацію, сѣмена которой уже давно были посѣяны въ средѣ народа, убѣ-

жденнаго въ разумности и правотѣ своего дѣла. До сихъ поръ затрудненіе лежало въ томъ, какъ достигнуть его осуществленія. Теперь раскрыты были средства: англійскій народъ увидѣлъ, что можетъ сдѣлать „платформа“ при помощи хорошей организаціи, какую борьбу можетъ она вынести и въ концѣ концовъ остаться побѣдительницей. Таковъ былъ великій урокъ, данный движеніемъ въ Ирландіи“. Этотъ урокъ не пропалъ даромъ для англійскаго народа, какъ вскорѣ же то показало величественное движеніе въ пользу парламентской реформы [1]).

V.

Намъ уже не разъ приходилось выше упоминать о парламентской реформѣ, потребность въ которой ощущалась все болѣе по мѣрѣ того, какъ съ успѣхами промышленности и развитіемъ просвѣщенія, въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія созрѣвало стремленіе получить свою долю участія въ политической жизни страны. Въ теченіе долгаго времени обстоятельства не благопріятствовали осуществленію этой реформы, и были годы, когда вопросъ о ней, казалось, совершенно сходилъ со сцены. Но на самомъ дѣлѣ идеи реформы, уже въ теченіе XVIII-го вѣка порождавшія сильныя общественныя движенія, пустили глубокіе корни въ народномъ сознаніи и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ снова и еще болѣе рѣшительно заявить о своемъ правѣ на вниманіе. Однимъ изъ поводовъ къ оживленію вопроса о реформѣ были общіе выборы 1826 г., обнаружившіе рядъ избирательныхъ злоупотребленій и снова напомнившіе о неудовлетворительности существовавшей системы представительства. Въ теченіе 1827 и 1828 гг. въ парламентъ внесены были даже билли о необходимости лишить представительства нѣкоторыя „гнилыя мѣстечки“, и взамѣнъ ихъ надѣлить правомъ представительства Бирмингамъ и Манчестеръ. Но билли были отвергнуты, а это не могло, конечно, не вызвать еще большаго стремленія къ реформѣ. Особенно же замѣтный толчокъ къ новому движенію въ пользу ея данъ былъ въ 1829 г. обострившимся матеріальнымъ положеніемъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ, которые испытывали большую нужду вслѣдствіе безрабо-

[1]) Еще въ августѣ 1828 г. „Examiner“ говорилъ между прочимъ: „настроеніе общества въ настоящее время благопріятно обсужденію парламентской реформы, и было бы весьма желательно, чтобы агитація и организація, произведшія такія чудеса въ Ирландіи, были примѣнены и къ осуществленію этой великой задачи“.

тицы и повсемѣстнаго паденія заработной платы. Во многихъ мѣстностяхъ созывались митинги, и на нихъ все чаще стало слышаться убѣжденіе, что главный источникъ всѣхъ золъ лежитъ въ недостаткахъ управленія и прежде всего въ неудовлетворительности парламентскаго представительства.

Рѣшительная инціатива въ возбужденіи вопроса о реформѣ принадлежитъ Бирмингаму, гдѣ въ декабрѣ 1829 г. положено было основаніе „политическаго союза для защиты общественныхъ правъ“ (Political Union for the Protection of Public Rights). Созданіе этого союза было мотивировано между прочимъ слѣдующими соображеніями: „опытъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ долженъ былъ, конечно, убѣдить самыхъ недовѣрчивыхъ людей въ томъ, что права и интересы среднихъ и низшихъ классовъ населенія недостаточно представлены въ палатѣ общинъ парламента“. Въ виду этого главными задачами союза поставлено было: „добиться всѣми справедливыми и законными средствами такой реформы палаты общинъ, которая могла бы обезпечить дѣйствительное представительство низшихъ и среднихъ классовъ народа въ этой палатѣ; развить миръ, единеніе и согласіе между всѣми классами подданныхъ; организовать такое выраженіе общественнаго мнѣнія, чтобы оно могло оказывать на законодательную дѣятельность справедливое, законное и сильное вліяніе; дѣйствовать всѣми законными средствами на выборы членовъ парламента, чтобы обезпечить избраніе правдивыхъ и способныхъ представителей народа“.

Въ январѣ 1830 г. организація союза получила санкцію на большомъ публичномъ митингѣ, на которомъ участвовало отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ, и который вотировалъ резолюцію о томъ, что источникъ всѣхъ бѣдствій лежитъ въ крайне плохомъ управленіи, которое можетъ быть улучшено только путемъ коренной реформы палаты общинъ.

Этотъ митингъ въ Бирмингамѣ послужилъ сигналомъ, на который поспѣшили откликнуться и въ другихъ мѣстностяхъ Англіи: въ теченіе февраля и марта состоялись многолюдные митинги въ Лондонѣ, Айльсбюри, Лидсѣ, Ворчестерширѣ, Кентѣ и другихъ мѣстахъ, и всюду были вотированы сочувствія реформѣ, резолюціи и петиціи.

Съ этихъ поръ движеніе въ пользу парламентской реформы развивалось непрерывно съ возростающей силою. Не имѣя возможности слѣдить за всѣми подробностями его, мы отмѣтимъ важнѣйшіе фазисы его, поскольку въ нихъ проявилось значеніе публичныхъ митинговъ, какъ главнаго рычага движенія.

Обстоятельства на этотъ разъ благопріятствовали ему. Въ іюнѣ 1830 г. умеръ Георгъ IV, и на престолъ вступилъ Вильгельмъ IV, въ которомъ не было основанія видѣть такого рѣшительнаго врага либеральныхъ реформъ, какимъ являлся его предшественникъ и въ еще бо̀льшей мѣрѣ Георгъ III. По существовавшему до 1867 г. конституціонному правилу, перемѣна царствованія необходимо должна была сопровождаться распущеніемъ парламента и созваніемъ новаго. Общіе же выборы давали прямой поводъ къ пропагандированію идей реформы. Сторонники ея широко воспользовались этимъ и вели энергическую борьбу противъ враговъ ея. „Мы эмансипировали католиковъ и умиротворили Ирландію,—говорилъ въ своей избирательной рѣчи Брумъ:—эмансипируемъ же всѣ средніе промышленные и низшіе классы нашихъ согражданъ и водворимъ въ Англіи миръ, спокойствіе и довольство. Я не сомнѣваюсь, что эти выборы сдѣлаютъ многое для парламентской реформы, и увѣренъ, что подобно тому, какъ выборы въ графствѣ Клэръ привели къ рѣшенію католическаго вопроса, ваши усилія на настоящихъ выборахъ приведутъ къ рѣшенію трехъ важныхъ вопросовъ—парламентской реформы, пересмотра хлѣбныхъ законовъ и отмѣны невольничества“.

Въ теченіе выборовъ пришло извѣстіе объ іюльской революціи во Франціи, и событіе это еще болѣе ободрило усилія англійскихъ либераловъ, увидѣвшихъ въ торжествѣ свободы въ Парижѣ хорошее предзнаменованіе для успѣховъ своего дѣла. Въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи устроенъ былъ рядъ сочувственныхъ Франціи митинговъ и банкетовъ, которые произвели не малое впечатлѣніе на общественное настроеніе. Въ концѣ концовъ, несмотря на силу правительственнаго и торійскаго вліянія, сторонникамъ реформы удалось достигнуть въ новой палатѣ общинъ большинства, неблагопріятнаго консервативному кабинету герцога Веллингтона.

Тотчасъ же по открытіи парламентской сессіи, въ началѣ ноября 1830 г., герцогъ Веллингтонъ выступилъ съ категорическимъ заявленіемъ противъ реформы, находя, что существующая система не нуждается ни въ какихъ измѣненіяхъ. Но не прошло и двухъ недѣль, какъ консервативный кабинетъ потерпѣлъ пораженіе по вопросу о „liste civile“ и вынужденъ былъ подать въ отставку. Составленіе новаго министерства поручено было графу Грею, который уже съ 1792 г. показалъ себя ревностнымъ сторонникомъ парламентской реформы.

Вступая въ управленіе дѣлами, Грей тотчасъ же заявилъ о своемъ намѣреніи приступить къ осуществленію реформы. Это

заявленіе встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ, и по всей странѣ, въ большихъ и малыхъ городахъ и даже въ простыхъ приходахъ, организованы были митинги и создана цѣлая сѣть „политическихъ союзовъ" въ интересахъ поддержки намѣренія Грея. Митинги были такъ многочисленны, что газеты вынуждены были заявить о невозможности давать полный ихъ перечень, а „Times" говорилъ: „какъ кажется, нѣтъ въ соединенномъ королевствѣ такого графства, города или селенія, въ которомъ не было бы созвано митинга для составленія петиціи о парламентской реформѣ. The nation was meeting everywhere". Въ теченіе зимы (парламентъ былъ отложенъ съ 20-го декабря по 3-е февраля 1831 г.) общественное движеніе развивалось безостановочно, какъ будто бы оно было результатомъ заранѣе обдуманнаго и строго систематическаго плана. „По моему убѣжденію,— писалъ Грей королю,—общественное мнѣніе высказалось по этому вопросу съ такою силою и такимъ единодушіемъ, что пойти противъ него было бы невозможно безъ огромнаго риска поставить правительство въ положеніе, при которомъ оно будетъ лишено всякаго авторитета и силы"... Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ палатѣ общинъ представлено было 645 петицій о реформѣ вообще, 280—о введеніи тайной подачи голосовъ, и 182—о сокращеніи законодательныхъ періодовъ.

1-го марта 1830 г. палатѣ общинъ представленъ былъ проектъ реформы, вносившій существенныя перемѣны въ организацію представительства. Онъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ средѣ сторонниковъ реформы, которые поспѣшили организовать новое проявленіе общественнаго мнѣнія въ пользу успѣшнаго проведенія билля. Противники его напрягли всѣ силы къ тому, чтобы тѣснѣе сплотить оппозицію ему, и во второмъ чтеніи билль о реформѣ принятъ былъ палатою общимъ большинствомъ только одного голоса, а при переходѣ въ комитетъ по третьему чтенію въ голосованіи одного предложенія министерство оказалось въ меньшинствѣ.

Кабинету Грея предстояло одно изъ двухъ—или оставить вовсе, по крайней мѣрѣ на время, мысль о реформѣ, или же произвести новые общіе выборы. Несмотря на несочувствіе короля къ распущенію парламента, рѣшено было прибѣгнуть именно къ этой мѣрѣ, необходимость которой вызывалась силою общественнаго мнѣнія. Въ новомъ письмѣ къ королю Грей высказалъ о ней слѣдующее: „пусть всякій безпристрастный человѣкъ посмотритъ на митинги, происходящіе во всѣхъ частяхъ страны, на число лицъ, въ нихъ участвующихъ, и на единодушіе ихъ рѣшеній,

противъ которыхъ едва ли хоть въ одномъ случаѣ сдѣлано было возраженіе,—и, по моему мнѣнію, не можетъ быть сомнѣнія въ заключеніи, къ какому онъ долженъ придти".

23-го апрѣля парламентъ былъ распущенъ; наступилъ рѣшительный моментъ для дальнѣйшей судьбы реформы, которая, казалось, уже была такъ близка къ осуществленію. Начало общихъ выборовъ ознаменовалось фактомъ весьма новымъ въ исторіи публичныхъ митинговъ. По этому поводу одинъ изъ членовъ министерства, лордъ Джонъ Россель, бывшій лидеромъ либеральной партіи въ нижней палатѣ, впервые произнесъ внѣ стѣнъ парламента рѣчь, служившую какъ бы программою предстоящихъ выборовъ. На митингѣ 25-го апрѣля 1831 г. онъ между прочимъ высказалъ слѣдующее: „въ данномъ случаѣ избирателямъ предстоитъ совершить нѣчто бо́льшее, чѣмъ обыкновенно, ибо они призываются не только для того, чтобы избрать людей, способныхъ къ защитѣ ихъ правъ и интересовъ, но и для того, чтобы своимъ образомъ дѣйствій отвѣтить на вопросъ, поставленный передъ избирателями роспускомъ парламента — „одобряете ли вы, или нѣтъ, принципъ реформы представительства".

Выборы ознаменовались сильнѣйшимъ возбужденіемъ и небывалою дотолѣ избирательною агитаціею, лозунгомъ которой явился греевскій билль о реформѣ во всей его полнотѣ: на тысячахъ митинговъ неизмѣнно раздавался единодушный кликъ: — „The Bill, the whole Bill, and nothing but the Bill". „Трудно, — говоритъ Джефсонъ, — составить себѣ ясное понятіе о томъ страшномъ вліяніи, какое имѣла платформа на этихъ выборахъ. Газеты того времени даютъ лишь слабое представленіе о ней, такъ какъ въ нихъ лишь нѣсколькими строками отмѣчались даже наиболѣе вліятельныя рѣчи или грандіозные митинги. Но и несмотря на это, онѣ даютъ возможность видѣть, что никогда на предшествовавшихъ выборахъ платформою не пользовались такъ широко, и никогда еще сила ея не получала такого поразительнаго проявленія".

Успѣхъ выборовъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія сторонниковъ реформы и самого Грея. Въ новомъ парламентѣ въ пользу ея составилось большинство уже не въ одинъ голосъ, а въ 136, какъ обнаружилось изъ голосованія при второмъ чтеніи. При такихъ условіяхъ нечего было опасаться за судьбу реформы въ палатѣ общинъ, и пока шло въ ней обсужденіе билля, общественное движеніе улеглось. Это, однако, было истолковано многими какъ признакъ реакціи въ общественномъ мнѣніи, его охлажденія къ судьбѣ билля. И вотъ на этой почвѣ возникли слухи о томъ,

что палата лордовъ отвергнетъ реформу. Результатомъ ихъ было новое усиленіе агитаціи, принявшей еще болѣе рѣшительный характеръ. Изъ массы митинговъ, на которыхъ вотировались петиціи и предостереженія по адресу лордовъ въ случаѣ ихъ упорства, достаточно отмѣтить хотя бы митингъ въ Бирмингамѣ, на которомъ участвовало до 150.000 человѣкъ. Одинъ изъ ораторовъ, упомянувъ о возможности отклоненія билля лордами, воскликнулъ, что въ такомъ случаѣ онъ первый откажется платить налоги; и это заявленіе было поддержано громовыми рукоплесканіями присутствовавшихъ.

Лорды, однако, пренебрегли множествомъ обращенныхъ къ нимъ петицій и массою митинговъ, въ которыхъ выражалось настроеніе большинства общества: большинствомъ 199 голосовъ противъ 158 они отвергли билль (8-го октября 1832 г.). „Извѣстіе объ этомъ,—говоритъ Джефсонъ,—встрѣчено было въ странѣ съ сильнѣйшимъ негодованіемъ. Несмотря на всѣ петиціи и митинги, несмотря на единодушныя и рѣшительныя заявленія націи, несмотря на то, что, вотируя билль о реформѣ, палата общинъ сама признала неудовлетворительность своего устройства, которое не могло даже оставаться въ такомъ видѣ, несмотря на все это, лорды пренебрегли желаніями націи. Народъ немедленно же снова обратился къ платформѣ, чтобы дать выраженіе своимъ чувствамъ".

Руководители агитаціи принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы она не переступала границъ законности и порядка, но народное возбужденіе было такъ велико, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣло дошло до серьезныхъ безпорядковъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что послѣдніе представлялись явленіемъ исключительнымъ, благодаря той широкой свободѣ, которая была предоставлена обществу въ организаціи всевозможныхъ митинговъ и политическихъ союзовъ.

Въ декабрѣ парламентъ былъ созванъ на новую сессію, и правительство въ третій разъ внесло въ палату общинъ билль о реформѣ. Теперь онъ прошелъ еще болѣе значительнымъ большинствомъ: при второмъ чтеніи за него подано было 324 голоса противъ 162. Въ концѣ марта 1832 г. участь реформы снова перешла въ руки лордовъ. Несмотря на грозный кризисъ, они продолжали упорствовать во враждебномъ къ ней отношеніи. Но теперь они, избѣгая прямого отверженія билля, рѣшили исказить сущность реформы различными поправками. Принявъ билль во второмъ чтеніи (большинствомъ девяти голосовъ), палата лордовъ перешла къ комитетскому обсужденію и вотировала поправку, на

которую правительство не могло согласиться. Чтобы сломить оппозицію верхней палаты, министры посовѣтовали королю прибѣгнуть къ назначенію новыхъ пэровъ, но король поколебался дать свое согласіе на это, и лордъ Грей вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ подалъ въ отставку.

„Подобно тому, — говоритъ Джефсонъ, — какъ рѣзкій гулъ приближающагося землетрясенія выгоняетъ на улицы всѣхъ городскихъ жителей въ безпорядочной массѣ, такъ извѣстіе о томъ, что биллю о реформѣ грозитъ опасность, согнало почти все населеніе на публичные митинги. Снова собирались десятки и сотни тысячъ жителей и не было города, не было такого мѣста, которое не примкнуло бы къ выраженію національнаго негодованія. Такого возбужденія Англія еще не знала никогда раньше. Палата общинъ была завалена ходатайствами и совѣтами отказать правительству въ денежныхъ средствахъ. Всюду была выражена рѣшимость прекратить уплату налоговъ. „No bill, no taxes“ — таковъ былъ зловѣщій лозунгъ агитаціи, среди которой съ сочувствіемъ принимались намеки на необходимость запасаться оружіемъ“. Въ теченіе десяти дней, между 9-мъ и 19-мъ мая, „Times“ отмѣтилъ 201 митингъ; отъ 8-го до 23-го мая въ пользу общинъ поступило 290 петицій съ требованіемъ прекратить выдачу денежныхъ средствъ на управленіе.

На этотъ разъ сила общественнаго движенія оказалась достаточною. Герцогъ Веллингтонъ, которому поручено было составить новый кабинетъ, заявилъ о невозможности сформировать его, и къ управленію дѣлами снова былъ призванъ лордъ Грей, который на первыхъ же порахъ счелъ нужнымъ заручиться согласіемъ короля на назначеніе новыхъ пэровъ въ потребномъ количествѣ. Подъ этой угрозой лорды увидѣли, наконецъ, свое полное безсиліе, и многіе изъ нихъ выразили свое упорство лишь въ уклоненіи отъ всякаго участія въ обсужденіи и голосованіи билля, который быстро прошелъ установленныя стадіи и, послѣ утвержденія его королемъ, 7-го іюня 1832 г., обратился въ законъ, восторженно встрѣченный народомъ, который праздновалъ свою побѣду [1]).

---

[1]) Джефсонъ приводитъ слѣдующее интересное описаніе того, какъ встрѣчена была вѣсть о реформѣ въ Бирмингамѣ, одномъ изъ главныхъ центровъ движенія. Въ день полученія ея, экспромтомъ собрался митингъ въ количествѣ до 50.000 чел. Предсѣдательское мѣсто занялъ Атвудъ, иниціаторъ „Политическаго Союза“ въ Бирмингамѣ. Встрѣченный восторженными рукоплесканіями, онъ сказалъ: „Дорогіе друзья, я преисполненъ безконечной благодарности ко всемогущему Богу за то, что мы избѣжали самой ужасной революціи, и не могу не выразить желанія, чтобы стоящее возлѣ

VI.

Изъ предшествующаго очерка съ достаточною ясностью выступаетъ огромная роль, какую съиграли публичные митинги—или, по термину Джефсона, „платформа“ —въ дѣлѣ осуществленія первой парламентской реформы; ее съ точки зрѣнія значенія для политическаго развитія Англіи не безъ основанія сравнивали съ реформаціею въ значеніи ея для религіи. Въ публичныхъ митингахъ, безчисленныхъ въ эпоху реформенной агитаціи, полнѣе всего выражалось общественное мнѣніе, а именно оно побудило либеральный кабинетъ поставить на очередь вопросъ о реформѣ, оно поддерживало парламентскихъ друзей ея въ борьбѣ съ ея противниками, оно обезпечило проведеніе реформы въ нижней палатѣ, наконецъ оно въ послѣдній моментъ сломило упорство верхней палаты.

Замѣчательною особенностью этого движенія былъ мирный характеръ его, котораго не могли нарушить единичные случаи открытыхъ безпорядковъ, черезъ-чуръ ничтожные сравнительно съ колоссальностью движенія. Причину этого не слѣдуетъ искать исключительно въ народномъ характерѣ англичанъ, въ которыхъ благопріятныя политическія условія давно уже развили любовь къ порядку и уваженіе къ принципу законности. Въ гораздо болѣе значительной степени это было результатомъ вліянія „платформы“, которая въ теченіе многихъ лѣтъ вела публичное обсужденіе вопроса о реформѣ и мало-по-малу развила въ населеніи вполнѣ разумное и сознательное отношеніе къ ней, а съ нимъ вмѣстѣ—увѣренность въ правотѣ дѣла и конечномъ торжествѣ его безъ помощи насилія.

Важнѣйшимъ результатомъ движенія въ пользу реформы было то, что оно впервые съ полною ясностью установило въ англійской жизни принципъ политическаго самоуправленія, верховенства народнаго желанія: „no will or wish of the people is to be resisted“. Средствомъ же къ систематическому проведенію на прак-

---

менія духовное лицо публично воздало хвалу нашему Создателю за торжество нашего справедливаго дѣла“. Всѣ присутствовавшіе мгновенно обнажили головы, водворилась мертвая тишина, среди которой Гуттонъ торжественно произнесъ слѣдующія слова: „О, всемогущій Боже! съ благодарными и радостными сердцами преклоняется передъ Тобою народъ Твой, видящій въ Тебѣ источникъ всѣхъ благодѣяній. Благодаримъ Тебя за дарованное намъ избавленіе и великую, безкровную побѣду. Дай, Боже, чтобы мы вполнѣ воспользовались великими правами, которыя Ты даровалъ намъ, и чтобы мы обезпечили ихъ за собою и дѣтьми нашими къ Твоей славѣ и къ общему благу человѣчества“.

тикѣ этого принципа явилась платформа и главнымъ образомъ публичные митинги. Они представляютъ собою органъ, при посредствѣ котораго народъ обезпечилъ за собою дѣйствительное участіе въ политическихъ дѣлахъ страны путемъ вліянія на законодательное собраніе и контроля надъ управленіемъ. Эти результаты достигались главнымъ образомъ двумя средствами—публичнымъ принятіемъ отъ народныхъ представителей опредѣленныхъ обязательствъ или обѣщаній, дѣлаемыхъ передъ выборами, и затѣмъ постояннымъ контролемъ надъ дѣйствіями представителей, и даже давленіемъ на нихъ, во время функціонированія ихъ въ парламентѣ.

Уже въ теченіе XVIII вѣка дебатировался вопросъ объ отношеніяхъ между избирателями и ихъ представителями, и мало-по-малу пробивалась тенденція, враждебная господствовавшему тогда представленію о полной свободѣ дѣйствій представителей въ теченіе срока ихъ полномочій. Въ началѣ же XIX в. эта тенденція сдѣлала большіе успѣхи; сознаніе отвѣтственности представителей передъ избирателями укоренилось настолько, что консерваторъ Робертъ Пиль, измѣнившій свое отношеніе къ вопросу объ эмансипаціи католиковъ, счелъ своимъ долгомъ отказаться отъ представительства оксфордскаго университета, такъ какъ избиратели его были иного взгляда на этотъ вопросъ. Со временъ же агитаціи по поводу реформы идея независимости представителей въ ихъ образѣ дѣйствій рѣшительно уступила свое преобладающее мѣсто идеѣ строгой зависимости отъ избирателей. Весьма рѣзко эта перемѣна выразилась на общихъ выборахъ 1831 года, когда избранники народа явились въ положеніи делегатовъ, получившихъ строго опредѣленныя порученія относительно билля о реформѣ. Позднѣе (въ іюлѣ 1832 г) на митингѣ въ Лондонѣ категорически высказано было, что „члены, избранные представителями въ парламентѣ должны дѣлать то, что̀ ихъ избиратели желаютъ, чтобы они дѣлали". Характерное признаніе того же явленія видимъ въ слѣдующихъ словахъ герцога Веллингтона, въ которыхъ онъ выразилъ свою досаду при видѣ совершавшихся перемѣнъ: „зло реформы,—писалъ онъ Крокеру 6-го марта 1833 г.,—заключается въ томъ, что тогда какъ прежде демократія преобладала лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, теперь она преобладаетъ повсюду. Нѣтъ мѣста—свободнаго отъ нея. Въ большинствѣ же случаевъ она занимаетъ преобладающее положеніе. Прибавьте къ этому практику требованія отъ кандидатовъ обязательствъ по отношенію къ извѣстнымъ мѣрамъ — практику, слишкомъ общую даже среди лучшей части избирателей, и полную готовность кандидатовъ давать эти

обязательства, — и вы не безъ основанія будете удивляться, что мы еще существуемъ, какъ нація“.

Не менѣе существенны были результаты, достигнутые по отношенію къ контролю избирателей надъ дѣйствіями представителей. Еще въ 1812 г. либеральный „Edinbourgh Review“ доказывалъ пользу созванія болѣе частыхъ митинговъ избирателей для обсужденія важнѣйшихъ текущихъ вопросовъ и находилъ опаснымъ для представительной системы, если избиратели будутъ ограничивать свои политическія функціи совершеніемъ избирательнаго акта разъ въ семь лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе оживленныхъ пунктахъ, какъ напр. въ Вестминстерѣ, значительно ранѣе реформы 1832 г., установилось обыкновеніе,. въ силу котораго представители обязаны были по крайней мѣрѣ разъ въ годъ явиться передъ избирателями, дать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и получить отъ нихъ указанія къ руководству на будущее время. Съ актомъ о реформѣ эта практика получила значительно бо̀льшее развитіе, и контроль избирателей надъ образомъ дѣйствій представителей сдѣлался явленіемъ обычнымъ и повсемѣстнымъ.

Подъ дѣйствіемъ указанныхъ причинъ потребность въ публичныхъ митингахъ возростала; они окончательно пріобрѣли характеръ важнаго политическаго института, вліятельнаго фактора управленія страною. Наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ этого было то, что со времени агитаціи въ пользу реформы министры и выдающіеся политическіе дѣятели все чаще стали выступать съ заявленіями и рѣчами внѣ парламента, съ цѣлью защиты или объясненія своей политики. Особенное вниманіе обратила на себя поѣздка лорда-канцлера Брума въ 1834 году по Шотландіи, гдѣ онъ посѣтилъ не малое количество городовъ и въ каждомъ изъ нихъ произнесъ рѣчь. Въ томъ же году лордъ Грей, вышедшій въ отставку, приглашенъ былъ на устроенный въ честь его банкетъ въ Эдинбургѣ; эта поѣздка тоже дала ему поводъ произнести нѣсколько политическихъ рѣчей. Въ то время практика эта, получившая въ послѣдующія десятилѣтія такое широкое распространеніе, была новизною и нерѣдко вызывала порицаніе со стороны короля, который открыто выражалъ свое недовольство этимъ „itinerant speechifying“ — особенно людей, занимающихъ высокіе посты“ (какъ писалъ частный секретарь короля лорду Мельбурну, преемнику Грея). Но практика эта вызывалась новыми условіями политической жизни, и всякія предостереженія по отношенію къ ней были излишни и безцѣльны. Когда въ концѣ 1834 г. король отставилъ кабинетъ Мельбурна, послѣдній произнесъ внѣ парламента двѣ рѣчи, въ которыхъ далъ подробныя объясненія

по поводу своей отставки. Еще болѣе знаменательнымъ было то, что новый премьеръ консервативнаго кабинета, Робертъ Пиль, счелъ нужнымъ, принимая власть, заявить передъ избирателями о своихъ взглядахъ на политическое положеніе, а въ эпоху общихъ выборовъ 1835 г. выступилъ съ большою политическою рѣчью-программою. Когда же въ апрѣлѣ 1835 г. лордъ Мельбурнъ снова сталъ во главѣ кабинета, практика „внѣ-парламентскихъ“ рѣчей сдѣлалась еще болѣе частою, особенно въ тѣ мѣсяцы, когда прекращались занятія парламента. Прежде періоды каникулъ составляли глухое время въ политическомъ отношеніи; теперь же лордъ Мельбурнъ восклицалъ: „the vacation is trying time!“...

VII.

Изъ позднѣйшихъ проявленій политической жизни Англіи особенное значеніе для оцѣнки роли публичныхъ митинговъ имѣетъ движеніе въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ и установленія принципа свободной торговли. Созданіе спеціальнаго законодательства, имѣвшаго цѣлью посредствомъ пошлинъ на ввозимый хлѣбъ поддерживать высокій уровень цѣнъ на домашнемъ хлѣбномъ рынкѣ, было однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій политическаго преобладанія высшаго землевладѣльческаго класса. Но тогда какъ интересы этого послѣдняго получали въ этомъ законодательствѣ особое покровительство, остальные слои населенія терпѣли отъ него болѣе или менѣе вредныя послѣдствія. И когда съ реформою 1832 года политическому преобладанію поземельной аристократіи нанесенъ былъ рѣшительный ударъ, вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбнаго законодательства долженъ былъ неминуемо выступить на первую очередь. Но торжество идей свободной торговли досталось не легко; оно было достигнуто лишь годами упорной борьбы съ господствовавшими понятіями—борьбы, въ которой съ новою силою выразилось значеніе общественнаго мнѣнія и его важнѣйшихъ орудій, печати и публичныхъ митинговъ.

Первые зачатки этого движенія относятся къ концу 1836 г., когда стали появляться ассоціаціи, ставившія себѣ задачею стремленіе къ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ (Anti-Corn-Law Associations). Въ январѣ 1839 г. сдѣлано было воззваніе о сборѣ пожертвованій на организацію агитаціи, и въ Манчестерѣ состоялся митингъ делегатовъ отъ различныхъ ассоціацій. На этомъ митингѣ между прочимъ вотированы слѣдующія резолюціи: „пока законо-

дательные акты будутъ лишать народъ обильнаго снабженія предметами первой необходимости, правительство и страна будутъ обречены на всѣ бѣдствія, возникающія вслѣдствіе народнаго недовольства"; „съ цѣлью устранить эту опасность, настоящій митингъ призываетъ къ единодушнымъ и энергическимъ усиліямъ добиться немедленной и полной отмѣны всѣхъ законовъ, касающихся свободнаго ввоза хлѣба".

Болѣе систематическую организацію движеніе это получило съ тѣхъ поръ, какъ 20-го марта 1839 г. на новомъ митингѣ делегатовъ рѣшено было основать постоянный союзъ подъ названіемъ „Anti-Corn-Law League". Съ цѣлью обезпечить единство дѣйствій въ Манчестерѣ образованъ центральный комитетъ лиги, на который возложено постоянное веденіе сношеній съ мѣстными ассоціаціями и общее руководство агитаціей путемъ организаціи митинговъ, устройства публичныхъ чтеній, вліяніемъ на прессу и т. д.

Объ энергіи, съ какою велась агитація, можно судить по слѣдующимъ итогамъ ея за 1840 годъ. Въ теченіе этого года вотировано на митингахъ и послано въ палату общинъ 763 петиціи, произнесено болѣе 800 публичныхъ лекцій въ главныхъ городахъ тридцати-двухъ графствъ Англіи, въ 49 мѣстахъ Шотландіи и 32 въ Уэльсѣ. Уже въ теченіе этого года значеніе агитаціи начало сказываться въ томъ отношеніи, что въ средѣ предводителей либеральной партіи послышались голоса въ пользу установленія умѣренной постоянной пошлины взамѣнъ подвижной скалы. Но руководители движенія, съ Кобденомъ во главѣ, не были склонны къ компромиссамъ и продолжали настаивать на полной отмѣнѣ пошлинъ, все болѣе и болѣе усовершенствуя организацію начатой агитаціи. Въ 1841 году митинги были столь многочисленны, что „для одного простого перечня мѣстъ, гдѣ они происходили, понадобились бы цѣлыя страницы".

Въ началѣ 1842 г. кабинетъ Пиля, уступая давленію общественнаго мнѣнія, представилъ парламенту билль, понижавшій весьма значительно (въ нѣкоторыхъ случаяхъ на 50% и болѣе) размѣры пошлинъ. Но лига не довольствовалась этою уступкою и требовала полной отмѣны ихъ. Во время сессіи, посвященной обсужденію билля, не болѣе какъ въ теченіе одного мѣсяца палатѣ общинъ представлено было 2.881 петиція, съ 1.540.755 подписей. Пилю, однако, удалось провести свой билль.

Несмотря на пониженіе пошлинъ, цѣны на хлѣбъ возросли, и это дало толчокъ къ еще большему усиленію агитаціи. До сихъ поръ она велась преимущественно въ среднихъ классахъ

населенія: „я не отрицаю, — говорилъ Кобденъ на митингѣ въ Манчестерѣ 25-го августа 1842 г.), — что представители рабочихъ классовъ также посѣщали наши чтенія и подписывались подъ нашими петиціями; но поскольку рѣчь идетъ о горячности и дѣйствительности нашей агитаціи, я долженъ признать ее прежде всего движеніемъ средняго класса". Отнынѣ лига направила свои силы на привлеченіе къ движенію низшихъ рабочихъ слоевъ населенія, и въ концѣ года ближайшій сотрудникъ Кобдена, Джонъ Брайтъ, заявилъ, что „въ составъ лиги входитъ почти вся масса средняго класса и рабочаго населенія Великобританіи".

Здѣсь мы должны остановиться на одной характерной чертѣ публичныхъ митинговъ того времени. Руководители движенія смотрѣли на нихъ какъ на могущественное орудіе провести въ народныя массы правильные взгляды на предметъ агитаціи, развить въ нихъ сознательное къ нему отношеніе и поселить прочное убѣжденіе въ необходимости полной отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Вслѣдствіе этого митинги, организуемые для составленія петиціи или выслушанія публичнаго чтенія, имѣли большое воспитательное значеніе, передъ которымъ нерѣдко совершенно стушевывался демонстративный характеръ ихъ. Часто на одномъ и томъ же митингѣ собирались представители противоположныхъ взглядовъ—сторонники лиги и противники отмѣны хлѣбнаго законодательства, и вотъ между ними поднимались пренія, выяснявшія различныя точки зрѣнія на вопросъ и помогавшія присутствовавшимъ разобраться въ нихъ и придти къ извѣстному заключенію, которое выражалось либо въ рукоплесканіяхъ тому или другому оратору, либо въ вотированіи резолюцій. Изъ многочисленныхъ примѣровъ этого достаточно будетъ привести хотя нѣсколько. „Такъ, — читаемъ мы у Джефсона, — въ Давенпортѣ въ апрѣлѣ 1843 г. состоялся публичный митингъ для выслушанія преній по вопросу о хлѣбныхъ законахъ между депутаціей лиги и защитниками монополіи, избранными въ качествѣ представителей отъ мѣстной консервативной ассоціаціи. Одинъ священникъ въ теченіе двухъ часовъ говорилъ въ защиту покровительственной системы. Въ отвѣтъ ему говорилъ Брайтъ тоже въ теченіе двухъ часовъ, и затѣмъ вотирована была резолюція противъ хлѣбныхъ законовъ огромнымъ большинствомъ въ пропорціи 20 : 1. Подобный же митингъ состоялся въ Оксбриджѣ. Здѣсь первымъ говорилъ Кобденъ, которому возражали сторонники существующаго законодательства; въ результатѣ же митингъ вотировалъ нѣсколько резолюцій противъ пошлинъ. На митингѣ

въ Бедфордѣ, послѣ Кобдена и Мура, говорили сторонники противоположныхъ взглядовъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ резолюцію о томъ, „что покровительство національной промышленности, особенно же земледѣлія, существенно для благосостоянія государства“. Но резолюція эта была отвергнута и принята поправка въ пользу уничтоженія всякаго рода монополій. На митингѣ въ Эссексѣ, въ которомъ участвовало до 6.000 человѣкъ, Кобденъ говорилъ два часа, послѣ чего ему возражали нѣкоторые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ; въ концѣ концовъ митингъ высказался противъ пошлинъ“.

На всѣхъ такихъ митингахъ обѣ стороны выслушивались со вниманіемъ и результатъ голосованія принимался съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣнію большинства. Въ общемъ эта агитація отличалась безусловно мирнымъ характеромъ и къ цѣли своей стремилась исключительно моральными средствами вліянія на общественное мнѣніе. Брайтъ имѣлъ полное основаніе высказать по этому поводу слѣдующее: „монополисты говорятъ, что мы побуждаемъ къ возстанію и возмущенію. Это утвержденіе — ложь, подобно тому какъ лживы всѣ тѣ основанія, на которыя они опираются въ защитѣ своей монополіи. Мы нигдѣ не побуждали къ возстанію. Мы взываемъ къ разуму нашихъ согражданъ и къ ихъ чувству справедливости, и этотъ призывъ встрѣчаетъ отвѣтъ поразительный“...

Въ теченіе 1843 и 1844 гг. агитація продолжалась съ прежнимъ усердіемъ, и общественное мнѣніе все болѣе склонялось на сторону лиги. Въ средѣ парламента идеи свободной торговли также пріобрѣтали себѣ новыхъ адептовъ, какъ видно изъ послѣдовательнаго ряда голосованій по предложенію объ отмѣнѣ пошлинъ, которое Вилльерсъ вносилъ въ палату общинъ регулярно каждый годъ. Но въ этомъ отношеніи успѣхи движенія были все-таки медленны. Для ускоренія ихъ нуженъ былъ сильный внѣшній толчокъ, которымъ и явился неурожай 1845 года. Лишь только оглашены были первыя свѣденія о немъ, руководители движенія противъ хлѣбныхъ пошлинъ удвоили свою энергію и вызвали по всей странѣ единодушный кликъ: „откройте порты!“ Въ теченіе осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ агитація достигла подавляющихъ размѣровъ. Въ началѣ декабря органъ лиги, „The League“, заявлялъ: „мы не имѣемъ возможности говорить подробно о происходившихъ за послѣднее время митингахъ. За ними немыслимо услѣдить. Да и нѣтъ въ этомъ надобности. Эти выраженія національныхъ чувствъ и убѣжденій по существу своему такъ похожи одно на другое и, можно даже прямо сказать,

столь тождественны, что безполезно было бы стремиться уловить ихъ индивидуальность. Исторія одного изъ нихъ есть исторія ихъ всѣхъ".

Для характеристики нѣкоторыхъ сторонъ этого памятнаго движенія считаемъ нелишнимъ привести подробное описаніе одного митинга, которое Джефсонъ заимствуетъ изъ „Times" (7-го января 1846 г.). Оно тѣмъ болѣе интересно, что въ немъ описывается митингъ людей, которые въ то время еще не были надѣлены правами представительства въ парламентѣ—земледѣльческихъ рабочихъ. „Председателемъ митинга,—говоритъ „Times",—былъ рабочій; ораторами, за исключеніемъ двухъ, были тоже земледѣльческіе рабочіе; цѣлью же собранія было обратить общественное вниманіе на настоящее положеніе земледѣльческаго населенія въ этой части страны (въ Сѣверномъ Вильтсѣ) и просить ея величество и законодательное собраніе принять рѣшительныя мѣры къ скорѣйшему вспомоществованію въ ихъ крайнемъ бѣдствіи. Митингъ предполагалось созвать въ обширномъ строеніи, которое имѣлось въ виду соорудить въ полѣ, но значительные расходы, съ которыми сопряжено было такое сооруженіе, превышали сумму тѣхъ взносовъ, которые эти бѣдные люди могли удѣлить изъ своихъ скудныхъ средствъ; вслѣдствіе этого они вынуждены были собраться на перекресткѣ дорогъ селенія и вести бесѣду о своихъ бѣдствіяхъ среди суровой непогоды зимняго вечера. Всѣ приспособленія чрезвычайно характерны. Плетень изъ прутьевъ, поддерживаемый четырьмя столбами, вколоченными въ землю у самой изгороди, образовалъ собою узенькую и неустойчивую платформу, которая едва могла удерживать предсѣдателя и одного оратора. У подножья этого возвышенія поставленъ былъ простой еловый столъ и нѣсколько камышевыхъ стульевъ, позаимствованныхъ въ сосѣднемъ коттэджѣ, къ услугамъ репортеровъ. Четыре или пять свѣчей, нѣкоторыя въ фонаряхъ, другія защищаемыя отъ вѣтра руками державшихъ ихъ, бросали тусклый мерцающій свѣтъ на близь стоящую группу, вокругъ которой толпилось до 1.000 крестьянъ Вильтсшира, причемъ нѣкоторые явились въ сопровожденіи женъ и дѣтей. Въ вечернемъ полумракѣ только по одеждѣ можно было распознать принадлежность присутствующихъ къ крестьянскому сословію, но когда луна, высвобождаясь изъ облаковъ, освѣщала ихъ лица, въ нихъ нельзя было не прочесть тревоги, мольбы, нужды, голода, выразительно отвѣчавшихъ на утвержденія ораторовъ, которые просто, безъ всякихъ прикрасъ, изображали бѣдствія своихъ сельскихъ слушателей. Открывая митингъ, предсѣдатель сказалъ: — „Всѣхъ здѣсь присут-

ствующихъ и въ особенности моихъ бѣдныхъ сотоварищей-рабочихъ призываю обратить вниманіе на предметъ крайней важности, требующій самаго серьезнаго разсмотрѣнія. По горькому опыту вамъ извѣстно, что мы страдаемъ отъ нищеты; и мы собрались сегодня здѣсь для того, чтобы объ этой нуждѣ нашей довести до свѣденія ея величества и ея министровъ и просить ихъ открыть порты и отмѣнить несправедливые хлѣбные законы... Соединимся же вмѣстѣ для защиты дѣла свободной торговли. Всемогущій Богъ въ своемъ предвидѣніи далъ землѣ силу производить въ изобиліи нужные человѣку припасы, и то, чего не имѣетъ одна нація, производитъ другая; поэтому все должно быть устроено такъ, чтобы въ мірѣ былъ свободный торговый обмѣнъ. Рабочіе классы находятся въ настоящее время въ крайне бѣдственномъ положеніи, а тѣ, кто бѣдствуетъ, должны выступить впередъ и мужественно заявить о своей нуждѣ; это укажетъ на необходимость свободной торговли, которая, по моему убѣжденію, является единственнымъ средствомъ устранить нужду". Чарльзъ Вайнсъ, поддерживая резолюцію, сказалъ: „Друзья! я хотѣлъ бы, чтобы луна свѣтила ярче, чѣмъ теперь, для того, чтобы лучше видѣть, кто здѣсь. Но я и такъ достаточно вижу, что тутъ не мало народу и что почти всѣ присутствующіе одѣты въ такія же блузы и покрыты столь же ветхими шляпами, какъ и я. Нѣкоторые изъ насъ слышали недавно съ церковной каѳедры, что душа человѣческая склонна къ недовольству. Я вѣрю этому. Вѣдь не что иное, какъ недовольство собрало сегодня всѣхъ здѣсь присутствующихъ мужчинъ (*женскій голосъ*: „и женщинъ также!")... Не о политикѣ толковать пришелъ я сюда; я въ ней ничего не понимаю. И о хлѣбныхъ законахъ я не знаю многаго, кромѣ только того, что они мало добра принесли намъ, рабочимъ. Вѣдь еще долго ждать до будущаго іюля, когда уродится новый картофель, и если не случится что-либо на пользу насъ, бѣдныхъ созданій, намъ грозитъ голодъ. Но я искренно надѣюсь, что „давно ожидаемое" случится ранѣе будущаго іюля. Чтобы дѣйствительнымъ образомъ оградить наши права, мы всѣ единодушно должны поднять нашъ голосъ и просить ея величество уничтожить стѣсненія, лежащія на торговлѣ, такъ чтобы бѣдные рабочіе могли имѣть хлѣбъ, и сыръ, и хорошее пиво, дабы имѣть возможность нести работу, которую при теперешней скудной пищѣ они не въ силахъ дѣлать. Да встрѣтитъ этотъ возгласъ желаемый отвѣтъ отъ нашей возлюбленной королевы. God save the Queen!"... Выслушавъ еще нѣсколькихъ ораторовъ, митингъ мирно разошелся.

„Давно ожидаемое" дѣйствительно уже было близко къ осуществленію. Въ концѣ января 1846 г. Робертъ Пиль торжественно заявилъ о перемѣнѣ своихъ взглядовъ на хлѣбныя пошлины и въ ближайшіе мѣсяцы провелъ билль, явившійся рѣшительнымъ шагомъ къ полной отмѣнѣ ихъ, вступавшей въ силу съ 1-го февраля 1849 года.

Если поставить вопросъ объ итогахъ описаннаго движенія съ точки зрѣнія роли публичныхъ митинговъ, то нельзя будетъ не признать, что эта роль была весьма существенна. Успѣхамъ движенія, конечно, огромную помощь оказали и нѣкоторые другіе факторы, особенно печать [1]), но значеніе ихъ во всякомъ случаѣ отступаетъ на второе мѣсто передъ тѣми безчисленными общественными собраніями, которыя служили главнымъ проводникомъ идей агитаціи въ народныя массы и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ убѣдить ихъ въ справедливости и разумности задачъ ея. При такихъ условіяхъ весьма понятно, что движеніе въ пользу отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ оставило глубокій слѣдъ въ общественномъ и политическомъ развитіи Англіи, а въ частности по отношенію къ публичнымъ митингамъ—еще болѣе закрѣпило ихъ роль, еще болѣе развило привычку обращаться къ нимъ, какъ къ лучшему средству мирной борьбы за права и интересы.

VIII.

Одновременно съ агитаціей противъ хлѣбныхъ законовъ въ Англіи происходило другое, также очень сильное движеніе, возникшее нѣсколько раньше его и закончившееся немного позднѣе. Это было движеніе исключительно въ средѣ рабочихъ классовъ, извѣстное въ исторіи подъ названіемъ „чартизма". Первые зачатки его стали замѣтны вскорѣ же послѣ проведенія акта о реформѣ 1832 г. и возникли главнымъ образомъ на почвѣ недовольства тѣмъ, что эта реформа ни въ чемъ не измѣнила положенія рабочихъ классовъ, которые между тѣмъ оказали такую рѣшительную поддержку движенію въ пользу парламентской реформы. Были и другія причины недовольства—проведеніе новаго законодательства о бѣдныхъ, обставившаго полученіе помощи въ нуждѣ еще болѣе стѣснительными условіями; тягости фабричной системы, въ которую едва лишь началъ проникать лучъ болѣе

[1]) Въ теченіе года, съ сентября 1842 по сентябрь 1843 г., усиліями лиги составлено и распространено различнаго рода печатныхъ произведеній, брошюръ, памфлетовъ и пр. въ количествѣ свыше 9 милліоновъ экземпляровъ.

гуманнаго отношенія къ участи рабочаго; низкій уровень заработной платы и т. под.

Къ лѣту 1836 г. относится начало болѣе систематическаго организованнаго движенія. Въ іюнѣ этого года въ Лондонѣ образована была „Workingmen's Association", ассоціація рабочихъ, поставившая себѣ слѣдующія главныя задачи: „объединить интеллигентную и вліятельную часть городскихъ и сельскихъ рабочихъ; стремиться всѣми законными средствами къ надѣленію всѣхъ классовъ общества одинаковыми политическими и соціальными правами; всѣми силами стараться объ отмѣнѣ суровыхъ законовъ, препятствующихъ свободному развитію мысли при помощи дешевой и честной прессы [1]); и всѣми возможными средствами работать надъ воспитаніемъ грядущаго поколѣнія и искорененіемъ всего, чтò порождаетъ рабское положеніе".

Вскорѣ эти общія задачи были выражены въ болѣе конкретныхъ требованіяхъ, которыя нашли себѣ окончательную формулировку въ шести пунктахъ „Народной Хартіи" (People's Charter, откуда и самое названіе „чартизмъ"), ставшей лозунгомъ агитаціи. Пункты эти заключали въ себѣ требованіе всеобщей подачи голосовъ, сокращенія срока, на который избирается парламентъ съ семи лѣтъ до одного года, раздѣленія страны на равные избирательные округа, отмѣны имущественнаго ценза для лицъ, избираемыхъ въ парламентъ, введенія тайной подачи голосовъ и наконецъ назначенія содержанія членамъ парламента.

Въ удовлетвореніи этихъ требованій иниціаторы движенія основательно видѣли лучшее средство обезпеченія за рабочими классами активнаго вліянія на законодательное собраніе, а черезъ него и на всю систему управленія. Неудивительно поэтому, что начатое движеніе встрѣтило сочувственный откликъ въ массахъ рабочаго населенія, которыя неудержимымъ потокомъ стекались на многочисленные митинги, организованные въ разныхъ мѣстностяхъ страны. По словамъ Джефсона, „едва ли даже въ эпоху движенія въ пользу парламентской реформы къ платформѣ обращались такъ часто, какъ теперь". И это въ значительной степени потому, что въ эпоху чартизма публичные митинги являлись не только главнымъ, но и „единственнымъ выразителемъ чувствъ, идей и стремленій огромной части населенія; другими средствами оно не обладало, такъ какъ, за исключеніемъ одной или двухъ газетъ, тѣ немногіе òрганы, въ которыхъ выражались взгляды

[1]) Въ то время развитіе дешевой печати сильно тормазилось существованіемъ штемпельнаго сбора для періодическихъ изданій (отмѣненъ лишь въ 1855 г.) и налога на бумагу (упраздненъ въ 1861 г.).

рабочихъ, имѣли очень незначительное распространеніе и совершенно не проникали въ тѣ классы, ради которыхъ предназначались задуманныя реформы".

Митинги чартистовъ отличались особеннымъ многолюдствомъ, что̀ обусловливалось самымъ свойствомъ движенія и контингентомъ его участниковъ. Достаточно указать хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ митингъ въ Глазговѣ (въ маѣ 1838 г.), на которомъ присутствовало до 200.000 чел., или въ Бирмингамѣ (въ августѣ того же года), также при участіи до 200.000 чел., и наконецъ митингъ въ Манчестерѣ (въ сентябрѣ), гдѣ присутствовало до 300.000 чел. Такія собранія по самому существу своему исключали возможность спокойнаго обсужденія и принимали скорѣе демонстративный характеръ, которымъ нерѣдко злоупотребляли пылкіе ораторы, не останавливавшіеся передъ заявленіемъ открытыхъ угрозъ.

Въ данномъ случаѣ особенно рѣзко проявился огромный прогрессъ, сдѣланный за послѣднія десятилѣтія въ отношеніи къ институту публичныхъ митинговъ. „Въ прежнее время,—говоритъ Джефсонъ,—при видѣ того вызывающаго характера, какой принимали многіе митинги, правительство не задумалось бы передъ истребованіемъ у парламента экстраординарныхъ полномочій или пріостановки Habeas Corpus Akt'a. Но „времена измѣнились". По этому поводу весьма интересно публичное заявленіе, съ какимъ призналъ нужнымъ выступить министръ внутреннихъ дѣлъ, лордъ Джонъ Россель, на обѣдѣ у ливерпульскаго мэра (въ октябрѣ 1838 г.). Вотъ какъ передано было это заявленіе. „Онъ (Россель) упомянулъ о публичныхъ митингахъ, происходившихъ въ разныхъ частяхъ страны. Нѣкоторые, вѣроятно, полагаютъ, что такіе митинги слѣдовало бы воспрещать. Но не таково убѣжденіе его, Росселя, и всего правительства, съ которымъ онъ дѣйствуетъ. Свободное обсужденіе, изъ котораго познается истина, есть право народа. Ему принадлежитъ право собираться. Если у него есть неудовольствія, онъ имѣетъ право заявить о нихъ, чтобы они сдѣлались извѣстны и могли быть устранены. Если же нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ недовольству, здравый смыслъ не замедлитъ явиться на выручку и положитъ конецъ такимъ митингамъ. Правительствамъ нечего опасаться свободнаго обсужденія, нечего бояться открытаго выраженія общественнаго мнѣнія; бояться приходится тогда, когда люди вынуждаются къ тайнымъ соединеніямъ; вотъ гдѣ лежитъ опасность, а не въ свободномъ обсужденіи".

Несмотря, однако, на повсемѣстный характеръ движенія,

вскорѣ же обнаружилось отсутствіе настоящей организаціи его, отсутствіе того единства плана и той систематичности въ пріемахъ агитаціи, которыя такъ много помогли успѣху движенія противъ хлѣбныхъ законовъ. „Чартизмъ,—замѣчаетъ Джефсонъ,—не находился подъ руководствомъ какого-либо одного человѣка или какой-либо ассоціаціи. Подобно тому какъ широкая рѣка составляется изъ сліянія съ нею отдѣльныхъ многочисленныхъ притоковъ, такъ чартистская агитація явилась результатомъ дѣятельности многихъ отдѣльныхъ людей и отдѣльныхъ ассоціацій, дѣйствовавшихъ совершенно независимо другъ отъ друга“.

Это обстоятельство было одною изъ главныхъ причинъ неудачи движенія, такъ какъ оно мѣшало адептамъ его сплотиться во-едино и дружными усиліями идти къ достиженію общей цѣли. Чартисты раскололись на двѣ группы. „Къ первой принадлежали люди, полагавшіе, что народныя права должны быть обезпечены только при помощи однихъ моральныхъ средствъ. Другую составляли люди болѣе рѣшительные, которые не хотѣли допустить, чтобы правящіе классы могли преклониться передъ чѣмъ-либо, кромѣ физической силы, и которые поэтому въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ прибѣгали къ угрозамъ. Ничто не могло быть плачевнѣе этого раскола“, — говоритъ историкъ чартизма, Гамманджъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе усиливался насильственный характеръ движенія, а это дало поводъ къ принятію энергическихъ мѣръ преслѣдованія противъ наиболѣе крайнихъ вожаковъ его. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что свобода митинговъ не была ограничена: правда, правительство въ концѣ 1838 г. издало прокламацію, воспрещающую ночные митинги при факельномъ освѣщеніи (meetings at night by torchlight), но эта мѣра вызывалась лишь стремленіемъ предупредить безпорядки и не сопровождалась никакими ограниченіями по отношенію къ митингамъ во всякое другое время.

Не имѣя возможности прослѣдить дальнѣйшую исторію движенія, постепеннаго его затиханія и затѣмъ новой сильной вспышки его въ 1847 и особенно въ 1848 году, мы остановимся на общемъ значеніи его въ исторіи „платформы“. Съ точки зрѣнія ближайшихъ практическихъ цѣлей своихъ чартизмъ потерпѣлъ неудачу. Но эта неудача была относительной. Дальнѣйшая исторія политическаго развитія Англіи показала, что это движеніе оставило въ немъ глубокій слѣдъ и оказало передъ нимъ существенныя заслуги. Публичные митинги того времени, несмотря на излишнюю крайность и черезъ-чуръ декламаторскій тонъ многихъ рѣчей, вы-

полнили свою великую функцію. Они впервые съ полною яркостью раскрыли бѣдствія народныхъ массъ и выдвинули идеи, которыя формировались въ ихъ средѣ. „Въ это время,—говоритъ Джефсонъ,—болѣе, чѣмъ въ какую-либо изъ прежнихъ агитацій, они обратили общественное вниманіе на соціальное и матеріальное положеніе рабочаго населенія страны. Они съ ясностью показали правящимъ классамъ королевства, что на аренѣ государственной жизни появился новый классъ съ нуждами, на которыя должно быть обращено вниманіе, съ потребностями, которыя не могутъ быть долѣе игнорируемы, съ чувствами, которыя не могутъ быть попираемы. Они заставили представительное собраніе и палату пэровъ заняться разсмотрѣніемъ и принятіемъ мѣръ къ улучшенію соціальнаго и матеріальнаго положенія массъ, къ подъему ихъ моральнаго и интеллектуальнаго уровня. Они раскрыли передъ парламентомъ совершенно новую сферу дѣятельности и обязанностей, которая до тѣхъ поръ находилась въ рѣшительномъ пренебреженіи, а къ государственнымъ дѣятелямъ предъявили новые запросы, игнорированіе которыхъ сопряжено съ огромною опасностью для государства“.

И это уже успѣло выразиться въ рядѣ существенныхъ положительныхъ результатовъ, перечислять которые значило бы дать исторію многочисленныхъ актовъ и реформъ, проведенныхъ въ послѣднія четыре-пять десятилѣтій на пользу рабочихъ классовъ. Даже по отношенію къ непосредственнымъ требованіямъ программы чартизма слѣдуетъ признать, что неудача ихъ была лишь временной. Джефсонъ основательно уподобляетъ ихъ брошенному въ землю зерну, которое сначала кажется заглохшимъ и совершенно погибшимъ, но затѣмъ проявляетъ признаки жизни и даетъ ростокъ. Изъ шести пунктовъ хартіи три получили полное осуществленіе: въ 1858 г. отмѣнены законы объ особомъ имущественномъ цензѣ для членовъ парламента; въ 1872 г. введена тайная подача голосовъ, обезпечивающая независимость избирателей; въ 1885 г. произведено раздѣленіе страны на равные избирательные округа. Парламентскія реформы 1867 и 1885 г. дали почти полное осуществленіе четвертому пункту—требованію всеобщей подачи голосовъ. Наконецъ, теперешній кабинетъ Гладстона, образованный въ іюлѣ 1892 года, въ числѣ задачъ своихъ поставилъ проведеніе еще одного пункта хартіи,—о назначеніи содержанія членамъ парламента.

IX.

Въ теченіе описанныхъ движеній институтъ публичныхъ митинговъ получилъ такое полное развитіе и настолько глубоко укоренился въ общественной и политической жизни Англіи, что въ послѣдующія десятилѣтія ея тщетно было бы стараться найти какія-либо новыя существенныя черты, которыя составляли бы новую фазу въ развитіи его. Это, однако, не лишаетъ ихъ большого интереса съ точки зрѣнія оцѣнки политическаго значенія публичныхъ митинговъ,—тѣмъ болѣе, что въ теченіе ихъ происходилъ рядъ глубоко-знаменательныхъ общественныхъ движеній, въ исторіи которыхъ митингамъ довелось играть весьма важную, иногда рѣшающую роль. Особенно сильно это сказалось въ эпоху проведенія второй и третьей парламентскихъ реформъ (1867 и 1885 г.).

Сознаніе необходимости расширить представительство, распространивъ права его по крайней мѣрѣ на нѣкоторые слои рабочаго населенія, дѣлало все бо́льшіе и бо́льшіе успѣхи со временъ чартизма. Уже въ 1852 г. лордъ Джонъ Россель сдѣлалъ попытку провести новую парламентскую реформу, но попытка эта окончилась неудачею вслѣдствіе того, что кабинетъ Росселя вынужденъ былъ подать въ этомъ году въ отставку, и внесенный имъ билль былъ взятъ обратно. Съ осени 1858 г. возникла правильная агитація въ пользу реформы, по иниціативѣ Джона Брайта, заявившаго на митингѣ въ Бирмингамѣ (въ октябрѣ), что палата общинъ неудовлетворительно представляетъ націю, которая выросла изъ рамокъ существующей конституціи. На новомъ митингѣ въ Манчестерѣ (въ декабрѣ 1858 г.) Брайтъ обратился съ призывомъ къ общественному движенію. „Съ этой платформы,—сказалъ онъ,—я говорю не только съ вами; я обращаюсь ко всѣмъ моимъ согражданамъ"... „Если они желаютъ реформы,—продолжалъ онъ, — то пусть они собираются въ своихъ городахъ, поселкахъ, деревняхъ и приходахъ, пусть они собираются и говорятъ, а придя къ извѣстному рѣшенію—обратятся съ петиціями. Если они поступятъ такъ, я увѣренъ, что имъ недолго придется ждать вступленія въ полное обладаніе тѣми политическими правами, которыя столь необходимы для защиты ихъ интересовъ, и которыя находятся въ полномъ согласіи съ основами нашей славной конституціи".

Призывъ Брайта нашелъ себѣ откликъ. Притомъ же со временъ первой реформы демократическія идеи сдѣлали столь боль-

шіе успѣхи, что теперь уже не приходилось имѣть дѣло съ тѣмъ упорствомъ, которое прежде такъ сильно тормазило реформу. Съ принципомъ ея мирились даже консерваторы: въ тронной рѣчи, открывавшей новую сессію парламента, министерство лорда Дерби обѣщало-было обратить вниманіе „на положеніе законодательства, регулирующаго представительство народа въ парламентѣ“, а въ концѣ февраля 1859 г. Дизраэли внесъ избирательный билль торійскаго правительства. Однако во второмъ чтеніи онъ былъ отвергнутъ по причинѣ недостаточности предложенныхъ имъ измѣненій. Парламентъ былъ распущенъ, новые выборы дали либеральное большинство, и кабинетъ Дерби вышелъ въ отставку. По этому поводу Джефсонъ отмѣчаетъ любопытный фактъ, что первое заявленіе объ отставкѣ лордъ Дерби сдѣлалъ съ „платформы“, на публичномъ банкетѣ.

Однако, несмотря на вступленіе во власть либеральнаго министерства, вопросъ о реформѣ на нѣсколько лѣтъ замолкъ, уступивъ свое мѣсто другимъ событіямъ и интересамъ, поглощавшимъ общественное вниманіе. Съ новою силою онъ былъ выдвинутъ въ зиму 1864—1865 г., и особенно когда послѣ смерти Пальмерстона во главѣ кабинета снова сталъ Россель, а Гладстонъ сдѣлался лидеромъ палаты общинъ.

Въ началѣ марта 1866 г. Гладстонъ внесъ билль о реформѣ, и въ странѣ организовано было множество митинговъ, выражавшихъ сочувствіе ему. Но въ парламентѣ консерваторы, въ борьбѣ за власть, употребляли всѣ усилія, чтобы низвергнуть либеральный кабинетъ. Это имъ удалось путемъ проведенія враждебной биллю поправки, и во главѣ управленія снова стали лордъ Дерби и Дизраэли.

Опасеніе за судьбу реформы въ рукахъ консервативнаго кабинета вызвало сильное общественное движеніе, выразившееся по обыкновенію въ массѣ публичныхъ митинговъ, изъ которыхъ многіе, благодаря участію рабочихъ, отличались необыкновеннымъ многолюдствомъ и имѣли характеръ величественныхъ демонстрацій. На одномъ изъ такихъ митинговъ Брайтъ далъ слѣдующій ретроспективный обзоръ этого движенія въ связи съ предшествовавшими годами. „Прошло около восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ случай дать, какъ мнѣ казалось,—благой совѣтъ непредставленнымъ рабочимъ людямъ. Я говорилъ имъ, что монополисты, обладатели политической власти въ этой странѣ, не подѣлятся ею съ другими по собственному своему почину. Я говорилъ, что если рабочіе желаютъ политической власти, то имъ слѣдуетъ выступить съ требованіями ея такъ, чтобы обнаружилось единодушіе

ихъ желаній и сильная сплоченность въ стремленіи ихъ къ осуществленію... Теперь очевидно, что благой совѣтъ, данный мною восемь лѣтъ тому назадъ, сталъ убѣжденіемъ всѣхъ тѣхъ, кто симпатизируетъ политическому освобожденію рабочаго человѣка, и что въ послѣднее время совѣтомъ этимъ воспользовались въ широкой степени, такъ что по всеобщему сознанію положеніе вопроса о реформѣ глубоко измѣнилось".

Справедливость этихъ словъ, произнесенныхъ въ декабрѣ 1866 г., обнаружилась вполнѣ, когда въ началѣ слѣдующаго февраля консервативный кабинетъ Дерби-Дизраэли выступилъ съ новымъ биллемъ о реформѣ. Когда сдѣлались извѣстны подробности его, снова организованы были многочисленные митинги, на которыхъ велось критическое обсужденіе билля и доказывалась необходимость расширить рамки реформы. Эта послѣдняя задача выпадала на долю либеральной оппозиціи, которой дѣйствительно удалось добиться [1]) настолько значительныхъ уступокъ отъ консервативныхъ авторовъ билля, что въ концѣ концовъ принятая реформа оказалась гораздо болѣе демократической, чѣмъ даже проектъ Гладстона 1866 г. По разсчету его, этотъ проектъ долженъ былъ прибавить до 400.000 новыхъ избирателей—между тѣмъ актъ 1867 г. надѣлилъ избирательными правами около 1.150.000 представителей городского рабочаго населенія.

О роли митинговъ въ осуществленіи этой реформы Гладстонъ выразился слѣдующимъ образомъ: „мнѣ представляется внѣ всякаго сомнѣнія, что народныя собранія, организованныя для обсужденія и заявленія мнѣній по вопросу о реформѣ, имѣли важное, скажу даже прямо—жизненное вліяніе и значеніе для приведенія этого вопроса въ его настоящее положеніе".

Не менѣе существенную роль публичнымъ митингамъ пришлось играть и при проведеніи третьей парламентской реформы въ 1884—1885 гг. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ знаменательномъ моментѣ новѣйшей англійской исторіи, необходимо сказать нѣсколько словъ объ общихъ выборахъ 1880 года, которыми закончилось продолжительное (съ 1874 г.) управленіе Дизраэли, или впослѣдствіи — лорда Биконсфильда.

Въ этихъ выборахъ съ чрезвычайною яркостью выступила

[1]) Въ этихъ усиліяхъ либеральная оппозиція находила себѣ энергическое одобреніе и поощреніе: въ періодъ парламентскаго обсужденія билля, между 22-мъ апрѣля и 7-мъ мая, устроено было свыше 50 публичныхъ митинговъ, на которыхъ были вотированы резолюціи, выражающія довѣріе Гладстону и поощреніе его оппозиціи.

одна характерная черта современной политической жизни Англіи: подготовка программы общихъ выборовъ, приготовленіе населенія къ тѣмъ вопросамъ, на почвѣ которыхъ они производятся, совершается значительно ранѣе наступленія этого момента и главнымъ образомъ при помощи публичныхъ митинговъ. Первое извѣщеніе о намѣреніи правительства распустить парламентъ сдѣлано было въ мартѣ 1880 года, но уже съ іюля 1878 г. Гладстонъ началъ подготовку къ общимъ выборамъ, которая впервые велась съ замѣчательною систематичностью. Труды его въ этомъ отношеніи раздѣляли и нѣкоторые другіе выдающіеся члены либеральной партіи, особенно Гартингтонъ и Чамберленъ, и мало-по-малу внѣ-парламентская агитація совершенно подавила интересъ къ парламентскимъ занятіямъ, сдѣлавшись истиннымъ центромъ политической жизни страны. Высшаго напряженія она достигла осенью 1879 г., когда Гладстонъ предпринялъ свою первую кампанію въ Шотландіи, гдѣ (именно въ Мидлотіанѣ) онъ рѣшилъ выставить свою кандидатуру на будущихъ выборахъ. Эта кампанія, въ теченіе которой глава либеральной партіи произнесъ передъ многолюдными собраніями рядъ блестящихъ рѣчей, заключавшихъ въ себѣ всестороннюю критику консервативной политики и своимъ вліяніемъ обезпечившихъ будущій успѣхъ либеральной партіи, представляетъ собою одно изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ проявленій того огромнаго значенія, какое получили публичные митинги въ качествѣ фактора политической жизни. Самые выборы 1880 г. также ознаменовались рѣдкимъ оживленіемъ „платформы“.

Черезъ три года по вступленіи Гладстона въ управленіе страною, въ маѣ 1883 г., въ Лондонѣ состоялся митингъ делегатовъ либеральныхъ ассоціацій на годичномъ съѣздѣ „Національной Либеральной Федераціи“ (основанной въ 1867 г.), и на немъ постановлено просить правительство внести билль о новой парламентской реформѣ, съ цѣлью распространенія политическихъ правъ на сельскихъ рабочихъ. При этомъ выражено было желаніе, чтобы этому вопросу отдано было предпочтеніе передъ другими очередными вопросами.

Гладстонъ, дѣйствительно, въ ближайшую же сессію (въ февралѣ 1884 г.) внесъ билль, надѣлявшій избирательными правами до 2 милліоновъ рабочаго населенія, и въ палатѣ общинъ эта реформа встрѣтила сочувственную поддержку: билль принятъ былъ весьма значительнымъ большинствомъ. Но палата лордовъ оказала ему рѣшительное сопротивленіе. Любопытно, однако, что это сопротивленіе выразилось не въ формѣ прямого отверже-

нія непріятнаго лордамъ билля, а косвеннымъ путемъ—путемъ принятія резолюціи объ отказѣ разсматривать его до тѣхъ поръ, пока правительство не опубликуетъ предположенной имъ схемы новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ. Истинною цѣлью консервативной оппозиціи, какъ это выяснилось изъ заявленій лорда Сольсбери, было заставить правительство распустить парламентъ и произвести новые общіе выборы, на которыхъ консерваторы надѣялись одержать побѣду.

Рѣшеніе возникшаго конфликта выпало на долю „платформы". Многимъ читателямъ, вѣроятно, памятно движеніе, начавшееся по этому поводу и вскорѣ принявшее грандіозные размѣры, благодаря многолюднымъ митингамъ, организованнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи. Повторилось то же, что мы видѣли по отношенію къ реформѣ 1832 года, но на этотъ разъ недовольство образомъ дѣйствій лордовъ выразилось еще сильнѣе. Одно время положеніе дѣлъ обострилось настолько, что было основаніе ожидать весьма рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ самому институту верхней палаты. Рѣчь, съ которою долженъ былъ выступить Гладстонъ, ожидалась съ напряженнымъ интересомъ. „Она —говоритъ Джефсонъ—сосредоточивала на себѣ всеобщее вниманіе. Едва ли въ новѣйшее время произносилась рѣчь, которая была бы столь знаменательна. Нѣсколько словъ оратора въ одномъ направленіи могли бы раздуть агитацію противъ палаты лордовъ во всепожирающее пламя; нѣсколько словъ въ другомъ направленіи могли смягчить и успокоить народное возбужденіе. Отъ выраженій оратора зависѣло будущее". Но сигналъ не былъ данъ; рѣчь Гладстона была преисполнена духомъ примиренія. Коснувшись вопроса „объ органическихъ перемѣнахъ въ устройствѣ палаты лордовъ", онъ заявилъ, что не намѣренъ выдвигать этотъ вопросъ въ виду того, что „контроверзъ" по отношенію къ биллю о реформѣ самъ по себѣ достаточно труденъ, чтобы усложнять его новымъ вопросомъ". „Быть можетъ,—сказалъ онъ,—вслѣдствіе робости, свойственной моему возрасту, быть можетъ вслѣдствіе безпечности (indolence), отъ которой никто изъ насъ не свободенъ вполнѣ, но, признаюсь, я съ неохотой смотрю на возбужденіе вопросовъ органическихъ измѣненій въ нашей конституціи, пока не наступитъ моментъ, когда я не буду болѣе въ состояніи отрицать ихъ необходимость. Я думаю, что палата лордовъ еще не поставила себя въ положеніе, которое дѣлало бы непоправимой ея ошибку, я вѣрю въ возможность ея отступленія съ достоинствомъ и съ честью"... Гораздо болѣе рѣшительно Гладстонъ высказался по другому важному вопросу, выдвинутому

конфликтомъ, а именно по поводу притязаній консерваторовъ добиться распущенія парламента вслѣдствіе враждебнаго министерству голосованія верхней палаты. „Скажу прямо: доктрина о томъ, что палата лордовъ можетъ опредѣлять время распущенія парламента и указывать, когда слѣдуетъ обратиться къ странѣ, есть доктрина, не имѣющая мѣста ни въ нашей исторіи, ни въ нашей конституціи. Принять эту доктрину, сдѣлать ей хотя бы малѣйшую уступку, допустить хотя бы одну іоту ея—значило бы, по моему убѣжденію, измѣнить британской свободѣ. Заявляю вамъ, что я скорѣе откажусь отъ своего участія въ проведеніи избирательнаго билля, а слѣдовательно и отъ всякаго участія въ политической жизни, чѣмъ хотя бы на одинъ моментъ перестану поднимать самый рѣзкій протестъ противъ этого возмутительнѣйшаго нововведенія“...

Между тѣмъ движеніе общественнаго мнѣнія противъ отклоненія билля лордами продолжалось, разливаясь бурными потоками по всей странѣ. О размѣрахъ его можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, приведеннымъ въ „Annual Register“ за 1884 г.: въ Англіи и Шотландіи, съ цѣлью поддержки либеральнаго кабинета и его билля, состоялось 1.512 публичныхъ митинговъ, между тѣмъ какъ въ пользу консерваторовъ и политики палаты лордовъ высказалось, несмотря на всѣ усилія организовать такія заявленія, только 195 собраній. На либеральныхъ митингахъ въ общемъ итогѣ присутствовало до $3^{1}/_{2}$ милліоновъ, на консервативныхъ — около 300.000 человѣкъ.

Результатъ движенія 1884 года не заставилъ себя долго ждать: въ началѣ слѣдующаго года билль о реформѣ, увеличивавшей число избирателей двумя слишкомъ милліонами, спокойно прошелъ установленныя стадіи, причемъ въ этотъ разъ не понадобилось даже прибѣгать, какъ въ 1832 г., къ угрозѣ назначенія новыхъ пэровъ.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ движеніи, которому должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи публичныхъ митинговъ Англіи. Мы говоримъ о движеніи, также памятномъ большинству читателей, возникшемъ въ связи съ осложненіями въ восточномъ вопросѣ, начавшимися съ возстаній въ Герцеговинѣ и Босніи въ 1875 г. Уже въ сентябрѣ этого года обнаружились симпатіи значительной части англійскаго общества къ судьбѣ порабощеннаго населенія турецкихъ провинцій: митингъ, названный по иниціативѣ графа Росселя, постановилъ оказать всѣми законными средствами поддержку возставшему населенію

и организовать съ этою цѣлью подписку. Выраженіе этихъ симпатій сдѣлалось еще болѣе рѣшительнымъ, когда обнаружилось, что консервативный кабинетъ склоненъ оказать турецкому правительству поддержку въ борьбѣ за цѣлость оттоманской имперіи.

Особенно сильный толчокъ къ движенію общества данъ былъ разоблаченіями жестокостей, совершаемыхъ турками въ славянскихъ земляхъ,—разоблаченіями, сдѣланными въ рядѣ корреспонденцій „Daily News", напечатанныхъ въ іюнѣ-іюлѣ-августѣ 1876 г. Начались митинги, въ которыхъ выражался протестъ противъ политики Дизраэли и высказывалось негодованіе передъ звѣрскимъ образомъ дѣйствій турокъ. Число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось все болѣе и болѣе: 4 го сентября состоялись митинги въ 9 большихъ городахъ; 5-го—въ 17 городахъ; 6-го—въ 20; 11-го сентября было 30 митинговъ; 12-го—60. „Многолюдные публичные митинги, происходящіе въ странѣ,—говорилъ „Daily News",—безошибочно показываютъ, что англійскій народъ не желаетъ болѣе обращать вниманія на лживыя оправданія, которыми правительство мотивируетъ свою поддержку гнусному правительству Турціи. Демонстраціи, которыя мы отмѣчаемъ изо дня въ день, отличаются тою благородною особенностью, что въ нихъ участвуютъ одинаково люди всевозможныхъ политическихъ убѣжденій и религіозныхъ воззрѣній"... А вотъ что говорилъ объ этомъ движеніи Гладстонъ, не мало содѣйствовавшій его оживленію своимъ знаменитымъ памфлетомъ „The Bulgarian Horrors" (вышедшимъ 5-го сентября 1876 г.):—„Я давно принимаю участіе въ общественной жизни и былъ свидѣтелемъ многихъ оживленныхъ движеній общественнаго мнѣнія, но мнѣ никогда еще не приходилось видѣть такого движенія, которое можно было бы сравнить съ тѣмъ, которое возникло въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль и съ такою поразительною быстротою разлилось до размѣровъ національнаго. Тщетно было бы отвергать или умалять значеніе его. Нелѣпо было бы связывать его лишь съ дѣятельностью политической партіи, какъ бы ни была она сильна... Это движеніе—національное, а не партійное, и притомъ истинно-народное, такъ какъ рабочіе классы съ самаго начала подняли знамя, подъ которымъ мы идемъ теперь".

Помимо непосредственности и всеобщности, это движеніе любопытно, съ точки зрѣнія роли публичныхъ митинговъ, особенно въ томъ отношеніи, что путемъ ихъ общественное мнѣніе Англіи впервые вмѣшалось въ ту сферу политики, отъ которой оно до тѣхъ поръ было болѣе или менѣе далеко, и на которую почти не распространялось его активное вліяніе. Значеніе этой агитаціи

не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ подъ вліяніемъ ея кабинетъ Дизраэли счелъ нужнымъ удержать въ извѣстныхъ рамкахъ свое вмѣшательство въ восточный вопросъ. Велико было также впечатлѣніе, произведенное этимъ взрывомъ общественнаго мнѣнія и за предѣлами Англіи: къ нему внимательно прислушивались въ континентальныхъ государствахъ Европы, а императоръ Александръ II выразилъ особенное уваженіе къ общественному мнѣнію Англіи, заявивъ желаніе, чтобы подробности его разговора съ англійскимъ посломъ были оглашены во всеобщее свѣденіе англичанъ.

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ содержанія интереснаго сочиненія Генри Джефсона. Общія заключенія, къ которымъ приводитъ знакомство съ исторіей изученнаго имъ института, выступаютъ съ достаточною ясностью изъ всего предшествующаго изложенія. Останавливаться на нихъ значило бы воспроизвести то, что было высказано на предъидущихъ страницахъ и особенно во вступительныхъ замѣчаніяхъ къ первой статьѣ. Будучи ограничены извѣстными рамками журнальной статьи, мы, конечно, не могли исчерпать всѣхъ тѣхъ интересныхъ и поучительныхъ матеріаловъ, которые сгруппированы въ двухъ большихъ томахъ сочиненія Джефсона; мы старались познакомить читателей лишь съ наиболѣе существенными чертами развитія и значенія публичныхъ митинговъ въ классической странѣ политической свободы.

В. Дерюжинскій.

Дерптъ, 1892 г.

СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ

XVIII-го ВѢКА.

Изъ дѣлъ сибирской старины.

РАЗСКАЗЪ.

„Наше историческое развитіе шло по своему“.

Н. Данилевскій.

Отъ автора.

Настоящему разсказу о дѣлахъ, происходившихъ въ Сибири въ XVIII вѣкѣ, необходимо предпослать нѣсколько строкъ вмѣсто предисловія.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ первой книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1882 годъ на первомъ мѣстѣ было начато печатаніемъ изслѣдованіе Вакха Гурьева, подъ заглавіемъ: „Исповѣдный штрафъ въ Сибири въ теченіе прошлаго XVIII-го вѣка“. Авторъ этого изслѣдованія, Вакхъ Гурьевъ, былъ православный священникъ и происходилъ изъ сибирскихъ уроженцевъ; близко знавъ дѣла этого обширнаго азіатскаго края, онъ сдѣлалъ себѣ въ литературѣ извѣстность нѣсколькими достойными вниманія изслѣдованіями о сибирской старинѣ. Изслѣдованіе Гурьева объ „исповѣдномъ штрафѣ“ тоже обѣщало представить очень живой историческій и этнографическій интересъ; любопытство, возбужденное появленіемъ статьи въ московскомъ журналѣ, не было однако вполнѣ удовлетворено, потому что изъ всего изслѣдованія—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ напечатано только три главы, а остальное

обѣщано впредь, но продолженія не было. Не было продолженія этой статьи и ни въ какомъ другомъ изданіи, а въ законченномъ въ 1892 году трудѣ В. И. Межова: „Сибирская библіографія“ (№ 6972), „Исповѣдный штрафъ“ Вакха Гурьева прямо показанъ неоконченнымъ [1]).

Свѣденіе это надо считать наиобстоятельнѣйшимъ, для котораго излишни были бы повѣрки, но и онѣ были сдѣланы и принесли тѣ же самые результаты: большая исторія, описаніе коей было начато по документамъ и живымъ, устнымъ разсказамъ и повѣстямъ, остается въ зачаточномъ положеніи, безъ развитія и безъ конца, а потому и не приводитъ читателя ни къ какому опредѣлительному выводу и заключенію.

Была ли рукопись этого изслѣдованія доведена Вакхомъ Гурьевымъ до конца—неизвѣстно, равно какъ неизвѣстна и причина, по которой печатаніе „Исповѣднаго штрафа“ было въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ прервано и неокончено. Можетъ быть, это зависѣло отъ неблагопріятныхъ для литературной работы условій въ положеніи самого автора, который въ это время перемѣнилъ мѣсто и, перейдя на службу въ царство польское, умеръ въ Калишѣ 24-го іюля 1890 г.

Случай даетъ теперь возможность изложить это дѣло во всей его полнотѣ и законченности, хотя и безъ тѣхъ частностей, которыми располагалъ Вакхъ Гурьевъ, знавшій Сибирь по личнымъ наблюденіямъ и пользовавшійся разсказами другихъ старожиловъ.

Случай же этотъ заключается въ слѣдующемъ. Въ С.-Петербургѣ жилъ и здѣсь же не такъ давно скончался извѣстный сибирскій золотопромышленникъ, генералъ-маіоръ Веніам. Ив. Асташевъ, съ которымъ я былъ знакомъ, и отъ котораго подарены мнѣ нѣсколько копій съ дѣловыхъ бумагъ, касающихся сибирской жизни. Довольно долгое время бумаги эти лежали у меня неразобранными, а когда я сталъ ихъ просматривать лѣтомъ прошедшаго года, то увидалъ, что въ нихъ есть очень значительная доля того матеріала, который встрѣчается въ обработанномъ видѣ въ изслѣдованіи Вакха Гурьева объ „исповѣдномъ штрафѣ XVIII-го вѣка“, и что матеріалъ этотъ не ограничивается тѣмъ, что̀ попало уже въ начало изслѣдованія Гурьева, а идетъ дальше сплошною и неразрывною цѣпью событій до тѣхъ поръ, пока дѣло кончается въ тридцатыхъ годахъ истекающаго нынѣшняго столѣтія. Матеріалъ даетъ возможность закончить недоконченное

[1]) „Сибирская Библіографія“, Вл. Изм. Межова (Изданіе И. М. Сибирякова, Спб. 1892 г.), содержащая въ себѣ „Указатель книгъ и статей о Сибири“.

изслѣдованіе объ „исповѣдномъ штрафѣ“, который находчивостью сибирскихъ дѣятелей переходитъ въ другое дѣло—„о небытіи“, потомъ въ дѣло „о скверноядствѣ“, и наконецъ—„о простотѣ“, въ которой все и „тонетъ въ тундрахъ Сибири“.

Крайне заинтересованный этимъ оригинальнымъ дѣломъ, я рѣшился изложить его въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, причемъ— дабы сохранить изложенію цѣльность — долженъ былъ вкратцѣ сказать опять и о томъ, что̀ уже разсказано въ трехъ главахъ повѣствованія В. Гурьева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, съ тою, однако, разницею, что какъ я не знаю мѣстныхъ преданій о всей этой исторіи, то я ихъ и не касаюсь, а веду весь разсказъ гораздо кратче и у̀же, чѣмъ разсказъ Гурьева, пущенный въ первыхъ трехъ главахъ широко—до чрезвычайности.

Я держусь въ моемъ изложеніи дѣла однѣхъ бумагъ, и при томъ, — какъ я имѣю основаніе думать, — именно тѣхъ самыхъ бумагъ, которыми пользовался для своего начатаго и недоконченнаго труда Вакхъ Гурьевъ.

I.

Среди явленій русской жизни въ Сибири чрезвычайно характернымъ и любопытнымъ представляется борьба свѣтскихъ и духовныхъ властей съ крещеными сибирскими инородцами и другими людьми, которые не понимали важности принятыхъ ими на себя обязанностей. Особенно много заботъ было о томъ, чтобы они не уклонялись отъ исповѣди.

Архивы сибирскихъ консисторій, духовныхъ правленій и губернскихъ и воеводскихъ канцелярій хранятъ до сихъ поръ множество дѣлъ „о небытіи“, „о скверноядствѣ“ и „о злоупотребленіи простотою“, изъ которыхъ рачителемъ сибирской старины сдѣланы были нѣкоторыя выписки, приведенныя здѣсь нами въ порядокъ.

Дѣло, о которомъ будетъ рѣчь, сначала получило названіе „о небытіи“, подъ которымъ и упоминалось въ бумагахъ. Началось оно при Петрѣ Великомъ и, какъ думаютъ нѣкоторые,— по его мысли, а во всякомъ случаѣ по его указу 14-го февраля 1716 года (т.-е. за девять лѣтъ до его кончины). Въ указѣ томъ „великій государь велѣлъ всякаго чина людямъ у отцовъ духовныхъ повсегодно исповѣдываться, а ежели кто не исповѣдуется, на таковыхъ попамъ подавать росписи архіереямъ, а имъ тѣ росписи отсылать губернаторамъ, а губернаторамъ и лантра-

тамъ класть на тѣхъ людей штрафъ, противъ дохода съ него втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять. А которые прежде податей не платили и явятся виновными, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому же, а съ дѣвокъ и вдовъ противъ онаго вполы. Раскольниковъ же положить противъ настоящаго платежа".

Такимъ образомъ, денежный штрафъ за „небытіе" (т.-е. у исповѣди) былъ наложенъ этимъ указомъ одновременно какъ на раскольниковъ, такъ и на церковныхъ людей, которые въ очень большомъ количествѣ не являлись для исповѣди къ своимъ духовнымъ отцамъ.

Отсюда началось это дѣло; а далѣе сейчасъ мы будемъ видѣть, какъ этотъ источникъ потёкъ по азіатской окраинѣ, гдѣ рѣдкое и бѣдное кочевое населеніе живетъ въ обширномъ разсѣяніи и при томъ „пребываетъ въ состояніи природной простоты и совершенной дикости".

II.

Наложеніе штрафа за неявку къ исповѣди сначала поручалось *свѣтскимъ властямъ*, „губернаторамъ и лантратамъ", а поскольку налагать на каждаго человѣка, не явившагося къ исповѣди — на это искали опредѣленія въ указѣ, гдѣ сказано, что надо „класть штрафъ противъ доходовъ съ него (отбѣгальщика) *втрое*". Лантраты поняли такъ, что раскольниковъ нужно „записать въ *двойной* окладъ (платимыхъ ими податей)", а церковныхъ, не явившихся къ исповѣди, слѣдуетъ оштрафовать *втрое*. И многіе такъ и сдѣлали, а чрезъ это вышло, что раскольники, заплатившіе двойной окладъ, „отводили исповѣдную повинность" дешевле, чѣмъ православные, которыхъ лантраты обложили штрафомъ „втрое противъ доходовъ съ нихъ". Православные, увидавъ изъ этого, что имъ гораздо выгоднѣе совсѣмъ „записаться по двойному окладу", объявили себя раскольниками. Они стали являться къ свѣтскимъ властямъ и просили „записать ихъ въ двойной окладъ", а тѣ это исполняли, и расколъ возросталъ въ своей численности.

Другіе же люди, которые не хотѣли зачислять себя въ раскольники, „по двойному окладу", стали обращаться къ „приходскимъ попамъ" съ подкупами, чтобы „попы показывали ихъ *бывшими*". Попы брали за это „посулы" и показывали небытейщиковъ „бывшими", и такимъ образомъ реестрація вмѣсто того, чтобы выяснить дѣло, повела къ усиленной лжи. А какъ „посулы"

за фальшивыя отмѣтки небытейщиковъ „бывшими“ брали одни попы и не дѣлились этими доходами съ причетниками, то среди сихъ послѣднихъ запылала всеобщая зависть противъ настоятелей и пошли на нихъ доносы.

Доносовъ было множество, и представители духовной власти ихъ не скрывали, а напротивъ, охотно направляли ихъ на видъ высшаго начальства, чтобы показать, что свѣтскіе чины не могутъ хорошо вести это дѣло и только портятъ духовенство, предоставляя ему возможность покрывать виновныхъ въ уклоненіи отъ исповѣди.

Изъ-за этого между свѣтскими чиновниками и приходскимъ духовенствомъ начались споры и „подвоxи“. Духовное вѣдомство по убѣжденію, что свѣтскіе неподлежаще записали въ раскольничій окладъ не-раскольниковъ, „посылало *своихъ фискаловъ* для розыска, а свѣтскія власти, потакавшія раскольщикамъ, схватывали посланцевъ духовнаго вѣдомства и сажали ихъ скованныхъ въ тюрьмы и держали подъ крѣпкимъ карауломъ и оному изслѣдованію о раскольникахъ и духовныхъ дѣлахъ чинили тѣмъ сущую остановку“ [1]). Свѣтскія же власти въ отпоръ этимъ укоризнамъ со стороны лицъ духовныхъ вывели на видъ, что „многіе священники въ поданныхъ ими духовныхъ росписяхъ за 1716 и 1717 годы (самые первые послѣ указа) многихъ дѣтей своихъ духовныхъ неисповѣдавшихся написали исповѣдавшимися, *а дѣйствительно бывшихъ у исповѣди* по злобѣ своей на нихъ *записали небывшими*“.

О злоупотребленіяхъ въ подобномъ родѣ завелось множество дѣлъ, шли безконечные допросы, сыски и очныя ставки, а между духовными и свѣтскими чиновниками поднялась такая ожесточенная распря, что высшее правительство увидало необходимость быстро и энергично вмѣшаться въ это дѣло и дать ему другое направленіе.

III.

Десятаго и семнадцатаго марта 1718 года послѣдовали высочайшіе указы, которыми (10 марта 718) категорически опредѣлялось: „по сколько именно надлежитъ брать штрафа съ разнаго званія людей, отбѣгающихъ исповѣди“. Назначено брать „съ разночинцевъ и посадскихъ въ первый годъ по одному рублю, во второй—по два, а въ третій—по три, а съ поселянъ въ пер-

[1]) Указъ св. синода 29-го марта, 1721 г.

вый разъ по десяти денегъ, во второй по гривнѣ, а въ третій— по пяти алтынъ". А чтобы штрафъ за небытіе взыскивался безъ попустительства и безъ пререканій между особами свѣтскаго и духовнаго чина,—все это дѣло передавалось въ завѣдываніе лицъ одного духовнаго вѣдомства,—а прежнимъ взимателямъ штрафа изъ особъ свѣтскаго званія настоящими указами предоставлялось только наказаніе виновныхъ. Заниматься взысканіемъ было, разумѣется, гораздо прибыльнѣе, чѣмъ наказывать несостоятельныхъ плательщиковъ, и потому свѣтскія власти описанною перемѣною были недовольны и стали дѣлать духовенству помѣхи.

Духовенству же съ „набытіемъ правъ" по сбору штрафовъ за небытіе прибыло и „страхованія", и „страхованія" эти были не шуточныя. Въ указѣ читаемъ: „А буде о тѣхъ, кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не донесетъ и за такую его ману́ (sic) взять на немъ штрафъ первое пять рублевъ, второй десять, а третій пятнадцать рублевъ. А ежели по тѣмъ (т.-е. и послѣ третьяго штрафа) явится въ такой же манѣ и за то изверженъ будетъ священства".

И еще это „страхованіе" было усилено тѣмъ, что повелѣно было „по изверженіи" священниковъ „взять ихъ имѣніе", а самихъ ихъ „отсылать для наказанія къ гражданскому суду и въ каторжную работу".

Извѣстясь о такихъ указахъ, особы духовнаго чина не сразу разобрали: „пришло ли къ нимъ торжество или горечь". Дѣло оштрафованія „небытейщиковъ" обѣщало, конечно, хорошія выгоды, но и „страхованія" со изверженіемъ и отъятіемъ, а наипаче съ преданіемъ въ руки свѣтскихъ приказныхъ наводило на духовныхъ ужасъ, который тѣмъ легче понять, что „свѣтскіе" питали зло на духовенство за передачу въ ихъ руки самой выгодной части дѣла, и теперь приказные, по всѣмъ вѣроятіямъ, не дадутъ спуску тѣмъ изъ духовныхъ, которые попадутся въ ихъ руки.

IV.

Особы свѣтскаго чина и дѣйствительно начали держать себя гордо и не уступали духовенству ни одного шага безъ непріятностей. Даже въ самомъ началѣ приказные манкировали требованіемъ духовенства. Съ 1718 по 1721 годъ духовное вѣдомство даже не добилось еще, чтобы свѣтскіе сообщили ему списки небытейцевъ. Губернаторы, камериры и лантраты относились столь небрежно къ требованіямъ представителей церковной власти,

что часто вовсе не отвѣчали на бумаги архіереевъ и тѣ только „съ безнадежностью“ доносили объ этомъ московскому приказу церковныхъ дѣлъ. Однообразія въ дѣйствіяхъ не было, а повсемѣстно дѣло шло гдѣ какъ попало: въ одномъ мѣстѣ „небытейщиковъ“ штрафовали священники, въ другомъ—приказные, и тѣ и другіе по своему безсудили однихъ и мирволили другимъ, а взысканныя деньги „представляли по своей командѣ“, или даже вовсе не представляли. Шла вообще полная безурядица, съ которою московскій церковный приказъ уже не могъ найти никакого толку, и тогда за дѣло это взялось новое высшее церковное учрежденіе—св. правительствующій синодъ.

Только-что учрежденный тогда синодъ тотчасъ же оцѣнилъ значеніе дѣла о „небытейщикахъ“ и указами отъ 20-го и 21-го чиселъ марта 1721 года сообщилъ въ сенатъ „вѣденіе“, а епархіальнымъ архіереямъ послалъ указы, „чтобы впредь собираемые съ раскольниковъ и съ небывшихъ у исповѣди штрафы, опричь онаго святѣйшаго правит. синода, въ другія мѣста не отсылать и опредѣленному въ Москвѣ камериру тѣхъ штрафныхъ денегъ и объ нихъ вѣдомостей не отдавать [1]).

Такимъ энергическимъ и твердымъ мѣропріятіемъ св. синода былъ положенъ конецъ нахальному непослушанію приказныхъ свѣтскаго званія, но зато возникли теперь недоразумѣнія въ самомъ московскомъ приказѣ церковныхъ дѣлъ, которыми въ это время управлялъ архимандритъ Златоустовскаго монастыря Антоній.

V.

Подъ пригрозою св. синода свѣтскіе приказные сдали въ духовныя правленія „свѣденія и отписки“ о небытейцахъ, но дѣла эти были въ такомъ видѣ, что въ нихъ нельзя было доискаться толку.

Златоустовскому архимандриту Антонію поручено было разобрать и привести въ ясность всѣ безпорядочно сунутыя съ рукъ приказными бумаги, а когда онъ разобрался, то увидалъ, что сами правительственныя указанія о тѣхъ, кого надо штрафовать, до сихъ поръ еще не ясны. Такъ наприм., архимандритъ недоумѣвалъ: „какой штрафъ наложить и требовать съ людей, которые не подходили ни къ купеческому, ни къ крестьянскому сословію, и изъ числа коихъ являлись *многіе сирые и убогіе*, именно: сол-

[1]) Указы св. синода 20-го и 29-го марта 1721 года.

даты, драгуны, ямщики и жены ихъ, зеленщики, каменьщики, ученики латинской и математической школы, оружейники, столяры, *сторожа церковные, звонари соборные*, приказные сторожа и *приставы*, люди боярскіе, сокольники и ихъ работники и работницы, шляпнаго и суконнаго дворовъ ученики и работники, *дому государева нижніе чины и дворовые люди*, хлѣбники, калашники, блинники, харчевники, масленники, печатнаго двора батыйщики и тередорщики и работные люди, кожевенники, портные мастеры, сапожники, канатчики, свѣчники, плотники, швальчики, пивовары и богадѣленные нищіе мужеска и женска полу".

Внимательный златоустовскій архимандритъ основательнымъ изученіемъ дѣла обнаружилъ такое положеніе, которое еще не было въ виду правительства, но которое, однако, вполнѣ соотвѣтствовало живописанію Посошкова, въ его „изъявленіи очевидности лицемудрія", гдѣ онъ писалъ, что у насъ „аще подкрѣпленія (указами) не будетъ, то и впредь вси по прежнему въ церковь ходить не будутъ" [1]). Небытейщиковъ приходилось забирать и штрафовать не въ отдаленныхъ дебряхъ и пустыняхъ, а въ покровительствуемыхъ императоромъ новоучрежденныхъ школахъ, при собственномъ государевомъ дворѣ и, наконецъ, даже при самыхъ приходскихъ церквахъ и соборахъ, гдѣ сторожа и звонари упрямо не хотѣли „отбывать исповѣдь", а въ то же время эти упрямцы были такъ „сиры и бѣдны", что въ штрафъ съ нихъ нечего было взять ни въ первый разъ, ни во второй, ни въ третій.

Архимандритъ, обнаруживъ такое удивительное состояніе въ церковномъ благоустройствѣ, не испрашивалъ въ виду этого новыхъ попечительныхъ мѣропріятій, которыя, можетъ быть, теперь были бы умѣстны, а только представилъ вопросъ: „съ вышеозначенныхъ разночинцовъ скудныхъ и бѣдныхъ рублевый ли штрафъ или за скудость *по усмотрѣнію и обыску* умалять — поселенскій ли или противо купечества штрафъ имать?" Далѣе онъ спрашивалъ: „какъ поступать съ тѣми, которые въ податныхъ книгахъ написаны неисповѣдавшимися, а послѣ той переписи и поданія книгъ померли?" Или—„съ тѣми, кои временно проживали въ домахъ на квартирѣ или въ работникахъ и при перепискѣ записаны въ этихъ домахъ, а когда наступило время взысканія съ нихъ штрафа, они въ тѣхъ домахъ уже не оказались?" Архимандритъ Антоній спрашивалъ у св. синода разрѣшенія, съ кого въ таковыхъ случаяхъ взыскивать штрафъ: „съ

[1]) См. Сочиненія Посошкова, стр. 10.

хозяевъ ли тѣхъ домовъ, или велѣть имъ тѣхъ людей отыскивать".

Такихъ осмотрительныхъ и осторожныхъ людей, какъ глава московскаго приказа церковныхъ дѣлъ, архимандритъ Антоній, оказалось довольно много. Въ виду „страхованія" и „пригрозъ", послѣдовавшихъ изъ синода, исполнительныя лица духовнаго вѣдомства старались дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе и не принимая на себя ничего, что имъ могло казаться хотя маломальски сомнительнымъ, съ разныхъ сторонъ слали въ синодъ свои многочисленные вопросы и „ожидали на нихъ въ разъясненіе указовъ".

Въ синодѣ скоро образовалось огромное скопленіе бумагъ этого рода, изъ которыхъ каждая требовала „наставленій", указаній и точныхъ и явныхъ опредѣленій". Синодъ былъ обремененъ этими бумагами и по многимъ изъ нихъ сносился съ сенатомъ, а сенатъ требовалъ свѣденій отъ губернаторовъ, — синодъ дѣлалъ замѣчанія архіереямъ, а архіереи своимъ подначальнымъ администраторамъ, и все это при медлительности тогдашнихъ сношеній и при умышленномъ „препирательствѣ" и „отпискахъ" со стороны представителей разныхъ вѣдомствъ страшно увеличивало громадность дѣлъ, заведенныхъ о „небытіи", изъ котораго въ результатѣ не выходило *ничего*!

Но здѣсь, въ Европейской Россіи, съ розысками „небытейщиковъ" все-таки не встрѣчалось такихъ достойныхъ памяти затрудненій, какія обнаружились въ Сибири, гдѣ разстоянія огромны, полу-кочевое народонаселеніе рѣдко и дико, а духовенство было въ тогдашнее время совершенно необразованно и имѣло за себя такихъ „крѣпкихъ" представителей, какъ Арсеній Мацѣевичъ, Павелъ Конюшкевичъ и другіе, любившіе постоять за свою власть. Тутъ нашлись настоящіе борцы для борьбы съ „свѣтскими властителями", и раченія ихъ достойны долгой памяти въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія.

VI.

Въ Сибирь вопросъ о сыскѣ людей, не бывающихъ у исповѣди, пришелъ не сразу, но зато здѣсь онъ получилъ серьезную постановку. Первые „строжайшіе указы" о сыскѣ виновныхъ въ небытіи и о взысканіи съ нихъ штрафа пришли при митрополитѣ сибирскомъ Филоѳеѣ Лещинскомъ, который былъ настроенія

аскетическаго и шумныхъ дѣлъ мірского характера не любилъ [1]), и потому, несмотря на всю строгость указовъ, повелѣвавшихъ немедленно начать безконечное дѣло „о небытіи", онъ не обратилъ на эти указы никакого вниманія. Или онъ былъ добръ и не хотѣлъ тѣснить людей, или, хорошо зная условія жизни сибирскихъ дикарей и полу-дикарей, онъ понималъ, что тамъ требуемое дѣло сдѣлать нельзя, а что отъ возни съ нимъ придетъ только порча на тѣхъ, кто начнетъ съ нимъ справляться. Дѣло тронулось только послѣ того, какъ Филоѳей отошелъ, въ 1721 году, на покой и на мѣсто его былъ сдѣланъ сибирскимъ митрополитомъ черниговскій архіерей Антоній Стаховскій. Съ этихъ поръ дѣло „о необытейцахъ" получаетъ движеніе и все возвышается строгая о немъ требовательность, а съ тѣмъ вмѣстѣ разыгрывается и полнѣйшая невозможность выполнить надъ небытейщиками все то, что̀ требовалось. Новый сибирскій іерархъ [2]) распорядился, чтобы сибирскіе священники въ концѣ церковныхъ богослуженій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ „читали бы *всѣ преждесостоявшіеся* высочайшіе указы о хожденіи къ церквамъ и *о бытіи наипаче* (курсивъ подлин.) у исповѣди", но на этой почвѣ дѣло не шло и новый іерархъ (третій послѣ полученія указовъ „о небытіи" [3]) Варлаамъ Петровъ (другъ губернатора), черезъ пятнадцать лѣтъ повелѣлъ сибирскому духовенству смотрѣть на „взысканіе штрафа за небытіе" какъ на „самонужнѣйшее *государственное дѣло*" [4]). И съ этихъ поръ въ нисходящихъ и восходящихъ бумагахъ по духовному вѣдомству въ Сибири начинаютъ писать объ „исповѣдной повинности" и объ „исповѣдныхъ недоимкахъ".

Дѣло стало трактоваться не какъ религіозное, а какъ *государственная повинность*, которую духовенство должно собирать и доставлять казнѣ. „А наипаче не запускать недоимокъ".

Интересы высшаго и правящаго духовенства въ дѣлѣ этомъ расходились съ интересомъ приходскаго духовенства, которое представляло тутъ изъ себя инстанцію исполнительную, функціи которой на мѣстахъ „скитанія небытейщиковъ" были, однако, очень затруднительны. Для архіеревъ и ихъ консисторій было

---

[1]) Сибирскій митрополитъ Филоѳей Лещинскій правилъ митрополіею *будучи въ схимѣ*. Онъ былъ на митрополіи съ 1702 года, и въ 1711 году принялъ въ тюменскомъ монастырѣ схиму съ именемъ Ѳеодора; но „по указу" въ 1715 году опять былъ назначенъ къ управленію каѳедрою, и какъ разъ попалъ подъ нетерпѣливыя настоянія о взысканіяхъ за „небытіе". Отошелъ на покой въ 1721 г. и почилъ 1727.

[2]) Митрополитъ сибирскій Антоній Стаховскій съ 1721 года. — † 7-го марта 1740 г. (изъ малороссіянъ). См. указъ его отъ 29-го апрѣля 1737 г.

[3]) Варлаамъ Петровъ (хирот. 1768 † 1802) архіеписк. тобольскій.

[4]) 10-го іюля 1786 г. (Дѣл. арх. томск. дух. консист.).

интересно, чтобы „оклады" за „небытіе" достигали цифръ какъ можно болѣе значительныхъ, а приходскіе іереи, которымъ надо было ѣздить да „сыскивать", встрѣчались съ такими практическими трудностями, которыя преодолѣвать было очень трудно, и поэтому священникамъ хотѣлось, чтобы „сыску" было какъ можно менѣе. Поэтому священники находили для себя удобнѣе и выгоднѣе не умножать числа „небытейцевъ", но чтобы это не сходило „небытейцамъ" съ рукъ даромъ, — съ нихъ брали „поминки", которыми и откупались отъ требовательности консисторскихъ приказныхъ, и такимъ образомъ завели по Сибири въ огромныхъ размѣрахъ правильно организованное „попустительство".

Объ этомъ узнали архіереи, и противъ поповъ призваны были дѣйствовать мѣстные агенты духовной администраціи и такъ называемые „закащики" [1]), „десятильники" и „члены духовныхъ правленій", которые всѣ должны были наблюдать, чтобы „сыскъ виновныхъ въ небытіи производился неослабно, какъ самонужнѣйшее государственное дѣло", и чтобы приходское духовенство не мирволило небытейцамъ.

Но когда епископы пригрозили „закащикамъ"—эти послѣдніе напугались и въ огражденіе себя отъ отвѣтственности стали увѣрять, что „самонужнѣйшаго дѣла" въ Сибири совсѣмъ невозможно исполнить, и на этотъ счетъ были представлены объясненія.

VII.

Закащики объясняли, что многимъ крещенымъ людямъ въ Сибири „невозможно отбыть исповѣдную повинность, потому что вблизи ихъ жительства на весьма далекое разстояніе нѣтъ вовсе церквей, а нѣкоторыя церкви хотя постройками и окончены, но еще не освящены и не снабжены утварью, а при другихъ, находящихся въ зѣло бѣдственномъ состояніи, издавна нѣтъ священниковъ, а гдѣ есть и священники, то у тѣхъ въ говѣйной порѣ не бываетъ ладану и вина, и совершать евхаристію ни на чемъ и невозможно". „А люди хотя и окрещены, но остались въ первобытной дикости, и кочуютъ и скитаются въ мѣстахъ недоступныхъ" [2]).

---

[1]) „Закащиками" въ Сибири называли „благочинныхъ".

[2]) См. дѣла и духовныя росписи за обозначенные годы, хранимыя въ архивѣ, помѣщающемся въ колокольнѣ томскаго Алексѣевскаго монастыря.

Донесенія „закащиковъ" были, конечно, не голословныя, а подкрѣплялись точными указаніями, которыхъ невозможно да и нѣтъ никакой нужды воспроизводить здѣсь во всей подробности, но для образца можно отмѣтить, что въ самой тобольской епархіи, которою управлялъ еп. Варлаамъ (Петровъ), сдѣлавшій штрафъ за небытіе „государственнымъ дѣломъ", прихожане „цѣлыхъ многолюдныхъ селеній и деревень оставались безъ исповѣди въ теченіе 1758, 1759, 1760 и другихъ годовъ *единственно за неосвященіемъ церквей*". А сколь эти села и деревни были многолюдны—открывается изъ подробныхъ росписей [1]), изъ коихъ видно, напримѣръ, что въ слободѣ Бѣлоярской, въ томскомъ и барнаульскомъ заказахъ не исповѣдывались 2 тыс. человѣкъ, въ бердскомъ острогѣ—3.155 человѣкъ, въ селѣ Тальменскомъ—1.645 чел., въ селѣ Легостаевскомъ — 1.306 чел., въ селѣ Чингинскомъ—1.300, въ с. Кособоковскомъ—1.805, въ с. Космалинскомъ—1.874, а всего въ этой одной мѣстности тобольской епархіи 13.170 человѣкъ, и хотя всѣ они „не отбыли исповѣдной повинности *единственно* за неосвященіемъ церквей", и стало быть отнюдь не по уклончивости, а безъ всякой съ ихъ стороны вины, но тѣмъ не менѣе „всѣ эти 13.170 человѣкъ *подверглись штрафу за небытіе*" [2]). И въ такомъ положеніи были застигнуты жители многихъ мѣстностей сибирскаго края, и вездѣ съ нихъ точно такъ же взыскивали штрафы и *повторяли* эти взысканія во второй разъ и въ третій, и напрасно-штрафуемые хотя „не видали своей вины", но „свыклись и обошлись съ положеніемъ, пріемля оное какъ бы за переводъ натуральной повинности въ денежную".

Еслибы кому-нибудь похотѣлось избавить себя отъ платежа денегъ и отбыть исповѣдную повинность натурою, то ему для этого оставалось одно средство: ѣхать въ городъ или въ такое село чужого прихода, гдѣ все церковное благочиніе было въ порядкѣ, т.-е. гдѣ былъ освященный храмъ, и при немъ священникъ и причтъ, церковная утварь, ладанъ и вино, и тутъ надо было стать постоемъ на постояломъ дворѣ и ходить къ службамъ церковнымъ, а потомъ отъисповѣдываться и взять въ томъ отписку для предъявленія своему закащику; но это было сопряжено съ такими большими хлопотами и съ такою затратою времени и денегъ, что не представляло крестьянину никакихъ выгодъ, а, напротивъ, большіе убытки въ сравненіи съ уплатою штрафа.

При томъ же еще и нельзя было разсчитывать, что если поѣдешь

[1]) При тѣхъ же дѣлахъ подъ колокольнею.

[2]) Дѣло въ архивѣ колокольни томскаго монастыря.

исповѣдаться въ отдаленный чужой приходъ, то все это тамъ и отбудешь. Это не всегда удавалось. Изъ дѣлъ видно, что люди, пытавшіеся запастись исповѣдными отписками отъ священниковъ чужихъ селъ „ѣздили въ эти отдаленные приходы напрасно, ибо когда они пріѣзжали туда во время великаго поста, то не заставали тамъ поповъ при своей должности, поелику они были въ то время вытребованы въ заказы и содержались тамъ для объясненій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль".

Вызовы же священниковъ въ заказы, какъ видно изъ тѣхъ же дѣлъ, даже „нарочито совпадали со днями постовъ" и были обыкновенно „послѣдствіемъ доносовъ, посылаемыхъ въ заказы отъ дьяконовъ и причетниковъ, съ очевиднымъ разсчетомъ сдѣлать зло священнику, оторвавъ его отъ прихода въ говѣйные дни, когда люди отбываютъ исповѣдную повинность".

Слѣдовательно, сибирякамъ платить штрафъ за небытіе было удобнѣе и выгоднѣе, чѣмъ исполнять требу, и это получило развитіе, а начальство начало смотрѣть на это не только снисходительно, но даже и благосклонно, какъ на оборотъ весьма небезвыгодный для государства.

VIII.

При такомъ взглядѣ народились и умерли три поколѣнія, и приростъ небытейщиковъ былъ, конечно, огромнымъ. Такъ напримѣръ, по духовнымъ росписямъ барнаульскаго заказа за 1758 годъ, въ слободѣ Малышевской всѣхъ жителей считалось 3.191, а когда стали вмѣсто исповѣди брать деньги, то вдругъ, черезъ четыре только года, тамъ объявилось уже 6.949 душъ (увеличилось на 3.758), въ с. Чингисскомъ было 1.307, а въ 1762 г. стало уже 3.901 (болѣе на 2.594). Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ въ 1758 г. было всего 715 чел., а въ 1762 показано уже 2.294 (болѣе на 1.579) и т. д.

Естественнымъ образомъ такой приростъ населенія въ четыре года, конечно, былъ невозможенъ; но такъ какъ онъ фактически былъ на-лицо, то его остается объяснить тѣмъ, что при денежной повинности явились тѣ люди, которые ранѣе, при требованіи отъ нихъ натуральной исповѣди, укрывались.

Такимъ образомъ, какъ финансовое мѣропріятіе, обложеніе „небытія" денежнымъ штрафомъ въ самомъ дѣлѣ принесло пользу. Надо только было умѣть собирать съ этихъ людей доходы, отъ платежа которыхъ они не отбѣгали, но сборы, однако, произво-

дились неаккуратно и правительство стало обезпокоиваться огромною недоимкою. Въ дѣлахъ есть указъ тобольской духовной консисторіи отъ 10-го іюля 1786 года, изъ котораго видно, что „въ одномъ заказѣ черезъ пять лѣтъ небывшихъ накоплено 75.102 души, съ коихъ и запущено сбору 100.000 рублей". А какъ священники и закащики не имѣли средствъ какъ „донять" небытейцевъ, то дѣло опять стало клониться къ тому, чтобы раздѣлить операцію между агентами свѣтскаго и духовнаго чина, такъ что духовное вѣдомство должно было „доставлять своевременно самыя вѣрныя свѣденія о числѣ небывшихъ у исповѣди, а свѣтскія власти—распоряжаться наложеніемъ и взысканіемъ штрафа".

Съ этимъ распоряженіемъ ни одинъ энергическій дѣятель въ духовной средѣ сначала не хотѣлъ помириться: духовнымъ вовсе не интересно было исполнять подготовительныя работы для „приказныхъ" и предавать имъ живыхъ людей, которые умѣли цѣнить оказываемыя имъ благодѣянія и выгоды, но практика показала, что духовенство не теряло своего значенія для міранъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло: выдать небытейца или покрыть его небытіе.

Услѣдить за тѣмъ, что̀ станутъ дѣлать теперь въ Сибири съ небытейцами, было невозможно; а чтобы понять эту невозможность, припомнимъ себѣ на́-скоро и вкратцѣ: что̀ такое представляло въ тѣ годы церковное благоустройство въ Сибири и какого духа она имѣла тогда іерарховъ и свѣтскихъ сановниковъ, бывшихъ съ тѣми іерархами въ ладахъ или въ контрахъ.

IX.

Въ началѣ XVIII вѣка, когда начался сыскъ небывающихъ у исповѣди людей, въ Сибири была одна епархія, которая именовалась (до 1768 года) „Сибирскою и Тобольскою". Пространство, занимаемое этою епархіею, было такъ велико, что одному архіерею, какъ бы онъ ни былъ энергиченъ, хорошо править ею было невозможно. Область этой епархіи обнимала собою все пространство отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива и отъ Ледовитаго океана до сѣверной границы Китая и степей, гдѣ кочуютъ киргизы. Вдоль епархія простиралась на десять тысячъ верстъ, а поперекъ—болѣе чѣмъ на три съ половиною тысячи. И на всемъ этомъ страшномъ пространствѣ архіерей долженъ былъ все окинуть своимъ административнымъ взглядомъ и все въ церковномъ управленіи упорядочить, и „небытейщиковъ сыскать"

и обложить ихъ „за небытіе“ штрафомъ и даже произвести самое взысканіе.

Трудность этого управленія увеличивалась еще тѣмъ, что число крещеныхъ людей, подлежащихъ архіерейскому попеченію на всемъ огромномъ пространствѣ Сибири, было невелико, и они не сидѣли на землѣ вплотную къ одному мѣсту, а разметались по обширной странѣ враздробь, гдѣ кому казалось сподручнѣе и выгоднѣе. По ревизіи 1709 года въ Сибири насчитано, кромѣ инородцевъ, немного болѣе 230.000 душъ [1]), и эти христіане жили по городамъ и селеніямъ, а въ Сибири и города, и селенія разметаны другъ отъ друга на большія разстоянія, начиная отъ 200 и доходя до 500 верстъ и даже болѣе. Пути сообщенія, соединявшіе эти удаленные одинъ отъ другого пункты заселенія, ужасны и понынѣ [2]). Тогда они были „непроѣздными дорогами“ въ настоящемъ, а не фигуральномъ смыслѣ этого слова; а притомъ и эти отчаянныя дороги пролегали главнымъ образомъ по теченію огромныхъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Иртыша, Енисея и Лены; а вдаль отъ береговъ этихъ рѣкъ и такихъ дорогъ не было.

Церквей на всю Сибирь было тогда числомъ 160, и изъ нихъ *половина* приходилась на городъ Тобольскъ и на селенія, ближайшія къ этому городу, въ которомъ жилъ іерархъ Сибири. Здѣсь онъ и могъ видѣть на извѣстное разстояніе вокругъ своего каѳедральнаго города нѣкоторое церковное благоустройство. Другая же половина всего числа сибирскихъ церквей (составлявшая число около 80-ти) приходилась на всю остальную Сибирь съ ея разстояніемъ около 10 т. верстъ въ длину и болѣе 3 т. в. въ ширину,—т.-е. онѣ были разбросаны отъ Оби до Амура, и значительнѣйшее число ихъ опять и здѣсь приходилось на города, а въ селеніяхъ церкви были такъ рѣдки, что приходы, къ нимъ приписанные, тянулись отъ 200 до 500 верстъ [3]). Отсюда ясно, что церковному причту „сыскать“ всѣхъ своихъ прихожанъ и объѣхать ихъ во благовременіи съ требами было *невозможно!* Церкви же въ сибирскихъ селеніяхъ того времени всѣ были деревянныя, холодныя и бѣдныя, нерѣдко безъ утвари, а иногда и безъ богослужебныхъ книгъ, а также въ нихъ не было ни ладану, ни краснаго вина, ни муки для просфоръ. А безъ этихъ вещей православной обѣдни служить нельзя и причащать людей нечѣмъ. Запасы всего нужнаго для служенія литургіи

---

[1]) См. „Историческое обозрѣніе Сибири“, Словцова, стр. 323.

[2]) См. письма Антона Чехова.

[3]) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1854 г., м. мартъ, отдѣлъ V, стр. 40.

приходили сначала „въ каѳедру", т.-е. въ Тобольскъ, а отсюда уже неспѣшно развозились по непроѣзднымъ путямъ отдаленныхъ пунктовъ, достигая къ мѣстамъ назначенія очень нескоро. А потому нерѣдко бывало, что во многихъ церквахъ не служили по полугоду и болѣе, а иныя и вовсе стояли безъ служителей. Такъ напр., томскаго округа въ селѣ Тутольскомъ храмъ оставался безъ священника съ 1779 года по 1801, т.-е. слишкомъ въ теченіе двадцати лѣтъ [1]), а въ чардатской волости того же округа священника не было съ 1725 г. по 1784, т.-е. въ продолженіе шестидесяти лѣтъ!!.. Здѣсь даже причетники перевелись, такъ что между здѣшними обывателями успѣли народиться и свѣковать люди, совсѣмъ не видавшіе лицъ духовнаго сана [2])...

И это не было явленіемъ исключительнымъ: „закащики" и изъ другихъ мѣстъ доносили о такихъ же положеніяхъ, а въ 1801 году одинъ „закащикъ" рапортовалъ архіерею Варлааму, что „уѣздныя церкви почти всѣ находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи, а индѣ и вовсе службу божію оставляютъ".

Духовныя правленія представляли, что въ такомъ положеніи „дѣло о небытіи" нельзя справить такъ, какъ хочетъ начальство, но духовенству поблажки не дано: приходы, въ которыхъ не было священниковъ, приписали на бумагѣ къ сосѣднимъ храмамъ, имѣвшимъ священниковъ, и велѣли продолжать исправлять „небытейцевъ".

А приходы, „соединенные" такимъ образомъ на бумагѣ, въ натурѣ представляли цѣлыя области, „раскидывавшіяся на *нѣсколько сотъ верстъ*". Для образца можно указать, что, напримѣръ, въ приходѣ ирменской церкви томскаго округа деревня Крутихина отстояла отъ церкви на 105 верстъ въ одну сторону, а деревня Панкрушихина—157 верстъ въ другую [3]).

О книжномъ наученіи или о духовномъ назиданіи прихожанъ, конечно, нечего было и думать. „Люди оставались въ первобытной дикости".

Священникъ села Зыряновскаго *въ теченіе 20 лѣтъ* завѣдывалъ приходомъ села Тутомскаго, до котораго отъ его храма было 180 верстъ, а до самой отдаленной деревни этого „соединеннаго прихода" было 300 верстъ.

Понятно, что жители селеній, находившихся въ такихъ отношеніяхъ къ своему приходу, были очень затруднены „испол-

[1]) Указъ тобольск. д. консист. 9-го ноября 1779 г. и журн. томск. дух. правл. на 12 генв. 1801 г.

[2]) Указъ тоб. д. консисторіи 11-го мая 1784 года.

[3]) Ук. тоб. консист., 1766 г.

неніемъ исповѣдной повинности" натурою и имъ было гораздо удобнѣе платить штрафъ за свое „небытіе", къ чему они и стремились.

X.

Но и въ тѣхъ сибирскихъ селеніяхъ, въ приходѣ у которыхъ были на-лицо священники и облаченія, и богослужебныя книги съ ладаномъ, виномъ и мукой для просфоръ и воскомъ, положеніе поселянъ въ отношеніи къ „отбытію требъ" было не лучше, чѣмъ то, какое выше описано. Такъ напримѣръ, въ самомъ концѣ XVIII в. жители Мелецкаго острога жаловались архіерею, что „хотя они усердіе ко святой церкви имѣютъ и святыхъ таинъ причащаться желаютъ, но священникъ ихъ, Василій Хавовъ, мертвыхъ не погребаетъ, младенцевъ не креститъ, родильницамъ молитвъ не читаетъ и св. таинъ не пріобщаетъ, а когда-жъ прибудетъ въ годъ однажды черезъ почты съ колокольцемъ, съ мертвыхъ тѣлъ за погребеніе беретъ *сполна деньгами* и случится *коньми*, а погребенія нѣтъ" [1]).

Изъ жалобы этой трудно понять: какъ при такомъ священникѣ жители обходились съ мертвыми, т.-е. сберегали ли они трупы до пріѣзда священника, или хоронили безъ него, а онъ по прибытіи своемъ только „бралъ за погребеніе сполна деньги", или „коньми", а самаго погребенія не пѣлъ и опять отъѣзжалъ съ почтою?

Исканіе лучшихъ людей, болѣе соотвѣтствующихъ исполненію священническихъ должностей, не представляло никакого успѣха. Священники въ Сибири были столь необразованны, что „отъ простого мужика-поселянина отличались только одною букварною грамотою". Большею частію они „только умѣли *читать* церковно-славянскую грамоту, и *умѣнье писать признавалось высшею степенью образованія.* (Обстоятельство это надлежитъ особенно замѣтить, такъ какъ „умѣнье священника писать" имѣетъ большое значеніе въ достовѣрности отмѣтокъ о „небытіи", до которыхъ сейчасъ дойдетъ дѣло.) Когда въ концѣ XVIII в. въ г. Красноярскѣ основывалась школа, для которой потребовался законоучитель, то во всемъ составѣ духовенства этого города не оказалось ни одного священника, который могъ бы учить дѣтей священной исторіи и начаткамъ православнаго ученія вѣры. Тогда стали искать такого способнаго человѣка въ духовенствѣ „ени-

---

[1]) Указъ тобольск. д. консист., 5-го мая 1785 г.

сейскаго и другихъ округовъ", но результатъ былъ тотъ же. Тогда, нужды ради, „съ разрѣшенія духовнаго и свѣтскаго начальства учителемъ былъ опредѣленъ сосланный на заводы поселенецъ изъ россійскихъ діаконовъ, нѣкто Полянскій"... Это былъ какой-то отчаянный гуляка, которому „нужды ради" выпала доля положить начало русской школѣ въ краѣ, но порочныя привычки ссыльнаго дьякона были причиною, что „черезъ годъ онъ оказался совершенно неспособнымъ по неумѣренному винопитію", и тогда онъ отъ учительства былъ устраненъ, а на его мѣсто опредѣленъ способный человѣкъ, разысканный въ томскомъ заказѣ. Это былъ пономарь Сусловъ, котораго красноярское духовное правленіе аттестовало такъ: „онъ, Сусловъ, въ чтеніи исправенъ, и письмоумѣющъ, и ариѳметики первую часть нынѣ доучиваетъ въ твердости, — чему и священно-церковно-служительскихъ дѣтей обучать со временемъ можетъ" [1]). Изъ всѣхъ учителей того времени въ Сибири никакой другой не былъ такъ хорошо аттестованъ, какъ этотъ Сусловъ, а объ остальныхъ учителяхъ духовныхъ школъ тобольская духовная консисторія сдѣлала общій отзывъ, что „изъ нихъ не всѣ и писать умѣютъ, или умножать по ариѳметикѣ" [2]).

Такія трудности приходилось преодолѣвать сибирскимъ архіереямъ съ обученіемъ нарождавшагося въ XVIII вѣкѣ поколѣнія молодыхъ духовныхъ, но еще труднѣе было сладить съ замѣчательною безнравственностью взрослыхъ, при содѣйствіи которыхъ надлежало немедленно привлечь къ церкви упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ раскольниковъ и содѣйствовать „самонужнѣйшему государственному дѣлу".

XI.

Митрополитъ сибирскій Павелъ Конюскевичъ [3]) прибылъ на каѳедру съ обязательствомъ энергически вести дѣло „о небытіи", и онъ имѣлъ уже передъ собою всю описанную нами старую практику этого дѣла, и могъ видѣть, что исполнить все то, что

---

[1]) Ук. тобольск. консист. 15-го іюля 1790 г., № 118, и донесеніе красноярск. дух. правленія 14-го іюня 1791 г.

[2]) Ук. тобольск. консист. 5-го апр. 1791 г.

[3]) Павелъ Конюскевичъ, изъ малороссіянъ, хиротонисанъ 23-го мая 1758 г. изъ архимандритовъ Юрьева монастыря. Уволенъ въ 1768 г. изъ Сибири „по обѣщанію" въ кіево-печ. лавру, гдѣ и теперь тѣло его находится подъ правымъ придѣломъ „Великой церкви".

отъ него требовалось, здѣсь не съ кѣмъ. И вмѣсто того, чтобы скрывать настоящее положеніе и проводить время въ „страхованіяхъ“ да въ отпискахъ, онъ далъ дѣлу *новое*, довольно смѣлое направленіе: послѣ многихъ безплодныхъ усилій (съ 1758 года по 1764 г.) онъ разослалъ по Сибири слѣдующій любопытный „циркуляръ“, который современники почитали за „наилучшее изображеніе состоянія сибирскаго духовенства“. Въ этомъ митрополичьемъ циркулярѣ изображено слѣдующее:

„Понеже по производимымъ въ канцеляріи тобольской духовной консисторіи дѣламъ оказуется, что здѣшней тобольской епархіи разныхъ мѣстъ священно-церковно-служители *безмѣрно въ пьянственныхъ случаяхъ* и въ *противонеблагобразныхъ* и не приличныхъ званію своему поступкахъ, въ противность св. отецъ правилъ и духовнаго регламента житіе свое препровождають, и въ *ярыжствахъ* обращаются, и *валяются* и *спятъ по улицамъ пьяны*, и въ *воровствахъ*, и въ *ложныхъ* подзаводскими крестьянами, яко бы объ отказѣ ихъ отъ заводовъ, *указовъ объявленіяхъ* обличаются,—отчего *въ народѣ чинятъ не малое смущеніе и соблазнъ раскольникамъ*, изъ коихъ,—какъ по дѣламъ значитъ, хотя бы нѣкоторые отъ раскольническаго своего злопагубнаго заблужденія и обратиться желали, но что означенные священники *безмѣрно упиваются* и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ—между людьми и *въ церквахъ сквернословныя ругательства и драки*, и тому подобныя безчинія, тѣмъ претыкаясь отъ того своего проклятаго раскола не отстають, и въ томъ они, священники, отъ нихъ, раскольниковъ, не малое поврежденіе и укоризненное посмѣяніе на себя и *всему духовному сану поношеніе наводятъ*“...

Выводъ получался такой, что люди, которые должны были исправить мірянъ, сами „наводятъ всему духовному сану поношеніе“...

Митрополитъ Павелъ это сказалъ, и, по замѣчанію одного изъ нашихъ церковныхъ историковъ, „убоялся вести свой корабль съ *пьяными матросами*“. Онъ сталъ просить синодъ отпустить его для поклоненія святынямъ Кіева и отправился туда на богомолье въ 1764 году, и тамъ и умеръ [1]).

---

[1]) Тѣло Павла тобольскаго, лежащее во гробѣ подъ церковью кіево-печерской лавры, до недавняго времени можно было видѣть.

XII.

Понять „обѣщаніе“ митроп. Павла весьма легко, такъ какъ переносить жизнь среди такихъ людей, какіе описаны въ приведенномъ циркулярѣ, было ужасно. А если такова была „соль“, которою должна была земля осоляться, то что же представляла собою вся страна? Нравственное состояніе Сибири въ XVIII в. дѣйствительно представляетъ какой-то адъ! Всѣ ученые и путешественники, побывавшіе въ XVIII вѣкѣ въ Сибири (Мюллеръ, Фишеръ, Гмелинъ и др.), въ одномъ духѣ описывали въ сибирскихъ жителяхъ страшную и отвратительную безнравственность. Духовные іерархи должны были объ этомъ знать, да и не могли не знать, потому что свѣтскія власти имъ на это указывали. Генералъ-губернаторъ Кашкинъ „неоднократно вынужденъ былъ обращаться къ еп. Варлааму (Петрову) [1], прося побудить сибирское духовенство къ принятію надлежащихъ духовныхъ мѣръ къ истребленію въ народѣ *жестокости* и дерзновенія ко вчиненію *звѣроподобнаго свирѣпства и скотоподражательнаго разврата*“.

Но сибирскіе іерархи не имѣли средствъ подѣйствовать такъ, какъ просилъ ихъ генералъ-губернаторъ. Лучшимъ средствомъ въ тогдашнее время считалось „личное воздѣйствіе на пасомыхъ“. Тогда думали, будто „велелѣпіе архіерейскаго сана“ производило на народъ благотворнѣйшее вліяніе, но паства сибирскихъ архіереевъ жила въ такомъ разсѣяніи, что іерархамъ очень трудно было навѣстить всѣхъ своихъ „пасомыхъ“ и почти совсѣмъ невозможно показать большинству изъ нихъ велелѣпіе архіерейскаго служенія. При томъ же обстоятельства показали, что даже и результатъ полезности архіерейскихъ объѣздовъ сомнителенъ, ибо пока архіерей кочевалъ для нравственнаго оздоровленія своихъ пасомыхъ, которые отличались „жестокостью и звѣроподобнымъ свирѣпствомъ и скотоподобнымъ развратомъ“, безъ него въ его каѳедральномъ управленіи начинались ужасающіе безпорядки. Онъ не помогалъ одному и губилъ другое. Такъ напримѣръ, когда упоминаемый въ началѣ этого разсказа сибирскій митрополитъ Филоѳей (Лещинскій) *первый* изъ всѣхъ сибирскихъ іерарховъ тронулся изъ своего каѳедральнаго города въ объѣздъ своей епархіи, то онъ провелъ въ этомъ путешествіи кряду *два года* (1718 и 1719), и хотя онъ окрестилъ въ это время 40.000 инородцевъ, но зато, лично по-

---

[1]) Ук. тоб. д. конс. 26-го іюля 1782 г. Варлаамъ Петровъ тогда былъ еще епископомъ. Въ архіеп. произвед. въ 1792 г.

смотрѣвъ на своихъ подчиненныхъ, пришелъ къ такимъ взглядамъ, что по возвращеніи въ Тобольскъ не сталъ исполнять указовъ о штрафованіи за „небытіе", а „отошелъ на покой" и вскорѣ умеръ (1727 г., мая 31-го). А въ то время, пока онъ былъ въ отлучкѣ и крестилъ 40.000 инородцевъ, у него въ управленіи старокрещенными людьми завелись такіе непорядки, что это пошло въ примѣръ и пословицу. „Духовенство укрѣпилось въ мысляхъ, что надъ нимъ нѣтъ начальства, а надъ его дѣйствіями нѣтъ контроля, и при невѣжествѣ своемъ развило въ себѣ духъ своеволія, непокорства, самаго грубаго и безчестнаго произвола; даже тѣ, кому была поручена часть архіерейской власти и попеченіе и надзоръ за другими—игумены, закащики, десятинники—явились по своему безстрашію архіерейскія воли ѳслушниками, огурниками (sic) и продерзателями". А главное—за это время накопилось огромное количество нерѣшенныхъ дѣлъ и очень большое число „ставленниковъ" и „просителей", которые два года ожидали возвращенія архіерея. А епархіальный судъ въ это время совершилъ рядъ такихъ чудесъ, что схимнику Филоѳею показалось „нѣлѣть и слышать".

Таковы были результаты долговременной отлучки архіерея „въ объѣздѣ", а скорѣе совершить „объѣздъ" было невозможно, и вотъ то, что̀ съ одной стороны представлялось желательнымъ и „благополезнымъ", то съ другихъ сторонъ оказывалось неудобнымъ и даже совершенно вреднымъ. Сорокъ тысячъ дикарей, не разумѣвшихъ языка крестителя, были окрещены, но зато среди паствы, составлявшей коренную основу епархіи, все само себя позабыло...

XIII.

„Свѣтскія власти" видѣли, какъ многостороннее дѣло проповѣди, назиданій и взысканій за небытіе и особенно судъ у „духовныхъ властей", что называется, „ни въ коробъ не лѣзетъ, ни изъ короба не идетъ", и иронически относились къ умѣнью духовныхъ дѣятелей вести эти дѣла.

Особенно сильный поводъ къ критикѣ подавали судебные приговоры духовныхъ властей, на которые свѣтскіе должностные люди указывали какъ на очевидные образчики неспособности судей.

Духовный судъ въ самомъ дѣлѣ постановлялъ приговоры невѣроятные; былъ, напримѣръ, въ Сибири нѣкто мичманъ Хмѣлевскій и онъ жилъ въ связи съ „крестьянскою женкою Екате-

риною". По какому-то случаю это открылось и дошло до митрополита Сильвестра [1]), и тотъ опредѣлилъ мичману такую эпитимію: „въ праздничный день стоять ему среди церкви во время литургіи на колѣняхъ съ возженною свѣчею, а когда время выходу изъ церкви народу приспѣетъ, тогда положить его (мичмана) на прагъ въ трапезѣ ницъ и лежать (ему) потолѣ, пока черезъ ево весь народъ изъ церкви пройдетъ, въ которое время просить ему проходящихъ черезъ него, да помолятся Господу Богу о отпущеніи грѣховъ ево; а по исполненіи сего отослать въ воинскую команду для наказанія, чему достоинъ по воинскимъ артикуламъ. А женку *Екатерину, кромѣ такой же епитиміи, на страхъ другимъ, наказать кошками*" [2]).

Другой случай: въ Сибирь слѣдовала изъ Россіи по этапу женщина Ефросинья Михайлова, которая до высылки ея была уже замужемъ за тремя мужьями. По дорогѣ она имѣла несчастіе понравиться отбывавшему вмѣстѣ съ нею путину ссыльному Захару Өедорову, но Захаръ Өедоровъ Ефросиньѣ не нравился и она не хотѣла отвѣчать его любовнымъ искательствамъ. Да при томъ же Ефросинья была богобоязлива и уважала церковный бракъ, а „прелюбодѣянія не хотѣла". Тогда ссыльный Захаръ обратился съ своею незадачею къ партіонному сержанту Логгинову, и тотъ за небольшую мзду уладилъ дѣло. Онъ, во-первыхъ, нѣсколько разъ „нещадно" билъ Ефросинью Михайлову „батожьемъ", чтобы она была сговорчивѣе, и когда та, изнурясь отъ жестокаго боя, стала подаваться и отпиралась уже только тѣмъ, что „боится блуднаго грѣха", то сержантъ сказалъ, что „за этимъ дѣло не станетъ", и приведя партію въ село Абалоцкое, близь Тобольска, обвѣнчалъ ее „по принужденію *четвертымъ* бракомъ".

Нещадно избитая батожьемъ, Ефросинья покорилась „принужденію" и сдѣлалась женою ненавистнаго ей поселенца Өедорова, и пока шла въ партіи—она подъ страхомъ батожья исполняла для его желанія супружескія обязанности, но, придя на мѣсто поселенія—въ Колыонскую волость томскаго округа, подала жалобу въ томское духовное правленіе, и въ той жалобѣ разъясняла всю свою нестерпимую обиду и доводила, что какъ бракъ ея съ поселенцемъ Өедоровымъ есть *насильственный* и *четвертый* (для нея), а потому, стало быть, очевидно незаконный, то онъ по существу своему совсѣмъ не есть бракъ, а прелюбодѣйная связь, и она этого прелюбодѣянія продолжать не допуститъ".

---

[1]) Сильвестръ Гловатскій, митрополитъ сибирскій, изъ архимандритовъ свіяжскаго монастыря, 1749, іюля 6-го. Перевед. въ Суздаль 9-го окт., 1755 г.

[2]) Указъ тоб. д. консист. 3-го сент. 1752 г.

Духовное правленіе разлучило временно этихъ супруговъ и донесло о событіи тобольской духовной консисторіи, которая „съ докладу его преосвященству [1]) опредѣлила: женку Ефросинью Михайлову *оставить въ замужествѣ* при поселенцѣ Захарѣ Ѳеодоровѣ, *впредь до разсмотрѣнія*, а о состояніи ея *взять отъ онаго мужа ея извѣстіе*" [2])... Какъ должна была чувствовать себя эта несчастная женщина, опять насильно отданная консисторіею поселенцу на подержаніе, да еще „съ докладу его преосвященству"!.. И въ чемъ отъ этого поселенца „о состояніи ея" требовалось „извѣстіе"—изъ дѣла этого не видно, но что Ефросинья была призвана исполнять супружескія обязанности и въ четвертомъ бракѣ, обвѣнчанномъ подъ батогами, это закрѣплено самымъ документальнымъ образомъ.

И эта женщина жила и терпѣла!

Въ самомъ распорядкѣ съ духовенствомъ одна крайность переходила въ другую чрезвычайность: при митрополитѣ Варлаамѣ въ Амышевской крѣпости священникъ Сѣдачевъ былъ изобличенъ „въ пьянствѣ и шумствѣ, и въ дракахъ, и въ прочихъ чинимыхъ мірскими людями соблазнахъ". Митрополитъ Варлаамъ опредѣлилъ за все это „перевесть Сѣдачева въ Уртамскій острогъ, съ подпискою объ исправленіи (себя)" [3]). А митрополитъ Павелъ такимъ „исправленіямъ себя" не вѣрилъ, и когда при немъ былъ „обличенъ многажды въ пьянствѣ и дракахъ священникъ градотобольской Срѣтенской церкви Топорковъ", то навели о немъ справку и оказалось, что онъ уже имѣлъ время и случай для „исправленія", ибо „не единожды битіемъ плетьми былъ наказанъ и для памяти въ работахъ содержанъ, но по ожесточенію своему во исправленіе не пришелъ, а еще въ горшая падалъ", и потому митроп. Павелъ (указъ 27-го апр., 1764 г.) опредѣлилъ: „дабы священникъ Топорковъ впредь никакихъ продерзостей чинить не могъ, отъ священнослуженія его удержать, а для лучшей ему памяти и страха Божія при собраніи всѣхъ священнослужителей градо-тобольскихъ *каждый изъ нихъ* по десяти ударовъ шелепомъ ему, Топоркову, *и себѣ въ наставленіе* отправилъ".

И священнослужители привлекались къ тому, чтобы бить собственноручно своихъ товарищей не въ этомъ только един-

[1]) По книгѣ Юрія Толстого въ сибирской епархіи съ 1768 значится Варлаамъ Петровъ, а съ 1803—Антоній Знаменскій. Варлаамъ—это тотъ, который постановилъ дѣло о „небытіи" на степень „самонужнѣйшаго и государственнаго".

[2]) Ук. тоб. дух. к. 3-го сент. 1752 г.

[3]) Ук. тоб. д. консист. 18-го ноября 1777 г., № 1044.

ственно случаѣ, а и въ другихъ таковыхъ же. Указомъ отъ 27-го апр. митрополитъ Павелъ разрѣшалъ и всѣмъ закащикамъ (т.-е. благочиннымъ) поступать съ провинившимися точно такъ же, но только съ такимъ „разсмотрѣніемъ", что „гдѣ число священнослужителей", участвующихъ въ наказаніи собрата своего шелепами—„не велико, то тамъ (число ударовъ отъ каждаго) и пріумножить можно" [1]).

Дѣло же о „небытіи" во все это время „волоклось" и взысканіе денежныхъ штрафовъ съ небытейщиковъ производилось съ такою неаккуратностью и медленностью, которыя, наконецъ, возбудили въ Петербургѣ негодованіе какъ-разъ послѣ того, какъ 14-го апрѣля 1763 года былъ лишенъ сана и сосланъ въ Ревель митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ.

Н. Лѣсковъ.

[1]) Ук. тоб. д. конс. 27-го апр., 1864 г.

ГОЛОСА

I.

Одинъ голосъ.

Часы бѣгутъ... И тотъ, быть можетъ, близокъ часъ,
Который принесетъ предсмертную истому...
Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
Не трать послѣднихъ чувствъ и мыслей по-пустому.

Твоей мятущейся и ропщущей души
Смири безплодный гнѣвъ и тщетныя волненья;
И злобныхъ пѣсенъ рядъ спокойно заверши
Во область мирныхъ думъ полетомъ вдохновенья.

Когда идешь въ толпу, смѣясь или казня,
Не гордостью ль тебѣ внушается сатира?
Не задуваетъ ли священнаго огня
Тотъ вихрь, что̀ носится средь низменнаго міра?

Межъ тѣмъ ты вѣруешь въ высокій идеалъ;
Ты исповѣдуешь завѣтъ добра и свѣта;
И въ высь небесную ты духомъ возлеталъ,
Мечтая иль молясь, еще въ младыя лѣта.

Зову тебя туда, къ предѣламъ тѣхъ вершинъ,
Откуда человѣкъ житейскихъ дрязгъ не видитъ;
Гдѣ разумъ—всѣхъ страстей и гнѣва властелинъ,—
Понявъ, прощаетъ то, что̀ сердце ненавидитъ.

Тамъ духъ поэзіи предстанетъ предъ тобой,
Парящій въ высотахъ, какъ нѣкій горный геній;
И смѣнитъ жесткій стихъ, навѣянный враждой,
Строфами звучными духовныхъ пѣснопѣній.

Такъ грубый звукъ трубы альпійскихъ пастуховъ,
Которая стада̀ на днѣ долинъ сзывала,—
Вдругъ эхо на горахъ, въ сосѣдствѣ облаковъ,
Мѣняетъ на аккордъ молитвенный хорала.

II.

Другой голосъ.

Часы бѣгутъ... Уже, быть можетъ, близокъ часъ,
Несущій приговоръ бездушнаго покоя...
Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
Храни ко злобамъ дня сочувствіе живое.

Не гордостью твои направлены стопы—
Ужъ съ юныхъ лѣтъ—большой и людною дорогой;
Не гордость привела тебя въ среду толпы
Съ ея пороками и мыслію убогой.

Иль рѣчи глупыя лелѣяли твой слухъ,
И сердце тѣшили исчадья лжи и мрака?
Иль всякой мерзостью питаться могъ бы духъ,
Какъ смрадной падалью питается собака?..

Призванью слѣдуя, ты пой, а не учи,
Пусть въ старческихъ рукахъ гремитъ и плачетъ лира;
Пусть небу молится, да ниспошлетъ лучи
Животворящіе въ пустынный сумракъ міра.

И если бы тебя на крыльяхъ вознесли
Молитвы и мечты въ далекій сводъ небесный,—
Пока еще живешь, не забывай земли
Въ безстрастной чистотѣ той сферы безтѣлесной.

Услыша зовъ, покинь заоблачную даль;
То—голосъ совѣсти, она на землю кличетъ,
Гдѣ рядомъ съ радостью терзается печаль,
Гдѣ озлобленіе съ любовію граничитъ.

Такъ, тѣнямъ вѣренъ будь наставниковъ своихъ,
Друзей-мыслителей, почіющихъ въ могилахъ;
И, вѣренъ до конца, слагай свой ветхій стихъ,
Пока еще теперь слагать его ты въ силахъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ НА ВОЛГУ

въ

ПРОШЛОМЪ ГОДУ

Впечатлѣнія и замѣтки.

I.

...Не успѣвъ присоединиться къ другимъ съ цѣлью личнаго участія въ дѣлахъ помощи голодавшимъ зимою съ 1891 на 1892 г., я рѣшилась поѣхать позже одна, — въ серединѣ мая.

Въ печати и въ обществѣ слышались тогда уже успокоительныя разсужденія о томъ, что тяжелое время, по счастію, миновало. Правда, кончились холода, но зато въ нѣкоторыхъ земствахъ начинали раздаваться голоса объ уменьшеніи ссуды по случаю наступленія теплаго времени, а въ виду была рабочая пора и петровскій постъ; впрочемъ, и въ хорошія времена это самый голодный постъ въ продолженіе всего года.

Я отправилась въ путь, не поставивъ себѣ точно опредѣленной цѣли и только въ общихъ чертахъ намѣтила планъ путешествія. Хотѣлось своими глазами увидать то, описаніемъ чего переполнены были газеты и журналы миновавшей печальной зимы. Нужно было навѣстить въ тяжелый годъ давнишнихъ знакомыхъ, съ которыми на много лѣтъ разъединила судьба, на мѣстѣ устроить для нихъ что̀ возможно, а по дорогѣ, не стѣсняясь маршрутомъ, смотрѣть, слушать, помогать кому удастся, разспрашивать кого приведется, чтобы объяснить хотя бы только самой себѣ:

какимъ образомъ стряслась бѣда, какія были ея причины и каковы могутъ быть послѣдствія.

— Такъ куда же намъ направить васъ?—спрашивали меня въ Нижнемъ въ отвѣтъ на просьбу указать мѣсто, гдѣ могла бы понадобиться помощь не столько денежная, сколько главнымъ образомъ въ видѣ личнаго участія и труда.—Въ лукояновскій вы не хотите?

— Не хочу. Вы сами говорите, что тамъ все наладилось и теперь сравнительно благополучно?

— Да, теперь лучше. Есть помощь—и люди есть.

Собесѣдникъ мой задумался.

— Вамъ бы отправиться къ самуровскимъ барышнямъ,—предложилъ онъ послѣ минутнаго размышленія.

— Что это за барышни? Мнѣ уже не въ первый разъ въ теченіе одного дня приходилось слышать фамилію самуровскихъ барышенъ. Всѣ называютъ ихъ, и никто не можетъ объяснить, кто онѣ и куда ѣхать къ нимъ. Я спрашиваю и не получаю отвѣта, и начинаю думать, что это несуществующія, миѳическія существа мѣстнаго происхожденія.

— Нѣтъ, онѣ пріѣзжія. Подробностей, впрочемъ, не съумѣю вамъ передать. Знаю, что были барышни, также какъ и вы пріѣхали, искали дѣла и нашли его—устроили столовыя, но теперь у нихъ разладилось что-то тамъ; денегъ, должно быть, не хватило. Это бываетъ. Черезъ-чуръ широко затѣяли. Все это, впрочемъ, можетъ вамъ сообщить такой-то. Его найдете легко, а не застанете—пройдите въ управу. Тамъ знаютъ навѣрное.

Слѣдуютъ адресы и пожеланіе успѣха. Я дорожу каждымъ днемъ и немедленно отправляюсь за справками; того господина, за позднимъ временемъ, не застаю въ указанномъ мѣстѣ, но въ земской управѣ, по счастію, свѣденія получаются подробныя и обстоятельныя.

Барышни—не миѳъ и существуютъ въ дѣйствительности. Дѣло начали онѣ съ зимы широко, въ разсчетѣ на обѣщанную благотворительность. Но пожертвованія стали приходить туже и медленнѣе. Вмѣсто предполагавшихся шестисотъ за послѣднее время поступило всего сто рублей. Между тѣмъ начата была закупка лошадей. Положеніе было затруднительное. Помощь явилась бы какъ нельзя болѣе кстати.

Такимъ образомъ, начало мною сдѣлано, первыя свѣденія получены. Если не случится никакихъ особенныхъ помѣхъ и затрудненій, я разсчитывала употребить на путешествіе мѣсяца два, побывать въ трехъ губерніяхъ—нижегородской, казанской и саратовской.

У меня есть извѣстныя, заранѣе намѣченныя мѣста; но чѣмъ больше случаевъ, встрѣчъ и мѣстъ, тѣмъ лучше. Я не отказываюсь и отъ неизвѣстныхъ—и рада начать знакомствомъ съ Самуровскими барышнями.

На другой день *Вѣрочка*—крохотный пароходъ кашинскаго товарищества—увозитъ меня изъ гостепріимнаго Нижняго. Увижу ли я его еще разъ? Вернусь ли благополучно назадъ?

Какая-то чуть замѣтная тѣнь, легкая струя невольной грусти, хотя бы на одно только мгновеніе, охватываетъ каждый разъ отъѣзжающихъ въ минуту отъѣзда, отхода поѣзда, отплытія парохода. Снимаются шапки, творятся кресты, раздаются послѣднія привѣтствія между берегомъ и быстро отдѣляющимся отъ него, ходкимъ, видно, много уже послужившимъ на своемъ вѣку пароходикомъ.

— Грузятъ безъ ума,—говоритъ около меня пожилая женщина въ платкѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, опасливо озираясь вокругъ на стѣну бочекъ и мѣшковъ, заполняющихъ собой каждый вершокъ свободнаго пространства.

— На большихъ-то грузить этакъ, знамо, нельзя. Полиція тамъ соблюдаетъ, чтобъ противъ положенія ни-ни, ни фунта больше. Нагрузили и шабашъ, отваливай!—замѣчаетъ мужикъ съ изрытой шеей и изуродованнымъ лицомъ, по виду мастеровой, съ горстью подсолнуховъ, которыми онъ тотчасъ же начиналъ сорить вокругъ себя.—Ну, здѣсь жадность. Своя воля, свое и счастье.

— Да, счастье, какъ же! Нечего сказать! Не успѣли отвалить, бочки перекатываютъ,—замѣчаетъ женщина, все такъ же съ безпокойнымъ лицомъ укладывая дитя.

Мнѣ въ первый разъ случается плыть на такомъ утломъ суденышкѣ. Балансъ достигается въ немъ въ обыкновенныхъ случаяхъ перекатываніемъ бочекъ съ пескомъ съ одной стороны парохода на другую. Иногда раздается безцеремонная команда, приглашающая пассажировъ посодѣйствовать собственнымъ вѣсомъ и перемѣститься всѣмъ числомъ къ одному краю.

— А то, было, этакимъ же манеромъ, нагрузили тоже шибко, знать, видятъ—плохо дѣло, кричитъ этотъ самый командующій-то: „Третій классъ, разувайся, братъ, снимай сапоги! За стаканъ водки кто въ воду?“ Ну, разулись которые, полѣзли. Ничего, проѣхали благополучно, да вдругъ замѣсто водки пива поднесли. Ну, обидѣлся народъ, бунтовать началъ. А не хочешь ли, которые бунтовщики на берегъ, пѣшечкомъ до Астрахани? За трое сутокъ тоже всего насмотришься,—со вздохомъ говоритъ женщина и охотно продолжаетъ бесѣду.

Оба они съ мужемъ—подгородные мастеровые. Она тветъ сита мѣдныя, онъ гнетъ проволоку на рѣшотки для памятниковъ. Жить бы можно; за всѣми расходами рублей 300 можно бы отложить въ годъ.

— Волга сгубила, гульба погубила, винище проклятое. И дѣти-то того не стоютъ. Николи безъ ребятъ не хожу, а только вырощу, на ноги поставлю—не живутъ, помираютъ.

Знакомый, неизмѣнный разсказъ, въ которомъ измѣняются имена дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствія, а все другое повторяется съ такимъ ужасающимъ постоянствомъ.

Я пробую походить по палубѣ.

На полу и лавкахъ облѣзла краска; нѣтъ и слѣдовъ той чистоты, которою обыкновенно щеголяютъ и радуютъ глазъ, благодаря близости къ водѣ, всѣ эти пловучія морскія и рѣчныя хозяйства. Въ рубкѣ перваго класса, впрочемъ, неизбѣжные красные триповые диваны и столъ съ клеенчатой скатертью по серединѣ.

У стола за чайнымъ приборомъ съ папиросной сидитъ дама—худенькая блондинка, въ сѣромъ, съ сумочкой черезъ плечо. По фигурѣ ей можно дать года 23—4, но въ лицѣ недостаетъ яркихъ красокъ, какія почти всегда бываютъ у молодыхъ женщинъ съ свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ; двѣ морщинки явственно углубились уже по сторонамъ рта. Типичное лицо, какія встрѣчаются у самоотверженныхъ, юныхъ матерей, рано вышедшихъ замужъ и истощенныхъ семьей.

Съ нею вмѣстѣ путешествуетъ, впрочемъ, единственный представитель семьи—большеголовый мальчуганъ въ русской красной рубашкѣ и сапогахъ съ отворотами. Мальчугану не больше 5 лѣтъ; онъ капризничаетъ и лѣзетъ на диванъ. Мать разрѣшаетъ—съ условіемъ снять сапоги и ходить по *чужому дивану* въ чулкахъ.

Процедура сниманія и надѣванія сапогъ повторяется съ неизмѣнной настойчивостью каждый разъ и невольно привлекаетъ мое вниманіе.

Матери семействъ, такъ называемыхъ образованныхъ сословій и въ особенности, какъ мнѣ приходилось наблюдать—русскія матери, въ ослѣпленіи материнскимъ чувствомъ, почти всегда считаютъ своихъ дѣтей какъ бы исключительными существами, имѣющими права на исключительное вниманіе, привилегіи и преимущества между всѣми окружающими по одному праву рожденія, такъ сказать, потому что это *ихъ дѣти*. Вы можете взять на руки ребенка такой матери, пронести его съ напряженіемъ для себя на рукахъ три версты и не услышать благодарности—не изъ невѣжливости, нѣтъ! Просто изъ наивнаго убѣжденія, что нести

это дитя, *ея дитя*, должно быть такъ же пріятно всякому другому, какъ и ей самой,—также какъ перенести отъ ребенка неумѣстную шалость, дикую выходку, порчу принадлежащихъ вамъ вещей.

Воспитательные пріемы молодой, очевидно любящей матери тронули меня и возбудили желаніе вступить въ разговоръ.

Въ рубкѣ, кромѣ насъ, нѣтъ никого.

Черезъ нѣсколько времени мы уже оживленно разговариваемъ и знакомимся другъ съ другомъ съ той легкостью, какая возможна только въ путешествіи.

Моя спутница оказывается бывалой путешественницей и смѣется надъ высказанными мною опасеніями относительно плаванія на такомъ ненадежномъ пароходѣ, какъ наша *Вѣрочка*.

— Ничего, добѣжимъ,—говоритъ она, употребляя обычное волжское выраженіе: *бѣжать*, вмѣсто: *плыть*.—А мы привыкли, не боимся. Мы на этихъ маленькихъ пароходикахъ чувствуемъ себя какъ дома. Этотъ, правда, ненадежнѣе другихъ, онъ уже одинъ разъ тонулъ. Его раньше звали *Борисъ*,—оживленно разсказываетъ она, закуривая папироску и угощая меня чаемъ.— Послѣ того, какъ случилось несчастье, его починили и спустили опять, но всѣ стали бояться, никто не хотѣлъ ѣздить на немъ. Тогда взяли и переименовали его: изъ *Бориса* сдѣлали *Вѣрочку*, и всѣ стали ѣздить и бояться перестали.

— Находчиво и просто,—замѣчаю я.

Моя новая знакомая очень нравится мнѣ. У обѣихъ насъ билеты до одной и той же пристани. Въ Исадахъ мы должны встать и ѣхать на лошадяхъ до Лыскова, откуда ей дальше на Княгининъ, а мнѣ въ Самурово. Но до Исадъ еще часа три, если пароходъ будетъ плыть безъ опозданія, а аккуратностью пароходы не отличаются.

Разговоръ съ первыхъ же словъ, какъ и надо ожидать, переходитъ къ вопросу, занимающему всѣхъ, къ неурожаю и видамъ на урожай въ томъ году, къ положенію крестьянъ и организаціи помощи въ деревняхъ.

Собесѣдница моя—сама помѣщица, постоянная деревенская жительница. Она прожила прошедшую зиму безвыѣздно въ деревнѣ, въ глухомъ углу княгининскаго уѣзда. У мужа ея небольшое имѣніе, въ которомъ онъ управляетъ и хозяйничаетъ самъ. Жена, видимо, принимаетъ участіе въ хозяйствѣ и въ управленіи имѣніемъ и завѣдуетъ столовой, открытой на средства нижегородскаго благотворительнаго комитета.

На меня производитъ впечатлѣніе самое слово: *столовая*. „Вотъ оно, начинается!"—говорю я сама себѣ, какъ говорила въ

дѣтствѣ, бывало, въ минуту наступленія чего-нибудь торжественнаго и необычайнаго. Передо мною человѣкъ, переживішй самъ тяжелое время, близко стоявшій къ несчастнымъ, облегчавшій ихъ страданія. Я съ жадностью накидываюсь съ разспросами, но отвѣты здѣсь, какъ и въ Москвѣ, не удовлетворяютъ меня. Нѣтъ, довольно разговоровъ! Довольно газетъ, описаній, писемъ и хотя бы разсказовъ очевидцевъ! Черезъ нѣсколько часовъ я все увижу сама.

Нагруженный черезъ край, медленно бѣжитъ пароходъ. У каждой пристани выгрузка и новая нагрузка товаровъ. Маленькіе пароходы, повидимому, дѣлаютъ большія дѣла. Но чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ яснѣе, что изъ-за этихъ дѣлъ не удастся сдѣлать своихъ: придется опоздать на нѣсколько часовъ, невозможно будетъ добраться засвѣтло до мѣста, ради чего собственно и выбранъ былъ въ Нижнемъ неудобный, но первый, ранній пароходъ. Страшно ѣхать ночью по незнакомой дорогѣ въ незнакомое мѣсто, одной.

— А не можете ли вы оставить эту поѣздку до другого раза и теперь поѣхать заглянуть къ намъ въ княгининскій уѣздъ?— неожиданно предлагаетъ мнѣ моя спутница, которой я передаю мои соображенія.—Въ самомъ дѣлѣ, неудобно пріѣхать ночью, если васъ тамъ не знаютъ и даже не ждутъ. Вы желаете видѣть какъ можно больше, а на насъ до сихъ поръ никто не пожелалъ посмотрѣть. Мы писали и просили нѣсколько разъ, но... всѣ ѣдутъ въ лукояновскій. Право, точно мода какая-то сдѣлалась на него.

Эта жалоба повторяется нѣсколько разъ въ продолженіе разговора. Всѣ, кто могъ изъ Нижняго, пріѣзжіе изъ столицъ двинулись въ лукояновскій уѣздъ. Тамъ и деньги, и люди, и американскій хлѣбъ и полушубки.

— До насъ словно и дѣла никому нѣтъ, какъ будто бы не было и нужды. Хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь пріѣхалъ посмотрѣть.

Неожиданное предложеніе застаетъ меня врасплохъ.

Прежде всего я стараюсь убѣдить въ томъ, что не могу доставить ни хлѣба, ни полушубковъ, потому что не имѣю никакихъ полномочій ни отъ какихъ обществъ и комитетовъ, что я вполнѣ частное лицо, путешествую на свой собственный страхъ и рискъ и не имѣю при себѣ ничьихъ денегъ, собранныхъ по подпискѣ между знакомыми, ничего кромѣ ничтожныхъ средствъ, которыя везу отъ своей личной семьи.

— Все равно, вы увидите, разскажете, напишете кому-ни-

будь. Черезъ васъ узнаютъ другіе. Кто-нибудь придетъ и поможетъ намъ...

Я начинаю колебаться.

Перспектива ночевать въ Лысковѣ одной, въ гостинницѣ, ничуть не привлекаетъ меня. Съ другой стороны, предстоитъ длинный переѣздъ на лошадяхъ тотчасъ же послѣ парохода.

— Вдвоемъ не страшно, дорога знакомая. Мужъ мой самъ поѣдетъ съ вами по деревнямъ и покажетъ столовыя.

— А сколько верстъ нужно ѣхать?

— О, немного! Верстъ 50. Въ Княгининѣ переночуемъ и поутру поѣдемъ дальше.

Вмѣсто назначенныхъ четырехъ, мы попадаемъ въ Исады вечеромъ въ восемь часовъ. Но еще раньше пріѣзда я рѣшаю принять милое предложеніе, такъ радушно и просто сдѣланное мнѣ.

Мысль о самуровскихъ барышняхъ на минуту останавливаетъ меня. Говорятъ, тамъ нужда, критическое положеніе. Но вѣдь и здѣсь также нужда и помощи нѣтъ ни отъ кого, и не по волѣ ли судьбы устроилась неожиданная встрѣча, завязался разговоръ, и благоразумно ли вообще, тѣмъ болѣе въ путешествіи, противиться указаніямъ и велѣніямъ судьбы?

Въ сущности, небольшая отсрочка не измѣнитъ ничего. Мнѣ предлагаютъ провести два-три дня въ деревнѣ, видѣть столовыя. У меня нѣтъ привычки путешествовать одной...

На пристани и на пароходѣ идетъ обычная суета. Всѣ бѣгутъ куда-то, спѣшатъ. Бритыя головы и татарскія шапки чаще прежняго попадаются на глаза. Вечернія тѣни стелются уже по землѣ и водѣ. Засвѣжѣло. А кругомъ чужія лица, неизвѣстныя мѣста...

Хорошо въ такія минуты чувствовать въ своей рукѣ ручку хотя бы и чужого ребенка, довѣрчиво прильнувшаго къ вамъ въ незнакомой толпѣ.

Молодая помѣщица оказывается практической, опытной путешественницей. Она знаетъ, къ кому обратиться, знаетъ цѣны и мѣстныя условія, и только благодаря ей на нашу долю достается единственный рессорный тарантасъ. И благодаря только этому тарантасу оказывается возможнымъ проѣхать до Лыскова семь верстъ безъ смѣщенія всѣхъ внутренностей, по первобытной дорогѣ при невообразимыхъ толчкахъ.

По берегу Волги идетъ мостовая, размытая разливами до состоянія, которое даетъ нѣкоторое понятіе о положеніи почвы на другой день землетрясенія. Засохшіе комья грязи и громадные булыжники, вывороченные изъ земли, ухабы, въ которые ежеминутно погружается экипажъ и аршинной глубины колеи, наѣз-

женныя въ грязную пору—вотъ, что представляетъ собою дорога въ Лысково, знаменитое Лысково, извѣстное съ дѣтскихъ лѣтъ по всѣмъ учебникамъ географіи, ведущее милліонные обороты, и черезъ которое не далѣе какъ въ этомъ году прошло такое количество пособій, хлѣба, зерна. Знакомыя строчки газетныхъ статей, корреспонденцій послѣдняго времени замелькали въ глазахъ: „заработокъ населенію голодающихъ мѣстностей... улучшеніе путей сообщенія... общественныя работы"... Вотъ они!

Семь верстъ по времени и производимому утомленію стоютъ нѣсколькихъ часовъ ѣзды. Утомленіе длиннаго дорожнаго дня начинаетъ сказываться на моихъ спутникахъ. За Лысковымъ идетъ прекрасный, какъ всѣ старыя дороги, обсаженный въ два ряда деревьями, казанскій трактъ. На ровномъ ходу экипажа, подъ звонъ колокольчика дремлется. Мѣсяцъ, почти полный, взошелъ и заливаетъ окрестность фантастическимъ, бѣлымъ сіяніемъ. Черныя тѣни будто днемъ бѣгутъ за лошадьми. Темныя полосы —тѣни телеграфныхъ столбовъ—вытягиваются на поляхъ по сторонамъ дороги. Вездѣ, куда можетъ хватить глазъ—поля, перемежающіяся полосы разнообразныхъ хлѣбовъ.

Что это? Эффектъ луннаго освѣщенія? Или особый сортъ скороспѣлки, поспѣвающій къ началу іюня?

Вся серебряная, бѣлая, облитая мѣсяцемъ, рожь кажется поспѣвшей какъ бы наканунѣ жатвы.

Я спрашиваю ямщика.

— Морозомъ убило. Нешто не видите! — неохотно отвѣчаетъ онъ.

— Да, вотъ оно что! Вижу.

Въ одиннадцать часовъ мы въѣзжаемъ въ Княгининъ.

II.

Дамское отношеніе къ верстамъ, счетамъ и прочей житейской ариѳметикѣ давно было извѣстно мнѣ и не нуждалось въ новомъ подтвержденіи, когда утромъ на другой день я узнала, что до деревни—конечной цѣли нашего путешествія—оставалось еще 65 верстъ, итого, вмѣстѣ съ сдѣланными уже 30-ю, болѣе 90 верстъ, вмѣсто обѣщанныхъ 50, на которыя я разсчитывала.

Моя милая спутница такъ мило оправдывалась, утро было такое блистательное! И не возвращаться же назадъ, послѣ сдѣланныхъ 30, изъ-за лишнихъ 40 верстъ.

Мы добрались до усадьбы къ вечеру ровно черезъ сутки

послѣ разговора на пароходѣ, а черезъ часъ я чувствовала себя какъ бы въ своей семьѣ.

Дѣти—хорошенькія, черноглазыя и румяныя—тотчасъ же познакомились, освоились со мной и назвали меня *тетей*.

Хозяинъ дома — красивый брюнетъ, бывшій артиллеристъ — послѣ перваго же aparte съ женой вступилъ со мною въ разговоръ—одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые затѣваются въ провинціи съ свѣжими, пріѣзжими людьми, съ желаніемъ какъ можно болѣе узнать, какъ можно скорѣй разспросить и въ то же время излить душу, высказаться самому.

Мы начали съ столовыхъ и перешли къ литературѣ. Я услышала объ особенностяхъ здѣшняго предводителя и земскаго начальника, и должна была за это сама разсказать о думской исторіи въ Москвѣ, о болѣзни одного министра и о дѣятельности графа Толстого.

Мнѣ уступили потомъ лучшую постель и лучшую комнату въ домѣ, и на другой день мужъ и жена вмѣстѣ отправились провожать меня въ столовую, верстахъ въ двухъ отъ усадьбы.

— Мы не устроили столовой у себя въ деревнѣ—хотя это было бы и удобнѣе для насъ — нарочно, потому что наши крестьяне все же лучше себя чувствуютъ,—объясняли они мнѣ дорогой, въ то время какъ мы проѣзжали селомъ, широко раскинувшимся по рѣкѣ, съ каменной церковью и просторными избами.

На поляхъ по сторонамъ дороги рожь была средняго качества, мѣстами побитая морозомъ, странно бѣлѣвшая пустыми, торчащими вверхъ колосьями, посреди зеленыхъ полосъ, переливавшихся по вѣтру. Рядомъ съ зелеными чернѣли свѣже-распаханныя полосы. Кобылка съѣла полбу и овесъ, и пришлось съизнова перепахивать подъ гречу.

— Слишкомъ рано еще теперь, чтобы сказать что-нибудь опредѣленное, — отвѣчалъ на вопросъ мой объ урожаѣ молодой хозяинъ, занятый отыскиваньемъ экземпляра *кобылки*, которой я никогда не видала и хотѣла увидать.

— Чтò побито морозомъ—не поправится уже, разумѣется, это дѣло конченное. Ну, а остальное... какъ дожди. Не будетъ дождя —опять погоритъ все. А вотъ и кобылка,—прибавилъ онъ, подходя къ экипажу съ своей находкой.

Я никогда не отличила бы ее отъ простого, обыкновеннаго кузнечика, какіе прыгаютъ у насъ во время сѣнокоса и заносятся на платьѣ домой. А между тѣмъ онѣ подъѣдаютъ „перо", молодой, розоватый еще стебелекъ растенія, и производятъ страшныя опустошенія. Я видала миріады ихъ потомъ, тутъ же въ

княгининскомъ уѣздѣ. Сѣрая, выжженная солнцемъ, межа казалась буквально живой, шевелившейся подъ ними, и я не могла представить себѣ, какими мѣрами возможно добиться ихъ истребленія.

— Ну, а прежде, раньше, какъ вы поступали съ ними? — спрашиваю я.

— Раньше ихъ не было,—отвѣчаютъ мнѣ.

— Какъ, неужели же совсѣмъ не было!

— Мы не видали, не помнимъ. И старики не помнятъ. Да вѣдь мало ли чего прежде не было! Вонъ взгляните, какой лѣсъ стоитъ. Прежде такихъ морозовъ не было, а теперь вотъ въ одну ночь и рожь, и рощу убило.

Въ сторонѣ дороги, закрывая усадьбу, виднѣется небольшой дубовый лѣсокъ, выдѣляясь рѣзкимъ пятномъ на голубомъ фонѣ неба. Такими бываютъ лѣса ранней весной: красноватыя и темныя, оголенныя вѣтки трепетно возносятся вверхъ въ ожиданіи своего весенняго убора. И кругомъ все говоритъ объ ожиданіи: молодая, едва пробивающаяся зелень, весенніе тоны и весенніе звуки и краски... И страннымъ и печальнымъ контрастомъ являются эти голыя вѣтки теперь, рядомъ съ колосящеюся уже рожью въ затишьѣ жаркаго, іюньскаго полудня, не оставляющаго уже мѣста для ожиданій и надеждъ.

— А вотъ и столовая! Пріѣхали.

Я не замѣтила, какъ мы въѣхали въ деревню и остановились у одной изъ крайнихъ избъ.

На улицѣ подъ окнами избы стоитъ столъ, собранный изъ досокъ, положенныхъ на козлы, и окруженный лавками со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Дѣтскія головы—мальчики безъ шапокъ и дѣвочки въ платкахъ—тѣснымъ бордюромъ окружаютъ столъ. Взрослыхъ не видно, кромѣ двухъ старухъ на одномъ концѣ, да мужика съ всклокоченной головой и бородой, оказавшагося убогимъ, дурачкомъ отъ рожденія.

При нашемъ приближеніи всѣ встаютъ.

Молодая барыня входитъ въ избу и черезъ минуту возвращается, придерживая обѣими руками гору нарѣзанныхъ кусковъ черняго хлѣба, который съ помощью дѣтей раскладываетъ по столу.

Это была первая столовая, которую я увидала. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть ихъ десятки и убѣдиться, что въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, какъ бы ни однообразно казалось оно по своей сущности, свойства лица, стоящаго во главѣ,

его особенности, его умственный и душевный складъ отражаются въ тысячѣ едва уловимыхъ чертъ и мелочей, придающихъ именно тотъ, а не другой характеръ и самому дѣлу.

Каждая столовая сохранила въ себѣ отличительныя черты своихъ учредителей и учредительницъ.

Было что-то трогательное, матерински-ласковое въ манерѣ, съ которою молодая распорядительница—сама мать большой семьи —обращалась съ этой кучей чужихъ голодныхъ, деревенскихъ ребятъ. Каждаго она знала по имени, знала положеніе семьи.

Бабы мигомъ, съ ведромъ на ходу, съ недошитымъ рукавомъ, бросивши работу, окружаютъ насъ и столъ, и нужно видѣть радостное выраженіе ихъ лицъ, когда барыня худой, нѣжной рукой поднимаетъ за подбородокъ чумазое рыльце какого-нибудь Ванюшки или Петьки и, улыбаясь, приговариваетъ:

— Смотри, Аксинья, какой у насъ хорошій выходился! Рубаха на немъ чистенькая сегодня. Молодецъ! А твоя дочка, Арина,—зажили ушки?

— Зажили, матушка, кормилица ты наша!

— А корюха какъ? Фельдшеръ былъ?

Рядъ разспросовъ показываетъ живой интересъ и ближайшее общеніе между жителями большой деревни и маленькой усадьбы.

Обѣдъ между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ.

Изъ избы вслѣдъ за хлѣбомъ выносятся чашки—такъ называемыя хлебальныя блюда—съ дымящимся варевомъ. „Меню“ обѣдовъ напоминаетъ по описаніямъ рязанскіе обѣды въ столовыхъ графа Толстого. Тѣ же два блюда: щи и жидкая кашица, или борщъ свекольникъ и картошка. Но здѣсь ѣдятъ одинъ разъ въ день. На двѣ трапезы не хватаетъ средствъ.

Блюда поставлены, куски разложены. Всѣ встаютъ. Въ воздухѣ начинается быстрое, быстрое взмахиваніе коротенькихъ, крестящихся дѣтскихъ рукъ, торопливое киваніе головъ. Всѣ садятся и оживленный гулъ звонкихъ голосовъ стихаетъ разомъ и совершенно.

Обѣдаютъ въ полномъ молчаніи.

— Отчего они молчатъ?—спрашиваю я.

— Ѣсть хотятъ,—объясняетъ мнѣ, улыбаясь, моя спутница. — Кто проболтаетъ, тому меньше достанется; они это давно сообразили. Я, знаете, больше думаю о дѣтяхъ. Старики — они вѣдь уже отжили свой вѣкъ. Взрослые, если и не доѣдятъ—могутъ легче перенести, а дѣти — жалко ихъ. Имъ рости нужно, набираться силъ. Много еще предстоитъ впереди,—убѣдительно и какъ бы въ чемъ нибудь оправдываясь, говоритъ она и про-

водитъ рукой по ближайшей бѣловолосой головѣ, наклоненной надъ столомъ.

— Вы не согласны со мной?

— Нѣтъ, отчего же, согласна. Если нельзя накормить всѣхъ, по-неволѣ приходится выбирать. Но какъ же дѣлаютъ остальные?

— Перебиваются изо дня въ день. Нѣкоторые получаютъ пособіе, а то продаютъ скотину, закладываютъ вещи. Рѣдко у кого осталось что-нибудь въ домѣ.

Я не имѣю основанія не вѣрить этимъ свидѣтельствамъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ со стороны видимо хорошо освѣдомленныхъ, симпатичныхъ людей—мѣстныхъ жителей. То же самое говорятъ мнѣ въ послѣдующіе дни въ другихъ усадьбахъ и деревняхъ, въ которыхъ мнѣ приходится бывать. Это не мѣшаетъ мнѣ замѣтить, что деревни сами по себѣ не имѣютъ того вида, который я ожидала встрѣтить, судя по описаніямъ голодающихъ мѣстностей.

Напротивъ,—послѣ московской губерніи огромныя села съ каменными церквами, съ пятистѣнными, трехоконными избами, поражаютъ меня своимъ внѣшнимъ видомъ зажиточности, очевидно еще недавняго, сравнительнаго благополучія. Во многихъ мѣстахъ избы сплошь крыты тесомъ, дворы и загороды просторные и въ порядкѣ. Раскрытые дворы и крыши попадаются въ видѣ исключенія, главнымъ образомъ, въ татарскихъ деревняхъ.

— Домъ поставленъ, ну и стоитъ, уголъ есть. А вѣдь его не укусишь,—говорятъ мнѣ крестьяне въ отвѣтъ на мои замѣчанія.

— А ты погляди, что̀ въ дому-то. Подъ метелочку вымело все. Чего говорить! Въ десять лѣтъ не поправиться мужичкамъ.

Два дня сплошь проходятъ въ странствованіяхъ по деревнямъ. Мы осматриваемъ столовыя, попадаемъ въ волостныя правленія, въ помѣщичьи усадьбы.

Почти вездѣ во главѣ дѣлъ благотворительности находятся дамы.

Молодая дѣвушка съ классическимъ образованіемъ—дочь помѣщика—устроила столовую у себя въ имѣніи.

Намъ удается поспѣть къ 11-ти часамъ утра—времени, когда въ большинствѣ столовыхъ происходитъ кормленіе. Съ перваго же взгляда бросается въ глаза педантическая чинность и образцовый порядокъ между обѣдающими, несмотря на то, что большинство изъ нихъ опять-таки ребятишки.

Высокая фигура, прямая и стройная, можетъ быть слишкомъ прямая, лишенная неуловимой граціи гибкихъ движеній, съ пе-

дагогически внимательнымъ, дѣловымъ выраженіемъ обходить длинный столъ. Присмирѣвшія фигуры дѣтей съ ложками наготовѣ въ рукахъ, на минуту напоминаютъ учебный классъ учебнаго заведенія. Но все хорошо, ѣды вволю, ѣда здоровая, и улыбка удовольствія оживляетъ молодое лицо, съ классически правильными, немного неподвижными чертами, во время единодушныхъ выраженій одобренія полезной дѣятельности.

III.

— Надо васъ свозить къ благословенной старушкѣ нашей. У нея также столовая, — говоритъ мнѣ на третій день моего пріѣзда радушный хозяинъ въ отвѣтъ на мое заявленіе, что я очень довольна всѣмъ видѣннымъ и думаю двинуться въ дальнѣйшій путь.

— Полноте! Зачѣмъ вамъ спѣшить! Поѣдемте. Наши столовыя похожи всѣ одна на другую и не могутъ больше интересовать васъ, а тамъ найдете, можетъ быть, что-нибудь новое, интересное. Мнѣ же кстати поручено навести справки въ той мѣстности. Пріѣзжая петербургская барыня думаетъ открыть столовую около своего имѣнія, и нужно бы съѣздить, взглянуть.

Я не нахожу возраженій, и мы отправляемся.

Дождей не было болѣе двухъ недѣль. Сѣро-желтая пыль лежитъ на дорогѣ пухлымъ слоемъ, при малѣйшемъ движеніи готовымъ заклубиться, подняться и отравить прелесть поѣздки раннимъ утромъ въ покойномъ экипажѣ, на хорошихъ лошадяхъ. Мѣстность въ княгининскомъ уѣздѣ вообще неровная, холмистая, и лошади—помѣщичьи, ямскія и даже крестьянскія, удивительно выѣзжены, вывозятъ въ гору и спускаютъ съ горы не хуже татарскихъ лошадей въ Крыму.

— Мнѣ обошлось прокормить мою тройку 500 р. въ нынѣшнемъ году. Сѣно чуть не по фунтамъ покупали на базарѣ. А мужики на половину распродали своихъ лошадей.

— Какъ же они теперь будутъ съ пашней, съ уборкой? — спрашиваю я.

— Богъ ихъ знаетъ. Не знаю. Бываютъ такія положенія, когда зажмуришься и стараешься не смотрѣть, потому что, все равно, знаешь—помочь нельзя.

Разговоръ подъ звонъ колокольчика продолжается, не прерываясь почти ни на минуту.

Я чувствую себя необыкновенно свободно и легко съ своими

новыми знакомыми и задумываюсь о причинахъ этой внезапной легкости. Случайная встрѣча на пароходѣ, затѣмъ—поѣздка, легкомысленная эскапада съ моей стороны, и вотъ на третій день знакомства мы говоримъ точно будто бы знали другъ друга десятки лѣтъ. И я начинаю понимать, что это не одно слѣдствіе общихъ убѣжденій, въ данномъ случаѣ—одинаковаго отношенія къ простому народу, къ народному бѣдствію. Нѣтъ, это нѣчто бо́льшее и гораздо меньшее въ то же время, ибо кто же не встрѣчалъ людей съ одинаковымъ образомъ мыслей, обижающихъ васъ ежеминутно полной и непримиримой противоположностью привычекъ и пріемовъ жизненнаго обихода, который вліяетъ на насъ, можетъ быть, сильнѣе, нежели мы это обыкновенно думаемъ.

Именно этого-то и не было въ данномъ случаѣ. Не только нѣтъ обиды, противоположности, но невольно бросается въ глаза одинаковость домашняго строя, сходство семейныхъ обычаевъ и личныхъ привычекъ, которыя выработываются только однимъ—одинаковыми условіями воспитанія.

Въ глухомъ углу глухого уѣзда, въ сторонѣ отъ путей сообщенія, въ неприкосновенности сохранились формы и рамки жизни, какою она была въ дворянскихъ гнѣздахъ повсюду четверть вѣка назадъ. До иллюзіи доходитъ впечатлѣніе, которое они — эти гнѣзда—производятъ на меня здѣсь, теперь. Забытыя картины и незабвенныя тѣни, дѣтскія воспоминанія воскресаютъ на каждомъ шагу. Минутами мнѣ представляется, что я совсѣмъ не въ княгининскомъ, а гдѣ-нибудь въ ржевскомъ уѣздѣ, и что это не Никольское, а можетъ быть наше Яковлево.

По обычаямъ стариннаго гостепріимства меня знакомятъ съ семьей во всемъ ея прежнемъ, патріархальномъ значеніи и объемѣ. Я дѣлаю нѣсколько визитовъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ вокругъ: старикамъ родителямъ, почтеннымъ родственникамъ и другой молодой четѣ, пріютившейся тутъ же по близости, и вотъ ѣду теперь *къ благословенной старушкѣ*, для посѣщенія которой находится также достаточно основаній и причинъ.

Но уже послѣ перваго же визита я знаю заранѣе и угадываю, что̀ ожидаетъ меня:

...Вотъ съ мостика свернули на плотину,
Вотъ обогнули прудъ, и садъ, и домъ,
Потомъ поѣхали шажкомъ,
Свернули вдоль аллеею старинной
И вотъ ямщикъ стегнулъ по всѣмъ по тремъ...

А на заросшемъ муравой, обсаженномъ тополями дворѣ оглушительнымъ лаемъ встрѣчаютъ собаки. Въ передней, съ неизмѣннымъ коникомъ, раздѣваетъ сѣдовласый лакей со старческой походкой, выпяченными, побѣлѣвшими колѣнями, въ выцвѣвшемъ, зеленоватомъ сюртукѣ. Въ свѣтлой залѣ—семейные портреты и знакомые цвѣты на окнахъ и по угламъ. Больше и нѣтъ ихъ нигдѣ, этихъ цвѣтовъ! Филодендроны и фикусы — драгоцѣнные тропическіе уродцы и недоноски, никогда не достигающіе полнаго развитія и цвѣтенія замѣнили прежніе наивные цвѣты, радовавшіе глазъ душистыми букетами китайскихъ розъ, волкамерій и олеандровъ.

Въ бесѣдкѣ изъ воскового плюща, въ простѣнкѣ малиновой гостиной сидитъ за работой крохотная старушка, поднимается при нашемъ появленіи и съ протянутыми руками идетъ намъ на встрѣчу.

Пріѣздъ незнакомой, нежданной гостьи видимо не стѣсняетъ, а радуетъ ее.

Послѣ рекомендацій и привѣтствій на минуту недоумѣніе выражается въ добродушномъ, пухленькомъ, съ пухлыми морщинками и слегка опухшими вѣками, старческомъ лицѣ, когда она узнаетъ о цѣли моего посѣщенія.

— Столовыя! Да что же въ нихъ смотрѣть! Посадятъ да и накормятъ на доброе здоровье. Только и всего.

Я уже и ранѣе до нѣкоторой степени начинаю чувствовать себя съ своими „столовыми“ въ положеніи Чичикова съ „мертвыми душами“ и стараюсь найти оправданіе своему любопытству.

— А ежели угодно, отчего же, можно и посмотрѣть. Прошу извинить, не разслышала имени-отчества.—Она повторяетъ имя съ восхитительной, привѣтливой улыбкой, какъ бы дѣлая пріятное открытіе.

— Очень, очень рада познакомиться. Позвольте вамъ представить—сестрица моя.

Обѣ сестры похожи другъ на друга, одного роста и кажутся однихъ лѣтъ. Первая—старшая, завѣдуетъ хозяйствомъ и домоводствомъ, младшая окружила себя воспитанницами, бездомными собачками, безпріютными звѣрьками и занимается рукодѣльемъ, главнымъ образомъ для церкви.

— Ѣхать некуда. Тутъ же на дворѣ и наша столовая. Да пожалуй, ребятишки какъ бы не отобѣдали уже. Который часъ? Милости просимъ. Пожалуйте. Прошу сюда.

Двѣнадцатый часъ.

Мы замѣшкались съ выѣздомъ и дѣйствительно не застали

уже первой половины обѣда. Дѣти отобѣдали уже на волѣ, на барскомъ дворѣ, и мы нашли только вторую партію обѣдающихъ въ людской избѣ, доканчивавшую трапезу.

Подъ образами за бѣлымъ столомъ сидитъ съ десятокъ старухъ въ темныхъ платкахъ, въ домотканныхъ сарафанахъ стариннаго образца, какіе брошены молодежью, и носятъ ихъ здѣсь только старыя женщины. Платки рѣзко выдѣляютъ желтизну восковыхъ, исхудалыхъ лицъ. Деревянныя ложки лежатъ передъ каждой на столѣ. Старухи неторопливо и рѣдко зачерпываютъ варева и въ промежутки кладутъ ложки и опускаютъ руки, медленно пережовывая и шевеля челюстями. Въ избѣ тихо. При нашемъ приближеніи не слышно голосовъ. Всѣ встаютъ, кланяются и по приглашенію молча принимаются за ѣду.

Одна изъ женщинъ сидитъ поодаль съ маленькой чашкой съ краю стола.

Я подхожу и спрашиваю, почему она не обѣдаетъ со всѣми.

— А солоно мнѣ, не могу. Имъ-то ничего, а у меня въ роту болитъ, дёсна болятъ. Я соленаго-то не могу, — говоритъ она мнѣ слезливымъ и жалобнымъ тономъ, въ которомъ слышатся дѣтская обида и раздраженіе.

— Ну, и Господь съ тобою. Кушай себѣ на здоровье. Афимья, влей-ка ей еще щей!—говоритъ старой кухаркѣ старушка-барыня и отводитъ меня въ сторону къ окну.

— Дѣти! Сущія дѣти! Старыя дѣти!—говоритъ она мнѣ, кивая въ сторону стола. — Обижаются, ссорятся между собой. Я ужъ велѣла ихъ отдѣльно кормить, а то бывало прежде, какъ съ ребятами вмѣстѣ ѣли—бѣда. Зубки-то молодые, проворные—мигомъ очистятъ до дна. Плачутъ мои старухи, не поспѣваютъ, не ѣвши сидятъ. Жалко ихъ—ну и пришлось отдѣлить. Ихъ нельзя не жалѣть,—сочувственно продолжаетъ она, поглядывая въ сторону стола.—Молодежь—все же у нея силы больше, надежды есть впереди. А эти—кому онѣ нужны? Всѣ тутъ.

Мнѣ невольно вспоминается другая логика, другія разсужденія. Каждая по своему права.

— Чечевичку вотъ имъ варимъ. Выбираемъ, что̀ по зубамъ.

Послѣ щей подаютъ чашки съ жидкой чечевичной кашей съ постнымъ масломъ по случаю постнаго дня. Ѣдятъ здѣсь также одинъ разъ въ день и недоѣденный хлѣбъ уносятъ съ собой.

Въ углу на лавкѣ сложена цѣлая груда старательно развѣшенныхъ, нарѣзанныхъ, фунтовыхъ кусковъ. За ними приходятъ бѣдняки, не попавшіе въ число обѣдающихъ. Столовая открыта на средства благотворительнаго комитета и число пользующихся

обѣдами доведено до возможнаго максимума, благодаря тому, что большинство деревенскихъ припасовъ: капуста, чечевица, овощи и молоко, отпускаются помѣщицей даромъ изъ собственной экономіи.

— Кофейку не прикажете ли, или чаю? Обѣдомъ боимся угощать. Постное ѣдимъ. Пожалуй, не придется по вкусу.

Мы предпочитаемъ чай и возвращаемся въ малиновую гостиную, къ круглому столу, на которомъ лежатъ: вышитый бисеромъ футляръ для картъ, завернутая въ батистовый старый платочекъ работа — парчевые воздухи и нѣсколько нумеровъ „Нивы" и „Сына Отечества".

— Братецъ покойный выписывалъ, и мы продолжаемъ,—объясняетъ мнѣ вторая старушка *сестрица*, стараясь незамѣтно опустить уголки малиновой скатерти, изъ экономіи завернутые на столъ наизнанку.

Я замѣчаю этотъ маневръ и нахожу, что и въ этой чертѣ экономіи, пожалуй, также нѣтъ ничего новаго. Она и раньше существовала въ помѣщичьихъ хозяйствахъ именно въ этомъ видѣ — экономія завороченныхъ уголковъ скатертей, экономное употребленіе сѣрныхъ спичекъ въ то самое время, какъ въ глазахъ выпахивались земли и уплывали между рукъ лѣсныя и иныя угодья.

Во время разговора изъ разныхъ дверей, набравшись смѣлости, понемногу показываются остальные обитатели дома.

Первою появляется изнѣженной походкой красавица кошка, сѣрая съ розовымъ носомъ; выбѣгаютъ шершавыя собачонки и жмутся у дверей и не рѣшаются войти двѣ розовыя, дѣтскія фигурки. Наконецъ, любопытство превозмогаетъ, и дѣвочки съ разбѣгу бросаются въ колѣни старушки, вернувшейся къ гостямъ послѣ хозяйственныхъ распоряженій.

— У насъ своихъ не было. Она вотъ въ дѣвицахъ осталась, а мнѣ не далъ Господь,—отвѣчаетъ старушка на мой вопросъ о дѣтяхъ.—А и безъ дѣтей тоже не жили ни одного дня. Прежде племянники, бывало, племянницы не переводились въ дому, а теперь вотъ Господь посылаетъ. Женщина тутъ у насъ умерла и завѣщала мнѣ четверыхъ дѣтей.

— Да неужели же всѣхъ четверыхъ? Это много,—замѣчаю я.

— А что̀ прикажете дѣлать! Пришлось вѣдь взять. Не выбросить же ихъ на улицу. Да у сестрицы тоже сиротки двѣ были воспитанницы, да вотъ еще эти дѣвочка и мальчикъ. Такая ужасная ихъ судьба!..

Она шепчетъ мнѣ на ухо, указывая глазами на дѣвочку, которая, прижавшись къ ней, поглядываетъ исподлобья и перебираетъ пальчиками пуговки ея лифа.

— Все одно, та же сиротинка. А ты зачѣмъ же прячешься? Нехорошо такъ. Стань попрямѣе да скажи имъ „Богородицу“. Какъ тебя мама-то учила? Ну, „Лисицу и виноградъ“. Не хочешь? У-у какая!.. Да, та̀къ вотъ и живемъ всѣ вмѣстѣ богоданной семьей, —продолжаетъ она, обращаясь ко мнѣ и лаская ребенка.—Все бы хорошо, только вотъ года-то подошли такіе плохіе. Тяжело видѣть, какъ народъ бьется, бѣдствуетъ. А помочь каждому не подъ силу. Что̀ тутъ столовая! Тутъ и десятью не накормишь, ничего не подѣлаешь.

Мнѣ пріятно говорить съ милой старушкой и хочется узнать ея мнѣніе о причинахъ настоящаго бѣдствія.

— Какъ же вы думаете, Авдотья Семеновна, чѣмъ вы объясняете себѣ это несчастье?

— Много на него объясненій, милый ты мой, да какъ взяться сказать, что вотъ то ли, другое ли справедливо передъ всѣми и истинное! Господня ли немилость, наше ли нерадѣніе? Пойди, матушка, пойди въ залу играть!—перебиваетъ она самое себя, ласково отстраняя ребенка, и продолжаетъ тотчасъ же съ явнымъ сочувствіемъ: — Не навозимъ, земли выпахиваемъ, земли малыя—положимъ, все оно такъ и есть. Ну, а морозы по какой же причинѣ, я васъ теперь спрошу? Въ іюнѣ мѣсяцѣ, на Варѳоломея апостола—утренники? Благодареніе Богу, шестьдесятъ лѣтъ прожила на свѣтѣ—не бывало этого въ прежніе-то года. Явное дѣло—прогнѣвили Господа. Къ вѣрѣ народъ нерадивъ сталъ, часовни строитъ, въ расколъ совращается.

— Раскольники есть въ вашихъ мѣстахъ?—спрашиваю я.

— Есть и то надо сказать—умножаются съ каждымъ годомъ. Церковь у насъ тутъ, года три тому назадъ, сгорѣла въ селѣ, еще папенькой моимъ покойникомъ строена была, такъ захотѣли крестьяне, пока что̀, до времени, часовеньку постановить. Я, сохрани Боже, ни-ни! Ни за что не соглашусь, говорю. Постано̀вите часовню, заведете безпоповщину, иконамъ святымъ непочитаніе. Нѣтъ ужъ, говорю, послѣдній лоскутъ съ себя совлеку, а храмъ Божій постановлю и изукрашу. И вѣдь какъ бы вы думали, дорогіе вы мои, какъ легко да скоро невидимо подалъ Господь. Сборщиковъ съ разрѣшенія владыки послали, тому-другому написали, въ три года вѣдь соорудили храмъ Господень. Вонъ не угодно ли взглянуть, изъ окошка видать. Ну, сами кое-что постарались насчетъ облаченія изъ своего рукодѣлья. Это ужъ вотъ по ея части. Сестрица, вы что же не покажете своей работы?

Я охотно пользуюсь возможностью встать, чтобы пройти на

балконъ къ пяльцамъ полюбоваться работой, а кстати и видомъ въ садъ.

Старинный цвѣтникъ съ кустами жимолости и воздушнаго жасмина окружаетъ узенькій, старый балконъ. Запущенная аллея ведетъ къ уцѣлѣвшей бесѣдкѣ. Но поддерживать аллеи и бесѣдки становится, очевидно, уже не по силамъ. Все глохнетъ кругомъ и заростаетъ травой, несмотря на попеченія *братца*, который живетъ, оказывается, вмѣстѣ и занимается садоводствомъ.

Зато женская работа—въ своемъ родѣ чудо терпѣнія и искусства. Крохотные шолковые обрѣзочки и лоскуточки подбираются по тѣнямъ, подшиваются особымъ швомъ и образуютъ гирлянды и цвѣты и разнообразныя украшенія на атласномъ фонѣ церковныхъ одеждъ.

— Я совѣтовала сиреневый цвѣтъ, а она вотъ на свой вкусъ выбрала голубой. Выходитъ, кажется, недурно. Какъ же можно, благолѣпіе—великое дѣло! Чѣмъ же и удержать народъ...

Бѣдная старушка! Какимъ убѣжденіемъ звучатъ ея слова! Имъ объясняется терпѣніе въ египетской работѣ, одухотворенной вѣрой въ благолѣпное впечатлѣніе этихъ лоскуточковъ, которыми можно надѣяться „удержать народъ“.

Сѣдой, въ выцвѣвшемъ сюртукѣ, лакей докладываетъ про самоваръ. Мы переходимъ въ залу къ круглому столу.

Изъ дверей смежной комнаты показывается высокая мужская фигура съ подозрительной одутловатостью въ лицѣ и развинченной походкой. Мнѣ представляютъ ее подъ именемъ *братца*, но за все время нашего пребыванія, кромѣ перваго привѣтствія, не удается услыхать звука его голоса.

Это не мѣшаетъ оживленію общаго разговора за столомъ. Темой по прежнему остается положеніе крестьянъ и обсужденіе средствъ помощи.

— Какъ же вамъ пришло въ голову открыть у себя столовую, Авдотья Семеновна?—спрашиваю я.

— Гдѣ же придти! Мнѣ бы самой и не пришло бы никогда. Это вотъ все они—народъ молодой,—говоритъ она, указывая на молодого собесѣдника.—Да ужъ какъ складно и хорошо придумали-то, и сказать нельзя. То, бывало, затормошатъ насъ совсѣмъ: все милостинки, да кусочки, да все въ сухомятку, да все безо времени. А теперь на что же лучше: придутъ, покушаютъ. Маловато оно, правду сказать, да натянуть нѐ-откуда.

Въ деревнѣ, оказывается, есть тифъ голодный,—хотя голода въ буквальномъ смыслѣ и нѣтъ,—но тифъ усилился къ концу года и унесъ уже нѣсколько жертвъ.

— И не страшно вамъ здѣсь? Не боитесь заразиться?—спрашиваю я.

— Что за страхъ! Въ столовую не велимъ ходить изъ больныхъ семействъ, а сами не боимся, лечимъ,—отвѣчаетъ старушка. —Фельдшеръ ѣздитъ, да рѣдко, не поспѣваетъ. Мы своимъ лекарствомъ пользуемъ.

— Гомеопатіей?

— Нѣтъ, такъ, симпатическое есть средство одно: билетцы писать.

— И помогаетъ?

— Кому положено отъ Бога — выздоравливаютъ. Старики больше умираютъ да дѣти.

— Да, вотъ Авдотья Семеновна старается, лечитъ ихъ, помогаетъ имъ, а вы представить себѣ не можете, чтò они — мужики — выдѣлываютъ съ нею!—говоритъ между тѣмъ молодой хозяинъ, спутникъ мой.—Лѣсъ рубятъ, арендныхъ денегъ не платятъ.

— Голубчикъ мой, и платили бы. Платить-то нѐ изъ чего.

— Ну, а лѣсъ воруютъ, вырубаютъ зачѣмъ?

Старушка тревожно передвинулась на своемъ креслѣ

— Что говорить-то! Не вырубятъ, на нашъ вѣкъ хватитъ. Что же мнѣ, по вашему, земскому начальнику теперь ѣхать-жаловаться, что-ли? Нѣтъ, ужъ мы тутъ какъ-нибудь сами по себѣ. Я ихъ не обижаю, они меня не обидятъ. Чайку не прикажете ли? – заключаетъ она, видимо не желая продолжать разговоръ.

На минуту наступаетъ молчаніе.

Шумитъ самоваръ. Канарейки заливаются въ олеандрахъ.

Я сижу и думаю: которую же изъ двухъ сестеръ деревенское общественное мнѣніе отмѣтило названіемъ *благословенной*? эта или другая?

Я скоро рѣшаю про себя вопросъ.

Къ ней ближе жмутся осиротѣвшія дѣти; она появляется безбоязненно, вооруженная симпатическими билетцами въ заражонныхъ избахъ у постели умирающихъ, и благодушно прощаетъ живымъ. Поразительно выраженіе спокойствія въ ея лицѣ, на первый взглядъ незначительномъ по чертамъ. „И найдете покой душамъ вашимъ“... Да, она нашла!

Лицо сестры какъ-то суше и мельче по выраженію, хотя тѣ же привлекательныя улыбка и черты. Сѣрая кошка вспрыгиваетъ къ ней на колѣни и мурлыкаетъ такъ, что слышно на другомъ концѣ стола.

Фигура *братца* одна нарушаетъ идиллію своимъ присутствіемъ, неугасаемой трубкой и упорнымъ молчаніемъ.

Послѣ чаю меня ведутъ въ садъ, во внутреннія комнаты, знакомятъ съ сиротками, показываютъ другія, доконченныя работы.

На лицѣ младшей изъ старушекъ я вижу минутное замѣшательство. Она явно дѣлаетъ усиліе надъ собой и подаетъ мнѣ листъ писчей бумаги съ просьбой взять билетъ въ лотерею въ пользу голодающихъ.

Каково! Проникла и сюда въ мирные уголки лотерейная манія съ приманкой нелѣпыхъ выигрышей и обязательностью сочувствія, измѣряемаго количествомъ взятыхъ билетовъ.

Я беру и читаю листъ.

Наверху крупными, старательно выписанными буквами полудѣтскимъ, полу-старушечьимъ почеркомъ стоитъ:

„Одѣяло мозаикъ разъигрывается въ пользу голодающихъ села Аннина".

Далѣе слѣдуетъ списокъ лицъ, взявшихъ билеты—цѣлый женскій календарь въ ласкательной формѣ: Шурочка—два билета, Маруся, Машура, Милочка...

— Я на Милочкино счастье взяла билетъ,—говоритъ старушка, старательно развертывая передъ моими глазами единственный выгрышъ—мозаику ситцевыхъ лоскутковъ, чтобы представить ее во всемъ великолѣпіи.

— Кто же это Милочка?—спрашиваю я.

— А кошечка. Вы не замѣтили ли давеча въ гостиной? Удивительная, я вамъ скажу, кошечка...

Я не могу не улыбнуться и беру десять билетовъ на рубль, удивляясь удивительнымъ участникамъ и путямъ, которыми выражается иногда участіе къ общественному бѣдствію.

На прощаніе мы обмѣниваемся поцѣлуями по взаимному влеченію и деревенскому обычаю.

Шурочки и Розки провожаютъ насъ на крыльцо.

Отдохнувшія, выкормленныя лошадки подхватываютъ съ мѣста и охотно бѣгутъ домой.

По дорогѣ, миновавъ усадьбу петербургской благотворительницы, мы заѣзжаемъ въ волостное правленіе.

Староста—бѣлобрысый, плюгавый мужичонка съ поклонами объявляетъ намъ, что барыня изъ Питера не изволила еще пріѣхать и до пріѣзда столовую открыть не разрѣшила.

— А скоро ли ждутъ?—спрашиваетъ мой спутникъ.

— Да неизвѣстно-съ.

— Какъ же такъ, братецъ, неизвѣстно? Мнѣ же писали, просили посмотрѣть.

— Да оно точно, что между прочимъ изъ дворни, которые собственно уже здѣсь, пріѣхавши, въ деревнѣ дожидаются, и черезъ экономку былъ наказъ, чтобы для пищи котлы, которые на волѣ, вмазать всенепремѣнно. Отнюдь чтобы кухольнаго духу не было тяжелаго. И чтобы чашки и ложки были на 50 человѣкъ всѣ одна къ одной. Все честь честью желательно,—прибавляетъ онъ уже отъ себя и вздыхаетъ съ набожнымъ выраженіемъ.

— Дамскія причуды! И смотрѣть не хочу,—замѣчаетъ съ гримасой молодой хозяинъ, помогая мнѣ сѣсть и плотнѣе закутываясь въ свой балахонъ.—Кухонный чадъ тяжолъ, скажите на милость! Точно здѣсь петербургская квартира. Да здѣсь этотъ чадъ, я думаю, имъ теперь милѣе всякихъ ароматовъ.

Мы возвращаемся домой къ позднему обѣду и застаемъ передъ крыльцомъ группу бабъ и мужиковъ.

Молодая чета не занимаетъ никакого оффиціальнаго положенія; тѣмъ не менѣе за послѣдній годъ эти группы не переводятся во дворѣ усадьбы, отвлекая хозяевъ отъ хозяйственныхъ и иныхъ занятій. Каждый изъ крестьянъ идетъ съ своей нуждой, разсчитывая на помощь.

— А чѣмъ мы можемъ помочь! Вотъ я битый часъ имъ это толкую, а они не хотятъ понять, не вѣрятъ,—говоритъ на крыльцѣ молодая хозяйка, обращаясь ко мнѣ и указывая на обступившихъ ее со всѣхъ сторонъ мужиковъ.—Ну, понимаете вы, что нѣтъ у него денегъ, больше нѣтъ. Видите, онъ и слушать не сталъ, ушелъ!—прибавляетъ она по адресу мужа, который дѣйствительно выскочилъ изъ экипажа, постоялъ съ минуту, махнулъ рукой и скрылся въ сѣняхъ.

— Были—давали, а теперь нѣтъ. Откуда же ему взять! Ты пойми. Меня что-ли ему для васъ заложить? Такъ вѣдь немного дадутъ,—усмѣхаясь, прибавляетъ она.

Въ толпѣ, за минуту мрачно настроенной, удрученной, раздаются смѣхи и восклицанія.

— Гдѣ много дать! Не дадутъ. Ишь ты тощая, худая какая!

— То-то и есть. Работать крестьянскую работу не умѣю,—продолжаетъ барыня.

— Гдѣ тебѣ работать! Пополоть развѣ. Полосы двѣ выполешь, только и всего.

Я смотрю и любуюсь сердечнымъ тактомъ худенькой женщины. Найдется, или нѣтъ, денежная помощь—это другой вопросъ, но и безъ денегъ она помогла тутъ же, сейчасъ на мѣстѣ ми-

лымъ обращеніемъ, шуткой, вызвавшей хотя бы на минуту улыбку на печальныя лица. Какой ошибкой было бы замѣнить ее постной, удрученной, сочувствующей физіономіей и какъ заразительно бодрящее впечатлѣніе смѣха, вызваннаго кстати и во-время!

Крестьяне явились просить сѣмянъ или денегъ въ долгъ на сѣмена. Время упущено. Сѣять можно только ленъ или гречу. Цѣны поднялись втрое противъ обыкновеннаго.

По счастью, требованія невелики. Дѣло идетъ объ остаткахъ земли, которую „больно жалко оставить впустѣ“, и требованія высчитываются саженями: пять саженъ, семь, четыре.

Общими усиліями удается на этотъ разъ удовлетворить крестьянъ. Они уходятъ успокоенные, а намъ по возвращеніи приходится выслушать строгій выговоръ отъ разсчетливаго хозяина.

— Надѣлали вы намъ хлопотъ. Вѣдь ихъ сюда завтрашній день три деревни привалитъ,—прослышатъ, что деньги раздаютъ. Что же я съ ними буду дѣлать!

— Свалите все на меня. Я уѣхала и деньги увезла съ собой... Очень было жалко. Невозможно не дать.

— Знаю, что жалко, да ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, знаете, тяжело было въ деревнѣ въ нынѣшнемъ году,—говоритъ онъ нервнымъ тономъ, прохаживаясь по комнатѣ.—Деньги, помощь присылались такъ неравномѣрно. Все зависѣло отъ случайныхъ столичныхъ знакомствъ и связей. Въ одномъ участкѣ, глядишь, всего понашлютъ, все есть: деньги, хлѣбъ, одежа, валенки и полушубки. А тутъ же рядомъ, межа съ межой, у другого земскаго начальника—нѣтъ ничего и добиться ничего не можетъ. Пишетъ, пишетъ... Да вотъ хоть бы и я—мало ли тоже писалъ въ Москву, въ различныя редакціи...

Я защищаю знакомые журналы, объясняю молчаніе огромнымъ, по всему вѣроятію, количествомъ писемъ изъ голодающихъ мѣстностей.

— Да, разумѣется, возможно, что было и такъ, но все же представьте себѣ и наше положеніе. Какимъ образомъ могли его истолковать себѣ крестьяне? Рядомъ есть помощь, есть хлѣбъ и деньги, а у меня нѣтъ. Ясно, что я не хлопочу, молчу, не стараюсь. Мнѣ еще, какъ лицу неоффиціальному, это могло быть не поставлено въ большую вину, ну а земскіе начальники...

— Какъ они у васъ тутъ поставили себя?—спрашиваю я.

— Да какъ вамъ сказать! Со всячинкой. Есть и между ними порядочные люди, по-неволѣ попавшіе въ тяжелое положеніе. Семья, дѣти, нужда заставила. Есть, напримѣръ, одинъ, старый уже человѣкъ: былъ вначалѣ мировымъ посредникомъ, потомъ

мировымъ судьей, теперь сдѣлался земскимъ начальникомъ, а крестьяне его кругомъ на 30 верстъ зовутъ „дядей Мишей“, и кѣмъ бы его ни назначили—„дядей Мишей“ онъ для нихъ и останется до конца дней. На его имя приходятъ повѣстки, денежная корреспонденція. Онъ вскрываетъ конверты и, если за мужикомъ недоимки, беретъ изъ полученныхъ денегъ, уплачиваетъ подати, а остальное передаетъ хозяину. Уваженіе, довѣріе къ нему безусловныя. Такой человѣкъ, разумѣется, и въ качествѣ земскаго начальника съумѣетъ поставить себя, но зато спросите: каково ему самому?

— А что?

— Минуты покойной нѣтъ, духу перевести некогда. Интересно, какъ сами крестьяне понимаютъ это положеніе. Приходитъ ко мнѣ тутъ недавно мужикъ, шустрый бестія, смышленый такой, и начинаетъ разсуждать (онъ передразниваетъ мужика).—„Былъ у насъ прежде, говоритъ, мировой судья, былъ непремѣнный членъ—теперь всѣхъ отмѣнили, одного земскаго постановили. Кажется, теперь, ежели бы ему ночи не спать, и то всѣхъ дѣлъ не передѣлать“... Разумѣется, не передѣлать, если мало-мальски добросовѣстно отнестись къ своимъ обязанностямъ. А недобросовѣстный можетъ какъ нельзя лучше вести дѣло спустя рукава. Контроля никакого. Поди—доберись до него кто-нибудь здѣсь, въ медвѣжьемъ углу!

— До насъ доходили слухи о злоупотребленіяхъ при распредѣленіи пожертвованій,—замѣчаю я.

— Что же, спорить не стану, возможно и это. У себя по сосѣдству не знаю, не рѣшился бы указать, а вообще слухи были, и вѣроятно не безъ основанія.

— Да вѣдь всѣ же мы отчеты должны представить въ комитетъ,—возражаетъ горячо молодая распорядительница.

— Ахъ, матушка, если хочешь, я тебѣ такой отчетъ напишу, что самъ въ умиленіе приду—и не выходя вотъ изъ этого кабинета. Имя и отчество каждаго мужика проставлю и подробное росписаніе, какъ и на что̀ распредѣлены деньги, а *сколько* распредѣлено и *всѣ* ли распредѣлены—какъ ты меня можешь учесть?

— Ну, можно пріѣхать въ деревню, разспросить мужиковъ,—замѣчаетъ молодая женщина.

— И это ни къ чему не поведетъ, не говоря уже о томъ, что способъ самый неосновательный. Довольны или недовольны мужики? Это ровно ничего не доказываетъ. Ты думаешь, нами они довольны? Сомнѣваюсь. „Вы—наши отцы, мы—ваши

дѣти"—все это такъ, слыхали мы. А вотъ почему въ Названовкѣ зимой полушубки, а теперь кафтаны раздаютъ, а у насъ нѣтъ—этого они никогда не поймутъ и намъ не простятъ.

— Чѣмъ все это разрѣшится?—говорю я.

— Надо думать, что на этотъ разъ не одними разсужденіями и описаніями. Легко было писать, а прожить нынѣшнюю зиму... —краска выступила на молодомъ, энергичномъ лицѣ.—Вѣдь и наши поля въ томъ же положеніи, и урожай былъ такой же, съ тою разницей, что помощи ждать нѐ-откуда... Да, вотъ бросилъ службу, вздумалъ заниматься хозяйствомъ, жалко было „землю оставить впустѣ", какъ они говорятъ, хотѣлось обезпечить дѣтей. А пожалуй сдѣлалъ глупость, въ которой придется раскаяться... Впрочемъ, что же это мы такой унылый разговоръ ведемъ для послѣдняго вечера!—спохватившись, прерываетъ онъ самъ себя и подходитъ ко мнѣ.—Вы рѣшительно ѣдете завтра?

— Рѣшительно... Разговоръ очень интересный для меня, но боюсь, что опять приведетъ васъ въ дурное расположеніе духа, а я этого не хочу на прощаніе.

— А какъ же, вы хотѣли ѣхать смотрѣть нашу княгининскую Швейцарію?

— Нужно оставить что-нибудь до другого раза. Представьте, мнѣ все кажется, что „послѣ этой встрѣчи мы снова встрѣтимся какъ старые друзья"... Да, кстати! Прочитайте намъ ваши стихотворенія. Помните, вы обѣщали?

Въ переплетенной тетрадкѣ, вынутой изъ ящика письменнаго стола, оказываются премилыя вещицы въ Фетовскомъ родѣ, полулирическія, полу-описательныя, съ живымъ чувствомъ природы, выкупающимъ недостатки риѳмъ.

Этимъ чтеніемъ и бесѣдой по поводу него заканчивается нашъ послѣдній вечеръ.

Раннимъ утромъ я прощаюсь съ милой семьей. Дѣти—трое старшихъ и маленькій съ няней—садятся въ экипажъ и провожаютъ меня до поворота.

За рощей я поднимаюсь, держась за козлы, чтобы взглянуть еще разъ...

Благословенны будьте вы навсегда, тихіе уголки! Тяжелый годъ не измѣнилъ того, что̀ было лучшаго въ васъ. Тяжелый годъ миновалъ, но пусть останутся навсегда завѣты гостепріимства и радушной простоты, которымъ нѣтъ цѣны во всѣ времена, до тѣхъ поръ, пока волею судебъ странствуютъ одинокіе путники и не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ.

IV.

И опять потянулись по сторонамъ перемежающіяся полосы дозрѣвающихъ хлѣбовъ, опять верстовые столбы, тесовыя и соломенныя крыши, овраги и пригорки подъ яркимъ солнцемъ, знойнымъ съ утра.

Въ нижегородской губерніи существуетъ трогательный обычай ставить на поляхъ, на перекресткахъ, на выѣздѣ изъ села такъ называемыя *часовеньки*, которыми отличаются русскія деревни отъ татарскихъ, уже попадающихся въ здѣшней мѣстности.

Это крохотные ящички, величиною немногимъ больше скворешника, покрытые двускатной крышей съ крестомъ наверху и поставленные на столбы въ вышину человѣческаго роста, такъ что можно заглянуть внутрь. А внутри помѣщается образокъ Божіей Матери, или кого-нибудь изъ угодниковъ съ кусочкомъ полотна, украшеннаго нашитымъ крестомъ. Издалека видны бѣлые лоскутки, развѣвающіеся по вѣтру, и деревянные кресты, осѣняющіе поля. Земля обработана превосходно по сравненію съ московской губерніей и напоминаетъ южную Францію или католическія мѣстности Баваріи, гдѣ также любятъ ставить въ поляхъ часовни и кресты.

Я пріѣзжаю въ Княгининъ засвѣтло, до заката солнца, и остаюсь ночевать, несмотря на то, что слышу самыя успокоительныя увѣренія относительно безопасности путешествія: все обстоитъ благополучно, никакихъ случаевъ на дорогахъ, ни усилившагося воровства въ деревняхъ. Вѣрю, что оно такъ, но въ самомъ фактѣ путешествія на чужихъ лошадяхъ съ незнакомымъ ямщикомъ есть уже своя волнующая сторона. Я чувствую себя усталой отъ ѣзды, усталой отъ впечатлѣній. Хочется побыть одной, и мнѣ по душѣ обстановка, располагающая къ отдыху и одиночеству.

Представьте себѣ зеленый городокъ, сплошь заросшій по улицамъ муравой, засаженный садами съ яблонями и вишневыми деревьями, и гдѣ на главной площади въ десять часовъ вечера безбоязненно и безпрепятственно раздается хоровая пѣсня—первая и единственная, которую мнѣ пришлось услыхать за два мѣсяца пребыванія въ голодающихъ губерніяхъ.

Изъ окна гостиницы, гдѣ я остановилась, не видать пѣвцовъ, но слышны слова и напѣвъ. Свободно разносятся въ вечернемъ, затихнувшемъ воздухѣ молодые, сильные голоса. Бѣлый соборъ облитъ луннымъ сіяніемъ. Ночь тепла. Темная, широкая масса

у ограды внизу отливаетъ мѣднымъ отблескомъ и теряется въ тѣни.

Присматриваюсь и не могу разглядѣть; выхожу и вижу колоколъ, приготовленный къ поднятію на подставкѣ изъ сложенныхъ бревенъ, къ которымъ онъ привязанъ металлическимъ канатомъ съ висячимъ замкомъ. Наверху надпись выпуклыми буквами. Ее можно прочитать при свѣтѣ мѣсяца:

Благовѣствуй землѣ радость велію,
Хвалите небеса славу Божію.

Радость!.. Какъ хорошо сказано! Какъ она нужна теперь этой бѣдной землѣ!..

Изъ какихъ мелочей складывается жизнь! Почему вотъ я возвращаюсь въ свою комнату умиленная и растроганная? Чтò это—усталость съ дороги или пѣніе, расходившіеся нервы?..

Долговязый малый, въ полинялой красной рубахѣ, стелетъ мнѣ на диванѣ полосатую розовую простыню.

Во снѣ потомъ я слышу голоса, пѣніе и вижу мѣдными, выпуклыми буквами: „благовѣствуй землѣ радость велію"... и чувствую ее въ своемъ сердцѣ.

V.

Лысково во всемъ—противоположность Княгинину.

Въ Княгининѣ можно жить, въ Лысковѣ жить нельзя: можно наживаться.

Никакихъ приспособленій къ жизни въ видѣ садовъ, палисадниковъ или хотя бы отдѣльно торчащихъ ветелъ, какія попадаются въ самыхъ убогихъ деревняхъ, нѣтъ здѣсь—и ясно, что не для чего имъ быть, потому что они ни для чего и ни для кого не нужны. Не тотъ строй и ходъ жизни, не тѣмъ живетъ населеніе, не того требуется ему.

Сѣрый слой высохшаго, размельченнаго подъ колесами и копытами навоза покрываетъ на вершокъ площади, улицы и переулки. На базарѣ—кучи сора, накопленныя съ зимы. Крутыя, тесовыя крыши безъ коньковъ и украшеній (они также ни для кого не нужны) покрываютъ жилища—не дома и не избы, безъ плетней и дворовъ, но зато съ вывѣсками въ два цвѣта чуть не черезъ каждые три дома. Возы съ хлѣбомъ, безконечные возы съ сѣномъ, съ мукой, пустыя телѣги, громыхающія на скаку разогнанныхъ во всю прыть, заморенныхъ лошаденокъ. Пыль и вонь. Пьяныя пѣсни и пьяные голоса изъ оконъ подъ вывѣсками...

Все мнѣ здѣсь омерзительно, и я думаю только объ одномъ: какъ можно скорѣе найти лошадей и выбраться отсюда. Приходится тѣмъ не менѣе остановиться въ гостинницѣ, чтобы пообѣдать, расплатиться съ однимъ и договориться съ другимъ ямщикомъ.

На лѣстницѣ—широкой, но такой крутой, какими бываютъ лѣстницы на северныхъ чердакахъ и въ страшныхъ снахъ, когда душитъ кошмаръ — меня обступаетъ полчище ямщиковъ всѣхъ возрастовъ и видовъ. Я выбираю худощаваго старика съ сѣдой бородой, внушающей мнѣ болѣе довѣрія, и къ негодованію своему черезъ полчаса застаю на козлахъ моего тарантаса, въ который сложены уже всѣ мои вещи, рыжаго парня съ лицомъ, не внушающимъ никакого довѣрія и глупо улыбающагося на всѣ мои протесты. Оказывается, что я договорилась съ отцомъ, и отецъ передалъ меня сыну, отправившись пропивать въ кабакѣ полученный въ задатокъ рубль.

Кругомъ толпится народъ, равнодушный къ моему негодованію и моей дальнѣйшей судьбѣ.

Остается покориться ей, сѣсть и ѣхать, пока свѣтло. До Сакурова 18 верстъ. Я и такъ опоздала, задержавшись въ Княгининѣ, и, перепутавъ число, ошиблась на цѣлый день.

Нужно ѣхать и быть спокойной; главное, ни въ какомъ случаѣ не выказывать боязни. Это прежде всего. Да и чего бояться! Вѣдь не пустыню Сахару будемъ мы проѣзжать съ этимъ рыжимъ, подозрительнымъ ямщикомъ, хотя минутами кажется, что и въ пустынѣ Сахарѣ было бы легче чувствовать себя, только бы не быть одной.

Понемногу ѣзда, смѣняющіеся виды и запахъ поспѣвающей ржи—чудный ароматъ, съ которымъ можетъ сравниться только запахъ моря,—развлекаютъ меня и заставляютъ забыть тревожныя мысли. Въ самомъ дѣлѣ: чего бояться, когда такъ хорошо!

Такихъ полей я еще не встрѣчала нигдѣ. Ровной, темной, синѣющей волной переливаются они и стоятъ въ вышину человѣческаго роста. Наконецъ-то урожай несомнѣнный! Теперь уже недолго, можно разсчитывать навѣрное. Будетъ надъ чѣмъ потрудиться жнецамъ.

Восклицаніе одобренія, вырвавшееся у моего возницы, примиряетъ меня съ нимъ, и мы благополучно довершаемъ нашъ путь.

На вопросъ: гдѣ живутъ барышни, завѣдующія столовой, намъ указываютъ двухъ-этажный домикъ, выкрашенный голубою краской, съ пестрыми украшеніями надъ окнами и по угламъ.

Какъ это бываетъ иногда, неодолимая застѣнчивость вдругъ, въ послѣднюю минуту, овладѣваетъ мной. Безпокойные вопросы шевелятся въ умѣ: что̀ я имъ скажу? Чего ради появлюсь у нихъ? И Богъ знаетъ, съ какою цѣлью; онѣ — сами пріѣзжія —устроились здѣсь, и будетъ ли удобно для нихъ появленіе чужого лица вечеромъ, когда самъ собою является вопросъ о ночлегѣ, объ ѣдѣ? Въ сущности я даже не знаю, какъ назвать, какъ спросить про тѣхъ, къ кому я ѣду. *Самуровскія барышни* —что это такое? Фамилія или мѣстное прозвище? И съ чего я начну, съ какими словами обращусь къ нимъ?

Въ окнѣ верхняго этажа мелькаютъ двѣ женскія головки, слышатся сбѣгающіе молодые шаги, и черезъ минуту объясненіе кончено. Я не съумѣла бы повторить его, но ясно, что оно удовлетворило тѣхъ, къ кому было обращено.

Мы поднимаемся по лѣстницѣ.

Рыжій ямщикъ ждетъ моихъ приказаній внизу и высказываетъ желаніе такъ же благополучно доставить меня обратно на другой день. Въ волненіи я забываю подозрительную физіономію и соглашаюсь на условія.

Черезъ часъ мы сидимъ втроемъ въ маленькой комнатѣ за столомъ—такимъ маленькимъ, что самоваръ нужно поставить отдѣльно на табуретъ — и внимательно присматриваемся другъ къ другу.

Обѣ барышни очень молоды.

Одна—плотная, бѣлокурая дѣвушка, съ здоровымъ видомъ и пріятнымъ, хотя и черезъ-чуръ круглымъ лицомъ. Другая—необыкновенно миловидная, худенькая и темноволосая, съ возбужденнымъ и трогательнымъ выраженіемъ, какое бываетъ у людей, недавно оправившихся отъ тяжелой болѣзни. Она дѣйствительно только-что перенесла тяжелую форму воспаленія легкихъ, и поправленіе шло медленно, при неблагопріятныхъ условіяхъ.

И та, и другая изъ Петербурга и сошлись только здѣсь, на мѣстѣ, проживъ неразлучно и одиноко въ деревнѣ съ начала декабря. Раньше онѣ мало знали другъ друга. Старшая окончила на фельдшерскихъ курсахъ, младшая была на бестужевскихъ, но они не удовлетворяли ее, и она мечтала также сдѣлаться фельдшерицей.

Въ продолженіе разговора мало-по-малу исчезаетъ впечатлѣніе неловкости и стѣсненія, произведенное неожиданностью моего появленія. Я не замѣчаю при этомъ провинціальной словоохотливости, которую выказываютъ обыкновенно люди, давно не видавшіе свѣжаго человѣка и живущіе въ глуши. Напротивъ: обѣ

дѣвушки очень сдержанны. Я называю нѣсколькихъ общихъ знакомыхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; оказываются общіе знакомые на курсахъ въ Петербургѣ, и понемногу ледъ растаиваетъ.

Къ удивленію, свѣденія, полученныя мною въ Нижнемъ, оказываются невѣрными.

Я объясняю, что главной причиной моего пріѣзда было желаніе придти на помощь къ нимъ, такъ какъ всѣ въ Нижнемъ были увѣрены, что у нихъ не хватило денегъ и дѣла были въ затруднительномъ положеніи.

— О, нѣтъ! Это было только одно время, когда мы вздумали покупать лошадей и не могли купить для всѣхъ, кому было нужно весной. Мы тогда писали въ Нижній и просили, если можно, помочь и прислать денегъ. Но столовыя съ перваго же времени были обезпечены до конца. Мы открывали ихъ одну за другой только тогда, когда были увѣрены, что у насъ хватитъ, чѣмъ прокормить до новаго урожая. Иначе было бы невозможно. Начать, обнадежить—и бросить потомъ! Это было бы непростительно, — говоритъ съ серьезнымъ лицомъ бѣлокурая дѣвушка и привѣтливо угощаетъ меня чаемъ.

— А сколько всего столовыхъ вы открыли въ этой мѣстности?—спрашиваю я.

— Восемь и двѣ хлѣбопекарни. На бо̀льшее число не хватило бы средствъ, да и трудно присматривать было бы самимъ. А оставить безъ присмотра нельзя.

— Что̀ же, очень было печально? Въ какомъ положеніи вы здѣсь застали народъ?—продолжаю я свои разспросы.

— Да почти въ томъ же, въ какомъ онъ и теперь. Вѣдь мы можемъ кормить только больныхъ, дѣтей и стариковъ. Остальные перебиваются сами, какъ могутъ. Пособіе получаютъ немногіе. Счастье въ томъ, что урожай будетъ необыкновенно хорошъ въ нынѣшнемъ году. Это поддерживаетъ всѣхъ, а иначе плохо было бы совсѣмъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узнаю, что обѣ барышни попали въ Самурово случайно. Поѣхали изъ Петербурга, потому что *не могли больше слышать того, что дѣлалось по деревнямъ*, и думали, что могутъ помочь въ чемъ-нибудь. Добравшись до Нижняго, онѣ явились къ губернатору; онъ принялъ любезно, не спросилъ даже фамиліи, а прямо указалъ, куда ѣхать. Онѣ въ тотъ же день выѣхали и вотъ доживаютъ на мѣстѣ безвыѣздно седьмой мѣсяцъ. Квартиру нашли у богатаго мужика, который *даромъ* уступилъ имъ свѣтелку въ своей двухъ-этажной избѣ, въ видѣ жертвы на доброе дѣло. Помѣщиковъ кругомъ не

живетъ ни души; крестьяне же приняли ихъ вообще сочувственно, хотя были и исключенія. Находились старухи, которыя ни за что не хотѣли не только ходить въ столовыя, но даже ѣсть жертвованный хлѣбъ, считая ихъ слугами антихриста. Это особенно усилилось одно время, когда онѣ начали учить грамотѣ дѣтей. Школы нѣтъ на нѣсколько верстъ кругомъ. Понемногу, однако, все затихло, успокоилось само собой, нѣсколько дѣвочекъ выучились читать, а онѣ остаются въ наилучшихъ отношеніяхъ съ населеніемъ.

— Скучно было, я думаю, и трудно помѣщаться здѣсь зимой,—говорю я, оглядывая оригинальное помѣщеніе.

По стѣнамъ стоитъ мебель — два стула мягкихъ и кресло, обитое ситцемъ, и рядомъ—бѣлый деревянный столъ и табуретъ; стѣны выбѣлены, а полъ некрашенный. Изъ-за тонкой перегородки доносится звукъ посуды и голоса хозяйской семьи.

— Холодно было,—отвѣчаетъ мнѣ больная дѣвушка, слегка покашливая и кутаясь въ платокъ. — Хорошо было то, что хозяинъ попался отличный человѣкъ. Совсѣмъ особенный человѣкъ, —съ оживленіемъ поясняетъ она.—Представьте себѣ—торгуетъ хлѣбомъ, по профессіи „кулакъ", выстроилъ себѣ домъ и деньги, вѣроятно, скопилъ, а въ то же время помогаетъ своимъ и самъ добродушный, простой, любитъ выпить и любитъ ребятъ. Впрочемъ, вы его увидите завтра.

Но до завтрашняго дня меня начинаетъ безпокоить мысль о сегодняшней ночи. Какимъ образомъ размѣстимся мы здѣсь, въ крохотной комнаткѣ, втроемъ, гдѣ на всѣхъ трехъ одинъ деревянный диванъ на подобіе садовой скамьи! Въ моемъ умѣ начинаютъ появляться предположенія о ночлегѣ въ тарантасѣ, въ хозяйскомъ сѣновалѣ, если онъ есть.

Меня пугаетъ только одна мысль: въ чемъ-нибудь помѣшать, доставить затрудненіе милымъ дѣвушкамъ, которыя кажутся мнѣ все болѣе и болѣе привлекательными.

Мы втроемъ убираемъ и разставляемъ по мѣстамъ принадлежности чайнаго хозяйства, корзиночку съ яйцами, табуретъ и самоваръ.

При передвиженіи положеніе выясняется.

За перегородкой у дверей другая комнатка, занятая во всю величину отъ одной стѣны до другой некрашенной, бѣлой кроватью и соломеннымъ тюфякомъ. На ней устроиваются обѣ подруги въ тѣ дни, когда приходится оказывать гостепріимство кому-нибудь изъ пріѣзжающихъ. Мнѣ предоставляютъ диванъ. Вопросъ

о ночлегѣ рѣшонъ, но до сна мы еще разъ присаживаемся къ окну. Разговоръ продолжается.

Я разспрашиваю о столовыхъ и думаю о другомъ. Мнѣ интересны сами по себѣ эти два юныя существа. Чтò онѣ представляютъ собой? Я мало знаю современное молодое поколѣніе. Какія у нихъ мысли и мечты и планы будущей дѣятельности и личнаго счастья?

Отвѣты относительно хозяйства въ столовыхъ поражаютъ меня своей точностью. Все вычислено въ рубляхъ и копѣйкахъ, въ скоромные и постные дни, всѣ цифры сохраняются въ памяти. Въ общемъ получено въ разное время и истрачено болѣе 6.000 рублей. До слуха моего доходятъ разсужденія о процентномъ содержаніи жировыхъ и бѣлковыхъ веществъ. Для доставленія послѣднихъ голодающимъ, оказывается необходимымъ ѣздить въ Лысково нарочно въ базарные дни за икрой, которая покупается въ похлебку пудами для замѣны мяса постомъ.

— Это простая, красная икра, — объясняютъ на мое замѣчаніе о дороговизнѣ мои собесѣдницы.—Она не дорога, хотя, разумѣется, въ общемъ выходитъ немного дороже. Но что же дѣлать! Иначе было бы непитательно, а они здѣсь и безъ того истощены.

— А чѣмъ же вы сами питаетесь здѣсь? — спрашиваю я, глядя на худенькое лицо одной изъ нихъ, на ея узкую руку, на которую она оперлась, повернувшись въ профиль къ окну.

Вопросъ мой вызываетъ нѣкоторое смущеніе. Изъ отвѣтовъ я могу понять, что никакого правильнаго режима нѣтъ, обѣда не варятъ, и происходитъ ѣденіе въ сухомятку, въ неопредѣленные часы, съ чаепитіемъ, замѣняющимъ все другое.

— Позвольте, но вѣдь это непростительно!—говорю я, чувствуя въ себѣ приливъ почти негодованія за это неумѣніе устроиться, наладить по-человѣчески свою жизнь, чтобы не растрачивать даромъ силъ, необходимыхъ хотя бы для служенія интересамъ тѣхъ же голодающихъ. Американскія дѣвушки ужъ конечно съумѣли бы устроить нужное для другихъ, не отказывая въ необходимомъ также и себѣ. Иначе это вѣдь значитъ жечь свѣчку съ обоихъ концовъ. И къ чему же это можетъ привести! Я съ большимъ жаромъ излагаю свою философію, иллюстрируя ее примѣрами всевозможныхъ національностей.

Обѣ барышни защищаются и оправдываются.

— Вы напрасно думаете! мы также много хлопотали вначалѣ, но пришлось помириться, потому что ничего сдѣлать нельзя.

— Помилуйте, да развѣ хозяйка ваша, напримѣръ, не могла

бы приготовить вамъ какіе-нибудь щи, зажарить кусокъ мяса? Что нибудь горячее...

— Мы просили, пробовали. Но, во-первыхъ, она часто бываетъ занята, а во-вторыхъ, готовитъ такъ неопрятно, что бывало невозможно заставить себя проглотить ея стряпню. Вообще народъ здѣсь неопрятный, живутъ грязно и тѣсно. Провизію трудно найти.

— Но все же невозможно такъ! Помилуйте, семь мѣсяцевъ на сухояденіи!—продолжаю я изливать негодованіе.—Въ такомъ случаѣ нужно было купить керосиновую кухню и готовить самимъ.

— Да, это удобнѣе.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

Я не слышу отвѣта.

— Она стоитъ недорого, какихъ-нибудь три-четыре рубля.

— Да, но если ихъ нѣтъ...

Разговоръ обрывается самъ собой.

Бѣлокурая фельдшерица часто улыбается привѣтливой и ясной улыбкой; она вѣрно сослужитъ ей службу въ будущей практикѣ. Я вижу выраженіе нѣжности и жалости въ ея глазахъ въ то время, какъ она, улыбаясь, смотритъ на больную подругу и говоритъ.

— Тяжело было во время болѣзни ея. Тутъ ужъ приходилось по-неволѣ бѣгать къ нимъ, кипятить молоко, жарить говядину. Ну, а теперь ничего, слава Богу, поправилась. Молоко здѣсь отличное.

— Ну и что же еще: молоко, яйца?—спрашиваю я.

— Да, и хлѣбъ. Вы пробовали давеча? Это американскій. Очень хорошъ и бѣлѣй нашего, только чуть-чуть горьковатый на вкусъ. Пекутъ его здѣсь въ чашкахъ...

Но я не слушаю, какъ пекутъ хлѣбъ. Мнѣ разсказываютъ съ увлеченіемъ о больныхъ и успѣхахъ въ леченіи, о временной больничкѣ, устроенной въ избѣ тутъ же въ селѣ. Мою разсѣянность приписываютъ усталости, и мы расходимся, пожавъ другъ другу руки.

Я тушу лампу и ложусь на свой диванъ, но черезъ минуту встаю и отворяю окно.

Поздно, первый часъ. Длиннымъ, чернымъ, зубчатымъ рядомъ тянутся передъ окномъ избы огромнаго села. Ни въ одной нѣтъ огня. Все заснуло кругомъ, а я спать не могу. Отчего?

Я чувствую себя взволнованной и возбужденной, какою давно не была. Мнѣ хочется ходить по комнатѣ, жестикулировать и го-

ворить, говорить... Но и не двигаясь съ мѣста, и съ сжатыми губами, я веду разговоръ, горячій споръ съ невидимымъ противникомъ, заранѣе торжествуя побѣду надъ нимъ.

Кто онъ — я не знаю. Это—собирательное существо, воплощающее въ себѣ сужденія и рѣчи, когда-то слышанныя, газетные отзывы, журнальныя статьи, гдѣ-то читанныя. Въ эту ночь, изъ этого окна мнѣ хочется закричать такъ, чтобы слышно было всѣмъ далеко вокругъ:

— Ага! Что! Убѣдились вы! Видите вы теперь!?.. Вы обвиняли молодое поколѣніе въ отсутствіи идеаловъ, въ эгоизмѣ и безсердечности. Вы говорили, что наше время—не героевъ, что нѣтъ больше героевъ и героинь. Ложь! Неправда! Есть они. Есть, милостивые государи и милостивыя государыни! Есть, господа! Вы не тамъ ихъ искали и хотѣли найти. Вотъ они!...

До меня доносится слабое, затрудненное дыханіе больной.

Здѣсь, въ этой маленькой комнатѣ жили онѣ, тихо и безшумно дѣлая свое большое дѣло. Простятъ ли онѣ мнѣ теперь, если случайно прочтутъ и узнаютъ себя подъ, ничего не говорящимъ для другихъ псевдонимомъ „самуровскихъ барышенъ“?

Права ли я въ томъ, чтò я говорю? Должна ли была я молчать?

Найдутся люди, для которыхъ слова мои будутъ такимъ же бодрящимъ, радостнымъ откровеніемъ, какимъ были сами онѣ въ ту минуту для меня. Въ нашъ вѣкъ банковскихъ дѣльцовъ и банковскихъ краховъ, — двѣ бѣдныя дѣвочки располагаютъ безконтрольно тысячами общественныхъ денегъ и не рѣшаются истратить трехъ рублей, *„если ихъ нѣтъ“*, не находя достаточнымъ для компромисса болѣзнь, плохія условія питанія, съ великодушной неразсчетливостью молодости затрачивая силы, которыхъ, можетъ быть, не придется вернуть. И пусть мнѣ не говорятъ, что жертва невелика и не заслуживаетъ громкаго названія. Героизмъ будничный, внутренній, тихая дѣятельность безъ блеска и эффектныхъ позъ... Какъ хочешь называй розу—она не утратитъ своего благоуханія.

VI.

Плохо спалось на новомъ мѣстѣ, и просыпаюсь я раньше другихъ.

Меня радуетъ безукоризненный порядокъ, который я замѣчаю во всемъ. Мои героини—носительницы культуры въ истинномъ ея значеніи, въ примѣненіи ея къ незамѣтнымъ, непоказнымъ мело-

чамъ ежедневнаго обихода, въ которомъ она прививается туже и медленнѣе всего. Невозможность истратить три рубля на предметъ первой необходимости сказывается и во всемъ остальномъ, въ подробностяхъ скромнаго туалета и бѣдной обстановки, и тѣмъ не менѣе ничто не возбуждаетъ брезгливаго ощущенія, которое столько разъ приходилось испытывать при переходѣ изъ расфранченныхъ гостиныхъ во внутренніе покои любой, якобы образованной семьи.

Къ моему огорченію хозяинъ дома уѣзжаетъ на мельницу. Мнѣ не удается познакомиться съ нимъ.

Я спускаюсь внизъ и осматриваю домъ.

Нижній этажъ занимаетъ лавка и подвалъ съ желѣзными дверями, съ оригинальными рисунками и надписями на дверяхъ. На одной изображенъ великолѣпный левъ съ голубымъ хвостомъ и надписью: *зачѣмъ въ подвалъ ходить, коль вамъ весьма опасно!* На другой большими, яркими буквами стоитъ: *никто мнѣ не указчикъ, я самъ староста прикащикъ.*

Кругомъ ни прутика.. Въ крапивѣ валяется старый лапоть; за плетнемъ картофель и огородъ. Нерадостно провести здѣсь лѣтній сезонъ.

Понемногу подходятъ больные. Женщина съ ребенкомъ пришла изъ дальней деревни съ жалобой на старосту, который не пускаетъ ходить въ столовую.

Всѣхъ принимаютъ и разбираютъ немедленно, до чаю. Мы пьемъ чай у открытаго окна, и вечерняя бесѣда возобновляется на этотъ разъ съ бо̀льшей непринужденностью. Жаль, что мало времени и нужно торопиться. Прислуги нѣтъ, кромѣ хозяйской работницы, и всю домашнюю работу приходится дѣлать самимъ. День наполненъ разнообразными занятіями, такъ что почти не остается свободнаго времени. Нѣсколько разъ въ недѣлю необходимо ѣздить за провизіей въ Лысково, въ дальнія столовыя, слѣдить за порядкомъ и разбирать возникающія недоразумѣнія. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ весной въ половодье, когда пришлось тонуть и идти пѣшкомъ по поясъ въ водѣ, было схвачено воспаленіе, нарушившее обычный ходъ жизни. Необходимо было выписывать доктора изъ Лыскова и забросить занятія, но все прошло и жизнь вошла въ обычную колею.

Самуровская столовая—одна изъ самыхъ большихъ и ее посѣщаютъ по возможности часто. На этотъ разъ мы отправляемся вмѣстѣ. Меня сопровождаетъ больная, хорошенькая дѣвушка.

Я иду, радостно любуясь ею. Что-то свѣтлое голубое, очевидно самодѣльное и безконечно милое на этомъ миломъ, граці-

озномъ существѣ. Днемъ онѣ обѣ кажутся мнѣ еще болѣе привлекательными.

Мы приходимъ раньше времени, но въ столовой кипитъ уже дѣятельность. Груды хлѣба занимаютъ весь уголъ избы, за перегородкой у печи. Меня поражаетъ правильный размѣръ кусковъ. Вѣсы есть, но вѣшаютъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Рука съ ножемъ приноровилась почти съ машинною правильностью отрѣзать фунтовые ломти. Въ русской печи нѣсколько котловъ съ варевомъ. Пекутъ хлѣбъ и варятъ пищу въ разныхъ избахъ—иначе не поспѣть по времени и не выдержать печи постояннаго огня. Обѣдаютъ нѣсколькими партіями. Хозяйка и ея семья прислуживаютъ за столомъ, получая за хлопоты обѣдъ на всю семью.

Другъ за другомъ собираются въ избу дѣти, подростки, старики и повидимому нерѣдкое дополненіе комплекта—два деревенскихъ дурачка. Передъ обѣдомъ встаютъ, крестятся, обѣдаютъ въ чинномъ порядкѣ и расходятся съ выраженіями благодарности.

— Благодаримъ, барышни! Спасибо за хлѣбъ, за соль, родимыя!

Похлебка съ икрой безъ малѣйшаго сравненія лучше всего, чт͡о мнѣ приходилось пробовать во всѣхъ столовыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Я хвалю ее моей спутницѣ, говоря, что предпочла бы ее въ крайнемъ случаѣ сухояденію.

— Да, вотъ въ этомъ и сказывается разница между нами;—отвѣчаетъ она.—Они ѣдятъ ее постоянно и не нахвалятся, а мнѣ теперь опротивѣлъ самый запахъ икры, и я не въ состояніи проглотить ее. Я нахожу, впрочемъ, что въ общемъ у насъ кормятъ лучше, чѣмъ въ Лысковѣ.

— А развѣ тамъ также есть столовая?

— Есть, но совсѣмъ другого характера. Народъ тамъ больше пришлый, рабочій, и обѣдающіе мѣняются. Здѣсь совѣстится и ни за что не пойдетъ въ столовую взрослый, здоровый мужикъ. А тамъ все напоминаетъ въ общемъ поминальный обѣдъ гдѣнибудь въ большомъ городѣ.

— Необыкновенно непріятное мѣсто,—замѣчаю я.

— Да, мы сами не любимъ его и ѣздимъ только по необходимости.

— А мнѣ, однако, пора возвращаться и ѣхать именно туда. Вечеромъ я поспѣю еще на пароходъ.

— Жарко будетъ ѣхать. Вамъ бы лучше подождать, остаться до вечера.

Но я тороплюсь, потому что боюсь вечера и не хочу ночевать въ гостинницѣ.

Возница мой находится не безъ труда и подаетъ къ крыльцу свою разномастную пару въ веревочной упряжи.

На прощаніе мнѣ хочется поцѣловать милыхъ дѣвушекъ, но я во-время удерживаюсь, вспоминая, что это не въ нравахъ у нынѣшней молодежи.

Мы обмѣниваемся крѣпкимъ рукопожатіемъ.

Я повторяю приглашеніе непремѣнно быть у меня, желая этого отъ всего сердца. Въ продолженіи знакомства нѣтъ, повидимому, ничего невозможнаго. Обѣ подруги рѣшили остаться въ Самуровѣ еще мѣсяцъ до новаго урожая и минованія надобности, а затѣмъ одна думаетъ искать мѣста въ земствѣ, а другая —поступить на фельдшерскіе курсы.

Голубой домикъ на поворотѣ быстро скрывается изъ глазъ моихъ. Ни одна собака, какъ бывало прежде, не встрѣчаетъ лаемъ и не провожаетъ при выѣздѣ изъ деревни. Никто не желаетъ болѣе держать лишнихъ претендентовъ на ѣду, и я не могу представить себѣ, что̀ могло испугать лошадей, когда и за околицей онѣ продолжаютъ нести съ бѣшеной быстротой, приводящей меня въ отчаяніе.

Я окликаю ямщика и приказываю ѣхать тише, но онъ не слушаетъ меня. Тарантасъ прыгаетъ по колеямъ, наклоняется и каждую минуту готовъ перевернуться вверхъ колесами. Дорожныя вещи изъ передка перевалились на сидѣніе и за спину. Я возвышаю голосъ, подымаюсь къ козламъ и дергаю кучера изъ всѣхъ силъ сзади, за рукавъ, за поясъ.

На ѣздѣ, все также гоня лошадей, онъ поворачиваетъ ко мнѣ голову, и я замѣчаю по лицу, что онъ совершенно пьянъ.

Сердце сжимается отъ ужаса. Предчувствіе не обмануло меня. Не даромъ съ первой минуты внушала мнѣ недовѣріе эта рыжая, отвратительная физіономія. Но, однако, что же дѣлать теперь? Онъ не видитъ дороги, тарантасъ валится, лошади разобьютъ сейчасъ...

Замирая отъ страха и напрягая голосъ, чтобы заглушить стукъ и грохотъ, я громко говорю, что не дамъ ему ни копѣйки на чай, если онъ будетъ гнать лошадей, что не люблю скорой ѣзды...

Увѣщаніе дѣйствуетъ.

Онъ сдерживаетъ расходившихся, взмыленныхъ клячъ, колеса попадаютъ въ колеи и бѣшенная скачка прекращается.

И все же я не могу успокоиться. Такъ ли мы ѣдемъ? Я не знаю дороги. Вспомнитъ ли онъ ее въ пьяномъ видѣ? Наканунѣ вечеромъ мы не разъ спрашивали проѣзжающихъ, но теперь, въ

самый жаръ не ѣдетъ никто, дорога проселочная, полемъ; ни деревни, ни души не видно кругомъ.

А я одна, и вся въ его власти. Чтѣ я сдѣлаю, если какая-нибудь злая мысль придетъ въ его голову, отуманенную виномъ?

Зной палитъ. Горячіе лучи льются съ неба. Желтая пыль не ложится и стоитъ душной тучей вокругъ. Раскаленный плащъ обжигаетъ ладонь, но все холодѣетъ внутри, зубы стучатъ, какъ въ лихорадкѣ.

Я думаю, что прежде всего нужно заговорить, показать ему, что я ничего не боюсь и не предполагаю ничего дурного.

Намѣреніе мое предупреждается.

Рыжая, обросшая щека поворачивается въ мою сторону и изъ-подъ сломаннаго козырька сощуренный, пьяный глазъ смотритъ, явно смѣясь надо мной.

— Чтѣ, аль испугались давѣ? Эко! Нешто я пьянъ? Вы что-ли подносили? Выпилъ... Ну, что-жъ! На свои выпилъ. Мнѣ чтѣ...

— Ты помнишь ли дорогу?—спрашиваю я, чувствуя нѣкоторое облегченіе. Злоумышленникъ не сталъ бы пускаться въ разсужденія.

— Чего не помнить! Дорога... Дорога прямая, одна. Одна дорога-то, — повторяетъ онъ и поворачиваетъ лошадей, проѣзжаетъ межой, такъ что колеса идутъ бокомъ, задѣваютъ и мнутъ колосья, перекрещиваетъ другую дорогу и направляетъ лошадей въ сторону на новую межу.

Я окончательно выхожу изъ себя, забываю страхъ и опасенія. Высшая степень возбужденія заразительна и производитъ впечатлѣніе въ самыхъ безсильныхъ и безпомощныхъ существахъ.

Крохотная *часовенька* на перекресткѣ, съ концомъ вышитаго полотенца, остается у меня въ памяти и спасаетъ меня.

— Какъ же ты путаешь дорогу! Какъ ты смѣешь!—кричу я, захлебываясь негодованіемъ. — Вонъ дорога мимо часовни. Видишь! Поѣзжай туда!

Фигура на козлахъ подбираетъ возжи и поворачиваетъ лошадей въ указанномъ направленіи, а я, обезсиленная, откидываюсь на сѣно и нѣсколько времени не открываю глаза.

Громкій голосъ окликаетъ меня.

Смотрю и вижу—ямщикъ сидитъ, повернувшись въ мою сторону; одна нога свѣсилась черезъ облучекъ; лошади бредутъ шагомъ, возжи брошены.

Что же это еще? Чего ему нужно отъ меня?

Онъ свертываетъ папиросу изъ газетной бумаги и проситъ

спичечки. Я не курю и не могу одолжить ему, послѣ чего онъ спокойно вынимаетъ сѣрныя спички изъ собственнаго кармана и вступаетъ въ разговоръ.

— Вы чьи же? Не здѣшняя будете?

— Да, пріѣзжая.

— По какому же собственно дѣлу? Насчетъ бѣднѣющихъ, подѣляли способіе? Дѣло хорошее.

— Пріѣзжала къ знакомымъ посмотрѣть столовыя.

— Дѣло хорошее. Ну и что же, къ примѣру сказать, деньги жертвовали?

„Вотъ оно—начинается! И никого, никого нѣтъ кругомъ. Хоть бы встрѣтился, проѣхалъ кто-нибудь“.

— Такъ-съ. И чьи же это такія деньги будутъ къ примѣру сказать—жертвенныя? Мірскія али царскія?

— Царь жертвовалъ и люди жертвовали. Всѣ жертвовали, самые бѣдные, такіе же вотъ, какъ ты.

— Дѣло хорошее. И помногу, слышь, жертвовали? Помногу развозите?

Напряженный слухъ мой различаетъ вдали стукъ колесъ, какъ небесную музыку. Я слышу, какъ бьется мое сердце, но говорю уже твердымъ голосомъ:

— Слышишь? Ѣдутъ тамъ. Бери вожжи. Мы спросимъ дорогу.

Длинный обозъ попадается на встрѣчу, съ трудомъ разъѣзжаясь на узкомъ проселкѣ. Въ нѣсколькихъ телѣгахъ высоко наложены мѣшки съ мукой. Везутъ *способіе*, какъ здѣсь всѣ говорятъ, *способные* мужики, какъ называли ихъ остряки въ княгининскомъ уѣздѣ.

Я останавливаю лошадей, умоляю кого-нибудь сѣсть со мной, показать дорогу и доѣхать до Лыскова; обѣщаю деньги.

Всѣ отказываются.

Всѣ дальніе, везутъ пособіе своимъ, не хотятъ отбиваться отъ артели и ограничиваются тѣмъ, что стыдятъ ямщика и указываютъ ближайшую дорогу *большакомъ* вплоть до самаго конца.

Опасность миновала.

Возможность поспѣть на пароходъ уже не занимаетъ меня. Въ деревнѣ по дорогѣ выскакиваетъ шкворень. На всей улицѣ въ ближнихъ дворахъ находится всего одинъ ветхій старичокъ, чтобы помочь приподнять тарантасъ. Взрослое населеніе все на работѣ. Рыжій ямщикъ схватываетъ слегу и нѣсколько разъ взмахиваетъ ею, выбивая и приколачивая что-то, послѣ чего успокоиваетъ меня увѣреніями, что тарантасъ доѣдетъ хоть до Казани.

Мы доѣзжаемъ до Лыскова безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Я останавливаюсь и рѣшаю ночевать въ гостинницѣ, чувствуя себя неспособной продолжать путь. Противъ ожиданія, вмѣсто одной ночи приходится провести на мѣстѣ три дня, прежде нежели способность къ передвиженію возвращается ко мнѣ.

Находится добрая душа, соглашающаяся уступить мнѣ комнату въ сторонѣ отъ трактира и входной лѣстницы. Я лежу три дня безвыходно въ крохотной каморкѣ съ окномъ, открытымъ на какія-то красныя крыши. Надъ ними вьются и щебечутъ ласточки. Розовые лучи западаютъ по вечерамъ въ мое окно и я не тягощусь одиночествомъ.

Пребываніемъ въ Лысковѣ заканчиваются свѣтлыя впечатлѣнія моего путешествія. Дальше—мракъ. Мѣняются картины, другія краски. Грозный призракъ встаетъ во весь ростъ, какъ бы говоря:—А! ты искала и не находила меня... Вотъ я!

Мы—въ казанской губерніи.

VII.

Меня знаютъ, ждутъ въ Казани и разспрашиваютъ о путешествіи.

Я говорю съ полной искренностью, не усиливая впечатлѣнія.

— Любопытно, чтò вы скажете, когда побываете въ здѣшней мѣстности. Въ казанскомъ и тетюшскомъ уѣздѣ предупреждены и ожидаютъ васъ. Но, можетъ быть, раньше интересно будетъ увидать столовую здѣсь въ самой Казани. Ихъ нѣсколько. Одна—при тифозныхъ баракахъ для выздоравливающихъ; есть и на пристани, и на заводѣ, съ примѣсью татарскаго элемента. Путеводители и спутники—къ услугамъ вашимъ, когда прикажете.

Мы отправляемся на другое утро съ городскимъ извозчикомъ за городъ въ дальнюю часть Казани, гдѣ скучены въ одномъ мѣстѣ заводы и фабрики. Столовая устроена главнымъ образомъ для нуждающагося рабочаго населенія. Работы нѣтъ, половина фабрикъ закрылась, народъ безъ дѣла и заработка.

Въ слободѣ выбранъ домикъ съ просторной передней комнатой, и хозяйка—сама бѣдная женщина—готовитъ на обычныхъ условіяхъ, получая пищу и небольшую плату за хлопоты.

Во главѣ дѣла стоятъ мѣстныя дамы-благотворительницы. Я застаю одну изъ нихъ на мѣстѣ за работой, съ караваемъ хлѣба въ рукахъ, всей своей внѣшностью напоминающую Некрасовское стихотвореніе:

....выйдетъ барыня красивая,
Съ настоящею косой,
Вожеватая учтивая...
Все сама руками бѣлыми
Разбираетъ не спѣша...

Бѣлыя руки ловко разрѣзаютъ и раздаютъ хлѣбъ. По всему замѣтно, что распорядительница въ столовой—не чужая, своя. Всѣ обращаются къ ней за указаніями, и, покончивъ съ хлѣбомъ, она просматриваетъ тетрадь и списки—нововведеніе, котораго я ни разу не видала въ деревняхъ.

Я спрашиваю о назначеніи списковъ.

— Мы отмѣчаемъ отсутствующихъ и тѣхъ, кто имѣетъ право пользоваться обѣдами. Желающихъ слишкомъ много; могутъ произойти злоупотребленія.

Порядокъ въ комнатѣ во все продолженіе обѣда, пока обѣдаютъ русскіе, образцовый,—какъ и всегда, приводящій въ умиленіе. Вся эта разношерстная толпа фабричныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей трапезуетъ какъ бы совершая какой-либо печальный по существу своему, необходимый обрядъ, начиная и сопровождая его молитвой и выраженіями благодарности.

Но въ сѣняхъ раздаются уже стрекочущіе звуки гортаннаго говора. Узкіе глазки подъ морщинистыми лбами, съ надвинутыми на бритыхъ головахъ тюбитейками, выглядываютъ все чаще и назойливѣе изъ дверей.

Первая партія обѣдающихъ оканчиваетъ трапезу, и картина сразу измѣняется.

Крикъ, шумъ, какіе-то прыжки, дѣтскія взвизгиванья—наполняютъ комнату.

— И мнѣ, бариня! Дай, бариня! Кусочка хлѣбца малайкѣ [1]), бариня!

— Не кричите такъ! Слышите! Всѣмъ будетъ. Вы знаете—всѣмъ даютъ.

Крикъ не уменьшается.

Хозяйка-стряпуха знаетъ по-татарскя и пускаетъ въ ходъ свое знаніе, перемѣшивая русскія слова съ татарскими. Это маленькая, круглая, бодрая старушка, бойкая на языкъ, съ бойкими глазами и манерами. Она указываетъ мѣста, останавливаетъ, отталкиваетъ, кого нужно, въ сторону.

— Урунджукъ! Слышишь, мѣста нѣтъ! А когда мѣста нѣтъ,

[1]) Малайка—ребенокъ.

такъ ты куда же лѣзешь? Подожди, говорятъ! Малайка!.. Ну, бери свою малайку съ собой!

— И вотъ каждый день этакимъ манеромъ!—говоритъ она, обращаясь ко мнѣ. — Нѣчисть-то что̀ значитъ, прости Господи. Талалакаютъ—одинъ шибко, а другому еще шибче надо.

— А вмѣстѣ русскіе съ татарами не обѣдаютъ?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, что-же-съ! Все одно, вмѣстѣ всѣхъ не усадить, такъ ужъ и заведено—русскіе съ русскими. А которые опоздаютъ ничего—случается—обѣдаютъ. Старушки брезговаютъ, за пазухой ложки носятъ. Что-жъ, сударыня, какъ сказать—некрещеные вѣдь, звѣри тѣ же.

— А по своему они не молятся?

— Нѣтъ, у нихъ этого заведенія нѣту. Изъ стариковъ развѣ который ладошками этакъ лицо прикроетъ на какую минуту — помолился, дескать, я. Да и то рѣдкіе. Что говорить, народъ безъ понятіевъ. А пить-ѣсть тоже просятъ—хотятъ... Чего еще надо? Нѣтъ больше. Не припасено про васъ. Ну да на̀, доѣдай что-ли, корми свою малайку!—добродушно ворчитъ старушка, опрокидывая надъ протянутой чашкой остатки пшенной каши изъ котелка.

Эту кашу—бѣловатую, мутную жидкость, заправленную жиромъ, или масломъ въ постные дни, и въ которой, какъ говорится, крупинка крупинку догоняетъ,—я встрѣчаю здѣсь въ первый разъ, и затѣмъ не вижу уже ничего другого во всѣхъ столовыхъ казанской губерніи. Похлебки съ икрой, щей съ мясомъ, ужиновъ и въ поминѣ нѣтъ. Хлѣбъ—безъ примѣсей, но его не вѣшаютъ, и куски на взглядъ меньше фунта. Во всемъ проглядываетъ одна цѣль: желаніе протянуть какъ можно дольше время, накормить возможно бо̀льшее количество не ради поддержанія здоровья и питанія, а въ буквальномъ значеніи предупрежденія голодной смерти.

VIII.

Слѣдующую столовую я осматриваю въ казанскомъ уѣздѣ, въ сорока верстахъ отъ города, и въ первый разъ попадаю неудачно.

Въ деревнѣ—эпидемія, сыпной тифъ, перебравшій чуть не поголовно все населеніе. Нѣсколько недѣль какъ открыта больница и находится санитарный отрядъ. Между усадьбой и селомъ устроенъ карантинъ, нарушаемый съ той и другой стороны, за невозможностью совершенно прекратить сношенія.

Тѣмъ не менѣе я чувствую себя неловко, когда, на другой день по пріѣздѣ, изъ любезности мнѣ предлагаютъ осмотрѣть сто-

ловую въ сопровожденіи приказчика, который по должности имѣетъ дѣло съ крестьянами и застрахованъ отъ тифа, потому что перенесъ его весною.

Я лично не боюсь заразы, а отчего?—не знаю и задаю себѣ этотъ вопросъ, который тутъ же и рѣшаю среди размышленій о томъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

Есть люди, для которыхъ, несмотря на слабость и отсутствіе храбрости, составляющихъ несомнѣнную черту ихъ характера,—существуетъ родъ опасности, къ которому они относятся съ сравнительнымъ хладнокровіемъ. Они никогда не могли бы принимать участія въ дѣлахъ, требующихъ непосредственнаго проявленія личной храбрости, въ военныхъ подвигахъ. Ихъ пугаютъ бурныя, сильныя, ошеломляющія впечатлѣнія, въ родѣ пальбы, несущихся лошадей, криковъ и грохота,—не возможность смерти, а именно самыя впечатлѣнія. Но опасность тихая, хотя бы и не менѣе реальная, не страшитъ ихъ, и они спокойно идутъ ей на встрѣчу.

У каждаго человѣка есть свое представленіе „смерти". Я представляю ее себѣ таинственной тѣнью съ полетомъ летучей мыши. Секунда одна—не было ея, и вотъ она здѣсь, стоитъ—и нѣтъ защиты отъ нея, нѣтъ спасенія. Она намѣчаетъ и находитъ свою жертву. Безполезно уклоняться, стараться избѣгнуть ея...

Чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить себя за потраченное время и напрасно сдѣланныя восемьдесятъ верстъ, я рѣшаю принять предложеніе и осмотрѣть столовую, хотя прежде всего не согласна съ самой мыслью открыть столовую въ зараженной мѣстности.

Мнѣ возражаютъ, что все равно заражена и переболѣла вся деревня, но нельзя понимать этого въ буквальномъ смыслѣ, и столовая — сборное мѣсто въ томъ видѣ, какъ мы застаемъ ее, представляетъ собою несомнѣнный лишній источникъ зараженія.

Съ самаго отъѣзда изъ Москвы, не перемежаясь ни однимъ свѣжимъ днемъ, стоятъ тропическія жары.

Изба съ закрытыми окнами набита народомъ. Обѣдаютъ на трехъ столахъ, обѣдаютъ въ сѣняхъ на доскахъ, положенныхъ на козлы. Трое малышей, съ подвернутыми рубашонками, сидятъ на полу и хлебаютъ огромными ложками изъ оббитой чашки, поставленной на ребро и подпертой камешкомъ.

— Сиротинки, сударыня,—отвѣчаетъ на мой вопросъ о дѣтяхъ хозяйка.—Матери-то на недѣлѣ этой самой хворью померли. И сейчасъ такъ и валитъ, такъ валомъ и валитъ народъ.

— Вамъ бы лучше на это время закрыть столовую. Вѣдь вы другъ отъ друга заражаетесь. Посмотри, какая духота въ избѣ.

— Не наше расположеніе, кормилица. Какъ прикажутъ, такъ и сдѣлаемъ.

— По крайней мѣрѣ нужно было бы кормить на волѣ, гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ, что-ли. Хоть бы вѣтеркомъ обдувало сколько-нибудь,—говорю я.

— Мѣста нѣтъ этакаго, сударыня, дѣло бѣдное. Погорѣли вотъ другой годокъ.

— Да и мѣста не нужно никакого особеннаго, и навѣса не нужно. Вотъ здѣсь тѣнь отъ самой избы. Видишь? Здѣсь бы лучше было поставить столы въ холодкѣ,—убѣждаю я, пораженная впечатлѣніемъ этой столовой, духотой, видомъ обѣдающихъ, изъ которыхъ многіе несомнѣнно только-что оправились отъ болѣзни и, быть можетъ, принесли ее съ собой.

Безполезныя убѣжденія! „Далеко носить кушанья!“ Нѣтъ духа жива, нѣтъ внимательной власти, попечительной, доброй руки.

Возвращаясь въ усадьбу, я иду деревней мимо избы съ закрытыми ставнями. Открыто одно окно въ боковой стѣнѣ. Изъ него выглядываетъ голова, молодое лицо въ очкахъ, безъ загара, усталое и блѣдное. Это—больница и студентъ-докторъ. Я прохожу мимо, кланяясь издали.

На встрѣчу бѣжитъ дѣвочка лѣтъ пятнадцати, босая, заплаканная и растрепанная. Она кричитъ что-то, чего я не могу разобрать и пробѣгаетъ, не останавливаясь, мимо.

— Что съ нею?—спрашиваю я у приказчика.

— Мать сейчасъ померла,—равнодушно отвѣчаетъ онъ, и мы возвращаемся въ усадьбу.

А черезъ часъ изъ сада я замѣчаю этого же приказчика съ мужикомъ—мужемъ покойницы, только-что скончавшейся отъ тифа. Мужикъ пришелъ просить досокъ на гробъ; онъ—плотникъ и сколотитъ самъ. Идутъ переговоры, послѣ которыхъ я вижу на пригоркѣ освѣщенную солнцемъ, удаляющуюся безъ шапки, фигуру съ доской на плечѣ, поразительно напоминающую крестное шествіе.

Дальнѣйшее пребываніе мое не имѣетъ смысла. Для оказанія помощи нужны силы и свѣденія, которыхъ нѣтъ у меня. Урожай въ сосѣдней мѣстности ожидается средній въ нынѣшнемъ году, и населеніе—въ относительно лучшемъ положеніи, благодаря близости къ городу и возможности заработка.

Другое дѣло—село Липовка, тетюшскаго уѣзда, гдѣ намѣченъ второй пунктъ моей поѣздки въ казанской губерніи. Это опять медвѣжій уголъ за сто верстъ отъ Казани, за пятьдесятъ отъ Волги и ближайшаго уѣзднаго города.

Разстояніе не пугаетъ меня. Я чувствую себя бодрой и окрѣпшей и радуюсь всего болѣе попутчицѣ, которую судьба посылаетъ мнѣ до самаго мѣста назначенія. Это тѣмъ пріятнѣе, что путешествіе довольно сложно и безъ привычки на первый разъ представило бы затрудненія. Приходится возвратиться обратно въ Казань, потомъ плыть на пароходѣ, потомъ плыть на лодкѣ назадъ до деревни, гдѣ мы нанимаемъ лошадей, ночуемъ дорогой, дѣлаемъ запасы лекарствъ въ земской аптекѣ поутру и затѣмъ снова отправляемся въ путь.

Ямщикъ-татаринъ везетъ мастерски, выбирая дорогу, жалѣя лошадей и въ то-же время заставляя ихъ бѣжать ровной рысью. Недостатки экипажа смягчаются осторожной ѣздой. Присутствіе живого существа бокъ-о-бокъ устраняетъ мысль объ опасности. День ясный и закатъ розовый, тихій и ясный. Жаль, что телѣжка открытая, нельзя пріютиться покойнѣе. Хорошо бы протянуться, лежать и слушать пѣніе колокольчиковъ на упряжи.

Чтò за звуки! Я различаю мелодію. Да это цѣлая музыка!

— Князь,—говорю я ямщику-татарину:—откуда они у тебя? Продай мнѣ эти колокольчики.

— Не продажны, бариня. Самъ купилъ, водка поилъ, шестнадцать рублей деньги платилъ.

— А они еще дороже стоятъ?

— Назадъ человѣкъ просилъ, двадцать рублей давалъ,—не отдалъ.

— Да, вотъ оно чтò!

Удивительные колокольчики! Какая-то серебристая и въ то же время щемящая нотка, берущая за сердце. И опять, и опять повторяется коротенькая, милая мелодія.

Я всегда жалѣла лошадей, надъ чувствительными, нѣжными ушами которыхъ часами и днями раздается вульгарное звяканье и громыханіе. Вотъ онъ—настоящій-то *звонъ малиновый*!

Унылая, выжженная солнцемъ мѣстность кругомъ. Лѣсовъ не видать на десятки верстъ. Все чаще попадаются татарскія деревушки съ сѣрыми, низкими избами и деревянной, сѣрой мечетью, возвышающей надъ ними свою конусообразную, остроконечную головку. Мальчишки, въ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ, бѣгутъ за экипажемъ съ протянутыми руками и назойливо тянутъ однообразную, жалобную ноту.

IX.

Въ Липовкѣ встрѣчаетъ насъ цѣлая колонія.

Настоящіе хозяева отсутствуютъ. Мужъ служитъ въ Петербургѣ, жена воспитываетъ дѣтей за границей, и съ незапамятныхъ временъ никто не навѣдывался въ имѣніе. Но лѣтомъ домъ бываетъ полонъ.

Хозяйкой рекомендуетъ себя почтенная женщина, родственница владѣльцевъ, и знакомитъ меня съ дѣтьми и остальными присутствующими.

Это цѣлый выводокъ молодежи, приблизительно одного возраста: сынъ-юристъ на послѣднемъ курсѣ и другой сынъ, взрослый гимназистъ изъ послѣднихъ классовъ классической гимназіи; дочь—молодая дѣвушка, только-что окончившая свое образованіе, и еще молодыя дѣвушки—фельдшерица, сельская учительница и особа болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, профессіи которой не называютъ мнѣ и просто рекомендуютъ подъ именемъ Анны Ивановны.

Семейство уже нѣсколько лѣтъ къ ряду пользуется имѣніемъ, на правахъ родственниковъ, въ видѣ дачи за отсутствіемъ хозяевъ. Я лично не знаю никого, но между нами давнишнія связи, давнишнія, общія знакомства; моего пріѣзда ждутъ и возлагаютъ на него надежды, очевидно преувеличенныя.

— Да что говорить! Вотъ сами увидите, что творится здѣсь,— говоритъ мнѣ съ разстроеннымъ лицомъ почтенная мать семейства, провожая въ мою комнату.—Всѣ, кажется, бѣды обрушились сразу на эти злополучныя мѣста. Мы пріѣхали, какъ всегда, провести лѣто, отдохнуть сколько-нибудь, но не можетъ быть рѣчи объ отдыхѣ. Молодежь, разумѣется, живетъ, развлекается по-своему, а вамъ, боюсь, скучно покажется.

Я не чувствую этой боязни, но готова согласиться, что по первому впечатлѣнію трудно представить себѣ что-нибудь болѣе злополучное и безотрадное.

На выѣздѣ изъ села, почти соприкасаясь съ крестьянскими избами, стоитъ помѣщичій домъ, съ явными слѣдами обветшанія и запустѣнія. Жизнь, повидимому, и раньше проходила здѣсь неширово; время убавило и объузило оставшееся, а стихійное бѣдствіе наложило послѣдніе штрихи.

Ни одного листа не осталось на тощихъ ветлахъ, окружающихъ полуизсохшій, затянутый зеленью прудъ. Ни одного листа не пощадили черви въ саду, съ обглоданными скелетами деревьевъ и кустовъ. На верхушкахъ—сѣрыхъ и обнаженныхъ, какъ въ

осеннюю пору—качаются безчисленныя вороньи гнѣзда, и нахальное карканье не умолкаетъ весь день.

Мѣсяцъ не выпадало дождей. Озими поднялись на четверть и выколосились тощимъ колосомъ, короткимъ и плоскимъ, какъ перо. Яровыя взошли кое-гдѣ. На сѣрыхъ, какъ зола, оголенныхъ полосахъ вѣтеръ гонитъ пыль, какъ на мостовой. Земля разсѣлась и обнажила нѣдра свои. Огромныя разсѣлины на памяти живущихъ перерѣзали нѣкогда ровныя пахатныя поля. Ни однимъ деревцомъ, рощей или перелѣскомъ не нарушается однообразіе желто-сѣрыхъ тоновъ. Жаръ палитъ. Безжалостно-ярко, безоблачно-знойно небо. Гнѣвъ Божій виситъ надъ землей.

Не его ли ощущаетъ надъ собой новый пришелецъ съ первой минуты своего появленія, испытывая гнетущую тоску, неослабѣвающее уныніе, какъ бы въ присутствіи покойника въ домѣ, —тяжелую руку, надавившую на сердце и мѣшающую каждому біенію? Случается поутру, что, проснувшись рано и встрѣчая въ незавѣшенныхъ окнахъ веселые лучи, хочется высвободиться изъ-подъ гнета, и на минуту повѣришь, что не безнадежно положеніе, дѣйствительность не страшна. Безполезное прекраснодушіе. Горькая дѣйствительность встрѣчаетъ васъ за порогомъ комнаты.

Съ перваго дня пріѣзда мнѣ дѣлается ясно, что ѣхать больше некуда, искать нечего. Нужно остаться и жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока можно жить, не задумываясь ни о чемъ другомъ.

Несмотря на численную населенность дома, не трудно замѣтить, что дѣятельнымъ и полезнымъ можетъ быть только одно лицо—сама мать семейства, Вѣра Семеновна, не старая еще женщина, но истощенная работой и семьей. По профессіи она—учительница музыки, по общественному положенію—вдова бывшаго учителя, скоротавшаго вѣкъ въ заботахъ о семьѣ, которую при жизни не удалось поставить на ноги и пришлось оставить почти ни съ чѣмъ.

Молодое населеніе живетъ своими интересами. Населеніе деревенское выбито изъ колеи, сбито съ толку безтолковыми подачками, безсистемными выдачами, щедрыми по отношенію къ одному, скудными для другого, не обусловленными ничѣмъ, кромѣ желанія и минутнаго настроенія выдающаго лица.

Дворъ усадьбы полонъ пришлымъ народомъ изо дня въ день съ утра. Бабы и больные, русскіе и татары сходятся съ нѣсколькихъ деревень, за десятки верстъ. Просятъ на сѣмена, просятъ денегъ взаймы, на хлѣбъ, на лошадей, на выкупъ заложенныхъ надѣловъ.

Я не знаю средствъ, которыми располагаютъ благотворители,

но скоро начинаю понимать, что при этой системѣ дѣйствія не можетъ ихъ хватить, какъ бы они ни были велики.

— Вѣрно, вѣрно! Это все старые грѣхи, старая манера наша,—отвѣчаетъ на мое замѣчаніе хозяйка дома.—Теперь приходится расплачиваться за нее. Но еще раньше, до пріѣзда вашего, мы рѣшили уже иначе поставить дѣло. Денегъ не выдавать на руки ни копѣйки больше никому. Выдавать лучше сѣмена на посѣвъ—и только. Уже сдѣланы запасы небольшіе.

— Небольшихъ не хватитъ.

— Можно на базарѣ прикупить. Главное, чтобы не пустовала земля. Это—самое важное.

— А что̀ они будутъ дѣлать съ землей безъ лошадей?—замѣчаю я. — И развѣ хватитъ сѣмянъ для всѣхъ, кто будетъ просить?

Я ставлю вопросы и не знаю сама, что̀ отвѣтить на нихъ.

Единственнымъ критеріемъ при оказаніи помощи, для насъ, пришлыхъ людей, можетъ быть мнѣніе приказчика — почтеннаго старика, десятки лѣтъ управляющаго имѣніемъ, знающаго своихъ и ближнихъ крестьянъ. Но рядомъ со своими есть посторонніе изъ дальнихъ деревень, есть татары, перекочевывающіе во дворъ цѣлыми выводками, съ двухколесными ручными телѣжками, набитыми дѣтьми.

— Національное чувство... можетъ быть, оно вообще и не высокаго разбора, но... нужно же чѣмъ нибудь руководствоваться наконецъ, — говоритъ знакомымъ уже мнѣ, немного доктринерскимъ тономъ Вѣра Семеновна и продолжаетъ съ особенной убѣдительностью:

— Татары—вы не знаете ихъ! Это—жалкое, вырождающееся племя, неспособное къ культурѣ. У нихъ нѣтъ будущности. Лечить будемъ, пожалуй, и ихъ, если хотите, что же дѣлать! А помогать—воля ваша—нужно своимъ.

Я довольна хоть какой-нибудь системой дѣйствія и въ душѣ не имѣю ничего противъ нея. Татары для меня жалки и невольно непріятны. Что-то совсѣмъ особенное—въ скуластыхъ, узкоглазыхъ лицахъ съ огромными торчащими ушами, подъ засаленными колпаками, вмѣсто причесокъ и волосъ. Они наивно- и привязчиво-назойливы въ своихъ требованіяхъ. Трудно будетъ выдержать какую-нибудь систему по отношенію къ нимъ.

День начинается пріемомъ въ помѣщеніи училища, свободномъ по случаю вакаціоннаго времени. Во главѣ амбулаторіи стоитъ фельдшерица—молодая особа, близкая съ семьей и безвозмездно приносящая въ жертву свой трудъ. Несмотря на появляю-

щіяся по мѣстамъ эпидеміи, на весь уѣздъ остаются лѣтомъ всего два врача. Больные ночуютъ подлѣ больницъ, ждутъ очереди и осаждаютъ импровизированную лечебницу, чтобы избѣгнуть потери времени, неизбѣжной при посѣщеніи настоящихъ.

Поверхностнаго взгляда на толпу достаточно для постановки общаго діагноза: упадокъ силъ отъ недостаточнаго питанія. Болѣзни являются почти всегда слѣдствіемъ того же общаго ослабленія и преобладаютъ по преимуществу: желудочныя разстройства, куриная слѣпота и цынга. Цѣлыя деревни заболѣваютъ куриной слѣпотой, которая проходитъ отъ употребленія рыбьяго жира и возвращается при возвращеніи къ прежнему режиму.

Дѣти—потому ли что ихъ больше жалѣютъ и берегутъ, урывая у себя и уступая имъ возможно бóльшее количество пищи, потому ли что они не истощены работой и проводятъ день на свѣжемъ воздухѣ,—но молодое поколѣніе находится въ сравнительно лучшемъ положеніи. Въ самыхъ злополучныхъ, до нищенства доведенныхъ деревняхъ, какъ Липовка и отстоящее въ двухъ верстахъ отъ нея Глѣбово, можно встрѣтить розовыхъ, на видъ здоровыхъ дѣтей. Взрослыхъ такихъ не увидишь ни одного. Характерные признаки хроническаго голоданія — землистый цвѣтъ лица, худоба или, напротивъ, болѣзненная одутловатость, вялыя движенія, слабый голосъ и слабый взглядъ — поголовно у всѣхъ паціентовъ, съ какими бы болѣзнями и жалобами они ни обращались. Вопросъ—чѣмъ и отъ чего лечить!

Вопросъ этотъ возбуждаетъ несогласія, а подъ-часъ и не совсѣмъ дружелюбныя препирательства между врачебнымъ персоналомъ, ежедневно присутствующимъ на пріемѣ. Занимается леченіемъ все женское домашнее населеніе. Общими усиліями успѣваютъ окончить пріемъ къ обѣду, начавъ его съ ранняго утра.

Въ импровизированной амбулаторіи происходитъ столкновеніе двухъ системъ леченія, двухъ противоположныхъ направленій, представителями которыхъ являются юная фельдшерица, окруженная молодыми помощницами, и я съ ними. Съ одной стороны—спеціальное образованіе и научныя свѣденія, съ другой—скептическое, выработанное жизнью отношеніе вообще къ магическому дѣйствію содержимаго закупоренныхъ стклянoчекъ и пузырьковъ, и собственный опытъ, пріобрѣтенный жизненной практикой. Опытъ и навыкъ пріобрѣтаются поневолѣ каждымъ, кто хотя бы разъ въ жизни столкнулся съ многоразличной деревенской безпомощностью, а именно невозможностью получить доктора раньше двухъ дней за десятки верстъ, невозможностью послать въ аптеку за разливомъ рѣкъ. Необходимость имѣть собственную аптеку очевидна при

этихъ условіяхъ. Составъ ея несложенъ и незамысловатъ: иноземцевскія капли и арника, гуфеландовскіе порошки и зеленое мыло, oleum ricini и съ десятокъ другихъ названій общеупотребительныхъ средствъ, запасы въ мѣшочкахъ мяты, малины и липоваго цвѣта съ садовыхъ липъ и т. п. Достоинство этой аптеки—то самое, которое признается противникомъ ея—гомеопатіей: въ худшемъ случаѣ, не принеся пользы, она не принесетъ и вреда. Отсталый принципъ, возбуждающій молодое негодованіе! Капли и мѣшочки—встрѣчаются со всѣмъ арсеналомъ послѣдняго слова науки: салициловой кислотой и креозотомъ, каломелемъ и мышьякомъ и т. д.

— Лечить надо, а не пачкать, да-съ,—объясняетъ мнѣ молоденькая фельдшерица, развѣшивая нà-спѣхъ и разсыпая длинными рукавами, незаготовленные заблаговременно, убійственно-цѣлительные порошки. — Потогонное признается въ современной медицинѣ безполезной пачкотней и ерундой, только и всего,—увѣряю васъ.

— Но увѣрены ли вы въ своемъ изслѣдованіи? А если вы ошибаетесь? По крайней мѣрѣ нужно выстукать, выслушать больного какъ слѣдуетъ.

— Для меня хрипы характерные, и я не нуждаюсь въ изслѣдованіи. Но если угодно вамъ, сдѣлайте одолженіе.

Мы раздѣваемъ сухого, какъ доска, отвратительно-грязнаго татарина. Пергаментно-желтую грудь прикрываютъ носовымъ платкомъ; къ платку припадаетъ розовое, молодое лицо.

Я близко слѣжу и замѣчаю неуловимое выраженіе въ свѣтлыхъ, не пріучившихся еще лицемѣрить глазахъ.

— Вы мнѣ поручите этого больного. Онъ—здѣшній, работникъ батюшкинъ. Я боюсь, что каломель если и поможетъ, то оставитъ его на будущее время безъ зубовъ,—съ возможною кротостью замѣчаю я.

— Вамъ угодно въ настоящее время со всѣми зубами уложить его въ гробъ!—съ молодымъ задоромъ отвѣчаютъ мнѣ.

Больной простудился, дрожитъ и жалуется на голову. Наканунѣ прорвало плотину у глѣбовскаго барина; онъ пробылъ въ водѣ нѣсколько часовъ, помогая, и продрогъ. Я даю хининъ и огорчаюсь отсутствіемъ излюбленныхъ запасовъ въ аптечномъ шкафчикѣ. Вмѣсто липоваго цвѣту приходится прописывать чай съ лимономъ и съ медомъ, который дастъ тотъ же, уже знакомый мнѣ, батюшка.

Больной выздоравливаетъ,—но аналогичныя сцены повторяют-

ся, и развязное отношеніе къ каломелю заражаетъ собой остальной лечащій персоналъ.

Толпа подходитъ каждый день тихая, сосредоточенная, молчаливая. Нѣтъ знакомыхъ, картинныхъ, какъ горохъ пересыпающихся бабьихъ описаній диковинныхъ болѣзней, нѣтъ и самыхъ болѣзней, нѣтъ надобности и въ описаніяхъ. Тяжелое дыханіе больныхъ поражаетъ за нѣсколько шаговъ. Приглядѣвшаяся картина повторяется съ ничтожными измѣненіями: язвы во рту, изъязвленныя, отвалившіяся десны, язвы на тѣлѣ въ послѣдующемъ развитіи цынги,—и жалкое леченіе хинной тинктурой и водкой съ лимонами, при питаніи пшенной кашицей, получаемой избранными счастливцами, и то не каждый день,—вотъ и все.

Л. Нелидова.

РАЗСКАЗЫ ИНОСТРАНЦА

о

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

— Записки Юста Юля, датскаго посланника при русскомъ дворѣ (1709—1711). Перевелъ съ датскаго подлинника и сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. („Р. Архивъ", 1892, № 3—11).

Время и личность Петра Великаго, безъ сомнѣнія, еще надолго останутся вопросомъ, который будетъ привлекать изслѣдованія и споры историковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ современники Петра съ одной стороны окружали его хвалами, доходившими почти до обоготворенія, а съ другой—проклятіями, сравнивавшими его съ антихристомъ, мнѣнія о немъ много разъ видоизмѣнялись. Его дѣло становилось предметомъ государственной традиціи, а вмѣстѣ предметомъ ученаго изслѣдованія: къ сожалѣнію, это послѣднее было до недавняго времени крайне стѣснено первымъ; пока твердо держалась традиція, представлявшая его творцомъ новѣйшей Россіи, для историка былъ обязателенъ панегирикъ, и личность Петра, какъ и его дѣло, могли быть изображаемы только въ героической формѣ, исключавшей всякую свободную критику. Оффиціально такъ это держалось и въ ту эпоху, когда заявленъ былъ принципъ народности. Можно было бы думать (какъ это и случилось у славянофиловъ), что этотъ принципъ долженъ былъ бы вызвать болѣе или менѣе отрицательное отношеніе къ личности и дѣлу Петра, потому что многое народное фактически значительно потерпѣло отъ Петровской реформы; но, какъ намъ случалось объяснять, оффиціальная народность тридцатыхъ годовъ вовсе не

задавалась идеею народности въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ это стало пониматься около того же времени въ извѣстныхъ кругахъ нашего общества и литературы. Оффиціальная народность настаивала на абсолютномъ сохраненіи даннаго порядка вещей и во внутреннемъ бытѣ и во внѣшнемъ пониманіи государства: Петръ Великій былъ, несомнѣнно, создателемъ этого государства, и рядомъ съ теоріей народности являлось опять героическое изображеніе Петра Великаго въ рукахъ оффиціальнаго историка той эпохи, Устрялова. Но въ тѣ же годы принципъ народности, независимо отъ оффиціальной точки зрѣнія, сталъ исходнымъ пунктомъ философско-исторической теоріи, которая поставила вопросъ совершенно иначе: Петръ, въ своихъ преобразованіяхъ отступившій отъ старины, дѣлавшій нововведенія въ иноземномъ духѣ, не однажды нарушавшій коренные народные обычаи, былъ именно изображаемъ какъ отступникъ, какъ измѣнникъ народному началу, дѣло котораго было гибельно для всего существа національной жизни, и единственнымъ путемъ освободиться отъ этого зла представлялось возвращеніе къ старинѣ, назадъ, домой. Противники этого взгляда должны были защищать дѣло Петра, какъ дѣло просвѣщенія, которое во всякомъ случаѣ было необходимо народу, которое одно могло доставить народу возможность проявить тѣ свойства и силы, какими онъ могъ обладать. Въ этомъ смыслѣ вопросъ долго разбирался въ нашей литературѣ и къ нему сводились почти всѣ литературные и общественные спорные пункты, дѣлившіе главныя партіи нашей литературы сороковыхъ и даже шестидесятыхъ годовъ. Позднѣе, когда на общественную сцену выступило много новыхъ, вполнѣ реальныхъ вопросовъ настоящей минуты, этотъ старый отвлеченный споръ отошелъ на второй планъ, былъ даже какъ будто забытъ, а тѣмъ временемъ успѣхи нашей исторіографіи, благодаря болѣе благопріятнымъ условіямъ литературы, стали раскрывать много новыхъ фактовъ Петровской исторіи и вообще помогли расширить историческій горизонтъ. Многія данныя, явившіяся теперь и прежде совсѣмъ недоступныя литературѣ, могли бы стать для прежнихъ борцовъ противъ Петра желаннымъ матеріаломъ, какъ доказательство его насилій противъ народности; но съ другой стороны являлось все больше, хотя только детальныхъ и отрывочныхъ, подробностей, объяснявшихъ другую, въ прежнее время мало разработанную сторону предмета и существенно измѣнявшихъ все представленіе о реформѣ. А именно, новыя изслѣдованія собирали все больше фактовъ, доказывавшихъ почти или вполнѣ безспорно, что реформа вовсе не являлась при Петрѣ готовой, какъ Минерва изъ головы Юпитера,

а, напротивъ, была только послѣднимъ результатомъ начинаній, восходившихъ далеко раньше—въ семнадцатый и даже шестнадцатый вѣкъ; что она была только энергическимъ выполненіемъ того, что задумывалось прежде слабо, нерѣшительно, непослѣдовательно, и что такимъ образомъ источникомъ ея былъ вовсе не произволъ единичнаго лица, а, напротивъ, давно созрѣвавшая, хотя многимъ изъ современниковъ (и потомковъ) непонятная, т.-е. ими не сознаваемая, національная потребность: необычайный ростъ Россіи, во внѣшнемъ политическомъ и образовательномъ отношеніи, со времени Петра являлся тому историческимъ доказательствомъ,—національныя силы могли совершить всѣ эти пріобрѣтенія именно потому, что получили свое нормальное развитіе и направленіе... Старая точка зрѣнія, правда, не совсѣмъ исчезла. Въ общественныхъ толкахъ есть и теперь направленіе, которое хочетъ считать себя національнымъ и продолжаетъ мечтать о добрыхъ старыхъ временахъ не только царя Алексѣя Михайловича, но даже Ивана Грознаго; но эта точка зрѣнія не нашла до сихъ поръ, да и не можетъ, конечно, найти историческаго оправданія и научной опоры, какихъ все-таки искали противники Петра во времена славянофильства. Тѣмъ не менѣе этотъ періодъ нашей исторіи въ настоящее время повидимому не имѣетъ такихъ точныхъ (въ ту или другую сторону) опредѣленій, какія давались ему въ прежнее время. Общій вопросъ почти не ставится, а въ тѣхъ частныхъ изслѣдованіяхъ, какія нерѣдко посвящаются той эпохѣ, собираются все новыя черты, то положительныя, то отрицательныя, которымъ предстоитъ еще объединеніе. Между прочимъ не только допускается то предположеніе, что реформа стояла въ связи съ предъидущимъ развитіемъ, но что въ иныхъ случаяхъ она какъ будто только портила прежнее, вносила путаницу въ дѣла, увеличивала огрубѣніе нравовъ и какъ бы являлась по существу фактомъ безразличнымъ; историки новѣйшей школы, направляя все вниманіе на явленія жизни экономической, забывали о томъ цѣломъ порядкѣ нравственно-національныхъ явленій, которыя для прежнихъ историковъ бывали существеннымъ вопросомъ всей реформы.

Частныя колебанія и увлеченія не уменьшаютъ, конечно, великаго историческаго значенія, которое принадлежитъ эпохѣ и личности Петра, и по тѣсной связи этой эпохи со всѣмъ теченіемъ предъидущей и послѣдующей исторіи, новый пересмотръ собранныхъ доселѣ данныхъ является не только желательнымъ, но и необходимымъ. Жизнь далеко отклонила насъ отъ этого историческаго прошлаго, но основная нить исторіи проходитъ и

до нашей эпохи, а историческое сознаніе прямо или косвенно не можетъ не вліять на наше міровоззрѣніе. Въ оцѣнкѣ Петровской эпохи должны быть привлечены многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые до сихъ поръ волнуютъ нашихъ общественныхъ теоретиковъ и историковъ культуры: вопросы о роли и значеніи національныхъ началъ нашей культуры, о старыхъ общественныхъ политическихъ учрежденіяхъ, которымъ, напр., славянофилы придавали такое высокое значеніе, о роли западной науки (напр., вводилась ли она и впослѣдствіи служила только „привилегированнымъ" классамъ, какъ утверждаютъ народники, или являлась цѣлой культурной стихіей, необходимой для всей національной жизни) и т. п. Для извѣстной теоріи о культурно-національныхъ типахъ русская исторія до и послѣ Петра является чрезвычайно интереснымъ пробнымъ поприщемъ. Само собою разумѣется, что если разъ будетъ поставленъ этотъ вопросъ, его объясненіе можетъ быть достигнуто только внимательною оцѣнкою всѣхъ основныхъ проявленій и фактовъ національной жизни: нельзя дѣлать оцѣнки Петра и его времени на основаніи изученія однихъ экономическихъ отношеній, точно также, какъ однихъ отношеній административныхъ, внѣшне-политическихъ, военныхъ, промышленныхъ, образовательныхъ, церковныхъ и т. д. Историческая жизнь, какъ жизнь современная, слагается изъ множества разнообразныхъ факторовъ и цѣлое можетъ быть характеризовано, или исторически опредѣлено, только по цѣльному дѣйствію этихъ факторовъ и его результатамъ. Въ данномъ случаѣ присоединяется еще спеціальный вопросъ о личности историческаго дѣятеля. Новѣйшая исторіографія не склонна преувеличивать личное вліяніе даже исключительно талантливыхъ, геніальныхъ дѣятелей, подчиняя и ихъ общей силѣ историческаго потока, считая и ихъ самихъ только произведеніемъ данной національности и эпохи, не дѣлая исключеній даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ извѣстныхъ формахъ правленія отдѣльное лицо является рѣшителемъ историческихъ направленій. Но и сама личность требуетъ опредѣленія и особливо въ данномъ вопросѣ. Единогласныя свидѣтельства всѣхъ современниковъ, и приверженцевъ и враговъ, и долго послѣ единогласныя свидѣтельства позднѣйшихъ поколѣній ставятъ Петра во главѣ реформы, считаютъ его исключительнымъ виновникомъ преобразованія, глубоко отразившагося въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи: въ недавнее время самый вопросъ о послѣднихъ вѣкахъ нашей исторіи сводился къ личному вопросу о томъ, былъ ли Петръ геніальнымъ выразителемъ нашей національности, или онъ былъ отступникомъ (по мнѣнію раскольниковъ, антихристомъ). Каковъ бы ни

былъ народно-психологическій процессъ, создавшій Петра, онъ, какъ фактическій дѣятель, такъ сильно вмѣшивается во всѣ основныя событія времени, что ходъ ихъ до значительной степени опредѣляется именно его личнымъ вмѣшательствомъ; и рѣдко историческое лицо, хотя бы само составлявшее продуктъ времени, являлось съ своей стороны столь энергическимъ факторомъ исторіи. Въ исторіи дѣйствуетъ не только непосредственный фактъ—извѣстная правительственная мѣра, законъ, данное личное рѣшеніе, но цѣлый рядъ иногда трудно уловимыхъ элементовъ, именно *впечатлѣнія* событій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи личности Петра несомнѣнно принадлежитъ громадное, хотя и трудно измѣримое вліяніе. Нравы временъ Петра были грубы, умы мало развиты, но и въ этихъ условіяхъ можно, кажется, не рискуя пасть въ ошибку, указывать это великое нравственно-общественное впечатлѣніе его личности, о которомъ сохранились хотя и немногія, но довольно краснорѣчивыя свидѣтельства его лучшихъ „учениковъ". Оцѣнка исторической дѣятельности Петра должна имѣть двоякую задачу: во-первыхъ, опредѣлить тѣ фактическія пріобрѣтенія, какія сдѣланы были его собственнымъ трудомъ въ свое время въ разнообразныхъ областяхъ національной жизни; во-вторыхъ, опредѣлить то нравственное вліяніе, какое производила его личность не только на современниковъ, вызывая ихъ дѣятельность въ томъ же направленіи, но и на послѣдующія поколѣнія, способствуя образованію извѣстнаго народно-общественнаго идеала,—это вліяніе продолжается и до сей минуты.

I.

Для прямой оцѣнки Петра В. было бы существенно важно историческое сравненіе двухъ періодовъ. Оно дѣлалось множество разъ, начиная съ его современниковъ: но и до сихъ поръ оно не было сдѣлано яснымъ и категорическимъ образомъ. Въ прежнее время, отъ современниковъ и до Устрялова, оно чрезъ мѣру впадало въ панегирикъ; новѣйшія точки зрѣнія превращали панегирикъ въ полное осужденіе, и это противорѣчіе остается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ. Съ другой стороны, какъ это ни странно сказать, мы не имѣемъ до сихъ поръ и достаточно полнаго опредѣленія самой личности Петра. Старый панегирикъ изображалъ его какъ будто высшимъ существомъ, витавшимъ надъ обыкновенными смертными; съ другой стороны онъ изображался, быть можетъ, талантливымъ, но вовсе не геніальнымъ деспотомъ, для

котораго не существовало священнаго народнаго преданія, у котораго не было другого руководства, кромѣ личнаго упрямаго произвола, и не было другого средства реформы, кромѣ ограниченнаго подражанія. Изъ этого противорѣчія наша исторіографія также еще не вышла; между тѣмъ понятно, что это опредѣленіе личности очень важно для правильнагс понкманія самаго дѣла: характеръ мотивовъ долженъ дать ту или иную окраску дѣйствій. Задача трудная и, къ сожалѣнію, уровень силъ нашей исторіографіи таковъ, что она не только пугается подобныхъ трудныхъ вопросовъ, но считаетъ даже „научной" доблестью совсѣмъ ихъ не касаться, на томъ основаніи, что еще не собранъ „весь матеріалъ",—а онъ едва ли будетъ собранъ и въ XX-мъ столѣтіи... Правда, до недавняго времени эта задача была трудно разрѣшима по чисто внѣшней причинѣ: различныя стороны вопроса не были доступны для нашей исторической критики; по крайней мѣрѣ долженъ бы быть ясно поставленъ самый вопросъ.

На этотъ вопросъ наводятъ, между прочимъ, изданныя недавно записки датскаго посланника при Петрѣ Великомъ, Юста Юля, который жилъ въ Россіи въ 1709—1711 годахъ и велъ дневникъ почти изо дня въ день, часто видалъ Петра Великаго, независимо отъ своего дѣла былъ очень заинтересованъ его необыкновенной личностью и правдиво записывалъ все, что̀ видѣлъ, высказывая и свое изумленіе передъ этой личностью, но нимало не скрывая темныхъ сторонъ характера и правленія Петра, какъ ихъ понималъ. Въ этомъ отношеніи записки Юля являюся однимъ изъ интереснѣйшихъ свидѣтельствъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія историковъ. Исполняя свое дипломатическое порученіе, Юль долженъ былъ нерѣдко видать царя, но личность его производила на датскаго посланника такое впечатлѣніе, что и безъ того онъ искалъ случаевъ видѣть его какъ можно чаще и затѣмъ съ точностію записывалъ о каждомъ свиданіи и каждомъ разговорѣ съ нимъ. Царя было легко видѣть, у него ли дома, или на пирахъ у кого-нибудь изъ его приближенныхъ, на торжественныхъ церемоніяхъ,—если только царь не скрывался, какъ иногда бывало, отъ толпы, и когда добраться къ нему было очень трудно. Разсказъ Юля столь безъискусственно простъ, что достовѣрность его показаній едва ли можетъ подлежать сомнѣнію—такъ дышатъ правдой его разсказы, и восторженные, и порицательные. Мы не получаемъ, конечно, цѣльной характеристики, о которой не думалъ и самъ писавшій, но собранныя имъ черты даютъ для подобной характеристики много любопытнѣйшихъ указаній, въ особенности рядомъ

съ замѣтками Юля о русскихъ нравахъ того времени, составляющихъ фонъ его картины.

Въ этихъ отрывочныхъ разсказахъ передъ нами встаетъ чрезвычайно оригинальная картина переходной эпохи. Рѣдко гдѣ у современныхъ повѣствователей о Петровской эпохѣ такъ ярко отражаются черты стараго и новаго русскаго быта: записанныя въ дневникѣ какъ непосредственный фактъ, безъ всякихъ личныхъ соображеній и какой-либо предвзятой точки зрѣнія, онѣ являются прямымъ отголоскомъ самой жизни, простымъ фактомъ, который намъ предоставляется обсуждать самимъ... Когда въ послѣднее время раскрылись многіе, недоступные прежде историческіе источники, Петровская эпоха уже стала представляться нашимъ историкамъ въ ея простыхъ реальныхъ подробностяхъ,— и этого одного было достаточно, чтобы измѣнить прежнее обычное понятіе о Петровскихъ временахъ, какъ о рѣшительной реформѣ, какъ о переломѣ, о новомъ періодѣ русской жизни, прекратившемъ старину и начавшемъ все зáново. Оказывалось, напротивъ, что среди реформы старина сохраняла еще великую силу, что самые ея дѣятели были очень часто истинные сыны московскихъ временъ; что если мѣнялись многія формы, вносились новыя требованія и образовательныя понятія, то въ умахъ и нравахъ продолжала жить самая подлинная старина; что самъ Петръ, котораго считали такимъ отступникомъ отъ народной старины, бывалъ, напротивъ, очень приверженъ къ старому обычаю и требовалъ его исполненія... Вся картина реформы сильно измѣнялась: вмѣсто единичнаго акта, рѣшившаго преобразованіе, получался рядъ десятилѣтій, въ теченіе которыхъ производились тѣ или другія измѣненія; вмѣсто простого заимствованія чужихъ понятій и обычаевъ оказывался упорный медленный трудъ, результатъ котораго являлся естественнымъ послѣдствіемъ опыта; вмѣсто пристрастія къ иноземцамъ, въ которомъ такъ много упрекали Петра, мы видѣли настойчивое желаніе выдвигать именно русскихъ людей, какъ скоро они выказывали требуемое знаніе, ставить ихъ во главѣ того или другого дѣла даже тогда, когда они не были въ немъ компетентны, но подчинять имъ иностранцевъ, и т. д. Записки Юля еще разъ усиливаютъ это впечатлѣніе, безъ сомнѣнія болѣе близкое къ истинѣ, чѣмъ прежніе панегирики о созданіи новой Россіи, или прежнія осужденія отступничества отъ народныхъ началъ: передъ нами открывается зрѣлище общественнаго процесса, въ которомъ старое и новое связываются органически и котораго явленія представляются съ необходимостью исторической логики.

Записки Юля хранятся въ государственномъ архивѣ въ Копенгагенѣ и, по замѣчанію ихъ переводчика, мало кому извѣстны. Въ началѣ записокъ помѣщено вступленіе или посвященіе датскому королю Фредерику IV, гдѣ говорится, что при посылкѣ Юля въ Россію ему предписывалось вести во время путешествія обстоятельный дневникъ—для представленія впослѣдствіи самому королю; и поэтому составитель дневника „не колебался отмѣчать въ немъ какъ достойное хулы, такъ и достойное похвалы", и считалъ непростительнымъ скрывать отъ короля правду, и притомъ для короля было бы „весьма важно быть освѣдомлену объ особенностяхъ двора, о населеніи и условіяхъ того края, куда посылается для переговоровъ посланникъ, такъ какъ при этомъ представляется возможность, сообразуясь съ имѣющимися данными, принять тѣ или другія полезныя рѣшенія, которыя въ противномъ случаѣ не были бы приняты".

Юль (1664—1715) по профессіи былъ морякъ; вернувшись изъ Россіи, онъ снова вступилъ въ прежнюю службу и былъ убитъ въ морскомъ сраженіи со шведами [1]). Въ 1709 г. онъ отправился въ Россію, какъ посланникъ союзной державы, и въ концѣ августа прибылъ моремъ на рейдъ подъ Нарвой. Прошло нѣсколько дней, пока мѣстныя власти, не предупрежденныя объ его пріѣздѣ, впустили его въ Нарву, гдѣ по старинному обычаю относились къ нему то по-своему гостепріимно, то недовѣрчиво. Юль очень жалуется на послѣднее, какъ и на то, что русскіе или не понимаютъ, или не хотятъ понять европейскаго обычая дипломатической вѣжливости, напр., не соблюдаютъ должнаго порядка визитовъ; въ теченіе всего пребыванія въ Россіи онъ жалуется на то, что русскія власти не исполняли своихъ обязательствъ, задерживали или совсѣмъ не доплачивали денегъ на его содержаніе, поѣздки и т. п. Съ первыхъ шаговъ въ Россіи онъ присматривается къ нравамъ русскаго общества, особенно въ томъ высшемъ кругу, въ которомъ онъ вращался,—и здѣсь, между прочимъ, мы постоянно встрѣчаемъ такія же черты, какія встрѣчаемъ у болѣе раннихъ иностранныхъ писателей семнадцатаго вѣка. Напр., еще живя въ Нарвѣ, онъ бывалъ въ обществѣ русскихъ — коменданта Зотова (сына стараго Зотова, воспитателя Петра), генералъ-адмирала Ѳедора Матв. Апраксина (брата царицы, вдовы царя Ивана Алексѣевича) и др., и въ этомъ кругу старинный обычай былъ въ полной сохранности.

---

[1]) См. краткія біографическія свѣденія о немъ, сообщенныя г. Щербачевымъ въ „Р. Архивѣ", 1893, № 2.

Однажды пріѣхалъ къ нему комендантъ съ нѣсколькими офицерами (4 сент. 1709): „Войдя въ комнату, какъ самъ онъ, такъ и бывшіе при немъ русскіе оглядѣлись вокругъ, чтобы отыскать на стѣнѣ образъ, и когда увидѣли его, то перекрестились на него и поклонились; затѣмъ комендантъ поздоровался со мною. По всей Россіи въ обычаѣ, чтобы въ комнатахъ, въ углу, обращенномъ къ свѣту, висѣло по одному или по нѣскольку образовъ, на которые входящій, не обращая вниманія на присутствующихъ (знатность ихъ тутъ не при чемъ), три раза крестится и кланяется, и тогда уже привѣтствуетъ и кланяется сперва почетнѣйшему въ комнатѣ, затѣмъ остальнымъ, каждому особо". Описаніе обѣда у коменданта (подъ 5 сент.) опять напоминаетъ старинные застольные обычаи: чрезмѣрное пьянство такимъ же образомъ описывается и въ семнадцатомъ вѣкѣ. Когда комендантъ въ другой разъ (22 сент.) позвалъ его обѣдать, то на обѣдѣ былъ также упомянутый генералъ-адмиралъ и другія важнѣйшія должностныя лица (подъ Нарвой стояло тогда много войска). „Тутъ мнѣ пришлось познакомиться еще съ однимъ русскимъ обычаемъ: жена хозяина, одѣтая во *французское платье*, стояла посреди комнаты, неподвижная и прямая, какъ столбъ; мнѣ сказали, чтобъ я поцѣловалъ ее (такъ принято), и я исполнилъ это. Затѣмъ она подносила мнѣ и другимъ водку на тарелкѣ, шаркала, какъ мужчина (?), и принимала обратно пустую чашу". Черезъ нѣсколько дней (3 окт.) онъ обѣдалъ у пріѣхавшаго въ Нарву оберъ-коменданта Нарышкина. Самый обѣдъ происходилъ почти такъ же, какъ у коменданта Зотова: „подавалось такое же количество плохо приготовленныхъ, дурно сервированныхъ и неумѣло расположенныхъ блюдъ: оберъ-комендантъ, какъ всякій русскій хозяинъ, самъ служилъ за столомъ и при каждой чашѣ обносилъ кругомъ гостей стаканъ на тарелкѣ".

Какъ читаемъ у иностранныхъ путешественниковъ XVI-го и XVII-го вѣка, такъ и Юль говоритъ о большомъ высокомѣріи русскихъ относительно иноземцевъ, даже знатныхъ, о мѣстническихъ разсчетахъ—не сдѣлать перваго посѣщенія, не уступить перваго мѣста и т. п. По пріѣздѣ Нарышкина, Юль послалъ ему поздравленіе съ пріѣздомъ и приглашеніе на обѣдъ. Нарышкинъ „велѣлъ только кланяться и сказать, что мы, безъ сомнѣнія, еще передъ тѣмъ увидимся". „Хотя отвѣтъ этотъ,—говоритъ Юль,—могъ имѣть двоякій смыслъ, однако я отлично угадалъ въ немъ намекъ, что я первый долженъ посѣтить оберъ-коменданта, о чемъ ему въ сущности не слѣдовало напоминать даже, еслибъ онъ былъ правъ. Впрочемъ, я зналъ, что русскіе, въ

томъ числѣ и онъ, стали учиться въ школѣ вѣжливости лишь при теперешнемъ царѣ и еще сидѣли тамъ за азбукой. Поэтому мнѣ оставалось только сожалѣть о нихъ и ждать, чтобъ они чему-нибудь научились“. Рядомъ съ этимъ сохранялась опять старая, упомянутая выше черта,—какъ говоритъ Юль,—„та скаредность и мелочность, съ которыми впослѣдствіи я хорошо ознакомился“. Свои суточныя деньги, дрова, свѣчи и т. д. Юль получалъ „всякій разъ не иначе, какъ послѣ частыхъ напоминаній и долгаго выпрашиванія“... „Несмотря на все это, я постоянно долженъ былъ дѣлать подарки лицамъ, приносившимъ мнѣ мое положенное содержаніе, котораго мнѣ и безъ того едва доставало. Слѣдуетъ вдобавокъ отмѣтить, что какъ въ Нарвѣ, такъ впослѣдствіи и въ самой Россіи, русскіе при выдачѣ мнѣ денегъ намѣренно меня обсчитывали. Если, бывало, ихъ провѣришь, они сосчитаютъ снова и говорятъ, что счетъ вѣренъ. Продѣлывали они это хоть десять разъ къ ряду, и до тѣхъ поръ изводили получающаго деньги, пока ему не надоѣдало ихъ провѣрять и онъ не мирился на обманѣ“... Эта чиновническая испорченность несомнѣнно была опять наслѣдіемъ старыхъ временъ, о которыхъ можно найти достаточно подобныхъ свидѣтельствъ и въ домашнихъ источникахъ, и въ разсказахъ иностранцевъ.

II.

И во многихъ другихъ подробностяхъ изъ эпохи, которую считаютъ главнымъ источникомъ измѣненія старыхъ обычаевъ, мы встрѣчаемся съ самой подлинной стариной. Юль разсказываетъ, со словъ русскихъ, что въ русской арміи многіе генералы уполномочены царемъ назначать въ свои части офицеровъ, до подполковниковъ, и этому обстоятельству Юль приписываетъ великое чинопочитаніе, господствующее въ русской арміи; но изъ самаго разсказа видно, что формы этого чинопочитанія и вообще отношенія младшихъ къ старшимъ были самыя старинныя. Онъ говоритъ: „...когда офицеры приходятъ къ генералу, то кланяются ему въ землю, наливаютъ ему вина и вообще служатъ ему, какъ лакеи. Относительно здѣшнихъ поклоновъ наблюдается слѣдующее. Когда русскій хочетъ выказать какому-либо важному лицу наибольшую степень почтенія, то падаетъ предъ нимъ ницъ, т.-е. становится на правое колѣно, упирается руками въ землю и такъ сильно стукается лбомъ объ полъ, что можно явственно слышать удары. О такихъ поклонахъ часто упоминается въ Священномъ

Писаніи: „молиться, падая на лицо свое". При менѣе почтительномъ поклонѣ русскіе становятся на правое колѣно и кладутъ на полъ правую ладонь. Вообще же, привѣтствуя какого-либо боярина, они кланяются такъ низко, что правою рукою дотрогиваются до земли". Рядомъ съ этимъ онъ указываетъ другую характерную черту, опять идущую изъ стараго дѣдовскаго преданія: бывши однажды у генералъ-адмирала Апраксина, Юль „сдѣлалъ наблюденіе", что русскіе чаще называютъ другъ друга по имени и отчеству, чѣмъ по фамиліи или по должности; самого генералъ-адмирала звали не „господинъ адмиралъ", а „Ѳедоръ Матвѣевичъ", и такъ обращался къ нему всякій, какое бы ни занималъ низкое положеніе; даже царя русскіе часто называли „Петръ Алексѣевичъ".

Нарвское русское общество все умножалось; пріѣхалъ адмиралтейскій совѣтникъ Кикинъ,—„говорятъ, онъ въ великой милости у царя". Новые визиты, обѣды и наблюденія, и опять старинныя бытовыя черты. Юль разсказываетъ, что на обѣдахъ бываетъ въ обычаѣ угощать не только гостей, но и приводимыхъ ими многочисленныхъ слугъ,—иначе пріемъ не считается хорошимъ; онъ припоминаетъ, что и по датской пословицѣ „пиръ должна хвалить прислуга". Онъ удивляется дальше чрезвычайной неровности въ обращеніи между высшими и низшими: упомянутое выше унизительное чинопочитаніе смѣняется совершеннымъ панибратствомъ; въ то время, какъ младшіе офицеры услуживаютъ генераламъ „какъ лакеи", генералы тутъ же начинаютъ обращаться съ ними за панибрата, вмѣстѣ съ ними пьютъ, играютъ въ карты на деньги. Юль не можетъ понять этого: „такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—хотя въ настоящее время въ своемъ обращеніи русскіе и стараются подражать, какъ обезьяны, другимъ націямъ, хотя они и одѣваются во французскія платья, хотя по наружному виду они немного и отесаны, тѣмъ не менѣе внутри ихъ по прежнему сидитъ мужикъ". Можно было бы сказать другое—что деревянная субординація еще не успѣла заслонить простыхъ человѣческихъ отношеній: старинная жизнь была грубѣе, но проще, и сохраненіе ея обычая вовсе не было бѣдой, если бы только не происходило слишкомъ часто на почвѣ общаго пьянства.

Живя долго въ Нарвѣ, Юль имѣлъ случай наблюдать и русскіе церковные обычаи. „Русскіе весьма любятъ свои храмы,—говоритъ онъ (подъ 21 ноября),—и ревниво оберегаютъ ихъ отъ оскверненія. Ничего для нихъ нѣтъ обиднѣе, какъ если въ церковь забѣжитъ собака. По ихъ мнѣнію, церковь оскверняется и чрезъ посѣщеніе лицъ иныхъ вѣроисповѣданій. Однако, запре-

щеніе иновѣрцамъ входить въ храмы не такъ строго наблюдается съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній царь, ознакомившись съ другими христіанскими народами, увидѣлъ, что они не такіе грубые язычники, каковыми въ старину считали ихъ русскіе"... Это послѣднее было однимъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ, гдѣ Петръ отступалъ отъ освященнаго древняго преданія и (каковы бы ни были его личныя излишества) едва ли съ точки зрѣнія христіанства и здраваго смысла можно было бы обвинить его, что онъ не исполнялъ буквально прежней нетерпимости... Но старое бытовое благочестіе продолжало строго держаться: Юль говоритъ о томъ, какъ сурово соблюдались посты, въ теченіе которыхъ русскіе доходили до настоящаго отощанія и слабости. Однажды на обѣдѣ у Брюса, въ простой постный день, когда не было приготовлено рыбы, нѣкоторые изъ русскихъ офицеровъ ѣли мясо, но другіе „довольствовались хлѣбомъ съ солью, огурцами, свеклою и тому подобными появлявшимися на столѣ яствами". Несмотря, однако, на соблюденіе постовъ, русскіе, по замѣчанію Юля, остаются крайне несвѣдущи въ христіанскомъ вѣроученіи; большинство взрослыхъ людей не имѣютъ такихъ понятій о своей вѣрѣ, какія въ Даніи имѣетъ и ребенокъ. Въ этомъ, однако, отъ большинства очень отличаются раскольники: по словамъ Юля (безъ сомнѣнія, слышавшаго это отъ самихъ русскихъ), раскольники честнѣе, богобоязненнѣе и трезвѣе прочихъ русскихъ, по части христіанскихъ догматовъ начитаннѣе и просвѣщеннѣе.

Датскій посланникъ прожилъ въ Нарвѣ нѣсколько мѣсяцевъ, потому что здѣсь онъ долженъ былъ ожидать пріѣзда царя. Это былъ годъ Полтавскаго сраженія; съ юга царь долженъ былъ проѣхать на сѣверъ, гдѣ война была въ разгарѣ въ Лифляндіи. Только въ половинѣ ноября получено было въ Нарвѣ извѣстіе отъ вице-канцлера Шафирова о скоромъ прибытіи царя, который пріѣхалъ въ Нарву 30-го ноября. Датскому посланнику очень хотѣлось вмѣстѣ съ другими выѣхать на встрѣчу царю, но коменданты „по высокомѣрію" не разрѣшили ему этого подъ тѣмъ предлогомъ, что сначала надо было доложить объ этомъ Петру. Юль послалъ своего секретаря къ коменданту просить его освѣдомиться у царя, можетъ ли онъ ему представиться, царь велѣлъ сказать, что идетъ сейчасъ обѣдать къ Нарышкину, и что Юль также можетъ туда явиться. Первая встрѣча съ самимъ царемъ произошла очень просто, безъ всякаго „высокомѣрія".

„Лишь только я съ подобающимъ почтеніемъ представился царю,—пишетъ Юль подъ 30-мъ ноября,—онъ не замедлилъ спросить меня (однако, чрезъ посредство толмача) о здоровьѣ нашего

всемилостивѣйшаго короля; я отвѣчалъ ему и поблагодарилъ какъ надлежало [1]). Далѣе онъ освѣдомился, не служилъ ли я во флотѣ, на что я отвѣтилъ утвердительно. Вслѣдъ за этимъ онъ сѣлъ за столъ, пригласилъ меня сѣсть возлѣ себя и тотчасъ же началъ разговаривать со мною безъ толмача, такъ какъ самъ говорилъ по-голландски настолько отчетливо, что я безъ труда могъ его понимать; со своей стороны и онъ понималъ, что я ему отвѣчаю. Царь немедля вступилъ со мною въ такой задушевный разговоръ, что, казалось, онъ былъ моимъ ровнею и зналъ меня много лѣтъ. Сейчасъ же было выпито здоровье моего всемилостивѣйшаго государя. Царь самъ подалъ мнѣ стаканъ, чтобы пить эту чашу. При его величествѣ не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого-либо тайнаго совѣтника, была только свита изъ 8-ми или 10-ти человѣкъ. Онъ равнымъ образомъ не везъ съ собою никакихъ путевыхъ принадлежностей ни для стола, ни для ночлега. Было при немъ нѣсколько бояръ и князей, которыхъ онъ держитъ въ качествѣ шутовъ. Они орали, кричали, свистѣли, дудѣли, пѣли и курили въ той самой комнатѣ, гдѣ находился царь. А онъ бесѣдовалъ то со мною, то съ кѣмъ-либо другимъ, оставляя безъ вниманія ихъ ораніе и крики, хотя нерѣдко они обращались прямо къ нему.

„Царь очень высокъ ростомъ, носитъ собственные короткіе, коричневые, вьющіеся волосы и довольно большіе усы, простъ въ одѣяніи и пріемахъ, но весьма проницателенъ и уменъ. За обѣдомъ у оберъ-коменданта у царя былъ мечъ, снятый въ Полтавской битвѣ съ генералъ-фельдмаршала Рейншильда. Говоря вообще, царь, какъ сказано въ Supplemento Curtii объ Alexandro Magno: „Anxiam corporis curam feminis convenire dictitat, quae nulla alia dote aeque commendantur, si virtutis potiri contingisset, satis se speciosum fore“ [2]). Онъ разсказывалъ мнѣ о Полтавской битвѣ, о чумѣ въ Пруссіи и Польшѣ, о содержаніи письма, полученнаго имъ въ Торнѣ отъ моего всемилостивѣйшаго наслѣдственнаго государя, говорилъ также, что онъ не сомнѣвается въ дружбѣ моего короля. Вечеръ прошелъ въ сильной выпивкѣ; но

[1]) Замѣтимъ, что, прибывъ въ Нарву въ послѣдніе дни августа, Юль, по его словамъ, первыя извѣстія изъ Даніи получилъ только въ началѣ ноября: причиной такой рѣдкости сношеній были, вѣроятно, военныя дѣйствія въ балтійскихъ областяхъ и на морѣ.

[2]) Въ дополненіи у Курція объ Александрѣ Великомъ: „онъ утверждалъ, что тревожныя заботы о своемъ тѣлѣ подобаютъ женщинамъ, у которыхъ кромѣ этого нѣтъ ничего; если же ему удастся пріобрѣсти доблесть, то онъ будетъ достаточно красивъ“.

при этомъ велись и такіе разговоры о различныхъ вещахъ, что они могли бы скорѣе послужить предметомъ секретнаго донесенія, чѣмъ найти мѣсто въ настоящихъ запискахъ".

Съ этого дня записки Юля заняты въ особенности царемъ. Датскій посланникъ старался видѣть его сколько возможно чаще, чтò ему и удавалось. Онъ уже съ первыхъ опытовъ увидѣлъ, что для Петра обыкновенныя дипломатическія формы почти не существуютъ; онъ не считалъ особенно нужными формальныя представленія пословъ, говорилъ съ ними гдѣ случится, среди всякихъ другихъ дѣлъ, особенно на пиру, и говорилъ иногда такъ открыто, что приводилъ въ недоумѣніе людей, имѣвшихъ высокое представленіе о важности дипломатическихъ церемоній, какъ въ настоящемъ случаѣ Юль. На другой же день (1 дек.) онъ записываетъ, что опять обѣдалъ съ царемъ у Нарышкина и ему „велѣно было *спрятать* вѣрительную грамоту съ тѣмъ, чтобы вручить ее только въ Москвѣ", куда царь долженъ былъ отправиться и куда долженъ былъ послѣдовать за нимъ и датскій посланникъ. Такъ это и случилось; затѣмъ, послѣ пребыванія въ Москвѣ, Юль долженъ былъ послѣдовать за царемъ — хотя отдѣльно отъ него — въ турецкій походъ, и въ концѣ 1711 года онъ вернулся домой уже черезъ Польшу и Пруссію. Въ сложности, Юль видѣлъ въ Россіи довольно много, и разсказъ его заключаетъ не мало любопытныхъ подробностей о разныхъ сторонахъ тогдашней русской жизни, но главнымъ его интересомъ былъ безъ сомнѣнія самъ царь. Видя его близко и часто, Юль проникся величайшимъ уваженіемъ къ личности Петра, и хотя видѣлъ также его недостатки, это не уменьшало его удивленія передъ необычайнымъ характеромъ. Это впечатлѣніе тѣмъ болѣе любопытно, что, какъ мы уже видѣли изъ нѣсколькихъ примѣровъ выше, Юль вообще не весьма былъ доволенъ своими русскими отношеніями, считалъ русскихъ грубыми варварами, какъ его предшественники иностранцы, описывавшіе Россію XVI—XVII столѣтія.

На обѣдѣ 1-го ноября опять царя сопровождали его шуты, обѣдавшіе за тѣмъ же столомъ и производившіе свои часто крайне грубыя шутки. Въ числѣ ихъ былъ одинъ князь Шаховской. „Звали его кавалеромъ ордена Іуды, потому что онъ носилъ иногда на груди изображеніе Іуды на большой серебряной цѣпи, надѣвавшейся кругомъ шеи и вѣсившей 14 фунтовъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что шутъ этотъ—одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, но обуянъ мятежнымъ духомъ: когда однажды царь заговорилъ съ нимъ о томъ, какъ Іуда-предатель продалъ Спаси-

теля за 30 сребренниковъ, Шаховской возразилъ, что этого мало, что за Христа Іуда долженъ былъ взять больше. Тогда въ насмѣшку Шаховскому и въ наказаніе за то, что онъ тоже, какъ усматривалось изъ его словъ, былъ бы не прочь продать Спасителя, только за бо̀льшую цѣну, царь тотчасъ же приказалъ изготовить вышеупомянутый орденъ съ изображеніемъ Іуды, который собирается вѣшаться". Разсказавъ, какими грубыми и даже грязными способами шуты хотѣли увеселять царя, Юль замѣчаетъ: „Читателю, конечно, покажется удивительнымъ, что подобныя вещи происходятъ въ присутствіи такого великаго государя, какъ царь, и остаются безъ наказанія, и даже безъ выговора. Но удивленіе пройдетъ, если примешь въ соображеніе, что русскіе, будучи народомъ грубымъ и неотесаннымъ, не всегда умѣютъ отличать приличное отъ неприличнаго, и что поэтому царю приходится быть съ ними терпѣливыми въ ожиданіи того времени, когда, подобно прочимъ народамъ, они научатся извѣстной выдержкѣ. Царь охотно допускаетъ въ свое общество разныхъ лицъ, и на обязанности шутовъ лежитъ напаивать въ его присутствіи офицеровъ и другихъ служащихъ съ тѣмъ, чтобы изъ ихъ пьяныхъ рѣчей и перебранки онъ могъ незамѣтно узнавать объ ихъ воровствѣ и потомъ отнимать у нихъ возможность воровать, или наказывать ихъ". Дальше Юль приводитъ примѣры, которымъ можно дать подобное истолкованіе; но вообще говоря, пьянство и допущеніе шутовства являлись и сами собой, безъ этой цѣли. Нравы были еще такъ же грубы, какъ въ старину и какъ они и долго потомъ оставались въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества, оставшихся свободными отъ „западной цивилизаціи"; въ бурной и трудной дѣятельности, которая выпала на долю Петровской эпохи, потребность отдыха и развлеченія еще не находила болѣе тонкихъ способовъ увеселенія — не было ни литературы, ни театра: оставались всенародныя торжества, напр. по случаю побѣдъ, съ фейерверками, пушечной пальбой и т. п., которыя Петръ такъ любилъ устроивать, а въ заключеніе пиры, неизмѣнно сопровождавшіеся безмѣрнымъ пьянствомъ, — которое было обязательно,—а въ придачу и незамысловатыми шутовскими потѣхами. Въ старину такое же пьянство шло и на пирахъ тишайшаго царя Алексѣя Михайловича.

Въ первыхъ числахъ декабря царь былъ въ Петербургѣ, а за нимъ и Юль; по дорогѣ, въ Копорьѣ, „шла попойка и гремѣла пальба безъ конца". Тотчасъ по пріѣздѣ пришлось быть на обѣдѣ у Апраксина (по случаю дня рожденія Меньшикова): „за этимъ обѣдомъ всѣ, даже самъ царь, ѣли деревянными ложками; ...при-

ходилось пить много, и никакія отговорки не помогали; каждая чаша сопровождалась выстрѣлами". По дорогѣ къ Петербургу, сани Юля провалились на льду; бумаги его подмокли, и послѣ обѣда Юль отпрашивается домой, чтобы разобрать и просушить ихъ; „но разрѣшенія не получилъ, хотя и представлялъ, что въ числѣ документовъ находится моя вѣрительная грамота и пр. Царь возражалъ, что о моемъ назначеніи посланникомъ къ его двору король писалъ къ нему непосредственно, и онъ приметъ меня и *безъ вѣрительной грамоты*. Послѣ этого нѣсколько человѣкъ получило приказаніе слѣдить за мною, чтобы я какъ-нибудь не выбрался тайкомъ". Послѣ обѣда пиръ еще не прекратился: „цѣлую ночь проѣздили мы (по гостямъ) взадъ и впередъ, были въ одиннадцати мѣстахъ и всюду ѣли и пили въ десять разъ больше, нежели слѣдовало". Вечеромъ былъ фейерверкъ, и попойка продолжалась до четырехъ часовъ утра. „Всюду, гдѣ проходили или проѣзжали, на льду рѣки и по улицамъ, лежали пьяные. Вывалившись изъ саней, они отсыпались въ снѣгу, и все напоминало поле сраженія, усѣянное тѣлами убитыхъ".

Но не всегда можно было такъ легко видѣть царя. Онъ былъ въ этомъ отношеніи очень неровенъ: или съ нимъ можно было свободно говорить вездѣ, гдѣ бы его ни встрѣтилъ, даже на улицѣ, „и со всѣми онъ обходителенъ какъ съ товарищами"; а въ другое время, когда онъ хотѣлъ быть одинъ, нельзя было даже дознаться, гдѣ онъ находится, и доступъ къ нему былъ такъ же труденъ, какъ „къ персидскому царю Артаксерксу".

Черезъ нѣсколько дней Юль встрѣтился съ царемъ опять на обѣдѣ у Кикина. „Царь разсказалъ мнѣ, что когда, во время путешествія его за границу, онъ собирался идти моремъ изъ Пиллау въ Кольбергъ, то бранденбуржцы старались увѣрить его, будто по Балтійскому морю во множествѣ ходятъ турки и корсары (!), и что этимъ бранденбуржцы хотѣли напугать его и отклонить отъ путешествія, которое, ознакомивъ его съ состояніемъ другихъ краевъ, могло *открыть ему глаза* и способствовать устройству собственнаго его государства по образцу прочихъ странъ Европы".

Подъ 10-мъ декабря Юль записываетъ любопытную деликатную черту въ характерѣ Петра. „Царь собственною высокою особою явился ко мнѣ, чтобы прежде другихъ лично передать мнѣ полученное имъ извѣстіе о высадкѣ моего государя съ арміею въ Сканіи. Самъ я не имѣлъ еще объ этомъ свѣденій изъ Даніи. Какъ мнѣ говорили, при полученіи добрыхъ и радостныхъ вѣ-

стей, царь всегда спѣшитъ первый передать ихъ заинтересованному лицу, и находитъ въ этомъ удовольствіе".

Черезъ нѣсколько дней опять пиръ, по случаю памяти св. Андрея и царскаго ордена; опять—„ночь мы провели въ разъѣздахъ изъ одного дома въ другой, ѣли и пили... женщины со всего города неотлучно тутъ" (?). Юль хотѣлъ воспользоваться случаемъ говорить съ царемъ о дѣлахъ,—хотя передъ тѣмъ онъ только-что говорилъ, что ему не хочется теперь заниматься дѣловыми разговорами, Юль, однако, заговорилъ и — „крайне изумлялся, до какой степени царь умѣетъ владѣть своимъ лицомъ, на которомъ не проявлялось ни малѣйшей тѣни неудовольствія или скуки".

Декабря 15-го Юль видѣлъ Петра за работой на адмиралтейской верфи: онъ имѣлъ лишь небольшой морской чинъ и выказывалъ полную подчиненность старшимъ по званію. „Разумѣется, это можетъ показаться смѣшнымъ,—пишетъ Юль,—но по моему мнѣнію въ основаніи такого образа дѣйствій лежитъ здравое начало: царь собственнымъ примѣромъ хочетъ показать прочимъ служащимъ, какъ они должны быть покорны и послушливы по отношенію къ своему начальству". И затѣмъ: „съ верфи царь пошелъ на вечеръ къ одному изъ своихъ корабельныхъ плотниковъ".

Однимъ изъ ходячихъ обвиненій противъ Петра было его пристрастіе къ иноземцамъ, передъ которыми были унижены русскіе. Юль указываетъ противное. „Царь никогда не назначаетъ начальникомъ иностранца, а всегда природнаго русскаго, хотя бы онъ ничего въ дѣлѣ не смыслилъ. Чтобы заправлять дѣломъ и пускать его въ ходъ, царь сажаетъ подъ русскимъ иностранца, а русскій пожинаетъ лавры". Такимъ показнымъ адмираломъ онъ называетъ, напримѣръ, Апраксина.

Объ извѣстной простотѣ привычекъ Петра Юль сообщаетъ между прочимъ: „путешествуя по Россіи, царь, въ виду малочисленности своей свиты, ѣздитъ не въ качествѣ царя, а въ качествѣ генералъ-лейтенанта, и на этотъ конецъ беретъ у князя Меньшикова особую подорожную".

III.

Въ декабрѣ Юль выѣхалъ въ Москву, куда долженъ былъ отправиться царь. Дорога не была особенно удобна и разсказъ Юля не лишенъ любопытныхъ бытовыхъ подробностей о тогда-

шнихъ нравахъ. Въ Твери его, между прочимъ, угощалъ коменданть, „весьма добродушный и вѣжливый человѣкъ“, соблюдавшій русскіе обычаи и, между прочимъ, развлекавшій его за обѣдомъ представленіями 16 скомороховъ, „которыхъ вообще, по его словамъ, у него имѣется 60 человѣкъ“. „Во время путешествія изъ Петербурга въ Москву я сдѣлалъ слѣдующія наблюденія. Обыкновенно меня помѣщали на царскихъ подворьяхъ; но тамъ, гдѣ ихъ не было, приставъ, всегда ѣхавшій съ нѣсколькими солдатами впереди, занималъ силою домъ, который ему больше нравился, приводилъ къ моему пріѣзду въ порядокъ, топилъ, выгонялъ изъ него хозяевъ и завладѣвалъ всѣмъ домашнимъ скарбомъ; ибо здѣсь нѣтъ гостинницъ, въ которыхъ можно останавливаться и кормить лошадей. Въ случаѣ поломки саней или порчи сбруи, солдаты силою отнимали у крестьянъ то, что было нужно, и мнѣ ни о чемъ не приходилось заботиться. Въ Россіи крестьяне повсюду привыкли къ подобнымъ порядкамъ и такъ боятся солдатъ, что охотно готовы отдать все, лишь бы избѣжать ихъ побоевъ и брани. Въ саняхъ, несмотря ни на какой морозъ, мнѣ лежалось такъ хорошо и было такъ тепло, что лучшаго нельзя было желать“.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Москву, 1-го января 1710 года, Юль былъ свидѣтелемъ торжественнаго въѣзда царя въ столицу со всѣми трофеями Полтавской битвы. Юль разсказываетъ, что въ началѣ войны шведы, когда имъ случалось одерживать верхъ надъ русскими, обыкновенно посылали въ Стокгольмъ плѣнныхъ и трофеи. Этимъ они дали примѣръ и Петру, который праздновалъ такимъ же образомъ взятіе Нарвы, Шлиссельбурга и Дерпта. Теперь онъ торжествовалъ свою важнѣйшую Полтавскую побѣду и торжество ознаменовано было грандіознымъ вступленіемъ въ Москву, гдѣ приготовлены были великолѣпныя тріумфальныя арки съ обычными тогда аллегорическими изображеніями, и въ громадной процессіи двигались русскія войска, тысячи плѣнныхъ, взятыя подъ Полтавой и при Лѣсной, шведскіе генералы, масса взятыхъ знаменъ и орудій; не было недостатка и въ комическихъ подробностяхъ—среди войскъ фигурировали самоѣды въ своихъ саняхъ, запряженныхъ оленями, въ своихъ костюмахъ и съ своимъ царемъ, какимъ Петръ назначилъ француза Вимени. Шествіе тронулось при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ московскихъ церквей. Юль подробно передаетъ порядокъ шествія, опуская описаніе тріумфальныхъ воротъ, которое должно было сполна явиться въ печати, и сообщаетъ подробности, видѣнныя имъ самимъ. „Въ воротахъ играла прекрасная духовая музыка

и раздавалось стройное пѣніе. Молодежь, толпами встрѣчавшая царя на улицахъ и площадяхъ, бросала къ его ногамъ вѣтки и вѣнки. Стеченіе народа и черни было ужасное: всѣ хотѣли видѣть царя и пышный поѣздъ. Чуть не черезъ домъ изъ дверей выходили бояре и купцы и подносили царю напитки. Такимъ образомъ царь и его свита изобильно ѣли и пили. На всѣхъ улицахъ и площадяхъ, по всему городу возлѣ дверей домовъ были поставлены сосны и вѣнки изъ сосновыхъ вѣтокъ. У знатныхъ бояръ и важныхъ купцовъ ворота были расписаны красивыми аллегоріями и рисунками разнообразнаго содержанія, по большей части направленными къ осмѣянію шведовъ. Рисунки изображали: орла, который молніею свергаетъ льва съ горы; льва въ темницѣ; Геркулеса, въ львиной шкурѣ, убивающаго льва, и т. п. Словомъ, pictores atque poetae соединились вмѣстѣ, чтобы съ помощью своего искусства общими силами покрыть шведовъ позоромъ. Смотрѣть на торжественный въѣздъ мнѣ и датскому посланнику Грунту, котораго я пріѣхалъ замѣстить, отвели, по нашей просьбѣ, особый домъ. Въ проѣздъ царя я сошелъ внизъ поздравить его и, подобно другимъ, поднесъ ему стаканъ вина, провозгласивъ его здоровье. Вино онъ отъ меня принялъ, обнялъ меня съ большимъ добродушіемъ и знаками милостиваго вниманія, и въ концѣ концовъ поцѣловалъ. Какъ царь, и всѣ окружающія его лица были пьяны и нагружены какъ нельзя лучше".

Въ теченіе этого же торжества Юлю пришлось увидѣть странное зрѣлище. Встрѣтивъ царя, онъ поѣхалъ потомъ въ каретѣ съ канцлеромъ Головкинымъ. „Мы проѣхали порядочный конецъ, какъ вдругъ мимо насъ во весь опоръ проскакалъ царь. Лицо его было чрезвычайно блѣдно, искажено и уродливо; онъ дѣлалъ различныя страшныя движенія головою, ртомъ, руками, плечами, кистями рукъ и ступнями.

„Оба мы вышли изъ кареты. Тутъ мы увидали, какъ царь, подъѣхавъ къ одному солдату, несшему шведское знамя, сталъ безжалостно рубить его мечемъ, быть можетъ за то, что тотъ шелъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Далѣе царь остановилъ свою лошадь, но все продолжалъ дѣлать описанныя страшныя движенія, вертѣлъ головою, кривилъ ротъ, заводилъ глаза, подергивалъ руками и плечами и дрыгалъ взадъ и впередъ ногами. Въ ту минуту его окружали важнѣйшіе его сановники. Всѣ они были испуганы, и никто не смѣлъ къ нему подойти; они видѣли, что царь чѣмъ-то раздосадованъ и сердитъ. Наконецъ, къ нему подъѣхалъ и заговорилъ съ нимъ его поваръ Іоганнъ фонъ-Фельтенъ. Какъ мнѣ послѣ передавали, вспышка и гнѣвъ царя имѣли при-

чиною то обстоятельство, что въ это самое время его любовница, Екатерина Алексѣевна, рожала и была такъ плоха, что боялись за ея жизнь...

„Страшныя движенія и судороги царя доктора́ зовутъ конвульсіями. Онѣ случаются съ нимъ часто, преимущественно когда онъ сердитъ, находится подъ впечатлѣніемъ дурныхъ вѣстей, вообще чѣмъ-нибудь недоволенъ или въ глубокой задумчивости... Говорятъ, что конвульсіи происходятъ у него отъ яда, который онъ будто бы проглотилъ когда-то; однако вѣрнѣе, что причиною ихъ болѣзнь и острота крови, и что всѣ эти ужасныя на видъ движенія (топаніе и дрыганіе ногами, кивки и пр.) вызываются особымъ припадкомъ, который какъ бы сродни апоплексическому удару". Извѣстно, что въ подобныхъ припадкахъ этого болѣзненнаго возбужденія и порывахъ бѣшенства его могла успокоивать Екатерина. Что бы это ни было, очевидно, что нервы Петра были страшно напряжены, и при громадной силѣ физическаго организма нервные припадки получали такой страшный характеръ. При другомъ случаѣ, въ февралѣ 1710 года, Юль разсказываетъ, что вмѣстѣ съ царемъ былъ на свадьбѣ у одного морского офицера: „маршаломъ на свадьбѣ былъ самъ царь, а я посажонымъ отцомъ жениха. Царь охотно соглашается бывать маршаломъ на свадьбахъ, чтобы не быть вынужденнымъ сидѣть на одномъ мѣстѣ: положеніе, повергающее его въ *состояніе внутренняго безпокойства*".

Повидимому эти припадки скоро проходили и черезъ нѣсколько дней Юль снова разсказываетъ о пирахъ и торжествахъ. Въ Москвѣ Юль былъ между прочимъ представленъ и царскому семейству—сестрѣ царя, царевнѣ Ната, двумъ царицамъ, вдовамъ царей Ѳедора и Ивана Алексѣевича, и тремъ молодымъ царевнамъ, племянницамъ царя. „Въ общемъ онѣ очень вѣжливы и благовоспитаны, собою ни хороши, ни дурны, говорятъ немного по-французски, по-нѣмецки и по-итальянски. Тутъ же князь Меньшиковъ представилъ меня своей княгинѣ, предложивъ поцѣловать ее по русскому обычаю въ губы. Въ Россіи предложеніе это дѣлаютъ гостю или чужому, когда хотятъ оказать ему честь. Меня крайне изумило, что передъ своимъ уходомъ князь Меньшиковъ поцѣловалъ царицъ въ губы, и что молодыя царевны устремились къ нему первыя, стараясь на перегонки поцѣловать у него на прощаньѣ руку, которую онъ имъ и предоставилъ. Вотъ до чего возросло высокомѣріе этого человѣка съ тѣхъ поръ, какъ, поднявшись съ низшихъ ступеней, онъ сталъ въ Россіи первымъ лицомъ послѣ царя!" О степени его образованія Юль

замѣчаетъ: „Князь Меньшиковъ говоритъ порядочно по-нѣмецки; его легко можно понять, и самъ онъ понимаетъ, что̀ ему говорятъ, но читать и писать онъ ни по-каковски не умѣетъ, можетъ развѣ подписать свое имя, котораго, впрочемъ, непосвященный не въ состояніи разобрать. Въ „великомъ мужѣ и полководцѣ", какимъ онъ почитается, подобная безграмотность особенно удивительна".

Подъ 8-мъ января (по новому стилю) Юль разсказываетъ о томъ, какъ царь проводилъ Рождество. Обыкновенно отъ Рождества до Крещенія царь, окруженный своими сановниками, офицерами, дьяками, шутами, составляющими толпу въ нѣсколько сотъ человѣкъ, разъѣзжалъ по Москвѣ и „славилъ" у важнѣйшихъ лицъ: пѣлись различныя пѣсни, сначала духовныя, а потомъ шутовскія и застольныя. „Славленіе" сопровождалось по обычаю безмѣрнымъ пьянствомъ, и Юль замѣчаетъ, что въ это время никакъ нельзя добиться разговора съ царемъ и его приближенными: „русскіе не любятъ, чтобы къ нимъ въ это время приходили иностранцы и были свидѣтелями ихъ образа жизни".

Юль не однажды упоминаетъ, что въ образѣ жизни какъ царя, такъ и его вельможъ, исполнялось много русскихъ обычаевъ и самъ царь особливо любилъ ихъ исполнять, напр., на свадьбахъ, крестинахъ и т. п. Подъ 5-мъ февраля Юль разсказываетъ о томъ, какъ царь забавлялся катаньемъ въ Нѣмецкой слободѣ. „Онъ велѣлъ привязать другъ къ другу 50 слишкомъ саней и въ переднія запречь десять лошадей. Самъ онъ сѣлъ въ переднія; въ остальныхъ размѣстились важнѣйшіе русскіе сановники". На поворотахъ сани раскатывались и опрокидывались вмѣстѣ съ сѣдоками, что̀ повторялось при каждомъ поворотѣ. Юль разсказываетъ, что царь любилъ устроивать подобныя шутки даже когда занятъ былъ самыми важными дѣлами. „Между тѣмъ всѣ дѣла онъ вѣдаетъ одинъ, ибо какъ на сушѣ, такъ и на морѣ долженъ самъ всѣмъ распоряжаться и притомъ рѣшать текущіе вопросы. Что же касается его невѣжественныхъ, грубыхъ подданныхъ, то отъ нихъ царь имѣетъ мало помощи, зато лично одаренъ совершеннымъ и высокимъ умомъ и такими широкими познаніями, что одинъ можетъ управлять всѣмъ".

Наконецъ, 11-го февраля Юль добился той торжественной аудіенціи, которой до тѣхъ поръ онъ все еще не имѣлъ. Онъ по обычаю придавалъ этому большое значеніе, велъ переговоры съ канцлеромъ, желая, чтобы извѣщеніе было прислано ему по меньшей мѣрѣ съ камергеромъ, но ему прислали только секретаря, такъ какъ аудіенція все-таки должна была быть не тор-

жественная, а частная, и Юль предпочелъ отправиться одинъ. Царь былъ въ Преображенскомъ. „Графъ Головкинъ вышелъ ко мнѣ въ комнату, смежную съ царскою, встрѣтилъ меня тамъ и повелъ къ его величеству. Не будучи еще готовъ, царь стоялъ полуодѣтый, въ ночномъ колпакѣ. О церемоніяхъ онъ не заботится и не придаетъ имъ никакого значенія или по меньшей мѣрѣ дѣлаетъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія. Вообще, за отсутствіемъ въ числѣ царскихъ придворныхъ маршала, церемоніймейстера, камеръ-юнкера и пр., аудіенція моя походила скорѣе на простое посѣщеніе. Царь сразу, безъ всякихъ предварительныхъ привѣтствій, приступилъ къ бесѣдѣ о важныхъ предметахъ и съ участіемъ канцлера сталъ обсуждать государственныя дѣла. При этомъ, не соблюдая никакого опредѣленнаго порядка, мы то прохаживались взадъ и впередъ, то стояли на мѣстѣ, то садились". Впослѣдствіи (подъ 4-мъ апрѣля 1710) Юль имѣлъ по крайней мѣрѣ то утѣшеніе, что подобнымъ образомъ царь принималъ и польскаго посланника Фицтума. При его представленіи, на которомъ Юль присутствовалъ, „никакого предварительнаго доклада о немъ не было, вѣрительную свою грамоту за кабинетною печатью короля польскаго онъ передалъ царю безъ соблюденія какого бы то ни было церемоніала, а затѣмъ не имѣлъ болѣе ни торжественной, ни частной аудіенціи".

Въ мартѣ 1710 Юль вслѣдъ за царемъ вернулся въ Петербургъ. Для него явились новые случаи наблюденій надъ русскою жизнью. Подъ 27-мъ марта онъ записываетъ: „Полки, общею численностію въ 13.000 человѣкъ, имѣя при себѣ 24 пушки и 4 мортиры, въ самый ужасный морозъ, какіе бываютъ только въ Россіи, перешли на Ритусаръ [1]) прямо черезъ ледъ съ орудіями и со всѣмъ обозомъ. Всякая другая европейская армія навѣрное погибла бы при подобномъ переходѣ. Но гдѣ предводителемъ является само счастье, тамъ все удается. Впрочемъ, русскіе такъ выносливы, что съ ними можно совершить то, чтò для солдатъ другихъ націй невыполнимо".

Подъ 28-мъ марта онъ говоритъ о службѣ самого царя: „Царь задался мыслью пройти всѣ ступени военной и морской службы. Въ нынѣшнемъ году, какъ шаутбинахтъ во флотскомъ аріергардѣ, онъ ходатайствовалъ о предоставленіи ему командованія надъ бригантинами и малыми судами. Во всемъ подчиняясь старшимъ офицерамъ, его величество даже является ежедневно за приказаніями и за паролемъ къ вице-адмиралу Корнеліусу Крейцу, вѣдаю-

---

[1]) Кронштадтъ.

щему всѣми распоряженіями по флоту въ предстоящемъ походѣ подъ Выборгъ. При такой субординаціи, просьба царя не могла быть исполнена вице-адмираломъ до полученія симъ послѣднимъ соизволенія на нее отъ главнаго начальника въ походѣ, т.-е. адмирала. Соизволеніе это, наконецъ, пришло".

Въ апрѣлѣ Юль разсказываетъ о празднованіи Пасхи. Царь пожелалъ съ нимъ христосоваться и обмѣнялся яйцами. Праздникъ былъ шумный и веселый, но Юль пораженъ былъ всеобщимъ чрезмѣрнымъ разгуломъ, который былъ, конечно, не нововведеніемъ, а стариннымъ обычаемъ: въ этотъ день,—говоритъ онъ,— „трезваго человѣка не встрѣтишь. Вообще невозможно описать того разгула, шума, пьянства и распутства, среди которыхъ протекаетъ день".

Съ весной начались различныя морскія эволюціи, въ которыхъ и датскій посланникъ, самъ по профессіи морякъ, участвовалъ какъ гость. Онъ подробно описываетъ эти морскія дѣйствія, которыя неизмѣнно сопровождались пирами и пьянствомъ. Между прочимъ царь строго запрещалъ называть его на морѣ иначе, какъ его морскимъ чиномъ, и ошибавшійся долженъ былъ выпивать, кромѣ обыкновенныхъ чашъ, большой стаканъ крѣпкаго вина въ видѣ штрафа. Подъ этотъ штрафъ подпадалъ не однажды Юль, который и безъ того не зналъ, какъ отдѣлаться отъ безмѣрнаго питья; только послѣ онъ узналъ, что какіе-то враги его наговорили царю, что онъ можетъ пить больше, чѣмъ показываетъ, и, оставаясь трезвымъ, хочетъ подслушивать разговоры. Такъ или иначе, но ему приходилось не въ моготу и дѣло доходило до такихъ случаевъ. Подъ 2-мъ мая онъ разсказываетъ, что вице-адмиралъ угощалъ Петра на своемъ кораблѣ. „Тутъ, между прочимъ, со мною приключился слѣдующій случай. Царскій ключникъ поднесъ мнѣ большой стаканъ пива; не зная, какъ отъ него отвязаться, я воспользовался тѣмъ, что онъ старъ, неловокъ, толстъ, при томъ обутъ лишь въ туфли, и убѣжалъ отъ него на фокванты, гдѣ и усѣлся на мѣстѣ скрѣпленія ихъ съ путельсвантами. Но ключникъ доложилъ объ этомъ царю, и вотъ его величество полѣзъ за мною самъ, держа въ зубахъ тотъ стаканъ, отъ котораго я только-что спасся. Взобравшись на фокванты, онъ усѣлся рядомъ со мною и тамъ, гдѣ я разсчитывалъ найти полную безопасность, мнѣ пришлось выпить не только стаканъ, принесенный самимъ царемъ, но еще и четыре другихъ стакана, доставленныхъ къ намъ по его приказанію. Послѣ этого я такъ захмелѣлъ, что безъ чужой помощи не могъ спуститься внизъ". Въ другой разъ случилось хуже. 21-го мая былъ въ гостяхъ у царя весь гене-

ралитетъ на его небольшомъ кораблѣ „Лизета“. По обыкновенію поставлена была стража, чтобы никто не могъ сойти съ корабля. Юль выпилъ, наконецъ, черезъ край, вышелъ на палубу и не хотѣлъ идти въ каюту, куда царь его потребовалъ; два датскіе морскіе офицера стали убѣждать его исполнить приказаніе, наконецъ хотѣли вести его насильно: Юль для защиты обнажилъ шпагу. Въ это время подошелъ самъ царь; онъ въ грубыхъ выраженіяхъ пригрозилъ пожаловаться королю, что въ его присутствіи Юль осмѣлился обнажить оружіе: „въ сердцахъ,—пишетъ Юль, — я съ своей стороны не особенно легко отвѣчалъ ему, что имѣю гораздо болѣе основаній для жалобъ, чѣмъ онъ, такъ какъ надо мною дѣлаютъ насиліе. Но когда его величество велѣлъ мнѣ отдать свою шпагу, я настолько опомнился, что исполнилъ его приказаніе, протянувъ ему оную эфесомъ впередъ. Царь гнѣвно взялъ ее и убѣжалъ съ нею въ каюту“. Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Юля отпустили; а вечеромъ Фицтумъ привезъ ему его шпагу. Тѣмъ временемъ Юль опамятовался и просилъ Фицтума на другой день извиниться за него передъ царемъ,—что онъ два раза пытался уѣхать, что ничего не случилось бы, еслибы его отпустили, что сказанныя имъ слова могли бы зачесться за тѣ рѣзкія рѣчи, которыми самъ царь ихъ вызвалъ... „Съ отвѣтомъ Фицтумъ прибылъ назадъ тотчасъ. Царь сказалъ ему, что вчера самъ былъ пьянъ, а потому ничего не помнитъ, и о случившемся знаетъ только отъ другихъ; что если онъ меня чѣмъ обидѣлъ, то проситъ у меня прощенія, со своей же стороны отъ всего сердца отпускаетъ мнѣ все, что было мною сказано и сдѣлано, и приглашаетъ немедленно къ нему пріѣхать, чтобы съ нимъ помириться. За симъ я поспѣшилъ къ царю вмѣстѣ съ посланникомъ Фицтумомъ. Когда я попросилъ его величество простить меня за вчерашнее, онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. „Камрадъ,—сказалъ онъ (царь почти всегда называетъ меня камрадомъ), ото всего сердца прощаю вамъ то, въ чемъ вы, быть можетъ, предо мною виноваты, но прошу и васъ простить мнѣ, если я въ чемъ-либо провинился передъ вами, и позабыть прошлое“. Обращался онъ ко мнѣ совсѣмъ какъ къ равному“. Когда дѣло было такимъ образомъ улажено, то „съизнова началась веселая попойка“.

Такъ бывало не только у царя. Подъ 5-мъ мая 1710 Юль записываетъ, что вмѣстѣ съ Фицтумомъ ходилъ на поклонъ къ вдовствующей царицѣ (кажется, по поводу радостнаго извѣстія о подтвержденіи турками мирнаго договора). „При этомъ случаѣ, какъ сама царица, такъ и царевны, ея дочери, заставили насъ

выпить столько большихъ чаръ вина, что мы напились пьяны менѣе, чѣмъ въ полчаса времени. Отпустили онѣ насъ лишь тогда, когда убѣдились, что мы совершенно готовы". Онъ сдѣлалъ при этомъ наблюденіе, что „въ обществѣ русскихъ женщинъ, благодаря ихъ усердному приставанью и просьбамъ, въ самый короткій срокъ выпиваешь болѣе, чѣмъ въ обществѣ самыхъ завзятыхъ пьяницъ". Пиры и выпивки были возведены въ торжественный церемоніалъ. Во время угощенья царя вице-адмираломъ—„пились многія заздравныя чаши, изъ коихъ однѣ привѣтствовались 7-ю, другія 5-ю выстрѣлами, при иныхъ же, по знаку вице-адмирала, палили со всѣхъ судовъ, имѣющихъ орудіе".

Эта страсть къ пальбѣ была однимъ изъ нововведеній, которыхъ не знала въ такой мѣрѣ старая Русь. Когда 4-го мая открывалась, въ Петербургѣ, кампанія, вице-адмиралъ поднялъ свой флагъ, а затѣмъ флагъ былъ поднятъ цѣлымъ флотомъ, начались взаимные салюты съ судовъ, крѣпости и адмиралтейской верфи. „Салюты слѣдовали одинъ за другимъ, и ужасная, не поддающаяся описанію пальба не прекращалась. Трудно себѣ представить, какая масса пороху истрѣливается за пирами и увеселеніями, при полученіи радостныхъ вѣстей, на торжествахъ и при салютахъ, подобныхъ нынѣшнему: ибо въ Россіи порохомъ дорожатъ не болѣе, чѣмъ пескомъ, и врядъ ли найдешь въ Европѣ государство, гдѣ бы его изготовляли въ такомъ количествѣ, и гдѣ бы по качеству и силѣ онъ могъ сравниться со здѣшнимъ".

По случаю упомянутой ратификаціи мира съ Турціей Юль ходилъ поздравлять царя въ соборъ (гдѣ совершался благодарственный молебенъ): „царь стоялъ среди многочисленныхъ пѣвчихъ и пѣлъ съ ними, точно самъ былъ церковнослужителемъ". Религіозность Петра указывается дальше подъ 18-мъ іюня: „Въ виду того, что штурмъ Выборга назначенъ на завтра, царь на сегодня *объявилъ постъ*. Воздержаніе соблюдалось строго, никто ничего не ѣлъ, въ церквахъ и дома день и ночь молились, взывая къ Богу и прося Его благословенія на побѣду". Дальше, подъ 8-мъ іюля, онъ записываетъ, что въ годовщину сраженія подъ Полтавой царь „въ соборѣ сталъ по обыкновенію среди пѣвчихъ, въ хорѣ которыхъ звучно и отчетливо пѣлъ, однажды вышелъ съ апостоломъ къ царскимъ вратамъ и громко прочелъ для паствы главу изъ посланія къ римлянамъ, послѣ чего снова присоединился къ пѣвчимъ, которые пѣли, сойдясь вмѣстѣ посреди храма".

Морской походъ къ Выборгу предпринятъ былъ для доставленія орудій и съѣстныхъ припасовъ для арміи; онъ былъ испол-

ненъ съ успѣхомъ, несмотря на всякія затрудненія: море еще было покрыто пловучимъ льдомъ, фарватеръ былъ неизвѣстенъ, суда непрочны, люди неопытны. Этотъ успѣхъ навелъ Юля на общія разсужденія о дѣлахъ Петра (подъ 28-мъ мая): „...Походъ увѣнчался, по волѣ Провидѣнія, двойнымъ успѣхомъ, окончившись счастливо какъ для флота, такъ и для арміи. Ибо, если тому или другому государю суждено стать великимъ, Господь Богъ благопріятствуетъ ему во всемъ, какъ бы онъ ни брался за дѣло. По поводу этого похода можно весьма кстати привести слова Курція: temeritas in gloriam cessit (отвага переходитъ въ славу), а также, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, повторить царю, что̀ Цицеронъ сказалъ Юлію Цезарю: ut multum virtuti, plurimum tamen felicitati debes (многимъ ты обязанъ доблести, но въ большинствѣ счастію)". Юль упоминаетъ, что черезъ два дня по окончаніи похода явилась въ Финскомъ заливѣ шведская эскадра изъ 8 линейныхъ кораблей, и еслибы только два изъ нихъ пришли раньше, они, „несмотря на всю многочисленность русскаго флота (состоявшаго изъ мелкихъ судовъ), безъ труда частью разогнали бы его, или частью потопили бы выстрѣлами". Вѣроятно въ предвидѣніи такой случайности Петръ и исполнилъ эту экспедицію во время ледохода.

Но послѣ, подъ 16-мъ іюня, самъ Юль разсказываетъ, что успѣхъ Петра заключался не въ одномъ счастьѣ. Многосторонняя дѣятельность Петра приводила его въ изумленіе: „Лицамъ, завѣдующимъ осадою Выборга, успѣхъ достался легко, такъ какъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ-подъ Выборга, царь, осмотрѣвъ во время пріостановокъ военныхъ дѣйствій, въ два пріема, траншеи, каждому преподалъ нужныя наставленія, генералъ-адмиралу, инженерамъ и артиллерійскимъ офицерамъ: ибо его величество весьма прозорливъ, отлично знакомъ со всякимъ дѣломъ и имѣетъ вѣрный взглядъ на все. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ его указаній все было бы сдѣлано навыворотъ. Вообще, всякая мѣра, военная или гражданская, до приведенія ея въ исполненіе, должна быть обсуждена царемъ. Онъ и самъ это хорошо сознаетъ. Нерѣдко въ довѣрительныхъ бесѣдахъ между мною и имъ, когда рѣчь заходила о подвигахъ и заслугахъ великихъ государей, царь отдавалъ справедливость многимъ правителямъ, въ особенности королю французскому. Онъ говорилъ, что они достойны высокой похвалы, что славу ихъ великихъ дѣяній у нихъ отнять нельзя; тѣмъ не менѣе, прибавилъ онъ, надо имѣть въ виду, что большая часть этихъ государей, въ томъ числѣ и французскій король, обязаны своими успѣхами многимъ разумнымъ и смышленымъ

людямъ, состоявшимъ у нихъ на службѣ. Совѣтами такихъ людей они могутъ пользоваться во всѣхъ, даже въ наиважнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ; между тѣмъ какъ онъ, царь, съ самаго вступленія своего на престолъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ почти-что не имѣетъ помощниковъ, вслѣдствіе чего по-неволѣ завѣдуетъ всѣмъ самъ... Въ сущности все это совершенно справедливо. Остается только удивляться съ одной стороны уму этого человѣка, правящаго всѣмъ самолично, съ другой—природнымъ его силамъ, благодаря которымъ онъ безъ утомленія выноситъ всѣ заботы и труды, выпадающіе на его долю".

Юль не разъ упоминалъ объ этомъ одиночествѣ царя и о грубости его подданныхъ. Такъ (подъ 13-мъ августа) онъ разсказываетъ по одному случаю, что царь „горько сѣтовалъ на низкій умственный уровень священниковъ и прочаго духовенства въ Россіи. По его словамъ, здѣшніе священники ничего не знаютъ, не понимаютъ и даже нерѣдко являются болѣе невѣжественными, чѣмъ простолюдины, которыхъ собственно они должны бы учить и наставлять.

Нравы, описываемые Юлемъ, какъ мы видѣли тому образчики, были очень грубые: общественныя собранія всегда были только попойками, и онъ не однажды записываетъ, что „попойка на пиру была чудовищная". На пирахъ, между приближенными царя и въ самомъ его присутствіи, нерѣдко бывали дикія сцены ссоръ и ругательствъ, которыхъ царь не останавливалъ, потому, какъ объясняетъ Юль, что въ пьяной необузданности спорившіе выбалтывали другъ о другѣ такія вещи, о которыхъ иначе царь могъ вовсе не узнать. Такъ, вѣроятно, бывало; но это могло быть и простой потѣхой, потому что и самъ царь, хотя необычайно крѣпкій, доходилъ до излишества. Очевидно, что складъ этихъ нравовъ былъ унаслѣдованный; нововведенія, въ родѣ „ассамблей" и тому подобнаго, попадали на почву первобытную и сложились на первый разъ порядочно грубо, и вмѣстѣ съ ними уживался старинный обычай. Женщины надѣвали французскія платья, но въ самомъ высшемъ кругу умѣли занять гостей только тѣмъ, что напаивали ихъ; изъ разсказовъ Юля видно, что цѣлованіе хозяйки въ сахарныя уста соблюдалось, какъ въ старину. Царь, какъ Юль также много разъ упоминаетъ, именно любилъ исполнять обычай, охотно принимая участіе въ домашнихъ праздникахъ, даже у самыхъ низшихъ подчиненныхъ; это была нѣкогда единственная обычная форма общественныхъ собраній, и Петръ всегда выполнялъ, что̀ требовалось обычаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ грубыхъ нравахъ, которые господствовали въ обстановкѣ Петра и которые

самъ онъ поощрялъ, отражался, между прочимъ, бурный военный характеръ времени: оно шло въ постоянной тревогѣ, вѣчномъ военномъ трудѣ на сушѣ и на морѣ, и страшное напряженіе силъ, при могучей физической природѣ, требовало тѣхъ отвлеченій, какія издавна были свойственны военному ремеслу. „Чудовищныя попойки“ и шутовство скомороховъ были единственнымъ развлеченіемъ, когда не существовало болѣе эстетическихъ удовольствій,—чтеніе, музыка, театръ являются плодомъ нѣкотораго просвѣщенія, а его еще не было. Въ средѣ приближенныхъ Петра Юль видѣлъ только одного, котораго можно было назвать человѣкомъ образованнымъ,—и такихъ было вообще очень немного между русскими; поэтому и требовались иностранцы; въ средѣ духовенства образованы были только тѣ, которые учились въ южнорусскихъ школахъ, и Петръ особенно отличалъ ихъ. Польскій образовательный элементъ, который такъ замѣтно входилъ къ намъ въ концѣ семнадцатаго вѣка, особенно при царѣ Ѳедорѣ и Софьѣ, продолжалъ дѣйствовать и теперь. Между прочимъ, Юль разсказываетъ (въ концѣ мая 1710), что, вернувшись изъ плаванія подъ Выборгъ, царь хотѣлъ отдохнуть. „Ища спокойствія и тишины, онъ удалился въ домъ, построенный въ его новоразбитомъ саду, гдѣ стоятъ слишкомъ 30 большихъ мраморныхъ статуй художественной работы, въ томъ числѣ бюсты покойнаго короля польскаго Собѣсскаго и его жены. Статуи эти вывезены изъ садовъ польскихъ магнатовъ. Вообще, большая и изящнѣйшая часть предметовъ роскоши, находящихся у петербургскихъ вельможъ, *польскаго происхожденія*“.

Юль не могъ быть особенно доволенъ тѣми нравами, среди которыхъ ему приходилось жить; матеріальныя условія были также неудобны: въ Петербургѣ, вслѣдствіе опустошенія „Ингерманландіи“, съѣстные припасы и другіе предметы первой необходимости были очень дороги, квартиры неудобны; иногда ему отводились помѣщенія совершенно невозможныя. Но у него при всей досадѣ, какую такъ часто причиняли ему „чудовищныя попойки“ и другія непріятныя стороны его личныхъ отношеній, неизмѣнно сохранялось самое высокое почтеніе къ личности самого царя, хотя, какъ мы видѣли, и съ нимъ доходило до весьма небезопасныхъ столкновеній. Онъ видѣлъ на самыхъ фактахъ проявленія великаго ума и необычайнаго характера, и изъ своей учености находилъ для Петра сравненія только съ Александромъ Македонскимъ и Цезаремъ. Любопытно также, что рядомъ съ этимъ онъ возъимѣлъ высокое понятіе о способностяхъ русскаго народа. Какъ спеціалистъ, онъ былъ судьею въ морскомъ дѣлѣ, и ви-

дѣвши самъ походъ русскаго флота къ Выборгу въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ удивлялся, какъ простые солдаты, въ первый разъ посаженные на суда, въ нѣсколько дней умѣли приноровиться къ дѣлу, какъ настоящіе матросы. „Быстрота, съ какою русскіе выучиваются и навыкаютъ всякому дѣлу, не поддается описанію".

IV.

Въ январѣ 1711 года въ Петербургѣ получено было извѣстіе, что турки объявили войну. Это извѣстіе произвело очень тяжелое впечатлѣніе. Въ февралѣ царь, а за нимъ и датскій посланникъ отправились въ Москву. Тамъ Юль былъ свидѣтелемъ торжественнаго прочтенія въ соборѣ манифеста о войнѣ.

Въ Москвѣ Юль подробно осматривалъ старинныя достопримѣчательности въ Кремлевскихъ соборахъ и дѣлаетъ замѣчанія о московскомъ бытѣ. Между прочимъ, онъ пишетъ, что въ Москвѣ „ужасные разбои и грабежи". Въ первые же дни по его пріѣздѣ въ Москву, невдалекѣ отъ его дома разбойники напали на морского капитана, проходившаго вечеромъ съ провожатыми солдатами: всѣ они были страшно изранены и капитанъ умеръ въ домѣ Юля, куда былъ принесенъ. „Разбойники представляютъ въ Москвѣ истинное бѣдствіе. Выйти вечеромъ на улицу значитъ подвергнуть свою жизнь опасности. Зимою безъ уличныхъ убійствъ и грабежей не проходитъ ни одной ночи. Утромъ на улицахъ находятъ трупы ограбленныхъ. Возлѣ самаго моего подворья и въ ближайшихъ его окрестностяхъ, за время трехмѣсячнаго пребыванія моего въ Москвѣ, убито 16 человѣкъ, несмотря на обходы моей стражи, которую я нерѣдко посылалъ въ дозоръ, чтобы подстерегать этихъ злодѣевъ". Это опять старая черта: то же самое разсказывали о Москвѣ иностранные путешественники XVII-го вѣка.

Дальше опять прежнія подробности. Подъ 6-мъ марта Юль записываетъ: „Я участвовалъ на похоронахъ одного купца, куда былъ приглашенъ и царь. Покойный пользовался царскимъ расположеніемъ; будучи важнымъ пьяницею и отличаясь значительною тучностью, онъ вѣчно состоялъ маршаломъ при „славѣ" и на другихъ попойкахъ". Подъ 16-мъ марта: „Проѣзжая по городу, я случайно встрѣтилъ царя. Онъ дѣлалъ сортировку между солдатами и офицерами, устраняя старыхъ и негодныхъ къ службѣ, причемъ самъ обо всемъ разспрашивалъ и писалъ. Удивительнѣе

всего было спокойствіе, съ которымъ онъ это дѣлалъ. Непосвященный подумалъ бы, что никакихъ другихъ заботъ у него нѣтъ, тогда какъ въ дѣйствительности всѣ государственныя дѣла—гражданскія, военныя и церковныя—вѣдаются имъ однимъ. Другіе мало ему помогаютъ".

Царь уѣхалъ изъ Москвы 17-го марта. На вечерѣ, гдѣ Юль въ послѣдній разъ видѣлся съ царемъ, находился старикъ князь Ромодановскій. Юль разсказываетъ слѣдующую сцену. Во время отсутствія царя, Ромодановскій, вмѣстѣ съ другими лицами, долженъ былъ засѣдать въ сенатѣ. „Царь долго съ нимъ разговаривалъ. Ромодановъ (такъ пишетъ Юль) пространно передавалъ ему свои соображенія, какъ все устроить къ лучшему, а царь терпѣливо и почтительно слушалъ его, время отъ времени, какъ сынъ у отца, цѣлуя у него руку. Кто не зналъ, какъ царь умѣетъ притворяться, тотъ могъ бы подумать, что онъ не шутитъ. Но на самомъ дѣлѣ его величество игралъ комедію, желая увѣрить старыхъ русскихъ, что очень цѣнитъ ихъ глупые совѣты, для того, чтобы въ его отсутствіе они не принялись за свои прежнія штуки".

Одинъ тяжелый упрекъ или настоящее обвиненіе Юль поднимаетъ противъ царя: это несправедливости въ денежныхъ и имущественныхъ дѣлахъ. Иностранцы,—говоритъ Юль,—вообще подвергаются въ Россіи большой опасности въ своихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ. Они рискуютъ иногда потерять все свое имущество совершенно беззаконнымъ образомъ. Онъ разсказываетъ, между прочимъ, исторію одного заводчика, голландца Розенбуска, который устроилъ въ олонецкомъ краѣ большіе желѣзные и мѣдные заводы, на которые положилъ все свое состояніе; по его смерти, Меньшиковъ подъ ничтожными предлогами отнялъ эти заводы у его сына, который никогда потомъ не могъ добиться справедливости и умеръ отъ горя и нищеты. Заводы остались за Меньшиковымъ; по предположенію Юля, доходами съ этихъ заводовъ, а также и съ имуществъ, отнятыхъ Меньшиковымъ у другихъ лицъ, пользуется самъ царь. „Вообще его величество только прикидывается сторонникомъ законности. Когда совершается какая-нибудь несправедливость, неудовольствіе пострадавшихъ долженъ отвлечь на себя князь. Еслибы князь Меньшиковъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ всѣмъ, что̀ считается его собственностью, то доходы его достигали бы нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Но возможно ли допустить, чтобы такой правитель, какъ царь, крайне нуждающійся въ средствахъ для веденія войны и столь же разсчетливый для самого себя, какъ какой-нибудь бѣднякъ-просто-

людинъ, рѣшился одарить кого-либо подобнымъ богатствомъ? На вопросъ: кто пользуется тою или другою монополіею, правомъ торговать царскою рожью и всевозможными товарами, вывозимыми моремъ изъ Архангельска и проч., всегда слышишь тотъ же отвѣтъ: „князь Меньшиковъ". Словомъ, все принадлежитъ ему, такъ что онъ властенъ дѣлать, что̀ ему угодно. И вотъ складывается убѣжденіе, что самъ царь справедливъ, виноватъ же во всемъ одинъ князь; но на самомъ дѣлѣ, хотя князь и отличается несправедливостью, а во всемъ, что̀ относится до почестей и до наживы, является ненасытнѣйшимъ изъ существъ, когда-либо рожденныхъ женщиною; тѣмъ не менѣе онъ неповиненъ во многомъ изъ того, въ чемъ его обвиняютъ. Когда царь не хочетъ заплатить содержанія какому-либо офицеру или не хочетъ оказать ему защиты, то говоритъ, что самъ онъ всего генералъ-лейтенантъ, и направляетъ офицера къ фельдмаршалу, князю Меньшикову; но когда проситель является къ князю, послѣдній обо всемъ предупрежденъ и поступаетъ такъ, какъ ему кажется выгоднѣе. Если бѣдняга снова идетъ къ царю, то его величество обѣщается поговорить съ Меньшиковымъ, дѣлаетъ даже видъ, что гнѣвается на князя за то, что онъ не удовлетворилъ ходатайству офицера; но всѣ такія дѣйствія—одно притворство. Порокъ этотъ весьма затемняетъ добрую славу его величества. Въ остальныхъ отношеніяхъ царь достоинъ безчисленныхъ похвалъ; можно про него сказать, что онъ храбръ, разсудителенъ, благочестивъ, поклонникъ наукъ, трудолюбивъ, прилеженъ и по истинѣ неутомимъ. Но когда выдается случай нажить деньги, онъ забываетъ все".

Царь выѣхалъ къ арміи. Въ концѣ мая Юль также собрался въ дорогу. „Въ виду предстоящаго путешествія, я объѣздилъ своихъ добрыхъ пріятелей и распростился съ ними". По этому случаю онъ прибавляетъ замѣчаніе: „Въ Москвѣ люди состоятельные всегда ѣздятъ шестерикомъ; впереди, разгоняя народъ, вѣчно толпящійся на улицѣ, и охраняя отъ уличныхъ разбойниковъ, ѣдутъ верхомъ 4—6 человѣкъ прислуги".

Юль въ точности не зналъ, гдѣ находится царь, и направился въ юго-западную Малороссію, — въ черкасскую или казацкую Украйну, какъ онъ называетъ. Эта Украйна обратила на себя его вниманіе своими особенностями: видимо, бросалась въ глаза разница обычаевъ и замѣтна была недавность русскаго господства. Въ Глуховѣ была резиденція гетмана Скоропадскаго; Юль не засталъ его—онъ былъ въ походѣ; русскій комендантъ велѣлъ собрать для датскаго посланника нужныя подводы. „Солдаты гарнизона (въ Глуховѣ) русскіе; ибо со времени измѣны казаковъ

при Мазепѣ царь казакамъ не очень-то довѣряетъ; они же, будучи народомъ вольнолюбивымъ, недовольны царемъ за назначеніе въ ихъ крѣпости русскихъ комендантовъ". По поводу назначенія подводъ, Юль прибавляетъ: „Такого рода повинности тоже возбуждаютъ въ казакахъ неудовольствіе противъ царя. Считая себя вольнымъ народомъ, они досадуютъ, что постоянно должны услуживать царю и исполнять его приказанія".

Въ Украйнѣ ему видѣлось очень много польскаго. Раньше, описывая патріаршую школу или гимназію въ Москвѣ, Юль замѣчаетъ, что она находится возлѣ монастыря, въ который допускаются только „православные монахи *польскаго происхожденія*". Теперь много польскаго онъ видитъ и въ малорусскомъ бытѣ. Вообще, Украйна произвела на него впечатлѣніе большого благосостоянія. „Жители казацкой Украйны благоденствуютъ и живутъ припѣваючи. Страна ихъ изобилуетъ всякими природными богатствами. Они безпошлинно продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются какимъ угодно ремесломъ и чѣмъ хотятъ промышляютъ. Платятъ они только извѣстную небольшую подать гетману... Казаки одѣваются какъ поляки, носятъ долгополые польскіе кафтаны въ накидку, польскія сабли и польскія шапки; притомъ, подобно полякамъ, подстригаютъ себѣ волосы и высоко брѣютъ ихъ кругомъ головы. Не такъ какъ русскіе, казаки ходятъ въ церковь съ молитвенниками. Они во всѣхъ отношеніяхъ чище и опрятнѣе русскихъ. Казачки одѣваются въ длиннополые широкіе кафтаны, обходясь безъ рубахъ, а на головѣ носятъ большія шляпы, обтянутыя бѣлымъ полотномъ, которое спускается возлѣ ушей и обхватываетъ подбородокъ. Шляпы эти напоминаютъ круглыя, съ двухъ сторонъ заостренныя, шкиперскія шляпы...

„Королевецъ—большой, красивый городъ... Стоитъ онъ среди лѣса... Улицы въ немъ прекрасныя, какихъ въ Россіи я нигдѣ не видывалъ; дома прекрасные, прочные, опрятные, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоятъ въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи... Казаки, подобно русскимъ, исповѣдуютъ греческую вѣру, но въ колокола звонятъ по нашему, между тѣмъ какъ русскіе исключительно трезвонятъ".

Объ одномъ городѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ, Юль замѣчаетъ: „здѣшніе жители, какъ и вообще все населеніе казацкой Украйны, отличаются большою вѣжливостью и опрятностью, одѣваются чисто и чисто содержатъ дома".

Военные нравы того времени были порядочно безобразные; замѣтимъ, впрочемъ, что такъ бывало тогда не въ одной Россіи,

но и вездѣ. Раньше, по поводу взятія Выборга, Юль разсказываетъ, что русскіе, особенно казаки, забирали тамъ (каждый лично для себя!) много „плѣнныхъ": „Русскіе офицеры и солдаты уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, попадавшихся имъ на городскихъ улицахъ. Дорогою [1]) я между прочимъ встрѣтилъ одного русскаго майора, который имѣлъ при себѣ девять взятыхъ такимъ образомъ женщинъ. Царь тоже получилъ свою часть въ подарокъ отъ другихъ лицъ. Иные оставляли плѣнныхъ при себѣ, другіе отсылали ихъ въ свои дома и имѣнія въ глубь Россіи, третьи продавали. Въ Петербургѣ женщины и дѣти повсюду *продавались задешево*, преимущественно казаками". Теперь Юль ѣхалъ къ арміи не въ непріятельской, а въ русской или дружественной странѣ и не могъ удержать своего конвоя отъ грабежей. „Я употреблялъ не мало усилій, чтобъ удерживать назначенныхъ ко мнѣ драгунъ отъ грабежей и разбоя. Своеволіе ихъ доходило до того, что они часто напрямикъ угрожали покинуть меня, если я не позволю имъ дѣлать то, что̀ они хотятъ. За моею спиною они грабили всякаго встрѣчнаго"...

Юлю удалось видѣть царя только 10-го августа въ Могилевѣ (на Днѣстрѣ), когда война была уже окончена —Прутскимъ договоромъ. Такимъ образомъ Юль не видѣлъ этихъ событій, но самъ царь разсказалъ ему главныя событія, а кромѣ того ему была сообщена записка генерала Алларта, которую онъ и занесъ въ свой дневникъ. Аллартъ „съ начала до конца лично участвовалъ въ дѣлѣ"; у него собирался тогда и военный совѣтъ. Записка Алларта представляетъ только внѣшнюю военную сторону дѣла, и Юль прибавляетъ къ ней, что̀ слышалъ отъ царя и отъ другихъ свидѣтелей событій. Положеніе было очень опасное, и царь, по разсказамъ, приходилъ въ отчаяніе.

„Царь говорилъ мнѣ, что, имѣя всего около 36.000 человѣкъ, изъ которыхъ на кавалерію приходилось весьма немного, онъ не рѣшился дать сраженіе туркамъ, коихъ было болѣе 100.000, главнымъ образомъ конницы. Какъ разсказывали мнѣ очевидцы, царь, будучи окруженъ турецкою арміею, пришелъ въ такое отчаяніе, что, какъ полоумный, бѣгая взадъ и впередъ по лагерю, билъ себя въ грудь и не могъ выговорить ни слова. Большинство окружавшихъ его думало, что съ нимъ ударъ. Офицерскія жены, которыхъ было множество, не переставали выть и плакать. И дѣйствительно, казалось, что предстоитъ неизбѣжная гибель. Избавленіемъ своимъ русскіе обязаны Богу. Благодаря чудесному

---

[1]) Юль ѣздилъ смотрѣть взятый Выборгъ.

его промыслу, царю удалось заключить миръ, уговоривъ и подкупивъ турецкаго визиря; иначе изъ русской арміи не спаслось бы ни одного человѣка: ибо съ одной стороны противъ нея стояли турки, въ три раза превышавшіе ее численностію, съ другой же, въ тылу, протекалъ Прутъ, на противоположномъ берегу котораго находилось около 2.000 казаковъ, татаръ, турокъ, поляковъ и шведовъ. Взобраться на тотъ берегъ не представлялось никакой возможности: мѣстность была гористая, и подъемъ отъ рѣки шелъ крутой и высокій, такъ что даже ребенокъ при помощи простой палки опрокинулъ бы всякаго, кто сталъ бы лѣзть наверхъ. Вообще, событіе это ясно доказываетъ, что Богъ, по желанію, можетъ и у мудрѣйшаго человѣка отнять разумъ и затѣмъ устроить такъ, что ему послужитъ на пользу самая большая его оплошность. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ ожидать отъ такого умнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ государя, участвовавшаго въ столькихъ походахъ противъ искуснаго врага, такой ошибки, что, не имѣя свѣденій ни о силахъ непріятеля, ни о его приближеніи (эти свѣденія царь получилъ лишь тогда, когда турецкая армія находилась отъ него уже въ полумилѣ), онъ вступитъ въ такую пустынную страну, какъ Валахія, гдѣ нельзя достать никакого продовольствія, и отошлетъ отъ себя генерала Ренне съ 9.000 человѣкъ кавалеріи? Съ другой стороны, можно ли было предположить, чтобы турки согласились, на какихъ бы то ни было условіяхъ, заключить миръ и выпустить изъ рукъ христіанскую армію, когда имѣли ее въ своей власти. Правда, султанъ и верховный визирь получили деньги, Азовъ уступленъ туркамъ, вообще царь принялъ всѣ условія, предложенныя ему Оттоманскою портою; но какъ все это ничтожно въ сравненіи съ плѣномъ, грозившимъ царю и всей его арміи! А уже одинъ голодъ вынудилъ бы русскихъ къ сдачѣ... Царская армія находилась въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, но вела себя удивительно доблестно. Царь передавалъ мнѣ, что самъ видѣлъ, какъ у солдатъ, отъ дѣйствія жажды, изъ носу, изъ глазъ и ушей шла кровь; какъ многіе, добравшись до воды, опивались ею и умирали; какъ иные, томясь жаждою и голодомъ, лишали себя жизни и пр. Словомъ, бѣдствія, которымъ подвергалась русская армія, не поддаются описанію".

Юль просилъ у царя позволенія взглянуть на мирный договоръ, но ему сказали, что это дѣло особое, не имѣющее никакого отношенія къ Сѣверному союзу. Юль предполагалъ, что русскіе не показали ему договора изъ чувства стыда за свои ошибки, и въ запискахъ говоритъ, что ихъ нельзя оправдать въ этомъ случаѣ, потому что для союзнаго и дружественнаго государя ничто

не должно было оставаться тайной;—но передъ тѣмъ онъ самъ говоритъ, что Петръ не усомнился разсказывать ему о бѣдственномъ положеніи русской арміи. Дальше онъ сообщаетъ еще такія подробности: „На Прутѣ бо́льшая часть офицерскихъ повозокъ и вещей была отбита и разграблена татарами; а то, что̀ осталось, побросали сами офицеры за недостаткомъ лошадей, большинство которыхъ пало или было обезсилено голодомъ. При этомъ изъ вещей, оставленныхъ другими, всякій бралъ себѣ что̀ ему нравилось: когда же армія достигла Днѣстра, между офицерами возникли споры. Одни говорили, что такая-то вещь принадлежитъ ему, другой доказывалъ, что это bonum derelictum, что первый хозяинъ потерялъ на него право съ тѣхъ поръ, какъ, за невозможностью увезти, бросилъ его у Прута. Во время сраженія царица раздарила всѣ свои драгоцѣнные камни и украшенія первымъ попавшимся слугамъ и офицерамъ, по заключеніи же мира отобрала у нихъ эти вещи назадъ, объявивъ, что онѣ были отданы имъ лишь на сбереженіе. Короче, смятеніе среди русскихъ было всеобщимъ, и отъ страха большинство не знало что̀ дѣлать".

Еще въ Москвѣ Юль слышалъ, что вечеромъ, въ день своего отъѣзда изъ столицы, Петръ объявилъ Екатерину своей будущей супругой; Юль освѣдомился у великаго канцлера, и тотъ подтвердилъ справедливость этого слуха и сказалъ, что поэтому ее надо титуловать величествомъ. Юль такъ и дѣлалъ, хотя по его дипломатическимъ соображеніямъ этотъ титулъ „не подобалъ бы и принцессѣ крови, помолвленной съ королемъ, пока она съ нимъ не повѣнчана". „Впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—отъ подобнаго возвеличенія новое величество вовсе не стало высокомѣрнѣе. Когда я передавалъ ей въ царскомъ шатрѣ свои поздравленія, она была такъ же любезна и болтлива, какъ всегда, и за царскимъ столомъ, слѣдуя русскому обычаю, собственноручно подносила мнѣ и другимъ лицамъ вино въ стаканѣ на тарелкѣ".

Войско отступало поспѣшно, потому что все еще очень опасались перемѣны рѣшенія со стороны турокъ. Юль долженъ былъ слѣдовать дальше за царемъ въ Польшу и въ Пруссію; онъ проѣхалъ черезъ Львовъ въ Варшаву и далѣе въ Торнъ, гдѣ онъ нашелъ Екатерину, но уже не видѣлъ Петра. Въ октябрѣ онъ простился съ Екатериной и пустился дальше внизъ по Вислѣ въ Данцигъ.

На этомъ прерывается русскій переводъ записокъ, такъ какъ продолженіе ихъ уже не имѣетъ отношенія къ Россіи.

Мы извлекли изъ записокъ Юля лишь нѣкоторыя черты, рисующія характеръ Петра и тогдашній русскій бытъ. Еще много любопытнаго разсѣяно въ этомъ историческомъ памятникѣ, усвоеніе котораго нашей литературѣ составляетъ заслугу г. Щербачева. Какъ видѣлъ читатель, это —безъискусственный, правдивый разсказъ, который доставитъ историку Петра не мало характерныхъ подробностей. Біографическая замѣтка [1]) напрасно хочетъ какъ бы умалить значеніе труда Юля, называя его автора недалекимъ: свое дѣло онъ исполнилъ добросовѣстно, и мы сказали бы, напротивъ, что при всеобщемъ тогдашнемъ высокомѣрномъ и недоброжелательномъ отношеніи къ русскимъ, Юль, умѣлъ сохранить много безпристрастія, и его пониманіе личности Петра показываетъ такую степень разумнаго безпристрастія, какой не имѣли многіе изъ иностранцевъ того времени. Для исторіи Петра показанія Юля во многихъ случаяхъ будутъ весьма цѣнны. Въ его запискахъ является передъ нами наглядная картина, изо дня въ день, той сложной эпохи, противорѣчія которой еще до сихъ поръ не освѣтились вполнѣ для нашего историческаго сознанія, и разсказъ Юля привлекателенъ именно тѣмъ, что изображаетъ ту эпоху въ ея непосредственныхъ обыденныхъ фактахъ, гдѣ за ними еще не видится великій историческій поворотъ, который въ нихъ совершался.

Если собрать впечатлѣнія, оставляемыя этимъ безпристрастнымъ, свободнымъ отъ всякаго предвзятаго взгляда разсказомъ чужестранца, то прежде всего поражаетъ та полная, рѣдкая непосредственность въ самой личности Петра: въ запискахъ Юля несомнѣнно вѣрно переданы тѣ черты характера, съ какими Петръ дѣйствительно является во всей своей многосторонней и страстной дѣятельности. Оставимъ споръ о томъ, былъ ли это творческій геній, какимъ изображаютъ его панегиристы, или это былъ только подражатель, какъ говорятъ о немъ противники, во всякомъ случаѣ для русской жизни его дѣятельность часто бывала творчествомъ именно потому, что часто его дѣло утверждалось только его личной энергіей. Это былъ во всякомъ случаѣ сильный умъ, глубоко понявшій національную потребность, умъ, не нашедшій для себя никакой достаточной школы, потому что образовательныя средства стараго быта были крайне скудны, и добивавшійся самъ этой школы тѣмъ необычайнымъ подвигомъ самообразованія, который, повидимому, до сихъ поръ не нашелъ достаточной оцѣнки и въ которомъ на дѣлѣ было настоящее ве-

[1]) „Р. Архивъ“, 1893, № 2.

личіе. Чрезвычайно любопытно приведенное Юлемъ показаніе самого Петра, что поѣздка въ Европу *открыла ему глаза* и что помѣшать этому хотѣлось именно врагамъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ это была натура первобытная, при всей своей силѣ надломленная еще въ раннемъ отрочествѣ мрачными историческими условіями, натура, необузданность которой воспитывалась самою жизнью и по традиціонному характеру власти ничѣмъ не сдерживалась. Петру сдѣлано было много упрековъ за эту черту его природы; но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это была не только его личная черта, но что она именно создавалась также всѣмъ давнимъ складомъ русской жизни. Въ Иванѣ Грозномъ русская исторія видѣла примѣръ едва ли не бо̀льшей и гораздо менѣе цѣлесообразной необузданности; она была въ общихъ нравахъ: самые процессы внутренняго развитія совершались рядомъ необузданныхъ крайностей, каковы были казни Ивана Грознаго, дѣянія Ермака, смуты междуцарствія, волненія раскола, разбои Стеньки Разина, стрѣлецкіе бунты. Слабая степень образованія не могла ни смягчить нравовъ, ни дать государственнымъ, общественнымъ, религіознымъ и народнымъ движеніямъ того освѣщенія, какое пріобрѣтается трудомъ научнаго знанія и сознательнаго мышленія. Съ одной стороны, русская жизнь Петровскаго времени платилась за недочеты старины; съ другой стороны, она впервые отрѣшалась отъ миѳологическаго міровоззрѣнія.

Въ характерѣ Петра, какой является въ разсказѣ Юля и какъ это подтверждается всѣми извѣстіями, бросается въ глаза необыкновенная простота: иногда она доходитъ до своего рода наивности. По прежнимъ извѣстіямъ могло казаться, что она была намѣренная, напримѣръ когда онъ принималъ иностранныхъ пословъ за корабельной работой; но изъ разсказовъ Юля очевидно, что ему просто скучно было тратить время на пустыя церемоніи, когда безъ нихъ можно было обойтись: онъ успокоиваетъ датскаго посланника, что можетъ, пожалуй, обойтись безъ вѣрительной грамоты, потому что и безъ нея уже знаетъ его; о серьезныхъ дѣлахъ говоритъ съ нимъ за веселой попойкой, и Юль съ трепетомъ слышалъ, что царь при постороннихъ свидѣтеляхъ громко говоритъ такія вещи, которыя, по мнѣнію датскаго дипломата, должны были бы говориться только на тайной конференціи. Впослѣдствіи Юль уже привыкъ къ тому, что съ царемъ всего удобнѣе встрѣтиться и говорить, когда онъ бываетъ у кого-нибудь въ гостяхъ на пиру, а если царь никого не принимаетъ и хочетъ оставаться одинъ, то въ крайнемъ случаѣ можно идти къ нему и прямо, подкупивши его деньщика, — какъ онъ однажды

19*

и сдѣлалъ. Не однажды Юль поражается тѣмъ, что царь говорить съ нимъ какъ съ равнымъ; когда Юль отрекается пить и въ качествѣ моряка убѣгаетъ отъ царя на корабельныя снасти, Петръ не уступаетъ ему и самъ лѣзетъ за нимъ со стаканомъ въ зубахъ. Такъ же просто, какъ онъ веселится и шутитъ, Петръ принимается и за работу, и въ работѣ, конечно, ему не было равнаго. Юль отмѣчаетъ и еще одну черту его характера: однажды Петръ разсказалъ ему рѣдкій случай, который могъ бы казаться невѣроятнымъ; но Юль замѣчаетъ, что царь это видѣлъ самъ и что онъ „не склоненъ къ вымысламъ". Такимъ образомъ если въ дѣловыхъ обстоятельствахъ онъ употреблялъ дипломатическую хитрость, то въ его личномъ характерѣ простота соединялась и съ правдивостью, которую счелъ нужнымъ отмѣтить его историкъ. Эта, можно сказать, героическая простота кажется намъ не только личной, но національной чертой.

Всѣ свидѣтельства, къ которымъ примыкаетъ теперь и разсказъ нашего иностранца, говорятъ, къ сожалѣнію, что эта простота переходила въ крайнюю грубость нравовъ, которая выражалась, напримѣръ, страшнымъ пьянствомъ, грубыми потѣхами и т. п. Мы замѣчали уже, что основа этого была унаслѣдована: вся старая русская жизнь была лишена эстетическихъ удовольствій болѣе высокаго разбора. Когда онѣ появлялись въ первый разъ въ видѣ театра иноземныхъ комедіантовъ, царь Алексѣй увлекался ими какъ ребенокъ; но театръ былъ дѣло сложное; чтобы онъ могъ установиться настоящимъ образомъ, требовалось время, требовалось нѣкоторое предварительное литературное развитіе,—первые опыты настоящей сцены, на русскомъ языкѣ, явились, какъ извѣстно, много позднѣе, именно только около половины прошлаго вѣка. Петръ не думалъ и могъ не думать объ этомъ, у него было слишкомъ много болѣе элементарныхъ, и болѣе крупныхъ, заботъ, и для развлеченій его самого и его „двора" оставались способы простые и, частію, первобытные: морскія прогулки, шутовскія потѣхи, домашніе праздники и особенно шумные пиры.

Но была одна сторона его увеселеній, получавшая народное значеніе. Какъ по его приказу основались первыя русскія газеты, которыя должны были оповѣщать о государственныхъ событіяхъ, такъ онъ любилъ всенародно торжествовать побѣды, которыя одерживались русскими войсками, заключеніе мира и т. п.: ему хотѣлось не только шумно праздновать свое торжество, но сдѣлать это торжество общенароднымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти торжества могли быть нагляднымъ указаніемъ успѣха, какіе пріобрѣтало русское государство, и наглядной защитой преобразованія, кото-

рое было величайшимъ интересомъ его жизни. Мы видѣли изъ разсказовъ Юля, что и здѣсь обнаруживалась его непосредственность: онъ самъ увлекался торжествомъ и, напримѣръ, въ томъ праздновании Полтавской побѣды, которое описываетъ Юль, онъ вѣроятно былъ опьяненъ грандiознымъ шествiемъ раньше, чѣмъ начались тѣ угощенiя, которыя сопровождали его по улицамъ Москвы. Характерно и то, что здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, ему хотѣлось обыкновенно соединить съ торжественностью и шутку, и среди русскихъ полковъ, среди трофеевъ являлось шуточное интермеццо. Онъ любилъ шутку и въ своей обычной бесѣдѣ, но очевидецъ и иноземецъ, чуждый русской жизни, замѣчаетъ, что ни шутка, ни даже явное излишество не роняли его достоинства, какъ грубая работа, отъ которой онъ не отказывался, не мѣшала ему сохранять свое простое величiе.

Къ сожалѣнiю, Петровская эпоха была еще слишкомъ бѣдна образованiемъ. Этимъ надо объяснять то, что русскiе современники оставили такъ мало разсказовъ о томъ времени и о самомъ Петрѣ. При этомъ недостаткѣ записокъ Петровскаго времени, разсказъ иностранца становится цѣннымъ тѣмъ болѣе, что онъ могъ быть совершенно свободенъ отъ русскаго пристрастiя въ ту или другую сторону. „Недалекiй", какъ говорятъ, датскiй посланникъ, въ первый разъ попавшiй въ Россiю и съ самаго начала предубѣжденный противъ русскихъ, не оказывавшихъ ему должной аттенцiи и при случаѣ обманывавшихъ его, съумѣлъ, однако, понять, какое необыкновенное явленiе онъ видѣлъ передъ собой въ лицѣ русскаго царя. Это впечатлѣнiе сопровождаетъ его при всѣхъ встрѣчахъ съ Петромъ, и даже то дурное, что̀ онъ предполагалъ въ его дѣйствiяхъ, вызываетъ въ немъ только сожалѣнiе, что столь великiй и разумный человѣкъ могъ допустить въ себѣ такiе недостатки. Личность подобной силы, очевидно, сама по себѣ должна была стать великимъ историческимъ факторомъ, и психологическое изученiе этой личности и ея влiянiя можетъ дать много существенныхъ объясненiй въ современной и дальнѣйшей исторiи русскаго общества.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

IN MEMORIAM.

На оргіи, при кликахъ ликованій,
Среди толпы надменныхъ болтуновъ,
Подъ звонкій смѣхъ потерянныхъ созданій,
Порою я рыдать готовъ...

Но снишься ты, мой милый Мефистофель:
И въ этотъ мигъ не счастье и любовь,
А ненависть твой оживляетъ профиль,—
И счастливъ я, безумно счастливъ вновь...

Безумно радъ, что это сердце бьется,
Что жизнь—моя до горькаго конца,
Покуда нить ея не оборвется
Подъ иглами терноваго вѣнца...

НА ПРОЩАНЬЕ.

Всему конецъ... мечтамъ и жизни,
И ей конецъ, моей любви!
Все покидаю я въ отчизнѣ,
Все счастье, муки всѣ свои...

Иду я чуждою дорогой,
Иду я въ чуждые края,
Гдѣ ненавижу я такъ много,
И гдѣ люблю такъ мало я...

NOCTURNO NUOVO.

Вечерѣетъ. Во мглѣ голубой
Разгораются звѣзды лучистыя,
И кидаетъ узоръ золотой
Лунный свѣтъ сквозь аллеи тѣнистыя...

Надъ рѣкою волнистая мгла,
Залегла пеленой бѣлоснѣжною
И подъ пѣсню какую-то нѣжную
Даль полей золотыхъ замерла...

А дыханіе влажныхъ луговъ,
Словно вздохъ чей-то тихій доносится,
И покой въ сердце бѣдное просится
Съ вереницею сладостныхъ сновъ...

Только ласки горячаго дня,
Чары нѣжныя ночи плѣнительной,
Не избавятъ отъ скорби мучительной,
Отъ тоски не избавятъ меня...

Ждутъ меня только черные дни,
Ждутъ однѣ только ночи безсонныя,
И какъ хоры ихъ мукъ похоронные,
Безнадежны и скорбны они...

М. Мартовъ.

КРЕСТЬЯНСКІЯ НУЖДЫ

и

ИХЪ ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ

I.

Недавно появился интересный сборникъ свѣденій о сельскихъ рабочихъ въ Германіи, составленный по инціативѣ и подъ руководствомъ извѣстнаго „Verein für Socialpolitik“. Мы узнаемъ изъ этого сборника, что положеніе нѣмецкихъ батраковъ теперь уже совершенно не то, какимъ оно было двадцать лѣтъ назадъ. Повсюду безземельные наемные рабочіе обзаводятся своимъ собственнымъ хозяйствомъ, располагаютъ или имѣютъ возможность располагать нѣкоторыми сбереженіями, участвуютъ въ сберегательныхъ и кредитныхъ кассахъ; выписываютъ и читаютъ газеты, употребляютъ свои средства на покупку земли и мало-помалу проникаются сознаніемъ своей гражданской и политической независимости по отношенію къ землевладѣльцамъ, нуждающимся въ ихъ трудѣ. Сельскіе хозяева ищутъ рабочихъ, а не наоборотъ; они по-неволѣ даютъ имъ хорошую плату и представляютъ имъ разныя житейскія удобства, чтобы не остаться безъ работниковъ въ нужное время. Батраки обыкновенно получаютъ въ аренду поземельные участки на льготныхъ условіяхъ; трудолюбивая рабочая семья можетъ, напримѣръ, въ Вестфаліи, откладывать ежегодно нѣсколько сотъ марокъ. Между сельскими рабочими повсемѣстно распространенъ обычай страховать свое движимое имущество; страховая оцѣнка доходитъ иногда до двухъ и даже до

трехъ тысячъ марокъ. „Газеты читаются почти всѣми рабочими"; въ деревняхъ существуютъ товарищества для сбыта продуктовъ, сельско-хозяйственные союзы для совмѣстной закупки сѣмянъ и искусственныхъ удобреній и т. п. Въ такъ называемыхъ крестьянскихъ имѣніяхъ работники по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ хозяевъ. Молодые рабочіе стараются накопить деньги для пріобрѣтенія небольшихъ участковъ земли, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, и это имъ удается, несмотря на дороговизну поземельной собственности [1]).

Наши крестьяне-собственники, живущіе впроголодь среди жалкой, безотрадной обстановки, могли бы, кажется, позавидовать нѣмецкимъ батракамъ. Экономическая независимость все болѣе становится фикціей для значительной части нашего крестьянства. Крестьяне легко попадаютъ въ кабалу къ сосѣднимъ владѣльцамъ и кулакамъ; неурожайные годы, ростовщическій кредитъ и податныя тягости постепенно превращаютъ самостоятельныхъ хозяевъ въ голодныхъ пролетаріевъ. Отправляясь на заработки, этотъ убогій деревенскій людъ соглашается на всякія условія; въ нашихъ степныхъ хозяйствахъ рабочіе, какъ мужчины, такъ и женщины, готовы спать подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ, не только весною и лѣтомъ, но и осенью, съ мая по октябрь. „Кто можетъ вынести такое положеніе,—почти полгода оставаться безъ крова,—кромѣ нашего русскаго мужика?"—спрашиваетъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству. Тогда какъ сельскіе батраки въ Германіи поднимаются въ гору, улучшаютъ свой бытъ и надѣются современемъ сдѣлаться самостоятельными хозяевами, наши крестьяне-собственники все болѣе опускаются внизъ, подъ давленіемъ матеріальныхъ невзгодъ и умственной тьмы. Даже обильный урожай не спасаетъ крестьянъ отъ бѣды, при отсутствіи или недостаточности рабочаго скота и при требованіяхъ немедленной уплаты накопившихся недоимокъ. Въ 1888 году хлѣбъ прекрасно уродился въ таврической губерніи, и тѣмъ не менѣе мѣстному представителю власти пришлось высказать въ губернскомъ земскомъ собраніи слѣдующія характерныя слова: „Кажется, при такомъ небываломъ по богатству урожаѣ можно было бы ожидать, что нынѣшній годъ съ избыткомъ вознаградитъ прошлыя потери; въ дѣйствительности же наблюдается явленіе совершенно обратное: этотъ громадный сборъ хлѣбовъ, который долженъ былъ обезпечить сельское насе-

[1]) Die Verhältnisse der Landarbeiter in Nordwestdeutschland, Württemberg, Baden und in den Reichslanden. Leipzig, 1892 (Schriften des Vereins für Socialpolitik, LIII, Bd. I).

леніе и снабдить его средствами для дальнѣйшихъ работъ, не оправдалъ общихъ ожиданій, и населеніе, по невыясненнымъ причинамъ, не менѣе прежняго чувствуетъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ". По словамъ мѣстныхъ земскихъ изслѣдователей, во многихъ мѣстахъ крестьяне во время уборки хлѣбовъ работали днемъ и ночью; „подростки и молодыя женщины падали во время работы къ вечеру и тутъ же засыпали, такъ что въ хату ихъ относили сонными". Люди, выбивались изъ силъ, и все-таки не успѣли осенью свезти хлѣбъ съ полей, по недостатку перевозочныхъ средствъ; „многіе землевладѣльцы,—какъ сказано въ земскомъ сборникѣ за 1888 годъ,—отъ урожая настоящаго года разорились" (!) [1]). Разореніе отъ урожая! Можно ли придумать болѣе яркое доказательство ненормальности положенія всего нашего народнаго хозяйства? И благодатный урожай идетъ уже не впрокъ обезсиленному крестьянству и вызываетъ жалобы землевладѣльцевъ, вопреки природѣ вещей. Крестьяне не могутъ справиться съ урожаемъ и вынуждены сбывать продукты за безцѣнокъ; землевладѣльцы страдаютъ отъ недостатка рабочихъ рукъ и отъ чрезмѣрнаго упадка цѣнъ. Крестьянская масса все болѣе запутывается и бѣднѣетъ, дворянское землевладѣніе разоряется, платежныя силы народа падаютъ, а построенный на нихъ государственный бюджетъ перешелъ уже за черту милліарда. Какъ найти выходъ изъ этого заколдованнаго круга возростающихъ народныхъ нуждъ и потребностей?

Экономическое положеніе крестьянства изучается у насъ съ такою обстоятельностью, какъ нигдѣ въ Европѣ; кромѣ земскихъ статистическихъ изслѣдованій, постоянно появляются у насъ цѣлые трактаты, посвященные разбору нашихъ народно-хозяйственныхъ вопросовъ, — трактаты, которые по полнотѣ матеріала и по способамъ его обработки сдѣлали бы честь любой западно-европейской литературѣ. Но всѣ эти добросовѣстныя изученія остаются безплодными для жизни, ибо они, можно сказать, совершенно не существуютъ для дѣятелей и учрежденій, призванныхъ разрѣшать на практикѣ текущія задачи экономической политики. Правда, и въ спеціальной литературѣ не установилось еще единство взглядовъ относительно нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ нашего земледѣльческаго быта; но основныя нужды крестьянства выяснены уже, казалось бы, съ полною очевидностью. Главный источникъ всѣхъ нашихъ народныхъ бѣдъ—умственная

---

[1]) Ср. въ книгѣ В. Е. Постникова, Южно-русское крестьянское хозяйство, стр. 88—90.

тьма, которую можетъ разсѣять только разумная и широкая система народнаго образованія. Никто не сомнѣвается также, что для народа необходимъ земледѣльческій кредитъ въ доступной и удобной формѣ, что нужно отдѣлить взысканіе податей отъ полицейскихъ функцій и измѣнить самые способы взысканія, что законъ и судебная власть не должны давать оружіе въ руки ростовщиковъ и міроѣдовъ, что слѣдуетъ облегчить крестьянамъ доступъ къ воздѣлыванію казенныхъ земель и способствовать улучшенію земледѣльческой культуры при помощи наглядныхъ практическихъ примѣровъ, устройства образцовыхъ фермъ, включенія сельско-хозяйственныхъ свѣденій въ программу народныхъ училищъ и т. п. Разногласія и споры касаются лишь вопросовъ болѣе отвлеченнаго, теоретическаго характера, какъ напр. о вѣроятной судьбѣ нашей земельной общины. Одни изъ изслѣдователей склонны къ оптимизму и возлагаютъ большія надежды на нравственныя, духовныя силы народа; другіе мрачно смотрятъ на будущее, предвидятъ упадокъ и разложеніе всего нашего народно-хозяйственнаго строя. Но если принять во вниманіе отсутствіе даже первыхъ шаговъ къ удовлетворенію признанныхъ всѣми общихъ потребностей крестьянской массы, то пессимизмъ является вполнѣ законнымъ и неизбѣжнымъ въ наше время. Что поможетъ старательное, всестороннее изученіе народныхъ нуждъ, если оно нисколько не вліяетъ на практику и почти ничѣмъ не отражается въ дѣйствіяхъ законодательства и политики? Обширные труды по этому предмету, появляющіеся отъ времени до времени въ нашей литературѣ, свидѣтельствуютъ о большомъ самоотверженіи и идеализмѣ авторовъ. Нужно имѣть немалое мужество для того, чтобы упорно разработывать извѣстныя темы среди общаго равнодушія и индифферентизма. Необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы журналистика отмѣчала эти работы и указывала на вытекающіе изъ нихъ результаты.

На этотъ разъ мы остановимся на двухъ книгахъ неодинаковаго достоинства — г. Карышева о крестьянскихъ арендахъ и г. В. Постникова о южно-русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Сочиненіе г. Карышева—научный трактатъ, поражающій даже избыткомъ научно-статистическихъ пріемовъ и выводовъ. Книга г. Постникова возбуждаетъ старые вопросы о малоземельѣ, о недостаткахъ общиннаго землевладѣнія и объ условіяхъ правильной земледѣльческой культуры, съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства. Г. Карышевъ доказываетъ, что крестьянство страдаетъ отъ малоземелья; г. Постниковъ утверждаетъ то же самое, но оба приходятъ къ разнымъ и даже противоположнымъ заклю-

ченіямъ о послѣдствіяхъ этого основного факта. Первый видитъ въ арендѣ частныхъ и казенныхъ земель естественный способъ пополненія недочетовъ крестьянскаго надѣла; второй находитъ, что слабая часть крестьянства должна бросить земледѣліе и приняться за другія занятія, уступивъ мѣсто болѣе сильнымъ и зажиточнымъ хозяевамъ, за которыми и останутся всѣ надѣльныя земли. Г. Постниковъ обнаруживаетъ нѣкоторую жесткость по отношенію къ менѣе состоятельнымъ крестьянамъ; онъ забываетъ при этомъ, что число такихъ крестьянъ опредѣляется десятками милліоновъ и что только ничтожная доля ихъ могла бы найти себѣ примѣненіе въ другихъ отрасляхъ промышленности, при существующихъ у насъ условіяхъ развитія фабричнаго и заводскаго дѣла. Г. Постниковъ увлекся примѣромъ нѣмецкихъ колонистовъ; но населеніе колоній слишкомъ незначительно, и мѣры, вполнѣ пригодныя для ограниченнаго круга зажиточныхъ поселенцевъ, были бы совершенно непримѣнимы и безсильны, когда дѣло идетъ о милліонной крестьянской массѣ. Г. Карышевъ далекъ отъ подобныхъ идей, которыя вообще высказываются довольно рѣдко въ нашей экономической литературѣ. Г. Постниковъ считаетъ желательнымъ „неотложное выясненіе дѣйствительныхъ нуждъ“ крестьянской жизни, „но безъ доктринъ и отвлеченныхъ сужденій о нихъ“. Изучать сложные и запутанные вопросы безъ отвлеченныхъ сужденій и безъ доктринъ—это все равно, что блуждать въ лѣсу безъ цѣли, или пуститься въ море безъ компаса, безъ руля и безъ вѣтрилъ. Противъ предвзятыхъ теорій обыкновенно возражаютъ люди, имѣющіе свои собственныя доктрины и заранѣе отвергающіе всякую критику ихъ. Теорія есть только логическое обобщеніе фактовъ, подвергнутыхъ анализу и провѣркѣ; она выражаетъ общую формулу изучаемаго явленія и не можетъ заключать въ себѣ ничего произвольнаго, если она добыта основательно, путемъ серьезнаго изслѣдованія. Бываютъ теоріи ошибочныя, лишенныя фактической или научной почвы; ихъ можно опровергнуть, можно противопоставить имъ другую, вѣрную доктрину, но нельзя обойтись безъ какихъ-либо теорій при объясненіи и анализѣ фактовъ. У насъ всегда найдутся охотники открывать Америку въ такихъ областяхъ, которыя давно изучены и освѣщены другими; но не надо забывать, что даже открытію Америки предшествовала извѣстная теорія, заставлявшая предполагать существованіе материка за океаномъ. Понятно, что и г. В. Постниковъ имѣетъ свою весьма опредѣленную доктрину, которая тоже не обходится безъ „отвлеченныхъ

сужденій". Посмотримъ, къ какимъ выводамъ пришелъ названный авторъ въ своемъ трактатѣ.

II.

Книга г. Постникова, какъ сказано въ предисловіи, посвящена описанію крестьянскаго хозяйства въ трехъ губерніяхъ Новороссіи; это описаніе „является отчасти результатомъ изученія земско-статистическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ послѣднее десятилѣтіе, отчасти же плодомъ личныхъ наблюденій надъ крестьянскимъ хозяйствомъ", которыя авторъ имѣлъ случай дѣлать при разъѣздахъ въ 1887—88 годахъ по устройству казенныхъ земель въ таврической губерніи и въ лѣтніе мѣсяцы 1889 и 1890 годовъ, проведенные имъ въ экскурсіяхъ по сѣвернымъ уѣздамъ губерній таврической и херсонской съ спеціальною цѣлью изученія крестьянскаго хозяйства. Но авторъ невольно обобщаетъ свои наблюденія и переноситъ на все русское крестьянство тѣ взгляды, которые вытекаютъ у него изъ спеціальнаго изученія трехъ новороссійскихъ губерній; онъ бо̀льшею частью говоритъ, правда, о южно-русскомъ крестьянствѣ, но предлагаемыя имъ законодательныя и правительственныя мѣры имѣютъ уже общій характеръ. Г. Постниковъ не вѣритъ въ будущность нашей сельской общины. „Нельзя ожидать,—говоритъ онъ,—чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь въ сельской жизни на почвѣ землевладѣнія, способствовала въ будущемъ развитію въ населеніи началъ общинности и согласія. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условіями. Она является результатомъ бѣдности и несоотвѣтствія имѣющихся средствъ съ постоянно развивающимися въ народѣ потребностями. Намъ она представляется не борьбою общинныхъ традицій и развивающагося въ сельской жизни индивидуализма, а простою борьбою экономическихъ интересовъ, которая должна окончиться роковымъ исходомъ для одной части населенія, въ силу существующаго малоземелья. Общинныя тенденціи, глубоко сидящія въ характерѣ великорусскаго племени и въ значительной долѣ создавшія ему политическую силу въ государствѣ, не угасли и въ настоящее время,—но что̀ же дѣлать, если условія техники земледѣлія не позволяютъ проявлять ихъ въ той широтѣ, которая возможна была прежде. Остается желать, чтобы по крайней мѣрѣ была сохранена форма общинно-долевого землевладѣнія, безъ коренныхъ передѣловъ, и чтобы это землевладѣніе не уступило мѣста уже развивающемуся у насъ участковому землевладѣнію, которое столь же вредно въ общественномъ

смыслѣ, сколько и для самой техники земледѣлія" [1]). Авторъ сознаетъ глубокія различія между крестьянскимъ хозяйствомъ Новороссіи и положеніемъ земледѣлія въ другихъ частяхъ Россіи; и тѣмъ не менѣе онъ часто упускаетъ изъ виду эти различія въ своихъ общихъ замѣчаніяхъ и разсужденіяхъ. Въ новороссійскихъ губерніяхъ есть много благопріятныхъ условій для развитія предпріимчивости и коммерческаго духа въ населеніи; промышленность предъявляетъ значительный спросъ на рабочія руки и кладетъ особую печать на земледѣльческое производство. Въ сѣверной части таврической губерніи сильно увеличилась распашка земель, и эта площадь посѣва создана „почти всецѣло крестьянами, такъ какъ владѣльческія земли въ этомъ краѣ, находящіяся въ собственной эксплуатаціи владѣльцевъ, до сихъ поръ посвящаются почти исключительно овцеводству". Такъ, все черноморское побережье днѣпровскаго уѣзда, отъ Кинбурнскаго полуострова и до Перекопа, сплошь занятое на сотню верстъ крупными имѣніями частныхъ лицъ, „представляетъ собою хотя и плодородную, но настоящую пустыню, по которой бродятъ стада мериносовыхъ овецъ, да изрѣдка встрѣчаются небольшіе поселки изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такую же пустыню представляетъ западная часть александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи, южныя части уѣздовъ елисаветградскаго и александрійскаго и нѣкоторыя мѣстности уѣздовъ херсонскаго, одесскаго и мелитопольскаго. Живущіе въ районѣ такихъ дачъ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ предъявить большого спроса на владѣльческую землю отчасти въ силу своей малочисленности, отчасти и по скудости имѣющагося у нихъ земледѣльческаго инвентаря" (стр. 19). Въ сѣверныхъ уѣздахъ таврической губерніи крестьянское земледѣліе развилось успѣшно и приняло своеобразный характеръ въ эпоху семидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ и усилившагося вывоза его за границу. Нѣмецкія колоніи несомнѣнно оказали свое культурное дѣйствіе на крестьянское населеніе края. По словамъ автора, толчокъ къ новому направленію въ хозяйствѣ былъ данъ нѣмецкими колонистами и особенно молоканами. Появились улучшенныя орудія, разныя сельскохозяйственныя машины и приспособленія, которыя быстро пошли въ ходъ и между крестьянами; „всѣ эти машины въ первое время пріобрѣтались исключительно въ нѣмецкихъ колоніяхъ, но теперь нѣкоторыя изъ нихъ (брички, вѣялки, плуги, бороны) приготовляются и въ русскихъ мастерскихъ, находящихся

[1]) В. Е. Постниковъ, Южно-русское крестьянское хозяйство, стр. XXXII.

во многихъ болѣе значительныхъ селеніяхъ этого района". Многочисленныя мастерскія и механическіе заводы нѣмецкихъ колоній, гдѣ работниками служили и служатъ по преимуществу русскіе крестьяне, дали мѣстнымъ селамъ большое число мастеровыхъ, способныхъ дѣлать починки машинъ и частью устроившихъ по селеніямъ собственныя мастерскія (стр. 5). Порядки у нѣмцевъ совсѣмъ не тѣ, что въ русскихъ селахъ; „волостные писаря въ колоніяхъ — люди весьма интеллигентные, получающіе большое содержаніе", до двухъ тысячъ въ годъ; „обязанности же сельскихъ писарей исполняютъ сельскіе учителя". Окрестные крестьяне усвоили во многомъ хозяйственные пріемы колонистовъ, но пользуются благосостояніемъ только тамъ, гдѣ есть возможность дешево арендовать сосѣднія земли. Въ общемъ положеніе крестьянъ остается довольно шаткимъ. Въ херсонской губерніи, по даннымъ земской переписи, болѣе трети сельскаго населенія въ уѣздахъ не имѣетъ рабочаго скота, и только 15% общаго числа дворовъ ведетъ земледѣліе, не прибѣгая къ помощи чужого скота. Надѣлы слишкомъ недостаточны; „наша земля, — говорятъ крестьяне, — растекается у насъ по душамъ, какъ масло".

Крестьяне жалуются на „утѣсненіе въ землѣ" и не могутъ приступить къ передѣламъ на наличныя души по той простой причинѣ, что „нечѣмъ дѣлиться", „нечего дѣлить". У большинства южно-русскихъ общинъ замѣчается поэтому „тяготѣніе къ переходу въ общинно-долевое землевладѣніе", которое во многихъ мѣстахъ можетъ считаться уже установившимся. Этотъ типъ общины господствуетъ не только въ колоніяхъ, но и въ товариществахъ изъ русскихъ крестьянъ, пріобрѣвшихъ земли покупкою. Земля дѣлится на опредѣленное число паевъ; мѣсто этихъ долей въ натурѣ можетъ мѣняться при періодической переверсткѣ, въ видахъ качественнаго уравненія отдѣльныхъ участковъ. Полнымъ хозяйствомъ считается у колонистовъ участокъ въ 60 десятинъ; дѣленіе на половинныя хозяйства допускается только въ рѣдкихъ случаяхъ. Надѣльная земля не можетъ быть ни продаваема, ни передаваема по наслѣдству безъ разрѣшенія общины. Община устанавливаетъ способы пользованія землею, опредѣляетъ количество скота, допускаемаго на выгонъ отъ каждаго пая, и т. п. При переходѣ хозяйства по наслѣдству члены семействъ, устраняемые отъ участія въ землѣ, удовлетворяются деньгами, которыя обыкновенно идутъ на пріобрѣтеніе или аренду новыхъ земель. Покупая себѣ участки въ личную собственность, нѣмцы не садятся на нихъ хуторами, въ одиночку, какъ это дѣлаютъ сплошь и рядомъ наши крестьяне и мѣщане, но устроиваютъ

небольшіе поселки съ церковью, школой и правильно организованнымъ сельскимъ обществомъ. Въ колоніяхъ старательно предупреждается то дробленіе земли, которое неизбѣжно при общинныхъ передѣлахъ на наличныя души. Крестьяне „прекрасно видятъ угрожающее значеніе измельчанія хозяйства, и безъ сомнѣнія рано или поздно наложатъ свое veto на дальнѣйшее дробленіе земли. На мой взглядъ,—говоритъ далѣе г. Постниковъ,—переходъ къ подворному землевладѣнію съ постоянной величиной надѣла въ южныхъ губерніяхъ долженъ произойти неизбѣжно въ близкомъ будущемъ и никакое законодательство не въ силахъ будетъ его остановить. За извѣстной нормой, измельчаніе надѣловъ ведетъ все равно къ неминуемой бѣдности и разоренію, и крестьяне это очень хорошо знаютъ. Въ большинствѣ мѣстностей южной Россіи эта норма еще не перейдена, но во многихъ селеніяхъ надѣлъ уже близокъ къ ней, что̀ чувствуется въ особенности тамъ, гдѣ нельзя дополнить хозяйство на надѣльной землѣ арендованіемъ чужихъ земель. Эксплуатація такихъ надѣловъ становится невыгодной, и крестьяне сдаютъ ихъ въ аренду, продавая свой инвентарь и скотъ. Право на землю остается фикціей, а владѣлецъ ея обращается въ пролетарія“ (стр. 67—8).

Изъ общей массы бѣдняковъ все болѣе выдѣляется группа зажиточныхъ хозяевъ, которымъ общинные порядки нисколько не мѣшаютъ завладѣвать большими пространствами земли и пользоваться батрацкимъ трудомъ односельцевъ. Зажиточная группа крестьянъ, по словамъ автора, особенно многочисленна въ таврической губерніи, гдѣ она составляетъ около третьей части всего сельскаго населенія. „Это обстоятельство имѣетъ здѣсь громадное вліяніе на весь складъ крестьянскаго хозяйства и быта. Если во многихъ селеніяхъ производятъ теперь уборку хлѣба и частью молотьбу машинами, то потому, что такія машины имѣются здѣсь у зажиточныхъ крестьянъ. Послѣдніе, бракуя свой инвентарь, продаютъ его своимъ же односельцамъ, и вотъ почему такая масса здѣсь улучшенныхъ орудій, даже у бѣднѣйшихъ крестьянъ. Если на мірскихъ сходкахъ значительное вліяніе имѣютъ здѣсь по преимуществу зажиточные домохозяева, то потому, что они весьма многочисленны. Вліяніе это во многихъ отношеніяхъ, впрочемъ, сказывается не къ худшему. При многочисленности и разнообразіи зажиточнаго класса онъ здѣсь далеко не представляетъ столь обычнаго въ средней Россіи типа сельскаго кулака. Напротивъ, во многихъ случаяхъ этотъ классъ даетъ культурныя семьи, отличающіяся строгими нравственными правилами, читающія газеты и журналы. Богатѣи села во многихъ случаяхъ здѣсь

и лучшіе крестьяне. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій туристъ, при самомъ бѣгломъ наблюденіи здѣшняго сельскаго быта" (стр. 146). Какъ пользуются богатые крестьяне своимъ положеніемъ въ общинѣ, можно видѣть отчасти изъ практики арендованія ими казенныхъ земель на имя обществъ, причемъ выгоды достаются „богатѣямъ", а убытки—болѣе бѣднымъ членамъ общинъ. Зажиточные домохозяева арендуютъ казенныя земли черезъ посредство крестьянскихъ обществъ, которыя пользуются въ этихъ случаяхъ извѣстными льготами; отвѣтственность въ уплатѣ арендныхъ денегъ лежитъ на цѣломъ обществѣ, а земли находятся въ исключительномъ распоряженіи небольшого числа „компаніоновъ". Отсюда выходятъ иногда такія „недоразумѣнія", что компаніоны оказываются неисправными и за нихъ расплачиваются остальные крестьяне въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Печальные примѣры, приводимые г. Постниковымъ, характеризуютъ также практику нашихъ казенныхъ вѣдомствъ и особенно мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ. Одно изъ болѣе бѣдныхъ селеній днѣпровскаго уѣзда взяло обществомъ казенный участокъ въ аренду, по предложенію нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, арендовавшихъ прежде эту землю черезъ какихъ-то посредниковъ; но при высокой цѣнѣ, за которую была взята земля, эти крестьяне оказались несостоятельными плательщиками, вслѣдствіе чего казенный участокъ былъ отобранъ отъ общества и сданъ въ аренду хозяйственнымъ способомъ по цѣнѣ вдвое низшей. Недочетъ же (почти двѣ тысячи рублей въ годъ) обязано уплачивать до истеченія срока аренды все общество, на имя котораго былъ сдѣланъ контрактъ, хотя землею оно и не пользовалось. Другое село сняло въ аренду казенный оброчный участокъ для нѣсколькихъ зажиточныхъ крестьянъ; но послѣдніе вскорѣ отказались отъ этой земли, въ виду ея отдаленности и дороговизны, такъ что обществу пришлось арендную плату въ 6.060 р. принять на себя и разложить ее по душамъ. Самою же землею, въ виду дальности разстоянія, общество почти не пользовалось и затѣмъ должно было прямо отказаться отъ участка. Послѣдній сданъ теперь мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ хозяйственнымъ образомъ въ аренду сосѣднему землевладѣльцу за третью долю цѣны, а недостающая сумма, въ размѣрѣ четырехъ тысячъ рублей въ годъ, будетъ шесть лѣтъ взыскиваться съ крестьянъ, которые такимъ образомъ должны даромъ выплатить цѣлый капиталъ въ 24 тысячи рублей. Неудивительно поэтому, что хозяйственныя дѣла этого селенія, бывшаго прежде зажиточнымъ, сильно запутались и пришли въ упадокъ. „Было

бы, конечно, справедливѣе и цѣлесообразнѣе въ финансовомъ отношеніи, — прибавляетъ г. Постниковъ, — возлагать въ такихъ случаяхъ уплату недоимокъ на „компаніоновъ“, крестьянъ вообще болѣе состоятельныхъ, ради которыхъ общества берутъ землю, при чемъ слѣдовало бы и обязывать сельскія общества, арендующія казенную землю, каждый разъ увѣдомлять управленіе госуд. имуществъ о передачѣ земель въ руки компаніоновъ, когда происходитъ такая передача“ (стр. 152—3). Дѣло однако въ томъ, что арендуемою казенною землею почти всегда пользуются одни богатые хозяева, даже безъ всякой формальной передачи отъ общества. Какъ видно изъ свѣденій, сообщаемыхъ авторомъ, въ трехъ уѣздахъ таврической губерніи изъ общаго пространства казенныхъ земель, сдаваемыхъ въ аренду по контрактамъ, въ 1890 году состояло въ пользованіи крестьянскихъ обществъ около 85 тысячъ десятинъ удобной земли, т.-е. 63% всей площади. Въ днѣпровскомъ уѣздѣ большая половина всей арендованной пашни находилась въ рукахъ зажиточной группы крестьянъ, въ бердянскомъ — болѣе двухъ третей, а въ мелитопольскомъ, гдѣ всего болѣе арендуется казенной земли, даже болѣе четырехъ пятыхъ арендованной площади; у бѣднѣйшей же части крестьянъ, засѣвающихъ менѣе десяти десятинъ пашни, было всего лишь 4% арендованныхъ казенныхъ земель (по земскимъ даннымъ 1884—1886 годовъ).

Очевидно, аренда свободныхъ участковъ не устраняетъ малоземелья, ибо нуждающіеся въ землѣ крестьяне не имѣютъ ни денежныхъ средствъ, ни рабочаго скота для обработки земель, арендуемыхъ сельскими обществами; — и съ этихъ же нуждающихся крестьянъ взыскивается еще арендная плата, доходящая до тысячныхъ суммъ, за неисправныхъ „богатѣевъ“! Съ своей стороны, зажиточные крестьяне распоряжаются казенными землями, арендуемыми на общественный счетъ, исключительно для своихъ выгодъ, безъ малѣйшихъ уступокъ односельцамъ. Отдѣльные факты этого рода крайне интересны и поучительны. Большое село, имѣющее болѣе 1.200 дворовъ, арендуетъ обществомъ смежный казенный участокъ въ 5.582 дес., но имъ пользуются лишь 250 болѣе зажиточныхъ домохозяевъ, которые, согласно контракту, распахиваютъ третью часть всей площади, а на остальномъ пространствѣ выпасаютъ скотъ собственный и своихъ односельцевъ, за что берутъ съ послѣднихъ по 5—6 рублей (!) отъ штуки скота въ лѣто. Одно селеніе арендуетъ обществомъ около тысячи десятинъ смежнаго казеннаго участка и раздаетъ землю подъ распашку желающимъ; но послѣднихъ нашлось въ селѣ лишь

нѣсколько человѣкъ, такъ какъ на собственной надѣльной землѣ этого многоземельнаго села имѣется отведенный обществомъ участокъ въ 4.000 дес. ради постройки церкви, и половина этого участка, по неимѣнію въ селѣ достаточнаго числа исправныхъ арендаторовъ, сдается въ наймы сосѣднему землевладѣльцу, который уже отъ себя сдаетъ эту же землю по мелочамъ крестьянамъ того же самаго села. Общество опасалось само отдавать землю своимъ односельчанамъ изъ боязни не дополучить арендныхъ денегъ. Выпасомъ на казенной землѣ пользуется все общество (стр. 151). Другое село арендуетъ участокъ, которымъ пользуется лишь 60 домохозяевъ изъ общаго числа 260 дворовъ; общество взяло съ арендующихъ подписку на случай ихъ неисправности. Бываетъ и такъ, что арендуемая обществомъ земля раздается богатымъ крестьянамъ сосѣднихъ селеній по отсутствію достаточнаго числа желающихъ, т.-е. зажиточныхъ хозяевъ въ самомъ селѣ; въ одномъ мѣстѣ арендаторъ былъ даже выписанъ изъ Крыма (тамъ же).

Зажиточная группа крестьянъ, на которую возлагаетъ такія надежды г. Постниковъ, теряется въ массѣ бѣдноты и въ иныхъ мѣстахъ какъ будто совершенно отсутствуетъ, насколько можно судить по приведеннымъ фактамъ; а для поправленія этого крестьянскаго хозяйства авторъ предлагаетъ рецепты, заимствованные изъ опыта богатыхъ нѣмецкихъ колоній. Нѣмецкое землевладѣніе въ трехъ новороссійскихъ губерніяхъ занимаетъ теперь свыше 1.750.000 десятинъ, т.-е. около десяти процентовъ общей площади этихъ губерній; сверхъ того оно держитъ въ арендѣ большія пространства владѣльческихъ земель. Нужды колонистовъ въ кредитѣ удовлетворяются, между прочимъ, такъ называемыми сиротскими деньгами, происходящими изъ капиталовъ, оставленныхъ умершими домохозяевами своимъ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ. Капиталы эти поступаютъ во владѣніе опекуновъ, выбираемыхъ обществомъ, и раздаются ими на проценты. По показаніямъ колонистовъ, въ одной волости насчитывается такихъ сиротскихъ денегъ, ходящихъ по рукамъ, болѣе 300 тыс. рублей. Не меньшія суммы имѣются и у менонитовъ. Означенные капиталы контролируются самимъ обществомъ колоніи и остаются совершенно неизвѣстными крестьянскимъ учрежденіямъ въ уѣздахъ (стр. 310—11). Г. Постниковъ полагаетъ, что это процвѣтаніе колонистовъ зависитъ исключительно отъ обширности ихъ надѣловъ. „Причины доходности колонистскаго хозяйства,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ искать не въ совершенствѣ земледѣлія, не въ валовомъ доходѣ отъ него, а въ экономіи по затратѣ рабочихъ силъ, содержаніе ко-

торыхъ составляетъ вообще самый крупный расходъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Эта экономія въ расходахъ является здѣсь возможной, вслѣдствіе значительнаго размѣра колонистскаго хозяйства, допускающаго употребленіе машинъ, которыя, повышая рабочую способность двора, тѣмъ самымъ служатъ къ сокращенію употребляемыхъ на данную площадь хозяйства рабочихъ силъ... Принципы колонистскаго землевладѣнія, сохраняющіе хозяйственные участки отъ дробленія, не допускаютъ тѣмъ самымъ перенаселенности въ земледѣліи и постоянно держатъ ростъ мѣстнаго сельскаго населенія на уровнѣ необходимаго для земледѣлія количества рабочихъ силъ. Сберегая рабочія силы, они даютъ возможность производства ими въ цѣломъ большей массы продуктовъ и цѣнностей. Наши южно-русскіе нѣмцы-колонисты богатѣютъ, слѣдовательно, не отъ высокой земледѣльческой культуры, а потому, что они ведутъ хозяйство на участкахъ достаточнаго размѣра, допускающаго примѣненіе машинъ и артельнаго состава труда (стр. 313, 321). Такъ же точно въ средней полосѣ Россіи, по мнѣнію г. Постникова, чувствуется „значительная пресыщенность земледѣлія трудомъ рабочихъ и рабочаго скота"; это явленіе скажется еще сильнѣе, когда у крестьянъ и землевладѣльцевъ будетъ введена машинная уборка хлѣба. Еслибы все наше сельское хозяйство,—разсуждаетъ авторъ,—было организовано на манеръ 60-десятинныхъ хозяйствъ колонистовъ, то на 60 милліоновъ посѣвной площади въ губерніяхъ европейской Россіи мы имѣли бы полтора милліона хозяйственныхъ единицъ, которыя въ годы средняго урожая производили бы 360 милліоновъ четвертей хлѣба. При этомъ земледѣльческое населеніе состояло бы изъ 20 милліоновъ душъ при 5 милл. взрослыхъ рабочихъ. Въ настоящее же время наше производство зерна колеблется около цифры 300 милл. четвертей въ годъ, и добывается оно населеніемъ по крайней мѣрѣ въ 60 милліоновъ душъ, т. е. въ три раза больше противъ указаннаго выше. Слишкомъ 40 милл. душъ сельскаго населенія съ 10 милл. взрослыхъ рабочихъ являлись бы излишними для земледѣлія, также какъ и 10 милл. штукъ рабочаго скота. Еслибы весь этотъ излишекъ населенія былъ обращенъ на производство неземледѣльческихъ продуктовъ, или продуктовъ малыхъ культуръ, то, считая годовую выработку рабочаго и его семьи въ 300 рублей, мы имѣли бы у себя ежегодно новыхъ цѣнностей на три милліарда рублей... Теперь же, производя все рожь да овесъ, половина нашихъ земледѣльцевъ ковыряютъ землю непроизводительно, потому что все нужное намъ количество хлѣбнаго зерна можетъ быть произведено при другой

организаціи землевладѣнія и хозяйства, силами значительно мѣньшими противъ употребляемыхъ нынѣ. „Малый размѣръ крестьянскаго хозяйства дѣлаетъ его бездоходнымъ или малодоходнымъ для крестьянъ, а для государства и въ интересахъ культуры онъ не можетъ быть желательнымъ, потому что сильно уменьшаетъ народное производство и уровень возможнаго благосостоянія самихъ крестьянъ. При немъ тратится въ земледѣліи непроизводительно слишкомъ большое число рабочихъ рукъ и содержится масса ненужнаго рабочаго скота. Малый размѣръ крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства въ Россіи, не позволяющій утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи и не допускающій значительнаго примѣненія въ земледѣліи артельныхъ формъ труда, есть коренная причина экономической бѣдности Россіи“ (стр. 335—341).

Если это такъ, если источникъ всего зла заключается въ измельчаніи крестьянскихъ хозяйствъ, то почему же аренда обширныхъ казенныхъ земель приноситъ такъ мало пользы и нерѣдко даже причиняетъ убытки сельскимъ общинамъ? Большинство крестьянъ не можетъ даже участвовать въ пользованіи арендуемыми землями, по недостатку необходимыхъ средствъ для расширенія хозяйства; и, слѣдовательно, простое увеличеніе ихъ поземельныхъ участковъ на подобіе колонистскихъ совершенно не достигало бы цѣли, еслибы одновременно съ этимъ не предполагалось снабдить ихъ рабочимъ скотомъ, сельско-хозяйственными орудіями и нужными оборотными средствами на веденіе правильнаго хозяйства. Сверхъ того, нужно было бы еще извѣстное пониманіе задачъ и способовъ разумной земледѣльческой культуры; иначе пойдетъ обычное опустошеніе земель, какъ это было во многихъ имѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ сельскими обществами при помощи крестьянскаго банка. А что касается богатыхъ домохозяевъ, то они и теперь могутъ вести крупное хозяйство и часто съ большимъ успѣхомъ слѣдуютъ примѣру нѣмецкихъ колонистовъ, такъ что съ этой стороны процессъ расширенія земледѣльческой эксплуатаціи не нуждается ни въ какихъ искусственныхъ мѣрахъ. Нельзя, конечно, говорить серьезно объ удаленіи отъ земледѣлія сорока милліоновъ сельскаго населенія: такого грандіознаго пролетаріата не имѣла еще ни одна страна, и о поглощеніи его капиталистическою промышленностью не могло бы быть и рѣчи даже при самомъ высшемъ развитіи фабричной и заводской производительности. Самъ г. Постниковъ выражаетъ пожеланіе, чтобы устраняемое отъ земледѣлія населеніе не уходило въ города, а оставалось въ той же деревнѣ, занимаясь общественными работами, ремеслами, чтобы

оно не выбрасывалось вообще на произволъ судьбы, а стояло въ непосредственной связи съ сельскимъ обществомъ, образуя съ нимъ одну земледѣльческо-ремесленно-заводскую общину. Авторъ опять-таки ссылается на нѣмецкія колоніи; но приводимыя имъ свѣденія ясно показываютъ, что дѣло вовсе не въ количественныхъ размѣрахъ хозяйства, а въ степени приложенія рабочихъ силъ, въ искусствѣ и разнообразіи труда, въ цѣлесообразномъ общемъ направленіи предпріимчивости. Въ одной молоканской волости, при населеніи въ 13.800 душъ, числилось 23 кирпичныхъ завода, одинъ кожевенный, два пивоваренныхъ и одинъ известковый, три паровыя мельницы, 33 конныхъ и вѣтряныхъ, 114 кузницъ, 69 колесенъ, 27 столяренъ, 14 маляровъ, 30 портныхъ и пр. Въ гальбштадской волости у менонитовъ находятся обширные заводы —три чугунно-литейныхъ, 24 кирпичныхъ, одинъ механическій, одинъ пивоваренный, одинъ крахмальный, одинъ кожевенный, два уксусныхъ, затѣмъ пять паровыхъ мельницъ, 66 конныхъ и вѣтряныхъ, 12 экипажныхъ заведеній, 6 шорныхъ, 20 красильныхъ, 74 кузницъ, 43 столярни, 35 колесенъ и др.; кромѣ того, имѣется 44 лавки, книжный магазинъ и типографія (стр. 344, примѣч.). Въ этой волости проживаетъ и находитъ себѣ работу до полутора тысячъ русскихъ крестьянъ. Встрѣчаются удачныя самостоятельныя попытки и въ другихъ мѣстахъ нашего юга; такъ напримѣръ въ одномъ селѣ бердянскаго уѣзда устроенъ обществомъ кирпичный заводъ, съ котораго получается въ годъ дохода болѣе двухъ тысячъ рублей. Крестьянству нужны осязательные образцы разумнаго хозяйства, нуженъ починъ въ дѣлѣ усовершенствованій и улучшеній, нужно содѣйствіе знанія и техники, — а безъ этого не поможетъ никакое увеличеніе надѣловъ. Наши крестьяне вообще легко поддаются вліянію убѣдительныхъ и наглядныхъ примѣровъ, хотя на первыхъ порахъ обыкновенно обнаруживаютъ недовѣріе и вражду къ нововведеніямъ. Такъ одно изъ селъ днѣпровскаго уѣзда „поражаетъ обиліемъ своихъ садовъ, виноградниковъ и деревьевъ при усадьбахъ, въ зелени которыхъ лѣтомъ оно почти скрывается, если смотрѣть на него издали, и такое необычное развитіе садоводства, начавшееся здѣсь не болѣе какъ тридцать лѣтъ назадъ, обязано своимъ возникновеніемъ мѣстному крестьянину, обучавшемуся мальчикомъ садоводству у колониста. Онъ первый развелъ у себя садъ, и сначала жители села относились недовѣрчиво, завистливо и недоброжелательно къ его предпріятію. Проходя мимо его усадьбы, каждый считалъ своимъ долгомъ сорвать съ дерева вѣтку, вообще какъ можно болѣе напакостить, грозили даже собраться цѣлымъ обществомъ и уни-

чтожить его садъ; но успѣхъ дѣла, среди такихъ неблагопріятныхъ условій, вызвалъ невольное уваженіе къ энергіи и предпріимчивости этого піонера, сдѣлавшагося впослѣдствіи виновникомъ благосостоянія своего села. Скоро къ нему стали обращаться сосѣди за совѣтомъ и указаніемъ, просили у него отростковъ и стали сами по его примѣру заводить сады. Теперь у каждаго почти крестьянина въ селѣ есть небольшой садъ, гдѣ ростутъ вишни, черешни, яблоки, абрикосы и даже персики. Кромѣ того, почти въ каждой усадьбѣ посажена бѣлая акація, ростущая здѣсь очень быстро и уже дающая крестьянамъ дерево на мелкія подѣлки". Таково культурное значеніе личнаго почина и примѣра въ крестьянской жизни.

Народная школа, поставленная какъ слѣдуетъ, могла бы принести несравненно больше пользы земледѣлію, чѣмъ самыя сложныя канцелярскія мѣропріятія. „Небольшой садъ при сельской школѣ,—справедливо замѣчаетъ г. Постниковъ,—не только пріучалъ бы крестьянъ къ разведенію деревьевъ и плодоводству, но доставилъ бы еще случай конкретно сообщить имъ свѣденія о почвѣ и жизни растеній, если, конечно, ими будетъ обладать и самъ сельскій учитель. Тотъ же садъ могъ бы частью пріучать мальчиковъ и къ наблюденіямъ надъ растеніемъ и почвой... Конечно, имѣя хоть немного естественно-историческихъ свѣденій, крестьянинъ былъ бы лучшимъ практикомъ. Уже одно убѣжденіе въ томъ, что не одно небо родитъ хлѣба, но частью и трудъ, дѣлало бы его болѣе подвижнымъ на затраты этого труда, часто пропадающаго у южно-русскихъ крестьянъ по непониманію его значенія, потому лишь, что „не заведено" работать въ извѣстное время". Сила рутины и невѣжества дѣйствуетъ иногда съ удивительнымъ упорствомъ, вопреки ясному сознанію матеріальныхъ выгодъ. Въ двухъ селеніяхъ днѣпровскаго уѣзда лѣтъ сорокъ тому назадъ заведены виноградники переселившимися изъ-за Дуная старообрядцами; виноградъ даетъ здѣсь до 400 р. чистаго дохода съ десятины, такъ что оба селенія, несмотря на свое малоземелье, славятся въ мѣстности своимъ относительнымъ достаткомъ, благодаря винограду,—и тѣмъ не менѣе въ сосѣднихъ съ ними селеніяхъ по Днѣпру нѣтъ еще ни одного куста винограда, да и въ этихъ двухъ селахъ далеко не всѣ хозяева имѣютъ виноградники. Когда авторъ спрашивалъ этихъ крестьянъ, почему они не разводятъ виноградниковъ, тѣ отвѣчали, что „копотное дѣло, не привыкли"; а между тѣмъ работы по разведенію винограда, какъ оно здѣсь ведется, такъ мало отнимаютъ рабочаго времени лѣтомъ, что нисколько не препятствуютъ обычнымъ земле-

дѣльческимъ занятіямъ (стр. 365). Поручать цѣлому ряду чиновниковъ принудительную опеку надъ крестьянскимъ хозяйствомъ въ видахъ поднятія народнаго благосостоянія,—какъ предлагаетъ это г. Постниковъ, — дѣло совершенно безполезное и фантастическое. Всякій знаетъ у насъ на практикѣ, какъ дѣйствуютъ второстепенные агенты бюрократіи, какъ остаются мертвою буквою многія хорошія намѣренія, скрытыя въ разныхъ томахъ свода законовъ, и какъ даже самыя лучшія начинанія гибнутъ безслѣдно, проходя черезъ горнило бумажнаго „производства" и исполненія въ соотвѣтственныхъ канцеляріяхъ и коммиссіяхъ; — и однако всегда, какъ только заходитъ рѣчь о поправленіи нашихъ хроническихъ народныхъ бѣдъ, тотчасъ же выступаютъ на сцену проекты новыхъ бюрократическихъ мѣръ, предписаній и распоряженій, въ томъ же давно извѣданномъ родѣ. И удивительнѣе всего, что эта странная вѣра въ спасительность чиновничьей опеки свойственна не только кабинетнымъ реформаторамъ, имѣющимъ въ виду отвлеченныхъ, несуществующихъ въ природѣ исполнителей, но и людямъ практическимъ, близко знакомымъ съ дѣйствительною жизнью и съ обычными условіями дѣятельности мѣстнаго чиновничества. Повторяемъ: крестьянство нуждается скорѣе въ облегчительныхъ, отрицательныхъ мѣрахъ, чѣмъ въ положительныхъ,—оно нуждается прежде всего въ облегченіи наложенныхъ на него тягостей и стѣсненій, въ допущеніи свободнаго открытія и распространенія сельскихъ школъ, въ устраненіи традиціонной тьмы и косности, въ болѣе широкомъ доступѣ къ свѣту и простору. Пусть дана будетъ народу возможность жить по-человѣчески, безъ ежеминутной боязни постыдныхъ и произвольныхъ экзекуцій со стороны мелкихъ волостныхъ и полицейскихъ властей; пусть откроется нашей захудалой деревнѣ путь къ свободному развитію умственныхъ и матеріальныхъ силъ, — а остальное приложится само собою. Тогда найдутся и средства для поднятія экономическаго быта народной массы, помимо канцелярскихъ реформъ.

III.

Крестьянское малоземелье, насколько оно выражается въ стремленіи арендовать чужія земли, изслѣдовано въ книгѣ г. Карышева съ научною обстоятельностью, не оставляющею желать ничего лучшаго. Авторъ старался отнестись къ предмету вполнѣ объективно, придерживаясь преимущественно данныхъ земской стати-

стики и избѣгая отвлеченныхъ теоретическихъ разсужденій; онъ выходитъ изъ фактовъ, выраженныхъ языкомъ цифръ, и даетъ извѣстные общіе выводы, безъ опредѣленія какихъ-либо практическихъ требованій, въ родѣ формулированныхъ г. Постниковымъ. Онъ видитъ вопіющіе недостатки существующей у насъ арендной системы и указываетъ на возможныя ея послѣдствія; но вопросъ о законодательномъ регулированіи арендныхъ отношеній затронутъ имъ только слегка, въ не совсѣмъ точной формѣ. „При невмѣшательствѣ государства,—говоритъ онъ,—будущіе плоды такой системы не трудно предвидѣть по аналогіи съ исторіей другихъ странъ и другихъ отраслей промышленности. Лишеніе хозяйственной самостоятельности надѣльнаго крестьянства и обращеніе его въ состояніе батрачества—таковъ отрицательный идеалъ, къ которому, повидимому, стремятся установившіяся нынѣ въ этой области отношенія“. Переходъ къ болѣе интензивной земледѣльческой культурѣ „не можетъ быть декретированъ и приведенъ въ исполненіе по желанію“, ибо каждая хозяйственная система имѣетъ прямую связь съ мѣстными и общими условіями экономической жизни. Попытки улучшенія хозяйства, повторяющіяся во многихъ крестьянскихъ обществахъ, показываютъ только, что „мы начинаемъ вступать въ періодъ измѣненія господствующей системы“ земледѣлія; „конецъ же этого періода отстоитъ еще на весьма далекомъ разстояніи отъ нашей эпохи“. Поэтому, „одновременно съ подъемомъ хозяйства на высшую ступень необходимо искать способовъ, при помощи которыхъ оказалось бы возможнымъ расширять площадь, находящуюся подъ культурой земледѣльческаго класса населенія. Въ этомъ заключается главнѣйшая задача экономической политики нашей страны въ переживаемое время; это тотъ единственный путь, слѣдуя которому можно надѣяться избѣгнуть и конечнаго упадка сельскохозяйственнаго промысла страны, и уничтоженія хозяйственной состоятельности надѣльнаго населенія, и водворенія капитализма въ земледѣліи въ такихъ же размѣрахъ, какъ это произошло въ теченіе послѣдняго столѣтія во всемъ цивилизованномъ мірѣ въ области индустріи“ [1]). Расширеніе площади крестьянскаго хозяйства достигается, между прочимъ, арендою владѣльческихъ и казенныхъ земель, и въ этой области авторъ съ большимъ искусствомъ группируетъ и распредѣляетъ громадный статистическій матеріалъ, отчасти для доказательства такихъ истинъ, которыя можно было бы установить а

[1]) Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. II. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды, Николая Карышева, стр. 397—400.

priori. Такъ, можно сказать заранѣе, что чѣмъ больше владѣльческихъ и казенныхъ земель находится въ данной области, тѣмъ больше земли арендуютъ крестьяне, въ виду малой распространенности у насъ самостоятельныхъ крупныхъ хозяйствъ; а у г. Карышева это положеніе вытекаетъ изъ цифръ и получаетъ характеръ точной математической формулы. Понятно, что частныя имѣнія, прилегающія къ крестьянскимъ надѣламъ, служатъ болѣе важнымъ и необходимымъ источникомъ крестьянской аренды, чѣмъ казенныя земли, отстоящія далеко отъ бывшихъ помѣщичьихъ селъ и заключающія въ себѣ много лѣсныхъ и неудобныхъ для обработки пространствъ; а цифры въ самомъ дѣлѣ приводятъ автора къ тому заключенію, что аренды возростаютъ съ увеличеніемъ количества именно владѣльческихъ земель даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть обширныя казенныя имѣнія (стр. 53). Путемъ цифровыхъ выкладокъ выясняется также, что при арендѣ на одинъ годъ плата за землю выше, чѣмъ при болѣе продолжительномъ срокѣ, и что при уплатѣ впередъ наличными, арендныя условія легче, чѣмъ при обязательствѣ взноса денегъ послѣ уборки хлѣба (стр. 239, 290), хотя въ этихъ случаяхъ сложный статистическій методъ представляетъ уже въ самомъ дѣлѣ научную роскошь.

Нѣтъ, конечно, надобности добывать индуктивнымъ способомъ общеизвѣстныя экономическія аксіомы; но цифры наглядно и ярко изображаютъ степень распространенія и дѣйствія тѣхъ фактовъ, которые сами по себѣ не нуждались бы въ доказательствахъ. Въ этомъ отношеніи выводы г. Карышева весьма цѣнны и назидательны. Въ 103 уѣздахъ, для которыхъ имѣются свѣдѣнія о числѣ крестьянскихъ дворовъ, арендующихъ чужія земли, насчитывается болѣе милліона такихъ дворовъ изъ общаго количества $2^1/_2$ милл., т.-е. болѣе 42%. Въ 126 уѣздахъ арендуется крестьянами до 7 милліоновъ десятинъ, и по приблизительному разсчету сумма арендныхъ платежей за эту землю составляетъ около 45 милл. рублей въ годъ. Каждый арендующій дворъ выплачиваетъ среднимъ числомъ 25 рублей арендныхъ денегъ въ годъ. Изъ этого видно, какую важную роль играетъ аренда въ крестьянскомъ хозяйствѣ и бюджетѣ. „Размѣры арендъ неуклонно слѣдуютъ за величиною возможнаго предложенія земли. Чѣмъ больше въ уѣздѣ земель, какой бы то ни было категоріи, тѣмъ болѣе развитъ и крестьянскій наемъ земель (по скольку то позволяетъ годность угодій къ земледѣлію). Всѣ три серіи земель— казенныя, удѣльныя и частныя—въ этомъ случаѣ какъ бы помогаютъ другъ другу; однѣ восполняютъ собою недостатокъ дру-

гихъ... Арендуется изъ даннаго источника тѣмъ больше, чѣмъ больше послѣдній доставляетъ возможности арендовать". Гдѣ преобладаетъ крупное землевладѣніе, тамъ крестьяне арендуютъ больше, а гдѣ—среднее и мелкое, тамъ меньше. Пользованіе чужой землей представляетъ неизбѣжный элементъ хозяйства крестьянъ. Они прибѣгаютъ къ нему при всякой возможности; они захватываютъ всѣ земли, какія только могутъ войти въ составъ арендваго фонда [1]). Арендами внѣнадѣльныхъ земель пользуются болѣе всего бывшіе помѣщичьи крестьяне и удѣльные, а въ меньшей степени—государственные, четвертные и казаки. Больше земли снимаютъ въ аренду тѣ крестьяне, которые имѣютъ бо́льшій собственный надѣлъ, а безземельнымъ достается лишь ничтожная часть арендваго фонда. Арендованіе земли служитъ однимъ изъ признаковъ, отличающихъ зажиточные дворы отъ несостоятельныхъ (стр. 117—133). Владѣльцы обыкновенно предпочитаютъ сдавать землю богатымъ крестьянамъ или купцамъ, которые уже отъ себя отдаютъ участки хозяевамъ, нуждающимся въ землѣ; эти посредники сильно повышаютъ арендныя цѣны и безпрепятственно эксплуатируютъ крестьянъ, разоряя въ то же время и арендуемыя имѣнія. Говоря объ этихъ посредникахъ, авторъ называетъ ихъ способъ хозяйничанья „капиталистическимъ" и этимъ даетъ поводъ къ весьма серьезному недоразумѣнію. При меньшихъ размѣрахъ арендваго фонда земля сдается прямо крестьянамъ подесятинно; а при болѣе обширныхъ пространствахъ сдаваемыхъ земель практикуется сдача крупныхъ участковъ въ однѣ руки. „Участковыя аренды,—объясняетъ г. Карышевъ,—бываютъ единоличныя, мірскія и артельныя (товарищескія). Первыя носятъ капиталистическій характеръ, имѣя цѣлью обработку арендуемой земли наемными рабочими или пересдачу этой земли пополосно по возвышеннымъ цѣнамъ. Вторымъ свойственно трудовое начало и принципъ равномѣрнаго распредѣленія снятаго участка между общинниками. Третьи занимаютъ промежуточное мѣсто между тѣми и другими. Въ общественномъ смыслѣ первые два типа аренды имѣютъ цѣли и интересы прямо противоположные. Арендный фондъ ограниченъ въ каждой данной мѣстности. Его нельзя расширять по произволу нанимателей. Если онъ попадаетъ въ руки арендаторовъ-капиталистовъ, мѣстное населеніе, нуждающееся въ расширеніи своей сельско-хозяйственной площади, или получаетъ землю изъ вторыхъ рукъ, или не получаетъ ея совсѣмъ и принуждается батрачить въ хозяйствахъ этихъ капи-

[1]) Тамъ же, стр. 62, 70, 87, 112 и др.

талистовъ. Если же арендный фондъ находится въ пользованіи арендаторовъ-общинъ, спекулятивному капиталу не остается поля приложенія среди земледѣльцевъ, обезпеченныхъ землею". Но капитализмъ „накладываетъ свою суровую руку на съемщика въ его послѣднемъ убѣжищѣ—въ общинѣ" (стр. 230—2).

Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ книги, авторъ употребляетъ слова „капитализмъ" и „капиталистическій" для обозначенія двухъ совершенно различныхъ явленій: простого барышничества, безусловно вреднаго, и извѣстной формы самостоятельнаго хозяйства при помощи наемныхъ рабочихъ. Крупное хозяйство, разсчитанное на наемный трудъ, можетъ быть поставлено такъ, что окрестное населеніе найдетъ въ немъ и источникъ новыхъ заработковъ, и полезные образцы и примѣры лучшей земледѣльческой культуры; такое хозяйство будетъ несомнѣнно капиталистическимъ, но оно не имѣетъ ничего общаго съ хищнической эксплуатаціею крестьянской нужды и никакимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ одной категоріи съ спекулятивнымъ посредничествомъ по арендѣ земли. Капитализмъ указываетъ на характеръ производства, гдѣ трудъ отдѣленъ отъ капитала и получаетъ свою долю дохода въ видѣ опредѣленной заработной платы; но гдѣ вовсе нѣтъ производства, тамъ не можетъ быть рѣчи и о капиталистическомъ хозяйствѣ. Участіе коммерческихъ капиталовъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ не опредѣляетъ еще способа его веденія; капиталистъ можетъ быть и хищнымъ аферистомъ, и организаторомъ полезнаго промышленнаго предпріятія; въ первомъ случаѣ мы видимъ кулачество, требующее обузданія, а во второмъ—капиталистическую форму производительной дѣятельности. Смѣшивать эти двѣ вещи было бы крайне несправедливо.

Голая статистика недостаточна при объясненіи и анализѣ экономическихъ явленій; требуется также какая-нибудь доктрина, съ надлежащимъ запасомъ предвзятыхъ, т.-е. готовыхъ идей, выработанныхъ наукою и литературою. Что г. Карышевъ хорошо знакомъ съ экономическою наукою и литературою, объ этомъ свидѣтельствуетъ его прежняя работа о вѣчной арендѣ въ западной Европѣ [1]). Быть можетъ, невольное увлеченіе статистическимъ методомъ сказывается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ его настоящей книги. Упомянувъ о необходимости законодательнаго регулированія нашихъ арендныхъ порядковъ, авторъ высказываетъ

---

[1]) Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ западной Европы. Экономическое изслѣдованіе. Спб., 1885. Ср. рецензію въ „Вѣстникѣ Европы", 1885, іюль.

слѣдующее: „Самый принципъ вмѣшательства въ сферу аграрныхъ отношеній не чуждъ нашему отечеству. Крупнымъ шагомъ въ этой области было надѣленіе крестьянъ землею владѣльческою, удѣльною и государственною въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ сущности это надѣленіе сводилось къ экспропріаціи части земельной собственности у ея юридическихъ владѣльцевъ въ интересахъ обезпеченія большинства населенія—земледѣльческаго класса страны“ (стр. 398). Это замѣчаніе кажется намъ крайне неудачнымъ. Повсюду, какъ и у насъ, старыя поземельныя отношенія были почти всецѣло устроены государствомъ. Крестьянская реформа не только не внесла въ этомъ смыслѣ ничего новаго, а сама была лишь поправкою къ предшествовавшимъ созданіямъ государства въ области поземельнаго быта страны. Раздача крестьянскихъ земель въ вотчину и въ помѣстье служилымъ людямъ, постепенное отнятіе поземельныхъ правъ у крестьянъ и закрѣпощеніе сельскаго населенія за дворянствомъ въ интересахъ обязательной службы послѣдняго,—все это было дѣломъ государственной власти. Наша прежняя поземельная система была всецѣло продуктомъ государственнаго вмѣшательства. Утверждать послѣ этого, что принципъ вмѣшательства въ сферу аграрныхъ отношеній „не чуждъ нашему отечеству“, и въ доказательство ссылаться на крестьянскую реформу и на мѣры графа Киселева, —болѣе чѣмъ странно. Надѣленіе крестьянъ землею не было экспропріаціею части дворянскаго землевладѣнія уже потому, что за крестьянами оставлены лишь земли, находившіяся раньше въ ихъ фактическомъ пользованіи и принадлежавшія легально помѣщикамъ только въ силу передачи имъ самого крестьянства въ собственность; исторически вѣрнѣе будетъ сказать, что крестьяне были лишены своихъ поземельныхъ владѣній въ пользу служилаго сословія и что позднѣе имъ возвратили часть отнятыхъ земель подъ условіемъ значительныхъ денежныхъ взносовъ, по оцѣнкѣ. Представляя дѣло въ обратномъ видѣ и признавая фактъ односторонней экспропріаціи владѣльцевъ, г. Карышевъ, очевидно, подрываетъ всю силу своихъ доводовъ относительно крестьянскаго малоземелья, ибо даже малые надѣлы не имѣли какъ будто прочнаго историческаго основанія и остаются для народа благодѣяніемъ, которое надо цѣнить по достоинству. Въ поземельномъ вопросѣ нельзя обойтись безъ широкой исторической точки зрѣнія, и нужда крестьянъ въ землѣ имѣетъ также свою исторію.

Крестьянство чувствуетъ потребность въ увеличеніи своихъ надѣловъ и въ расширеніи своего земледѣльческаго хозяйства; эта потребность отчасти удовлетворяется арендою чужихъ земель,

владѣльческихъ и казенныхъ. Но арендовать землю и обрабатывать ее успѣшно могутъ только зажиточные крестьяне, а тѣ, кто наиболѣе нуждается въ землѣ, не имѣютъ доступа къ „арендному фонду". Лекарство отъ малоземелья имѣетъ такимъ образомъ практическое значеніе только для здоровыхъ, а не для слабыхъ, которымъ оно особенно нужно. Выходитъ какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ невольно теряются изслѣдователи нашихъ крестьянскихъ нуждъ.

Л. Слонимскій.

Когда съ высотъ горящаго Синая
Израилю былъ данъ его законъ,—
Предъ Богомъ силъ колѣни преклоняя,
Его назвать еще страшился онъ.

Вѣка прошли: служители Ваала
Внесли свой торгъ и подъ священный кровъ;
Но новая заря уже сіяла:
Христосъ изгналъ изъ храма торговцовъ.

Онъ новый храмъ воздвигъ среди вселенной,
Гдѣ еллиновъ, ни іудеевъ нѣтъ,
Гдѣ все живитъ Единый духъ нетлѣнный,
Гдѣ царствуютъ любовь, и жизнь, и свѣтъ.

Но и туда внесли тельца златого,
И тамъ опять склоняются предъ нимъ...
Когда-жъ, о, Господи! изгонишь снова
Торгующихъ тамъ именемъ Твоимъ?..

Кн. Д. Цертелевъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Изъ личныхъ воспоминаній.

VII *).

Вопросъ о народномъ образованіи въ Соединенныхъ Штатахъ приходится разсматривать нѣсколько отлично отъ того же вопроса въ европейскихъ государствахъ. Здѣсь нѣтъ федеральнаго, національнаго министерства народнаго просвѣщенія; въ завѣдываніи федеральнаго правительства находится только военная школа въ Вестъ-Пойнтѣ и морская въ Аннаполисѣ. Школы эти учреждены вскорѣ послѣ образованія Союза, содержатся на счетъ министерствъ военнаго и морского, безплатны, и обѣ съ четырехлѣтнимъ спеціальнымъ курсомъ. Вакансіи въ штатѣ учащихся въ этихъ школахъ пополняются изъ разныхъ штатовъ по очереди, сообразно съ ихъ населеніемъ, и для окончившихъ въ нихъ курсъ служба необязательна, а такъ какъ офицерское жалованье весьма незначительно, производство же чрезвычайно медленно, то весьма многіе молодые офицеры и выходятъ въ отставку вскорѣ по окончаніи курса. Вступительные экзамены, какъ по естествовѣденію, такъ и въ прочихъ наукахъ, весьма строги, и ученики въ обѣихъ этихъ школахъ представляютъ собою цвѣтъ американской молодежи во всѣхъ отношеніяхъ.

Каждый штатъ союза имѣетъ свои собственные законы относительно народнаго образованія, и законы эти довольно разнообразны, какъ разнообразны и системы воспитанія, программы, условія выпуска, и т. п. Штаты Новой-Англіи, Сѣвера, Сѣверо-

---

*) См. выше: февр., стр. 478.

запада и Запада составляютъ одну группу, и далеко ушли отъ штатовъ Юга и Юго-запада; нѣкоторые изъ послѣднихъ и до сихъ поръ имѣютъ, сравнительно съ первыми, весьма несовершенныя системы народнаго образованія. Такъ, штатъ Сѣверная-Каролина насчитываетъ 21% неграмотныхъ,—самый высокій процентъ неграмотности во всемъ Союзѣ; надъ нимъ стоятъ Южная-Каролина, Миссисипи и Луизіана. Жалованье учителей сравнительно низко,—упадаетъ до 30 долларовъ въ мѣсяцъ; періодъ обученія коротокъ, иногда ниже пяти мѣсяцевъ въ году; школьныя зданія, исключая городскихъ, не такъ бросаются въ глаза и бѣднѣе снабжены школьными пособіями. Вообще Югу нечѣмъ похвалиться въ этомъ отношеніи; и до сихъ поръ всѣ зажиточные люди посылаютъ своихъ дѣтей въ частныя школы, а народная школа находится въ сравнительномъ забросѣ. Переѣзжающіе на югъ сѣверяне почти всѣ отправляютъ своихъ дѣтей на сѣверъ, и только въ тѣхъ штатахъ, гдѣ сѣверная эмиграція значительна, какъ, напримѣръ, въ Тексасѣ и Флоридѣ, встрѣчаются и въ сельскихъ округахъ хорошія школьныя зданія и дѣльное, осмысленное отношеніе къ народной школѣ. Городскія школы и на югѣ очень хороши, а духовные университеты и высшія академіи, значительное большинство которыхъ расположено въ южныхъ штатахъ, очень богаты и даютъ обыкновенно, кромѣ спеціально-теологическаго, и общее высшее образованіе, а потому большинство кончающихъ въ нихъ курсы не принимаютъ духовнаго званія.

Въ большинствѣ штатовъ Союза, за послѣднее время и Югъ началъ слѣдовать за Сѣверомъ въ этомъ отношеніи, гдѣ полный курсъ народной школы обнимаетъ девять классовъ и девять лѣтъ. Курсъ этотъ, по большинству предметовъ, равняется русскому гимназическому курсу, въ нѣсколько сжатомъ видѣ. Проходятъ англійскій и латинскій языки, ариѳметику, алгебру, геометрію, исторію, географію, естественныя науки, включая анатомію и физіологію, физику, бухгалтерію, черченіе и рисованіе. Далеко не всѣ школы имѣютъ всѣ девять классовъ, многія имѣютъ только 5 или 6, но всѣ стремятся къ девятилѣтнему курсу, и во многихъ мѣстностяхъ на двѣ, на три и на четыре пяти- и шести-классныя школы имѣется одна девятиклассная. Само собой разумѣется, что не всѣ ученики кончаютъ полный девятилѣтній курсъ, и потому программы пяти- и шестилѣтнихъ школъ иногда нѣсколько различествуютъ отъ девятилѣтнихъ, стараясь дать по возможности законченное, хотя и неполное образованіе тѣмъ ученикамъ, которые почему-либо не могутъ продолжать курса. Нужно замѣтить, что при многихъ школахъ, особенно въ городахъ, имѣются такъ

называемые „дѣтскіе сады“ для начинающихъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ эти дѣтскіе сады содержатся частными обществами или лицами на частныя средства, а въ нѣкоторыхъ на общественныя, и составляютъ неотъемлемую принадлежность школы. По окончаніи курса въ такихъ девятилѣтнихъ школахъ, ученики переходятъ въ высшія школы (high school). Курсъ въ этихъ высшихъ школахъ обыкновенно трехлѣтній, — обнимаетъ тригонометрію, астрономію, греческій языкъ, химію, ботанику, физіологію и другія естественныя науки, и т. д.; его трудно приравнять къ чему-либо существующему въ Россіи. Высшее спеціальное образованіе получается въ университетѣ, и каждый штатъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, содержитъ такой университетъ, а иногда и нѣсколько, обыкновенно съ четырехлѣтнимъ курсомъ, иногда съ трехлѣтнимъ, и съ двумя, тремя, и болѣе, факультетами; при описаніи отдѣльныхъ штатовъ я еще вернусь къ этому предмету. Какъ обученіе, такъ и всѣ школьныя пособія въ этихъ университетахъ даровыя и, за немногими исключеніями, открыты для учащихся обоего пола безъ различія.

Школьное управленіе довольно однообразно во всѣхъ штатахъ и состоитъ изъ управляющаго школами штата (State Superintendent of Public Instruction), выбираемаго вмѣстѣ съ остальными чиновниками штата однажды въ годъ, въ 2, 3 или 4 года, смотря по тому, какъ часто производятся такіе выборы въ штатѣ; и затѣмъ изъ управляющихъ школами графствъ, выбираемыхъ этими графствами вмѣстѣ съ остальными чиновниками; большіе города имѣютъ своихъ, спеціальныхъ управляющихъ, выбираемыхъ ими самими. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и во многихъ графствахъ этими управляющими выбраны женщины. Кромѣ этихъ управляющихъ, которые обыкновенно получаютъ хорошее жалованье, отъ двухъ до восьми тысячъ долларовъ въ годъ,—въ каждомъ штатѣ, въ каждомъ графствѣ и въ каждомъ городѣ имѣются особые школьные совѣты (Board of Public Education), составляемые обыкновенно частію изъ предсѣдателей высшихъ учебныхъ заведеній штата, частію изъ извѣстныхъ выборныхъ чиновъ штата ex officio, какъ, напримѣръ, губернатора, предсѣдателей сената и палаты представителей, частію изъ выборныхъ лицъ отъ штата и графствъ, извѣстныхъ или по ихъ занятіямъ, или по ихъ любви къ дѣлу, и частію изъ лицъ, основавшихъ на свои средства общественныя учебныя заведенія или поддерживающихъ ихъ своими пожертвованіями. Университеты вообще, а на сѣверѣ и на западѣ въ особенности, чрезвычайно богаты, и въ большинствѣ случаевъ поддерживаются на свои собственныя средства, получаемыя съ

пожертвованныхъ въ ихъ пользу капиталовъ; огромныя, цѣнныя имѣнія и многіе милліоны наличными деньгами принадлежатъ этимъ заведеніямъ и даютъ имъ возможность не только давать даровое образованіе и всѣ научныя пособія многимъ тысячамъ студентовъ, но и содержать значительную часть ихъ въ продолженіе всего курса.

Опасаясь говорить общими мѣстами, и предпочитая имъ безспорные факты, я сдѣлаю выборки и приведу статистическія данныя изъ отчетовъ управляющихъ народными школами штатовъ Калифорніи, Колорадо, Охайо, Сѣверной-Дакоты и Массачузетса. Я выбралъ именно эти штаты, по одному изъ каждой группы, на которыя обыкновенно раздѣляютъ Соединенные-Штаты, чтобы дать понятіе о самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Союза, и весьма сожалѣю, что недостатокъ времени и мѣста не позволяетъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ этихъ отчетовъ цѣликомъ— такъ они поучительны и такъ далеко оставляютъ за собою все, что въ этомъ отношеніи доступно и понятно русскому человѣку.

Начну съ штата Калифорніи. Послѣдній отчетъ относится къ 1889 и 1890 годамъ; отчетъ за 1891 и 1892 года появится только въ началѣ 1893 года. По федеральной переписи 1890 года, всѣхъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ (отъ 5 до 17 лѣтъ) во всемъ штатѣ 280.882; изъ нихъ посѣщало публичныя школы 221.756 и частныя школы 21.460, всего 243.216. Такимъ образомъ, только 37.666 не посѣщали никакихъ школъ. Такъ какъ въ Калифорніи уже нѣсколько лѣтъ какъ введенъ законъ объ обязательномъ образованіи, то цифра эта объясняется тѣмъ, что многія дѣти не начинаютъ ходить въ школу до 6 и даже до 7 лѣтъ, многія кончаютъ 14, 15 и 16 лѣтъ, и, наконецъ, нѣкоторыя дѣти отправляются родителями въ учебныя заведенія восточныхъ штатовъ и даже въ Европу. Кромѣ того, китайскія и индійскія дѣти включены въ перепись, а 3.424 изъ нихъ не посѣщали никакой школы. Для образованія этихъ дѣтей существовало въ 1890 году 24 высшихъ школы съ 1.6% всего числа учащихся, 1.685 девятиклассныхъ, съ 24.14%, и 2.858 шестиклассныхъ съ 73.26%. Только въ 53 школахъ школьный годъ продолжался менѣе 6 мѣсяцевъ; въ 723—отъ 6 до 8, и во всѣхъ остальныхъ —свыше 8 мѣсяцевъ, съ среднимъ для всего штата въ 8.02 мѣсяца. Во всѣхъ этихъ школахъ было 1.162 учителя съ среднимъ жалованьемъ въ $ 80.70 въ мѣсяцъ, и 4.272 учительницы съ среднимъ жалованьемъ въ $ 66.20 въ мѣсяцъ. На содержаніе этихъ школъ (университеты, нормальныя школы и спеціальныя учебныя заведенія содержатся на особыя средства) поступило въ

1890 году изъ всѣхъ источниковъ $ 6.118.412 издержано, всего $ 5.119.096.68, осталось къ 1891 году $ 999.316. Стоимость школьнаго имущества (опять-таки исключая университеты etc.) простиралась до $ 13.624.143, въ томъ числѣ $ 579.659 составляли стоимость школьныхъ библіотекъ, $ 298.176—стоимость школьныхъ пособій, и $ 12.746.308—стоимость зданій и мебели. Такимъ образомъ оказывается, что на каждаго ребенка въ школьномъ возрастѣ было ассигновано $ 21.78, а въ дѣйствительности издержано на каждаго ребенка, посѣщавшаго народную школу, $ 19.91. Кромѣ того, на содержаніе трехъ нормальныхъ школъ было издержано всего $ 208.250; эти нормальныя школы соотвѣтствуютъ русскимъ учительскимъ семинаріямъ, занимаются исключительно подготовкою учителей, даютъ даровое образованіе съ трехлѣтнимъ курсомъ, и для поступленія въ нихъ требуется окончаніе курса въ высшей народной школѣ. Наконецъ, каждое графство расходуетъ ежегодно значительныя суммы на учительскіе съѣзды; отъ $ 200.00 до $ 3.000 ассигнуется ежегодно на этотъ предметъ каждымъ графствомъ, и всѣ издержки учителей и учительницъ, сопряженныя съ этими съѣздами, сполна оплачиваются изъ этихъ суммъ. Въ теченіе 1890 года 4.995 изъ всего числа 5.434 учителей и учительницъ принимали участіе въ этихъ съѣздахъ, и управляющій школами штата въ своемъ отчетѣ настоятельно требуетъ немедленнаго введенія особой должности кондукторовъ учительскихъ съѣздовъ, лицъ, которыя могли бы слѣдить въ теченіе школьнаго періода за успѣхами педагогическаго дѣла въ другихъ штатахъ союза, а затѣмъ лѣтомъ завѣдывали бы учительскими съѣздами штата. Отчетъ этотъ, между прочимъ, требуетъ также немедленнаго введенія безплатныхъ книгъ для всѣхъ учащихся. Въ настоящее время штатомъ Калифорніей содержится особая типографія, принадлежащая штату и стоющая $ 315.000, въ которой печатаются всѣ учебники и затѣмъ продаются учащимся согласно ихъ дѣйствительной стоимости; отчетъ идетъ далѣе и требуетъ безусловно безплатной раздачи всѣхъ необходимыхъ книгъ, ссылаясь на благотворные результаты этой системы въ штатахъ Массачузетсѣ и Мичиганѣ, а также во всѣхъ большихъ городахъ Новой-Англіи, Нью-Іорка и Пенсильваніи.

Университетъ штата Калифорніи имѣетъ факультеты: словесный, раздѣленный на три отдѣленія, земледѣльческій, горный, инженерный, юридическій, медицинскій и фармацевтическій; кромѣ того въ его же завѣдываніи находится астрономическая обсерва-

торія Лика [1]). Для поступленія нужно окончить курсъ въ высшихъ школахъ штата; курсъ въ немъ четырехлѣтній; образованіе даровое и открыто для обоихъ половъ на всѣхъ факультетахъ. Профессоровъ и инструкторовъ 194, студентовъ 918. Имущество университета оцѣнивается въ $ 6.953.779, въ томъ числѣ недвижимыя имѣнія, зданія и аппараты $ 2.899.954, наличные капиталы, приносящіе проценты, $ 2.005.134 и капитализація вѣчнаго фонда отъ штата Калифорніи $ 2.048.690. Доходъ университета отъ его собственности въ 1890 г. простирался до $ 229.987. Университетъ раздѣленъ на три части, хозяйственное управленіе которыми совершенно самостоятельно, такъ какъ четыре факультета расположены въ мѣстечкѣ Беркелэй, въ сорока миляхъ отъ г. Санъ-Франциско, три факультета въ городѣ Санъ-Франциско, а обсерваторія Лика на горѣ Гамильтонъ, въ графствѣ Санта-Клара. Къ сожалѣнію, я не могъ достать общаго итога расходовъ, а получилъ только расходы по четыремъ факультетамъ въ Беркелэѣ, простирающіеся до $ 220.000 въ годъ. Какъ громадное имѣніе въ Беркелэѣ со всѣми зданіями и принадлежащими къ нему доходными статьями, такъ и весь наличный капиталъ пожертвованы въ разное время частными лицами.

Въ 1884 году сенаторъ Соединенныхъ Штатовъ штата Калифорніи, Леландъ Станфордъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей тихоокеанскаго побережья, въ память единственнаго сына, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ, поднесъ въ даръ штату Калифорніи три самыхъ большихъ и самыхъ цѣнныхъ имѣнія во всемъ штатѣ. На одномъ изъ нихъ, Пало-Альто, въ 33 миляхъ отъ г. Санъ-Франциско, онъ построилъ зданіе университета; два другихъ—одно въ 55, другое въ 22 тысячи акровъ—предназначены имъ на содержаніе этого заведенія. Ферма Пало-Альто, давно извѣстная по всему союзу, какъ разсадникъ лучшихъ лошадей въ Соединенныхъ Штатахъ, заключаетъ въ себѣ пространство въ 13 квадратныхъ миль и какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ своему назначенію—вмѣщать въ себѣ одно изъ величайшихъ и наилучше экипированныхъ высшихъ учебныхъ заведеній міра. На ней есть и высокія горы съ рудниками, и дремучіе лѣса, и богатыя долины, и ровныя плодородныя степи, и въ то же время она находится всего въ часѣ ѣзды отъ метрополіи всего тихо-

---

[1]) Обсерваторія эта была выстроена и поднесена въ даръ штату Калифорніи Ликомъ (Lick), который издержалъ на ея устройство $ 700.000. Она снабжена, между прочими чрезвычайно цѣнными аппаратами, самымъ большимъ телескопомъ въ мірѣ, съ экваторіальнымъ стекломъ въ 36 дюймовъ. Тѣло Лика по его смерти было погребено подъ фундаментомъ этого телескопа.

океанскаго побережья города Санъ-Франциско. Остальныя два имѣнія приносятъ вѣрный и постоянный громадный доходъ, будучи центромъ лучшей земледѣльческой части Калифорніи; каждый клочокъ на нихъ ежегодно воздѣлывается, и на одной разведенъ виноградникъ въ 4.000 акровъ. Довольно трудно опредѣлить даже приблизительную стоимость этихъ имѣній; во всякомъ случаѣ, она превышаетъ многіе милліоны долларовъ.

Наличныя деньги, какъ на подготовку грунта въ Пало-Альто, такъ и на постройку всѣхъ зданій и на покупку всѣхъ научныхъ аппаратовъ, были пожертвованы также Станфордомъ. Итогъ всѣхъ этихъ расходовъ неизвѣстенъ. Исполнительная часть дѣла находилась и находится въ рукахъ совѣта изъ 24-хъ лицъ, первоначально назначенныхъ пожизненно самимъ Станфордомъ изъ числа людей, наиболѣе извѣстныхъ по всему тихоокеанскому побережью по своему образованію и высокимъ нравственнымъ качествамъ. Совѣтъ этотъ увѣковѣченъ особымъ закономъ и пополняется по смерти одного изъ членовъ назначеніемъ самого совѣта. Лучшіе архитекторы всего міра были созваны для подготовки плановъ; все, что только было послѣднимъ словомъ науки въ дѣлѣ аппаратовъ и пособій, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, было свезено въ Пало-Альто для пополненія кабинетовъ и лабораторій; на издержки не обращалось никакого вниманія. Содержаніе профессоровъ назначено такое, что новый университетъ былъ въ состояніи сразу обезпечить себя величайшими свѣтилами науки на американскомъ континентѣ, и вотъ, послѣ семи лѣтъ непрерывной работы, 1-го октября 1891 года, университетъ Леланда Станфорда былъ открытъ съ 40 профессорами и 480 студентами. По своему богатству, устройству и отдѣлкѣ помѣщеній и полнотѣ и роскоши научныхъ пособій, это несомнѣнно первый университетъ міра; Калифорнія надѣется, что въ близкомъ будущемъ онъ займетъ надлежащее мѣсто и какъ разсадникъ науки.

Отчетъ управляющаго народнымъ образованіемъ въ штатѣ Колорадо за 1889—1890 года очень интересенъ по его смѣлымъ требованіямъ и ихъ тону; очевидно, управляющій жалуется въ немъ легислатурѣ на исполнительныя власти штата. Онъ недоволенъ настоящимъ закономъ объ обязательномъ образованіи, находитъ, что законъ этотъ легко обходится, и требуетъ существенныхъ его измѣненій, которыя, по его мнѣнію, сдѣлаютъ его болѣе дѣйствительнымъ. Онъ требуетъ также безплатныхъ учебниковъ, учрежденія высшихъ школъ въ каждомъ графствѣ, бóльшаго общенія между учителями посредствомъ учительскихъ ассо-

ціацій съ мѣсячными съѣздами, съѣздовъ управляющихъ школами графствъ и болѣе значительнаго представительства лицъ съ педагогическими познаніями въ совѣтахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Штатъ Колорадо богатъ этими учрежденіями: кромѣ университета штата, онъ содержитъ горный институтъ, нормальную школу, двѣ ремесленныя школы для мужчинъ и женщинъ и земледѣльческую академію. По цензу 1890 года въ немъ оказалось 72.483 дѣтей въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ, и изъ нихъ 65.490 посѣщали народныя школы. На содержаніе этихъ школъ (опять-таки исключая университетъ и всѣ другія высшія заведенія, содержимыя на особыя средства) было получено изъ всѣхъ источниковъ $ 2.596.948 и израсходовано $ 1.944.807; въ школахъ этихъ были 622 учителя съ среднимъ ежемѣсячнымъ жалованьемъ въ $ 74.32, и 1.753 учительницы—съ $ 53.63. Издержано per capita школьнаго населенія отъ 6-ти до 16-ти лѣтъ $ 26.83; per capita дѣйствительно посѣщавшихъ школы—$ 29.69. Стоимость школьнаго имущества въ штатѣ равняется $ 4.387.809.

Отчетъ управляющаго народнымъ образованіемъ въ штатѣ Охайо за 1890 годъ даетъ слѣдующія цифры: населеніе въ школьномъ возрастѣ, отъ 6 лѣтъ до 21 года, 1.123.895; процентъ посѣщающихъ народныя школы 83%. Учителей 10.841 съ среднимъ жалованьемъ въ 80 долларовъ въ мѣсяцъ; учительницъ 14.315 съ 60 долларами. Поступило на содержаніе школъ въ теченіе года (исключая расходы на высшія учебныя заведенія) $ 11.649.992, израсходовано $ 11.407.499. Стоимость школьнаго имущества $ 32.631.549. Получено на учительскіе съѣзды $ 25.496, издержано $ 23.352. Число высшихъ учебныхъ заведеній въ штатѣ 29, студентовъ въ нихъ 3.963. Содержаніе ихъ, въ добавокъ къ ихъ собственнымъ доходамъ и добровольнымъ пожертвованіямъ, обошлось штату въ $ 474.9.528; стоимость ихъ имущества опредѣляется въ $ 7.884.099. Число нормальныхъ школъ 11, студентовъ въ нихъ 6.068; такъ какъ школы эти, въ финансовомъ отношеніи, находятся въ завѣдываніи особаго совѣта, отчета котораго у меня нѣтъ подъ рукою, то я и не могу привести данныхъ объ ихъ издержкахъ и стоимости ихъ имущества.

Законъ объ обязательномъ образованіи былъ введенъ въ штатѣ Охайо, сравнительно, давно. Управляющій школами штата въ своемъ отчетѣ, между прочимъ, упоминаетъ о циркулярѣ посланномъ имъ ко всѣмъ 96 управляющимъ школами графствъ штата циркуляра, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалось, насколько

удовлетворительно соблюденіе закона объ обязательномъ образованіи. Одни, а именно 57 управляющихъ, отвѣчаютъ, что оно вполнѣ удовлетворительно, причемъ большинство высказывается очень положительно, утверждая, что не только каждый ребенокъ въ школьномъ возрастѣ посѣщаетъ школы, но и что случайныя неявки очень рѣдки; 6—что результаты только отчасти удовлетворительны; 7—что ихъ графства такъ счастливы, что совсѣмъ не нуждались въ этомъ законѣ, такъ какъ каждый ребенокъ и до его введенія уже посѣщалъ школы,—и только два отвѣтили, что примѣненіе закона неудовлетворительно. Остальные или не высказались достаточно опредѣленно, или совсѣмъ не отвѣтили на вопросъ. На вопросъ: какъ относится населеніе къ закону?—75 изъ 96 отвѣтили, что отношеніе вообще весьма благопріятное; 7—никакого отношенія, такъ какъ къ нимъ законъ никогда не былъ примѣненъ; остальные высказываютъ кое-какія причины къ недовольству, но не самимъ закономъ, а способами его примѣненія. Главное недовольство выражается заводчиками и мануфактуристами, такъ какъ имъ пришлось замѣнить дешевый дѣтскій трудъ болѣе дорогимъ трудомъ взрослыхъ.

Самымъ важнымъ пунктомъ отчета, по моему мнѣнію, является рекомендація сконцентрировать, до извѣстной степени, всѣ высшія учебныя заведенія штата. Въ настоящее время каждое изъ нихъ имѣетъ свои факультеты, свои кабинеты, своего президента, и въ сущности совершенно самостоятельно, какъ относительно программъ и курсовъ, такъ и относительно условій и требованій пріема и выпуска студентовъ. Въ Охайо только 5—6 значительныхъ городовъ, и всѣ эти высшія учебныя заведенія распредѣлены между ними, по нѣскольку въ каждомъ. Управляющій рекомендуетъ ихъ соединеніе подъ руководствомъ одного совѣта для всѣхъ и введеніе однообразныхъ требованій относительно программъ и условій пріема и выпуска; онъ рекомендуетъ также, такъ сказать, спеціализацію этихъ заведеній, концентрированіе извѣстныхъ факультетовъ въ одномъ заведеніи, другихъ въ другомъ, и т. д., чѣмъ достигнется какъ соединеніе, а слѣдовательно и бо́льшая полнота научныхъ кабинетовъ и коллекцій, такъ и бо́льшее представительство научныхъ факультетскихъ силъ.

Я перейду теперь къ штату Сѣверная-Дакота, штату особенно интересному для русскихъ читателей, такъ какъ земледѣльческія и климатическія свойства его вполнѣ однообразны со всей центральной, земледѣльческой полосой Россіи. Штатъ этотъ принятъ въ союзъ только 2-го ноября 1889 вода, очень рѣдко населенъ, такъ какъ на 70.195 кв. миль имѣлъ по цензу 1890 г.

всего 182.719 жителей, и, за исключеніемъ небольшой части по восточной границѣ, въ долинѣ Красной Рѣки Сѣвера, населенной уже лѣтъ 25, представляетъ страну совершенно новую, и потому бѣдную и, по всѣмъ наружнымъ признакамъ, не устроенную. Оказывается, что въ теченіе двухъ лѣтъ со времени образованія штата (отчетъ управляющаго обнимаетъ оба года) штатъ Сѣверная-Дакота устроилъ университетъ съ четырьмя факультетами, 11 профессорами и 110 студентами, земледѣльческую академію, горный и лѣсной институты и 2 нормальныхъ школы. Всѣ эти высшія учебныя заведенія надѣлены вѣчнымъ фондомъ на ихъ содержаніе; кромѣ того, одинъ центъ со всякой сотни долларовъ оцѣнки подлежащаго налогу имущества въ штатѣ отчисляется въ ихъ пользу. Народныхъ школъ собственно насчитывается 1682, съ 557 учителями и 1425 учительницами, и изъ числа 43.153 дѣтей въ школьномъ возрастѣ посѣщаютъ народныя школы 35.543. Стоимость школьнаго имущества опредѣляется въ $ 1.515.601; и на ихъ содержаніе въ 1890 году издержано $ 635.141.

Само собой разумѣется, что образованіе новаго штата, особенно съ такой значительной территоріей и съ такимъ рѣдкимъ населеніемъ, не могло обойтись безъ хлопотъ, недоразумѣній, задержекъ и т. д. Отчетъ управляющаго, по моему мнѣнію, крайне наивенъ; онъ все время какъ бы оправдывается, что то и то не сдѣлано, то и то не закончено, свѣденія не вполнѣ совершенны и т. д., а въ то же время говоритъ, что до самаго выхода въ свѣтъ отчета многія школы были открыты и содержались частными лицами на частныя средства, въ ожиданіи ассигновокъ отъ штата, задержанныхъ благодаря техническимъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ первой легислатуры!

55-й годовой отчетъ совѣта народнаго образованія (Board of Public Instruction) штата Массачузетса обнимаетъ собою 1890—1891 учебный годъ и состоитъ изъ прекрасно изданнаго тома въ CL и 414 страницъ, съ роскошными фотографіями и массой цѣннаго матеріала. Штатъ этотъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ по времени организаціи, считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ и передовыхъ штатовъ всего Союза — а городъ Бостонъ, его столица, почитается американскими Аѳинами. Предполагаемая ученость жителей этого города, особенно синихъ чулковъ между прекраснымъ поломъ, составляетъ постоянный предметъ добродушныхъ насмѣшекъ и любимую тему карикатурныхъ изданій Запада, олицетворяемую обыкновенно въ формѣ разговора между бостонской ученой дѣвицей и простой дѣвой новаго Запада, причемъ одна задаетъ самые головоломные отвлеченные вопросы, а

другая ловко парируетъ ихъ своей повседневной житейской мудростью. Тѣмъ не менѣе, Западъ уважаетъ Бостонъ, и въ дѣлѣ народнаго образованія считаетъ его серьезнымъ авторитетомъ, достойнымъ изученія и подражанія; и такъ какъ народная школа штата Массачузетса въ ея настоящемъ положеніи составляетъ, такъ сказать, идеалъ школьнаго дѣла въ Америкѣ, къ которому стремится и которому подражаетъ громадное большинство, то я и займусь вышеупомянутымъ отчетомъ съ бо́льшею подробностью.

Первымъ пунктомъ отчета является рекомендація усиленнаго спеціальнаго надзора надъ школами. Совѣтъ полагаетъ, что хотя надзоръ мѣстныхъ совѣтовъ и вліяетъ весьма благотворно на матеріальное положеніе школъ,—но въ дѣлѣ системы и частностей преподаванія онъ и не можетъ имѣть должнаго авторитета, и не имѣетъ необходимой спеціальной подготовки. Члены мѣстныхъ совѣтовъ не спеціалисты-педагоги; они просто граждане, призванные или по своему оффиціальному положенію, или по извѣстному для мѣстнаго населенія ихъ благопріятному отношенію къ дѣлу народнаго образованія. По мнѣнію совѣта, необходимъ болѣе однообразный, научно-спеціальный надзоръ надъ учителями; управляющіе же школами графствъ такъ завалены дѣломъ, что не въ состояніи удѣлить необходимое для этого время, такъ какъ школъ въ каждомъ графствѣ слишкомъ много не только для одного, но и для десяти человѣкъ. Совѣтъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя, не ожидая почина штата, на свои собственныя средства наняли себѣ такихъ спеціалистовъ, указываетъ на благія послѣдствія и рекомендуетъ всяческое усиленіе и распространеніе этого надзора.

Самымъ важнымъ пунктомъ отчета является, по моему мнѣнію, краткое, но весьма опредѣленное нападеніе на частныя школы всякаго рода. Совѣтъ рѣзко и опредѣленно высказывается противъ нихъ и говоритъ, что вопросъ объ ихъ существованіи дѣлается все болѣе и болѣе существеннымъ и даже прямо опаснымъ для благосостоянія штата. Онъ полагаетъ, что задача государства — *дать наилучшее и равномѣрное образованіе всѣмъ его дѣтямъ*; а задача эта неисполнима при существованіи частныхъ школъ, отвлекающихъ значительную долю дѣтей школьнаго возраста отъ общаго уровня и ставящихъ ихъ подъ вліяніе совершенно различныхъ условій и обстановки.

Затѣмъ совѣтъ обращаетъ вниманіе на необходимость спеціальной подготовки для учителей высшихъ школъ. Онъ полагаетъ, что наука педагогіи, исторіи и философіи разрослась за послѣднее время до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что тѣ требо-

ванія, которыя предъявляются учителямъ народныхъ школъ вообще, уже не соотвѣтствуютъ потребностямъ времени относительно учителей высшихъ школъ; эти послѣдніе должны имѣть болѣе широкую подготовку для того, чтобы быть вполнѣ пригодными для своего дѣла, и потому государство должно дать имъ возможность пріобрѣсти эту подготовку и затѣмъ усилить свои требованія отъ претендентовъ на эти мѣста.

Обращаясь затѣмъ къ учительскимъ съѣздамъ, совѣтъ рекомендуетъ не только возможное ихъ учащеніе для самихъ учителей, но и предлагаетъ немедленно принять должныя мѣры къ тому, чтобы заинтересовать въ нихъ и гражданъ вообще и заручиться посѣщеніемъ ихъ какъ можно большимъ количествомъ лицъ, такъ какъ распространеніе здравыхъ педагогическихъ понятій между населеніемъ само по себѣ значительно способствуетъ дѣлу народнаго образованія.

Законъ объ обязательномъ образованіи въ штатѣ Массачузетсѣ требуетъ непремѣннаго и правильнаго посѣщенія народныхъ школъ каждымъ ребенкомъ въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе 6 мѣсяцевъ въ году. Общины и города имѣютъ на своемъ попеченіи сиротъ и дѣтей совершенно неимущихъ родителей (truant children) и обязаны не только давать имъ образованіе, но и давать имъ содержаніе, для того, чтобы имѣть возможность достичь точнаго исполненія этого закона. Совѣтъ рекомендуетъ немедленное принятіе всѣхъ этихъ пансіоновъ, существующихъ въ настоящее время въ разныхъ мѣстностяхъ, на счетъ штата, дабы получилась возможность ввести одинаковыя правила и условія обстановки и уравновѣсить расходы.

Признавая за физическимъ развитіемъ дѣтей особенную важность и замѣчая самостоятельныя попытки разныхъ городовъ и общинъ улучшить эту сторону, совѣтъ, стремясь къ достиженію наилучшихъ результатовъ въ этомъ отношеніи, рекомендуетъ учрежденіе особой нормальной школы для подготовленія такихъ лицъ, которыя могли бы посвятить себя спеціально этой отрасли народнаго образованія; совѣтъ полагаетъ, что было бы неразумно возлагать и эту обязанность на настоящихъ учителей, такъ какъ у нихъ и безъ того полны руки,—а между тѣмъ важность предмета непремѣнно требуетъ особеннаго вниманія.

Затѣмъ совѣтъ обращаетъ вниманіе на недостаточность интереса къ преподаванію черченія въ западныхъ мѣстностяхъ штата, результатъ ихъ отдаленности отъ тѣхъ средствъ къ его изученію, которыми пользуются восточныя мѣстности, и рекомендуетъ немедленное назначеніе особаго спеціалиста, который посвятилъ бы

все свое время на поднятіе уровня этого искусства въ западныхъ школахъ.

Совѣтъ оканчиваетъ свой отчетъ энергичнымъ требованіемъ значительной ассигновки на полное представительство школьнаго дѣла штата Массачузетса на будущей всемірной выставкѣ въ Чикаго; онъ полагаетъ, что такъ какъ штатъ этотъ считается стоящимъ во главѣ дѣла народнаго образованія въ Союзѣ, то его непремѣннымъ долгомъ будетъ доказать всему міру, что онъ достоинъ этого похвальнаго отличія, и что дѣйствительно у него есть чему поучиться въ этомъ отношеніи даже старымъ государствамъ Европы; нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ глухи и слѣпы относительно дѣйствительнаго прогресса великой республики Новаго-Свѣта.

За этимъ общимъ, такъ сказать, введеніемъ слѣдуютъ отчеты и доклады по разнымъ отдѣламъ народнаго образованія въ штатѣ. На первомъ мѣстѣ стоятъ отчеты о нормальныхъ школахъ, сдѣланные уполномоченными легислатурою особыми лицами и представляющіе результаты ихъ ревизіи. Первая изъ такихъ школъ была основана еще въ 1840 году; теперь ихъ пять, и въ отчетномъ году для двухъ изъ нихъ были построены новыя зданія, стоившія полтораста тысячъ долларовъ каждое. Курсъ въ нихъ чисто спеціальный, двухгодичный; — впрочемъ завѣдующій ими спеціальный агентъ совѣта рекомендуетъ немедленное расширеніе курса, съ прибавкой лишняго семестра. Въ нихъ 1.204 студента, и на нихъ издержано $ 79.540. Кромѣ того, существуетъ спеціальная нормальная школа для подготовленія учителей искусствъ, (State Normal Art School), рисованія, черченія, живописи и скульптуры, съ 225 студентами, содержаніе которой обошлось въ $ 17.980. Здѣсь не лишнимъ будетъ упомянуть о томъ способѣ, который практикуется не только въ нормальныхъ школахъ Массачузетса, но и во всѣхъ остальныхъ штатахъ Союза, и который даетъ возможность недостаточнымъ студентамъ оканчивать въ нихъ курсъ, а именно: послѣ перваго года ихъ назначаютъ учителями въ низшія школы на одинъ или два года, и такимъ образомъ даютъ возможность заработать и скопить достаточно денегъ для того, чтобы содержать себя въ теченіе окончанія курса. Американецъ вообще чрезвычайно гордъ, и не приметъ подачки въ видѣ стипендіи или какого бы то ни было вспомоществованія, если имѣется какая-либо возможность обойтись безъ нихъ—и вотъ вышеупомянутый способъ образовался и привился основательно и прочно. Онъ имѣетъ еще и то преимущество, что даетъ возможность студенту посвящать все свое время на

свои занятія по курсу, не отвлекая его къ весьма существенному вопросу о насущномъ хлѣбѣ, въ то время, когда вся его энергія и способности нужны ему для этихъ занятій.

Отчеты двухъ изъ нормальныхъ школъ даютъ распредѣленіе студентовъ по занятіямъ ихъ отцовъ, и такъ какъ распредѣленіе это можетъ служить существеннымъ доказательствомъ того дѣйствительнаго равенства массъ американскаго народа, о которомъ мнѣ придется подробно говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ, то я и приведу его здѣсь. Оказывается, что изъ числа 557 студентовъ, отцы семействъ 163 — ремесленники (mechanics), 126—фермеры, 81—люди свободныхъ профессій, включая духовенство, 71—купцы, 34—мануфактуристы и заводчики, 15—поденщики, 42—разныхъ другихъ спеціальностей, не включенныхъ выше, и 22—неизвѣстны.

За отчетомъ о нормальныхъ школахъ слѣдуетъ докладъ секретаря совѣта, съ сопровождающими его статистическими таблицами всякаго рода. Всѣхъ народныхъ школъ въ штатѣ Массачузетсѣ насчитывается 7.239 съ 376.986 учащимися. Всѣхъ дѣтей отъ 5 до 15 лѣтъ въ штатѣ по цензу 376.491. Изъ числа учащихся 3.129 моложе 5 лѣтъ и 33.904 старше 15 лѣтъ. Въ этихъ школахъ 1.016 учителей и 9.630 учительницъ; среднее ежемѣсячное жалованье первыхъ $ 118, вторыхъ $ 48. Средняя продолжительность учебнаго года для всѣхъ школъ 8 мѣсяцевъ и 9 дней. Число высшихъ школъ 244; учителей въ нихъ 875, учащихся 26.294. Число вечернихъ школъ, содержимыхъ 55 городами, 266; учащихъ въ нихъ 1.018, учащихся мужчинъ 21.131, женщинъ 7.322. Число спеціальныхъ заведеній, кромѣ нормальныхъ школъ, 93; учащихся въ нихъ 16.483. Издержано на народныя школы въ отчетномъ году $ 554.545, или на каждаго ребенка въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ $ 22; въ томъ числѣ на постройку новыхъ школьныхъ зданій $ 1.026.032, на снабженіе учащихся книгами и учебными пособіями $ 494.545, и на содержаніе всего управленія всѣми школами $ 135.124, или всего немного болѣе $1^1/_2$% всего расхода.

Докладъ приводитъ сравнительныя таблицы по всѣмъ отраслямъ за послѣднее десятилѣтіе и, посредствомъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ чрезвычайно тщательно, изъ всевозможныхъ источниковъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, доказываетъ неопровержимо, что каждый ребенокъ штата Массачузетса, находящійся въ школьномъ возрастѣ, посѣщалъ какую-нибудь школу въ теченіе всего этого періода. Ежегодное возростаніе числа учащихся безусловно соотвѣтствуетъ возростанію народонаселенія въ

штатѣ; остальные отдѣлы быстро идутъ впередъ, прогрессируютъ скорѣе возростанія народонаселенія. Такъ, средній процентъ правильности посѣщеній школъ дѣтьми возросъ съ 88 до 90.45%, при чемъ maximum возросъ съ 94 до 97%, a minimum—съ 65 до 73%, и только 11 дистриктовъ стоятъ ниже 80, тогда какъ 212 стоятъ выше 90%. Среднее мѣсячное жалованье учителей возросло съ $ 102 до $ 118, учительницъ—съ $ 32 до $ 48. Среднее число учащихся на одного учащаго упало до 33, не включая тѣхъ учащихъ, которые находятся на испытаніи, хотя они обыкновенно и занимаютъ отдѣльные классы. Квалификація учителей тоже значительно поднялась: въ отчетномъ году уже 27% изъ нихъ были изъ числа окончившихъ полный курсъ спеціальныхъ школъ и 35%—прошедшихъ часть полнаго курса. Достигнута также большая равномѣрность продолжительности школьнаго года; въ отчетномъ году изъ всѣхъ 7.239 школъ только въ 43-хъ эта продолжительность упала ниже 6 мѣсяцевъ. Отношеніе числа учащихся въ высшихъ школахъ къ общему числу также поднялось на 1.1%, съ 5,8 до 6,9%. Законъ обязываетъ каждый округъ съ 2.000 жителей и выше содержать высшую школу, и по докладу—94.7% всего населенія штата пользуются такими школами; для остальныхъ, 30-го апрѣля 1891 года, легислатура издала новый законъ, который я приведу цѣликомъ: „Дистрикты, не обязанные по закону содержать въ своихъ предѣлахъ высшую школу и не содержащіе таковыхъ, обязываются платить за содержаніе и издержки каждаго ученика изъ среды ихъ населенія, посѣщающаго высшую школу другой мѣстности, если такой ученикъ удостоился рекомендаціи школьнаго комитета своей школы“. Само собой разумѣется, что подобное положеніе дѣла даетъ полную возможность рѣшительно каждому ребенку въ штатѣ получить высшее образованіе.

Число вечернихъ школъ за послѣднее десятилѣтіе также возросло съ 107 до 266; число учащихся въ нихъ—съ 11.214 до 28.453, и издержки на нихъ—съ $ 56.626 до $ 151.279. Докладъ недоволенъ процентомъ правильности посѣщеній, который держится въ среднемъ на 52%, приписываетъ это долгимъ часамъ и, признавая особую важность этихъ школъ, рекомендуетъ уменьшеніе числа учебныхъ часовъ и соотвѣтственное увеличеніе числа учителей.

Издержки штата на народное образованіе также прогрессируютъ съ каждымъ годомъ; дѣйствительный расходъ на каждаго ребенка въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ возросъ въ теченіе десятилѣтія съ $ 15 до $ 22, или на цѣлую треть, и отношеніе

расходовъ на народное образованіе къ цѣнности облагаемаго налогами имущества въ штатѣ возросло съ 0035 до 00397%.

Законъ штата Массачузетса обязываетъ школу снабжать каждаго учащагося даромъ всѣми необходимыми учебными книгами и пособіями. Докладъ рекомендуетъ, чтобъ книги эти были оставляемы въ полную собственность ученика, по мѣрѣ того какъ онѣ становятся ему ненужными или по окончаніи имъ курса, такъ какъ считаетъ весьма полезнымъ и желательнымъ снабженіе каждаго семейства, опять-таки въ виду существенной пользы дѣлу народнаго образованія вообще, такими необходимыми предметами, какъ энциклопедія Вебстера или географическій атласъ. Расходъ на безплатное снабженіе дѣтей книгами также возросъ за десятилѣтіе съ $ 1.06 до $ 1.60 на ученика.

Наконецъ, на перевозку дѣтей въ школу и обратно домой показанъ расходъ въ $ 30.648. Десять лѣтъ тому назадъ расхода этого не существовало вовсе, и вызванъ онъ стремленіемъ дать лучшія школьныя условія рѣдко населеннымъ мѣстностямъ, не могущимъ поддерживать хорошихъ школъ за недостаточнымъ числомъ дѣтей. Дешевле возить ребенка каждый день, чѣмъ содержать хорошую школу для двухъ, трехъ человѣкъ. Докладъ особенно рекомендуетъ производительность этого расхода и ратуетъ противъ стремленія многихъ родителей предпочитать плохую школу, да близкую, хорошей, но болѣе отдаленной.

Образованіе глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и идіотовъ штата Массачузетса также лежитъ на обязанности совѣта народнаго образованія; въ отчетномъ году издержано на образованіе глухонѣмыхъ въ трехъ спеціальныхъ школахъ $ 35.337; на слѣпыхъ въ одной школѣ $ 95.267 и идіотовъ въ одной школѣ $ 153.529. Суммы эти были покрыты изъ особыхъ источниковъ, большею частію частными пожертвованіями и завѣщаніями въ ихъ пользу, и не включены въ цифры расходовъ на народное образованіе, приведенныя выше.

Докладъ секретаря заключается статистическими данными о частныхъ и духовныхъ школахъ штата; всѣ эти школы, безъ какихъ бы то ни было исключеній, обязаны особымъ закономъ представлять совѣту подробный отчетъ объ ихъ состояніи, программахъ, числѣ учениковъ, ихъ издержкахъ и т. д. Даннымъ этимъ секретарь предпосылаетъ обстоятельное сравненіе между народными и частными школами всякаго рода, и рѣзко высказывается не только въ пользу первыхъ, но и доказываетъ вредъ и опасность послѣднихъ. Между прочимъ онъ приводитъ слѣдующія положенія: „Разница между народными и частными шко-

лами не заключается непремѣнно въ ихъ качествѣ, но въ ихъ учрежденіи, содержаніи и контролѣ. Въ частной школѣ родители имѣютъ полный контроль надъ своими дѣтьми, относительно регулярности посѣщенія, программы образованія и его способовъ и методовъ. Въ общественной школѣ государство установляетъ всѣ эти условія и ожидаетъ отъ ребенка ихъ исполненія. Предполагаемое право—избирать или образованіе въ частной школѣ, или никакого—основано на предположеніи, что родители имѣютъ исключительное право контролировать физическое, умственное и нравственное развитіе своихъ дѣтей по своему собственному усмотрѣнію. Право и обязанность *государства* устанавливать условія народнаго образованія и подчинять весь народъ этимъ условіямъ основано на томъ принципѣ, что безпрерывное существованіе государства необходимо, какъ естественнаго охранителя человѣческихъ правъ и какъ единственнаго состоянія, способнаго поддерживать вѣчное развитіе человѣческаго общества. Вліянія общественнаго образованія необходимы для того, чтобы отдѣльныя личности могли составлять націю. Такія вліянія имѣютъ тенденцію развивать въ отдѣльныхъ личностяхъ то состояніе духа, которое дѣлаетъ возможнымъ общее соглашеніе относительно фундаментальныхъ принциповъ и формъ гражданскаго самоуправленія. Необходимъ авторитетъ государства для того, чтобы достичь регулярнаго посѣщенія школъ всѣми дѣтьми въ школьномъ возрастѣ. Государство же является единственной силой, которая въ состояніи сдѣлать обязательной извѣстную програму образованія. Примѣненіе этого авторитета въ дѣлѣ обязательнаго образованія и его условій является единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ государства для того, чтобы увѣковѣчить его собственное существованіе и достичь полнаго и успѣшнаго отправленія всѣхъ его функцій. Вслѣдствіе сознанія этихъ-то истинъ государство и признавало всегда народную школу однимъ изъ главныхъ источниковъ гражданской жизни страны. Частныя школы существовали въ теченіе всей нашей исторіи, нѣкоторыя изъ нихъ пользуются заслуженною извѣстностью; но было неоднократно доказано, что мы не можемъ положиться на это учрежденіе, какъ для общаго образованія, такъ и для выработки того состоянія духа, который подготовляетъ извѣстную личность къ занятію положенія интеллигентнаго и вѣрнаго гражданина республиканской общины. Назначеніе общественной школы состоитъ въ томъ, чтобы организовать ея членовъ—дѣтей въ общину личностей, въ которой должны соблюдаться всѣ взаимныя отношенія настоящаго гражданства. Опыты школьной жизни будутъ въ такомъ случаѣ

имѣть непосредственное вліяніе на гражданское развитіе дѣтей. Въ общественной школѣ ученики обязаны законами государства проходить общіе для всѣхъ курсы, изученіе которыхъ дастъ имъ *одинаковое знаніе и одинаковое умственное развитіе*, тождественное въ его общихъ послѣдствіяхъ. Какъ результатъ такого порядка вещей, будутъ созданы въ умахъ народа та общая интеллигентность и то единство чувствъ и стремленій, которыя составляютъ единственное солидное основаніе для успѣшнаго существованія республиканской общины".

Штатъ Массачузетсъ можетъ смѣло гордиться тѣмъ, что ученики его школъ не забываютъ, что эти-то именно школы и положили основаніе ихъ успѣхамъ въ жизни. Каждый годъ приноситъ громадныя деньги въ видѣ добровольныхъ пожертвованій въ пользу народныхъ школъ. Такъ, въ теченіе 1890—1891 учебнаго года были приняты штатомъ отъ жертвователей, между прочимъ, три школьныя зданія. Первое изъ нихъ было выстроено для высшей школы города, Фоллъ-Ривера, господиномъ Дюрфи, въ память его покойнаго сына; отчетъ не даетъ стоимости мѣста, зданія и аппаратовъ, но, судя по описанію зданія и фотографіи его, приложенной къ отчету, оно должно было стоить не менѣе полумилліона долларовъ, снабжено астрономической обсерваторіей съ восьми-дюймовымъ экваторіальнымъ стекломъ, машинными мастерскими, физическимъ кабинетомъ и химической лабораторіей, а также пятидесятью тысячами наличнаго капитала для ихъ будущаго совершенства. Второе построено г. Роджерсомъ въ Фэръ-Хавенѣ и стоитъ свыше ста тысячъ долларовъ; единственнымъ условіемъ жертвователь ставитъ вѣчную свободу вѣроисповѣданія учащихся. Третье пожертвовано городу Винчендону Эфраимомъ Мюрдокомъ, стоитъ сто двадцать пять тысячъ долларовъ и снабжено имъ наличнымъ капиталомъ въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ— „дабы дать школѣ возможность стоять на высотѣ требованій современной науки относительно учебныхъ аппаратовъ и пособій".

Такіе царственные подарки въ одинъ годъ, въ одномъ штатѣ, совсѣмъ не составляютъ исключительнаго явленія въ Америкѣ. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нью-іоркскій фабрикантъ кожаныхъ издѣлій Фэрвэтеръ (Fairweather) завѣщалъ все свое имущество, оцѣниваемое приблизительно въ сумму между полутора и двумя милліонами долларовъ, въ пользу учебныхъ заведеній штата Нью-Іорка. Завѣщаніе это обратило на себя всеобщее вниманіе не по своему размѣру, а потому, что онъ всегда находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ своей женой и дѣтьми и при жизни никогда не отличался благотворительностью,—однако

оставилъ своимъ законнымъ наслѣдникамъ только относительно весьма незначительную сумму—„достаточно для того, чтобъ дѣтямъ начать жизнь"—enough to start with,—какъ самъ онъ выразился въ завѣщаніи. Дѣти уважили желаніе отца, для нихъ совершенно неожиданное и трудно объяснимое,—и безпрекословно разстались съ богатствомъ.

За докладомъ секретаря въ отчетѣ слѣдуетъ изложеніе школьныхъ законовъ штата Массачузетса, со всѣми позднѣйшими дополненіями и измѣненіями и съ комментаріями составителей, затѣмъ годичные доклады шести спеціальныхъ агентовъ совѣта, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой опредѣленный округъ и свое поле изслѣдованій и наблюденій разныхъ сторонъ школьнаго дѣла. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ извлеченій, чего они вполнѣ заслуживаютъ, и я съ сожалѣніемъ разстаюсь съ отчетомъ, напомнивъ читателю, что штатъ Массачузетсъ по послѣднему цензу имѣетъ только 2.238.043 жителя обоего пола при территоріи въ 8.040 кв. англійскихъ миль, а по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ едва ли сколько-нибудь отличается отъ московской и смежныхъ съ нею губерній Россіи.

Отъ отчетовъ отдѣльныхъ штатовъ я перейду къ отчету федеральнаго бюро народнаго образованія Соединенныхъ-Штатовъ, дѣятельность котораго ограничивается статистикой, и хотя цифры и могутъ показаться утомительными, я тѣмъ не менѣе не могу отъ нихъ отказаться, такъ какъ онѣ кажутся мнѣ чрезвычайно поучительными.

Оказывается, что на 62.622.250 жителей въ Союзѣ по переписи 1890 года, включая негровъ, индѣйцевъ, китайцевъ и дикарей Аляски, въ этомъ году издержано на народное образованіе (исключая высшія учебныя заведенія) всего $ 140.277.484, или $ 2,24 per capita населенія. Процентъ этотъ колебался отъ 0.41 per capita въ Южной-Каролинѣ, 0,44 въ Сѣверной-Каролинѣ, 0,53 въ Джорджіи и 0,57 въ Алабамѣ, до $ 3,65 въ Южной-Дакотѣ, $ 3,70 въ Массачузетсѣ, $ 4,08 въ Колорадо и $ 4,29 въ Калифорніи. Штаты Юга и Юго-запада издержали въ среднемъ 0,96 per capita; штаты Новой-Англіи и Сѣверо-востока $ 2,76; штаты центральнаго Сѣвера $ 2,81 и штаты Запада $ 3,35.

Переходя затѣмъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, содержимымъ на счетъ штатовъ, находимъ, что ихъ во всемъ Союзѣ 415, съ 7.918 профессорами и 118.581 учащимися, что заведенія эти владѣютъ имуществомъ, оцѣниваемымъ въ

$ 146.965.144, въ томъ числѣ $ 74.070.415 процентными бумагами, что ихъ доходъ отъ этого имущества простирался въ 1890 году до $ 10.801.918, и что добровольныя пожертвованія въ ихъ пользу въ томъ же году простирались до $ 6.006.474 и что ихъ библіотеки заключали въ себѣ 4.152.053 томовъ. Самымъ значительнымъ по числу студентовъ университетомъ оказывается Харвардъ въ штатѣ Массачузетсѣ, съ 2.660 студентами, затѣмъ университетъ штата Мичигана съ 2.640; 15 университетовъ съ одной тысячей и выше, и 41 съ 500 и выше до одной тысячи студентовъ.

Какъ и въ дѣлѣ народной школы, южные штаты оказываются далеко позади, хотя они содержатъ свыше одной трети всего населенія; число студентовъ въ нихъ ниже одной четверти всего ихъ числа, а издержки меньше одной шестой части, такъ что образованіе каждаго студента обходится вдвое дешевле, чѣмъ на сѣверѣ; само собой разумѣется, что достигается это въ ущербъ образованію.

На меня лично какъ школы, такъ и учителя и обстановка ихъ всегда и вездѣ производили самое благопріятное впечатлѣніе. Школьныя зданія всегда являются самыми замѣтными, самыми крупными зданіями въ городѣ;—впрочемъ я уже имѣлъ случай говорить объ ихъ архитектурѣ и особенностяхъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Здѣсь прибавлю только, что всѣ штаты имѣютъ особыя строительныя коммиссіи, которыя завѣдуютъ постройкой, изучаютъ планы, назначаютъ конкурсы для разрѣшенія разныхъ деталей и т. д. Смѣло можно думать, что нигдѣ въ мірѣ не обращаютъ такого вниманія на отопленіе, вентиляцію, удобства размѣщенія и въ особенности на школьную мебель и учебныя пособія. Не разъ даже въ лѣсахъ Флориды, въ отдаленныхъ преріяхъ Дакоты и въ пустыняхъ Аризоны я находилъ школьную мебель самаго послѣдняго, самаго дорогого устройства; а подобными школьными пособіями я самъ никогда не имѣлъ возможности пользоваться, хотя и учился въ одной изъ петербургскихъ гимназій.

П. Тверской.

СОЛЯНОЙ НАЛОГЪ

и

ЕГО ЗНАЧЕНІЕ.

I.

За послѣднія пять-семь лѣтъ въ годовыхъ росписяхъ говорится часто о новыхъ налогахъ, о повышеніяхъ, но мало— о пониженіи или отмѣнѣ какихъ-либо прежнихъ стѣснительныхъ налоговъ или сборовъ. Въ настоящемъ году это вполнѣ естественно и понятно; послѣ пережитаго Россіей тяжкаго бѣдствія, истощившаго всякіе запасы денежныхъ средствъ отъ прежняго времени (такъ называемую свободную наличность государственнаго казначейства), министерство финансовъ не можетъ не изыскивать новыхъ источниковъ доходовъ. И вотъ наступившій 1893 г. въ области нашихъ финансовъ, кромѣ повышенія нѣкоторыхъ прямыхъ сборовъ, ознаменовался повышеніемъ акциза со спирта на 1 к. съ градуса, установленіемъ дополнительнаго акциза и патентнаго сбора по табачному налогу, установленіемъ дополнительнаго акциза съ рафинада, повышеніемъ акциза съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ на 20 к. съ пуда, увеличеніемъ акциза съ зажигательныхъ спичекъ, и т. д.

Трудно сказать что-либо противъ настоятельности для нашихъ финансовъ въ новыхъ источникахъ дохода. Но при нынѣшнемъ напряженномъ состояніи русскаго народнаго хозяйства выборъ этихъ источниковъ болѣе чѣмъ когда-либо не безразличенъ въ интересахъ народнаго благосостоянія, а также и ради прочности самыхъ финансовъ. Всякая ошибка въ этомъ отношеніи, даже при кажущейся удачѣ выбранныхъ средствъ въ первое время, неминуемо поведетъ

затѣмъ къ болѣе глубокому экономическому потрясенію страны, чѣмъ даже пережитый неурожай. И съ этой точки зрѣнія намѣченный нынѣ путь для развитія нашихъ финансовъ можетъ имѣть особое значеніе.

„Вынужденное прибѣгнуть къ изысканію способовъ для усиленія средствъ государственнаго казначейства, министерство финансовъ (читаемъ мы въ объяснительной запискѣ министра финансовъ къ государственной росписи на 1893 годъ) считало наиболѣе правильнымъ и надежнымъ обратиться прежде всего къ такимъ источникамъ доходовъ, которые представляются наиболѣе упругими и наименѣе стѣснительными, какъ въ силу уже установившейся привычки къ нимъ населенія, такъ и по самой системѣ ихъ взиманія. Съ этой точки зрѣнія косвенные налоги, по мнѣнію министерства, имѣютъ существенныя преимущества надъ прямыми, въ виду того, что взиманіе ихъ гораздо легче, что оно не требуетъ никакихъ понудительныхъ мѣръ, всегда тяжелыхъ и нерѣдко убыточныхъ для плательщиковъ, и что уплата косвенныхъ налоговъ производится, по мѣрѣ потребленія обложенныхъ налогомъ продуктовъ, небольшими взносами, и въ такое время, когда плательщикъ имѣетъ средства для покупки этихъ продуктовъ, а слѣдовательно, и для уплаты налога. Наконецъ, по самой природѣ косвеннаго обложенія оно въ каждый данный моментъ можетъ обильнѣе оплачиваться тою частью населенія, которая обладаетъ наибольшею покупною способностью, а слѣдовательно, и вообще распредѣляется между плательщиками въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами.

Приведенная выдержка невольно напоминаетъ намъ то, что̀ говорится во многихъ руководствахъ по наукѣ финансовъ [1]), гдѣ перечис-

---

[1]) Раскроемъ для примѣра учебникъ проф. И. Янжула (Основныя начала финансовой науки. Спб. 1890 г.):

„При сравненіи косвенныхъ налоговъ съ прямыми—читаемъ мы здѣсь—обнаруживаются слѣдующія практическія выгоды первыхъ сравнительно съ послѣдними:

„При удачномъ выборѣ объектовъ обложенія косвенные налоги легко и удобно приносятъ фиску такіе крупные доходы, которые было бы болѣе или менѣе затруднительно собрать при помощи прямыхъ. Косвенные налоги взимаются малыми незначительными долями, а потому менѣе чувствительны для плательщиковъ, чѣмъ прямые, въ которыхъ сразу требуется уплата болѣе или менѣе значительной суммы. Уплата косвенныхъ налоговъ, если только они падаютъ не на предметы первой необходимости (sic), производится только въ тѣ моменты, когда у плательщика есть деньги, ибо на это указываетъ самый фактъ пріобрѣтенія предмета второстепенной важности, съ которымъ и соединяется взиманіе налога. Взиманіе косвенныхъ налоговъ производится съ большей легкостью, чѣмъ прямыхъ.

„Рядомъ съ этими достоинствами косвенные налоги имѣютъ и крупные недостатки:

„Косвенные налоги хуже, нежели прямые, соотвѣтствуютъ налогоспособности лица

ляются доводы за и противъ косвенныхъ налоговъ. Но за перечисленіемъ доводовъ, приводимыхъ въ пользу косвенныхъ налоговъ, въ финансовыхъ учебникахъ всегда слѣдуютъ тотчасъ же указанія невыгодныхъ сторонъ этихъ налоговъ, причемъ, какъ результатъ сравненія преимуществъ и недостатковъ косвенныхъ налоговъ, среди теоретиковъ мы можемъ найти рѣшительныхъ противниковъ системы косвеннаго обложенія предметовъ потребленія, но не найдемъ ни у одного изъ выдающихся финансовыхъ теоретиковъ или практиковъ возведенія въ идеалъ финансовой системы, основанной на косвенныхъ налогахъ. При поверхностномъ взглядѣ на вещи, конечно, можетъ казаться, что плательщикъ косвенныхъ налоговъ уплачиваетъ ихъ, когда имѣетъ для этого средства; тѣмъ не менѣе неумѣренное пользованіе косвеннымъ обложеніемъ весьма легко можетъ вести къ разоренію страны. И главная причина этого лежитъ въ существѣ тѣхъ преимуществъ косвенныхъ налоговъ, на которыя указывается въ нашей послѣдней росписи.

При прямомъ налогѣ, плательщикъ, не имѣя свободныхъ средствъ, становится недоимщикомъ, и, чтобы взыскать съ него налогъ, государству приходится самому прибѣгать къ принудительному отчужденію имущества плательщика и т. п., а на это оно не всегда рѣшится, если недоимка есть результатъ непосильной тяжести налоговъ для плательщика или какого-нибудь чрезвычайнаго экономическаго бѣдствія. При косвенныхъ налогахъ государству нѣтъ необходимости прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ взысканія, потому что если предметъ, обложенный косвеннымъ налогомъ, плательщику необходимъ, а онъ не имѣетъ свободныхъ средствъ для покупки обложеннаго предмета, то средства будутъ добыты изъ чрезвычайныхъ источниковъ: продажею части необходимаго имущества, путемъ кредита и т. д. Такимъ образомъ, если, благодаря высокому косвенному обложенію предметовъ первой необходимости, жизнь становится значительно дороже, то очень многимъ, кто прежде сводилъ концы съ концами на скудный заработокъ, теперь придется расходовать прежнія сбереженія, если они были, дѣлать долги, распродавать за безцѣнокъ потребительное и иное имущество. При всякомъ установленіи и повышеніи косвенныхъ налоговъ необходимо всегда помнить, что одна изъ причинъ, почему косвенными налогами можно собрать столь много, состоитъ именно въ томъ, что косвенные налоги въ

и потому ведутъ къ неравномѣрности обложенія. Косвенные налоги, гораздо болѣе чѣмъ прямые, находятся въ противорѣчіи съ тѣмъ правиломъ А. Смита, чтобы по возможности все взимаемое съ народа шло въ государственную казну. Доходы отъ косвенныхъ налоговъ не имѣютъ той твердости и устойчивости, какъ доходы отъ прямыхъ налоговъ. Косвенные налоги гораздо больше не соотвѣтствуютъ принципамъ правильнаго податного управленія, чѣмъ прямые". И. Янжулъ, стр. 387 и слѣд.).

значительной своей части уплачиваются не изъ текущаго народнаго дохода, а изъ имущества, и потому они такъ разорительны для страны. Вѣдь если взять въ частности, напримѣръ, нашъ питейный доходъ, то вѣдь кто же не знаетъ, что крупная доля его состоитъ не изъ пропитого заработка пьяницъ, а изъ отчужденнаго за безцѣнокъ и пропитого имущества—орудій труда, платья и проч.—своего или семьи. А одного этого свойства косвенныхъ налоговъ, съ точки зрѣнія финансовой науки и глубокихъ государственныхъ интересовъ, съ избыткомъ достаточно, чтобы перевѣсить всѣ преимущества косвенныхъ налоговъ передъ прямыми.

Но не даромъ же иногда упрекаютъ науку въ томъ, что она отстаетъ отъ жизни, отъ указаній практическаго опыта. Изъ обширной практической работы министерства финансовъ о соляномъ налогѣ, занявшей три первыхъ нумера „Вѣстника Финансовъ“ за нынѣшній годъ, мы узнаемъ, что „во всѣхъ государствахъ нынѣ видно стремленіе обосновать финансовую систему такимъ образомъ, чтобы плательщики по возможности менѣе чувствовали бремя при взносѣ податей. Жизненная финансовая система стремится къ тому, чтобы взимать подати въ видѣ такихъ платежныхъ единицъ, которыя не имѣютъ никакого экономическаго значенія для плательщиковъ, и которыя, по своей мелочности, экономическаго значенія и не могутъ имѣть. Въ рукахъ же государства эти не-экономическія суммы, концентрируясь, являются въ видѣ громадной экономической и культурной силы. *Идеальнымъ налогомъ* практически признается взиманіе въ видѣ подати незамѣтныхъ [1]) для плательщика суммъ и превращеніе ихъ изъ относительно ничтожныхъ единицъ въ могущественную силу. *Будетъ ли это налогъ на производство, на чистый или валовой доходъ, на предметы необходимости или предметы роскоши—это все равно.* Между разными видами налоговъ, установленіемъ которыхъ достигается указанная цѣль, *однимъ изъ первыхъ можно поставить соляной налогъ*“ *(„В. Ф.“, № 3, стр. 182).*

Итакъ, для Россіи, въ концѣ XIX-го вѣка идеаломъ финансовой системы „Вѣстникъ“ выставляетъ положеніе, которое выбрасываетъ за бортъ, какъ ненужный хламъ, всѣ соображенія о равномѣрности, справедливости и т. п., т.-е. все то, что считается драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ вѣкового развитія финансовой теоріи и практики культурныхъ государствъ.

Какъ извѣстно, соляной налогъ существовалъ въ Россіи въ разныхъ видахъ вплоть до 1881 г., когда онъ былъ отмѣненъ Высо-

[1]) Кто знакомъ съ финансовою практикою, тотъ долженъ знать, что не существуетъ такихъ налоговъ, которые, будучи дѣйствительно незамѣтными и нечувствительными для плательщика, могли бы доставлять въ казну очень крупныя суммы.

чайшимъ указомъ 23-го ноября 1880 г., а потому, остановившись на развитіи системы косвенныхъ налоговъ, какъ самой надежной основѣ для упроченія русскихъ финансовъ, министерство финансовъ, естественно, должно было обратить вниманіе на такой испытанный предметъ косвеннаго обложенія, какъ соль. Признавъ возможнымъ и желательнымъ возстановленіе соляного налога въ Россіи, министерство финансовъ на время, какъ оно заявило печатно, пріостановило обсужденіе этой мѣры въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство финансовъ признало полезнымъ опубликовать наиболѣе существенную часть собраннаго и разработаннаго имъ статистическаго и иного матеріала, а равно и свои выводы и заключенія, приглашая „всѣхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, практически знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ, солеторговцевъ, рыбопромышленниковъ и т. п., доставить ему свои по этому предмету соображенія“. Нельзя не быть признательнымъ министерству финансовъ за такое обнародованіе матеріала и проч.; можно только пожелать, чтобы такая провѣрка департаментскихъ соображеній по крупнымъ вопросамъ допускалась не только по мѣрамъ, временно снятымъ съ очереди, но и по тѣмъ, которыя еще только ставятся на очередь.

Въ статьѣ „Вѣстника Финансовъ“ (№ 1 за 1893 г.) детальному изложенію дѣла предшествуетъ заявленіе, что послѣ всесторонней разработки вопроса, какъ съ чисто теоретической, такъ и съ практической стороны, воспользовавшись указаніями какъ западно-европейской практики, такъ и еще болѣе — нашей русской практики, войдя въ оцѣнку мнѣній по этому предмету выдающихся авторитетовъ въ области финансовой науки, русскихъ и иностранныхъ, и т. д.—министерство финансовъ пришло къ убѣжденію въ томъ, что налогъ на соль представляетъ, повидимому одну, изъ наименѣе обременительныхъ для населенія формъ обложенія. Противоположныя мнѣнія—руководящая статья министерства финансовъ въ значительной степени объясняетъ результатомъ поверхностнаго знакомства съ дѣломъ или плодомъ явныхъ недоразумѣній.

„Вѣстникъ“ подчеркиваетъ въ своемъ вступленіи неспокойное и пристрастное отношеніе къ вопросу о соляномъ налогѣ въ эпоху, предшествовавшую отмѣнѣ его. Но удалось ли самому журналу въ своихъ опубликованныхъ соображеніяхъ удержаться на почвѣ безпристрастія? Къ сожалѣнію, въ силу присущихъ всѣмъ слабостей, статьи „Вѣстника Финансовъ“ ярко свидѣтельствуютъ, что полное безпристрастіе вообще трудно соблюсти.

Nomina sunt odiosa... Но мы вѣдь однако знаемъ, что въ то время, когда былъ отмѣненъ соляной налогъ, во главѣ министерства

финансовъ стояли лица, о которыхъ весьма рискованно отзываться какъ о „поверхностно" знакомыхъ съ дѣломъ. Уже одинъ этотъ фактъ даетъ намъ смѣлость сказать, что въ Россіи среди экономистовъ и финансистовъ пока еще нѣтъ столь выдающихся авторитетовъ, передъ которыми всѣ противники соляного налога, въ эпоху его отмѣны, могли бы представляться поверхностно знакомыми съ дѣломъ.

Какъ бы то ни было, принадлежа по своимъ убѣжденіямъ относительно соляного налога къ числу лицъ, „поверхностно знакомыхъ съ дѣломъ", мы тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ изучили матеріалъ, который опубликовало министерство финансовъ относительно соляного налога. И теперь постараемся выяснить, почему, несмотря на знакомство съ этимъ новымъ, цѣннымъ и краснорѣчивымъ матеріаломъ, мы не можемъ присоединиться къ тѣмъ выводамъ, какіе сдѣланы „Вѣстникомъ Финансовъ".

Журналъ начинаетъ съ того, что разбираетъ вопросъ, получились ли какіе-либо благопріятные результаты для народнаго хозяйства отъ отмѣны соляного налога,—и находитъ, что въ этомъ отношеніи отмѣна налога была безполезна. Затѣмъ идутъ разсужденія о томъ, что соляной налогъ не можетъ быть вреденъ ни для соляной промышленности, ни для рыболовства, ни для сельскаго хозяйства, и не можетъ быть чувствителенъ для потребителя и плательщика.

По мнѣнію „Вѣстника Финансовъ", „при установленіи у насъ акциза даже въ 80 коп. съ пуда, соляной налогъ не можетъ быть чувствителенъ для самаго бѣднѣйшаго населенія, такъ какъ годовой взносъ въ 40 коп. раздробляется на чрезвычайно малыя величины, нечувствительныя и въ самомъ бѣдномъ хозяйствѣ. Соляной налогъ, такимъ образомъ, имѣетъ своимъ объектомъ обложенія тѣ доли имущества, которыя по своей мелочности и ничтожности не имѣютъ никакого значенія и для бѣднѣйшей части населенія. Но собранныя вмѣстѣ эти ничтожныя суммы получаютъ громадное экономическое значеніе. У насъ налогъ на соль, установленный въ размѣрѣ 30 коп. съ пуда, можетъ дать государственному казначейству не менѣе 17—18 мил. руб. Эти 17—18 мил. въ буквальномъ смыслѣ слова будутъ получены изъ ничего, такъ какъ періодическіе платежи въ 1—2 коп. для каждаго плательщика не только не обременительны, но и нечувствительны". „В. Ф.", статья 3-я, стр. 183).

Итакъ, 30-копѣечный налогъ на соль „Вѣстн. Финанс.", повидимому, считаетъ первой ступенью, а въ идеалѣ ему рисуется необременительный налогъ въ 80 коп. съ пуда или 40 коп. съ души, уплачиваемыя копѣечками, что̀ легко даже для нищихъ. Какими же путями журналъ доходитъ до подобнаго утвержденія?

Прежде всего онъ останавливается на развитіи соляной промыш-

ленности, причемъ утверждаетъ, что существованіе акциза на соль не тормазило развитія этой промышленности, а отмѣна налога не имѣла вліянія на ея ростъ. Подтвержденіе тому „Вѣстникъ" находитъ въ статистическихъ данныхъ о производствѣ соли въ Россіи до отмѣны акциза и послѣ него.

Посмотримъ и мы, чтò говорятъ цифры. Возьмемъ для сравненія среднія данныя о соли за трехлѣтія и по пятилѣтіямъ, до отмѣны и послѣ отмѣны налога. Получаемъ слѣдующее:

В ъ с р е д н е м ъ з а т р е х л ѣ т і я:

	Добыто соли внутри страны:	Привезено иностр. соли:	Вывезено за границу:	Всего оставалось внутри страны:
	т ы с я ч ъ	п у д	о в ъ:	
1872—74	43.374	12.090	0,04	55.423
1875—77	36.134	11.769	0,03	47.881
1878—80	48.391	9.702	0,03	58.063
	П о с л ѣ о т м ѣ н ы н а л о г а.			
1881—83	73.992	10.396	0,30	84.286
1884—86	67.915	3.129	0,53	70.838
1887—89	74.563	1.000	0,46	75.106
Въ 1890 г.	84.857	1.052	0,46	85.453

Въ среднемъ по пятилѣтіямъ годичное производство соли внутри страны выражалось:

До отмѣны акциза:		
1866—1870 гг.	. . . 47.678	тыс. пуд.
1871—1875 „	. . . 50.698	„ „
1876—1880 „	. . . 54.061	„ „
Послѣ отмѣны акциза:		
1881—1885 гг.	. . . 78.303	тыс. пуд.
1886—1890 „	. . . 76.893	„ „

Эти цифры, — поскольку вообще статистическія цифры могутъ говорить нашему уму — свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ чрезвычайномъ и главное немедленномъ возростаніи производительности соляныхъ промысловъ послѣ отмѣны налога. Производство соли въ первое трехлѣтіе послѣ отмѣны налога превысило среднее годовое количество послѣдняго трехлѣтія передъ отмѣною на 52,9%, Сравненіе по пятилѣтіямъ даетъ увеличеніе въ 63,2%. Конечно, развитіе соляной промышленности за истекшее десятилѣтіе, какъ и всякой другой отрасли народнаго хозяйства, объясняется многими факторами, но совпаденіе отмѣны налога съ внезапнымъ ростомъ соляного производства слишкомъ поразительно. чтобы можно было предположить здѣсь одно случайное совпаденіе фактовъ, а не причинную связь. Однако министерство финансовъ это дѣлаетъ. Съ этою цѣлью оно,

во-первыхъ, принимаетъ слѣдующія среднія производства соли за трехлѣтіе послѣ

1878—1880 гг.	48,4	мил.	пуд.
1881—1883 „	60	„	„
1884—1886 „	68	„	„
1887—1889 „	74	„	„

Такимъ образомъ можетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло какъ будто съ естественнымъ возростаніемъ производства соли въ зависимости отъ прироста населенія и др. причинъ, причемъ особенной разницы среднихъ до отмѣны налога и среднихъ послѣ отмѣны не замѣчается. Конечно, этого можно было достигнуть только путемъ довольно произвольнаго обращенія съ цифрами.

Въ научно поставленномъ статистическомъ изслѣдованіи, при анализѣ статистическихъ рядовъ, характеризующихъ разсматриваемое явленіе какъ функцію различныхъ причинъ, обыкновенно преслѣдуются двоякаго рода цѣли: выяснить вліяніе постоянныхъ причинъ—и роль причинъ случайныхъ. Дѣйствіе постоянныхъ причинъ опредѣляется выводомъ среднихъ изъ даннаго ряда; значительное уклоненіе отъ среднихъ отдѣльныхъ элементовъ ряда указываетъ на присутствіе случайныхъ причинъ. Такимъ образомъ для статистическаго изслѣдованія какого бы то ни было вопроса и для выводовъ нельзя ограничиваться однѣми средними величинами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія служитъ выясненіе дѣйствія опредѣленнаго факта,—отклоненія отъ среднихъ пріобрѣтаютъ первенствующее значеніе.

Примѣнимъ сказанное къ предмету нашего вниманія — къ соляному налогу. Мы имѣемъ статистическіе ряды, показывающіе погодно количество соли, добытой внутри страны, количество ввоза и вывоза и количество, остающееся внутри, которое можно принять какъ величину потребленія соли. Таблица даетъ цифры до отмѣны налога—и послѣ отмѣны его. Эти цифры опредѣлились въ зависимости отъ множества причинъ: къ числу постоянныхъ можно отнести численность населенія и его естественный ростъ, общій прогрессъ производства, и т. п. По отдѣльнымъ годамъ цифры могли колебаться отъ случайнаго оживленія промышленности, начала разработки какого-нибудь новаго богатаго мѣсторожденія соли, отъ постройки желѣзной дороги, облегчившей и удешевившей провозъ соли, и т. д. Относительно „случайныхъ“ причинъ необходимо замѣтить, что онѣ, являясь для даннаго года случайными, могутъ затѣмъ для послѣдующаго времени обратиться въ постоянныя; таковы: открытія новыхъ мѣсторожденій, постройка желѣзныхъ дорогъ и т. п. Очевидно, что если мы изъ имѣющихся у насъ рядовъ выведемъ среднюю за очень

продолжительный періодъ времени, то въ средней сгладятся всѣ и постоянныя и случайныя причины, и средняя никакого научнаго или доказательнаго значенія имѣть не будетъ. Поэтому обыкновенно среднія берутъ не за столь длинные періоды, а за 10-тилѣтія, пятилѣтія и т. п., чтобы въ нихъ запечатлѣлись тѣ изъ случайныхъ причинъ, которыя для данныхъ періодовъ обратились уже въ постоянныя. Конечно, выборъ того или другого періода много зависитъ отъ данныхъ, какими мы располагаемъ, и отъ вопросовъ, которые мы ставимъ статистическому изслѣдованію. Располагая данными о производительности соли и проч. за 10 лѣтъ послѣ отмѣны соляного налога,—пятилѣтія представляются особенно удобными; тѣмъ болѣе, что двумъ среднимъ за пятилѣтія послѣ соляного налога можно противопоставить двѣ среднихъ за предшествующія пятилѣтія. Но на какія группы мы ни разбивали бы ряды, мы должны держаться однородныхъ группъ и однородныхъ пріемовъ вывода среднихъ. Что же дѣлается однако? При выводѣ средней за первое трехлѣтіе послѣ отмѣны налога выключается самый производительный годъ, 1882-й годъ, „со случайнымъ, будто бы, производствомъ въ 102 мил. пудовъ".

Всѣмъ извѣстно, что статистическій методъ допускаетъ при выводѣ среднихъ, какъ указателей постоянныхъ причинъ, въ случаѣ имѣется въ ряду достаточное число членовъ, напримѣръ десять,—выключать изъ него наиболѣе рѣзко уклоняющіеся отъ средней члены — одинъ для максимума, другой для минимума. Но примѣнять подобный пріемъ для ряда всего только изъ трехъ членовъ, да еще одностороннe, исключая одинъ максимальный членъ, — это неправильно. Это одинъ изъ тѣхъ пріемовъ, благодаря которымъ, лица, незнакомыя съ методологіей статистики, часто упрекаютъ статистику, что ею можно все доказать.

Въ разсматриваемомъ примѣрѣ „случайное производство" 1882 г.— какъ его называетъ „Вѣстникъ" и потому игнорируетъ—очень существенно и важно для характеристики вліянія отмѣны соляного налога на добычу соли въ Россіи. Оно свидѣтельствуетъ, что отмѣна соляного налога явилась сильнымъ толчкомъ для развитія соляной промышленности. Подъ дѣйствіемъ этого толчка производители соли, освоившись со вновь созданными условіями, повысили производство съ 47,6 мил. въ 1879 г. и 50,7 въ 1880 г.—до 101,8 въ 1882 г., т.-е. удвоили его. Это было вызвано двумя главными обстоятельствами: рѣзкимъ увеличеніемъ спроса на соль вслѣдствіе ея удешевленія послѣ отмѣны налога, и освобожденіемъ значительныхъ капиталовъ, которые нужны были солепромышленникамъ для расходовъ, связанныхъ съ солянымъ налогомъ, и на которые теперь они могли расширить производство. При новости положенія производство

зашло въ 1882 г., какъ показываютъ послѣдующіе годы, дальше, чѣмъ было нужно, соли было добыто больше, чѣмъ могло быть потреблено. Послѣдствіемъ такого временнаго перепроизводства было то, что добыча соли въ 1883 г. понизилась до 69,5 мил., а въ 1884 г. даже до 62,5 мил.; но за все десятилѣтіе послѣ отмѣны соляного налога производство соли при погоднихъ колебаніяхъ ни разу не опускалось до цифры близкой къ производству 1880 г. Этотъ фактъ также не лишенъ поучительности для сужденія о развитіи промышленности въ акцизный періодъ и въ періодъ свободный. Министерство финансовъ того мнѣнія, что производство соли внутри государства неуклонно развивалось во все время существованія соляного налога; а между тѣмъ по цифрамъ мы далеко не замѣчаемъ того неуклоннаго развитія въ періодъ 1863—1880 гг., какое видимъ въ десятилѣтіе 1881—1890 гг.

Дѣйствительно, въ 70-хъ годахъ производство соли сравнительно съ 60-ми годами въ общемъ итогѣ увеличилось; тѣмъ не менѣе въ обоихъ десятилѣтіяхъ мы видимъ не мало лѣтъ съ приблизительно одинаковою производительностью соли, а именно производство соли выражалось:

До-акцизный періодъ:		Акцизный періодъ: 60-ые годы:		Акцизный періодъ: 70-ые годы:	
	мил. п.		мил. п.		мил. п.
1854 г.	28 920	1863 г.	30 929	1870 г.	29 012
1855 „	27.805	1864 „	22.159	1871 „	27.872
1860 „	26.109	1865 „	30.639	1877 „	28.952
1861 „	26.256	1868 „	36.798	1875 „	35.739
		1866 „	39.470	1872 „	39.712
		1867 „	44.226	1874 „	44.289

Ничего подобнаго приведенному параллелизму цифръ, указывающихъ на слабое развитіе соляной промышленности въ два послѣдовательныхъ десятилѣтія въ эпоху соляного налога, мы послѣ отмѣны его не видимъ. За все десятилѣтіе 1881 — 90 гг. нѣтъ ни одного года, который по производительности соли равнялся бы какому-либо году акцизнаго или до-акцизнаго періода; начиная съ 1882 г., самое малое годичное производство соли на 25% превышаетъ самую крупную цифру предшествовавшихъ періодовъ.

Такимъ образомъ, и сравненіе среднихъ по пятилѣтіямъ, и сравненіе среднихъ по трехлѣтіямъ, и сопоставленіе годичныхъ цифръ, неизмѣнно указываютъ на какой-то факторъ, не дѣйствовавшій въ періодъ 1863—1880 г. и оказавшій глубокое вліяніе на соляную промышленность въ Россіи въ 80-хъ годахъ. Этимъ факторомъ несомнѣнно была отмѣна соляного налога. Развитіе соляной промышленности въ 80-хъ годахъ, конечно, не можетъ отрицать министерство финансовъ,

но оно утверждаетъ, что совпаденіе этого явленія съ отмѣною соляного налога есть только случайное совпаденіе по времени. По его мнѣнію, „здѣсь дѣйствовали болѣе могучіе факторы: открытіе бахмутской залежи каменной соли, постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ, завершеніе (?) вообще желѣзно-дорожной сѣти, урегулированіе и развитіе сухопутнаго, рѣчного и морского передвиженія грузовъ" („В. Ф.", статья I-я, стр. 38). Посмотримъ, можно ли эти факторы противопоставить вліянію отмѣны соляного налога? Бахмутская залежь каменной соли открыта въ 1878 году [1].

---

[1])

	Добыча камен. соли изъ бахмут. копей: тыс. п.	Общее произв. соли въ екат. и харьк. г. (съ сол. варницами): тыс. п.
1875	—	683
1876	—	507
1878	—	897
1880	—	1.685
1881	295	2.295
1882	2.000	4.421
1883	3.712	6.469
1884	5.610	8.166
1885	6.938	11.626
1886	10.808	16.882
1887	11.605	16.279
1888	11.120	15.031
1889	12.265	17.516
1890	10.790	15.780

Производство соли по мѣсту добычи:

	1881 г.	1886 г.	1890 г.
Европейская Россія.	тысячъ	пудовъ:	
Пермская	13.744	13.266	17.981
Вологодская . . .	425	51	262
Архангельская . .	44	61	52
Оренбургская . . .	2.723	1.539	1.244
Астраханская . . .	22.590	14.818	16.866
Таврическая . . .	4.138	18.870	23.520
Херсонская . . .	992	2.205	1.450
Бессарабская . . .	—	25	258
Екатеринославская .	1.495	11.873	12.547
Харьковская . . .	800	5.135	3.233
Варшавская . . .	50	—	176
Донская область . .	244	97	24
Итого . . .	47.245	67.936	77.614
Кавказскій край . .	976	2.418	1.568
Сибирь.	1.639	931	2.504
Средне-азіатск. обл. .	875	1.781	3.161
Всего. .	50.734	73.066	84.847

Въ 1878 г., въ 1879 и 1880 гг., т.-е. до отмѣны соляного налога, соли изъ этого мѣсторожденія вовсе не добывалось. Съ 1881 г., т.-е. послѣ отмѣны налога, въ 1881 г. добыто 290 тыс. пуд., въ 1882 — 2 мил., въ 1883 — 3.712 тыс. пуд., въ 1884 — 5.510 тыс. пуд., въ 1885 — 6.937 тыс. п., т.-е. всего за первое пятилѣтіе бахмутское мѣсторожденіе дало 18.555.857 или въ среднемъ 3,7 мил. пудовъ,—иначе говоря, играло *ничтожную* роль въ общемъ увеличеніи производства соли внутри страны. Во второе пятилѣтіе это производство колебалось по годамъ въ предѣлахъ 10—12 мил. Увеличеніе средняго годового производства соли немедленно за отмѣною налога обусловливалось главнымъ образомъ развитіемъ соляныхъ промысловъ въ губерніяхъ таврической и астраханской, а не въ екатеринославской. Изъ этого видно, что первый изъ „могучихъ факторовъ", указанныхъ въ противовѣсъ вліянію отмѣны налога, игралъ ничтожную роль, а всѣ остальные (развитіе желѣзно-дорожной сѣти, урегулированіе передвиженія грузовъ) во второе пятилѣтіе послѣ отмѣны налога должны были естественно дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ въ первое, а между тѣмъ среднее производство этого пятилѣтія оказалось ниже, чѣмъ въ первое по отмѣнѣ налога. Отсюда, конечно, нельзя заключать, что развитіе желѣзныхъ дорогъ и проч. не имѣло вліянія на соляную промышленность, но вліяніе отмѣны соляного налога было столь сильно, что оно, такъ сказать, поглотило собою всѣ другія и сдѣлало ихъ малозамѣтными, не выражающимися въ валовыхъ итогахъ соляного производства.

Утверждая, что отмѣна солянаго налога не имѣла никакого значенія въ дѣлѣ развитія соляной промышленности, „Вѣстникъ" финансовъ идетъ въ своихъ заявленіяхъ еще далѣе. „Исторія соляного дѣла въ Россіи показываетъ, что существованіе акциза на соль не тормазило развитія соляной промышленности. Значительная часть того, что сдѣлано было для правильной постановки соляной промышленности и дало ей возможность развиться до настоящихъ размѣровъ (напримѣръ, изслѣдованіе бахмутской соли) относится именно ко времени существованія соляного акциза" (стр. 37). „Во весь 18-лѣтній срокъ дѣйствія акцизной системы промышленность неуклонно развивается и прогрессируетъ; нельзя указать ни одного факта въ пользу мнѣнія, будто налогъ оказывалъ вліяніе, тормазившее развитіе соляного промысла; такого вліянія у насъ налогъ и *не могъ имѣть* уже по сравнительно малому его размѣру — въ среднемъ выводѣ до 29 коп. на пудъ — и при тѣхъ облегченіяхъ въ уплатѣ его, какія существовали въ формѣ разсрочки акциза и арендныхъ, за право разработки казенныхъ источниковъ, денегъ подъ за-

логъ до 12 мѣсяцевъ со времени выпуска соли съ промысловъ на продажу" (стр. 38).

Въ дѣйствительности, однако, сравненіе цифръ, опредѣляющихъ размѣръ производства соли въ налоговый періодъ—и послѣ, свидѣтельствуетъ, что *въ 18 лѣтъ* акцизной системы годовое производство соли повысилось съ 27 съ половиной мил. пуд. до 48 мил., т.-е. увеличилось на 74%, а послѣ отмѣны налога, черезъ *пять лѣтъ*, поднялось уже на 43—44%. Уже по этому факту можно замѣтить, что налогъ тормазилъ соляную промышленность. Заявленіе же „Вѣстника", что налогъ у насъ *не могъ* имѣть такого вліянія, если бы оно было доказано, сдѣлало бы совершенный переворотъ въ теоріи косвенныхъ налоговъ. Въ финансовой наукѣ можно считать твердо установленнымъ положеніе, что въ вопросѣ о косвенныхъ налогахъ можетъ быть рѣчь только о разной степени стѣсненія промышленности при той или другой формѣ обложенія, но что *всякій косвенный налогъ не можетъ не имѣть тормазящаго вліянія на соотвѣтственныя* отрасли промышленности. Возьмемъ хотя бы тѣ залоги, о которыхъ упоминаетъ министерство финансовъ, какъ о льготахъ при уплатѣ промышленниками соляного налога. Конечно, требованіе залоговъ и отсрочка при этомъ условіи платежа слѣдуемыхъ въ казну суммъ на 12 мѣсяцевъ, легче выполнить, чѣмъ требованіе этихъ денегъ наличными немедленно. Но залоги не могутъ же не связывать значительныхъ капиталовъ, которые при отсутствіи налога могли бы быть обращены непосредственно на развитіе промысловъ, на увеличеніе коммерческой кредитоспособности солепромышленниковъ. Въ освобожденіи этихъ капиталовъ и кроется въ значительной мѣрѣ фактъ немедленнаго огромнаго увеличенія производства въ первые же годы по отмѣнѣ акциза, потому что, идя на встрѣчу увеличившемуся спросу на соль, солепромышленникамъ, у которыхъ вдругъ явились въ рукахъ новые свободные капиталы или кредитъ, всего естественнѣе было обратить ихъ на то дѣло, съ которымъ они сроднились.

Не будемъ тревожить порядковъ нашего акцизнаго надзора по обложенію соли, потому что если мы укажемъ въ нихъ немалыя стѣсненія промышленности, то намъ могутъ сказать, что это было въ доброе старое время, а теперь все можетъ устроиться по образцу западно-европейскихъ порядковъ, лучше прежняго. Бросимъ поэтому взглядъ хотя бы на Францію и посмотримъ, какія требованія предъявляются фискальнымъ надзоромъ къ соляной промышленности.

II.

Соляные промыслы и заводы подлежатъ тамъ осмотру и ревизіи чиновъ надзора, и владѣльцы ихъ обязаны, по всякому требованію означенныхъ чиновъ, безпрепятственно допускать ихъ къ осмотру фабрикъ, мастерскихъ, магазиновъ, жилыхъ помѣщеній, погребовъ и всѣхъ вообще находящихся внутри заводской ограды строеній, а равно предъявлять имъ принадлежащія имъ соли, соляныя воды и отбросы производства. Осмотры эти и ревизіи могутъ производиться даже въ ночное время, въ мастерскихъ и магазинахъ, если работы продолжаются послѣ захода солнца. Чины надзора могутъ принимать всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы удостовѣриться въ отсутствіи тайныхъ трубъ или протоковъ въ колодцахъ, буровыхъ скважинахъ, соляныхъ источникахъ, а также въ галереяхъ, расположенныхъ какъ внутри, такъ и внѣ фабричныхъ зданій. Соль, по приведеніи ея въ твердое состояніе, можетъ быть извлекаема изъ печей или котловъ лишь для немедленнаго складыванія ея либо на прилавкахъ, для очистки отъ разсола, или на сушилкахъ, въ сушильныхъ, либо печахъ, или же, наконецъ, въ какихъ-либо сосудахъ, заранѣе предъявленныхъ чинамъ надзора. Всякія дальнѣйшія манипуляціи, имѣющія цѣлью усовершенствовать ея обработку, допускаются только подъ наблюденіемъ означенныхъ чиновъ, которые могутъ принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для предупрежденія какой-либо утайки соли. Маточный разсолъ, соляныя грязи и другіе остатки производства, зола и отбросы изъ печей солеваренныхъ заводовъ должны быть уничтожены, если только выпускъ ихъ изъ заводовъ не былъ предварительно разрѣшенъ. Къ производству изысканій соляныхъ мѣсторожденій или источниковъ соляной воды ни владѣлецъ поверхности земли, ни другія на то уполномоченныя лица не могутъ приступить ранѣе мѣсяца послѣ сдѣланнаго о томъ префектурѣ заявленія. Выдача концессій на соляныя копи допускается лишь по предварительномъ установленіи факта существованія соляной залежи посредствомъ шахтъ, галерей или буровыхъ скважинъ. Концессіи предоставляются по преимуществу владѣльцамъ заведеній уже существующихъ на законномъ основаніи. Всякій соляной промыселъ или солеваренный заводъ, равно какъ колодцы, галереи, буровыя скважины и источники соляной воды, должны быть обнесены оградою вышиною въ 3 метра (4,21 арш.), вдоль которой, какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны, должна быть дорога, шириною не менѣе 2 метровъ (2,81 арш.) съ доступомъ на общественную дорогу чрезъ одинъ только выходъ или ворота. Если какіе-либо колодцы или галереи, служащіе

для добыванія соли, не могутъ быть, вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ завода, включены въ ограду послѣдняго, они должны быть обнесены особою подобною же оградою и притомъ такимъ образомъ, чтобы въ ограду эту были включены всѣ, служащіе для добыванія соли, инструменты и приспособленія. Такою же оградою должны быть обнесены буровыя скважины, служащія для эксплуатаціи посредствомъ выщелачиванія, равно какъ и всѣ ключи и колодцы соляной воды, которые, по причинѣ дальняго разстоянія, не могли быть включены въ заводскую ограду („В. Ф." за 1893 г., № 2, стр. 100). Не нужно быть солепромышленникомъ, чтобы понять, что всѣ подобныя требованія, неизбѣжныя при налогѣ, имѣя чисто фискальный характеръ, вызываютъ лишніе непроизводительные расходы и не могутъ не стѣснять соляной промышленности, какими бы идеальными качествами ни отличалась акцизная администрація. Затѣмъ соляной налогъ стѣсняетъ также и тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ соль является побочнымъ продуктомъ. Такъ, во Франціи „владѣльцы химическихъ заводовъ, въ которыхъ получается хлористый натрій, обязаны: 1) заявлять за одни сутки впередъ, въ таможенной конторѣ или въ мѣстномъ управленіи неокладными сборами, о днѣ и часѣ, когда имѣютъ быть начаты и окончены работы въ ихъ мастерскихъ, 2) имѣть особый магазинъ для храненія соли и 3) подчиняться надзору чиновъ соляного вѣдомства".

Послѣ отмѣны акциза на соль въ Россіи оптовая цѣна на соль понизилась въ такомъ отношеніи: въ 1869 г. въ областяхъ, въ которыхъ сосредоточивается 44% населенія, оптовая цѣна была 50—75 коп. за пудъ, въ мѣстностяхъ съ 43% населенія цѣна стояла 75—100 коп. за пудъ. Въ настоящее же время главная масса населенія европ. Россіи имѣетъ возможность пріобрѣтать соль, даже небольшими партіями, по сравнительно невысокой цѣнѣ—отъ 20 до 40 коп. пудъ („В. Ф.", № 1, стр. 41). Такое пониженіе соли есть благодѣтельный результатъ отмѣны налога и развитія соляного производства, опять-таки въ значительной мѣрѣ зависѣвшаго отъ той же причины. Но и по поводу пониженія цѣнъ на соль въ послѣ-акцизный періодъ „Вѣстникъ Финансовъ", вопреки очевидности, утверждаетъ слѣдующее.

„Изслѣдованіе движенія цѣнъ на соль въ оптовой продажѣ приводитъ къ тому несомнѣнному (??) выводу, что въ дороговизнѣ соли вообще въ государствѣ, за время существованія соляного налога, собственно послѣдній игралъ второстепенную роль; дороговизна эта обусловливалась весьма несовершенной организаціей соледобыванія, а также географическимъ положеніемъ главныхъ соляныхъ источниковъ на окраинахъ государства"... „Въ большей по численности народонаселенія части государства пониженіе оптовыхъ цѣнъ на соль

вдвое и болѣе превышаетъ размѣръ прежняго акциза, доходя до 70 и 80 коп. на пудъ. Очевидно, что главную роль тутъ играла не отмѣна съ 1881 г. соляного налога, а полный переворотъ въ соотношеніяхъ цифръ добычи соли отдѣльныхъ промысловыхъ группъ, происшедшій съ открытіемъ (до отмѣны налога!) и быстрымъ развитіемъ (послѣ отмѣны налога!) бахмутскаго и славянскаго промысловъ, ставшихъ на пути движенія крымской соли на сѣверъ и баскучанской на западъ". Наконецъ, „изученіе цѣнъ на соль, по мнѣнію „Вѣстника Финансовъ", приводитъ вообще къ тому выводу, что если бы въ 1881 г. не послѣдовало отмѣны соляного акциза, оптовыя цѣны повсемѣстно были бы выше на 30 коп. противъ существующихъ нынѣ; но при этомъ все-же цѣна на соль въ большей части Россіи, вѣроятно, не превышала бы 50 коп. пудъ".

Всѣ эти утвержденія „Вѣстника Финансовъ" относительно цѣнъ на соль безусловно ошибочны. Можно ли соляной налогъ назвать второстепеннымъ элементомъ цѣны на соль, когда одинъ акцизъ (30 коп.), принимая среднюю оптовую цѣну соли акцизнаго періода въ 75 коп., составлялъ 40°/₀? Но вѣдь, кромѣ акциза, какъ непосредственный результатъ существованія налога въ цѣну соли входили: непроизводительныя издержки при производствѣ, вызывавшіяся требованіями акцизнаго надзора, прибыль на затраченный на это капиталъ, проценты на залоги и т. д. Отсюда понятно, что отмѣна налога должна была уже сама по себѣ повести къ удешевленію соли въ размѣрѣ значительно бо́льшемъ, чѣмъ налогъ. И еслибы акцизъ не былъ отмѣненъ съ 1881 г., то теперь соль, при акцизѣ въ 30 коп. съ пуда, ни въ какомъ случаѣ не могла бы быть дороже только на 30 коп., а много больше. Еще ошибочнѣе было бы думать, что установленіе теперь акциза вновь на 30 копѣекъ повысило бы цѣну соли только на эту цифру.

Введеніе налога на соль въ настоящее время повело бы за собою крупные новые накладные расходы для приспособленія соляной промышленности къ условіямъ взиманія налога, сдѣлало бы для болѣе мелкихъ производителей невозможнымъ продолжать дѣло, сократило бы производство соли, монополизировало бы соляное дѣло въ сравнительно немногихъ рукахъ,—и разоривъ множество небольшихъ соляныхъ предпріятій, въ то же время повело бы за собою возвышеніе цѣнъ на соль въ гораздо бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ возстановленный налогъ. Чтобы ясно представить себѣ кризисъ соляной промышленности, который неминуемо послѣдовалъ бы за возстановленіемъ у насъ налога на соль, стоитъ только припомнить, что въ настоящее время средняя стоимость соли на мѣстѣ производства безъ

перевозки около 7½ коп. за пудъ [1]) (3 к. для каменной и самоосадочной соли и до 12 коп. для выварочной). Слѣдовательно, прибавка 30 коп. акциза, кромѣ упомянутыхъ накладныхъ акцизныхъ издержекъ, увеличивала бы оборотный капиталъ, завязанный въ соляной промышленности, противъ нынѣшняго въ пять разъ больше. Пусть теперь каждый, кому приходилось вести какое-нибудь хозяйственное дѣло, представитъ себѣ, что послѣ того какъ онъ это дѣло организовалъ въ предѣлахъ своихъ средствъ, новыя обстоятельства вызвали бы вдругъ необходимость увеличить оборотныя и другія средства въ 5 разъ. Многіе ли выдержали бы такую перемѣну условій? А въ этомъ положеніи очутятся солепромышленники при введеніи налога. Многіе изъ нихъ окажутся несостоятельными и прекратятъ дѣло. А удержавшіеся крупные предприниматели будутъ наверстывать убытки, какъ свои, такъ и всей соляной промышленности, на потребителяхъ. Крупные солепромышленники отъ возстановленія налога ничего не потеряютъ, и для нихъ обложеніе соли въ большинствѣ случаевъ было бы выгодно.

III.

Разберемъ теперь доводы о безвредности соляного налога на другія отрасли промышленности. Начнемъ съ рыболовства. „Вопросъ о значеніи для него соляного налога,—говорится въ статьѣ „Вѣстника Финансовъ“,—неоднократно подвергался въ министерствѣ финансовъ всестороннему изученію, но *всегда* рѣшался въ смыслѣ сравнительной безвредности налога и [1]) въ этой области народнаго хозяйства“. Мы не станемъ входить въ анализъ тѣхъ цифръ относительно рыболовства и проч., которыя приводятся по этому поводу въ статьѣ „Вѣстника Финансовъ“, въ виду того, что для обоснованія на нихъ выводовъ онѣ совершенно не выдерживаютъ статистической критики. Мы отмѣтимъ только основное недоразумѣніе въ разсчетахъ „Вѣстника Финансовъ“. Предполагая прежній акцизъ въ 30 коп. съ пуда, министерство финансовъ высчитываетъ лишній расходъ для волго-каспійскаго промысла (конечно, все исходя изъ того же положенія, будто налогъ въ 30 коп. на 30 коп. только и повыситъ цѣну соли) въ 2.100.000 рублей, или около 7% стоимости всего рыбнаго товара, и считаетъ это увеличеніе ничтожнымъ, не имѣющимъ серьез-

---

[1]) Д. Менделѣевъ, Толковый тарифъ, 1892 г., стр. 246.

[2]) Эти „всегда“ и „и“, въ особенности если припомнить то время, когда министерство финансовъ нашло нужнымъ отмѣнить налогъ,—едва ли правильны.

наго значенія. Но вѣдь 2.100.000 руб. налога относятся въ сущности не ко всему рыболовству, а лишь къ тому, которое связано съ посоломъ рыбы, и при томъ бо̀льшая часть его падаетъ на дешевый сортъ рыбы, сельдь, тарань и т. п. Указывать при оцѣнкѣ значенія налога для рыбнаго промысла на то, что въ цѣнѣ рыбнаго товара имѣетъ главное значеніе стоимость фрахта и т. п., а не соли, не совсѣмъ идетъ къ дѣлу. Это имѣетъ главное значеніе для потребителя, а не для первоначальнаго рыбопромышленника, для котораго при посолкѣ дешевыхъ сортовъ рыбы акцизъ увеличилъ бы потребность въ оборотномъ капиталѣ, конечно, не въ размѣрѣ 7%. И если для торговца гастрономическими товарами въ милютиныхъ лавкахъ стоимость соли не играетъ никакой почти роли въ его коммерческихъ соображеніяхъ, то совсѣмъ не то при солкѣ дешевой рыбы. Если безъ налога рыбопромышленнику нужно купить соли, скажемъ, на 200 рублей, а при налогѣ—на 600, то это обстоятельство не можетъ не отражаться на дѣлѣ; оно навѣрное заставитъ многихъ экономить на соли, въ ущербъ качеству и здоровью потребителя дешевой рыбы [1]). При оцѣнкѣ значенія налога на соль для рыбнаго промысла это имѣетъ большое значеніе. Что налогъ на соль не безразличенъ для рыболовства, свидѣтельствуютъ ходатайства, которыя неоднократно поступали въ министерство финансовъ о пониженіи существовавшаго налога на 50% или полномъ сложеніи его съ соли, шедшей на посолъ рыбы (стр. 4). Вѣдь ходатайства шли навѣрное не отъ представителей торговли гастрономическими товарами, а отъ рыбопромышленниковъ. Но и помимо этого косвеннаго свидѣтельства о серьезномъ значеніи соляного налога для рыболовства, въ статьяхъ журнала мы находимъ прямое засвидѣтельствованіе того, что существованіе налога на соль вредно отражается на рыбномъ промыслѣ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда соль, идущая на посолъ рыбы, освобождается отъ акциза. Въ отвѣтъ на утвержденіе въ № 1 „Вѣстн. Фин.", что соляной налогъ не можетъ имѣть серьезнаго значенія для рыболовства, мы приведемъ слѣдующія краснорѣчивыя строки изъ статьи въ № 2 того же „Вѣстника Финансовъ".

„Такъ какъ рыболовство въ Англіи и до отмѣны налога полу-

[1]) По свидѣтельству знатока нашего рыболовства О. А. Гримма, акцизъ въ 30 к. на пудъ соли, не считая накладныхъ расходовъ, составилъ бы въ цѣнѣ дешевыхъ сортовъ рыбы не 7%, а отъ 40 до 60%. А въ какой степени это вредно отразилось бы на рыболовствѣ и здоровьѣ потребителей рыбы можно судить по тому, что въ акцизный періодъ рыбопромышленники по нѣскольку лѣтъ солили рыбу въ старыхъ, протухлыхъ тузлукахъ. При дешевой соли это сдѣлалось для нихъ невыгоднымъ, а съ вздорожаніемъ соли они опять обратятся къ этой практикѣ, крайне вредной для потребителей дешевой рыбы.

чало соль свободную отъ акциза, то, конечно, нельзя было ждать большого вліянія этой отмѣны на увеличеніе ловли и заготовки рыбы въ прокъ. Тѣмъ не менѣе даже противникъ отмѣны соляного налога, Макъ-Куллохъ, считаетъ, что уничтоженіе соляныхъ законовъ и налога на соль оказало значительную услугу рыболовству и наиболѣе именно отразилось на ловлѣ сельдей" (№ 2, стр. 106). О вредномъ вліяніи на рыболовство соляного налога также при освобожденіи отъ налога соли, идущей для этой цѣли, свидѣтельствуетъ и современная практика во Франціи.

О содовомъ и вообще химическомъ производствѣ, которое у насъ только начинается, нечего и говорить. Обложить соль, идущую на это производство, было бы равнозначительно запретительной мѣрѣ.

Перейдемъ теперь къ сельскому хозяйству. „Вѣстникъ Финансовъ" прежде всего подробно останавливается на доказательствѣ того, что соляной налогъ не можетъ имѣть значенія, въ особенности для потребленія соли, какъ удобрительнаго вещества въ земледѣліи. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться: мы и безъ того знаемъ, что даже въ Германіи изъ 28 мил. пудовъ безакцизной соли на удобреніе идетъ какихъ-нибудь 190 тыс. пудовъ. Само собою разумѣется, что этотъ фактъ объясняется всякаго рода агрономическими и другими соображеніями. Значитъ, будетъ или нѣтъ налогъ на соль въ Россіи, наши сельскіе хозяева не могутъ и не станутъ употреблять соль на удобреніе, за исключеніемъ какихъ-нибудь особенныхъ опытовъ.

Но въ соображеніяхъ журнала столько же мѣста, какъ удобренію, отведено соображеніямъ о безвредности соляного налога для скотоводства. И здѣсь мы опять острѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ поспѣшныхъ и неосновательныхъ заключеній. Цифры, на которыхъ основываются соображенія журнала, принимаются безо всякой критики, комбинаціи дѣлаются изъ нихъ довольно произвольныя. Не располагая статистическими данными для статистическаго положительнаго рѣшенія вопроса о вліяніи отмѣны соляного налога на наше скотоводство, мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ заключеніе и постараемся показать его логическую несообразность. Вотъ что̀ мы читаемъ въ „Вѣстн. Финансовъ" (№ 1, стр. 43):

„Если предположить, что прежняя цѣна соли вредно отозвалась на скотоводствѣ, то нынѣ должно было бы замѣчаться усиленное потребленіе соли въ этой отрасли хозяйства, слѣдовательно и общее значительное увеличеніе подушнаго потребленія ея въ государствѣ. Данныя соляной статистики этого, однако, не подтверждаютъ (??). Потребленіе соли во второй половинѣ 70-хъ годовъ исчисляется 48 мил. пудовъ внутренняго производства и 10 мил. пудовъ при-

возной иностранной соли), всего 58 мил. пуд., что при численности 85 — 87 мил. составитъ до 26 съ половиной ф. на душу. Въ концѣ 80-хъ годовъ, при общемъ потребленіи соли внутренняго производства 74 мил. и иностранной 1 мил., а всего 75 мил. п., и населеніи 112 мил. душъ, среднее душевое потребленіе почти то же самое (около 26,7 фун.). Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи нисколько не оправдались ожиданія, возлагавшіяся на отмѣну соляного налога, несмотря на повсемѣстное значительное пониженіе цѣны соли, въ два и болѣе раза превышающее прежній размѣръ акциза. Здѣсь необходимо замѣтить, что въ Германіи общій расходъ соли для скотоводства составляетъ съ небольшимъ лишь 6 мил. пуд.; у насъ же онъ, повидимому, нѣсколько значительнѣе (??)—по слѣдующему соображенію. Душевое потребленіе въ Россіи—26,5 фун., какъ до, такъ и послѣ отмѣны соляного налога, превышаетъ потребленіе собственно пищевое въ Германіи (18,8); эти лишніе 8 фунтовъ соотвѣтствуютъ, „примѣрно, 22 мил. пуд. соли, каковые, при маломъ развитіи у насъ химической промышленности (содоваго производства), и должны быть отнесены главнѣйше на рыбосоленіе (около 10 — 11 мил. пудовъ) и столько же на скотоводство. Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, насколько мало основательны были сѣтованія на существовавшій у насъ соляной налогъ, съ которымъ связывали наше неустройство сельской промышленности“ (ст. 1-я, стр. 43).

Сдѣланная нами выдержка изъ статьи „Вѣстника Финансовъ“ можетъ служить образчикомъ того, какъ можно иногда пользоваться формою статистическаго метода доказательства, игнорируя основныя требованія теоріи статистическаго метода. Спрашивается: какимъ образомъ можно сравнивать среднее душевое потребленіе соли въ Германіи и Россіи, когда цифра для Германіи основывается на данныхъ о населеніи, полученныхъ путемъ фактической переписи, настолько совершенной, насколько допускаетъ это высоковыработанная техника переписей въ западной Европѣ, а цифра населенія для Россіи есть результатъ вычисленій, дѣлаемыхъ въ Петербургѣ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, не столь богатомъ и личнымъ составомъ, и средствами [1]). Высчитываніе по

[1]) Мы вовсе не хотимъ этимъ сдѣлать какой-либо упрекъ комитету, который по тѣмъ средствамъ, какими располагаетъ, дѣлаетъ достаточно. Наше замѣчаніе имѣетъ въ виду лишь недостаточное вниманіе вообще къ организаціи статистики въ Россіи. Не можемъ удержаться, чтобы не замѣтить здѣсь, что тотъ фактъ, что съ 1837—38 г. Россія довольствуется вычисленною цифрою населенія — это довольно печальный фактъ для нашего самопознанія. Возможно-точное знаніе цифры населенія и его распредѣленія по странѣ въ связи съ другими экономическими факторами, получаемое въ результатѣ правильныхъ періодическихъ переписей населенія, — должно лежать въ основѣ

нашимъ свѣденіямъ душевого потребленія соли и т. п. съ цѣлью какихъ-либо практическихъ или научныхъ выводовъ—имѣетъ крайне ничтожное значеніе, а „Вѣстникъ Финансовъ“ строитъ на этомъ соображенія о безвредности соляного налога въ народномъ хозяйствѣ и потребленіи. Но этого мало. Дѣлая свои выводы средняго душевого потребленія соли безъ оговорки о крайней сомнительности нашихъ оффиціальныхъ данныхъ о населеніи, журналъ и ими пользуется не совсѣмъ правильно. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что цифры населенія для конца 70-хъ и конца 80-хъ годовъ вѣрны — т.-е., 85—87 мил. душъ и 112 мил. душъ. Въ статьѣ для сравненія взята для конца 70-хъ годовъ средняя за три года — 1878, 1879 и 1880 года и выведено среднее душевое потребленіе 26,5 фунтовъ. Возьмемъ для конца 80-хъ годовъ тоже соотвѣтственные годы: 1888, 1889 и 1890 года. Среднее потребленіе будетъ не 75 мил. пудовъ, а 79,9 мил. пудовъ, что̀, по раздѣленіи на 112 мил. душъ, даетъ среднюю 28,5 фунтовъ; иначе говоря, сравненіе средняго душевого потребленія въ послѣдніе три года 70-хъ годовъ, т.-е. передъ отмѣною налога съ тремя послѣдними годами 80-хъ годовъ, показываетъ, что это потребленіе вовсе не „почти то же самое (около 26,7)“, а на 2 фунта болѣе, и если считать, какъ дѣлаетъ „Вѣстникъ Финансовъ“, что пищевое потребленіе соли и до, и послѣ отмѣны налога было 18,8 фун. на душу (какъ теперь въ Германіи), то на потребленіе соли въ скотоводствѣ и проч. передъ отмѣною налога оставалось изъ общаго средняго душевого потребленія 7,7 фунта, а послѣ отмѣны—9,7 фунта. Мы, конечно, на основаніи сказаннаго выше о данныхъ населенія, не придаемъ значенія

финансоваго управленія. Общая перепись населенія въ Россіи давно уже составляетъ насущную потребность Россіи, и для финансоваго управленія, и для административнаго, и для научнаго познанія страны. Безъ этого всѣ, кому приходится дѣлать статистическія изслѣдованія, не могутъ не испытывать угнетеннаго состоянія духа, не имѣя подъ собой твердой точки опоры. Расходъ на общую перепись въ Россіи исчисляется въ 4—6 мил. руб. И передъ нимъ мы останавливаемся!.. Въ Россіи организація общей переписи—дѣло трудное и сразу не можетъ установиться достаточно хорошо. Въ виду этого, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, слѣдовало бы поставить этотъ вопросъ на первую очередь. Чтобы достигнуть желаемаго результата, намъ кажется, самое практическое рѣшеніе его было бы: теперь же заняться подготовительными работами для переписи, чтобы въ 1895 г. произвести ее повсемѣстно, но не задаваясь сразу задачею произвести ее въ такой полнотѣ, какъ это дѣлается въ иностранныхъ государствахъ. Затѣмъ, на основаніи пріобрѣтеннаго опыта и его указаній, въ 1900 году, т.-е. черезъ пять лѣтъ, повторить ее въ болѣе совершенномъ видѣ и установить потомъ 10-ти-лѣтніе періоды для будущихъ цензовъ. Мы начнемъ тогда, по крайней мѣрѣ, XX-е столѣтіе съ тѣмъ знаніемъ страны, какое считается необходимымъ во всемъ мірѣ. Это стоитъ тѣхъ 10—12 мил., въ которые обошлись бы двѣ переписи 1895 и 1900 года.

этимъ среднимъ,—мы только приводимъ ихъ, чтобы показать, что и они рѣшительно опровергаютъ утвержденіе журнала, будто потребленіе соли въ скотоводствѣ не увеличилось послѣ отмѣны налога.

IV.

Въ какой степени неосновательны всѣ выкладки „Вѣстника Финансовъ", основанныя на среднемъ душевомъ потребленіи соли въ Германіи и нашихъ данныхъ о населеніи и проч., бросается въ глаза уже по получаемому отсюда заключенію, будто и до, и послѣ отмѣны налога у насъ и на пищу людямъ, и на скотоводство (10—11 мил. пудовъ) приходится въ среднемъ столько же, какъ въ Германіи. Такъ, общій расходъ соли въ Германіи для скотоводства съ небольшимъ 6 мил., а у насъ, по опредѣленію „Вѣстника Финансовъ", 10—11 мил.; если же эти цифры отнести къ числу головъ скота, приводимымъ у Неймана-Спалларта для Германіи и Россіи, то получается одна и та же средняя.

И въ заключеніе подобныхъ выкладокъ „Вѣстникъ Финансовъ" говоритъ: „Уже одинъ этотъ фактъ (т.-е. что и до, и послѣ отмѣны налога на скотоводство, будто бы шло одинаковое количество соли) показываетъ, насколько мало основательны были сѣтованія на существовавшій у насъ соляной налогъ, съ которымъ связывали наше неустройство сельской промышленности, и которымъ въ отношеніи скотоводства объясняли часто бывавшія у насъ эпизоотіи". Считая важнымъ для большей выносливости и здоровья скота потребленіе имъ соли, ни одинъ сторонникъ этого положенія, конечно, не станетъ утверждать, что одна соль можетъ оградить скотоводство отъ частыхъ повальныхъ болѣзней, и настаивать на безвредности соляного налога для скотоводства ссылкою на непрекратившіяся эпизоотіи послѣ отмѣны налога (какъ сдѣлано въ „В. Фин.")—это все равно, что дѣлать аналогичныя сопоставленія для людей, ссылаясь на прошлогоднюю холеру. При существованіи акцизной системы у насъ вѣдь ни разу не было столь сильной холеры, ergo—отмѣна соляного налога не имѣла никакихъ благихъ послѣдствій для здоровья населенія.

„Выдвинутый германскими экономистами,—говорится въ статьѣ „Вѣстника Финансовъ" (№ 3, стр. 177),—вопросъ объ обременительности соляного налога для низшихъ классовъ народа имѣетъ ли реальное значеніе въ примѣненіи къ условіямъ нашего народнаго быта? Отвѣтомъ служитъ слѣдующее соображеніе. Максимумъ годового потребленія соли для взрослаго человѣка можно принять въ 20

фунтовъ. Если налогъ на соль будетъ составлять 30 коп. съ пуда, то въ годъ съ каждаго жителя будетъ взято налога 15 коп. Какъ ни ничтожна эта сумма сама по себѣ, но и она выплачивается мелкими долями, 52 платежами, если соль покупается еженедѣльно, 12 платежами, если помѣсячно. Каждый разъ при покупкѣ соли плательщикъ вноситъ такую ничтожную долю налога, что объ обременительности ея не можетъ быть рѣчи даже для нищаго. У насъ, въ противоположность западной Европѣ, нѣтъ хлѣбныхъ пошлинъ, нѣтъ обложенія мяса и муки; поэтому вопросъ объ обремененіи низшихъ классовъ народа солянымъ налогомъ всего менѣе можетъ имѣть серьезное значеніе для Россіи". Таково мнѣніе „Вѣстника Финансовъ".

Но ужъ если держаться на почвѣ мѣстнаго быта, то нигдѣ въ Европѣ эти дѣленія 15 коп. на 52 или на 12 долей не могутъ быть болѣе несообразны съ дѣйствительнымъ бытомъ, чѣмъ въ Россіи. Для Россіи вопросъ рѣшается не тѣмъ, что тяжело или легко мужику внести за одинъ разъ $^1/_{52}$ коп. налога [1]), а тѣмъ, можетъ ли быть для него чувствительна разница въ цѣнѣ при тѣхъ условіяхъ, какъ онъ въ дѣйствительности покупаетъ соль. Крестьяне не покупаютъ соль по фунтамъ, какъ городскія кухарки. И какъ бы рѣдко мужику ни приходилось покупать соль, въ его глазахъ всегда будетъ очень чувствительна разница—заплатить ли за пудъ соли 30 коп. или 60 коп. Въ эту минуту онъ не будетъ разсуждать о томъ, что онъ платитъ въ день лишнихъ $^{30}/_{365}$ копѣйки. И кто знаетъ нашъ деревенскій бытъ и денежный бюджетъ русскаго мужика, тотъ согласится съ нами, что, несмотря на увеличеніе налогомъ ежедневнаго расхода на соль всего лишь $^{30}/_{365}$ копѣйки, очень многіе изъ крестьянъ, которые купили бы пудъ соли за 30 коп., не купятъ пуда за 60, а ограничутся половиной, стараясь растянуть эти полпуда соли если и не на тотъ же срокъ, въ какой выходилъ прежде пудъ, то во всякомъ случаѣ на бо́льшее время, чѣмъ прежніе полпуда, т.-е. сократятъ потребленіе соли въ ущербъ интересамъ народнаго здоровья. Въ этомъ заключается главная суть вопроса, а не въ томъ, что $^{30}/_{365}$, $^{30}/_{52}$ или даже $^{30}/_{12}$ копѣйки легко заплатить даже нищему. Всѣ эти налоговыя дроби—игра цифрами.

Вѣдь если стать только на почву ариѳметическихъ выкладокъ, то и вся сумма косвенныхъ налоговъ, составляющая по росписи на 1893 годъ 474 милл. рублей, обременяетъ населеніе всего лишь на $1^{15}/_{100}$

[1]) Кстати у насъ и монеты менѣе копѣйки нѣтъ въ употребленіи, и можно только пожалѣть, что при выработкѣ дѣйствующаго нынѣ монетнаго устава 1885 г., приравнявъ по пробѣ, вѣсу и цѣнности полуимперіалъ 20-франковику, мы не замѣнили нашъ рубль основною единицею, соотвѣтствующею франку.

коп. въ день. Казалось бы, что $1^{15}/_{100}$ копѣйки также не составитъ разсчета и въ бюджетѣ нищаго. А между тѣмъ въ дѣйствительности эти 474 мил.,—съ прибавленіемъ, вѣроятно, не меньшей суммы накладныхъ расходовъ населенія и убытковъ народнаго хозяйства отъ всякаго рода стѣснительныхъ мѣръ, связанныхъ съ взиманіемъ косвенныхъ налоговъ, при неудовлетворительной организаціи и несправедливости многихъ прямыхъ налоговъ и нашихъ такъ называемыхъ пошлинъ [1]), при неустройствѣ денежной системы и проч.,—могутъ разсматриваться какъ непосильная тягота для населенія.

V.

Разбирая значеніе соляного налога для соляного промысла, рыбнаго промысла, содоваго, для удобренія и скотоводства, въ статьяхъ журнала въ конечномъ результатѣ принимается какъ доказанная истина, что средній размѣръ потребленія соли въ пищу вездѣ и всегда, и до отмѣны, и послѣ отмѣны налога, одинъ и тотъ же (равенъ германскому потребленію въ 18,8 фунта на человѣка). А между тѣмъ это положеніе съ чисто физіологической точки зрѣнія ошибочно, такъ какъ при различіи пищи главной массы населенія въ разныхъ странахъ едва ли можетъ быть одинаковая потребность организма въ примѣси къ пищѣ соли въ натуральномъ видѣ. Это

[1]) Нашъ паспортный сборъ и значительная часть гербовыхъ пошлинъ въ особенности бросаются въ глаза своею несообразностью и тяжело отражаются на населеніи. Для подтвержденія я приведу поразительныя цифры изъ отчета государственнаго контроля. Можно было бы держать какое угодно пари, что изъ 100 человѣкъ ни одинъ, думая логически, не отвѣтилъ бы вѣрно на слѣдующій вопросъ. Извѣстно, что за нарушеніе правилъ о питейномъ сборѣ, о таможенномъ, табачномъ нефтяномъ, гербовомъ и т. п., устанавливаются разныя взысканія и штрафы. По одному изъ этихъ сборовъ штрафы превышаютъ сумму штрафовъ по всѣмъ остальнымъ. Спрашивается: по какому?.. По гербовому. А именно:

Въ 1891 г. поступило дохода:		Штраф. за наруш. уст. и конфискаціи.
Питейнаго	247 мил. руб.	475 тыс. руб.
Табачнаго	28 „ „	49 „ „
Сахарнаго	21 „ „	55 „ „
Нефтяного	10 „ „	1,1 „ „
Спичечнаго	4,7 „ „	1,8 „ „
Итого .	310,7 мил. руб.	582,4 тыс. руб.
Гербовый сборъ .	21,6 „ „	858,8 „ „

Едва ли можно найти болѣе убійственное свидѣтельство невниманія финансоваго законодательства къ интересамъ плательщиковъ, чѣмъ это сравненіе штрафныхъ суммъ. А нашъ гербовый сборъ въ значительной суммѣ также въ сущности является характеромъ косвенныхъ налоговъ, которые такъ хвалитъ „Вѣстникъ Финансовъ“.

справедливо и относительно людей, и относительно домашнихъ животныхъ. Признавая экономію на соль, въ виду важности ея для организма человѣка, одной изъ самыхъ нераціональныхъ, нельзя не относиться отрицательно ко всему, что̀ можетъ вызвать эту экономію, а она неизбѣжна, при вздорожаніи соли, вслѣдствіе введенія налога. Намъ говорятъ, что расходъ на соль, обложенную налогомъ, ничтоженъ даже для бюджета нищаго, и изъ-за этого онъ не сократитъ ея потребленія. Но всякій, кто стоялъ близко къ нашему крестьянскому населенію въ эпоху отмѣны соляного налога, могъ по личному наблюденію убѣдиться, что крестьянинъ сразу сталъ покупать дешевой соли больше, чѣмъ онъ покупалъ прежде дорогой. Для подтвержденія значенія цѣны соли и качества питанія населенія, какъ и домашнихъ животныхъ, при покупкѣ ея нашими крестьянами, мы приведемъ маленькую иллюстрацію изъ исторіи прошлогодняго голода.

Это лѣто намъ пришлось близко наблюдать условія продовольствія въ районѣ дѣйствія одного изъ попечительствъ воронежской губерніи, воронежскаго уѣзда. Попечительство, о которомъ мы говоримъ, обнимало приходъ въ орловской волости въ 387 дворовъ, въ количествѣ 2.500 наличныхъ душъ (по спискамъ, провѣреннымъ попечительствомъ).

Въ кругъ дѣятельности попечительства о пострадавшихъ отъ неурожая вошла между прочимъ операція по продажѣ соли по дешевой цѣнѣ. И вотъ о цифрахъ этой продажи мы и хотимъ сказать. Соль продавалась въ ограниченныхъ количествахъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы ее могли покупать лишь для собственныхъ нуждъ, а не для перепродажи. Населеніе было крайне стѣснено въ денежныхъ средствахъ, нуждалось въ нихъ не только для покупки соли, но и хлѣба. Слѣдовательно, при этихъ условіяхъ, еслибы соли всегда нужно было населенію одинаковое количество, нельзя было никоимъ образомъ ожидать, чтобы крестьяне купили соли болѣе, чѣмъ они покупаютъ въ обыкновенные, не-голодные годы. А что̀ же мы видимъ? Попечительство въ теченіе менѣе 5 мѣсяцевъ продало соли 1.472 п., т.-е. почти по 24 фунта въ среднемъ на душу въ 5 мѣсяцевъ, а если это привести къ году, то мы получимъ среднюю душевую потребность соли въ голодное время, не считая того, что̀ было роздано попечительствомъ даромъ или пошло на столовыя, болѣе 57 фунтовъ, вмѣсто 26,5 фун., которые опредѣляются „Вѣстн. Фин.“, какъ средняя для всей Россіи. Такимъ образомъ, при болѣе дешевой цѣнѣ на соль населеніе, въ данномъ случаѣ, въ несчастный годъ полнаго неурожая покупало больше соли, чѣмъ покупалось раньше при обыкновенныхъ цѣнахъ. И намъ думается, въ матеріалахъ попечительствъ, которыя занимались продажею соли по удешевленной цѣнѣ, найдется не

мало подобныхъ же фактовъ. Мы не позволимъ себѣ обобщать приведенный фактъ въ безусловно общее положеніе, но онъ очень краснорѣчивъ, а за достовѣрность его мы ручаемся. Его подтверждаютъ и слѣдующія данныя, которыя заслуживаютъ большого вниманія. Желая рельефнѣе представить себѣ, во что обращаются въ дѣйствительности тѣ мелкія дроби, на которыя опирается „Вѣстникъ Финансовъ" въ своихъ соображеніяхъ, мы между прочимъ написали бывшей предсѣдательницѣ названнаго попечительства, которая круглый годъ живетъ въ деревнѣ и знаетъ хорошо каждый дворъ въ ней, и просили узнать на основаніи личныхъ разспросовъ крестьянъ, сколько потребляется соли въ крестьянской семьѣ, и сообщить намъ тѣ отвѣты, которые заслуживаютъ довѣрія. Вопросъ былъ предложенъ нами въ самой общей формѣ, и тѣмъ болѣе внушаетъ довѣріе конкретная точность полученнаго отвѣта. Вотъ онъ буквально:

„Семья Никифора Д.: 17 человѣкъ (5 большихъ и 12 мальчиковъ), 3 коровы, 10 овецъ. Въ обыкновенные года выходило соли отъ 10 до 12 пуд.; въ 1892 г.—18 пудовъ.

„Семья Семена Д.: 10 человѣкъ, 1 корова, 8 овецъ. Въ обыкновенные года выходило соли 6—7 пудовъ; въ 1892 г.—11 пудовъ.

„Семья Григорія К.: 7 человѣкъ, 1 корова. Выходило соли 5 пудовъ, а въ 1892 г.—7 пудовъ.

„Семья Сергѣя: 25 человѣкъ, 13 коровъ и овецъ. Въ обыкновенные года выходило соли—15 пудовъ; въ 1892 г.—20 пудовъ".

Замѣтьте, что въ отвѣтѣ указываютъ число членовъ семьи и число коровъ и овецъ. О лошадяхъ не упоминается потому, что въ той мѣстности соли лошадямъ не даютъ и говорятъ даже, что тамошнія лошади не ѣдятъ соли. Очевидно, на обращенные къ крестьянамъ вопросы о соли они въ одинъ голосъ отвѣчали, что соли выходитъ неровно по годамъ, и всѣ отмѣтили при этомъ, что въ 1892, голодномъ году, у нихъ соли вышло больше, чѣмъ обыкновенно. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ,—въ крестьянскомъ населеніи Россіи потребленіе соли значительно превышаетъ нормы, принимаемыя „Вѣстникомъ Финансовъ" за достовѣрныя. А въ 1892 году только въ одной изъ опрошенныхъ четырехъ семей, съ 25-душевымъ составомъ, соли вышло въ среднемъ 32 ф.; въ другихъ же, менѣе многочисленныхъ семьяхъ истратили по пуду и болѣе на пищевое и кормовое довольствіе. И вотъ это усиленное потребленіе дешевой соли въ плохіе года можетъ служить, какъ намъ кажется, самымъ вѣскимъ доводомъ противъ соляного налога, и въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Затѣмъ, потребленіе отдѣльными крестьянскими семьями по 5, 7, 10, 15 и даже 20 пудовъ соли свидѣтельствуетъ намъ, что 30—80-копѣечный соляной акцизъ

концентрировалъ бы въ рукахъ государства въ „громадную экономическую и культурную силу“ вовсе не такія ничтожныя платежныя единицы, которыя, по своей мелочности, въ рукахъ самого населенія вовсе не могутъ имѣть экономическаго значенія. Для нашихъ реальныхъ семей эти ничтожныя единицы были бы равносильны двумъ-тремъ овцамъ, коровѣ, а не то такъ и лошади. Прошлымъ лѣтомъ даже въ рабочую пору на сельскихъ ярмаркахъ воронежскаго уѣзда можно было купить за 12—15 рублей крестьянскую рабочую лошаденку.

Такимъ образомъ, разсмотрѣніе данныхъ, какія даетъ для Россіи опытъ отмѣны соляного налога убѣждаетъ насъ въ томъ, что отмѣна налога вполнѣ оправдала возлагавшіяся на эту мѣру надежды, а именно, повела къ увеличенію соляной промышленности, къ вытѣсненію иностранной соли, къ удешевленію соли, и сильно увеличила потребленіе ея, какъ въ пищу, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ другой стороны, все заставляетъ думать, что финансовые результаты налога, еслибы онъ опять былъ введенъ, были бы несоизмѣримы съ тѣми вредными послѣдствіями, какія пришлось бы терпѣть народному хозяйству и населенію. Введеніе вновь соляного налога неизбѣжно вызвало бы кризисъ соляной промышленности, убило бы болѣе мелкіе промыслы, сосредоточивъ ихъ въ рукахъ крупныхъ монополистовъ, и удорожило бы соль въ гораздо большей степени, чѣмъ окладъ налога. Дороговизна соли отразилась бы, въ ущербъ народному здоровью, на ухудшеніи питанія населенія, и сократила бы потребленіе (или что̀ то же—пріостановила бы его ростъ) соли, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности, даже въ томъ случаѣ, если соль, не идущая непосредственно въ пищу, была бы освобождена отъ налога.

Все сказанное о соляномъ налогѣ приводитъ къ тому общему выводу, что этотъ налогъ нельзя признать одной изъ наиболѣе *необременительныхъ* формъ обложенія, какъ то думаютъ въ настоящее время. Соляной налогъ, какъ былъ, такъ и остается, для Россіи одною изъ самыхъ тягостныхъ по своимъ послѣдствіямъ формъ обложенія, и возобновленіе его было бы весьма печальнымъ фактомъ въ исторіи нашего государственнаго хозяйства.

Л. Ходскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1893 г.

Сессія дворянскихъ собраній въ Новгородѣ и Петербургѣ.—Вопросъ о способахъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства.—Возраженія дворянскихъ собраній противъ проекта опекунскаго устава.—Заповѣдность дворянскихъ имѣній и воспитаніе дворянскихъ дѣтей.—Сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія.—Земства рязанское и костромское.

Когда, восемь лѣтъ тому назадъ, приближалась столѣтняя годовщина дворянской граматы, въ газетахъ и журналахъ, а отчасти и въ дворянскихъ собраніяхъ, высказанъ былъ цѣлый рядъ пожеланій, направленныхъ къ укрѣпленію и возвышенію дворянскаго сословія [1]). Многія изъ этихъ пожеланій уже осуществлены: дворянамъ предоставлено господствующее положеніе въ земскихъ собраніяхъ, исключительное право на занятіе важнѣйшихъ должностей по мѣстному управленію, исключительное пользованіе дешевымъ земельнымъ кредитомъ. Другія пожеланія, повидимому, близки къ осуществленію: таково, напримѣръ, дарованіе дворянству большей свободы въ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній. Программа, составленная въ 1885 г., исчерпана, однако, еще не вся—и неисполненные ея отдѣлы продолжають служить любимой темой „дворянскихъ мелодій". Сюда принадлежитъ, напримѣръ, вопросъ объ измѣненіи способовъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства. Въ самомъ началѣ сословнаго движенія онъ ставился такъ: необходимо отмѣнить порядокъ, въ силу котораго права дворянства пріобрѣтаются извѣстнымъ чиномъ или орденомъ, или, по меньшей мѣрѣ, пріурочить дворянство къ чинамъ и орденамъ высшимъ въ сравненіи съ тѣми, которые даютъ его въ настоящее время; необходимо, сверхъ того, разрѣшить дворянскимъ корпораціямъ ходатайствовать о пожалованіи дворянства „лучшимъ людямъ"

[1]) См. перечень нашихъ пожеланій во Внутр. Обозрѣніи, № 4 за 1885 г. и № 4 за 1892 г.

изъ другихъ сословій, или „лицамъ, оказавшимъ выдающіяся заслуги". Совершенно въ томъ же видѣ эта идея вновь выступила на сцену во время послѣдней сессіи дворянскихъ собраній, происходившей въ январѣ нынѣшняго года. На разсмотрѣніе с.-петербургскаго дворянскаго собранія поступилъ составленный предводителями и депутатами дворянства проектъ ходатайства: 1) объ отмѣнѣ существующаго нынѣ способа пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства, путемъ пожалованія чина или ордена, и 2) о предоставленіи дворянскимъ собраніямъ права просить о принятіи въ среду дворянства лицъ недворянскаго сословія, добросовѣстно, въ теченіе опредѣленнаго количества лѣтъ, владѣющихъ въ предѣлахъ губерніи крупнымъ земельнымъ цензомъ. Аналогичный проектъ внесенъ былъ въ новгородское дворянское собраніе губернскимъ предводителемъ дворянства, кн. Васильчиковымъ. Отъ петербургскаго онъ отличался только тѣмъ, что однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства предполагалось считать, по прежнему, полученіе ордена св. Георгія, и что условіемъ возведенія въ дворянство по просьбѣ дворянскаго собранія признавалось десятилѣтнее владѣніе цензомъ, дающимъ право непосредственнаго участія въ дворянскихъ выборахъ, если, притомъ, владѣлецъ „снискалъ себѣ всеобщее уваженіе своею дѣятельностью на пользу общественную". Мотивы обоихъ проектовъ также представляютъ много общаго. „Достиженіе чиновъ и орденовъ, — говорится въ докладѣ кн. Васильчикова,—часто является доказательствомъ лишь пребыванія на службѣ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Самый характеръ и родъ службы иногда вовсе не способствуетъ воспитанію тѣхъ взглядовъ, свойствъ и качествъ, *которые предъявляются къ дворянину,* и такимъ образомъ вновь поступающій въ сословіе является совершенно чуждымъ ему по своимъ взглядамъ и привычкамъ, и самая принадлежность его къ сословію исчерпывается формальностью приписки". „Дворянскія депутатскія собранія, — читаемъ мы въ петербургскомъ докладѣ,—часто вынуждены записывать въ свои родословныя книги лицъ, имѣющихъ съ дворянствомъ губерніи мало общихъ интересовъ, а присвоеніе чиновнику званія потомственнаго дворянина зависитъ отъ благорасположенія его начальства, *представленіемъ къ ордену*. Участіе въ дворянскомъ собраніи лицъ, которыя только въ силу полученнаго ордена принадлежатъ къ сословію и, слѣдовательно, имѣютъ съ нимъ исключительно лишь внѣшнюю формальную связь, безъ органическаго единенія—не можетъ принести пользы. Наоборотъ, послѣдствіемъ является безразличное и даже холодное отношеніе части собранія къ такимъ вопросамъ, которые, казалось бы, должны были встрѣтить единогласное сочувствіе дворянства, и, съ другой стороны, появленіе въ дворянскомъ собраніи такихъ предложеній,

значеніе и цѣль которыхъ коренятся въ чуждыхъ этому сословію началахъ и принципахъ" [1]). Въ обоихъ проектахъ предоставленіе дворянскимъ собраніямъ права ходатайствовать о сопричисленіи къ дворянству тѣхъ или другихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ является какъ бы коррективомъ отмѣны или ограниченія нынѣшнихъ способовъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства. Кн. Васильчиковъ находитъ необходимымъ, чтобы „дворянское сословіе, не обращаясь въ совершенно замкнутое, подвергалось отъ времени до времени нѣкоторому освѣженію, путемъ вступленія въ него такихъ силъ, которыя могутъ способствовать поддержанію его значенія на должной высотѣ. Силы эти, безспорно, проявляются на различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія и на всѣхъ ступеняхъ его".— „Хотя по волѣ нынѣ царствующаго Государя Императора,—говорятъ петербургскіе предводители и депутаты,—много уже сдѣлано для поддержанія дворянства и расшатанныхъ дворянскихъ хозяйствъ, все-же надо еще разъ привести на память фактъ постоянной убыли коренныхъ дворянскихъ недвижимостей въ губерніи и значительнаго уменьшенія числа дворянъ въ уѣздахъ. Ежели оставить вовсе дворянское сословіе безъ пополненія его новыми силами, то такая замкнутость можетъ, въ будущемъ, привести мѣстами къ совершенному вымиранію дворянства и къ инымъ послѣдствіямъ, далеко не желательнымъ ни для самого дворянства, ни для государства". Классъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ не-дворянъ, образовавшійся вслѣдствіе реформы 1861 г. и не пользующійся тѣми преимуществами, какія присвоены дворянамъ (напримѣръ, хотя бы по дешевому кредиту, предоставляемому дворянскимъ банкомъ), „по-неволѣ долженъ относиться къ дворянскому элементу въ уѣздѣ отчасти враждебно, что̀ далеко не желательно. Дворянство, очевидно, не должно имѣть враговъ въ средѣ поземельныхъ собственниковъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣдніе естественно связаны общими съ дворянствомъ, свойственными поземельнымъ собственникамъ, государственными интересами, зиждущимися на спокойныхъ и разумныхъ основаніяхъ. Для дворянства не только опасно возрожденіе (?) параллельнаго, такъ сказать, дворянству класса владѣльцевъ родовой крупной поземельной собственности, но еще и весьма желательно, для пользы дѣла, привлечь поименованныхъ собственниковъ въ среду дворянскаго сословія, дабы вся родовая крупная собственность была скрѣплена между собою тѣмъ единствомъ цѣлей и дѣйствій, которое настоятельно требуется и ихъ интересами, и благосостояніемъ всего государства".

---

[1]) Отъ докладовъ, представляемыхъ дворянскимъ собраніямъ, можно было бы ожидать болѣе литературнаго изложенія (см. въ особенности мѣста нами подчеркнутыя).

Петербургскимъ дворянскимъ собраніемъ проектъ предводителей и депутатовъ принятъ лишь въ одной его части: собраніе постановило ходатайствовать только о непріуроченіи дворянскихъ правъ къ полученію ордена (за исключеніемъ георгіевскаго). Вновь проектированный способъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства отвергнутъ собраніемъ всецѣло, несмотря на поправки, присоединявшія къ имущественному цензу, какъ условіе ходатайства, еще цензъ образовательный или служебный. Что касается до доклада кн. Васильчикова, то онъ новгородскимъ собраніемъ не обсуждался, а переданъ на предварительное разсмотрѣніе предводителей и депутатовъ. Вопросъ, такимъ образомъ, остается на очереди; ничто не мѣшаетъ ему возникнуть вновь, черезъ три года, и въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи. Интересно, поэтому, присмотрѣться къ нему поближе и взвѣсить доводы, которыми оправдывается его постановка. Отрицательная сторона этихъ доводовъ гораздо сильнѣе положительной; критика дѣйствующаго закона не вовсе лишена основаній — но совершенно несостоятельны попытки его исправить. Существующіе способы пріобрѣтенія дворянства, безспорно, отзываются анахронизмомъ. Было время, когда они соотвѣтствовали требованіямъ жизни. Не только въ моментъ изданія дворянской грамоты, но и гораздо позже, въ началѣ второй четверти нашего вѣка, государственная служба привлекала къ себѣ всѣхъ или почти всѣхъ людей, сколько-нибудь образованныхъ и способныхъ къ общественной дѣятельности. Истинныхъ *заслугъ* въ этой сферѣ и тогда было очень и очень мало — но только она одна оказывала государству *видимыя услуги*. Болѣе или менѣе продолжительная служба, въ должностяхъ болѣе или менѣе важныхъ (въ тѣ времена чины были тѣсно связаны съ должностями и составляли довольно вѣрный ихъ показатель), давала поводъ предполагать въ служащемъ нѣкоторую степень развитія, а также желаніе и возможность передать это развитіе, путемъ воспитанія, своимъ дѣтямъ. Послѣднее предположеніе было тѣмъ ближе къ истинѣ, что высшія и среднія учебныя заведенія наполнялись—сначала почти исключительно, потомъ преимущественно—дѣтьми чиновниковъ и офицеровъ. Шансы принятія дѣтей въ учебное заведеніе увеличивались, притомъ, прямо пропорціонально служебному повышенію отцовъ. Теперь все это до неузнаваемости измѣнилось. На одинъ уровень съ государственной службой давно уже стали многія другія профессіи, не ведущія ни къ чинамъ, ни къ орденамъ. Образованіе не составляетъ болѣе ни монополіи, ни привилегіи одного общественнаго класса. Къ служебнымъ отличіямъ (за исключеніемъ развѣ самыхъ высокихъ) примѣнимо, въ наше время, сказанное когда-то объ одномъ изъ министровъ Наполеона III-го: ils n'ont pas de prestige. И прежде, конечно, до-

стиженіе чиновъ и орденовъ часто являлось „доказательствомъ лишь пребыванія на службѣ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ"; и прежде, еще въ большей степени чѣмъ теперь, „характеръ и родъ службы иногда вовсе не способствовалъ воспитанію свойствъ и качествъ", предполагаемыхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, въ дворянинѣ; но это не чувствовалось, не сознавалось, или сознавалось лишь весьма слабо и весьма немногими—а теперь это открыто высказывается даже въ дворянскихъ проектахъ.

Въ одномъ преимуществѣ, однако, нынѣшнимъ способамъ пріобрѣтенія дворянства отказать нельзя: они пріурочены къ условіямъ, легко и безошибочно поддающимся опредѣленію и сравнительно мало зависящимъ отъ произвола. Чины и ордена получаются, вообще говоря, на основаніи твердо установленнаго порядка, одинаковаго если не для всѣхъ, то для большинства. Они даются не ad hoc, т.-е. не съ цѣлью возведенія въ дворянство, и вмѣстѣ съ тѣмъ—не propter hoc, т.-е. не вслѣдствіе исполненія какихъ-то особыхъ, специфически дворянскихъ требованій. Производство въ чинъ или пожалованіе орденомъ—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію и спору: сословнымъ учрежденіямъ остается только принять его къ свѣдѣнію и сдѣлать изъ него выводъ, прямо предусмотрѣнный закономъ. Другое дѣло—тѣ признаки „способностей къ дворянскому достоинству", которые выступаютъ на сцену въ разбираемыхъ нами проектахъ: они всѣ до крайности неопредѣленны. Что такое, напримѣръ, „добросовѣстность" или „добропорядочность" владѣнія, о которой идетъ рѣчь въ петербургскомъ проектѣ? Недобропорядочными владѣльцами признаются здѣсь тѣ, которые „пріобрѣтаютъ землю съ точки зрѣнія разорительной ея эксплуатаціи и ведутъ нераціональное хозяйство, заботясь исключительно о наживѣ". О „разорительной эксплуатаціи", въ данномъ случаѣ, не можетъ быть рѣчи уже потому, что владѣніе, открывающее доступъ къ дворянству, должно, по мысли составителей проекта, продолжаться не менѣе *двадцати пяти лѣтъ*. Кто удерживаетъ за собою имѣніе въ теченіе цѣлой четверти вѣка, тотъ, очевидно, его не разоряетъ. „Нераціональное хозяйство", „забота о наживѣ"—понятія въ высшей степени эластичныя; ни для того, ни для другого нельзя пріискать никакого точнаго критерія или мѣрила. Хозяйство, раціональное въ глазахъ самого хозяина, можетъ быть нераціональнымъ въ глазахъ его сосѣдей. Успѣшнымъ, вслѣдствіе совокупности благопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ быть и мало обдуманный способъ веденія хозяйства—и наоборотъ. Забота о наживѣ не отдѣляется рѣзкой демаркаціонной чертой отъ заботы объ обогащеніи, противъ которой составители петербургскаго проекта ничего, повидимому, не имѣютъ. Столь же неуловимымъ представляется и признакъ „всеобщаго уваженія", вы-

ставляемый кн. Васильчиковымъ. Въ сущности оба проекта открываютъ полнѣйшій просторъ *усмотрѣнію* дворянскихъ собраній. Провозглашая владѣніе „добросовѣстнымъ" или „добропорядочнымъ", а владѣльца —„заслужившимъ всеобщее уваженіе", дворянскія собранія произносили бы, собственно говоря, только одно слово: placet, выражали бы только свое субъективное расположеніе къ данному лицу. Наоборотъ, отрицательное разрѣшеніе вопроса означало бы только non placet: такой-то намъ неугоденъ, намъ „не ко двору". Между буквою приговора и его настоящимъ смысломъ оказывалась бы, такимъ образомъ, существенная разница, весьма неудобная для отдѣльныхъ лицъ и едва ли благопріятная для самого дворянства. Рѣшеніе, на самомъ дѣлѣ вызванное просто сословной антипатіей или различіемъ во взглядахъ, было бы мотивировано „недобропорядочностью" владѣнія, отсутствіемъ у владѣльца правъ на „всеобщее уваженіе"— и являлось бы чѣмъ-то въ родѣ диффамаціи, легальной и безапелляціонной. Незавидно было бы положеніе диффамированнаго, лишеннаго возможности защищаться—но весьма скоро сдѣлалось бы незавиднымъ и положеніе диффаматора malgré lui, диффаматора по-неволѣ... Право, которымъ черезъ-чуръ усердные ревнители дворянскихъ привилегій хотѣли бы надѣлить дворянскія собранія, было бы опасно даже въ рукахъ самаго безпристрастнаго, самаго справедливаго суда – а къ судебной роли, къ судебнымъ функціямъ сословно-корпоративное собраніе, въ родѣ дворянскаго, менѣе всего способно [1]). Оно для этого слишкомъ многочисленно, слишкомъ случайно по своему составу, слишкомъ безотвѣтственно, слишкомъ склонно руководиться такъ называемыми практическими соображеніями и жертвовать *правами лица* изъ-за дѣйствительныхъ или кажущихся *интересовъ сословія*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вникнуть повнимательнѣе въ аргументацію петербургскаго проекта. Замкнутость дворянства отвергается здѣсь не потому, что она *несправедлива* по отношенію къ другимъ сословіямъ, а потому, что она *невыгодна* для самихъ дворянъ. Крупнымъ земельнымъ собственникамъ-недворянамъ предполагается открыть доступъ въ среду дворянъ не потому, что между тѣми и другими нѣтъ, большею частью, никакого существеннаго различія, а потому, что *внѣ* сословія крупные собственники для него болѣе *опасны*, чѣмъ *внутри*. Естественнымъ результатомъ такихъ взглядовъ явилось бы, въ случаѣ ихъ торжества, полнѣйшее разноличіе или даже противорѣчіе въ образѣ дѣйствій различныхъ дво-

[1]) Уѣздное дворянское собраніе стоитъ, вдобавокъ, слишкомъ близко къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, губернское—слишкомъ отъ нихъ далеко. Центръ тяжести будетъ лежать, большею частью, въ рѣшеніи уѣзднаго собранія—а оно будетъ обусловливаться, сплошь и рядомъ, личными счетами.

рянскихъ собраній. Тамъ, гдѣ дворянство находится въ „умаленіи", передъ крупными землевладѣльцами широко открылись бы всѣ двери и даже всѣ ворота; требованія „добропорядочности" или „уваженія" были бы низведены до минимума, все было бы направлено къ тому, чтобы возвратить дворянству бывшія дворянскія земли, съ придаткомъ не-дворянскихъ капиталовъ, и этимъ путемъ возстановить упавшее значеніе дворянства. Гдѣ дворянство многочисленно и сильно, тамъ, наоборотъ, принятіе новыхъ дворянъ угрожало бы вліянію прежнихъ; подъемный мостъ опускался бы, поэтому, только для немногихъ избранныхъ, и въ толкованіи понятій о „добропорядочности" и „уваженіи" господствовала бы строгость, очень похожая на придирчивость. Помимо числа дворянъ и размѣровъ дворянскаго землевладѣнія, на рѣшенія дворянскихъ собраній—судя по взглядамъ, выраженнымъ въ докладѣ петербургскихъ предводителей и депутатовъ, —неизбѣжно дѣйствовало бы имущественное и общественное положеніе кандидатовъ въ потомственные дворяне. Чѣмъ они богаче и сильнѣе, тѣмъ менѣе желательны они были бы для дворянства, какъ враги, тѣмъ болѣе желательны, какъ друзья—а дружба или вражда зависитъ, по мысли петербургскаго доклада, отъ принадлежности или непринадлежности къ дворянству. Выводъ отсюда ясенъ; столь же ясно и то, что о справедливости рѣшенія, постановляемаго въ силу такихъ соображеній, не можетъ быть и рѣчи.

Чрезвычайно характеристичны, съ занимающей насъ точки зрѣнія, мотивы, которыми петербургскій докладъ объясняетъ предпочтеніе, оказываемое имъ *крупнымъ* землевладѣльцамъ. „Земельный цензъ,—читаемъ мы въ докладѣ,—долженъ быть достаточенъ, чтобы вполнѣ обезпечивать человѣка и его семью. Это условіе гарантировало бы дворянскія общества отъ поползновеній лицъ, стремящихся попасть въ дворянское сословіе съ цѣлью воспользоваться имуществами, капиталами, благотворительными стипендіями сословія" и т. п. Сословно-эгоистическій взглядъ является здѣсь ничѣмъ неприкрытымъ, бросая отраженный свѣтъ и на все остальное. Степень „добропорядочности" владѣнія зависитъ, очевидно, не отъ его размѣровъ; вполнѣ „добропорядочными" могутъ быть и средніе, и мелкіе владѣльцы—но петербургскій проектъ не хочетъ о нихъ и слышать, потому что силу и богатство дворянства они не увеличатъ, а на пользованіе его средствами будутъ имѣть право, уменьшая, этимъ самымъ, долю участія коренныхъ дворянъ! Болѣе „прозаическое" отношеніе къ вопросу трудно себѣ и представить. Можно ли, затѣмъ, признавать какое-либо серьезное значеніе за фразами о „государственныхъ интересахъ", свойственныхъ крупнымъ поземельнымъ собственникамъ, о „скрѣпленіи крупной родовой собственности единствомъ цѣлей и дѣйствій,

необходимымъ для благосостоянія всего государства"? Да и что это за *государственные* интересы, „свойственные" *одной* небольшой части населенія? Настоящіе интересы государства совпадаютъ съ интересами всего народа и только въ немъ одномъ могутъ найти опору и охрану. Чѣмъ больше тотъ или другой общественный классъ стремится къ обособленію отъ остальныхъ, съ привлеченіемъ, изъ ихъ среды, только *выгодныхъ* для него элементовъ, тѣмъ меньше онъ въ правѣ говорить о солидарности своей съ государствомъ. На почвѣ сословной „единство цѣлей и дѣйствій" можетъ быть достигнуто только въ интересахъ сословныхъ. Съ „благосостояніемъ государства" такое единство не имѣетъ ничего общаго.

„Чѣмъ шире права и преимущества дворянства, — говорили мы еще въ 1885 г., — чѣмъ больше вліяніе и власть, предоставляемыя ему по отношенію къ другимъ сословіямъ, тѣмъ опаснѣе замкнутость его, тѣмъ необходимѣе приливъ къ нему новыхъ силъ, не отъ него зависящій, не имъ регулируемый. Вредъ, приносимый привилегіей, ростетъ обратно пропорціонально числу лицъ, ею обладающихъ. Дворянство, въ среду котораго постоянно и въ большомъ числѣ проникаютъ новые элементы, все же не такъ расположено къ односторонней, эгоистической заботливости о своихъ сословныхъ интересахъ, какъ дворянство замкнутое, почти вовсе не измѣняющееся въ своемъ составѣ". Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти слова, права и власть дворянства значительно возросли; теперь, слѣдовательно, еще меньше чѣмъ прежде законны стремленія къ ограниченію способовъ пріобрѣтенія дворянства. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что проектъ петербургскихъ предводителей и депутатовъ отклоненъ петербургскимъ дворянскимъ собраніемъ не вполнѣ. До сихъ поръ потомственное дворянство пріобрѣталось, между прочимъ, пожалованіемъ русскими орденами первыхъ степеней, а также орденами св. Владиміра и св. Георгія всѣхъ степеней. Ордена первыхъ степеней, а также орденъ св. Владиміра 2-й степени, получаются, de facto, только лицами, состоящими въ генеральскихъ чинахъ, т.-е. безъ того уже имѣющими права дворянства. Постановленіе петербургскаго дворянскаго собранія направлено, такимъ образомъ, спеціально противъ кавалеровъ ордена св. Владиміра 4-й и 3-й степени. Между тѣмъ всѣ аргументы, которые можно привести противъ пріобрѣтенія дворянства орденомъ св. Владиміра, примѣнимы, въ равной мѣрѣ, и къ пріобрѣтенію дворянства генеральскимъ или полковничьимъ чиномъ. Чины, какъ и ордена, получаются въ извѣстномъ порядкѣ постепенности, часто въ силу одного только факта болѣе или менѣе долговременной службы. Если представленіе къ ордену, по выраженію петербургскаго доклада, зависитъ „отъ благорасположенія началь-

ства", то развѣ нельзя сказать того же самаго о представленіи къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника?.. Чтобы остаться послѣдовательнымъ, петербургское дворянское собраніе должно было, очевидно, либо вполнѣ принять, либо вполнѣ отвергнуть предложеніе своихъ предводителей и депутатовъ [1]). Избравъ нѣчто среднее, оно впало въ противорѣчіе съ самимъ собою — и вмѣстѣ съ тѣмъ вступило на путь весьма опасный, потому что высказалось, въ принципѣ, за необходимость затруднить доступъ въ дворянское сословіе. Какъ велико число лицъ, получающихъ дворянство благодаря владимірскому ордену —этого мы не знаемъ; но, вѣроятно, ихъ не очень мало, если признается нужнымъ закрыть имъ доступъ въ привилегированное сословіе. Осуществленіе этой мѣры было бы, слѣдовательно, первымъ шагомъ къ уменьшенію числа „новыхъ" дворянъ, за которымъ логически должны были бы послѣдовать другіе, болѣе рѣшительные... До какой степени нѣкоторыя дворянскія собранія расположены затруднять доступъ если не въ среду дворянства, то, по меньшей мѣрѣ, въ среду дворянскихъ собраній, объ этомъ можно судить, между прочимъ, и по тому, что новгородское дворянское собраніе высказалось за повышеніе платы, вносимой при запискѣ въ родословную книгу, съ шестидесяти до *пятисотъ* рублей.

Чтобы составить себѣ болѣе полное понятіе о теченіяхъ, существующихъ въ средѣ дворянскихъ корпорацій, необходимо коснуться еще нѣсколькихъ вопросовъ, возникавшихъ въ петербургскомъ и новгородскомъ дворянскихъ собраніяхъ. Оба собранія высказались весьма рѣшительно за сохраненіе сословнаго начала въ организаціи опекъ и противъ реформы, проектированной коммиссіею по составленію новаго гражданскаго уложенія. Къ существу вопроса, весьма интереснаго, мы возвратимся въ другой разъ; теперь для насъ достаточно привести нѣсколько характеристичныхъ цитатъ изъ докладовъ, представленныхъ петербургскому собранію—избранною имъ коммиссіею, новгородскому—губернскимъ предводителемъ дворянства. „Подраздѣленіе гражданъ на сословія,—говорится въ петербургскомъ докладѣ, —образовалось историческимъ путемъ и подтверждено законодательными актами, а потому, покуда сословія не противорѣчатъ государственному строю и не нарушаютъ высшаго государственнаго интереса, едва ли можно лишать ихъ правъ, дарованныхъ имъ Высочайшею волею, въ особенности тогда, когда ничто не указываетъ, чтобы дво-

---

[1]) Мы говоримъ теперь только о первой части этого предложенія, т.-е. объ ограниченіи способовъ пріобрѣтенія дворянства.

рянское сословіе утратило всякое значеніе, и чтобы время настолько измѣнило его бытъ, внутреннюю жизнь и традиціи, что поддерживать интересы сословія было бы безполезно и въ государственномъ смыслѣ вредно". Дополненіемъ къ этому многоэтажному періоду, въ которомъ тяжеловѣсность формы вполнѣ гармонируетъ съ архаичностью содержанія, могутъ служить слѣдующія слова доклада: „законодательство въ текущемъ царствованіи отказалось отъ мысли нивеллировать сословія и стремится дать дворянству, въ общемъ государственномъ строѣ, болѣе самостоятельное положеніе". Знаменателенъ здѣсь, прежде всего, упрекъ въ *нивеллировкѣ* сословій, совершенно неправильно обращаемый къ реформамъ предъидущаго царствованія. Дворянство, облеченное значительными служебными правами, сохранившее свой прежній корпоративный строй, поставленное, въ лицѣ своихъ предводителей, во главѣ важнѣйшихъ органовъ уѣзднаго управленія, не было *уравнено* съ другими сословіями; оно было лишь отчасти приближено къ нимъ — или, лучше сказать, они были приближены къ нему настолько, чтобы была возможна совмѣстная ихъ дѣятельность. Считать такое сближеніе нивеллировкой —значитъ претендовать не на передовую роль въ государственной жизни, а на возможно большее участіе въ ея отличіяхъ и выгодахъ. Только такимъ узкимъ взглядомъ на дѣло можно объяснить и жалобу на *лишеніе правъ*, поднимаемую по поводу проектируемаго переустройства опекунскихъ учрежденій. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить все свое вниманіе на *цѣлесообразности* этого переустройства, петербургскіе предводители и депутаты выдвигаютъ на первый планъ сословныя прерогативы и отвергаютъ, въ принципѣ, все сопряженное съ ихъ умаленіемъ. То же самое мы видимъ и въ докладѣ новгородскаго губернскаго предводителя дворянства. Коммиссія, по его мнѣнію, должна была принять за основаніе своего труда не что иное, какъ *сословность*, уже потому, что за этотъ принципъ единогласно высказались дворянскія собранія, возбудившія вопросъ о необходимости новаго опекунскаго устава. „Систематическое уничтоженіе дѣйствующихъ установленій, увлеченіе примѣрами иностранныхъ законодательствъ" —таковы обвиненія, взводимыя кн. Васильчиковымъ на коммиссію, составляющую гражданское уложеніе; его въ особенности возмущаютъ ссылки на калифорнійское законодательство (два восклицательные знака въ подлинникѣ)—ссылки нисколько не удивительныя для того, кому извѣстны хоть по наслышкѣ высокія достоинства калифорнійскаго кодекса... Хорошо, что составленіе новаго гражданскаго уложенія будетъ приведено къ концу еще нескоро: по оппозиціи, вызванной проектомъ опекунскаго устава, можно судить о препятствіяхъ,

съ которыми встрѣтилась бы, въ наше время, коренная реформа въ области русскаго гражданскаго права.

Новгородское дворянство одобрило составленный его предводителями и депутатами проектъ учрежденія дворянскихъ заповѣдныхъ имѣній. Любопытно сравнить этотъ проектъ съ предположеніями коммиссіи Н. С. Абазы, которыя были приведены нами въ одномъ изъ прошлогоднихъ „Внутреннихъ Обозрѣній" [1]). Минимальный размѣръ заповѣднаго имѣнія опредѣленъ коммиссіей въ триста десятинъ; новгородское дворянское собраніе опредѣляетъ его цѣнностью въ тридцать тысячъ и доходомъ въ тысячу пятьсотъ рублей, что̀, для большинства губерній, соотвѣтствуетъ пространству гораздо бо̀льшему, чѣмъ триста десятинъ. Коммиссія установляетъ обязательную заповѣдность только на одно поколѣніе, съ тѣмъ, чтобы сохраненіе ея зависѣло отъ усмотрѣнія владѣльца, унаслѣдовавшаго заповѣдное имѣніе Въ новгородскомъ проектѣ нѣтъ ничего подобнаго: заповѣдность, однажды установленная, не подлежитъ прекращенію. Въ предположеніяхъ коммиссіи заповѣдность является исключительно факультативною; ее можетъ создать *только* свободная воля собственника. Новгородскій проектъ допускаетъ обращеніе имѣнія въ заповѣдное *по закону* (при переходѣ его, по наслѣдству, въ боковую линію). Коммиссія вовсе, повидимому, не предполагаетъ облекать владѣльцевъ заповѣдныхъ имѣній какими-либо политическими привилегіями; новгородскій проектъ предоставляетъ имъ *два* голоса на дворянскихъ и земскихъ выборахъ, если они имѣютъ два заповѣдныхъ помѣстья или владѣютъ, помимо заповѣднаго, еще другимъ имѣніемъ, въ размѣрѣ земскаго ценза. Владѣльцу заповѣднаго имѣнія, въ десять разъ превышающаго земскій цензъ, предоставляется, сверхъ того, право быть гласнымъ, безъ избранія, въ томъ уѣздѣ, гдѣ у него усадьба. На всей линіи, такимъ образомъ, новгородскій проектъ, а вслѣдъ за нимъ и новгородское дворянское собраніе, идетъ гораздо дальше, чѣмъ коммиссія Н. С. Абазы.

Къ числу пожеланій, выражавшихся по случаю столѣтней годовщины дворянской грамоты, принадлежало, между прочимъ, устройство для дворянскихъ дѣтей особыхъ при гимназіяхъ пансіоновъ (конечно—на счетъ казны) и принятіе въ кадетскіе корпуса исключительно однихъ дворянскихъ дѣтей. Нѣчто въ этомъ родѣ предложено въ нынѣшнемъ году, въ новгородскомъ дворянскомъ собраніи, дворянствомъ устюженскаго уѣзда. У насъ нѣтъ подъ рукой самаго текста этого предложенія; смыслъ его, какъ намъ передавали, заключался въ томъ, чтобы попеченіе о воспитаніи дворянскихъ дѣтей

[1]) См. № 6 „В. Европы" за 1892 г.

было возложено на правительство, т. е. за каждымъ дворяниномъ признано право на матеріальное, въ этомъ отношеніи, содѣйствіе центральной власти. Понятно, что первымъ условіемъ столь широкаго содѣйствія, столь „огромной опеки“ было бы существенное ограниченіе правъ другихъ сословій. За воспитаніе дворянскихъ дѣтей всѣ не-дворяне стали бы платить гораздо больше, а пользоваться воспитательными учрежденіями — гораздо меньше. Стоимость содержанія кадетскихъ корпусовъ и гимназическихъ пансіоновъ увеличилась бы весьма значительно—а дѣти не-дворянскаго происхожденія вовсе туда бы не допускались. Къ счастію, самая громадность требованія дѣлаетъ его неисполнимымъ, и мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что оно не приведетъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Характеристичнымъ остается, во всякомъ случаѣ, самый фактъ его предъявленія, а также сочувственный пріемъ, встрѣченный имъ въ новгородскомъ дворянскомъ собраніи. Никто изъ присутствовавшихъ противъ него не возражалъ, а за него говорили многіе. Вопросъ переданъ, для разработки, въ собраніе предводителей и депутатовъ.

Интересно сопоставить всѣ только-что приведенные нами факты съ предложеніемъ одного изъ саратовскихъ дворянъ (П. А. Кривскаго), вызвавшимъ горячее сочувствіе въ саратовскомъ дворянствѣ и переданнымъ оттуда на обсужденіе другихъ дворянскихъ собраній. Г. Кривскій сосчиталъ, сколько дворянъ саратовской губерніи разорилось по собственной винѣ: оказалось, что ихъ не болѣе *десяти*. Разореніе всѣхъ остальныхъ объясняется тѣмъ, что изъ рабочей платы, выданной помѣщиками за послѣднія двадцать пять лѣтъ, половина (или даже больше) получена крестьянами даромъ, не за трудъ, а въ видѣ страховой преміи противъ „безнаказанной мести“ (!). Это могло случиться только потому, что дворянство недостаточно пользовалось своимъ правомъ обсуждать дворянскія нужды и ходатайствовать о ихъ удовлетвореніи. Чтобы положить конецъ такой аномаліи, г. Кривскій предлагаетъ: 1) установить съѣзды уѣздныхъ предводителей, не менѣе четырехъ въ году, для совмѣстнаго съ губернскимъ предводителемъ разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ, относящихся къ нуждамъ дворянства; 2) просить дворянъ, занимающихся этими вопросами, сообщать съѣзду свои записки и представлять ему словесныя заявленія; 3) выработанные такимъ образомъ проекты обсуждать на чрезвычайныхъ дворянскихъ собраніяхъ, созываемыхъ ежегодно. Къ чему привело бы осуществленіе мысли г. Кривскаго— объ этомъ можно судить по вопросамъ, занимавшимъ дворянскія собранія въ Новгородѣ и Петербургѣ. Потребностямъ сословія, какъ бы широко онѣ ни понимались, есть счетъ и мѣра; онѣ не могутъ

возникать непрерывно, въ особенности послѣ того какъ для сословія сдѣлано уже столь много. Быстро слѣдуя одни за другими, поощряя появленіе на свѣтъ всевозможныхъ дворянскихъ проектовъ или прожектовъ, дворянскіе съѣзды неминуемо сдѣлались бы разсадниками измышленій или безусловно неисполнимыхъ, или исполнимыхъ лишь съ явнымъ вредомъ для другихъ сословій. Въ жизни цѣлаго общественнаго класса безпрерывная и исключительная забота о самомъ себѣ приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ жизни частнаго лица: она выработываетъ черствость чувствъ, односторонность взглядовъ. Есть, конечно, случаи, въ которыхъ потребность сословія сливается съ потребностью массы; но ихъ сравнительно мало, и не на нихъ преимущественно останавливается мысль, привыкшая вращаться въ узкой, замкнутой сферѣ. На одно дворянское ходатайство, важное для всѣхъ сословій (какъ, напримѣръ, ходатайство объ отмѣнѣ налога на страхованіе, возбужденное, по земскому образцу, петербургскимъ дворянскимъ собраніемъ), сколько придется такихъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ нуждами большинства или, по меньшей мѣрѣ, не затрогиваютъ ихъ вовсе?.. Не говоримъ уже о ходатайствахъ, въ которыхъ противоположность интересовъ выступаетъ наружу совершенно ярко (напр. ходатайство объ [illegible]

[illegible]

дить о многихъ другихъ, также выступающихъ не подъ сословной этикеткой.

Окончившаяся недавно сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія—первая послѣ введенія въ дѣйствіе новаго земскаго положенія—ознаменована учрежденіемъ при губернской управѣ постояннаго статистико-экономическаго отдѣленія и губернскаго экономическаго совѣта. Нашимъ читателямъ извѣстна исторія этого вопроса, затянувшагося на цѣлыхъ три года [1]). Въ 1890 году избрана была коммиссія для обсужденія вопроса о способахъ улучшенія наиболѣе важныхъ отраслей народнаго хозяйства петербургской губерніи. Въ 1891 г. работы этой коммиссіи были приняты къ свѣденію и переданы въ управу, т.-е. положены подъ сукно. Въ 1892 г. коммиссія возродилась изъ пепла, и, что гораздо важнѣе, въ первый разъ была ассигнована небольшая сумма (2.000 рублей) для разработки экономическихъ вопросовъ. Значительною частью собранія этотъ шагъ былъ сдѣланъ, однако, весьма неохотно. Нерасположеніе ея ко всякой прочной организаціи экономическаго дѣла было такъ велико, что она соглашалась только на увеличеніе средствъ управы, но отнюдь не на постоянное увеличеніе ея *персонала*, и не хотѣла допустить даже наименованія коммиссіи экономическимъ совѣтомъ. Въ новомъ своемъ составѣ собраніе отнеслось къ давно назрѣвшей реформѣ гораздо благосклоннѣе. Правда, и на этотъ разъ не было недостатка въ возраженіяхъ, въ попыткахъ затормазить дѣло, отложить его на неопредѣленное время. Одинъ изъ гласныхъ предлагалъ подождать, пока выйдутъ въ свѣтъ послѣдніе два тома основного статистическаго описанія губерніи [2]); другой утверждалъ, что лучше открывать сельско-хозяйственныя школы, чѣмъ тратить деньги на опыты экономической политики; третій соглашался только на временную ассигновку, ничего не предрѣшающую въ будущемъ, т.-е. хотѣлъ оставить дѣло въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ оно находилось до сихъ поръ. Всѣ эти замѣчанія, однако, не подѣйствовали на собраніе, значительнымъ большинствомъ голосовъ одобрившее всѣ предположенія губернской управы и экономической коммиссіи. Постоянное статистико-экономическое отдѣленіе при губернской управѣ, учрежденное въ составѣ завѣдывающаго и

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстн. Европы" за 1892 г.

[2]) Изъ этихъ двухъ томовъ, почти готовыхъ къ печати, только одинъ касается крестьянскаго хозяйства (въ новоладожскомъ уѣздѣ), другой посвященъ общему обзору частно-владѣльческихъ хозяйствъ, отдѣльныя описанія которыхъ, по уѣздамъ, всѣ уже закончены и распубликованы.

двухъ его сотрудниковъ, должно организовать, по образцу многихъ другихъ земствъ, текущую статистику и вмѣстѣ съ тѣмъ изыскивать и примѣнять способы поднятія матеріальнаго благосостоянія губерніи. Направлять дѣятельность отдѣленія будетъ, совмѣстно съ губернской управой, губернскій экономическій совѣтъ, состоящій изъ пяти гласныхъ, по выбору собранія. Избирается экономическій совѣтъ, какъ и управа, на три года, чтобы избѣжать слишкомъ частыхъ перемѣнъ въ его составѣ, а слѣдовательно и перерывовъ въ его работѣ. На содержаніе статистико-экономическаго отдѣленія ассигновано семь тысячъ рублей въ годъ (члены экономическаго совѣта, какъ и всѣхъ вообще земскихъ коммиссій, никакого содержанія, конечно, не получаютъ). Мысль о соединеніи работъ экономическихъ и статистическихъ кажется намъ счастливой не только потому, что этимъ путемъ достигается сокращеніе расходовъ, но и потому, что между обоими предметами существуетъ самая тѣсная внутренняя связь. Всякая попытка улучшить наличныя условія жизни предполагаетъ подробное, всестороннее знакомство съ ними—а это знакомство дается текущей статистикой, въ особенности когда она имѣетъ твердую точку опоры въ основномъ статистическомъ описаніи губерніи. Съ другой стороны, самыя полныя и точныя статистическія свѣдѣнія остаются мертвой буквой, если никто не пользуется ими, не извлекаетъ изъ нихъ, пока они еще не устарѣли, практическихъ выводовъ, немедленно осуществимыхъ. Сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ работъ статистическихъ и экономическихъ можетъ служить гарантіей постояннаго и правильнаго ихъ взаимнодѣйствія.

Значеніе хорошо-организованной текущей статистики особенно ярко выступаетъ на видъ въ нынѣшнее тяжелое время. Мы говорили, въ предъидущемъ обозрѣніи, о поразительной точности вычисленій, сдѣланныхъ лѣтомъ 1891 г., съ цѣлью опредѣленія размѣровъ предстоявшей продовольственной нужды, воронежскими земскими статистиками. Обладая такими данными и привыкнувъ довѣрять имъ, можно многое сдѣлать, многое предупредить; можно заранѣе вооружиться противъ грядущаго бѣдствія и этимъ самымъ значительно уменьшить его размѣры. Savoir, c'est prévoir —вотъ что не безъ основанія могутъ сказать тѣ земства, у которыхъ хорошо поставлена текущая статистика. До какой степени, наоборотъ, безпомощны земства, у которыхъ она не существуетъ—это чувствовалось въ томъ засѣданіи петербургскаго губернскаго земскаго собранія, которое было посвящено обсужденію продовольственнаго вопроса. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ петербургской губерніи (напр., новоладожскомъ) урожай ржи въ 1892 г. былъ значительно ниже средняго; нехороши также, мѣстами, озимые всходы, такъ что весной придется, быть мо-

жетъ, засѣять озимыя поля яровымъ хлѣбомъ. Нужно было подумать о заготовкѣ яровыхъ сѣмянъ и дешеваго хлѣба—но данныхъ, по которымъ можно было бы опредѣлить размѣръ этой потребности, въ распоряженіи собранія было очень мало, и большою достовѣрностью онѣ не отличались. Пришлось открыть губернской управѣ кредитъ, не отдавая себѣ яснаго отчета, въ какой степени и гдѣ именно нужно будетъ къ нему прибѣгнуть. Ни о чемъ подобномъ не могло бы быть и рѣчи, еслибы собраніе располагало статистическимъ ежегодникомъ въ родѣ воронежскихъ или московскихъ. Возьмемъ, для примѣра, московскій статистическій ежегодникъ за 1892 г. (шестой годъ изданія). Первая его часть: „состояніе хлѣбовъ и травъ въ московской губерніи къ 1-му іюня 1892 г.“ вышла въ свѣтъ еще лѣтомъ; еслибы свѣденія, въ ней заключающіяся, указывали на необходимость какихъ-либо экстренныхъ мѣръ (напр., помощи въ обсѣмененіи озимыхъ полей), губернская управа имѣла бы полную возможность своевременно созвать, съ этой цѣлью, чрезвычайное земское собраніе. Всѣ остальныя части сельско-хозяйственнаго обзора были готовы ко времени открытія очередного собранія: онѣ содержатъ въ себѣ, между прочимъ, данныя о размѣрахъ и качествѣ урожая 1892 г., объ условіяхъ, при которыхъ были произведены озимые посѣвы, о видахъ на продовольствіе населенія и прокормленіе скота въ зиму 1892—93 г., о цѣнахъ на рабочія руки и на скотъ, объ арендѣ покосовъ и пахатныхъ земель. Собраніе, такимъ образомъ, могло дѣйствовать en pleine connaissance de cause и помочь населенію на всѣхъ пунктахъ, гдѣ помощь была необходима. Кромѣ сельско-хозяйственнаго обзора, московскій „Статистическій Ежегодникъ“ содержитъ въ себѣ еще длинный рядъ изслѣдованій, практически важныхъ (не говоря уже о цѣнности ихъ, какъ матеріаловъ для изученія народной жизни). Таковы, напримѣръ, статьи: „Промыслы и земледѣльческіе заработки въ зиму 1891—92 г.“; „Оклады, поступленія и недоимки крестьянскаго населенія московской губерніи“; „Статистическій отчетъ объ училищахъ въ 1891—92 учебномъ году“; „Земское страхованіе въ московской губерніи“. При такой широкой программѣ каждый выпускъ ежегодника даетъ довольно полную картину положенія губерніи—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердую почву для дѣятельности земства. Въ тѣхъ же, приблизительно, предѣлахъ—судя по докладу губернской управы—предполагается организовать текущую статистику и въ петербургской губерніи.

Петербургскому губернскому земству, хорошо и добросовѣстно исполняющему однажды принятыя на себя задачи, недоставало, до сихъ поръ, иниціативы и рѣшительности. Первый недостатокъ еще не такъ важенъ, если онъ восполняется готовностью слѣдовать доб-

рому примѣру другихъ земствъ —готовностью, которою петербургское земство всегда отличалось. Серьезнѣе второй недостатокъ, неизбѣжно ведущій къ медленности и полу-мѣрамъ. Всякому расширенію земской дѣятельности, даже одобренному въ принципѣ, предшествовали, въ Петербургѣ, колебанія и отсрочки, продолжавшіяся иногда цѣлые годы. Укоренившіяся привычки не исчезаютъ сразу; понятно, что не совсѣмъ свободнымъ отъ нихъ оказалось и губернское собраніе новаго состава. Если оно согласилось, наконецъ, на широкую постановку экономической организаціи, то къ первымъ попыткамъ дѣятельности въ новомъ направленіи оно отнеслось съ обычнымъ избыткомъ осторожности. Губернская управа и экономическая коммиссія предлагали немедленно приступить къ исполненію двухъ задачъ, осуществимость и полезность которыхъ давно уже доказана опытомъ другихъ земствъ: къ выдачѣ крестьянамъ ссудъ подъ залогъ овса [1]) и къ устройству сельско-хозяйственныхъ коммиссіонерствъ для продажи сѣмянъ, удобрительныхъ веществъ и земледѣльческихъ орудій. Что заняться и тѣмъ и другимъ желательно—этого въ собраніи не отрицалъ никто; тѣмъ не менѣе имъ не суждено было, на этотъ разъ, перейти въ жизнь, изъ-за препятствій чисто формальныхъ и весьма легко устранимыхъ. Въ проектѣ правилъ, выработанныхъ управою и коммиссіею по предмету ссудъ подъ овесъ, ничего не было сказано о размѣрѣ процента на ссуды и о срокѣ ихъ возвращенія, потому что предполагалось предоставить опредѣленіе того и другого губернскому экономическому совѣту. Собраніе нашло нужнымъ установить эти нормы по своему собственному усмотрѣнію—и противъ этого ничего возразить нельзя; но задача, въ сущности весьма простая, могла быть исполнена тотчасъ же или въ теченіе нѣсколькихъ дней (тѣмъ болѣе, что по случаю дворянскихъ выборовъ сессія собранія была прервана на двѣ недѣли)—а собраніе вернуло весь вопросъ въ управу и отложило его разрѣшеніе на цѣлый годъ. Правда, отсрочка мотивирована, между прочимъ, необходимостью провести правила о ссудахъ, во всемъ имъ объемѣ, черезъ уѣздныя земскія собранія; но такой необходимости на самомъ дѣлѣ вовсе не было, потому что все существенное въ правилахъ было уже разсмотрѣно уѣздными собраніями, а вопросъ о пониженіи процента или удлинненіи срока ссудъ, еслибы это, по указаніямъ опыта, оказалось нужнымъ, уѣзды могли бы возбудить и послѣ начала операціи. Что касается до открытія кредита

[1]) Эта операція, практикуемая въ особенно широкихъ размѣрахъ крестецкимъ уѣзднымъ земствомъ, освобождаетъ крестьянъ отъ необходимости сбывать овесъ осенью, за безцѣнокъ, для уплаты податей и для покрытія другихъ неотложныхъ расходовъ, и вновь покупать его на посѣвъ весною, по высокой цѣнѣ, часто не соотвѣтствующей его качеству.

на устройство уѣздными земствами сельско-хозяйственныхъ коммиссіонерствъ, то оно также отсрочено до будущаго года, такъ какъ желаніе уѣздовъ воспользоваться кредитомъ не было облечено въ форму прямыхъ о томъ ходатайствъ. Нужно надѣяться, что при дальнѣйшемъ развитіи такого живого дѣла, какъ экономическая помощь населенію, наклонность къ кунктаторству пойдетъ въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи не на повышеніе, а на пониженіе.

Составъ петербургскаго губернскаго земскаго собранія измѣнился, подъ вліяніемъ новаго земскаго положенія, довольно мало. *Избранныхъ* гласныхъ теперь всего 50, вмѣсто прежнихъ 65; Петербургъ потерялъ семь представителей (вмѣсто 25 онъ имѣетъ ихъ теперь 18), уѣзды петергофскій и царскосельскій—по два, уѣзды гдовскій, лужскій, новоладожскій и петербургскій—по одному, и только два уѣзда, шлиссельбургскій и ямбургскій, сохранили прежнее число представителей. Увеличилось зато число членовъ собранія неизбранныхъ: къ прежнимъ двумъ (представителямъ казны и удѣла) присоединились еще девять—восемь уѣздныхъ предводителей дворянства и депутатъ отъ духовнаго вѣдомства—такъ что общій комплектъ членовъ собранія понизился съ 67 только до 61 [1]). Изъ 50 избранныхъ гласныхъ только *одиннадцать* не входили въ составъ прежняго собранія. Всего консервативнѣе оказались городъ Петербургъ и уѣзды петербургскій и шлиссельбургскій; *всѣ* представители ихъ и прежде были гласными. Больше всего измѣнилось представительство уѣздовъ новоладожскаго (двое новыхъ гласныхъ изъ трехъ), царскосельскаго (трое изъ пяти), петергофскаго и гдовскаго (по два изъ пяти); въ уѣздахъ лужскомъ и ямбургскомъ выбрано по одному новому гласному. Изъ числа уѣздныхъ предводителей дворянства двое (петергофскій и ямбургскій) принадлежатъ къ числу самыхъ давнишнихъ губернскихъ гласныхъ; гдовскій предводитель также не въ первый разъ участвуетъ въ собраніи. Никакой розни между предводителями и избранными гласными не было замѣтно; со стороны первыхъ не было ни малѣйшей попытки объединиться въ особую группу. Собраніе, почти исключительно составленное изъ дворянъ, осталось чисто земскимъ, всѣмъ своимъ тономъ и духомъ рѣзко отличаясь отъ дворянскаго. Намъ передавали, что точно такъ же разница между обоими собраніями, непосредственно слѣдовавшими другъ за другомъ, бросалась въ глаза и въ Новгородѣ [2]).

---

[1]) На самомъ дѣлѣ членовъ собранія было только 60, потому что одинъ изъ предводителей (новоладожскій) былъ въ то же время избраннымъ гласнымъ отъ своего уѣзда.

[2]) Замѣчательно, что въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи насчитывается очень мало земскихъ начальниковъ (не болѣе 5 или 6). Въ представи-

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о всѣхъ обновленныхъ земскихъ собраніяхъ. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ корреспонденціи изъ Рязани, напечатанной въ № 6 „Недѣли“: „Жители села Ухолова, ряжскаго уѣзда, получили неполный надѣлъ и вслѣдствіе этого занялись въ особенности торговлей и промыслами. На землѣ сосѣдняго помѣщика Лопухина бываетъ по воскресеньямъ базаръ, на который съѣзжаются жители трехъ сосѣднихъ уѣздовъ. Экономія г. Лопухина брала плату — и довольно значительную—не только за постоянныя мѣста, занятыя лавками, столами, палатками, но и за возы съ хлѣбомъ, овощами и другими продуктами, привозимыми на продажу. Въ 1885 г. крестьяне рѣшились ходатайствовать объ открытіи базара и ярмарокъ на ихъ надѣльной землѣ, обязуясь не брать платы съ возовъ. Ряжское уѣздное собраніе въ томъ же году разрѣшило имъ открыть базаръ по четвергамъ. Постановленіе это, опротестованное губернаторомъ, было представлено на усмотрѣніе правительствующаго сената, который протестъ губернатора оставилъ безъ послѣдствій, не признавъ въ открытіи базара нарушенія права частной собственности. Въ октябрѣ 1892 г. повѣренный г. Лопухина обратился въ ряжскую управу съ просьбой о закрытіи базара на крестьянской землѣ с. Ухолова, какъ причиняющаго рѣшительный убытокъ торговой площади г. Лопухина и вызывающаго волненія и безпорядки. Уѣздное собраніе согласилось съ этими доводами и признало нужнымъ закрыть базаръ на площади крестьянъ, какъ нарушающій интересы г. Лопухина, о чемъ и увѣдомило губернскую управу. Управа, принимая во вниманіе равносильные интересы крестьянъ, предложила отклонить ходатайство ряжскаго собранія. Но губернское собраніе взглянуло иначе: тутъ раздались рѣчи на тему, что дворянину отъ мужика житья не стало, что не слѣдуетъ давать повадку лѣнтяямъ и негодяямъ, что власти надъ ними нѣтъ сильной, и т. д. Поднялся шумъ и гамъ. Несогласные (ихъ было немного) вышли изъ залы, и собраніе большинствомъ голосовъ рѣшило закрыть торговую площадь на крестьянской землѣ“. Трудно повѣрить, что нѣчто подобное произошло въ *земскомъ* собраніи, обязанномъ одинаково охранять интересы всѣхъ сословій. До крайности страннымъ представляется уже взглядъ уѣздной управы и уѣзднаго собранія, мотивирующихъ закрытіе базара вызываемыми имъ волненіями (!?) и безпорядками, т.-е. доводомъ чисто полицейскаго характера; но еще болѣе непонятны возгласы

тельствѣ нѣсколькихъ уѣздовъ (лужскаго, новоладожскаго, петербургскаго, шлиссельбургскаго) ихъ нѣтъ вовсе; большинство они составляютъ только между гласными гдовскаго уѣзда. А въ нижегородскомъ губ. земскомъ собраніи, гдѣ избранныхъ гласныхъ всего 51, земскихъ начальниковъ—*двадцать-шесть*!

губернскихъ гласныхъ, ополчающихся на *мужицкій* базаръ во имя *дворянскихъ* интересовъ и вопіющихъ объ отсутствіи „сильной власти". Если недостаточно „сильна" власть земскихъ начальниковъ, то что же могли гг. рязанскіе дворяне разумѣть подъ именемъ „сильной власти"? Вотчинную полицію? патримоніальный судъ, засѣдающій въ каждой усадьбѣ и вооруженный мечами правосудія? или просто возстановленіе крѣпостного права?...

Не совсѣмъ утѣшительныя вѣсти мы находимъ въ „Недѣлѣ" (№ 5) и о костромскомъ губ. земскомъ собраніи, также только-что избранномъ на основаніи положенія 1890 г. „Громадное большинство печатныхъ докладовъ, — пишетъ очевидецъ, — отличалось крайней скудостью и краткостью. Большая ихъ часть была посвящена вопросамъ о выдачѣ пособій, наградъ и пенсій. На-ряду съ этимъ вовсе не имѣлось докладовъ по самымъ существеннымъ и интереснымъ задачамъ земскаго хозяйства. Земское собраніе не получило никакого представленія объ организаціи народнаго образованія въ губерніи, объ устройствѣ медицинской части, о болѣзняхъ, которымъ было подвержено населеніе, о положеніи продовольственнаго дѣла, о дѣятельности ветеринарныхъ врачей и страховыхъ агентовъ и т. п. Правда, въ одномъ докладѣ управа коснулась вскользь вопроса о видахъ на урожай, по ходатайству одного уѣзда о выдачѣ продовольственной ссуды, но весь этотъ докладъ заключаетъ въ себѣ только *17 строчекъ* текста. Засѣданія земскаго собранія производили такое впечатлѣніе, какъ будто среди костромскихъ губернскихъ гласныхъ нѣтъ ни одного человѣка, хорошо знакомаго съ практикой земскаго дѣла, съ его цѣлями и задачами, который могъ бы направлять занятія собранія. Способъ обсужденія всѣхъ вопросовъ поражалъ своей первобытностью и наивностью. Большая часть разговоровъ вращалась около вопросовъ: дать или не дать пособіе. Вопросы же наиболѣе существенные принимались почти безъ всякихъ преній". Интересно было бы знать, отличалось ли тѣми же свойствами прежнее, до-реформенное костромское губернское собраніе, и въ какой степени измѣнился, подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ, составъ собранія? Судя по характеристикѣ докладовъ губернской управы, избранной еще прежнимъ собраніемъ, можно предполагать, что легкомысленное отношеніе къ важнѣйшимъ вопросамъ земскаго хозяйства свойственно не однимъ только новымъ гласнымъ; но общій колоритъ преній все же, по всей вѣроятности, былъ бы нѣсколько другой, еслибы въ собраніи преобладали старые земцы—*старые* не годами жизни, а годами земской дѣятельности. „Настроеніе собранія,—говоритъ авторъ цитированной нами статьи, — напоминаетъ юношу, не обладающаго ни знаніемъ,

ни умѣньемъ, ни опытностью, но преисполненнаго наилучшихъ порывовъ. Собраніе было готово принимать всѣ предложенія, имѣющія въ виду народные интересы". Въ этомъ заключается, безспорно, громадное преимущество Костромы передъ Рязанью. Неопытность, незнаніе дѣла—бѣда поправимая, сравнительно легкая; гораздо опаснѣе сословные предразсудки, ожесточенное предубѣжденіе противъ „мужика". Первыя—это недостатокъ молодости, уменьшающійся съ каждымъ днемъ, лишь бы только была на-лицо добрая воля; послѣдніе—порокъ старости, зачерствѣвшей и окаменѣлой.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1893.

Парламентская „болтовня" и ея значеніе.—Политическая дѣятельность Гладстона.—Засѣданіе палаты общинъ 13-го февраля.—Новый ирландскій билль, его достоинства и недостатки.—Возраженія оппозиціи.—Вопросъ объ ирландской автономіи въ теоріи и на практикѣ. — Новые консерваторы въ Германіи. — Торжество оппортунизма во Франціи.

Публицисты, привыкшіе говорить свысока о парламентской „болтовнѣ", забываютъ обыкновенно ту простую истину, что никакіе государственные вопросы не рѣшаются безъ словеснаго обсужденія, будетъ ли послѣднее облечено въ форму канцелярской „переписки", докладовъ, отношеній за нумеромъ, и т. п., или приметъ характеръ всесторонняго публичнаго разбора и критики. Если подъ „болтовней" разумѣть разнообразіе аргументовъ, доходящее даже до излишества, то такимъ свойствомъ несомнѣнно отличаются парламентскія пренія въ западной Европѣ; но обиліе доводовъ и рѣчей нигдѣ не считается недостаткомъ, когда дѣло идетъ о важныхъ общественныхъ интересахъ. Быть можетъ, есть такіе возвышенные люди, для которыхъ Гладстонъ есть только парламентскій болтунъ, а истинными мудрецами являются лишь молчаливые составители канцелярскихъ докладовъ; однако никто не станетъ открыто высказывать что-нибудь подобное, такъ какъ факты ужъ слишкомъ громко говорятъ за себя. Гладстонъ издавна пользуется славой первостепеннаго государственнаго дѣятеля и оратора; а онъ выросъ всецѣло на почвѣ парламентаризма, безъ котораго онъ былъ бы совершенно немыслимъ. Престарѣлый первый министръ Англіи сильнѣе, чѣмъ когда-либо, завладѣлъ въ настоящее время западно-европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ; всѣ внимательно слѣдятъ за ходомъ борьбы, которую возбудилъ Гладстонъ своимъ проектомъ ирландской автономіи. Министерство, стремящееся доставить подвластной народности всѣ блага самоуправленія и встрѣчающее на этомъ пути энергическую оппозицію въ самомъ обществѣ, въ его антипатіяхъ и предразсудкахъ, — явленіе въ высшей степени любопытное и поучительное, даже для проникнутой либерализмомъ Европы. Чтобы правительство было болѣе либерально, чѣмъ общество, и тянуло его впередъ къ радикальнымъ реформамъ,—это вообще бываетъ

довольно рѣдко; но еще рѣже случается, чтобы во главѣ такого передового правительства стоялъ старецъ 83-хъ лѣтъ. Неудивительно поэтому, что вопросъ объ ирландской автономіи даетъ поводъ къ такому обилію рѣчей и разсужденій, какого не запомнятъ старѣйшіе дѣятели англійской печати. Газеты переполнены статьями, отчетами и письмами на эту тему; ораторы всѣхъ партій высказываются о новомъ ирландскомъ биллѣ, разбираютъ его въ принципѣ и въ подробностяхъ, и никому, очевидно, не приходитъ въ голову, что эти многоразличные доводы за и противъ задуманной Гладстономъ реформы представляютъ собою излишнюю болтовню. Такъ какъ эта реформа была предложена еще въ 1886 году и съ тѣхъ поръ служила центральнымъ пунктомъ либеральной программы, то она была предметомъ постоянныхъ споровъ въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ; члены министерства и оппозиціи не переставали говорить о ней въ ожиданіи парламентскихъ выборовъ, которые должны были рѣшить дѣло въ ту или другую сторону, а съ побѣдою Гладстона и съ переходомъ власти въ его руки вопросъ снова вступилъ въ фазисъ практической законодательной постановки и сдѣлался почти исключительнымъ предметомъ общественнаго обсужденія. То, что̀ говорилось и писалось по этому предмету за все это время въ Англіи, могло бы составить, вѣроятно, изрядное количество томовъ. Реформа была поставлена на очередь личнымъ авторитетомъ одного человѣка, въ котораго и направлялись всѣ стрѣлы оппозиціонной полемики. Никогда еще личность перваго министра не подвергалась такимъ непрерывнымъ систематическимъ нападкамъ, и тѣмъ не менѣе ни одинъ политическій дѣятель не стоялъ такъ высоко и не пользовался такимъ всеобщимъ и глубокимъ уваженіемъ, какъ Гладстонъ. Можно сказать, что Гладстонъ является лучшимъ украшеніемъ и гордостью современной Англіи, и въ этомъ признаніи его великихъ качествъ и талантовъ сходятся всѣ англичане, безъ различія партій. Въ этомъ отношеніи рѣзкая критика его проектовъ не оказала ни малѣйшаго вліянія на его положеніе и популярность въ странѣ; сотни каррикатуръ, появляющіяся въ разныхъ сатирическихъ листкахъ и изображающія его въ смѣшномъ видѣ, нисколько не колеблютъ его правительственнаго авторитета и обаянія. Свобода публичнаго слова — или, какъ выражаются иные противники публичности, свобода парламентской болтовни,—задерживаетъ, правда, осуществленіе необдуманныхъ или слишкомъ смѣлыхъ мѣръ и заставляетъ много разъ взвѣшивать ихъ достоинства и недостатки, прежде чѣмъ удастся превратить ихъ въ законъ; но такая задержка иногда спасительна, и, напримѣръ, англійскіе консерваторы и унionisты ставятъ себѣ въ большую заслугу отклоненіе ирландскаго билля 1886 года, точно

такъ же, какъ и теперь они надѣются своею „болтовнею" помѣшать принятію реформы, которая, по ихъ мнѣнію, пагубна для государственнаго единства британской имперіи.

Открытіе парламентской сессіи ожидалось на этотъ разъ съ особымъ нетерпѣніемъ. Въ тронной рѣчи, прочитанной 31-го января (нов. ст.), вычислены были законопроекты, которые правительство имѣетъ въ виду внести въ палату общинъ, и прежде всего упомянутъ былъ при этомъ законъ о пересмотрѣ постановленій объ управленіи Ирландіею. Пренія объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь заняли нѣсколько засѣданій, при чемъ уже заранѣе высказывались возраженія противъ обѣщаннаго ирландскаго билля, который будто бы ничѣмъ не вызывается и не оправдывается при настоящихъ обстоятельствахъ. Наконецъ, настала день, когда Гладстонъ долженъ былъ выступить съ своимъ знаменитымъ проектомъ и объяснить его сущность предъ парламентомъ и страною. Засѣданіе 13-го февраля имѣло необычайный видъ. Приняты были спеціальныя мѣры для предупрежденія давки при входѣ въ палату, и однако произошло не мало странныхъ и непріятныхъ сценъ, прежде чѣмъ члены парламента могли занять свои мѣста. Почтенные законодатели толпились у входныхъ дверей задолго до назначеннаго часа, и когда входъ былъ открытъ въ 12 часовъ, они ринулись впередъ съ такой силою, что едва не задавили одного упавшаго члена парламента, Калеба Райта, котораго спасъ случившійся тутъ же депутатъ рабочихъ, Джонъ Бернсъ. Всякій старался захватить удобное мѣсто, не стѣсняясь приличіями, которыя обыкновенно столь строго соблюдаются въ англійскомъ обществѣ. Члены палаты лордовъ, для которыхъ отведена особая галерея въ нижней палатѣ, тѣснились въ сосѣдней залѣ, ожидая торжественнаго прохода спикера, чтобы получить разрѣшеніе войти въ залъ засѣданія; полицейскимъ пришлось сдерживать ихъ напоръ, въ моментъ открытія входа для лордовъ, и разные эпизоды этой аристократической давки, возбуждали смѣхъ въ публикѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Розберри, вынужденъ былъ присоединиться къ дипломатическому корпусу, чтобы найти для себя мѣсто; самъ принцъ Уэльскій едва успѣлъ занять назначенное ему кресло. И все это лихорадочное возбужденіе относилось всецѣло къ одному человѣку, власть котораго не зависѣла отъ министерскаго поста, а заключалась въ его удивительномъ краснорѣчіи, въ его нравственной чистотѣ, душевной силѣ и энергіи. „Великій старецъ", встрѣченный шумными рукоплесканіями, просилъ у палаты позволенія внести „билль о пересмотрѣ постановленій, касающихся управленія Ирландіею", и затѣмъ произнесъ свою объяснительную рѣчь, которая продолжалась больше двухъ часовъ. Даже враги Гладстона

не скрывали, что эта „чудесная рѣчь“, сказанная тономъ сильнаго убѣжденія и отличавшаяся въ то же время мягкою задушевностью, произвела на слушателей глубокое, неотразимое впечатлѣніе. Принципіальные противники билля невольно подчинялись общему чувству, когда „великій старецъ“ развивалъ свои блестящіе аргументы и говорилъ могучія слова, западающія въ душу каждаго, кто преданъ идеямъ справедливости и свободы. Англійская нація въ своихъ отношеніяхъ къ Ирландіи,—по словамъ Гладстона,—дошла до того пункта, гдѣ открываются двѣ дороги: одна ведетъ къ прочному умиротворенію посредствомъ автономіи, а другая—къ принужденію и насилію. Англія взяла на себя обязательство доставить ирландцамъ полную равноправность съ англичанами, и это подразумѣвалось само собою при упраздненіи самостоятельнаго ирландскаго парламента; знаменитый Питтъ прямо заявлялъ, что „каждая страна сохранитъ свое относительное значеніе подъ гарантіею одинаковыхъ законовъ“. Между тѣмъ это условіе уніи не было исполнено, и съ начала столѣтія Ирландія была политическимъ трупомъ, у котораго отнята жизнь. Признаки жизни появились только въ тридцатыхъ годахъ, но исключительные законы почти не прекращали своего дѣйствія въ странѣ. „Если старая взаимная вражда должна исчезнуть путемъ удовлетворенія справедливыхъ требованій ирландцевъ, то чѣмъ скорѣе это будетъ достигнуто, тѣмъ лучше;—чѣмъ скорѣе мы окончимъ дѣло, которое изгладитъ всѣ прежнія раздоры и откроетъ эру мира и доброжелательства, тѣмъ лучше будетъ для обѣихъ сторонъ. Что касается меня,—продолжалъ ораторъ,—то я не могу и не хочу способствовать сохраненію этого наслѣдія вражды, которое переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію съ едва замѣтными перерывами въ теченіе семи столѣтій, сопровождаясь всѣми обычными своими бѣдственными проявленіями. Было бы несчастьемъ для меня, еслибы въ эти заключительные мои годы я забылъ или упустилъ предпринять возможную для меня попытку поддержанія и защиты дѣла, которое я считаю дѣломъ не одной какой-нибудь партіи, не одной народности, а всѣхъ партій и всѣхъ племенъ, населяющихъ эти острова; и къ этимъ народностямъ я обращаюсь, какъ я ихъ вижу, одаренными всѣми условіями процвѣтанія и могущества подъ властью живого союза,—обращаюсь съ мольбою, и до послѣдняго моего дыханія я готовъ умолять васъ,—предоставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ, отбросьте всѣ воспоминанія прошлыхъ раздоровъ и поддерживайте себя взаимно во всѣхъ испытаніяхъ человѣческой судьбы въ предстоящемъ намъ будущемъ“.

Этими словами Гладстонъ закончилъ свою рѣчь, и дѣло его было бы несомнѣнно выиграно, еслибы успѣхъ зависѣлъ отъ хорошихъ

намѣреній. Но практическая сторона проекта, предназначеннаго положить конецъ вѣковой враждѣ между Ирландіей и Англіей, даетъ много матеріала для возраженій и недоумѣній. Ирландія получитъ свои особые законодательные органы, въ видѣ двухъ выборныхъ палатъ,—законодательнаго совѣта изъ 48 членовъ, избираемыхъ на восемь лѣтъ, и законодательнаго собранія изъ 103 членовъ, избираемыхъ на пятилѣтній срокъ. Исполнительная власть принадлежитъ вице-королю, назначенному короною на шесть лѣтъ; ему предоставлено налагать свое veto на рѣшенія законодательныхъ собраній. Непосредственное управленіе дѣлами возлагается на исполнительный комитетъ, который въ сущности будетъ играть роль министерства, подъ властью и контролемъ вице-короля. Ирландскія законодательныя учрежденія будутъ ограничены въ своихъ функціяхъ интересами мѣстной автономіи; они будутъ обсуждать и рѣшать вопросы, касающіеся исключительно Ирландіи, и цѣлый рядъ предметовъ общаго государственнаго значенія устраняется изъ ихъ компетенціи, какъ, напр., все, относящееся къ правамъ короны и вице-короля, къ вопросамъ о войнѣ и мирѣ, о военномъ дѣлѣ, о договорахъ съ чужими державами, о раздачѣ титуловъ и званій, о внѣшней торговлѣ, о чеканкѣ монеты и т. п. Сверхъ того, ирландскія палаты не могутъ устанавливать что-либо несогласное съ принципами религіозной и личной свободы. Англійскій парламентъ остается высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ имперіи, и власть его номинально сохраняетъ силу надъ Ирландіей; если мѣстныя палаты примутъ постановленіе, нарушающее какой-либо актъ парламента, то оно не будетъ имѣть силы въ той части, въ которой окажется нарушеніе. Наконецъ, имѣя свои особыя мѣстныя палаты, ирландцы будутъ по-прежнему посылать своихъ выборныхъ представителей въ англійскую палату общинъ, въ числѣ 80 членовъ, и этимъ будетъ поддерживаться идея политическаго единства Англіи съ Ирландіею. Въ палатѣ общинъ могутъ рѣшаться только тѣ дѣла Ирландіи, которыя не относятся спеціально къ этой странѣ, а имѣютъ общій имперскій характеръ. Ирландскіе члены палаты, участвуя въ обсужденіи этихъ общихъ вопросовъ, не будутъ, однако, имѣть права голоса въ дѣлахъ исключительно и всецѣло британскихъ. Они будутъ пользоваться правомъ вліять на самый составъ англійскаго правительства выраженіемъ довѣрія или недовѣрія къ общей политикѣ кабинета. Это участіе ирландскихъ представителей въ англійской палатѣ общинъ, въ качествѣ какихъ-то особыхъ членовъ съ болѣе ограниченными и въ то же время весьма широкими полномочіями, составляетъ самую слабую часть билля, какъ признается въ этомъ самъ Гладстонъ. Онъ сдѣлалъ уступку общественному мнѣнію, которое особенно возставало, въ 1886 году, про-

тивъ предположеннаго тогда удаленія ирландскихъ депутатовъ изъ англійской палаты общинъ, съ образованіемъ самостоятельнаго ирландскаго парламента; въ этомъ видѣли тогда прямой подрывъ государственному единству, опасность полнаго отпаденія Ирландіи отъ Англіи. Гладстонъ заявляетъ, что онъ подчинился въ этомъ пунктѣ выраженнымъ страною желаніямъ, но что онъ лично не настаиваетъ на сохраненіи ирландцевъ въ британскомъ парламентѣ и не придаетъ вообще большой важности этому вопросу.

Легко предвидѣть, что на практикѣ будетъ чрезвычайно трудно разграничивать дѣла имперскія отъ чисто-британскихъ и ирландскихъ, и эти разграниченія подавали бы постоянный поводъ къ пререканіямъ и конфликтамъ. Ирландскіе представители въ англійской палатѣ общинъ, чувствуя за собою поддержку и сочувствіе мѣстныхъ законодательныхъ учрежденій, могли бы оказывать подавляющее и задерживающее вліяніе на весь ходъ парламентскихъ занятій, доставляли бы большинство той или другой партіи и этимъ держали бы въ рукахъ само англійское правительство, которое въ теоріи пользуется правомъ налагать свое veto на постановленія ирландскихъ палатъ. При всякомъ примѣненіи этого высшаго права государственной власти борьба переносилась бы въ британскій парламентъ, и ирландскія дѣла по прежнему поглощали бы значительную долю общественнаго вниманія въ Англіи, такъ что положеніе палаты общинъ нисколько не было бы облегчено реформою. Въ 1886 году, предлагая свой первый билль, Гладстонъ указывалъ на настоятельную необходимость освободить британскій парламентъ отъ присутствія многочисленной и тѣсно сплоченной ирландской группы, не дающей палатѣ заниматься дѣлами другихъ частей имперіи, кромѣ Ирландіи. Теперь, предоставляя ирландцамъ полное самоуправленіе, онъ сохраняетъ ихъ и въ палатѣ общинъ, почти въ прежнемъ числѣ, вопреки всѣмъ своимъ прежнимъ доводамъ. Тогда какъ англичане лишаются участія въ управленіи Ирландіей, послѣдняя пріобрѣтаетъ за-одно и полную собственную автономію, и право дальнѣйшаго активнаго вмѣшательства въ правительственныя и политическія дѣла Великобританіи. Послѣднее право даетъ ирландцамъ сильное оружіе для продолженія борьбы, съ цѣлью достигнуть болѣе прочной національной независимости, и ирландскій вопросъ едва ли скоро сошелъ бы со сцены, хотя превратился бы вѣроятно въ чисто-политическую распрю. Тройное представительство—въ двухъ мѣстныхъ палатахъ и въ англійскомъ парламентѣ—является вообще слишкомъ сложнымъ и запутаннымъ; раздѣленіе функцій остается неопредѣленнымъ и неяснымъ, и въ такомъ видѣ новая система не могла бы дѣйствовать правильно и оказалась бы на дѣлѣ несостоятельною. Очень можетъ быть, что Гладстонъ

хотѣлъ наглядно показать практическую невыполнимость реформы безъ полнаго отдѣленія ирландскаго представительства отъ англійскаго; онъ какъ будто желалъ этимъ отрицательнымъ путемъ подтвердить логичность и цѣлесообразность своей прежней идеи—объ устраненіи ирландцевъ изъ палаты общинъ. Затѣмъ весьма важный недостатокъ билля--отсутствіе въ немъ какихъ бы то ни было указаній на способъ разрѣшенія поземельныхъ споровъ, лежащихъ въ основѣ всѣхъ неурядицъ въ Ирландіи. На этотъ странный пробѣлъ обращено было вниманіе однимъ изъ ораторовъ оппозиціи въ томъ же засѣданіи 13-го февраля, и Гладстонъ отвѣтилъ лишь, что поземельное законодательство для Ирландіи останется въ рукахъ имперскаго парламента въ продолженіе трехъ лѣтъ.

Главныя и наиболѣе дѣльныя возраженія противъ законопроекта высказаны были Бальфуромъ, въ засѣданіи слѣдующаго дня. Бальфуръ напомнилъ палатѣ, что при внесеніи своего перваго билля въ 1886 году Гладстонъ считалъ прежде всего необходимымъ устроить поземельныя дѣла Ирландіи и признавалъ эту задачу дѣломъ чести; теперь онъ, повидимому, держится противоположнаго взгляда, и мотивы этой радикальной перемѣны никому неизвѣстны. Устраненіе ирландскихъ представителей отъ участія въ обсужденіи законовъ, представляющихъ спеціально-британскій интересъ, будетъ вполнѣ фиктивнымъ, если ирландцамъ принадлежитъ право контролировать и обсуждать общую политику кабинета. Одни только правительственные проекты проходятъ въ палатѣ, и никакіе частные билли не имѣютъ шансовъ успѣха, безъ поддержки министровъ; поэтому „опредѣленіе того, изъ какихъ лицъ должно состоять правительство и какіе законы должны быть предложены ими, заключаетъ въ себѣ самый жизненный и важный вопросъ, какой можетъ быть рѣшенъ палатами и страною. Намъ говорятъ теперь, что этотъ важнѣйшій жизненный вопросъ будетъ рѣшаемъ не тѣми, кто заинтересованъ въ законодательствѣ, а 80-ью незаинтересованными джентльменами. Они будутъ опредѣлять, кто долженъ быть министромъ, каковы тѣ лица, которымъ дано полномочіе вносить законопроекты, и каковы желательные билли; и не напрасно ли увѣряютъ насъ, что этимъ членамъ палаты не позволено будетъ подавать голосъ по поводу извѣстныхъ законовъ, когда имъ принадлежитъ несравненно болѣе важная функція — опредѣленіе сущности этихъ законовъ и указаніе лицъ, уполномоченныхъ предлагать эти законы? Наши совѣщанія будутъ постоянно нарушаемы и запутываемы до смѣшного ирландскими членами, которые—то могутъ подавать голосъ, то не могутъ, то могутъ участвовать въ преніяхъ, то не могутъ,—которые будутъ имѣть право свергнуть министерство, но лишены будутъ права голо-

сованія по поводу какого-нибудь мелкаго дорожнаго билля. Прежде всего исчезаетъ всякая надежда на то, что мы будемъ избавлены отъ этихъ ирландскихъ споровъ, и что мы получимъ возможность отдавать свое время своимъ собственнымъ дѣламъ. Нельзя сомнѣваться, что въ случаѣ принятія предложенной реформы ирландскій вопросъ, занимавшій три четверти нашего времени, будетъ отнимать у насъ все наше время". Столь же горячо возставали противъ основаній билля сэръ Джонъ Леббокъ, лордъ Рандольфъ Черчилль, Чамберленъ и Гошенъ. Послѣ отвѣтныхъ рѣчей Лабушера и Морлея, позволеніе внести билль было дано палатою, и въ засѣданіи 17-го февраля состоялось первое чтеніе закона, среди шумныхъ и продолжительныхъ рукоплесканій.

Какъ извѣстно, въ этой первой стадіи обсужденія дѣлается только предварительная общая оцѣнка законопроектовъ, безъ критическаго разбора подробностей; настоящая, серьезная битва начнется только при второмъ чтеніи, которое назначено на 13-е марта (нов. ст.). Но уже теперь можно сказать, что нѣкоторыя существенныя особенности билля не будутъ одобрены общественнымъ мнѣніемъ Англіи и должны подвергнуться значительнымъ поправкамъ, съ точки зрѣнія практической цѣлесообразности. Гладстонъ на этотъ разъ обнаруживаетъ готовность къ значительнымъ уступкамъ въ частностяхъ билля, при чемъ къ числу частностей онъ относитъ, напримѣръ, сохраненіе ирландскихъ представителей въ англійской палатѣ общинъ. Этотъ духъ уступчивости, которымъ была проникнута объяснительная рѣчь Гладстона, отчасти обезоруживалъ противниковъ, подготовляя почву для компромисса. Ближайшіе сторонники перваго министра,—за исключеніемъ развѣ министра по дѣламъ Ирландіи, Джона Морлея,—готовы идти еще далѣе по пути уступокъ, лишь бы добиться какого-либо положительнаго результата; многіе либералы, слѣдующіе за Гладстономъ, не увлекаются вообще перспективою парламентскаго самоуправленія въ Ирландіи, и вѣроятно ничего не будутъ имѣть противъ того, чтобы нѣкоторыя черты проекта были урѣзаны или устранены. Предвидя эти добровольныя измѣненія закона со стороны министерства, оппозиція продолжаетъ направлять свои главные удары противъ самой сущности билля, доказывая опасность его для единства имперіи и мнимое отсутствіе всякихъ гарантій для протестантскаго населенія Ольстера при передачѣ владычества надъ Ирландіею въ руки господствующей партіи католиковъ-націоналистовъ. Но эти два основные аргумента, выставляемые принципіальными противниками билля, не производятъ уже прежняго впечатлѣнія на публику. Патріотическіе возгласы о неминуемомъ будто бы расторженіи государственнаго союза имѣли еще подобіе основательности, когда рѣчь шла о созда-

нія настоящаго парламента для Ирландіи, съ особыми органами управленія, безъ положительнаго контроля и вмѣшательства со стороны центральной власти; но теперь дѣло идетъ о мѣстныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ, поставленныхъ подъ двойной надзоръ короны, дѣйствующей черезъ лорда-лейтенанта (вице-короля) и британской палаты общинъ, верховенство которой признано категорически въ первыхъ же вступительныхъ словахъ законопроекта. Предѣлы компетенціи этихъ ирландскихъ законодательныхъ учрежденій установлены довольно точно; всѣ имперскіе, обще-государственные интересы изъяты изъ круга ихъ вѣдомства, и чисто мѣстный характеръ новаго самоуправленія не возбуждаетъ въ принципѣ никакихъ сомнѣній; нельзя поэтому серьезно относиться къ указаніямъ на опасность подобной ограниченной автономіи для цѣлости государства. Уніонисты, повторяющіе свои страшныя слова про расторженіе уніи, говорятъ это просто потому, что не могутъ отказаться отъ занятой позиціи относительно home-rule и должны по-неволѣ поддерживать прежніе свои доводы, за неимѣніемъ другихъ, болѣе новыхъ и убѣдительныхъ. Такъ же точно весьма слабо вліяютъ на публику постоянныя ссылки на протестантовъ ольстерской провинціи, которымъ будто бы грозитъ новое католическое иго. Въ билль включены ограниченія, исключающія возможность какихъ-либо посягательствъ на личную и религіозную свободу гражданъ; эти гарантіи достаточно обезпечиваются властью лорда-лейтенанта, контролемъ британскаго парламента и правительства, и, наконецъ, ольстерскіе протестанты не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые дадутъ себя въ обиду, какъ это они не разъ показали въ неоднократныхъ столкновеніяхъ съ ирландскими націоналистами. Очевидно, не съ этой стороны можетъ обнаружиться несостоятельность предположенной реформы. Наибольшія разногласія будутъ вызваны, безъ сомнѣнія, вопросомъ объ ирландскомъ представительствѣ въ палатѣ общинъ, въ связи съ сложной системою законодательныхъ и исполнительныхъ учрежденій въ Ирландіи.

Каковы бы ни были практическія трудности, которыя придется преодолѣть въ этой области, настойчивыя усилія „великаго старца“ не пройдутъ безслѣдно для общественнаго сознанія, даже въ случаѣ окончательной неудачи его новаго проекта. Благодаря огромному нравственному вліянію Гладстона, мысль о законной равноправности и справедливости въ отношеніяхъ къ ирландцамъ прочно утвердилась въ Англіи, и разрѣшеніе вѣкового разлада въ духѣ умиротворенія есть только вопросъ времени. Какъ поземельныя реформы Гладстона очистили путь для справедливаго рѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи, такъ и энергическія попытки его даровать ирландцамъ

возможно полное самоуправленіе приведутъ въ концѣ концовъ къ желанному результату и подготовятъ лучшее будущее для ирландской народности. Стремленія и идеи Гладстона найдутъ убѣжденныхъ исполнителей послѣ того, какъ самъ онъ сойдетъ со сцены; ибо англійскіе интересы, понимаемые разумно, совпадаютъ въ этомъ отношеніи съ ирландскими: для обѣихъ сторонъ будетъ въ высшей степени выгодно прекращеніе безплодной распри, на которую потрачено столько душевныхъ и матеріальныхъ силъ.

Патріотизмъ, питаемый злобными, непріязненными чувствами, подрываетъ основы нравственной жизни, вноситъ безпокойный внутренній разладъ въ политическое существованіе націи и причиняетъ непоправимый вредъ государству; такого рода болѣзненный патріотизмъ, отыскивающій повсюду матеріалъ для ядовитой вражды и травли, имѣетъ вообще мало почвы въ Англіи, и послѣдній остатокъ его, сохранившійся еще по отношенію къ ирландцамъ, перейдетъ скоро въ область прошедшаго, что бы ни говорили публицисты и ораторы школы Сольсбери и Чамберлэна. Въ этой неустанной борьбѣ съ дурными національными инстинктами, унаслѣдованными отъ прошлаго, заключается великая историческая заслуга Гладстона предъ Англіею и Европою, и эта заслуга имѣетъ болѣе обширное значеніе, чѣмъ успѣхъ или неудача отдѣльныхъ практическихъ мѣропріятій, задуманныхъ для осуществленія идей справедливости и человѣчности въ области внутренней политики государствъ. Со временемъ явится, быть можетъ, новый Гладстонъ, который съ тою же силою убѣжденія и нравственной энергіи внесетъ эти идеи гуманности и правды въ область внѣшнихъ отношеній между народами.

Въ Германіи правительство все еще не могло достигнуть никакихъ результатовъ относительно военнаго закона, внесеннаго въ имперскій сеймъ въ ноябрѣ прошлаго года: въ настоящее время, въ февралѣ, парламентская коммиссія продолжаетъ еще изслѣдовать финансовыя подробности, имѣющія косвенную связь съ этимъ проектомъ, и даже не начинаетъ подходить къ обсужденію его сущности. Руководящую роль въ этой коммиссіи играетъ прогрессистъ Евгеній Рихтеръ, всѣ предложенія котораго принимаются большинствомъ. Уже это одно показываетъ, что шансы на принятіе закона весьма слабы, при нынѣшнемъ составѣ палаты. Господствующее настроеніе нѣмецкаго общества и печати признается также неблагопріятнымъ для военнаго законопроекта и для всей политики канцлера Каприви. Какъ это ни странно, но прогрессисты болѣе поддерживаютъ правительство, чѣмъ консервативныя партіи, которыя рѣшительно отказываютъ ми-

нистрамъ въ своемъ сочувствіи и даже ведутъ противъ нихъ открытую борьбу.

Генералу Каприви приходится постоянно воевать съ новою оппозиціею, составленною большею частью изъ представителей крупнаго землевладѣнія. Нѣмецкіе консерваторы стали неузнаваемы: изъ покорныхъ слугъ государственной власти они превратились въ смѣлыхъ и упорныхъ враговъ, такъ какъ матеріальные интересы ихъ не были будто бы приняты во вниманіе при заключеніи торговыхъ трактатовъ съ нѣкоторыми сосѣдними державами. Землевладѣльцы, считающіе себя представителями интересовъ всего сельскаго хозяйства въ Пруссіи и Германіи, находятъ крайне убыточнымъ для себя пониженіе таможенныхъ пошлинъ на ввозимый изъ-за границы хлѣбъ; они громко жалуются на общій упадокъ земледѣлія, происходящій будто бы отъ подрыва хлѣбныхъ цѣнъ вслѣдствіе допущенной иностранной конкурренціи, и рѣзко обвиняютъ правительство въ одностороннемъ поощреніи торговой и фабричной промышленности, въ ущербъ сельско-хозяйственному производству. Эти оригинальные консерваторы добиваются отмѣны или пересмотра нѣкоторыхъ статей, включенныхъ въ торговые договоры; они требуютъ по крайней мѣрѣ, чтобы статьи эти не признавались обязательными на двѣнадцать лѣтъ, какъ постановлено было при заключеніи означенныхъ трактатовъ. Они особенно взволновались, когда распространились слухи о торговыхъ переговорахъ съ Россіею, о возможномъ пониженіи пошлинъ на русскій хлѣбъ подъ условіемъ соотвѣтственнаго смягченія нашихъ охранительныхъ тарифовъ относительно германскихъ продуктовъ и издѣлій. Само собою разумѣется, что эти землевладѣльцы напрасно берутъ на себя защиту интересовъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства, такъ какъ въ дѣйствительности они представляютъ лишь спеціальный классъ крупнаго землевладѣнія, которое во многихъ случаяхъ находится въ полномъ разладѣ съ интересами крестьянскаго земледѣлія. Высокія хлѣбныя цѣны, составляющія предметъ землевладѣльческихъ мечтаній, отражаются крайне невыгодно на экономическомъ положеніи большинства трудящагося населенія и не могутъ, конечно, считаться желательными съ общей государственной точки зрѣнія. Дороговизна необходимыхъ предметовъ потребленія вредно вліяетъ на всѣ роды промышленности, а временные барыши сельскихъ хозяевъ и хлѣботорговцевъ могутъ оказаться фиктивными, вслѣдствіе неизбѣжнаго повышенія цѣнъ на другіе товары.

Странно вообще, что люди открыто добиваются установленія искусственной дороговизны хлѣба и другихъ необходимыхъ продуктовъ при помощи правительства, для увеличенія своихъ доходовъ. Эти же люди серьезно дѣлаютъ видъ, что ихъ возмущаетъ современная ка-

питалистическая промышленность, въ которой будто бы господствуетъ европейское торгашество, и они поэтому выдаютъ себя за убѣжденныхъ приверженцевъ антисемитизма. Такое своеобразное перерожденіе значительной части нѣмецкихъ консерваторовъ было впервые формально засвидѣтельствовано на съѣздѣ консервативной партіи, происходившемъ въ первыхъ числахъ декабря прошлаго года. Выработанная тогда консервативная программа была такого рода, что подала поводъ къ причисленію составителей ея къ разряду демагоговъ, возбуждающихъ дурные инстинкты толпы ради чисто эгоистическихъ побужденій. Въ программѣ сдѣлана была между прочимъ оговорка, что партія „не одобряетъ излишествъ антисемитизма"; но это ограниченіе вычеркнуто было большинствомъ, которое такимъ образомъ высказалось за прямыя „излишества" національно-племенной борьбы, хотя подобныя излишества обыкновенно предусматриваются уголовными законами и не согласуются, конечно, съ элементарными условіями общественнаго спокойствія и безопасности. Вражда къ антисемитизму есть только болѣе популярная форма непріязни къ промышленности и торговлѣ вообще, а эта непріязнь вызывается предположеніемъ, что промышленность пользуется бо́льшимъ покровительствомъ и большею заботливостью государства, чѣмъ землевладѣніе. Источники этого мнимо-консервативнаго оппозиціоннаго движенія довольно мутны, и они, разумѣется, не утратятъ своей силы подъ вліяніемъ желчныхъ обвинительныхъ рѣчей генерала Каприви.

Что касается католической партіи центра, то она ждетъ существенныхъ уступокъ, какъ, напримѣръ, допущенія іезуитовъ въ предѣлы Германіи, чтобы взамѣнъ оказать поддержку правительственнымъ проектамъ. Націонал-либералы не довѣряютъ дальновидности канцлера и не могутъ примириться съ его неустойчивою, безцвѣтною дипломатіею; они остаются въ сторонѣ, вспоминаютъ стараго канцлера и избѣгаютъ активнаго участія въ политическихъ дѣлахъ, въ надеждѣ на лучшее будущее. Остаются лишь прогрессисты, которые не прочь помогать правительству въ борьбѣ съ консерваторами и клерикалами; но правительство не можетъ опираться на партію Рихтера, не только въ силу ея малочисленности въ парламентѣ, но и еще болѣе въ силу своихъ собственныхъ, хотя и неопредѣленныхъ, консервативныхъ традицій и стремленій. При такихъ условіяхъ политическое положеніе можетъ выясниться лишь путемъ новыхъ парламентскихъ выборовъ.

Дѣло „нравственнаго оздоровленія", такъ шумно начатое во Франціи панамскимъ процессомъ, остановилось на полпути, какъ и слѣдовало ожидать, въ виду прочно укоренившихся нравовъ въ зна-

чительной части французскаго общества. Министръ-президентъ Рибо успѣлъ произнести еще нѣсколько декламаторскихъ, безсодержательныхъ рѣчей и добился еще нѣсколькихъ заявленій довѣрія со стороны палаты,—заявленій въ сущности безцѣльныхъ и рѣшительно ничего не доказывающихъ. Благонамѣренные ораторы и публицисты республиканскихъ партій продолжали въ сотый и тысячный разъ повторять избитыя фразы о необходимости единенія и сосредоточенія разныхъ парламентскихъ группъ, при чемъ ни одна изъ этихъ группъ не выказываетъ ни малѣйшаго желанія дѣлать какія-либо уступки другимъ.

Толки объ единеніи сводятся къ тому, что каждая партія соглашается на безусловное присоединеніе всѣхъ прочихъ партій къ ея собственнымъ принципамъ и тенденціямъ, болѣе или менѣе узкимъ и личнымъ; понятно, что такое сосредоточеніе и единеніе ни къ чему не ведутъ на практикѣ и еще болѣе усиливаютъ антагонизмъ партійныхъ интересовъ. Объ единеніи заговорилъ и самый непопулярный человѣкъ во Франціи, Жюль Ферри, который меньше всего можетъ разсчитывать на возможность сосредоточенія партій подъ его предводительствомъ; и однако, къ общему удивленію, этотъ непопулярный дѣятель, искренно ненавидимый большинствомъ передовыхъ республиканцевъ въ странѣ, призванъ вновь играть активную роль на поприщѣ оффиціальной политики, въ качествѣ президента сената. Избраніе этого стараго политическаго дѣльца на видный постъ президента сената составляетъ настоящее testimonium paupertatis для господствующей нынѣ во Франціи партіи республиканскихъ оппортунистовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1893.

— *Волна.* Сборникъ русской художественной лирики. Петроградъ (С.-Петербургъ ?). Изданіе К. Ю. Геруца. Печатня (типографія) Э. Арнгольда. Стр. 365.

„Въ настоящее время, время всеобщаго унынія и тоски, міръ книгъ пріобрѣтаетъ для современнаго человѣка все большее и большее значеніе. Книга уноситъ читателя отъ тяжелой жизненной обстановки въ свѣтлое море мысли и чувства. На этомъ морѣ, какъ путеводныя звѣзды, блещутъ яркія свѣтила русской художественной литературы. Но, къ сожалѣнію, не всякому они видны и доступны: одному—по незнанію (?), другому—по бѣдности, третьему—по недостатку свободнаго времени. Восполнить этотъ недостатокъ имѣетъ въ виду настоящее изданіе" — такъ говоритъ предисловіе къ сборнику, какъ бы усиливаясь оправдать его появленіе въ свѣтъ; не совсѣмъ только ясно, какимъ образомъ пріобрѣтеніе этого изданія можетъ восполнить недостатокъ свободнаго времени, или облегчить бѣдность, такъ какъ оно далеко не грошевое. Но если оставить въ сторонѣ всѣ эти высшія соображенія и не задаваться мыслію—разсѣять при помощи этой книжки „всеобщее уныніе и тоску", то эта книжка является просто одною изъ многихъ хрестоматій, ограниченной по своей программѣ, ограниченной, именно, лирическою поэзіею, но съ особеннымъ, дѣйствительно оригинальнымъ расположеніемъ стихотвореній — не по творцамъ или по эпохамъ, а по „разнымъ степенямъ развитія чувства". Цѣль такого расположенія—говоритъ предисловіе—„вызвать у читателя, и безъ того утомленнаго жизнью, примиряющее, спокойное, жизнерадостное настроеніе",—однимъ словомъ, цѣль психіатрическая. Опасаясь, и не безъ основанія, быть непонятымъ, издатель спѣшитъ объяснить свою мысль подробнѣе и для того избираетъ одно изъ самыхъ распространенныхъ чувствъ, которое въ книжкѣ составляетъ особый отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Лю-

бовь". Тутъ, дѣйствительно, читатель, съ небольшою затратою времени, можетъ пройти весь курсъ любви, въ стихахъ, начиная отъ ея зарожденія до кончины. Какъ и слѣдуетъ въ руководствѣ, отдѣлъ начинается опредѣленіемъ понятія любви, конечно въ стихахъ; читатель узнаетъ (стр. 115), прежде всего, что есть три рода любви: любовь матери, сестры—

И есть еще любовь... Но та! Гдѣ выраженья,
Гдѣ краски и слова, чтобъ высказать ее?..

Въ концѣ концовъ, однако, читатель узнаетъ, что—

Она—безцѣнный перлъ, она—душистый цвѣтъ,
И ей межъ радостей земныхъ подобныхъ нѣтъ!

„Послѣ общаго лирическаго опредѣленія любви,—объясняется въ предисловіи,—мы встрѣчаемъ стихотворенія, навѣянныя жалкимъ, неувѣнчавшимся стремленіемъ къ этому чувству (стр. 116). Далѣе идетъ зарожденіе любви (117 — 118), доходящее постепенно до невысказываемой пока страсти (119—122); боязнь объясниться (123—126) смѣняется признаніемъ (127—128). За взаимностью (129—132) звучатъ аккорды первыхъ свиданій (132 — 133); страсть достигаетъ своего расцвѣта (134—138), появляются безпричинныя слезы (139—142), а за ними и сознательное отношеніе къ чувству", и т. д., и т. д.,—и все это кончается разлукою, смертью, а иногда мирнымъ превращеніемъ старой любви въ новую,—но какъ все это продѣлывается въ жизни—разъяснено подробно цитатами изъ произведеній авторитетныхъ лириковъ по этой части. Однимъ словомъ, въ этомъ отдѣлѣ заключается настоящій Vademecum для тѣхъ, кто проходитъ разныя степени развитія чувства любви. Вообще о богатствѣ сборника можно судить уже по одному тому, что онъ вмѣщаетъ въ себѣ 338 стихотвореній, выбранныхъ изъ 84 поэтовъ. Послѣдняя статистическая справка о числѣ поэтовъ, конечно, нѣсколько опровергаетъ высказанное, въ началѣ предисловія, о „путеводныхъ звѣздахъ русской художественной литературы", попавшихъ въ настоящій сборникъ, и доказываетъ, что въ этой книжкѣ можно встрѣтить и не путеводныя звѣзды; впрочемъ, и самъ издатель ниже признается въ этомъ, говоря: „у насъ собраны произведенія поэтовъ различной силы и различнаго темперамента. Ихъ объединяло единство чувства: волна (такъ называется и самый сборникъ) по сущности будетъ одна и та же, несмотря на разницу въ величинѣ и формѣ — на ручьѣ, на рѣкѣ, на морѣ",—впрочемъ, едва ли кто видалъ волны на ручьѣ.

Другой отдѣлъ сборника, „Родина", представляетъ, по словамъ предисловія, „какъ бы музыкальную (?) картину: послѣ простого

задушевнаго введенія (стр. 189), слѣдуютъ тихіе спокойные напѣвы, прерываемые страстными мотивами южной гористой природы (190—192); эти спокойные напѣвы переходятъ въ задумчиво-грустный (193—197), почти молитвенный (198—199) тонъ, кончающійся фантастическими аккордами недостигнутаго идеала (200 — 201) и тяжелою безъисходною тоскою", и т. д., и т. д., въ томъ же родѣ, а самый отдѣлъ заканчивается „вызовомъ, брошеннымъ врагамъ Россіи и славянства" (стр. 218) — устами Розенгейма. Послѣднее стихотвореніе, должно быть, такъ воодушевило самого издателя, г. Геруца, что онъ переименовалъ, повидимому, городъ С.-Петербургъ въ славянскій „Петроградъ", рискуя при этомъ затруднить провинціальнаго покупателя его книги, если почтовый чиновникъ не догадается, въ чемъ дѣло, или не найдетъ такого города въ почтовомъ спискѣ населенныхъ мѣстъ имперіи. Вѣдь не пришло же на мысль издателю переименоваться и самому, чтобъ не напоминать иностраннаго происхожденія звука своей фамиліи; да притомъ „Петербургъ" по формѣ можно разсматривать, какъ уже совершенно русское слово, такъ какъ иностранцы называютъ нашъ городъ иначе: нѣмцы—Пéтерсбургъ, французы—Сэнъ-Петерсбу́ръ, и только мы называемъ его по-русски: Петербургъ. Недостаетъ теперь только того, чтобы какой-нибудь московскій издатель, конкуррируя съ г. Геруцомъ и желая также, съ своей стороны, разогнать своимъ сборникомъ стихотвореній „всеобщее уныніе и тоску", переименовалъ бы и самую Москву, въ виду того, что названіе нашей первопрестольной столицы, какъ говорятъ, по происхожденію есть финское слово.—Р.

— *Матеріалы для біографіи Гоголя*, *В. И. Шенрока*. Томъ второй. М. 1893.

Настоящій томъ „Матеріаловъ" заключаетъ три главные отдѣла: Гоголь въ періодъ „Арабесокъ" и „Миргорода"—отдѣлъ, извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы"; Гоголь, какъ историкъ и педагогъ (взгляды Гоголя на преподаваніе исторіи и географіи въ среднихъ заведеніяхъ, разборъ его лекцій, разборъ пьесы „Альфредъ", историческіе взгляды Гоголя, типы воспитателей и задача воспитанія въ сочиненіяхъ Гоголя); драматическія произведенія. Характеръ работъ г. Шенрока довольно извѣстенъ: онъ обыкновенно обстоятельно собираетъ данныя по разбираемому вопросу изъ сочиненій Гоголя, его переписки, свидѣтельствъ современниковъ, старательно взвѣшиваетъ всѣ подробности, и свой выводъ ставитъ въ связь съ теченіемъ цѣлой внутренней біографіи писателя; при этомъ достигаются иногда любопытныя объясненія подробностей, ускользавшихъ отъ вниманія

прежнихъ изслѣдователей. Такъ это, конечно, и должно быть; но въ настоящемъ случаѣ авторъ немного преувеличилъ. Для самаго изслѣдованія должна быть мѣра: когда вещь достаточно объяснена, на ней нечего настаивать—начинается безплодная трата времени и утомленіе читателя. Укажемъ, напримѣръ, не мало подобныхъ излишествъ въ изложеніи профессорской дѣятельности Гоголя: собранные факты выясняютъ вопросъ совершенно достаточно, но авторъ не удовлетворяется этимъ, и, изложивъ отношеніе Гоголя къ наукѣ, продолжаетъ: „*въ доказательство* высказанной нами мысли приведемъ *подробныя* (?) данныя, касающіяся несравненно выше цѣнившаго знанія и науки, *величайшаго поэта нашего* Пушкина“ (стр. 273), и десятокъ, ненужныхъ для біографіи Гоголя, страницъ посвящается величайшему нашему поэту. Но поэтъ достаточно извѣстенъ, и автору довольно было бы, для объясненія своей мысли, нѣсколькихъ строкъ.

Мы считали бы также совершенно излишней ту продолжительную полемику съ г. Витбергомъ, которой г. Шенрокъ даетъ цѣлые десятки страницъ въ текстѣ и въ особомъ приложеніи въ концѣ книги: чего-нибудь одного было бы достаточно. Если въ замѣчаніяхъ г. Витберга было что-нибудь существенное, съ чѣмъ авторъ не согласенъ, отвѣтъ долженъ былъ остаться на почвѣ фактовъ; а если онѣ бывали совсѣмъ незначительны, если онѣ „преисполнены всевозможныхъ мелочныхъ и невѣжественныхъ придирокъ“ (какъ говоритъ г. Шенрокъ, стр. 385), то не стоило тратить на нихъ столько мѣста и времени.

Авторъ исполненъ вообще великимъ почтеніемъ къ Гоголю, самымъ внимательнымъ образомъ изучаетъ его творенія, но къ эпизоду его профессуры относится очень строго. Говоря о лекціяхъ Гоголя въ петербургскомъ университетѣ, г. Шенрокъ замѣчаетъ: „Гоголь въ данномъ случаѣ представлялъ натуру крайне неустойчивую. Ему нравились яркія краски, широкіе горизонты, и въ этомъ отношеніи въ немъ, безъ сомнѣнія, сказался южанинъ; но нравилась ему также казацкая и общерусская отвага, побуждавшія его не слишкомъ церемониться съ скучными фактами и сухими подробностями науки... Каковъ былъ Гоголь въ жизни, рекомендовавшій своимъ пріятелямъ почаще вспоминать о трынъ-травѣ, рекомендовавшій съ дѣлами поступать смѣлѣе: „одно по боку, другому киселя дай, и все кончено“, —таковъ же онъ былъ и въ наукѣ. Надо сознаться, что отвага въ этомъ отношеніи была у Гоголя далеко не малая: не только наши историки, какъ Бантышъ-Каменскій, не внушали ему уваженія, но и европейскіе склонялись у него во множественномъ числѣ („Герены“), а о книгахъ онъ даже попросту выражался: „чортъ возьми, если онѣ не служатъ теперь для тебя (Максимовича) только чтобы отемнить

твои мысли". Со студентами же, по его мнѣнію, лучше всего было бы поступать такъ: „бросить всѣ прежде читанныя лекціи и наталкивать ихъ *морду* (!) на хорошее". Этотъ размашистый тонъ вообще характеренъ для Гоголя (и именно больше всего въ эпоху, совпадающую съ его историческими занятіями), а это, конечно, ясно показываетъ, что передъ нами не истинный жрецъ науки. Г. Витбергъ очень мѣтко и вѣрно указалъ, что такой, глубоко пренебрежительный, чуть не до цинизма доходившій тонъ Гоголь употреблялъ часто, когда говорилъ объ оффиціальныхъ лицахъ, которыхъ считалъ иногда не очень заслуживающими уваженія, и, можетъ быть, не безъ основанія замѣтилъ, что иногда они того именно и стоили;—но наука и каѳедра никогда такого тона заслуживать не могутъ. Наука потому и не далась между прочимъ Гоголю, что онъ приступалъ къ ней безъ должнаго уваженія, что, по нашей національной привычкѣ, онъ имѣлъ притязаніе и надежду схватить все сразу, не воспитавъ въ себѣ вообще никакого *культа науки*, которая съ своей стороны не терпитъ тѣхъ, кто обращается съ ней фамильярно, чтобы не употребить иного выраженія. А какъ обращался Гоголь къ наукѣ? Вступалъ ли онъ съ благоговѣніемъ въ ея святилище, подобно почтеннымъ представителямъ западно-европейской науки?.. Чувствовалъ ли въ душѣ благородный трепетъ избранника музы исторіи? Конечно нѣтъ, потому что иначе никогда бы не былъ въ состояніи употребить выраженіе, что „расплевался съ университетомъ", хотя бы и съ самымъ убогимъ и жалкимъ! Не только о вопросахъ карьеры, но и о наукѣ Гоголь говорилъ съ какимъ-то пренебрежительнымъ цинизмомъ, и очень жаль, что онъ встрѣчалъ этой своей чертѣ хотя бы молчаливое, снисходительное поощреніе въ своихъ друзьяхъ профессорахъ и—увы!—въ лучшей нашей національной гордости и красѣ—Пушкинѣ!"

Авторъ прибавляетъ, что „у насъ за многое винятъ исключительно Гоголя тамъ, гдѣ надо видѣть въ немъ только болѣе яркое проявленіе нашихъ общихъ грѣховъ". Можетъ быть; но не надо преувеличивать этого общаго оправданія, потому что иначе исчезаетъ всякая особенность лица и всякая отвѣтственность. Въ данномъ случаѣ Гоголь, конечно, до извѣстной степени былъ введенъ въ заблужденіе тѣми друзьями и начальствами, которые считали возможнымъ занятіе имъ университетской каѳедры, и здѣсь виноватъ былъ общій низкій научный уровень; но эти начальства и друзья, въ сущности мало знавшіе Гоголя, думали, безъ сомнѣнія, что онъ приложитъ трудъ къ своему дѣлу, и не предполагали въ немъ того отношенія къ наукѣ и университету, которое можно дѣйствительно назвать циническимъ; сами они въ немъ обманулись. И это отношеніе было уже собствен-

ною принадлежностью Гоголя. Г. Шенрокъ думаетъ, что „размашистый тонъ“ особенно проявился у Гоголя въ эту эпоху; но въ дѣйствительности онъ былъ всегда въ его характерѣ и безъ сомнѣнія онъ же проявился долго спустя, напримѣръ, когда въ „Выбранныхъ мѣстахъ“ Гоголь давалъ своимъ друзьямъ практическіе совѣты (особливо извѣстные совѣты помѣщику, какъ управляться съ крестьянами), которые приводили въ такое негодованіе Бѣлинскаго. Что касается того, что у Гоголя не было „должнаго уваженія“ къ наукѣ, что была „національная привычка“, что онъ не воспиталъ въ себѣ „культа науки“, это можно было сказать проще: у Гоголя не было совсѣмъ самаго пониманія науки, котораго не дало ему его поверхностное образованіе. Громадный поэтическій талантъ соединялся, къ сожалѣнію, съ такою скудостью знаній, которую можно просто назвать невѣжествомъ. Нѣтъ слѣда того, чтобы, приготовляясь занять каѳедру, онъ подумалъ о необходимости познакомиться съ исторической литературой: онъ довольствовался кое-какими переводными книгами, просилъ Погодина прислать ему его лекціи, спрашивалъ, не переводятъ ли чего-нибудь въ Москвѣ тѣ „студенты“, о которыхъ однако онъ позволялъ себѣ говорить самымъ безцеремоннымъ образомъ (какъ въ вышеприведенной цитатѣ). Еслибы онъ не поторопился уйти изъ университета, его положеніе могло бы оказаться траги-комическимъ: уже вскорѣ въ нашихъ университетахъ стали появляться профессора новаго поколѣнія, хорошо подготовленные нѣмецкой школой, приносившіе настоящее пониманіе значенія и пріемовъ науки, и рядомъ съ ними фальшивость положенія Гоголя оказалась бы вопіющею. Черта умственнаго характера, которая обнаружилась съ университетскимъ эпизодомъ Гоголя, была, конечно, не случайная и не исчерпалась этимъ эпизодомъ: она проходитъ чрезъ всю его жизнь и между прочимъ занимала весьма важную роль въ послѣднемъ періодѣ его біографіи, особливо съ сороковыхъ годовъ, отмѣченныхъ развитіемъ піэтизма. Конечно, возникновеніе піэтистическаго настроенія можетъ совершиться даже независимо отъ научнаго развитія, но извѣстная степень этого развитія можетъ дать иную окраску и иную степень возвышенности самому піэтистическому идеалу. Опредѣляя этотъ послѣдній періодъ жизни Гоголя, его біографъ долженъ принять въ соображеніе и эту сторону его содержанія.

— *Записки* (Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ") *и Дневникъ* (1826—1877) *А. В. Никитенко.* Томъ первый. Съ портретомъ автора. Спб. 1893.

Въ предисловіи издательницъ мы читаемъ, что А. В. Никитенко впервые приступилъ къ литературной обработкѣ своихъ воспоминаній въ 1851 году, не покидая въ то же время давно веденнаго имъ дневника. „Онъ предполагалъ такимъ образомъ обработать и весь свой „Дневникъ". Но это удалось ему только въ предѣлахъ весьма небольшой части его воспоминаній. Масса разнородныхъ дѣлъ оставляла ему слишкомъ мало досуга для спокойнаго кабинетнаго труда, не входившаго въ кругъ ежедневныхъ обязательныхъ занятій, и „Повѣсти о самомъ себѣ" суждено было оборваться на вступленіи автора въ новую жизнь, у порога университета—конечной цѣли всѣхъ его юношескихъ стремленій. Бо́льшая и, можетъ быть, интереснѣйшая часть воспоминаній Александра Васильевича осталась послѣ него въ сыромъ видѣ, на страницахъ „Дневника". А „Дневникъ" онъ велъ съ четырнадцатилѣтняго возраста по са́мый день кончины, въ іюлѣ 1877 г. Такимъ образомъ накопилась масса тетрадей, а въ нихъ множество фактовъ самаго разнообразнаго содержанія. Приведенные въ порядокъ рукой самого автора, они, конечно, выиграли бы въ изложеніи и освѣщеніи, которое сообщило бы имъ его опытное перо. Но мы полагаемъ, что и въ настоящемъ отрывочномъ видѣ они представляютъ много интереснаго и поучительнаго. Записанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ факты, безъ искусственной группировки и субъективныхъ выводовъ, часто говорятъ здѣсь убѣдительнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ комментаріевъ и въ своей неприкрашенной правдивости представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для будущаго историка данной эпохи".

„Записки и Дневникъ" стали печататься въ „Русской Старинѣ" съ 1889 года и продолжали появляться въ этомъ изданіи до смерти М. И. Семевскаго; печатаніе прервалось на 1872 годѣ, но рукопись заключаетъ еще пять лѣтъ дневника, по 1877 годъ; въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи, разсчитанномъ на три тома, дневникъ долженъ явиться въ своемъ полномъ составѣ. Авторъ записокъ завѣщалъ издательницамъ распорядиться оставшимися послѣ него рукописями „по внушенію ихъ совѣсти, любви къ нему и чувства долга передъ обществомъ", и вслѣдствіе этого онѣ рѣшили изданіе этихъ рукописей, считая ихъ „больше общественнымъ, чѣмъ семейнымъ наслѣдствомъ".

Дѣйствительно, „Записки и Дневникъ" А. В. Никитенко исполнены величайшаго интереса, не столько личнаго, сколько именно общественнаго. Они съ самаго начала привлекли къ себѣ общее вниманіе

множествомъ любопытнѣйшихъ показаній свидѣтеля и очевидца о нѣсколькихъ періодахъ нашей общественной жизни съ начала столѣтія до семидесятыхъ годовъ.

Начало записокъ занято трогательной, иногда потрясающей картиной изъ стараго быта: это—исторія его отца, который былъ крѣпостнымъ важнаго богатаго барина, но имѣлъ нѣкоторое образованіе,—одна изъ тѣхъ исторій, которыя не были въ прежнее время рѣдкимъ исключеніемъ и между прочимъ принадлежали къ числу тѣхъ, какія были почти пропущены нашей литературой. Никитенко-отецъ принадлежалъ къ высшему слою подданныхъ важнаго барина: владѣя, какъ мы сказали, нѣкоторымъ образованіемъ, онъ служилъ при конторѣ, управлявшей имѣніями, и былъ оригинальнымъ типомъ даровитаго, но при условіяхъ его положенія наивнаго идеалиста, который искалъ просвѣщенія и правды: первое онъ старался найти въ чтеніи; исканіе второй, какъ и слѣдуетъ, стоило ему тяжелыхъ испытаній, ложившихся и на его семью, между прочимъ навлекло ему ссылку изъ воронежской губерніи въ захолустье жалкой деревни въ западно-русскомъ краѣ. Весь этотъ разсказъ, веденный просто и задушевно, читается какъ прекрасная ретроспективная повѣсть изъ народнаго быта начала столѣтій. Въ этихъ условіяхъ начиналась жизнь А. В. Никитенко, въ свою очередь исполненная великихъ тревогъ до тѣхъ поръ, пока счастливо сложившіяся обстоятельства помогли ему получить личную свободу. Съ юношескихъ лѣтъ передъ нимъ уже раскрывалось разнообразное зрѣлище нашей общественной жизни; даровитость юноши уже рано выдвинула его сначала въ тѣсной провинціальной средѣ, потомъ доставила ему покровителей въ Петербургѣ, и послѣ освобожденія открыла ему поприще службы, учительства и наконецъ профессуры. Различныя событія и направленія общественной жизни съ двадцатыхъ годовъ были ему знакомы по собственнымъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ. Нѣкогда, еще юношей, онъ былъ участникомъ библейскаго общества; въ Петербургѣ онъ видѣлъ кругъ людей, будущихъ декабристовъ, среди которыхъ нашлись лица, добившіяся его освобожденія; впослѣдствіи онъ много занимался преподаваніемъ, между прочимъ въ женскихъ институтахъ и затѣмъ въ университетѣ; рано сблизился съ литературными кругами, какъ писатель и потомъ цензоръ (въ то время цензора часто назначались изъ профессоровъ) — въ томъ и другомъ качествѣ онъ близко видѣлъ литературную жизнь и ея невзгоды, и послѣднія испыталъ не однажды даже въ качествѣ цензора, и т. д. Все это отразилось любопытнѣйшими чертами въ его дневникѣ; можно жалѣть, что этого богатаго матеріала онъ не успѣлъ обработать въ формѣ болѣе обстоятельнаго и цѣльнаго разсказа, какъ обработаны

его „Записки“, но имѣетъ свои выгоды и форма дневника, гдѣ остались непосредственныя впечатлѣнія минуты.

Понятно, какую цѣнность имѣютъ „Записки и Дневникъ“ какъ историческій матеріалъ; факты и впечатлѣнія, записанные человѣкомъ, принадлежавшимъ къ образованнѣйшему кругу общества, бросаютъ много яркаго свѣта на судьбу русской общественной жизни за три продолжительныя царствованія. Самъ испытавъ бытовыя формы, уничтоженныя только къ концу его жизни; глубоко цѣня интересы просвѣщенія, которые съ юности были его собственнымъ инстинктивнымъ влеченіемъ; вращаясь по преимуществу въ кругу дѣятелей литературы и образованія, онъ былъ въ особенности способенъ замѣчать и оцѣнивать факты, относившіеся къ исторіи просвѣщенія и литературы; а позднѣе, когда онъ сблизился со многими лицами изъ высшихъ административныхъ круговъ, онъ имѣлъ возможность видѣть интимную сторону крупныхъ мѣропріятій, напримѣръ различныхъ реформъ прошлаго царствованія. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ „Дневникъ“ представляетъ множество любопытныхъ указаній. Эта лѣтопись нашей общественной жизни за нѣсколько десятковъ лѣтъ замѣчательна и въ другомъ отношеніи. Самый „Дневникъ“, съ своимъ взглядомъ на вещи, своимъ тономъ и языкомъ отражаетъ различныя эпохи, пережитыя обществомъ и самимъ авторомъ. „Повѣсть о самомъ себѣ“, стоящая во главѣ записокъ, относилась къ слишкомъ далекимъ временамъ и разсказана въ ровномъ, такъ сказать, эпическомъ тонѣ, какъ давняя исторія, впрочемъ, не безъ личнаго одушевленія. „Дневникъ“ записываетъ впечатлѣнія минуты и непосредственно отражаетъ настроеніе своего времени, т.-е. въ той части общества, къ которому авторъ примыкалъ по своему образованію и умственнымъ интересамъ. Во второй четверти столѣтія его настроеніе есть настроеніе людей, чувствовавшихъ тяжелое, ненормальное положеніе общества, мечтавшихъ о лучшемъ порядкѣ вещей, который далъ бы просторъ научной мысли и общественной инипіативѣ; самъ авторъ былъ въ средѣ этихъ идеалистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и самъ лично испытывалъ тягость нравственнаго положенія и видѣлъ общественныя неустройства всякаго рода, вызывавшія къ реформамъ. Наконецъ наступила и эпоха реформъ, а въ литературѣ и общественной жизни явились новыя поколѣнія съ ихъ новыми запросами и идеалами. Извѣстно, что уже на первыхъ порахъ періода реформъ оказалось различіе историческихъ эпохъ: для людей старшаго поколѣнія исполнялись давнишнія надежды ихъ молодости, исполнялись, быть можетъ, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ они нѣкогда мечтали, и они были вполнѣ удовлетворены, полагая, что этого довольно и что какой-либо дальнѣйшій за-

просъ будетъ необузданнымъ требованіемъ. Притомъ эти прежніе идеалисты часто становились теперь сами исполнителями преобразованій, осуществлявшихъ ихъ стремленія; и проведши жизнь въ порядкѣ вещей, не допускавшемъ даже тѣни помышленій, которыя исполнялись теперь на дѣлѣ, они готовы были видѣть совершенство въ явленіяхъ, которыя этимъ совершенствомъ далеко не были, и отвергать какъ легкомысліе тѣ новыя стремленія, какія возникали въ молодыхъ поколѣніяхъ. Происходилъ разладъ „отцовъ и дѣтей". Ошибались, конечно, обѣ стороны: одна—преувеличенностью своихъ ожиданій, для исполненія которыхъ русская жизнь не давала почвы; другая—тѣмъ, что не хотѣла признать новыхъ требованій времени, въ числѣ которыхъ бывали и требованія совершенно естественныя. Этотъ разладъ отразился и на „Дневникѣ", за его послѣдніе годы.

— *Этнографическое Обозрѣніе.* Изданіе Этнографическаго отдѣла Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Кн. XIII—XIV, XV. Подъ редакціей секретаря Этнограф. отдѣла Н. А. Янчука. М. 1892—1893.

— *Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи* при Импер. Казанскомъ университетѣ. Томъ X (шесть выпусковъ). Казань, 1892.

Этнографическій интересъ значительно распространился въ послѣднее время: два спеціальныхъ органа этнографіи, „Обозрѣніе" въ Москвѣ и „Живая Старина" въ Петербургѣ, и рядъ другихъ изданій, въ которыхъ дается больше или меньше мѣста этнографическимъ изслѣдованіямъ и матеріаламъ, какъ изданія Академіи наукъ и Географическаго общества, архивныхъ коммиссій въ провинціи, „Кіевская Старина" и т. д. доставляютъ изобильный запасъ новыхъ свѣденій, и именно новыхъ, т.-е. не только расширяющихъ прежнія рубрики этнографическаго знанія, но вводящихъ также другія стороны и подробности дѣла, которыя прежде мало или совсѣмъ не обращали на себя вниманія.

О разнообразномъ составѣ „Обозрѣнія", которое вообще доставляетъ въ послѣдніе годы наиболѣе богатый вкладъ въ нашу этнографическую литературу, мы не однажды имѣли случай говорить. Таково оно и теперь. Здѣсь представлены всѣ главныя отрасли русской народности и различные инородцы Сѣверо-восточной Россіи, Кавказа и Сибири; кромѣ сырого матеріала, изслѣдованія съ болѣе или менѣе широкими вопросами, хотя чаще только детальныя; дальше, внимательно веденная библіографія русской и иностранной литературы, указатели къ разнымъ отдѣламъ старой этнографической литературы (какъ, напр., указатель этногр. статей и замѣтокъ въ

кавказскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія, г. Хаханова) и пр. Въ послѣднихъ выпускахъ „Обозрѣнія“ г. Вс. Миллеръ, объ „Экскурсахъ“ котораго мы въ свое время подробно говорили, предпринялъ рядъ новыхъ детальныхъ изученій русской былины, „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ“,—гдѣ собираетъ для нихъ новыя параллели изъ средневѣковыхъ, кавказскихъ и восточныхъ преданій. Г. Н. Потанинъ, такъ много работающій за послѣдніе годы по изученію Монголіи, даетъ еще два эпизода своихъ сличеній нашей былины съ монгольскими и иными средне-азіатскими сюжетами. Наконецъ, на ту же тему былинныхъ сличеній есть работа г. Сумцова. Далѣе, рядъ большихъ или небольшихъ статей посвященъ малорусской этнографіи: В. П. Горленко доставилъ два варіанта думъ—знаменитой думы о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова и думы о Коновченкѣ; г. Охримовичъ изслѣдуетъ значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи развитія семьи; гг. Васильевъ и Сумцовъ—антропологическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа; П. И. сообщаетъ сборникъ малорусскихъ народныхъ легендъ. Бѣлорусской этнографіи посвящены сообщенія гг. Ляцкаго, Никифоровскаго. Затѣмъ изслѣдованія о бытѣ, народной поэзіи, вѣрованіяхъ инородцевъ—чувашъ, мордвы, вотяковъ, башкиръ, грузинъ. Наконецъ, много мелкихъ сообщеній и библіографическихъ матеріаловъ.

Болѣе спеціально составлены „Извѣстія“ казанскаго Общества. Кромѣ этнографіи, въ занятія Общества входятъ исторія и археологія. Первая мысль объ основаніи этого Общества возникла среди казанскихъ дѣятелей въ 1877 г., когда происходилъ въ Казани археологическій съѣздъ. Въ послѣдніе, болѣе дѣятельные годы изданіе „Извѣстій“ казанскаго общества исполняется по слѣдующей программѣ: во-первыхъ, статьи по общимъ вопросамъ наукъ, которымъ посвящены занятія Общества, статьи оригинальныя или переводныя; во-вторыхъ, спеціальныя изслѣдованія по тѣмъ же областямъ науки, относительно Восточной Россіи; далѣе, матеріалы изъ частныхъ сообщеній, актовъ, произведеній народнаго творчества, словарей инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извѣстія о музеяхъ въ восточной Россіи, объ археологическихъ, этнографическихъ и т. п. экспедиціяхъ и находкахъ; наконецъ, библіографическій обзоръ книгъ и статей, имѣющихъ отношеніе къ этому спеціальному изученію восточной Россіи. Почему предметомъ изученій Общества поставлена не казанская „губернія“, а Восточная Россія, это понятно, конечно, само собою. Казались бы излишними тѣ объясненія, какія даетъ по этому поводу редакція изданія. Мы читаемъ: „*Извѣстія* посвящаются археологическому, историческому и этнографическому

изученію *Восточной России*. Причины, въ силу которыхъ для скромнаго провинціальнаго изданія намѣчается такое широкое поле дѣйствія, лежатъ въ мѣстныхъ условіяхъ. Еслибы казанское ученое Общество захотѣло поставить своей задачей изученіе во всѣхъ намѣченныхъ отношеніяхъ одной казанской губерніи, связь фактовъ заставила бы его выйти изъ этихъ географическихъ предѣловъ: булгарская культура увлекла бы археолога, съ одной стороны, въ широкій районъ чудской культуры, который переходитъ за Уралъ, съ другой—въ область Южнаго Поволжья; туда же заставило бы обратить свои взоры каждаго изслѣдователя изученіе вещественныхъ памятниковъ и исторіи монголо-татарской эпохи. Этнографическое изученіе любой изъ нашихъ народностей: чувашъ, татаръ, черемисъ, вотяковъ, мордвы, мещеряковъ (мишарей) побудило бы также перешагнуть административныя границы губерніи и продолжать свои поиски на всемъ пространствѣ, сохранившемъ въ себѣ обломки урало-алтайскаго (тюркскаго, монгольскаго и финскаго) міра. Рядомъ съ этими основаніями едва ли есть нужда распространяться о другихъ,—о культурной и исторической роли Казани на Востокѣ Россіи, о слабомъ развитіи научныхъ интересовъ во многихъ городахъ и губерніяхъ края". „Связь фактовъ", конечно, вынудитъ казанское Общество во многихъ случаяхъ выйти за предѣлы Восточной Россіи, и оно, конечно, не послѣдуетъ примѣру того натуралиста былыхъ временъ, который писалъ ученое сочиненіе о „рыбахъ кіевскаго учебнаго округа". Что въ настоящее время эти работы сосредоточиваются въ казанскомъ ученомъ Обществѣ,—объясняется въ особенности тѣмъ, что во всей громадной восточной полосѣ Россіи Казань является единственнымъ пунктомъ высшаго факультетскаго образованія.

Редакція объясняетъ далѣе, что желала дать въ „Извѣстіяхъ" объединительный органъ для тѣхъ разъединенныхъ тружениковъ и любителей науки, которые разсѣяны въ провинціальныхъ городахъ и селахъ и труды которыхъ нерѣдко не находятъ къ себѣ достаточнаго вниманія въ столичныхъ учрежденіяхъ и изданіяхъ и безплодно пропадаютъ. „*Извѣстія* ставятъ своей задачей созвать всѣхъ этихъ одинокихъ тружениковъ подъ одно знамя, объединить ихъ въ служеніи общей цѣли, ввести исподволь планомѣрность и цѣлесообразность въ ихъ работу, дать имъ возможность приложить свой трудъ къ разработкѣ нетронутаго матеріала и закрѣпить для науки каждый, хотя незначительный, но новый фактъ, констатированный ихъ наблюденіями". Задача, заслуживающая всякаго признанія и несомнѣнно своевременная, потому что эти разъединенные научные интересы, въ той или другой мѣрѣ, дѣйствительно существуютъ и нуждаются въ этой опорѣ и объединеніи. Для выполненія этой задачи „Извѣстія"

считаютъ нужными упомянутыя общія статьи по исторіи и методологіи названныхъ наукъ, а также опредѣленіе программъ для изслѣдованія и собиранія свѣденій и, наконецъ, обстоятельную библіографію и, между прочимъ, извлеченія изъ мѣстной періодической печати, которая такъ часто остается неудобной для пользованія. По отдѣльнымъ вопросамъ редакція „Извѣстій" намѣревается давать своды фактовъ, находящихся въ изданіяхъ, которыя по большей части бываютъ недоступны мѣстнымъ изслѣдователямъ. Эти своды должны служить основаніемъ для опредѣленія новыхъ фактовъ, являющихся въ наукѣ, какъ напр. сводъ фактовъ относительно формъ погребенія можетъ служить руководствомъ при новыхъ раскопкахъ.

Исполняя эту программу, казанскія „Извѣстія" восполняютъ пробѣлъ, который несомнѣнно чувствуется въ нашей археологической и этнографической литературѣ. Съ первыхъ выпусковъ „Извѣстій" начатъ былъ рядъ статей „Изъ прошлаго и настоящаго до-исторической археологіи въ Европѣ", именно въ Скандинавіи, Германіи и Австро-Венгріи, во Франціи, въ Швейцаріи, Италіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ Англіи. Въ качествѣ упомянутыхъ сводовъ является историко-этнографическій очеркъ мордвы, И. Н. Смирнова, которому вообще принадлежитъ наибольшій трудъ въ изданіи казанскаго Общества; далѣе, „Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Восточной Россіи"—опять сводъ извѣстій, гдѣ перебраны различные инородцы Восточной Россіи и Сибири, отъ финновъ Сѣверной Россіи и калмыковъ Южнаго Поволжья до камчадаловъ.

Польза подобныхъ обозрѣній или сводовъ не подлежитъ сомнѣнію не только въ томъ смыслѣ руководства для мѣстныхъ изслѣдователей, которымъ многія средства науки остаются недоступны, но и въ болѣе широкомъ смыслѣ для цѣлой нашей археологической науки. Какъ и многія другія отрасли нашей науки, русская археологія, возникшая подъ вліяніемъ науки западной, начиналась ex abrupto, — причемъ ея дѣятелями были или самоучки, побуждаемые личной охотой, или люди, приготовленныеевропейской наукой; тѣ и другіе направлялись обыкновенно къ частностямъ археологическихъ вопросовъ, такъ что вопросы общіе, цѣлое значеніе и самый методъ изысканій оставались неразработанными и необъясненными для тѣхъ любознательныхъ людей, которые желали бы заняться археологическимъ дѣломъ на мѣстахъ. Редакція „Извѣстій" справедливо полагаетъ, что нѣсколько организованныя ученыя общества должны оказать поддержку этимъ мѣстнымъ дѣятелямъ, чтобы утилизировать ихъ труды и дать опору для правильной постановки самыхъ этихъ трудовъ: это важно тѣмъ болѣе, что условія нашей территоріи дѣлаютъ именно необходимой эту мѣстную работу. Территорія, подлежащая

изслѣдованію нашей археологической (и этнографической) науки такъ громадна, что ученые спеціалисты, пребывающіе въ университетскихъ, особливо столичныхъ центрахъ, физически не въ состояніи знакомиться непосредственно съ массой матеріала, разсѣяннаго на огромныхъ пространствахъ. Тѣ „своды", какіе имѣетъ въ виду редакція „Извѣстій", быть можетъ поведутъ, наконецъ, къ болѣе широкимъ обобщеніямъ, которыя впервые составятъ цѣльное изложеніе науки. Прекрасное начало подобныхъ трудовъ положено въ извѣстной книгѣ г. Кондакова и гр. Толстого, которая объясняетъ общую картину археологической древности; но она не исключаетъ потребности въ болѣе частныхъ обобщеніяхъ мѣстныхъ, племенныхъ и предметныхъ, а также въ указаніяхъ методологическихъ.

Въ настоящемъ томѣ „Извѣстій" мы находимъ между прочимъ двѣ программы по изученію инородцевъ. Одна посвящена собственно изученію мордовскаго племени; другая заключаетъ общіе вопросы и указанія относительно обрусѣнія инородцевъ въ Восточной Россіи. Предметъ этой второй программы чрезвычайно интересенъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ нашей науки, которые остаются наименѣе изслѣдованными—именно потому, что могутъ быть опредѣлены съ нѣкоторой точностью только подробнымъ и внимательнымъ изслѣдованіемъ на мѣстахъ. Давно извѣстенъ самый фактъ обрусѣнія, который идетъ съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи и съ первыхъ шаговъ русской колонизаціи въ нынѣшней средней, сѣверной и восточной Россіи, и безъ сомнѣнія оставилъ слѣды въ самомъ этнологическомъ характерѣ великорусской народности; фактъ обрусѣнія инородцевъ совершается и до настоящей минуты, — но кромѣ рѣдкихъ случаевъ (напр. въ антропологическихъ трудахъ Богданова, нѣкоторыхъ указаніяхъ относительно сибирскихъ инородцевъ) онъ извѣстенъ лишь по отрывочнымъ и случайнымъ замѣткамъ и не вызывалъ спеціальныхъ изслѣдованій, такъ что вопросъ остается неясенъ даже въ средѣ ученыхъ людей. Кромѣ обрусѣнія инородцевъ, въ ихъ отношеніяхъ къ русскимъ происходило несомнѣнно и обратное явленіе, именно извѣстное воздѣйствіе инородческаго элемента на само русское населеніе, находившееся въ сосѣдствѣ и въ связяхъ съ инородцами.

Авторъ программы, г. Смирновъ, указывая важность изученія вопроса, замѣчаетъ, что на пространствѣ Восточной Россіи разсѣяны массы инородцевъ, изъ которыхъ одни почти утратили свои племенныя черты въ сліяніи съ русскими, а другіе сохранили вмѣстѣ съ языкомъ и многія особенности своего древняго быта. „Между этими крайними стадіями сближенія можно предположить цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней. Русское вліяніе должно чувство-

ваться сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы живутъ смѣшанно, въ однѣхъ деревняхъ съ русскими и уступаютъ имъ численно, гдѣ ихъ сосѣдями на значительномъ разстояніи являются также русскіе, гдѣ сверхъ того они приходятъ въ соприкосновеніе съ многочисленными случайными гостями-русскими, какъ, напр. на большихъ почтовыхъ и коммерческихъ дорогахъ; самой слабой степени обрусѣнія мы въ правѣ ожидать тамъ, гдѣ всѣ перечисленныя условія отсутствуютъ. Свести въ теченіе хотя бы цѣлаго ряда лѣтъ весь матеріалъ, который по этому вопросу предлагаетъ литература и жизнь, является существенно важнымъ въ виду тѣхъ *рискованныхъ* общихъ заключеній, которыя дѣлаются объ *ассимиляціонной способности* русскаго народа на основаніи нѣсколькихъ частныхъ и недостаточно изслѣдованныхъ фактовъ".

Для установленія болѣе правильныхъ наблюденій г. Смирновъ предлагаетъ распредѣлить изслѣдуемыя селенія на семь категорій по степени силы русскаго или инородческаго элемента,—отъ первой категоріи, въ которую войдутъ „инородческія селенія, со всѣхъ сторонъ окруженныя таковыми же, вовсе безъ русскихъ или съ нѣсколькими человѣками въ лицѣ священника, псаломщика, урядника, лавочника и т. п.", и до седьмой, въ которую должны быть отнесены „обрусѣвшія инородческія селенія, гдѣ только по преданію говорятъ, что старики были инородцы". Наконецъ, — „за этими легко распознаваемыми категоріями идетъ послѣдняя, наиболѣе интересная, но и наименѣе поддающаяся при поверхностномъ изслѣдованіи. Можетъ оказаться рядъ такихъ селеній, гдѣ жители говорятъ по-русски, считаютъ себя русскими искони, но гдѣ глазъ посторонняго наблюдателя поражается сходствомъ между этими русскими по чертамъ лица, по отдѣльнымъ принадлежностямъ костюма, по говору или по какому-нибудь другому признаку съ однимъ изъ ближайшихъ инородческихъ племенъ. Для провѣрки предположенія о родствѣ этихъ *русскихъ* съ тѣми или другими инородцами слѣдуетъ собрать фамиліи всѣхъ жителей деревни и выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя не имѣютъ такого явно русскаго происхожденія, какъ фамилія, произведенныя отъ христіанскихъ именъ, отъ русскихъ названій животныхъ, птицъ, орудій и т. д. Примѣсь къ русскимъ фамиліямъ такихъ, какъ, напр., Лунеговъ, Волеговъ, Пислеговъ, Поткеевъ и т. п. ясно не-русскихъ фамилій, покажетъ справедливость провѣряемой гипотезы" (авторъ прибавляетъ, что впрочемъ потомки инородцевъ могутъ иногда скрываться и подъ чисто-русскими фамиліями).

Авторъ программы ставитъ затѣмъ, по каждой изъ перечисленныхъ категорій, различные детальные вопросы—относительно степени распространенія русскаго языка, топографическаго расположенія поселе-

ній, сохраненія старыхъ обрядовъ, большей или меньшей близости къ русскимъ, характерѣ взаимныхъ отношеній и т. п. О послѣдней категоріи—совершенно обрусѣвшихъ инородцевъ, г. Смирновъ замѣчаетъ, что, „выяснивши посредствомъ изслѣдованія фамилій или могильныхъ находокъ инородческое происхожденіе населенія, слѣдуетъ поискать, не сохранилось ли въ его языкѣ, костюмѣ, повѣрьяхъ, обычаяхъ остатковъ былого родства съ той или другой народностью".

Вопросъ чрезвычайно интересный и который давно долженъ былъ бы возбудить вниманіе этнографовъ. Изслѣдованіе его необходимо для опредѣленія состава русской народности, котораго варіаціи до сихъ поръ остаются невыясненными. Извѣстно, что эти варіаціи весьма значительны. Онѣ слагались съ давнихъ, даже незапамятныхъ временъ; первый лѣтописецъ знаетъ уже *нѣсколько* русскихъ племенъ, которыя онъ отличаетъ, и эти древнія основы должны были съ одной стороны нѣсколько объединиться общей политической и церковной жизнью, а съ другой вновь дифференцироваться подъ вліяніемъ новой колонизаціи, новыхъ условій климатическихъ, трудовыхъ и т. п., а также новыхъ связей съ инородческимъ сосѣдствомъ. Различіе великорусскаго и малорусскаго элемента указываетъ, какъ далеко разошлись въ теченіе вѣковъ отдѣльные отпрыски одной русской стихіи... Программа г. Смирнова имѣетъ, конечно, ближайшую и тѣсную цѣль — опредѣлить данную ступень обрусѣнія инородцевъ въ настоящую минуту; цѣлый вопросъ долженъ, очевидно, обнять историческое прошедшее, и здѣсь между прочимъ услѣдить обратное вліяніе инородческой стихіи на русскую мѣстную народность. Это обратное вліяніе, которое должно предполагать въ извѣстныхъ условіяхъ a priori, до сихъ поръ всего менѣе изслѣдовано, но оно не должно быть забыто въ общемъ опредѣленіи отношеній русской народности къ инородческому міру. За послѣднее время примѣры подобнаго явленія указывались особенно на русской народности въ Сибири: оно возникало тамъ, гдѣ, въ первыя стадіи колонизаціи, русскіе были малочисленнѣе инородцевъ, гдѣ происходили болѣе частыя брачныя связи, гдѣ условія климата и мѣстности вызывали принятіе туземныхъ обычаевъ труда, одежды, жилища, питанія и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ происходили заимствованія изъ туземнаго инородческаго языка и порча собственнаго, гдѣ, наконецъ, всему этому способствовалъ невысокій культурный уровень приходившаго русскаго населенія,—такъ что, напримѣръ, между русскимъ населеніемъ распространялись даже языческія суевѣрія инородцевъ, какъ вѣра въ шаманство и т. п... Подобныя отношенія, еще наблюдаемыя теперь въ Сибири, безъ сомнѣнія, могли существовать въ прошедшемъ и въ другихъ областяхъ русской народности.

Русской археологіи и этнографіи предстоитъ еще громадная масса работы. Нельзя не встрѣтить съ большимъ сочувствіемъ возникающую теперь мѣстную дѣятельность, которой органомъ хочетъ стать для Восточной Россіи казанское Общество: какъ мы видѣли, оно очень правильно ставитъ свои задачи, и труды редактора его „Извѣстій", И. Н. Смирнова, составляютъ цѣнный вкладъ въ нашу науку.

Полезно было бы только избѣжать на будущее время въ „Извѣстіяхъ" слишкомъ развязнаго тона нѣкоторыхъ рецензій, едва ли приличнаго въ ученомъ изданіи. — А. П.

– *С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири.* (До Томска.—Отъ Томска.—Жиганы.—Уголовные дворяне. — Маскарадъ въ Тайгинскѣ. — „Отлетаетъ мой соколикъ" (изъ каторжныхъ пѣсенъ).—Савелій.—„Окаянный городъ".—Абаканская степь). М. 1893.

Недавно одинъ обозрѣватель современной нашей беллетристики приходилъ въ нѣкоторый ужасъ отъ ея крайней безсодержательности; въ наибольшей долѣ она занята одними „физіологическими отправленіями", и очень часто заключается въ очень маленькихъ, миленькихъ, обработанныхъ и обточенныхъ разсказцахъ, въ которыхъ обозрѣватель не находилъ, однако, никакого содержанія, такъ что для характеристики подобныхъ повѣстей счелъ возможнымъ прибѣгнуть къ выраженію Пушкина объ одномъ разрядѣ красавицъ: прелестныя дуры. Къ сожалѣнію, замѣчаніе справедливо: надо удивляться, какимъ образомъ современная русская повѣсть совсѣмъ не видитъ той общественной жизни, въ которой мы вращаемся и которая, повидимому, должна бы составлять основную тему литературы. Старое преданіе Тургенева, Салтыкова, гр. Толстого, даже Достоевскаго и Гончарова какъ будто совсѣмъ забыто; не въ томъ дѣло, что нѣтъ равныхъ имъ талантовъ—но нѣтъ общественнаго пониманія. Рѣдкія проявленія истинной поэзіи, какъ у г. Короленко, составляютъ исключеніе... Въ такой обстановкѣ новѣйшей беллетристики на нашъ взглядъ особенный интересъ представляютъ произведенія, которыя выбираютъ своимъ предметомъ если не широкіе вопросы окружающей насъ общественности, то хотя бы какую-либо опредѣленную мѣстную область жизни: получается по крайней мѣрѣ извѣстный мѣстный пейзажъ, картина опредѣленной дѣйствительности, а не переливаніе изъ пустого въ порожнее. Таковы бывали многіе изъ лучшихъ разсказовъ г. Короленко, гдѣ проходили передъ нами или уголки югозападной Малороссіи, или захолустья Восточной Сибири, или картинки мѣстнаго быта средней Россіи; таковы бывали разсказы г. Мамина съ изобра-

женіями природы и жизни Уральскаго края и друг. Въ этихъ повидимому только мѣстныхъ картинахъ передъ нами развертывается однако широкій интересъ, а именно получается изображеніе общихъ условій и положенія нашей народной и общественной культуры... Таковы и „Очерки Сибири" г. Елпатьевскаго. Все это небольшіе разсказы; но въ нихъ столько оригинальныхъ картинъ сибирской природы и отголосковъ своеобразнаго быта, что они читаются съ живѣйшимъ интересомъ. Авторъ не туземецъ, и тѣмъ больше бросались ему въ глаза особенности страны. На первый разъ, когда авторъ въѣзжалъ въ Россію изъ Сибири, перемѣна была не чувствительна. „Дальше и дальше, мимо расписанныхъ станцій, мимо Екатеринбурга,—хотя, къ слову сказать, очень хорошій и не шаблоннаго типа городъ,—мы за столбомъ, позади насъ Европа, впереди Азія. Я ждалъ какого-то особеннаго впечатлѣнія отъ этого столба. Ничего интереснаго въ столбѣ не оказалось, да и за столбомъ пока еще мало любопытнаго. Тѣ же поля, та же рожь, тѣ же „рассейскія"—я теперь довольно чисто выговариваю это слово съ надлежащимъ акцентомъ—лица. Только громадныя деревни съ прекрасными постройками, какъ-то не гармонирующими съ понятіемъ о мужицкой деревнѣ, говорятъ тебѣ о сибирско-мужицкомъ царствѣ.

„Въ Тюмени мы сѣли на пароходъ и двинулись по Турѣ. Ни Туры, ни Тобола, ни Иртыша я описывать не буду. Пусто, диковато, безлюдно—вотъ и все. Я, впрочемъ, не особенно занимался ими,—я ждалъ Оби. Меня чрезвычайно интересовала эта безбрежная рѣка, эта русская Амазонка, гдѣ бываютъ настоящія бури, разбивающія большія суда.

„Мнѣ пришлось жестоко обмануться. Ничего печальнѣе, пустыннѣе и безпріютнѣе нельзя себѣ представить. Даже громадная масса воды не поражаетъ. Низкіе плоскіе берега, широкія песчаныя отмели, низкорослыя купы деревьевъ, какъ-то вдругъ вырѣзывающіяся изъ воды,—все это глушитъ и тушитъ широкую массу. Даже рѣки нѣтъ. Такъ непохожа эта разлившаяся масса воды безъ рѣзкихъ очертаній берега на то представленіе, какое имѣется у каждаго о рѣкѣ. Какъ будто пропитанная водой губка, почва вылила на поверхность избытокъ своей влаги, и эта болотная вода выступила безобразными пятнами, разливаясь по низинамъ, обходя еле-еле поднимающіяся плоскости и тихо катясь по уклону своими мутными волнами. Некрасива эта сибирская Амазонка съ вѣчно мутнымъ небомъ, съ однообразными унылыми лѣсами, съ восьмимѣсячною зимой, съ тусклымъ лѣтомъ.

„Чѣмъ выше поднимались мы къ сѣверу, тѣмъ пустыннѣе и тоск-

ливѣе казалась рѣка, тѣмъ ниже становились лѣса, тѣмъ унылѣе берега".

Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше путешественникъ видитъ новаго и въ природѣ, и въ людяхъ; его поражаетъ своей мрачной красотой сибирская „тайга" и ему рисуется картина того вліянія, какое производила она искони на перваго русскаго поселенца и измѣняла его характеръ въ сибирскую народную особенность.

„...Первый пришелецъ изъ русской земли принесъ съ собой оживленный шумъ и вольный просторъ многоводной Волги, добродушную и широкую натуру русскаго человѣка, принесъ свои пѣсни, свои легенды и сказки.

„Онъ—въ тайгѣ, куда ушелъ одинъ, безъ семьи, на звѣроловный промыселъ. Тайга должна покорить его. Онъ дѣлается молчаливъ и серьезенъ. Въ тайгѣ не хочется смѣяться и пѣсня не идетъ съ губъ человѣка,—она такъ странна въ мертвой тишинѣ этого угрюмаго лѣса и такъ безсильно замираетъ въ ревущей таёжной пѣснѣ. Онъ не видитъ восхода и захода солнца: свѣтлый шаръ встаетъ изъ-за одной щетинистой стѣны и закатывается за другую, такую же мрачную стѣну,—вотъ и все, что онъ видитъ. И вездѣ, куда ни глянетъ глазъ его, онъ натыкается на обросшіе мхомъ стволы, на иглы елей и пихтъ. Какъ его глазъ видитъ только деревья, такъ и его умственный взоръ съуживается болѣе и болѣе, все труднѣе и труднѣе можетъ вырываться изъ предѣловъ этого сжимающаго кольца. Не поется пѣсня, не думается дума, не мечтается мечта. Глохнутъ старыя пѣсни, старыя легенды; тухнутъ старыя воспоминанія, глохнетъ даже голосъ...

„Этотъ борющійся человѣкъ долженъ быть вѣчно на-сторожѣ, вѣчно присматриваться и прислушиваться, не хрустнетъ ли вѣтка подъ тяжестью лапы медвѣдя, не мелькнетъ ли голубая спинка песца. По мѣрѣ того, какъ онъ забываетъ человѣческую рѣчь, онъ выучивается звѣриному языку,—учится безошибочно узнавать крикъ птицъ и ревъ звѣря, понимаетъ манеры ихъ и, какъ тунгусъ, начинаетъ опредѣлять по слѣду, сердитый ли медвѣдь прошелъ, или смирный. По мѣрѣ того, какъ отвыкаетъ отъ нравовъ человѣческихъ, онъ больше и больше привыкаетъ жить нравами звѣриными. Онъ одинъ-одинёшенекъ и долженъ полагаться только на себя. Съ него быстро сбѣгаетъ русское разгильдяйство и добродушная распущенность: онъ весь подбирается, подтягивается; его толстыя, расплывающіяся губы рѣзче складываются, крѣпче сжимаются; его глаза не смотрятъ открыто, а высматриваютъ исподлобья, выслѣживаютъ...

„Звѣроловъ вырывается, наконецъ, изъ тайги и съ добычей пришелъ къ себѣ въ семью, въ русскій поселокъ. Языкъ не такъ легко

ворочается во рту, не такъ свободно слетаютъ съ губъ слова нѣжности и любви. Онъ встрѣчается со своими друзьями односельцами,—ему непривычно, онъ отвыкъ отъ сколько-нибудь плавной рѣчи, и вотъ онъ говоритъ отрывочными предложеніями, на которыя его собесѣдники, такіе же только-что вернувшіеся звѣроловы, отвѣчаютъ такими же односложными фразами.

„Замѣчательно характеренъ для сибиряка этотъ отрывистый разговоръ. Не рѣчистъ, не ходокъ на плавную рѣчь и нашъ русскій крестьянинъ, но онъ краснорѣчивый ораторъ въ сравненіи со здѣшнимъ крестьяниномъ, несмотря на то, что послѣдній развился индивидуальнѣе, чѣмъ его зауральскій собратъ. И притомъ эта отрывистая форма разговора — не исключительная принадлежность крестьянства"...

Эти эпизоды могутъ дать читателю понятіе о манерѣ автора и красивомъ языкѣ. Его разсказъ не есть одна реалистическая фотографія, а собственный рисунокъ, въ которомъ отражается сознательное наблюденіе. Надо думать, что мы еще встрѣтимся съ продолженіемъ „Очерковъ" и съ новыми сторонами сибирской жизни: здѣсь, кромѣ общихъ впечатлѣній сибирской природы, мы находимъ всего чаще одну исключительную область—сибирскую ссылку, „каторжанъ", поселенцевъ разныхъ категорій, „уголовныхъ дворянъ" и т. п., картинку сѣвернаго захолустья („Окаянный городъ"), „Абаканскую степь", но остается едва затронутъ бытъ настоящей туземной Сибири. Авторъ замѣчаетъ однажды, что „среди разнообразныхъ элементовъ, населяющихъ сибирскую деревню, нѣтъ только одного—русскаго": „этотъ выводъ не сразу явился у меня,—долго я чувствовалъ только, что чего-то недостаетъ въ Сибири; но когда этотъ выводъ явился, онъ поразилъ меня. „Русскаго" не видно и не слышно, Россіи не чувствуется въ Сибири" (стр. 29). Тѣмъ интереснѣе былъ бы разсказъ объ этой „не-русской" сибирской жизни, притомъ не только въ народной средѣ, но особенно въ болѣе образованныхъ городскихъ классахъ, которые вообще изображены въ литературѣ очень мало. Эпизодическая фигура исправника, горячаго сибирскаго патріота, слишкомъ идеализирована въ его поэтическихъ восхищеніяхъ сибирской природой,—между прочимъ это замѣтно изъ того, что исправникъ говоритъ тѣмъ же изящнымъ языкомъ, какъ самъ авторъ. Въ своей пейзажной живописи авторъ—импрессіонистъ, но иногда преувеличиваетъ эту манеру, какъ напр. въ изображеніи „Абаканской степи": оно становится неясно, въ иныхъ подробностяхъ, почти до непонятности. — Д.

Въ февралѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алтуховъ, М. И. — О постройкѣ фильтра С.-Петербургскаго водопровода. Спб. 93. Стр. 43.

Альбицкій, Е. и *Ширгенъ*, А. — Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Саратовъ, 93. Стр. 302. Ц. 2 р.

Бороховичъ, Я. — Рѣпа или турнепсъ? Рѣпа жнивная, садовая и полевая, какъ спасительное средство во время неурожая хлѣбовъ и голода. Витебскъ, 93. Стр. 27. Ц. 20 к.

Борзенко, А. А.—Опекунская реформа. Внѣшняя организація проектируемыхъ опекунскихъ учрежденій. Спб. 92. Стр. 68.

——— Элизé Реклю объ общественномъ строѣ Сѣв.-Ам. Штатовъ. Лекція. М. 92. Стр. 33. Ц. 40 к.

——— Право автора на переводъ, съ приложеніемъ сравнит. законод. таблицы дѣйствующихъ постановленій о правѣ автора на переводъ имъ изданнаго литературнаго произведенія. М. 92. Стр. 34. Ц. 40 к.

——— Литературная собственность въ Сѣв.-Ам. Штатахъ. М. 92. Стр. 76. Ц. 30 коп.

Бремъ и Россмесслеръ.— Лѣсныя животныя. В. 1. Стр. 80.

Брэмъ, А. Э. — Иллюстрированное изданіе „Жизнь животныхъ", со множествомъ политипажей и хромолитографіями, въ 10 т., перев. съ 3-го нѣмец. изд., п. р. магистра К. К. Сентъ-Илера. Т. II: Млекопитающія. Спб. 93. Стр. 730. Ц. 6 р.

Бьернстьерне-Бернсонъ.—Собраніе сочиненій: Повѣсти и разсказы. Перев. съ норвеж. М. В. Лучицкой. Кіевъ, 93. Стр. 441. Ц. 35 к.

Веберъ, Фр.—Всеобщая исторія. Т. XV, ч. 2. Съ портретомъ автора. Перев. В. Невѣдомскаго. М. 93. Стр. 729. Ц. 5 р.

Веретенниковъ, И. В., податн. инсп. — Общественное и частное землевладѣніе въ землянскомъ и задонскомъ уѣзд. воронежской губ. Воронежъ, 93. Стр. 202. Ц. 1 р. 50 к.

Виноградовъ, Павелъ. — Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. I. Древній міръ. М. 93. Стр. 196. Ц. 60 к.

Воскресенскій. В. А. — Рецензія и примѣчанія. Поученіе дѣтямъ Владиміра Мономаха. Съ приложеніями. Спб. 93. Стр. 49. Ц. 25 к.

Гейка, К. д-ръ.—Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Съ оригинальными рисунками Гарпера. Пересказъ съ англ., п. р. Ф. Комарскаго. Вып. 1 и 2. Спб. 93. Стр. 192. Ц. по 1 р.

Германъ, И. Е.—Исторія межевого законодательства (1649—1765). М. 92. Стр. 380. Ц. 3 р.

Горяевъ, Н. В.—Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка. Тифл. 92. Стр. 233. Ц. 1 р. 60 к.

Гриммъ, Д.—Очерки по ученію объ обогащеніи. Вып. 3. Спб. 93. Стр. 212.

Гриммъ, О. А.—Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ. Съ 17 рис. въ текстѣ. Спб. 93. Стр. 81. Ц. 60 к.

Данилевскій, Г. П.—Сочиненія (1847—1890 г.). Изд. 7-е. въ 9 т., съ портретомъ автора. Т. VIII. Спб. 93. Стр. 514.

Дмитревскій, А.—Добро-Азбука. Обученіе грамотѣ по способу фонетическому. М. 81. Стр. 72. Ц. 35.

Дмитревскій, А.—Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ. М. 83. Стр. 90. Ц. 80 к.

Долибскій.—Важнѣйшія свѣденія по русскому правописанію. Ч. 1, 2 и 3. Спб. 92. Ц. 45 к.

Ивинъ, И. С.—Пѣсни родины, стихотворенія. М. 93. Стр. 207. Ц. 1 р.

Каншинъ, П. А. — Полное собраніе сочиненій В. Шекспира въ прозѣ и стихахъ. Біограф. очеркъ, Н. И. Стороженка; примѣчанія П. И. Вейнберга и др. Т. I: 1) Гамлетъ; 2) Ромео и Джульетта; 3) Отелло. Съ прилож. портрета автора и 7 рис. Спб. 93. Стр. 366.

Кларети.—Американка, ром. Съ франц. — Искупленіе, разсказъ Е. Споллекъ, съ франц. М. 93. Стр. 240 и 34.

Костычевъ, П. — Ученіе объ удобреніи почвъ. Руководство для практическихъ хозяевъ. Спб. 93. Стр. 231. Ц. 1 р. 50 к.

Крещенскій, Я. С. — Научныя и практическія требованія изъ отчета и съѣзда врачей противъ холерной эпидеміи. Харьк., 93. Стр. 16. Ц. 30 к.

Лейнъ, А.—Стихотворенія. Пермь, 92. Стр. 151. Ц. 1 р. 50 к.

Леопарди, Дж.—Стихотворенія. Полное собраніе. Съ предисл. и примѣч. Перев. съ ит. В. Ф. Помянъ. М. 93. Стр. 161. Ц. 1 р. 50 к.

Малышевъ, Ѳ.— О значеніи торгово-промышленныхъ предпріятій обезпеченія служебнаго персонала; какъ способы его: пенсіонныя кассы, страхованіе жизни, и нѣсколько словъ объ условіяхъ, при коихъ эти способы обезпеченія могутъ считаться прочными. Спб. 93. Стр. 15.

Мережковскій, Д. С.—О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Спб. 93. Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.

Модестовъ, проф., В. И.—Современная Италія: королевство, папство, республика. Спб. 99. Стр. 57.

Моревъ, Д. Д.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Изд. 3-е. Спб. 93. Стр. 322. Ц. 2 р.

——— Руководство политической экономія. Изд. 3-е. Спб. 92. Стр. 315. Ц. 2 руб.

Невзоровъ, Александръ.—Опека надъ несовершеннолѣтними. Историческій очеркъ института и положеніе его въ дѣйствующемъ русскомъ законодательствѣ. Ревель, 92. Стр. 246.

Пеэръ.—Исторія Наполеона I. Вып. 1. Спб. 93. Стр. 112.

Пляпсонъ. А. А., предв. двор.—О дворянствѣ въ Россіи. Современное положеніе вопроса. Спб. 93. Стр. 101.

Рише, Ш.—Черезъ сто лѣтъ. Перев. съ франц., п. р. Евг. Гаршина. Спб. 93. Стр. 97.

Салтыковъ, М. Е.—Полное собраніе сочиненій, т. XII: Пошехонская старина (1889 г.). Брусинъ (1849 г.). Изд. наслѣдниковъ автора. Спб. 93. Стр. 588. Ц. 2 р.

Сербскій, Вл. — Общій обзоръ проекта организаціи попеченія о душевнобольныхъ москов. губ. земства. М. 93. Стр. 9.

——— По поводу проекта организаціи земскаго попеченія о душевно-больныхъ москов. губерніи. М. 93. Стр. 26. Ц. 30 к.

Серебровскій, С. М.—Кредитъ для крестьянскаго хлѣба. Курскъ, 93. Стр. 24.

Тихомировъ, Левъ. — Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. М. 93. Стр. 36. Ц. 20 к.

Фарраръ, Ф. В., архидіаконъ вестминстер. — На зарѣ христіанства или сцены изъ временъ Нерона. Историческій разсказъ. Перев. съ англ. А. В. Лопухина. Спб. 93. Стр. 643. Ц. 3 р.

Фиске, Дж.—Открытіе Америки съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія, въ двухъ томахъ. Т. II. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 93. Стр. 372. Ц. 2 р.

Фортунатовъ, А.—Урожаи ржи въ европейской Россіи. М. 93. Стр. 254. Ц. 1 р. 25 к.

Ю., Б.—О философскомъ ученіи гр. Л. Н. Толстого, по XIII тому его сочиненій. Критич. этюды. Кіевъ, 92. Стр. 160. Ц. 60 к.

Шелли.—Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 1. Спб. 93. Стр. 77. Ц. 50 к.

Шенрокъ, В. И.—Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. II. М. 93. Стр. 403. Ц. 2 р.

Шереръ, Вильг. — Исторія нѣмецкой литературы. Перев. съ нѣм. п. р. А. Н. Пыпина. Спб. 93. Стр. 363. Ц. 3 р.

Шиллеръ, Фр.—Заговоръ Фіеско въ Генуѣ, трагед. въ 5 д. Кіевъ, 93. Стр. 210. Ц. 25 к.

Шкловскій, А. Л.—Очеркъ современнаго политическаго состоянія Турціи. Елисаветградъ, 93. Стр. 36. Ц. 15 к.

Шляпкинъ, И.—Волна. Сборникъ русской художественной лирики. Петроградъ (Петербургъ?). Изд. К. Ю. Геруца. Стр. 365.

Шмидтъ, О. П.—Галя, разсказъ для дѣтей. Спб. 93. Стр. 64.

Янжулъ, И. И.—Въ поискахъ лучшаго будущаго. Спб. 93. Стр. 364. Ц. 2 р.

Эдемсъ и Кённингемъ.—Швейцарія и ея учрежденія. Перев. съ англ. Стр. 320. Ц. 1 р. 25 к.

Эсхилъ. — Прометей въ оковахъ. Драма. Перев. Л. Н. Дурдуфи. Од. 93. Стр. 53.

— Code générale des biens pour la principauté de Monténégro de 1888, trad. par R. Dareste et Alb. Rivière. Par., 92. Стр. 285.

D'Arc, Aléxis.—La Steppe, avec une préface de P. Loti, de l'Académie française. Par. 93. Стр. 352.

Gerspach, E.—Répertoire détaillé des tapisseries des Gobelins, exécutées de 1862 à 1892. Par. 93. Стр. 250.

Legrelle, M. A.—L'acceptation du testament de Charles II roi d'Espagne par Louis XIV. Gand. 92. Стр. 76.

Pellissier, G.—Essais de littérature contemporaine. Par. 93. Стр. 391.

Timmermann, Adr.—L'Argot parisien. Étude d'étymologie comparée suivi du vocabulaire. Par.

— Десятилѣтіе томскаго общества попеченія о начальномъ образованіи. Томскъ, 92. Стр. 30.

— Докладъ Московской Губернской Земской Управы по экономическимъ вопросамъ. М. 92.

— Записка о сельскихъ зернохранилищахъ. Курскъ, 91. Стр. 46.

— Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ западной Сибири. Вып. XVI и XVIII. Спб. 92.

— Моя Библіотека. № 15 и 16: Ж. Б. Мольеръ, Мѣщанинъ во дворянствѣ, ком. въ 5 д. Перев. В. Острогорскаго. Спб. 93. Стр. 114. — № 17, 18, 19: Ал.

Дюма-сынъ. Дама съ камеліями, съ пред. Ж. Жанена. Спб. 93. Стр. 231.— № 11, 12, 13, 14: И. П. Якобсенъ, Марія Груббе, ром., съ предисл. Г. Врандеса, перев. съ дат. П. Г. Ганзена. Спб. 93. Стр. 269.

— Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 59 и 60 (Лиффордъ—Людовикъ XIV). Изд. 5, товарищ. А. Гарбель и К°. М. 93. Стр. 2781 — 2876. Цѣна по 40 коп.

— Особая экспедиція лѣсного департамента по испытанію и учету различныхъ способовъ и пріемовъ лѣсного и воднаго хозяйствъ въ степяхъ Россіи. Спб. 93. Стр. 70.

— Памятная Книжка Воронежской губерніи на 1893 г. Состав. С. Звѣревъ. Ворон. 93.

— Сельско-хозяйственный обзоръ по Воронеж. губерніи за 1891 — 92 г. Ворон. 92.

— Систематическій Указатель литературы о евреяхъ на русскомъ языкѣ со времени введенія гражданскаго шрифта (1708 г.) по дек. 1889 г. Спб. 92. Стр. 568. Ц. 3 р.

— Славянская Библіотека. № 3: Эл. Оржешко, Колдунья. Спб. 93. Стр. 73. Ц. 20 к.—№ 4: Ея же, Деревенскій адвокатъ. Спб. 93. Стр. 74. Ц. 20 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

—*Cosmopolis*, par Paul Bourget.

Новый романъ г. Бурже: „Cosmopolis", представляетъ собою явленіе интересное для критика; въ немъ замѣтенъ отпечатокъ несомнѣннаго перелома въ художественномъ направленіи автора. Уже одно названіе „Cosmopolis" свидѣтельствуетъ о его намѣреніи изобразить извѣстную среду, извѣстные типы, извѣстный бытъ, т. е. перейти къ бытовому, *настоящему* роману. Всѣ хорошія стороны романа, всѣ яркія мѣста, придающія ему порою захватывающій интересъ, несомнѣнно являются результатомъ такого, пока *инстинктивнаго* стремленія художественной натуры г. Бурже освободиться отъ тѣхъ путъ, которыя онъ ей самъ навязалъ. Мы сказали: „*инстинктивнаго*", —потому что самъ авторъ, въ ненужномъ предисловіи и въ нѣкоторыхъ, еще менѣе нужныхъ, отступленіяхъ среди повѣствованія, продолжаетъ, хотя и слабѣе, чѣмъ прежде, упорствовать въ своихъ личныхъ взглядахъ относительно задачъ и пріемовъ искусства.

На сценѣ—высшій или „почти высшій" кругъ пестрой массы людей, оторванныхъ отъ почвы національныхъ, сословныхъ и иныхъ традицій, но внесшихъ въ свой космополитическій складъ жизни неизгладимыя, выработанныя вѣками и унаслѣдованныя отъ предковъ особенности, по большей части ненормальныя, болѣзненныя, носящія отпечатокъ вырожденія. Начала права и нравственности, понятія семьи, отчизны, долга передъ обществомъ—отходятъ на далекій планъ, уступая мѣсто ненасытимой жаждѣ наслажденія, привычкѣ къ условной, обветшалой лжи, господству страстей, начиная съ трагическихъ проявленій чувствительности и кончая комичнымъ тщеславіемъ какого-нибудь всесвѣтнаго „boulevardier"...

Дѣйствіе происходитъ въ Римѣ. Главная героиня романа — красивая, умная и вмѣстѣ чувственная сорокалѣтняя графиня Стэно, которую близкіе называютъ „догарессой", вслѣдствіе ея принадлежности къ высшей венеціанской аристократіи. Мужъ ея давно умеръ, не оставивъ тѣмъ нигдѣ пробѣла: даже юная дочь графини, прекрасная, чуткая Альба, обязана своимъ происхожденіемъ блестящему русскому барину, Верекьеву, печально кончившему свою бур-

ную жизнь самоубійствомъ. Послѣ Верекьева съ графиней были близки нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ самымъ упорнымъ оказался типичный, мастерски нарисованный авторомъ польскій магнатъ, графъ Горка. У Горки прекрасная, не въ мѣру довѣрчивая жена-англичанка и сынъ, которыхъ онъ, собственно, любитъ. Горка —человѣкъ недурной, не лишенный честныхъ основъ, но безхарактерный, безсильный передъ страстью, упивающійся и вмѣстѣ рисующійся какъ страстью своей, такъ и своимъ безсиліемъ. Какъ характеръ, онъ по временамъ напоминаетъ героя извѣстнаго романа г. Сенкевича: „*Безъ догмата*“. Графиня Стэно около двухъ лѣтъ добросовѣстно любила красавца Горку, а потомъ плѣнилась моднымъ художникомъ-американцемъ, Линкольномъ· Майтлэндомъ. Горка довольно успѣшно боролся съ этой опасностью, пока дѣла не вызвали его на нѣсколько мѣсяцевъ въ Варшаву. Тутъ американецъ окончательно беретъ верхъ—и начинаются всякія осложненія. Майтлэндъ—замѣчательный, тонкій художникъ, но во всемъ прочемъ—грубая, эгоистическая натура бульдога, да и по внѣшности годится развѣ въ гайдуки изящному графу Горка: быть можетъ, именно этотъ-то контрастъ и плѣнилъ пресыщенную удовольствіями венеціанку. Майтлэндъ женатъ на американкѣ съ французской фамиліей Шапронъ, въ жилахъ которой течетъ унаслѣдованная отъ бабки негритянская, рабская кровь. Эта Лидія Майтлэндъ и братъ ея Флоранъ Шапронъ очень живо нарисованы и представляютъ собою весьма любопытные образчики невольничьяго потомства. Рабскія черты Флорана выразились въ положительномъ, но неумѣренномъ чувствѣ: въ безграничной, безразсудной, именно рабской любви къ Майтлэнду, за котораго онъ выдаетъ замужъ свою сестру, съ милліоннымъ приданымъ. Флоранъ даже оберегаетъ Майтлэнда отъ тяжкихъ послѣдствій его связи съ графиней, могущихъ дорого ему обойтись, въ виду необузданности графа Горка. Лидія—по существу злая рабыня, она вся соткана изъ зависти и злости. Она завидуетъ славѣ мужа, чувствуя себя „пятымъ колесомъ“ въ его жизни. Она сразу замѣчаетъ преступныя отношенія графини съ Майтлэндомъ и, давъ имъ дойти до разгара, принимается мстить, не останавливаясь ни передъ какими низостями. Она пишетъ анонимныя письма обманутому Горкѣ и невинной Альбѣ Стэно, подсматриваетъ, шаритъ по ящикамъ и т. п. Другія дѣйствующія лица:—баронъ Гафнеръ, еврей-лютеранинъ, нажившій милліоны темными спекуляціями и пустившій по міру множество людей; дочь его Фанни, идеально чистая дѣвушка, одержимая мистическимъ влеченіемъ къ католичеству; разорившійся и нравственно-павшій князь Андреа, типичный представитель разлагающейся итальянской аристократіи; маркизъ Монфанонъ, французъ-

легитимистъ и рьяный католикъ, съ пѣной у рта говорящій о евреяхъ, о космополитизмѣ, о безвѣріи и его „акробатахъ“ Сентъ-Бёвѣ и Ренанѣ; пріятель его, романистъ Жюльенъ Дорсéннъ, живущій умомъ и его радостями, утратившій способность вѣрить и любить и смотрящій на міръ какъ на матеріалъ для своей „научно-художественной дѣятельности; въ этомъ Дорсéннѣ, которому въ романѣ отведена одна изъ главныхъ и притомъ симпатичныхъ ролей, г. Бурже, насколько можно судить по разнымъ признакамъ, не безъ неумѣстной претензіи желаетъ изобразить самого себя. Остальныя дѣйствующія лица, радикалъ и шантажистъ, книготорговецъ Рибальта, „шпютты“ Чибо и Пьетропертоза, трактирщикъ Бранкадори и другіе—начерчены эскизно и являются эпизодически. Графъ Горка, узнавъ доподлинно объ измѣнѣ своей „догарессы“, пріѣзжаетъ въ Римъ и, послѣ бурнаго, но безуспѣшнаго объясненія съ нею, отправляется мстить Майтлэнду; но зоркій Флоранъ не допускаетъ его къ зятю и самъ выходитъ съ нимъ на дуэль, на которой, впрочемъ, отдѣлывается легкой раной. Горка у того же барьера оскорбляетъ и вызываетъ Дорсéнна, съ которымъ у него особые счеты: Дорсéннъ, „немножко“ влюбленный въ Альбу, и желавшій ради нея предотвратить какой бы то ни было скандалъ, тотчасъ по пріѣздѣ Горки старался погасить его ревность и далъ ему честное слово, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ измѣнѣ графини Стэно. Горка принимаетъ эту „святую ложь“ за личную обиду и дерется съ нимъ, на сей разъ неудачно для себя: онъ раненъ Дорсéнномъ въ руку и вынужденъ слечь на нѣкоторое время въ постель. Эти двѣ дуэли служатъ громоотводомъ для графини Стэно, Майтлэнда и самого графа Горки, которому жена прощаетъ прелюбодѣяніе ради сына, съ условіемъ отъѣзда изъ Рима. Больше всего страданій здѣсь, какъ и въ жизни, выпадаетъ на долю хорошихъ людей, расплачивающихся за чужіе грѣхи. Графиня Стэно порочна, а погибаетъ ея безвинная Альба. Убѣдившись въ безнравственности матери, чувствуя себя не въ силахъ жить среди этой вѣчной лжи и грязи, она ухватывается за любимаго человѣка, Дорсенна, и умоляетъ его спасти, освободить ее, т.-е. жениться на ней. Она ему нравится, и даже очень,—но онъ боится брака и отвѣчаетъ ей какъ Онѣгинъ Татьянѣ; Альба сперва рѣшается утопиться, но потомъ, изъ состраданія къ матери, избираетъ смерть, имѣющую для досужихъ языковъ видъ простой случайности: намѣренно простуживается во время катанья на лодкѣ и умираетъ отъ злокачественной лихорадки. Другое безвинно-страдающее лицо—Фанни Гафнеръ. Ея отецъ хотя и пользуется заочнымъ презрѣніемъ многихъ людей, изъ-за темныхъ спекуляцій, принятъ, однако, въ такъ называемомъ „высшемъ“ обществѣ и даже соби-

рается выдать свою дочь за князя Андреа, скупивъ предварительно его векселя. Фанни любитъ продажнаго князя, или, вѣрнѣе, тронута плачевнымъ положеніемъ этого отпрыска знатнѣйшей римской фамиліи, давшей католичеству нѣсколько папъ. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ для нея значеніе, такъ какъ она ревностнѣйшая прозелитка. Но увы! ея чистую душу поражаютъ сразу два бѣдствія: букинистъ Рибальта подсовываетъ ей памфлетъ на ея отца, ярко рисующій его мошенническія продѣлки, а князь Андреа, какъ негодяй легкомысленный и недостаточно выдержанный, скоро самъ ей невольно открываетъ свои карты. Разочаровавшись въ отцѣ и въ женихѣ, бѣдная дѣвушка ищетъ прибѣжища въ религіи и уѣзжаетъ одна въ штирійское помѣстье, повидимому, съ цѣлью поступить въ монастырь. Тутъ кстати сказать, что вообще изображеніе прекрасныхъ, чистыхъ дѣтей жертвами скверныхъ родителей—пріемъ довольно банальный, сильно опошленный французскою сантиментальной литературой,—но въ данномъ случаѣ это выходитъ и трогательно, и правдоподобно, и вмѣстѣ тактично со стороны г. Бурже, который могъ бы навлечь на себя нежелательное для объективнаго художника подозрѣніе въ грубомъ антисемитизмѣ, еслибы представилъ и дочь Гафнера въ непривлекательномъ свѣтѣ.

Третьимъ сильно страдающимъ лицомъ, хотя отчасти и по собственной винѣ, является дорогой сердцу автора Дорсѐннъ. Утративъ способность глубоко любить и вѣрить, онъ, однако, не можетъ не страдать какъ изъ-за этой утраты, такъ и за другихъ. Смерть Альбы производитъ на него потрясающее впечатлѣніе; онъ сознаетъ, что несчастная дѣвушка была бы спасена, еслибы встрѣтилась на жизненномъ пути не съ такимъ „получеловѣкомъ", какъ онъ, а съ нормальной, живой личностью. Утѣшителемъ Дорсѐнна является добрый маркизъ Монфанонъ, рѣчи котораго проникнуты убѣдительнымъ, или, по остроумному выраженію Бурже, „*заразительнымъ*" религіознымъ чувствомъ. Судьба въ заговорѣ съ миссіонеромъ-маркизомъ — и недалекъ, повидимому, часъ, когда Дорсѐннъ обратится къ Тому, Кто звалъ къ Себѣ всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ"... Г. Бурже заканчиваетъ свой романъ на первыхъ шагахъ Дорсѐнна по этому пути...

„Cosmopolis", несмотря на присущіе почти всѣмъ произведеніямъ г. Бурже недостатки, какъ напр. длинноты, неумѣстныя, расхолаживающія разсужденія, неудачно помѣщенныя описанія природы и памятниковъ искусства, несомнѣнно производитъ глубокое впечатлѣніе, заставляетъ читателя призадуматься.

„Cosmopolis" — романъ, проникнутый религіозной, или, вѣрнѣе, *католической* идеей, но затронетъ душевныя струны даже такого

читателя, который равнодушенъ къ религіи вообще и къ католичеству въ частности. Романъ производитъ впечатлѣніе большой искренностью. Пока г. Бурже силился быть только моралистомъ, онъ былъ слабъ, сухъ, скученъ, потому что у него недоставало главнаго рычага искренности, — недоставало *критерія морали*: истинныхъ, убѣжденныхъ и нескучныхъ моралистовъ оттого такъ и мало, что только исключительно высокіе умы способны находить нравственный критерій внѣ или, по крайней мѣрѣ, помимо религіи. Такая задача, вѣроятно, была не по силамъ г. Бурже, который поступилъ очень мудро и съ пользой для своего таланта, зачерпнувъ „воды живой" изъ вѣчнаго источника.

Интересно бы выяснить, насколько при этомъ повліяли на него русскіе писатели изъ переведенныхъ на французскій языкъ, и кто именно; судя по „ортодоксальности" г. Бурже, а также по неудачному стремленію подражать нѣкоторымъ художественнымъ пріемамъ, на немъ сказывается, какъ будто, вліяніе Достоевскаго.—С. П—нъ.

II.

The Speeches and Public Addresses of the Right Hon. W. *E. Gladstone*, M. P., with Notes and Introductions. Edited by A. W. Hutton and H. J. Cohen. With Portraits; in ten volumes. Vol. X, 1888—1891; with a Preface by Mr. Gladstone. London, 1892 (Methuen and C°). Стр. X + 412.

Политическая карьера Гладстона, какъ по своей продолжительности, такъ и по богатству, разнообразію и интересу тѣхъ стадій, какія довелось пройти ему, представляетъ собою явленіе глубоко поучительное. Въ минувшемъ декабрѣ исполнилось *шестьдесятъ лѣтъ* съ тѣхъ поръ, какъ Гладстонъ вступилъ въ число членовъ палаты общинъ англійскаго парламента. Оставаясь съ того времени на аренѣ публичной дѣятельности, онъ пережилъ длинный рядъ въ высокой степени знаменательныхъ моментовъ новѣйшей исторіи и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Чаще всего и рельефнѣе всего это участіе выражалось въ формѣ публичныхъ рѣчей, съ которыми онъ выступалъ какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его. Понятно поэтому, какой огромный интересъ получаетъ собраніе его рѣчей: являясь однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для біографіи и характеристики многихъ сторонъ его личности и дѣятельности, рѣчи эти служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и важнымъ источникомъ для освѣщенія и уразумѣнія тѣхъ историческихъ событій, которыя служили поводомъ для ихъ произнесенія.

Отдѣльныя рѣчи Гладстона и цѣлыя серіи ихъ не разъ дѣлались

предметомъ особыхъ изданій, брошюрами и томами (таковы, напр., рѣчи, произнесенныя имъ во время избирательной коммиссіи въ Мидлотіанѣ передъ выборами 1880 г. и др.), но болѣе или менѣе полнаго и систематическаго собранія ихъ до сихъ поръ не предпринималось. Первый опытъ такого собранія начатъ лишь въ прошломъ 1892 году въ изданіи, заглавіе котораго указано выше. Оно предпринято гг. Гуттономъ (библіотекаремъ національнаго либеральнаго клуба) и Когеномъ (адвокатомъ), при участіи самого Гладстона, который согласился принять на себя просмотръ текста въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ представляться необходимымъ. Судя по краткому предисловію, написанному Гладстономъ къ вышедшему тому, собраніе это не будетъ заключать въ себѣ *всѣхъ* рѣчей его (оно, по словамъ предисловія, „must of necessity be a selection“), но въ него войдутъ, надо думать, всѣ *важнѣйшія* изъ рѣчей, произнесенныхъ Гладстономъ „въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ“. Все изданіе разсчитано на десять томовъ.

Первымъ вышелъ въ свѣтъ послѣдній, десятый томъ (снабженный прекраснымъ портретомъ знаменитаго автора), въ который вошли рѣчи, произнесенныя имъ въ 1888—1891 гг. Начать изданіе съ конца побудило то обстоятельство, что эти рѣчи имѣютъ интересъ современности, касаясь многихъ жгучихъ вопросовъ настоящаго момента, особенно ирландскаго, рабочаго и программы либеральной партіи. Изъ помѣщенныхъ въ десятомъ томѣ двадцати пяти рѣчей девять были произнесены въ парламентѣ, остальныя на различныхъ внѣ парламентскихъ собраніяхъ и митингахъ (одна рѣчь произнесена была на французскомъ языкѣ, на банкетѣ, данномъ въ Парижѣ въ честь Гладстона во время посѣщенія имъ всемірной выставки 1889 г).

Въ краткой библіографической замѣткѣ немыслимо, конечно, сдѣлать хотя бы даже самый бѣглый обзоръ содержанія стольких рѣчей, касающихся весьма разнообразныхъ предметовъ,—и мы ограничимся лишь нѣсколькими указаніями на особенно существенныя заявленія великаго оратора. Въ этомъ отношеніи наибольшій интересъ представляетъ рѣчь подъ заглавіемъ: „Будущая политика либеральной партіи“, произнесенная на очередномъ съѣздѣ делегатовъ этой партіи въ Ньюкестлѣ, 2-го октября 1891 года и заключающая въ себѣ обзоръ программы партіи въ виду предстоявшихъ общихъ выборовъ. На первый планъ въ ней естественно былъ выдвинутъ ирландскій вопросъ, причемъ Гладстонъ съ особеннымъ удареніемъ указалъ на то, что этотъ вопросъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи дошелъ теперь до такой рѣшительной стадіи, что отказъ въ его разрѣшеніи способенъ породить вражду уже не только къ правительству, давящему Ирландію, а къ самому англійскому народу. „Если

Ирландія и на будущее время, после предстоящихъ выборовъ, останется въ подавленномъ положеніи, то это будетъ значить, что давите ее вы, народъ англійскій. Такъ знайте же, — патетически воскликнулъ Гладстонъ, — что нѣтъ зрѣлища болѣе печальнаго, болѣе возмутительнаго и болѣе ужаснаго, какъ видѣть, что одинъ народъ угнетаетъ другой. Я никогда не повѣрю, чтобы великая англійская нація поставила себя въ такое положеніе".

Выразивъ твердое убѣжденіе въ необходимости скорѣйшаго разрѣшенія ирландскаго вопроса, Гладстонъ счелъ нужнымъ выступить съ чрезвычайно важнымъ заявленіемъ относительно возможной въ данномъ случаѣ оппозиціи со стороны палаты лордовъ. Глубокій интересъ этого заявленія побуждаетъ насъ привести его цѣликомъ. „Есть еще одинъ вопросъ,—сказалъ Гладстонъ,—котораго приходится коснуться лишь вскользь, хотя это вопросъ очень важный и очень трудный. Я имѣю въ виду вопросъ о палатѣ лордовъ. Это очень сложный и очень трудный вопросъ. Въ виду настоятельности многихъ другихъ вопросовъ можно думать, что онъ въ настоящее время находится въ тѣни. И я не сталъ бы жалѣть, еслибы онъ оставался въ тѣни еще на нѣкоторое время, при томъ, однако, условіи, что эта отсрочка будетъ заслужена разумнымъ и осторожнымъ отношеніемъ палаты лордовъ къ общественнымъ дѣламъ страны. Хотя такимъ образомъ вопросъ о палатѣ лордовъ и представляется довольно отдаленнымъ, есть, однако, условіе, при которомъ онъ можетъ приблизиться и сдѣлаться жгучимъ вопросомъ дня: это въ томъ случаѣ, если въ какой-нибудь недобрый часъ палата лордовъ соблазнится принять тотъ несчастный совѣтъ, съ которымъ недавно обратился къ ней первый министръ. Въ рѣчи, произнесенной два-три мѣсяца тому назадъ, лордъ Солсбери коснулся возможности—умъ его оказался настолько открытымъ—возможности побѣды либераловъ на общихъ выборахъ. Допуская, что билль о гомрулѣ пройдетъ черезъ палату общинъ, онъ старается, однако, увѣрить своихъ друзей, что этимъ дѣло еще не кончится, такъ какъ они могутъ разсчитывать—цитирую эти священныя слова—„на дѣйствіе другихъ элементовъ конституціи". Снимите маску съ этихъ словъ. Въ конституціи есть только одинъ элементъ, могущій совершить такую штуку—стать между сознательно выраженной волей народа и превращеніемъ этой воли въ форму закона: это —палата лордовъ. Палата лордовъ уже попробовала совершить такое дѣло въ 1831 г. и отвергла билль о реформѣ. Результатомъ было то, что ей пришлось испытать самое ужасное униженіе за достигнутую ею оттяжку, не болѣе какъ двѣнадцатимѣсячную оттяжку въ принятіи этой реформы, причемъ это въ значительной степени подорвало то довѣріе къ ея дѣятельности, какое въ то время еще суще-

ствовало въ странѣ. Позднѣе, господа, и на меня, при всей моей скромности, выпало однажды несчастіе—или, если хотите, счастіе—очутиться въ нѣкотораго родѣ конфликтѣ съ палатой лордовъ. Въ то время, въ 1860 и 1861 гг., мы вели упорную борьбу по вопросу объ уничтоженіи налога на бумагу. Это былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ важныхъ моментовъ въ спорѣ за свободную торговлю. Вамъ извѣстно, каковы были послѣдствія окончательнаго установленія свободной печати; она болѣе, чѣмъ какой-либо другой факторъ, помогла общественному воспитанію; безъ этой свободной прессы расширеніе избирательныхъ правъ биллемъ 1884—1885 г., можетъ быть, и не сопровождалось бы тѣми результатами, какіе мы видимъ теперь. Со времени перваго акта о реформѣ число избирателей удесятерилось, а это, по моему глубокому убѣжденію, безспорно содѣйствовало поднятію духа и направленія работъ палаты общинъ. Я надѣюсь, даже болѣе—увѣренъ, что палата лордовъ не приметъ жалкаго внушенія, обращеннаго къ ней первымъ министромъ. Я увѣренъ, что она не рѣшится рисковать своимъ положеніемъ въ конституціи. Но я отлично знаю, что если лорды примутъ это злополучное рѣшеніе, то имъ же первымъ придется пожалѣть о немъ. Этимъ они поставятъ на очередь вопросъ, передъ которымъ стушуются всѣ другіе, такъ какъ единственно отъ рѣшенія его будетъ зависѣть, является ли Англія страною самоуправляющеюся, или же, наоборотъ, существуетъ въ ней между трономъ и народомъ такая промежуточная власть, которая можетъ останавливать дѣйствіе конституціоннаго механизма, доведеннаго почти до полнаго совершенства трудами, борьбою, мудростью и патріотическими усиліями многихъ поколѣній".

Съ такимъ рѣшительнымъ предостереженіемъ по адресу наслѣдственной палаты предводитель либеральной партіи выступилъ впервые, давъ понять, что, въ случаѣ ея сопротивленія осуществленію народной воли, будетъ поставленъ на очередь вопросъ о самомъ существованіи устарѣвшаго института.

Въ заключеніе настоящей замѣтки приведемъ небольшой отрывокъ, въ которомъ Гладстонъ говоритъ о самомъ себѣ. „Обо мнѣ говорятъ, что со времени моей молодости я измѣнилъ всѣ мои политическія убѣжденія. На это я отвѣчу — нѣтъ, это неправда; не всѣ политическія убѣжденія измѣнилъ я. Я вступилъ въ политическую жизнь съ чувствомъ глубокаго почтенія къ старинѣ (for things ancient). Но я и до сихъ поръ питаю къ нимъ глубокое почтеніе. Я не люблю, даже болѣе—ненавижу легкомысленныя перемѣны, и желаю, чтобы отъ людей, предлагающихъ какую-нибудь перемѣну, требовалось доказательство разумности ея. Но, господа, одна глубокая перемѣна дѣйствительно произошла во мнѣ. Воспитаніе мое не подготовило

меня къ тому, чтобы познавать цѣну свободы,—и я послѣ самъ научился цѣнить свободу. Это великая перемѣна. Я позналъ, что хотя свободою, какъ и всѣми благами Провидѣнія, можно злоупотреблять, однако безъ свободы нѣтъ на землѣ ничего здороваго, нѣтъ ничего устойчиваго, безъ свободы—нѣтъ движенія впередъ".—В. Д-ій.

III.

Maurice Barrès. L'Ennemi des lois. P. 1893, стр. 300.

Морисъ Барресъ—одинъ изъ тѣхъ философствующихъ умовъ новѣйшей формаціи, которые пытаются объяснить духовныя потребности современнаго человѣка и создать въ молодомъ поколѣніи такое „состояніе духа" (état d'esprit), которое предполагало бы возможность гармоніи съ окружающимъ,т.-е. возможность счастья. Онъ является такимъ образомъ учителемъ поколѣнія, къ которому самъ принадлежитъ по лѣтамъ, которое поэтому и ему столь близко и понятно,—и его философскіе романы (если можно назвать романами его почти совершенно лишенные фабулы психотерапическіе анализы) принадлежатъ, вмѣстѣ съ „Disciple" Бурже, къ наиболѣе популярнымъ книгамъ среди литературной и университетской молодежи Франціи. Барресъ дѣйствуетъ на молодежь уже тѣмъ, что онъ не теряется въ туманныхъ сферахъ символизма, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его манера и напоминаетъ поэтовъ-символистовъ. Напротивъ того, онъ даетъ „точныя" формулы, философскую систему, опирающуюся на пониманіе результатовъ, къ которымъ привела цивилизація конца XIX в. „Философія" эта—такъ называемый „culte du moi", подвергавшійся съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать Барресъ, многократнымъ насмѣшкамъ одного лагеря за претенціозность, и диѳирамбамъ другого—за смѣлость. Принципы этого „культа" пространно изложены въ трехъ книгахъ подъ многообѣщающими заглавіями: „Sous l'oeil des barbares", „Un homme libre", „Le jardin de Bérénice", а въ концѣ истекшаго года Барресъ присоединилъ къ этой серіи четвертый томъ: „L'Ennemi des lois", гдѣ результаты теорій автора примѣнены къ области политическихъ и соціальныхъ реформъ. Припомнимъ вкратцѣ основныя идеи первыхъ трехъ книгъ, стоящихъ въ тѣсной связи между собой и обусловливающихъ содержаніе книги „L' Ennemi des lois".

Въ „Examen", приложенномъ къ послѣднему изданію „Sous l'oeil des barbares", Барресъ самъ излагаетъ свою profession de foi. Вмѣсто романа психологическаго съ его „научными" объясненіями происхожденія и развитія душевныхъ феноменовъ, онъ пытается дать въ

своихъ книгахъ „une déscription minutieuse, émouvante et contagieuse des états d'âme", т.-е. создать „метафизическій романъ", какъ наиболѣе подходящій къ литературнымъ вкусамъ поколѣнія, пресыщеннаго всѣмъ, кромѣ игры въ идеи. Конечно, отсутствіе психологическихъ объясненій вноситъ нѣкоторую темноту въ его описанія сложной жизни ума и сердца исключительныхъ по своему душевному складу героевъ, „но,—говоритъ Барресъ какъ бы въ свое оправданіе,—руководимый исключительно внутренней тревогой, я могъ только опредѣлять и описывать условія происходящихъ во мнѣ феноменовъ. Какъ бы я могъ объяснить ихъ?"

Серія метафизическихъ романовъ Барреса начинается съ „Sous l'oeil des barbares", сюжетъ котораго—пробужденіе молодого человѣка къ сознательной жизни, сначала среди книгъ, потомъ среди первыхъ „brutalités" Парижа. Философская подкладка книги—борьба индивидуальности человѣка, его „я", противъ враждебныхъ ему вліяній „варваровъ". Подъ варварами Барресъ разумѣетъ не непремѣнно людей низшей культуры, или людей пошлыхъ, а просто чужихъ данному субъекту, людей „не его души" (qui ne sont pas de sa patrie psychique), которые своимъ вліяніемъ тормазятъ развитіе „чуткаго „я", еще полнаго сомнѣній и ищущаго самого себя". Бороться противъ этихъ вліяній и создавать свою индивидуальность — въ этомъ, по мнѣнію Барреса, состоитъ задача современнаго человѣка и сущность „culte du moi". Нельзя признавать всего себя цѣликомъ, нужно очистить свое „я" отъ всѣхъ частицъ, внесенныхъ жизнью, и внести въ него все тождественное ему изъ окружающаго міра, все, что, такъ сказать, прилѣпляется къ нему (se colle à lui), когда наше „я" отдаетъ себя во власть инстинкта. Говоря короче, идеалъ Барреса — доведенный до высшаго развитія индивидуализмъ, при чемъ единственнымъ и истиннымъ руководителемъ человѣческихъ поступковъ онъ считаетъ инстинктъ.

„Свободный человѣкъ" (l'homme libre)—и въ этомъ философская идея второй книги—тотъ, кто воспиталъ свое „я", понялъ, что оно—только моментъ чего-то вѣчнаго; изучивъ себя по отношенію къ другимъ человѣческимъ группамъ, онъ знаетъ, что его „я"—не что иное, какъ инстинктивное стремленіе къ выраженію своей индивидуальности, и что душевныя страданія—результатъ жизни безъ традицій въ прошломъ, жизни всецѣло посвященной временнымъ, преходящимъ задачамъ. Расширяясь все болѣе и болѣе, человѣческое „я" доходитъ до области безсознательнаго, но не исчезаетъ въ ней, а напротивъ, крѣпнетъ подъ вліяніемъ почерпаемой въ ней силы человѣколюбія и жизни природы. Отсюда принципъ, на которомъ построено содержаніе „Jardin de Bérénice". Проникаясь болѣе широ-

кимъ пониманіемъ окружающаго, человѣческое „я“ находитъ общую гармонію міра, т.-е., другими словами, создаетъ ее согласно своему внутреннему настроенію. Нужно только, чтобы человѣческое „я“ существовало своей индивидуальной жизнью, а не какъ отраженіе „варваровъ“, т.-е. чужихъ, живыхъ или умершихъ цивилизацій, и во вселенной, которая есть не что иное, какъ сумма понятій нашего я“, будетъ господствовать стройный порядокъ, которому въ силу необходимости подчиняются одно за другимъ понятія просвѣтленнаго разума.

Такова метафизическая подкладка послѣдняго романа Барреса „L'Ennemi des Lois“, въ которомъ авторъ рисуетъ утопическую картину блаженныхъ временъ, когда люди научатся согласовать свой образъ жизни съ своими природными чувствами. Но, прописывая людямъ „рецептъ райской жизни“, Барресъ не идетъ по слѣдамъ утопистовъ старыхъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ, которые заняты устройствомъ судебъ человѣческихъ массъ, страдающихъ отъ той или другой формы насилія. Всѣ матеріальныя реформы нынѣшняго строя ему кажутся недостаточными, почти что ненужными; соціалистическая „campagne pour le ventre“ претитъ его утонченному вкусу; Марксъ и Лассаль дѣлаются ему понятными—и то не надолго—лишь послѣ сытнаго нѣмецкаго обѣда въ Мюнхенѣ, когда за дессертомъ ему приходитъ, наконецъ, мысль въ голову, что въ самомъ дѣлѣ „le ventre existe“, и что, быть можетъ, эти агитаторы-евреи, съ ихъ яснымъ пониманіемъ реальныхъ условій жизни, „aient mis là le doigt“. Всѣ эти экономическія теоріи и политическія системы хороши для массы, не постигшей еще муки и радости духовной жизни „неудовлетворенныхъ“ питомцевъ современной культуры. Барресъ же исключительно занятъ ихъ психологіей, и имѣя въ виду душевный складъ (sensibilité) современнаго интеллигента, онъ отвергаетъ всѣ существующія теоріи переустройства общества. „Новой духовной атмосферы (un état d'esprit), а не законовъ — вотъ чего требуетъ человѣчество“, говоритъ Барресъ,—„духовной реформы, а не матеріальной,—душевнаго склада, который сдѣлалъ бы возможнымъ счастье“.

Носителемъ идей Барреса, пророкомъ умственной реформы въ „L'Ennemi des lois“ является человѣкъ, прошедшій, конечно, чрезъ всѣ фазисы „culte du moi“. Это — André Maltère, 28-лѣтній agrégé, развившій свое философское міросозерцаніе самостоятельнымъ мышленіемъ и независимой жизнью, свободной какъ отъ гнета лишеній, такъ и отъ предубѣжденій, выработываемыхъ такими науками, какъ юриспруденція или прикладная математика. Защитникъ индивидуальной свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ, онъ высказался противъ военной дисциплины въ газетной статьѣ, и такъ какъ спустя нѣ-

сколько дней въ военномъ клубѣ произошелъ взрывъ, A. Maltère'а привлекли къ суду за возбужденіе къ насилію и приговорили къ заключенію въ тюрьму. На судѣ онъ высказывается противъ насилія, противъ права навязывать свои мнѣнія другимъ, а „революціонный духъ", въ которомъ его обвиняютъ, онъ называетъ инстинктивнымъ протестомъ, вызываемымъ соприкосновеніемъ съ внѣшнимъ міромъ. Онъ говоритъ, что, критикуя теперешній строй общества, онъ совершенно не знаетъ, чѣмъ его замѣнить, находясь въ положеніи человѣка, у котораго сапоги узки: единственная его забота сбросить ихъ, „освободиться отъ тисковъ".

Какая реформа нужна человѣчеству? Вотъ задача, надъ рѣшеніемъ которой Maltère трудится въ тюрьмѣ и затѣмъ на свободѣ, когда онъ долженъ начать активно дѣйствовать. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ помогаютъ ему четыре существа: двѣ женщины и—двѣ собаки. Claire Pichon-Picard, ученая женщина fin-de-siècle, кончившая, pour s'amuser, юридическій и философскій факультеты, близка Maltère'у по своимъ умственнымъ стремленіямъ. Подобно ему, она умѣетъ холодно и логично разсуждать и вмѣстѣ съ тѣмъ пламенно желаетъ найти выходъ изъ неудовлетворительности настоящаго. Она дѣлается товарищемъ, потомъ женой Maltère'а. Вмѣстѣ они изучаютъ существовавшія до сихъ поръ попытки соціальныхъ реформъ: С.-Симонъ, „tout cérébral et aristocratique", привлекаетъ ихъ своимъ отсутствіемъ „нравственнаго формализма", но ученіе его они считаютъ такъ же мало способнымъ создать счастье людей, какъ построенную на чувственности и утомительной мелочности систему Фурье. Той же критикѣ подвергается нѣмецкій соціализмъ съ его практическими стремленіями, мало понятными французскому уму, готовому увлекаться борьбой во имя отвлеченной идеи справедливости, братства и т. д., но не ради житейскаго комфорта. Духовное общеніе съ Claire даетъ Maltère'у пищу для отрицательной части его задачи — критики существующаго; но ничто не указываетъ имъ на возможность согласовать свои потребности съ условіями жизни. Роль руководительницы въ этомъ отношеніи выпадаетъ на долю другой женщины—русской княгини Марины. Насколько Claire живетъ разумомъ, Марина вся соткана изъ инстинктовъ; любя и жалѣя ее, Maltère познаетъ два величайшіе стимула жизни — силу инстинкта, ведущаго къ свободному и естественному развитію человѣческой личности, и жалость— la pitié, создающую связь между людьми. Тотъ же урокъ преподаютъ Maltère'у двѣ собаки, играющія почти главную роль въ романѣ Барреса. Инстинктивное же проявленіе привязанности собаки вызываетъ въ Claire высшее проявленіе ея свободнаго „я", побѣдившаго обычные предразсудки: она сама посылаетъ своего мужа къ его возлюб-

ленной. Затѣмъ, сошедшись въ первый разъ всѣ вмѣстѣ, они и продолжаютъ жить вмѣстѣ среди природы, найдя наконецъ то „état d'esprit", въ которомъ счастье возможно, и которое обусловлено свободой личности отъ стѣсненій.

Въ этой идилліи лучше всего въ сущности живется собакамъ, пользующимся нераздѣльной симпатіей всѣхъ обитателей колоніи „свободныхъ людей". Но въ книгѣ Барреса это объясняется тѣмъ, что эти безсловесныя жертвы всяческаго насилія являются у автора символомъ угнетенной части человѣчества, какъ вообще символичны всѣ дѣйствующія лица романа: фантастическая Марина, отвлеченная, безстрастная Claire и самъ герой. Кромѣ того, устроить счастье собакъ легче, чѣмъ счастье людей, между тѣмъ какъ, по идеямъ Барреса, принципъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. И въ этомъ вся философія книги, которую можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: все во имя инстинкта! Разумъ, гордый разумъ капризенъ и жестокъ; святая же простота инстинкта никогда не обманетъ. Въ инстинктѣ—истина, единственное, что можно считать достовѣрнымъ въ нашей призрачной жизни, гдѣ большинство золъ происходитъ отъ нашей гордости и отъ предразсудковъ.

Книга Барреса съ ея рѣзкими сужденіями объ экономическихъ ученіяхъ, односторонней обрисовкой характеровъ и описаніемъ совершенно выдуманныхъ условій жизни, представляетъ обильный матеріалъ для критики. Но это не умаляетъ достоинствъ романа. Значеніе его въ томъ, что въ ряду утопическихъ романовъ послѣднихъ лѣтъ: Беллами, Гертцка, Морриса и др., „L'Ennemi des lois" заполняетъ пробѣлъ: онъ отражаетъ душевныя потребности того меньшинства, о которомъ менѣе всего заботятся соціальные реформаторы. Конечно, Барресъ не будетъ имѣть, подобно Беллами, послѣдователей, проводящихъ его ученіе въ жизнь, — слишкомъ туманны для этого его символическія мечты. Но читателей онъ будетъ имѣть много среди людей, которые найдутъ нѣчто для себя близкое и понятное въ этихъ безплодныхъ поискахъ душевнаго удовлетворенія, описываемыхъ Барресомъ. Исходъ, предлагаемый авторомъ, менѣе всего удовлетворителенъ, — онъ пригоденъ развѣ для комнатныхъ собачекъ и безплотныхъ созданій фантазіи автора. Но критика существующаго не лишена интереса.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1898 г.

Развитіе борьбы съ послѣдствіями неурожая.—Усиленіе частной помощи; ея крайняя недостаточность.—Эксплуатація народной нужды.—Эпилогъ одного изъ лукояновскихъ дѣлъ.—Предложеніе черниговскихъ гласныхъ.—Еще о томскомъ обществѣ естествоиспытателей и врачей.—Ю. Э. Янсонъ †.

Общественная забота о неурожайныхъ мѣстностяхъ начинаетъ мало-по-малу оживляться, все еще далеко не достигая прошлогоднихъ размѣровъ. Неутомимо работаетъ коммиссія при петербургскомъ комитетѣ грамотности; собранная ею сумма уже въ началѣ февраля превышала двѣнадцать тысячъ рублей. Въ Москвѣ устроиваются концерты и публичныя лекціи въ пользу такъ называемыхъ санитарныхъ столовыхъ, организуемыхъ по мысли профессора Эрисмана. Частные сборы и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, идутъ болѣе успѣшно, чѣмъ до Новаго года. Раньше существовавшіе центры частной помощи получаютъ возможность продолжать свою благотворную работу; къ нимъ присоединяются новые, иногда подъ руководствомъ людей, много потрудившихся, въ прошломъ году, въ другихъ теперь сравнительно-благополучныхъ уѣздахъ. Такъ напримѣръ, нѣкоторыя изъ частныхъ лицъ, завѣдывавшихъ, въ 1891—92 г., организаціей помощи въ моршанскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи, около станціи Вернадовки [1]), перенесли свою дѣятельность въ наиболѣе пострадавшую часть богородицкаго уѣзда (тульской губерніи), на берега р. Красивой Мечи. Сгруппировавшись вокругъ одной изъ мѣстныхъ землевладѣлицъ (госпожи Любенковой), они открыли тамъ около восьми столовыхъ и приступили къ продажѣ, по удешевленной цѣнѣ, сѣна къ безплатной раздачѣ соломы и посыпки. Многіе изъ тѣхъ, кто работалъ въ прошломъ году въ окрестностяхъ Воронежа, заботятся теперь о южныхъ уѣздахъ воронежской губерніи, надъ которыми новое бѣдствіе разразилось съ особенною силою [2]). Незачѣмъ,

---

[1]) См. № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1892 г.: „Изъ недавней поѣздки въ тамбовскую губернію“; а также Общ. Хроники въ №№ 6 и 11 за тотъ же годъ. Къ концу прошлогодняго голоднаго періода общій итогъ суммъ, прошедшихъ черезъ руки организаторовъ помощи въ вернадовскомъ районѣ, достигъ 44 тыс. руб. (не считая значительныхъ поступленій натурою).

[2]) См., напримѣръ, письмо доктора Гончарова о деревнѣ Григорьевкѣ (богучарскаго уѣзда) въ № 19 „Воронежскаго Телеграфа“.

однако, скрывать отъ себя, что все сдѣланное и предпринятое—безконечно малая величина въ сравненіи съ постоянно ростущею нуждою. Возьмемъ хотя бы богородицкій уѣздъ, поставленный въ гораздо болѣе благопріятныя условія, чѣмъ многіе другіе. Вотъ что пишетъ, 28-го января, попечительница одного изъ участковъ (солодиловскаго): „Нельзя безъ содроганія сердечнаго смотрѣть на то безвыходное положеніе, въ какомъ находятся крестьяне въ нашей мѣстности. У большинства всѣ холостыя строенія пожжены; нѣкоторые даже разбираютъ верхи съ жилыхъ хатъ, для топлива; рогатый и мелкій скотъ проѣдены; въ послѣднее время въ одномъ Солодиловѣ пало 40 лошадей отъ безкормицы; пищевое продовольствіе отъ земства выдается въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что его далеко недостаетъ до срока слѣдующей выдачи. Если въ скоромъ времени земство или благотворительность не придетъ на болѣе дѣятельную помощь голодающимъ, то съ увѣренностію можно сказать, что къ веснѣ у большинства не останется ни одной лошади для необходимыхъ лѣтнихъ работъ; возможно ожидать и смертныхъ случаевъ отъ голода и холода.—Ко мнѣ ежедневно являются съ заявленіемъ своихъ разнообразныхъ нуждъ столько людей, что я затрудняюсь выслушивать всѣхъ. Мнѣ уже не разъ приходило на мысль отказаться отъ принятой на себя обязанности попечительства, особенно въ виду невозможности удовлетворенія самыхъ вопіющихъ нуждъ голодающихъ. Какое неоцѣнимое было бы благодѣяніе для крестьянъ моего участка, если бы какой-либо благотворитель открылъ въ с. Солодиловѣ столовую съ незатѣйливымъ приготовленіемъ пищи, какъ это въ прошломъ году практиковалось во многихъ мѣстахъ, постигнутыхъ неурожаемъ“.

Нѣсколькими днями раньше составлено описаніе деревень на Красивой Мечѣ: „Вслѣдствіе плохой топки, всѣ стѣны покрыты слизью; съ потолка постоянно каплетъ; окна такъ замерзли, что, входя въ избу, иногда приходится прежде привыкнуть къ окружающему мраку, чтобы начать различать предметы. Трудно вообразить себѣ болѣе отвратительное помѣщеніе для человѣческаго существа, нежели иныя здѣшнія избы. Сараи, клѣти и дворы часто уничтожены; есть и избы безъ крышъ“. Въ деревнѣ Любучинѣ число безлошадныхъ дворовъ уже въ январѣ мѣсяцѣ дошло до двухъ-пятыхъ; коровъ на 99 дворовъ было только 27. „Подворная опись по волостямъ луговской и солодиловской“—читаемъ мы въ послѣднемъ отчетѣ предсѣдателя богородицкаго попечительства Краснаго Креста, гр. В. А. Бобринскаго („Русскія Вѣдомости“ № 42),—„показала, что въ большинствѣ селеній съ января 1892 по январь 1893 г. число рабочихъ лошадей уменьшилось отъ 30 до 55%, коровъ—отъ 50 до

77%, овецъ—отъ 40 до 72%. Не въ лучшемъ состояніи находятся и многія другія волости уѣзда". Даровая раздача хлѣба изъ пекаренъ попечительства ростетъ, но продажа его по удешевленной цѣнѣ уменьшается, потому что падаетъ покупная способность населенія. Цѣна на хлѣбъ понижена попечительствомъ въ сѣверной части уѣзда до 50 к., въ южной части—до 40 коп. за пудъ; но приведетъ ли эта мѣра къ желанной цѣли, многіе ли изъ числа голодающихъ, при быстро прогрессирующемъ обнищаніи, будутъ въ состояніи платить хотя бы одну копѣйку за фунтъ хлѣба? Между тѣмъ продажа хлѣба по вновь удешевленной цѣнѣ грозитъ попечительству, по словамъ гр. Бобринскаго, полнымъ разореніемъ; о даровой, въ большихъ размѣрахъ, раздачѣ хлѣба, точно также какъ и объ устройствѣ безплатныхъ столовыхъ, попечительство, за недостаткомъ средствъ, не можетъ и думать. Хорошо уже и то, что оно значительно усилило безплатную раздачу дровъ и продажу его по удешевленной цѣнѣ; ему помогло въ этомъ полученіе гр. Бобринскимъ отъ Особаго Комитета, съ разрѣшенія Наслѣдника Цесаревича, тысячи свидѣтельствъ на даровой провозъ [1]). Благодаря тѣмъ же свидѣтельствамъ, попечительство будетъ имѣть возможность открыть, по дешевой цѣнѣ (20 к. за пудъ), продажу сѣна. Доходы попечительства, за послѣднее время, значительно увеличились: оно получило, съ 20-го декабря по 20-е января (не считая оборотныхъ суммъ отъ продажи дровъ и хлѣба), болѣе 18 тыс. рублей—и какъ мало, все-таки, оно можетъ сдѣлать! Зависитъ это, конечно, не отъ недостатка энергіи попечительства, а отъ страшной нужды, съ которой оно стоитъ лицомъ къ лицу.

Нетрудно представить себѣ, затѣмъ, положеніе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ нѣтъ ни попечительства Краснаго Креста (или оно существуетъ только по имени), ни организованной частной помощи! А такихъ мѣстностей очень много, слишкомъ много. Вотъ, напримѣръ, с. Коровье Болото, кромскаго уѣзда, орловской губерніи (см. корреспонденцію г. Бѣлоконскаго въ № 39 „Русскихъ Вѣдомостей"). Изъ 120 дворовъ двадцать „совсѣмъ не имѣютъ пищи, почти не имѣютъ одежды, а на топку употребляютъ крыши со своихъ избъ". Другіе 30—35 дворовъ „проживаютъ остатки своего разстроеннаго хозяйства, остатки жалкіе (въ видѣ сморенной скотины и птицы) и не обезпечивающіе даже денного пропитанія. Лошади если и оставлены

[1]) Изъ того, что свидѣтельства выданы гр. Бобринскому отъ Особаго Комитета, между тѣмъ какъ прежде онъ получалъ ихъ отъ мѣстнаго губернатора, слѣдуетъ заключить, что отмѣна безплатнаго провоза продуктовъ, о которой мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, распространяется, какъ общая мѣра, и на мѣстности, вновь пострадавшія отъ неурожая. До какой степени этимъ затруднена помощь нуждающимся—понятно само собою.

нѣкоторыми, то только затѣмъ, чтобы ѣздить въ поборъ. Худоба и безмочіе скота возбуждаютъ серьезное опасеніе. Онъ, можетъ быть, и перезимуетъ, но рабочая часть—лошади—едва ли окажется годной къ обработкѣ яровыхъ полей. Пожертвованій населенію не поступило никакихъ, кромѣ 500 руб., выданныхъ баронессою Будбергъ (сосѣднею землевладѣлицею) на раздачу бѣднѣйшимъ крестьянамъ окрестныхъ деревень. Земскія ссуды выдаются, *съ декабря*, въ размѣрѣ 30 ф. въ мѣсяцъ *на малолѣтнихъ членовъ семьи*". Еще худшія вѣсти сообщаетъ г. Цвиленевъ изъ елецкаго уѣзда, той же орловской губерніи („Русскія Вѣдомости" № 41). „Уже съ самой новины крестьяне примѣшивали къ мукѣ отруби, картофель, жалѣя о лебедѣ, которою отравлялись въ прошломъ году. Все, чтó можно и даже чтó невозможно продать изъ крестьянскаго хозяйства — все продано и проѣдено. По неимѣнію топлива, мало-семейные крестьяне соединяются по 3 — 4 семьи въ такой избенкѣ, гдѣ и одной семьѣ тѣсновато. Можно себѣ представить гигіеническія условія въ такомъ помѣщеніи! Иногда тутъ же на нарахъ нѣсколько человѣкъ тифозныхъ больныхъ жмутся другъ къ другу подъ невообразимыми лохмотьями, почти безъ подстилокъ; тутъ же и ребятишки дрогнутъ въ однѣхъ драныхъ рубашкахъ. Нѣкоторые хозяева распродали скотину, заколотили избы и ушли куда глаза глядятъ... Нищенствовать... а кто нынче въ состояніи подавать?.. Въ лучшемъ случаѣ, желая хоть какъ-нибудь удержаться при хозяйствѣ, мѣняютъ хорошихъ лошадей на худшихъ ради придачи въ нѣсколько пудовъ муки. Земская помощь, по недостатку средствъ, очень скудна; 30 ф. на нерабочаго, и то лишь съ января по 1-е мая".

Очень печальныя вѣсти получаются даже изъ такихъ мѣстностей, которыя не значатся въ числѣ неурожайныхъ, — напр., изъ волчанскаго уѣзда харьковской губерніи. Судя по частнымъ письмамъ, въ волостяхъ волоховской и ольховатской не мало селъ, въ которыхъ положеніе вдовъ, сиротъ и вообще бѣднѣйшихъ семей уже въ январѣ мѣсяцѣ было вполнѣ бѣдственное. Выводъ изъ такихъ фактовъ, — число которыхъ можно было бы, безъ сомнѣнія, увеличить до безконечности,—совершенно ясенъ. Частная помощь, предоставленная самой себѣ, не можетъ быть всюду одинакова, не можетъ о всемъ знать и всюду проникнуть. Помимо нея и рядомъ съ нею необходимо усилить продовольственныя ссуды и принять, по образцу прошлаго года, такія мѣры, которыя, усиливъ приливъ пожертвованій, направили бы ихъ туда, гдѣ въ нихъ чувствуется наибольшая надобность. На недостаточность ссудъ, на позднее ихъ назначеніе и неправильное распредѣленіе слышатся жалобы со всѣхъ сторонъ — и эти жалобы находятъ подтвержденіе даже въ оффиціальныхъ документахъ. Чрез-

вычайно характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, циркуляръ орловскаго губернатора уѣзднымъ земскимъ управамъ и земскимъ начальникамъ, напечатанный недавно въ „Орловскомъ Вѣстникѣ". За послѣднее время,—говоритъ губернаторъ,—ко мнѣ стали поступать прошенія разныхъ сельскихъ обществъ о выдачѣ имъ продовольственной ссуды, при чемъ крестьяне указываютъ на свое крайне бѣдственное положеніе. Препроводивъ таковыя прошенія въ подлежащія земскія управы и гг. земскимъ начальникамъ, я получилъ отвѣтъ, что ссуда просителямъ, вслѣдъ за симъ, выдана,—значитъ, нужда была удовлетворена лишь вслѣдствіе поданнаго мнѣ крестьянами прошенія. Съ другой стороны, до меня доходятъ изъ частныхъ источниковъ свѣденія, что во многихъ мѣстахъ губерніи крестьяне сильно нуждаются въ хлѣбѣ и для покупки онаго прибѣгаютъ къ продажѣ и закладу своей движимости. Считаю долгомъ разъяснить, что ссуда должна быть своевременно и неукоснительно выдаваема тѣмъ крестьянскимъ обществамъ, которыя въ ней нуждаются, и что допускать крестьянъ до продажи или залога ихъ движимости ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Я стоялъ и стою за крайне разсчетливую выдачу ссудъ, но это не значитъ, чтобы я могъ даже допустить мысль о неудовлетвореніи истинной нужды. Дѣло продовольственное—дѣло жизненное; преподать точныя указанія по каждому отдѣльному случаю невозможно. Мѣстные дѣятели, я убѣжденъ, съумѣютъ различить нужду отъ неумѣстнаго требованія и, отвергнувъ второе, не допускать отнюдь первую. Не могу при этомъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что, въ виду бывшей въ прошломъ году холерной эпидеміи и угрожающей опасности ея возвращенія съ весны, было бы особенно вредно довести крестьянскій организмъ до полнаго истощенія отъ недостатка питанія". Крайне грустно, — замѣчаетъ по этому поводу „Недѣля", — „что губернской, удаленной отъ народа власти приходится учить гуманному отношенію къ народу дѣятелей, которымъ участь голодающихъ ввѣрена непосредственно". Да, это крайне грустно — тѣмъ болѣе грустно, что *неумѣнье* „различить нужду отъ неумѣстнаго требованія" часто осложняется *нежеланіемъ*. Допустимъ, однако, что есть на-лицо и умѣнье, и желанье; нужны еще *средства* помощи—средства дѣйствительныя и достаточныя, не ограничивающіяся ежемѣсячной ссудой въ тридцать фунтовъ на нерабочаго ѣдока. Такая незначительная ссуда не можетъ, въ большинствѣ случаевъ, привести къ цѣли, намѣченной въ циркулярѣ орловскаго губернатора —не можетъ предотвратить продажу или залогъ крестьянской движимости. Если ссуды, не восполняемой ни заработками, ни помощью изъ другихъ источниковъ, хватаетъ только на двѣ или на три недѣли, то откуда же, какъ не изъ продажи послѣдняго имущества, крестья-

нинъ возьметъ средства для прокормленія семьи до конца мѣсяца? А отопленіе избы, при нынѣшнихъ морозахъ и при полномъ отсутствіи обычнаго топлива — соломы? А прокормленіе скота, безусловно необходимаго для поддержанія крестьянскаго хозяйства? Не очевидно ли, что безъ особыхъ мѣръ, независимыхъ отъ обычной продовольственной ссуды, разореніе большинства крестьянъ, особенно въ мѣстностяхъ вторично пораженныхъ неурожаемъ, совершенно неотвратимо?..

Чрезвычайно опредѣленно вопросъ объ особыхъ мѣрахъ поставленъ въ докладѣ тульской губернской земской управы, представленномъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, на обсужденіе тульскаго губ. земск. собранія. Еще въ октябрѣ прошлаго года особое совѣщаніе по продовольственной части пришло къ убѣжденію, что нужно позаботиться о снабженіи населенія сухимъ кормомъ для рабочаго скота. Объ этомъ было представлено министерству внутреннихъ дѣлъ, которое увѣдомило, что въ виду произведенныхъ правительствомъ громадныхъ затратъ на дѣло народнаго продовольствія по неурожаю прошлаго года и необходимости въ новыхъ, довольно значительныхъ издержкахъ для оказанія помощи на продовольствіе населенія и обсѣмененіе полей, ассигнованіе какихъ-либо суммъ на поддержаніе рабочаго скота представляется рѣшительно невозможнымъ. Губернская управа, тѣмъ не менѣе, настаиваетъ на возбужденіи собраніемъ ходатайства по вышеупомянутому предмету. Потребность такъ настоятельна, послѣдствія неудовлетворенія ея такъ серьезны, что земство не можетъ отказаться отъ раньше высказанной мысли. Въ пользу осуществленія ея говорятъ не одни только гуманитарныя соображенія. Населеніе, оставшееся къ веснѣ безъ лошадей и, слѣдовательно, безъ возможности обработывать поля, окажется для государства тяжелымъ бременемъ. Для поддержанія его существованія понадобятся затраты, несравненно превышающія размѣръ той помощи, которою можно было бы ограничиться въ настоящее время. Убытокъ, прямой и косвенный, отъ потери населеніемъ губерніи массы рабочей и потребляющей силы можетъ быть громаденъ и отозваться на много лѣтъ. Все дѣло, по мнѣнію губернской управы, сводится къ тому, чтобы убѣдительно доказать самый фактъ потребности и опредѣлить *минимальные* ея размѣры. О первомъ свидѣтельствуетъ *массовая продажа* лошадей, какъ въ прошломъ году, такъ и въ нынѣшнемъ, *прямо подъ ножъ*, т.-е. съ выручкой одной только стоимости шкуры. Что касается до размѣровъ пособія, то они исчислены управой до крайности скромно — только на тѣ 75 дней, когда отъ лошади требуется наибольшее напряженіе силъ (съ 1-го марта по 15-е мая), только по 10 ф. въ день и не больше какъ на двѣ лошади въ каждомъ дворѣ (въ семи

наиболѣе пострадавшихъ уѣздахъ). Общее количество сѣна, на 129 т. лошадей, опредѣляется, такимъ образомъ, въ 217 тыс. пуд., что̀ представляетъ собою, *при даровомъ провозѣ* по жел. дорогамъ и при цѣнѣ 20 коп. за пудъ [1]), около 435 тыс. руб. Къ этому нужно прибавить еще около 7$^{1}/_{2}$ пуд. ржаной муки на лошадь, для посыпки, такъ какъ безъ нея ежедневная дача въ 10 ф. сѣна окажется недостаточною для поддержанія силъ лошади. На покупку этой муки понадобится, по разсчету управы, около 870 тыс. рублей, такъ что общая цифра пособія не превыситъ 1.305 тыс. рублей. Если и допустить, что такая же сумма, среднимъ числомъ, понадобится на каждую изъ остальныхъ пострадавшихъ въ нынѣшнемъ году губерній, то весь расходъ на прокормленіе скота составитъ около 13 милл. рублей, что̀, конечно, совсѣмъ немного въ сравненіи съ важностью достигаемой цѣли. Весьма возможно, что на самомъ дѣлѣ расходъ опредѣлился бы и въ меньшей цифрѣ, потому что не вездѣ недостатокъ кормовыхъ средствъ идетъ рука объ руку съ недостаткомъ хлѣба.

Съ окончаніемъ голоднаго періода, т.-е. съ наступленіемъ жатвы, не должна прекратиться забота о населеніи, пострадавшемъ отъ неурожаевъ 1891 и 1892 г. Не говоримъ уже о мѣстностяхъ, которымъ—какъ, напримѣръ, южнымъ уѣздамъ воронежской губерніи—угрожаетъ *третій* неурожай; не сразу поднимется благосостояніе крестьянъ даже и тамъ, гдѣ урожай нынѣшняго года будетъ вполнѣ благопріятенъ. Много пройдетъ времени, пока вспомнятся, хоть отчасти, пробѣлы въ живомъ и мертвомъ инвентарѣ, приведутся въ порядокъ постройки, пріобрѣтется недостающая обувь и одежда, войдутъ въ колею платежи, уменьшатся страшно выросшія недоимки. Въ теченіе всего этого времени не должно ослабѣвать вниманіе къ народнымъ бѣдствіямъ, пробужденное неурожаемъ 1891 г. Упадокъ энергіи и участія, такъ рѣзко бросавшійся въ глаза нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, да и теперь еще не вполнѣ миновавшій—явленіе въ высшей степени ненормальное. Общество и народъ солидарны между собою; раздѣлять или противополагать ихъ интересы—такая же громадная и непростительная ошибка, какъ противопоставленіе народа и государства, пущенное въ ходъ, годъ тому назадъ, нѣкоторыми органами нашей печати [2]). Если прискорбныя событія минувшаго лѣта бросили тревожный свѣтъ на взаимныя отношенія

[1]) Губернскою управою цѣна пуда сѣна опредѣлена въ 40 коп., но вѣроятно только потому, что въ составъ ея введены издержки провоза, который слѣдовало бы сдѣлать безплатнымъ. Мы цѣнимъ пудъ сѣна въ 20 коп. на основаніи той стоимости, которую онъ теперь, при безплатномъ провозѣ, имѣетъ въ богородицкомъ уѣздѣ (см. выше).

[2]) См. Обществ. хронику въ №№ 2 и 3 „Вѣстника Европы“ за 1892 г.

„высшихъ" и „низшихъ" классовъ, обнаруживъ недовѣріе и нерасположеніе народныхъ массъ къ „господамъ" или даже всѣмъ, одѣвающимся „по-господски", то логическимъ выводомъ отсюда является, для общества, необходимость приблизиться къ народу, уменьшить вѣковую сумму недоразумѣній и предразсудковъ. Однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли было бы продолженіе работы, начатой въ голодный годъ. Слишкомъ велика бы была потеря *для обѣихъ сторонъ,* еслибы центры общественной помощи, созданные въ моментъ острой нужды, исчезли безслѣдно, отказавшись отъ борьбы съ нуждой хронической, отъ противодѣйствія ближайшимъ и отдаленнымъ ея причинамъ. Организаторы помощи, трудившіеся среди народа, изучили мѣстныя условія, пріобрѣли довѣріе мѣстнаго населенія; каждый изъ нихъ соединилъ вокругъ себя группу лицъ, поддерживавшихъ его если не личнымъ трудомъ, то матеріальными средствами. Неужели этому общенію суждено прерваться, когда исполнена лишь самая небольшая часть задачи? Въ каждой деревнѣ, даже изгладившей непосредственные слѣды неурожая, есть масса неотложныхъ нуждъ, съ которыми крестьяне не могутъ справиться собственными силами. Въ одномъ мѣстѣ нѣтъ школы; въ другомъ недостаетъ чистой воды; въ третьемъ свирѣпствуетъ чуть не поголовный сифилисъ; въ четвертомъ падаетъ, за отсутствіемъ разумнаго руководства, кустарный промыселъ; въ пятомъ только-что начинается и требуетъ поддержки травосѣяніе—и такъ далѣе до безконечности. Многое, конечно, можетъ сдѣлать земство—но его средства и силы ограничены; всесословной волости, всесословнаго прихода у насъ нѣтъ—да и при нихъ всегда осталось бы довольно мѣста для частной иниціативы. Все это болѣе чѣмъ когда-либо выяснилось теперь, въ послѣдніе тяжелые годы—и урокъ, повидимому, не прошелъ даромъ. Намъ извѣстно село въ окрестностяхъ Воронежа, о которомъ и теперь, по прекращеніи голода (но, конечно, не нужды), не перестаетъ заботиться небольшой кружокъ, кормившій его въ прошломъ году. Весьма можетъ быть, что здѣсь скоро возникнетъ школа, о которой до тѣхъ поръ не было и рѣчи. Изъ статьи А. И. Эртеля: „Макарьевское попечительство", помѣщенной въ № 1 „Русской Мысли", мы узнаемъ, что Макарьевскому приходу (въ воронежскомъ уѣздѣ) прошлогоднее бѣдствіе принесло хорошій прудъ и прекрасное школьное зданіе. Въ елецкомъ уѣздѣ устроилась, благодаря г. Стаховичу и его сестрѣ, госпожѣ Огаревой, кружевная школа, открытіе которой тѣсно связано съ прошлогодней нуждой, вызвавшей заботу о лучшемъ вознагражденіи кружевницъ. Не безплоднымъ, по всей вѣроятности, осталось и попеченіе госпожи Сѣровой о с. Судосевѣ [1]). Все это, однако,

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1892 г.

отдѣльныя единицы; можетъ быть, онѣ считаются десятками, сотнями, но ихъ должно было бы быть десятки, сотни тысячъ... Хотѣлось бы вѣрить, что это такъ и будетъ. Само собою разумѣется, что такая заботливость частныхъ лицъ и общественныхъ группъ не устранитъ необходимости въ государственныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ коренному улучшенію условій народной жизни и народнаго хозяйства.

Въ ожиданіи того желаннаго времени, когда общество развернетъ всѣ свои силы для активной помощи бѣднымъ, существенной перемѣной къ лучшему было бы исчезновеніе, въ средѣ такъ называемыхъ высшихъ классовъ, готовности эксплуатировать въ свою пользу народныя бѣдствія. До чего доходитъ иногда такая эксплуатація— объ этомъ мы находимъ по истинѣ ужасающія свѣденія въ корреспонденціи „Русской Жизни", составленной на основаніи отчета казанской губ. земской управы за неурожайный 1891 г. „Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ земства, — пишетъ корреспондентъ, — наши землевладѣльцы шли въ поднятіи цѣнъ на хлѣбъ даже дальше купечества. Въ то время, какъ у многихъ купцовъ земская управа пріобрѣтала рожь по 1 р. 20 к., ржаную муку по 1 р. 13 к. и овесъ по 85 к., землевладѣльцы брали съ земства за рожь: В. В. Обуховъ —1 р. 52½ к. за пудъ; Н. В. Тилле, М. Ѳ. Болдыревъ, И. И. Горемыкинъ, Н. Н. Галкина-Враская и С. Н. Теренинъ — по 1 р. 50 к.; П. А. Евсевьева, В. В. Теренина, Н. С. Молоствова, А. Ѳ. Лисовская и Н. А. Лисовскій—по 1 р. 40 к.; А. Н. Островскій—по 1 р. 37⅘ к.; Ю. В. Трубниковъ и П. Х. Купріяновъ—по 1 р. 35 к. и т. д. Ржаную муку дороже купцовъ продавали земству: А. Н. Островскій — по 1 р. 44⅘ к.; Н. Ѳ. Грибовскій и Н. А. Бакунинъ — по 1 р., 50 к.; Я. К. Крамеръ и П. М. Данченко—по 1 р. 55 к. Изъ купцовъ особенное своекорыстіе проявили: Бугровскій, взявшій за нѣсколько сотъ пудовъ ржаной муки даже по 1 р. 60 к. за пудъ, торговый домъ Журавлевыхъ—по 1 р. 53 к. За овесъ земство вынужденнымъ оказалось платить: кн. П. А. Ухтомскому по 91½ к. за пудъ, и землевладѣльцамъ: Н. В. Теренину по 90⅘ к., П. Х. Купріянову, И. И. Горемыкину, А. Н. Теренину и Д. О. Лукьяновой по 90 к., въ то время, какъ торговый домъ Блиновыхъ и купцы Курбатовъ, Ушаковъ и еврей Кроль брали: первый—89 к. за пудъ, второй—88 к. и поспослѣдній—85 к.". Съ попытками землевладѣльцевъ получить, благодаря неурожаю, несоразмѣрно-высокія цѣны за хлѣбъ мы встрѣчались уже въ нижегородской губерніи [1])—но тамъ онѣ все-таки шли не такъ далеко, какъ въ казанской губерніи, и притомъ оставались безуспѣшными. Въ Нижнемъ-Новгородѣ купцы также отнеслись къ

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европы" за 1892 г.

общественному дѣлу лучше, чѣмъ помѣщики. Въ то самое время, когда изъ числа послѣднихъ только одинъ соглашался „уступить" рожь по предложенной земствомъ цѣнѣ (1 р. 32 коп. за пудъ — кажется, не мало!), а другіе требовали 1 руб. 60 коп. и жаловались на земство, отказывавшее имъ въ этой цѣнѣ,—купецъ Бугровъ отдавалъ земству рожь по 1 руб. 28½ коп. (замѣтьте—рожь *купленную* имъ, а не выросшую на его землѣ). Къ той же категоріи фактовъ относится систематическое уклоненіе отъ платежа земскихъ сборовъ, продолжающееся даже въ періодъ неурожайный, т.-е. наиболѣе трудный для земскаго хозяйства. Оказывается, напримѣръ, что одинъ изъ главныхъ дѣятелей прошлогодней лукояновской „исторіи"—М. А. Ф-въ, крупный землевладѣлецъ и винный заводчикъ—накопилъ земской недоимки *шестнадцать тысячъ рублей* (см. замѣтки „Провинціальнаго наблюдателя" въ № 1 „Русской Мысли" за текущій годъ)! Не удивительно ли такое совмѣщеніе снисходительности къ самому себѣ и строгости къ голодающимъ крестьянамъ?.. О „распущенности" крестьянъ говорятъ много и громко, усматривая ее даже въ свободномъ пользованіи законными правами; не лучше ли было бы обратить вниманіе на „распущенность", такъ ярко выражающуюся въ неисполненіи, изъ года въ годъ, самой элементарной гражданской обязанности? Крестьянская недоимка, въ большинствѣ случаевъ—результатъ неурожая, падежа, семейнаго бѣдствія; и все-таки она взыскивается, взыскивается иногда посредствомъ мѣръ болѣе чѣмъ энергичныхъ. Недоимка за многіе годы, накопившаяся на крупномъ землевладѣльцѣ, не можетъ быть оправдана рѣшительно ничѣмъ; но принудительное ея взысканіе—явленіе до крайности рѣдкое, отчасти вслѣдствіе неудовлетворительности дѣйствующихъ законовъ, отчасти вслѣдствіе принципа, высказаннаго въ старинной поговоркѣ, до сихъ поръ еще не вполнѣ утратившей свое значеніе: „съ сильнымъ не борись".

Кстати о лукояновскомъ уѣздѣ. Читатели не забыли еще, конечно, объ экстраординарной мѣрѣ, принятой, осенью 1891 г., по отношенію къ предсѣдателю лукояновской уѣздной земской управы, купцу Валову. Онъ былъ удаленъ отъ должности, по представленію губернатора, не ожидая выясненія взведенныхъ на него обвиненій. Эта работа произведена была уже потомъ, особою коммиссіею, избранною губернскимъ земствомъ. Коммиссія признала, что въ дѣйствіяхъ лукояновской управы заключается много неправильностей, вызванныхъ неумѣлымъ веденіемъ дѣла и незнакомствомъ съ нимъ; но никакихъ корыстныхъ цѣлей въ дѣятельности ея не найдено, почему „о судебномъ преслѣдованіи Валова не должно быть и рѣчи". Нижегородское губ. земское собраніе, большинствомъ 39 голосовъ противъ 8, согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи, что „неумѣлое веденіе" продоволь-

ственнаго дѣла нежелательно и непохвально—против этого, конечно, никто возражать не станетъ; но столь же несомнѣчно и то, что лучше неумѣлость, чѣмъ намѣренная, сознательная черствость, доходящая до прямого неисполненія служебнаго долга. Если г. Валовъ пострадалъ гораздо больше, нежели члены лукояновской продовольственной коммиссіи, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ болѣе, чѣмъ они, виновенъ... О лукояновскомъ уѣздѣ не даютъ забыть [1]) очерки В. Г. Короленко („По нижегородскому краю"), все еще появляющіеся, отъ времени до времени, въ фельетонахъ „Русскихъ Вѣдомостей". Исторія Максима Савоськина, разсказанная въ одномъ изъ нихъ, производитъ потрясающее впечатлѣніе. Савоськинъ, по удостовѣренію самого земскаго начальника, съ мая мѣсяца 1891 г. болѣлъ лихорадкой; „а такъ какъ лукояновская продовольственная коммиссія рѣшила строго держаться въ предѣлахъ задачи—спасать отъ голодной смерти, но не отъ лихорадки, то больной и изнуренный Савоськинъ получилъ ссуду на общемъ въ участкѣ основаніи, *то-есть 2 пуда въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ на семью изъ 4-хъ человѣкъ* (самъ, старуха, слабоумный сынъ и другой 17-ти лѣтъ). О положеніи Савоськина заявлялъ не разъ староста, но тщетно. Затѣмъ откуда-то до г. земскаго начальника дошло, что въ положеніи этомъ принялъ участіе также священникъ. Тогда произошло нѣчто трудно допустимое, но тѣмъ не менѣе совершенно реальное. Въ мартѣ Савоськину выдано пособіе въ 60 фунтовъ. Савоськинъ разсчитывалъ отдохнуть и тотчасъ же испекъ себѣ коровашекъ чистаго хлѣба, т.-е. безъ лебеды. Но... вслѣдъ за пособіемъ къ Савоськину нагрянулъ фельдшеръ... Для леченія лихорадки? Нѣтъ, болѣе для провѣрки слуховъ объ его нуждѣ; увидѣвъ у Савоськина чистый хлѣбъ („уѣздная политика" того времени считала чистый хлѣбъ за „поличное"), фельдшеръ заявилъ о томъ начальнику. Уѣздная политика тотчасъ же пошла въ ходъ. Староста съ 19-го по 26-е марта высидѣлъ въ кутузкѣ (какъ оказалось: за рапортъ о Савоськинѣ), а относительно священника, на котораго староста сослался въ томъ же рапортѣ, возбуждена „угрозительная переписка", заканчивавшаяся требованіемъ сдѣлать священникамъ внушеніе и угрозой довести до свѣденія высшаго начальства... Между тѣмъ Савоськинъ и съ своей стороны принялъ участіе въ полемикѣ. Писать онъ не умѣлъ—онъ просто взялъ да и умеръ"... Мы жалѣемъ, что не можемъ выписать весь разсказъ В. Г. Короленко — одну изъ самыхъ ужасныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыхъ поучительныхъ страницъ въ лѣтописи прошлаго года.

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы ставимъ это автору не въ вину, а въ заслугу. О такихъ „исторіяхъ", какъ лукояновская, забывать отнюдь не слѣдуетъ...

Гласнымъ черниговскаго губ. земскаго собранія разослана была, передъ январьской сессіей нынѣшняго года, подробная записка гг. Игнатовскаго и Хижнякова о необходимости учредить въ черниговской губерніи сельско-хозяйственное техническое училище. Въ черниговской губерніи существують четыре мужскія гимназіи (въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ, Глуховѣ и Нѣжинѣ), двѣ прогимназіи (въ Суражѣ и Стародубѣ) и одно реальное училище (въ Новозыбковѣ); другихъ среднихъ учебныхъ заведеній для мальчиковъ здѣсь нѣтъ. Между тѣмъ въ гимназіяхъ только немногіе ученики (около одной трети) остаются до конца курса; большинство ($57^1/_2$%) оставляетъ гимназію, не дойдя даже до седьмого класса. Изъ всѣхъ четырехъ гимназій губерніи выбрасывается ежегодно, въ качествѣ непригоднаго матеріала, около 150 учениковъ, съ обрывками классическаго образованія, совершенно непригодными для ихъ дальнѣйшей дѣятельности. Существованіе сельско-хозяйственнаго техническаго училища дало бы возможность обратить многихъ изъ числа этихъ „классическихъ недоучекъ“ въ полезныхъ дѣятелей по тѣмъ именно отраслямъ экономической жизни, подъемъ которыхъ представляется особенно желательнымъ. Не знаемъ, какъ отнеслось къ этому предложенію черниговское губ. земское собраніе. Для насъ его цѣлесообразность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопросъ, имъ возбужденный, имѣетъ не мѣстное, а государственное значеніе. Вездѣ гимназіи даютъ громадную массу недоучекъ; вездѣ, съ другой стороны, чувствуется потребность въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Со времени обнародованія устава о промышленныхъ училищахъ прошло уже четыре года—а развиваются они все еще до крайности медленно и туго. Взаимнодѣйствіе земства и государства, о которомъ говорятъ авторы черниговскаго предложенія—лучшее средство ускорить ходъ дѣла, важность и неотложность котораго теперь, послѣ цѣлаго ряда неурожаевъ, больше чѣмъ когда-либо очевидна.

Мы говорили, два мѣсяца тому назадъ, о расколѣ, происшедшемъ въ томскомъ обществѣ естествоиспытателей и врачей. Можно было думать, что, съ успокоеніемъ страстей, протестанты возвратятся въ среду общества или предоставятъ ему, по меньшей мѣрѣ, возможность спокойно продолжать свои занятія. На самомъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, случилось совсѣмъ не то. Бывшій предсѣдатель общества, В. М. Флоринскій, оказался рѣшительнымъ и непримиримымъ его противникомъ. *Единогласно* избранный, въ засѣданіи 30-го октября, почетнымъ членомъ общества, онъ отказался отъ принятія этого званія

„въ виду событій 25-го сентября и 24-го октября“ (т.-е. въ виду всего происходившаго въ тѣхъ засѣданіяхъ общества, о которыхъ мы подробно говорили въ январьской Общественной Хроникѣ). Этого мало: основываясь опять-таки на тѣхъ же „событіяхъ“, онъ возбудилъ вопросъ о пересмотрѣ устава общества и заранѣе помѣтилъ перемѣны, которыя слѣдовало бы въ немъ сдѣлать. Самая невинная изъ нихъ — это переименованіе общества, заключающееся въ перестановкѣ словъ: вмѣсто „общества естествоиспытателей и врачей“ предполагается назвать его „обществомъ врачей и естествоиспытателей“, на томъ основаніи, что естествоиспытателей въ Сибири мало, и они могутъ составить только филіальное отдѣленіе общества. Въ составъ этого филіальнаго отдѣленія пускай входятъ инженеры, технологи и другіе спеціалисты съ высшимъ образовательнымъ цензомъ; но *дѣйствительными членами* общества должны быть только лица, окончившія курсъ по медицинскому или физико-математическому факультету. Лица безъ высшаго образованія, равно какъ и не-спеціалисты, могутъ быть только членами-сотрудниками или членами-соревнователями общества. Профессора томскаго университета признаются членами общества безъ баллотировки. Такова сущность предложенія, сдѣланнаго бывшимъ предсѣдателемъ общества. Что же оказывается изъ преній, имъ вызванныхъ (см. протоколъ засѣданія общества 15-го декабря)? Въ средѣ общества есть немало членовъ, не соотвѣтствующихъ новымъ требованіямъ и подлежащихъ слѣдовательно — въ случаѣ измѣненія устава согласно мнѣнію В. М. Флоринскаго,— исключенію изъ общества. Между тѣмъ *четверо* изъ нихъ были предложены въ члены самимъ В. М. Флоринскимъ; почти всѣ баллотировались при его участіи, въ засѣданіяхъ, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ; никакихъ протестовъ противъ ихъ кандидатуры ни съ его стороны, ни со стороны профессоровъ, вышедшихъ изъ общества, заявлено не было. Какимъ же образомъ лица, вчера признававшіяся достойными и полезными членами общества, сегодня оказываются утратившими эти свойства? Ни въ нихъ, ни вокругъ нихъ, никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло; общество получило только новаго предсѣдателя и потеряло нѣкоторое число членовъ. Или, можетъ быть, въ этихъ-то членахъ и заключалась вся внутренняя сила общества? Данныя, приведенныя въ засѣданіи 15-го декабря, доказываютъ противное. Членами общества состоятъ и теперь шесть профессоровъ университета, а также всѣ прозекторы, лаборанты, ассистенты, консерваторы, ординаторы клиникъ. Изъ 23 докладовъ, въ теченіе трехъ лѣтъ сдѣланныхъ профессорами, *одиннадцать* принадлежатъ одиннадцати профессорамъ, удалившимся изъ общества, *двѣнадцать* — шести профессорамъ, въ

немъ оставшимся. Семь докладовъ представлено остальными служащими въ университетѣ, также не порывавшими связи съ обществомъ. Новому предсѣдателю заявлено уже о *тридцати* сообщеніяхъ, приготовленныхъ или приготовляемыхъ для прочтенія въ обществѣ. Понятно, что въ виду всѣхъ этихъ фактовъ общество *единогласно* постановило отклонить измѣненіе устава, предложенное В. М. Флоринскимъ. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, признать, что положеніе вещей, утромъ 24-го сентября бывшее, по общему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительнымъ, вечеромъ того же дня сдѣлалось неудовлетворительнымъ, въ силу одной лишь перемѣны въ составѣ правленія общества. Когда графъ Артуа, въ 1814 г., возвратился во Францію, онъ произнесъ извѣстныя слова: rien n'est changé, il n'y a qu'un français de plus. Члены томскаго общества, послѣ выборовъ 24-го сентября, могли бы сказать, съ такимъ же точно правомъ: rien n'est changé, il n'y a qu'un président de moins. Все осталось бы тогда по прежнему, и ученому обществу — одному изъ первыхъ въ Сибири, имѣющему передъ собою массу обширныхъ и важныхъ задачъ — не пришлось бы переживать печальный кризисъ, вызванный оскорбленнымъ самолюбіемъ и осложненный служебными отношеніями. Должностныя лица учебнаго вѣдомства, не измѣнившія обществу, выказали немало гражданскаго мужества; нужно надѣяться, что они съумѣютъ и въ будущемъ поддержать достоинство общества и широко развить его дѣятельность — если не встрѣтятъ внѣшнихъ къ тому препятствій.

Русская наука и русское общество понесли большую потерю въ лицѣ Ю. Э. Янсона. Его ученые труды имѣли не одно только теоретическое значеніе. Въ то время, когда крестьянскій вопросъ признавался окончательно разрѣшеннымъ, не требующимъ дальнѣйшей заботливости со стороны государства, Ю. Э. Янсонъ былъ однимъ изъ первыхъ, возставшихъ противъ этого квіетизма и обратившихъ вниманіе на недостаточность надѣловъ, на обременительность выкупныхъ платежей. Возраженія, имъ встрѣченныя, часто переходили въ заподозриванія и обвиненія; но прошло немного лѣтъ—и поставленныя имъ задачи перешли, по крайней мѣрѣ отчасти, въ область законодательства. Эта заслуга Ю. Э. Янсона не скоро будетъ забыта. Очень многимъ обязано ему и петербургское городское общественное управленіе. Труды покойнаго по собранію и обработкѣ статистическихъ данныхъ, касающихся Петербурга, принадлежатъ къ числу образцовыхъ. Если они не получили того значенія, какое имѣютъ лучшія земско-статистическія работы, то это объясняется исключи-

тельно тѣмъ, что въ русской жизни деревня играетъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ городъ.

Нашъ журналъ также обязанъ покойному Ю. Э. Янсону двумя статьями: въ 1875 г. (октябрь и ноябрь) была помѣщена у насъ его статья: „Населеніе Петербурга и его экономическій и соціальный составъ по переписи 1869 г., а въ 1884 г. (ноябрь)—„Промыслы и занятія петербургскаго населенія, по переписи 1881 г.". Незадолго передъ смертью, въ декабрѣ 1892 г. онъ окончилъ обширный и образцовый свой трудъ: „С.-Петербургъ по переписи 15-го декабря 1890", изданный Городскою Управою, въ четырехъ частяхъ; этимъ трудомъ онъ достойно завершилъ свою многолѣтнюю трудовую жизнь, которая была всецѣло посвящена служенію наукѣ и обществу.

Отъ Редакціи. — Редакція получила, въ февралѣ мѣсяцѣ, изъ Флоренціи, отъ Л. Ѳ. Пантелѣева 25 рублей, и неизвѣстно откуда и отъ кого (подпись неразборчива)—5 рублей; согласно желанію выславшихъ деньги, 25 рублей отправлены почтою въ г. Воронежъ, д-ру Г. Гончарову, а 5 рублей — на станцію Хомутово, тульской губ., на имя г-жи Л. Бобрищевой-Пушкиной.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга шестая. Спб. 92. Стр. 575.

Исторія семьи, члены которой занимали въ извѣстное время видное и вліятельное положеніе въ своей странѣ, часто представляетъ особый интересъ, такъ какъ возможныя для нея подробности стушевываются въ исторіи страны, а между тѣмъ онѣ бываютъ иногда чрезвычайно характерны, и небольшая черта, сохранившаяся въ исторіи семьи, объясняетъ многое и въ общей исторіи цѣлой страны. Таково значеніе и настоящаго изданія; послѣдній его выпускъ относится только къ 60-мъ годамъ XVII вѣка, —кануну эпохи рожденія Петра Великаго. Это десятилѣтіе было бѣдственнымъ для Россіи, въ смыслѣ обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ, а для Василія Борисовича Шереметева—временемъ его крымскаго плѣна. Смѣлость крымскихъ татаръ выразилась въ требованіи ихъ для заключенія мира—„прислать четыре года казны и поступиться Казанью и Астраханью". Бѣдствія же Шереметева въ плѣну доходили до лишенія пищи; на просьбы его нашимъ посламъ въ Крыму ссудить его деньгами, они отвѣчали: „вѣдомо тебѣ и самому, что намъ и самимъ ѣсть нечего—и наги, и босы"; и только послѣ они, „оскудя себя", переслали ему „десять ефимковъ да грамотку". Переходъ отъ такого десятилѣтія къ азовскимъ походамъ Петра В., черезъ какихъ-нибудь 25—30 лѣтъ, краснорѣчиво говоритъ, безъ лишнихъ словъ, о великомъ значеніи этого генія русской земли, разбудившаго ее отъ глубокаго сна своими преобразованіями. Не менѣе интересна дѣятельность Петра Васильевича Шереметева въ званіи кіевскаго воеводы, на поприщѣ охраненія школы при братствѣ богоявленскаго монастыря, старой кіевской школы, нынѣшней кіевской духовной академіи; ей угрожала закрытіемъ вражда двухъ партій, раздѣлявшихъ въ то время кіевскихъ жителей. Вообще историкъ той отдаленной и вмѣстѣ крайне интересной эпохи, найдетъ въ настоящемъ изданіи собраннымъ въ одно связное цѣлое то, что оставалось разсѣяннымъ по различнымъ „актамъ", „памятникамъ", или хранящимся въ „связкахъ" архива министерства иностр. дѣлъ.

Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, въ связи съ законодательствомъ о принудительномъ воспитаніи. Соч. Е. Альбицкаго и А. Ширгена. Сарат. 93. Стр. 302. Ц. 2 р.

Еще въ 1890 г. юридическій факультетъ спб. университета удостоилъ этотъ трудъ золотой медали; авторы, при изданіи, дополнили его новыми данными изъ литературы вопроса за послѣдніе три года, и тѣмъ увеличили значеніе своего труда. Спеціальныя сочиненія, по тому же предмету, проф. Богдановскаго, Кистяковскаго и Тальберга послужили имъ пособіемъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, а нѣмецкая монографія о принудительномъ воспитаніи и наказаніяхъ молодыхъ преступниковъ Фёринга дала мысль о необходимости выдѣлить изъ общей исторіи исправительно-воспитательныхъ заведеній западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ тѣ общія начала, которыя составляютъ сущность принудительнаго воспитанія. Особенно важна послѣдняя глава, посвященная ученію о патронатѣ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и исторіи попечительства и покровительства въ иностранныхъ государствахъ, куда отнесено разсмотрѣніе всѣхъ мѣръ призрѣнія дѣтей нравственно-заброшенныхъ. Въ концѣ книги можно найти „общія положенія", какъ выводы изъ тѣхъ подробностей, которыя составляютъ содержаніе труда. Изъ такихъ положеній обращаетъ особенное вниманіе на себя то, которое относится къ патронату: „патронатъ для молодыхъ преступниковъ составляетъ право и обязанность государства и долженъ осуществляться послѣднимъ чрезъ посредство частныхъ обществъ, но подъ надзоромъ и при содѣйствіи правительства". Нельзя не отнестись съ сочувствіемъ также и къ другому положенію—о желательности „уничтоженія публичности и торжественности судебныхъ процессовъ относительно молодыхъ лицъ".

Исторія нѣмецкой литературы, В. Шерера. Перев. съ нѣм. п. р. А. Н. Пыпина. Ч. I. Спб. 93. Стр. 363. Ц. 3 р.

Классическій трудъ Шерера, составляющій въ оригиналѣ одинъ весьма объемистый томъ, въ русскомъ переводѣ, для удобства читателей, подраздѣленъ на двѣ части; при второй части, кромѣ предисловія, примѣчаній и общаго указателя, будетъ помѣщенъ и краткій очеркъ жизни и трудовъ автора. Настоящій выпускъ начинается съ древнѣйшей эпохи, современной Тациту, и обнявъ всю средневѣковую литературу, вмѣстѣ съ эпохою реформаціи и возрожденія, останавливается на началѣ новѣйшей литературы въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ въ области религіи и науки, такъ и романа и театра.

Изъ зеленаго царства. Популярные очерки изъ міра растеній. Сочиненіе Дмитрія Кайгородова, проф. спб. Лѣсного института. Со многими рисунками. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Спб., 1892. Стр. 298 Ц. 2 р. 50 коп.

Проф. Кайгородовъ составилъ себѣ почетную извѣстность своими талантливыми популярными очерками, въ которыхъ естественно-научныя знанія соединяются съ живымъ, поэтическимъ взглядомъ на природу и съ замѣчательнымъ искусствомъ изложенія. Книги его, очевидно, пользуются заслуженнымъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ также вышедшее теперь новое изданіе сочиненія о „зеленомъ царствѣ".

Въ странѣ контрастовъ. Изъ жизни и природы туркестанскаго края. Составлено по Каразину, Иванову, Костенко, Семенову и др., Л. П. Шелгуновой. Съ 9 рисунками Н. Н. Каразина и др. Спб., 1893. Стр. 153.

Очерки г-жи Шелгуновой имѣютъ на половину характеръ беллетристическій, приноровленный для дѣтскаго чтенія. Описанія разныхъ областей мѣстностей Средней Азіи, свѣденія объ ихъ историческомъ прошломъ, о природѣ страны, о бытѣ и нравахъ населенія, передаются въ связи съ приключеніями одного мальчика-сарта, съ эпизодами его путешествій по туркестанскому краю и т. п. Такимъ образомъ, въ легкой и доступной формѣ разсказа сообщаются читателямъ полезныя свѣденія по географіи и исторіи далекихъ азіатскихъ областей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ **1893** г.
(Двадцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою.	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ **Съ перваго апрѣля открывается подписка на вторую четверть 1893 года.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер. 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

·ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1893.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1893.

Стр.

I.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ НА ВОЛГУ ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ.—Впечатлѣнія и замѣтки.—XI-XXVI.—Окончаніе.—**Л. Нелидовой** 453

II.—СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ XVIII-го ВѢКА.—Изъ дѣлъ сибирской старины.—Разсказъ.—XIV-XXIII.—Окончаніе.—**Н. С. Лѣскова**. 534

III.—ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ.—Изъ личныхъ воспоминаній.—VIII-IX.—**П. А. Тверского** 562

IV.—ДИКАРКА.—Повѣсть Эл. Оржешко.—Съ польскаго.—V.—**Гл.** 588

V.—ИСКУССТВО И НРАВСТВЕННОСТЬ.—Очеркъ.—**Кн. С. М. Волконскаго** . . 620

VI.—ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ.—Романъ Фр. Шпильгагена.—Книга четвертая.—**А. Э.** 652

VII.—ДВА ОЧЕРКА.—I. Ненадолго.—II. Ближе къ природѣ.—**З. Гиппіусъ** . . 701

VIII.—ДЕРЕВНЯ.—Каронинъ, Разсказы.—**А. Н. Пыпина** 780

IX.—ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЮДОМА.—I. Разбитая ваза.—II. Роса.—III. Желаніе.—IV. Ласточка.—V. Два смѣлыхъ путника.—VI. Статуя и женщина.—VII. Кто скажетъ.—**О. Михайловой** 783

X.—ИППОЛИТЪ ТЭНЪ.—**К. К. Арсеньева** 788

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Пауза.—II. Девятая симфонія Бетховена.—III. Съ горъ потоки.—**А. М. Жемчужникова** 805

XII.—ХРОНИКА.—Памяти В. А. Арцимовича.—2-е-5-е марта.—**А. К.** 807

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Проектируемый государственный квартирный налогъ.—Можетъ ли онъ замѣнить собою налогъ подоходный?—Главныя условія взиманія квартирнаго налога.—Квартирныя присутствія.—Продовольственный отчетъ нижегородской губернской земской управы.—Земско-статистическія свѣденія о самарской губерніи.—Новые законы. 814

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Особенности французской администраціи и бюрократіи.—Старыя традиціи на новой почвѣ.—Послѣдній панамскій процессъ.—Флоке и его судьба.—Клемансо и Фрейсинэ.—Политическіе нравы и пріемы оппортунистовъ.—Темные факты въ панамскомъ дѣлѣ.—Смерть Жюля Ферри.—Болгарскія дѣла и правительственное сообщеніе 833

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ казанской и другихъ средне-волжскихъ губерніяхъ, А. П. Энгельгардта.—Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, В. В.—Урожаи ржи въ европейской Россіи, А. Фортунатова.—Крестьянское мірское хозяйство, М. Скибинскаго.—**Л. С.**—Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ, А. Корнилова.—Гроза гимназіи, С. Либровича.—Скамья и каѳедра, А. Желанскаго.—**А. П.**—Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка, Н. Горяева.—**С. Б.**—Новыя книги и брошюры . . . 848

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. L'évolution sociale, par B. Lavergne.—**Л. С.**—Essais de littérature contemporaine, par G. Pellissier.—Vers et prose, par Mallarmé.—**З. В.** 857

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Итоги дѣятельности Особаго Комитета.—Частная помощь въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году.—Одна изъ причинъ *невѣдѣнія* размѣровъ бѣдствія.—Трагическая смерть Н. А. Алексѣева въ Москвѣ.—П. Я. Александровъ †.—Юбилей В. Н. Герарда 865

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова.—Германское торговое право, Карла Гарейса, пер. съ нѣм. п. р. Н. І. Нерсесова.—С. Ѳ. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ.—М. И. Мышъ. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ.—Вопросы дня и жизни, В. А. Гольцева.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ НА ВОЛГУ

въ

ПРОШЛОМЪ ГОДУ

Впечатлѣнія и замѣтки.

Окончаніе.

XI *).

Въ Липовкѣ было всего четыре столовыхъ: двѣ общихъ, одна бабья и одна ребячья въ училищѣ, не закрытая и на лѣтнее время. Кормятся въ столовыхъ, или получаютъ земское продовольствіе, всѣ семьи за ничтожнымъ исключеніемъ нѣсколькихъ дворовъ. Выборъ поставленъ круто: умирать—или питаться подаяніемъ, и я въ первый разъ съ грустью и жалостью видѣла сѣдыя, почтенныя головы, иконописно правильныя, чудесныя по выраженію лица, — они долго были смущены моимъ появленіемъ и уныло наклонялись надъ чашками нищенской трапезы. Помимо всего остального, они смущены неувѣренностью, невѣденіемъ того, откуда же, наконецъ, получается эта милостыня, спасающая ихъ отъ немедленнаго умиранія.

Значительная часть столовыхъ тетюшскаго уѣзда открыта на средства англійскаго общества *Друзей* и на частныя пожертвованія

*) См. выше: мартъ, 204 стр.

— Я вездѣ, гдѣ могу, стараюсь имъ растолковать это, и васъ прошу дѣлать то же, объяснять гдѣ только возможно,—говоритъ мнѣ Вѣра Семеновна, по учительской привычкѣ тотчасъ же поясняя и комментируя собственную мысль. — Нужно, чтобы они знали, кто именно имъ помогаетъ и откуда деньги идутъ на столовыя. Чтобы не было никакихъ заблужденій и недоразумѣній на этотъ счетъ,—настаиваетъ она.

Результаты успѣшности предварительнаго толкованія обнаруживаются при первой же моей попыткѣ къ объясненію.

Мужичья столовая помѣщается по серединѣ села въ просторномъ дворѣ когда-то очевидно исправнаго мужика. Подъ навѣсомъ въ тѣни по обыкновенію на козлахъ—столы; вокругъ—лавки, снесенныя съ нѣсколькихъ дворовъ. Обѣдаютъ сразу человѣкъ 30, 40. Есть бабы и дѣти, но болѣе взрослыхъ мужиковъ.

Я одна. Нѣсколько лицъ, знакомыхъ по леченію, привѣтствуютъ меня, остальные кланяются молча, а я не умѣю находчиво и легко, какъ бы слѣдовало, начать разговоръ.

При посѣщеніи столовыхъ мнѣ уже не разъ приходится чувствовать себя въ фальшивомъ положеніи. Меня принимаютъ за главную распорядительницу, благотворительницу; при моемъ появленіи перешептываются и, уходя, посылаютъ мнѣ благословенія, земные поклоны и благодарности.

Я останавливаю женщину съ маленькимъ ребенкомъ; она дѣлаетъ движеніе, чтобы опуститься на колѣни подлѣ меня, между лавками, и я исполняю, какъ умѣю, возложенное на меня порученіе.

Высокій мужикъ съ одутловатымъ лицомъ, съ неумѣренно длинными руками и ногами, явно стѣсняющими его своей непомѣрной длиной, сидитъ, свѣсивъ ноги, на облучкѣ телѣги тутъ же подъ навѣсомъ въ ожиданіи очереди и внимательно слушаетъ, что̀ я говорю.

— И какимъ же это бытомъ, и кто же бы это такое надоумилъ ее—эту самую англичанку—насчетъ, то-есть, насъ грѣшныхъ? Чудно̀!—говоритъ онъ, перекидывая ногу на ногу, и захватываетъ на телѣгѣ конецъ веревки, которую старательно ссучиваетъ въ рукахъ.

— Пожалѣла! Вонъ какъ! Чтой-то больно жалостливы стали: чудно̀!—повторяетъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и я вижу, что только мое присутствіе удерживаетъ его отъ болѣе энергическаго способа выраженія.

— Ты, вѣроятно, не понялъ меня,—говорю я, обдумывая новый пріемъ сдѣлать понятнѣе объясненіе.—Это совсѣмъ не ан-

глійская королева прислала деньги и пожалѣла насъ, а англичане, такіе же, какъ и мы, простые люди, которые живутъ въ Англіи. Они услыхали, что у насъ голодъ, и вотъ захотѣли намъ помочь...

— Знаемъ, помочь! Предлогъ сдѣлать хотятъ, въ свою вѣру обращать...

— Помилуй! Да зачѣмъ имъ наша вѣра! Они никогда и не увидятъ насъ.

Послѣднее добавленіе возбуждаетъ явное и всеобщее недовѣріе. Всѣ головы поворачиваются въ нашу сторону. Долговязый мужикъ прищуриваетъ одинъ глазъ и машетъ веревкой съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія.

— Чтобы не видавши въ глаза этакую уйму денегъ разсорить... Ну-у! Хлёбово—хлёбовомъ, а кажинный день хошь и имъ артель прокормить—станетъ въ копѣечку. Знаемъ мы! Сами не увидятъ—поглядѣть кого пришлютъ. Что же, какъ же теперь, сударыня, — обращается онъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, какъ будто на все время оглохъ и ни одно слово моего *объясненія* не дошло до ушей. его.—Какъ скажете: припентъ ей, что-ли, какой за насъ будетъ идти отъ казны, подъ закладъ насъ что-ли ей теперь отдать хотятъ?

— А ты погоди, Прокофій, погоди!—говоритъ старикъ, благообразный и сѣдой; замѣчая, вѣроятно, мое выраженіе, онъ опустилъ ложку и поворотился лицомъ ко мнѣ.—По недоумѣнію нашему толкуемъ промежду себя, сударыня. Сумнительно будто, чтò это насъ нонѣшнее время переписываютъ по скольки разъ? Дворы переписывали, скотину переписывали, самихъ переписывали. Всѣ теперь на счету, вкупѣ, не убѣжимъ никуда.

Глубокая тревога слышится въ этихъ вопросахъ, поставленныхъ какъ бы въ шутливой формѣ. Умные старческіе глаза съ дѣтскимъ недоумѣніемъ, ожидая отвѣта, смотрятъ на меня.

— Чего говорить! Забрались въ долги вовсе. Теперь у насъ волосъ каждый на головѣ э-вотъ стоитъ небось по рублю. Легко брать—каково-то отдавать будетъ.

— Богъ милостивъ. Вѣдь не все же отдавать придется, дѣдушка.

— Жерствіе дàрма идетъ. Жерствіе не спросится,—слышится чей-то голосъ у стола.

Я стараюсь объяснить различіе между земской ссудой и частными пожертвованіями. Это тотчасъ схватываютъ, и изъ разговоровъ я убѣждаюсь, что большинство поняло и вполнѣ усвоило себѣ мысль. И въ то же время замѣчаю, какъ убѣжденіе въ коварствѣ *англичанки*, въ возможности заклада, процентовъ и даже

перемѣны вѣры, засѣдаетъ гвоздемъ, который, очевидно, не удастся выбить за одинъ разъ. Вѣроятность безкорыстной благотворительности отъ неизвѣстныхъ жертвователей, хотя бы и господъ, но единовѣрцевъ и единоплеменниковъ—принимается, но тоже съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и допускается съ оговорками: „Для души, Бога помнятъ. Мало ли тайной милостыни идетъ!" Возможность та же со стороны иновѣрныхъ англичанъ представляется абсурдомъ, не заслуживающимъ серьезнаго опроверженія, и я не рѣшаюсь настаивать изъ боязни потерять всякій авторитетъ. Серьезная, дѣловая забота о хозяйственной задолженности осложняется фантастическими страхами. Разсѣять ихъ до времени нельзя.

Первая партія обѣдающихъ встаетъ и уходитъ, замѣняясь новыми, уже въ меньшемъ количествѣ. Нѣсколько человѣкъ мужиковъ подвигается въ сторону къ лавкѣ, на которой я сижу, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ. Меня интересуетъ все тотъ же неотступный вопросъ: какія причины вызвали бѣдствіе? Какъ они сами—крестьяне—понимаютъ его? На глазахъ—исправный, когда-то навѣрное зажиточный дворъ; по размѣрамъ хлѣвовъ видно, что скотины держалось много. И вотъ вдругъ нѣтъ ничего, лошаденка одна.

— Не однимъ годомъ дѣлалось, родимая, не въ одно лѣто, матушка,—говоритъ старикъ, окончивъ ѣду и бережно запрятывая кусочекъ хлѣба, величиною съ дѣтскій кулакъ, въ карманъ.—Скотины, что̀ говорить, по сколько чередовъ бывало! Сто восемьдесятъ головъ пастухи на палку срѣзывали. Теперь осталась самая малая малость. Подошли эти самые сухменные-то года, пято лѣто не даетъ Богъ дождичка. Что подѣлаешь! Бились, бились первое-то время, ну тутъ скотинёшку-то поразмотали, изъ силъ и выбились.

— Ну, а земля какъ? Какой у васъ надѣлъ? — спрашиваю я.

— У насъ нельзя понять. У насъ тутъ три вотчины. Есть и десятинники, есть которые на полномъ положеніи. Ерастъ Ерастовичъ—ну онъ не коренной хозяинъ, а коренная хозяйка у насъ Маргарита Алексѣевна, да еще тутъ казанскій купецъ Маковъ вмѣшанъ. На три лѣта землю снимаемъ, два оборота въ кажномъ полѣ по пяти рублей съ плану. Тутъ и неудобь, и все такое. Родитъ ли, не родитъ ли земелька—пять рублей вынь да подай.

— Неужели и въ нынѣшнемъ году?

Старикъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, нонѣ не спрашиваютъ. Съ чего спрашивать! Видно—чисто, нѣтъ ничего.

Обѣдъ конченъ. Всѣ встаютъ и передвигаются. Длинный мужикъ перетягиваетъ поясъ въ безпокойныхъ пальцахъ.

— Что, аль тѣсно, брюхо больно набилъ, перепоясаться требуется? — острятъ вокругъ него остальные, берясь за шапки, и расходятся со двора.

Нѣкоторые счастливцы пріѣхали съ пашни и возвращаются къ лошадямъ, чтобы опять ѣхать пахать. Большинство вяло бредетъ домой. Лошадей нѣтъ, работы нѣтъ, дѣлать нечего.

Длинный Прокофій молча идетъ за мной и останавливаетъ меня у церкви на поворотѣ къ дому, прося дать взаймы тридцать копѣекъ на гужи.

— Да у тебя есть ли лошадь?—спрашиваю я.

— Нѣту лошади. Сосѣдъ даетъ на день попахать, сбруя своя.

Я смотрю на его слабую, вытянутую фигуру и не могу понять, правду ли онъ говоритъ, и не хочу понимать. Я первая восстаю противъ мелкихъ подачекъ, безсмысленныхъ двугривенныхъ, но я хочу, какъ хлѣба хочу, увидать лучъ радости, улыбку удовольствія хотя бы на одномъ лицѣ.

Губы подъ желтыми усами не мѣняютъ своего выраженія, или я не умѣю разглядѣть его. Прокофій встряхиваетъ головой поднимаетъ шапку и скрывается за церковью въ деревянной коробочкѣ, къ моему удивленію вмѣщающей его длинное, нескладное тѣло.

XII.

Послѣ обѣда предпринимаются поѣздки въ дальнія деревни для осмотра кухонь, пекаренъ или столовыхъ, завѣдываніе которыми перешло въ руки Вѣры Семеновны. Произошло это случайно и неожиданно для нея самой. Заболѣлъ учредитель, уѣхала учредительница, и, зная о ней по слухамъ, передали дѣла по сосѣдству ей. Она не находила возможнымъ отказываться и принимала завѣдываніе вмѣстѣ и запутанной бухгалтеріей, которая требовала времени, а нерѣдко и пополненія изъ другихъ суммъ.

Я отказываюсь отъ бухгалтеріи, но не жалѣю времени и охотно ѣзжу; еще охотнѣе, гдѣ можно, хожу пѣшкомъ.

Деревня Глѣбово, въ двухъ верстахъ отъ Липовки, принадлежитъ баронамъ Люттихъ, по мѣстному произношенію Лютовымъ, владѣющимъ ею съ давнихъ поръ. Въ казанской губерніи вообще много иностранныхъ фамилій между помѣщиками, начиная съ бароновъ и кончая итальянскими маркизами.

Владѣлецъ Глѣбова послѣ освобожденія не жилъ въ имѣніи. Онъ вскорѣ устроилъ дѣла и, отдѣливъ крестьянамъ дарственный надѣлъ, уѣхалъ съ семействомъ въ Петербургъ служить и воспитывать дѣтей. Воспитаніе, въ лицѣ старшаго изъ сыновей, окончилось неудачей, и въ одно утро, послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, глѣбовцы были поражены извѣстіемъ, что пріѣхалъ на житье молодой баринъ.

Двадцатилѣтній баронъ быстро зарекомендовалъ себя и не оставилъ никакихъ сомнѣній относительно своей личности. Онъ уклонился отъ знакомства и не сдѣлалъ визитовъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, сталъ сходиться съ людьми низшими себя, съ писарями, приказчиками, содержателями постоялыхъ дворовъ, устроивалъ въ домѣ попойки и оргіи и развелъ породу собакъ, неизвѣстную еще во всей окрестности.

Крестьяне презирали и боялись его, чувствуя себя въ его власти, а властью онъ пользовался. Отецъ опредѣлилъ доходы съ Глѣбова на его содержаніе и карманныя деньги,—и уменьшеніе ихъ было бы для него стѣснительнымъ.

Помѣщичій домъ стоитъ по срединѣ деревни, окруженный крестьянскими избами. Нижегородское выраженіе, слышанное мною: „уголъ есть, да не укусишь его“—не имѣетъ значенія для казанской губерніи. Мнѣ въ первый разъ бросается въ глаза избушка Прокофія въ Липовкѣ, и я собираюсь идти нарочно смотрѣть ее, когда вечеромъ, попавъ въ Глѣбово, прихожу къ заключенію, что размѣры избушки не представляютъ собой ничего необыкновеннаго и точь-въ-точь такими же застроенъ уже цѣлый порядокъ.

Это крохотные, игрушечнаго вида домики, деревянныя коробочки, одиноко разставленныя на оголенномъ мѣстѣ безъ сѣней, безъ плетней, безъ огороды, безъ признака двора или воротъ. Единственное, въ четыре стекла, оконце сиротливо смотритъ на улицу. Такія избы называются *одноглазками*, и за послѣдній годъ явно стремленіе ихъ вытѣснить прежній типъ.

О размѣрахъ всего лучше даетъ понятіе стоимость. Поставить такую избу въ безлѣсной мѣстности обходится 23, 25 р. За работу *одноглазки* при готовомъ матеріалѣ вмѣстѣ съ печью платятъ два рубля тридцать копѣекъ, много—три рубля.

Внутри половину помѣщенія занимаетъ печь, сравнительно мало уменьшонная. Не считая затратъ на постройку, выгода очевидная въ экономіи тепла, полученіе котораго обставлено здѣсь всѣми тѣми же затрудненіями, какъ и добываніе насущнаго хлѣба.

Лѣса нѣтъ, топятъ кизякомъ. Грязно-черные, съ формой удлиненныхъ кирпичей, запасы его сушатся на солнцѣ или сложены

кучками подлѣ избъ. Но для кизяка нуженъ навозъ, для навоза нужна скотина, для скотины нужно помѣщеніе... Въ одноглазкѣ его нѣтъ, потому что въ немъ нѣтъ надобности, потому что нечего помѣщать.

Я какъ-то все еще не могу *совсѣмъ* повѣрить этому. Не вѣрится въ возможность существованія подъ угрозой умереть завтра, —потому что нечего будетъ ѣсть; замерзнуть завтра,—потому что нечѣмъ топить.

„Не можетъ же этого быть! Что-нибудь да есть же у нихъ въ виду. О чемъ-нибудь думаютъ они, надѣются на что-нибудь!"

Ничего нѣтъ.

Приходится убѣдиться въ непреложности этого вывода, сколько бы ни щуриться отъ него и ни закрывать глаза.

Мы приходимъ въ Глѣбово раннимъ вечеромъ, вдвоемъ съ школьной учительницей, навѣстить больного неизвѣстной болѣзнью; онъ лежитъ уже третій день. Чтò у него—не знаетъ никто, и мы не узнаемъ и въ это посѣщеніе; постоявъ немного, мѣняемъ компрессъ на головѣ и выходимъ изъ избы.

Знакомая картина вечерней, хлопотливой деревенской дѣятельности измѣнилась такъ же, какъ и все другое въ деревнѣ. Не слышно привычныхъ, веселыхъ звуковъ животныхъ, возвращающихся ко дворамъ, овецъ и коровъ. Не бѣгутъ ребятишки въ догонку за какимъ-нибудь оглашеннымъ теленкомъ, которому вздумалось погарцовать лишній разокъ передъ отходомъ ко сну. Въ *ночное* не собираются—рано; доить некого. Въ рѣдкой избѣ виденъ дымокъ. Бабы-хозяйки сидятъ праздно на улицѣ съ дѣтьми на рукахъ и безъ дѣтей, поднимаются и подходятъ къ нашему хороводу, который ростетъ съ каждымъ шагомъ съ первой минуты появленія нашего на улицѣ.

— Чья такая?—Липовская?—Докторица?—Кто ихъ знаетъ. Пріѣзжая, слышь!—раздается безцеремонный шопотъ вокругъ.

Разговаривать неудобно на ходу. Мы выбираемъ мѣсто и усаживаемся на завалинѣ у избы, которой предстоитъ къ осени вѣроятно превращеніе въ одноглазку, потому что одна сторона ея покачнулась уже, и вся она въ этомъ видѣ небезопасна для житья.

— Отслужила свое, годовъ 30, смотри,—35 стоитъ. Жили, да вотъ и дожили,—говоритъ мужикъ въ женской кофтѣ, хозяинъ дома, съ гримасой вытягивая ноги въ валенкахъ и садясь на землю подлѣ меня.—Лѣто Богъ дастъ простоитъ, доживемъ, а тамъ —айда!

— Куда же? На теплыя моря?—иронизируетъ кто-то.

— Тамъ видно будетъ.

— А здѣсь же какъ?—спрашиваю я.

— А здѣсь что̀! Зады сожогъ, амбаръ сожогъ, передъ сожогъ. Останную хоромину продаю. Всего имущества на десять рублей. Отдалиться не съ чѣмъ, на прокатъ денегъ нѣтъ.

— Да куда же ты думаешь идти?

— Христовымъ именемъ, куда ноги донесутъ. Ноги-то вотъ плохи, плошать стали.

— Ты одинъ?

— Не одинъ! Семейство. Вонъ вишь!.. Мои.

Онъ указываетъ на кучку дѣтей, высыпавшихъ изъ избы и присѣвшихъ напротивъ въ позѣ маленькихъ идоловъ, не сводившихъ съ меня глазъ.

— Какъ же ты мелочь такую потащишь съ собой?

— А тутъ у чего оставлять! И сейчасное время опасаешься, какъ бы соннымъ бытомъ не передавило неравно. Ежели бросить —уйти... Я себѣ мѣсто найду, прокормлюсь—такъ Бога боишься. Они—мои, я согрѣшилъ. Тамъ хоть помрутъ, такъ со мной.

Народъ все подходитъ, бабы и мужики. Всѣ кланяются. Одни садятся на землю; другіе, стоя, тѣснымъ кольцомъ окружаютъ насъ. Есть знакомыя лица между больными. Завязывается общій разговоръ. Содержаніе его то же, тема одна. Слышатся похвалы прежнимъ временамъ.

— Прежніе-то года по восьмисотъ брали на десятинѣ, а теперь триста да полтораста. Прежнее хорошее-то время себѣ семьдесятъ пудовъ ржи, да пятьдесятъ пудовъ овса, да тамъ еще гляди какой яровинки зародитъ Господь... ну и можно жить. А теперь что̀! Работы нѣтъ. Пять разъ отъ тоски сходишь на поле, —глядь, оно не прибываетъ.

Говоритъ бѣлокурый мужикъ, свѣжій, еще молодой, видимо пользующійся вліяніемъ и уваженіемъ въ деревнѣ и въ семьѣ. Несмотря на моложавый видъ, онъ отецъ уже взрослыхъ дѣтей. Сынъ, парень лѣтъ восемнадцати, ростомъ выше отца, стоитъ тутъ же, не вмѣшиваясь, и внимательно прислушивается къ тому, что̀ говорятъ.

— Тебѣ-то, Флегонъ Политычъ, что еще говорить! У тебя работать есть кому,—выражается мужикъ въ кофтѣ, отецъ маленькихъ дѣтей.—Работа есть, да и домокъ покрытъ, слава-те, Господи. А вотъ какъ крышу прольетъ, въ избѣ не знаешь, гдѣ стать...

— Давно не проливало. Забыли, какъ и проливаетъ-то. Ну

да и насчетъ этого же дѣла въ прежніе-то года, коновнику ли, мордвиннику, безконечно ровно дубрава стоитъ. На крышу натаскаешь—и гоже, какъ хочешь лей—не прошибетъ.

Но куда же ушли, куда дѣвались наконецъ всѣ эти дубравы, коновники и мордвинники, снопы и пуды? Отъ этихъ вопросовъ кружится голова. А они вотъ еще могутъ сидѣть, разсказывать и разговаривать...

— Посняли саженъ пятокъ, остатки съѣлъ... Семь человѣкъ семейства, шестнадцать саженъ земли. У чего тутъ крестьянствовать!

— Такъ зачѣмъ же вы сами шли на этотъ надѣлъ? Зачѣмъ брали дарёнку?—спрашиваю я съ раздраженіемъ человѣка, чувствующаго свое безсиліе и виновность тѣхъ, кому онъ желалъ бы помочь.—Вѣдь навѣрное живы еще, есть здѣсь между вами кто-нибудь изъ тѣхъ, кто тогда рѣшалъ это дѣло, соглашался на малый надѣлъ?

— Есть, живы! Какъ не быть!—зашумѣли въ толпѣ.

Маленькій старичокъ съ узенькой бородой — я не замѣтила его раньше — сидитъ сбоку на самой завалинѣ и смотритъ, не глядя ни на кого, поверхъ головъ.

— Мы въ тѣ поры рады были до смерти хоть отъ батога то отстать. По недоумѣнію случилось. Слухъ былъ—разверстка земли будетъ, земли всѣ вольныя будутъ.

— Да, вонъ оно что!

Восклицанія слышатся со всѣхъ сторонъ.

Я слушаю молча. Неутихнувшее раздраженіе находитъ для себя новый предлогъ.

— А не у чего здѣсь жить, такъ все же нечего голову вѣшать. Нужно вамъ было попробовать, какъ другіе, переселиться на новыя земли,—говорю я, испытывая почти злое чувство, похожее на то, какое бываетъ у докторовъ противъ больного, рѣшительно не желающаго выздоровѣть, между тѣмъ какъ употреблены и пущены въ ходъ мѣры и средства къ его выздоровленію!

Толпа отвѣчаетъ шумнымъ оживленіемъ. Всѣ будто только и ждали этого возраженія.

— Пытали, матушка. По всей формѣ... Ходаковъ посылали, грамоту выправили.

— Ну, и что же?

— Вонъ они стоятъ эти самые, которые ходили-то мужички, старику-то будетъ онъ родной сынъ. Что же, Нестеръ, выходи, что-ли, сказывай барынѣ, какъ дѣло было.

Молодой, небольшого роста мужикъ въ полосатой, домоткан-

ной рубахѣ, съ застѣнчивымъ видомъ, нерѣшительно отдѣляется отъ толпы. У него кудрявые волосы, расчесанные на прямой проборъ, мелкія пріятныя черты, дѣтское выраженіе и сохранилась какъ бы дѣтская округлость лица.

Разсказъ короткій, напоминающій другіе разсказы этого рода.

Пошли ходоки въ томскую губернію, нашли и облюбовали землю, задатокъ внесли и получили росписку въ немъ. По возвращеніи распродали скотину и домашній скарбъ (на избы не нашлось покупщиковъ, и онѣ, по счастью, уцѣлѣли) и собрались въ отъѣздъ на этотъ разъ всей семьей. Но въ Петербургѣ случилась заминка. Бумагу не присылали, стали наводить справки. Причиной всему оказалась ошибка въ имени товарища мужика, мудреномъ имени, данномъ попомъ—любителемъ мудреныхъ именъ. Вся деревня отличается этими именами на подборъ одно къ одному: Флегонтъ Ипполитовъ, Акиндинъ Ѳеоктистовъ, Асигкритъ и Акепсимъ. И вотъ, благодаря имени Акиндина, записаннаго писаремъ по мѣстному произношенію Киндинъ просто, безъ *а*, благодаря ошибкѣ въ одной буквѣ, случилась заминка, проволочка въ три мѣсяца. Списывались, провѣряли и удостовѣряли личность. Когда бумага пришла съ разрѣшеніемъ, дѣло было уже испорчено. Переселенцы тронулись, но не застали выбраннаго участка. Его уступили и перепродали, не дождавшись, въ другія руки, а имъ отвели новый, неудобный по положенію участокъ, безъ лѣса, вдали отъ воды. Между тѣмъ подошло зимнее время, холода, ни крыши, ни пріюта, ребятишки, чужія мѣста... Они рѣшили вернуться на свое, истративъ въ дорогѣ послѣднія сбереженія и растерявъ половину дѣтей.

— Будутъ помнить новыя земли! Теперь нѣтъ, не пойдутъ, погодятъ, дома посидятъ,—заканчиваетъ разсказъ сына, обращаясь ко мнѣ, сѣденькій старичокъ.

Я молчу и на минуту замолкаютъ всѣ.

Мальчуганъ дразнитъ дѣвочку на завалинѣ, сдергивая съ нея сзади платокъ. Она хнычетъ. Мать замахивается и отталкиваетъ обоихъ. Кто-то фыркаетъ и получаетъ затрещину.

Бѣлокурая дѣвушка съ выдающейся нижней челюстью—школьная учительница—возстановляетъ порядокъ и возобновляетъ разговоръ.

— На міру и смерть красна. Что дѣлать! Богу надо молиться. Всѣ въ одномъ положеніи.

— Всѣ теперь на одной ваканціи, — соглашается нездоровый мужикъ.—Кто и молится, и не молится. Чуваши—имъ еще

хуже нашего. Имъ всѣмъ роспускные билеты дали. Куда хочешь иди, только самъ себя прокорми.

— А татары?

— Татары по русскимъ ходятъ, Христа ради просятъ.

— Невѣрные, а просятъ!—замѣчаетъ старушечій голосъ въ толпѣ.

— И не вѣришь, да попросишь. Другой большой татаринъ придетъ, да этакъ тупо, вяло говоритъ: „Хри-са, Хри-са". Ну, а давѣ мальчонка-татарченокъ прибѣгалъ, такъ перекрестился крестомъ, все равно какъ крещеный, Христа ради проситъ.

— А татары нашимъ подаютъ?

— Нѣ, они и своимъ не подаютъ. Такъ, развѣ, ложечку мучицы когда, вотъ ложку, которой хлебаютъ. А наберетъ который куски, выйдетъ въ поле, да зачнетъ по кускамъ бить, Христовъ духъ выгонять. Выйди вонъ! Выйди вонъ!

— Ишь, вѣдь, что̀ дѣлаютъ! Невѣрные! Душа, знать, не принимаетъ.

— Ну, а много ли, по вашему, нужно съѣсть, чтобы человѣку вполнѣ сытымъ быть?—съ дамской неопредѣленностью ставлю я вопросъ.

— Какая ѣда!

— Да и на какого ѣдока!

— Ну, на здороваго работника, чтобы пашню могъ пахать.

— На хорошаго ѣдока хлѣба фунта четыре, пять, надо.

— А если съ приваркомъ, съ кашей, напримѣръ?

— Каша-то, гдѣ-жъ она! Каша, она рубль стоитъ. Теперь ужъ это прошло, извините. Ну, съ кашей фунта три надо.

Продовольствіе идетъ мукой, по двадцати фунтовъ въ мѣсяцъ. И мы сидимъ, и благодушно разговариваемъ, и я съ любознательностью ставлю вопросы и жду отвѣтовъ на нихъ.

Темнѣетъ. Женщины съ дѣтьми отходятъ понемногу; полукругъ рѣдѣетъ. Мы встаемъ и прощаемся съ оставшимися. Нѣсколько человѣкъ отдѣляются отъ толпы и провожаютъ насъ по улицѣ.

На травѣ небольшими группами, безъ шапокъ, сидятъ ребятишки, и поютъ стройно, вѣрнымъ церковнымъ напѣвомъ:

Богородице, дѣво Марія,
Моли Бога о насъ!
Святителю отче Микóлае,
Моли Бога о насъ!

Бѣлая группа въ вечернемъ сумракѣ выдѣляется на темной травѣ. Затихаютъ и недалеко разносятся тихіе дѣтскіе голоса.

— А пѣсенъ не поютъ у васъ теперь?—продолжаю я, побуждаемая новымъ приступомъ любознательности.

— Какія пѣсни! Съ лебеды нѣшто пѣсни будутъ пѣть!

У околицы другая группа. Парни и дѣвушки сидятъ вмѣстѣ, расположившись на травѣ. Тишина и здѣсь; кажется, будто и не говоритъ никто.

Свѣтское воспитаніе является иногда на помощь въ трудныя минуты жизни. Хочется сказать что-нибудь не любезное, но хотя бы пріятное; хочется найти что-нибудь пріятное, ради другихъ и себя.

Бѣлые платки на дѣвушкахъ давно обращаютъ на себя мое вниманіе. Я не вижу пестрыхъ, здѣсь всѣ ходятъ въ бѣлыхъ, и я высказываю свое одобреніе бѣлымъ платкамъ. Они красиво обрамляютъ молодыя лица и живописно бѣлѣютъ въ темнотѣ.

— Какъ же, хорошо! У насъ носятъ, любятъ этакъ,—подтверждаетъ учительница, видимо довольная похвалой.

Я готова повѣрить собственной находчивости.

Молодой, насмѣшливый голосъ нарушаетъ эту увѣренность и подтвержденія въ любви къ скромнымъ платкамъ.

— Любятъ, какъ другихъ взять негдѣ. Бѣлые-то по гривеннику, а за пестрые и двугривенный отдашь, такъ и не полюбишь.

Я оборачиваюсь и вижу парня, сына степеннаго мужика, котораго называли мнѣ во время разговора. Меня поражаетъ его тонъ, горечь насмѣшки и взволнованный блескъ большихъ, свѣтлыхъ глазъ. Онъ вступаетъ въ споръ съ учительницей, которая настаиваетъ на своемъ.

— Неужли не нашли бы онѣ чего получше повязать! Какая любовь, когда прямая нужда? Кто ее любилъ?

— Какъ его зовутъ?—спрашиваю я, когда провожатые удаляются и мы однѣ входимъ въ село.

— Ксенимъ. Грубый такой, съ нимъ и не связывайся. А Антонъ-то, видно, померъ,—замѣчаетъ она неожиданно, проходя мимо избы, въ которой горитъ огонекъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Свѣтъ горитъ. Теперь вѣдь не зажигаютъ, купить не на что. Гдѣ огонь—навѣрное, покойникъ.

Изъ избы доносится причитаніе.

А безчисленные небесные огни—ясныя звѣзды—свѣтятъ голоднымъ и сытымъ, и спокойно горятъ въ недосягаемой вышинѣ.

XIII.

— Вы все въ Глѣбово зачастили,—говоритъ мнѣ Вѣра Семеновна.—А вамъ бы нужно не то. Вамъ бы нужно взять хорошую тройку, да объѣхать участокъ съ кѣмъ-нибудь, хоть со мной. Подождите, позвольте! Геніальная мысль! Пригласимте ѣхать съ нами земскаго начальника.

— Съ какою же собственно цѣлью мы будемъ приглашать его?

— А вотъ именно для поѣздки, чтобы онъ ѣхалъ съ нами. Онъ дорогу знаетъ, и добудетъ лошадей.

Геніальность практическихъ мыслей оцѣнивается по приведеніи ихъ въ исполненіе, и я не могла не признать ея, когда послѣ перваго же приглашенія, на другой день перваго знакомства, рыжая тройка является къ услугамъ нашимъ вмѣстѣ съ владѣльцемъ своимъ—земскимъ начальникомъ и мѣстнымъ землевладѣльцемъ, почтеннымъ и любезнымъ Егоромъ Егоровичемъ.

Это рыхлый брюнетъ лѣтъ сорока-пяти. Подъ широкимъ пальто у него блистаютъ пуговицы начальническаго мундира, а фуражка съ кокардой и бархатнымъ околышемъ довершаетъ внушительное впечатлѣніе.

— Видѣли вы? Ужъ не облечься ли и намъ въ торжественныя одежды! Я взяла съ собой на случай ходатайствъ у губернаторовъ, исправниковъ и высокопоставленныхъ лицъ.

— Самыми высокопоставленными на этотъ разъ будемъ мы сами, и, по моему, не стоитъ. Въ такихъ случаяхъ неоцѣненная вещь — полотняный балахонъ.

— Я давно уже оцѣнила удобства этого костюма и преимущества его передъ парижскими изобрѣтеніями—шолковыми плащами, въ которыхъ отлично кататься въ Булонскомъ лѣсу и плохо ѣздить по проселочнымъ дорогамъ въ Россіи.

— Куда же мы поѣдемъ и чтò будемъ смотрѣть?

— А я и объ этомъ подумала. Не знаю, что будетъ показывать вамъ Егоръ Егоровичъ, а я хочу, чтобъ вы видѣли Натальино.

— Чѣмъ можно поразить кого-нибудь послѣ Глѣбова? — съ искреннимъ недовѣріемъ замѣчаю я.

— Вотъ увидите!—загадочно отвѣчаютъ мнѣ, и мы втроемъ отправляемся въ путь.

На дворѣ, кромѣ тройки, запряженной въ тарантасъ, оказывается еще пара въ легкой корзинкѣ для самого Егора Егоровича, которому толщина не позволила бы помѣститься на перед-

немъ сидѣніи передъ дамами. Присутствіе его такимъ образомъ не будетъ стѣснять нашъ tête-à-tête, которымъ мы рѣдко пользуемся за постоянной суматохой, наполняющей дни.

Я сижу и смотрю на худощавую, миніатюрную фигурку, потонувшую въ сѣромъ балахонѣ, изъ котораго видно подъ шляпой только истомленное, худое лицо. Шляпка старая, измѣнившая форму, небрежно надѣтая. Изъ запахнутой полы выглядываетъ рука сухая и сморщенная, въ перчаткѣ, надѣтой на половину, съ продранными пальцами. Непривычно видѣть эту руку въ спокойномъ положеніи. Такъ и кажется, что она замелькаетъ сейчасъ гдѣ-нибудь по комнатамъ съ листомъ списковъ и счетовъ столовыхъ, счетами приказчика, жертвованными кафтанами или принадлежностями туалета собственныхъ дѣтей, которыя она приводитъ въ порядокъ также собственными средствами.

Вся жизнь этой женщины—ежесекундная, неперестающая суета, поражающая своимъ разнообразіемъ. Тутъ и хозяйство, и благотворительность, и шитье, и счеты, и музыка, которою она содержитъ семью. Удивительно, какъ ея хватаетъ на все въ ея годы и при наружной тщедушности.

— Я признаю геніальной вашу фантазію и ужасно рада, что мы поѣхали. По крайней мѣрѣ вы хорошо прокатаетесь и отдохнете сколько-нибудь отъ дома. Это нужно давно,—говорю я съ искренней симпатіей, которую внушаетъ мнѣ Вѣра Семеновна. Она поворачиваетъ въ бокъ голову и смотритъ на меня усталыми глазами.

— Да, правда. Завертѣлась совсѣмъ. Ужасно много дѣла.

— Зачѣмъ же вы его такъ много набираете?

— Кто же будетъ дѣлать безъ меня?

— Создайте себѣ помощниковъ.

— Не умѣю.

Нѣсколько минутъ продолжается молчаніе.

Вѣра Семеновна куритъ и вынимаетъ изъ кармана подъ балохономъ старый, обтрепанный портъ-сигаръ, взглядывая на меня въ бокъ, видимо желая и не рѣшаясь прервать молчаніе.

— Выбьетесь изъ силъ, тогда хуже будетъ, — замѣчаю я.

Она вдругъ съ живостью поворачивается всѣмъ корпусомъ и начинаетъ говорить, какъ говорятъ люди, когда прорвется что-нибудь, накипѣвшее на сердцѣ.

— Я отлично знаю, вы все видите и понимаете, и я не стану скрываться отъ васъ, — говоритъ она, затягиваясь и поправляя папиросу, плохо скрученную, пальцами, вылѣзающими изъ

перчатки.—Объясните же вы мнѣ ради Бога, почему это я всю жизнь работаю, бьюсь какъ рыба объ ледъ, и...

— Не умѣете создать себѣ помощниковъ?

— Именно. Кажется, воспитаніе и все, что окружало ихъ съ дѣтства, атмосфера труда... Боже мой! Насъ вѣдь не принуждали, бывало, а напротивъ, всѣми мѣрами удерживали отъ дѣятельности. Помню, какихъ усилій стоило добиться позволенія работать, взяться за что-нибудь, кромѣ того, что входило въ число занятій очень опредѣленныхъ такъ-называемой *барышни*. Чего стоило получить позволеніе давать уроки, напримѣръ, первые уроки за плату! А замѣтьте, богаты мы не были никогда и лишнія деньги ни для кого не были бы лишними. Но какъ возможно! *Барышня*—и вдругъ бѣгать по городу, собирать полтинники! А для насъ-то главное было ужъ, конечно, не въ полтинникахъ, а въ томъ, что вотъ и я тоже не даромъ небо копчу, тоже приношу пользу, дѣлаю дѣло и сама могу заработывать деньги, *сама*, безъ помощи папаши, и братцевъ, и супруговъ. Куда все это дѣвалось теперь! Никому не нужно. Вотъ и Леличка...

— Молода она,—пробую вставить я, глядя съ искреннимъ сожалѣніемъ на взволнованное лицо бѣдной матери.

— Нѣтъ, это не молодость! Это... Не знаю, какъ сказать. Какое-то глубокое равнодушіе, скептическое отношеніе ко всему на свѣтѣ. Словно будто они все уже узнали, все видѣли и слышали, и нѣчего добиваться и ничего не интересно для нихъ. Вспомните, бывало, отъ слова одного загоралось сердце, фантазія залетала Богъ вѣсть куда. А для нихъ нѣтъ и словъ такихъ, и не нужны они имъ.

— Можетъ быть, они ихъ слишкомъ рано и слишкомъ много слышали? Можетъ быть, у нихъ есть свои, другія слова?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ никакихъ. Развѣ я требую копіи, повторенія? Господи! Пусть будетъ другое, свое, но пусть я почувствую на минуту энтузіазмъ, увлеченіе, заботу о другихъ, а не о самихъ себѣ. Да вотъ чего же! Теперь, въ это страшное время, здѣсь, среди всего отчаянія и ужасовъ...

— Это какъ на войнѣ. A la longue, люди привыкаютъ, становятся менѣе чувствительны.

— Нѣтъ, не то, не то! Боюсь, что это... обратная волна. Знаете, бываетъ, чѣмъ дальше захлеснетъ, тѣмъ дальше откатится назадъ впослѣдствіи. Вы посмотрите на нихъ, какъ они относятся теперь хотя бы къ крестьянамъ, къ простому люду. Уже одно это всеобщее „ты", которое рѣжетъ мнѣ уши.

Вѣра Семеновна сама говоритъ мужикамъ „вы" всѣмъ безъ исключенія.

— Вспомните, вѣдь намъ даже это „вы" далось не безъ труда, не безъ жертвъ, если хотите.

— Можетъ быть, въ этомъ и разгадка всего,—говорю я.

Она молча вздрагиваетъ и смотритъ на меня расширенными глазами.

— Люди—худо ли это, или хорошо, но такъ ужъ они созданы, что цѣнятъ только то, что̀ пріобрѣтаютъ сами трудомъ и жертвами. А тутъ какъ разъ жертвы не было. Хорошія слова поднесены были цѣликомъ, даромъ, готовыми для нихъ, и ничего для себя не потребовали...

— Позвольте, но вѣдь это отрицаніе прогресса въ такомъ случаѣ. Прогрессъ невозможенъ при этихъ условіяхъ. Нужно идти впередъ или...

— Или ѣхать... Простите за каламбуръ! Что-то случилось, что мѣшаетъ намъ ѣхать впередъ... А вотъ и самъ Егоръ Егоровичъ.

Кавалеръ нашъ выпрыгиваетъ изъ экипажа съ легкостью, которую трудно предположить при его тѣлосложеніи, и обращается съ вопросомъ:—угодно ли намъ для начала видѣть русскую или татарскую деревню?

— Ну ее къ Богу, татарву несносную. Это Лямино! Я узнаю церковь. Тутъ есть столовая. Поѣдемте!—говоритъ Вѣра Семеновна.

Я соглашаюсь, заявляя, однако, желаніе видѣть также и татарскія деревни. Помимо этнографическаго интереса, нельзя же лишать людей помощи изъ-за того, что у нихъ крикливые голоса и отвислыя уши.

Но помощь, помощь! Гдѣ взять ее для такого количества?

Въ какія-нибудь пять минутъ населеніе окружаетъ насъ сплошнымъ хороводомъ. Очевидно, здѣсь, какъ и въ Глѣбовѣ, сидятъ безъ дѣла на улицѣ и сбѣгаются при первыхъ звукахъ подъѣзжающаго экипажа. Видимо, всѣ находятся въ возбужденіи. На этотъ разъ есть, впрочемъ, другая причина. Идутъ переговоры и совѣщанія еще до пріѣзда нашего. Два дня тому назадъ закрыта столовая.

Владѣлецъ Лямина — петербургскій господинъ — высылалъ раньше деньги на продовольствіе приказчику и отказался присылать, мотивируя отказъ наступленіемъ теплаго времени.

— Что же, нѣшъ тепломъ сыти будемъ!

— То бились, худо было, а теперь, видно, ложись да уже и не вставай.

— Какъ не встать! Пахать-то кто же будетъ?

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спрашиваю я по-французски нашего спутника, который, въ распахнутомъ пальто съ сіяющими пуговицами, стоитъ посреди толпы, вытирая платкомъ вспотѣвшее лицо.

— Что же я могу!..

И въ самомъ дѣлѣ, чтò можетъ этотъ человѣкъ—добродушный и мягкотѣлый, чуждый этой толпѣ по стольку же, какъ и она чужда ему? Онъ обводитъ всѣхъ безпомощными взглядами и обмахивается фуражкой съ околышемъ. Рядомъ идетъ оживленное объясненіе относительно англійской помощи.

Уже не недовѣріе, а отсутствіе интереса замѣчаю я на лицахъ слушателей. Англійская или русская—безразлично, но нужна помощь теперь, немедленно, а мы не рѣшаемся обѣщать ее и уѣзжаемъ неловко, не договорившись ни до чего, понапрасну потревоживъ людей и возбудивъ надежды, удовлетворить которыя не имѣемъ возможности.

— Матушка! Хошь бы на ребятенокъ малость, вотъ на этакенькихъ!—говоритъ женщина, выдвигая передъ собою мальчугана съ большимъ животомъ и темными подглазинами.—Кормильцы вы наши!

— Пишите въ Питеръ скорѣе черезъ приказчика!—заключаетъ объясненія Вѣра Семеновна.

— Эхъ, пиши не пиши, конецъ, видно, все тотъ же!—слышится голосъ изъ толпы. Всѣ снимаютъ шапки, провожаютъ насъ молчаливыми поклонами...

— Знаете, это Богъ знаетъ чтò! Это нехорошо вышло!—говорю я въ смущеніи, садясь въ экипажъ и чувствуя неловкость, какъ послѣ сдѣланнаго дурного поступка.—Этакъ, пожалуй, я откажусь отъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

— Что же дѣлать! Невозможно! Нѣтъ, поѣдемте... Все равно, они бы завтра пришли.

— Ну, когда „они“ придутъ—это другое дѣло. Разъ нечѣмъ помочь, по-неволѣ приходится отказать. А тутъ пріѣхали сами... Ужасно совѣстно.

— А замѣтили вы, какъ они покорно приняли отказъ? Удивительно! Татары—другое дѣло, вотъ увидите. Они такъ не выпустили бы насъ.

Егоръ Егоровичъ называетъ нашему кучеру татарскую деревню, и вскорѣ его пара обгоняетъ насъ. При въѣздѣ онъ со-

скакиваетъ опять съ легкостью резиновой игрушки и обращается съ вопросомъ: съ чего намъ начать обзоръ?

Въ глаза мнѣ бросается избушка-одноглазка безъ крыши, четырехугольный, потемнѣлый отъ времени ящикъ, словно брошенный и забытый кѣмъ-то у дороги.

Колокольчика нѣтъ, мы въѣзжаемъ тихо. Никто не успѣлъ еще замѣтить насъ.

Я иду на удачу, отворяю дверь и останавливаюсь на порогѣ.

Во внутренности ящика полу-темно, несмотря на яркое освѣщеніе снаружи. Свѣтъ входитъ въ крохотное отверстіе, заросшее грязью. Я вижу татарскія низкія палати, служащія вмѣстѣ постелью, столомъ и сидѣньемъ, и на нихъ лежащую фигуру, повидимому женскую.

Подхожу ближе; фигура подаетъ признаки жизни и поворачиваетъ голову.

Это—старуха, сѣдая, зеленая, отвратительная, ужасная. Тряпица сбилась съ головы ея, космы вытрепались, грудь раскрытая. Она хрипитъ и мычитъ что-то невнятное, по-татарски.

Но уже комната наполнилась посѣтителями. Узкоглазыя татарскія лица виднѣются въ окнѣ, въ дверяхъ. Переводчикъ-кучеръ даетъ объясненіе.

Старуха оставлена умирать, осуждена на смерть.

Она—вдова, одна пережила всѣхъ близкихъ. Единственный сынъ ея, малый 18-ти лѣтъ, пропалъ недѣлю тому назадъ, ушелъ и бросилъ ее. Съ тѣхъ поръ она не ѣла ничего. Помочь ей нечѣмъ, пожалѣть некому, всѣ сами бѣдствуютъ.

Все это говорится съ совершенною простотой, какъ бы дѣло шло о самомъ обыкновенномъ явленіи, и даже въ объясненіи поступка сына не слышно ни малѣйшаго неодобренія. Побился пока былъ хлѣбъ, потомъ принесъ воды въ черепкѣ и айда—пропалъ безъ вѣсти.

Кромѣ черепка и палатей нѣтъ ничего, совсѣмъ ничего, пусто и голо. Крыша снята, и въ оставшихся четырехъ стѣнахъ безъ свидѣтелей заканчивается послѣдній актъ человѣческой трагедіи.

Мы являемся непредвидѣнными нарушителями ея хода и отсрочиваемъ малодушно роковое окончаніе.

Я выхожу изъ избы, посылаю за хлѣбомъ.

Хлѣбъ находится тутъ же въ деревнѣ у богатаго татарина, по 5-ти копѣекъ за фунтъ, но хорошій хлѣбъ, свѣжій и выпеченный. Вѣра Семеновна подходитъ къ старухѣ и кладетъ разрѣзанные куски на палати подлѣ нея. Мы ожидаемъ, что она вскочитъ, набросится на ѣду, начнетъ ѣсть съ жадностью.

— Обезсилѣла, мочи нѣтъ,—поясняетъ другой, русскій кучеръ, ѣздившій за хлѣбомъ.

Старуха поднимаетъ руку на вершокъ и опускаетъ ее на хлѣбъ, не произнеся ни одного звука.

— Все равно умретъ. Вѣроятно, у нея и хлѣбъ отнимутъ сейчасъ же, какъ только мы отъѣдемъ,—замѣчаетъ земскій начальникъ.

— Такъ что мы не можемъ даже утѣшить себя мыслью, что продлили агонію.

— Ахъ, какія утѣшенія!

Всѣ мы взволнованы и не умѣемъ скрыть этого.

На улицѣ обступаетъ насъ татарскій таборъ.

Лохмотья и рубища встрѣчаются теперь на каждомъ шагу, и даже состоятельные мужики не позволяютъ себѣ въ дни бѣдствія щегольства хорошей одеждой, опасаясь навлечь немилость Божію,— но все же татарскія одѣянія превышаютъ всякое вѣроятіе. Это какой-то сборъ развѣвающихся пестрыхъ лоскутковъ, которые держатся только у ворота, оставляя болѣе или менѣе открытыми остальныя части тѣла. Къ намъ подъ окна является какой-то татарскій амуръ, лѣтъ шести приблизительно, въ томъ костюмѣ, въ которомъ изображали художники амуровъ греческихъ. Мы надѣваемъ на него жертвованную холщевую рубаху и на другой день находимъ у дверей уже цѣлый отрядъ дѣтей въ томъ же одѣяніи, замѣнить которое не имѣемъ возможности, и прогоняемъ ихъ вонъ, возбуждая ропотъ и ругательства русскія и татарскія.

Толпа ростетъ съ каждою минутою. Слышны крики и голоса, назойливыя, неотступныя требованія.

— Больной ходишь, бариня? Зáходи, больной есть. Есть больной, бариня,—говорятъ они, коверкая русскій языкъ, хватаютъ за платье, за руки, ведутъ и тащатъ за собой.

Начальникъ черезъ переводчика объясняетъ, что пріѣхалъ узнать, много ли хлѣба еще остается у нихъ.

— Мука должна быть,—объясняетъ онъ, обращаясь ко мнѣ.— До перваго числа далеко. Но они въ этомъ отношеніи несравненно хуже русскихъ. Они не въ состояніи вести разсчетливо продовольствія: въ первые дни поѣдаютъ все, а затѣмъ побираются, или умираютъ съ голоду. Чуть гроши какіе-нибудь завелись, сейчасъ покупаютъ чаю и сахару, а хлѣба, напротивъ, не ѣдятъ уже Богъ знаетъ съ какого времени.

— Чѣмъ же они питаются?

— Салмою. Вонъ дымокъ въ трубѣ, варятъ что-нибудь. Не

угодно ли взойти? По крайней мѣрѣ найдемъ, что̀ застанемъ, безъ предупрежденія.

— А развѣ были случаи?

— О, они на это мастера. Такую комедію разыграютъ, что хоть бы актерамъ настоящимъ. Припасы запрячутъ, сами прикинутся больными.

Мы входимъ.

Снаружи татарскія избы ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ. Внутри низкія, широкія нары, на которыхъ сидятъ, поджавъ ноги, и нигдѣ нѣтъ столовъ. У богатаго торговца татарина мнѣ случилось какъ-то найти столъ крашенный и даже полированный; онъ стоялъ въ сторонѣ, очевидно безъ употребленія, густо подернутый пылью, а семейство комфортабельно распивало чай, сидя съ ногами на нарахъ вокругъ жестяного чайника съ кирпичнымъ чаемъ, съ позолоченными, пестрыми чашками въ рукахъ.

Салма—родъ лапши изъ ржаной муки, которую варятъ въ водѣ, заправляя по возможности масломъ, или саломъ, или ничѣмъ. Она имѣетъ то преимущество передъ хлѣбомъ, что ее можно сдѣлать изъ какого угодно количества муки, и представляетъ собою, кромѣ того, теплую пищу, а въ случаѣ примѣси конины, даже и довольно питательную. Конина вообще, по словамъ мѣстныхъ жителей, служила за все время хорошимъ подспорьемъ для татарскаго населенія. Русскіе были лишены его и ни разу, кого я ни разспрашивала, не соблазнились дешевой убойной, предпочитая сбывать ее чуть не даромъ въ татарскія деревни.

Мы застаемъ хозяйку-татарку—съ расшитой грудью, въ платкѣ, повязанномъ двумя углами, въ видѣ покрывала,—за стряпнею у печи.

Большая, обмазанная мѣломъ печь на первый взглядъ не отличается отъ нашей, но на шесткѣ устроено приспособленіе для костра изъ мелкихъ прутьевъ, надъ которыми виситъ котелокъ.

Кучеръ-татаринъ сопровождаетъ насъ и переводитъ просьбу показать, что̀ готовится въ котелкѣ.

Мы подходимъ ближе и видимъ мелко искрошенную зелень въ водѣ и повидимому ничего другого.

Изъ разспросовъ оказывается, что варится салма, но уже не въ видѣ лапши, для которой требуется все еще слишкомъ большое количество муки, а по новому, упрощенному способу: берется картофельная ботва—зеленый листъ взошедшаго въ полѣ картофеля, рубится мелко, посыпается мукой, кипятится—и кушанье готово.

Отвѣдать его мы не рѣшаемся.

На дощечкѣ—слѣды изрубленной зелени, въ красной деревянной чашкѣ—горсти двѣ муки, приготовленной для подправки. На нарахъ—жестяной чайникъ, и двѣ дѣтскія фигуры сосредоточенно смотрятъ, сидя съ подвернутыми ногами.

— Неужели же это простой картофельный листъ?—съ сомнѣніемъ спрашиваю я.

Меня мигомъ хватаютъ за руку, ведутъ изъ избы на поле на задахъ и показываютъ полосу картофеля.

Нужно бережно ощипывать листья, съ разборомъ, чтобы не повредить самое растеніе, такъ что и въ этомъ случаѣ нельзя позволить себѣ неосторожной роскоши. Люди понемногу превращаются въ травоядныхъ, ѣдятъ корни и разыскали какую-то лѣсную картошку, которая была весной и теперь перевелась уже, вся съѣдена, такъ что мы не можемъ составить себѣ о ней понятія.

Егоръ Егоровичъ объясняетъ намъ, что принужденъ былъ посадить двухъ татаръ изъ этой деревни за кражу со взломомъ, такъ что дѣло пойдетъ уже не къ земскому начальнику, а въ окружной судъ. Забрались ночью въ лавку къ богатому татарину и не тронули ничего, кромѣ хлѣба, который схватили и думали унести, но не успѣли и пойманы съ поличнымъ. Большинство дѣлъ за послѣднее время въ этомъ родѣ: преступленія противъ собственности, кражи съѣстного, хлѣба, зерна.

Переводчику-кучеру стоитъ труда объяснить цѣль нашего посѣщенія. Волей-неволей приходится заходить еще въ дома, осматривать и выслушивать здоровыхъ и больныхъ. Находимъ цингу въ слабой степени и приказываемъ придти за лекарствомъ въ Липовку, но являются новые больные, новыя жалобы, новыя требованія. Насъ буквально осаждаютъ, теребятъ за рукава, хватаютъ за плечи, тащатъ за платье, и только присутствіе земскаго начальника спасаетъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій.

— Хлибъ нѣтъ! Ашать нѣтъ! Ашать!..—громко, съ угрожающимъ выраженіемъ раздается вокругъ экипажа, къ которому протягиваются худыя, цѣпкія руки, какъ бы съ намѣреніемъ стащить насъ съ сидѣнья.

Кучеръ хлещетъ по лошадямъ, тарантасъ срывается съ мѣста, но толпа бѣжитъ за нимъ и долго еще раздаются крики и вопли:

— Хлибъ нѣтъ! Ашать!.. Ашать!

XIV.

— Чтò я вамъ говорила! Теперь видите разницу и не будете упрекать меня въ пристрастіи,—говоритъ Вѣра Семеновна съ негодующимъ видомъ и откидывается къ спинкѣ тарантаса.

— Я думаю, и вы устали? Да, сцена была ужасная, но для меня ужасно не то. Ахъ, совсѣмъ не то! Это единичный случай, но вотъ дойти до этого состоянія... Этому умному, хорошему, терпѣливому народу—дойти до этого состоянія, потому что они вѣдь въ гораздо худшемъ состояніи, хоть и не визжатъ, и не кривляются, какъ тѣ. У татаръ вѣдь и больше земли.

— Вы думаете, все дѣло въ землѣ?

— А въ чемъ же? Неужели для васъ неясно до сихъ поръ? Корень и основаніе всего—дарёнка проклятая, малый надѣлъ.

— Да, но голодъ вѣдь одинаковый вездѣ, независимо отъ надѣловъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Вы вглядитесь попристальнѣе. Здѣсь у насъ хорошо наблюдать, это—своего рода наглядное обученіе. Двѣ деревни случается видѣть рядомъ, и вѣдь все—люди, лица, голоса—въ нихъ различные. Тамъ хозяйство и здѣсь хозяйство, тамъ и здѣсь нужда, но какая же разница! Тамъ сейчасъ видно, что это бѣдствіе временное. Ну, тяжело, трудно пережить этотъ годъ, но переживутъ, и на лѣто—дастъ Богъ урожай—поправятся и заживутъ лучше прежняго. А здѣсь—гибель, разоренье, конецъ всему. Положеніе до того натянутое и въ обычное время, что малѣйшаго толчка довольно для того, чтобы все прахомъ пошло.

— А за границей земля еще болѣе раздроблена, и однако мы не слышимъ о подобныхъ бѣдствіяхъ,—говорю я, цитируя по памяти читанныя изреченія.—Все дѣло въ томъ, что культура выше.

— Такъ дайте же прежде что-нибудь, культуру или землю, и затѣмъ спрашивайте послѣ крѣпостного-то права...

— Даемъ, чтò можемъ, гроши и столовыя, и стоимъ съ пульверизаторомъ у пожара.

Вѣра Семеновна скрещиваетъ руки, но тотчасъ же разнимаетъ ихъ, продолжая жестикулировать.

— Не думайте, чтобъ я не понимала. Я-то ужъ не дѣлаю себѣ иллюзій относительно своей дѣятельности. Но что же дѣлать, разъ попалъ сюда и въ остальномъ чувствуешь свое безсиліе? Это одно только и остается. Нѣтъ, не говорите; все же я рада,

что вы пріѣхали, и теперь не чувствую себя такой одинокой. Молодежь моя...

„Опять то же! Видно, это сильно безпокоитъ ее“,— думаю я, съ сожалѣніемъ отрываясь отъ вопросовъ общаго характера, въ которыхъ многое еще неясно мнѣ.

— Боюсь, что вы слишкомъ близко принимаете къ сердцу. Придетъ время...

— Нѣтъ, не придетъ. Всѣ разсчеты мои оказываются неудачными. Эта фельдшерица... Вы замѣтили ее?

— Я замѣтила бы ей на вашемъ мѣстѣ, чтобы она подобрала свои рукава, и простила бы ей остальное.

— Нѣтъ, тутъ есть нѣчто поважнѣе рукавовъ, и что̀ не такъ легко прощается. Боюсь, что я сдѣлала ошибку, пригласивъ ее, и обѣ онѣ имѣютъ дурное вліяніе на Лелечку.

Лелечка—цвѣтущая, рослая, хорошенькая дѣвушка 19-ти лѣтъ; желаніямъ ея покоряется весь домъ, и, насколько я понимаю дѣло, скорѣе она оказываетъ свое вліяніе, нежели находится сама въ зависимости отъ чьего-нибудь посторонняго. Но материнское сердце слѣпо по обыкновенію и готово обвинить всѣхъ, кромѣ истинныхъ виновниковъ.

— Случилось какъ разъ обратное тому, на что я разсчитывала,—продолжаетъ она.—Не только нѣтъ благотворнаго примѣра, а напротивъ, самое грубо-практическое, ремесленное отношеніе къ дѣлу, безъ малѣйшаго идеализма, безъ сознанія своей миссіи. Вдвоемъ онѣ съ Анной Ивановной...

— Кто она, эта Анна Ивановна?—спрашиваю я, въ первый разъ заинтересовываясь безцвѣтной особой, которую вижу каждый день съ завитыми кудерьками на лбу и умными книжками въ рукахъ.

— Мы въ дальнемъ родствѣ. Она также родственница этого господина и на тѣхъ же правахъ проводитъ здѣсь лѣто, хотя у нея собственное имѣніе въ двухъ шагахъ, самое знаменитое—Натальино, которое я хочу показать вамъ. Удивительное существо человѣкъ! Какія только противорѣчія ни уживаются въ немъ!

Дальнѣйшія разсужденія прерываетъ появленіе Егора Егоровича. Онъ рѣшительно желаетъ превзойти самого себя. Послѣ русскихъ и татаръ, онъ показываетъ мнѣ чувашей, требуетъ принести посмотрѣть старинный мордовскій костюмъ, единственный сохранившійся въ обрусѣлой деревнѣ. Но костюмъ, оказывается запертымъ у старухи, которая приготовила его себѣ на смерть; ея нѣтъ дома, и намъ приходится ограничиться разговоромъ съ чувашами. Они понимаютъ по-русски и на видъ несравненно пріятнѣе татаръ.

Мы объѣзжаемъ еще нѣсколько деревень различныхъ національностей, выходимъ изъ экипажей, разспрашиваемъ и разсуждаемъ. Общая картина вездѣ одна и та же: плохая стройка, разоренные и сожженные дворы, ворота, безобразно торчащія на голомъ мѣстѣ, безъ связи съ остальнымъ строеніемъ.

Кромѣ жалобъ на скудное продовольствіе, главная жалоба, повторяющаяся повсюду—на отсутствіе лошадей. Мы слышимъ ее каждый день и у себя въ Липовкѣ, и въ Глѣбовѣ. Пахать нечѣмъ, пашня стала, въ виду—сѣвъ. Не посѣять—нечего будетъ „ашать"—ѣсть—и въ будущемъ году. Лошади вздорожали сравнительно меньше, нежели можно было ожидать. Въ продажѣ есть, начиная отъ 15 рублей, а за 25 находятся уже порядочныя и способныя къ работѣ. Остановка за однимъ—денегъ нѣтъ. Страшно тронуть послѣдніе рубли на что-нибудь, кромѣ хлѣба, въ виду угрожающихъ слуховъ: столовыя закрываются вездѣ къ 1-му іюля!

Егоръ Егоровичъ время отъ времени удаляется въ сторону, въ сопровожденіи муллы или старосты, и мы видимъ, какъ онъ переминается, пожимаетъ плечами и дѣлаетъ жесты, означающіе, по всему вѣроятію, что ничего сдѣлать нельзя, нѣтъ помощи, послѣ чего усаживается въ свою корзинку, и мы уѣзжаемъ, сопровождаемые покорнымъ молчаніемъ или непокорными криками.

Между тѣмъ на небѣ собирается нѣчто, обѣщающее грозу и ливень, если только все не разразится сухою бурей, какія бывали уже не разъ за время моего пребыванія.

На горизонтѣ появляется обыкновенно узкая, темная полоска и на глазахъ ширится и ростетъ съ неимовѣрною быстротой. Сводъ небесный, за минуту безоблачный, не покрывается облаками—имъ взяться не откуда—а какъ-то сразу мѣняетъ цвѣтъ свой, словно перстью земною затемняется мгновенно лазурь неба. Наступаетъ темнота. Тучи пыли срываются съ голыхъ полей и несутся вихремъ, ничѣмъ не задерживаемыя, съ зловѣщимъ посвистомъ, съ вражьей силой. Буря начинается и заканчивается безъ единой капли дождя, и только пыльные и песчаные, неровные, напоминающіе языки пламени, налеты на поляхъ обозначаютъ мѣста, по которымъ прошелъ ураганъ.

На этотъ разъ картина, однако, измѣняется. Съ утра плаваютъ въ раскаленномъ воздухѣ плотныя и бѣлыя, какъ комки гигроскопической ваты, мелкія облака. Они соединились и образуютъ тучу, настоящую грозовую тучу, которая должна разразиться дождемъ...

Но поѣздка наша окончена. Егоръ Егоровичъ любезно откла-

нивается, сопровождаемый заявленіями благодарности съ нашей стороны за любезность, за сопровожденіе, за экипажъ и лошадей. Послѣднихъ, съ дозволенія его, мы удерживаемъ при себѣ еще на нѣкоторое время, чтобы посѣтить Натальино по дорогѣ къ дому, до котораго остается не болѣе десяти верстъ.

— Разумѣется, дай Богъ, но непріятно, если начнется въ дорогѣ,—говоритъ Вѣра Семеновна, поглядывая на небо. Она, также какъ и я, не любитъ грозы.

Мы успѣваемъ доѣхать во-время.

Черная туча медленно ползетъ со стороны заката, затемняя и скрадывая лучъ за лучомъ.

Экипажъ въѣзжаетъ во дворъ усадьбы, и въ ту же минуту съ татарской живостью Вѣра Семеновна беретъ меня за руку и увлекаетъ за собой.

— Пойдемте! Скорѣй! Теперь мы въ безопасности. Начнется гроза—добѣжимъ до дому. Деревня рядомъ. Идемте скорѣе.

Я покорно иду и внимательно осматриваюсь. Близорукими глазами въ надвигающейся темнотѣ я разглядываю одну избу, потомъ—другую, но деревни нѣтъ, и зная по опыту, что понятія о разстояніи различны для различныхъ людей, я останавливаюсь и спрашиваю: — гдѣ же деревня?

Моя спутница поворачиваетъ голову. Глаза ея блестятъ насмѣшливымъ торжествомъ.

— Передъ вами — Натальино.

Я оглядываюсь и только тутъ обращаю вниманіе на безформенныя возвышенія, мимо которыхъ проносился взоръ, отыскивая знакомыя очертанія строеній и избъ.

Мы перебѣгаемъ дорогу, подходимъ вплотную—и я останавливаюсь пораженная. Никакія предупрежденія не могли приготовить меня къ дѣйствительности.

Прежде всего я не могу дать себѣ отчета въ томъ: что̀ это?

На голомъ пустырѣ разбросаны темныя кучи, не землянки и не избы, нѣчто составное, смѣшанное изъ земли съ остатками лѣса, нѣчто, что̀ было когда-то избою и осталось человѣческимъ жилищемъ, для котораго языкъ человѣческій не подобралъ еще наименованія. Глѣбовскія „одноглазки“ остаются далеко позади. Дальше идти некуда. Дальше—„образъ звѣриный“.

— Ну, я довольна впечатлѣніемъ, — говоритъ Вѣра Семеновна.—Что же вы стоите? Гроза надвигается. Пойдемъ.

— Куда же мы пойдемъ?

Какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ и въ дополненіе впечатлѣнія

провисшая дверь логова отворяется, изъ него выползаетъ и приближается къ намъ человѣческое существо.

Я съ трудомъ удерживаюсь отъ восклицанія, но спутница моя узнаетъ женщину.

— Мароа, это вы?

— Я, матушка. Услыхала, проѣхали вы, встала черезъ силушку. Мочи моей нѣтъ, сударыня, изъ силъ выбилась. Молю у Господа смертнаго часа, послать по душу,—не посылаетъ Господь.

Мы всѣ трое садимся на траву, и я ближе всматриваюсь въ больную. Не ужасъ, какъ было нѣсколько часовъ тому назадъ передъ умирающей татаркой, а жалость невыразимая переполняетъ душу при видѣ блѣднаго лица съ слѣдами былой красоты, въ рамкѣ чистаго бѣленькаго платка, аккуратно заколотаго подъ подбородкомъ; жалкія, дрожащія руки въ браслетахъ изъ опухолей, силятся что-то еще подправить, устранить какой-то безпорядокъ въ туалетѣ, стѣсняющій при видѣ постороннихъ людей. Болѣзнь —по всему вѣроятію, ревматизмъ застарѣлый и мучительный; на ногахъ—тѣ же опухоли, круглыя, охватывающія браслетами; на спинѣ—пролежни, во рту—цинга.

— Что ей давали?

— Не знаю. Вѣроятно, тинктуру и салицилку. И приходится потѣть въ этой норѣ.

Вѣсть о нашемъ прибытіи успѣла между тѣмъ распространиться, и жители выходятъ изъ своихъ логовищъ, запуганные и угрюмые, съ видомъ звѣрей, которые живутъ подъ страхомъ вѣчной опасности.

Потому ли, что виситъ гроза, по другой ли причинѣ, но общаго разговора не затѣвается, какъ бывало до сихъ поръ вездѣ и каждый разъ.

Старый мужикъ жалуется на кашель и безъ обиняковъ проситъ двугривенный на перцовку. Молодой мужикъ, съ дикими, безпокойными глазами, переминается на мѣстѣ, видимо хочетъ сказать что-то и не рѣшается.

Я указываю на него Вѣрѣ Семеновнѣ. Она вглядывается и узнаетъ знакомаго.

— Что вамъ нужно, Титъ? Сестра больна? Что же вы не говорите? Сейчасъ придемъ.

— Ужасно они здѣсь дики,—говоритъ она, поднимаясь съ мѣста.—Вообразите, онъ такъ стѣснялся сказать потому именно, что больная не мать, не жена, а всего только сестра ему. Совѣстно безпокоить изъ-за такой малости. Что такое для нихъ сестра?

Мы не рѣшаемъ этого вопроса и отправляемся втроемъ.

Я на минуту задумываюсь передъ тѣмъ, какъ войти въ избу. Нижніе вѣнцы вросли въ землю, верхніе покривились, видна щель надъ окномъ. Крыши нѣтъ. Безпорядочный ворохъ на потолкѣ снесло на сторону; пожалуй, отъ толчка въ дверь разлетится весь домъ.

Мужикъ идетъ впередъ, но тотчасъ же возвращается, прося обождать малость, пока уберетъ коня.

Только тутъ я замѣчаю пристройку къ наружной стѣнѣ со стороны входной двери. Она сдѣлана изъ „сamановъ", саманныхъ кирпичей, изъ которыхъ здѣсь часто строятъ заборы и помѣщенія для скота. На этотъ разъ помѣщается всего одна лошадь въ узкомъ ящикѣ, играющемъ роль сѣней и устроенныхъ такъ, что попасть въ избу можно или пройдя подъ брюхомъ лошади, или же выведя наружу коня.

Въ избѣ полъ земляной, въ углу—образа, и вообще пріютнѣе, нежели можно было ожидать по наружному впечатлѣнію. На лавкѣ сидитъ дѣвушка въ бѣломъ платкѣ и помѣшиваетъ что-то ложкою въ деревянной чашкѣ, которая стоитъ передъ нею на столѣ.

Перваго взгляда даже и неопытнымъ глазамъ достаточно, чтобы увидать чахотку въ крайнемъ развитіи. Кашля нѣтъ, но страшные, клокочущіе звуки въ груди, затрудненное дыханіе, смертельная худоба, блѣдность и 40^0 жара въ головѣ и въ рукахъ.

— Боюсь, какъ бы она не умерла сейчасъ, здѣсь, на глазахъ у насъ,—говоритъ по-французски Вѣра Семеновна.

— Что это вы пьете? Кто далъ лекарство?

Больная молчитъ, отворачиваясь, и вытираетъ губы концомъ платка.

Братъ отвѣчаетъ за нее:

— Дали въ Липовкѣ.

— Да вѣдь это креозотъ! Посмотрите, понюхайте. Навѣрное. Господи, и принимаетъ въ водѣ!—говоритъ она съ такимъ ужасомъ, какъ будто бы зло всего міра было въ этой водѣ.

— Развѣ не приказали принимать въ молокѣ? Развѣ Артемій не даетъ молока?

Запекшіяся, помертвѣлыя уста раскрываются и тихій шопотъ слышенъ въ избѣ:

— Даютъ. Не пожелалось. Постъ нонѣ.

Дальше не слышно...

XV.

— И вы называете ихъ дикими! —говорю я, когда способность говорить возвращается ко мнѣ послѣ слезъ, которыя я выплакиваю въ пустой комнатѣ подъ грохотъ бури и шумъ ливня, заливающаго стекла.

Вѣра Семеновна не отвѣчаетъ мнѣ. Она лежитъ на диванѣ и жмурится отъ молніи.

Удары грома оглушительные, такъ что каждый разъ кажется, будто разлетится въ щепки ветхій домишко. Молніи освѣщаютъ комнату, по всему вѣроятію, гостиную, со старинной мебелью, съ букетами на обояхъ. Мелкія вещи въ безпорядкѣ разбросаны по столамъ, свидѣтельствуя о недавнемъ пребываніи кого-то.

Дамская шляпка бросается мнѣ въ глаза, модная еще недавно и сравнительно свѣжая, небрежно брошенная въ пыли на угловомъ столикѣ.

„Цѣны этой шляпы было бы достаточно, чтобы прокормить мѣсяцъ Мароу, больную дѣвушку и ея брата",—думаю я, съ ненавистью глядя на шляпку, и на другую—свою собственную, и на собственное отраженіе въ пыльномъ зеркалѣ напротивъ стола.

„Нѣтъ, уйти нужно, убѣжать отсюда. Помочь невозможно, смотрѣть равнодушно нельзя. Ничего, кромѣ злобы, не возбуждаетъ это сознаніе безсилія,—злобы даже противъ тѣхъ, кому хотѣлъ бы добра. Безтолковая, нелѣпая роль, продолжать которую унизительно. Чтò они должны думать о нашихъ вопросахъ, посѣщеніяхъ и грошахъ, которые мы распредѣляемъ съ торжественностью, съ аптекарскимъ разсчетомъ, чтобы копѣйка, предназначенная Семену́, не попала случайно Петру? Вся разница между обоими—въ томъ, что у одного уцѣлѣла корова, а у другого есть телка, но зато есть и овца. Мы назначаемъ пособіе въ тѣхъ случаяхъ, когда не уцѣлѣетъ ни телки, ни коровы, ни овцы. Мы являемся во время агоніи посмотрѣть муки голодной смерти, которую не умѣемъ предупредить"...

— Полноте! Я не хочу слушать. Это ребячество. Если нельзя сдѣлать всего, это еще не значитъ, что нужно опустить руки и ничего не дѣлать,—говоритъ Вѣра Семеновна, вставая съ мѣста и почти ощупью переходя комнату. — Каковъ ливень! Онъ одинъ сдѣлаетъ больше, нежели мы всѣ, но это нисколько не избавляетъ отъ дѣла и насъ. А у меня, кажется, счастливая мысль...

— Какъ могли они дойти до этого?—спрашиваю я, съ тоскою вглядываясь въ мокрыя стекла, за которыми хочу разсмотрѣть очертанія натальинскихъ норъ.

— Что же! это въ своемъ родѣ также послѣдняя степень развитія болѣзни—малоземелья,—говоритъ учительскимъ тономъ Вѣра Семеновна.—Я говорила вамъ и не даромъ привезла васъ сюда. А какъ они дошли... Вотъ онъ вамъ, пожалуй, разскажетъ лучше моего. Артемій, это вы?..

— Огоньку не прикажете ли?—спрашиваетъ мужской голосъ, и въ комнатѣ появляется высокая фигура въ темномъ и останавливается у порога.

— Кто это?

— Здѣшній приказчикъ.

— Нѣтъ, огня не нужно. Разъяснится сейчасъ. Садитесь, посидите съ нами. Вотъ барыня любопытствуетъ, какъ это разстроилось такъ ваше Натальино.

— Устройства настоящаго не было. Не долго и разстроиться.

— Что же, погорѣли? Пожаръ былъ?—спрашиваю я.

— Пожару не было. Когда бы погорѣли, все бы какая ни на есть стройка свѣжая была. А то видали, небось: труха.

— Не безопасно, я думаю, для житья: завалятся, того и гляди.

— Да и заваливаются. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ у Петрухи, изволите знать, завалилась матица. Старуха-то бабка отскочила, поспѣла, младенца съ зыбкой въ сторону отбросило, а двоихъ ребятенокъ еле живыхъ изъ-подъ земли вытащили.

— Какъ же вы живете такъ?

— Податься некуда.

Дождь прошелъ. Прояснилось. Блѣдная заря освѣтила комнату, и я могу разглядѣть собесѣдника.

Это высокій мужикъ богатырскаго сложенія, несмотря на худобу, съ орлинымъ профилемъ и прирожденнымъ достоинствомъ въ осанкѣ и рѣчахъ. Изъ-подъ темныхъ бровей и волосъ, расчесанныхъ на прямой проборъ, смотрятъ узко-составленные, темные глаза. Говоритъ онъ неторопливо и спокойно, сидитъ въ гостиной въ креслѣ такъ, какъ будто бы вѣкъ иначе не сидѣлъ. А родился и прожилъ жизнь здѣсь, въ этихъ норахъ!

— Можете себѣ вообразить, — они всей деревней переведены на продовольствіе изъ суммъ благотворительныхъ, безъ отдачи слѣдовательно. Земской ссуды не получаетъ никто. А просто имъ раздаютъ каждому поголовно по фунту хлѣба въ день, —объясняетъ Вѣра Семеновна.—Насколько я знаю, это примѣръ

единственный, и Аннѣ Ивановнѣ стоило хлопотъ устроить эту комбинацію. Но ничего другого не оставалось. Уплатить ссуды они бы никогда не могли.

— Вы бы попробовали переселиться,—говорю я, предлагая свою панацею для того только, чтобы услышать отвѣтъ.

— Переселиться—деньги надобны. Теперешнее время взять негдѣ. Раньше было дѣло.

— Что же, пробовали?

— На полное положеніе откупиться задумали.

— Ну, и что же?

Фигура съ орлинымъ профилемъ сидитъ въ спокойной позѣ, опершись руками о колѣни. При моемъ вопросѣ Артемій встряхивается слегка и начинаетъ разсказъ такъ, какъ будто бы только и ждалъ вопроса и возможности разсказать.

— Задумали, сдѣлали, промежду себя столковались, выборныхъ выбрали, къ барынѣ пошли. Въ ту пору еще старая барыня была, покойница Наталья Ивановна, а мы собственно ей подвержены были по женской, значитъ, линіи. Ну, и супругъ ихній, Иванъ Ивановичъ, въ добромъ здоровьѣ тутъ же находился. „Что, молъ, ребята?"—Такъ и такъ, молъ, къ вашей милости, желаемъ, чтобы на полное положеніе. Деньги—казенная цѣна 60 рублей десятина—предоставимъ, согласны внести.—Ну, постояли, послѣ того вышли на малое время, а, наконецъ, выходитъ сама одна барыня и говоритъ: „Вотъ что̀, мужички, говоритъ, по 60 рублей взять съ васъ за землю словно бы дешево, мнѣ обидно, а взять цѣну по 100 рублей—вамъ не осилить. Ступайте, говоритъ, съ Богомъ, откуда пришли".

— Тѣмъ и кончилось все?—спрашиваю я и не умѣю передать невыразимой насмѣшливости, которая кривитъ эти характерныя, твердо-очерченныя губы, когда онъ разсказываетъ.

— Чего же больше? Гдѣ же осилить?

— Такъ и не согласились?

— Самимъ надобно: дѣти малыя, дѣло бѣдное. „Живите, какъ допрежъ жили". И живемъ съ той поры, ни день, ни ночь, ни зиму, ни лѣто, не живемъ и не помираемъ.

Вечеромъ, вернувшись домой, я сижу въ своей комнатѣ и слушаю музыку.

Играетъ Вѣра Семеновна. Инструментъ плохой, но играетъ она недурно, хотя и здѣсь, какъ въ разговорѣ, учительская манера проглядываетъ иногда. Одно жаль—на этотъ разъ не слѣдовало

выбирать Шумана... Довольно уже было диссонансовъ, печальныхъ звуковъ, мучительныхъ впечатлѣній въ продолженіе цѣлаго дня. Нервы просятъ отдыха. Хотѣлось бы чего-нибудь мажорнаго, несложнаго, пожалуй, церковнаго Баха или Гайдна, или изъ русскихъ...

Ахъ, какіе звуки! Дождь опять льетъ и звенитъ по стекламъ. Вѣтеръ свищетъ въ ветлахъ и въ голомъ саду... „Warum“ Шумана. Да! зачѣмъ, зачѣмъ все это?

Нѣтъ, она права! Только у Шумана—своя мука, свои личные диссонансы, а вотъ написать бы симфонію, въ которую вошло бы все: грохотъ бури и свистъ вѣтра въ вороньихъ гнѣздахъ, крикъ раздавленныхъ дѣтей и хрипѣніе голодающей старухи, угрожающіе вопли и смиренныя просьбы, горькая насмѣшка скованнаго богатыря и тихій шопотъ умирающей дѣвушки.

XVI.

— Не шутя, хорошая мысль. Я вчера еще хотѣла сказать вамъ, но вы такъ разстроились, что не съумѣли бы оцѣнить ее по достоинству,—говоритъ мнѣ Вѣра Семеновна при первой же встрѣчѣ на другое утро.

Я смотрю на ея лицо, оживленное внутреннимъ возбужденіемъ, и оно кажется мнѣ привлекательнѣе обыкновеннаго.

— Говорите скорѣй! Какая мысль?

— Видите ли, собственно говоря, это давно уже бродило у меня въ головѣ, но вчерашняя поѣздка дала толчокъ. Главная бѣда теперь, куда ни посмотри—неурядица съ лошадьми, пахать не на чемъ. Сейчасъ приходили опять трое, липовскій и глѣбовскихъ двое, въ ноги кланяются, просятъ помочь, купить имъ лошадей. Разумѣется, это невозможно, денегъ нѣтъ; да еслибы и были, все равно — этому не будетъ конца. Ну, и вотъ я придумала...

Она остановилась для большей выразительности.

— Мнѣ пришло въ голову, что еслибы помогать не каждому, а попробовать купить одну лошадь общественную такъ сказать, съ тѣмъ, чтобы установить очередь, и она поочередно пахала бы каждому хозяину сколько нужно: сегодня, положимъ, Петру, завтра — Егору, пока удовлетворитъ всѣхъ. Тотъ, кто владѣетъ конемъ, обязанъ за это время ухаживать за нимъ, поить и кормить его, а на ночь... Впрочемъ, это уже подробности. Какъ вамъ нравится самый проектъ?

Проектъ мнѣ нравится. Такъ и пахнуло на меня шестидесятыми годами отъ милаго лица, юношески-оживленнаго, несмотря на морщины, сѣдые волосы и года.

— Ну, я рада; я знала, что мы сойдемся. Но теперь не слѣдуетъ терять ни минуты. Каждый часъ дорогъ. Вопросъ: кому поручить купить лошадь? Въ этомъ я сама не смыслю ни бельмеса.

Вопросъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, приходитъ къ благополучному разрѣшенію.

Покупка лошади по нынѣшнимъ временамъ и къ тому же съ такимъ исключительнымъ назначеніемъ представляется дѣломъ настолько важнымъ и отвѣтственнымъ, что никто не рѣшается принять на себя этой отвѣтственности.

Приказчикъ—старый, опытный хозяинъ предсказываетъ полнѣйшую неудачу всей затѣи и наотрѣзъ отказывается отъ порученія съѣздить на базаръ приглядѣть подходящую лошадку.

Батюшка, хозяинъ молодой и также успѣвшій уже пріобрѣсти опытность, сочувствуетъ проекту, и хотя отказывается лично содѣйствовать ему, зато даетъ совѣтъ, къ кому обратиться за помощью.

Выручаетъ всѣхъ и *спасаетъ идею* барыня, сосѣдка-помѣщица, біографію которой разсказываютъ мнѣ тутъ же въ двухъ словахъ: положенія была бѣднаго, вышла замужъ за пьяницу и въ скорости ушла отъ мужа, а послѣ смерти его получила все же седьмую часть, которою и владѣетъ, и хозяйничаетъ на ней съ большимъ успѣхомъ и умѣніемъ.

Я не отказываюсь ни отъ какихъ поѣздокъ и съ удовольствіемъ принимаю предложеніе ѣхать вмѣстѣ на базаръ присутствовать при выборѣ, которому не могу содѣйствовать ничѣмъ другимъ по неопытности.

Помѣщица пріѣзжаетъ къ намъ на своей парѣ съ тѣмъ, чтобы ѣхать отъ насъ вмѣстѣ на наемныхъ крестьянскихъ лошадяхъ.

Вопросъ передвиженія въ продолженіе всего времени является настоящимъ вопросомъ, который нужно разрѣшать каждый разъ и притомъ не легко, вслѣдствіе трудности найти лошадей и ихъ ужаснаго состоянія. Приходится терять пропасть времени на самые незначительные переѣзды, такъ какъ не хватаетъ духу понукать лошадей; сами же онѣ заморены работой и еле передвигаютъ ноги.

Базарное село—въ восьми верстахъ. Дорогой я знакомлюсь и разглядываю мою спутницу.

Это не старая еще, небольшого роста, свѣжая женщина, съ мелкими чертами и грубо-краснымъ цвѣтомъ лица, какой встрѣ-

чается у людей, постоянно бывающихъ на воздухѣ. Небольшіе глазки смотрятъ съ дѣловымъ и озабоченнымъ выраженіемъ.

Разговоръ все время идетъ о предполагаемыхъ достоинствахъ и необходимыхъ качествахъ будущей покупки. Реплики не интересныя, и къ каждому моему слову она неизмѣнно приговариваетъ своихъ два: „этакъ, этакъ!" Или: „вѣрно, вѣрно!"

Мнѣ случалось часто бывать на деревенскихъ базарахъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и признаюсь, принимая въ разсчетъ предшествовавшее, я ожидала худшаго впечатлѣнія.

У въѣзда въ село бросаются въ глаза два ряда крытыхъ деревянныхъ балагановъ, совершенно пустыхъ. Въ нихъ торговали прежде красными товарами; теперь эта торговля сократилась и сосредоточилась вся въ отдѣльныхъ лавочкахъ, разбросанныхъ у церкви, на самой площади. Но затѣмъ остальное не представляетъ собою ничего особеннаго. Такъ же, какъ и всегда, шумитъ и гудитъ деревенская, на этотъ разъ смѣшанная изъ русскихъ и татаръ, оживленная толпа; слышны крики и восклицанія, смѣхъ и ругательства. Въ первый разъ видъ собравшихся людей не производитъ приниженнаго, подавляющаго впечатлѣнія. Встрѣчается множество знакомыхъ лицъ, и у нихъ здѣсь уже не то, а другое, не жалкое и просящее, а какъ будто болѣе бодрое выраженіе. Подбодрилъ всѣхъ также и вчерашній дождь. Дорогою всѣ восемь верстъ лужи еще стояли на низинахъ и въ колеяхъ, а утро выдалось свѣжее, яркое, чудесное.

Торговля ведется обычнымъ крестьянскимъ товаромъ: сухой рыбой и дегтемъ, колесами и посудой. Нѣсколько телѣгъ въ рядъ торгуютъ мукой, которую тутъ же и отвѣшиваютъ по малости на вѣсахъ и безменахъ. Главный торгъ, оптовый, хлѣбнымъ товаромъ происходитъ въ сторонѣ у амбаровъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. На землѣ сваленъ еще невиданный мною предметъ торговли—куча зеленыхъ, березовыхъ вѣниковъ, которыхъ негдѣ здѣсь наломать, а нужно также купить по три, по пяти копѣекъ за штуку. У торговца сластями бросаются въ глаза, среди сѣмячекъ и пряниковъ, черныя плиты кирпичнаго чая, употребляемаго здѣсь крестьянами, татарами по преимуществу.

Съ кѣмъ ни заговоришь, всѣ жалуются на плохія дѣла и убытки. Это не мѣшаетъ, однако, общему оживленію, и для кого-нибудь да привозятся же эти леденцы и пряничкі, бѣлые папошники и вязки съ баранками.

— Писаря покупаютъ, священники, приказчики. А мужики не покупаютъ, не мужицкій это нынче харчъ,—отвѣчаетъ мнѣ моя спутница, пробираясь между рядами къ сторонѣ, откуда

раздаются мычаніе и ржаніе выведеннаго спозаранку живого товара.

По дорогѣ мы останавливаемся и покупаемъ ситчику на дѣтскія рубашечки. Красными товарами торгуютъ исключительно татары, и вообще много татаръ между торговцами.

Я выбираю рисунокъ и осматриваю доброту.

— Цвѣтъ хорошъ, да будетъ ли проченъ, князь?

— Хороша! Крѣпкій, какъ казаматъ,— отвѣчаетъ высокій, въ бараньей шапкѣ, татаринъ и показываетъ бѣлые зубы.

Роль, которую играютъ въ великороссійскихъ губерніяхъ цыгане, въ южныхъ евреи, исполняется здѣсь татарами, главнымъ образомъ, по отношенію ко всему, что̀ касается лошадей. Они служатъ маклерами и посредниками, вымѣниваютъ, продаютъ и покупаютъ.

Мы застаемъ оживленную группу въ углу площади, гдѣ стоитъ продажная скотина — коровы, по которымъ можно изучать анатомію и лошади: передъ ними самъ „россинантъ“ показался бы откормленнымъ. Страшно смотрѣть на эти высокіе скелеты съ выдающимися костами крупа, съ сухой кожею, подернутой гречушкой. Непонятно, какъ могли выжить зиму подобные экземпляры. Приведены они на убой и стоятъ, ожидая участи, понуривъ головы, какъ-то врозь разставивъ, словно деревянныя, негнущіяся ноги.

Рядомъ есть, впрочемъ, товаръ и другого сорта—сытыя и на видъ хорошія лошади.

Молодой глѣбовскій мужикъ съ пріятнымъ лицомъ, возвратившійся изъ Сибири, нерѣшительно и несмѣло—не торгуетъ, а только еще высматриваетъ себѣ коня съ помощью отца и другого, также глѣбовскаго, стараго мужика. Всѣ втроемъ обхаживаютъ со всѣхъ сторонъ лошадей, смотрятъ въ зубы, дергаютъ хвосты, поднимаютъ ноги съ внимательнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ.

Хозяинъ-татаринъ, босой, въ длинной рубахѣ съ раскрытой грудью и въ засаленной тюбетейкѣ, ежеминутно наскакиваетъ на нихъ, торопитъ, подхлестываетъ подъ брюхо лошадь, призываетъ другихъ татаръ въ свидѣтели ея необыкновенныхъ достоинствъ.

Мало-по-малу толпа собирается вокругъ. Всѣ звуки покрываетъ высокій, оживленный голосъ.

— Эхъ ты, не умѣешь взять! Добрый конь! Казань ходилъ, Тетюшь-гора возилъ, продовольствіе возилъ. Ежели бы она старый билъ, она бы какъ ты горбатый билъ, а она—видишь—стоитъ. Веселый конь!

— Что, дѣдушка, какъ находишь?—спрашиваю я.

— Кто-жъ ее знаетъ. Глядѣть — хороша, да нѣшто этакъ можно узнать? Въ соху нужно, какъ съ мѣста пойдетъ!

— Какъ пойдетъ!? Вотъ какъ пойдетъ!

Въ одно мгновеніе татаринъ вскакиваетъ на лошадь и скрывается изъ глазъ, чуть не передавивъ народъ. Испуганное животное возвращается назадъ все дрожа, косится и дышетъ расширенными ноздрями.

— Экій вѣдь ты, братецъ, какой! Что же мнѣ нѣшто на ей скакать? Понапрасну скотинину измучилъ. Никакъ не нападемъ, замялись лошадьми. Купили-было,—ну не показалась, безхвостая была.

— Много ли онъ за эту проситъ?

— Тридцать пять.

— Мошенники они тутъ всѣ, я вамъ скажу,—категорически заявляетъ помѣщица и немедленно удаляется, обѣщая найти въ другомъ, болѣе надежномъ мѣстѣ.—Сказать по правдѣ, не больно-то я и разсчитывала. Кстати отчего не поглядѣть. По домашности мнѣ тутъ кое-чего закупить бы нужно.

Она дѣлаетъ свои покупки, а я толкую съ батюшкой, который тутъ же оказывается на базарѣ въ собственной корзинкѣ, запряженной сытой, хорошенькой лошадкой.

Послѣ небольшихъ переговоровъ мы рѣшаемъ устроить иначе обратный путь. Я уступаю лошадей помѣщицѣ и сажусь съ батюшкой, который беретъ на себя трудъ доставить меня домой. Кромѣ выгоды въ ѣздѣ, у меня еще выгода въ собесѣдникѣ, несравненно болѣе занимательномъ. Вѣра Семеновна не долюбливаетъ батюшку, но у насъ съ ней вкусы и цѣли нерѣдко не сходятся, и я, напротивъ, цѣню его общество.

Это совсѣмъ еще молодой, высокій человѣкъ, съ правильными чертами, нѣсколько крупными и тяжелыми. Особенно характеренъ ротъ, какъ бы разрѣзанный однимъ взмахомъ, безъ обычнаго изгиба губъ, опушенныхъ густой бѣлокурой растительностью.

Батюшка, съ своей стороны, видимо интересуется пріѣзжей, московской барыней, и разговоры у насъ ведутся обыкновенно самые оживленные.

— Торопитесь на американскій тонъ, или же лошадку повольнѣе пустить? — спрашиваетъ онъ, когда я сажусь съ нимъ рядомъ на сѣно, покрытое ковромъ, и мы осторожно подвигаемся впередъ посреди базарной толпы.

— Я, батюшка, не тороплюсь, дорога хорошая, да и ло-

шадка у васъ не плохая. Вотъ бы намъ на такую напасть, — говорю я.

— И нападете, да того не будетъ.

— Отчего же?

— Оттого, что мужикъ грубъ, не имѣетъ понятія. Онъ и во вниманіе этого не возьметъ, что вы для него же хлопочете.

— Да вѣдь ничего особеннаго съ него и не потребуется. Только то, что̀ онъ дѣлалъ бы и для своей лошади: пріѣхать, задать корму, напоить во̀-время, и все это какихъ-нибудь два-три дня, пока она будетъ въ его владѣніи. Это не трудно.

— Не трудно-то, не трудно, да народъ не тотъ, — упорно настаиваетъ онъ.

— А мнѣ кажется, что вы только такъ иногда нападаете на нихъ, а на самомъ дѣлѣ жалѣете ихъ больше, нежели хотите показать, — говорю я, слѣдя за впечатлѣніемъ своихъ словъ по лицу собесѣдника.

Лицо оживляется и краска показывается на блѣдныхъ, хотя и не худыхъ щекахъ.

— Жалѣешь по-неволѣ, какъ пробьешься съ ними тутъ пятый годъ. Ихъ хлѣбъ и намъ хлѣбъ. Ну, да и по человѣчеству конечно...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Я думаю, долго вы не забудете нынѣшняго года. Когда дошла до васъ первая помощь?

— Какъ считать! Получилъ я къ празднику Рождества Христова отъ неизвѣстнаго благотворителя сорокъ рублей съ просьбою употребить ихъ на нужды наиболѣе нуждающихся. А у меня ихъ шестьсотъ человѣкъ прихода, да—кромѣ десятка дворовъ—я и самъ въ то время не могъ разобрать, который менѣе или болѣе нуждается, всѣ равны стали—нищіе. Такъ вотъ не угодно ли тутъ было съ сорока-то рублями орудовать!

— Что же вы сдѣлали?

— Принесъ къ земскому начальнику, положилъ на столъ. Онъ говоритъ: „какъ же быть?“ Я говорю: по моему возвратить. Ну, онъ нашелъ—неловко. А я... Тотъ первый человѣкъ, который прислалъ мнѣ эти сорокъ рублей, я его не похвалилъ въ душѣ моей. Можетъ быть, онъ и отъ души принесъ мнѣ свой даръ, но онъ имъ отвелъ глаза тѣмъ другимъ, кому надо смотрѣть. На него да на такихъ, какъ онъ, понадѣялись. А нельзя было надѣяться.

— Но вѣдь вы же впослѣдствіи еще получили пособіе англійское и земское, и изъ комитета?

— Получить-то получили, вѣрно. Но вы спросите — когда? Тогда, когда изъ каждой избы послѣдній соръ вымели. Что же

раньше-то не спохватились? Животы вѣдь были бы цѣлы. Мѣсяцъ вамъ тамъ, въ Москвѣ—разстояніе небольшое, а у насъ этотъ мѣсяцъ... Эхъ, что̀ говорить! Да и что получали первое-то время! Нѣтъ, татары вѣрно говорятъ... Двадцать фунтовъ продовольствія! „Зачѣмъ, говорятъ, бачка, пять разъ умирать, шесть разъ умирать? Лучше одинъ разъ умирать". Нѣшто двадцатью фунтами можно сытымъ быть! Да и то не всѣмъ вдругъ, а по выбору: тому года не вышли, а этому, гляди, перешли.

Краска замѣтнѣе выступаетъ въ лицѣ, полузакрытомъ полями изогнутой шляпы. Разговоръ ведется нервнымъ, возбужденнымъ тономъ, и щегольскія кучерскія возжи передергиваются то-и-дѣло въ сильныхъ рукахъ.

— Я написалъ кому слѣдуетъ: не могу долѣе, отказываюсь-молъ отъ попечительства. Ну, на замѣчаніе и попалъ за строптивость. Что-же-съ, значитъ, насъ теперь на растерзаніе отдали?

Я хочу вставить слово, но онъ перебиваетъ меня.

— Вотъ вы, скажемъ теперь, пріѣхали, пожаловали къ намъ сюда, очень хорошо-съ... Погостите у насъ, посмо̀трите... Я не къ тому говорю, я все вижу и знаю ваше доброжелательство, чего вы, можетъ быть, даже и не предполагаете. Но время придетъ, вы покинете нашу весь, а намъ покинуть невозможно, мы къ мѣсту прикрѣплены, на мѣстѣ и останемся. И вотъ тутъ-то, какъ придетъ человѣкъ двѣсти во дворъ: „чего ты объ насъ не пишешь? не видишь—помираемъ?"—Нельзя писать, говорю.—Вѣрить не хотятъ, этого не понимаютъ. „Что же намъ въ пропасть броситься, померзнемъ развѣ!"

Я въ первый разъ слышу такой страстно-возбужденный, горячій тонъ. Говорить такъ можетъ человѣкъ дѣйствительно задѣтый за больное мѣсто, и я больше для реплики привожу соображенія относительно надеждъ на облегченіе, на будущій урожай, который долженъ поправиться благодаря дождю.

— Дождь, что же такое-съ дождь! Дождь не есть явленіе повсемѣстное. Версту отъѣхали, вонъ у меня въ полѣ—и нѣтъ его. Нѣтъ-съ, хорошаго не жду,—прибавляетъ онъ, перехватывая возжи и заправляя волосы, которые выбиваются изъ-подъ шляпы по вѣтру и лѣзутъ въ глаза.—Хорошаго не жду. Жду смертности ко времени новаго хлѣба.

— Почему же, батюшка?

— Изголодался народъ: обрадуется своему, довольному куску, набросится на хлѣбъ, а онъ вѣдь—не того, не въ пользу бываетъ въ это время. Примѣрьте къ плоду, скажемъ—къ яблоку. Одинъ вкусъ, когда сняли съ дерева и кушаете на другой день, а по-

кушайте, когда вылежится осенью. А все то же яблоко. Также вотъ и хлѣбъ.

— А велика была смертность въ прошломъ году?—спрашиваю я.

— Да порасчистило-таки. За прежніе года въ точности не скажу, не припомню, а въ девяносто-первомъ году у меня въ приходѣ въ теченіе всего времени было шестьдесятъ смертей. Нонѣшній же девяносто второй годъ—много ли его теперь?! Къ полугоду едва сравнялось, а уже восемьдесятъ смертей есть, подбирается къ сотнѣ. И прочее также въ соотвѣтствіи: крестинъ десять всего, вчера десятаго окрестилъ, а свадьба одна, да и то вдовецъ, для дѣтей женился. „Я, говоритъ, женюсь не для жены, а для хозяйки".

Въ разговорахъ время проходитъ незамѣтно, и за пригоркомъ бѣлѣетъ уже липовская бѣлая церковь. Смотрю на часы и глазамъ не вѣрю. Столько впечатлѣній, поѣхали—и уже вернулись, а всего только одиннадцать часовъ утра. Рано даже и для деревенскаго обѣда.

Батюшка приглашаетъ къ себѣ кушать чай. Я не отказываюсь.

Татаринъ-работникъ принимаетъ лошадь. Я осторожно поднимаюсь вслѣдъ за быстро-мелькающей рясой по ветхимъ ступенькамъ расшатавшагося крылечка.

XVII.

Послѣ невзрачной внѣшности тѣмъ поразительнѣе впечатлѣніе уютности и сравнительнаго щегольства внутренняго помѣщенія.

Домъ обставленъ съ комфортомъ, какого мнѣ не приходилось еще встрѣчать у деревенскаго священника, какимъ далеко не пользуемся мы сами въ запущенномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Городская, новенькая мебель обита кретономъ веселенькаго рисунка. На стѣнахъ олеографіи, на окнахъ тюлевыя занавѣски, фикусы и бегоніи.

Сама матушка—миловидная блондинка, совсѣмъ еще юная, встрѣчаетъ меня съ растеряннымъ видомъ, извиняясь, что не одѣта, и несмотря на всѣ мои убѣжденія — замѣняетъ ситцевое платье модной кофточкой съ оборочками и бантами.

Желѣзныя дороги сдѣлали свое дѣло. Онѣ сократили разстоянія, и археическіе костюмы провинціальныхъ дамъ замѣни-

лись модными, вмѣстѣ съ модными словечками и модными фразами, которыя также по желѣзнымъ дорогамъ, по почтѣ, въ газетахъ и журналахъ, все быстрѣе и быстрѣе совершаютъ свое обращеніе.

— Прошу меня извинить, что оставила васъ такъ, въ одиночествѣ. Петя меня не предупредилъ, и вы застали меня *въ растрепанныхъ чувствахъ*,—говоритъ матушка, возвращаясь въ своей кофточкѣ и приступая къ хозяйственнымъ хлопотамъ для угощенія меня чаемъ.

На столѣ появляются предметы, отъ которыхъ отвыкъ глазъ и вкусъ за время путешествія: варенье въ вазочкѣ, конфекты отъ Абрикосова и печеніе отъ Эйнемъ.

Невольно приходятъ на мысль замѣчанія Вѣры Семеновны относительно слуховъ, которые ходятъ про батюшку...

Онъ съ большой чуткостью какъ будто подмѣчаетъ впечатлѣніе отъ его обстановки и, пользуясь отсутствіемъ жены, разсказываетъ о женитьбѣ своей въ городѣ на купчихѣ, которая не привыкла жить кое-какъ и принесла приданое съ собой.

Чай дается во второй комнатѣ, на столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью. Въ углу—горка съ книгами: Пушкинъ, рублевое изданіе Лермонтова, приложенія „Нивы“ и старые нумера „Волжскаго Вѣстника“.

— И сейчасъ тоже не хочется кое-какъ, по-свински жить, все стараешься, какъ бы поскладнѣе да поприличнѣе,—говоритъ батюшка, присаживаясь къ столу въ подрясникѣ съ шитымъ поясомъ и закуривая папиросу.—Что же! У меня дѣти, дочка, сынъ вонъ ростетъ. Я обязанъ его воспитать, въ люди вывести. На приходъ—какая ужъ надежда, рукой махнулъ. Теперь хозяйство завелъ, арендую, хозяйствомъ занимаюсь.

— Много засѣваете?

— Десятинъ сто на кругъ яровое и озими, въ трехъ поляхъ.

— Это хорошее, большое хозяйство.

— Хозяйство хорошее, да года-то плохіе. Вамъ того въ Москвѣ во вѣкъ не узнать, какую мы здѣсь муку терпимъ. Нынѣшней зимой, аккуратъ послѣ Рождества, слухъ прошелъ: ѣдетъ посланный, важное лицо изъ самаго изъ Санктъ-Петербурга, наше дѣло обслѣдовать, край посѣтить, какія въ чемъ нужды узнать. Ну, думаю, слава-те, Господи! Наконецъ-то дождались! Вспомнили и о насъ грѣшныхъ, во тьмѣ и сѣни смертнѣй сидящихъ. Я здѣсь пятый годъ посвященъ, а раньше—что же видѣлъ? Тоже деревня, да семинарія... Ну, думаю, однако,—не сробѣю. Хоть и никого такого не видалъ, отъ роду ни съ какой особой не раз-

говаривалъ, а все же, думаю, за себя постою, отъ души скажу, какія дѣла дѣлаются, чему свидѣтелемъ приходится ежедневно бывать. Вѣрите ли, на бумажку списалъ, наизусть рѣчь вытвердилъ. Хожу по комнатамъ, да какъ урокъ и зубрю, какъ мальчишка: какъ бы не позабыть чего, пуще всего опасаюсь. А тѣмъ временемъ разговоры идутъ да переговоры: остановится гдѣ? У кого принять? У помѣщика ли, проѣдетъ ли къ земскому, въ училище ли? А то, можетъ, церковь пожелаетъ осмотрѣть, да по близости подъ мой убогій кровъ пожалуетъ? Времени въ точности не обозначено, да такъ это мы съ недѣлю каждый день съ утра до вечера во всѣхъ мѣстахъ единовременно и поджидали... Ну, на конецъ тому дѣлу, дождались, ѣдетъ. Онъ ли? Фальшивой тревоги тоже много было. Онъ самый. Впереди тройка—исправникъ, урядникъ на облучкѣ; вторая тройка—тоже сани открытыя—сидятъ трое, собой моложавые, шапки бобровыя, третья—четверня, возокъ и нашъ земскій за нимъ. А я народъ загодя обучилъ, чуть услышите что,—бѣгите всѣмъ міромъ, да на колѣни, да въ ноги. Тутъ ужъ я буду говорить, вы за мной. Вотъ, проѣхали улицу, остановились у церкви противъ самой церковной сторожки. Я бѣгу, не помню себя, подбѣжалъ, анъ у возка ужъ и дверца захлопывается. Выглянулъ оттуда сѣденькій старичокъ, собою худощавый, въ картузѣ, спросилъ: это ли Липовка?—Она самая.— „Ну, говоритъ, вотъ вамъ на голодающихъ". Подалъ двѣ радужныхъ земскому—и былъ таковъ. Кучера, урядники, колокольчики... Фью!.. Только мы ихъ и видѣли, будто въ сонномъ видѣніи. Вотъ тутъ-то мнѣ ужъ очень горько показалось. Забыли, значитъ, забыли совсѣмъ. Дожидаться нечего. Уповай на Господа, да изворачивайся самъ, какъ вѣдаешь.

— Ну, что же, извернулись?—спрашиваю я съ искреннимъ сочувствіемъ.

— Изворачивались. Отруби покупали, цѣну на базарѣ держали, салму варили изъ отрубей пополамъ съ мукой; ну, лучку прибавили, перчику. Призвали татарина—пробуй!—Эхъ, „бачка, это умирать не надо—каждый день такъ ѣсть!.."—Да что говорить! Всего было... А мнѣ что же, между прочимъ, чаю? Не полагается? Съ дороги, да отъ разговору, въ горлѣ пересохло что-то,—обратился батюшка къ женѣ.

Матушка изрѣдка вступала въ разговоръ, выражаясь необыкновенно обстоятельными и округленными фразами.

— Я готова была тебѣ налить, Петя, только не знала, было ли на то твое желаніе, чтобы выпить другой стаканъ чаю.

Батюшка подтверждаетъ свое желаніе, но въ дверяхъ появляется фигура татарина-работника. Вызываютъ на требу къ больному въ Глѣбово.

По всѣмъ соображеніямъ, это—знакомый больной, у котораго уже наканунѣ предполагали сыпной тифъ.

— Вамъ бы, батюшка, для такихъ случаевъ завести себѣ рясу поплоше и вѣшать ее снаружи гдѣ-нибудь, вонъ хоть на заборѣ на колышкѣ,—совѣтую я, также собираясь уходить.

— Скажи—буду. Закладывай буланаго. Модная теорія—бактеріи, или какъ еще тамъ онѣ? Все по разному называются,—говоритъ батюшка, не спѣша, докуривая и допивая стаканъ.—Эхъ, сказалъ бы словечко, да видно нѣтъ, погожу. Неучемъ считать будете. За мною останется. А лошадку общественную какъ купите, поглядѣть все же приду.

XVIII.

Несмотря на всеобщія сомнѣнія, печальныя предсказанія и печальныя предзнаменованія, дѣла наши подвигаются впередъ—и къ вечеру дня черезъ два намъ приводятъ съ нарочнымъ отъ помѣщицы пѣгую лошадку цѣною въ тридцать пять рублей, по общему признанію стоющую этихъ денегъ,—ни въ какомъ случаѣ не меньше, а можетъ быть и больше того.

Сосѣдка сдержала слово.

Начало сдѣлано. Мужики давно уже предупреждены, и совѣщанія о томъ, кого выбрать будущими хозяевами лошади, какимъ образомъ распредѣлить очередь—давно уже происходятъ у крыльца по нѣскольку разъ въ день.

Крыльцо выходитъ во дворъ, заросшій и давно не чищенный. У колонны, перекачнувшись на одну ногу, стоитъ Вѣра Семеновна и ведетъ переговоры съ тремя старостами отъ трехъ сельскихъ обществъ по числу бывшихъ вотчинъ, составляющихъ теперь Липовку. Кромѣ старостъ, присутствуетъ еще нѣсколько бабъ и мужиковъ.

Лошадь тутъ же во дворѣ, на виду у всѣхъ, у телѣги кушаетъ траву. Всѣ обхаживаютъ ее, оглядываютъ и высказываютъ одобреніе.

— Живётъ! Добрый конь!

— По денежкамъ товаръ. Ахметка за свою восемнадцать рублей просилъ: ну, противъ этой не состоитъ,—замѣчаетъ высо-

кій мужикъ съ копной свѣтло-бѣлокурыхъ волосъ, образующихъ какъ бы сіяніе вокругъ его головы.

— Ахметка! Пустое чтò говорить! Лошадь безгодовая, боронильщица, не возиха—семичникъ цѣна. А то—восемнадцать рублей!

— Ну-съ, позвольте, значить, теперь все сказано?—прерываетъ дальнѣйшія обсужденія лошадиныхъ достоинствъ Вѣра Семеновна.—Безлошадныхъ всего двадцать шесть человѣкъ.

Ихъ гораздо больше, но другіе устроились иначе съ помощью сосѣдей и родственниковъ.

— По дню—такъ и то выходитъ двадцать шесть дней, не считая праздниковъ, а скоро и рабочая пора, всѣ бросятся жать.

— Не велико нынче жнитво.

— Ну да все же отъ пахоты отобьетъ, да и времени мало остается. Такъ, значитъ, слышали, ребята, уговоръ нашъ таковъ: каждый, кто пользуется общественнымъ конемъ, долженъ за это пользованіе, кромѣ себя, вспахать еще долю кого-нибудь изъ больныхъ или вдовью, кто не можетъ самъ работать для себя, по выбору. Тамъ ужъ сами выберете. Я вашихъ отношеній не знаю. Кому пожелаете, какъ заблагоразсудится, но только даромъ не разсчитывайте больше, даромъ ничего не будетъ.

Это говорится съ того самаго крыльца, съ котораго шло столько всѣмъ извѣстныхъ даровыхъ, безразсчетныхъ выдачъ и пожертвованій не далѣе, какъ нѣсколько дней тому назадъ. Вѣра Семеновна въ эту минуту забываетъ о нихъ и говоритъ съ искреннимъ увлеченіемъ. Глаза ея сіяютъ. Она довольна сама и ищетъ сочувствія въ окружающихъ.

— Всѣ поняли? Ясно всѣмъ? Вы кому будете пахать?—спрашиваетъ она бѣлокураго мужика.

— Мы-то? Воля ваша. Кому прикажете, тому и будемъ пахать,—слышится неохотный отвѣтъ.

— Ахъ, батюшки! Да сколько же разъ мнѣ повторять, что мнѣ все равно, рѣшительно все равно, кому вы возьметесь пахать!—съ новымъ жаромъ начинаетъ она новое объясненіе.—Мнѣ нужно только одно: чтобы земля была вспахана, не осталась незасѣянной. А кого вы для себя выберете: его ли, ее ли, или вотъ ее—мнѣ рѣшительно все равно. Это ваше дѣло, до меня не касается... Вы чтò хотите сказать? Не стѣсняйтесь, пожалуйста, говорите.

Мужикъ переминается, и не сразу удается понять смыслъ его возраженія. Въ принципѣ онъ не отказывается отъ работы, но возстаетъ противъ неопредѣленности ея.

— Что же, кáкъ сказать, земля—она вѣдь не ровна. Я, вотъ,

скажемъ, и здоровъ, да одну душу держу, а онъ и не владаетъ, сейчасъ больной, да у него ихъ двѣ, можетъ, и три. Стало быть, теперича я за свою одну ейныхъ всѣ три должѳнъ пахать? Какъ же тутъ-то быть?

Возраженіе застаетъ насъ врасплохъ. Всѣ въ затрудненіи.

Приказчикъ по прежнему относится несочувственно къ идеѣ, но присутствуетъ на совѣщаніяхъ, даетъ совѣтъ и выручаетъ изъ критическаго положенія.

Рѣшено, чтобы каждый изъ участниковъ отработывалъ долю равную собственному надѣлу. Оставшіеся лишки можно будетъ распредѣлить впослѣдствіи на другихъ условіяхъ. Затрудненій большихъ не можетъ быть, такъ какъ надѣлы сами не велики.

— Слава Богу, кажется, все теперь наладили, — говоритъ, вздыхая съ облегченіемъ, Вѣра Семеновна.

— Ладно ли будетъ такъ, ребята? Довольны ли вы?—спрашиваетъ она, находя нужнымъ еще разъ обратиться къ толпѣ.

— Чего не ладно! Сказано—и шабашъ!—отвѣчаютъ голоса, но по тону и выраженію лицъ можно видѣть, что довольства въ сущности нѣтъ.

Между присутствующими есть нѣсколько мужиковъ, которые обращались къ намъ съ просьбой помочь купить лошадей, какъ мы уже помогали раньше не разъ, внося половину, иногда двѣ трети цѣны, безъ всякихъ обязательствъ, кромѣ неопредѣленной просьбы не отказать ссудить лошадь, если понадобится свезти больного въ больницу, или для другой какой-нибудь экстренной необходимости. Возможность получить въ свое пользованіе коня на одинъ день съ тѣмъ, чтобы тутъ же и отработать этотъ день, понятно, не представляетъ собою, по сравненію, ничего особенно привлекательнаго. Какъ бы то ни было, союзъ заключенъ. Очередь начать первому пашню завтра чѣмъ-свѣтъ присуждается бѣлокурому мужику.

Я не умѣю дать себѣ отчета, дѣйствительно ли оно такъ, или только представляется мнѣ по сравненію и контрасту съ татарскимъ внѣшнимъ безобразіемъ, но народъ за все время кажется мнѣ здѣсь необыкновенно красивымъ. Попадаются удивительныя по пріятности и красотѣ, иконописно-правильныя мужскія и женскія лица.

Бѣлокурый мужикъ менѣе симпатиченъ, но собой красавецъ совершенный. У него—одно изъ тѣхъ лицъ, у которыхъ духовная, тонкая красота привлекаетъ и сулитъ, и обманываетъ, потому что не находится въ соотвѣтствіи, далеко превышая внутреннее содержаніе. Есть такія лица.

Какъ и многіе въ этомъ году, онъ страдаетъ куриной слѣпотой и держитъ голову нѣсколько приподнятою. Свѣтлые глаз смотрятъ вверхъ съ незрячимъ, какъ бы вдохновеннымъ выраженіемъ; золотое сіяніе колеблется вокругъ головы.

— Посмотрите! — говорю я, указывая на него Вѣрѣ Семеновнѣ, но она устала и не замѣчаетъ ничего.

— Какой тамъ святой! Пренесносный мужикъ! — говорит она недовольнымъ голосомъ. — Битый часъ толковала съ ним однимъ, и все не могла втолковать. Очень жаль, что съ нег именно рѣшили начать завтра. Ну, что скажете? чтò еще?

Болѣзнь—вечерняя слѣпота—мѣшаетъ ему свободно двигаться Мужикъ отдѣляется отъ колонны и дѣлаетъ нѣсколько шагов съ вытянутой рукой.

— Гдѣ барыня-то? Не вижу. Ушла что-ли?

— Я здѣсь. Говорите, чтò нужно.

— Да все насчетъ того же, насчетъ т.-е. пашни, сударыня Какъ завтра утресь пахать, а сошникъ-то у меня не того, не годится, значитъ.

— Ну, такъ что же?

— Ну, такъ вотъ... какъ же съ имъ теперь быть?

„Битые часы", проведенные на ногахъ въ разговорахъ и обсужденіяхъ, даютъ себя чувствовать.

Вѣра Семеновна не выдерживаетъ и разражается упреками на тему: „дай палецъ, такъ и руку откусятъ"; послѣ чего обѣ компаніи расходятся въ разныя стороны.

Товарищи уводятъ подъ руки мужика, окончательно потерявшаго способность видѣть въ сумеркахъ, а мы удаляемся въ комнаты. Вѣра Семеновна ложится отдыхать, а я выхожу на террасу и присоединяюсь къ молодому кружку.

XIX.

Никто изъ дѣтей Вѣры Семеновны не похожъ на нее. Глядя на ея тщедушную, миніатюрную фигурку, трудно представить себѣ, что она — мать троихъ рослыхъ молодыхъ людей, отъ которыхъ такъ и пышетъ здоровьемъ и силой.

Я лично не люблю через-чуръ здоровыхъ людей и вопреки латинской пословицѣ какъ-то нѣсколько опасаюсь ихъ. Мнѣ понятно было всегда чувство бѣднаго маленькаго Домби на морскомъ берегу при приближеніи къ его колясочкѣ здоровенныхъ мальчишекъ, а самъ Домби навсегда остался въ моихъ глазахъ

идеаломъ того, какими должны быть маленькіе мальчики. Они должны быть, по моему, нѣсколько больны для того, чтобы быть сколько-нибудь сносными.

Старшій сынъ Вѣры Семеновны—красивый брюнетъ—носитъ бѣлую вышитую рубаху, отъ которой кажется еще шире въ плечахъ его плотная, коренастая фигура. Онъ держится въ сторонѣ отъ всякой хозяйственной и благотворительной дѣятельности и относится къ матери съ оттѣнкомъ покровительственнаго снисхожденія на правахъ первенца и любимца.

Вѣра Семеновна часто говоритъ о его ученыхъ, студенческихъ занятіяхъ; они мѣшаютъ ему, по ея словамъ, помогать ей въ содержаніи семьи и давать уроки за деньги. Лѣтомъ онъ отдыхаетъ и проводитъ время въ спорахъ съ Анной Ивановной, которая впервые обращаетъ на себя мое вниманіе послѣ посѣщенія Натальина.

Это особа уже не первой молодости, замужняя, но не живущая съ мужемъ, избравшая своею спеціальностью общественныя науки, для усовершенствованія въ которыхъ она разсчитываетъ ѣхать осенью въ Парижъ слушать лекціи въ Collége de France.

Несмотря на интересъ, у меня не хватаетъ времени присутствовать при ученыхъ преніяхъ, и я не знаю силы противниковъ.

Студентъ лѣниво бросаетъ фразы, развалившись въ креслѣ, запустивъ пятерню въ роскошную, кудрявую гриву.

Барыня горячится, запинается, приглаживаетъ завитыя кудерьки и играетъ тоненькимъ карандашикомъ, которымъ то-и-дѣло отчеркиваетъ въ книгѣ интересующія ее мѣста.

Книга—„Капиталъ“, Маркса, тибленовское изданіе.

— Прекрасное изданіе. Это теперь рѣдкость, — говорю я, подходя къ столу и заглядывая въ книгу.—Что̀, опять спорите?

— Да вотъ разошлись съ Анной Ивановной въ пониманіи теоріи ренты, какъ ее толкуетъ не Марксъ, а Смитъ, то-бишь Рикардо.

— И совсѣмъ не Рикардо! Совсѣмъ я не то хотѣла сказать... Сережа, да замолчите же, наконецъ, пожалуйста! Невозможно ни о чемъ говорить, когда вы кричите такъ!—обратилась она къ гимназисту.

Сережа — великовозрастный гимназистъ въ бѣлой блузѣ, лежитъ, вытянувшись на ступенькахъ, вверхъ лицомъ и, за неимѣніемъ кукушки, спрашиваетъ у воронъ:—много ли лѣтъ жить?

— Ты бы лучше спросилъ, много ли лѣтъ въ классѣ сидѣть?—совѣтуетъ старшій братъ.

Ворòны отвѣчаютъ на все неумолчнымъ карканьемъ.

— А мы только-что занимались практическимъ разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Дѣло съ лошадью уладилось, кажется, хорошо. Вотъ бы вамъ принять участіе,—говорю я.

— Довольно суматохи и безъ меня,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ, и холодное выраженіе появляется въ красивомъ, съ пухлымъ подбородкомъ, какъ бы уже и теперь слегка обрюзгломъ лицѣ. —Мама слишкомъ няньчается съ мужиками. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, мы расходимся съ нею. Я не говорю— не помогать, но зачѣмъ пересаливать?

— Вѣра Семеновна очень добра, но увлекается добротой и, по моему, наживетъ себѣ бѣды,—подтверждаетъ Анна Ивановна. —Народъ избалуется и привыкнетъ попрошайничать и разсчитывать на чужую помощь. У насъ въ Натальинѣ они и теперь уже только и дѣлаютъ, что просятъ папошниковъ.

— У васъ въ Натальинѣ они просили другого,—говорю я, чувствуя, какъ сердце у меня начинаетъ биться и губы дрожатъ.

Голубые глаза смотрятъ на меня изъ-подъ завитковъ съ совершенно невиннымъ, непонимающимъ выраженіемъ. Но опасливое выраженіе безпокойства появляется въ лицѣ молодого человѣка при первыхъ звукахъ моего голоса.

Онъ слышалъ, вѣроятно, отъ матери о Натальинѣ и съ большой находчивостью заминаетъ разговоръ, возвращаясь къ ученому спору о Рикардо и теоріи ренты. Я слишкомъ взволнована, чтобы принять въ немъ участіе.

Проходя въ свою комнату, въ отворенную дверь въ корридоръ я вижу Лелечку. Она играетъ въ дурачки съ дочерью приказчика, исполняющей въ домѣ обязанности горничной, и громко хохочетъ.

XX.

На слѣдующее утро, до восхода солнца мы—Вѣра Семеновна и я — уже на ногахъ и въ капотахъ ожидаемъ появленія мужика—перваго пахаря на общественной лошади.

Во дворѣ понемногу поднимаются рабочіе, начинается движеніе, утренняя жизнь. Фигура приказчика въ розовой рубахѣ уже выглянула въ дверяхъ маленькаго флигеля. Солнце встало. Проходитъ часъ, полтора, два часа—ни души, ни признака жизни. Рабочіе позавтракали и уѣхали въ поле.

Вѣра Семеновна въ волненіи ходитъ по комнатѣ, то-и-дѣло останавливаясь у окна.

— Ни на что не похоже! Не идетъ! Послать развѣ за нимъ? Да вѣдь опять негодится. Выйдетъ возня точно съ малыми ребятами, а я этого не хочу. Нужно, чтобы они сами понимали...

Но время дорого—и посланный командируется.

Черезъ четверть часа онъ возвращается въ сопровожденіи бѣлокураго мужика, который нѐхотя плетется сзади, съ упорнымъ и удрученнымъ выраженіемъ.

Вѣра Семеновна встрѣчаетъ его укоризнами, которыя онъ выслушиваетъ, не сморгнувъ, повторяя, что ничему-молъ не причиненъ, разладилась соха, сосѣди не даютъ, и заключаетъ свое оправданіе просьбой явить божескую милость и къ общественной лошади присоединить ужъ еще и общественную соху.

— Кстати ужъ и борову,—иронически замѣчаетъ Вѣра Семеновна.—Не нанять ли ужъ лучше и работника? Онъ будетъ пахать и работать на васъ, покуда вы будете ссориться да перекоряться другъ съ другомъ изъ-за гужей да сошниковъ.

По счастью она не сердится. Вечернее раздраженіе прошло вмѣстѣ съ усталостью. Она соображаетъ и дѣйствуетъ покойно, отнимаетъ очередь и отсылаетъ прочь бѣлокураго мужика и вызываетъ слѣдующую за нимъ по очереди вдову, за которую долженъ пахать другой мужикъ—родственникъ ея.

Все это дѣлается быстро, спокойно, рѣшительно, съ педагогическимъ тактомъ, котораго я и не подозрѣвала въ ней.

Мужикъ ошеломленъ. Онъ явно разсчитывалъ на другое, на дальнѣйшую помощь, въ видѣ сохи съ барскаго двора, и уходитъ видимо недовольный и разочарованный.

Но и продолженіе съ слѣдующей очередью представляетъ мало утѣшительнаго.

Заморенная, съ перепуганнымъ лицомъ, немолодая уже женщина является во дворъ также съ пустыми руками, одна, съ заявленіемъ, что некому пожалѣть сироту горькую, никто не берется пахать, дѣти малыя...

— Позвольте, это я все уже слышала. Да вѣдь вчера вечеромъ здѣсь же уговаривались, брались пахать. Кто у васъ брался? Постойте, у меня это записано. Петръ Кузьмичевъ?

— Онъ самый, матушка. Сына, баилъ, пошлю—Петруху.

— Ну, почему же не посылаетъ?—Она бросаетъ опять бѣглый взглядъ на листокъ съ записанными наканунѣ карандашомъ очередями, именами мужиковъ и условіями работы.—Онъ хотѣлъ

пахать, а вы должны были упряжь дать свою, хомутъ и все, что̀ нужно. Вы дали?

Баба заминается.

Изъ разспросовъ оказывается, что упряжь не была дана. Хомутъ новый, хорошій, остался послѣ покойника—жалко дать въ чужія руки. Въ основаніи всего подкладка та же: надежда на даровое полученіе съ барскаго двора, которую она и высказываетъ тутъ же съ поклонами и просьбами.

Приказчикъ, уже въ пиджакѣ поверхъ розовой рубахи, появляется у крыльца и повторяетъ пророческія предсказанія относительно непониманія и неблагодарности.

— И лошадь-то испортятъ вамъ, да еще какъ! Возьмутъ да и испортятъ. Долго ли переневолить! А то опоятъ. Хомутъ свой жалѣетъ, а лошадь чужую нѣшто будетъ жалѣть? Во вниманіе не возьмутъ.

— Раньше времени что̀ же тужить! Надо прежде попробовать,—перебиваетъ его Вѣра Семеновна и обращается съ объясненіями къ женщинѣ.

— Вы, голубушка, вотъ что̀; вчера я всѣмъ говорила, теперь еще разъ вамъ повторю: времени терять некогда. Вотъ я съ вами здѣсь который часъ стою, полъ-полосы за это время добрый пахарь успѣлъ бы вспахать. Хотите—бѣгите скорѣй домой, несите сбрую, а не желаете—я сію же минуту третьяго позову, чья очередь. Вамъ же хуже будетъ. Вчера вѣдь какъ просили, чтобы васъ пораньше назначить, въ первый чередъ. А не пойдете теперь—я поставлю васъ подъ самый конецъ, когда всѣ двадцать-шесть человѣкъ отпашутся—вонъ видите куда! — говоритъ она, проводя пальцемъ по всему листу и показывая женщинѣ нижній уголокъ.

Убѣжденіе дѣйствуетъ.

Баба уходитъ и возвращается съ пахаремъ и упряжью. Нѣсколько человѣкъ любопытныхъ идетъ слѣдомъ, чтобы присутствовать при первомъ выѣздѣ лошади. Ее выводятъ, запрягаютъ, женщины крестятся, и пахарь съѣзжаетъ со двора, сопровождаемый дружелюбными пожеланіями.

— Ну, дай Богъ! Въ часъ добрый. Послѣ дождичка земля мягкая—гоже пахать.

Послѣ обѣда мы сами отправляемся въ поле смотрѣть общественнаго коня, какъ будто бы въ силу этой общественности онъ долженъ иначе везти соху или переступать ногами, нежели другія, обыкновенныя лошади. Но все идетъ благополучно, лошадь хорошая, пашетъ легко, и первая неудача и непріятности съ об-

щественными лошадьми остаются единственными за все время пребыванія, до самаго моего отъѣзда изъ Липовки.

Предсказанія опытныхъ хозяевъ не сбываются. Крестьяне, послѣ первой же неудавшейся попытки, подчиняются всѣмъ распоряженіямъ въ предварительномъ росписаніи Вѣры Семеновны, соблюдають строго очередь, берегутъ коня, и бѣлокурый мужикъ на другой же день является съ повинной головой, прося, какъ милости, записать его двадцать-шестымъ, вмѣсто перваго, чтобы не остаться вовсе не при чемъ.

Побѣда полная остается за нами. Ее признаютъ по-неволѣ всѣ, даже и такіе враги нашей затѣи, какъ приказчикъ и писарь, Корнилъ Иванычъ, ближайшій сосѣдъ нашъ, все время наблюдавшій за ходомъ дѣла изъ оконъ волостного правленія, которое находится тутъ же за садомъ, у начала деревни.

Писарь Корнилъ или, какъ его всѣ называютъ, Корнилъ Иванычъ — коротенькій человѣкъ, пухлый и блѣдный, въ сѣромъ пиджакѣ и не въ ситцевой, а въ бѣлой накрахмаленной рубахѣ, съ бронзовыми запонками у рукавовъ. Въ Липовкѣ онъ — недавно; переѣхалъ изъ города въ деревню собственно для здоровья и попалъ неудачно: недоволенъ мѣстоположеніемъ и воздухомъ, недоволенъ бѣдственнымъ положеніемъ русскихъ крестьянъ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ относится къ татарамъ, съ которыми ему тѣмъ не менѣе приходится постоянно имѣть дѣло. Онъ считаетъ ихъ несомнѣнно существами низшей породы, удивляясь при каждомъ случаѣ ихъ равноправности съ русскими, въ глубинѣ души находя ее по всему вѣроятію чѣмъ-то въ родѣ вреднаго либеральничанья, и чрезвычайно скептически относится къ моимъ утвержденіямъ о томъ, будто было когда-либо время на Руси, когда русскіе находились въ порабощеніи у этихъ самыхъ татаръ.

— И вѣдь, представьте себѣ, не годъ, не два, а цѣлыхъ сто лѣтъ продолжалось иго татарское, — говорю я, слѣдя за впечатлѣніемъ моихъ словъ.

— Все можетъ быть, — уклончиво отвѣчаетъ онъ, выправляя запонки изъ рукавовъ съ выраженіемъ, съ какимъ говорятъ обыкновенно: — всякую-молъ глупость можно сказать, не любо — не слушай!

По данному обѣщанію Корнилъ Иванычъ извѣщаетъ меня о собраніи попечительствъ въ помѣщеніи волостного правленія. Я заранѣе прошу и получаю отъ земскаго начальника позволеніе присутствовать на собраніи, прихожу раньше другихъ и застаю Корнила Иваныча у стола, покрытаго сукномъ, за провѣркой спи-

сковъ, въ которыхъ онъ приписываетъ что-то перомъ, время отъ времени закладывая его за ухо.

На крыльцѣ волостного правленія собралось уже нѣсколько человѣкъ русскихъ и татаръ, но въ комнатѣ нѣтъ никого — и начальникъ не пріѣзжалъ еще.

— Да-съ! вотъ не угодно ли полюбопытствовать. Вчера вечеръ писалъ, сегодня утро пишу, все списки, да отчеты, да провѣрки, чего прежде не видано было. Работы вдвое прибавилось, а большето ничего и не прибавилось. Прежде, бывало, и списокъ-то весь — двѣ графы. Ну-ка теперь попробуйте, посчитайте. Безъ полей — и то листа не хватаетъ, никакого формату. А ко всему еще имена-то эти идольскія!..

— Какія имена, Корнилъ Иванычъ?

— Натощакъ и не выговоришь. Другой годъ возишься, привыкнуть не можешь. Ахъ, ты, прахъ тебя бери!

Онъ, загнувъ голову въ бокъ, старательно выписываетъ буквы, время отъ времени взглядывая на меня.

— И не скажите! Такъ нарвался, такъ нарвался я съ этимъ переѣздомъ, не накажи Господи! А по-дѣломъ, самъ скажу, что по-дѣломъ, за глупость. Чего бы, кажется, жилъ бы да жилъ себѣ на мѣстѣ въ городѣ. Догадало къ доктору сунуться, посовѣтоваться; ну, и переѣхалъ по совѣту для легкаго воздуху и получилъ себѣ легость. Вездѣ легко стало, а наипаче того въ карманѣ.

— Да вѣдь нынче голодный годъ. Не всегда же такъ будетъ, Корнилъ Иванычъ.

Онъ безнадежно махаетъ рукой.

— Сторонка такова! Чего вы тутъ возьмете съ нихъ! Вонъ у него одно имя-то какое, никакъ его не обломаешь, не облагородишь, во всю строку вытянулось: Шамардинъ Шакерзянъ Ашмодеевъ... Чему подобно!

— Можетъ быть, имъ кажутся очень странными наши имена? — замѣчаю я.

Онъ закладываетъ перо за ухо и съ сомнѣніемъ смотритъ на меня.

— Т.-е., въ какомъ же это можетъ быть смыслѣ?

— Да вотъ, напримѣръ, Корнилъ...

— Позвольте-съ, чего же тутъ можетъ быть страннаго? Корнилъ, сотникъ Корнилій... Никакой странности я не вижу. Это не то что какой-нибудь Разъединъ Мухамедзянъ.

— А вы все-же напрасно пишете его такъ, — говорю я, невольно улыбаясь при видѣ облагороженной орѳографіи. — Его

имя происходитъ вѣдь не отъ мухи же, а отъ ихъ пророка Магомета, по всему вѣроятію. Вамъ бы переправить.

— Живётъ! Хорошъ и такъ! — заявляетъ Корнилъ Ивановичъ и захлопываетъ готовый списокъ.

XXI.

На селѣ и въ окрестныхъ деревняхъ, и во всемъ районѣ, гдѣ открыты столовыя, замѣчается и ростетъ съ каждымъ днемъ глухое безпокойство по поводу все настойчивѣе повторяющихся слуховъ о томъ, что и столовыя, и продовольствіе, и ссуды прекращаются всѣ къ первому іюля, въ виду близкаго наступленія жатвы.

Слухъ этотъ дѣйствительно страшенъ. Не вѣрится ему. Пословица: „и близокъ локоть, да не укусишь", какъ нельзя болѣе примѣнима къ данному случаю. Распорядители, власть имѣющіе и ограничивающіе срокъ первымъ іюля, очевидно, не имѣютъ представленія о той силѣ напряженности крестьянскаго положенія, дальше которой идти нельзя ни въ какомъ направленіи.

Рожь въ средней полосѣ Россіи поспѣваетъ не ранѣе седьмого іюля. Обычно ее начинаютъ жать послѣ Казанской. Но и самая работа убиранія хлѣба сложна и требуетъ времени. Нужно сжатымъ уже снопамъ еще выстояться въ полѣ, нужно ихъ насадить на ригу, обмолотить, свезти на мельницу и затѣмъ уже испечь хлѣбъ. Что̀ должны дѣлать, чѣмъ питаться въ эти промежуточные, страдные дни, когда и въ обыкновенное время при благопріятныхъ условіяхъ выбивается изъ силъ все рабочее населеніе, изголодавшіеся, обезсилѣвшіе люди, у которыхъ не осталось никакихъ средствъ: нечего продать, заложить, вынести изъ дому, потому что—*нѣтъ ничего. Совсѣмъ нѣтъ ничего.*

Вотъ это-то именно и трудно представить себѣ городскому человѣку, среди комфорта, довольства и тысячи ненужныхъ вещей сложной городской обстановки. Мы сами здѣсь на мѣстѣ нѣсколько разъ ловимъ себя на этомъ недовѣріи.

Ѣдемъ въ деревню навѣстить больную. Баба выходитъ изъ избы, останавливаетъ на дорогѣ лошадь и умоляетъ зайти провѣдать мужа.

Мы знаемъ его. Это чахоточный мужикъ съ птичьею, островыдавшеюся грудью, безнадежный и страстно надѣющійся на выздоровленіе. Принимаетъ креозотъ, ради чего отпускается ему по стакану молока въ день; семилѣтняя дѣвочка бѣгаетъ за этимъ за двѣ версты.

Входимъ въ избу-одноглазку. Ухудшеніе въ болѣзни очевидное, и для него столько причинъ, что странно какъ-то и спрашивать о нихъ.

На столѣ у окна лежитъ нѣсколько штукъ свѣжихъ грибовъ. Я любительница и хорошо знаю наиболѣе распространенныя породы ихъ, но этихъ не узнаю и предостерегаю на всякій случай. Меня перебиваютъ.

— Какъ можно, это грибы хорошіе, луговички.

— Съ чѣмъ же вы ихъ будете варить?

— А съ водою, посоля.

— Неужели заправить нечѣмъ, муки нѣтъ или пшена?

— Родимая, у насъ столовая да пекарня, по фунтамъ хлѣбъ выдаютъ. Забыли, какъ его и пекутъ.

У насъ въ телѣгѣ, въ мѣшочкѣ, фунтовъ двадцать пшена, которое веземъ для разныхъ надобностей. Отсыпать малость въ горшокъ—не обидитъ никого.

Но неужели же такъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего?

Въ одноглазкѣ все близко, на виду даже и для близорукихъ глазъ, нѣтъ никакихъ закутъ и укромныхъ уголковъ. Пусто подъ лавками, сѣней нѣтъ. На печи видна дѣтская блѣдная фигурка и сѣрая кошка, тощая, съ зелеными печальными глазами.

Баба вынимаетъ горшокъ изъ печи, и я какъ сейчасъ вижу его передъ собой—старый горшокъ, чистый какъ новый, безъ малѣйшаго признака пригорѣлой корочки, крупинки, безъ запаха варева, словно оно никогда и не бывало въ немъ.

Вѣрно, нѣтъ ничего. Что же дѣлать въ продолженіе недѣли, восьми-десяти дней послѣ перваго іюля?

Но можетъ быть слухъ невѣренъ? Дѣло, стоившее стольких усилій и такихъ жертвъ, не довести его до конца, за недѣлю до окончанія—это все равно, какъ если бы кто-нибудь съ величайшими усиліями изъ послѣднихъ силъ несъ въ гору хрупкій предметъ и за два шага до цѣли не выронилъ, а нарочно бросилъ, разбилъ бы его въ дребезги подъ ногами... Это невозможно!...

Колокольчикъ... Тройка пролетѣла подъ окнами. Толпа на крыльцѣ шевелится и разступается, и Егоръ Егоровичъ, въ мундирѣ, съ портфелемъ, входитъ въ комнату. За нимъ тянется вереница татарскихъ пестрыхъ халатовъ и темныя чуйки. Всѣ размѣщаются по стульямъ и на лавкахъ съ трехъ сторонъ стола подъ тремя портретами Государя, Государыни и Наслѣдника.

Батюшка, въ коричневой старой рясѣ, торопливой походкой пробирается между присутствующими и садится вмѣстѣ съ писаремъ и начальникомъ у самаго стола.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій засѣданіе открывается, и всѣ сомнѣнія падаютъ сами собой.

— Уѣздный комитетъ оффиціально заявилъ, что пособій никакихъ больше не будетъ,—говоритъ, заканчивая краткую вступительную рѣчь, Егоръ Егоровичъ, и какъ бы не понимая, или дѣлая видъ, что не понимаетъ значенія своихъ словъ, спокойно протягиваетъ руку за бумагой.

Но слова не могутъ не произвести впечатлѣнія. Ихъ ждутъ съ слишкомъ большимъ напряженіемъ. Въ комнатѣ поднимается глухой гулъ сдержанныхъ, встревоженныхъ голосовъ.

— Худо, мулла.

— Нуждаетъ, очень нуждаетъ.

— Надо бы хуже, да нельзя.

— У васъ базаръ, вамъ есть съ чего получить.

— А у васъ ржи хороши.

— Гдѣ?

— На задворкахъ.

— Гдѣ вы ихъ видѣли? Въ моемъ карманѣ? Прямое дѣло—голодная смерть.

Начальникъ возвышаетъ голосъ. Все смолкаетъ и прислушивается.

Онъ заявляетъ, что въ экономіи земской ссуды у него остается еще тысяча пудовъ, каковые онъ и можетъ предоставить для всеобщаго распредѣленія по волостямъ,—и дѣлаетъ онъ это заявленіе не безъ нѣкотораго чувства самодовольства, которое однако не встрѣчаетъ должнаго сочувствія въ слушателяхъ.

Батюшка въ особенности горячится и возмущается. Онъ требуетъ возобновленія ходатайствъ о помощи.

Начальникъ не соглашается.

— Позвольте, батюшка, да вѣдь заявленіе оффиціальное, комитетъ закрытъ, помощи больше не можетъ быть. Наше дѣло—распредѣлить имѣющееся въ наличности.

Батюшка быстрымъ движеніемъ откидываетъ волосы и стучитъ по столу.

Онъ одинъ изъ всѣхъ держитъ себя свободно и независимо по отношенію къ начальнику, говоритъ громко, перебиваетъ его и споритъ съ нимъ.

— Наше дѣло указать на бѣдствіе и мѣры найти. Что же такое, что оффиціально? Намъ за это головы не отрубятъ. А полтора фунта распредѣлить, это—дѣло кабинетное. По сіе время кормили, деньги тратили; сейчасъ бросить—смыслу не много будетъ. А въ недѣлю-то не то что помереть, а и отпѣть, и схоронить

поспѣть можно,—мѣста хватитъ на кладбищѣ. Полагаю, власть предержащая не то имѣла въ виду; тутъ недоразумѣніе, не разсчитали десяти дёнъ. Это есть наша человѣчность, чтобы во-время сообщить управѣ.

Начальникъ морщится и потираетъ лобъ рукой.

— Что же мы будемъ сообщать? Опять составлять списки?

— Нѣтъ, зачѣмъ-съ! И такъ весь годъ составляемъ по всѣмъ методамъ. Тутъ не списки, тутъ деньги нужны. Каждому сельскому обществу предоставлено право ходатайствовать о своихъ нуждахъ и выражать ихъ приговоромъ.

— Позвольте, батюшка, да это все было: и ходатайствовали, и выражали въ свое время, и получали по ходатайству. А сейчасъ — оффиціальное заявленіе. Другіе молчатъ, а мы все говорить будемъ. Могутъ и не повѣрить.

— Что же, удостовѣреніе можно найти! Пошлите за статистиками. Они пріѣдутъ, будутъ чай пить...

Егору Егоровичу неловко. Его стѣсняетъ тонъ батюшки, и ему, видимо, хочется уклониться отъ непріятнаго предмета разговора.

Писарь подкладываетъ бумаги для подписи. Я не слышу вопроса, но слышу отвѣтъ:

— Графа не позволяла: грудныя не писаны.

Батюшка косится въ сторону списка и возобновляетъ разговоръ.

— Ошибетесь, такъ въ маленькомъ дѣлѣ: грудныхъ немного, нынче мало прибыли. А не принять своевременно мѣръ—и того меньше будетъ. Переселятся безъ паспортовъ на вѣчныя времена.

Засѣданіе обращается въ своеобразный діалогъ, при которомъ молча присутствуютъ остальные члены попечительства. Среди чуекъ я узнаю темные глаза и орлиный профиль приказчика Артемія. Между неприглядными татарскими физіономіями выдается сравнительно правильное и пріятное лицо знакомаго муллы.

Онъ грустно прислушивается, вздыхаетъ, качаетъ головой и изрѣдка вставляетъ въ полъ-голоса замѣчанія какъ бы про себя, не обращаясь ни къ кому.

Рѣчь идетъ о состояніи полей и видахъ на урожай. Голосъ батюшки—высокій, крикливый теноръ—одинъ раздается въ низенькой комнатѣ.

— Для этого око есть, чтобы надзирать. Ежели я пришелъ въ поле, я вполнѣ увижу; но урожай рано опредѣлять; идетъ о ростѣ хлѣба, да и не въ томъ дѣло въ настоящую минуту, а... шуба заложена за два пуда, душевые надѣлы—за одинъ пудъ муки.

— Нуждаетъ, очень нуждаетъ, — со вздохомъ повторяетъ мулла.

Земскій начальникъ видимо начинаетъ терять терпѣніе. Въ комнатѣ жарко. Въ покраснѣвшемъ лицѣ его появляется выраженіе усталости и раздраженія.

— Ну, однако, чего же угодно?—спрашиваетъ онъ, не глядя на батюшку и обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ. Господа члены, какія у васъ на предметъ этого желанія? Пожертвованія я вѣдь своей волей не могу же привлечь; могу ходатайствовать о прибавкѣ къ ссудѣ; но, во-первыхъ, не поздно ли теперь? Время опущено. А во-вторыхъ, надо подумать и о будущемъ. Легко брать, каково-то отдавать будетъ.

— Будущее неизвѣстно. А можетъ быть будущее будетъ таково, что съ насъ не спросятъ,—вступается батюшка.

Начальникъ не отвѣчаетъ ему.

— Времени остается немного. Не лучше ли натянуть какъ-нибудь, обойтись своими средствами? Другіе же молчатъ, мы одни... Какъ хотите, дико покажется.

— Тутъ дикости никакой нѣтъ, но неисполнимо. Полтора фунта на ѣдока, не считая лицъ, которыя вписаны въ столовую. Помилуйте, чего же тутъ! Недѣлю еще жить! Выходитъ—сапожникъ безъ сапогъ, портной безъ пиджака, а землепашецъ безъ хлѣба. Мы являемся страдальческимъ лицомъ и наживаемъ себѣ сердечную тягость, но... нельзя не хлопотать!—говоритъ батюшка, наступая все рѣшительнѣе, чувствуя за собой молчаливую поддержку присутствующихъ.

— Курбанъ праздникъ—нужно. Господи... ни-чего!—сокрушенно замѣчаетъ мулла.

— Что̀ другимъ, то̀ будетъ и вамъ. Списки представьте.

— Списки писалъ, много разъ писалъ. На имя Меряшево пришелъ—увзять нельзя.

— Что такое? — уже совсѣмъ ворчливымъ тономъ спрашиваетъ Егоръ Егоровичъ. Онъ видимо не привыкъ и плохо понимаетъ татаръ.

Батюшка поспѣваетъ и тутъ—и даетъ объясненіе.

— Ассигновка была для Меряшевской волости триста пудовъ, но таковые не выданы,—и прибавляетъ, обращаясь къ татарину:

— Не жалуйтесь, мулла, что я не радѣю о Меряшевской волости. Получите по четверти фунта.

Чтобы положить конецъ непріятнымъ замѣчаніямъ, начальникъ обѣщаетъ принять мѣры и ходатайствовать о помощи—и дѣлаетъ это тономъ, который едва ли въ состояніи ввести кого-нибудь въ заблужденіе. Но добиться въ данную минуту ничего другого нельзя, и батюшка умолкаетъ, перелистывая какія-то бумаги,

покручивая и покусывая концы бѣлокурыхъ волосъ и прислушиваясь къ происходящему.

— Еще, господа члены, какіе у васъ вопросы?

Мулла, съ запинками и остановками, словно выдавливая изъ себя каждое слово, заводитъ еще разъ рѣчь о курбанѣ — великомъ праздникѣ, который нечѣмъ отпраздновать. Высокій мужикъ — липовскій старшина — разспрашиваетъ о какихъ-то подробностяхъ относительно пекарни и столовыхъ.

— Коль скоро будутъ закрыты—о чемъ спрашивать?—говоритъ батюшка вполголоса, нагибаясь ко мнѣ. — Пустяки сущіе, а о дѣлѣ ни полъ-слова. По-неволѣ не вытерпишь, вступишься.

— Необходимо заблаговременно ходатайствовать передъ правительствомъ объ испрошеніи дровъ крестьянамъ,—говоритъ онъ, дождавшись окончанія разговора и обращаясь къ начальнику.— Скотъ остается втунѣ, такъ какъ его нѣтъ. Но и дровъ нѣтъ. Вамъ, мулла, дровъ нужно? Попробуемъ попросить въ вѣжливой формѣ, а то придется зиму на печи вотъ какъ стукать.

Это ходатайство не встрѣчаетъ возраженія со стороны начальника. Онъ еще разъ спрашиваетъ членовъ, выслушиваетъ незначительныя замѣчанія и объявляетъ засѣданіе закрытымъ.

Въ ту же минуту халаты и чуйки покидаютъ комнату. Писарь выправляетъ запонки и собираетъ бумаги на столѣ. Начальникъ и батюшка закуриваютъ папиросы.

Засѣданіе произвело на меня тяжелое впечатлѣніе.

Въ первый разъ въ продолженіе всего времени удача съ общественными лошадьми подняла духъ, вѣрилось въ возможность хотя бы слабаго улучшенія, и вотъ опять нѣтъ ничего, опять чувствуешь покойника въ домѣ, мучительное сознаніе своего безсилія.

Невозможность ходатайства Егоръ Егоровичъ подтверждаетъ еще разъ въ бесѣдѣ со мной, и на вопросъ мой: „какъ же однако быть?“ — разводитъ руками и разсказываетъ, какъ на дняхъ къ нему на крыльцо принесли цѣлой толпой умирающую отъ голода татарку и не позволили накормить ее, требуя пищи для всѣхъ, потому что всѣ голодны.

Что же это будетъ? Что значитъ тысяча пудовъ на нѣсколько тысячъ человѣкъ?

На эти вопросы я не получаю отвѣта. Насъ приглашаютъ къ Вѣрѣ Семеновнѣ кушать чай.

По дорогѣ я встрѣчаю батюшку. Онъ стоитъ посреди улицы и разговариваетъ съ татариномъ въ растерзанной рубахѣ съ рас-

крытой грудью. Татаринъ усиленно жестикулируетъ и колотитъ себя въ грудь. Батюшка держитъ въ рукѣ двугривенный.

— Вотъ работника себѣ договариваю, да впередъ проситъ, обманетъ, боюсь,—возьметъ да и уйдетъ. Двадцать копѣекъ по нонѣшнему времени—деньги не малыя.

— И-богу, и-богу!—твердитъ татаринъ, колотя себя въ грудь.

— Нѣтъ, когда такъ, ты мнѣ лучше по-своему побожись.

Татаринъ складываетъ на груди руки и наклоняетъ голову.

— Ну, хорошо! На́, бери. Да смотри у меня, завтра чѣмъ свѣтъ! Плутъ-народъ!—прибавляетъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Однако вы этихъ плутовъ усердно отстаивали сегодня,—говорю я, непріятно пораженная происшедшей сценой, но вспоминаю засѣданіе.—Видно, какъ бы то ни было, что вы заботитесь о нихъ, вѣроятно любите ихъ.

— Всѣхъ люблю и всѣхъ ненавижу, — говоритъ батюшка, поднимая шляпу. Знакомая жесткая складка рѣзче обозначается по угламъ безгубаго рта. Глаза раздраженно блестятъ на молодомъ, нервномъ лицѣ.

XXII.

Общественная лошадь остается по-прежнему нашимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Мы успѣваемъ купить другую, еще лучше первой, уже не за тридцать пять, а за сорокъ рублей—для Глѣбова и, наученныя опытомъ, подбираемъ крестьянъ и устроиваемъ распредѣленіе очередей удачнѣе и глаже, нежели это было въ Липовкѣ.

Главнымъ помощникомъ является молодой парень Кепсимъ, заслужившій дурную репутацію въ глазахъ учительницы, но оказавшійся превосходнымъ работникомъ, смышленымъ и дѣятельнымъ, сразу постигшимъ выгоды устройства, въ которомъ самъ лично не принимаетъ участія, такъ какъ семья находится въ сравнительно хорошемъ положеніи и лошадь имѣется своя.

Работа идетъ, полосы вспахиваются, и мы мечтаемъ уже о расширеніи дѣятельности въ этомъ направленіи —пріобрѣтеніи новыхъ лошадей, когда засѣданіе попечительства полагаетъ конецъ всѣмъ мечтамъ и возвращаетъ къ страшной дѣйствительности.

Нельзя думать о будущемъ, о полосахъ, когда дѣло идетъ о голодныхъ людяхъ. Большинство столовыхъ разсчитано по первое число, и только нѣкоторыя, на средства частныхъ благотворителей, могутъ просуществовать недѣлею дольше. Упреки въ легкомысліи безполезны, да и некого упрекать. Вѣра Семеновна при-

няла то, что̀ было поручено ей въ законченномъ уже, заранѣе опредѣленномъ видѣ, располагая въ сущности грошевой суммой для какихъ-либо экстренныхъ затратъ, ошибки въ которыхъ, если и были, не могли оказать большого вліянія на общій ходъ дѣла. Мои личныя средства ничтожны и приходятъ къ концу. Отвѣты изъ Москвы утѣшительные, но тысяча верстъ и „медвѣжій уголъ“ даютъ себя чувствовать. Хлѣбъ въ дорогѣ. Неизвѣстно, придетъ ли онъ во̀-время. Глухая лѣтняя пора, всѣ разъѣхались, комитетъ закрытъ. Невозможно разсчитывать на помощь въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было зимой. Всѣхъ сбиваетъ, къ тому же, злополучное соображеніе относительно наступленія жатвы и полученія собственнаго хлѣба.

Мы живемъ, впрочемъ, получая свѣденія разъ въ недѣлю, исключительно изъ писемъ, не вѣдая ничего о томъ, что̀ творится вообще на бѣломъ свѣтѣ. Газетъ нѣтъ, ихъ не получаетъ никто. Изрѣдка писарь или батюшка добываютъ откуда-то старые, недѣли за двѣ, за мѣсяцъ назадъ, нумера „Волжскаго Вѣстника“, которыми дѣлятся съ нами, съ просьбой возвратить въ цѣлости. Этимъ ограничивается наше чтеніе.

Нельзя сказать, чтобы лишеніе было слишкомъ ощутительно. Для чтенія нѣтъ времени. Дни летятъ въ безпрерывной суетѣ, не оставляющей мѣста ни для чего другого. Больные прибавляются съ каждымъ днемъ, и невольно бросается въ глаза новая форма болѣзни — острое разстройство желудка, которымъ одинъ за однимъ заболѣваютъ также и въ домѣ всѣ члены семьи. Я держусь дольше другихъ, но не избѣгаю своей очереди и провожу мучительную ночь, въ которую мысль о смерти съ полною реальностью представляется мнѣ во время жестокихъ болей, когда въ холодномъ поту я не имѣю силъ встать, чтобы позвать когонибудь, и безпомощно лежу до утра.

По счастью, припадки длятся не долго. На третій день обыкновенно выздоравливаютъ и поднимаются съ постели съ сильнымъ исхуданіемъ, какъ это бываетъ всегда въ желудочныхъ болѣзняхъ. Мысли и слухи о холерѣ не доходятъ и не смущаютъ нашего спокойствія, и, подивившись тому, что̀ бы это такое значило, мы возвращаемся къ прежнему режиму и обычнымъ занятіямъ. Они идутъ своимъ чередомъ, прерываясь изрѣдка посѣщеніями батюшки или Егора Егоровича. Сосѣдей нѣтъ, а съ тѣми, которые есть, не поддерживается знакомство, такъ что въ одно утро общій переполохъ производитъ появленіе шикарной тройки, какой не случалось видѣть ни разу въ продолженіе болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ Липовкѣ.

Кто можетъ быть? Откуда?

Фуражка съ кокардой и соломенная мужская шляпа; ямщикъ-татаринъ лихо подкатываетъ къ крыльцу, и недоумѣніе разрѣшается.

Пріѣзжіе—отецъ съ сыномъ—родственники Анны Ивановны, вмѣстѣ съ нею владѣющіе частью Натальина, откуда они и возвращаются, заѣхавъ на перепутьѣ повидаться и потолковать о дѣлахъ по имѣнію.

Я боюсь помѣшать родственному свиданію и не хочу выходить, но Вѣра Семеновна уговариваетъ меня.

— Нѣтъ, напрасно, вы лучше выйдите. Любопытный типъ, какихъ вамъ, можетъ быть, еще не случалось встрѣчать.

— Они здѣшніе, казанскіе?

— Нѣтъ, пріѣзжіе, люди со средствами. Здѣсь, въ Натальинѣ, сравнительно небольшой клочокъ; главное имѣніе—въ другой губерніи. Тамъ отецъ — видное лицо, общественный дѣятель, одинъ изъ двухъ выбранныхъ единогласно въ нынѣшнемъ году. Онъ и тутъ проявилъ большую дѣятельность по вопросу о голодающихъ. Мы знакомы давно; мнѣ случалось быть у нихъ на Рождествѣ, и представьте себѣ—ничего не зная, я пришла въ умиленіе. Цѣлый вечеръ они, мужъ съ женой — двое стариковъ, на моихъ глазахъ провели въ томъ, что размѣчали и распредѣляли вещи, полученныя изъ склада для голодающихъ—бѣлье, платье, халаты. Спорили, отнимали другъ у друга, мужъ хотѣлъ жертвовать больше —въ одну, жена—въ другую губернію. Изъ-за дѣтскаго халатика чуть не поссорились, сами какъ дѣти, тянетъ одинъ къ себѣ, другая не отдаетъ. „Мнѣ отдай!“ —Нѣтъ, мнѣ уступи!— „У меня пастушокъ раздѣтъ, ходитъ нагишомъ“.—А у меня сиротъ полна изба.—Я сижу и умиляюсь душой, и вдругъ, послѣ этой идилліи— Натальино и малый надѣлъ! Что вы на это скажете? Да, сложный инструментъ—душа человѣческая!

Мы вмѣстѣ выходимъ въ залу, и я знакомлюсь съ пріѣзжими.

Старикъ сѣдой, обросшій подстриженной, жесткой щетиной, старый волкъ, травленый и травившій на своемъ вѣку.

Сынъ — цвѣтущій юноша, съ непокорнымъ вихромъ, съ видомъ, какой бываетъ у молодыхъ людей, которые рѣшительно не въ состояніи перенести ни малѣйшей несправедливости со стороны начальства. Онъ студентъ-технологъ, одѣтъ въ китель, держитъ себя увѣренно и непринужденно.

Появленіе свѣжихъ людей, какъ всегда, производитъ оживленіе въ семейномъ кругу.

Анна Ивановна усерднѣе обыкновеннаго вскидываетъ глаз-

ками. Лёлечка смѣется, и тѣнь какъ бы нѣкотораго оживленія и интереса появляется на прелестномъ скучающемъ личикѣ. Фельдшерица спускается внизъ къ обѣду съ такими рукавами, которые грозятъ паденіемъ уже не только порошкамъ и пузырькамъ, но и наиболѣе устойчивымъ предметамъ на обѣденномъ столѣ.

Студентъ держитъ себя спокойно и приглядывается.

Разговоръ вертится на мѣстной злобѣ дня—засѣданіи попечительства и прекращеніи продовольствія. Распоряженіе это оказывается всеобщимъ, за немногими исключеніями, и встрѣчаетъ одобреніе со стороны опытнаго дѣятеля.

— Повѣрьте, что обойдутся, въ концѣ концовъ найдутъ средства и дотянутъ какъ разъ до времени,—говоритъ онъ, закладывая кусокъ тощей телятины за щетинистую щеку и запивая ее желтымъ деревенскимъ квасомъ.

Домашнее хозяйство предоставлено на волю Божію. Кушанья подаются обыкновенно съ объясненіями, какими они могли бы быть, но какими никогда не бываютъ въ дѣйствительности. Это не только не тяжело, но, напротивъ, такъ лучше. Нельзя представить себѣ чувства, съ которымъ приходится ѣсть, зная, что не гдѣ-то тамъ далеко, за тысячу верстъ, а здѣсь, подлѣ, подъ окнами, за дверьми, стоятъ люди, не видавшіе хлѣба по два, по три дня.

— Какъ бы то ни было, нельзя не видѣть теперь же огромнаго минуса, отрицательной стороны нашей филантропической дѣятельности, — говоритъ старый гость въ отвѣтъ на замѣчаніе Вѣры Семеновны.— Народъ бѣдствуетъ, и мы жалѣемъ его, все это такъ. Но народъ избалуется, отобьется отъ рукъ... Трудно будетъ поставить его на надлежащее мѣсто потомъ.

Я только-что кончила читать извѣстную книгу: „Неурожай и народное бѣдствіе“, и привожу соображеніе относительно того, что на долю двѣнадцати губерній, входящихъ въ составъ неурожайнаго района, приходится *восемьдесятъ* процентовъ крестьянъ, сидящихъ на четвертномъ надѣлѣ, и двадцать процентовъ—на остальныя двадцать пять губерній Россіи.

Гость высказываетъ сомнѣніе въ точности цифръ, но не уклоняется отъ разговора и продолжаетъ спокойно теоретическое обсужденіе такъ, какъ будто бы не существовало ни малѣйшей аналогіи и натальинскія норы не находились всего въ десяти верстахъ.

Молодежь ведетъ свой разговоръ у чайнаго стола.

Марксъ и Рикардо, очевидно, не по плечу юному технологу,.

и я слышу имена Шарапова и Верещагина, проекты практическихъ улучшеній въ хозяйствѣ по окончаніи курса.

Разговоръ не интересуетъ меня. Я замѣчаю черную тѣнь и черную голову, которая то прячется, то выглядываетъ въ стеклянныхъ дверяхъ террасы,—выхожу и вижу трехъ татаръ, пришедшихъ за милостыней. Они ждали долго на дворѣ у крыльца, обошли кругомъ и явились, потерявъ терпѣніе, на террасу.

— Скоро въ гостиную пожалуютъ и сядутъ на диванъ, — улыбаясь, говоритъ Лёлечка, прогоняетъ всѣхъ трехъ и возвращается въ комнату.

Мнѣ не хочется возвращаться. Я сажусь на ступеньку на лѣстницѣ и замѣчаю внизу, среди обглоданныхъ кустовъ воздушнаго жасмина, фигуру одного изъ только что прогнанныхъ татаръ.

Онъ ушелъ и возвратился или, можетъ быть, не уходилъ. Онъ смотритъ, какъ больной звѣрь, печальными усталыми глазами и бормочетъ тихо, какъ бы про себя: „хлибъ... три день не ашалъ... кусочка хлибъ“...

Господи! Чѣмъ же все это кончится!

XXIII.

Остающіяся у насъ небольшія средства мы употребляемъ на покупку пшена и муки съ цѣлью, гдѣ возможно, поддерживать столовыя. Возможность эта крайне ограничена. Изъ Москвы приходятъ, наконецъ, деньги, но и онѣ являются каплей въ морѣ, и мы ломаемъ себѣ головы въ измышленіи способовъ помощи въ виду ужаснаго положенія, надвигающагося какъ туча, на которую жутко поднять глаза.

Вѣра Семеновна придумываетъ обратиться къ глѣбовскому барину и возлагаетъ эту миссію на меня.

— Скверный мальчишка, и до сихъ поръ мы его не трогали, но теперь невозможно. Долженъ же онъ сдѣлать что-нибудь для своихъ же собственныхъ крестьянъ. За все время онъ только и дѣлалъ, что развращалъ ихъ и издѣвался надъ ними. Иногда, слушая о его подвигахъ, казалось, будто не было шестьдесятъ-перваго года, и крѣпостное право оставалось въ полномъ ходу. Но есть же и въ немъ что-нибудь человѣческое. Попробуйте убѣдить его. Вамъ очень непріятно это порученіе?

— Нисколько. Я только думаю о томъ, какъ бы тактичнѣе исполнить его.

— Надѣюсь, вы поѣдете на этотъ разъ? Это будетъ лучше для представительности.

— Ну, здѣшнія лошади немного прибавятъ ея.

Я предпочитаю идти пѣшкомъ.

Вѣра Семеновна совѣтуетъ мнѣ снять дорожную сумочку, съ которой я не разстаюсь, ради удобства, предостерегая нѣсколько разъ и опасаясь, что меня убьютъ во время моихъ хожденій, такъ какъ у крестьянъ должно было составиться понятіе обо мнѣ какъ о денежномъ человѣкѣ, и сумочка можетъ поддерживать это заблужденіе.

— Развѣ были какіе-нибудь случаи?

— Да, и не такъ давно, всего полгода назадъ. Старшина везъ деньги въ городъ, сравнительно большія по нынѣшнему времени. Его ограбили и убили, и преступники не найдены до сихъ поръ; такъ дѣло и окончилось ничѣмъ. Да и кромѣ того много случаевъ воровства въ окрестностяхъ.

Но дорога въ Глѣбово знакома до того, что какъ-то странно соединять съ нею мысль объ опасности. Къ тому же вечеромъ оттуда у меня всегда находятся провожатые.

Миссія моя заключается въ привлеченіи барона Л. къ денежному или вещественному пожертвованію. Какъ бы оно ни было скромно, оно важно въ настоящую минуту, когда на счету буквально каждая копѣйка. Предсказанія самыя неутѣшительныя. До сихъ поръ съ величайшимъ трудомъ, въ видѣ исключенія, удавалось выхлопотать у него порцію молока для больныхъ дѣтей изъ его же деревни. Онъ—любитель собакъ, воспитываетъ породистыхъ щенятъ и волка, который ходитъ тутъ же по двору на цѣпи, возбуждая всеобщій страхъ и особенное негодованіе въ нашемъ семейномъ кругу. Я лично не раздѣляю этого негодованія. Каждый позволяетъ себѣ развлеченія и излишества по своему вкусу, и чѣмъ волкъ на цѣпи хуже всего остального: ложи въ театрѣ, нарядного платья или лакомой ѣды, напримѣръ?

Въ Глѣбовѣ знакома мнѣ каждая изба, дѣти и большинство крестьянъ. Я прохожу нарочно не останавливаясь, чтобы прежде всего исполнить главное дѣло, но охотно принимаю предложеніе проводить меня отъ собакъ, которыя держатъ въ страхѣ все деревенское населеніе.

Мнѣ случалось уже много разъ раньше проходить мимо барскаго дома, и по внѣшности онъ давно знакомъ мнѣ. Ветхая и поломанная, деревянная рѣшотка—одна отдѣляетъ его отъ деревенской улицы. Деревянная крыша подернулась желтой плесенью; ставни съѣхали съ петель. Съ крыльца срывается на меня стая

собакъ всѣхъ цвѣтовъ и породъ. Тутъ и борзыя, и гордоны, и террiеры. Большой волкъ необыкновеннаго цвѣта, не сѣрый, а взъерошенный, свѣтло-желтый, съ опущеннымъ хвостомъ, тоскливо мечется на длинной цѣпи.

Изъ окна высовывается бабья фигура въ платкѣ.

Я спрашиваю—дома ли?—и прошу доложить о себѣ, не рѣшаясь подняться на крыльцо.

Фигура исчезаетъ въ окнѣ и черезъ минуту появляется въ дверяхъ, прося пожаловать.

Я прохожу сѣни съ запахомъ звѣринца, съ новой коллекцiей маленькихъ собакъ, бросающихся подъ ноги. Въ комнатахъ—обстановка цивилизованнаго человѣка, которая прiятно поражаетъ послѣ перваго впечатлѣнiя: шкафы съ книгами, бархатная скатерть на столѣ и цвѣты на окнахъ.

Въ дверяхъ встрѣчаетъ меня тщедушная до жалости, бѣлокурая, золотушная фигурка юноши, почти мальчика, въ голубой затасканной канаусовой рубахѣ и суконной поддевкѣ, разстегнутой на всѣ пуговицы. Русскiй, неряшливый костюмъ особенно рѣзко не гармонируетъ съ нѣмецкимъ типомъ лица и прiемами благовоспитаннаго человѣка.

— Прошу извинить меня,—говоритъ онъ, указывая на поддевку и подвигая кресло:—деревенская свобода. Я не хотѣлъ заставить васъ дожидаться. Чѣмъ могу я служить?

Я безъ предисловiй приступаю къ цѣли своего посѣщенiя и прошу милости для глѣбовскихъ крестьянъ, которымъ грозитъ голодная смерть.

Странное лицо смотритъ на меня въ рамкѣ бѣлокурыхъ волосъ, расчесанныхъ на косой проборъ, жиденькими колечками по-стариковски прилипшихъ у висковъ. Оно и очень старо, и очень молодо, незначительное и недоброе, нервное лицо, въ которомъ то-и-дѣло обозначается и дергается одинъ мускулъ, придавая выраженiе не то гримасы, не то усмѣшки плотоядному, пухлому рту.

Послѣ моего вопроса наступаетъ молчанiе. Я не выдерживаю и даю новыя объясненiя, но молодой человѣкъ прерываетъ меня.

— Да, я знаю. Я видалъ васъ здѣсь и слышалъ о вашей дѣятельности. Очень хорошо-съ! Только я, съ своей стороны, также сдѣлалъ уже, что̀ могъ, и не могу теперь, къ сожалѣнiю, исполнить вашего желанiя.

Я пробую найти новые доводы и объясненiя. Все дѣло—въ роковой ошибкѣ. Не разсчитали, по выраженiю мужиковъ, что „хлѣбъ не рѣпа, обмылъ да и съѣлъ—легонько и то десять дёнъ

пройдетъ". Вотъ въ эти-то десять дней и необходимо придти на помощь имъ, чтобы не погубить всего, что̀ было достигнуто цѣною общихъ жертвъ и трудовъ.

Мускулъ въ правой щекѣ начинаетъ дергаться, и я опять не умѣю различить—смѣется ли мой собесѣдникъ, или не можетъ удержаться отъ гримасы.

— Все это очень, можетъ быть, прекрасно-съ, но что же вамъ собственно угодно отъ меня?

— Вы могли бы помочь намъ, пожертвовать сколько-нибудь денегъ или муки для прокормленія хотя бы только одних ъ вашихъ деревенскихъ дѣтей. Тогда бы мы могли легче справиться съ остальными. Подумайте, вѣдь и мы разсчитывали на то, что ссуда будетъ продолжена, продовольствіе будетъ выдаваться до половины іюля, и для насъ это положеніе является совершенною неожиданностью. А между тѣмъ въ деревнѣ, здѣсь у васъ въ Глѣбовѣ...

Я привожу примѣры, описанія положенія знакомыхъ крестьянъ. Я ловлю себя на желаніи сказать что-нибудь пріятное, любезное своему собесѣднику по поводу его дѣятельности, раздачи молока. „Не бѣда, только бы помогло! Онъ долженъ быть самолюбивъ. *Такіе* всегда самолюбивы, это извѣстно давно". Я говорю и увлекаюсь сама—и не замѣчаю только одного, того, что слушатель мой уже не слушаетъ меня.

Онъ разсѣянно вертитъ въ рукахъ уголъ скатерти и смотритъ въ окно. Напрасно было мое краснорѣчіе. Невольно и я въ томъ же направленіи перевожу глаза и вижу толстаго парня въ рубахѣ и поддёвкѣ, который палкой дразнитъ волка, толкаетъ его и убѣгаетъ со всѣхъ ногъ, когда волкъ бросается за нимъ. Ребятишки, провожавшіе меня, баба въ платкѣ и самъ парень при этомъ усердно хохочутъ, и мнѣ вспоминается картина, которую я не разъ видѣла въ Глѣбовѣ, проходя мимо поломанной рѣшотки двора: днемъ, въ рабочее время, трое или четверо взрослыхъ парней играли съ бариномъ въ городки; баринъ развинченной походкой подходилъ, замахивался и выбивалъ палки, а собачья стая бѣсновалась вокругъ.

Зачѣмъ я здѣсь? Что за охота была ставить себя въ непріятное положеніе безъ малѣйшей надежды на благопріятный результатъ!

Я поднимаюсь и къ удивленію своему слышу предложеніе пожертвовать пятнадцать пудовъ муки на бѣднѣйшихъ крестьянъ, о чемъ немедленно сдѣлано будетъ распоряженіе управляющему.

Мнѣ не слѣдуетъ обольщать себя и приписывать неожидан-

ную удачу убѣдительности своего краснорѣчія. Это не то. Это просто дань—можетъ быть послѣдняя—свѣтскому воспитанію со стороны человѣка, несомнѣнно получившаго его.

Молодой баронъ вѣжливо провожаетъ меня по лѣстницѣ, удивляется тому, что я пришла пѣшкомъ, и предлагаетъ заложить лошадей.

На прощанье я еще разъ пожимаю его влажную, холодную руку и ухожу, утѣшая себя мыслью, что и пятнадцать пудовъ— все-же хлѣбъ, который не поднимешь на улицѣ.

— Если онъ только не обманетъ и дастъ его,—замѣчаетъ Вѣра Семеновна, когда я являюсь разсказывать ей о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Неужели это можетъ быть?

— Бывало. Онъ скупъ и жаденъ на все, кромѣ своихъ развлеченій, которыя, впрочемъ, обходятся ему недорого. И подумать, что въ рукахъ этого человѣка судьба столькихъ хорошихъ людей!

XXIV.

Корнилъ Иванычъ—писарь—является ко мнѣ съ предложеніемъ присутствовать на засѣданіи волостного суда. Оно должно состояться въ волостномъ правленіи по дѣлу, имѣющему нѣкоторый современный интересъ.

Судится мѣстный хлѣбный торговецъ-кулакъ за систематическое обвѣшиваніе крестьянъ. Въ качествѣ истцовъ и свидѣтелей является чуть не полъ-деревни. Я знаю ее. Это—Говоровка, сравнительно зажиточная деревня. Столовая открыта и въ ней, но лишь для небольшого числа дѣйствительно неимущихъ. Вообще же крестьяне на полномъ надѣлѣ и всѣмъ на мои глаза—видомъ, разговоромъ, одеждой—отличаются отъ Глѣбова, которому они же дали второе, характерное названіе Тужиловки.

Я съ благодарностью принимаю предложеніе и отправляюсь къ назначенному часу въ сопровожденіи Лёлечки, которая боится умереть отъ скуки и рада хоть какому-нибудь развлеченію.

Знакомая обстановка остается все та же, какъ и во время засѣданія попечительства. Также у крыльца на завалинкѣ и на травѣ сидитъ группа крестьянъ, оживленная и еще болѣе многочисленная. Также у стола подъ портретами помѣщаются—только на этотъ разъ не земскій и священникъ, а судьи съ благообразными лицами, въ чистыхъ чуйкахъ. Осторожно толстыми, несги-

бающимися пальцами они прикалываютъ на булавкахъ медали къ груди—и засѣданіе открывается.

Рядомъ сидитъ мулла въ зеленомъ халатѣ. Онъ также будетъ судить, если явится кто-нибудь изъ татаръ. Корнилъ Иванычъ помѣстился на узкомъ концѣ стола, съ перомъ за ухомъ и бумагами передъ собой.

Передъ рѣшоткой, въ двухъ шагахъ отъ меня, я вижу невысокую, коренастую фигуру, также въ чуйкѣ, но только умышленно поношенной и грязной. Голова съ просѣдью; правильное, съ крупными чертами лицо и сѣдая борода, одна сторона которой сбилась въ войлокъ и болтается по жилету неопрятнымъ, длиннымъ клокомъ.

Это и есть подсудимый—Никита Іоновъ, мѣстный крестьянинъ, *тысячникъ*, какъ мнѣ рекомендовалъ его писарь,—въ первый разъ попавшій подъ судъ. Онъ стоитъ, видимо усиливаясь сохранить хладнокровіе, и не выдерживаетъ: безпокойно озирается, запускаетъ пальцы въ сбившійся войлокъ и теребитъ бороду.

Сидящій по срединѣ стола, съ пріятнымъ лицомъ, еще не старый судья, даетъ распоряженіе сторожу ввести свидѣтелей.

За стѣной слышно движеніе, и въ комнатѣ за рѣшоткой появляется, какъ бы выпертая изнутри силой, женщина въ сарафанѣ и огромномъ клѣтчатомъ шерстяномъ платкѣ, несмотря на жару, повязанномъ на головѣ. Она озирается вокругъ съ растеряннымъ выраженіемъ и улыбается.

— Ну, что̀ скажешь? Чего ищешь?—спокойнымъ голосомъ, поднимая на нее глаза, спрашиваетъ судья.

Женщина молчитъ и продолжаетъ улыбаться.

— Говори же. Что же молчишь?

Молчаніе продолжается.

Улыбка—безъ всякаго выраженія, какой улыбаются собаки; простая грѝмаса подъ вліяніемъ смущенія; но окружающіе не видятъ этого, и судья повторяетъ строже, возвышая голосъ:

— Говори же, матушка. Смѣяться нечему. Смѣшного нѣтъ ничего. Тебя спрашиваютъ, отвѣчать нужно. Говори, чего ищешь? Чего тебѣ охота взыскать?

Губы раздвигаются такъ, что, кажется, сейчасъ смѣхъ раздастся изъ нихъ на всю комнату, но вмѣсто смѣха слышится смущенный, почти страдальческій голосъ.

— Чего я ищу... Я сама не знаю, чего я ищу, а муки не хватаетъ.

— Такъ, видно, ты ее и ищешь, муку, что-ли?—старается до-

пытаться судья.—Купила муки, муки и не хватаетъ. Много ли не хватаетъ-то?

— Восемь фунтовъ.

— Ты думаешь, восемь фунтовъ?

— Стало быть.

— А много ли ты брала?

Опять улыбка и не слышно отвѣта.

Судья теряетъ терпѣніе.

— Въ другой разъ скажу мужу, чтобы ѣхалъ за тебя покупать. Не знаешь, что̀ тебѣ нужно, не знаешь, много ли брала.

— За одинъ вѣсъ я брала. Мнѣ догадаться нельзя, у меня вѣсовъ нѣтъ. А пёка не вышло.

Путемъ разнообразныхъ вопросовъ удается, наконецъ, получить опредѣленный отвѣтъ: истица желаетъ взыскать съ обвиняемаго восемь фунтовъ, не довѣшенныхъ ей, по ея мнѣнію, при покупкѣ на базарѣ одного пуда муки.

Вопросы окончены, дается позволеніе уйти. Баба уходитъ, вздыхая съ облегченіемъ, и вытираетъ концомъ платка все еще улыбающееся лицо.

— Іона Ивановъ Стифѣевъ!—возглашаетъ писарь.

За рѣшотку выходитъ худой мужикъ въ коричневой, короткой, какъ бы бабьей кофтѣ, съ серьезнымъ лицомъ. Онъ видимо неохотно даетъ показанія, о чемъ и заявляетъ вслухъ, ссылаясь на какого-то Герасима, который боленъ, не можетъ явиться на судъ, но также настаиваетъ на недовѣсѣ, не опредѣляя, однако, количества фунтовъ.

— Гдѣ хватиться! Я не видалъ, какой и коромясъ. Принесъ домой, а ее ужъ ждутъ. Ничего я не ищу, не моя охота. Мое пропало, за милостыньку пойдетъ.

Подсудимый какъ на привязи мечется у рѣшотки. Онъ то схватится обѣими руками за перила и перегнется назадъ, то снова теребитъ войлокъ въ бородѣ и безпокойно озирается на свидѣтелей и судей. При послѣднихъ словахъ онъ съ ненавистью оглядываетъ худого мужика и не выдерживаетъ молчанія.

— Іона, тебя бѣдностью Богъ довольно наказалъ.

Но судья прерываетъ его, обращаясь къ свидѣтелю:

— А мука какая? Хороша ли была?

— Мука въ одномъ положеніи. Мука средственная. Ну, да не я стряпалъ. Вы его призовите—Герасима. Онъ вамъ буквально все разскажетъ. А кабы не онъ, и мы бы сюда не пришли.

Свидѣтели появляются одни за другими и не уходятъ, какъ первая женщина, а толпятся всѣ вмѣстѣ въ тѣсномъ простран-

ствѣ за рѣшоткою. Обвиненія съ каждымъ разомъ становятся все настойчивѣе и энергичнѣе. Женщина—еще молодая, съ красивымъ, умнымъ лицомъ—особенно настаиваетъ на своемъ, уже безъ всякаго колебанія требуя тѣ же восемь фунтовъ, которыхъ не хватило, когда она свѣшала покупку на безменѣ, вернувшись домой.

Подсудимый въ негодованіи обращается къ ней.

— На безменѣ! Ты бы на базарѣ на вѣсахъ свѣшала, да потомъ бы и говорила. Совершенный облогъ!

— На базарѣ! Да на базарѣ я бы съ тебя за этакое дѣло кафтанъ, а не то, гляди, и шкуру бы содрала. Виданное ли дѣло! Каравая два, на третью квашню и не хватило..

— А съ кѣмъ ты вѣшала?—спрашиваетъ судья.

— Сама съ собой вѣшала. Всѣми дѣтьми божусь, что невѣрно, а бѣжать мнѣ не отъ кого. У меня въ избѣ въ четыре голоса не ѣмши ревутъ. Мы съ бабушкой Машей, какъ смекнули, на то же утро кинулись, въ амбаръ пошли. Вы что же, молъ, какія дѣла дѣлаете? А они—вотъ онъ, и работникъ, и сынокъ ихній: „вы, бабушка Маша, не кричите, говорятъ, мы вамъ довѣсимъ".

— Что же, можетъ быть, онъ довѣсилъ—тебя пожалѣлъ?

— Пожалѣетъ! По неустойкѣ довѣсилъ. А то, гляди, какъ же, пожалѣлъ бы!

— И что это васъ нонѣшнее время досыта не накормитъ никто,—начинаетъ-было подсудимый, но ему опять мѣшаютъ говорить.

За рѣшоткой появляется крохотная старушка съ миніатюрнымъ лицомъ и миніатюрными ручками, съ той необыкновенной пропорціональностью сложенія и всѣхъ членовъ, отъ которой кажется всегда еще меньше всякій маленькій ростъ. Названіе *бабушки Маши* какъ-то особенно подходитъ къ ней. На головѣ у нея чистый бѣлый платокъ; отъ него еще темнѣй высохшее, но все живое, безупречно-правильное, темное личико; на плечахъ домотканный сарафанъ; маленькіе лапти, аккуратно обутые, бѣлѣютъ изъ-подъ узорчатаго края юбки внизу.

Она входитъ, крестится на образъ и безстрашно устанавливается передъ судьями, глядя прямо въ глаза безстрашными, какъ два бриліанта черными, блестящими глазами.

Ей предлагаютъ тотъ же вопросъ относительно вѣса и количества недовѣшенныхъ фунтовъ.

— Вѣрно ли отвѣсилъ?—спрашиваетъ судья.

— Невѣрно. Я какъ на плечо подняла, то узнала, что нѣтъ.

— Вонъ какъ! Плечо у нея знаетъ,—ворчитъ подсудимый вслухъ.

Бабушка Маша съ тѣмъ же выраженіемъ поворачиваетъ къ нему свою головку.

— И знаетъ! Пора ему знать. Я больше не скажу и меньше не скажу. Мнѣ шестьдесятъ два года. Неужели я на это кинусь?

— А ежели тебѣ, бабушка, въ шестьдесятъ два года эти восемь фунтовъ на душу повѣсить? Чтò тогда будетъ?—замѣчаетъ другой судья съ задумчивымъ и блѣднымъ лицомъ.—Какъ бы грѣха не вышло. Нонѣ всѣмъ намъ пуды-то кажутся легки.

Но бабушка Маша стоитъ на своемъ. Гнѣвное личико ея еще разъ обращается къ подсудимому.

— Чего стоишь-то здѣсь, людей морочишь, грѣховодникъ! Самъ знаешь не хуже нашего. Не деньги тебѣ несли, а слезы.

Она энергичной походкой отходитъ въ сторону и прислоняется къ стѣнѣ, внимательно слѣдя за ходомъ дѣла.

Мало-по-малу пространство за рѣшоткой наполняется такъ, что люди толпятся въ немъ будто въ клѣткѣ. Нѣсколько человѣкъ почти отказываются давать показанія, говорятъ неохотно, ссылаясь на различныя обстоятельства.

— Я ничего не знаю... Не я покупалъ... Брала муку родительница...

Подсудимый, несомнѣнно, сила въ своемъ родѣ, сила отъ которой придется зависѣть и впослѣдствіи, какой бы ни былъ исходъ дѣла и приговоръ суда. Онъ самъ хорошо понимаетъ это и пріободряется, начинаетъ держать себя развязнѣе, чаще прежняго вступаетъ въ разговоръ и прерываетъ показанія свидѣтелей.

Судьи въ продолженіе всего времени избѣгаютъ слишкомъ круто обрывать его и дѣлать замѣчанія.

Человѣкъ этотъ ведетъ тысячные обороты, держитъ въ рукахъ населеніе на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ. Протестъ говоровскихъ крестьянъ является въ своемъ родѣ подвигомъ гражданскаго мужества; вынудить ихъ къ тому могла, очевидно, только крайность, отчаяніе, доведенное до послѣдняго предѣла.

Страшная мысль западаетъ мнѣ на умъ: чтò, если практическія соображенія подѣйствуютъ и возьмутъ верхъ? Чтò, если эти видимо хорошіе люди, съ честными лицами, поддадутся слабости, если не простительной, то понятной въ этотъ страшный годъ? Хлѣбъ, деньги, кредитъ—все въ рукахъ этого человѣка.

А вѣдь это—тѣ же простые мужики, несмотря на ихъ медали и чуйки и внѣшнее благообразіе. Мнѣ нравится ихъ достоин-

ство, манера держать себя и обращеніе съ свидѣтелями. Я недовольна только однимъ: постановкой вопросовъ, неумѣніемъ пользоваться выгодами положенія. Были случаи, когда ничего не стоило прижать къ стѣнѣ подсудимаго, сдѣлать очевидной виновность его, которая для меня является несомнѣнной. Изъ показаній свидѣтелей выясняется, что къ одному концу коромысла привязана была *вывѣска*, какъ они называютъ ее, обернутый тряпкой кирпичъ, существующій, по словамъ обвиняемаго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, по словамъ свидѣтелей—появившійся на вѣсахъ лишь всего нѣсколько времени назадъ. Разница въ вѣсѣ особенно видна при покупкѣ въ малыхъ количествахъ; при большихъ въ нѣсколько пудовъ она менѣе замѣтна. Оставалось бы, казалось, спросить: сколько же вѣситъ самая вывѣска-кирпичъ? Но вопроса этого почему-то не предлагаетъ никто. Онъ вертится у меня на языкѣ, я готова его подсказать... Меня удерживаетъ почтительное отношеніе, невольно внушаемое простотой этой обстановки, серьезнымъ, почти набожнымъ выраженіемъ всѣхъ этихъ напряженно-внимательныхъ лицъ.

За рѣшоткой появляется новая фигура, въ жилетѣ и розовой рубахѣ, но съ несомнѣнной военной выправкой. Оказывается, дѣйствительно запасный рядовой. На вопросы онъ отвѣчаетъ громко, съ рѣшительнымъ видомъ, часто взглядывая на подсудимаго.

— Пришелъ на базаръ, купилъ муку, принесъ домой: жена, нà, затѣвай. На другой день прихожу—не выходитъ двухъ караваевъ.

— Да ты, какъ пришелъ, вѣшалъ?—спрашиваетъ судья.

Свидѣтель усмѣхается.

— Ежелибы я вѣсилъ, я бы не такъ искалъ. Провѣрить у меня этой совѣсти не хватило, а онъ говоритъ: полъ-пуда не пять пудовъ, восемь фунтовъ—разстояніе небольшое.

— Что же, онъ послѣ довѣсилъ тебѣ?

— Извѣстное дѣло, довѣсилъ. Я не баба. Попотчую, такъ не поздоровится.

Подсудимый багровѣетъ въ лицѣ.

— Довѣсилъ! Я говорю работнику: отвѣсь восемь фунтовъ, подай Христа ради.

— Ты не Христа ради подавалъ, а за рубль за пятьдесятъ пять копѣекъ.

— Цѣны Богъ строитъ. Никто не обращался, одни говоровскіе обратились.

— Всѣ тебя на тотъ свѣтъ посылаютъ хорошо.

— Какъ же такъ, Никита Ивановичъ? Что ты можешь сказать

за себя въ такомъ разѣ? Вонъ, говорятъ, вѣсы у тебя невѣрны, вывѣска...

— Гири невступныя, а вывѣска четырнадцатый годъ привязана за коромысъ,—перебиваетъ подсудимый. — Сказать можно! Все можно сказать, а у меня двѣсти тридцать пудовъ овса приняли въ три часа, не болѣе, на тѣхъ же вѣсахъ. Вѣдь это подлогъ сильный! Плечо у нея знаетъ — вонъ какая небылица! Въ недѣлю сожрали, тогда и узнали! — огрызается онъ на всѣ стороны.

— А вывѣска въ какомъ вѣсѣ будетъ?—спрашиваетъ судья съ задумчивымъ лицомъ, не поднимая глазъ.

Подсудимый мѣняется въ лицѣ и уклоняется отъ прямого отвѣта.

— Да продавалъ не я. У меня работникъ руководствуетъ. Довѣсилъ восемь фунтовъ. Что же такое, что довѣсилъ! Люди жертвуютъ, и я жертвовалъ,—говоритъ онъ,—и въ голосѣ не слышно уже прежней убѣдительности.

Вызываютъ татарина-работника, долговязаго малаго съ необыкновенно длинными руками, коверкающаго, какъ всегда, русскій языкъ.

— Мука пріемка кончалъ, овесъ принималъ на одна скала...

— Врешь, парень, врешь! Я самъ видѣлъ, вывѣска по полу валялась у тебя,—кричитъ солдатикъ.

— А много ли вѣситъ вывѣска?— спрашиваетъ еще разъ у татарина блѣдный судья.

— Да фунтовъ восемь будетъ.

Въ комнатѣ движеніе. Всѣ переглядываются. Допросъ оконченъ. Остается одинъ послѣдній свидѣтель—больной Герасимъ, не явившійся по болѣзни.

Судья обращается съ вопросомъ: желаютъ ли свидѣтели и подсудимый отложить дѣло, чтобы опросить этого послѣдняго свидѣтеля, или окончить теперь?

— Кончать, кончать! — раздаются голоса со всѣхъ сторонъ. —Все лишняя склока, утрата времени. Страда придетъ.

Судьи встаютъ и писарь предлагаетъ оставить засѣданіе.

Я ухожу сравнительно успокоенная. Виновность слишкомъ ясна для того, чтобы не быть признанной, и конечно не останется безнаказанной. Но каково будетъ наказаніе? Въ эту минуту я согласилась бы на лютую казнь. Обманывать этихъ людей въ этотъ страшный годъ! Брать хлѣбъ у маленькихъ дѣтей, у жалкихъ старухъ! Чтò у него — кирпичъ въ восемь фунтовъ вмѣсто сердца, у этого человѣка!

Совѣщаніе продолжается не долго. Мы возвращаемся въ комнату и выслушиваемъ, стоя, приговоръ, который въ первую минуту приводитъ меня въ отчаяніе.

Подсудимый обязуется удовлетворить всѣ претензіи и довѣсить каждому изъ истцовъ недовѣшенное количество фунтовъ, а затѣмъ приговаривается къ денежному штрафу въ пять рублей, каковые долженъ внести немедленно за небрежный присмотръ за своимъ работникомъ.

— Помилуйте! Что же для него значатъ эти пять рублей! — съ огорченіемъ говорю я Корнилу Иванычу, между тѣмъ какъ свидѣтели и судьи выходятъ изъ комнаты на время перерыва между двумя дѣлами. — Это все равно, какъ еслибы его оправдали и не приговорили ни къ какому наказанію.

— Не скажите! — возражаетъ Корнилъ Иванычъ, сгребая въ кучу разбросанные листы бумагъ и засыпая свѣжія чернила пескомъ. — Не скажите! Словъ нѣтъ, ловокъ малый, подстроилъ — по закону ухватиться не за что: не я, молъ, работникъ руководствуетъ, работникъ и въ отвѣтѣ долженъ быть. Ну, а все-жъ таки чего-нибудь и безчестіе стоитъ. Какъ ни какъ, а по суду не оправданъ, — осужденъ, и присвоенное обязуется всенародно возвратить. Какъ ни какъ, а и это не сладко покажется. Да больше-то по закону, пожалуй, ничего и сдѣлать было нельзя.

Я выхожу на крыльцо и застаю всеобщее оживленіе. Подсудимый прохаживается въ сѣняхъ, теребитъ бороду и грозитъ обжаловать рѣшеніе; но ясно по лицу, по тону воркотни, что ни о какомъ обжалованіи не можетъ быть и рѣчи; онъ доволенъ и ожидалъ, по всему вѣроятію, несравненно болѣе суроваго приговора.

Довольны и крестьяне, которымъ возмѣщены будутъ понесенные убытки. Довольна бабушка Маша. Она блеститъ брилліантовыми глазками и объясняетъ кому-то, что она „не какая-нибудь, а честнѳго отца дочь". Отецъ вѣкъ работалъ и она работаетъ, своими трудами обувается и одѣвается. Одѣлась, пошла и вотъ поставила на своемъ, вывела дѣло на свѣжую воду. Въ другой разъ неповадно будетъ... Очевидно, это счастливое окончаніе дѣла она приписываетъ въ значительной мѣрѣ самой себѣ и особенно довольна этимъ заключеніемъ.

Всѣ довольны. Нѣтъ ни озлобленія, ни вражды. Корнилъ Иванычъ правъ...

Какъ хорошо! Какъ могло бы быть все хорошо, еслибы не эта вѣчная, страшная мысль: отчего они всѣ такъ худы и блѣдны? Ѣли ли они сегодня? Будетъ ли чтѳ у нихъ ѣсть на завтрашній день?

XXV.

Я испытываю то самое чувство, которое было у меня на Кавказѣ, на военно-грузинской дорогѣ при въѣздѣ въ Дарьяльское ущелье. При самомъ началѣ его гѣры кажутся уже такъ близки, что если уменьшить хотя сколько-нибудь разстояніе—не останется ни воздуха, ни свѣта, и одна каменная громада столкнется съ другой. Но разстояніе уменьшается; оно съуживается съ каждой минутой на глазахъ, а экипажъ пробирается все впередъ, поднимается вверхъ, виситъ надъ пропастью, каменныя глыбы, того и гляди, вотъ-вотъ сомкнутся надъ головой, и не вѣрится, будто есть выходъ изъ этого страшнаго мѣста куда-нибудь на воздухъ и просторъ.

Мнѣ казалось. что не можетъ быть ничего ужаснѣе того положенія, въ которомъ я застаю Липовку, Глѣбово и другія окрестныя деревни; но положеніе это ухудшается съ каждымъ днемъ, и всѣ мы продолжаемъ жить, и продолжаемъ какъ будто что-то дѣлать, и Богъ знаетъ, чтò выйдетъ изъ всего этого, чѣмъ окончится это положеніе, изъ котораго я не вижу выхода.

Случайно явившись за справками въ волостное правленіе, передъ отъѣздомъ въ дальнія столовыя, я нахожу нумеръ столичной газеты, истрепанный и засаленный, на который, однако, накидываюсь, такъ какъ не видала столичныхъ газетъ уже около двухъ мѣсяцевъ.

Первое, чтò поражаетъ меня, это одно и то же слово, повторяющееся чуть не въ каждой строкѣ всѣхъ четырехъ страницъ, напечатанное крупными буквами въ объявленіяхъ,—слово, о которомъ и помину не было при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, и которое не могло же явиться такъ вдругъ и завладѣть мѣстомъ и общимъ вниманіемъ.

Холера, холера... О холерѣ передовая статья и отдѣльныя замѣтки, и книжныя объявленія. Идетъ перечень случаевъ въ Астрахани, предсказанія о вѣроятномъ движеніи ея вверхъ по Волгѣ. Смотрю на число—нумеръ давнишній, уже болѣе недѣли назадъ.

Меня пугаетъ главнымъ образомъ тонъ газетнаго обсужденія. Видно, что идетъ дѣло о чемъ-то, о чемъ толкуютъ давно, чтò отодвинуло назадъ и поглотило всѣ другіе интересы. Отдѣльныя изданія, брошюры успѣли выйти о холерѣ, а мы живемъ и не знаемъ ничего, и Богъ знаетъ, чтò успѣло произойти и куда она зашла теперь въ теченіе этихъ послѣднихъ дней.

Безпокойство овладѣваетъ мной. Почта—по понедѣльникамъ, одинъ разъ въ недѣлю; я аккуратно получаю извѣстія изъ дому, но какъ долго покажется эта недѣля теперь, при мысли о возможности появленія холеры въ Москвѣ! Она даетъ о себѣ знать предварительными заболѣваніями въ слабой формѣ. Это мнѣніе я вычитываю тутъ же въ газетѣ, и страшная мысль приходитъ на умъ. Ужъ не предвѣстники ли ея всѣ эти многочисленныя желудочныя заболѣванія послѣдняго времени, которыя мы приписывали дурному питанію? И однако они не пощадили и насъ самихъ, хотя мы питаемся удовлетворительно.

Я начинаю понимать, почему, не называя причины, подъ общими предлогами, меня все настойчивѣе вызываютъ домой, и въ первый разъ мысль о возвращеніи представляется возможной раньше жатвы и новаго хлѣба. О продолженіи путешествія въ саратовскую губернію я давно не думаю. Прежніе планы давно заслонились новыми впечатлѣніями.

Я чувствую себя смущенной и выбитой изъ колеи и отношу газету Вѣрѣ Семеновнѣ.

Она успокоиваетъ меня обѣщаніемъ узнать все подробно—и, можетъ быть, не далѣе, какъ завтрашній день. Ожидаютъ гостью, давно обѣщавшую свое сотрудничество въ наблюденіи за столовыми. По послѣднему письму она должна была выѣхать изъ Казани наканунѣ, и нѣтъ причины задержаться въ пути долѣе двухъ дней.

Вѣра Семеновна послѣднее время занята еще болѣе обыкновеннаго. Она сводитъ счеты, въ виду приближенія окончанія срока, и занимается бухгалтеріей. Для справокъ приходится посѣщать дальнія столовыя, и мы, противъ обыкновенія, раздѣляемся: она объѣзжаетъ однѣ, я—другія деревни. Она безстрашно отправляется въ село, гдѣ свирѣпствуетъ дифтеритъ, чтобы закрыть столовую и устроить кухню на татарскій манеръ. У татаръ вообще не принялись столовыя, и вездѣ вмѣсто нихъ устроены общественныя кухни—почти всегда на выѣздѣ изъ деревни, на берегу рѣки, или ручья, или просто оврага, изъ опасности пожара. Подъ сколоченнымъ кое-какъ навѣсомъ вмазанъ въ глиняную печурку котелъ—и два татарина завѣдуютъ раздачей порцій и стряпней.

Глѣбовскій баронъ не сдержалъ слова, какъ и предсказывала Вѣра Семеновна. Въ первую минуту я думаю пойти къ нему, потомъ рѣшаю написать, потомъ беру лошадь и крохотнаго возницу, двѣнадцатилѣтняго Васю, сына липовскаго мужика, и отправляюсь на базаръ.

Знакомый татаринъ—батюшкинъ работникъ—покупаетъ для

насъ пятнадцать пудовъ муки, самъ укладываетъ въ телѣгу мѣшки, и все лицо его сіяетъ восторгомъ, когда я даю ему за хлопоты гривенникъ на чай.

Погода при выѣздѣ изъ дому раннимъ утромъ была хорошая, но вдругъ поднялся вѣтеръ, закрутила буря, и дождь полилъ неожиданно-скоро—не успѣли мы отъѣхать и двухъ верстъ отъ села.

Насъ трое: Вася, я и Анюта, шестнадцатилѣтняя дѣвочка изъ Глѣбова. Она ходила на базаръ отдать пряжу синить, но не отдала, потому что дорого просятъ, и несетъ ее обратно домой.

Вася сидитъ на облучкѣ; я и Анюта идемъ около телѣги пѣшкомъ. Вѣтеръ валитъ меня съ ногъ. Я сажусь въ телѣгу на мѣшки и необдуманно предлагаю сдѣлать то же Анютѣ. Но Вася протестуетъ: лошадь молодая, ей будетъ тяжело. Умное личико его оживлено серьезнымъ безпокойствомъ. Онъ боится, какъ бы я не стала настаивать, и для умилостивленія вытягиваетъ изъ-подъ мѣшковъ и даетъ мнѣ отцовскій кафтанъ. Дождь сильный; по счастью нѣтъ грозы. Я все время ношу на рукѣ ватерпруфъ и въ сердцахъ на барона забываю его именно въ этотъ разъ, когда онъ могъ бы пригодиться отъ дождя.

Вася правитъ съ усердіемъ, но лошадь некованная, оступается и скользитъ. Я сижу, покрывшись кафтаномъ съ головой, въ видѣ какого-то идола, на мѣшкахъ съ мукой, и послѣ нѣсколькихъ шаговъ слѣзаю съ телѣги и иду пѣшкомъ, укрывши мѣшки, содержимое которыхъ дорогою грозитъ обратиться въ салму.

Въ какія-нибудь десять минутъ сѣрая пыль превратилась въ черную грязь. Я смотрю, какъ по ней ступаютъ стройныя, босыя, худенькія ножки моей спутницы, какъ грязь мало-по-малу пачкаетъ и облѣпляетъ ихъ сплошнымъ, чернымъ чулкомъ. Я давно знаю и особенно люблю эту дѣвочку, замѣняющую хозяйку и мать въ осиротѣвшей семьѣ, гдѣ шесть человѣкъ дѣтей, не считая ея; между ними—одинъ убогій, больной сухоткой, *сухенькій мальчикъ*, какъ она выражается о немъ.

Отецъ—хорошій мужикъ, явно выбивающійся изъ силъ. Послѣднее время онъ также хвораетъ лихорадкой и жалуется на голову.

Дочь разсказываетъ, что на осень онъ думаетъ раздѣлить семью на двѣ части: половину дѣтей взять съ собой и уѣхать на лошади побираться Христа-ради, а другую половину оставить съ нею въ избѣ.

— И ты не побоишься? Останешься?—спрашиваю я.

— А то что же! Знамо, останешься. Нѣтъ, не страшно. Чего же бояться?

Я поворачиваю голову и съ новымъ вниманіемъ разсматриваю еще разъ знакомое лицо.

Это обыкновенное русское личико, кругленькое по своему овалу, вытянувшееся отъ худобы. Мелкія черты съ особенно-мягкимъ, привлекательнымъ выраженіемъ у рта; сѣрые глаза смотрятъ равнодушнымъ, не-дѣтскимъ взглядомъ.

Я слушаю и думаю, что она права. Чего еще бояться ей теперь? Какая осталась категорія впечатлѣній—страховъ и ужасовъ, которыхъ бы не испытало уже это дитя? Голодъ? Но отецъ не избавилъ ихъ отъ него; они прожили, голодая, зиму, они голодаютъ теперь. Мать умерла отъ загадочной болѣзни, которой никто не лечилъ, отъ *пухоты*, какъ она говоритъ. Братъ сохнетъ живьемъ. Чего же пугаться еще?

— А Филиппъ-то, слыхали, рехнулся, не въ своемъ разумѣ, —говоритъ она, какъ бы подслушавъ мою мысль и отвѣчая на вопросъ.

— Что ты! Не можетъ быть. Когда же? Нѣтъ, я не слышала ничего.

— Сею ночью. Тетку Марью чуть-было не порѣшилъ. Утресь хотѣла она къ вамъ бѣжать.

— Я сама къ ней зайду. Господи, этого только еще недоставало!

Дождь проходитъ скоро. Мы обсыхаемъ дорогою, и я отсылаю Васю съ мукой къ мужику, который завѣдуетъ столовой, а сама отправляюсь въ избу къ Филиппу съ надеждой, что дѣло не такъ страшно, какъ о немъ говорятъ.

Въ сѣняхъ баба съ воплемъ бросается въ ноги.

Дверь оказывается приперта снаружи, и она со всѣми дѣтьми перебралась сюда, потому что въ избѣ мужъ воюетъ, грозится перерѣзать дѣтей, убить себя и ее.

— Да какъ же это случилось? Отчего? Давно это съ нимъ?— спрашиваю я, не зная, что спросить, прислушиваясь къ дикимъ завываніямъ, которыя раздались вдругъ за стѣной.

— Чу! Услыхалъ! Мы все больше молчимъ, тутъ и онъ молчитъ, а чуть услышитъ—загуторили,—и пойдетъ, и пойдетъ.

Мы выходимъ во дворъ и садимся на крыльцо. Звуки затихаютъ, но мы боимся уже возвысить голосъ и разговариваемъ шопотомъ. Дѣти—мелюзга отъ десяти и до двухъ лѣтъ—жмутся къ матери и молчатъ. Грудной ребенокъ замолчалъ у груди.

— Смѣшался, родимая ты моя, смѣшался на вовсе; теперь ужъ, знать, и не отойдетъ. Барыня Вѣра Семеновна была давѣ,—

говоритъ—природная въ ёмъ эта скорбь. А я знаю—не она; нѣтъ, не она. Отъ думы смѣшался, отъ заботы. Купилъ домъ...

— Ну и что же? Денегъ не хватило?—спрашиваю я, переждавъ, пока стихнетъ припадокъ горькихъ всхлипываній, которыя возбуждаетъ одна мысль о купленномъ домѣ.

— Пятьдесятъ отдали, пятьдесятъ за нами и сейчасъ. Въ томъ мѣсяцѣ, вотъ, что послѣ Покрова мѣсяцъ пойдетъ—отдавать. А гдѣ ихъ взять! Въ дому-то на два двугривенныхъ не осталось. На той недѣлѣ сукно за два рубля попадьѣ снесла, муки купила...

Изъ затворенной двери доносится долгій стонъ, похожій на вой.

Несчастная женщина прислушивается съ выраженіемъ ужаса въ остановившихся глазахъ и молчитъ, выжидая.

Но стонъ не повторяется. Шопотомъ, переложивъ къ другой груди дитя, она разсказываетъ о событіяхъ страшной ночи, въ которую „и не чаяла живой быть до утра“.

Признаки ненормальнаго состоянія обнаруживались, очевидно, уже нѣсколько времени тому назадъ.

— Все задумывался, все тосковалъ. Родимая, какъ не тосковать! Жили, тоже, не плоше людей. При батюшкѣ при свекрѣ дворъ-то какъ кольчикъ былъ. Ну, раздѣлились, потѣснѣе стало житье, а все не хочется съ клюшкой подъ окошками ходить. Коровенка была—проѣли, лошадь осталась. Пришелъ съ поля, вижу—лошадь запрягъ, сбирается. — Куда, молъ, ты, Филиппъ Яковлевичъ?—„Въ городъ“,—говоритъ.—Дѣло не ближнее—зачѣмъ бы ему? Какая, думаю, такая приключилась нужда? А спросить боюсь, вижу — самъ не въ себѣ. Сѣлъ, поѣхалъ. Былъ ли онъ въ городѣ, не былъ ли—Господь его вѣдаетъ, а пріѣхалъ вчерашній день ввечеру, лошадь замореная, самъ безъ шапки. Поѣсть нонѣшнее время нечего,—прихлебнулъ водицы, полѣзъ на печь. Ночью проснулась я, слышу—по печи кто словно шаркаетъ, словно ищетъ чего.—Филиппъ, ты, молъ, что? Молчитъ. Вижу, спицы досталъ, сѣрнички. Чиркнетъ, освѣтитъ и погаситъ. Опять чиркнетъ, опять погаситъ. Господи-батюшка! До смерти боюсь, пожару какъ бы не надѣлалъ, сохрани Богъ. По тѣхъ поръ чиркалъ, покудова всѣ спицы извелъ. Слышу—лѣзетъ съ печи... —Филиппъ, ты, молъ, куда? Молчитъ. Смотрю... а въ избѣ такъ чу-уть видно, огня-то нѣтъ, вздуть нечего, кирасину забыли, когда и покупали его; вижу — ползетъ къ лавкѣ, да за собой этакъ по полу и тяпаетъ, словно что волочётъ. Я себя не помню, какъ съ печи скатилась, какъ къ нему подползла... Рукой нащупала — сидитъ на лавкѣ, топоръ рядомъ положилъ, а тутъ и дѣти спятъ двое бо̀льшенькія. Я дѣвочку-то разбудила, вонъ ее.—

Она указываетъ на десятилѣтнюю крошку, которая слушаетъ весь разсказъ не сморгнувъ, прижавшись бокомъ къ колѣнямъ матери.—Бѣги, молъ, Маша, зови сюда баушку!—А она, глупая, забоялась. „Боюсь, говоритъ, не пойду". Что мнѣ дѣлать! Уйти боюсь, и остаться боюсь. Онъ сидитъ, не шелохнется, словно и забылъ, и не слышитъ ничего. Я скорѣе топоръ въ фартукъ, окно отворила, да въ окно, а тамъ мы съ нею вдвоемъ за баушкой по улицѣ бѣгомъ. Такъ всю ночь и просидѣли надъ имъ. Онъ не спитъ, и мы не спимъ. И сейчасъ не спитъ...

Рѣзкій стукъ въ дверь подтверждаетъ предположеніе.

Мы всѣ настораживаемся и прислушиваемся.

Стукъ повторяется сильнѣе.

— Идти надоть,—говоритъ бѣдная женщина, передавая младенца дѣвочкѣ и мѣняясь въ лицѣ.

Я боюсь сумасшедшихъ больше эпидеміи, больше холеры, боюсь настолько, что ни разу, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ради психологическаго интереса, не рѣшаюсь ихъ видѣть въ Москвѣ. Но здѣсь — другое дѣло. Прежде всего невозможно уйти. Нельзя бросить въ критическую минуту бѣдную женщину, у которой и безъ того отъ ужаса подгибаются ноги, когда она волочащейся походкой, на ходу застегивая сарафанъ, идетъ къ дверямъ. А затѣмъ это не стòитъ мнѣ здѣсь большихъ усилій надъ собой. Состояніе, въ которомъ я нахожусь въ продолженіе всего своего путешествія, можетъ быть названо состояніемъ продолжительнаго экстаза. Страшное кажется не страшно въ немъ, трудное — легко, оскорбительное — не производитъ впечатлѣнія. Слова, поступки и дѣйствія получаютъ свой особый характеръ, и оцѣнка имъ должна быть иная, не та, которую вызываютъ по отношенію къ себѣ дѣйствія человѣка, находящагося въ нормальномъ, спокойномъ настроеніи.

Мы обѣ вмѣстѣ идемъ и отворяемъ дверь.

Вмѣсто изступленнаго выраженія, сжатыхъ кулаковъ, искаженнаго лица, которыхъ почему-то ожидаю я,—я вижу блѣдное, на первый взглядъ ничуть не измѣнившееся, знакомое лицо. Больной меня узнаетъ и конфузливо отступаетъ назадъ.

Это худой, высокій, стройный мужикъ, кудрявый брюнетъ съ прекрасными и тонкими чертами лица. Небольшіе темные глаза его быстро взглядываютъ на меня и потупляются тотчасъ же. Онъ садится на лавку и ладонями опирается въ нее.

Я протягиваю руку, но онъ не замѣчаетъ ея.

— Здравствуй, Филиппъ Яковлевичъ! — говорю я, подходя

ближе и останавливаясь противъ лавки. — Что ты, говорятъ, нездоровъ? Что у тебя болитъ?

Больной все такъ же робко взглядываетъ на меня и показываетъ на ноги.

— Ноги вотъ болятъ. Ходить не могу.

Я прошу разуть, наклоняюсь и осматриваю ноги.

Въ первую минуту мнѣ кажется, что это въ сильной степени цинга, но я тотчасъ же замѣчаю свою ошибку. Распухшія, какъ налитыя, блѣдно-розоваго цвѣта, съ особымъ глянцемъ, ноги покрыты по всѣмъ направленіямъ темно-красными, крупными, неправильной формы пятнами. При давленіи больной не чувствуетъ боли, но жалуется, что ноги *тоскуютъ* и что ему трудно ходить.

Я сижу на полу и вижу наклоненное надъ собой блѣдное лицо и не замѣчаю признаковъ безумія, а только выраженіе тоски и какого-то испуга въ красивыхъ глазахъ, вопросительно и робко смотрящихъ на меня. Мнѣ удается разспросить больного и добиться отвѣта, что ему желается чайку, который я и обѣщала тотчасъ же прислать, удается уговорить его лечь и попробовать заснуть. Онъ тутъ же покорно ложится при мнѣ на лавку, головой на свернутый кафтанъ.

Мы всѣ выходимъ и затворяемъ за собою дверь.

Я стараюсь успокоить жену, и она дѣйствительно успокаивается послѣ обѣщанія похлопотать, прислать къ ней мужиковъ, которые провели бы съ нею ночь. Для этого нужно только обратиться къ старостѣ; онъ обязанъ нарядить караулъ.

— Богъ милостивъ, можетъ быть, ничего и не понадобится. Онъ заснетъ, успокоится, все и пройдетъ сномъ. А тебѣ бы самой нужно отдохнуть. Ты вся извелась!—говорю я, съ жалостью смотря на бѣдную мать, еще молодую, истощенную, очевидно, нуждой и частыми дѣтьми, не считая послѣдняго ужаснаго потрясенія. — Много ли времени маленькому?

— Да годокъ ужъ сравнялся.

— Тебѣ бы его лучше отнять.

— Отнимай хоть и не отнимай—все едино. Вотъ она, грудь, а что въ ей взять? Грошъ ей цѣна! — говоритъ она, открывая, жалкую, высохшую грудь, которую жадно ловитъ раскрытый маленькій ротъ.

Старшія дѣти, притихнувшія на время, пріободрились теперь и теребятъ мать, прося ѣсть. Вѣсть о томъ, что привезли въ деревню и будутъ дѣлить муку, уже успѣла дойти до нея. Такія извѣстія разносятся съ быстротой телеграфа. Но на долю

каждой семьи придется по числу ѣдоковъ не больше нѣсколькихъ фунтовъ, изъ которыхъ нельзя будетъ даже спечь хлѣбъ, можно будетъ только варить саламу.

Я не иду смотрѣть, какъ вѣшаютъ и дѣлятъ эти несчастные фунты. Приходитъ староста. Мы уговариваемся относительно караула къ больному, и я завязываю на платкѣ узелокъ, чтобы не позабыть прислать свѣчей. Изъ всѣхъ подробностей разсказа всего болѣе поражаетъ меня и кажется страшнѣе всего одно — темнота, среди которой происходитъ дѣйствіе, которую нельзя прекратить по желанію. Ужасно!

XXVI.

Казанская гостья пріѣзжаетъ въ назначенный срокъ и привозитъ извѣстія, которыя сразу измѣняютъ все: настроеніе наше, образъ жизни, настоящія намѣренія и дальнѣйшіе планы.

Холера охватила уже все низовье Волги, отъ Астрахани и до Казани. По оффиціальному донесенію, было семь случаевъ въ самой Казани. Пароходы выдерживаютъ карантинъ и идутъ подъ желтыми флагами. Въ Тетюшахъ строятъ холерный баракъ, и мы не знаемъ даже этого. Вотъ что̀ значитъ недостатокъ лошадей. Въ прежнее время это было бы невозможно.

Земскіе начальники вызываются на совѣщаніе. Егоръ Егоровичъ уже отправился. Предписываются санитарныя мѣры и не упоминается ни слова о столовыхъ.

Въ письмахъ изъ дому, полученныхъ съ оказіей, въ первый разъ—открытое извѣщеніе о холерѣ и настойчивое требованіе немедленнаго возвращенія.

Я не имѣю ничего противъ того. До осязаемости ясно я чувствую, какъ съ каждымъ днемъ все туже и выше, какъ струны музыкальнаго инструмента, натягиваются и взвинчиваются нервы—безполезно и безплодно, ибо никакая доброжелательность, никакія усилія не въ состояніи создать того, чего нѣтъ у насъ и должно не хватить въ скоромъ времени — денегъ и хлѣба... И къ прежнему прибавляется теперь новое бѣдствіе.

Отъѣздъ—вынужденный, неожиданный—является спасеніемъ, выходомъ для меня лично, и я имъ пользуюсь. Холера, безъ сомнѣнія, не остановится въ Казани, а пойдетъ или уже пошла дальше—въ Нижній, въ Москву. Медлить нельзя.

Вѣра Семеновна совѣтуетъ до послѣдней минуты ничего не

говорить объ отъѣздѣ изъ предосторожности, опасаясь нападеній дорогой,—уговариваетъ уѣхать, не прощаясь ни съ кѣмъ.

Но передъ отъѣздомъ мнѣ удается увидать бо̀льшую часть знакомыхъ крестьянъ. Они другъ за другомъ кучками и по одиночкѣ собираются на барскій дворъ, устанавливаются вокругъ крыльца и вызываютъ меня.

Вѣры Семеновны нѣтъ дома. Я выхожу одна, недоумѣвая, что̀ означаетъ это сборище. По стольку не собирались еще ни разу. Бабъ почти не видно; пришли одни мужики. Всѣ безъ шапокъ.

Сѣдой, знакомый старикъ выходитъ впередъ и держитъ рѣчь. Содержаніемъ ея служатъ тревожные слухи о закрытіи столовыхъ и прекращеніи продовольствія.

— Матушка, милостивица ты наша! Гладомъ помираемъ... Не дай помереть...

Онъ не падаетъ на колѣни, не плачетъ, а прислоняется головой къ выступу крыльца и молчитъ. И кругомъ всѣ молчатъ.

Я должна говорить...

Прощаюсь съ собравшимися, объясняя свой отъѣздъ домашнею необходимостью, и не нахожу въ себѣ мужества возвѣстить имъ о новомъ бѣдствіи.

Уѣзжаю съ мучительнымъ чувствомъ человѣка, понявшаго безплодность перенесеннаго мученія.

Мысли объ опасности, возможности нападенія, ограбленія—не тревожатъ меня въ продолженіе обратнаго пути. Другого рода тревога, скорбное недоумѣніе охватываетъ умъ, вопросы встаютъ передъ смущенной душой...

И я не знаю отвѣта...

Л. Нелидова.

СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ

XVIII-го ВѢКА.

Изъ дѣлъ сибирской старины.

РАЗСКАЗЪ.

„Наше историческое развитіе шло по своему“.

Н. Данилевскій.

Окончаніе.

XIV *).

Извѣстный своею добротою и религіозностью московскій сенаторъ И. В. Лопухинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ интересныхъ записокъ говоритъ: „Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“, но ежели осмѣлиться сказать, то Онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ [1]). Это замѣчаніе получитъ себѣ не одно подтвержденіе въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дальнѣйшее теченіе дѣла „о небытіи“, которое развивалось давно и закончилось еще давнѣе.

„Фаворъ“, которымъ духовенство пользовалось при Елизаветѣ Петровнѣ, прекратился съ воцареніемъ Екатерины II, и тогда же рѣзко перемѣнилась „долго сдерживаемая политика свѣтскихъ правителей“.

---

*) См. выше: мартъ, 177 стр.

[1]) См. *Русскій Архивъ* 1884 № 1 стр. 82. „Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. совѣтн. сенатора И. В. Лопухина, сочин. имъ самимъ“

Бывшій въ то время въ Сибири губернаторомъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, „пылкій грѣшникъ, пользовавшійся неограниченною властью", рѣзче всѣхъ обнаружилъ „нетерпѣливое самовластіе" и началъ усмирять распущенное сибирское духовенство. Для того, чтобы взяться за это, Денисъ Ивановичъ имѣлъ поводъ, поданный дѣломъ „о небытіи".

По веснѣ 1767 года онъ получилъ изъ Петербурга „выговоръ" за то, что штрафныя деньги „за небытіе" у исповѣди собираются неуспѣшно. Чичеринъ вникъ въ дѣло и пришелъ въ негодованіе на то, какъ безуспѣшно вело это дѣло духовенство, и сразу же „вынужденнымъ нашелся сдѣлать распоряженіе [1]), чтобы сельскіе *старосты* и *сотскіе* во время постовъ *сами вели подробные и обстоятельные списки о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и доносили бы въ канцелярію* [2]) для того, чтобы по полученіи росписей духовныхъ можно было ихъ повѣрить".

Такое распоряженіе Чичерина было не только въ высшей степени безцеремонно и грубо, но оно даже и не основывалось ни на какомъ правѣ, такъ какъ дѣло о штрафованіи за „небытіе" лежало на отвѣтственности духовнаго вѣдомства. Арсеній Мацѣевичъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы на эту дерзость еще большею дерзостью, но архіерей Варлаамъ (Петровъ) снесъ это.

Сельскіе старосты и сотскіе исполнили порученное имъ губернаторомъ церковное дѣло и представили составленные ими списки Чичерину; но тогда приходскіе священники, увидѣвши, что справа о небытіи ускользаетъ изъ ихъ рукъ, обнаружили свою дѣеспособность и сами тоже составили списки и прислали ихъ въ консисторію. Отъ этого избытка, однако, добра не вышло, а произошла только большая путаница, которую сначала приняли за случайность, а потомъ стали приписывать хитрому и дальнозоркому разсчету духовныхъ, доставившихъ отъ себя списки небытейцамъ, кромѣ тѣхъ, которые составили старосты. Когда дошло до наложенія штрафовъ и привелось свѣрять списки, присланные сотскими къ губернатору, со списками, полученными въ консисторіяхъ отъ священниковъ, то оказалось, что между одними и другими огромная разница, которой согласить невозможно. Кто записанъ въ „небытіи" у сотскихъ и старостъ, тотъ отмѣченъ „бывшимъ" у священниковъ—и наоборотъ. Поднялась страшная кутерьма: Чичеринъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, а архіерей отстаивалъ своихъ, и пока

[1]) Указъ 11-го мая, 1767 года.

[2]) Очевидно, „въ канцелярію губернатора".

успѣли что-нибудь выяснить, Чичеринъ въ 1771 году получилъ уже „высочайшій выговоръ и страшно ожесточился“ [1]).

Должностныя лица въ Сибири были этимъ очень удивлены, такъ какъ губернаторы до сихъ поръ никогда еще не подвергались отвѣтственности за дѣла церковнаго управленія, а Чичеринъ, „пользовавшійся неограниченною властію“, былъ такъ сконфуженъ!.. Всѣ знали, что онъ самолюбивъ безмѣрно, и всѣ сразу сказали, что „Чичеринъ этого не стерпитъ“.

XV.

Чичеринъ и дѣйствительно не стерпѣлъ, и началъ ожесточенную „войну съ попами“: онъ тотчасъ же самъ „выѣхалъ въ губернію на ревизію“ и самъ ревизовалъ „*почти въ каждомъ селѣ* церковные документы и *неисправныхъ священниковъ бралъ подъ стражу*, *сажалъ въ холодную*, а нѣкоторыхъ подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, въ свою канцелярію, гдѣ ихъ заставлялъ составлять или исправлять невѣрно ими составленные документы“. Но какъ ни энергиченъ былъ Чичеринъ, онъ однако немного успѣлъ въ своей „войнѣ съ попами“, потому что обревизовать Сибирь такимъ образомъ, какъ онъ началъ, ему не удалось бы даже въ теченіе многихъ лѣтъ, а къ тому же и представители сибирскаго приходскаго духовенства сдѣлали для него успѣхъ ревизіи совсѣмъ невозможнымъ. Священники, слѣдя за маршрутомъ губернатора, устроивали Чичерину такую подготовку, что какъ только онъ наѣзжалъ на одно храмовое селеніе и начиналъ тамъ смотрѣть церковные документы, такъ объ этомъ быстро узнавали духовные сосѣднихъ приходовъ, и сейчасъ же всѣ батюшки „уѣзжали къ боли“. Въ домахъ же поповскихъ оставались однѣ попадьи да дѣти, и можетъ быть еще какой-нибудь безотвѣтный дьячокъ, который ничего не зналъ въ „небытейскихъ книгахъ“. На разспросы же губернатора о попѣ—„отвѣчали, что попъ отъѣхалъ въ приходъ, а когда назадъ будетъ— невѣдомо. А послать за нимъ для сыску нельзя, потому что поѣхалъ онъ не въ одно мѣсто, а приходы пространствомъ безмѣрные, во всѣ стороны“.

Губернатору оставалось развѣ самому садиться у попа и ждать его возвращенія.

---

[1]) Въ указѣ отъ 15-го сент. 1771 г. сказано, что высочайшій выговоръ послѣдовалъ въ томъ году, 24-го августа.

Нетерпѣливый и гнѣвный Чичеринъ увидалъ себя одураченнымъ и возвратился въ Тобольскъ, „скрежеща зубами и искій кого поглотити".

Тѣ попы, которые не успѣли бѣжать „къ боли" и были забраны къ Чичерину въ канцелярію, за всѣхъ пострадали и отвѣтили. Чичеринъ съ ними не поцеремонился и сорвалъ на нихъ свой пылкій гнѣвъ; но какъ онъ былъ вспыльчивъ и непостояненъ, то ему надоѣло съ ними возиться и лучше показалось свалить опять все на руки епархіальнаго вѣдомства, которое тоже поступилось и не хотѣло болѣе контрировать съ губернаторомъ: теперь архіерей самъ просилъ Чичерина, чтобы полицейскіе агенты помогали духовнымъ.

Такимъ образомъ, архіерей и губернаторъ заключили унію и взялись вести „государственное дѣло" строго: духовный ли, свѣтскій ли „агентъ" попадется въ винѣ—ни одному не давать поблажки.

Первый попался „нижне-тунгусскій попъ съ причтомъ" [1]).

Тобольская консисторія предписала туруханскому закащику (благочинному), „истребуя отъ тамошняго городничаго, или земскаго суда, двухъ нарочныхъ сыскать нижне-тунгусскаго погоста попа съ причтомъ въ духовное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за 1789 годъ росписей не исправятъ, *держать безъ выпуску въ цѣпяхъ подъ карауломъ и денно-нощно ихъ къ тому принуждать*".

Однако и это ни къ чему не повело: и тунгусскій попъ убѣжалъ, да и вообще попы „разбѣгались", а тѣ, которыхъ ловили и сажали на цѣпь, „сидѣли безъ выпуску", но проку отъ этого не выходило, потому что списковъ они составить не могли, ибо неисправность была уже слишкомъ долго запущена.

А какъ „сѵнодъ требовалъ списка *неотступно*", то несчастная консисторія вынуждена была сознаться, что она „ничего не можетъ сдѣлать, понеже духовныя правленія и священноцерковнослужители *по безстрашію ихъ* о государственномъ дѣлѣ не брегутъ".

Дойдя до откровеній о своей несостоятельности, консисторія уже не стѣснялась и выкладывала всю правду: въ іюлѣ 1786 года она доносила, что у нея совсѣмъ не на кого положиться, потому что и закащики, и члены духовныхъ правленій, всѣ „ослушники, огурники, супротивники и коварники". Вся соль осолилась! Утрата дисциплины и повиновенія была полная, но однако во

[1]) Указъ консисторіи 20-го августа 1790 г.

многихъ случаяхъ трудно было и ждать исполнительности и повиновенія. Закащики вытребовывали „поповъ“ изъ-за сотенъ и даже изъ-за тысячъ верстъ, „для вчиненія рукоприкладствъ“ и другихъ неважныхъ дѣлъ, безъ чего было можно обойтись, и „держали ихъ въ заказахъ долго, по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, а отъ такихъ сыскиваній происходили для сельскихъ причтовъ великіе убытки въ переѣздахъ, поминкахъ и подаркахъ, а въ приходахъ остановка въ исполненіи духовныхъ требъ.

Тобольская консисторія поповъ не жалѣла и стала „просить губернаторовъ, чтобы они приказали городничимъ и исправникамъ давать сыщиковъ“, которые должны „приводить неисправныхъ священниковъ въ духовныя правленія и держать тамъ подъ карауломъ до окончанія росписей“, но черезъ мѣсяцъ консисторія сдѣлала еще болѣе: она совсѣмъ уже предала „свою команду“ мірскимъ командирамъ и *„съ дозволенія губернаторовъ“* прямо сама отъ себя предписала всѣмъ исправникамъ и городничимъ держать подъ стражею безвыпускно и самихъ закащиковъ (благочинныхъ) и всѣхъ членовъ духовныхъ правленій, покол̂ѣ они всѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству“ [1]).

Такимъ образомъ, все тогдашнее непослушное „безстрашное“ и „огурное“ духовенство Сибири, выведя изъ терпѣнія свое начальство, было имъ „предано во власть мірскихъ человѣковъ“, т.-е. губернаторскихъ чиновниковъ, которые „со дней митрополита Арсенія точили на нихъ зубы, но только не смѣли на оныхъ въ дѣйствіяхъ покуситься“, а теперь эти приказные получили право всѣхъ мало-мальски неаккуратныхъ священно-церковнослужителей „хватать яко неблагопокорныхъ“, и лишить ихъ свободы, и держать безвыпускно... Чиновники постарались показать свое усердіе и такъ „хватали“, что Сибирь во многихъ мѣстахъ осталась безъ требоисправителей, но „батюшка Денисъ Ивановичъ“ объ этомъ не безпокоился и „истязалъ поповъ такъ, что даже кожа на нихъ трещала. А объ отвѣтѣ не унывалъ, мня яко въ потребный часъ вся покрыетъ своею орденскою мантіею“.

Тутъ сибирскіе требоисправители, лишенные свободы и доходовъ, потеряли свое „огурство“ и, „впавъ въ руцѣ Чичерина, явились благопослушны“: они написали списки.

Чичеринъ хвалился: „Я сказалъ, что я свое возьму, и вотъ я взялъ!“ А вышколенные имъ попы, отъѣзжая изъ его канце-

---

[1]) Ук. 17-го апр., № 414.

ляріи, говорили себѣ: „Похвальбишка! Ну, взялъ—такъ и взялъ, а подожди хвалиться-то!“

XVI.

Въ 1794 году росписи пришли и изъ всѣхъ сибирскихъ заказовъ, ибо „до всѣхъ дошло вѣденіе яко вси преданы Чичерину“, и въ Тобольскѣ консисторскіе подъячіе сдѣлали изъ тѣхъ росписей „экстрактъ“, который и былъ представленъ въ сvнодъ [1]). Требованіе начальства этимъ было выполнено: вся „скала небытія“ обозначилась на виду, и все оформлено и приведено въ надлежащій порядокъ, такъ что можно было составить смѣту: сколько придетъ дохода отъ небытія; но на мѣстахъ, при самомъ обложеніи денежною платою за „небытіе“, начали вновь обнаруживаться невѣроятныя вещи, черезъ которыя опять должна была происходить несусвѣтимая путаница. При повѣркѣ на мѣстахъ оказалось, что „въ числѣ показанныхъ (по спискамъ) небывшими нерѣдко попадали *давно умершіе* или (находившіеся) по нѣскольку лѣтъ въ бѣгахъ, въ ссылкѣ, или переселенные куда-нибудь въ Иркутскую или въ Якутскую области. Напротивъ, истые раскольники, записанные свѣтскими властями въ двойной окладъ, оказывались отмѣченными въ числѣ *бывшихъ* у исповѣди и притомъ за нѣсколько лѣтъ кряду“...

Отчего же и какъ могла произойти такая неисправность при всей наличности внѣшняго рачительства и порядка со стороны „тѣсно ущемленнаго Чичеринымъ духовенства“, и что̀ еще можно было теперь измыслить: кому еще во второй разъ „предать“ духовенство и какъ его „защемить“, чтобы добиться отъ него точно обозначенной „скалы небытія“? И вотъ тутъ, въ эту-то пору, въ самой канцеляріи у Чичерина явилось убѣжденіе, что въ такомъ огромномъ и дикомъ краѣ, какъ Сибирь, рѣшительно нельзя услѣдить за всѣми, кто исповѣдуется, а кто не исповѣдуется, и что потому правильное обложеніе налогомъ за „небытіе“ есть вещь невозможная. А то, чего сvнодъ достигъ послѣ множества усиленныхъ и неотступныхъ требованій, была просто фикція, которую продѣлали надъ Чичеринымъ „преданные ему и имъ тѣсно ущемленные попы“, и надъ другимъ начальствомъ „подъячіе духовныхъ правленій и консисторій“, которые, будучи „нуждою и страхомъ гонимы и побуждаемы“, всѣ писали въ спискахъ „что̀ попало“.

---

[1]) Ук. 24-го февр. 1794, № 234.

Казалось бы, что такой велемощный сановникъ, какъ Денисъ Ив. Чичеринъ, увидавъ дѣло какъ есть, такъ и долженъ былъ донести о немъ въ Петербургъ, чтобы тамъ знали настоящее положеніе и не требовали того, что̀ невозможно исполнить,—но Чичеринъ этого не сдѣлалъ. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ понизить статью въ смѣтѣ ожидаемыхъ доходовъ, которую все-таки желали собрать, а можетъ быть весь его большой будто бы характеръ выходилъ на кипяченіе и озорство, съ кѣмъ это было удобно, а для правдиваго представленія о дѣлахъ ввѣреннаго ему края духа у него недоставало...

Приходскіе же священники кромѣ того, что они не могли, но они и не умѣли составить вѣрныхъ отмѣтокъ „о небытіи“ [1]). И они это поняли и увидали, что̀ имъ надо дѣлать. Такъ какъ не доставлять списковъ стало нельзя,—потому что за это „можно впасть въ руцѣ Чичерина“, а если составить „списки сочиненные“, то можно попасть въ руки подъячихъ,—то малописьменные попы исхитрились такъ, что стали поручать составленіе отмѣтокъ „о небытіи“ самимъ же подъячимъ, служившимъ въ тѣхъ самыхъ духовныхъ правленіяхъ, куда надо было представлять списки, а на то, чтобы вознаградить этихъ подъячихъ за трудъ ихъ, завели со всѣхъ своихъ прихожанъ обоего пола новый „безобидный *сборъ за уволоку* отъ исповѣди по 5 копѣекъ съ души“ [2]).

Устроивши такимъ манеромъ экономическую сторону дѣла, сибирскіе священники еще лучше устроили техническую сторону операціи: они захотѣли сдѣлать такъ, чтобы требовательное начальство получало для своего удовольствія списки о небытейцахъ, но чтобы списковъ этихъ въ приходахъ не писать, такъ какъ отъ этого только двойная работа: пусть кто эти списки ревизуетъ — тотъ самъ же ихъ и *сочиняетъ*. На этомъ священники уговорились съ консисторскими приказными и стали присылать этимъ подъячимъ „бѣлые листы съ своею подписью да хлопотныя деньги по количеству“, и подъячіе брали деньги, а на бѣлыхъ листахъ писали въ списки что̀ знали, „по примѣру прошлыхъ лѣтъ“, и пригоняли текстъ списковъ „какъ прилично къ сдѣлан-

[1]) Въ числѣ сибирскихъ священниковъ того времени было много малограмотныхъ, „едва умѣвшихъ только читать церковное“. Религіозная образованность ихъ была такая, что даже одинъ „градскій священникъ“ г. Кузнецка, по фамиліи Ломшаковъ, на вопросъ протоіерея Комарова: „какъ читается седьмая заповѣдь?“—отвѣчалъ: „Помилуй мя, Боже“, а на вопросъ: „сколько таинствъ и какая ихъ сущность?“ далъ отвѣтъ: „таинствъ есть *десять*, а сущность ихъ непостижима“ (Указ. тоб. дух. конс. 27-го апр. 1770 г.).

[2]) Дѣло томск. дух. консистор. въ „Колокольномъ Архивѣ“ Алексѣевскаго монастыря.

нымъ заранѣе подписямъ", и, разумѣется, списки, составленные такимъ образомъ, подъячіе уже не браковали и не возвращали, а направляли дѣло выше, гдѣ оно веселило ожидавшихъ результатовъ, которые должны были „оправдать предначертанія". И пошло бы это вѣроятно на многія лѣта, но вмѣшался врагъ и все дѣло испортилъ: священники, собирая по пятаку за уволоку, не все отдавали подъячимъ и не хотѣли ничего удѣлять своимъ причетникамъ, которые разсердились и о всемъ донесли и на поповъ, и на приказныхъ. Неумѣренная жадность поповъ разрушила такую удобную организацію и оба начальства—свѣтское и духовное—явились другъ передъ другомъ въ недостойномъ ихъ, смѣшномъ видѣ.

Но надо было, разумѣется, доказать, что списки небытейщикамъ сочиняютъ приказные, и за этимъ дѣло не стало: не только между причетниками, но даже и между приказными нашелся предатель: одинъ приказный обидѣлся, что попъ, съ которымъ они состояли въ компаніи, прислалъ ему мало денегъ. Подъячій навелъ справку: сколько попъ собралъ, и сравнивъ съ тѣмъ, сколько онъ ему доставилъ, увидалъ, что онъ удержалъ у себя львиную долю, и это приказному не понравилось и показалось обидно. А какъ и другіе подъячіе имѣли подозрѣніе на другихъ поповъ, что они передаютъ не все, что̀ собираютъ „за уволоку", то мстивый подъячій рѣшился наказать всѣхъ поповъ за ихъ жадность и отправилъ въ консисторію, какъ будто бы по ошибкѣ... вмѣсто списковъ—одни пустые листы бумаги, съ поповскими подписями!..

Неопровержимая улика была на-лицо, и отъ этого людямъ стало не лучше, а еще хуже: теперь, когда консисторскіе подъячіе знали плутню правленскихъ и, посмотрѣвъ многія сохраняемыя росписи, увидали, что всѣ онѣ писаны одною рукою подъячаго,—консисторскіе потребовали себѣ части отъ правленскихъ, а тѣ отъ поповъ, а попы должны были увеличить сборъ съ міранъ. И такъ дѣло опять уладилось.

Вмѣсто прежняго „повальнаго положенія", при которомъ „попъ собиралъ за уволоку по 5 к. съ души", теперь плата повысилась.

Все это теперь происходило явно и священникъ непремѣнно долженъ былъ дѣлать эти поборы, потому что иначе онъ своими списками никогда бы подъячимъ не угодилъ и его замучили бы „истязаніями".

Но и въ этомъ усовершенномъ порядкѣ опять обнаружились свои недостатки, которымъ начальство не нашлось какъ помочь,

а оборотистое сибирское духовенство опять само изъ нихъ выбилось.

Когда старыми сборами „за уволоку" пришлось дѣлиться съ бо̀льшимъ числомъ участниковъ, тогда приходскіе священники ввели еще одинъ поборъ „за скверноядство".

Это статья очень любопытная, но она требуетъ отступленія и объясненій.

XVII.

Еще въ началѣ XVII столѣтія казаки, „простираясь къ сѣвернымъ предѣламъ Сибири, подбивали подъ власть свою вогуловъ, остяковъ, тунгусовъ, юроковъ, якутовъ и другихъ народцевъ, кочевавшихъ въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири". Когда оканчивалось покореніе или „подбитіе", тотчасъ же начинались заботы о введеніи новыхъ порядковъ: „о сборѣ ясака и о просвѣщеніи свѣтомъ истинной вѣры".

Для этого казаки узнавали пункты, гдѣ „народцы" въ извѣстные сроки сходятся другъ съ дружкою, чтобы обмѣняться добычею своихъ лововъ и иныхъ промысловъ. Тутъ казаки сейчасъ же и завели „постройки", которыя назвались „острожками", или „острогами", или „крѣпостями", а впослѣдствіи „городами".

Такимъ образомъ возникъ Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ, Нарымъ, Туруханскъ, Якутскъ и другіе нынѣшніе города. Первоначальное заведеніе здѣшнихъ городовъ обыкновенно шло такъ: сначала строили первую избу для воеводы, вторую для попа и третью, общую, для „служилыхъ людей", а насупротивъ ихъ—ссыпной амбаръ для хлѣба, погребъ для пороху и церковь. Церковь была „та же изба, только съ крестомъ на крышѣ".

Заводили осѣдлости на такихъ мѣстахъ, гдѣ кочевники имѣли обычай сходиться для мѣны; тутъ ихъ разсчитывали „осѣтить и обрать съ нихъ ясакъ". Придумано было хорошо, и казаки, указавъ заводчикамъ, какъ собирать ясакъ, указали и слѣдовавшимъ за ними священно-церковнослужителямъ средства, какъ „просвѣщать язычниковъ святою вѣрою и чѣмъ отъ нихъ кормиться". „Просвѣщать же язычниковъ"—это было цѣлью прибытія духовныхъ въ сибирскую глушь, а „кормиться" отъ своей паствы имъ было необходимо, такъ какъ отъ казны имъ на все прожитье было „пожаловано въ годъ на попа по 28 руб., а на причетника по 18 рублей на ассигнацію" (=8 р. и 5 р. 30 к.). „Паства", которую только-что накрестили, вся состояла изъ кочевниковъ, которыхъ цѣлый годъ не увидишь—только разъ въ годъ, въ

обычное время они сближаются къ извѣстнымъ мѣстностямъ для взаимнаго торговаго размѣна, и тутъ-то надо около нихъ сдѣлать все, что̀ нужно, т.-е. „осѣтить, обрать ясакъ и научить святой вѣрѣ“. Когда воеводы со своими служилыми людьми хлопочутъ собирать съ народовъ ясакъ въ казну, тутъ же и священнику одно только время научить язычниковъ христіанству и исполнить для нихъ заднимъ числомъ всѣ церковныя требы для живыхъ и мертвыхъ, и получить съ нихъ за это требоисправленіе побольше шкуръ въ свою пользу.

Въ церкви, или какъ сами казаки называли ихъ—„въ церквицѣ“—въ теченіе года бывали только воевода да его служилые люди, а „ясашныхъ“ прихожанъ никогда не бывало. Молились ли они, и какъ, и кому молились въ теченіе всего года—объ этомъ священникъ не могъ знать, и церкви, и попа они боялись; но зато, когда они сходились, чтобы отдать ясакъ воеводѣ, казаки „имали ихъ и загоняли на требы къ попу“, и „народцы“ одинаково считали „ясакомъ“ какъ то, что они платили воеводскимъ служилымъ людямъ, такъ и то, что платили попу. Такъ они и говорили, что должны платить „два ясака: одинъ воеводѣ, а другой попу“ [1]). Оба ясака взимались съ большимъ произволомъ: служилые люди „донимали“ съ дикарей вдвое и болѣе противъ положеннаго, угрожая за недодачу лишеніемъ драгоцѣнной всякому свободы, а духовенство „правило свой ясакъ по количеству“, т.-е. по числу душъ, которое дикари сами показывали въ своихъ семействахъ „съ удивительною простотою“. Попъ спрашивалъ дикаря: „кто въ семьѣ народился, и кои померли, и кои жить поимались на ново какъ мужъ съ женою“, а дикарь достаточно уже умудренный опытомъ, что ему отъ этихъ разспросовъ выйдетъ вредъ, все-таки всегда давалъ откровенный и справедливый отвѣтъ „съ врожденною простотою“. По его же показаніямъ попъ его и „облагалъ, *какъ повелось* по правиламъ: за крещеніе новорожденнаго дитя 10 либо 15 бѣлокъ, за „очищеніе“ (?) 5 бѣлокъ, за женитву—2 соболя или 5 песцовъ“. Иногда надъ дикарями заднимъ числомъ исполняли какіе-нибудь обряды, но большею частію дѣло ограничивалось только сборомъ ясака, а наличностью производилась только одна исповѣдь,—причемъ за разрѣшеніе грѣховъ всей семьи расплачивался съ попомъ старшій въ родѣ, и тутъ приходилось торговаться. Съ обыкновеннаго грѣшника брали отъ пяти до десяти бѣлокъ, но съ такого, у котораго было больше, священникъ требовалъ и ясакъ побольше, а въ общей сложности

[1]) См. „Сибирскій лѣтописецъ“ — о ясакѣ.

для отца семейства или главы рода это составляло разсчетъ, противъ котораго онъ спорилъ. Исповѣдный ясакъ иногда доходилъ до двухсотъ бѣлокъ на семейство, и дикари этимъ очень тяготились, но „по простотѣ своей“ своихъ грѣховъ все-таки не скрывали, а только спѣшили скорѣе „очиститься и бѣжать“. Обыкновенно они „убѣгали“ тотчасъ же послѣ исповѣди и не дожидались причастія, о важности котораго совсѣмъ не имѣли понятія.

Сибирскіе священники распоряжались наложеніемъ ясака по всей своей волѣ. Свѣтскія власти въ это не вмѣшивались, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ „бироновщины“, когда „духовнаго чина людямъ началось отъ свѣтскихъ командировъ и еретиковъ притѣсненіе и туга“, но они „черезъ это время отстоялись и скоро достигли лучшаго вѣка Елизаветы“. Однакоже, какъ и въ Елизаветино время, духовнымъ большого жалованья не дали, то духовные прибавили къ ясаку *„подать за скверноядство“*.

XVIII.

Чтò значитъ „скверноядство?“ Это то, если человѣкъ ѣстъ что-нибудь „скверное“, т.-е. „непоказанное ему для употребленія въ пищу“. Скверное это не у всѣхъ одно и то же: въ старой Руси скверныма почиталась телятина и теперь многими почитается за „скверно“ — угорь, налимъ, минога, раки и устрицы, мясо козы, зайца, голубя и черепахи и т. д. Въ Сибири на огромныхъ пространствахъ, гдѣ кочуютъ „народцы“, нѣтъ ни посѣвовъ, ни убойнаго скота, имѣющаго раздвоенныя копыта и отрыгающаго жвачку, а потому кочевники употребляютъ въ пищу все, чтò можно съѣсть, и между прочимъ мяса „животныхъ, не показанныхъ“ по требнику, а именно: „медвѣжью говядину, соболей и бѣлокъ“.

Дикари ѣли эту пищу всегда, съ тѣхъ поръ какъ живутъ, и пока они не были окрещены Иннокентіемъ Кульчицкимъ, имъ и не представлялось, что это „скверно“. Впрочемъ и св. Иннокентій, зная мѣстныя условія жизни, взысканій за эту „скверность“ не налагалъ. Но теперь настала пора извлечь изъ этого выгоду.

Сибирскіе духовные положили очищать „скверноядущихъ“ дикарей особою молитвою, а за прочтеніе ея наложили „новый ясакъ“ съ таксаціею: 1) за ядѣніе медвѣжьей говядины—одна цѣна, 2) за ядѣніе лисьяго и собольяго мяса—другая, и 3) за бѣлокъ и иныхъ меньшихъ звѣрковъ—третья.

За все это пошли сборы очень прибыльные, но и хлопотливые,

такъ какъ надо было „слѣдить за скверноядцами, и настигать ихъ“, и тутъ ихъ „обкладывать и очищать молитвою“, чтобы они потомъ вновь начинали „скверно ѣсть“ на́-ново [1]).

Духовные отъѣзжали въ поля для „настиганія и сбора“, при чемъ полевали не всегда тихо и случалось, что народцы на нихъ плакались, и свѣтскія власти пробовали защищать „народцы“, но тутъ въ сибирскомъ краѣ получилъ могучее значеніе Арсеній Мацѣевичъ, который имѣлъ „непобѣдимую дерзость“ и стоялъ горой за духовныхъ [2]). Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь, когда Биронъ и „еретики“ были уже „свержены“, и могъ знать Сибирь превосходно, такъ какъ въ 1734 г. онъ находился въ экспедиціи, посланной для открытія морского пути въ Камчатку и пробылъ въ Сибири до 1736 года, когда „по секретному дѣлу“ былъ привезенъ изъ Пустозерска въ Адмиралтействъ-Коллегію, „но признанъ невиннымъ“. Онъ былъ угрюмъ и дерзокъ отъ природы; питалъ нерасположеніе къ „свѣтскимъ властямъ“ и всегда готовъ былъ дать имъ себя почувствовать. А потому, когда онъ достигъ, въ 1741 г., сана сибирскаго митрополита, онъ тотчасъ же издалъ „циркуляръ“ [3]), „чтобы священно-церковнослужители отнюдь не смѣли обращаться въ свѣтскіе суды помимо своего епископа, подъ опасеніемъ низверженія по 11 правилу Антіохійскаго собора“, а черезъ четыре мѣсяца совсѣмъ освободилъ духовенство отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ и „узаконилъ непослушаніе онымъ“. Въ іюлѣ 1742 г. митрополитъ Арсеній „повелѣлъ, чтобы никто изъ духовныхъ лицъ безъ позволенія своей духовной команды никакихъ отъ свѣтской команды присылаемыхъ указовъ *не слушали*, и ежели кто отъ свѣтскихъ командировъ безъ сношенія съ духовною командою *дерзнетъ* кого изъ духовныхъ лицъ насильно къ суду своему

---

[1]) По требнику, какой нынѣ находится въ употребленіи, нѣтъ раздѣленія разныхъ видовъ „скверноядства“. „Молитва о скверноядшихъ“ читается такъ: „Владыка Господи Боже нашъ, иже съ вышнихъ живый и на смиренныя призирай: приклони ухо твое и услыши насъ молящихся тебѣ, и подаждь прощеніе твоему рабу имя рекъ скверно-ядшему, и вкусшему мясъ или каковыхъ любо (sic) брашенъ нечистыхъ ихъ же снѣди отреклъ если въ законѣ святѣмъ твоемъ,—сихъ же неволю причастившагося прости и сподоби его неосужденно причаститься страшныхъ таинствъ честнаго тѣла же и крове Христа твоего, яко да избавится прочее всякаго нечистаго воспріятія и дѣянія, яко напитаваяся божественными твоими таинствы и наслаждаяся святыя твоя и тайныя трапезы и безсмертныхъ таинствъ и сохраняемый съ нами во св. твоей церкви восхвалитъ и прославитъ имя твое вышнее во вся дни живота своего“ (Требникъ, гл. 52).

[2]) Изъ „синодальныхъ іеромонаховъ“, хирот. 26-го марта 1741 г. во еписк. сибирскаго и тобольскаго; 1742 мая 13 митроп. ростовскій.

[3]) 28-го февр. 1742 г.

привлекать, или *въ свидѣтельствѣ какомъ спрашивать*, или указы какіе безъ сношенія съ духовною командою духовнымъ лицамъ отъ себя посылать, то таковымъ присылать обстоятельные письменные протесты въ скорости".

Сибирское духовенство тогдашняго времени, и безъ того дерзкое и непокорное, увидало въ этомъ циркулярѣ Арсенія „законъ непокорности свѣтскимъ властямъ" и, „опираясь на него, упорно отказывалось отъ всякихъ сношеній съ свѣтскими судами и администраторами". Духъ же, возобладавшій тогда въ правительствѣ, заставлялъ администратора „признать мнимую законодательную силу указа митрополита Арсенія".

При такихъ обстоятельствахъ, какія бы жалобы ни доходили отъ обывателей до „свѣтскихъ командировъ" на „нестерпимые поборы" со стороны духовенства, — командиры эти никакой защиты „претерпѣвающимъ" оказать не могли.

Арсеній однако здѣсь пробылъ недолго: заведя порядки въ Сибири, онъ былъ отозванъ на ростовскую каѳедру, а на мѣсто его стали другіе: Антоній Нарожницкій, (1742—1748), а потомъ Селиверстъ Гловатскій (1749—1755). Это были люди не такіе крутые, какъ Мацѣевичъ, но „законъ Арсенія стоялъ въ своей силѣ" и духовенство постоянно оказывало „непокорность" свѣтскимъ правителямъ. Бывали въ этомъ родѣ случаи, которымъ даже трудно вѣрить.

Въ 1751 году (при Селиверстѣ Гловатскомъ) проживавшій въ г. Томскѣ коллежскій ассесоръ Костюринъ убилъ принадлежавшую ему крѣпостную дѣвку, а потомъ велѣлъ ее одѣть и „положить подъ святые" и позвать священника, чтобы отправить по ней панихиду. Пришелъ священникъ „градо-богоявленской церкви съ причетомъ", и когда стали пѣть панихиду, то „*причетъ* усмотрѣлъ на покойницѣ боевые знаки и тотчасъ же, по выходѣ изъ дома Костюрина подалъ о томъ вѣденіе въ воеводскую канцелярію". Воеводская канцелярія сразу же, „немедленно" послала своихъ полицейскихъ, или, по тогдашнему, „дѣтей боярскихъ", чтобы тѣ освидѣтельствовали тѣло усопшей, и по этому осмотру оказалось, что „причетъ" не ошибся: „на тѣлѣ умершей были найдены боевые знаки, которые и были признаны *смертельными*".

Воеводская канцелярія тотчасъ же начала слѣдствіе, но „по силѣ указа митрополита Арсенія, отъ 22-го іюля 1742 года не сочла себя въ правѣ отобрать формальное показаніе отъ „причета". Надо было испросить на это разрѣшеніе у „закащика" (благочиннаго), а „закащикъ былъ въ отлучкѣ по своему заказу

и скораго возвращенія онаго нечаятельно". Томская воеводская канцелярія, 28-го ноября 1751 года, донесла о своемъ затрудненіи въ губернскую канцелярію, а та, 8-го апрѣля 1852 г. (черезъ пять мѣсяцевъ послѣ убійства), „заглушала" это донесеніе, а 19-го августа (черезъ девять мѣсяцевъ) сообщила тобольской духовной консисторіи, которая „свѣтскимъ командиромъ" людей своей команды спрашивать не дала, а ровно черезъ годъ послѣ убійства, въ ноябрѣ 1752 года, послала въ Томскъ указъ своему „закащику", и этимъ указомъ [1]) „съ резолюціи митрополита Селиверста" предписано закащику „самому отобрать нужныя по этому дѣлу показанія отъ причта градо-богоявленской церкви и доставить оныя не въ томскую воеводскую канцелярію", которая ожидала этихъ свѣденій, а „на архипастырское благоусмотрѣніе его преосвященства".

При такихъ проволочкахъ всѣ слѣды совершоннаго убійства, разумѣется, исчезли, и дѣло „предано волѣ Божіей"; а въ новомъ указѣ м. Селиверста (отъ 22-го ноября 1752 г.) сибирское духовенство получило еще „наикрѣпчайшее подкрѣпленіе неподчиненности своей, узаконенное м. Арсеніемъ въ указѣ 22-го іюля 1742 года". Сибирское духовенство „подкрѣплялось" и заняло такую позицію, что общее правосудіе для него ничего не значило.

Такъ и продолжалось до 1762 года, когда Екатерина II назначила въ Сибирь губернаторомъ бригадира Чичерина, котораго одни съ любовью величали „батюшкой", а другіе съ ужасомъ называли „бѣшенымъ конемъ".

Тутъ пошло другое.

XIX.

Денисъ Ивановичъ Чичеринъ былъ человѣкъ не злой и даже, можетъ быть, добрый, но гордый, заносчивый и пылкій: спорить съ нимъ было не легко, да и духъ правительства въ это время перемѣнился и не давалъ болѣе преферанса „духовнымъ командирамъ надъ свѣтскими" [2]). Чичеринъ могъ остановить дерзость и находилъ въ этомъ свое удовольствіе: онъ пріѣхалъ въ То-

---

[1]) Указ. тоб. д. конст. 22-го ноября 1752 г.

[2]) Денисъ Ив. Чичеринъ, капитанъ сем. полк.; при восшествіи имп. Петра III „отставленъ премьеръ-маіоромъ, но не долго находился въ бездѣйствіи: имп. Екатерина II, переименовавъ его въ бригадиры, опредѣлила губернаторомъ въ Сибирь Пользовался особеннымъ довѣріемъ монархини (Слов. достоп. люд. р. з., т. V.).

больскъ „съ превеликою пышностію“, и засталъ здѣсь на митрополичьей каѳедрѣ Павла Конюскевича“ [1]).

О Чичеринѣ въ Сибири, разумѣется, знали и чиновные люди, ожидали его „съ притрепетомъ“ и говорили, что онъ „ужасно себя покажетъ“, но духовные „не брегли, уповая на законы Арсеніевы“. Знатоки жизни обращали вниманіе на то, что Чичеринъ передъ этимъ былъ въ немилости и „долго находился въ бездѣйствіи“, а между тѣмъ очень любилъ властвовать, и потому, какъ бы взалкавъ, теперь „скоро себя вознаградитъ за все терпѣніе“. При этомъ увѣряли, будто онъ получилъ отъ монархини безмѣрныя полномочія и „воленъ на всѣхъ въ жизни и смерти“. Разсказывали также чудеса о его великомъ богатствѣ и царственной щедрости: „кто ему угодитъ, онъ того въ дворяне произведетъ и золотомъ засыплетъ“. А Денисъ Ивановичъ зналъ, что ему предшествуетъ такая выгодная молва, и сдѣлалъ такъ, что превзошелъ всѣ слухи, предшествовавшіе его прибытію въ Тобольскъ. Онъ поразилъ Сибирь своимъ вступленіемъ въ ея предѣлы. Одной прислуги съ нимъ пріѣхало полтораста человѣкъ,— въ числѣ которыхъ были гайдуки, скороходы, конюхи и повара. Самъ онъ въѣхалъ въ богатѣйшей каретѣ, за которою слѣдовалъ „штатъ“, состоявшій изъ лицъ военныхъ и гражданскихъ, и вступивъ въ домъ никого изъ духовныхъ особъ къ себѣ не позвалъ и самъ *къ митрополиту не поѣхалъ* и даже объявилъ, что „не желаетъ имѣть съ нимъ знакомства“. Съ перваго же дня своего пріѣзда Чичеринъ сталъ приглашать къ своему столу „ежедневно не менѣе какъ по тридцати стороннихъ особъ изъ разныхъ сословій, а въ нарочитые дни и болѣе“, но ни разу не позвалъ митрополита или кого-нибудь изъ духовенства. Въ обхожденіи со всѣми онъ тоже былъ простъ и обо всѣхъ участливо узнавалъ, кому какъ живется, но объ одномъ митрополитѣ ничего не хотѣлъ знать. Митрополитъ Павелъ почувствовалъ обиду отъ этого пренебреженія, но еще не сробѣлъ и надѣялся дать Чичерину урокъ и заставить его понять, что духовное величіе выше плотского: митрополитъ скрылъ обиду на сердцѣ своемъ, терпѣлъ до „торжественнаго именитаго дня Александра Невскаго“ и въ тотъ день собрался служить съ великою пышностію, чтобы напомянуть людямъ и о своемъ величіи. Говорили, будто бы онъ намѣревался даже чѣмъ-то „уловить Чичерина въ несоблюденіи“ и хотѣлъ произнесть ему обличеніе; но всѣ эти

---

[1]) Павелъ Конюскевичъ былъ митрополитомъ въ Тобольскѣ съ 1758 по 1768 г. Вмѣстѣ съ Чичеринымъ служилъ въ Тобольскѣ шесть лѣтъ (съ 1762 по 1768).

намѣренія митрополита остались невыполненными, а Чичеринъ страшно восторжествовалъ. Дѣло было въ томъ, что это разсчитанное столкновеніе произошло въ *орденскій день* того самаго ордена, котораго Чичеринъ былъ кавалеромъ и „имѣлъ его одѣяніе". А потому едва митрополитъ началъ свое торжественное служеніе, незамѣтно чѣмъ превосходящее обыкновенное архіерейское служеніе, какъ на площади Тобольска открылось никогда еще здѣсь невиданное и поразительное зрѣлище: это было шествіе, которое совершалъ самъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, „облеченный въ орденскую *мантію*" (которую простой народъ называлъ „мантиліей"). Онъ шествовалъ въ соборъ въ семъ величественномъ и никѣмъ до сей поры невиданномъ одѣяніи, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками въ расшитыхъ мундирахъ, а за ними все множество людей, которые успѣли собраться и слѣдовали за великолѣпнымъ выходомъ Чичерина. Въ городѣ всѣ побѣжали смотрѣть на губернатора, и смятеніе, сдѣлавшееся по этому случаю, проникло даже въ храмъ, гдѣ служилъ архіерей, и здѣсь, какъ заслышали, что по улицѣ идетъ губернаторъ „въ мантильѣ", всѣ выскочили изъ церкви и гурьбою повалили встрѣчать и сопровождать Чичерина въ мантіи... Митрополитъ остался въ храмѣ съ одними своими сослужащими, да и изъ тѣхъ нашлись легкомысленники, которые бросились къ окнамъ и все позабыли, смотря на Чичерина, который казался имъ „совсѣмъ какъ карточный король". Зрѣлище это имѣло какое-то ошеломляющее вліяніе на тобольцевъ. Говорятъ, что когда „Чичеринъ въ мантиліи" и со свитою изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ прошелъ уже весь путь отъ своего дома до собора и поднимался на всходы храма, то растерявшіеся звонари, не зная, какъ имъ поступать, подняли трезвонъ, а народъ вопрошалъ: „неужели еще Соломонъ болѣе сего былъ въ славѣ своей?" И въ храмѣ люди будто уже „ни пѣнія, ни молитвъ не слыхали, а единственно только великолѣпію вельможи дивились". По окончаніи же службы, когда Чичеринъ обратился къ выходу", не удостоивъ говорить со владыкою", то всѣ люди опять и устремились за своимъ пестрымъ „карточнымъ королемъ" и не ожидали владыческаго благословенія. Такъ всѣхъ плѣнило и увлекало показанное Чичеринымъ великолѣпіе, передъ которымъ благочестіе города Тобольска не устояло, и люди обнаружили всю свою суетность!

„Народъ рукоплеща" проводилъ батюшку Діонисія Ивановича до его губернаторскаго дома или „дворца", и по пути многіе „ловя лобызали его руки, кои онъ простиралъ имъ изъ мантіи" [1]).

[1]) Объ этой „мантіи", или „мантиліи", въ которой Чичеринъ сдѣлалъ „орденское

Потомъ же Чичеринъ „давалъ обѣдъ при громѣ музыки, орудій и неумолкаемой ружейной стрѣльбѣ".

Митрополитъ Павелъ увидалъ, что ему съ такимъ противникомъ не справиться: онъ болѣе на Чичерина и не пошелъ, а сталъ говорить о своемъ желаніи ѣхать въ Кіевъ на богомолье. Губернаторъ же забиралъ ретиво, и управленіе его многимъ нравилось; это было управленіе во вкусѣ Гарунъ-Аль-Рашида: Чичеринъ вставалъ съ постели въ четыре часа утра и допускалъ къ себѣ всѣхъ просителей безъ доклада, и рѣшалъ самъ дѣла всякаго рода безъ исключенія. Такое судбище у насъ до сихъ поръ имѣетъ своихъ приверженцевъ. Чичеринъ выслушивалъ жалобщика и сейчасъ же посылалъ за отвѣтчикомъ, а иногда и прямо сразу опредѣлялъ: кто правъ, а кто виноватъ, и „правымъ оказывалъ скорѣе удовлетвореніе, а ябедниковъ наказывалъ въ то же время". Наказанія онъ часто производилъ „отечески", т.-е. собственноручно, или черезъ „ближайшую особу". Это тоже нравилось; говорили: „отца родного не надо какъ Діонисъ Иванычъ: поучитъ, а несчастнымъ не сдѣлаетъ". „Такъ поступалъ онъ и съ подчиненными своими, впадавшими въ проступки; но за гнѣвомъ немедленно слѣдовали милости, а если то было напрасно, то и извиненія". „Вспыльчивость и горячность его не долго продолжались", и когда гнѣвъ съ него сходилъ, онъ „старался оказывать каждому услуги" и слылъ за человѣка „добраго сердца". „Въ занятіяхъ былъ *неутомимъ*" и легко переходилъ отъ одного дѣла къ другому. Онъ не только былъ высшій правитель „обширнѣйшаго края", но не пренебрегалъ и низшими обязанностями полиціймейстера: вставалъ ночами, бралъ съ собою гусаровъ и вдругъ наѣзжалъ въ такія мѣста, гдѣ могли быть темныя сборища и безпорядки, и сейчасъ же самъ возстановлялъ здѣсь порядки... Даже самое увеселеніе собранныхъ имъ къ себѣ гостей не удаляло Чичерина отъ страсти къ быстрой расправѣ. „Если до него доходили какія-либо происшествія во время

шествіе", разсчитанное на то, чтобы импонировать тобольскому митрополиту Павлу Конюскевичу, упомянуто у Бантыша-Каменскаго, но указаніе, кажется, не обстоятельно и сбивчиво. Чичеринъ пріѣхалъ въ Сибирь въ 1762 г., а въ 1765 получилъ орденъ св. Анны тогда еще голштинскій; орденъ же Александра Невскаго данъ ему въ 1785. Митрополитъ же Павелъ „спассовалъ" передъ Чичеринымъ и „уволился въ Кіевъ по обѣщанію въ 1768 году". Слѣдовательно, демонстративное „шествіе", въ видѣ короля, Чичеринъ могъ произвесть не ранѣе 1765 года и вѣроятно былъ при томъ въ „орденскомъ одѣяніи" или въ мантіи св. Анны, а не Александра Невскаго, красная бархатная мантія котораго на бѣломъ подбоѣ установлена только въ 1797 г. имп. Павломъ, при „улучшеніи одѣянія" этого ордена. Чичеринъ тогда уже не жилъ († 1785).

съѣздовъ (т.-е. при гостяхъ), то онъ безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ переходилъ изъ гостиныхъ покоевъ въ канцелярію, допрашивалъ здѣсь прикосновенныхъ и виновныхъ наказывалъ", а потомъ возвращался къ дамамъ съ пріятностью, не объявляя никому о томъ, что̀ дѣлалъ". Только особенно близкія персоны знали, что̀ значитъ такое удаленіе. Получивъ во время бала извѣстіе о томъ, что у него показались пугачевскія шайки, Чичеринъ вышелъ изъ залы, оставивъ гостей веселиться, а „когда надлежало гостямъ разъѣзжаться, онъ раздалъ повеселѣвшимъ чиновникамъ запечатанные конверты и отдалъ приказъ выступить двумъ ротамъ, „съ тѣмъ, чтобы врученныя бумаги были вскрыты не позже, какъ по прибытіи ихъ въ назначенныя мѣста". Отъ этого въ Тобольскѣ получился большой эффектъ; но тамъ, куда выступившіе пришли, ихъ встрѣтили неудачи, зависѣвшія отъ того, что скорое распоряженіе, послѣдовавшее подъ звуки бальной музыки, оказалось очень неудобнымъ при встрѣчахъ съ разбойниками. Впрочемъ, къ удовольствію Чичерина, посланные имъ „экспромту" войска хотя и пострадали и самыхъ важныхъ людей упустили, но всетаки изловили нѣсколько „бунтовщиковъ, вспомоществовавшихъ Пугачеву", и Чичеринъ сейчасъ же четверыхъ изъ нихъ повѣсилъ въ Тобольскѣ. Это почиталось достаточнымъ, въ смыслѣ благопріятнаго впечатлѣнія...

Чичеринъ видѣлъ, конечно, и всѣ дурныя стороны мѣстнаго церковнаго управленія и не прочь былъ сдѣлать что-нибудь лучшее; но по его мнѣнію—ему „не съ кѣмъ было объ этомъ говорить"; митрополитъ Павелъ, котораго онъ засталъ въ Тобольскѣ, былъ ему неугоденъ, а митрополитъ тоже говорилъ, что „не желаетъ имати въ немъ тивуна или судью духовныхъ дѣлъ, по примѣру тивуна Маноилова, исправлявшаго чинъ церковной оправы" [1]). На этихъ ихъ „контрахъ" застряли и сборы за „небытіе", и безпрепятственно совершалось „дониманіе за скверноядство". Чтобы улучшить что-нибудь въ церковномъ управленіи, Чичерину казалось необходимымъ сбыть съ рукъ Павла и посадить на его мѣсто другого человѣка, болѣе съ нимъ согласнаго. Но Павелъ просился на богомолье, а пока все-таки не уступалъ и старался платить Чичерину око за око и зубъ за зубъ. Наконецъ онъ до того разсердилъ Чичерина, что тотъ (какъ повѣствуетъ „Тобольскій Лѣтописецъ") „во время гулянья на масляницѣ приказалъ своимъ прислужникамъ нарядиться въ монашеское платье и въ такомъ видѣ заѣзжать въ городскіе кабаки и раз-

[1]) Упоминается въ Стоглавѣ, № 525.

вратные дома; а митрополитъ въ свою очередь, въ отплату Чичерину, приказалъ (sic) въ одной градской церкви на картинѣ страшнаго суда изобразить на первомъ планѣ Чичерина, котораго тянутъ крюкомъ за животъ въ пекло рогатые бѣсы" [1]).

Чичеринъ этого будто не устыдился, а только смѣялся надъ этимъ. Онъ ужъ такъ „усилился", что сталъ „давать около Тобольска чиновникамъ заимки и производить ихъ въ сибирскіе дворяне", и митрополитъ, видя его усиліе, опять началъ проситься у Сvнода въ Кіевъ на богомолье, гдѣ и умеръ, а на его мѣсто въ Сибирь былъ назначенъ Варлаамъ (Петровъ), „братъ славнаго новгородскаго митрополита, съ которымъ Чичеринъ находился въ дружескихъ связяхъ" [2]).

Варлаамъ дѣлалъ все угодное губернатору: онъ назвалъ „сборъ за небытіе" „самонужнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ" и не мѣшалъ Чичерину „быть тивуномъ" на самомъ дѣлѣ: при немъ Денисъ Ивановичъ ѣздилъ ревизовать духовенство и забралъ къ себѣ нѣсколько поповъ въ канцелярію, куда имѣлъ обычай заходить иногда по домашнему—въ бешметѣ и съ арапникомъ въ рукѣ.

Однако, все это сокрушило только тѣхъ, которые попались „тивуну", а остальные продолжали всѣ свои безчинства и „гонялись за очищеніемъ скверноядства". Съ этой послѣдней заботой здѣсь дошли до такого изступленія, что въ постоянныхъ охотахъ „попы даже дни позабыли", что̀ и послужило этому дѣлу *какъ бы* къ закончанію.

XX.

Въ 1780 году Чичеринъ, произведенный въ чинъ генералъ-поручика, оставилъ Сибирь. Духовенство пріободрилось и повело дѣло по старинѣ, въ духѣ „Арсеніевой независимости". „Народцы" терпѣли въ молчаніи. Надъ Европой пронеслись величайшія событія, именуемыя французскою революціею; въ Москвѣ побывали дванадесять языкъ; облеченные довѣріемъ государя сенаторы Лопухинъ и Нелединскій, увидавъ расправу съ молоканами въ Харьковѣ, дѣлали представленія въ духѣ терпимости; и всѣмъ было извѣстно желаніе императора „воздержать начальниковъ въ предѣлахъ ихъ власти" („Р. Арх.", стр. 104), а въ сибирскихъ тундрахъ съ крещеными „народцами" дѣлали все, что̀ хотѣли, и это не-

---

[1]) Выписано изъ „Тобольск. Лѣтописца".

[2]) Слов. дост. люд., т. V, стр. 279.

обузданное безчинство дошло до того, что наконецъ сами просвѣтители потеряли память и разучились различать дни въ недѣлѣ.

Въ 1819 году поѣхалъ по Сибири какой-то „именитый путешественникъ". Прибывъ на рѣку Тазъ, онъ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ тамошней церкви, „въ чемъ, однако, не могъ получить себѣ удовлетворенія" [1]). Почему именно богомольный путешественникъ „не получилъ удовлетворенія"—изъ матеріаловъ, дошедшихъ ко мнѣ отъ генерала Асташева, не видно; видно одно, что „сіе было въ *четвертокъ*, но мѣстный священникъ доказывалъ путешественнику, что *день тотъ былъ пятокъ*, и такимъ образомъ (выходитъ, что) *вмѣсто воскреснаго дня священникъ отправлялъ службу въ субботу*, а воскресный день оставлялъ безъ литургій".

Путешественникъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ князю Александру Николаевичу Голицыну. Князь Голицынъ тогда имѣлъ обширную власть: онъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [2]), а сверхъ того [3]) управлялъ еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и именовался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ могъ сдѣлать очень много и вообще „эту эпоху дѣятельной жизни своей ознаменовалъ подвигами, достойными перейти въ потомство" [4]). Его уже называли: „другъ царя и человѣчества" [5]), и онъ дѣйствительно нерѣдко успѣвалъ быть „доступенъ голосу обидимыхъ несправедливостью" и „не любилъ нетерпимости, а уважалъ чистое христіанское благочестіе".

Письмо, написанное путешественникомъ съ Таза, пришло къ князю Голицыну одновременно съ „извѣстіемъ изъ Туруханска, что священники тамошняго края заражены корыстолюбіемъ и сильно притѣсняютъ ясашныхъ инородцевъ".

Оба извѣстія, кажется, послѣдовали изъ одного и того же источника, т.-е. отъ путешественника, который увидалъ безпорядки и злоупотребленія сибирскаго духовенства и находилъ себя въ благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы обратить на это непосредственное вниманіе „высокомощнаго друга человѣчества" [6]).

---

[1]) Предложеніе министра духовн. дѣлъ, получ. архіеписк. тобольскимъ Амвросіемъ Келембетомъ 16-го апрѣля 1820 г.

[2]) Съ 16-го ноября 1817 г.

[3]) Въ 1819 г.

[4]) Слов. достопамятн. людей, т. I, стр. 418.

[5]) Ibidem.

[6]) Такой образъ дѣйствій тогда не считался за дерзкое вмѣшательство „непри-

Голицынъ немедленно же далъ ходъ этому дѣлу, направя его „по вѣдомству духовныхъ дѣлъ". Архіепископъ тобольскій Амвросій (1-й) Келембетъ [1]), 16-го апрѣля 1820 г., получилъ отъ князя Голицына „строжайшее предписаніе произвесть немедленное и самострожайшее слѣдствіе", какъ о священникахъ „сильно притѣсняющихъ ясашныхъ инородцевъ", такъ и о тазовскомъ священникѣ, который помѣшалъ дни.

Дѣла эти, показавшіяся князю Голицыну за что-то необычайное, въ Тобольскѣ никого не удивили: здѣсь всѣ знали, что ясакъ собирается съ дикарей духовными искони и постоянно и всегда въ произвольномъ размѣрѣ; священники же, странствуя въ отдаленныхъ мѣстахъ, „путаютъ дни", а потому за это даже нельзя было строго и взыскивать, такъ какъ у священниковъ „часовъ численныхъ не было и въ разъѣздахъ ихъ дни у нихъ нерѣдко приходили въ забвеніе".

Архіепископъ Амвросій доставилъ объясненіе, что „на притѣсненія ясашныхъ священниками" жалобы дѣйствительно иногда бывали, но что дѣла эти были несерьезны и „или прекращались сами собою, за давностію времени, или оканчивались взаимнымъ примиреніемъ; а если дикари могли представить несомнѣнныя доказательства, что ихъ „обираютъ, тогда причту „былъ выговоръ".

Князю Голицыну, однако, разсказали, что въ Сибири всѣ изслѣдованія о разорительныхъ поборахъ духовенства производитъ обыкновенно „одинъ сосѣдній священникъ надъ другимъ таковымъ же", и потому они другъ друга покрываютъ и лгутъ, и на ихъ изслѣдованія полагаться нельзя. Голицынъ поблагодарилъ за указаніе и принялъ противъ сибирской поповской взаимщины такія мѣры, которыя, по мнѣнію этого высокопоставленнаго вельможи, должны были положить конецъ злоупотребленію слѣдователей, а вмѣсто того сдѣлали невозможнымъ даже самое начало слѣдствія.

XXI.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначилъ слѣдствіе надъ „тазовскимъ забвенникомъ" и надъ при-

званнаго самозванства" и всѣ знали, что откровенныя мнѣнія сенатора Лопухина о русской набожности были приняты государемъ какъ умное и правдивое слово, а Лопухинъ смотрѣлъ такъ, что „хотя у насъ въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: „люби Бога, люби ближняго", но не воспитываютъ той натуры, коей любовь свойственна; а это все равно какъ бы разслабленнаго больного, не вылечивъ и не укрѣпивъ, заставить ходить" („Р. Арх." 84 г., стр. 17).

[1]) Еп. тоб. съ 1806 по 1822 г. (уволенъ 21-го дек. 1822 г.). См. Юр. Толстой.

тѣснителями дикихъ скверноядцевъ, предписавъ, чтобы слѣдствіе это производилось „съ прикомандированіемъ депутата со свѣтской стороны". Депутатъ съ свѣтской стороны еще могъ быть допущенъ по уголовному дѣлу, въ которомъ вмѣшаны міряне и клирики, но по дѣлу чисто церковному, каково есть по своему существу недоразумѣніе между прихожанами и духовникомъ,—депутатъ съ свѣтской стороны представлялся лицомъ неумѣстнымъ, излишнимъ и крайне нежелательнымъ. А потому въ Тобольскѣ думали, что архіерей Амвросій Келембетъ „не подчинится" и не допуститъ свѣтскаго депутата къ слѣдствію между прихожанами и ихъ духовникомъ, но Амвросій не только подчинился, а даже засуетился и заспѣшилъ. Онъ призвалъ къ себѣ секретаря консисторіи и „повелѣлъ ему въ два дня сдѣлать все какъ указано". Тобольская консисторія разсудила, что ужъ если спѣшить, такъ спѣшить, и дѣйствительно въ два дня провела все: докладъ, журналъ, особый протоколъ и исполненіе, — и все въ томъ духѣ, какъ угодно было „другу людей". По предложенію или предписанію, полученному тобольскимъ архіереемъ только 16-го апрѣля, 19-го апрѣля уже былъ посланъ „самонужнѣйшій указъ" консисторіи въ туруханское духовное правленіе „о самонаистрожайшемъ производствѣ слѣдствія, по пунктамъ, указаннымъ въ *предписаніи* министра".

Указъ этотъ скакалъ до Туруханска два мѣсяца, — и зато, какъ только духовное правленіе его распечатало, такъ сейчасъ же отнеслось въ тамошній земскій судъ о „самонемедленнѣйшемъ командированіи депутата".

Тутъ Голицынское строгое предписаніе и стерли въ порошокъ.

Весь личный составъ туруханскаго земскаго суда состоялъ въ эту пору *изъ одного секретаря*, который самъ себя командировать не могъ. Исправникъ же и дворянскій засѣдатель (въ Туруханскѣ!!) были „въ отлучкахъ по обширному краю, и судъ не могъ дать свѣденій: гдѣ они въ данное время находятся".

Ихъ ждали до октября мѣсяца, а въ это время духовное правленіе, чтобы показать свою дѣятельность, „еженедѣльно писало въ земскій судъ повторенія о командированіи депутата, а секретарь земскаго суда тоже еженедѣльно отвѣчалъ, что командировать некого, ибо всѣ члены въ расходѣ".

Наконецъ, секретарю земскаго суда надоѣло, что духовное правленіе такъ щеголяетъ своею исполнительностью и настояніями, и онъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, самъ „запросилъ правленіе: на какія средства долженъ отправиться депутатъ по обширному краю", такъ какъ Сперан-

скій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и „чиновники даромъ не ѣздили, а тоже платили бы прогоны".

Правленіе не нашлось, чтò отвѣчать, и сдѣлало представленіе въ консисторію, а консисторія отнеслась въ губернское правленіе, а губернское правленіе потребовало справокъ отъ туруханскаго земскаго суда (вѣроятно, о разстояніяхъ), и *прошелъ годъ*, а слѣдователи изъ Туруханска еще не выѣхали и справы о „небытіи" и о „скверноядствѣ" все шли по старому, своимъ удивительнымъ порядкомъ.

Но вотъ въ декабрѣ 1820 года въ Туруханскъ возвратился изъ долгаго объѣзда исправникъ Воскобойниковъ, и ему сейчасъ же объяснили, что онъ опять долженъ немедленно ѣхать по важному дѣлу, указанному министромъ.

Воскобойниковъ не сталъ ждать разрѣшенія вопроса о прогонахъ и готовъ былъ сейчасъ выѣхать, но въ это самое время пріѣхалъ засѣдатель Минголевъ и сообщилъ, что „ясачные по рѣкамъ Тазу и Турухану всѣ разъѣхались по своимъ промысламъ и собрать ихъ для слѣдствія теперь нельзя".

Надо было ждать весны 1821 года. Дождались. Депутатъ былъ готовъ и долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ слѣдователемъ, а слѣдователемъ былъ назначенъ второй членъ туруханскаго духовнаго правленія священникъ Александръ Верещагинъ,—родной братъ того „тазовскаго забвенника", который „перебилъ дни" и надъ которымъ надо было производить строжайшее слѣдствіе. Каково бы ни вышло это слѣдствіе, производимое братомъ надъ братомъ, но и оно, однако, не состоялось, потому что священникъ Александръ Верещагинъ передъ выѣздомъ изъ Туруханска умеръ. Во всемъ городѣ теперь оставался только одинъ священникъ, протоіерей Куртуковъ, но онъ не могъ командировать самого себя, да и не могъ оставить городъ безъ требоисправителя.

Все какъ будто издѣвалось надъ „другомъ людей".

Когда донесли объ этомъ, весною 1820 года, консисторіи, она уже не приняла дѣла съ прежнею горячностью и сама протянула съ отвѣтомъ до осени, а осенью послала въ Туруханскъ такое предписаніе, которое „удивило всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ же и свѣтскихъ". А именно: тобольская духовная консисторія, какъ будто на смѣхъ надъ предписаніемъ министра, назначила слѣдователемъ „содержавшагося въ туруханскомъ монастырѣ штрафного попа Чемесова", который былъ присланъ въ туруханскій монастырь изъ Томска „за безмѣрное пьянство и буйство и за неудобь-описуемые поступки".

Назначеніе это такъ смутило туруханскаго исправника Воско-

бойникова, что онъ отмѣнилъ свое намѣреніе—самому ѣхать депутатомъ съ свѣтской стороны, и послалъ къ Чемесову вмѣсто себя смотрителя поселенцевъ Данилова.

Но пока и эти неавантажные слѣдователи собрались выѣзжать, кочевники ихъ не стали дожидаться и разсѣялись по своимъ промысламъ.

Опять начинаются ожиданія до весны 1822 года, и на этотъ разъ „штрафной попъ" Чемесовъ выѣхалъ „для всчатія дѣла" и, выѣхавши, сдѣлалъ для начала кое-что такъ хорошо, какъ нельзя отъ него было и надѣяться.

XXII.

Прежде всего Чемесовъ принялся за „тазовскаго забвенника", какъ за лицо, допустившее „анекдотъ", оскорбившій особу именитаго путешественника.

Забвенникъ повинился, что онъ дѣйствительно „помѣшался въ счетѣ дней", и что случилось это, вѣроятно, въ ноябрѣ или въ декабрѣ, когда въ ихъ мѣстахъ солнце почти не показывается и весь край освѣщается одними сѣверными сіяніями, а потому не разберешь иногда: когда надо ложиться и когда вставать, и въ это темное время не съ нимъ однимъ бываетъ, что днями ошибаются и путаются.

— „Въ этомъ каюсь".

Слѣдователь донесъ какъ дѣло было, а самъ отправился „сыскивать", какъ обижаютъ „небытейщиковъ и скверноядцевъ", и опять, кажется, имѣлъ намѣреніе показать правду,—по крайней мѣрѣ то, о чемъ донесъ Чемесовъ, было не противъ обидимыхъ, а *за нихъ*, и противъ обидчиковъ; но тутъ бѣдный Чемесовъ спутался и встрѣтилъ множество препятствій для окончанія слѣдствія.

Между тѣмъ открытія Чемесова все-таки драгоцѣнны: онъ отыскалъ такихъ небытейцевъ, которымъ нельзя было и явиться „бытейцами", такъ какъ это были люди, которые совсѣмъ не считали себя христіанами. Они откровенно и прямо говорили, что не знаютъ, отчего ихъ называютъ крещеными, и что они никогда не бывали у исповѣди, да и родители ихъ и дѣды тоже никогда не бывали, а платить штрафъ за небытіе они согласны, потому что пусть это такъ идетъ, какъ издавна повелось, лишь бы ихъ „не гоняли", но отчего такъ повелось—они тоже не знаютъ. Объ обидахъ, какія потерпѣли „скверноядцы", дознавать

было очень трудно, такъ какъ со времени заявленія объ этомъ путешественникомъ уже прошло два года, въ теченіе которыхъ кочевники не разъ перемѣнились мѣстами, а тѣ, которые не измѣнили мѣстъ, все-таки не искали случая свидѣться съ слѣдователемъ, а напротивъ, „удалялись за рѣки". Чемесовъ, однако, все-таки кое-кого изъ этихъ людишекъ настигъ и дозналъ отъ нихъ, что поборы за скверноядство были большіе и никогда не кончались. Приходы ясашные были велики,—верстъ на тысячу и даже на полторы [1]), и прихожане тутъ осѣдло не живутъ, но Чемесовъ кое-кого достигалъ, и въ Имбацкомъ приходѣ узналъ, что дѣйствительно ихній священникъ, по фамиліи Кайдаловъ, „наложилъ на нихъ ясакъ *за скверноядство*" и бралъ за прочтеніе разрѣшительной молитвы отъ скверноядснія за каждаго человѣка въ большой семьѣ по 20 бѣлокъ, а въ маломъ семействѣ по 30 бѣлокъ съ души, и что платежъ этотъ очень тягостенъ, такъ какъ „скверно ѣсть" дикарямъ приходится постоянно и постоянно же надо за это платить духовенству, а „хорошей ѣды достать негдѣ. Кромѣ того, Чемесовъ разслѣдовалъ, что ясашные Имбацкаго прихода платили священнику Кайдалову по 20 бѣлокъ въ годъ за скверноядство, да по 30 бѣлокъ за житье съ невѣнчанною женою, и по 20 бѣлокъ „за дѣтеныша", а кто „отбѣгалъ" отъ этого ясака, съ тѣхъ Кайдаловъ „донималъ еще дороже: такъ, напримѣръ, остяки Сѣрковъ и Тайковъ не являлись два года очищаться отъ скверноядснія", и Кайдаловъ, прослѣдивъ это, требовалъ съ нихъ по два соболя, а когда они не признавались на исповѣди, то онъ тутъ же въ церкви таскалъ ихъ за волосы и ругалъ всячески, а какъ Сѣрковъ еще не зналъ наизусть молитвъ, то Кайдаловъ заперъ его въ холодной церкви и морилъ тамъ въ холодѣ двое сутокъ голодомъ, но тотъ все-таки молитвы не выучилъ, а „подалъ ему двухъ соболей". Съ остяка Ивана Ортюгина, который питался одною медвѣжьей говядиной, священникъ взялъ ясака за молитву два соболя да тридцать бѣлокъ". И такихъ случаевъ, гдѣ священникъ Кайдаловъ ясно уличался въ злоупотребленіяхъ указаннаго рода, Чемесовъ ввелъ въ дѣло „больше сотни".

Тогда увидали, что на смѣхъ назначенный въ слѣдователи „штрафной попъ" и пропойца Чемесовъ ведетъ дѣло какъ энергическій и справедливый человѣкъ, и попъ Чемесовъ исчезаетъ и о немъ больше не упоминается, а небезуспѣшно начатое имъ

[1]) Напримѣръ, тазовскій приходъ—900 верстъ, хантайскій—1.200, и хатагансkій—1.350 верстъ.

дѣло тянулось многіе годы и, дошедши опять до тобольской консисторіи, получило себѣ тамъ очень умиротворяющее заглавіе, а именно, его наименовали здѣсь: „Туруханское дѣло *о злоупотребленіи природною простотою жителей*".

Болѣе удачнаго тона для смягченія некрасивой сущности этого дѣла, кажется, трудно было придумать; но однако священникъ Кайдаловъ и этимъ еще остался недоволенъ и когда ему дали „вопросные пункты",—между прочимъ, не употреблялъ ли онъ во зло простоту мѣстныхъ природныхъ жителей?—то онъ обидѣлся и отвѣчалъ: „я никакой простоты въ ясашныхъ не знаю, и даже никогда не подозрѣвалъ, что они просты".

Такіе наглые отвѣты Кайдаловъ давалъ въ 1824 году, зная, что князь А. Н. Голицынъ уже охладѣлъ къ письму именитаго путешественника и не слѣдилъ за этимъ грубымъ дѣломъ, такъ какъ вниманіемъ его послѣ пользовались иныя дѣла, на которыя „смотрѣла Европа": въ 1820 г. „въ Одессѣ и Кишиневѣ появилось до десяти тысячъ греческихъ выходцевъ, удалившихся изъ Константинополя, и многіе изъ сихъ несчастныхъ единовѣрцевъ нашихъ были ввержены въ нищету". Голицынъ старался „на нихъ обратить вниманіе императора Александра I-го и исходатайствовалъ позволеніе открыть въ ихъ пользу подписку, которою и собралъ 900.000 рублей", а потомъ сейчасъ же „приступилъ къ сбору для хіосцевъ и критянъ, и умѣлъ и на этотъ предметъ собрать до 750.000", а въ 1824 г., когда Кайдаловъ нахальничалъ, давая отвѣты, Голицынъ былъ уже уволенъ отъ званія министра духовныхъ дѣлъ, и опасаться его было нечего. Такъ это дѣло и протянули; а затѣмъ наступилъ 1825 годъ,—годъ кончины императора Александра I-го и другихъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, событій, измѣнившихъ духъ и направленіе въ управленіи всѣми дѣлами.

Это же повліяло и на судьбу всѣхъ дѣлъ о „небытіи" и о „скверноядствѣ", соединенныхъ въ одно дѣло, получившее общее заглавіе: „о туруханской простотѣ".

Но и теперь это дѣло еще не сразу забросили (что̀ было бы лучше), а пошли „смѣшить имъ людей", и стали „разыскивать и вызывать въ туруханское духовное правленіе къ слѣдствію тунгусовъ и остяковъ, кочевавшихъ въ Сургутскомъ и Обдорскомъ краѣ, около Обской губы, т.-е. слишкомъ за двѣ тысячи верстъ". А тѣ „кочевали въ мѣстахъ недоступныхъ за тундрами, зимой уже отходили промышлять звѣря, такъ что и найти ихъ было невозможно". „*Нѣсколько лѣтъ* еще ѣздили за ними отъ Оби до

Лены, чтобы собрать этихъ прихожанъ, и убѣдились, что невозможно не только собрать ихъ, но нельзя получить свѣденій: гдѣ ихъ искать“. Тогда ужъ не было ни побужденій, ни выгодъ—что-нибудь придумывать еще, а настало время бросить дѣло, которое лучше было бы и не начинать.

XXIII.

Послѣдній актъ величайшей подъяческой продерзости и смѣлости заключался въ томъ, что когда „бумажное дѣлопроизводство“ „о злоупотребленіи простотою“ сдѣлалось „чрезмѣрно велико“ и его неудобно стало ни возить съ собою, ни пересылать по почтѣ, тогда нашли нужнымъ посадить за это дѣло подъячихъ, чтобы они составили изъ него „экстрактъ“.

Подъячіе въ туруханскомъ духовномъ правленіи были „лядащіе“, малотолковитые, и „въ сочиненіи не искусные“, а при томъ были подавлены тяжкими обстоятельствами при самоничтожнѣйшемъ жалованіи“. Они жили „даяніями“ и „вымоганіями“, которыя могли собирать съ дѣлъ, по которымъ былъ на-лицо живой проситель, а по необъятному дѣлу „о злоупотребленіи простотою“ некому было ни ходить, ни приносить поминки, и потому оно подъячихъ не интересовало. Но и кромѣ того они не могли бы разобраться въ этомъ дѣлѣ при его страшномъ объемѣ и при той путаницѣ, которой оно было преисполнено; однако они все-таки „экстрактъ“ сдѣлали, и при томъ очень замѣчательный; а когда туруханское духовное правленіе захотѣло проредактировать это произведеніе, то оказалось, что въ немъ нельзя ничего понять!.. Довольно бы, кажется, но нѣтъ!—духовное правленіе послало отношеніе въ туруханскій земскій судъ, прося его: „*выслать* въ оное правленіе *всѣхъ* прикосновенныхъ къ дѣлу, для подтвержденія ихъ первоначальныхъ показаній и для *рукоприкладства подъ экстрактомъ*“.

Такъ какъ это происходило уже въ тридцатыхъ годахъ нынѣ уже истекающаго XIX-го столѣтія, то тутъ только этому дѣлу „о злоупотребленіи простотою“ наступилъ конецъ; туруханскій земскій судъ, увидавъ, что отъ него требуютъ нѣчто чудовищное,—чтобы онъ собралъ и „выслалъ въ Туруханскъ всѣхъ дикарей, кочующихъ по сѣверной Сибири отъ Чукотскаго носа до Урала“, то онъ и призналъ за самое лучшее—ничего не дѣлать.

Такимъ образомъ, только черезъ такое благоразумное отно-

шеніе къ этому дѣлу оно и получило конецъ—слишкомъ послѣ столѣтняго производства. Можетъ быть, что акта о зачисленіи его конченнымъ и о сдачѣ въ архивъ и до сихъ поръ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе съ тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія о дѣлѣ этомъ больше нигдѣ не упоминается, и оно теперь не имѣетъ уже никакого значенія для канцелярій, а представляетъ собою только цѣнный матеріалъ лишь для бытовой исторіи Сибири прошедшаго вѣка.

Николай Лѣсковъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Изъ личныхъ воспоминаній.

VIII *).

Меньше чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ, восточные штаты Сѣверо-Американскаго Союза были совершенно отдѣлены отъ западнаго тихо-океанскаго побережья. Путешествіе сухимъ путемъ, черезъ Великую пустыню и хребты Скалистыхъ горъ, было сопряжено съ чрезвычайными трудностями и опасностями и требовало иногда цѣлаго года времени. Открытіе золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи въ 1849 году, а затѣмъ завоеваніе и присоединеніе къ Союзу всего западнаго берега отъ границъ англійскихъ владѣній до нижней Калифорніи, вызвали сильную эмиграцію съ востока на западъ; исторія „золотой горячки", которая охватила всѣ штаты Союза въ 1849, 1850 и послѣдующихъ годахъ вплоть до междоусобной войны, и до сихъ поръ служитъ предметомъ изумленія даже для самихъ американцевъ, народа вообще чрезвычайно предпріимчиваго и подвижного. Въ теченіе трехсотъ лѣтъ испанскаго—а впослѣдствіи мексиканскаго—владычества Калифорнія спала непробуднымъ сномъ; католическое духовенство было единственнымъ руководителемъ индѣйскаго населенія и тѣхъ немногихъ коронныхъ чиновниковъ, которые отъ времени до времени присылались метрополіей для номинальнаго управленія страной. Все бѣлое населеніе тихо-океанскаго побережья не превышало, вѣроятно, десяти тысячъ, когда авантюристъ Фримонтъ, хотя и состоявшій на государственной службѣ Союза, но не

*) См. выше: мартъ, 320 стр.

имѣвшій ни положительныхъ инструкцій, ни полномочій,—съ помощью союзнаго флота и нѣскольких сотенъ драгуновъ и волонтеровъ провозгласилъ присоединеніе Калифорніи къ Соединеннымъ-Штатамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ этой смѣлой выходки, какъ границы на сѣверѣ—отъ британскихъ владѣній, и на югѣ—отъ Мексики, такъ и внутреннее управленіе были въ самомъ неопредѣленномъ состояніи, и никакого правильнаго сообщенія съ востокомъ Союза не существовало, пока баснословные барыши, дѣлаемые купцами Санъ-Франциско какъ на золотѣ, такъ и на всевозможныхъ товарахъ, не вызвали цѣлаго флота парусныхъ судовъ, обогнувшихъ мысъ Горнъ, а затѣмъ и пароходовъ чрезъ Мексиканскій заливъ съ сухопутнымъ транзитомъ пассажировъ и товаровъ черезъ Панамскій перешеекъ. Парусныя суда требовали отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, а иногда и болѣе, отъ Нью-Іорка до Санъ-Франциско; пароходы черезъ Панаму—иногда до двухъ мѣсяцевъ, причемъ цѣны за переѣздъ достигали пяти и шестисотъ долларовъ за пассажира; часто не было возможности достать какого-либо мѣста на пароходѣ за какую-либо цѣну. Вандербильты положили основаніе своему колоссальному богатству именно перевозкой пассажировъ пароходами въ теченіе „золотой горячки". Само собой разумѣется, что только люди болѣе или менѣе состоятельные могли затрачивать такія суммы; громадное большинство эмигрантовъ добиралось всевозможными путями до западныхъ границъ Миссури и Канзаса—въ то время крайнихъ предѣловъ заселенія съ востока — и оттуда пускались въ путь, черезъ 2.000 миль пустыни и горныхъ хребтовъ, въ повозкахъ. Десятки тысячъ этихъ смѣльчаковъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ женщинами и дѣтьми, погибли на этомъ пути; дороги того времени усѣяны ихъ костями, и многіе караваны погибли цѣликомъ —были уничтожены индѣйцами, засыпаны снѣгомъ въ горахъ или умерли отъ голода и жажды. Тѣмъ не менѣе, наплывъ былъ такъ великъ, что уже въ 1860 году Калифорнія насчитывала около 400.000 жителей, а весь берегъ Тихаго океана—около полумилліона, и страна, кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, начала производить пшеницу и разные другіе земледѣльческіе продукты въ такихъ размѣрахъ, что восточные штаты стали сознавать необходимость прямого и вѣрнаго сообщенія съ этимъ новымъ рынкомъ для сбыта ихъ мануфактуръ. Громче и громче стали раздаваться голоса въ пользу правительственной помощи первой желѣзной дорогѣ, которая пересѣчетъ пустыню и горы и соединитъ востокъ съ новыми землями запада. Конгрессъ занялся этимъ вопросомъ, и уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, съ

неимовѣрными трудностями и подъ прикрытіемъ сильныхъ вооруженныхъ отрядовъ регулярной арміи, съ знаменитымъ генераломъ Шерманомъ во главѣ, была открыта первая желѣзно-дорожная линія, пересѣкшая штатъ Небраску, территорію Юта (Utah) штата Вайомингъ, Айдахо, Неваду и Калифорнію и соединившая порты Атлантическаго океана съ Санъ-Франциско. Около десяти лѣтъ эта линія была единственной и могла существовать только благодаря значительнымъ ежегоднымъ правительственнымъ субсидіямъ; издержки эксплуатаціи были такъ велики, что долго сомнѣвались въ возможности когда-либо обратить эту линію въ исключительно частное предпріятіе. Какъ первоначальная помощь въ видѣ земельнаго и денежнаго гранта, такъ и послѣдующія ежегодныя субсидіи въ пользу этой дороги въ теченіе многихъ лѣтъ служили могучимъ орудіемъ въ рукахъ демократическихъ политикановъ Союза въ ихъ нападеніяхъ противъ республиканской партіи; факты и цифры были извращены и манипулированы до безконечности, и все дѣло вызвало изслѣдованіе особой конгрессіонной коммиссіей всѣхъ дѣловыхъ и финансовыхъ сношеній федеральнаго правительства съ компаніей дороги. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что часть субсидій,—правда, весьма незначительная,—была украдена; первоначальный грантъ, особенно земельный, также какъ-то необыкновенно быстро улетучился въ пространство, оставя только весьма слабый слѣдъ въ казначействѣ компаніи; тѣмъ не менѣе, какъ ни сильны были партизанскія нападки нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи, было доказано неопровержимо, что сама дорога не могла бы быть никогда построена безъ правительственной помощи и несомнѣнно принесла громадную пользу какъ всей странѣ, такъ и федеральному правительству въ особенности, въ дѣлѣ сбереженій на перевозку почтъ и въ особенности войскъ и ихъ провіанта и предметовъ снабженія; индѣйскія войны семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ какъ въ сѣверо-западныхъ территоріяхъ, такъ и на пространствѣ великой американской пустыни, были бы немыслимы безъ этой дороги. Наконецъ, всѣ опасенія относительно неоплатности долговъ дороги оказались совершенно неосновательными: уже въ 1880 году населеніе штатовъ, принадлежащихъ къ району этой дороги, возросло до полутора милліона, и она не только стала справляться успѣшно съ своими текущими расходами, но и начала медленно, но вѣрно расплачиваться съ своими правительственными долгами и дала поводъ къ постройкѣ другихъ, дополняющихъ линій — и въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ четыре новыхъ линіи пересѣкли континентъ Америки отъ океана до океана; въ настоя-

щее время пять отдѣльныхъ системъ соединяютъ порты Атлантическаго океана съ портами Тихаго, и, насколько можно судить по ихъ годовымъ отчетамъ, всѣ онѣ не только оплачиваютъ издержки эксплуатаціи, но и платятъ дивиденды акціонерамъ; населеніе же принадлежащей имъ территоріи возросло свыше трехъ милліоновъ и ростетъ пропорціонально быстрѣе, чѣмъ какая-либо другая часть Союза.

Исходными пунктами трансконтинентальнаго транзита на востокѣ служатъ въ настоящее время города Эль-Пазо на границѣ Тексаса и Мексико, Альбукернъ въ территоріи Нью-Мексико, Денверъ въ Колорадо, Сольтъ-Лэкъ-Сити въ Юта, Чайеннъ въ Вайомингѣ, Фарго въ Сѣверной-Дакотѣ и Виннипегъ въ британской провинціи Манитоба. Отъ Атлантическаго побережья до этихъ пунктовъ путешественникъ можетъ выбрать любую изъ нѣсколькихъ десятковъ дорогъ, концентрирующихся въ этихъ пунктахъ, но далѣе на западъ онъ долженъ ѣхать по одной изъ пяти трансконтинентальныхъ линій. Самой сѣверной является канадская тихо-океанская желѣзная дорога (Canadian Pacific R. R.), начинающаяся въ Виннипегѣ и идущая до городовъ Викторіи и Ванкувера на заливѣ Ванкуверъ въ Тихомъ океанѣ. Дорога эта окончена и открыта всего четыре года тому назадъ, но въ финансовомъ отношеніи стоитъ едва ли не лучше всѣхъ ея старѣйшихъ американскихъ соперниковъ, благодаря относительной прямизнѣ и короткости линіи, замѣчательному плодородію почвы, лѣсному, пушному и минеральному богатству принадлежащей ей территоріи и, главное, преобладанію англійскаго торговаго флота на Тихомъ океанѣ. Съ открытіемъ этой дороги, двѣ трети трансконтинентальной транзитной торговли какъ Соединенныхъ-Штатовъ, такъ и Европы съ Китаемъ, Японіей, островами Тихаго океана и даже Австраліей—перешли безвозвратно въ руки этой дороги, благодаря щедрымъ субсидіямъ британской имперіи парусному и въ особенности пароходному судоходству Тихаго океана. Города Виннипегъ, Викторія и Ванкуверъ, исходные пункты, выросли какъ бы волшебствомъ; страна быстро заселяется, особенно выходцами изъ восточныхъ провинцій англійской Канады, гдѣ нетерпимость и распри мѣстныхъ партій за послѣдніе года дошли до грандіозныхъ размѣровъ и грозятъ открытымъ разрывомъ; многочисленныя побочныя вѣтви строятся каждое лѣто, проникая все дальше на сѣверъ по чрезвычайно плодороднымъ, богатымъ долинамъ рѣкъ сѣверной Канады, и главная линія уже и въ настоящее время справляется съ тру-

домъ съ той массой груза, которую ей приходится передвигать, и которая ростетъ неудержимо съ каждымъ годомъ.

Самая сѣверная изъ трансконтинентальныхъ линій Соединенныхъ Штатовъ, сѣверная тихо-океанская желѣзная дорога (Northern Pacific R. R.) начинается тремя отдѣльными вѣтвями, одной въ Чикаго, другой въ городѣ Дюлютсѣ (Duluth), самомъ западномъ портѣ Верхняго озера и третьей въ Виннипегѣ, въ провинціи Манитоба. Эта линія пересѣкаетъ штаты Висконсинъ, Миннесоту, Сѣверную-Дакоту, Монтану и Айдахо и кончается въ штатѣ Вашингтонѣ портами Сіэттль (Seattle) и Такота на Пюджетъ-Соундѣ, и въ штатѣ Орегонѣ—портомъ Портлэндъ на рѣкѣ Колумбіи. Дорога эта на границахъ штатовъ Миннесоты и Сѣверной-Дакоты пересѣкаетъ долину Красной Рѣки Сѣвера (Red River of the North), въ которой она имѣетъ многочисленныя побочныя вѣтви, и которая въ настоящее время считается житницей Соединенныхъ-Штатовъ и, по качеству пшеницы и по количеству урожая, стоитъ безспорно во главѣ всѣхъ другихъ частей Союза. Штаты Миннесота, Сѣверная-Дакота и Монтана весьма быстро заселяются; они болѣе чѣмъ удвоили свое народонаселеніе въ теченіе прошлаго десятилѣтія, главнымъ образомъ благодаря массѣ нѣмецкихъ и скандинавскихъ эмигрантовъ-земледѣльцевъ, и производство пшеницы въ нихъ съ каждымъ годомъ быстро возростаетъ. Знаменитыя фермы Дальримпля, Стиля и ихъ послѣдователей, съ десятками тысячъ обработываемыхъ акровъ, съ паровыми плугами и всѣми послѣдними нововведеніями машинно-парового земледѣлія, находятся на линіи этой дороги; я имѣлъ случай посѣтить нѣкоторыя изъ нихъ, и, вникнувъ въ детали и стоимость производства, не могъ никоимъ образомъ понять, какъ можетъ русская пшеница успѣшно конкуррировать съ американской, и гдѣ же секретъ того, что она все еще занимаетъ довольно важное мѣсто на всемірномъ рынкѣ? Въ дешевомъ трудѣ или въ хроническихъ убыткахъ земледѣльца, покрывающаго эти убытки изъ другихъ источниковъ?

За послѣднее время производство пшеницы получило значительный толчокъ впередъ, благодаря удешевленію перевозки, послѣдствію усовершенствованій судоходства на Великихъ озерахъ и соединяющихъ ихъ съ Атлантическимъ океаномъ каналовъ; съ прорытіемъ новаго Велландскаго канала между озерами Эри и Онтаріо и съ уничтоженіемъ пороговъ на рѣкѣ св. Лаврентія, громадныя количества пшеницы доставляются съ безконечныхъ полей Дакоты по сѣверной тихо-океанской желѣзной дорогѣ въ порты Чикаго и особенно Дюлютса и съ одной только пере-

грузкой въ китоподобные пароходы (whaleback steamers) передвигаются во всѣ порты Европы и всего міра. Городъ Дюлютсъ и его сосѣдъ, городъ Сюпиріоръ, отдѣленный отъ него только незначительной рѣчкой, за послѣднее десятилѣтіе выросли изъ небольшихъ деревушекъ въ города съ шестидесятитысячнымъ населеніемъ и перегнали Чикаго въ дѣлѣ отправки пшеницы; а судоходство города Детройта, въ штатѣ Мичиганѣ, стоящаго на проливѣ, соединяющемъ озера Гуронъ и Эри, въ которомъ обязаны регистроваться всѣ суда, работающія на Великихъ озерахъ, за послѣдній годъ превысило судоходство Лондона и Ливерпуля, взятыхъ вмѣстѣ, какъ по числу судовъ, такъ и по количеству тоннъ груза.

Сѣверная тихо-океанская желѣзная дорога и въ настоящее уже время перевозитъ болѣе пшеницы, чѣмъ какая-либо другая линія во всемъ Союзѣ; и хотя ея основатель, знаменитый въ лѣтописяхъ американской спекуляціи Джэй Кукъ (Jay Cook) умеръ банкротомъ, и его паденіе въ 1873 году вызвало самый острый и самый тяжелый финансовый кризисъ, который когда-либо разражался въ Америкѣ, разорившая его дорога давно раздѣлалась съ неоплатными, казалось, долгами и, за самое послѣднее время, даже начала платить небольшіе дивиденды. Кромѣ усиленія производства пшеницы, небывалаго даже въ лѣтописяхъ Америки, этой счастливой перемѣнѣ много способствовало учрежденіе на верховьяхъ рѣки Миссури „Іеллоустонскаго Національнаго Парка", (Yeelowstone National Park), привлекающаго каждое лѣто десятки тысячъ туристовъ со всѣхъ концовъ Союза. Паркъ этотъ учрежденъ особымъ актомъ конгресса, заключаетъ въ себѣ значительную территорію, замѣчательную по дикой красотѣ мѣстности и многимъ цѣлебнымъ ключамъ и гейзерамъ; въ немъ построено нѣсколько громадныхъ отелей со всѣми удобствами цивилизаціи, и въ теченіе лѣтняго сезона онъ всегда биткомъ набитъ туристами и больными.

Пшеница составляетъ главный грузъ восточной половины дороги—западная живетъ скотоводствомъ и, главное, лѣснымъ дѣломъ. Вся центральная полоса сѣверо-американскаго континента, начинающаяся отъ границъ Мексико на югѣ и включающая западныя части штата Тексаса, индѣйскую территорію, территоріи Аризону, Нью-Мексико и Юта, части штатовъ Канзаса, Колорадо и Невады, штаты Вайомингъ, Айдахо и Монтану до границъ британскихъ владѣній на сѣверѣ, занимается скотоводствомъ и овцеводствомъ въ большихъ размѣрахъ и снабжаетъ мясомъ не только всѣ большіе города Союза, но и посылаетъ его въ разныхъ видахъ чуть ли не во всѣ концы земного шара. Громад-

ныя стада мясного скота пасутся тамъ, гдѣ еще только двадцать пять лѣтъ тому назадъ блуждалъ только дикій бизонъ, теперь окончательно исчезнувшій и составляющій зоологическую рѣдкость, изрѣдка встрѣчаемую только въ самыхъ отдаленныхъ долинахъ сѣверной Канады. Скотъ этотъ пасется круглый годъ, подвигаясь сообразно съ временами года изъ долинъ въ горы и обратно; десятки и сотни тысячъ погибаютъ ежегодно отъ снѣговъ и бурь на сѣверѣ и отъ недостатка воды и корма лѣтомъ на югѣ—но все-таки скотоводство оплачивается хорошо, благодаря тому, что всѣ расходы сводятся къ наблюденію за скотомъ и къ доставкѣ его на мѣсто сбыта. Пастбище, въ сущности, не ограничено — скотъ иногда дѣлаетъ большіе переходы, и пастухи (cowboys), собственно говоря, не имѣютъ осѣдлости, а перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по состоянію корма и воды. Каждая скотина заклеймена клеймомъ владѣльца, и уничтоженіе или измѣненіе такого клейма считается преступленіемъ, равносильнымъ воровству и грабежу, и еще въ самое недавнее время наказывалось судомъ Линча; и теперь эти коубои или пастухи составляютъ самый грубый классъ американскаго населенія; послѣдній сохранившійся типъ бывшихъ пограничныхъ бравð Америки, которые, отвоевавъ весь Западъ отъ индѣйца, сдѣлали свое дѣло и теперь быстро исчезаютъ съ горизонта, уступивъ свое мѣсто мирному земледѣльцу. Въ извѣстное время года, смотря по мѣстности, когда скотъ наиболѣе тученъ, его сгоняютъ къ желѣзнымъ дорогамъ и отправляютъ на скотобойни городовъ Канзасъ-Сити, Омахи и Чикаго, въ которыхъ расположены самыя значительныя мясныя фабрики Союза. Цѣна скоту всегда дѣлается по его живому вѣсу; скотопромышленники горько жалуются въ послѣднее время на то, что цѣна на скотъ очень низка, благодаря мясному trust'у, какъ говорятъ они; члены же trust'а, обнимающаго всѣ сколько-нибудь значительныя скотобойни и мясныя фабрики, говорятъ, что виной тому—перепроизводство и плохое качество скота, результатъ недостатка пастбищъ; полагать надобно, что обѣ стороны правы до извѣстной степени.

Западная половина штата Монтаны и штаты Вашингтонъ и Орегонъ производятъ въ настоящее время громадныя количества теса разнаго рода; лѣса ели, сосны, ясени и въ особенности краснаго дерева или секвои—тянутся на большія пространства и отличаются замѣчательной густотой и размѣрами растительности. Во многихъ мѣстахъ построены лѣсопильными заводами желѣзнодорожныя вѣтви для подвозки бревенъ, и количество ежедневно отправляемаго теса, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, достигаетъ огром-

ныхъ размѣровъ. Пюджетъ-Соундъ, этотъ рукавъ Тихаго океана, далеко врѣзывающійся въ материкъ, считается наилучшимъ и наибольшимъ рейдомъ во всемъ мірѣ, и сотни кораблей нагружаются тесомъ въ его портахъ и развозятъ его во всѣ концы міра. Экспортная торговля тесомъ портовъ Пюджетъ-Соунда за послѣдніе года догнала и перегнала, по количеству и цѣнности матеріала, всѣ остальные пункты Союза и все еще продолжаетъ рости. Города Сіэттль, Такома и Портлэндъ, главные порты сѣверной части тихо-океанскаго побережья и центры его внутренней и внѣшней торговли ростутъ чрезвычайно быстро, и изученіе ихъ развитія и внутренняго устройства даетъ путешественнику наилучшее понятіе о тѣхъ могучихъ силахъ, которыя, какъ бы по волшебству, создаютъ въ Америкѣ, въ теченіе баснословно короткихъ промежутковъ времени, цвѣтущіе города съ десятками и сотнями тысячъ жителей, наслаждающихся всѣми послѣдними благами цивилизаціи.

На разстояніи отъ трехсотъ до пятисотъ миль къ югу отъ Сѣверной тихо-океанской дороги идетъ старѣйшая трансконтинентальная американская линія, построенная при помощи федеральнаго правительства, о которой я уже имѣлъ случай говорить выше, и составленная изъ двухъ самостоятельныхъ дорогъ: союзной тихоокеанской (Union Pacific), на востокѣ, и центральной тихо-океанской (Central Pacific), на западѣ. Контроль надъ этой послѣдней принадлежитъ въ настоящее время южной тихо-океанской дорогѣ (Southern Pacific R. R.), о которой я буду подробно говорить ниже, такъ какъ она владѣетъ также отдѣльной трансконтинентальной линіей. Союзная тихо-океанская желѣзная дорога отъ города Чайенна (Cheyenne), въ штатѣ Вайомингѣ, развѣтвляется на многочисленныя побочныя линіи, достигающія многихъ центральныхъ пунктовъ въ штатахъ Колорадо, Небраскѣ и Канзасѣ. Города Денверъ, Омаха и Канзасъ-Сити составляютъ ея главные исходные пункты на востокѣ, и такъ какъ линія эта и до сихъ поръ составляетъ кратчайшій и скорѣйшій путь между Санъ-Франциско и почти всѣми значительными городами среднихъ и восточныхъ штатовъ, благодаря сравнительной прямизнѣ линіи и ея центральному положенію, то и до сихъ поръ она служитъ главнымъ путемъ пассажирскаго трансконтинентальнаго движенія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Время переѣзда между Санъ-Франциско и Нью-Іоркомъ сокращается съ каждымъ годомъ; въ послѣднее время его довели до 4-хъ сутокъ, а нѣсколько экстренныхъ поѣздовъ успѣли сдѣлать его въ $3^1/_2$ сутокъ; надѣются, что къ концу настоящаго года это время будетъ достаточнымъ

для обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ. Впрочемъ, какъ эта линія, такъ и обѣ предъидущія, въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, особенно февраля и марта, ежегодно страдаютъ отъ снѣжныхъ заносовъ, которые иногда совсѣмъ останавливаютъ всякое движеніе на недѣлю, на двѣ и даже долѣе. Въ горахъ снѣговыя бури зимой очень часты и сильны и иногда заносятъ полотно дороги въ глубокихъ выемкахъ на цѣлые 20 футовъ. Самыя разнообразныя приспособленія, стоющія большихъ денегъ, употребляются на всѣхъ этихъ дорогахъ; но бури иногда оказываются сильнѣе всего, что человѣкъ изобрѣлъ до сихъ поръ въ этомъ отношеніи, и нерѣдко приходится отрывать цѣлые поѣзда, остановленные снѣгомъ между станціями. Паровые снѣговые плуги, иногда десять въ одномъ поѣздѣ, бываютъ безсильны подвинуться на одинъ дюймъ, и тысячи рабочихъ употребляются для очистки пути руками.

Центральная тихо-океанская желѣзная дорога, которая составляетъ западную половину этой линіи, въ Санъ-Франциско раздвояется: одна вѣтвь идетъ на сѣверъ до Портлэнда въ Орегонѣ, другая—на югъ до города Лосъ-Анжелеса, гдѣ она и соединяется съ южной тихо-океанской желѣзной дорогой, которая, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть выше, контролируетъ ее, и, такимъ образомъ, является единственной желѣзно-дорожной системой для всего тихо-океанскаго побережья на югъ отъ Портлэнда и на сѣверъ отъ Лосъ-Анжелеса, на разстояніи болѣе тысячи англійскихъ миль. Многочисленныя вѣтви идутъ отъ нея во всѣхъ направленіяхъ, соединяя съ одной стороны прибрежные города и земледѣльческія мѣстности западной части, а съ другой—долины горныхъ рѣчекъ Скалистыхъ горъ и ихъ многочисленные рудники съ главной линіей. Весь южный Орегонъ и вся Калифорнія, исключая г. Лосъ-Анжелесъ и прилегающую къ нему территорію на крайнемъ южномъ концѣ штата, находятся въ рукахъ этой системы; громадная торговля города Санъ-Франциско сдавлена ею со всѣхъ сторонъ, и благодаря тому факту, что всѣ доступы къ этому городу принадлежатъ южной тихо-океанской дорогѣ, весьма сомнительно, чтобы по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ положеніе дѣла измѣнилось къ лучшему. Какъ извѣстно, городъ Санъ-Франциско расположенъ на длинномъ и узкомъ полуостровѣ, отдѣленномъ отъ континента заливомъ океана, составляющимъ его портъ; южная тихо-океанская дорога владѣетъ не только всѣмъ перешейкомъ этого полуострова, но и всѣмъ берегомъ залива, такъ что никакая другая дорога не можетъ взойти въ городъ безъ ея согласія; завладѣла она этой поземельной собственностью когда земля была дешева, а теперь цѣны на

нее поднялись до такихъ баснословныхъ размѣровъ, что экспропріація права на путь будетъ стоить неслыханныхъ суммъ и, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, запугивала всѣ тѣ новыя компаніи, которыя стремились достичь Санъ-Франциско съ востока; легче выстроить цѣлую новую трансконтинентальную линію до Денвера или Сольтъ-Лэкъ-Сити, полторы тысячи миль по горамъ и пустынѣ, чѣмъ войти въ предѣлы Санъ-Франциско, и потому ростъ этого города за послѣднее время замѣтно замедлился; несмотря на его превосходное географическое положеніе, несмотря на его несравненный портъ, Портлэндъ на сѣверѣ и Лосъ-Анжелесъ на югѣ медленно, но вѣрно захватываютъ одну за другой многочисленныя отрасли его торговли и промышленности и ростутъ, пропорціонально, гораздо быстрѣе, чѣмъ Санъ-Франциско.

Начинаясь многочисленными вѣтвями въ штатахъ Тексасѣ, Арканзасѣ, Миссури, Иллинойсѣ, Эйоуэ, Канзасѣ, Небраскѣ и Колорадо, идетъ самая значительная по числу эксплуатируемыхъ ею миль (9.316 миль къ началу текущаго 1892 года) желѣзнодорожная система въ Соединенныхъ-Штатахъ, Этчисонъ, Топика и Санта Фе (Atchison, Topeka & Santa Fè), Эль-Пазо на границѣ Тексаса и Мексико, Гальвестонъ на берегу Мексиканскаго залива на югѣ, Чикаго и Санъ-Луисъ на востокѣ, Омаха, Денверъ и Сольтъ-Лэкъ-Сити на сѣверѣ— всѣ эти торговые и промышленные центры служатъ исходными пунктами этой многомильной системы, соединяясь въ г. Альбукеркѣ, въ территоріи Нью-Мексико, откуда собственно и начинается трансконтинентальная линія этой системы, пересѣкающая территоріи Нью-Мексико и Аризону и кончающаяся въ штатѣ Калифорніи нѣсколькими вѣтвями, отъ города Лосъ-Анжелеса идущими къ различнымъ южнымъ портамъ, покуда еще весьма незначительнымъ, такъ какъ вся южная Калифорнія и до сихъ поръ страна еще совершенно новая, только въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ начавшая быстро заселяться.

Отъ г. Альбукерка до западныхъ исходныхъ пунктовъ линія эта была выстроена лѣтъ десять тому назадъ, какъ самостоятельная дорога, подъ названіемъ атлантической и тихо-океанской желѣзной дороги (Atlantic & Pacific R. R.) и только недавно была поглощена А. Т. & С. Ф. системой, такъ какъ самостоятельное существованіе, безъ связей на востокѣ, оказалось невозможнымъ. Проходитъ она на цѣлыя полторы тысячи миль по абсолютнымъ пустынямъ Нью-Мексико, Аризоны и Восточной Калифорніи, и хотя на ея пути и нѣтъ тѣхъ горныхъ хребтовъ и снѣжныхъ заносовъ, съ которыми борются три сѣверныя линіи, эксплуатація ея едва ли обходится дешевле, такъ какъ поддержка пути по со-

вершеннымъ пустынямъ, часто на цѣлыя сотни миль не имѣющимъ ни одного жителя, а главное, снабженіе подвижного состава водою, стоитъ огромныхъ денегъ. Великая американская пустыня, обнимающая собою все центральное платò Союза, возвышающееся до 5 и 6 тысячъ футовъ надъ поверхностью моря и перерѣзанное во всѣхъ направленіяхъ горными хребтами, представляетъ собою волнистую сплошную возвышенность съ самою незначительною растительностью и съ весьма немногими, на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другого, потоками, которые часто теряются въ пескахъ и лѣтомъ почти всѣ совершенно пересыхаютъ. Почва, чрезвычайно непривлекательный на видъ красноватый или желтоватый песокъ, чрезвычайно производительна, если только возможно правильное орошеніе, и потому ирригація всевозможныхъ родовъ составляетъ главную заботу не только немногихъ жителей, но и желѣзно-дорожныхъ и рудокопныхъ компаній, и правительства какъ отдѣльныхъ штатовъ и территорій, такъ и всего Союза. Уже нѣсколько лѣтъ какъ изданъ конгрессомъ особый законъ „о пустынныхъ земляхъ“ (arid lands), законъ, по которому всякая компанія или частное лицо получаетъ въ полную собственность, безъ всякой платы, все то количество пустынной земли, которое посредствомъ искусственной ирригаціи сдѣлано способнымъ къ воздѣлыванію; сотни милліоновъ акровъ принадлежатъ правительству въ великой американской пустынѣ, и всѣ эти земли подлежатъ этому закону. Здѣсь я кстати упомяну, что такой же законъ существуетъ относительно осушенія болотъ во многихъ южныхъ штатахъ; компанія Дисстона во Флоридѣ осушила и пріобрѣла два милліона акровъ, засадила ихъ сахарнымъ тростникомъ и въ настоящее время оперируетъ одинъ изъ самыхъ большихъ сахарныхъ заводовъ Союза. Такой же законъ встрѣчаемъ и на преріяхъ Сѣвера, гдѣ можно безплатно пріобрѣсти въ собственность землю, засаженную лѣсомъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что каждое отдѣльное лицо можетъ засадить не болѣе 160 акровъ; въ дѣлѣ ирригаціи и осушенія болотъ нѣтъ предѣла, и все орошенное или осушенное пространство дѣлается собственностью улучшателя, сколько бы въ немъ ни было акровъ.

Земля въ пустынѣ безъ ирригаціи не стоитъ абсолютно ничего; съ правильной ирригаціей цѣна на нее доходитъ до баснословныхъ размѣровъ, часто до пятисотъ долларовъ за акръ; поэтому каждый, самый незначительный ручей утилизируется до послѣдней возможности; во многихъ мѣстахъ роютъ съ большими расходами артезіанскіе колодцы, проводятъ воду желѣзными трубами отъ горныхъ ключей въ долины на многія мили и т. д.,

и т. д. За послѣднее время англійскіе капиталисты обратили особенное вниманіе на территоріи Нью-Мексико и Аризону. Нѣсколько компаній съ громадными капиталами строятъ нѣсколько гигантскихъ плотинъ, стоющихъ милліоны долларовъ и остановившихъ рѣки въ искусственныхъ резервуарахъ, образующихъ цѣлыя озера и правильно орошающихъ въ теченіе сухого періода обширныя плантаціи; высчитываютъ, что со времени изданія вышеприведеннаго закона объ ирригаціи около 18 милліоновъ акровъ были такимъ образомъ отвоеваны отъ пустыни и присоединены къ числу обработываемыхъ земель.

Какъ на самый блестящій примѣръ успѣховъ ирригаціи указываютъ на городокъ Эдди, въ юго-восточной части территоріи Нью-Мексико. Пять лѣтъ тому назадъ вся мѣстность была не что̀ иное, какъ голая пустыня; странствовавшій по ней янки съ слабыми легкими увлекся мѣстностью, которая показалась ему особенно полезной для его здоровья, и рѣшилъ сдѣлать эксперименты съ задержаніемъ водъ небольшого горнаго потока. У него были деньги и друзья съ деньгами — опытъ оказался необыкновенно удачнымъ, климатъ особенно пригоднымъ для чахоточныхъ; была построена желѣзно-дорожная вѣтвь въ 160 миль, чтобъ связать этотъ уголокъ съ цивилизованнымъ міромъ, и черезъ пять лѣтъ получилась цвѣтущая община съ тридцатью тысячами жителей, роскошными фруктовыми садами и виноградниками, быстро растущая и съ такимъ блестящимъ будущимъ, что посѣтившій прошлой зимою Эдди знаменитый желѣзнодорожникъ Джэй Гульдъ въ два слова купилъ желѣзно-дорожную вѣтвь,—а этотъ дѣлецъ не купитъ ничего, что̀ не обѣщало бы большихъ барышей.

На нѣкоторыхъ дивизіяхъ атлантической и тихо-океанской желѣзной дороги воды нѣтъ совсѣмъ, и каждый поѣздъ беретъ съ собою нѣсколько водяныхъ вагоновъ, состоящихъ изъ огромныхъ желѣзныхъ или деревянныхъ чановъ, соединенныхъ съ локомотивомъ гуттаперчевыми трубками; служащіе и рабочіе на линіи на этихъ дивизіяхъ снабжаются водою изъ этихъ же чановъ, и сохраненіе воды является довольно затруднительной задачей, такъ какъ испареніе въ этихъ пустыняхъ необыкновенно сильно, особенно когда дуютъ южные вѣтры, подымающіе настоящія песчаныя бури и высушивающіе цѣлые резервуары въ баснословно-короткое время. Станціи и жилища служащихъ на этихъ дивизіяхъ строятся съ двойными стѣнами и крышами; удушающая сила вѣтра и разрушительныя способности гонимаго имъ песку такъ велики, что служащіе носятъ въ теченіе лѣта особыя маски, а дерево пробивается пескомъ насквозь; телеграфные столбы,

напр., мѣняются каждые четыре мѣсяца, такъ какъ ихъ нижнія части перетираются пескомъ пополамъ.

Несмотря на всѣ эти препятствія, клочки пустыни отвоевываются человѣкомъ каждый годъ и обращаются въ цвѣтущіе оазисы. Какъ только правильное орошеніе дѣлается возможнымъ, такъ производительная сила почвы и климатъ берутъ свое—голая пустыня въ необыкновенно короткое время обращается въ фруктовые сады, и качество фруктовъ такъ высоко, что они приносятъ хорошія цѣны на рынкахъ большихъ восточныхъ городовъ Союза и быстро обогощаютъ владѣльцевъ. Груши, яблоки, сливы, абрикосы, миндаль, орѣхи, оливки и въ особенности виноградъ пустыни—превосходны; за послѣднее время стали дѣлать не только обыкновенныя столовыя вина, но и шампанское, которое, говорятъ, мало уступаетъ французскому.

Все, что сказано мною выше о великой американской пустынѣ, относится и къ территоріи самой южной американской трансконтинентальной линіи—южной тихо-океанской желѣзной дороги, о которой я уже не разъ упоминалъ выше. Дорога эта начинается нѣсколькими вѣтвями въ штатахъ Тексасѣ и Луизіанѣ, причемъ главными исходными пунктами служатъ города Нью-Орлеансъ или Новый-Орлеанъ, Гальвестонъ и Санъ-Антоніо. Идетъ она по южнымъ частямъ Тексаса, территорій Нью-Мексико и Аризоны, почти все время совершенно параллельно съ границей Мексико, и всего въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ нея пересѣкаетъ рѣку Колорадо почти при впаденіи ея въ Калифорнскій заливъ, и затѣмъ въ штатѣ Калифорніи и въ городѣ Лосъ-Анжелесѣ соединяется центральной тихо-океанской желѣзной дорогой.

На линіи этой дороги началось съ прошлаго лѣта и продолжается и до сихъ поръ замѣчательное физическое явленіе, до сихъ поръ не объясненное удовлетворительнымъ путемъ. Миляхъ въ 30-ти къ востоку отъ рѣки Колорадо полотно дороги идетъ на многія мили по глубокой долинѣ, очевидно служившей когда-то морскимъ дномъ; лежитъ эта долина на нѣсколько футовъ ниже уровня океана и занимаетъ нѣсколько сотъ квадратныхъ миль; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней существуютъ соляныя залежи, и довольно значительный заводъ уже нѣсколько лѣтъ занимался ихъ разработкою. Въ одно прекрасное утро прошлымъ лѣтомъ, въ самые ужасные жары, доходившіе до 130° Фаренгейта, долина вдругъ оказалась наполненной водою на нѣсколько футовъ глубины, и полотно желѣзной дороги оказалось на многія мили подъ водою. Сначала думали, что рѣка Колорадо почему-либо вдругъ измѣнила свое русло и залила долину — но количество воды въ

рѣкѣ не уменьшилось, да и наполнилась долина слишкомъ быстро: стояло сухое время года, и количество воды въ рѣкѣ было не настолько значительно, чтобы наполнить эту площадь. Несмотря на страшныя массы воды, поглощаемыя испареніемъ, вода въ новомъ морѣ все поднималась, разрушила соляной заводъ, надѣлала тьму хлопотъ желѣзно-дорожной компаніи и стоитъ въ томъ же положеніи и теперь. Я проѣзжалъ мимо въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ и видѣлъ собственными глазами это новое водохранилище, неизвѣстно откуда появившееся. Геологи и спеціалисты всякаго рода и до сихъ поръ ломаютъ надъ этимъ голову, а мѣстные индѣйцы утверждаютъ, что вода исчезнетъ такъ же внезапно, какъ появилась, и что много лѣтъ тому назадъ произошелъ совершенно такой же казусъ.

Вся торговля тихо-океанскаго побережья съ югомъ Союза и странами, прилежащими къ Мексиканскому заливу, находится въ рукахъ южной тихо-океанской желѣзной дороги, тѣмъ болѣе что всѣ пароходныя линіи между портами восточныхъ штатовъ и Новымъ-Орлеаномъ, Гальвестономъ и портами Мексико и Центральной Америки съ одной стороны, и портами Панамскаго перешейка и Мексико и тихо-океанскимъ побережьемъ, съ другой, принадлежитъ ей же. Трудно преувеличить ту абсолютную зависимость отъ этой системы, въ которой находится въ настоящее время не только Санъ-Франциско, но и вся Калифорнія. Каждый годъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ образуются компаніи для того, чтобы избавиться отъ этой крѣпостной зависимости, но всѣ онѣ обыкновенно попадаютъ въ лапы агентовъ желѣзной дороги и поглощаются ею такъ или иначе. Попытка контролировать тарифы посредствомъ желѣзно-дорожной коммиссіи совершенно не удалась, такъ какъ опять-таки желѣзная дорога позаботилась заблаговременно относительно состава легислатуры, имѣвшей назначить членовъ этой коммиссіи, и она сразу оказалась не чѣмъ инымъ, какъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ президента дороги, знаменитаго С. П. Хюнтингтона.

По цензу 1890 года, штаты и территоріи района четырехъ сѣверо-американскихъ трансконтинентальныхъ дорогъ представляли территорію въ 1.142.101 кв. англ. милю, съ 2.798.134 жителями. Эта территорія обнимаетъ собою всѣ штаты тихо-океанскаго побережья, всю центральную полосу и штатъ Сѣверную-Дакоту—всего 10 штатовъ и территорій. Словомъ, весь дальній Западъ и Сѣверо-западъ Союза. Для удовлетворенія нуждъ этого крайне незначительнаго, по европейскимъ понятіямъ, народонаселенія, разбросаннаго на такомъ огромномъ пространствѣ, были

выстроены и эксплуатируются съ сравнительнымъ успѣхомъ 16.611 миль желѣзныхъ дорогъ. Принимая въ соображеніе характеръ страны, крайне неблагопріятный какъ для постройки, такъ и для эксплуатаціи желѣзныхъ путей, я буду, вѣроятно, весьма близокъ къ истинѣ, если предположу, что стоимость постройки и экипировки должна была обойтись не менѣе сорока тысячъ долларовъ на милю; американскіе спеціалисты высчитываютъ, что на западѣ отъ рѣки Миссисипи, въ среднемъ, всѣ желѣзныя дороги стоили около этой суммы. Такимъ образомъ получимъ громадную сумму въ $ 664.440.000, издержанную на устройство желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія для 2.798.134, жителей, или $ 237 на каждаго мужчину, женщину и ребенка. Читатель можетъ самъ придти къ заключенію, и безъ моей помощи, относительно оцѣнки производительности страны и энергіи ея жителей, потребовавшихъ такихъ затратъ и дѣлающихъ возможною ихъ успѣшную и даже выгодную эксплуатацію. Если восточные штаты своими туристами и помогаютъ этому до извѣстной степени, то, съ другой стороны, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что торговля и промышленность района пользуются также Тихимъ океаномъ какъ средствомъ къ сообщенію какъ между собою, такъ и съ остальнымъ міромъ, такъ что, вѣроятно, эти два фактора уравновѣшиваютъ одинъ другого, и можно безъ большихъ ошибокъ разсчитывать, что желѣзныя дороги поддерживаются мѣстнымъ населеніемъ. Мало того, населеніе это самымъ энергичнымъ образомъ утверждаетъ, что настоящихъ путей сообщенія для него недостаточно, что развитіе его задерживается самымъ чувствительнымъ образомъ отсутствіемъ болѣе дешевыхъ путей сообщенія съ Востокомъ Союза и Европой, и всячески старается о скорѣйшемъ окончаніи Никарагвскаго канала, этого гигантскаго предпріятія, смѣнившаго остановившуюся работу и совершенно разорившуюся французскую компанію Лессепса по постройкѣ Панамскаго канала.

IX.

Я нахожу не лишнимъ дать подробное описаніе Никарагвскаго канала; хотя онъ и строится внѣ территоріи Союза, но является предпріятіемъ чисто американскимъ, и осуществленіе его несомнѣнно повліяетъ не только на положеніе торговли и промышленности Союза, но и на относительное положеніе всемірныхъ торговыхъ рынковъ. Я лично знакомъ съ президентомъ никарагвской компаніи, бывшимъ сенаторомъ Соединенныхъ-Шта-

товъ отъ штата Нью-Іорка, Варкеромъ Миллеромъ; одинъ изъ инженеровъ канала работалъ со мною во Флоридѣ нѣсколько лѣтъ, и я могу безусловно поручиться за точность сообщаемыхъ мною свѣденій, хотя лично я и не былъ никогда въ Никарагвѣ.

Приведенное выше, хотя и краткое, описаніе трансконтинентальныхъ желѣзно-дорожныхъ линій, указывая на неизбѣжную дороговизну ихъ эксплуатаціи и поддержки, даетъ нѣкоторое понятіе о высотѣ фрахтовъ, во многихъ случаяхъ совершенно запретительныхъ. Необходимъ болѣе дешевый способъ перевозки, а океанъ всегда и вездѣ является наилучшимъ способомъ. Знаменитый инженеръ В. Ж. Макъ Альпинъ (Mac Alpine), неоспоримый авторитетъ по этому предмету, высчитываетъ, что отношеніе стоимости перевозки миле-тонны морскимъ путемъ, при длинныхъ переѣздахъ, къ стоимости перевозки по желѣзнымъ дорогамъ, равняется въ среднемъ отношеніи 1 къ 10; на дорогахъ съ благопріятными условіями оно падаетъ до отношенія 1 къ 8; съ неблагопріятными—поднимается до отношенія 1 къ 15. Съ тѣми усовершенствованіями, которыя въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ были сдѣланы въ паровыхъ машинахъ и вообще въ конструкціи океанскихъ пароходовъ, отношенія эти все болѣе и болѣе измѣняются въ пользу морского пути. Такъ, новый товарный пароходъ „Куфикъ“ (Cufic) перевозитъ 6.100 тоннъ, черезъ Атлантическій океанъ, въ $11^1/_2$ дней, потребляя всего 33 тонны угля въ день; а „Номадикъ“ (Nomadic), съ емкостью въ 6.800 тоннъ, и того меньше. Пароходы эти могутъ конкуррировать съ успѣхомъ не только съ такими желѣзными дорогами, какъ американскія трансконтинентальныя, но и съ парусными судами, и, особенно при короткихъ переѣздахъ, вытѣсняютъ эти послѣднія совершенно. Для уясненія сокращенія морскихъ путей съ прорытіемъ Никарагвскаго канала приведу слѣдующую таблицу:

	Черезъ мысъ Горнъ.	Ч. Никорагвскій каналъ.	Сокращеніе:
	Морскихъ	миль.	
Нью-Іоркъ до Санъ-Франциско	14.840	4.946	9.894
„ „ Вальпарайзо, Чили. . . .	9.750	4.688	5.062
„ „ Каллао, Перу	10.689	3.701	6.988
„ „ Гонгъ-Конгъ, Китай . . .	18.180	11.038	7.152
„ „ Мельбурнъ, Австралія . .	13.502	10.000	3.502
Новый-Орлеанъ до Санъ-Франциско . . .	15.052	4.047	11.105
„ „ Вальпарайзо	9.962	3.987	5.975
„ „ Каллао	10.901	2.988	7.913
Ливерпуль до Санъ-Франциско. . . .	14.690	7.694	6.996
„ „ Каллао	10.539	6.449	4.090
„ „ Іокагамы, Японія	17.529	12.111	5.418
Гамбургъ до Мазатланъ, Мексико . . .	13.931	6.880	7.051

Какъ читатель можетъ усмотрѣть изъ этой таблицы, разстоянія уменьшатся во многихъ случахъ больше чѣмъ на половину, и многіе громоздкіе и дешевые предметы торговли, до сихъ поръ совершенно пропадающіе за невозможностью ихъ перевозки вслѣдствіе дороговизны, пріобрѣтутъ торговую цѣнность; есть всякое основаніе предполагать, что установившіяся въ настоящее время на всемірномъ рынкѣ цѣны на подобные предметы должны будутъ совершенно измѣниться, какъ только каналъ будетъ открытъ. Кромѣ того, каналъ этотъ будетъ имѣть великую важность въ военномъ отношеніи, особенно для Соединенныхъ-Штатовъ. „Дядя" самъ шибко побаивается Джонъ-Буля; они конкуррируютъ во всѣхъ концахъ міра, постоянно сталкиваются и спорятъ, а въ случаѣ разрыва, который, по мнѣнію всѣхъ выдающихся государственныхъ людей Америки, можетъ случиться по самому ничтожному поводу во всякій моментъ, Англія въ нѣсколько дней сосредоточитъ свою тихо-океанскую броненосную эскадру, всегда чрезвычайно сильную, на тихо-океанскомъ побережьѣ Союза, прежде чѣмъ этотъ послѣдній будетъ въ состояніи сдѣлать что-либо для защиты его портовъ. Джонъ Буль не зѣвалъ за послѣднее время—онъ имѣетъ и свою собственную трансконтинентальную линію, и громадный морской арсеналъ въ Ванкуверѣ, и всегда держитъ на-готовѣ на разныхъ станціяхъ Тихаго океана сильный и многочисленный флотъ. Поэтому-то Блэнъ и называетъ Никарагвскій каналъ не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ береговой линіи Соединенныхъ-Штатовъ; поэтому-то Союзъ такъ и остался глухъ и нѣмъ ко всѣмъ призывамъ Лессепса и компаніи Панамскаго канала, даже по всей вѣроятности всячески, хотя и тайно, мѣшалъ этому предпріятію: вѣдь оно принадлежало Франціи, а страна эта, по его окончаніи, конечно, не преминула бы создать изъ него второй Гибралтаръ. Въ настоящее время нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Никарагвскій каналъ будетъ и останется предпріятіемъ чисто американскимъ, — если, благодаря съ одной стороны могучей оппозиціи трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, а съ другой, постоянной борьбѣ политическихъ партій, боящихся высказаться открыто по поводу федеральной помощи каналу наканунѣ президентской кампаніи, конгрессъ и не принялъ еще до сихъ поръ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, въ формѣ или субсидіи, или гарантіи облигацій никарагвской компаніи,—тѣмъ не менѣе несомнѣненъ тотъ фактъ, что европейскія державы никогда и ни въ какомъ случаѣ не завладѣютъ предпріятіемъ. Общественное мнѣніе этого не допуститъ; допущеніе Панамскаго канала до того пункта, до котораго онъ дошелъ въ то время, когда на немъ прекрати-

лись работы, признается открыто колоссальной ошибкой, и мнѣ сдается, что паденіе Лессепса было значительно ускорено давленіемъ этого американскаго общественнаго мнѣнія. Американская дипломатія вообще очень искусна; мексиканская экспедиція, Панамскій каналъ, бразильская республика, чилійская междоусобная война, кубанскія возстанія, распри другихъ вестъ-индскихъ островов — все это носитъ на себѣ неизгладимые слѣды работы этой дипломатіи. Она зорко и ревниво сторожитъ весь американскій континентъ—и, не вмѣшиваясь ни подъ какимъ предлогомъ въ европейскія столкновенія, въ то же время коротко и энергично заявляетъ всему міру: „hands off!"—какъ только дѣло касается чисто американскихъ интересовъ.

Какъ извѣстно, Скалистыя горы идутъ по всему западному берегу американскаго континента, отъ Аляски до мыса Горна; на всемъ этомъ протяженіи онѣ очень высоки, исключая нѣсколькихъ проходовъ на Панамскомъ перешейкѣ. Первымъ съ сѣвера и самымъ низкимъ, 153 фута надъ уровнемъ моря, является проходъ, по которому идетъ Никарагвскій каналъ; на его пути лежатъ два большія озера, Никарагва и Манагва, 110 футовъ надъ уровнемъ моря, изъ которыхъ текутъ рѣки въ обѣ стороны—одна въ Атлантическій, другая въ Тихій океаны. Слѣдующій проходъ, Панамскій, съ вершиной въ 295 футовъ надъ уровнемъ моря, затѣмъ Санъ-Блазъ въ 1.145 ф. и всего въ 30 миль ширины, Теуантепекъ въ 755, Каледонія-Тирайасъ въ 800, Атрато-Напина въ 778, Атрато-Тюйра въ 800 и Атрато Трюандо въ 950 футовъ вышины. Всѣ эти послѣдніе, по своей, сравнительно, значительной вышинѣ, само собой разумѣется, не особенно пригодны для корабельнаго канала; Панамскій переходъ занятъ развалинами канала Лессепса, и потому Никарагвскій оставался единственнымъ открытымъ путемъ для американской предпріимчивости.

Еще въ 1550 году испанскій изслѣдователь Антоніо Гальвао указалъ на удобства Никарагвскаго прохода для между-океанскаго пути. Начиная съ 1825 года предметъ этотъ неоднократно представлялся съ разныхъ сторонъ правительствамъ Соединенныхъ-Штатовъ и Никарагвы. Въ 1844 г., донъ Франциско Кастеллонъ, гражданинъ Никарагвы, посѣтилъ Францію и обратилъ вниманіе принца Лудовика-Наполеона, впослѣдствіи императора французовъ, на этотъ проектъ; тотъ написалъ и издалъ брошюру по поводу канала, но ничего положительнаго не вышло изъ этой попытки. Въ 1849 г., Корнеліусъ Вандербильтъ и Комп. достали отъ никарагвскаго правительства концессію на постройку корабельнаго канала, и полковникъ Чайльдсъ, филадельфійскій инже-

неръ, произвелъ первое мѣстное изслѣдованіе и составилъ для нихъ проектъ канала, который былъ признанъ удобоисполнимымъ правительственными инженерами Соединенныхъ-Штатовъ. Но компанія предпочла заняться перевозкой калифорнійскихъ эмигрантовъ, которые оказались синицей въ рукахъ; журавля же въ небѣ — концессію на каналъ — она оставила въ сторонѣ, и концессія была отъ нихъ отобрана. Съ 1852 года начался цѣлый рядъ инженерныхъ изслѣдованій, покрывшихъ весь перешеекъ,— изслѣдованій, предпринятыхъ частію частными лицами, но преимущественно правительствомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Изслѣдованія эти были завершены въ 1872 и 1873 годахъ особой коммиссіей, подъ главнымъ начальствомъ командора союзнаго флота Лулля (Lull) съ А.-Ж. Менокалемъ, какъ главнымъ инженеромъ. Эта коммиссія занялась преимущественно Панамскимъ и Никарагвскимъ проходами, и результатомъ ея работы былъ подробный и обстоятельный докладъ, отдававшій рѣшительное преимущество никарагвскому пути, со шлюзами и озерами, какъ вершиннымъ уровнемъ. Докладъ призналъ возможность и Панамскаго канала, подъ условіемъ шлюзовой системы, но съ большими расходами и съ вершиннымъ уровнемъ на 14 футовъ выше Никарагвскаго, и доказалъ безусловную невозможность канала съ морскимъ уровнемъ, именно то, что впослѣдствіи предприняли французы.

Въ 1879 году Лессепсъ созвалъ интернаціональный канальный конгрессъ въ Парижѣ, будто бы съ цѣлью совѣщанія по предмету выбора пути. Правительство Соединенныхъ-Штатовъ назначило своими делегатами контръ-адмирала флота Даніэля Аммена и вышеупомянутаго инженера А.-Ж. Менокаля. Такъ какъ въ теченіе преній выяснилось, что конгрессъ вполнѣ контролируется лицами, уже получившими концессію на сооруженіе Панамскаго канала, и которымъ свободное и безпристрастное обсужденіе предмета было крайне нежелательнымъ, делегаты Союза уклонились отъ голосованія. Впослѣдствіи выяснилось, что французскій синдикатъ, съ Лессепсомъ во главѣ, не успѣвъ получить концессіи отъ никарагвскаго правительства (вѣроятно вслѣдствіе тайнаго соглашенія этого послѣдняго съ американскимъ правительствомъ), пріобрѣлъ концессію Вайра отъ колумбійскаго правительства на постройку Панамскаго канала. Успѣй Лессепсъ въ первомъ—онъ, можетъ быть, и докончилъ бы свое предпріятіе, такъ какъ одной трети тѣхъ денегъ, которыхъ онъ израсходовалъ на Панамскій каналъ, было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы совершенно окончить Никарагвскій. Весьма многіе, и въ особенности разоренные имъ его соотечественники,

обвиняютъ его въ нечестности, но я думаю, что это обвиненіе неосновательно и несправедливо. Онъ построилъ каналъ съ морскимъ уровнемъ въ Суэцѣ, встрѣтивъ только политическія препятствія, и потому полагалъ, что можетъ сдѣлать то же самое и въ Панамѣ, при совершенно другихъ условіяхъ относительно количества ежегодно выпадающаго дохода, стока водъ и топографіи страны вообще. Онъ былъ самолюбивъ и тщеславенъ. Его инженеры, уничтоживъ естественныя водохранилища на вершинахъ восточнаго склона, сдѣлали шлюзовую систему невозможною, прежде чѣмъ должны были признать неисполнимою систему канала съ морскимъ уровнемъ, надъ которымъ они проработали пять лѣтъ и на который убили свыше трехсотъ милліоновъ долларовъ. Легкость, съ которой Лессепсъ доставалъ деньги, казалась волшебною всему финансовому міру. Онъ обладалъ полнымъ довѣріемъ среднихъ классовъ французскаго народа, которые безъ всякихъ колебаній ввѣрили ему свои сбереженія. „Онъ успѣлъ въ Суэцѣ; онъ успѣетъ и въ Панамѣ", таковъ былъ приговоръ этихъ несчастныхъ, большинство которыхъ потеряли безвозвратно все, что имѣли.

Въ 1880 году было образовано въ Нью-Іоркѣ общество междуокеанскаго канала, съ генералами Грантомъ и Макъ-Клеманомъ и адмираломъ Амменомъ во главѣ. Покойный Грантъ, говорятъ, былъ обстоятельно знакомъ со всѣми деталями обоихъ предпріятій, извѣстно, что онъ не разъ публично высказывалъ то мнѣніе, что Панамскій каналъ съ морскимъ уровнемъ немыслимъ, и что панамскіе акціонеры потеряютъ свои гроши. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года общество это достало концессію отъ Никарагвскаго правительства, и въ декабрѣ 1881 года былъ внесенъ въ сенатъ Соединенныхъ-Штатовъ билль о сооруженіи Никарагвскаго канала подъ контролемъ союзнаго правительства. Несмотря на жестокую оппозицію приверженцевъ и агентовъ Панамскаго канала, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ, и, главное, знаменитаго капитана Идса (Eads), представившаго въ конгрессъ и защищавшаго свой проектъ междуокеанской корабельной желѣзной дороги,—билль былъ принятъ сенатомъ, но не могъ добыть необходимыхъ двухъ третей голосовъ въ палатѣ представителей, хотя и получилъ въ ней значительное большинство, и такимъ образомъ былъ безвозвратно убитъ. Между тѣмъ администрація президента Артюра вела секретные переговоры съ никарагвскимъ правительствомъ о постройкѣ канала на правительственный счетъ, съ обоюдными правами на управленіе каналомъ и на укрѣпленіе его исходныхъ пунктовъ. Этотъ

трактатъ былъ ратификованъ сенатомъ Никарагвы, и былъ бы несомнѣнно ратификованъ и сенатомъ Соединенныхъ-Штатовъ, когда занявшій между тѣмъ президентское кресло Союза Кливелэндъ поспѣшно отозвалъ его изъ сената, подъ предлогомъ опасенія интернаціональныхъ столкновеній, которыя будто бы были бы вызваны его осуществленіемъ; республиканцы утверждаютъ, что бездарность его статсъ-секретаря и премьера Баярда и демократическая трусость вообще были единственными причинами того. Друзья предпріятія, однакоже, не потеряли вѣры въ него; потребность въ каналѣ увеличивается съ теченіемъ времени, а возможность и сравнительная легкость его сооруженія были неоднократно доказаны какъ вышеупомянутыми изслѣдованіями, такъ и позднѣйшими дополнительными, произведенными тѣмъ же Менокалемъ въ 1876 и 1877 и 1884 и 1885 годахъ, опять-таки по порученію и на счетъ федеральнаго правительства.

Въ 1886 году была организована ассоціація Никарагвскаго канала; другая концессія была получена ею отъ правительствъ Никарагвы и Коста-Рики, и опять начались подробныя изслѣдованія съ цѣлью найти наилучшій путь и по возможности больше воспользоваться мѣстными удобствами; затѣмъ были заключены контракты на постройку канала со всѣми необходимыми сооруженіями, и по настоящее время свыше пяти милліоновъ долларовъ издержано на производство работъ. Въ январѣ 1888 года былъ внесенъ въ конгрессъ билль объ инкорпораціи морской никарагвской канальной компаніи. Билль этотъ не даетъ компаніи никакихъ преимуществъ или гарантій, а только моральную поддержку правительства Соединенныхъ-Штатовъ, и былъ принятъ обѣими палатами безъ всякой оппозиціи. Наконецъ, 10-го января 1891 г., сенаторъ Шерманъ внесъ въ союзный сенатъ билль, уполномочивающій правительство гарантировать четыре процента на сто милліоновъ долларовъ облигацій канала, имѣющихъ быть выпущенными по мѣрѣ издержекъ на сооруженіе, и по свидѣтельствамъ пяти правительственныхъ инженеровъ, назначенныхъ президентомъ Союза; компанія же обязывается оставить въ залогъ у министерства финансовъ семь-десятыхъ всего акціонернаго капитала, каковую часть правительство имѣетъ право купить по заранѣе опредѣленной цѣнѣ, въ теченіе всего времени, пока вышеупомянутыя облигаціи не будутъ сполна погашены, а до тѣхъ поръ правительству предоставляется право вотировать эти акціи на собраніяхъ общества и назначать шесть директоровъ, или безусловное большинство, въ совѣтъ собранія. Билль этотъ былъ внесенъ въ сенатъ не по представленіямъ компаніи, но зародился въ самомъ сенатѣ;

тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе различныхъ соображеній, онъ былъ отозванъ и опять внесенъ въ настоящій уже конгрессъ, съ настоятельной рекомендаціей президента Гаррисона, изложенной въ его посланіи конгрессу въ началѣ декабрьской сессіи 1891 года.

Еще со временъ Филибустера Вокера (Walker), въ 1856 году, республика Никарагвы наслаждается миромъ и хорошимъ правительствомъ. У нея нѣту долга, а ежегодный излишекъ въ доходахъ употребляется на постройку желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ государству и оперируемыхъ только для покрытія расходовъ по ихъ эксплуатаціи. Страна раздѣлена на девять департаментовъ, управляемыхъ префектами; во всемъ остальномъ форма правленія похожа на американскую. Настоящій президентъ, докторъ Роберто Саказа, пользуется общимъ уваженіемъ и считается мудрымъ и патріотическимъ правителемъ. Значительнѣйшими городами являются Леонъ съ 35.000 жителей, Гранада съ 15.000, Чинандаго съ 12.000, Манагва, столица республики съ 10.000, и Марайя съ 18.000. Дороги въ странѣ плохи, и транспортъ товаровъ дорогъ и медленъ. Большинство населеній расположено на западномъ берегу; на восточномъ или Атлантическомъ разведеніе банановъ и кокосовыхъ орѣховъ ведется съ большимъ успѣхомъ, и для перевозки ихъ существуетъ недѣльное правильное пароходное сообщеніе между такъ называемымъ Москито-берегомъ и Новымъ-Орлеаномъ. Восточный берегъ низменъ, покрытъ дремучими лѣсами, и ежегодное выпаденіе дождя на немъ очень велико. Между Атлантическимъ берегомъ и озеромъ Никарагва находятся богатые минеральные округа, съ разрабатываемыми золотыми и серебряными рудниками; акціи двухъ изъ нихъ котируются на лондонской биржѣ. Западная часть республики занимается преимущественно скотоводствомъ.

Никарагвскій корабельный путь нельзя собственно назвать каналомъ; это—цѣлая судоходная система; разстояніе отъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте, Атлантическаго терминуса, до Брито, тихоокеанскаго, равняется $169^1/_2$ милямъ, и изъ этого числа навигація на разстояніи $142^3/_4$ миль будетъ производиться по озеру, рѣкамъ и бассейнамъ, и только $26^3/_4$ миль—по искусственнымъ каналамъ. Весь путь раздѣляется на четыре дивизіи: Восточную, Санъ-Франциско, Озерно-рѣчную и Западную. Первая изъ нихъ, длиной въ $18^7/_8$ миль, заключаетъ въ себѣ шлюзы восточнаго склона, простирается отъ Санъ-Жуана-дель-Норте до бассейна Санъ-Франциско, и отъ океана до шлюза № 1 вода будетъ держаться на морскомъ уровнѣ, съ шириной дна 120 футъ, поверхности въ 280 ф. и съ наименьшей глубиной въ 28 футъ. Пло-

щадь поперечнаго сѣченія равняется 5.712 квадратнымъ футамъ, тогда какъ Суэцкій каналъ имѣетъ только 3.700. Эта часть въ сущности будетъ продолженіемъ гавани; грунтъ вездѣ наносный, и выемка уже производится черпальными машинами Славена. Шлюзъ № 1—съ подъемомъ въ 31 футъ и, какъ и всѣ остальные, въ 650 футовъ длины и 80 футовъ ширины—размѣры совершенно достаточные для одновременнаго пропуска двухъ судовъ въ 2.500 тоннъ каждое. Дно этого шлюза состоитъ изъ твердой глины; онъ, какъ и всѣ остальные, будетъ построенъ изъ желѣза и конкрета. Шлюзъ № 2 отстоитъ на $1^1/_4$ мили отъ № 1. Между ними теперь течетъ небольшая рѣчка Дезеадо. Плотина, соединенная со шлюзомъ № 1, подниметъ воду на 20 футовъ выше дна долины, и по этому-то бассейну будетъ проходить каналъ, только частію въ выемкѣ, до шлюза № 2, съ подъемомъ въ 30 футовъ и съ гранитнымъ дномъ; такимъ образомъ уровень канала будетъ поднятъ на 61 футъ выше уровня моря. Шлюзъ № 3, съ подъемомъ 45 футовъ, находится на разстояніи $12^3/_4$ миль отъ Атлантическаго терминуса и почти двухъ миль отъ шлюза № 2. И между шлюзами №№ 2 и 3, и надъ шлюзомъ № 3 рѣчку Дезеадо предполагается обнести каменными берегами, образовавъ искусственные бассейны; надъ шлюзомъ № 3 стѣны эти, на протяженіи $1^1/_3$ мили, будутъ въ среднемъ около 21 фута вышины, а искусственная выемка понадобится въ общемъ только на протяженіи $^1/_8$ мили, и посредствомъ этой работы получится искусственное озеро слишкомъ въ 3 мили длины и отъ 30 до 70 футовъ глубины. Уровень этого бассейна будетъ 106 футовъ выше уровня моря. Такимъ образомъ, непосредственно надъ каждымъ шлюзомъ будетъ находиться обширный водный бассейнъ, который будетъ въ состояніи доставлять необходимое количество воды безъ ущерба для уровня канала.

Въ трехъ миляхъ отъ шлюза № 3 начинается выемка восточнаго водораздѣла. Отрогъ Кордильеровъ въ 2,09 мили ширины составляетъ этотъ водораздѣлъ и потребуетъ выемки, въ среднемъ, въ 141 футъ глубины до дна канала. Матеріалъ въ этой выемкѣ, по большей части, твердый гранитъ, допускающій минимальную глубину и отвѣсные склоны. Гранитъ этотъ будетъ употребленъ на постройку плотинъ, мола на Атлантическомъ терминусѣ и на облицовку канала въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ мягокъ и требуетъ такой облицовки. По обѣимъ сторонамъ выемки находятся значительныя водяныя силы, снабженныя горными потоками, которые предполагается утилизировать для приведенія въ движеніе выемочныхъ машинъ и для освѣщенія работъ. Время, необходимое для

окончанія этой выемки, и служитъ мѣриломъ времени, необходимаго для окончанія канала, такъ какъ во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ работу можно производить одновременно. Подрядчики гарантируютъ окончаніе этой выемки въ четыре года.

Дивизія Санъ-Франциско начинается отъ гребня этого водораздѣла и кончается плотиной Очоа (Ochoa), разстояніе $12\frac{1}{2}$ миль. Вблизи гребня водораздѣла, какъ разъ на пути канала, берутъ свое начало двѣ рѣчки, Дезеадо и Лимпіо, текущія въ противоположныхъ направленіяхъ. Посредствомъ утилизаціи ихъ руселъ работа ихъ соединенія значительно упрощается и удешевляется. На протяженіи $\frac{3}{4}$ мили отъ гребня, русло р. Лимпіо будетъ углублено въ среднемъ на 16 футовъ для того, чтобы достичь глубины необходимой для дна канала. Плотина Очоа, въ 1.900 футовъ длины и въ 70 футовъ максимальной вышины, подниметъ уровень рѣки Санъ-Жуана на четыре фута ниже уровня озера Никарагва. Между гребнемъ водораздѣла и плотиной Очоа, на протяженіи въ общемъ около трехъ миль, и съ максимальной вышиной въ 60 футовъ, необходимы будутъ искусственные берега или насыпи, такъ какъ мѣстность не вездѣ поднимается до необходимаго уровня. Изъ всей дивизіи Санъ-Франциско $8\frac{2}{8}$ миль будетъ въ этихъ искусственныхъ бассейнахъ, образованныхъ затопленными долинами, значительной глубиной и шириной, и только $2\frac{1}{2}$ мили частію и $1\frac{1}{4}$ мили совершенно—въ искусственной выемкѣ.

Озерно-рѣчная дивизія начинается плотиной Очоа, которая поднимаетъ воды рѣки Санъ-Жуана на 106 футовъ надъ поверхностью океана, въ уровень съ бассейномъ надъ шлюзомъ № 3. Уровень озера Никарагва на 110 футовъ выше уровня моря, и разница въ 4 фута между уровнями плотины и озера дастъ склонъ въ $\frac{3}{4}$ дюйма на милю на протяженіи 64 миль навигаціи по рѣкѣ, для свободнаго стока водъ озера и рѣки, составляющихъ около 20.000 кубическихъ футовъ воды въ секунду, и допускающій быстроту теченія около $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Эта плотина доставитъ свободную навигацію по всей рѣкѣ до озера, съ проходомъ около тысячи футовъ въ ширину, исключая 28 миль выше пороговъ Торо, и съ глубиной отъ 28 до 130 футовъ. Очистка русла рѣки на среднюю глубину въ $4\frac{1}{2}$ фута будетъ необходима на протяженіи 28 миль выше пороговъ Торо; съ этой очисткой каналъ будетъ имѣть не менѣе 125 футовъ ширины на днѣ, и отъ 500 до 1.500 футовъ ширины на поверхности. Въ трехъ мѣстахъ будетъ необходимо выпрямленіе русла, такъ какъ настоящіе изгибы рѣки слишкомъ круты для удобнаго прохода большихъ судовъ.

Для полученія судоходнаго канала въ 30 футовъ глубины необходимо будетъ очищеніе дна озера Никарагва на протяженіи первыхъ 14 миль отъ восточнаго берега, на среднюю глубину въ 10 футовъ, въ мягкомъ илистомъ грунтѣ. Озеро это имѣетъ овальную форму, 110 миль въ длину и 45 въ ширину, съ средней глубиной отъ 130 до 150 футовъ по срединѣ [1]). Отъ форта Санъ-Карлоса при истокѣ рѣки Санъ-Жуана изъ озера, до устьевъ рѣчки Лажаса, гдѣ каналъ оставляетъ озеро на своемъ пути къ Тихому океану, разстояніе по озеру равняется $56^1/_2$ милямъ. Западный берегъ озера состоитъ изъ горныхъ породъ, и вода мелка на 1.400 футовъ отъ устья канала; необходимо будетъ углубленіе русла на этомъ протяженіи и на этой сторонѣ.

Западная дивизія начинается истокомъ канала изъ озера и идетъ до Тихаго океана,—разстояніе 17,04 мили. Изъ этого числа $11_1/_2$ миль будетъ состоять изъ искусственной выемки, а $5^1/_2$ будутъ находиться въ бассейнѣ Тола (Tola). Искусственная выемка, имѣющая соединить озеро съ этимъ бассейномъ, имѣетъ 9 миль длины, и самая глубокая ея часть, пересѣкающая гребень водораздѣла между озеромъ и Тихимъ океаномъ, потребуетъ выемки въ 43 фута отъ поверхности канала, находясь 153 фута выше уровня океана и давая высшую точку Никарагвскаго прохода. На разстояніи $1^1/_2$ мили отъ озера, дно канала будетъ въ 120, а поверхность въ 210 ф. ширины; затѣмъ, на разстояніи 5 миль, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ выемки, дно будетъ въ 80 футовъ ширины. Выйдя изъ выемки, каналъ послѣдуетъ по руслу рѣчки Ріо-Гранде, съ шириной дна въ 80 и поверхности въ 184 фута. Бассейнъ Тола будетъ въ $5^1/_2$ миль длины, и $4^1/_2$ изъ нихъ не потребуютъ никакой работы, а плотина Ля-Флоръ, въ 1.800 футовъ длины и 70 футовъ вышины, затопитъ 4.000 акровъ луговъ и лѣсовъ. Средняя ширина бассейна будетъ около мили, а глубина—отъ 30 до 70 футовъ. Между бассейномъ Тола и Тихимъ океаномъ будутъ находиться шлюзы № 4 и 5 съ подъемомъ въ $42^1/_2$ фута каждый, и шлюзъ № 6 съ подъемомъ сообразно съ приливомъ и отливомъ океана, и отъ него, на разстояніи $1^1/_4$ мили, уровень канала будетъ на уровнѣ океана съ шириной дна въ 120 и поверхности въ 288 футовъ, такъ что въ сущности онъ будетъ представлять собою продолженіе гавани, которую, впрочемъ, предстоитъ еще создать. Предполагается построить молъ въ 900 футовъ длины съ одной стороны, и въ

---

[1]) Озеро Никарагва и рѣка Санъ-Жуанъ полны морскими акулами, которыя вполнѣ акклиматизировались здѣсь, хотя вода и озера и рѣки совершенно прѣсная.

825 ф. съ другой, оставя проходъ въ 800 ф. ширины и отвоевавъ, такимъ образомъ, отъ океана около 100 акровъ гавани, которая, въ связи съ частью канала отъ шлюза № 6 до океана, будетъ совершенно достаточной для близкаго будущаго.

Портъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте, атлантическій терминусъ канала, былъ прекрасной гаванью 35 лѣтъ тому назадъ, но за послѣднее время значительно обмелѣлъ. Его возстановленіе будетъ стоить около двухъ милліоновъ долларовъ. Молъ въ 3.000 футовъ длины необходимъ для огражденія гавани отъ наносныхъ песковъ съ океана, и каналъ долженъ быть углубленъ, въ среднемъ, на 15 футовъ; 1.100 футовъ мола уже построены и углубленіе гавани идетъ въ настоящее время. Портъ Санъ-Жуанъ-дель-Норте иногда называется Грэйтоуномъ, но имя это ненавистно мѣстнымъ жителямъ, такъ какъ оно дано было порту англичанами, когда они захватили его и назначили его военнымъ губернаторомъ сэра Джорджа Грея. Англичане принуждены были очистить восточный берегъ Никарагвы послѣ ратификаціи трактата Клэйтонъ-Бульвера съ Соединенными-Штатами; нѣкоторые пункты его оспариваются и до сихъ поръ правительствами обѣихъ сторонъ.

Время, потребное для прохода канала отдѣльнымъ судномъ, опредѣляется въ 28 часовъ, и онъ будетъ въ состояніи пропускать 20.440.000 тоннъ въ 24 часа, а удвоивши шлюзы—можетъ удвоить эту работу. Суэцкій каналъ въ 1890 г. пропустилъ 9.000.000 тоннъ и заработалъ 19% дивиденда на свой капиталъ; его акціи стоятъ теперь 500 за 100.

Смѣты стоимости сооруженія Никарагвскаго канала были приготовлены три раза: однажды Менокалемъ, исчислившимъ ихъ въ $ 65.084.176; затѣмъ коммиссіей англійскихъ инженеровъ, превысившихъ смѣту Менокаля на $ 600.000, и, наконецъ, совѣтомъ инженеровъ американскаго правительства, требовавшихъ $ 87.799.570. Всѣ эти смѣты не отчисляли ничего на банкирскія коммиссіи и расходы на проценты на все время производства работъ.

П. Тверской.

ДИКАРКА

Повѣсть Эл. Оржешко.

Съ польскаго.

V *).

— Вы бывали во Франціи?—повторилъ мнѣ свой вопросъ дѣдушка Северины, Адамъ Здроіовскій.—Боже мой! бывалъ ли я во Франціи?! Еслибы этотъ старикъ не былъ лишенъ зрѣнія, то довольно было бы взглянуть на меня, чтобы убѣдиться, что я вовсе не похожъ на человѣка, который никогда не бывалъ во Франціи. Утвердительный мой отвѣтъ на его вопросъ видимо удовлетворилъ старика. Онъ обрадовался, что нашелъ человѣка, съ которымъ могъ бесѣдовать о томъ, что̀ часто, если только не всегда, было предметомъ его размышленій.

— Вы, конечно, видѣли французскія поля, сады, виноградники? Вотъ что̀ значитъ трудъ человѣка?.. Это вѣдь рай, настоящій рай!.. Изобиліе во всемъ, красота, достатокъ!.. Не правда ли?.. Да, тамъ и о красотѣ земли тоже заботятся... да, заботятся... Рай, рай настоящій!..

Я вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и согласился со старикомъ, а на его лицѣ, какъ бы съ тѣнью загара отъ порохового дыма и южнаго солнца, я подмѣтилъ такое выраженіе, какъ будто бы онъ еще и теперь находился въ этомъ раю.

— Тамъ нѣтъ... нѣтъ... голода и... и нужды,—сказалъ онъ.

---

*) См. выше: мартъ, 67 стр.

Я невольно нѣсколько шире раскрылъ глаза. Какъ такъ? Тамъ нѣтъ ни голода, ни нужды?!..

— Видѣли ли вы тамъ когда-нибудь нищаго?.. А?.. Видѣли ли нищаго?.. Видѣли ли вы тамъ обиженнаго, оскорбленнаго человѣка?.. Конечно, нѣтъ. Общество, которое вотъ уже сколько лѣтъ пользуется всѣми благами справедливости, которое дышетъ ею, живетъ ею, такое общество не знаетъ несчастныхъ и обиженныхъ... Да, тамъ ужъ давно нѣтъ кривды и обиды! Да, да! нѣтъ больше той кривды, которая хотѣла свѣтъ поглотить, но не поглотила, потому что Франція свѣтъ спасла!.. Да!..

Старикъ ликовалъ, былъ безконечно веселъ и улыбался широкою, добродушною улыбкою, время отъ времени ударяя высохшей рукою по колѣну, какъ будто радуясь, что ему удалось кому-то и надъ кѣмъ-то выкинуть большой-пребольшой фокусъ!.. Я самъ не зналъ, что̀ думать. Какъ это такъ? Тамъ вовсе нѣтъ нищихъ! да и гдѣ же это на свѣтѣ нѣтъ больше кривды!.. Удивительное дѣло, ни Даля, ни Конрадъ, не предупредили меня о томъ, что этотъ Адамъ Здроіовскій немножко выжилъ изъ ума!

Я сказалъ что-то такое въ отвѣтъ ему о пролетаріатѣ, о рабочемъ вопросѣ во Франціи.

Адамъ Здроіовскій улыбнулся и махнулъ рукою.

— Да не вѣрьте этому, не вѣрьте!.. Объ этомъ, видите-ли, пишутъ изъ зависти и желанія оклеветать ближнихъ... Объ этомъ только пишутъ... Я двадцать лѣтъ прожилъ тамъ... во-очію видѣлъ... Да впрочемъ, вамъ должно быть извѣстно, что тамъ крупная собственность давно распалась на мелкія... да, распалась на мелкія...

Здѣсь старикъ съ большою точностью фактовъ и чиселъ разсказалъ исторію послѣ-революціоннаго распаденія большой собственности на множество мелкихъ владѣній во Франціи. И тутъ же прибавилъ:

— Но все это не имѣетъ особеннаго значенія. Большая ли, малая ли собственность—это не важно. Можно сказать, что тамъ вовсе нѣтъ собственности, потому... потому что... тамъ нѣтъ эгоизма, нѣтъ роскоши, а есть состраданіе и любовь. Да, тамъ богатый человѣкъ не могъ бы никакъ глядѣть равнодушно на нужду другого человѣка... да!.. Fraternité, видите ли, fraternité!.. Люди любятъ другъ друга, живутъ какъ братья, рука въ руку, сердечно, любовно.., да, да! И вотъ потому-то никто тамъ ничѣмъ и никѣмъ не злоупотребляетъ, никто не страдаетъ... А страна вѣдь и велика, и обильна... жизнь кипитъ... вездѣ могущество... да!.. Вотъ что: надо жить рука въ руку... А то вѣдь

иначе что же! А до чего дожила Францiя?.. Рай... солнце земли! Да чтò и говорить!..

Этотъ экстазъ старика произвелъ на меня странное впечатлѣнiе: мнѣ казалось, что со мною бесѣдуетъ человѣкъ если не вполнѣ тронувшiйся, то по крайней мѣрѣ одержимый какою-то странной манiей. Вскорѣ къ намъ подошла Северина и шепнула мнѣ на ухо:

— Кузенъ, прошу васъ не спорить съ дѣдушкою и не убѣждать его въ томъ, что онъ ошибается... Эта ошибка—его счастье.

Что эта ошибка не была слѣдствiемъ полнаго его душевнаго разстройства, въ этомъ я сейчасъ убѣдился, потому что старикъ отвѣтилъ мнѣ вполнѣ резонно на нѣсколько вопросовъ, касающихся тѣхъ событiй, въ которыхъ онъ принималъ участiе. Отвѣты его всѣ до одного были проникнуты своеобразною, но все же здравою философiею. Видно, что когда-то дѣдушка читалъ и думалъ много, да и обладалъ недюжинными способностями. Но жизнь съ ея опытомъ, потеря зрѣнiя, долгiе годы—все это отразилось на немъ. Жизнь въ данномъ случаѣ съиграла роль большого пресса, который выдавливаетъ ягодный сокъ, а шелуху отбрасываетъ въ сторону. И здѣсь все отпало: личныя вожделѣнiя, разсчеты, даже обаянiе личныхъ воспоминанiй и восторговъ, а то, чтò покоилось на самомъ днѣ души этого человѣка и составляло главное ея содержимое, превратилось въ кристаллъ, въ каплю, въ которой отразились на вѣчныя времена картины небывалой Атлантиды. Но старикъ среди окружающей его вотъ уже много лѣтъ темноты такъ внимательно и постоянно всматривался въ эту Атлантиду, такъ прихорашивалъ ее всѣмъ, чтò считалъ прекраснымъ, что, наконецъ, увѣровалъ въ возможность и необходимость ея существованiя,—увѣровалъ въ возможность идеала на землѣ... Это довольно своеобразное и сложное психическое явленiе въ эту минуту не могло всецѣло поглотить меня, потому что я горѣлъ желанiемъ поскорѣе поболтать съ Севериною, да и старикъ какъ разъ въ это же время чрезвычайно мягкимъ голосомъ обратился къ своей спутницѣ:

— Юля!

— Я здѣсь, Адамъ! — едва слышнымъ, мягкимъ и прiятнымъ голосомъ отвѣтила старушка.

— Пойдемъ въ свою комнату, Юля!

— Хорошо, пойдемъ.

Старушка при помощи Северины поднялась со своего мѣста и взяла за руку своего супруга. Старикъ повернулъ лицо въ

сторону, откуда слышалъ мой голосъ, и произнесъ съ пріятною, спокойною улыбкою на лицѣ:

— Прошу васъ... будьте любезны, заверните и къ намъ. Здѣсь-то мы являемся очень рѣдко. Видите-ли, жена моя страдаетъ ногами. Да и зачѣмъ?.. Намъ покойно и удобно въ нашихъ комнаткахъ. Мы вотъ вмѣстѣ читаемъ... то-есть, я хотѣлъ сказать, Юля читаетъ мнѣ вслухъ. Она—мои глаза, а я, видите-ли, играю роль палки, которая помогаетъ ей передвигаться съ мѣста на мѣсто. И такъ-то мы ни въ чемъ не ощущаемъ недостатка. Вотъ теперь мы читаемъ очерки Маколея о томъ, какъ англичане завладѣли Индіей. Боже мой, какое злоупотребленіе силою, какія жестокости!.. Но и этому скоро будетъ конецъ... да, да!.. На землѣ есть идея, которую мы всюду посѣяли... есть Франція! Вспомните когда-нибудь мое слово: вскорѣ весь міръ будетъ похожъ на Францію...

— Пойдемъ, пойдемъ, Адамъ!—сказала старушка.

— Пойдемъ... Надѣюсь, господинъ Грановскій, вы не забудете зайти и къ намъ...

И старики ушли такъ, какъ пришли,—тихо, спокойно. Адамъ и Юля! Мнѣ казалось, что передо мною явилась олицетворенная сказка, и я не посмѣлъ бы поручиться, не былъ ли я похожъ въ эту минуту на удивленнаго ротозѣя.

И все въ этомъ домѣ являлось для меня чѣмъ-то неожиданнымъ. Вотъ хотя бы обѣдъ такъ рано. Около трехъ часовъ я бы могъ ожидать, что меня пригласятъ къ завтраку, опоздавшему нѣсколько, но обѣдать въ три часа пополудни—этого я понять не могъ. Въ обширной комнатѣ, которую вѣрнѣе слѣдовало бы назвать большою избою, еслибы ее не украшалъ старинный буфетъ, настоящая древность, обратившая на себя съ перваго же взгляда все мое вниманіе,—я встрѣтился за обѣденнымъ столомъ съ обществомъ—страннымъ, чтобы не сказать болѣе, и оно произвело на меня не особенно пріятное впечатлѣніе. Я замѣтилъ среди сидящихъ за столомъ господина Богурскаго, къ которому, хотя я его до того ни разу не видѣлъ, какъ-то инстинктивно питалъ нѣчто въ родѣ маленькаго отвращенія. Крайне не понравилось мнѣ то, что онъ явился въ высокихъ сапогахъ и въ какомъ-то сюртукѣ страннаго покроя... Вмѣстѣ съ нимъ вошли какіе-то молодые люди, о которыхъ я сейчасъ же составилъ себѣ самое нелестное мнѣніе. Я узналъ потомъ, что это были сосѣди Северины, которые въ ея имѣніи обучались сельскому хозяйству. И эти господа были такъ же одѣты, какъ господинъ Богурскій. Никогда благовоспитанные молодые люди не посмѣли

бы явиться въ комнату, въ которой находится женщина, которую они уважаютъ. Мало ли что̀ толкуютъ, будто не платье украшаетъ человѣка,—но среди цивилизованныхъ людей самая незначительная форма общественныхъ отношеній является выраженіемъ какого-нибудь чувства или убѣжденія. Въ этомъ никто не можетъ и не долженъ сомнѣваться. Конечно, бываютъ случаи, когда мы одѣваемъ фраки въ честь людей, которыхъ мы вовсе не уважаемъ, но все-же фракъ является выраженіемъ почтенія, а высокіе сапоги—доказательствомъ полнаго его отсутствія. Но въ лѣсу—какъ въ лѣсу! здѣсь невозможно требовать слишкомъ большой тонкости и проницательности, а ихъ отсутствіе можетъ объяснить многое. Да впрочемъ, и то сказать,—здѣсь вообще были странные обычаи, но они казались странными лишь мнѣ одному. Вотъ, напримѣръ, двѣ барышни, которымъ я былъ представленъ, какъ кузенъ хозяйки,—я бы принялъ ихъ за горничныхъ, еслибы мнѣ не сказали, что одна изъ нихъ, мадемоазель Звиркевичъ, обучаетъ въ Красовицахъ премногимъ наукамъ разныхъ ребятъ, а другая—фамиліи ея я не запомнилъ—тоже чему-то и кого-то обучаетъ. Все это—сыновья и дочери сосѣдей, по всей вѣроятности, похожіе на Звиркевича,—вотъ и все. Эти молодые господа и молодыя барышни чему-то практически обучались въ образцовомъ имѣніи Северины. Я замѣтилъ за столомъ еще одно мѣсто для любимой нянюшки, но она очень рѣдко и на короткое время занимала его, потому что все возилась около стола, подавая разныя блюда при помощи какой-то молоденькой дѣвушки, не то горничной, не то судомойки.

Меня посадили на почетномъ мѣстѣ, между хозяйкою и тетею Леонтиною. О чемъ-нибудь въ родѣ лакея здѣсь не имѣли ни малѣйшаго понятія; фарфоръ и серебро, о которыхъ я слышалъ въ Мировѣ, почти отсутствовали на столѣ, являясь лишь въ самомъ необходимомъ, ограниченномъ количествѣ. Мое появленіе впервые въ этомъ домѣ не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія; никто и не думалъ почтить меня какимъ-нибудь, ну, хотя бы малѣйшимъ вниманіемъ. Вдобавокъ, согласно здѣшнимъ взглядамъ и обычаямъ, все это не должно было нисколько удивлять и меня. О жителяхъ Красовицъ я уже зналъ кое-что отъ Северины, да и безъ того долженъ былъ знать, что допотопныя платья и странныя прически à la bergère должны быть окружены похожими на нихъ аксессуарами. Но я забылъ объ этомъ. Правда, приближался я къ Красовицамъ съ нѣкоторымъ опасливымъ безпокойствомъ о фонѣ и объ аксессуарахъ, но послѣ я смутился, ужасно смутился. Да и какъ не смутиться человѣку,

живущему въ извѣстномъ кругу понятій и обычаевъ, при появленіи своемъ среди людей чуждыхъ этимъ понятіямъ, живущихъ совершенно иначе, своеобразно! Въ такихъ случаяхъ хозяева ломаютъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ вопроса: что̀ дѣлать съ такимъ субъектомъ? А субъектъ въ свою очередь радъ бы провалиться хоть сквозь землю.

Такъ или иначе, а пришлось мнѣ спасать мое незавидное положеніе. Съ этою цѣлью я охотно, даже съ нѣкоторою долею благодарности, схватился за нить бесѣды, которую началъ со мною вести господинъ Богурскій. Онъ спросилъ меня безъ всякой рисовки и особеннаго желанія порисоваться передъ другими дѣльнымъ разговоромъ о томъ, въ какомъ состояніи находятся большія имѣнія въ мѣстности, обитаемой мною, какъ ведутъ тамъ хозяйство, какова культура, общее настроеніе и т. п. Все это вмѣстѣ вовсе не составляло излюбленныхъ мною предметовъ размышленій и бесѣдъ, но въ данную минуту мною овладѣло желаніе доказать всѣмъ, что все человѣческое не чуждо мнѣ; да и то сказать,—мнѣ хотѣлось обратить на себя вниманіе прекрасныхъ глазъ, полныхъ задумчивости и грусти, и заставить улыбнуться коралловыя губки, которыя упорно молчали. Северина переживала какое-то странное чувство, котораго я понять не могъ: на ея щекахъ показались маленькія розовыя пятна, и кромѣ того, несмотря на всѣ усилія, она не могла ни ѣсть, ни говорить; и то, и другое вовсе не было ей къ лицу. Она такъ глубоко задумалась, что никакъ не могла освободиться отъ осаждающихъ ее, какъ видно, назойливыхъ мыслей. Я тогда подумалъ, что она не привыкла еще принимать гостей, или... или переносить чувственныя потрясенія извѣстной категоріи.

Я вообще ненавидѣлъ всякаго рода обскурантизмъ, а потому и обладалъ нѣкоторыми свѣдѣніями о чрезполосномъ хозяйствѣ, о мужикахъ, объ ипотекѣ, о чемъ я довольно долго бесѣдовалъ съ господиномъ Богурскимъ. Во время этого разговора я убѣдился, что мой собесѣдникъ вовсе не антипатиченъ. Господинъ Богурскій былъ своеобразнымъ, но дѣльнымъ типомъ, обладающимъ физическою силою и большою энергіею. Черты его лица не отличались нѣжными контурами; онѣ были нѣсколько грубы, по большей части суровы и какъ бы покрыты туманомъ глубокой задумчивости. Улыбка разсѣевала этотъ туманъ лишь изрѣдка и то на очень короткое время, какъ будто ее удерживало отъ лишнихъ изліяній внутреннее суровое чувство. Господинъ Богурскій обладалъ, кромѣ того, тою искрою въ голосѣ, которая невольно приковывала вниманіе къ его рѣчи даже тогда, когда онъ выражалъ свое мнѣніе

о такихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, культура какого-то растенія, которое обладаетъ способностью удобрять почву, на которой его воздѣлываютъ. Я узналъ отъ господина Богурскаго, что это растеніе начали уже культивировать въ прусскихъ хозяйствахъ, что опыты дали прекрасные результаты, а потому и наши сельскіе хозяева обязаны заняться разработкою этого важнаго вопроса, потому что... Здѣсь только начался цѣлый рядъ весьма интересныхъ положеній. Мѣстности, въ которыхъ земля не отличается большою жизнетворящею способностью, обязаны культивировать это новое растеніе именно потому, что оно способно повліять благотворно на состояніе небольшихъ крестьянскихъ хозяйствъ, чтò, конечно, повлечетъ за собою возвышеніе уровня общаго экономическаго благосостоянія, единственнаго источника всякихъ стремленій къ просвѣщенію и нравственному возрожденію народа, не сознающаго еще теперь ни своего жалкаго положенія, ни своихъ силъ. Просвѣщеніе и нравственность въ свою очередь явятся надежнымъ и вѣрнымъ источникомъ вѣрныхъ и ясныхъ понятій объ обязанностяхъ человѣка и гражданина, на которыхъ зиждется все рѣшительно, чтò дорого отдѣльному человѣку и всему обществу...

Я привожу лишь общій выводъ разсужденія, которое я выслушалъ съ большимъ вниманіемъ, а выслушалъ я его потому именно такъ внимательно, что за часъ еще до него я бы скорѣе надѣялся сейчасъ же умереть, нежели думать, что культура какого-то растеньица являлась моей обязанностью, отъ которой я никакъ отказаться не смѣю, и что отъ этой-то культуры зависитъ —хотя бы въ малѣйшей степени—счастье чуть ли не всего человѣчества. Но и у Северины я замѣтилъ эту странную способность слишкомъ широкихъ кругозоровъ, слишкомъ отдаленныхъ разсужденій, изъ которыхъ и она тоже всегда выводила чрезмѣрно отдаленныя слѣдствія, которыхъ провѣрка оказывалась возможною развѣ въ отдаленномъ будущемъ. Такіе взгляды, должно быть, являлись чѣмъ-то присущимъ данной мѣстности, такъ же точно, какъ присущею способностью людей, здѣсь живущихъ, являлось умѣнье глядѣть на жизнь сквозь туманъ задумчивости, чтò придавало даже молодымъ людямъ оттѣнокъ грусти. Эту особенность я замѣтилъ даже въ сыновьяхъ и дочеряхъ сосѣдей, которые вовсе не походили на другихъ молодыхъ людей, какихъ мнѣ случалось встрѣчать въ жизни. Я привыкъ видѣть веселую молодежь, готовую всегда въ этомъ отношеніи спорить изъ-за первенства съ легкимъ весеннимъ вѣтеркомъ и съ пернатыми жителями лѣсовъ. Барышни обладали очень миленькими личиками, молодые люди держали себя весьма прилично, но всѣ вмѣстѣ не походили на пор-

хающихъ мотыльковъ. Несмотря на здоровье, которое отражалось на ихъ лицахъ и крѣпкихъ фигурахъ,—виднѣлось въ нихъ еще что-то какъ будто бы тусклое, какіе-то слѣды заботы, труда... я самъ не знаю, чего именно?—но что̀ удерживало ихъ отъ всякихъ изліяній веселости, свойственной молодежи. Впрочемъ, я вспомнилъ Звиркевича и невольно подумалъ, что дѣйствительно молодые годы его дочери не были „сномъ среди благоухающихъ цвѣто̀въ". Нѣтъ сомнѣнія, что и эта тусклая молодежь происходила отъ отцовъ, до мозга костей проникнутыхъ такъ называемымъ тяжелымъ временемъ... Да, теперь только я началъ нѣсколько понимать Северину. Но все же по какой странной причинѣ они особенно глубоко проникаются этимъ тяжелымъ временемъ? Я знаю многихъ, даже очень многихъ ихъ ровесниковъ, которые счастливы. Счастливы ли они? Счастливъ ли я?—задалъ я себѣ мысленно этотъ вопросъ, и у меня явилось почти непреодолимое желаніе расхохотаться. Я—и счастіе!.. Какое сопоставленіе!

Я думалъ обо всемъ этомъ, не переставая бесѣдовать съ господиномъ Богурскимъ; многолѣтная практика въ дѣлѣ бесѣдованія о чемъ угодно и съ кѣмъ угодно развила во мнѣ способность одновременно разговаривать съ кѣмъ-нибудь и съ самимъ собою. Вдругъ мой собесѣдникъ, въ промежуткѣ между двумя предложеніями о стремленіи мелкихъ владѣльцевъ къ подражанію экономическимъ и другимъ обычаямъ крупныхъ своихъ коллегъ, обратился къ одной изъ барышенъ и спросилъ:

— Зеленое? [1])

На лицѣ господина Богурскаго засіяла такая улыбка, что мнѣ казалось, что онъ сразу сталъ моложе по крайней мѣрѣ десятью годами. До этой минуты я былъ увѣренъ, что ему никакъ не менѣе сорока лѣтъ, но теперь я убѣдился, что онъ молодъ, даже сравнительно очень молодъ, но молодость его раньше времени какъ будто угасла подъ вліяніемъ большой заботы, о которой онъ постоянно думалъ. Барышня, къ которой онъ обратился съ такимъ неожиданнымъ вопросомъ, раскраснѣлась, опустила глаза и вынула изъ-за кушака небольшой листъ какого-то комнатнаго растенія, который она ему показала, ловко покачивая рукою въ воздухѣ. И онъ тоже показалъ ей небольшую

---

[1]) У поляковъ молодежь играетъ весною и лѣтомъ въ „зеленое" (zielone). Игра состоитъ въ томъ, что обѣ стороны обязываются постоянно имѣть при себѣ зеленый листъ или вѣтку, которые обязаны показывать своему партнеру по первому его требованію. Кто первый окажется безъ „зеленаго", тотъ проигралъ.

Прим. перев.

вѣтку, которую вынулъ изъ кармана. При этомъ онъ взглянулъ на нее такъ, что всякій догадался бы, что это былъ — флиртъ!

Такъ вотъ оно что! Это божественное изобрѣтеніе знакомо было и жителямъ лѣсовъ! Господинъ Богурскій флиртовалъ съ мадемоазель Мальвиною Звиркевичъ посредствомъ игры въ „зеленое“, положимъ, не модной, но я ужъ убѣждался нѣсколько разъ, что понятія этихъ людей вообще не имѣютъ ничего общаго съ модою. Да, впрочемъ, дѣло не въ модѣ! Его флиртъ съ барышнею Звиркевичъ, которая меня вовсе не интересовала, произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе, потому что, по правдѣ сказать, моя антипатія къ нему происходила исключительно изъ того источника, что мнѣ казалось, будто онъ состоитъ въ слишкомъ дружескихъ отношеніяхъ съ Севериною. Я долженъ здѣсь оговориться. Я ни въ чемъ не подозрѣвалъ Северину, невозможно даже было въ чемъ-либо ее подозрѣвать; но все же этотъ другъ ея брата, этотъ соучастникъ ея трудовъ и стремленій, котораго фамиліи въ ея присутствіи нельзя было произнести, чтобы сейчасъ же не вызвать ея гнѣва, просто инстинктивно злилъ меня. Теперь, мнѣ кажется, всѣмъ станетъ понятнымъ, что я съ удовольствіемъ глядѣлъ на господина Богурскаго въ то время, когда онъ пожиралъ глазами мадемоазель Мальвину Звиркевичъ и игралъ съ нею въ „зеленое“. Да вообще меня радовало то, что красота или, можетъ быть, какія-нибудь особенныя качества барышни Звиркевичъ восхищали моего собесѣдника. Очень радъ! Такое его расположеніе въ то время, когда у него очень легко могло явиться желаніе адресовать свои чувства совсѣмъ въ другую сторону, отвѣчало вполнѣ моему желанію, да и вообще соотвѣтствовало тому положенію, какое онъ занималъ въ обществѣ. Несмотря на нѣкоторую восторженность мыслей и рѣчи, господинъ Богурскій долженъ былъ обладать здравымъ разсудкомъ, о чемъ я могъ судить хотя бы по тому одному факту, что онъ прекрасно понималъ, какое громадное пространство отдѣляло сына любимой нянюшки отъ красовицкой кастелляніи. Но мода, какъ и все на свѣтѣ—вещь относительная. Здѣсь „зеленое“, какъ видно, считалось моднымъ, потому что, какъ бы по данному сигналу, двѣ барышни и два молодыхъ человѣка стали показывать другъ другу зеленые листья и вѣтки. Только съ этой минуты они начали разговаривать и улыбаться. Мое присутствіе, по всей вѣроятности, мѣшало имъ хохотать и шутить нѣсколько громче. Любимая няня тоже повеселѣла и начала поддразнивать молодежь; общій ихъ разговоръ сталъ какъ бы задушевнѣе и веселѣе. Нѣсколько времени спустя, пошутивъ съ молодыми людьми, она обратилась ко мнѣ и пѣву-

чимъ тономъ начала разсказывать мнѣ, что она знала моего отца, а именно, что она видѣла его въ Красовицахъ, когда онъ пріѣзжалъ какъ-то къ Ромуальду Здроіовскому.

— Северки еще тогда не было на свѣтѣ,—разсказывала старушка:—а я кормила тогда покойнаго Адама, потому-то онъ и Владиславъ были молочными братьями... Быть можетъ, потому же они и любили другъ друга, какъ братъ любитъ брата. Потомъ Ромуальдъ вмѣстѣ съ Адамомъ послалъ Владислава въ университетъ, и вотъ —вѣчный покой доброму господину! — сдѣлалъ изъ него человѣка, который, быть можетъ, не будетъ въ тягость ни себѣ, ни другимъ! При этихъ словахъ она какъ разъ проходила около своего сына и погладила его по головѣ своею костлявой рукою. Владиславъ Богурскій взялъ руку матери въ обѣ свои крупныя руки и почтительно ее поцѣловалъ. Одинъ вопросъ: дѣйствительно ли было для него пріятно воспоминаніе матери о томъ, что жизнью онъ обязанъ мамкѣ Здроіовскаго, а воспитаніемъ — его отцу, или же онъ такъ ловко притворялся, что его неудовольствія никто и подозрѣвать не могъ? Вѣдь можно быть демократомъ по убѣжденію, можно быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что всѣ люди равны между собою, а все же мнѣ показалось невѣроятнымъ, чтобы такого рода воспоминанія и разсказы, особенно же въ присутствіи незнакомыхъ людей, не были причиною весьма основательнаго неудовольствія.

Вообще, я въ то время не зналъ, во снѣ ли я все вижу и слышу, или на яву. Мною все болѣе и болѣе овладѣвало чувство несогласія моего *я*, моей личности, моихъ убѣжденій, со всѣмъ тѣмъ, что̀ меня окружало, и съ тѣмъ, что̀ говорилось вокругъ меня. Я снова испыталъ то самое чувство, которое овладѣло мною въ то время, когда я впервые очутился среди здѣшней суровой природы. Я не былъ въ состояніи никого и ничего ни въ чемъ упрекнуть: сервировка и обѣденное меню хотя не отличались роскошью, но были вполнѣ приличны, а я не былъ такимъ гастрономомъ, чтобы три блюда не были въ состояніи вполнѣ удовлетворить меня. Лица, окружавшія столъ, слѣдовало бы скорѣе причислить къ красивымъ, нежели къ какой бы то ни было другой категоріи, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, лица любимой нянюшки и господина Богурскаго, возбуждали даже мое любопытство; въ бесѣдахъ, которыя мнѣ пришлось вести, или которыя я слышалъ, не было ни малѣйшихъ отступленій отъ общепринятыхъ формъ, ни грамматическихъ или логическихъ ошибокъ. Въ чемъ же могъ я упрекать этихъ людей, среди которыхъ, напротивъ, я доискался многаго, что̀ мнѣ было симпатично, но въ

томъ лишь бѣда, что все это было чуждо мнѣ, что оно не имѣло ничего общаго съ общимъ строемъ моей жизни. Все это, вмѣстѣ взятое, повергало меня въ самыя противорѣчивыя чувства удивленія, смущенія и полнаго отчужденія отъ всего, что̀ здѣсь происходило. Еслибы я пожелалъ найти слово, которое было бы въ состояніи вполнѣ охарактеризовать весь мой антуражъ, я бы не сказалъ, что онъ некрасивъ, или глупъ, или скверенъ; нѣтъ! но я долженъ былъ бы сказать, что онъ—дикъ!

Одна подробность казалась мнѣ похожимъ на меня самого пришлецомъ изъ какого-то другого міра, а именно: долетающій до меня во время обѣда легкій запахъ геліотропа. Запахъ всегда производилъ на меня особенное впечатлѣніе, а запахъ геліотропа дѣйствовалъ на мою впечатлительность энергичнѣе другихъ. Этотъ запахъ невольно казался мнѣ запахомъ, навѣяннымъ сюда изъ моихъ родныхъ угловъ. Сначала я не давалъ себѣ отчета въ томъ, гдѣ слѣдовало искать его источникъ, и лишь случайно замѣтилъ, что издавала его маленькая вѣтка съ маленькимъ же цвѣткомъ, которая покоилась на груди госпожи Брожекъ. Раньше, я увѣренъ, этой вѣтки тамъ вовсе не было; она очутилась на этомъ мѣстѣ лишь теперь, послѣ моего пріѣзда... На этой вѣткѣ можно было сдѣлать надпись, нѣчто въ родѣ посвященія: изгнанница—изгнаннику! О, да! Насъ двое только, она и я, мы были достойны этихъ названій! Я взглянулъ на мою сосѣдку и сейчасъ же замѣтилъ, что взглядъ мой явился не во̀-время на ея лицѣ, а именно въ такую минуту, въ которую это несомнѣнно нѣкогда красивое лицо совершенно забыло о томъ, что туалетъ необходимъ. Госпожа Брожекъ не принимала, конечно, никакого участія въ моей бесѣдѣ съ господиномъ Богурскимъ о всевозможныхъ нравственныхъ и другихъ культурахъ. Забытая всѣми мадамъ Леонтинъ впала въ такое глубокое раздумье, что черты ея лица не слушались ея воли и желаній, и принимали видъ, какой имъ вздумалось принять. Мадамъ Леонтинъ въ эту минуту была такая кислая, какъ будто бы сейчасъ проглотила цѣлый лимонъ; не утратившія еще прежней красоты ея губы приняли теперь видъ безобразной кривой линіи, а на подбородкѣ появились складки, которыя неумолимое время заблагоразсудило уложить по своему желанію. Въ эту минуту мадамъ Леонтинъ являлась прекраснымъ олицетвореніемъ всего горькаго и кислаго, что̀ съ вѣткою геліотропа производило крайне непріятное впечатлѣніе. Это былъ по истинѣ обидный контрастъ.

Когда въ исходѣ обѣда я наливалъ воду въ стаканъ другой моей сосѣдки, изъ-подъ подымающихся съ трудомъ ея вѣкъ и

длинныхъ рѣсницъ взглянули на меня такіе томные, глубокіе, прекрасные глаза, полные вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такіе грустные и какъ будто испуганные, что я почувствовалъ, что голова у меня начинаетъ кружиться, а къ сердцу прихлынуло такое глубокое чувство, что она невольно должна была это почувствовать. Ошибался ли я, или нѣтъ — трудно сказать, но я замѣтилъ, что моя сосѣдка какъ будто бы возродилась и съ оживленіемъ, какого я въ ней доискивался напрасно, предложила мнѣ осмотрѣть старинныя картины и старинную мебель, да и все вообще, что было достойно вниманія въ ея домѣ.

— Особеннаго здѣсь ничего нѣтъ,—сказала она,—но я знаю, что вы, кузенъ, любитель старинныхъ вещей, а здѣсь все старинное...

Да, она была права; здѣсь все слишкомъ старо. Съ самаго моего пріѣзда я не могъ рѣшить, какое дать названіе тремъ комнатамъ, которыя я видѣлъ: залы ли это, или просто избы... Полы паркетные; обои нѣкогда прекрасные и дорогіе; картины въ золоченыхъ рамахъ, какихъ теперь вовсе не дѣлаютъ, потому что были бы не по нашимъ карманамъ; то здѣсь, то тамъ какой-нибудь предметъ, канделябръ, экранъ, шкафъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, имѣющее несомнѣнную высокую цѣнность старинныхъ предметовъ—все это съ одной стороны; а съ другой—диваны такихъ размѣровъ, какъ будто бы хотѣли въ себѣ вмѣстить полъ-свѣта; кресла невозможныхъ фасоновъ, да вообще вся мебель—изъ той эпохи, когда въ Польшу проникали первые лучи цивилизаціи. Даже занавѣсы у оконъ были сдѣланы изъ какого-то тяжелаго, пожелтѣвшаго матеріала, о которомъ теперь не имѣютъ даже понятія. Въ цѣломъ домѣ я замѣтилъ полное отсутствіе чего-нибудь нѣжнаго, чего-нибудь такого, что свидѣтельствовало бы о комфортѣ или веселости. Вообще все это не было некрасиво, напротивъ, все вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе зажиточности и богатства, но веселило развѣ цвѣты, которыми были украшены всѣ окна. Я любилъ такого рода предметы и мебель, но лишь въ музеяхъ или въ домахъ, въ которыхъ когда-то жили великіе люди. Но жилой домъ не могъ такъ смотрѣть—въ этомъ отношеніи у меня было свое собственное, твердое мнѣніе. Надо же, наконецъ, придти къ убѣжденію, что мебель, что каждый предметъ, находящійся въ нашей квартирѣ, вовсе не пустякъ, а напротивъ, — эти предметы не только въ физической, но и въ психической нашей жизни играютъ весьма важную роль. Я вотъ даже понять не могу, какъ предки наши могли мечтать и любить на такой неудобной ме-

бели. Размѣры и форма этихъ дивановъ и креселъ не могли способствовать физической природѣ человѣка вторить движеніямъ его души; я, по крайней мѣрѣ, переставалъ бы сознавать свое собственное *я*, еслибы каждому оттѣнку моего психическаго состоянія не соотвѣтствовало соотвѣтственное положеніе моего тѣла: мечтательное, лѣнивое и т. п. Надо замѣтить здѣсь, что это вовсе не потому, чтобы я нарочно принималъ такія положенія, но они являлись сами собою, какъ бы вторя психическимъ движеніямъ души. Эти-то положенія какъ нельзя лучше способствовали полному развитію внутреннихъ ощущеній. Я увѣренъ, что еслибы Геркулесъ не могъ садиться у ногъ Омфалы, а долженъ былъ все торчать около нея на какомъ-нибудь древнемъ стулѣ, исторія не могла бы похвалиться разсказомъ о великанѣ, сидящемъ за прялкою.

Но Северина вовсе не торчала на своей старинной мебели; напротивъ, она напоминала старинныя легенды о кастелляншахъ, тихихъ и скромныхъ, и такъ же недоступныхъ, какъ все то, что̀ свѣтитъ и блеститъ на недосягаемыхъ высотахъ. Повторилась здѣсь та же исторія, которая происходила уже съ платьемъ: въ немъ Даля была похожа на мокрую курицу, а Северина—на интересный портретъ дамы изъ другой эпохи. Вся тайна такихъ разницъ, по всей вѣроятности, состоитъ въ томъ, чтобы аксессуары на картинѣ были въ гармоническомъ отношеніи съ ея содержаніемъ, а изображенныя фигуры—съ общимъ фономъ. Северина здѣсь являлась гораздо болѣе интересною, чѣмъ на фонѣ нашей великосвѣтской жизни большого города. За время нашего съ нею знакомства въ ней произошли мелкія, едва замѣтныя перемѣны, которыя, однако, я сразу замѣтилъ: Северина похудѣла немного, и цвѣтъ ея лица сталъ блѣднѣе, чѣмъ тогда, когда я ее увидѣлъ въ первый разъ въ моей жизни. Теперь, не употребляя вовсе поэтическихъ сравненій, но говоря реальнымъ, образнымъ языкомъ, Северина была бѣла, какъ лепестокъ лиліи, что̀ придавало ея овальному лицу оттѣнокъ чрезвычайной нѣжности. Въ способѣ глядѣть на все окружающее и въ голосѣ у нея явилось новое обаяніе, свойственное созданіямъ, находящимся подъ вліяніемъ чувства, которое они стараются, но никакъ не могутъ преодолѣть. Я замѣтилъ въ ней оттѣнокъ нерѣшительности, нѣчто такое, что̀ проглядывало въ ея улыбкѣ, во взглядахъ, и постоянно являлось подъ видомъ опасливаго страха или радости, которая на мгновеніе позволяла намъ обоимъ предаваться чувству прежней дружбы. Мы разсмотрѣли нѣсколько старинныхъ картинъ, вполнѣ достойныхъ вниманія, нѣсколько прекрасныхъ подсвѣчниковъ и канде-

лябровъ, и много другихъ цѣнныхъ предметовъ, а въ концѣ концовъ мы очутились въ столовой, передъ самымъ изящнымъ буфетомъ, какой мнѣ когда-либо въ жизни приходилось видѣть. Въ то время, когда я съ любопытствомъ и съ истиннымъ удовольствіемъ разсматривалъ его украшенія, я замѣтилъ, что между Севериною и мадамъ Брожекъ, сопутствовавшей намъ въ нашихъ артистическихъ похожденіяхъ по этому дому, произошло какое-то недоразумѣніе, принявшее вначалѣ безсловесную, мимическую форму. Тетя Леонтина послѣ обѣда повеселѣла и помогала Северинѣ знакомить меня съ достопримѣчательностями этого дома, дѣлая свои замѣчанія, не имѣвшія, однако, большой цѣны. Я замѣтилъ тогда, что подробности ея умственнаго туалета во время оно были подобраны довольно старательно, но затѣмъ въ одиночествѣ завяли и поблекли, точно такъ, какъ и ея красота. Теперь, стоя передъ буфетомъ, тетя Леонтина указывала Северинѣ глазами его прекрасный замокъ, на что Северина отвѣчала лишь движеніемъ головы, означавшимъ, что съ мнѣніемъ или желаніемъ тети она согласиться не можетъ. Тогда мадамъ Брожекъ стала шептать ей что-то на ухо, вызывая только учащенныя движенія Северины и нѣсколько тихонько произнесенныхъ словъ, сказанныхъ съ улыбкою. Я подошелъ къ нимъ и сталъ за ними, принявъ видъ человѣка, подслушивающаго самые интимные секреты; когда онѣ замѣтили меня и расхохотались, я принялъ самый серьезный видъ и сказалъ:

— Вотъ уже второй разъ я замѣчаю среди членовъ моего семейства разногласіе въ мнѣніяхъ или желаніяхъ... Руководствуясь искреннимъ желаніемъ возстановленія семейнаго согласія, требую, чтобы обѣ стороны разсказали мнѣ, въ чемъ дѣло...

— Прекрасно! — воскликнула Северина. — Будьте нашимъ судьею, кузенъ! Вотъ видите ли, тетя хочетъ, чтобы я по поводу вашего пріѣзда устроила большую выставку...

Я сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Выставку прекрасныхъ сервизовъ, слава которыхъ даже и мнѣ извѣстна, — добавилъ я.

— Да; притомъ тетя хочетъ, чтобы на выставкѣ фигурировалъ и старикъ-лакей, который уже давно состоитъ въ отставкѣ.

Северина произнесла эти слова съ такою забавною улыбкою, что я не могъ удержаться отъ смѣха. Даже тетя Леонтина улыбнулась.

— Всѣ такъ дѣлаютъ!—защищалась она нѣсколько сконфуженная.

Мнѣ казалось тогда... Нѣтъ, это не то... Я былъ тогда увѣ-

ренъ, что я знаю, почему Северина не хотѣла сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ всѣ. Это была гордость, которая не позволяла восхищать обожающаго человѣка блескомъ металловъ и раскрашенной глины; откровенность, не желающая показывать лакея въ отставкѣ тамъ, гдѣ обыкновенно вовсе не было лакея. Но я сейчасъ же убѣдился, что это не были единственныя причины, заставившія ее отказать тетѣ Леонтинѣ въ ея желаніяхъ. Когда мы очутились съ нею въ небольшой боковой комнатѣ, въ которой находилось старинное бюро, Северина сказала мнѣ, что всѣ старинные предметы, находящіеся въ Красовицахъ и большею частью старательно собранные ея отцомъ, большимъ ихъ любителемъ, составляютъ предметъ ея заботъ и хлопотъ, причиняя ей особенно много этихъ послѣднихъ. Всѣ вмѣстѣ предметы эти составляютъ довольно крупный, но, къ сожалѣнію, мертвый капиталъ, который, можетъ быть, и слѣдовало бы употребить на что-нибудь другое, но Северина ни за что не рѣшилась бы распродать всѣ эти предметы... И то еще надо сказать,—Северинѣ казалось, что, распродавъ ихъ, она оскорбила бы чью-то память... На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, она рѣшила пока не трогать ничего.

— Когда-нибудь, можетъ быть, все это будетъ въ музеѣ...

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула мадамъ Брожекъ, окончательно выведенная изъ терпѣнія:—почему же ты не хочешь употребить ихъ когда и какъ тебѣ вздумается?!

— Потому, что это не моя собственность,—отвѣтила она спокойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ тономъ, который свидѣтельствовалъ о ея непоколебимомъ рѣшеніи. Тонъ этотъ убѣдилъ меня, что моя кузина Северина, кромѣ многихъ прекрасныхъ качествъ сердца и души, обладаетъ еще не малою дозою настойчивости.

Но и тетя Леонтина не была изъ трусливыхъ.

— Чья же это собственность?—вскрикнула мадамъ Брожекъ, краснѣя.—Чья же это собственность, если не твоя?

Я нѣсколько наклонился надъ Севериною и шепнулъ ей на ухо:

— Адама?.. Не такъ ли?

— Да,—отвѣтила она и послѣ нѣкотораго колебанія добавила:

— И людей...

— Почему же не ваша, кузина?

Северина подняла на меня глаза и отвѣтила вопросомъ:

— А почему я должна считаться владѣлицей всего этого?

— По весьма простой и очевидной причинѣ... Потому что вы—дочь своего отца...

— Это писанный законъ; но есть другой...

Кузина какъ будто не знала, говорить ли со мною объ этомъ, или нѣтъ. Она не хотѣла говорить со мною о такомъ предметѣ, который долженъ былъ неминуемо вызвать съ моей стороны возраженіе. Но все-же она добавила немного погодя:

— Есть законъ, который устанавливаютъ сердце и долгъ.

— Я долженъ отъ души поблагодарить васъ, кузина,—сказалъ я, кланяясь Северинѣ,—за то, что вы не возвели моего пріѣзда до степени катастрофы, и такимъ образомъ позволили надѣяться, что мы навсегда останемся друзьями.

Въ эту минуту я дѣйствительно говорилъ то, что чувствовалъ: ея дружба была мнѣ дороже всякихъ выставокъ красовицкихъ предметовъ. Но все-же одновременно мною овладѣло странное чувство горечи. Я вспомнилъ то, что разные люди говорили въ Мировѣ о Здроіовскихъ... Да, тамъ говорили, что семья Здроіовскихъ — семья маніаковъ. Дѣдушка мечтаетъ о раѣ на землѣ, внучка—о какомъ-то депозитѣ. Тутъ несомнѣнно дѣйствуетъ законъ наслѣдственности...

Переходя изъ одной комнаты въ другую, мы очутились, наконецъ, въ пространной не то избѣ, не то комнатѣ, въ которой за роскошнымъ токарнымъ станкомъ работалъ какой-то старикъ и два подростка. Старикъ смахивалъ на ремесленника изъ небольшого городка, а два парня — на крестьянскихъ сыновей. Северина объяснила мнѣ, что дѣдушка прежде, еще до потери зрѣнія, страстно предавался токарному мастерству, но теперь станокъ служитъ для обученія двухъ крестьянъ этому искусству, которое можетъ дать хорошіе барыши. Я не спорю, конечно, что это и практичный, и умный способъ эксплуатаціи дѣдушкина станка, но вопросъ этотъ меня вовсе не интересовалъ. Гораздо интереснѣе показалась мнѣ комната, со всѣхъ сторонъ обставленная шкафами, въ которыхъ хранилось очень много книгъ. Это была библіотека дѣда и отца, которую Северина обогащала старательно. По серединѣ комнаты стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а на немъ лежали журналы, газеты, письменныя принадлежности и прекрасно составленные каталоги. Эта комната напомнила мнѣ обстановку барскихъ деревенскихъ резиденцій на западѣ, во Франціи, особенно же въ Англіи. Библіотека произвела на меня отрадное впечатлѣніе. Донимирскіе были правы, утверждая, что Красовицы обладали старымъ, но прекрасно устроеннымъ дворцомъ, приспособленнымъ не къ одной только затворнической жизни. По всему было замѣтно, что когда-то здѣсь не мечтали исключительно о благодѣяніяхъ и добрыхъ дѣлахъ. Разсматривая библіотеку, я не безъ удивленія услышалъ въ сосѣдней

комнатѣ стукъ билліардныхъ шаровъ. Я не ошибся. Въ сосѣдней комнатѣ стоялъ старый, но настоящій билліардъ, на которомъ игралъ господинъ Богурскій съ однимъ изъ своихъ учениковъ. Я замѣтилъ даже, что они играли съ большимъ удовольствіемъ. Господинъ Богурскій обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не пожелаю ли я сыграть съ нимъ партію, но я отказался, поблагодаривъ его за любезность, главнымъ образомъ потому, что Северина предложила мнѣ осмотрѣть нѣсколько картинъ и статуй, которыя находились въ домовой каплицѣ. Каплица помѣщалась въ верхнемъ этажѣ. Лѣстница, ведущая въ каплицу, была удобна и украшена со вкусомъ, подобающимъ храму Божію. Я окончательно пришелъ теперь къ убѣжденію, что весь этотъ домъ представлялъ богатый матеріалъ, изъ котораго очень легко можно было сдѣлать прекрасную и во всѣхъ отношеніяхъ удобную барскую резиденцію. И думалось мнѣ еще, что хозяйка этого богатаго матеріала всей своей фигурою, движеніями, даже взглядомъ, напоминаетъ прежнихъ кастелляншъ. Ея походка, ея удивительно чистая по контурамъ талія, лилейно-бѣлый цвѣтъ ея лица, даже костюмъ —все это вмѣстѣ, взятое въ цѣломъ, какъ нельзя лучше гармонировало со всѣмъ, чтѣ ее окружало. Хотя она и не хотѣла ни за что считать себя владѣлицей-хозяйкою, но достаточно было взглянуть на нее, чтобы убѣдиться, что она здѣсь властвуетъ, что она является добрымъ геніемъ всего, чтѣ ее окружаетъ. Пожелаетъ ли она когда-нибудь оставить навсегда этотъ домъ, который, однако, она не считаетъ своей собственностью?..

Изъ каплицы, которая была, въ сущности, большою комнатою, превращенною въ домовую церковь, послѣ осмотра прекрасной копіи Рафаэлевой Мадонны и оригинальнаго произведенія Челлини, мы вернулись въ гостиную, которую тетя Леонтина успѣла уже вполнѣ освѣтить. Мадамъ Брожекъ оставила насъ давно и вернулась въ гостиную, по всей вѣроятности затѣмъ, чтобы здѣсь устроить все такъ, какъ слѣдуетъ, какъ принято въ свѣтѣ. Мадамъ Брожекъ за это время успѣла положить на свое лицо новый слой бѣлой пудры... Это я невольно замѣтилъ при приближеніи мадамъ Брожекъ къ лампѣ, которая горѣла на столѣ. Меня преслѣдовала мысль, которой я не могъ высказать Северинѣ; мысль эта не оставляла меня ни на минуту.

— Изъ этого дома и изо всего рѣшительно, чтѣ я въ немъ вижу, можно бы сдѣлать настоящую, прелестную игрушку комфорта и эстетики!—обратился я къ мадамъ Брожекъ, догадываясь, что лишь она одна въ состояніи понять мои чувства. Насъ двое только, я и тетя Леонтина, только насъ двое видѣли много

и могли понять то, чего Северина понимать не хотѣла. Какъ и слѣдовало ожидать, предвидѣнное мною оправдалось.

— О, да! — воскликнула мадамъ Брожекъ. — Какъ много можно бы сдѣлать въ Красовицахъ, какъ много! Еслибы только Северина захотѣла, у нея было бы много мѣста и матеріала для того, чтобы доказать свой вкусъ... Но...

Мадамъ Брожекъ при этихъ словахъ взглянула на меня и вышла въ другую комнату, гдѣ ловкими движеніями своихъ костлявыхъ рукъ принялась поправлять абажуры на лампахъ и цвѣты на окнахъ. О, да, мадамъ Брожекъ, дай ей только волю, съумѣла бы здѣсь устроить все по-своему!

Мы съ Севериною молча прохаживались вдоль и поперекъ большой гостиной. Послѣ довольно продолжительнаго молчанія я, наконецъ, рѣшился спросить ее, не ощущаетъ ли она иногда потребности украсить свой домъ всѣмъ, что̀ дало намъ прикладное искусство и другія составныя части нашей цивилизаціи? Северина долго не отвѣчала на мой вопросъ, который, насколько я могъ замѣтить по ея лицу, былъ ей непріятенъ. О нѣкоторыхъ предметахъ она вовсе со мною не хотѣла говорить. Послѣ нѣкотораго молчанія она, однако, рѣшилась отвѣтить:

— Для этого необходимы значительныя средства... большія затраты...

— А у васъ, кузина, эти средства являются только тогда, когда необходимо спасать малые хуторки бѣдныхъ сосѣдей?

Северина посмотрѣла на меня широко открытыми, удивленными глазами. Я поторопился разсказать ей происшествіе со Звиркевичемъ въ Мировѣ, конечно, безъ разговоровъ, которые вызвали тостъ, и безъ моего на него отвѣта. Северина сначала была крайне изумлена, но когда я передалъ ей рѣчь „фигуры“, за исключеніемъ лишь того, что̀ въ ней касалось вызвавшаго ее разговора, она такъ искренно обрадовалась, что я невольно сравнилъ эту радость съ тою, которую причинило ей мое появленіе въ ея домѣ. Увы, я и теперь еще не могу разрѣшить назойливаго вопроса: въ чувствахъ, которыя я возбуждалъ въ ней, было ли больше радости, страха или сердечной боли? Это сравненіе стало для меня жаломъ, которое кололо меня и не переставало колоть. Подъ вліяніемъ этого чувства, которое осмѣлюсь назвать сладкою болью, я началъ разсказывать ей съ поддѣльною развязностью и такимъ же дѣланнымъ юморомъ, съ какимъ трудомъ пришлось мнѣ узнавать фамилію Звиркевича, какъ его забыли или не знали вовсе мои двѣ сосѣдки и какъ мы съумѣли все-таки разгадать неизвѣстное, назвавъ господина Звир-

кевича—„фигурою". Я зналъ напередъ, что Северинѣ эти подробности не понравятся, но и мое жало стремилось уколоть ее; да и то сказать, такое именно отношеніе къ красавицѣ-женщинѣ я привыкъ считать одною изъ пріятныхъ составныхъ частей флирта. Северина старалась не обращать никакого вниманія на мой разсказъ, но ей это не удалось. Въ ея душѣ произошла быстрая перемѣна, которую я уже умѣлъ угадывать по блеску ея глазъ и по такому движенію ея головы, которое свидѣтельствовало о ея желаніи кому-то что-то приказать сдѣлать или сказать.

— Не знаете ли, кузенъ,—спросила она,—зачѣмъ Звиркевичъ пріѣхалъ въ Мировъ.

И тутъ же прибавила:

— Онъ вѣдь знаетъ прекрасно, что въ Мировѣ люди, точно на страшномъ судѣ, раздѣлены на козловъ и барановъ, а тотъ, у кого нѣтъ шерсти—не можетъ даже мечтать о спасеніи.

— А! кузина, вы хотите показаться злою, въ чемъ, впрочемъ, я убѣждаюсь не первый разъ... Мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ вы бы должны и другимъ кое-что прощать...

— Но вѣдь тамъ вовсе не по такой причинѣ раздѣляютъ людей,—воскликнула Северина,—а просто по дикости!

— Боже, какъ же такъ?

— У краснокожихъ и другихъ дикарей степень уваженія, которое оказываютъ дикари дикарямъ, зависитъ отъ количества буйволовъ, какимъ кто обладаетъ, и отъ красоты татуировки, какою они разукрашаютъ свою кожу.

Северина высказала это мнѣніе такимъ тономъ, какъ будто бы не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что Мировъ въ самомъ дѣлѣ—колонія настоящихъ дикарей. Я же съ такимъ восторгомъ глядѣлъ на мою собесѣдницу, что даже и не думалъ ей возражать. Въ этомъ тихомъ созданіи смѣлость и оригинальность высказываемыхъ сужденій приводили меня въ восторгъ! Но Северина, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мое душевное состояніе, посмотрѣла мнѣ прямо въ лицо и спросила:

— Какія же были причины, ради которыхъ вы обратили бѣднаго Звиркевича въ предметъ своихъ насмѣшекъ?

Этотъ вопросъ поставилъ меня въ положеніе человѣка, прижатаго къ стѣнѣ, который не знаетъ, что̀ отвѣтить.

Причины? Какія же у насъ могли быть причины?

Я отвѣтилъ покорно и невольно искреннѣе, чѣмъ даже было бы мнѣ желательно:

— Увы, кузина, вы правы! Причиною въ данномъ случаѣ

былъ атласный жилетъ съ разноцвѣтными цвѣточками... Татуировка!

Северина хохотала.

— Ахъ, кузенъ,—сказала она:—до моего съ вами знакомства я не знала, что изъ несчастныхъ горбатыхъ можно устроивать веселыхъ арлекиновъ!

— Догадываюсь, кузина, что названіемъ арлекина вамъ угодно окрестить мое жалкое остроуміе; но скажите, кто или что̀ играетъ здѣсь роль горбатаго человѣчка?

— Собственно говоря,—отвѣтила она:—горбомъ, большимъ горбомъ общества являются такіе понятія и обычаи, какіе существуютъ въ Мировѣ...

— Ахъ, общество! — произнесъ я тономъ человѣка, вспомнившаго вдругъ что-то на время забытое.

Северина не удостоила меня отвѣтомъ. Ее всецѣло поглощала мысль о Звиркевичѣ.

— Не знаете ли, кузенъ, — спросила она послѣ минутнаго молчанія:—зачѣмъ Звиркевичъ ѣздилъ въ Мировъ?

Я сказалъ все, что̀ зналъ: и просьбу „фигуры", и отказъ Конрада.

Северина задумалась.

— Конрадъ ему отказалъ,—повторила она.—Конечно, ему-то какое дѣло...

— Да, конечно... — замѣтилъ я. — Будьте же справедливы, кузина! Какое дѣло Конраду, что молодой господинъ Звиркевичъ, чужой вѣдь человѣкъ...

— Совершенно чужой, — добавила Северина:—да вдобавокъ сынъ... цвѣтного жилета...

— Извините, кузина, сынъ человѣка, который имѣетъ достаточно мужества, чтобы носить такой жилетъ...

— Нѣтъ; сынъ жилета. Потому что подъ некрасивой татуировкой не можетъ же существовать хоть что-нибудь.

— Пусть и такъ, но позвольте же мнѣ быть въ извѣстной степени рыцаремъ Конрада. Не можетъ же онъ посвящать себя образованію молодыхъ господъ Звиркевичей, хотя бы потому, что весною онъ долженъ ѣхать за границу.

— Долженъ,—повторила Северина:—конечно, долженъ. Но, мнѣ кажется, онъ сдѣлалъ бы очень умно, еслибы передъ отъѣздомъ спросилъ какую-нибудь ворожею, не уйдетъ ли у него Мировъ при посредствѣ Парижа такъ, что поймать его не будетъ въ состояніи не только онъ самъ, но никто изъ Донимирскихъ, Звиркевичей и...

— Ни изъ Грановскихъ... Здроіовскихъ...—прибавилъ я.

— Да,—сказала она.—Рѣшительно никто.

Глаза ея горѣли, губы ея дрожали... Ахъ, какъ прекрасна страсть, если ея выраженіемъ являются такіе глаза и такія губы! Нельзя же было сказать, чтобы предметъ этой страсти былъ почему-либо ничтожный или недостойный... О, нѣтъ. Не былъ же я до того тупъ, не былъ я такимъ абсентеистомъ, чтобы не быть въ состояніи понимать и чувствовать всей важности предмета, который въ данномъ случаѣ былъ причиной нѣсколько экзальтированнаго, но тѣмъ не менѣе небезосновательнаго ея негодованія. На одну минуту, подъ вліяніемъ сказаннаго Севериною, и я призадумался надъ будущею судьбою Мирова—и не одного только Мирова... Ея торжественное отношеніе ко всему, ея взгляды на жизнь—или съ трагической точки зрѣнія, или съ безконечно далекой и широкой—и всѣ ея проявленія хватали духъ мой за волосы и, потряхивая имъ надъ бездонною пропастью, кричали громкимъ голосомъ: „смотри! смотри!“ Это было благородное и отчасти, быть можетъ, полезное упражненіе, но все-же не безъ горечи думалъ я, что такое упражненіе очень похоже на каплю яда, которая по нашей доброй волѣ и безъ всякой нужды просачивается въ нашу жизнь въ такія именно минуты, которыя для насъ обоихъ могли бы быть истиннымъ счастіемъ и наслажденіемъ. Веселое мое настроеніе куда-то улетучилось. Северина сразу замѣтила перемѣну, происшедшую во мнѣ, и сейчасъ же перемѣнила предметъ нашего разговора. Долго еще мы бесѣдовали о новыхъ книгахъ, о знакомыхъ, о всякаго рода ихъ отношеніяхъ, вообще о предметахъ, которые насъ очень мало интересовали, но которые, по крайней мѣрѣ, имѣли то достоинство, что не могли, хотя бы въ малѣйшей степени, обнаруживать наше несогласіе. Мадамъ Брожекъ время отъ времени принимала участіе въ этомъ разговорѣ обо всемъ, а въ сущности ни о чемъ. Ужинъ и чай сервировали для насъ въ гостиной.

Такимъ образомъ я провелъ нѣсколько часовъ очень пріятно, но все же не такъ, какъ я бы того желалъ и о чемъ я мечталъ. Быть можетъ, мечты мои были слишкомъ смѣлы; быть можетъ, здѣсь именно слѣдовало употребить гораздо больше времени, чѣмъ гдѣ-нибудь, или же выжидать удобнаго случая или благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы онѣ могли осуществиться; но если человѣкъ привыкъ брать смѣлостью и храбростью все рѣшительно,—удивительно ли, что онъ не безъ досады соглашается съ мыслью, что не всегда и не вездѣ бываетъ такъ, какъ ему думается. Несмотря на истинное удовольствіе, которое причиняло мнѣ ея присутствіе,

я чувствовалъ, что остываю, и долженъ до извѣстной степени работать надъ собою, чтобы вести разговоръ по всѣмъ правиламъ хорошо знакомаго мнѣ искусства. Да, къ великому моему ужасу, я замѣтилъ, что и Северина тоже понемногу остываетъ, а если и бесѣдуетъ со мною обо всемъ и ни о чемъ, то дѣлаетъ это только потому, что такъ должно быть, но безъ всякаго удовольствія. Я увѣренъ, что еслибы не благодѣтельное въ данномъ случаѣ участіе тети Леонтины, нить нашей бесѣды постоянно прерывалась бы, и мы бы сидѣли другъ противъ друга, погруженные въ полное, не столько пріятное, сколько удручающее молчаніе. Это слишкомъ откровенное остываніе обѣихъ сторонъ почти въ одинаковой степени причиняло мнѣ жгучую боль съ одной стороны, а съ другой—какъ бы удивительнымъ ни показалось—возбуждало во мнѣ внутреннюю скептическую улыбку. Между нами воздвигалась какая-то стѣна, а можетъ быть ощущался недостатокъ чего-то соединяющаго насъ,—и это-то причиняло мнѣ сердечную боль. А несмотря на то, я, однако, улыбался. Я долженъ былъ знать, что въ пустынѣ иногда расцвѣтаютъ дикіе цвѣты, обладающіе упоительнымъ запахомъ, но что объ искусствѣ поддерживать бесѣду тамъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Еслибы ей теперь вздумалось спѣть „Калину“, которую она поетъ такъ чудесно, быть можетъ мнѣ стало бы вдругъ теплѣе. Я обратился къ ней съ этою просьбою; она охотно согласилась исполнить мое желаніе.

— Я обыкновенно пою подъ піанино, которое находится въ моей комнатѣ,—сказала она.—Можетъ быть, перейдемъ туда.

Я обрадовался. Ея комната!.. Передъ моимъ воображеніемъ въ одно мгновеніе возстали во всей красѣ стѣны и обстановка знакомыхъ мнѣ будуаровъ... Тетя Леонтина какъ разъ ушла куда-то, и мы остались вдвоемъ!

Ея комната!.. Развѣ это будуаръ?.. Въ первое мгновеніе я испыталъ оригинальное и пріятное впечатлѣніе. Еслибы у меня была повязка на глазахъ, я могъ бы подумать, что меня вдругъ поставили по серединѣ только-что скошеннаго луга—до того воздухъ въ этой комнатѣ былъ пропитанъ ароматомъ дикихъ растеній и цвѣтовъ. Благодаря чрезвычайной моей впечатлительности, я отличалъ въ окружающемъ меня воздухѣ легкій запахъ меда, болѣе интензивный запахъ мяты и всевозможныхъ, вовсе мнѣ незнакомыхъ украшеній полей и лѣсовъ. Я никакъ не могъ понять, гдѣ кроется источникъ этихъ ароматовъ; я зналъ лишь то, что это не духи, потому что такихъ духовъ нѣтъ. Быть можетъ, отчасти, эти ароматы происходили отъ большихъ и ма-

лыхъ связокъ травъ и цвѣтовъ, которыя были разбросаны и разставлены по всѣмъ угламъ. Эти связки вовсе не походили на макартовскіе букеты, которыми я никогда не восхищался, а скорѣе напоминали тѣ букеты, которые на прогулкахъ срываетъ каждый полною рукою, приноситъ домой и бросаетъ ихъ какъ и гдѣ попало. Но и въ этомъ безпорядкѣ была извѣстная симметрія, извѣстный вкусъ, который не можетъ существовать безъ извѣстной гармоніи въ деталяхъ. Я былъ пораженъ красотою и изяществомъ всѣхъ этихъ, до сего невиданныхъ мною никогда листиковъ, цвѣтковъ, большихъ разноцвѣтныхъ звѣздъ... Удивительное дѣло! Такая неприглядная, казалось бы, природа можетъ быть, однако, такъ прелестна! По всей вѣроятности только здѣсь, въ этой обстановкѣ, она могла такою казаться! Одна лампа стояла на столѣ передъ стариннымъ диваномъ, отличавшимся отъ всѣхъ другихъ въ этомъ домѣ лишь тѣмъ, что размѣры его были не такъ поразительны. Другая лампа стояла на письменномъ столѣ, на которомъ я замѣтилъ нѣсколько книгъ и какихъ-то бумагъ. Красивое піанино стояло у стѣны, на которой развѣшены были гравюры и нѣсколько портретовъ. Большая группа растеній передъ однимъ окномъ, столъ, на которомъ лежали какія-то большія книги, нѣсколько окружающихъ его креселъ — вотъ и все, что̀ украшало эту комнату, которой я никакъ не могу назвать будуаромъ. Однако же, потому ли, что мебель была хорошо и удобно разставлена, потому ли, что тутъ и тамъ виднѣлись разныя женскія бездѣлушки, но съ первой же минуты я былъ пораженъ тѣмъ, что̀ вполнѣ отсутствовало во всѣхъ остальныхъ комнатахъ: здѣсь все было нѣжно, мягко, деликатно, во всемъ видны были слѣды женскаго призора. Ароматы, наполняющіе эту комнату, возбудили во мнѣ идиллическія, но упоительныя мечты. Такой комнаты мнѣ еще въ жизни не приходилось никогда видѣть. Я одаренъ былъ отъ природы способностью отличать всѣ формы и оттѣнки артистическаго вкуса, а потому и неудивительно, что я здѣсь сразу успокоился и повеселѣлъ.

— Ароматы, которые наполняютъ вашу комнату, кузина,— проговорилъ я первый, такъ какъ она молчала,—очень похожи на васъ.

— Въ какомъ отношеніи?—спросила Северина съ удивленіемъ, въ которомъ не было ни тѣни кокетства или чего-нибудь искусственнаго, дѣланнаго.

— Они свѣжи, оригинальны и восхищаютъ раньше, чѣмъ успѣешь узнать ихъ источникъ.

Не столько эти слова, сколько способъ ихъ произношенія—на

одно мгновеніе смутили Северину, которая подошла къ столу и сказала:

— Вотъ я вамъ сейчасъ укажу ихъ источникъ!..

При этихъ словахъ она открыла одну изъ большихъ книгъ, лежавшихъ на столѣ. Первый разъ въ моей жизни мое обоняніе было поражено такимъ удивительнымъ ароматомъ, первый разъ въ жизни я видѣлъ такое разнообразіе цвѣтовъ, контуровъ и фантастическихъ линій. Всѣ эти чудеса можетъ создавать лишь природа въ своихъ отдаленныхъ, не испорченныхъ еще рукою человѣка, тайныхъ и недоступныхъ углахъ. Гербаріи Северины могли удовлетворить даже профессіональнаго ботаника. Для того, чтобы собрать эти прелести, Северина должна была цѣлые часы проводить въ пустынныхъ лѣсахъ или среди благоухающихъ луговъ. Она разсказала мнѣ нѣсколько своихъ приключеній во время этихъ отдаленныхъ экскурсій. Все это она разсказывала просто, непринужденно, безъ тѣни рисовки. Но когда она, перелистывая гербарій, начала разсказывать о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находила то или другое растеніе, я вслушивался въ ея слова точно въ отрывокъ прекрасной поэмы. Въ ея голосѣ звучала правда, неподдѣльная искренность и чувство. Передо мною возставали во всей красѣ картины дремучаго лѣса, освѣщеннаго золотыми лучами солнца, луга—всѣ прелести природы. Северина въ эту минуту похожа была одновременно на божественную Сафо и на молоденькую деревенскую дѣвушку, влюбленную въ золотое солнышко, ручеекъ и цвѣтки. Въ ея голосѣ, въ ея лицѣ, во всей ея фигурѣ проявлялась глубина и въ то же время свѣжесть чувства, которыя меня изумляли, потому что такого сочетанія мнѣ еще не случалось встрѣтить никогда и нигдѣ. Въ ея возрастѣ и въ ея положеніи молодыя дѣвушки любятъ обыкновенно цвѣты, выработываемые на парижскихъ фабрикахъ, но ужъ никакъ не такіе цвѣты, которые ростутъ гдѣ-то въ глубинѣ лѣсовъ. Молодыя барышни любятъ изумруды, но лишь въ окнахъ у ювелировъ, а никакъ не среди лѣсовъ. Въ этой ея любви природы, быть можетъ, таилось нѣчто дикое, но тѣмъ не менѣе она производила на меня чарующее впечатлѣніе, и я стоялъ передъ нею съ поникшей головою, съ чувствомъ благоговѣнія въ груди—не знаю, передъ святынею ли природы, или передъ тою, которая такъ горячо и наивно умѣла въ ней молиться. Я тогда сказалъ ей, что и я люблю природу; но для того, чтобы природа могла возбудить во мнѣ это чувство, необходимо было, чтобы природа являлась передо мною во всемъ своемъ могуществѣ. Я умѣю восхищаться восходомъ солнца съ вершинъ знаменитыхъ горъ,

но не могу допустить даже, чтобы въ этомъ восходѣ можно было увидѣть хоть частицу прекраснаго кое-гдѣ и съ кое-какой точки зрѣнія. Я преклоняю голову передъ могучимъ водопадомъ и восхищаюсь безграничнымъ морскимъ пространствомъ; я понимаю, что можно восхищаться гигантскими утесами и скалами и тому подобными грандіозными явленіями, которыя не являются передъ нами во всякое время; но ручейки, холмики, обыкновенная зелень луговъ, все это не приковываетъ къ себѣ моего вниманія, не потому только, чтобы я брезгалъ ими, но просто потому, что я ихъ не вижу, что взоръ мой ищетъ лишь вершинъ, брезгая равнинами; я привыкъ видѣть лишь грандіозное цѣлое, не интересуясь нисколько его деталями. Северина сразу и безъ труда поняла мою любовь природы.

— Это скорѣе любовь особенностей и сильныхъ ощущеній,— сказала она, улыбаясь, и тутъ же прибавила:

— Видите ли, кузенъ, съ этою зеленою толпою происходитъ то же самое, что и съ сѣрою, до тѣхъ поръ пока намъ незнакомо ни одно отдѣльное ея лицо. До тѣхъ поръ толпа эта кажется намъ совсѣмъ незнакомою и въ то же время до того знакомою и чуть ли не видѣнною каждую минуту, что даже успѣла надоѣсть. Но чѣмъ ближе мы съ нею знакомимся, чѣмъ больше узнаемъ въ ней отдѣльныхъ личностей, тѣмъ больше убѣждаемся, что цѣлое состоитъ изъ очень интересныхъ частностей. Повѣрьте, кузенъ, монотонность равнины есть плодъ недостатковъ нашего зрѣнія...

— Вы правы, кузина,—отвѣтилъ я:—моя любовь природы— не что иное, какъ любовь особенностей и сильныхъ ощущеній, то-есть, другими словами, это одна изъ игрушекъ, которыми человѣкъ старается наполнить пустоту души, чтобы въ ней не бушевали ужасные вѣтры меланхоліи и скуки... Но что касается толпы, то хотя я не знаю частностей ни той, ни другой толпы, я все-же предпочитаю толпу травъ толпѣ людей.

— Недостатокъ зрѣнія,—замѣтила Северина.

— По всей вѣроятности, неизлечимый,—прибавилъ я:—который, однако, я считаю высокою степенью его развитія.

— Въ какомъ направленіи?

— Въ направленіи красоты...

— Замкнутой лишь въ сферѣ явленій чувственныхъ и внѣшнихъ,—добавила Северина, и тутъ же, желая избѣгнуть спора, она начала разспрашивать меня о деталяхъ одного изъ дальнихъ и прекрасныхъ видовъ природы, о которыхъ я вспомнилъ. Но все же ея слова заставили меня призадуматься. Дѣйствительно ли

область прекраснаго шире и просторнѣе, чѣмъ я думалъ, а взоръ мой не былъ въ состояніи видѣть крайнихъ ея предѣловъ?.. Быть можетъ. Быть можетъ, Северина находитъ явленія красоты въ толпѣ людей такъ точно, какъ находитъ ихъ въ толпѣ луговыхъ и лѣсныхъ травъ? Но чтобы это стало возможнымъ для человѣка, необходимо жить долго въ обществѣ этихъ травъ и людей, изъ которыхъ состоитъ толпа, необходимо существовать гдѣ-то въ глуши, въ разстояніи сотни сотенъ верстъ отъ цивилизаціи. Эти мысли лишь промелькнули у меня въ головѣ, для ихъ полнаго развитія у меня не было времени, потому что, замѣтивъ, какъ искренно она заинтересовалась тѣмъ, что̀ я разсказывалъ, я отблагодарилъ ее за прекрасныя ея картины глуши, лѣсовъ и луговъ цѣлымъ рядомъ обаятельныхъ картинъ грандіозной южной природы. Время я провелъ пріятно, но все-же не такъ, какъ я того желалъ, какъ я объ этомъ мечталъ. Несмотря на кажущееся мое оживленіе, я все-же не былъ такимъ, какимъ мнѣ казалось, что я непремѣнно буду въ ея обществѣ. Мебель ли, старинныя ли ея формы, или, можетъ быть, спокойныя черты лица хозяйки-кастелляншн, личность которой такъ прекрасно гармонировала со всѣмъ, что̀ ее окружало,—но мнѣ все казалось, что мнѣ невозможно приблизиться къ предмету, который такъ обаятельно сильно на меня дѣйствовалъ. Мнѣ казалось, что здѣсь мнѣ что-то воспрещено, что кромѣ старинной мебели насъ съ нею что-то другъ отъ друга отдѣляетъ. Во всякомъ случаѣ это не были условія общепринятаго приличія. Северина слишкомъ часто поступала вопреки всевозможнымъ условіямъ общепринятаго приличія; я же всегда старался жить съ ними въ полномъ согласіи, но все-же не тогда, когда надо всѣми обстоятельствами времени и мѣста царила высшая сила. Мнѣ были прекрасно знакомы такія обстоятельства, и не менѣе прекрасно я зналъ, что они должны всегда уступить требованіямъ высшей силы. Здѣсь, напротивъ, эта сила уступала и какъ бы пряталась отъ чего-то для меня непонятнаго, чего я не могъ никакъ опредѣлить, ни побороть.

Вдругъ, какъ разъ въ ту самую минуту, когда я съ большимъ воодушевленіемъ разсказывалъ ей о Неаполитанскомъ заливѣ, а она со своей стороны съ видимымъ удовольствіемъ слушала мой разсказъ, я услышалъ какой-то крикъ, пѣніе, вой,—я никакъ не могъ сообразить, что̀ это именно, но во всякомъ случаѣ это было нѣчто ужасное. Множество голосовъ раздавалось въ противоположномъ концѣ дома, хотя сравнительно далеко, но все же настолько близко, что это произвело на меня такое впечатлѣніе, какъ

будто бы сотня пилъ врѣзалась во всѣ мои нервы. Я выпрямился инстинктивно и вскричалъ:

— Что это такое?

Одновременно съ этимъ вопросомъ, не дождавшись даже отвѣта, я понялъ, что это было хоровое пѣніе, изъ котораго частицы знакомой мелодіи долетали даже къ намъ. Боже мой, какое примитивное, ужасное, грубое пѣніе!.. Я сначала никакъ не могъ сообразить, откуда оно раздавалось. Зулусы или ніамъ-ніамы приближались откуда-то къ дому Северины?.. Между тѣмъ Северина взглянула на меня, чуть-чуть улыбнулась и сказала:

— Ужаснаго тутъ ничего нѣтъ, кузенъ; это просто люди поютъ...

— Какіе люди?..

Северина совершенно спокойно отвѣтила, не находя въ этомъ ничего удивительнаго:

— Жители Красовицъ, садовники, дворники и другіе.

Я все еще не могъ понять этого страннаго явленія.

— Зачѣмъ же они такъ безобразно кричатъ въ вашемъ домѣ, кузина?.. Развѣ сегодня какой-нибудь народный праздникъ, Иванъ Купала, что-ли?

Вопросъ мой разсмѣшилъ Северину.

— Да нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, смѣясь.—Успокойтесь, кузенъ!.. Духи изъ могилъ не явятся къ намъ, да и никто не будетъ танцовать среди пламени...

И Северина разсказала мнѣ, что въ Красовицахъ до сихъ поръ все еще существуетъ старинный обычай: всѣ крестьяне и вообще прислуга по вечерамъ сходятся въ большой избѣ въ концѣ дома, въ которой они ужинаютъ, читаютъ, поютъ, бесѣдуютъ.

— Я знаю, что этотъ обычай существовалъ во время оно, но все-же не понимаю, почему вы, кузина, не устранили его?.. Это вѣдь зависитъ отъ васъ?

— Ахъ, напротивъ, кузенъ—отвѣтила Северина.—Я старательно оберегаю этотъ старый обычай, потому что въ немъ много, очень много хорошаго. Эти вечера съ громадною пользою можно эксплуатировать съ цѣлью...

Северина вдругъ остановилась и опустила глаза. На ея лицѣ я замѣтилъ выраженіе грусти.

— Съ какою цѣлью?.. Бога ради, кузина, какая же тутъ можетъ быть цѣль?

Северина отвѣтила какъ бы нехотя:

— Въ этомъ отношеніи, кузенъ, мы никогда не поймемъ другъ друга...

Кузина и теперь остановилась, но послѣ нѣкотораго молчанія продолжала:

— Но коль скоро спрашиваете, кузенъ... желаете знать... скажу вамъ, что здѣсь цѣлью является взаимное знакомство, возможность подѣлиться съ ними тѣмъ, чтò сама знаю и имѣю. Я не намѣрена ничего преувеличивать въ этомъ отношеніи... Это не Богъ вѣсть чтò такое, но все же... имъ хорошо и мнѣ... тоже... Да, притомъ, мнѣ кажется, что это является небольшою каплею, которая проникаетъ въ море...

— Общественнаго счастья, не правда ли?—сказалъ я, изумленный до степени полнаго почти непониманія.

Удивительное созданіе!.. Возможно ли по доброй волѣ позволять себѣ портить нервы ради чего-то идеальнаго, абстрактнаго! Да вѣдь за обѣщанное царство небесное я бы не согласился слушать этого воя и скрипа, даже разъ въ мѣсяцъ, не то что каждый день! Все это несомнѣнно, все это такъ, но я долженъ сознаться, что ея грусть, ея странный способъ спорить со мною съ видимымъ желаніемъ не затрогивать моего самолюбія, крайне благодѣтельно вліялъ на меня. Я былъ восхищенъ и растроганъ. Я невольно вспомнилъ слова Каина: „я происхожу изъ рода ангеловъ; хочешь ли сдѣлаться на меня похожимъ?“ Да, она-то происходила изъ рода ангеловъ, но только не спрашивала меня, желаю ли я стать на нее похожимъ. „Въ этомъ отношеніи, кузенъ, мы никогда не поймемъ другъ друга!“ Да, это она сказала, но проговорила эти слова безъ всякой рисовки, безъ малѣйшаго желанія доказать мнѣ, что она во сто кратъ цѣльнѣе, лучше меня. Мною овладѣло желаніе приблизиться къ ней, какъ я имѣлъ обыкновеніе дѣлать у Дали, но эти рѣзныя, большія ручки у старинныхъ креселъ являлись непреодолимымъ, грубымъ препятствіемъ. Ахъ, еслибы здѣсь былъ пуфъ Дали, на которомъ я садился почти у ея ногъ! Но, несмотря на невозможную ручку стариннаго кресла, я съумѣлъ взглянуть въ ея лицо достаточно близко для того, чтобы замѣтить, что ея опущенныя рѣсницы блистали прозрачными слезинками... Ахъ, такъ вотъ что! Значитъ, это „никогда не поймемъ другъ друга“ причиняло жестокую боль этой божественной женщинѣ, этому ангелу!.. О, дорогая моя!.. Я готовъ былъ преодолѣть всѣ препятствія, я чувствовалъ, что на моихъ губахъ дрожали слова, которыхъ я ей еще ни разу не сказалъ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ я услышалъ какое-то движеніе, которое обратило на себя мое вниманіе... Дверь, ведущая въ эту комнату, была открыта настежъ... Я невольно взглянулъ въ сосѣднюю комнату и увидѣлъ любимую няню Богусю, которая весь вечеръ ходила

по всѣмъ комнатамъ по дѣлу и безъ дѣла. Она то являлась, то исчезала, хозяйничая и поглядывая время отъ времени на Северину и на меня. Теперь она вошла въ сосѣднюю комнату, и несмотря на то, что большая лампа освѣщала ее вполнѣ достаточно, няня Богуся, съ зажженною свѣчкою въ рукахъ, взобралась на высокое кресло и чрезвычайно внимательно начала заводить большіе, старинные часы. Когда я взглянулъ на нее, она какъ разъ подняла обѣ руки вверхъ, и вся ея фигура была похожа на большой кубъ, завернутый въ цвѣтной платокъ, но зато ея лицо, обрамленное бѣлымъ чепцомъ, было чрезвычайно характерно. Это былъ настоящій мотивъ для живописца, который захотѣлъ бы создать типъ старушки, заводящей часы. C'était grotesque, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой картинкѣ, которая невольно поглотила мое вниманіе, была олицетворена характеристика старой служанки, чрезвычайно милая и симпатичная. Да и то сказать, сердце мое растаяло въ небольшой капелькѣ, которую я замѣтилъ на опущенныхъ рѣсницахъ прекраснаго созданія. Я поднялся съ мѣста и тихонько подошелъ къ нянѣ Богусѣ въ то время, когда она собиралась сходить съ высокаго кресла. Я обѣ руки поднялъ вверхъ. Няня Богуся удивилась.

— Это что?—спросила она.

— Хочу вамъ помочь спрыгнуть съ этого кресла... И, не дожидаясь ея согласія, я обнялъ ее обѣими руками и поставилъ на полъ. Няня Богуся съ такимъ стукомъ обѣими ногами остановилась на полу, что это произвело впечатлѣніе, будто упало большое полѣно дровъ. Лицо ея, однако, засіяло радостью.

— Благодарю васъ! — сказала она, и въ свою очередь, не дожидаясь моего отвѣта, взяла мою голову въ свои руки и крѣпко поцѣловала меня въ лобъ. Этотъ поцѣлуй, несмотря на всю свою нелѣпость, здѣсь былъ какъ нельзя болѣе кстати.

— Развѣ нянюшка каждый день всѣ часы сама заводитъ?

Няня Богуся засіяла еще больше—до того понравилось ей, что я ее назвалъ нянюшкою.

— А то какъ же? Часы нужны... очень нужны... Безъ нихъ не было бы никакого порядка.

Няня Богуся взглянула на меня своими умными глазами и спросила:

— А тамъ у васъ, въ большомъ свѣтѣ, часы всегда ходятъ вѣрно?

— Конечно, надобно тоже знать, когда отправиться на балъ, когда идти съ визитомъ.

— Когда приняться за работу,—шутила нянюшка.

— Это... это-то почти никогда не случается...

Когда я обернулся, я увидѣлъ двѣ прекрасныя звѣзды, которыя смотрѣли на меня такъ радостно, съ такимъ чувствомъ искренней благодарности, что за одно это я бы охотно вторично обнялъ няню Богусю, еслибы въ эту же самую минуту опять не раздался хоровой вой, который послѣ нѣкотораго времени притихъ. Но вскорѣ этотъ же ужасный вой раздался съ большею еще силою на мотивъ краковяка... На подобіе гончей собаки, которая боится плети любимаго своего хозяина, я съёжился весь и, зажимая уши руками, взмолился къ Северинѣ:

— Ой, ой, ой!

Северина хохотала.

— Богуся,—обратилась она къ нянѣ: —будьте любезны попросить ихъ не пѣть сегодня... Пусть лучше читаютъ...

— Да, да, пусть читаютъ! — прибавилъ и я свою просьбу. Северина же, точно желая вознаградить меня за испытанное мною неудовольствіе, сейчасъ же сѣла за рояль. Нѣсколько минутъ спустя ужасные крики притихли, а въ комнатѣ раздался прекрасный сопрано и прелестная, полная жизненной правды мелодія:

„Росла калина“...

Часъ спустя я находился уже съ моимъ Викентіемъ въ отведенной для меня комнатѣ, въ верхнемъ этажѣ дома, въ коррндорѣ, по другой сторонѣ котораго жили старики Здроіовскіе, а въ самомъ его концѣ помѣщалась каплица. Я не безъ ужаса раздумывалъ о томъ, что теперь только одиннадцать часовъ. Въ самые ранніе годы моей жизни меня заставляли ложиться такъ рано. Мнѣ было досадно, что Северина поспѣшила проститься со мною, потому что, несмотря на всю аккуратность няни въ заводкѣ часовъ, Северина должна была забыть о нихъ. Въ раю вѣдь часовъ нѣтъ, и времени никто тамъ не считаетъ: но развѣ для этой женщины, несмотря на множество кажущихся противорѣчій, холодной и не понимающей нѣкоторыхъ сторонъ жизни, гдѣ-нибудь и когда-нибудь можетъ существовать рай земной? Теперь я сталъ въ этомъ сомнѣваться. Она заявила очень просто, что должна проститься со мною потому, что обыкновенно въ одиннадцать часовъ ходитъ въ каплицу, чтобы отвлечь бабушку отъ слишкомъ усердной молитвы и отвести ее въ спальню. По поводу этого эпизода я услышалъ отъ Северины нѣкоторыя подробности изъ жизни стариковъ Здроіовскихъ. Между прочимъ Северина разсказала мнѣ, что вскорѣ послѣ потери зрѣнія

Адамъ Здроiовскiй передалъ Красовицы въ полное владѣнiе своему сыну, и съ этого времени жена стала его неразлучною спутницею, нянею, слугою. Старушка, главнымъ образомъ потому, что болѣе двадцати лѣтъ ведетъ уединенную, полную многихъ печалей жизнь, потеряла физическiя силы и стала до того религiозною, что эта религiозность очень быстро свела бы ее въ могилу, еслибы не влiянiе внучки, которой она повинуется. Северина одна можетъ прервать ея ночныя молитвы, что̀ она и дѣлаетъ ежедневно. Идеи и добродѣтели! Этотъ домъ былъ вмѣстилищемъ добродѣтелей и идей всякаго рода! Положимъ, оно возвышенно и прекрасно, но все-же требовать отъ человѣка, чтобы онъ зимою засыпалъ въ одиннадцать часовъ—это въ своемъ родѣ варварство, котораго нигдѣ не встрѣтишь! Къ счастью, здѣсь, какъ я убѣдился, существовалъ обычай давать гостямъ книги на ночь. Еще бы! что̀ же бы они, несчастные, дѣлали во время безконечно длинныхъ зимнихъ вечеровъ! Я съ удовольствiемъ взглянулъ на нѣсколько книгъ, которыя лежали на столѣ. Есть изъ чего выбирать!

Въ то время, когда Викентiй приводилъ въ порядокъ и размѣщалъ на коммодѣ мои дорожные туалетные приборы, я стоялъ у окна и любовался чудною лунною ночью, которая и домъ Северины, и все, что̀ его окружало, усыпила въ безконечномъ спокойствiи и тишинѣ и облила серебристымъ свѣтомъ. Множество клумбъ и цѣлыхъ группъ деревьевъ съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, въ этомъ освѣщенiи были похожи на чудный садъ, которымъ сѣверный духъ окружилъ свой дворецъ, созданный изъ льда и снѣговъ. Все было ослѣпительно снѣжной бѣлизны и неподвижно. Въ этой бѣлой, сѣверной картинѣ было что-то грандiозное, что̀ могло восхищать зрителя нѣсколько минутъ, но послѣ того тотчасъ являлось непреодолимое желанiе уйти поскорѣе. Въ то время, когда я стоялъ у окна, до меня долетали какiе-то странные звуки, похожiе на стоны, на зовъ на большомъ разстоянiи: плачъ замерзшей земли или скованныхъ морозомъ элементовъ природы. Иногда среди общей тишины раздавался одинъ лишь голосъ, иногда въ разныхъ мѣстахъ поднимались безобразные крики и вой; тогда мнѣ казалось, что гдѣ-то по близости находится адъ или по крайней мѣрѣ чистилище, въ которомъ плачутъ о помощи несчастные духи. Сначала я не обращалъ вниманiя на этотъ странный концертъ, но потомъ онъ сталъ безпокоить меня не на шутку.

Я обратился къ Викентiю:

— Что это такое?

Викентій скривилъ ротъ такъ, что одинъ конецъ его рыжихъ усовъ очутился у него гдѣ-то подъ глазомъ, и отвѣтилъ:

— Волки, баринъ!

— Что такое?!..

— Волки...

И, раздѣвая меня, добавилъ:

— Здѣшніе люди разсказываютъ, что иногда, проснувшись утромъ, имъ случается видѣть волка подъ самымъ домомъ, среди какой-нибудь клумбы...

Послѣ этихъ словъ Викентій такъ жестоко надулъ губы, что я не на шутку опасался, что онъ своими усами выколетъ себѣ глазъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія я спросилъ его:

— Ну, какъ, Викентій? Здѣсь весело, а?

И теперь рыжій усъ Викентія очутился гдѣ-то въ окрестностяхъ его глаза.

— Домъ-то настоящій барскій, но...

И Викентій замолчалъ почтительно...

— Что же?

— Люди здѣшніе, баринъ, какіе-то...

Онъ самъ не зналъ, какимъ словомъ можно опредѣлить здѣшнихъ людей, и лишь послѣ нѣкотораго раздумья прибавилъ:

— ...Какіе-то—дикіе!

Я обрадовался и, могу сказать, чуть не возгордился тѣмъ согласіемъ, которое, какъ видно, царило въ мнѣніяхъ моихъ и моего лакея! Браво! вотъ что̀ значитъ имѣть постоянно передъ глазами картины и плоды цивилизаціи, видѣнной хотя бы сквозь полотенце, которымъ вытираютъ тарелки!

Когда, раздѣвъ меня, онъ остановился въ почтительномъ разстояніи и спросилъ, не уѣдемъ ли отсюда завтра,—я, не задумываясь даже ни на секунду, отвѣтилъ, что нѣтъ, не уѣдемъ. Завтра?! Уже завтра разстаться съ нею, быть можетъ, навсегда? Ни за что! Да и съ чѣмъ же я бы уѣхалъ отсюда? Да вѣдь я даже ни одного ласковаго слова отъ нея не услышалъ! Уѣхать завтра! А ее оставить здѣсь, быть можетъ, навсегда, въ этой пустынѣ, среди волковъ?.. Ни за что!.. Надо же хоть немного времени для того, чтобы королевичъ могъ разбудить спящую королевну, особенно если эта королевна не на шутку упряма!

Гл.

ИСКУССТВО и НРАВСТВЕННОСТЬ

ОЧЕРКЪ.

Когда слово „нравственность“ соединяется съ словомъ „искусство“ и, чрезъ грамматическое подчиненіе второго первому, эти два слова стягиваются въ одно выраженіе, то обыкновенно получается формула: *„нравственность въ искусствѣ“*; этимъ весь интересъ вопроса цѣликомъ переносится въ содержаніе искусства: смотря по тому, что̀ изобразилъ художникъ, а главное, ка̀къ заставилъ насъ отнестись къ изображенному—показалъ ли порокъ въ привлекательномъ или отталкивающемъ видѣ—произведеніе признается нравственнымъ или безнравственнымъ; такъ, отрицательное искусство, благодаря дидактическимъ соображеніямъ, получаетъ положительную моральную цѣнность въ смыслѣ исправителя нравовъ.

Такая постановка, мнѣ кажется, далеко не отвѣчаетъ на всѣ тѣ вопросы, которые возникаютъ въ нашемъ умѣ при встрѣчѣ этихъ понятій: „нравственность“ и „искусство“. Было бы крайне интересно, ставъ на точку зрѣнія нравственности, взглянуть на искусство помимо его содержанія, взять его ранѣе его раздѣленія на нравственное и безнравственное, вынести моральный критерій изъ предѣловъ искусства, сдѣлать само искусство объектомъ этого критерія, и самый фактъ его существованія и воздѣйствія на людей освѣтить съ этической точки зрѣнія. Тогда грамматическое подчиненіе двухъ интересующихъ насъ терминовъ дастъ уже другую формулу, и, вмѣсто „нравственности въ искусствѣ“, мы станемъ говорить о *„нравственности искусства“*. Практически вопросъ выразится въ слѣдующей формѣ: въ какой мѣрѣ тѣ духовныя радости, которыя доставляетъ намъ искусство, являются

стимулами на пути нравственнаго совершенства; и, взятыя сами по себѣ, помимо того, какъ они практически отзовутся въ жизни, въ какой мѣрѣ эстетическія эмоціи, въ тотъ самый моментъ, когда мы имъ отдаемся, могутъ быть одобрены съ точки зрѣнія нравственности? Хорошо ли я поступаю, воспитывая въ себѣ чувство красоты? Имѣю ли я нравственное право отдаваться тѣмъ страстямъ, которыя пробуждаетъ во мнѣ, напримѣръ, театральное представленіе; позволительно ли искать такихъ удовольствій, которыя заставляютъ дрожать самыя священныя струны нашей природы безъ практическаго приложенія, которыя поднимаютъ насъ на вершины такихъ духовныхъ ощущеній, какъ сострадание, любовь, ненависть, негодованіе,—и все это въ области вымысла? Вопросы важные, трудные, болѣе глубокіе, чѣмъ они кажутся на первый взглядъ, потому что за ихъ практической формой встаетъ отвлеченный, принципіальный вопросъ объ отношеніяхъ добра и красоты, о необходимости ихъ совпаденія, или о возможности конфликта между ними.

Вовсе не имѣя въ виду дать сколько-нибудь исчерпывающіе отвѣты на вышенамѣченные вопросы, мы въ настоящемъ краткомъ опытѣ желали бы по возможности собрать и представить тѣ факты, при встрѣчѣ съ которыми вопросъ о взаимномъ отношеніи нравственности и искусства неминуемо выступаетъ наружу; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, сами собой выяснятся и обнажатся тѣ пункты эстетики, на которые, по моему мнѣнію, слѣдовало бы направить свои изслѣдованія тому, кто пожелалъ бы разработать занимающій насъ предметъ.

I.

Склонность новѣйшей мысли къ спеціализированію не могла не сказаться и въ области эстетики, и чрезмѣрное увлеченіе расчлененіемъ должно было въ теоріи искусства привести къ обостренію нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, которыхъ въ прежнее время мысль не выдѣляла изъ общихъ вопросовъ эстетики. Красота, какъ предметъ изученія, все болѣе и болѣе отвлекалась отъ жизни, все рѣзче и рѣзче обозначалась грань между прекраснымъ и полезнымъ. Съ другой стороны, лихорадочная дѣятельность, увлекающая всѣ силы новѣйшихъ поколѣній на путь усовершенствованія условій жизни, казалось, совершенно исключила изъ области практическихъ изобрѣтеній всякое попеченіе о художественности пластическихъ формъ; прикладныя знанія сбро-

сили съ себя роскошную, но неудобную ризу искусства и съ небывалой легкостью и быстротой пустились къ своей конечной цѣли—удовлетворенію земныхъ нуждъ человѣчества. Всякая надежда на возникновеніе какого-нибудь новаго архитектурнаго стиля при этихъ условіяхъ тщетна, и эстетикѣ для своихъ изслѣдованій въ области пластическихъ формъ остается лишь богатое наслѣдіе прежнихъ временъ. Сторонники чистаго искусства становятся все многочисленнѣе, и тотъ характеръ отрѣшенности, который въ силу застоя въ архитектурѣ ложится на памятники самаго практическаго изъ всѣхъ искусствъ, понемногу проникаетъ въ сознаніе всѣхъ истинныхъ приверженцевъ красоты. Искусство становится чѣмъ-то въ родѣ пантеона, въ которомъ собраны произведенія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и куда поклонники красоты сходятся для сладостнаго созерцанія, оставляя при входѣ на паперти пыльную одежду будничной жизни. Большинство, насладившись отдыхомъ, выходитъ изъ храмины, снова берется за поношенныя одежды; но есть натуры, которымъ это возвращеніе на паперть не подъ силу: по свободному ли выбору, или изъ слабости, только они остаются въ храмѣ и уже не выходятъ изъ него. И вотъ раздается голосъ мыслителя, пробуждающій въ нихъ сознательное отношеніе къ ихъ поступкамъ; тогда у нихъ является мучительное недоумѣніе: хорошо ли они поступаютъ, не забыли ли они на паперти вмѣстѣ съ будничной одеждой всѣ свои обязанности и само чувство долга, и, оставаясь въ храмѣ, творятъ ли они благо или зло?

Что подобное отношеніе къ искусству дѣйствительно существуетъ, составляя, по нашему убѣжденію, одинъ изъ характерныхъ симптомовъ новѣйшей эстетической культуры, въ этомъ убѣдится всякій, кто сколько-нибудь слѣдилъ за эстетическими движеніями послѣдняго времени на западѣ и въ особенности въ Англіи. Нигдѣ художественный дилеттантизмъ, коллекціонерство, артистическое эпикурейство не доведены до такой утонченности, какъ тамъ; ни въ какомъ другомъ обществѣ, кромѣ англійскаго, немыслимо открытое признаніе такой артистической секты, какъ извѣстные въ свое время „esthetics", которые въ своемъ поклоненіи красивымъ формамъ доходили до того, что стремились изъ самой жизни сдѣлать своего рода искусство; проповѣдуя необходимость поднять художественный вкусъ главнымъ образомъ въ домашней обстановкѣ и современной одеждѣ, они дѣйствовали собственнымъ примѣромъ, сами въ своей особѣ воплощали ту или другую эпоху, перенимая соотвѣтственный костюмъ и складъ рѣчи; вѣчно занятые мыслью о соблюденіи скульптурной красоты,

они въ гостиныхъ принимали самыя изысканныя позы, садились на полу, какъ Гамлеты у ногъ случайныхъ Офелій, а въ своей домашней обстановкѣ окружали себя собраніями художественныхъ произведеній въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ въ смыслѣ эпохъ, народностей и стилей. Можно было подумать, что они задались цѣлью изъ всей своей жизни сдѣлать одну живую картину. И такова падкость англійскаго общества на все эксцентричное, что оно дало право гражданства даже тѣмъ изъ нихъ, которые не заявляли себя ни литературной дѣятельностью, ни въ какомъ-либо иномъ искусствѣ: боязнь отступить отъ общепринятыхъ формъ и раболѣпство предъ свѣтскою рутиной окружали ореоломъ оригинальности всякаго, кто имѣлъ смѣлость выдѣлиться изъ толпы „простыхъ смертныхъ“ хотя бы только тѣмъ, что являлся на вечеръ въ бархатной курткѣ съ воротникомъ венеціанскихъ кружевъ.

Можетъ показаться страннымъ по поводу общихъ принципіальныхъ вопросовъ касаться такого факта, который легко можетъ быть объясненъ, какъ слишкомъ исключительное, болѣзненное отношеніе къ искусству: скажутъ, что теорія искусства не должна считаться съ ненормальностями. Но мы не безъ цѣли остановились на этомъ уродливомъ явленіи; намъ кажется, что оно только своей преувеличенностью обязано англійскому духу, по существу же оно есть не что иное, какъ одно изъ выраженій всеобщаго исканія той пластической красоты, которая въ нашу эпоху покинула практическую жизнь.

Какъ было замѣчено выше, прикладныя знанія, ворвавшись въ строй современной жизни, совершенно вытѣснили изъ нея пластическій элементъ: паръ и электричество увлекли ее на такой путь, гдѣ чувству пластичности нѣтъ творческаго примѣненія, и любитель формы по-неволѣ обращается къ созерцанію прошлаго; но замѣчательно, что тѣ же самыя открытія и изобрѣтенія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ дѣятельное существованіе пластики, являютъ огромную помощь человѣку въ его созерцательныхъ стремленіяхъ къ прошлому. Усовершенствованіе и облегченіе способовъ путешествія открываетъ намъ доступъ къ красотамъ самыхъ отдаленныхъ и вмѣстѣ самыхъ разнообразныхъ произведеній человѣческаго творчества; фотографія, печатаніе, всевозможныя воспроизведенія и имитаціи позволяютъ намъ, не сходя съ мѣста, приходить въ соприкосновеніе съ ними. Максъ Нордау въ своей новой книгѣ „о вырожденіи“ [1]), весьма про-

[1]) Max Nordau, „Entartung“. Berlin 1892, S. 62—63.

странно говорить о томъ вліяніи, какое оказали на современное поколѣніе новѣйшія изобрѣтенія въ смыслѣ расширенія горизонта умственныхъ впечатлѣній. „Всякій обитатель деревни,—говоритъ онъ,—имѣетъ въ наше время болѣе обширное географическое поле зрѣнія, болѣе многочисленные и сложные умственные интересы, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи первый министръ маленькаго или даже средней величины государства... Кухарка получаетъ и отсылаетъ нынче больше писемъ, чѣмъ въ былое время какой-нибудь профессоръ". Приведенныя слова можно въ равной мѣрѣ примѣнить къ вліянію прикладныхъ знаній на эстетическія впечатлѣнія: для того, кто можетъ пользоваться новѣйшими изобрѣтеніями, поле эстетической уязвимости несомнѣнно увеличилось. Теннисонъ сказалъ: „I am a part of all that I have seen" [1]); понятны значеніе и объемъ этихъ словъ въ наше время, когда все то, чтò прежде было недостижимо по своей отдаленности, становится доступно всякому, когда впечатлѣнія, которыя въ прежнія времена считались экзотическими, составляютъ почти всеобщее достояніе. Пространственная перспектива уничтожается.

Но еще больше уничтожается перспектива времени: болѣе чѣмъ когда-либо въ искусствѣ все прошлое принадлежитъ настоящему. Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ назадъ,—мы увидимъ, что каждая историческая эпоха жила, дѣйствовала и двигалась въ своей собственной пластической обстановкѣ: архитектурный стиль, убранство жилищъ, костюмъ,—все являлось продуктомъ современнаго пластическаго творчества, которое само было фазисомъ общей художественной эволюціи. Въ наше время пластическая обстановка, въ которой движется жизнь, представляетъ изъ себя смѣшеніе всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ; своя же эпоха ничего не даетъ, кромѣ утонченнаго эклектизма въ подражаніи стариннымъ образцамъ. Эволюція пластическихъ искусствъ кончена, и послѣдній ея фазисъ, который еще имѣетъ право на наименованіе стиля,—такъ называемый „Empire",—представляетъ безплодное возвращеніе къ тому античному источнику, изъ котораго великіе преобразователи пластики христіанскихъ временъ почерпнули свою силу въ эпоху возрожденія. Не знаю, былъ ли кѣмъ отмѣченъ этотъ фактъ, но намъ кажется знаменательнымъ, что послѣднее усиліе истощеннаго творчества ищетъ жизни тамъ, откуда оно ее получило на зарѣ своего расцвѣта. Невольно заставляетъ призадуматься это ложное дитя искусства, встающее на рубежѣ нашего бурнаго столѣтія, холодное, без-

[1]) „Я составляю часть всего, чтó я видѣлъ".

страстное, окаменѣлыми очами вперяющееся въ неразгаданное будущее...

Итакъ, влеченіе къ пластическимъ формамъ въ наши дни выводитъ человѣка изъ практической жизни, но та же практическая жизнь облегчаетъ ему бѣгство въ область вымысла и формы; та же практическая жизнь со своими изобрѣтеніями идетъ на встрѣчу его созерцательныхъ стремленій и приводитъ къ тому, что дѣйствительно не только въ теоріи, но на практикѣ все прошлое принадлежитъ настоящему. Чтобы еще пояснить нашу мысль, остановимся на томъ, въ чемъ собственно состоитъ созерцательное отношеніе къ пластическимъ памятникамъ прошлаго,—мы увидимъ, что уничтоженіе временной перспективы, о которомъ мы упомянули выше, слѣдуетъ признать однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя прежде всего заставляютъ призадуматься надъ вопросомъ объ отношеніяхъ нравственности и искусства.

Пластическое творчество украшаетъ жизнь: никто не станетъ утверждать, что архитектурные стили, орнаментація въ примѣненіи къ домашней обстановкѣ, безконечное разнообразіе, какое представляетъ изъ себя исторія развитія костюма,—имѣли другую цѣль, а не украшеніе человѣческой жизни; иной вопросъ—какъ и почему они возникли; его мы не касаемся, но когда мы себя спрашиваемъ—„для чего они возникли?“—мы не можемъ отвѣтить иначе, какъ—для украшенія. Ибо для того, чтобы укрыться отъ непогоды, человѣку не нужно было воздвигать Пропилеи; чтобы прикрыть наготу своего тѣла, ему не надо было *создавать эту* фантастическую вереницу костюмовъ, которую его воображеніе развернуло отъ звѣриной шкуры до напудренной маркизы; для того, чтобы чинить судъ и расправу, ему незачѣмъ было утверждать тяжелый дворецъ венеціанскихъ дожей на рѣшетчатомъ основаніи изъ сквозныхъ колоннъ, незачѣмъ было посылать въ поднебесіе стрѣльчатыя крыши и готическія башни германскихъ ратушъ; для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей такъ много не надо, да, наконецъ, мы видимъ, что потребности исчезли, а памятники своей цѣнности не утратили; почему?—потому что цѣнность ихъ не въ тѣхъ утилитарныхъ цѣляхъ, которымъ они *когда-то* отвѣчали, а въ томъ удовлетвореніи чувству красоты, которое ихъ *однажды* вызвало къ существованію. Утилитарная цѣль *со временемъ* отпадаетъ: то, что прежде *было* живымъ храмомъ, ликующимъ церковь, становится мертвою развалиной, но то, что въ этомъ храмѣ *было* прекраснаго, что явилось отвѣтомъ на *создавшее* его чувство красоты, то *остается* прекраснымъ и продолжаетъ существовать для насъ, какъ существовало для современ-

никовъ. То, чтò для археолога представляетъ мертвую развалину, отъ которой онъ восходитъ къ живой старинѣ, тò для эстетика есть памятникъ мертвой старины, который воплотилъ въ себѣ живую красоту.

Понятно теперь наше выраженіе—„все прошлое принадлежитъ настоящему": любовь къ красотѣ, распространяясь въ равной мѣрѣ на памятники всѣхъ временъ, ставитъ ихъ всѣ на одинаковый планъ въ нашихъ глазахъ; силою нашего стремленія къ ихъ прекраснымъ формамъ, мы извлекаемъ ихъ изъ глубины временъ и вводимъ въ составъ современной намъ пластической обстановки. Искусство вѣчно юно не потому, чтò его памятники всегда существуютъ, но потому, что они всегда способны нравиться и доставлять намъ наслажденіе. Такимъ образомъ, каждая эпоха получаетъ отъ предъидущей все, чтò было выработано до нея, внѣдряетъ въ себя всѣ памятники прошлаго, прибавляетъ къ нимъ то, чтò создала сама и, положивъ на все свою печать, передаетъ послѣдующимъ временамъ. Осмыслить отношеніе человѣка къ этому міру пластическихъ формъ, который, накопившись въ теченіе тридцати вѣковъ, встаетъ передъ нами вѣчно юный, опредѣлить его мѣсто въ практической жизни, приблизить его къ пониманію всѣхъ и каждаго, воспитать чувство красоты, размягчить сердца и сдѣлать, чтобы вообще имъ были эстетически доступны „всѣ впечатлѣнія бытья"—вотъ, мнѣ кажется, къ чему сводятся стремленія той новой эстетической литературы, которая въ послѣднее время такъ размножилась въ Англіи.

II.

Цѣлая серія авторовъ приступаетъ къ разсмотрѣнію и толкованію произведеній искусства исключительно съ точки зрѣнія настоящаго момента. Первый результатъ подобнаго пріема тотъ, что историческая критика при этомъ должна совершенно устраниться, да оно и понятно. Самый смѣлый, рѣзкій и парадоксальный изъ нихъ—Оскаръ Уайльдъ сказалъ: „All beautiful things belong to the same age"—„всѣ прекрасныя произведенія принадлежатъ одной эпохѣ"; чтобы договорить свою мысль до конца, ему слѣдовало бы прибавить: „эпохѣ, въ которую я живу, въ которую я имѣю возможность ихъ видѣть, ими наслаждаться". Къ чему же здѣсь исторія въ примѣненіи къ художественной критикѣ? Если все прошлое принадлежитъ настоящему, то оно можетъ насъ интересовать лишь постольку, поскольку оно въ

этомъ настоящемъ уцѣлѣло, а вовсе не само по себѣ; исторія тогда представляется ужъ не виновницей произведенія искусства, а рамкой, фономъ, на которомъ оно ярче и картиннѣе выступаетъ; эпоха, въ которую произведеніе возникло, теряетъ то значеніе почвы, которое ей присвоивала историческая критика, и становится лишь обстановкой, невидимой спутницей его; воспоминаніе объ эпохѣ служитъ какъ бы ореоломъ вокругъ произведенія искусства, тѣмъ болѣе яркимъ, чѣмъ многостороннѣе наши свѣдѣнія о ней; само же изученіе исторіи, наша собственная культура, получаютъ цѣнность лишь въ той мѣрѣ, въ какой они доставляютъ при взглядѣ на произведеніе искусства—болѣе или менѣе богатый матеріалъ для ассоціаціи идей.

Не трудно убѣдиться, къ какой аномаліи, съ точки зрѣнія нравственности, должно привести подобное положеніе; ясно, что для чистаго эстетика время не существуетъ; вѣдь если прошлое имѣетъ значеніе только какъ матеріалъ для наслажденія настоящимъ, то будущее цѣнно лишь настолько, насколько оно намъ обезпечиваетъ въ предѣлахъ нашей жизни болѣе или менѣе продолжительную послѣдовательность настоящихъ моментовъ. „Но вѣдь это безнравственно!"—воскликнемъ мы, сами испугавшись того, къ чему пришли простымъ логическимъ путемъ, и тотъ же Оскаръ Уайльдъ отвѣтитъ намъ съ холодной безстрастностью: „All art is immoral",—„всякое искусство безнравственно" [1]).

„Не мудрено,—скажутъ намъ,—не мудрено, что вы очутились передъ абсурдомъ: вы обращали вниманіе на одну лишь внѣшнюю, чувственную сторону искусства и упустили изъ виду его внутреннюю, духовную сторону; вспомните, что искусство есть движеніе, одинъ изъ тѣхъ путей, которыми духъ человѣческій идетъ къ конечной цѣли совершенства, осуществленію правды и сліянію съ добромъ; вспомните, что лучшее, что̀ намъ даетъ искусство, есть лишь слабый отблескъ абсолютной красоты; искусство вѣчно вовсе не потому, что всегда способно вамъ нравиться, а потому, что всегда способно насъ усовершенствовать; вы занимались до сихъ поръ одной статикой искусства: оно имѣетъ свою динамику; увѣруйте въ его сверхземное значеніе, и само ваше увлеченіе имъ получитъ нравственную цѣну". Вотъ что̀ намъ скажутъ послѣдователи культа вѣчной красоты и приверженцы ея сліянія съ добромъ.

Къ сожалѣнію, всякая попытка связать любовь къ искусству съ опредѣленными философскими вѣрованіями или поставить эсте-

---

[1]) Oscar Wilde, „Intentions", p. 137.

тическую отзывчивость въ зависимость отъ нравственныхъ качествъ человѣка должна разбиться о разнообразіе тѣхъ примѣровъ, которые въ этомъ отношеніи представляетъ сама жизнь: мы видимъ, что любовью къ искусству горятъ люди всевозможныхъ вѣрованій и на всякихъ ступеняхъ нравственнаго совершенства. Искусство существуетъ для всѣхъ одинаково, оно всѣхъ зоветъ къ себѣ, и если не всякій равно способенъ понимать его, то всякій равно имѣетъ на то право, помимо тѣхъ конечныхъ причинъ, которыя онъ видитъ за предѣлами конкретнаго искусства. Бэконъ Веруламскій, который называлъ конечныя причины безплодными дѣвами,—своимъ опредѣленіемъ искусства, хотя и не совсѣмъ полнымъ, ясно намѣтилъ предметъ и границы художественной критики: „ars—homo additus naturae“, сказалъ онъ [1]), и въ предѣлахъ человѣка и природы должны мы искать отвѣта на эстетическіе вопросы. Гёте былъ великій мыслитель, но когда его, какъ художника, спрашивали о конечныхъ причинахъ творчества, онъ говорилъ, что предпочитаетъ, чтобы оставался для него сокрытымъ тотъ принципъ, въ силу котораго онъ работаетъ. Неужели же мы будемъ имѣть дерзость поднимать ту завѣсу, къ которой Гёте предпочиталъ не прикасаться? Нѣтъ, теорія искусства слишкомъ долго составляла монополію философовъ; только въ послѣднее время поняли, что для того, чтобы говорить объ искусствѣ, нужно быть сперва художникомъ, а потомъ уже философомъ, и что останавливаться при разборѣ произведеній искусства на вопросѣ объ абсолютной красотѣ есть то же, что въ механикѣ ломать себѣ голову надъ вопросомъ о сущности силъ. Только въ самое недавнее время убѣдились, что въ вопросахъ эстетики чуткость и отзывчивость при извѣстной способности въ формулировкѣ даютъ человѣку одинаковыя права, какъ знаніе и эрудиція въ области научной, и этимъ мы опять-таки обязаны все тѣмъ же новѣйшимъ англійскимъ писателямъ; понять и прочувствовать произведеніе искусства и свое собственное пониманіе и чувство кристаллизировать въ конкретной формѣ и сдѣлать предметомъ наслажденія и изученія для другихъ—вотъ въ чемъ ихъ задача; они явили одинъ изъ самыхъ сильныхъ примѣровъ того, что наслажденіе искусствомъ есть такое же творчество, какъ и само искусство. Можно подумать, что лозунгомъ ихъ дѣятельности послужило двустишіе Гёте:

---

[1]) „Искусство—человѣкъ, приложенный къ природѣ“. Неполнота этого опредѣленія очевидна въ наши дни, когда подъ него подпадаютъ всѣ прикладныя знанія; оно справедливо въ данной формѣ, но оно не допускаетъ обратнаго: „homo additus naturae—ars“ справедливо лишь на половину.

Selbst erfinden ist schön, doch glücklich von Andern Gefundenes,
Fröhlich erkannt und geschätzt,—nennst du das weniger dein?

Вотъ эта-то собственная оцѣнка чужого произведенія возведена ими въ предметъ изученія.

Такимъ образомъ второй результатъ той точки зрѣнія, на которую мы стали, есть высвобожденіе эстетическихъ вопросовъ изъ области метафизики. Вальтеръ Патеръ [1]), одинъ изъ интересующихъ насъ авторовъ, прямо говоритъ въ предисловіи къ своимъ замѣткамъ объ итальянскомъ возрожденіи, что попытки дать какую-нибудь одну, общую, формулу для опредѣленія абстрактной красоты никогда никому не помогли ни понять, ни прочувствовать красоты художественнаго произведенія. Не въ абстрактной формулѣ единой красоты, но въ возможно конкретной формулѣ, исчерпывающей данное ея проявленіе, лежитъ цѣль эстетическихъ изысканій. Другой авторъ, Вернонъ Ли [2]), не менѣе категорично говоритъ: „Наша жажда невыразимой гармоніи вовсе не доказываетъ, что такая гармонія существуетъ: тѣ очертанія всеобщаго совершенства, которыя носятся передъ нами, не суть отраженіе отдаленной дѣйствительности, а лишь безплотная тѣнь, которую бросаютъ наши собственныя желанія; мы всегда гонимся за ней, но мы никогда ея не настигнемъ". Очевидно, весь центръ тяжести переносится въ человѣка и въ то впечатлѣніе, которое онъ получаетъ отъ конкретнаго воплощенія красоты; самый же вопросъ о красотѣ—этотъ ветхій челнъ, на которомъ старая эстетика носилась по туманнымъ водамъ метафизики, — остается совершенно въ сторонѣ. Тотъ же Вальтеръ Патеръ, со свойственной англичанамъ неустрашимостью предъ крайними примѣрами, восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Кто бы изъ насъ согласился промѣнять изгибъ одного розоваго лепестка на то недосягаемое существо безъ очертаній, которое такъ превозноситъ Платонъ!" И, несмотря на всѣ парадоксальныя выходки ихъ изложенія, нельзя не признать за ними огромной заслуги съ точки зрѣнія эстетическаго воспитанія; они приблизили художественное произведеніе къ человѣку, обративъ изученіе искусства въ изученіе своихъ отъ него впечатлѣній. Этимъ эстетика вводится въ то движеніе человѣческаго разума, въ основаніи котораго лежитъ стародавнее сократовское „Γνῶθι σεαυτόν"; путь самопознаванія есть путь почтенный, а самопознаніе, какъ цѣль, далеко не заслуживаетъ презрѣнія; по крайней мѣрѣ, Гёте при-

[1]) Walter Pater, „The renaissance". London, 1888.
[2]) Vernon Lee, „Belcaro". London, 1887.

знавалъ, что это есть высшее, чего можетъ достичь человѣкъ, такъ какъ только черезъ себя онъ можетъ понимать другихъ [1]). Намъ кажется, что сдѣлать искусство предметомъ вѣры никогда никому не удастся, и что можно только привѣтствовать всякую попытку поставить эстѐтику на близкую и всѣмъ доступную почву личныхъ впечатлѣній.

Другой вопросъ, намѣченный нами выше по поводу возраженія со стороны приверженцевъ сліянія добра и красоты,—вопросъ болѣе практическій,—касался того, насколько эстетическая отзывчивость должна или можетъ идти объ руку съ чуткостью къ добру и злу. Намъ подобный вопросъ кажется даже страннымъ; вѣдь тотъ простой фактъ, что въ жизни существуетъ масса добродѣтельныхъ людей, которые никакихъ эстетическихъ стремленій не испытываютъ, казалось бы, дѣлаетъ совершенно естественнымъ существованіе обратныхъ примѣровъ; и тѣмъ не менѣе мы всегда склонны вѣрить въ добродѣтель таланта, мы всегда испытываемъ разочарованіе, когда узнаемъ что-нибудь безнравственное о художникѣ; но вѣдь мы же не удивляемся тому, что нравственный человѣкъ не артистиченъ—почему же намъ представляется чѣмъ-то такимъ ненормальнымъ отсутствіе нравственности въ художникѣ? Повторяю, — намъ кажется даже смѣшнымъ опровергать подобный взглядъ, но онъ существуетъ и даже весьма распространенъ, а потому мы должны и ему удѣлить нѣкоторое вниманіе; только вмѣсто опроверженій позволимъ себѣ привести примѣръ, который заимствуемъ у того же Оскара Уайльда, о которомъ мы уже упоминали.

Въ своей парадоксальной, но крайне любопытной книжкѣ: „Intentions“, онъ посвящаетъ одну главу жизнеописанію поэта Уэйнрайта; біографія озаглавлена: „Перо, кисть и ядъ“. Оказывается, что названный поэтъ (род. въ 1794 г. въ Чисвикѣ, умеръ въ 1852 г. въ Ванъ-Дименовой Землѣ), который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснымъ живописцемъ, въ своей жизни отравилъ нѣсколько человѣкъ какимъ-то особымъ сильнымъ ядомъ, привезеннымъ изъ Индіи, который онъ носилъ въ своемъ кольцѣ. Это былъ, по словамъ Уайльда, одинъ изъ самыхъ тонкихъ знатоковъ искусства своего времени; своими критическими статьями онъ много способствовалъ пробужденію пластическаго чувства, и артистическое движеніе Англіи почерпнуло значительную долю своей энергіи въ томъ подъемѣ духа, который былъ вызванъ его дѣятельностью. Уэйнрайтъ первый понялъ, въ то время, когда

[1]) Goethe, „Shakspeare und kein Ende“.

вся Европа въ поискахъ за новымъ стилемъ воздвигала памятники фальшивой готики и искусственныя развалины, — что поднятіе пластическаго вкуса нужно искать въ возвращеніи къ стариннымъ образцамъ; онъ первый сталъ на практикѣ примѣнять тотъ эклектизмъ въ пластической обстановкѣ, который отличаетъ наше время. И этотъ чуткій цѣнитель красоты, который былъ способенъ страдать отъ непріятнаго сочетанія цвѣтовъ, былъ совершенно безразличенъ къ вопросамъ нравственности. Онъ отравляетъ своего опекуна и его жену, чтобы унаслѣдовать ихъ имѣніе, свою красавицу-свояченицу онъ отравляетъ, предварительно застраховавъ ея жизнь въ 18.000 фунтовъ стерлинговъ, и когда, —уже послѣ того, что онъ попалъ, наконецъ, въ руки правосудія,—одинъ изъ его друзей, придя навѣстить его въ темницѣ, возмущается его поступкомъ, онъ пожимаетъ плечами и говоритъ: „Да, конечно, это было ужасно, но у нея были такія толстыя щиколотки!“

Еще гораздо интереснѣе біографическихъ данныхъ, которыя намъ сообщаетъ Уайльдъ, его личное отношеніе къ нимъ и та оцѣнка, которую онъ дѣлаетъ этому характеру. Вотъ на выдержку нѣсколько изреченій. „Тотъ фактъ, что человѣкъ былъ отравителемъ, ничуть не умаляетъ достоинства его прозы“. Разсказавъ о его осужденіи и ссылкѣ, онъ прибавляетъ: „Все-таки есть что-то драматическое, какъ подумаешь, въ томъ, что такое тяжкое наказаніе было наложено на него за то, что, собственно говоря,— если вспомнить его пагубное вліяніе на стиль современной журналистики, — составляло, конечно, не самое злое изъ его преступленій“. „Искусство не забыло его,—такъ кончаетъ онъ свою біографическую замѣтку: „онъ послужилъ героемъ Диккенсовскаго „Hunted Down“, онъ — Варней въ „Лукреціи“ Бульвера; и пріятно отмѣтить, что вымыселъ заплатилъ дань тому, кто былъ такъ силенъ перомъ, кистью и ядомъ. Послужить предметомъ вдохновенія для вымысла—значитъ имѣть больше значенія, чѣмъ любой фактъ“.

Мы здѣсь проходимъ молчаніемъ тѣ стороны этихъ цитатъ, которыя открываютъ болѣе или менѣе устрашающія перспективы на міровоззрѣнія Уайльда вообще,—намъ только хотѣлось указать на этотъ разительный примѣръ сочетанія эстетичности и безнравственности и на отношеніе къ нему такого тонкаго критика, какъ Уайльдъ. Вотъ еще одна, послѣдняя, выписка, изъ которой ясно выступитъ безстрастность эстетической критики: перечисляя такихъ людей, какъ Неронъ, Тиверій, Цезарь Борджія, онъ говоритъ: „Они могутъ внушать намъ страхъ, отвращеніе, удивленіе,

но они не могутъ вредить намъ, намъ нечего бояться отъ нихъ. Они перешли въ область искусства и науки, и ни искусство, ни наука ничего не знаютъ о нравственномъ одобреніи или неодобреніи".

Вотъ тѣ крайніе выводы, къ которымъ пришли люди, не убоявшіеся договорить свою мысль до конца, послѣ того, какъ разъ стали на извѣстную точку зрѣнія. Намъ скажутъ, что крайности ничего не доказываютъ, что парадоксальнымъ выводамъ изъ ненормальныхъ явленій нельзя придавать значенія; мы не совсѣмъ согласны съ такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ ненормальностямъ и къ парадоксу: для искателя истины они имѣютъ свою цѣну. Ненормальности своимъ исключительнымъ развитіемъ въ одну какую-нибудь сторону выясняютъ составные элементы той нормальной почвы, на которой онѣ выросли, и такимъ образомъ обличаютъ отысканіе истины; парадоксъ же, благодаря тому, что всегда перескакиваетъ за предѣлы истины, помогаетъ усвоенію ея границъ.

Но предвидимъ другое, болѣе существенное, возраженіе: всѣ три явленія, на которыхъ мы до сихъ поръ останавливались, т.-е. уничтоженіе перспективы времени, освобожденіе отъ метафизики и практическая совмѣстимость эстетичности и безнравственности, собственно говоря, вовсе не присущи самой природѣ искусства; все это—результатъ извѣстнаго *отношенія* къ нему, а потому и выводы не могутъ распространяться на сущность искусства; вѣдь если человѣкъ, махнувшій рукой на нравственность, любитъ красоту, изъ этого еще не слѣдуетъ, что и сама красота не имѣетъ ничего общаго съ нравственностью. Мы бы могли отвѣтить, что если нравственный человѣкъ вѣритъ въ моральную цѣнность красоты, то это точно также еще не служитъ доказательствомъ тому, что искусство и нравственность непремѣнно *должны* совпадать; но мы слишкомъ хорошо понимаемъ важность возраженія, чтобы отдѣлаться отъ него такимъ легкимъ способомъ, а потому, предоставивъ всякому его собственный взглядъ и субъективное отношеніе къ искусству, перенесемъ наши изслѣдованія на самую природу эстетическихъ ощущеній и постараемся уяснить себѣ, чѣмъ отличаются волненія этого порядка отъ нравственныхъ волненій, которыя намъ причиняютъ другія явленія жизни. Мы увидимъ, что въ самомъ свойствѣ этихъ волненій и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они возможны, лежитъ корень раздѣленія нравственности и искусства.

III.

До сихъ поръ мы все вращались въ области пластическихъ искусствъ, — пластическихъ въ самомъ исключительномъ смыслѣ этого слова; мы брали искусство только со стороны красивыхъ формъ, и даже живопись, которая подъ пластическими формами имѣетъ возможность выражать ту или другую идею, нами ни разу не была упомянута; мы взяли искусство, такъ сказать, съ его незлобивой, безразличной стороны, съ точки зрѣнія ласканія взоровъ; но искусство, какъ извѣстно, не только ласкаетъ и тѣшитъ, оно не ограничивается однимъ внѣшнимъ раздраженіемъ зрѣнія и слуха: мы сказали въ началѣ, что оно способно поднимать насъ на вершины тѣхъ же самыхъ духовныхъ ощущеній, чрезъ которыя насъ заставляютъ проходить всѣ радостныя и горестныя событія жизни. „И вотъ,—скажутъ намъ противники теоріи искусства для искусства,—вотъ гдѣ слѣдуетъ искать настоящаго разрѣшенія интересующаго насъ вопроса: не въ удовлетвореніи чувству красоты лежитъ моральная цѣнность искусства, а въ тѣхъ духовныхъ радостяхъ и страданіяхъ, которыя оно въ насъ пробуждаетъ *при помощи* чувства красоты. Понятно, что бездѣятельное созерцаніе красивыхъ формъ не можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія нравственности, но вѣдь, кромѣ артистической нирваны въ мірѣ пластики, искусство даетъ намъ дѣятельное пробужденіе высокихъ страстей“. Насколько эти страсти дѣятельны и каково ихъ вліяніе на того, кто ихъ испытываетъ, вотъ что намъ предстоитъ разобрать; не вдаваясь въ психологію эстетическихъ ощущеній, мы постараемся прослѣдить, чѣмъ отличаются страсти, пробуждаемыя въ насъ произведеніями искусства, отъ однородныхъ страстей, пробуждаемыхъ явленіями жизни.

Ясно, что самый цѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи для насъ представитъ драматическое искусство, такъ какъ вызываемыя имъ волненія ближе всего подходятъ къ волненіямъ жизни; хотя и принято говорить, что музыка пробуждаетъ въ насъ и грусть, и радость, и страхъ, но всякій согласится, что эти ощущенія лишь въ слабой степени похожи на однородныя ощущенія, возбуждаемыя самой жизнью, что мы въ большинствѣ случаевъ только по аналогіи даемъ музыкальнымъ ощущеніямъ такія названія, которыя ихъ подводятъ подъ ту или другую категорію житейскихъ страстей [1]), а во всякомъ случаѣ, если даже при-

[1]) „Enrichir l'âme humaine d'émotions qu'elle ne trouverait pas ailleurs, créer des sentiments nouveaux, les exprimer dans un langage parfaitement clair, univer-

знать, что здѣсь не только аналогія, но и полное тождество, то все же музыка способна вызывать лишь безразличное настроеніе, извѣстное душевное состояніе, но никакъ не активную страсть: музыка никогда не можетъ заставить насъ почувствовать расположеніе или нерасположеніе, а потому ей недоступны именно тѣ житейскія страсти, которыя наиболѣе интересны съ точки зрѣнія нравственности. Совсѣмъ иное дѣло—драматическое искусство: нѣтъ такой страсти человѣческой, изображеніе которой ему было бы недоступно, а слѣдовательно и симпатическое отношеніе къ которой оно не было бы способно вызвать въ зрителѣ. Вотъ эти-то эстетическія волненія, возбуждаемыя театральнымъ представленіемъ, мы и разберемъ теперь, и увидимъ, что чѣмъ ближе искусственно пробуждаемая страсть подходитъ къ истинной страсти, тѣмъ болѣе обостряется вопросъ объ отношеніяхъ искусства и нравственности.

Первый отличительный признакъ всѣхъ эстетическихъ ощущеній—ихъ безкорыстіе, отсутствіе какого бы то ни было элемента прибыли или пользы въ тѣхъ удовольстіяхъ, которыя они намъ доставляютъ; это есть основное, краеугольное положеніе, которое мы должны признать. Хотя споръ о красотѣ и пользѣ по существу и не относится къ нашему вопросу, тѣмъ не менѣе намъ нельзя обойти его, такъ какъ отъ его разрѣшенія въ ту или въ другую сторону будутъ зависѣть наши дальнѣйшіе выводы.

Вопросъ о раздѣленіи пользы и красоты, собственно говоря, уже давно рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и освященъ такими различными въ своемъ родѣ авторитетами, какъ Кантъ, Шиллеръ и Спенсеръ, но, несмотря на это, все еще встрѣчаются попытки перевести эстетику на зыбкую почву сліянія этихъ двухъ несоединимыхъ элементовъ.

Въ послѣднее время во Франціи много труда, остроумія и любви положилъ на это дѣло Гюйо. Онъ въ своемъ стремленіи отождествить красоту съ полезностью доходитъ до того, что у него всѣ радости жизни, даже самыя несложныя физическія ощущенія, получаютъ эстетическій характеръ; полезность предмета въ его глазахъ сама по себѣ уже обусловливаетъ извѣстную степень эстетичности его (замѣтимъ, что онъ принимаетъ слово „польза" въ самомъ высокомъ его значеніи, отождествляя его съ добромъ). Но совершенно основательно возражаетъ ему Геннекенъ въ своей „Critique scientifique", что полезные предметы

---

sellement intelligible, telle est la fonction véritable de la musique expressive. „P. Souriau, „La suggestion dans l'art". Paris, 1893, p. 287.

только тогда возбуждаютъ эстетическое чувство, когда они, *кромѣ того*, красивы; корзина съ персиками производитъ эстетическое впечатлѣніе, но можно-ли то-же самое сказать про порцію паштета? [1])

Впрочемъ Гюйо самъ своими собственными доказательствами и крайностью своихъ примѣровъ лучше всего освѣтилъ ложность того пути, на которомъ онъ старается утвердить эстетику. Разъ ставъ на почву сліянія пользы и красоты, онъ долженъ былъ придти къ полному смѣшенію жизни и искусства и для оправданія своей теоріи искать апостеріорнаго объясненія всѣхъ пріятныхъ ощущеній жизни съ эстетической точки зрѣнія; и здѣсь онъ приходитъ къ такимъ крайностямъ, которыя, вмѣсто доказательствъ, становятся опроверженіями: такъ, онъ совершенно логически и послѣдовательно, но совершенно неосновательно, долженъ признать эстетическій характеръ за ощущеніями вкуса и запаха. Онъ разсказываетъ [2]), какъ онъ однажды въ знойный полдень, прогуливаясь въ Пиренеяхъ, попросилъ у пастуха напиться, какъ тотъ подалъ ему крынку холоднаго молока, и какъ ему казалось, что вмѣстѣ съ этимъ молокомъ онъ впивалъ въ себя воздухъ и всѣ ароматы Пиренейскихъ горъ; это ли не эстетическое ощущеніе? „Это была,—говоритъ онъ,—пасторальная симфонія, только я воспринималъ ее не слухомъ, но вкусомъ". И на этомъ сравненіи утверждается теорія объ эстетическомъ характерѣ ощущенія вкуса. Но какъ же не видѣть того, что въ данномъ случаѣ весь эстетическій элементъ ощущеній есть результатъ субъективнаго привнесенія; что только то, чтò вызвано ассоціаціей идей, доставляетъ здѣсь эстетическое наслажденіе, въ самомъ же ощущеніи вкуса элементъ красоты отсутствуетъ? Вѣдь ничто не мѣшало нашему автору раздувать эстетическую цѣнность крынки молока до безконечности и, кромѣ пасторальной симфоніи, воспринимать путемъ вкуса и всѣ историческія легенды Пиренейскихъ горъ, и сказаніе о Роландѣ, и весь циклъ Каролингскаго эпоса, но это не значитъ, что ощущеніе вкуса само по себѣ эстетично. Точно также, если запахъ сирени вызываетъ въ нашей памяти красивыя картины и романтическое настроеніе, то не потому, что онъ самъ по себѣ эстетиченъ, ибо другіе запахи, завѣдомо скверные, способны точно также доставлять наслажденіе: затхлый, непріятный воздухъ стараго, заброшеннаго дома вызываетъ въ насъ эстетическія картины минув-

[1]) E. Hennequin, „La critique scientifique", Paris, 1890, p. 27.

[2]) M. Guyau, „Les problèmes de l'esthétique contemporaine". Paris, 1891, p. 63.

шей старины, запахъ скотнаго двора рисуетъ намъ прелестныя картины сельской природы и можетъ заставить насъ почувствовать то, что̀ Виргилій называлъ „divini gloria ruris"; тутъ мы можемъ сказать, какъ Гюйо: это есть картина Поля Поттера, только мы ее воспринимаемъ не зрѣніемъ, а обоняніемъ [1]).

Подобные выводы должны заставить усомниться въ правильности основныхъ положеній; да врядъ-ли можно вообще изъ смѣшенія искусства съ жизнью вывести какія-либо точныя эстетическія опредѣленія; намъ кажется, что одно изъ условій ясности заключеній есть строгое разграниченіе одной области отъ другой. Гёте сказалъ: „Die Natur ist von der Kunst durch eine ungeheure Kluft getrent, welche das Genie selbst ohne aüssere Hilfsmittel zu überschreiten nicht vermag [2])". Гюйо не убоялся перешагнуть чрезъ эту пропасть; мостомъ ему послужила его отзывчивая и любвеобильная природа, но теорія раздѣленія красоты и пользы имъ не поколеблена. Онъ не доказалъ, какъ справедливо отмѣчаетъ Геннекенъ, двухъ положеній: во-первыхъ, что эстетическое чувство, возбуждаемое полезнымъ предметомъ, однородно съ тѣмъ удовольствіемъ, которое онъ доставляетъ въ то время, когда удовлетворяетъ нашу въ немъ потребность; и во-вторыхъ, что предметы, полезные, пріятные, реальные, живые, могутъ возбуждать эстетическую эмоцію, когда они только полезны, пріятны [3]) и т. д.

Итакъ, предметы намъ нравятся эстетически не потому, что полезны, а потому, что красивы [4]), а когда полезность съ красотою совпадаетъ, то все-же эстетическое воспріятіе предмета совершенно иное, чѣмъ утилитарное; художественное воспріятіе есть, если можно такъ выразиться,—„обезцѣленіе" полезности: то чувство, которое волнующаяся нива вызвала въ Лермонтовѣ,

---

[1]) Любопытно, что Гюйо, который даетъ себѣ такъ много труда, чтобы объективировать красоту въ полезности, въ большинствѣ своихъ примѣровъ, самъ того не замѣчая, является откровеннѣйшимъ субъективистомъ.

[2]) „Природа отдѣлена отъ искусства неизмѣримой пропастью, которую даже геній безъ посторонней помощи перешагнуть не въ состояніи".

[3]) E. Hennequin, Op. cit.

[4]) Укажемъ мимоходомъ на любопытный опытъ отождествленія красоты съ полезностью, именно на книгу г. Велямовича: *„Психо-физіологическія основанія эстетики"* (Спб., 1878). И здѣсь многое остается неразъясненнымъ; такъ, если изъ остроумныхъ доказательствъ автора можно вывести, почему толпа крестьянъ, молотящихъ хлѣбъ, красивѣе паровой молотилки, то его объясненія не въ состояніи доказать, почему старая голландская вѣтряная мельница красивѣе новаго американскаго привода. Точно также, если понятно, откуда—красота пейзажа съ лѣсомъ и водою, то непонятна эстетическая цѣнность безводной пустыни.

когда онъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе, ничего общаго не имѣетъ съ чувствами сельскаго хозяина, который смотритъ на ту же волнующуюся ниву и думаетъ о количествѣ копенъ и умолота. Такимъ образомъ, если предметъ способенъ нравиться съ двухъ различныхъ сторонъ, то и въ человѣкѣ при взглядѣ на предметъ могутъ приходить въ движеніе двѣ совершенно разнородныя категоріи наклонностей, смотря по тому, имѣетъ ли онъ вообще, или въ данный моментъ, бо́льшую отзывчивость къ полезности или къ красотѣ; въ первомъ случаѣ будутъ говорить наклонности корыстныя, стоящія въ связи съ необходимостью борьбы за существованіе и инстинктомъ самосохраненія; во второмъ случаѣ—наклонности безкорыстныя, пробуждающіяся только при забвеніи борьбы за существованіе, а иногда прямо противорѣчащія чувству самосохраненія. Отсюда ясно, что тѣ изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, которыя наиболѣе связаны съ борьбою за существованіе, способны дать намъ наименьшее количество эстетическихъ ощущеній; тѣ же чувства, функціи которыхъ не направлены на эту борьбу, остаются свободными для воспріятія красоты; этимъ объясняется, почему въ эстетикѣ зрѣніе и слухъ относятся къ высшимъ чувствамъ, тогда какъ предъ глазами природы вкусъ, обоняніе и осязаніе съ ними по меньшей мѣрѣ равноправны [1]).

Безкорыстіе эстетическихъ ощущеній, слѣдовательно, подтверждается: или—отсутствіемъ элемента полезности въ тѣхъ сторонахъ предмета, которыми они вызываются, или—отсутствіемъ всякаго элемента корысти въ сознаніи того, кто ихъ ощущаетъ. Послѣднее есть, какъ мы сказали, основное условіе всякаго эстетическаго наслажденія, вытекающее изъ того, что тѣ силы нашей природы, которыя вообще способны эстетически возбуждаться, могутъ быть вызваны къ этой дѣятельности лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ не заняты исполненіемъ своихъ жизненныхъ функцій.

Спенсеръ, обрисовывая происхожденіе искусства съ эволюціонной точки зрѣнія, ясно показалъ, что оно есть результатъ преизбытка жизненныхъ силъ. Животныя на низшей ступени раз-

---

[1]) Обыкновенно въ пользу эстетическаго характера тѣхъ ощущеній, которыя намъ доставляетъ осязаніе, приводятъ въ примѣръ слѣпорожденнаго, который на ощупь познаетъ красоту формъ. Но забываютъ, что осязаніе въ этомъ случаѣ является органомъ воспріятія красоты лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно *замѣняетъ* зрѣніе, что оно при этомъ исполняетъ такія функціи, ради которыхъ зрячій къ осязанію не прибѣгаетъ, и что, слѣдовательно, оно доставляетъ ощущеніе эстетическаго порядка именно тою стороной своей дѣятельности, которою оно *уклоняется* отъ своихъ нормальныхъ функцій.

витія поглощены исключительно одной заботой о сохраненіи своего существованія; но чѣмъ выше, тѣмъ болѣе у нихъ является избытокъ силъ, и этотъ избытокъ они начинаютъ тратить на игру: чѣмъ выше родъ животнаго, тѣмъ больше у него замѣчается наклонность къ игрѣ, и, наконецъ, у человѣка является такое сбереженіе силъ, что онъ способенъ ихъ тратить въ цѣлой области имъ самимъ выдуманной; искусство, такимъ образомъ, для человѣка—то же, что игра для животнаго [1]). Къ сожалѣнію, слово „игра". представляетъ то неудобство, что оно одинаково непріятно поражаетъ какъ проповѣдниковъ утилитарнаго искусства, такъ и поклонниковъ искусства чистаго; но если превозмочь въ себѣ то коробящее чувство, которое возбуждаетъ въ насъ это приравниваніе искусства къ кувырканію собаки на травѣ, то нельзя не согласиться, что эта теорія вноситъ свѣтъ и порядокъ въ разграниченіе эстетическихъ ощущеній отъ физіологическихъ, и что придти путемъ опыта и наблюденія къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришелъ романтикъ Шиллеръ [2]) путемъ умозрительнымъ и силою художественнаго инстинкта, во всякомъ случаѣ не предосудительно.

Къ нѣкоторымъ изъ затронутыхъ нами вопросовъ мы еще вернемся, въ частности къ вопросу о чувствѣ самосохраненія, а пока, отмѣтивъ въ послѣдній разъ характеръ безкорыстія эстетическихъ ощущеній, перейдемъ къ ихъ другому отличительному признаку—къ ихъ неактивности и, слѣдовательно, безплодности въ данный моментъ.

Въ самомъ началѣ былъ нами поставленъ вопросъ, по поводу чувствъ, возбуждаемыхъ театральнымъ представленіемъ: позволительно ли искать такихъ удовольствій, которыя заставляютъ дрожать самыя священныя струны нашей природы безъ практическаго приложенія? Но такъ какъ не всѣ, можетъ быть, согласны съ такимъ непризнаніемъ практическаго характера за эстетическими эмоціями, то постараемся его выяснить и доказать.

Всякое душевное волненіе, вызванное тѣмъ или другимъ событіемъ жизни, есть исходная точка для дальнѣйшаго движенія, которое въ концѣ концовъ приводитъ къ дѣйствію; можно сказать, что всякое волненіе, которое является результатомъ прикосновенія жизни, идетъ обратно въ жизнь въ видѣ дѣятельной силы; всякое нравственное потрясеніе, если оно и не вызываетъ немедленнаго дѣйствія въ данномъ субъектѣ, то чрезъ него вліяетъ

---

[1]) H. Spencer, „Principes de psychologie". Paris 1875, t. II, p. 661—663.

[2]) Schiller, „Ueber die ästhetische Erziehung des Menschen", Brief 15.

на другихъ и такимъ образомъ представляетъ изъ себя начало цѣлаго сцѣпленія душевныхъ состояній и дѣйствій; не можетъ быть въ жизни такого волненія, которое могло бы возникнуть и пропасть, какъ искра въ темнотѣ, потому что никакое волненіе жизни не служитъ само себѣ цѣлью. Посмотримъ, такъ ли въ искусствѣ; возьмемъ самое сильное потрясеніе, какое оно можетъ дать намъ—слезы состраданія въ театрѣ. Послѣ вышеизложеннаго, прежде всего должно намъ броситься въ глаза то, что это потрясеніе не вызываетъ въ насъ ни одного изъ тѣхъ движеній, которыя вызвало бы подобное же, и даже меньшее, потрясеніе въ жизни. Вѣдь мы не кидаемся на помощь того, кого на сценѣ истязуютъ; мы не собираемъ послѣднихъ нашихъ денегъ, чтобы выручить изъ бѣды погибающее семейство; мы не бросаемся вмѣстѣ съ Дездемоной къ ногамъ Отелло, чтобы крикнуть ему въ лицо, что Яго лжетъ, что платокъ попалъ въ руки Кассіо безъ ея вѣдома, а вѣдь мы бы могли однимъ словомъ прекратить страданія этихъ любящихъ существъ. Но если бы мы и могли и захотѣли,—кому бы мы помогли?—вѣдь они не существуютъ, вѣдь это вымыселъ, зачѣмъ же и помогать имъ? Изъ всего, что̀ здѣсь въ театрѣ происходитъ, только одно реально существуетъ—наше волненіе, изъ котораго мы никакимъ активнымъ движеніемъ выйти не можемъ; да наконецъ мы и не желаемъ выходить изъ него: мы за тѣмъ и пришли въ театръ, чтобы испытать его, мы его искали, и намъ было бы обидно, если бы актеръ намъ его не далъ.

Отсюда уже ясно обрисовывается разница страсти въ жизни и страсти въ театрѣ. Въ жизни страсть есть начало, толчокъ, это нѣчто переходное, на чемъ мы даже не останавливаемся, потому что когда она намъ причиняетъ страданіе,—мы стремимся ее погасить въ дѣйствіи, когда она намъ доставляетъ наслажденіе—мы стремимся ее удовлетворить въ дѣйствіи; страсти въ театрѣ неудовлетворимы, это ясно изъ предъидущаго, но таковъ же удѣлъ всѣхъ эстетическихъ вожделѣній вообще. Всѣ волненія, вызываемыя искусствомъ, неугасимы; они могутъ утихнуть, потому что перестаетъ на насъ дѣйствовать тотъ предметъ, который ихъ вызвалъ, но естественнымъ ходомъ развитія они не могутъ прекратиться; всякое вожделѣніе удовлетворяется обладаніемъ, красота же обладанію не поддается; отсюда та неутолимость эстетическихъ стремленій, которою они отличаются отъ всѣхъ жизненныхъ страстей; эстетическое наслажденіе состоитъ не въ удовлетвореніи страсти, но въ поддѐржаніи ея; это — голодъ безъ насыщенія, горѣніе безъ сгаранія.

Итакъ, страсти, возбуждаемыя театральнымъ представленіемъ, неудовлетворимы, потому что страсть, вызываемая жизнью, удовлетворяется дѣйствіемъ; эстетическая же страсть, вызываемая изображеніемъ жизни, по существу исключаетъ всякій переходъ въ дѣяніе, она бездѣятельна, а потому въ тотъ моментъ, когда возникаетъ и пока длится,—она для жизни безплодна. Въ то время, какъ страсть житейская есть нѣчто такое, изъ чего мы стремимся выйти, страсть въ театрѣ есть сама себѣ цѣль, это есть среда, въ которой мы пребываемъ, и пребываніе въ которой намъ доставляетъ наслажденіе,—вотъ новое отличіе сценическихъ волненій: какое бы грустное зрѣлище передъ нами ни происходило, какія бы горючія слезы мы ни проливали,—мы въ это время не страдаемъ, а наслаждаемся, потому что если бы театръ причинялъ намъ страданіе, то мы бы давно перестали ходить въ него. Мы плачемъ, но мы не уязвлены, мы соболѣзнуемъ, но намъ не больно; подобно тому, какъ еслибы мы могли подойти къ подводному міру и сквозь хрустальную доску гигантскаго акваріума смотрѣть на копошащихся за нею гадовъ,—такъ смотримъ мы на развертывающуюся предъ нами картину человѣческихъ страданій: жгучесть ихъ прикосновенія ослаблена, ядовитость ихъ нейтрализована; осталась одна возбудительность, а всякое возбужденіе жизненныхъ функцій само по себѣ пріятно, и мы ему отдаемся. Можно не раздѣлять мнѣнія Лессинга, что конечная цѣль всякаго искусства—удовольствіе [1]), но нельзя отрицать, что удовольствіе есть одинъ изъ входящихъ элементовъ всякаго эстетическаго волненія,—можетъ быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не самый уважительный элементъ, но во всякомъ случаѣ самый необходимый, безъ котораго эстетическаго волненія не бываетъ и быть не можетъ.

Такимъ образомъ, мы вывели слѣдующія отличительныя черты, которыми эстетическія страданія отличаются отъ реальныхъ: ихъ *безкорыстіе*—потому что они не вызываются соображеніями пользы; ихъ *безплодность*—потому что они не переходятъ въ дѣйствіе; ихъ *безпредметность*—потому что они направлены на вымыселъ; ихъ *безболѣзненность*—потому что они не уязвляютъ, но доставляютъ наслажденіе.

Здѣсь намъ нельзя обойти одного важнаго вопроса, который занималъ многихъ психологовъ и эстетиковъ, а именно — разнятся ли эстетически вызываемыя страсти отъ реальныхъ по существу, или только качественно? есть ли это двѣ совершенно разно-

---

[1]) „Der Endzweck der Künste ist Vergnügen". Lessing, „Laocoon".

родныя области ощущеній, результатъ двухъ различныхъ психическихъ способностей, или это совершенно тождественныя ощущенія, только приводимыя въ дѣйствіе при разныхъ условіяхъ, вызываемыя разными причинами, а потому и дающія разные результаты?

Хотя только-что приведенныя нами различія между волненіями жизни и эстетическими волненіями настолько существенны, что казалось бы опредѣляютъ собою ихъ полнѣйшее нетождество, тѣмъ не менѣе намъ представляется труднымъ признать такое существованіе двухъ различныхъ источниковъ аналогичныхъ явленій; трудно допустить, чтобы человѣкъ былъ снабженъ двумя различными психическими аппаратами,—однимъ для жизни, другимъ для искусства. Искусство есть результатъ отвлеченія красоты изъ жизни и ея воплощенія въ области вымысла, и эстетическое волненіе есть уклоненіе психическихъ способностей отъ жизни и ихъ приложеніе въ области вымысла; одинъ и тотъ же психическій механизмъ дѣйствуетъ и въ жизни, и въ искусствѣ, но результаты не похожи, потому что поле дѣйствія другое.

Спенсеръ говоритъ, что тѣ же самыя силы приходятъ въ движеніе, но разница въ томъ, какъ наше сознаніе относится къ результатамъ этого движенія: скользитъ ли оно по нимъ, видя предъ собою лишь конечную цѣль—дѣйствіе, или занято исключительно ими изъ желанія сохранить ихъ возможно дольше [1]).

Геннекенъ рядомъ тонкихъ разсужденій, повторять которыя здѣсь было бы слишкомъ долго, приходитъ къ тому же выводу, т.-е., что страсть, вызываемая эстетическимъ волненіемъ, есть бездѣятельная форма обыкновенной страсти, и что такимъ образомъ и та и другая—результатъ того же самаго механизма [2]).

Можно еще предложить одно практическое доказательство въ пользу той же теоріи. Если допустить двѣ совершенно разныя категоріи страстей, то люди съ наиболѣе утонченнымъ эстетическимъ воспитаніемъ одни могли бы испытывать наивысшую степень состраданія въ театрѣ; между тѣмъ мы видимъ, что люди простые, наивные, безъ всякаго эстетическаго воспитанія, способны даже на гораздо бо́льшую отзывчивость къ страданіямъ, которыя видятъ на сценѣ. Очевидно, въ нихъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ искусства общій аппаратъ жизненныхъ страстей [3]).

---

[1]) H. Spencer, Op. cit., p. 683.

[2]) E. Hennequin, Op. cit., p. 31—40.

[3]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеизображенными страстями то художественное наслажденіе, которое имъ можетъ сопутствовать, а можетъ—и нѣтъ, и степень котораго, конечно, стоитъ въ зависимости отъ утонченности эстетическаго воспитанія.

IV.

Вотъ бѣглый очеркъ главнѣйшихъ признаковъ, которыми эстетическія волненія отличаются отъ волненій жизни; мы разоблачили тѣ стороны ихъ, разъясненіе которыхъ намъ казалось существеннымъ для уясненія интересующаго насъ вопроса. Изъ всего сказаннаго ясно, что мы должны искать нравственную цѣнность эстетическихъ волненій не въ томъ, какъ они проявляются въ жизни, ибо они для жизни безплодны, а въ томъ, какое вліяніе они имѣютъ на того, кто имъ предается; если они не даютъ немедленнаго результата въ видѣ дѣятельнаго перехода въ жизнь, то они исподволь оказываютъ вліяніе на внутренній строй человѣка, такъ что извѣстныя его наклонности, воззрѣнія, а потому и дѣйствія, должны быть объясняемы, какъ результатъ вліянія на него искусства. Вліяніе это, по словамъ Геннекена, имѣетъ двѣ стороны,—одну неблаготворную, а другую благотворную.

Неблаготворность эстетическихъ волненій ясна, кажется, изъ предъидущаго очерка: приводя въ движеніе извѣстную группу душевныхъ способностей и направляя ихъ въ область вымысла, искусство не только отвлекаетъ ихъ отъ жизни въ данный моментъ, но постепенно отъучаетъ ихъ вообще отъ трудной и мучительной работы на жизненной почвѣ; оно пріохочиваетъ ихъ къ тому неактивному раздраженію безъ боли, въ которое ихъ приводитъ соприкосновеніе съ красотою, и такимъ оброзомъ атрофируетъ для жизни самыя необходимыя для нея силы. Паденіе воли, ослабленіе энергіи—вотъ результаты этой стороны воздѣйствія искусства, какъ на единичнаго человѣка, такъ и на цѣлыя націи. На рядѣ историческихъ примѣровъ Геннекенъ показываетъ, какъ пышный расцвѣтъ искусства предшествовалъ паденію государственнаго строя и гибели многихъ народовъ. Но, кромѣ этого пагубнаго, есть и благотворное вліяніе искусства: люди по природѣ черствые, грубые, неспособные къ состраданію,—если только искусство ихъ съумѣетъ заинтересовать,—непремѣнно должны будутъ прочувствовать тѣ высокія движенія души, которыя вызываетъ видъ чужого страданія; взволнованные сначала фиктивнымъ горемъ, они потомъ получатъ возможность отзываться и на реальныя страданія; мало-по-малу то количество зла, которое человѣкъ былъ способенъ причинять ближнему, будетъ уменьшаться соразмѣрно съ его способностью соболѣзновать. Вотъ какимъ

путемъ искусство смягчаетъ нравы [1]). Не трудно подмѣтить уязвимость только-что изложенной теоріи съ исторической точки зрѣнія. Геннекенъ думаетъ, что разрѣшилъ задачу о нравственномъ значеніи искусства, признавъ одновременное существованіе двухъ противоположныхъ вліяній. Не говоря уже о томъ, что довольно трудно опредѣлить равнодѣйствующую этихъ двухъ силъ, намъ кажется, что само ихъ раздѣленіе теоретично и не оправдывается практикой. Начавъ съ разсмотрѣнія неблаготворнаго вліянія искусства, Геннекенъ не замѣтилъ, что онъ началъ съ конца, и что-то, что онъ считалъ двумя параллельными движеніями, есть просто постепенное видоизмѣненіе одного и того же движенія. Начнемъ съ благотворнаго вліянія искусства,—мы непремѣнно придемъ къ неблаготворному. Тѣ же самыя итальянскія республики, которыя, по справедливому замѣчанію Геннекена, во многомъ обязаны своимъ паденіемъ разслабляющему вліянію искусства, прежде чѣмъ дойти до разслабленія, испытали его благотворное дѣйствіе. Франція Людовика XIV пала, между прочимъ, истощенная утончающимъ вліяніемъ искусства, но то же утончающее вліяніе, между прочимъ, вывело ее изъ мрака Меровингскихъ временъ. Въ мірѣ все развивается органически, и если само искусство имѣетъ свое зарожденіе, свой расцвѣтъ и свой упадокъ, то и вліяніе искусства имѣетъ свои стадіи, смотря по тому, на какую почву оно падаетъ.

Изъ тѣхъ культурно-историческихъ примѣровъ, которые приводитъ Геннекенъ, мы должны, слѣдовательно, вывести заключеніе, что всякій народъ, если хочетъ сохранить бодрость и свѣжесть своихъ силъ, долженъ умѣть вò-время остановиться въ своемъ увлеченіи искусствомъ, чтобы не подпасть его атрофирующему вліянію. Задача, очевидно, трудная, но которая становится еще труднѣе, если мы приложимъ ее не къ цѣлому народу, а къ отдѣльнымъ личностямъ, изъ которыхъ народъ составляется. Человѣкъ родится не на первой стадіи человѣческаго развитія,—онъ съ момента своего рожденія принадлежитъ тому періоду эстетической культуры, который присущъ его эпохѣ; исторія индивидуальнаго эстетическаго развитія поэтому не представляетъ собой уменьшенную картину развитія народа; вся подготовительная работа, которою народъ дошелъ до даннаго момента, вложена въ человѣка наслѣдственно, если онъ принадлежитъ къ культурной расѣ: искусство застаетъ человѣка съ самыхъ юныхъ лѣтъ под-

[1]) E. Hennequin, Op. cit, p. 200—210 Это положительное вліяніе эстетически возбуждаемыхъ страстей собственно сводится къ теоріи Аристотеля объ „Очищеніи“. См. книгу Д. В. Аверкіева: „О Драмѣ“. Спб., 1893, стр. 209—213.

готовленнаго подпасть подъ то вліяніе, которое оно оказываетъ на современную ему эпоху: понятно, какъ трудно человѣку одаренному сильными эстетическими стремленіями, и который вступаетъ въ жизнь въ позднѣйшую эпоху эстетической культуры, не поддаться разслабляющему вліянію искусства. Если не легко опредѣлить для цѣлаго народа ту точку, на которой ему слѣдовало остановиться въ своихъ эстетическихъ увлеченіяхъ, то какъ же указать ее человѣку, который начинаетъ развитіе и примѣненіе своихъ способностей уже въ сферѣ нежелательныхъ результатовъ, предшествовавшихъ эпохъ. Нравственно-облагораживающая цѣнность искусства здѣсь становится въ зависимость отъ природы того человѣка, на котораго оно дѣйствуетъ. Чѣмъ человѣкъ проще, ближе къ природѣ, чѣмъ меньше въ немъ унаслѣдованныхъ результатовъ эстетической культуры предъидущихъ поколѣній, тѣмъ лучшую почву найдетъ искусство для благотворнаго воздѣйствія; напротивъ, чѣмъ утонченнѣе, чѣмъ дальше отъ природы человѣкъ, чѣмъ больше въ немъ безсознательныхъ результатовъ унаслѣдованной культуры, тѣмъ менѣе искусство будетъ въ состояніи выказать на немъ свое облагораживающее вліяніе и тѣмъ лучшую почву найдетъ оно для безплоднаго отвлеченія и атрофированія жизненныхъ силъ. Вотъ почему то же самое искусство, которое на низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія находитъ полный просторъ для благотворнаго и нравственнаго вліянія, можетъ сдѣлаться въ культурныхъ расахъ, и въ особенности въ такъ называемыхъ высшихъ слояхъ общества, безнравственнымъ источникомъ душевнаго квіэтизма, артистическаго эпикурейства и полной духовной атараксіи въ сферѣ практической жизни.

По той же причинѣ, когда намъ случается встрѣтить человѣка, который условіями жизни поставленъ въ необходимость вѣчно думать о поддержаніи своего существованія, и который, несмотря на это, временами находитъ въ своей душѣ откликъ на прекрасное, мы проникаемся величайшимъ уваженіемъ къ нему: его увлеченіе красотой является результатомъ побѣды духа надъ матеріальными заботами, онъ на время заставилъ замолчать въ себѣ инстинкты первѣйшей необходимости, для того, чтобы среди жизненной нищеты подарить себѣ то, чего не можетъ купить ни одинъ богачъ, если въ немъ нѣтъ художественной искры. Напротивъ, человѣкъ, самою жизнью избавленный отъ заботы о самосохраненіи, который ничѣмъ не рискуетъ, удѣляя значительную долю своего времени и своихъ способностей на художественное созерцаніе, являетъ намъ картину мягкаго, изнѣженнаго сибаритизма и внушаетъ невольное недовѣріе какъ къ силѣ своего

характера, такъ и къ самой искренности своихъ увлеченій. Въ первомъ случаѣ мы видимъ результатъ борьбы духа, идущаго противъ теченія и вырывающагося изъ горнила жизни на свободу; во-второмъ случаѣ—результатъ отсутствія борьбы, характеръ, спокойно плывущій по теченію и, можетъ быть, въ горнилѣ жизни никогда не бывавшій. Два полюса этого контраста представляютъ изъ себя съ одной стороны художникъ, который изъ нищеты и мрака неизвѣстности силою своего таланта возносится на вершину славы, съ другой стороны—любитель-коллекціонеръ, который, родившись на вершинѣ соціальной лѣствицы, окруженный полнымъ благосостояніемъ, умираетъ ненужный для міра и уноситъ съ собой въ могилу свою безплодную любовь къ красотѣ.

Эта сторона воздѣйствія искусства станетъ намъ еще яснѣе, когда мы разсмотримъ тѣ условія, при какихъ эстетическія волненія вообще возможны: постараемся ихъ выяснить, чтобы тѣмъ окончательно обнажить искусство предъ судомъ нравственности.

Мы упоминали выше о томъ, что эстетическое волненіе есть результатъ такихъ наклонностей, которыя не связаны съ чувствомъ самосохраненія; мы увидимъ ниже, что оно возможно въ человѣкѣ лишь при условіи сознанія своей безопасности.

Возьмемъ самый простой примѣръ. Предъ нами картина, изображающая тусклый, непривѣтливый ноябрьскій день: съ сѣраго, низкаго неба, накрапываетъ холодный дождикъ; по необозримой равнинѣ тянется унылая дорога, и по грязнымъ лужамъ, между колеями, въ которыхъ сверкаетъ дождевая вода, идетъ продрогшій путникъ; ему холодно, ему жутко, дорога безконечна, мелкій дождь колетъ ему лицо, но мы смотримъ на картину и наслаждаемся,—наслаждаемся именно всѣмъ тѣмъ грустнымъ и непривѣтливымъ, что̀ на ней изображено. Теперь представьте, что мы сами попали въ такую обстановку, что мы сами тотъ путникъ, который ступаетъ по грязи,—будемъ ли мы способны къ какому-нибудь эстетическому воспріятію того самаго пейзажа, изображеніе котораго намъ доставляло такое удовольствіе? конечно, нѣтъ; достаточно будетъ перваго болѣзненнаго прикосновенія природы, чтобы сразу пресѣчь всякую попытку на эстетическое отношеніе къ дѣйствительности; почему? потому что между нашими эстетическими наклонностями и тѣмъ предметомъ, который вызывалъ ихъ къ дѣятельности, закралось чувство самосохраненія, потому что, вмѣсто того, чтобы возбуждать художественные инстинкты нашей природы, окружающая дѣйствительность бьетъ по самымъ жизненнымъ ея инстинктамъ и такимъ образомъ не оставляетъ ни мѣста, ни досуга для отвлеченія.

Кто захочетъ распространить этотъ частный примѣръ на всѣ искусства вообще, тотъ долженъ будетъ признать, что непремѣнное условіе эстетическаго волненія, безъ котораго оно прямо невозможно, есть усыпленное чувство самосохраненія: достаточно этому чувству пробудиться, чтобы самое сильное художественное волненіе исчезло подъ натискомъ дѣйствительности, чтобы самыя яркія картины въ мірѣ вымысла и отвлеченія пропали отъ прикосновенія жизни, какъ марево въ пустынѣ.

Такимъ образомъ воспріятіе красоты въ природѣ возможно лишь при сознаніи своей безопасности; то же самое море, которое было для насъ полно прелести, пока мы мирно плыли по его поверхности, теряетъ для насъ всякую эстетическую цѣнность, какъ только нашъ челнъ подвергается опасности; но красота опять вступаетъ въ свои права, когда мы, выбравшись на берегъ, смотримъ на разъяренную стихію съ высоты гранитнаго утеса. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что увѣренность въ безопасности должна возростать соразмѣрно грандіозности того зрѣлища, которымъ мы любуемся: чѣмъ больше наше физическое ничтожество предъ какимъ-либо явленіемъ, тѣмъ больше нужно намъ сознаніе безопасности для того, чтобы овладѣть нравственнымъ его смысломъ и быть въ состояніи имъ любоваться. Еслибы Плиній, взобравшійся на Везувій, чтобы наблюдать изверженіе, не былъ засыпанъ лавою, и могъ видѣть гибель Геркуланума и Помпеи, то, конечно, онъ испыталъ бы одно изъ сильнѣйшихъ впечатлѣній, какія человѣку дано испытать въ области возвышеннаго. Неронъ задалъ себѣ одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ эстетическихъ праздниковъ, когда съ высоты Палатинскихъ дворцовъ, глядя на пылающій Римъ, воспѣвалъ пожаръ Трои; если онъ могъ пѣть въ такой моментъ, то потому, что зналъ, что его дворецъ не загорится [1]).

---

[1]) Кому случалось наблюдать за впечатлѣніемъ страшнаго зрѣлища на дѣтей, тотъ могъ замѣтить, что ощущеніе удовольствія и радости наступаетъ лишь по окончаніи представленія, такъ сказать, по минованіи опасности. Намъ пришлось однажды видѣть въ циркѣ, какъ ребенокъ въ неистовомъ восторгѣ хлопалъ въ ладоши и требовалъ повторенія какого-то фокуса, который сопровождался пальбой изъ револьвера; какъ только желанная пальба возобновлялась, онъ съ ужасомъ пряталъ свое лицо въ шубу матери и оставался такъ во все время перестрѣлки, но лишь только пальба прекращалась, онъ, сіяющій, выскакивалъ къ рампѣ и аплодировалъ пуще прежняго. Очевидно, ребенокъ не имѣлъ силы противопоставить чувству ужаса сознаніе безопасности, и потому удовольствіе, вмѣсто того, чтобы вытѣснить ощущеніе страха, съ нимъ чередовалось: пока длился страхъ, не было удовольствія, но какъ только возвращалось сознаніе безопасности, онъ, такъ сказать заднимъ числомъ, восторгался тѣмъ самымъ, что за минуту передъ тѣмъ его повергало въ ужасъ.

Но жизнь не можетъ дать намъ всегда то сознаніе безопасности, которое необходимо для отвлеченія изъ нея красоты, и вотъ есть люди, которые полагаютъ въ этомъ работу своей жизни; художники отвлекаютъ красоту изъ природы, воплощаютъ ее въ матеріи, и въ искусствѣ создаютъ такую область, въ которой человѣкъ можетъ безъ опасенія для себя наслаждаться всякимъ проявленіемъ красоты. И въ этомъ опять-таки заключается обоюдоострое оружіе искусства. Раскрываясь человѣку только въ тѣ минуты, когда онъ свободенъ отъ заботы самосохраненія, оно съ одной стороны заставляетъ его искать всевозможныхъ предлоговъ, чтобы стряхнуть съ себя эту заботу, и своею заманчивою прелестью отвлекаетъ его отъ житейскихъ обязанностей въ отношеніи себя самого и ближняго; но съ другой стороны, — своимъ могущественнымъ вмѣшательствомъ въ жизнь, врываясь въ душевный строй человѣка помимо него, иногда въ самые тяжелые часы борьбы за существованіе, искусство силою своего очарованія извлекаетъ человѣка изъ житейской борьбы, даруетъ ему минуты отдыха и покоя, а потому и силу на дальнѣйшее исполненіе своего долга.

Укажемъ здѣсь на послѣднюю опасность со стороны искусства, которая собственно не является прямымъ его результатомъ, но которая, конечно, въ искусствѣ встрѣчаетъ сильную поддержку. Мы говоримъ объ исключительномъ развитіи эстетическаго отношенія къ дѣйствительности.

Люди, одаренные отъ природы слишкомъ чуткою отзывчивостью къ красотѣ, склонны всякое явленіе жизни оцѣнивать прежде всего, а иногда исключительно, съ эстетической точки зрѣнія. Не трудно убѣдиться, къ какимъ результатамъ должна привести эта способность откликаться *только* на красоту явленій и находить въ своей душѣ запасъ негодованія и порицанія *только* для уродливости ихъ; необходимое условіе наслажденія красотой — усыпленное чувство самосохраненія — становится здѣсь необходимымъ условіемъ жизни, и всѣ старанія человѣка направлены къ тому, чтобы усыпить его путемъ разобщенія со всѣмъ, что въ жизни причиняетъ болѣзненное прикосновеніе — прежде всего съ чужою жизнью, съ чужимъ горемъ. Тогда выработывается способность смотрѣть на чужія страданія, какъ мы смотримъ на нихъ въ театрѣ, т.-е. плакать слезами, которыя не причиняютъ боли; тогда преступленіе можетъ вызвать восторгъ своею красотой вмѣсто того, чтобы вырвать крикъ негодованія своей безнравственностью. Тутъ уже нѣтъ границъ въ смыслѣ уклоненія отъ нравственнаго закона; отъ безразличія къ чужому горю не далеко до насла-

жденія чужими страданіями; звѣрства такихъ людей, какъ Неронъ и Иванъ Грозный, гораздо глубже коренятся въ ихъ эстетическихъ инстинктахъ, чѣмъ въ физическихъ; они истязали не потому, что удовлетворяли свою кровожадность, но потому, что упивались красотою преступленія. Калигула былъ утонченный эстетикъ зла, когда жалѣлъ о томъ, что у всѣхъ людей не одна голова, для того, чтобы заразъ обезглавить человѣчество; онъ сознавалъ неутолимость своихъ вожделѣній и предпочиталъ уничтожить самый предметъ своихъ желаній.

Въ наши времена подобныя излишества уже немыслимы, но значитъ ли это, что въ современныхъ намъ людяхъ съ слишкомъ односторонними инстинктами не таится возможное ихъ пробужденіе? Люди въ наше время такъ не поступаютъ? Но вѣдь нравственная цѣнность человѣка измѣряется не тѣмъ, чего онъ не дѣлаетъ, а тѣмъ *по какимъ побужденіямъ* онъ не дѣлаетъ. Но когда вся жизнь съ своимъ безконечнымъ разнообразіемъ добра и зла, правды и неправды, можетъ превратиться въ одинъ матеріалъ для эстетическаго отвлеченія, когда весь міръ можетъ превратиться въ Пантеонъ для созерцанія красоты, то невольно приходится придти къ заключенію, что поклоненіе красотѣ ведетъ въ другую сторону, а не къ поклоненію добру [1]).

Подобное отношеніе къ дѣйствительности должно дать въ порядкѣ нравственныхъ явленій результатъ, который можно сравнить съ тѣмъ, что̀ бы получилось въ мірѣ физическомъ отъ сведенія трехъ измѣреній къ двумъ: люди, явленія, дѣянія, какъ бы теряютъ свой объемъ и представляютъ одну лишь поверхность,—тѣло исчезаетъ, остается одѣяніе; ибо сущность, зерно всего существующаго заключается въ его нравственной цѣнности, а видѣть въ явленіяхъ одну лишь эстетическую цѣнность—значитъ превращать вселенную въ пустоцвѣтъ. Достоевскій сказалъ, что „красота спасетъ міръ“,—нѣтъ, когда міръ будетъ спасенъ, онъ будетъ спасенъ добромъ, а тѣ, кто называетъ добро нравственною красотой, отдѣлываются игрою словъ; красота не есть добро, и если они могутъ совпадать, то это не доказываетъ ихъ тождества; красота не можетъ замѣнить добра, точно такъ, какъ вкусъ не можетъ замѣнить совѣсти.

---

[1]) Древняя Греція, которая возвела поклоненіе красотѣ въ религію, должна была принять подъ покровительство закона такіе способы сбереженія красоты женскаго тѣла, которые претятъ нравственному чувству и во всѣ времена считались и считаются позорными.

Вотъ тѣ факты, мысли и соображенія, съ которыми приходится считаться, если поставить вопросъ объ отношеніяхъ нравственности и искусства такъ, какъ мы его поставили въ началѣ нашего изслѣдованія; далеко не считаемъ исчерпаннымъ весь матеріалъ, который затрогиваетъ интересующій насъ вопросъ, но думаемъ, что предъидущія разсужденія позволяютъ намъ придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о нравственной цѣнности искусства.

Само по себѣ оно ни нравственно, ни безнравственно—оно *безразлично*. Это безразличіе именно и есть то свойство, которое ставитъ вліяніе искусства въ зависимость отъ почвы, на которую оно падаетъ, и обусловливаетъ противоположность его результатовъ съ точки зрѣнія нравственности. Если же мы въ нашемъ изслѣдованіи останавливались преимущественно на его безнравственныхъ результатахъ, то не потому, чтобы мы говорили вмѣстѣ съ Оскаромъ Уайльдомъ: „All art is immoral“, не потому, чтобы мы не понимали, какимъ могучимъ *союзникомъ* искусство можетъ сдѣлаться для увлеченія человѣка на путь добра, или отрицали участіе искусства въ историческомъ стремленіи человѣчества къ совершенствованію, но потому что хотѣли этимъ путемъ ярче выставить раздѣльность эстетическаго и этическаго критеріевъ. Ясно, что искусство заключаетъ въ себѣ огромную силу, способную при *исключительномъ* своемъ развитіи увлечь человѣка въ сторону совершенно противоположную нравственности. Не даромъ съ незапамятныхъ временъ искусство устрашало всѣхъ радѣтелей нравственности, и не съ одной только цензурной точки зрѣнія по отношенію къ содержанію его. Мы, конечно, не говоримъ о тѣхъ обскурантныхъ воззрѣніяхъ, которыя смотрѣли на театръ какъ на бѣсовскія игрища,—самые свѣтлые, просвѣщенные умы предпочитали изъять изъ жизни этотъ опасный стимулъ искусственныхъ страстей. Платонъ, который самъ былъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ міра, изгналъ поэтовъ изъ своей республики; Сенека громилъ противъ разслабляющаго вліянія театральныхъ представленій; кому не извѣстно отношеніе представителей церкви къ искусству, которые видѣли въ немъ—и не въ первыя только времена христіанства—самое сильное подстрекательство къ наслажденію земными благами? Во всѣхъ этихъ опасеніяхъ если и не выражено прямо, то чуется не столько боязнь предъ безнравственными сюжетами, сколько боязнь красоты; извѣстно, что многіе аскетическіе писатели возставали даже противъ благолѣпнаго пѣнія въ церквахъ. Единственно страхомъ предъ красотой объясняется это инстинктивное недовѣріе къ искусству, и послѣ тѣхъ крайностей, которыя мы видѣли, нельзя не признать нѣкотораго осно-

ванія за этими опасеніями,—только прибавимъ тутъ же, что одинаковаго опасенія заслуживаетъ всякое увлеченіе крайностью: и наука можетъ изсушить ученаго и атрофировать его для жизни, и слишкомъ исключительное исполненіе нравственнаго предписанія религіи о личномъ спасеніи можетъ превратиться въ своего рода эгоизмъ.

Итакъ, нравственность и искусство представляютъ изъ себя двѣ раздѣльныя области; само ихъ проникновеніе въ жизнь настолько различно, что исключаетъ обязательность совпаденія: они очерчены различными границами. Принципъ нравственности—обузданіе, она исключаетъ извѣстныя формы развитія жизни; принципъ искусства—свобода, оно допускаетъ всѣ формы развитія жизни и, по выраженію одного французскаго критика [1]), „не знаетъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя ему предписываютъ красота и вкусъ".

Также точно разграничены и тѣ стороны нашей природы, которыми мы познаемъ *красоту* явленій или *доброту* ихъ [2]). Этимъ объясняется, почему насильственное привлеченіе элемента нравственности въ искусство никогда не давало богатыхъ результатовъ съ точки зрѣнія эстетики. Еще Шиллеръ жаловался на то, что усиленное стремленіе сдѣлать нравственно-прекрасное конечной цѣлью искусства дало такъ много посредственнаго какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи искусства [3]). „Comme la morale et l'art sont l'une et l'autre de belles et bonnes choses",—сказалъ другой французскій писатель [4]). „On a pensé, bien à tort, qu'en les mêlant on rendrait le plaisir plus intense et plus salutaire". Нѣтъ, какъ несліянны эти двѣ области, такъ несоединимы и тѣ наслажденія, которыя онѣ доставляютъ. Самую блистательную неудачу въ этомъ отношеніи представляетъ попытка Джона Роскина объяснить этическими соображеніями эстетическую цѣнность пластическихъ искусствъ. Онъ своей личностью и всѣмъ своимъ трудомъ представляетъ живое воплощеніе той несліянности, въ которой пребываютъ эти два элемента въ отношеніи другъ друга. Въ немъ все время борется моралистъ съ эстетикомъ, и вся его система представляетъ чередованіе созиданія и саморазрушенія: эстетикъ воздвигаетъ, моралистъ опрокидываетъ; эстетикъ

---

[1]) G. Larroumet, „Etudes d'histoire et de critique dramatique". Paris, 1892, p. 283.

[2]) Обѣ онѣ въ свою очередь разграничены отъ той стороны нашей природы, которою мы познаемъ *истинность* явленій.

[3]) Schiller, „Ueber den Grund des Vergnügens an tragischen Gegenständen".

[4]) C. Martha, „La délicatesse dans l'art". Paris, 1884, p. 149.

сперва по-неволѣ уступаетъ, а потомъ обосновываетъ свою уступку теоретически и снова воздвигаетъ на своихъ же собственныхъ развалинахъ.

Какая же нравственная оцѣнка подобаетъ служителямъ красоты: художнику, который ее воплощаетъ, и любителю, который ею наслаждается?

Оцѣнка художника ясно опредѣлится, если вспомнимъ, въ чемъ Шиллеръ полагалъ цѣль искусства. Возражая тѣмъ, которые признаютъ удовольствіе слишкомъ унизительною цѣлью, онъ говоритъ, что не слѣдуетъ относиться къ ней съ пренебреженіемъ, не слѣдуетъ смѣшивать удовольствій житейскихъ съ тѣмъ, что̀ было бы приличнѣе назвать *радостью*. Всякій истинный цѣнитель искусства пойметъ смыслъ этого слова; всякій почувствуетъ, что въ этомъ—самая суть воздѣйствія искусства, потому что безъ ощущенія радости даже нѣтъ и не можетъ быть пониманія его; и художникъ даруетъ человѣчеству источникъ этой радости. Если къ тому же вспомнимъ, что искусство способно воспитывать въ человѣкѣ чувство состраданія, то мы увидимъ, что оно даетъ ему то, къ чему сводятся предписанія всѣхъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи ближняго; если прибавимъ, наконецъ, что, врываясь въ жизнь человѣка, искусство заставляетъ его забыть борьбу за существованіе, то мы признаемъ, что художникъ обезпечиваетъ человѣку,—хотя на краткія мгновенія,—то самое, что̀ составляетъ конечное стремленіе всѣхъ соціальныхъ ученій. Кажется,—достаточное право на нравственную заслугу предъ ближнимъ; какъ бы художникъ ни исполнялъ, съ точки зрѣнія закона, заповѣдь личнаго своего спасенія, — онъ даруетъ человѣчеству одинъ изъ видовъ счастія на землѣ,—и это не можетъ не быть ему зачтено.

Что касается любителя красоты, поклонника чужого творчества, то онъ долженъ помнить, что есть нѣчто высшее, предъ чѣмъ красота должна склонить голову, и во имя чего онъ обязанъ пожертвовать предметомъ своего обожанія; это высшее, подчиняющее, повелѣвающее, есть—добро.

Кн. Сергѣй Волконскій.

Январь 1893.

ВЪ СОРОЧКѢ РОДИЛСЯ

Романъ, соч. Фр. Шпильгагена.

— Sonntagskind, Roman in sechs Büchern, v. Fr. Spielhagen. Berlin, 1893.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ *).

I.

Изъ дневника отшельника.

Заглавіе не ново; но у меня двѣ причины избрать его для моихъ замѣтокъ. Во-первыхъ, лучшаго мнѣ въ голову не приходитъ, а во-вторыхъ, мнѣ кажется, это дѣйствительно подходящій флагъ для моего „товара".

Я сильно подозрѣваю, — товаръ будетъ довольно пестрый,— чтò не пристало настоящей книгѣ; но когда она и не претендуетъ на такое званіе и не предназначается для постороннихъ глазъ, а должна служить лишь для моей пользы и удовольствія, то это простительно, даже естественно.

Для моей пользы и удовольствія?! Ну да, конечно, если фрау Кёрнеръ была права—а когда же она не бываетъ права!—говоря мнѣ сегодня въ саду:—„Дѣло не въ томъ, чтò вы будете писать, но въ томъ, чтобы вы писали. Мой отецъ говоритъ, что онъ думаетъ только тогда, когда пишетъ. Это одинъ изъ парадоксовъ, которые онъ такъ любитъ. Но часть правды въ немъ несомнѣнно есть".

*) См. выше: мартъ, 95.

Она охотно цитируетъ отца, утверждая, что ему она обязана всѣмъ рѣшительно, и этимъ доказываетъ мнѣ, что склонность свою къ парадоксамъ она во всякомъ случаѣ унаслѣдовала отъ него. И также свою удивительную начитанность, и основательное знаніе новѣйшихъ языковъ, и то, что она читаетъ Горація и Тацита не хуже гимназиста старшаго класса—всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ она, конечно, обязана отцу. Но это не мѣшаетъ ей быть чрезвычайно самостоятельной. Я хочу сказать, что если она говоритъ про своего мужа, что онъ „self-made-man“, то про нее—переносясь изъ практической сферы въ сферу нравственную и умственную—можно сказать, что она „self-made-woman“.

Сегодня послѣ полудня мы два часа гуляли въ саду! Я уже привыкъ смотрѣть на эти воскресныя прогулки какъ на должное; къ сожалѣнію, поздняя осень мѣшаетъ намъ. Но сегодня было чудесно. Теплый солнечный свѣтъ проникалъ сквозь оголенныя деревья; отжившіе листья тихо падали съ нихъ на землю. Въ высокихъ еляхъ, стоящихъ точно пограничная стража между директорскимъ садомъ и графскимъ паркомъ, пѣлъ черный дроздъ. Сладкіе, протяжные звуки не мѣшали нашей бесѣдѣ, равно какъ и радостные крики рѣзвившихся на лугу дѣтей: шестилѣтняго темноглазаго Вольфганга и пятилѣтней Эрны; у послѣдней материнскіе умные сѣро-голубые глаза, и она—моя любимица. Бебé намъ тоже не мѣшалъ: онъ спалъ завиднымъ крѣпкимъ сномъ, да и Гапка, хорошенькая нянька-полька, молчала, не зная и ста словъ по-нѣмецки и не понимая того, что̀ мы говорили.

О чемъ мы, однако, говорили? Да, да!—что я долженъ писать—и я послушно это выполняю; а затѣмъ... Непростительно, право, какъ плохо я запоминаю то, что̀ она говоритъ. Причина тому, я думаю, та, что она такъ хорошо, такъ краснорѣчиво говоритъ. Восхищаясь красивой формой рѣчи, я недостаточно вникаю въ глубину ея содержанія. Еслибы она только не такъ быстро говорила! Мнѣ бываетъ иногда трудно услѣдить за ней. И притомъ звукъ ея голоса такъ симпатиченъ! Странно: а пишетъ она неловкимъ, неуклюжимъ, почти дѣтскимъ почеркомъ, совсѣмъ противоположнымъ твердому, отчетливому почерку той, которая...

Мой милый такъ называемый дневникъ, я еще не настолько освоился съ тобой, чтобы говорить тебѣ рѣшительно все. Позднѣе, быть можетъ, когда мы покороче познакомимся другъ съ другомъ и у меня не будетъ такъ тяжело на сердцѣ, какъ въ эту минуту...

Но вотъ я вспомнилъ кое-что изъ нашего разговора. Мы говорили,—вѣрнѣе, она говорила о современной литературѣ. Странно,—говорила она,—въ прежнее время поэты называли себя избранни-

ками музы и жителями Парнаса. Въ наше время молодые люди открещиваются отъ такой великой чести; увѣряютъ,—къ сожалѣнію не въ смыслѣ пѣсни Беранжé, которой я сочувствую:—„Je suis vilain et très-vilain“, и гордятся, если наука признаетъ ихъ своими усердными слугами. Ну, если они хотятъ больше служить, нежели господствовать,—это ихъ дѣло. Но если господа эти такъ усердно подпиливаютъ вѣтку, на которой сидятъ, то не должны они, конечно, удивляться, если вѣтка подломится, и они ниже упадутъ въ глазахъ разумныхъ людей, чѣмъ-то себѣ представляла ихъ философія (NB: я еще ничего не читалъ изъ Беранжé; надо будетъ попросить у нея при случаѣ его „Пѣсни“).

Нѣтъ, въ обществѣ лучшей изъ женщинъ я дѣйствительно не одинъ; но когда съ наступленіемъ ночи я бродилъ по окрестности... Кругомъ—не было ни души. Бургбергъ—все тотъ же, какъ былъ, когда мы посѣтили его въ день ея именинъ. Въ паркѣ я еще ни разу не былъ. Старыя раны оживляются при видѣ знакомыхъ предметовъ...

Я и по лѣсу хожу неохотно. Между своимъ настоящимъ и прошедшимъ я хочу воздвигнуть толстую стѣну. Конечно, доброму Андерсу, уже два раза посѣтившему меня здѣсь, мнѣ придется отдать визитъ; но для этого я долженъ пойти на шоссе, которое я ненавижу.

„Qu'y a-t'-il de plus beau qu'un chemin?“ — спрашиваетъ Жоржъ-Зандъ въ „Консуэло“. При этомъ она, конечно, не думала о шоссе, а еслибы она знала наше, съ его жалкими деревьями и еще болѣе жалкими одноконными телѣгами, запряженными жалкой клячей, понукаемой пьянымъ мужикомъ, съ вереницами нищенскаго вида мужиковъ, парней и женщинъ, отправляющихся на работу или возвращающихся съ работы, держа въ рукахъ башмаки, чтобы они не такъ скоро снашивались... клянусь небомъ, она бы сказала: „Qu'y a-t-'il de plus laid?“.

Сторожъ высвистываетъ полуночный сигналъ. Онъ звучитъ точь-въ-точь какъ крикъ большого сыча. Вначалѣ я его и принялъ за крикъ сыча: почему бы и не водиться сычамъ въ старыхъ стѣнахъ? Но мнѣ сказали, что это кричитъ сторожъ. Я не повѣрилъ, пока самъ не увидѣлъ. И дѣло объяснилось: онъ самъ похожъ необычайно на стараго филина.

Что за погода сегодня ночью! Около моей башни буря реветъ какъ голодный звѣрь. Большія ели стонутъ передъ окнами и трещатъ, точно имъ приходитъ конецъ. Милыя воскресныя про-

гулки окончательно прекращены. Какъ любезно съ ея стороны было пригласить меня въ зàмокъ пить кофе! Дѣло происходило въ той самой гостиной, гдѣ я разсказывалъ свою сказку. Я замѣтилъ ей, что графиня Сивилла предпочитаетъ „практическую" развязку, по которой Губертъ, лишившись Майской Ночи, дѣлается отшельникомъ и много, много лѣтъ проводитъ въ служеніи бѣднымъ и несчастнымъ.—Это, конечно, тоже прекрасная мысль и совершенно въ духѣ набожной молодой особы,—сказала фрау Кёрнеръ,—но она не такъ поэтична, какъ первая, гдѣ у молодого охотника сердце разрывается съ тоски по милой. Поэзія должна быть логичнѣе, нежели жизнь, и соединять въ толстый узелъ то, чтò въ дѣйствительности расчленяется. Дѣйствительность не можетъ быть послѣдовательной, если хочетъ существовать; поэзія должна быть послѣдовательной и только этимъ она и существуетъ.

Послѣ того мы заговорили о Беранже, „Пѣсни" котораго я прилежно читаю, и конечно прочелъ то стихотвореніе, припѣвъ котораго: „Je suis vilain, vilain, vilain". Это отвѣтъ поэта на ядовитое замѣчаніе его враговъ, что онъ, либеральный пѣвецъ, сохраняетъ частичку „de" передъ своимъ именемъ:

Eh quoi! j'apprends que l'on critique
Le „de" qui précède mon nom.
Etes-vous de noblesse antique?
Moi, noble? oh, vraiment, messieurs, non"...

Онъ не хочетъ знать такого рода благородства:

„J'honore une race commune"...

Я сказалъ ей, что хотѣлъ бы, чтобы передъ моимъ именемъ стояла частичка „von", чтобы иронизировать надъ нею, какъ Беранже,—и даже еще злѣе.

Она засмѣялась, но отвѣчала: „все это прекрасно, но оно не мѣшаетъ тому, чтобы вы, какъ и всѣ поэты, были прирожденнымъ аристократомъ". Я хотѣлъ возразить, что это зависитъ отъ тогó, какъ она понимаетъ слово аристократъ, но не успѣлъ. Вошелъ директоръ, и разговоръ принялъ иное направленіе. Вскорѣ я ушелъ... Я долженъ осмотрительно пользоваться свободой, предоставленной мнѣ.

Нѣтъ! что это за погода! Теперь дождь забарабанилъ въ окна, какъ будто для того, чтобы я живѣе оцѣнилъ чувство безопасности и уютности, какія испытываю въ моей башнѣ.

И всѣмъ этимъ я обязанъ ей! Она такъ же добра, какъ и умна, а этимъ много сказано. Она отлично съумѣла создать мнѣ здѣсь положеніе удобное и безобидное для моего самолюбія. Когда я поступилъ въ контору, меня удручала, грызла мысль, что я все-таки поступаю на службу къ графу. Я ничего объ этомъ ей

не говорилъ; развѣ можно было въ моемъ положенiи ставить какiя-нибудь условiя! Но она сама это почувствовала и устроила такъ, что я служу не писцомъ въ графской конторѣ, а частнымъ секретаремъ главнаго директора, занимаюсь въ его частномъ кабинетѣ, получаю жалованье изъ его собственнаго кармана, занимаю комнату въ его квартирѣ. Обѣдаю я въ ресторанѣ, и это тоже по ея распоряженiю. Такимъ образомъ сохраняется хоть тѣнь независимости, которую я бы вполнѣ утратилъ, еслибы обѣдалъ съ ея слугами въ домѣ. Въ домѣ Марты—иное дѣло. Тамъ я былъ равный между равными и могъ обѣдать за однимъ столомъ со всей семьей...

Мнѣ невольно при каждомъ случаѣ навертывается сравненiе между Мартой и фрау Эвой... Я могу вѣдь такъ называть ее въ своемъ скромномъ дневникѣ?—Конечно, и это вовсе не удивительно. Въ одномъ отношенiи обѣ онѣ равны: въ безграничной добротѣ, съ какой отнеслись ко всѣми заброшенному. Самая преданная, любящая сестра не могла бы сдѣлать больше. И во многомъ другомъ онѣ сходны. Только у фрау Эвы складъ мыслей, какъ оно и естественно, тоньше, возвышеннѣе: онѣ отличаются другъ отъ друга такъ, какъ двѣ дѣвочки, которыхъ я видѣлъ у нея въ альбомѣ, на гравюрѣ, снятой съ одной картины голландской школы и изображающей маленькую принцессу и ея молочную сестру. И она всегда говоритъ о Мартѣ, которая, какъ мнѣ кажется, пишетъ ей отъ времени до времени, съ большимъ уваженiемъ... Мнѣ Марта еще ни разу не писала. Я не знаю почему...

Но это становится, наконецъ, нестерпимо. Вода не остается за окномъ; она образовала цѣлое озеро на широкомъ подоконникѣ и теперь каскадомъ струится на полъ. Еслибы еще она устранила сухость моего дневника!

Желалъ бы я знать, являюсь ли я для моего начальника persona grata, или онъ меня только терпитъ въ угоду ей? Несомнѣнно, что онъ не очень высокаго обо мнѣ мнѣнiя, и я никакъ не могу быть на него за это въ претензiи. Какъ я ни стараюсь хорошо выполнить свое дѣло, какъ тщательно ни разработываю его конспекты, ни переписываю его черновыя бумаги, какъ ни пишу быстро и правильно подъ его диктовку—все это, во-первыхъ, не геройскiя дѣла, а, во-вторыхъ, этотъ человѣкъ давно пришелъ къ заключенiю, что исчерпалъ до конца весь запасъ моихъ способностей, или, говоря другими словами, что я —дуракъ. Я не могу не быть дуракомъ въ глазахъ этого человѣка, который на мой взглядъ обладаетъ талантомъ, вѣрнѣе сказать, генiемъ практичности. Когда я вижу, чего только не заключаетъ

голова этого человѣка, моя собственная начинаетъ кружиться. Я думаю, что нѣтъ ни одной сферы технической дѣятельности, которую бы онъ не изучилъ основательно. Зайдетъ ли рѣчь объ углѣ, стали, желѣзѣ, золотѣ, мѣди, хлопчатой бумагѣ—онъ знаетъ всякое производство, всѣ методы обработки, точно всю жизнь проработалъ надъ этой отраслью. Химію, статику, физику и какъ еще тамъ называются эти зловѣщія науки—онъ изучилъ въ корень, и ему случается поправлять спеціалистовъ, которые, собственно говоря, должны были бы знать свое дѣло лучше, чѣмъ онъ. Подчиненные скорѣе боятся его, нежели любятъ, хотя онъ никогда не кричитъ на нихъ, не горячится и, я убѣжденъ, неспособенъ къ несправедливости. Во всемъ у него на первомъ планѣ дѣло, но это-то, какъ говоритъ фрау Эва, и составляетъ въ глазахъ многихъ людей смертный грѣхъ...

Лампа находитъ, что отслужила сегодня вечеромъ свою службу. Покойной ночи, значитъ! Кому? Кому интересно прощаніе отшельника!

Я прочиталъ фрау Эвѣ написанное мною стихотвореніе; я былъ въ подходящемъ настроеніи: наканунѣ пришло извѣщеніе объ *ея* свадьбѣ съ барономъ Шёнау, адресованное на имя начальника. Такъ какъ она знаетъ, гдѣ я нахожусь—я ей сообщилъ это, когда осенью написалъ нѣсколько поздравительныхъ строкъ по поводу ея помолвки,—то это извѣщеніе имѣло въ виду, быть можетъ, также и меня. Во всякомъ случаѣ я не получилъ особаго извѣщенія. Не стоитъ со мною церемониться!

Свадьба дѣйствительно происходила въ Лондонѣ, и молодая чета проведетъ часть зимы въ имѣніи ближайшаго родственника барона. Весною они отправятся въ Италію. Такъ сообщила мнѣ фрау Эва на основаніи письма отъ жены д-ра Эбергарда.

— Ей теперь почти семнадцать лѣтъ. Какъ она должна быть хороша!..

Когда я читалъ свое стихотвореніе, у меня голосъ дрожалъ, и я почувствовалъ себя совсѣмъ неловко, когда, поднявъ глаза, встрѣтился съ ея умными глазами. Мнѣ казалось, что ихъ взглядъ проникаетъ мнѣ въ самую душу. И чувство не обмануло меня, хотя все, что̀ затѣмъ ни говорила эта чудесная женщина, не было вовсе личными вопросами, ни по оборотамъ рѣчи, ни по выраженіямъ, но сокровенный смыслъ всего сказаннаго я все-же уразумѣлъ.

Во-первыхъ, она нашла стихотвореніе въ общемъ неудовлетворительнымъ, хотя и похвалила отдѣльныя мѣста: впечатлѣніе,

которое желалъ передать поэтъ, недостаточно ясно выражено; онъ впадаетъ въ патологическій тонъ, непріятный для тонкаго слуха. Поэтъ, и въ особенности лирическій, долженъ всегда помнить слова Шиллера, что рука, которая дрожитъ отъ страсти, не должна изображать страсть, потому что не можетъ художественно изобразить ее. Она, конечно, знала, чѣмъ полна моя душа, и если я и не могъ говорить, то для меня было бы наслажденіемъ слушать о ней. И она заговорила со мной о ней... о! какъ нѣжно!.. мнѣ хотѣлось и плакать, и смѣяться отъ удовольствія!

Она еще не видѣла болѣе привлекательнаго созданія и не сочла бы мужчиной человѣка, который могъ бы противостоять *ея* обаянію. Совершенно понятно, что всѣ мужчины лежатъ у ногъ молодой красавицы, и по всей вѣроятности такъ будетъ и дальше. А поэтому она хорошо сдѣлала, что вышла такъ рано замужъ: этимъ она избѣгаетъ опасности; иначе хоръ похвалъ и поклоненіе притупили бы ея чувствительность и впечатлительность. Она должна также заключить по нѣкоторымъ намекамъ жены д-ра Эбергарда, что, покидая графскій домъ, она доказываетъ свой тактъ и свою честность. Она бы не могла дольше въ немъ оставаться, не внося раздора въ фамилію, гдѣ уже и безъ того нѣтъ согласія, и не рискуя вызвать катастрофу. Дай Богъ, чтобы не одни лишь эти соображенія играли роль въ ея рѣшимости; баронъ Шёнау уступаетъ ей въ умственномъ отношеніи, и она всегда готова этому повѣрить! Хотя не слѣдуетъ также забывать, какъ прихотливы бываютъ склонности именно у даровитыхъ женщинъ, и кромѣ того, было бы несправедливо не признать за барономъ Шёнау много достойнѣйшихъ качествъ. Эва одного только опасается: онъ не съумѣетъ распорядиться деньгами, которыя достались ему по смерти родителей. Надо надѣяться, что молодая жена и въ этомъ отношеніи будетъ ему полезной помощницей. Три имѣнія, доставшіяся барону Шёнау, представляютъ собой весьма значительное имущество, но уже всѣ три обложены тяжелыми ипотеками, а этого рода долги ростутъ какъ грибы въ водѣ...

Какъ она ободрила меня этими сообщеніями! Послѣ этого разговора я пошелъ бродить по полямъ, безъ думы, безъ цѣли, и очутился, самъ не знаю какъ, въ Бургбергѣ. Тамъ, при свѣтѣ звѣздъ, сверкавшихъ на темномъ небѣ, бросился я на колѣни и благодарилъ Бога за то, что онъ создалъ *ее* такою же честной, какъ и прекрасной, и молилъ не взыскивать на ней сердечное горе, которое она мнѣ причинила, и сдѣлать ее счастливой, счастливой, счастливой!

Конечно, когда я вернулся сюда назадъ въ свою тѣсную комнатку, гдѣ высокія звѣзды уже не свѣтили надъ моей головой, ночной вѣтеръ не доносился на широкихъ крыльяхъ съ дальнихъ равнинъ,—у меня въ душѣ снова стало мрачно, а сердце сжималось судорожно отъ горечи и гнѣва. Чѣмъ этотъ человѣкъ перещеголялъ меня?—тѣмъ, что года на два старше меня, носитъ титулъ барона и владѣетъ тремя рыцарскими помѣстьями—все вещи, зависящія отъ слѣпой случайности. Во всѣхъ другихъ качествахъ не только нѣтъ ума и сердца, но даже и физической силы; я могу съ нимъ поспорить. И я любилъ ее съ дѣтскихъ лѣтъ; я долгіе годы жилъ только затѣмъ, чтобы угождать ей; терпѣлъ за нее обиды и страданія, изсушившія мою молодость, какъ морозъ побиваетъ цвѣты!

Нѣтъ! она не будетъ счастлива съ этимъ человѣкомъ, хотя онъ и не принцъ-людоѣдъ, а добродушный, дюжинный кавалеръ. Дитя свѣта, какою она кажется, она все-же не можетъ отрѣшиться отъ своей волшебной природы. И придетъ день, когда эта природа возьметъ верхъ, и тогда... бѣдный дюжинный кавалеръ! Тогда ты съ плачемъ пожалѣешь, что не искалъ себѣ жены между дочерьми тебѣ равныхъ, не мечтающихъ о томъ, чтобы носиться въ воздухѣ съ подругами-феями при свѣтѣ мѣсяца въ майскую ночь...

Я чувствую, что рука, которая дрожитъ отъ страсти, не только не можетъ написать хорошихъ стиховъ, но даже и сносной прозы. И во всякомъ случаѣ на сегодняшній вечеръ довольно.

Въ прошлое воскресенье нездоровье бебе́, къ счастью скоро миновавшее, лишило меня послѣ-полуденнаго визита къ ней. Я воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы отдать давно откладываемый визитъ моему доброму Андерсу. Выборъ пути былъ уже внѣ моей власти; я долженъ былъ идти по шоссе; въ лѣсу снѣгъ былъ слишкомъ глубокъ. Но и по шоссе идти было очень трудно, хотя тамъ и сямъ десятокъ людей притворялись, будто расчищаютъ дорогу, и полевой жандармъ съ сизымъ носомъ, верхомъ на худомъ клепперѣ, сомнительно поглядывалъ на одно особенно бойкое мѣстечко.

Моя старая деревня смотрѣла очень печально въ тускломъ послѣ-полуденномъ свѣтѣ съ своими полу-занесенными снѣгомъ хижинами. А пребываніе въ сумрачномъ домѣ моего стараго пріятеля не могло подѣйствовать ободряющимъ образомъ на меня. Они меня ждали, и мы вмѣстѣ пили кофе: Андерсъ, его жена и

я; между тѣмъ какъ мальчишки рядомъ въ горницѣ возились и шумѣли, Андерсъ курилъ трубку; его жена вязала чулокъ,—конечно, чтобы мнѣ доказать, что она стала теперь настоящей хозяйкой. Разговоръ не клеился. Я не могъ никакъ помѣшать ему коснуться несчастнаго случая, лишившаго меня употребленія лѣвой руки. Я долженъ былъ ее показывать, отвѣчать на вопросы: есть ли надежда на выпрямленіе двухъ искривленныхъ пальцевъ? не ощущаю ли я по временамъ боли? и т. д.

Мнѣ жаль было бѣдной женщины: она то блѣднѣла, то краснѣла. Наконецъ, не выдержала и подъ какимъ-то предлогомъ вышла изъ комнаты.

— Не знаю, чтò съ ней такое,—сказалъ Андерсъ.—Она совсѣмъ перемѣнилась, не хочетъ больше гулять, почти не выходитъ изъ дому.

Жена его снова вошла въ комнату. Я спросилъ про Марту.

— Она перешла вмѣстѣ съ д-ромъ Эбергардомъ изъ малаго госпиталя, гдѣ сначала находилась, въ Charité. Она благополучно поживаетъ, но пишетъ рѣдко и коротко: ей некогда много писать.

Наконецъ я могъ уйти; Андерсъ провожалъ меня часть дороги въ наступавшихъ сумеркахъ. Понятно, мы коснулись старыхъ, излюбленныхъ темъ. Трогательно, право, какъ крѣпко вѣритъ старикъ въ спасительную силу соціально-демократическаго ученія. И въ одномъ онъ правъ: наше теперешнее хозяйство безсильно передъ постоянно возростающимъ обѣднѣніемъ низшихъ и нижайшихъ слоевъ общества. Его приверженцы признаются въ своемъ безсиліи, хотя и утверждаютъ, что эта нищета—общественная необходимость, она не можетъ быть искоренена, и въ лучшихъ случаяхъ—только ослаблена и смягчена.

И тѣ, которые дѣлаютъ эту уступку—еще лучшіе, говоритъ Андерсъ; другіе живутъ не задумываясь со дня на день и предоставляютъ всѣ заботы Господу Богу; но есть и еще худшіе: тѣмъ доставляетъ рѣшительное удовольствіе, когда они могутъ ухудшить положеніе бѣдняковъ. Къ такимъ принадлежитъ нашъ графъ. Съ давнихъ поръ и по сіе время бѣдные имѣли право получать безвозмездно изъ лѣсничествъ доски для гробовъ своихъ покойниковъ; теперь графъ объявилъ, что впредь за эти доски будетъ дѣлаться вычетъ.

Я сказалъ Андерсу, что оберъ-директоръ энергически протестовалъ противъ этого варварскаго скряжничества,—но къ несчастію напрасно. Я самъ переписывалъ эти бумаги.

— Вѣрю тебѣ,—отвѣчалъ Андерсъ:—но въ томъ-то и дѣло,

что даже лучшіе, къ какимъ принадлежитъ оберъ-директоръ, не властны что-либо измѣнить, пока люди не рѣшатся вырвать зло съ корнемъ, т.-е. выкинуть за бортъ всю свою общественную и экономическую теорію и практику. А отъ этого оберъ-директоръ также далекъ, какъ и самъ графъ.

Я былъ бы радъ опровергнуть Андерса, но не могъ.

Печальный вернулся я домой.

Не могу выкинуть изъ головы воспоминанія о времени, проведенномъ у Андерса. Какой безгранично негостепріимной казалась мнѣ нищенская горница! Какой удушливый, спертый воздухъ! Я просидѣлъ тамъ всего часъ, но прожилъ тамъ два года. Когда я объ этомъ подумаю, то мнѣ дѣлается почти дурно. Неужели она права, называя меня скрытымъ аристократомъ? Ну да! у меня инстинктивное отвращеніе ко всему безобразному. Но развѣ это аристократизмъ? Въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть и такъ, но не въ высшемъ и благороднѣйшемъ. Въ высшемъ и благороднѣйшемъ дядя Андерсъ гораздо болѣе аристократъ, чѣмъ графъ, хотя не обойдетъ лужи, если можетъ этимъ сократить дорогу, и не особенно часто мѣняетъ бѣлье. По-моему, существуютъ физическія и нравственныя анти-эстетическія безобразія. Обыкновенно называютъ аристократомъ того, кого возмущаютъ первыя, хотя бы онъ былъ совершенно равнодушенъ ко вторымъ. Но Гёте заставляетъ своего Ореста сказать: „А если не любишь солнца и звѣздъ, то ступай за мной въ темную ночь тѣней!" Конечно, Гёте и его принцъ врядъ ли думали при этомъ о тѣняхъ, которыя грозно витаютъ въ хижинахъ бѣдняковъ и несчастныхъ.

Если такъ пойдетъ и дальше, то ты, мой милый дневникъ, не потолстѣешь и не достигнешь преклонныхъ лѣтъ. Послѣдняя запись была сдѣлана въ концѣ ноября, а теперь уже конецъ февраля. Но я долженъ пользоваться всякой свободной минутой для пополненія своего образованія. Я пришелъ къ этому заключенію, когда Эва попросила у меня грамматическаго объясненія одного мѣста у Тацита, и я не съумѣлъ отвѣтить. Мнѣ было ужасно стыдно, хотя она ласково утѣшала меня. Да и еще съ латинскимъ не трудно наладить дѣло теперь, когда я снова принялся за старыхъ друзей, но съ греческимъ—совсѣмъ нехорошо. Старикъ Гомеръ еще милостивъ ко мнѣ. Но трагиковъ и tutti quanti приходится изучать посредствомъ хорошихъ переводовъ.

Я утѣшаю себя мыслью, что съ Гёте и Шиллеромъ была та же исторія; главное, и они довольствовались переводами, а потому при занятіяхъ мнѣ слѣдуетъ всегда помнить слова Веніамина Франклина и „не покупать слишкомъ дорого своей трубки".

Ну, вотъ и весна наступила во всемъ своемъ великолѣпіи, и... *она* уже двѣ недѣли, какъ находится въ Италіи. Какая жалкая вещь — человѣческое сердце! Когда милая фрау Кёрнеръ сообщила мнѣ это изъ письма жены доктора Эбергарда, у меня глухо заныло въ груди и въ глазахъ потемнѣло. Но это такъ же скоро прошло, какъ боль въ рукѣ, которую я иногда ощущаю въ худую погоду.

Въ Италіи! Великій Боже! когда я вспомню все то, чтò разсказывалъ намъ про Италію добрый патеръ за урокомъ географіи: про Монте-Пинчіо, съ котораго открывается видъ на вѣчный городъ и на соборъ св. Петра; про форумъ, Колизей, Via Appia, которая ведетъ черезъ бурую Кампанью, мимо полу-разрушенныхъ памятниковъ и гордыхъ акведуковъ къ голубымъ Сабинскимъ горамъ; про улыбающійся Неаполь съ Везувіемъ, на вершинѣ котораго вьется облачко дыма, про блестящую цѣпь городовъ и мѣстечекъ, окаймляющихъ заливъ, съ одного высокаго пункта, на мысѣ, который онъ, кажется, называлъ Скари-Катайо; передъ глазами упоеннаго зрителя открываются оба залива: Неаполитанскій и Амальфи, съ выступающими на нихъ скалистыми островами: Капри, Исхіей, Прочидой... И я, когда добрый человѣкъ такъ краснорѣчиво это описывалъ, смотрѣлъ *ей* въ глаза и видѣлъ, какъ они становились все шире и болѣе блестящи, между тѣмъ какъ красныя губки раскрывались, а тонкія ноздри дрожали, какъ будто вдыхали ароматъ розъ, увивающихъ бѣлыя стѣны, и золотыхъ апельсиновъ, сверкающихъ въ темной листвѣ садовъ... Моей лучшей мечтой было увидѣть когда-нибудь всѣ эти чудеса... и не одному... а съ *нею*... А теперь, теперь! Теперь она находится въ странѣ моихъ грёзъ... но не со мной, а съ нимъ, котораго я ненавижу! Глупый я мальчикъ! только-что мнѣ удастся убѣдить себя, что я думаю о ней спокойно, и братски радуюсь ея счастію; что я принадлежу къ счастливцамъ, которые забываютъ о томъ, чего измѣнить не въ состояніи, — и вдругъ прихожу опять въ возбужденное состояніе, и оно мнѣ доказываетъ совсѣмъ противное!

Чтò бы сказала фрау Эва, еслибы она меня увидѣла! Побранила бы меня? Для этого она слишкомъ добра, слишкомъ со-

страдательна. Но, можетъ быть, она бы посовѣтовала мнѣ докончить стихотвореніе, которымъ я хотѣлъ ей доказать, что и я также могу писать на тему обманутой и презрѣнной любви, рукой, „которая не дрожитъ отъ страсти". Примусь за него немедленно... Ахъ, что-жъ такое! Никто не заглядываетъ мнѣ черезъ плечо... Что за вереница печальныхъ недѣль! Вольфгангъ и моя любимица Эрна были больны скарлатиной, и можно было опасаться худшаго. Начальникъ, особенно поглощенный въ это время обязанностями службы, вынужденъ бывалъ по цѣлымъ днямъ— иногда даже недѣлямъ — покидать опасно больныхъ дѣтей и оставлять ее одну въ тяжкихъ заботахъ и мучительной тревогѣ! Что за героиня, эта женщина! Хотя бы внутренній страхъ снѣдалъ ее! Нѣтъ, я не видѣлъ, чтобы она хоть на минуту потеряла самообладаніе и спокойствіе... Я помогалъ сколько и когда могъ! И она была такъ благодарна за то немногое, что я могъ сдѣлать! Въ одну страшную ночь, когда малютки, казалось, не переживутъ, я поѣхалъ за докторомъ, и онъ оставилъ насъ со словами надежды, которыя, казалось, не хотѣли сойти у него съ губъ; мы усѣлись у кроватокъ, другъ противъ друга, она отвернула лицо къ окну, сквозь которое глядѣло сѣрое утро; это милое лицо было блѣдно какъ смерть и такъ торжественно спокойно, точно все земное отъ него отлетѣло и оно выступало изъ другого міра, міра духовъ, о которомъ мы, бѣдные смертные, думаемъ съ чувствомъ страха и смущенія. Я не могъ удержаться: опустясь на колѣни, я поднесъ къ губамъ ея бѣлую руку. Она не отняла ее. Мы ни слова не сказали другъ другу, но съ тѣхъ поръ она называетъ меня по имени. Ея мужъ немного удивленно взглянулъ на нее, когда она такъ назвала меня въ его присутствіи. Съ тѣхъ поръ онъ уже привыкъ къ этому, хотя самъ по прежнему называетъ меня: г. Арнольдъ, а не Юстъ.

И едва успѣла разсѣяться черная туча, висѣвшая надъ нами, и мы снова вздохнули свободно... начался ужасный судъ присяжныхъ. Два съ половиной года тянулось это тяжкое дѣло. Ровно два года тому назадъ, слѣдователь и прокуроръ настолько подвинули его, что оно должно было разбираться въ тогдашнюю сессію. Я былъ счастливъ, что моихъ показаній не потребовалось... да и что бы я сказалъ! Но первое рѣшеніе было кассировано имперскимъ судомъ за грубую ошибку въ процедурѣ.

Пришлось начинать сначала, потому что новый прокуроръ сталъ на новую точку зрѣнія. Затѣмъ возобновившійся процессъ былъ прерванъ на половинѣ, потому что новый защитникъ нашелъ и доказалъ суду, что не можетъ обойтись безъ одного сви-

дѣтеля. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ поискахъ за этимъ свидѣтелемъ, скрывшимся въ русской Польшѣ, пока его не выслѣдили, и дѣло поступило вновь на судъ присяжныхъ. Чего я только не выстрадалъ! Слава Богу, теперь все кончено.

Шкапчикъ, приговоренный въ первый разъ къ смертной казни, отдѣлался пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Зато негодяю Лёбу прибавлено еще нѣсколько лѣтъ каторги; остальные отдѣлались легче, чѣмъ того заслуживали; одного—совсѣмъ юношу—признали невиновнымъ. Слава Богу! у него такіе глупые, добрые глаза, и онъ, конечно, былъ невольнымъ свидѣтелемъ злодѣянія. На другой день я посѣтилъ могилу моихъ родителей, и это нѣсколько успокоило мою взволнованную душу. И кромѣ того я могъ разсказать ей про моихъ родителей: какой статный, горделивый человѣкъ былъ отецъ, и какая чистая, святая душа была у моей незабвенной матери!

Я прочиталъ ей мое новое стихотвореніе. Она нашла, что оно гораздо лучше перваго. Я очень счастливъ. Но теперь мнѣ надо серьезно приняться за повѣсть. Я такъ же старъ, какъ и испанскій инфантъ, и такъ же мало сдѣлалъ для безсмертія, какъ и онъ. — Это сжигаетъ мнѣ душу съ тѣхъ поръ, какъ Изабелла попрекнула меня этимъ въ своемъ послѣднемъ жестокомъ письмѣ.

Боже, какъ время летитъ! Вотъ уже снова опадаетъ листъ съ деревьевъ, а послѣднія страницы повѣсти еще не дописаны. Но какъ могъ я знать, что изъ повѣсти разовьется цѣлый романъ! Эва мнѣ это предсказывала.

Наконецъ! Полъ-зимы ушло, не бѣда! Тише ѣдешь—дальше будешь. Лишь бы доѣхать! А доѣхалъ ли я съ моимъ романомъ? удался ли онъ? Я, право, этого не знаю, да и она говоритъ, что тоже не знаетъ. Романъ выросталъ на ея глазахъ, глава за главой. У нея такое ощущеніе, точно она его сама написала. Я сказалъ: болѣе тонкой похвалы я бы не могъ услышать изъ устъ величайшаго критика въ мірѣ. Она отвѣчала, усмѣхаясь:—Юстъ, съ нѣкоторыхъ поръ вы усвоили привычку льстить, и я васъ отъ этого предостерегаю. Во-первыхъ, это совсѣмъ къ вамъ не идетъ, а во-вторыхъ, я на это ухо глуха, какъ говорятъ французы.—И затѣмъ прибавила серьезно:—И если допустить даже, что я могу

судить объективно, безъ всякихъ субъективныхъ впечатлѣній,—то отъ этого мы еще очень мало выиграемъ. Мое сужденіе—не сужденіе свѣта, къ которому вы обращаетесь. Мало того: во мнѣ живетъ мучительная тревога: свѣтъ, къ которому вы обращаетесь, не существуетъ или уже пересталъ существовать. Я боюсь, Юстъ, мы — то-есть вы да я — нѣсколько отстали отъ вѣка, живя здѣсь въ нашемъ тихомъ уголку. Я заключаю это по тѣмъ произведеніямъ, которыя теперь стоятъ во главѣ движенія—какъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ. Въ послѣдніе мѣсяцы я перечитала цѣлую коллекцію этихъ новыхъ и новѣйшихъ произведеній, и нарочно вамъ ихъ не показывала—чужія мелодіи мѣшаютъ намъ, когда у насъ своя собственная звучитъ въ головѣ. И могу васъ увѣрить: большею частію это были очень странныя мелодіи, и въ нихъ главную роль играютъ диссонансы—неразрѣшенные, разумѣю я, —такъ какъ гармонически разрѣшенный диссонансъ можетъ доставить удовольствіе и мнѣ,—а поэзія, думается мнѣ, какъ и всякое другое искусство, не можетъ безъ нихъ обойтись И другія, необходимыя для современной беллетристики качества у васъ отсутствуютъ. Вы даете себѣ трудъ писать обработаннымъ стилемъ. Это не идетъ. Вы должны научиться составлять предложенія изъ трехъ словъ, въ которыхъ отсутствуетъ подлежащее и сказуемое, и такія, какія авторъ обрываетъ въ серединѣ, чтобы доставить удовольствіе читателямъ самимъ придумать конецъ. Я надѣюсь, что вы сообразите, въ чемъ дѣло, теперь, когда у васъ есть время прочитать эти книги. Я ихъ вамъ доставлю. Конечно, лучше было бы, еслибы вы услышали рыканіе львовъ не издалека, а рѣшились бы войти въ ихъ пещеры, гдѣ они, можетъ быть, не такъ свирѣпы, какими представляются...

Послѣ того она послала мой чисто переписанный романъ къ своему отцу, который былъ такъ добръ, что рѣшился прочитать его.

Мнѣ не страшенъ его приговоръ. Конечно, я отъ всего сердца желаю, чтобы романъ ему понравился, но не приду въ отчаяніе, если окажется противное. Въ моемъ положеніи всего важнѣе услышать правду. А этотъ человѣкъ не былъ бы отцомъ своей дочери, ученымъ съ ясной головой и мужественнымъ сердцемъ, какимъ онъ мнѣ представляется въ своихъ сочиненіяхъ,—я ихъ теперь внимательно изучаю,—еслибы онъ вмѣсто хлѣба, о которомъ я прошу, подалъ бы мнѣ камень.

Профессоръ Рихтеръ говоритъ: „только тогда онъ думаетъ, когда пишетъ“. Поэтому и я долженъ сегодня писать. Я дол-

женъ попытаться привести въ порядокъ свои мысли. Ея слова: лучше бы мнѣ идти разыскивать львовъ по ихъ пещерамъ, или иными словами: лучше мнѣ отсюда уѣхать,—не выходятъ у меня изъ головы. И въ послѣднее время она уже раза два говорила нѣчто подобное. Этому только два объясненія: она считаетъ, что наступилъ моментъ, когда мнѣ слѣдуетъ, если я вообще хочу научиться плавать, броситься въ житейское море. Или же я надоѣлъ начальнику, и она, зная это, намекаетъ мнѣ о томъ деликатнымъ образомъ, чтобы спасти меня отъ позора оффиціальнаго отказа. Или же, наконецъ, она сама хочетъ, чтобы я уѣхалъ, потому что она... Ну, мужайся Юстъ, и выскажи то, что̀ думаешь: она усматриваетъ въ моемъ пребываніи здѣсь опасность—не для нея! развѣ она можетъ чего-нибудь опасаться!.. но для меня.

Будь прямодушенъ, Юстъ, вполнѣ прямодушенъ! Любишь ли ты ее?

Я испугался, написавъ это слово. Мнѣ представляется это грѣхомъ противъ Духа Святого—тягчайшимъ изъ всѣхъ грѣховъ: во всякой любви таится желаніе и надежда на взаимность любви, и такимъ образомъ я, опутывая и ее, по крайней мѣрѣ мысленно, своимъ преступленіемъ, свожу ее съ высокаго пьедестала, на которомъ она у меня до сихъ поръ стояла. Но не глупо ли съ моей стороны такъ мучиться? Развѣ моя любовь къ той темноокой феѣ не служитъ для меня щитомъ противъ всякой другой любви, —какъ для Зигфрида кровь дракона, въ которой онъ омылся, служила охраной отъ ранъ?

И однако его ранило копье Гагена. Неужели и на мое плечо упалъ липовый листокъ и оставилъ мѣстечко, которое доступно смертельному удару?

Я самъ себя не понимаю. Я люблю не какъ сестру эту женщину, которая на восемь лѣтъ старше меня. Я не могу спокойно встрѣчать и провожать ее. Когда короткіе часы нашихъ свиданій подходятъ къ концу, я бы желалъ задержать каждую минуту; когда дверь за нею затворится, мнѣ кажется, что кругомъ меня все погружается во мракъ; тотъ день, когда я ее не вижу, тянется для меня безконечно, а когда подступаетъ время увидаться съ ней, сердце у меня начинаетъ биться отъ радости. И когда я представлю себѣ, что наступитъ время, когда я не услышу больше ея милаго голоса, не увижу передъ собой ея гибкой, стройной фигуры, не буду внимать ея умнымъ рѣчамъ, —я печально спрашиваю себя: какъ же это такъ будетъ? Не опущусь ли я еще ниже того уровня, съ котораго она возвысила

меня до себя, и въ состояніи ли я буду дать все, что могу, если буду предоставленъ собственнымъ силамъ?

Но любовь ли это? Зачѣмъ языкъ такъ бѣденъ, что одно и то же слово служитъ для обозначенія различныхъ ощущеній, подобно той семьѣ пролетаріевъ, которая могла посылать въ церковь только одного изъ своихъ членовъ, такъ какъ у нея было всего одно неистрепанное платье? Это, конечно, любовь, но не та, которую я разумѣю. Ту любовь узнаешь по тому, что простое прикосновеніе къ рукѣ, къ платью, облекающему божественное тѣло, заставляетъ сердце трепетать отъ блаженства. Отъ одной мысли, что она можетъ любовно обнять и прижать губы къ нашимъ губамъ, можно съ ума сойти. Смертельная опасность, стоящая между нами и обладаніемъ ею, нисколько насъ не пугаетъ, и даже преступленіе не представляется слишкомъ высокой цѣной. И любовь этихъ Геро и Леандра, Ромео и Юліи, не ждетъ полутора года, чтобы проявиться,—она, какъ молнія, вспыхиваетъ внезапно. Я знаю, моя любовь къ Изабеллѣ была бы такою любовью, еслибы по волѣ случая мы не росли вмѣстѣ дѣтьми.

Нѣтъ, милая, добрая, лучшая изъ женщинъ, тебѣ незачѣмъ отсылать меня. Мнѣ не грозитъ никакой опасности, пока *та* жива. Да и когда умретъ, тоже—нѣтъ. Я буду и мертвую ее любить, теплѣе даже, чѣмъ любилъ живую.

Roma locuta est! Торжество! Я побѣдилъ! Профессоръ Рихтеръ пишетъ: „Романъ твоего юнаго друга мнѣ очень понравился. Подробнѣе выскажусь въ слѣдующемъ письмѣ". Конечно, она предостерегаетъ меня не очень радоваться заранѣе. Отецъ ея такъ впечатлителенъ, что совсѣмъ не трудно сразу очаровать его. Но затѣмъ онъ одумается, соберетъ цѣлый арсеналъ критическихъ *но* и *еслибы*, и прежде чѣмъ человѣкъ успѣетъ опомниться, вырветъ у него побѣду изъ рукъ. Но на меня это не дѣйствуетъ. Не могу выразить, какъ слова: „очень мнѣ понравился"—въ устахъ профессора Рихтера понравились мнѣ.

Несчастіе одно не приходитъ, но и счастіе также. Письмо отъ *нея*. Какое милое, доброе письмо! Я хотѣлъ-было подклеить его на этомъ мѣстѣ дневника, но напалъ на блестящую мысль—переписать его, какъ и всѣ послѣдующія, какія она мнѣ напишетъ. Тогда я буду воображать, что это нашъ общій дневникъ и я только окажусь прилежнѣе, по обыкновенію, чѣмъ она.

„Римъ, отель „Европа". 188*, февраль.

„Ты во истину въ сорочкѣ родился, иначе навѣрное не дождался бы незаслуженнаго счастія получить отъ меня это письмо. У тебя масса талантовъ, но изъ нихъ величайшій—нелюбезность. На каждую страницу, какія я написала тебѣ въ теченіе нескончаемыхъ лѣтъ, какъ мы разстались, придется едва-едва одна строчка отъ тебя! Или, можетъ быть, твоя нелюбезность — не что иное какъ хитрый разсчетъ—и ты говоришь себѣ: „у меня нѣтъ никакого иного средства ей дать знать, какъ быть столь же небрежнымъ по отношенію къ ней, сколько ея остальные поклонники ревностны"? Я уже раньше это замѣчала: при всей своей кажущейся безобидности, ты очень лукавый человѣкъ — и это меня радуетъ. Видишь ли, я до сихъ поръ не могу рѣшиться вычеркнуть тебя изъ списка своихъ поклонниковъ, въ которомъ твое имя стоитъ впереди всѣхъ. Ахъ, счастливчикъ! хорошее то было время, которое мы прожили вмѣстѣ! Я не знаю, кто это сказалъ—можетъ быть, Бёрне, а можетъ быть, и Конфуцій: „какой я былъ великій человѣкъ, когда былъ еще маленькій мальчикъ!" Итакъ, и я готова сказать: какъ я была счастлива, когда еще не знала, что̀ значитъ счастье! Пойми меня хорошенько! я говорю: „когда еще не знала", но не говорю: „когда еще не испытала". Можно отлично знать что-нибудь, не испытавъ.

„Ахъ! еслибы ты былъ здѣсь со мной въ Римѣ, куда я, сказать мимоходомъ, пріѣзжаю уже вторично,—прошлую осень и полъзимы я прожила въ Англіи и въ Парижѣ,—еслибы ты былъ здѣсь со мной! Большое международное общество, въ которомъ я вращаюсь, было бы, пожалуй, тебѣ не по вкусу, между тѣмъ какъ, наоборотъ, у меня притупился вкусъ ко всѣмъ церквамъ и галереямъ, которыя доставили бы тебѣ блаженство.

Зато вечернія прогулки по улицамъ, къ фонтану Треви и къ Капитолію, и черезъ форумъ въ Колизей,—эти каменныя громады, то грозно притаившіяся во мракѣ, то купающіяся почти въ такомъ же яркомъ свѣтѣ, какъ день, когда луна выплываетъ изъ тучъ! Или: утренняя поѣздка черезъ Кампанью въ Тиволи! Ты и я одна—больше никого! Ахъ, счастливчикъ! какъ страстно хочется мнѣ услышать человѣческій голосъ! милый голосъ, когда все тихо кругомъ, какъ въ Кампаньѣ, или... какъ въ нашемъ лѣсу.

„Боже мой, какъ ясно слышу я твой голосъ! Когда ты бывалъ возбужденъ—а это съ тобой случалось часто,—то въ твоемъ голосѣ звучали особенныя низкія, переливчатыя ноты, которыя бы я узнала изъ тысячи голосовъ.

„Когда услышу я ихъ снова? Осенью, можетъ быть, когда я должна вернуться въ Силезію и провести скучную зиму въ деревнѣ. Тогда мы будемъ почти сосѣдями. И будемъ по-сосѣдски видѣться. Я надѣюсь. Уже по одному этому тебѣ не слѣдуетъ бросать своего теперешняго мѣста.

„Ты долженъ знать, что я au courant всего, что̀ тебя касается, благодаря моей милой Эдитѣ: она часто и много мнѣ пишетъ. Такъ, я знаю о несчастномъ случаѣ, отъ котораго пострадала твоя лѣвая рука, бѣдный юноша! Знаю, что ты живешь у нашего оберъ-директора въ старомъ зáмкѣ, въ пріятной и хорошей должности. Ты навѣрное теперь красивый, статный человѣкъ. Постой! тебѣ должно быть уже двадцать-одинъ годъ, и темные усики къ тебѣ очень пристали. Дальше: ты поклоняешься милой фрау Кёрнеръ, занимаешься съ ней науками, о которыхъ бѣдная Майская Ночь не имѣетъ понятія, и пишешь большой романъ, героиней котораго—я. И, само собой разумѣется, являюсь я воплощеніемъ красоты, любезности и добродѣтели. На послѣдній пунктъ я особенно напираю. Если ты вздумаешь изобразить мою наружность, глаза, волосы и т. д., такъ что всѣ меня тотчасъ узнаютъ, и при этомъ представишь меня увѣнчанной кокеткой, une mondaine furieuse, ловящей мужчинъ... Я никогда, никогда не прощу тебѣ этого. Но зачѣмъ же тебѣ такъ меня изображать? Ты знаешь, что я не такая. Да еслибы и была такой, то и тогда тебѣ не слѣдовало бы меня выдавать. Каждый человѣкъ—и въ особенности поэтъ—долженъ носить въ сердцѣ идеалъ, который ему святъ, какъ ни грѣховна жизнь, на которую его осудила жестокая судьба. Я искони была твоимъ идеаломъ, я это знаю, и знала бы, еслибъ ты мнѣ это и не говорилъ сто разъ; я должна и хочу имъ оставаться.

„Ну, я достаточно нацарапала на сей разъ, и мнѣ пора ѣхать въ гости. Старая женщина, какъ я, не можетъ, къ сожалѣнію, полагаться на однѣ свои прелести и должна искать поддержки въ туалетѣ. Ахъ! но что̀ понимаетъ въ туалетѣ бѣдная маленькая фея!

„Будь здоровъ, мой милый счастливецъ, и люби по прежнему твою Майскую Ночь“.

Вотъ я и переписалъ тебя, милое письмо! Повѣрь мнѣ, что я бы этого не сдѣлалъ, будь хотя въ одной строчкѣ твоей упомянуто *его* имя. Но феи деликатны и умны! Почему она знаетъ, что она — героиня моего романа? Конечно, если все, что̀ я до сихъ поръ ни писалъ, вдохновлено ею, то почему бы и роману

не быть также! Какъ я взираю на нее, такъ гомеровскіе пѣвцы должны были взирать на Музу и съ обожаніемъ обращаться къ ней.

И осенью она вернется, проведетъ зиму въ деревнѣ! Я снова увижу ее! Рядомъ съ *нимъ*? Ни за что и никогда! Фрау Эва, если вы даже меня теперь не прогоните, то я самъ уѣду...

Снова „Римъ заговорилъ", но, ахъ! на этотъ разъ совсѣмъ въ иномъ тонѣ. Да, еслибы не было никакихъ *но* и *бы*! Она мнѣ это предсказывала. Жидкое пламя похвалы погасло, и дымный столбъ критики омрачаетъ небо. „Композиція выдаетъ начинающаго писателя, который не совладалъ съ своимъ матеріаломъ. Начало слишкомъ растянуто по отношенію къ цѣлому и само по себѣ; другими словами, оно недостаточно интересно. Позднѣе, когда интересъ читателя дѣйствительно возбужденъ, у автора не хватаетъ, очевидно, пороху; онъ не знаетъ, какъ ему справиться съ развязкой и, наконецъ, кое-какъ комкаетъ ее, въ ущербъ развитію событій и характеровъ. Похвальной методѣ, принятой имъ, не докучать читателю субъективными воззрѣніями и говорить лишь устами дѣйствующихъ лицъ, которыя сами характеризуютъ себя словами и поступками,—недостаетъ практическаго навыка, благодаря которому сохраняется только нужное, а пустяки и незначащія детали отбрасываются. Его наблюденія надъ людьми вѣрны, какъ это видно изъ намѣреній, но при выполненіи ихъ онъ увлекается идеалистическими порывами (въ сущности очень похвально) и нарушаетъ этимъ гармонію природы. При этомъ у него склонность къ сантиментальному и патетическому, а это умѣстно только тогда, когда здоровый и, гдѣ нужно, даже ѣдкій юморъ служитъ ему противовѣсомъ. Въ этомъ отношеніи онъ совсѣмъ слабъ, или отъ природнаго недостатка юмора, или отъ робости"...

И такъ идетъ еще на нѣсколькихъ страницахъ. И такое жалкое произведеніе, въ которомъ ничего, кромѣ недостатковъ, не оказывается, „ему понравилось"! Какъ это случилось, Аллахъ вѣдаетъ! Я не знаю.

Милая, добрая, лучшая изъ женщинъ! Она замѣтила, какъ мнѣ тяжелъ отцовскій обвинительный приговоръ—и это было неизбѣжно. Но сама она была не менѣе огорчена. Ея утѣшеніе, что папа совсѣмъ не хотѣлъ осудить романъ, а только счелъ своею обязанностью указать мнѣ идеалъ, къ которому я долженъ

стремиться,—звучало не особенно убѣдительно. Послѣ того она, очевидно, апелировала къ милосердію судьи и сегодня показала мнѣ его отвѣтъ.

Чего же собственно она хочетъ? Я долженъ гордиться тѣмъ, что онъ приложилъ самую строгую мѣрку къ моему произведенію. Вообще онъ далеко не все высказалъ. То, что̀ онъ сказалъ—это оборотная сторона медали. Объ остальной онъ пока умолчитъ и только замѣтитъ, что его несправедливо укоряютъ въ противорѣчіи, отъ того, что ему „понравилось" произведеніе, въ которомъ онъ нашелъ столько недостатковъ. Бываютъ непростительныя ошибки и такія, которыя не только простительны, но даже и восхитительны для знатока, потому что свойственны только настоящему дарованію. Впрочемъ (это, кажется, любимое словечко достойнаго человѣка), онъ отослалъ рукопись съ письмомъ къ знакомому издателю, и очень возможно, что тотъ его напечатаетъ и даже заплатитъ (умѣренный) гонораръ.

Одно только онъ долженъ прибавить: авторъ, очевидно, воспиталъ свой талантъ въ глубокомъ уединеніи. Ему недостаетъ азбуки романиста: свѣта и опыта. Этотъ недостатокъ можетъ исправить только время, конечно, при томъ условіи, чтобы авторъ провелъ его въ свѣтѣ и набрался опыта. Что авторъ не послѣдовалъ современной модѣ и не изобразилъ страданій фабричныхъ рабочихъ, хотя при окружающихъ его условіяхъ жизни онъ могъ подпасть легко такому соблазну—онъ ставитъ ему это въ большое достоинство. Да, его талантъ направленъ совсѣмъ въ иную сторону. Не всѣмъ быть Эмилями Зола̀, необходимы также и Октавы Фёлье; но онъ вовсе не хочетъ этимъ сказать, чтобы тотъ или другой не были великими поэтами. Онъ хочетъ только опредѣлить направленіе моего таланта, какъ онъ ему представляется.

Ну, теперь думаю, что я достаточно наглядѣлся „правой стороны медали", чтобы быть довольнымъ.

Вчера у меня былъ длинный разговоръ съ ней, отъ котораго еще сегодня все во мнѣ трепещетъ.

Во-первыхъ: она совсѣмъ не хочетъ, чтобы я уѣзжалъ; по ея мнѣнію, я еще долженъ года два провести здѣсь. Что̀ можетъ гнать меня отсюда? Хотя мои занятія какъ частнаго секретаря ея мужа и не Богъ вѣсть какія головоломныя, но онъ никогда на меня не жаловался,—она бы отъ меня этого не скрыла,—и я, значитъ, не даромъ получаю свои деньги. Дѣтямъ будетъ очень тяжело безъ меня, а такъ какъ она знаетъ, что и я это знаю, то скажетъ то же самое и про себя.

Но все это дѣло второстепенное, сущность же въ томъ: правъ ли ея отецъ, думая, что развитіе моего таланта зависитъ отъ перемѣны мѣстожительства, обстановки, общества и т. д.? Она находитъ, что онъ въ нѣкоторой степени правъ, но не можетъ съ нимъ безусловно согласиться. Я попробую передать смыслъ ея словъ. „Я тоже,—говорила она приблизительно,—считаю направленіе, указываемое отцомъ для вашего таланта, соотвѣтствующимъ вашему духу и образу мыслей. Онъ назвалъ васъ Фёлье. Если вы подходите къ нему по обществу, то мы должны быть этимъ, конечно, довольны; но я знаю, что вы поставите себѣ болѣе глубокія задачи, чѣмъ онъ въ своихъ произведеніяхъ, и его нравственный индифферентизмъ никогда не будетъ вашей отличительной чертой. Во всякомъ случаѣ вашъ талантъ пригоднѣе для изображенія высшихъ классовъ, чѣмъ низшихъ, и психологическій анализъ образованныхъ умовъ и тонко чувствующихъ сердецъ удается вамъ лучше, чѣмъ характеристика грубыхъ умовъ и необразованныхъ душъ. Но потому самому необходимо, по моему, вамъ мужественно изучить все несвободное, некрасивое, безобразное, такъ какъ иначе, я боюсь, картина свѣта, которую вы набросаете, будетъ недостаточно полна и убѣдительна.

„Человѣчество, изображаемое вашимъ перомъ, не должно, какъ у Фёлье, ограничиваться одними баронами, но не должно также исключать барововъ, какъ у Зола̀ и его поклонниковъ. Вы должны касаться всего, что̀ есть въ человѣчествѣ. Потому я назвала васъ скрытымъ аристократомъ, что ваша душа возмущается всѣмъ неблагороднымъ, несправедливымъ, и вы питаете глубокую симпатію къ бѣднымъ и страждущимъ. Но для того, чтобы справедливое негодованіе не перешло въ слѣпую ненависть къ высшимъ классамъ, а симпатія къ обездоленнымъ въ напыщенный либерализмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, вы должны знать, за кого и за что̀ вы протестуете и кого и что̀ вы защищаете.

„Вы скажете: у меня уже достаточно, слишкомъ достаточно было случаевъ изучать бѣдныхъ и страждущихъ. Случаевъ,—да! Но я сомнѣваюсь, чтобы вы дѣйствительно изучили ихъ. Многое можно видѣть и слышать, въ сущности не видя и не слыша, потому что умъ и чувство заняты другими вещами. Такъ было, я думаю, и съ вами. Въ вашемъ романѣ вамъ гораздо лучше удалось изображеніе образованныхъ людей, чѣмъ невѣжественныхъ, знатныхъ, чѣмъ простолюдиновъ. Это должно выровняться. Я боюсь, въ Берлинѣ—такъ какъ если вы уѣдете, то, конечно, въ Берлинъ—вы будете безусловно поглощены кружкомъ образованныхъ и знатныхъ людей, къ которому въ качествѣ поэта и скрытаго арис-

тократа вы естественно принадлежите. Тамъ если не искать простолюдиновъ, то они не попадутся сами на дорогѣ. Здѣсь же вы не можете избѣжать ихъ и не должны, послѣ моей лекціи.

„И еслибы вы вздумали пожаловаться, что какъ лирическому поэту въ нашемъ сельскомъ уединеніи у васъ не хватаетъ мотивовъ, то я пристыжу васъ стихотвореніемъ Эмерсона, въ которомъ онъ доказываетъ, какъ много матеріала давала ему сельская природа и обстановка"...

Въ то время, какъ добрѣйшая женщина все это говорила, я находился въ превеликомъ смущеніи. У меня все время вертѣлось на языкѣ: все это прекрасно, умно, и я бы охотно остался, но не могу... если *она* пріѣдетъ. Быть можетъ, лучше было бы для меня, еслибы я это сказалъ и избавился отъ плѣна. Но хочу ли я отъ него уйти? Я знаю, что цѣпи, которыми я опутанъ, недостойныя, но у меня нѣтъ силы ихъ разбить.

Эва уѣхала—на недѣлю—въ Берлинъ съ своимъ мужемъ; онъ отправился на совѣщаніе съ графомъ по важному дѣлу: о возобновленіи аренды на угольныя копи. Она взяла съ собой и дѣтей, чтобы они могли поздравить дѣдушку съ тридцатилѣтнимъ юбилеемъ его свадьбы, и чтобы ему не такъ скучно было въ этотъ день. Начальникъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но я отказался подъ предлогомъ, что мнѣ предстоитъ обработать нѣсколько важныхъ конторскихъ дѣлъ. Онъ не настаивалъ, а она на лицѣ у меня прочитала, что это только предлогъ,—но тоже ничего не сказала. Она избѣгаетъ явно покровительствовать мнѣ. И, конечно, очень умно дѣлаетъ. Меня же она, конечно, сочла бы неразумнымъ, еслибы я признался въ настоящей причинѣ; а именно, что я боюсь, какъ бы Изабелла не соскучилась въ Вѣчномъ городѣ, и я не встрѣтилъ бы ее внезапно на улицѣ въ Берлинѣ. Это, конечно, можетъ случиться каждую минуту, если я попаду туда; но какъ говоритъ Горацій: quid sit futurum cras fuge quaerere. Въ отвѣтѣ на ея письмо, которое я нарочно отложилъ на двѣ недѣли, я ничего ей не писалъ о своихъ берлинскихъ планахъ. Мнѣ тяжело было написать это письмо. Не легко писать, когда приходится сдерживать сердце обѣими руками.

Я почти позабылъ, что я отшельникъ, а теперь могу снова это почувствовать. И мнѣ кажется, что никогда отшельникъ не чувствуетъ себя такимъ одинокимъ, какъ ранней весной, когда при-

рода, просыпаясь отъ зимняго сна, потягивается и глядитъ солнцу въ глаза, мигая какъ лѣнивый ребенокъ, которому не хочется вставать съ постели поутру въ воскресенье, и онъ встаетъ только потому, что впередъ знаетъ о тѣхъ удовольствіяхъ, какія ему принесетъ этотъ день.

Но есть бѣдныя дѣти, и они хорошо знаютъ, что этотъ день пройдетъ, какъ и всѣ остальные: хмуро и насмурно; и имъ пріятнѣе было бы проспать его, да и всѣ остальные дни также.

Я не могу отнести себя къ категоріи этихъ злополучныхъ дѣтей: это было бы преступной неблагодарностью. Я не долженъ только думать о безумныхъ желаніяхъ моего сердца и о томъ, что они не исполнятся никогда, никогда! Но тогда, понятно, небо кажется мнѣ сумрачнымъ, а земля превращается въ безплодную пустыню, гдѣ я брожу одинокій, совсѣмъ одинокій.

Я попытался примѣнить эмерсоновскій рецептъ, но время было выбрано неподходящее. Лѣсъ еще не зеленѣетъ, въ кустахъ и низинахъ стоятъ послѣ зимы лужи ледяной воды; о вѣнкахъ нѣтъ еще и помину, а цвѣты мартъ мѣсяцъ разсыпаетъ далеко не щедрой рукой, и даже травъ, которыя бы стоило собирать, еще очень мало. И люди, попадающіеся мнѣ, рѣшительно не даютъ повода написать хотя бы самое скромное стихотвореніе.

Еще неудачнѣе оказалась попытка отыскать пункты для сближенія въ томъ кругѣ людей, который входитъ непосредственно въ сферу моей дѣятельности. Между тѣмъ случай былъ какъ нельзя благопріятнѣе. Теперь, когда начальникъ пребываетъ въ отдаленіи, они всѣ выползли изъ своихъ конторъ, какъ мыши изъ норъ, когда котъ уйдетъ подальше. И такъ они привѣтливо, дружески упрекали меня за то, что я нелюдимъ и кромѣ фамиліи оберъ-директора, повидимому, никого не хочу знать! А между тѣмъ у нихъ, право, бываетъ очень весело на вечеринкахъ по субботамъ въ трактирѣ, на которыхъ и дамы тоже принимаютъ участіе. И въ хорѣ у нихъ недостаетъ второго тенора, и я навѣрное могъ бы занять его мѣсто!

И что за добросовѣстный, усердный, ревнивый къ своей службѣ народъ эти господа чиновники! Вчера меня поймалъ, въ то время какъ я проходилъ по двору зàмка, г. А., занимающій въ здѣшней служебной іерархіи мѣсто непосредственно послѣ оберъ-директора. Онъ хотѣлъ подъ секретомъ просить меня предостеречь высокоуважаемаго начальника, чтобы онъ, ради самаго неба, не довѣрялся Б., который въ глаза выражаетъ ему полную преданность и покорность, но за спиной всячески старается очернить

и дискредитировать его во мнѣніи графа. Боже мой, недовѣрчивость свойственна всѣмъ знатнымъ господамъ, и графъ тоже не чуждъ этому качеству. Тѣмъ болѣе долженъ каждый честный человѣкъ остерегаться поощрять подобную слабость, какъ давно уже это дѣлаетъ Б., сначала устно, а теперь письменно. Онъ готовъ представить тому доказательства.

Сегодня — въ воскресенье послѣ полудня—кто-то постучался въ мою дверь, и г. Б. осчастливилъ меня—впервые за эти полтора года—своимъ визитомъ. Онъ вчера видѣлъ изъ оконъ своей конторы, что я долго бесѣдовалъ съ господиномъ субъ-директоромъ. И вотъ считаетъ своимъ долгомъ предупредить меня, чтобы я, Боже упаси, не довѣрялъ ни одному слову этого человѣка: онъ интриганъ первой руки и старается за спиной оберъ-директора—который, къ сожалѣнію, черезъ-чуръ довѣрчивъ—погубить его во мнѣніи не совсѣмъ довѣрчиваго графа! У него есть доказательства въ рукахъ. Вообще и всѣ остальные служащіе не лучше г. А.—всѣ шпіоны, сплетники, клеветники!

И такихъ-то людей слушаетъ графъ! И хуже всего то, что каждый, обвиняя другого, правъ; а худшее—это то, что господинъ стоитъ своихъ слугъ. Къ счастію, начальнику это хорошо извѣстно, по крайней мѣрѣ такъ утверждаетъ фрау Эва, съ которой я говорилъ объ этомъ обстоятельствѣ. Въ такой низменной сферѣ, какъ наша, говоритъ она, между служащими,—которые всѣ почти, прежде чѣмъ поступить на службу къ графу, потерпѣли крушеніе на другомъ поприщѣ и, очевидно, неудачномъ,—неискоренимы зависть, недоброжелательство, ненависть. Я боюсь, что въ болѣе крупныхъ сферахъ не лучше, хотя все это не такъ выступаетъ наружу здѣсь, гдѣ каждый живетъ какъ въ стеклянномъ домѣ.

Вообще, утверждаетъ Эва, болѣе самостоятельные чиновники, а именно: директоры стальныхъ и желѣзныхъ заводовъ, угольныхъ копей и т. д., почти всѣ—способные, добросовѣстные люди; только среди графской челяди процвѣтаютъ сорныя травы.

Но и тутъ, долженъ я прибавить съ своей стороны, не всѣ—сорная трава. Старикъ-лѣсничій съ большой бѣлой бородой, непосредственный начальникъ моего покойнаго отца, полонъ добрыхъ намѣреній, но не можетъ никогда привести ихъ въ исполненіе отъ природной или отъ нажитой въ теченіе сорокалѣтней службы у графа слабости; и помощникъ начальника конторы вовсе не плутъ, хотя и круглый дуракъ.

Фрау Эва говоритъ, что я сострадаю бѣднымъ и неимущимъ, и въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ не ошибается во мнѣ, какъ во многомъ другомъ. Я жалѣю даже и этихъ людей, кото-

рые, безъ сомнѣнія, ничтожнѣе и несчастнѣе оборванцевъ, которые въ дождь и бурю шлепаютъ по шоссе, отправляясь на работу. Быть можетъ, умственное и нравственное убожество представляются намъ тѣмъ безобразнѣе, чѣмъ богаче платье, въ которое они облечены, чѣмъ роскошнѣе обстановка, среди которой они обрѣтаются. Въ такомъ случаѣ графъ еще бѣднѣе и жалче своихъ подчиненныхъ,—самый жалкій и самый бѣдный изъ всѣхъ. И я долженъ былъ бы особенно жалѣть его, да и жалѣлъ бы, еслибы только зналъ въ подробности, при какихъ обстоятельствахъ образовался такой человѣкъ. Въ сущности вѣдь людей образуютъ, конечно, обстоятельства; и тѣ, при которыхъ онъ выросъ и воспитался, были, быть можетъ, въ нравственномъ отношеніи хуже, нежели обстоятельства, обусловливающія испорченность его подчиненныхъ и рабочихъ. Какъ можетъ быть здоровъ человѣкъ, если среда нездоровая? А развѣ это здоровая среда, гдѣ тысячи обрекаются на физическій нравственный и умственный голодъ—starving, какъ говорятъ англичане,—для того, чтобы одинъ всю жизнь утопалъ въ роскоши и не признавалъ надъ собой божескихъ законовъ,—никогда, никогда не испыталъ бы размѣровъ своей собственной силы, никогда бы не зналъ настоящей себѣ цѣны, сбитый съ толку льстецами и въ своемъ ослѣпленіи считающій себя чуть не полу-богомъ?!

Несомнѣнно, наши современные реалисты правы, настаивая на условіяхъ „milieu“ для объясненія характера своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Хотя при этомъ все-же остается необъяснимымъ, какимъ образомъ изъ одной и той же среды выходятъ такіе люди, какъ этотъ скотоподобный Шкапчикъ и благородный Андерсъ.

Сторожъ, проходя мимо моей башни, свищетъ по совиному и возвѣщаетъ, что уже два часа ночи. Я съ нимъ вмѣстѣ превращаюсь въ ночную птицу.

Слава Богу! Эва вернулась съ дѣтьми, а мужу ея пришлось по графскимъ дѣламъ ѣхать въ Варшаву и въ Россію. Она пріятно провела время въ Берлинѣ. Ей было бы еще пріятнѣе, еслибы совѣщанія мужа съ графомъ привели къ болѣе счастливымъ результатамъ. Она можетъ совершенно откровенно говорить со мной объ этомъ, такъ какъ мнѣ все это довольно хорошо извѣстно изъ корреспонденціи между этими господами, которая проходитъ черезъ мои руки. Дѣло идетъ о новой арендѣ каменноугольныхъ копей на дальнѣйшіе годы, при чемъ предвидится не-

избѣжная потеря въ нѣсколько милліоновъ, такъ какъ дѣло рѣшено вопреки воззрѣніямъ оберъ-директора.

При такихъ условіяхъ проектъ постройки, по сосѣдству отъ копей, человѣческихъ жилищъ, заслуживающихъ этого названія, снова откладывается ad calendas graecas,—это само собой разумѣется. При этомъ объясненіи оберъ-директора съ графомъ отношенія ихъ настолько обострились, что одно время можно было опасаться полнаго разрыва между ними, для вящшаго удовольствія господина субъ-директора, который и былъ главнымъ совѣтникомъ графа во всемъ этомъ дѣлѣ.

Впрочемъ, у бѣднаго графа были свои личныя причины къ раздражительности. Съ отъѣздомъ изъ его дома Изабеллы исчезъ, повидимому, оттуда послѣдній свѣтлый лучъ. Онъ, кажется, употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы помѣшать ея браку; когда же Изабелла все-таки поставила на своемъ, то совсѣмъ упалъ духомъ, и единственнымъ утѣшеніемъ для него служитъ то, что и Арманъ остался не при чемъ. Жена д-ра Эбергарда, сообщившая всѣ эти извѣстія, утверждаетъ, что Арманъ никогда не питалъ никакихъ надеждъ на женитьбу, да къ тому же отецъ его ни за что не далъ бы своего согласія!

Арманъ съ годъ уже какъ произведенъ въ офицеры. Онъ служитъ въ гвардейскомъ драгунскомъ полку и считается однимъ изъ первыхъ кавалеровъ столицы.

Я этому охотно вѣрю. Онъ достаточно для этого красивъ и ловокъ. Вопросъ въ томъ только, насколько щедро снабжаетъ его деньгами отецъ, въ прибавку къ его офицерскому жалованью, и какъ онъ справится съ расходами, связанными съ званіемъ перваго кавалера столицы. Какъ-то они оба выпутаются изъ этого! Во всякомъ случаѣ трудно имъ будетъ ладить другъ съ другомъ, такъ какъ графиня не можетъ больше играть между ними роль посредницы. Послѣ страшнаго нервнаго возбужденія, о которомъ мнѣ писала Изабелла, она впала вскорѣ послѣ отъѣзда Изабеллы въ глубочайшую апатію, и ее вынуждены были помѣстить въ maison de santé. Бѣдная Сивилла! Мнѣ отъ души жаль бѣдную, нѣжную дѣвушку! Она теперь почти не выходитъ изъ комнаты и бо́льшую часть времени проводитъ въ постели или на кушеткѣ, читая попеременно богословскія и философскія сочиненія. Не могу себѣ представить ничего трогательнѣе ея восковаго, почти прозрачнаго лица, на которомъ свѣтились большіе кроткіе глаза съ неземнымъ выраженіемъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть ее еще разъ!

Можетъ быть, это мнѣ удастся. Издатель принялъ мой ро-

манъ съ тѣмъ условіемъ, что я сокращу первую часть, что вполнѣ совпадаетъ съ моими желаніями. Гонораръ—хотя профессоръ Рихтеръ называетъ его скромнымъ—превзошелъ бы мои самыя смѣлыя надежды, еслибъ я питалъ какія-нибудь надежды. Книга появится въ печати нынче осенью. По мнѣнію профессора, я долженъ самъ слѣдить за печатаніемъ и потому могу оставаться здѣсь только до осени, а... фрау Эва должна согласиться съ отцомъ! Когда она толковала со мной о выгодахъ, связанныхъ для меня съ пребываніемъ въ Берлинѣ, мнѣ въ первый разъ показалось, что она не вполнѣ искренна. Обыкновенно она упорнѣе стоитъ за свои мнѣнія, да и голосъ ея звучалъ какъ-то безпокойно и раза два обрывался. Я тщетно ломаю голову, чѣмъ объяснить эту быструю перемѣну въ ея мнѣніяхъ. Что профессоръ именно осенью нуждается въ услугахъ помощника,—это, конечно, счастливый случай, но въ большомъ городѣ, при нѣкоторой протекціи, подобные случаи должны представляться нерѣдко. Безъ сомнѣнія, она хочетъ удержать меня не ради собственнаго удовольствія, и врядъ ли также тревожится за мое душевное спокойствіе; стало быть, остается одно объясненіе: она говоритъ по желанію, быть можетъ, по порученію своего супруга. Спрашивается, желаетъ ли онъ отдѣлаться отъ неумѣлаго секретаря, или... Глупости! Это такъ непохоже на него, хотя... Полно врать, дружище! Ты боишься своимъ отъѣздомъ нанести ударъ лучшей изъ женщинъ, и вмѣсто того, чтобы принимать вещи просто, какъ онѣ есть, выдумываешь шекспировскія трагедіи ревности, для которыхъ, къ несчастію, недостаетъ persona dramatis. Въ ея маленькомъ пальчикѣ больше ума, чѣмъ было въ прекрасной головкѣ Дездемоны, а еслибъ Отелло, вмѣсто полководца венеціанской республики, оказался оберъ-директоромъ графа Вальдбурга, ему некогда было бы поднимать исторіи изъ-за потеряннаго батистоваго платка. Былъ тамъ еще Кассіо, котораго даже его лучшій другъ могъ называть красавцемъ, чего обо мнѣ, сколько я знаю, не скажетъ даже мой злѣйшій врагъ.

Truth is stranger than fiction!—Правда страннѣе выдумки! Пока моя фантазія упрямо разыгрывала фантастическую драму, въ Эйзенгаммерѣ завершилась потрясающимъ финаломъ настоящая! Мачиха Марты утопилась въ озерѣ за деревней. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ же попросилъ отпускъ и отправился туда. Отъ Андерса узналъ немного: когда-то такой терпѣливый, онъ теперь совсѣмъ подавленъ; зато языки деревенскихъ кумушекъ обоего

кола развязались. Оказывается, что въ несчастной давно уже замѣчали перемѣну настроенія, доходившую до полнаго унынія и отчужденія отъ людей. Она перестала посѣщать танцклассъ, который такъ любила прежде, почти не выходила изъ дома, а если и выходила, то куда-нибудь подальше отъ людей, въ лѣсъ или въ поле. Ее оставили въ покоѣ и въ концѣ концовъ совсѣмъ позабыли о той, которая раньше была предметомъ вѣчныхъ разговоровъ. Вспомнили ее только, когда прошелъ слухъ, будто прогулки красавицы не такъ уединенны, какъ думали въ деревнѣ. Слухъ подтверждался и превратился въ полную увѣренность, когда тотъ, кого называла молва, похвастался своей побѣдой въ пьяной компаніи, въ кабакѣ. Оказалось, что это не кто иной какъ Станикъ Сколярчекъ, грубый, упрямый, нахальный парень, надоѣдавшій Мартѣ своимъ ухаживаньемъ и пользовавшійся расположеніемъ ея мачихи, которой хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ Марты. Когда Марта оставила, наконецъ, домъ, Станикъ съумѣлъ овладѣть сердцемъ красивой мачихи, что̀ подтвердилось и трагическимъ исходомъ этой исторіи. По всей вѣроятности онъ обѣщалъ жениться на ней, если она разведется съ мужемъ; но вскорѣ несчастная женщина убѣдилась, что это обѣщаніе не будетъ исполнено. Убѣдиться въ этомъ было не трудно, такъ какъ безпутный малый продолжалъ на ея глазахъ свои шашни съ завѣдомыми шлюхами на фабрикѣ. Безъ сомнѣнія, между ними происходили тяжелыя сцены, и одна изъ нихъ закончилась катастрофой. Намекали также на другое обстоятельство, котораго будто бы не могла дольше скрывать несчастная, что̀ и побудило ее къ самоубійству.

Бѣдный Андерсъ! Онъ всѣмъ сердцемъ любилъ молодую жену и теперь упрямо закрываетъ глаза на печальную истину, которая, однако, слишкомъ очевидна. Врядъ ли онъ переживетъ этотъ ударъ. Онъ отказывается отъ всякой помощи со стороны фрау Эвы, которая съ обычной готовностью предложила свои услуги, и даже со стороны Марты, которая хочетъ взять къ себѣ въ Берлинъ одного или обоихъ сводныхъ братьевъ. Къ тому же онъ подыскалъ себѣ такую странную хозяйку, что я начинаю опасаться за его разсудокъ: старуху Кубичку, за которой мы съ фрау Эвой ухаживали въ тотъ вечеръ здѣсь въ залѣ, и которая предсказываетъ женитьбу всякой парочкѣ, какую увидитъ передъ собой, и всѣми въ деревнѣ считается за помѣшанную, такъ что Андерсъ могъ бы даже похвастаться, что взялъ себѣ въ жены красавицу изъ красавицъ, а въ хозяйки — безобразнѣйшую изъ безобразныхъ. Можетъ быть, такая крайняя противоположность

нравится чудаку. Другіе иначе объясняютъ это. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда Андерсъ переселился изъ своей нѣмецкой родины въ это польское гнѣздо, Кубичка, въ то время молодая бездѣтная, вдова, влюбилась въ статнаго иностранца, хотя у него была уже семья. Когда первая жена Андерса умерла, она разсчитывала заступить ея мѣсто, но онъ обманулъ ея надежду, женившись на покойной. Оттого-то она и помѣшалась, и теперь онъ хотѣлъ, насколько это было въ его силахъ, вознаградить ее за страданія, которыя невольно причинилъ ей. И это на него похоже. Но безуміе остается безуміемъ. Я напишу Мартѣ, не придумаетъ ли она, чѣмъ тутъ помочь.

И безъ того воспоминаніе о знойной лѣтней ночи, стоившей мнѣ моей лѣвой руки—самое тягостное въ моей жизни, а благодаря этимъ ужаснымъ событіямъ оно стало еще мучительнѣе. Въ какой тьмѣ блуждаемъ мы, жалкіе смертные! Могъ ли я спасти несчастную? Какимъ образомъ? Черной измѣной моему старому другу? Оскорбивъ священное право гостя? Навѣки обезчестивъ себя въ собственныхъ глазахъ? И все это ради той, которая во всякомъ случаѣ погибла! которая могла унизиться до какого-нибудь Станика Сколарчека! Она, которую такъ богато одарила природа, и которая могла бы при другихъ условіяхъ...

Можетъ быть, и я былъ бы счастливъ при другихъ условіяхъ, другой средѣ, какъ выражаются наши реалисты, къ которымъ я начинаю чувствовать все большее и большее почтеніе. Условія! Это звучитъ почти такъ же страшно, какъ „Матери“ въ Фаустѣ. Не выростаетъ ли все изъ ихъ таинственныхъ нѣдръ? Нужно проникнуть въ ихъ тайну, если хочешь достигнуть ясности и истины.

Во всякомъ случаѣ въ слѣдующей же повѣсти (или это опять будетъ романъ?) я займусь „средой“ съ надлежащимъ вниманіемъ.

Какъ бы только со мной не случилось того же, что съ Зола въ „Жерминалѣ“, если полагаться на мнѣніе нашего оберъ-директора, который, когда фрау Эва стала говорить при немъ объ удивительномъ знаніи горнаго дѣла, обнаруженномъ авторомъ романа, сначала слушалъ съ удивленіемъ, а потомъ замѣтилъ внушительнымъ тономъ:—Извини, жена, но ты ничего не понимаешь въ этомъ дѣлѣ. Могу тебя увѣрить, что еслибъ кто-нибудь изъ моихъ оберъ-штейгеровъ надѣлалъ столько глупостей, какъ въ этомъ романѣ, то онъ бы и дня не остался на службѣ!

По мнѣнію Фрица Рейтера, хорошо разсказать можно только такую исторію, которая совершилась „на вашихъ глазахъ“. Если

это и вѣрно, то все же разсказывать нужно лишь по истеченіи нѣкотораго времени.

Смерть красавицы-мачихи показалась мнѣ трагическимъ финаломъ деревенской исторіи, которую я попытался изложить въ видѣ повѣсти, чтобы потягаться съ Бертольдомъ Ауэрбахомъ и Готфридомъ Келлеромъ. Но вскорѣ я убѣдился, что повѣсть рѣшительно не вытанцовывается; близкое знакомство съ лицами и событіями убивало свободу поэтическаго творчества. Съ точки зрѣнія реалиста оно должно бы было послужить на пользу моей работѣ; а между тѣмъ у меня получалась сухая фотографія, вмѣсто живой картины. Къ тому же я не могу остаться внѣ этой исторіи, и въ то же время боюсь помѣстить себя въ число дѣйствующихъ лицъ. Когда же пытаюсь сдѣлать это, то вижу, какъ мало понимаю самого себя, какъ неясны мнѣ мои собственные мотивы, и стыжусь намѣренія читать въ душахъ другихъ,—которыхъ знаю еще меньше,—какъ въ раскрытой книгѣ. Такъ, напримѣръ, у меня явилась странная, ни на чемъ не основанная мысль—мнѣ противно даже записывать ее—будто Марта любила меня; ея мачиха знала это и схватилась за ножъ въ ту ночь, не потому, что обезумѣла отъ неожиданнаго стыда, а съ цѣлью отомстить, наконецъ, ненавистной соперницѣ. Андерсъ тоже возбуждаетъ мою фантазію. Мнѣ показалось крайне удачной въ поэтическомъ отношеніи мысль изобразить добраго, благодушнаго человѣка, никогда никому не причинившаго зла, помѣшавшимся подъ вліяніемъ жестокости судьбы; а теперь я терзаюсь суевѣрнымъ страхомъ, замѣчая у него симптомы если не полнаго безумія, то во всякомъ случаѣ сильнаго душевнаго разстройства. Навѣрное онъ совершенно серьезно обсуждаетъ женитьбу на старухѣ. Ея предшественница была молода и прекрасна, и обманула его; эта—стара и безобразна, и будетъ ему вѣрна; та, которая никогда не любила его, называлась тѣмъ не менѣе его женой,—тѣмъ болѣе не слѣдуетъ этой, которая всегда любила его, оставаться его служанкой; чѣмъ несправедливѣе судьба, тѣмъ сильнѣе должны стремиться къ справедливости люди, и если другіе не заботятся о ней, то это не причина ему сидѣть сложа руки. Такъ думалъ и Христосъ, за что и потерпѣлъ казнь, и Арнольдъ Винкельридъ, направившій австрійскія копья въ свою грудь. Онъ хотѣлъ проложить путь свободѣ, которая не могла пошевелиться, пока обнаженная грудь народа сталкивалась съ желѣзными панцырями людоѣдовъ. Каждая фабрика—людоѣдъ, котораго нужно уничтожить. И если даже при этомъ все погибнетъ, для людей будетъ не такъ по-

зорно жить на волѣ съ звѣрями и питаться кореньями, какъ ѣсть хлѣбъ на службѣ у людоѣдовъ.

Эти слова я слышалъ отъ него собственными ушами. Онъ говорилъ, повидимому, безъ всякаго возбужденія, но по временамъ его сѣрые глаза подъ темными бровями свѣтились дикимъ огнемъ.

И я долженъ сознаться, что, по крайней мѣрѣ, эта безумная мысль о людоѣдахъ засѣла у него съ того дня, когда я разсказывалъ ему сказку въ лѣсу.

Я потратилъ два драгоцѣнные мѣсяца въ тщетныхъ попыткахъ обработать эту трудную тему и придать поэтическую форму неуклюжей грудѣ матеріала.

Фрау Эва очень недовольна мною, да и я—не меньше.

Я написалъ, безъ ея вѣдома, ея отцу въ Берлинъ, что если онъ еще нуждается въ моихъ услугахъ—я могу пріѣхать къ первому октября, а то и раньше. Онъ отвѣчалъ очень любезнымъ письмомъ; написалъ, что ждетъ меня къ первому октября. Разумѣется, я сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ моему принципалу, который отнесся къ этому сообщенію очень равнодушно. Да и не все ли ему равно? Онъ ничего не теряетъ отъ моего отъѣзда, а до моей потери ему нѣтъ дѣла. Но ей я не рѣшился сказать объ этомъ; пусть узнаетъ отъ мужа. Мнѣ показалось, что она узнала, и рѣшилась пройти дѣло молчаніемъ.

Я опять ошибся.

Сегодня послѣ обѣда меня позвали пить кофе, и когда я вошелъ въ ея комнату, она быстро подошла ко мнѣ, схватила меня за руки и воскликнула:

— Такъ это рѣшено! Вы уѣзжаете?

— Вы сами совѣтовали мнѣ это, gnädige Frau!

— Не называйте меня „gnädige Frau", когда говорите такой вздоръ! Никогда бы вы не дождались отъ меня подобнаго совѣта! Вы знаете, какъ я дорожу вашимъ обществомъ.

— Да и мнѣ трудно будетъ обойтись безъ васъ.

Мы были такъ взволнованы, что когда усѣлись, прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ мы могли продолжать разговоръ.

— Для васъ,—начала она, намекая на мои послѣднія слова,—для васъ эта разлука будетъ во всякомъ случаѣ гораздо легче, чѣмъ для меня, которая останется здѣсь въ одиночествѣ, Богъ знаетъ, на сколько лѣтъ. Мужъ то-и-дѣло въ отлучкѣ, иногда по недѣлямъ, и мнѣ не съ кѣмъ слова сказать, кромѣ какъ съ дѣтьми или съ прислугой. Да если онъ и дома, то бесѣда о лите-

ратурѣ и искусствѣ у насъ не въ ходу. Я не жалуюсь. Я думаю, что всякій мужчина, желающій добиться успѣха въ своей спеціальности, какова бы она ни была, долженъ быть одностороннимъ, а мой мужъ добился такого значенія въ своей области, что въ правѣ не интересоваться множествомъ вещей, въ томъ числѣ литературой и искусствомъ. Но это все, чѣмъ я интересовалась съ дѣтства и до сего дня. Мой отецъ и люди, посѣщавшіе его домъ, развили во мнѣ эти стремленія. Вамъ покажется смѣшно, а между тѣмъ это вѣрно: вы, никогда не бывавшій въ Берлинѣ, переносили меня въ берлинское общество. Я могла говорить съ вами о моихъ любимыхъ предметахъ; мало того, посвящая меня въ свои литературные замыслы, вы дали мнѣ возможность ознакомиться съ поэтическимъ творчествомъ ближе, чѣмъ когда-либо. Но что̀ всего лучше...

Она запнулась, а потомъ продолжала обычнымъ смѣлымъ тономъ, глядя мнѣ прямо въ глаза:

— У васъ никогда не было сестры. Я думаю, что это несчастіе для всякаго молодого человѣка, тѣмъ болѣе для того, кто по самой профессіи своей долженъ, между прочимъ, читать въ женской душѣ. Я вообразила,—нѣтъ, я знаю, что вы нашли во мнѣ подругу, которая, конечно, могла бы быть лучше, остроумнѣе, даровитѣе во всѣхъ отношеніяхъ,—но врядъ ли могла бы относиться къ вамъ съ большей симпатіей, именно какъ сестра.

Она протянула мнѣ руку, которую я хотѣлъ поцѣловать. Но самъ не знаю ка̀къ—поцѣловалъ ее въ губы, чистѣйшимъ поцѣлуемъ, какимъ только могутъ обмѣняться братъ съ сестрой.

Мы ни чуточки не смутились,—ни я, ни она. Напротивъ! точно ледъ растаялъ между нами; мы впервые разговорились по душѣ, безъ всякаго стѣсненія. Мы смѣялись, шутили и веселились, какъ дѣти. Это былъ счастливѣйшій часъ въ моей жизни. Что̀ бы ему случиться двумя днями раньше! Тогда бы я подумалъ да и подумалъ, прежде чѣмъ промѣнять это счастье на чечевичную похлебку, называемую Берлиномъ. Теперь поздно.

Я жестоко поплатился за мою торопливость. Передо мною лежитъ письмо—отъ *нея*! Она не пріѣдетъ осенью.

Неаполь. Hôtel du Louvre. Май, 188*.

„Милый счастливчикъ! Ты слишкомъ рано обрадовался моему пріѣзду. Я еще помыкаюсь по свѣту: мѣсяца два проведу на Капри, осень и зиму въ Парижѣ, быть можетъ въ Каирѣ. Этого

требуютъ врачи (NB: не для меня). Это ужасно, въ особенности потому, что ужасно скучно. Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ надоѣла эта жизнь. Иногда я хотѣла бы сдѣлаться разбойникомъ въ Абруццахъ, такъ какъ, полагаю, эти господа не мѣняютъ туалета по три раза въ день. По мнѣ мурашки бѣгаютъ, когда я услышу слово corso, а когда кельнеръ открываетъ дверь въ обѣденную залу, мнѣ кажется, будто я иду не за табльдотъ, а на эшафотъ. Все это было бы, пожалуй, выносимо, не будь тутъ англичанъ. Но они просто нестерпимы. Старые джентльмены, съ тонкими губами, съ высокими галстухами вокругъ тощихъ шей, напоминаютъ мнѣ твоего короля людоѣдовъ, у котораго застряла въ глоткѣ верхушка ели; а молодые, съ вырѣзанными воротничками и жилетами, съ надутой миной, которая, кажется, говоритъ: —я знаю, что я Адонисъ, но нисколько не интересуюсь этимъ,— еще отвратительнѣе. Любой изъ нихъ годится въ модели для твоего принца-людоѣда. Среди дамъ попадаются иногда удивительныя красавицы, но... Я могу вынести все, кромѣ кокетства. Если, прочитавъ эти слова, ты прибавишь:—„которое допускаю только въ себѣ самой",—то ты не добрый счастливчикъ, а злой мальчишка, не стоющій того, чтобы бѣдная маленькая фея утруждала себѣ пальцы надъ письмомъ къ тебѣ.

„Я ужасно обрадовалась твоему роману, въ которомъ фигурирую въ качествѣ героини. Читая его, я забываю о жестокой прозѣ, окружающей меня, забываю о томъ, что я ничѣмъ не лучше легіона горничныхъ, которыя вмѣстѣ со мною мелькаютъ въ купэ перваго класса на желѣзныхъ дорогахъ, въ читальняхъ и обѣденныхъ залахъ отелей, и при видѣ которыхъ я съ ужасомъ спрашиваю: зачѣмъ сотворилъ Господь это безполезное племя?

„Пиши мнѣ сюда, если только собираешься писать такое же милое письмо, какъ предъидущее; кланяйся твоей обожаемой фрау Эвѣ—и... нѣтъ! Тщеславіе всегда было однимъ изъ твоихъ недостатковъ, и я не хочу его усиливать. Поэтому *не* посылаю тебѣ того, что̀ совсѣмъ было-собралась послать, но остаюсь, какъ всегда, —твоя Майская Ночь".

Я полагалъ, что послѣ того какъ Эва сдѣлалась моей „сестрой", мнѣ незачѣмъ скрывать отъ нея мою безразсудную страсть къ Изабеллѣ, и нисколько не сконфузился, когда она съ улыбкой отвѣтила мнѣ, что эта страсть для нея—все, что̀ угодно, только не тайна. Стараясь скрыть ее,—сказала она,—я поступалъ какъ страусъ, который прячетъ голову въ песокъ, и думаетъ, что его не замѣтятъ охотники. Да и какой поэтъ можетъ удержать въ

себѣ свои сердечныя тайны! Болтливость поэта часто неудобна для окружающихъ, но поэзія почерпаетъ въ ней свою лучшую пищу, такъ что приходится мириться съ неизбѣжнымъ зломъ, какъ и сдѣлала Изабелла, увидавъ свой образъ въ моемъ романѣ,— не говоря уже о сказкѣ, которая слишкомъ ясна.

Что-жъ! если страсть является музой, одушевляющей поэта, то нельзя назвать ее глупой; къ тому же она—могущественное оружіе и щитъ противъ пошлости, которой такъ легко поддаются молодые люди. Нужно только ясно сознавать, что идеальный міръ и дѣйствительность—двѣ совершенно различныя вещи, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не должно смѣшивать. Иначе выйдетъ только путаница и несчастіе, въ чемъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на браки, въ особенности ранніе. Любовь раздѣляетъ съ поэзіей стремленіе къ идеализаціи, но поэзія умѣетъ раздѣлять оба міра, а любовь далеко не въ такой степени способна къ этому. Тотъ, кому Богъ позволилъ изливать свои страданія въ словахъ, этимъ самымъ избавляется отъ страданій, тогда какъ другіе люди должны терзаться безмолвными муками.

— Другими словами, — сказалъ я Эвѣ:—счастье для меня, что Изабелла не сдѣлалась моей женой.

— И большое,—отвѣчала она:—такъ какъ этотъ бракъ повелъ бы къ путаницѣ, которая сдѣлала бы васъ обоихъ несчастными.

— Но вы сами сказали, что поэтъ можетъ избавиться отъ этого несчастія.

— Во-первыхъ, это справедливо только относительно васъ, а не Изабеллы; во-вторыхъ, какой же ужасной борьбой достигнется побѣда! Нѣтъ, лучше такое положеніе, какъ теперь.

— Изабелла не счастлива,—пробормоталъ я.

— Почему вы такъ увѣрены въ этомъ, тщеславный человѣкъ? А мнѣ кажется, баронъ Шёнау—какъ разъ подходящій мужъ для Изабеллы, которая съ своими блестящими внѣшними преимуществами всегда останется свѣтской женщиной, хотя я не отрицаю у нея ни ума, ни чувства. Но самое важное въ ея глазахъ— именно эти внѣшнія преимущества, а умъ и чувства она цѣнитъ какъ средство усилить ихъ блескъ.

— Мнѣ кажется, вы немножко несправедливы.

— Пожалуй, если это васъ успокоиваетъ. Во всякомъ случаѣ я могу сообщить вамъ, какъ обстоитъ дѣло съ осеннимъ и зимнимъ пребываніемъ на Капри и въ Сициліи. Римскій врачъ констатировалъ у барона признаки начинающагося разстройства легкихъ, да и докторъ Эбергардъ, свидѣтельствовавшій его здѣсь,

думаетъ, что легкія не совсѣмъ въ порядкѣ. Такъ что не мѣшаетъ принять мѣры заблаговременно. Только это продолжительное пребываніе за границей можетъ оказаться не по карману Шёнау. Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ мой мужъ. Мнѣ очень прискорбно слышать это. Я не могу безъ глубокаго состраданія представить себѣ лучезарное личико Изабеллы—теперь вы довольны?—омраченное заботой. Ей необходима блестящая обстановка.

— А между тѣмъ она родилась въ такой жалкой обстановкѣ?

— Для того, чтобы избавиться отъ нея при первой возможности. Ну, а какъ подвигается наша повѣсть?

Эва настаиваетъ, чтобы я окончилъ—худо или хорошо—мою деревенскую исторію. По ея словамъ, я не изъ тѣхъ поэтовъ, которые печатаютъ только поэтическіе отрывки; какъ бы ни были хороши эти послѣдніе, но все-же подобные поэты—только отрывочные геніи. Истинный поэтъ—какъ и всякій истинный художникъ—подобенъ муравью Тамерлана, девяносто девять разъ взбиравшемуся на камень съ своимъ пшеничнымъ зерномъ и добившемуся-таки успѣха при сотой попыткѣ; или Іакову, который боролся съ ангеломъ, говоря ему: „не отпущу тебя, пока ты не благословишь меня".

Итакъ, я снова принялся за работу, но по прежнему безуспѣшно. Если бы я только зналъ, какъ покончить съ Андерсомъ! Онъ сдѣлался центральной фигурой, и такъ какъ это исторія безусловно трагическая, то и его конецъ долженъ быть трагическимъ. Но какимъ же именно? Окончательно свести его съ ума мѣшаетъ мнѣ непреодолимый страхъ,—я точно боюсь накликать на него дѣйствительное безуміе. Это нелѣпо, но я не могу отдѣлаться отъ суевѣрнаго страха. Притомъ, если онъ сойдетъ съ ума, нельзя будетъ женить его на старой вѣдьмѣ. Придется выдумать какую-нибудь катастрофу, въ которой онъ найдетъ достойную себя смерть. Но какую именно?..

Сегодня мы поспорили съ принципаломъ. Мы говорили въ присутствіи Эвы объ Андерсѣ, который все еще держитъ Кубичку въ своемъ домѣ и продолжаетъ удивлять окружающихъ своими вольными рѣчами. Я сказалъ, что по моему мнѣнію бѣдняга опасно боленъ, и слѣдовало бы помѣстить его въ больницу для излеченія. Эва согласилась со мной.—Не понимаю, о чемъ вы хлопочете! — воскликнулъ ея мужъ. — Пока онъ исполняетъ свою работу хорошо и аккуратно, я не вижу надобности вмѣшиваться. Отношенія къ старухѣ—его личное дѣло, а болтовнѣ его я не придаю никакого значенія. Ученіе соціаль-демократовъ—такой

сплошной вздоръ, отъ A до Z, что немного больше, немного меньше этого вздора—ничего не составитъ.

Я позволилъ себѣ замѣтить, что ученіе, которому сочувствуютъ сотни тысячъ мыслящихъ существъ, должно содержать въ себѣ по крайней мѣрѣ зерно истины, и можетъ быть все дѣло въ томъ, чтобы освободить это зерно отъ облекающей его шелухи.

Но и съ этимъ онъ не согласился.

— Мякина всегда останется мякиной,—возразилъ онъ,—какъ вы ее ни провѣвайте. Если даже оставить въ сторонѣ коммунистическую безсмыслицу, всеобщее право голоса, равенство заработной платы и другія утопическія бредни, то остается безсмыслица изъ безсмыслицъ—господство массы. Масса не можетъ управлять, никогда не могла и никогда не сможетъ. Правитель долженъ быть одинъ,—говоритъ, если не ошибаюсь, уже старикъ Гомеръ. Даже тамъ, гдѣ управляютъ двое, одинъ лишній. Вотъ хоть бы у насъ: всѣ затрудненія и неурядица происходятъ отъ того, что графъ путается въ мое дѣло и разстроиваетъ мои планы. Не говорю уже о другихъ господахъ—nomina sunt odiosa,—которые рады ловить рыбку въ мутной водѣ. Не будь этого, все пошло бы какъ по маслу, работа кипѣла бы, и у людей не было бы поводовъ жаловаться...

— Стало быть, теперь есть,—замѣтила Эва.

— Но развѣ это аргументъ въ пользу соціаль-демократовъ? —воскликнулъ онъ.—Это доказываетъ только, что самая лучшая машина будетъ плохо работать, если ей придется расходовать силу на треніе, совершенно безполезное и легко устранимое. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ она можетъ и совсѣмъ остановиться въ одинъ прекрасный день. Послѣднія извѣстія изъ Вестфаліи очень неутѣшительны. Повидимому, стачка неизбѣжна, и если даже не дойдутъ до общей стачки — до нея никогда не дойдетъ,—то и мѣстныя могутъ надѣлать немало вреда. Черезъ мѣсяцъ дойдетъ дѣло и до насъ. Конечно, у насъ дѣло обстоитъ иначе, и стачка не можетъ имѣть успѣха, но люди глупы и слѣпы и сплошь и рядомъ сами стремятся къ своей гибели.

Эва постаралась прекратить этотъ непріятный разговоръ, продолжать который было совершенно безполезно.

У меня вертѣлся на языкѣ вопросъ:—кто же виноватъ въ этой людской глупости? Вѣроятно, я получилъ бы въ отвѣтъ:—вліяніе патеровъ. Я согласенъ, что извѣстная доля отвѣтственности падаетъ на нихъ—не всѣ патеры таковы, какъ мой славный Щончалла—но одни ли они виноваты? Развѣ въ другихъ мѣстахъ,

гдѣ духовенство неповинно въ невѣжествѣ народа, дѣло обстоитъ много лучше?

Нѣтъ, мой почтеннѣйшій принципалъ: съ просвѣщеннымъ деспотизмомъ нынче далеко не уйдешь! Посмотримъ, что-то изъ него выйдетъ.

Третьяго дня было рожденье моего любимца Эрна. Крестный прислалъ ему дорогой альбомъ съ странною надписью: „Trau, schau—wem“ — „вѣрь, смотри только—кому!“ Эва просила меня написать стихи, которые, конечно, не могутъ быть приноровлены къ настоящему развитію ребенка. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ не сочинялъ стиховъ—повидимому, они плохо вяжутся съ писаньемъ повѣстей—и вчера ночью не безъ труда накропалъ слѣдующее:

TRAU, SCHAU—WEM?

Es ist noch längst nicht alles Gold, was glänzt,
Und manches glänzt nicht, was doch eidel Gold ist:
Nicht immer scheint die Sonne, wenn es lenzt,
Und mancher Tag im Winter frühlingshold ist;
Du siehst nicht manchem armen Mädchen an,
Dass ihre Seele voll von süssem Duft ist,
Und Hamlet sagt: es lächelt mancher Mann
Beständig, der ein abgefeinter Schuft ist;
Gar mancher scheint geschnitzt aus ganzem Holz,
Was kläglich doch aus Stücken nur geleimt ist,
Oft wächst an einem Baume dumm und stolz,
Auch giebt viel Ungereimtes, das gereimt ist;
Gar manches Werk dem Publicum gëfallt,
Das doch, bei Licht beseh'n, der reine Schund ist,
Und manche Frau geht Klaglos durch die Welt,
Der das gequälte Herz zum Sterben wund ist,
Gar manches steht in der Olympier Hut
Was einem Cato nimmermehr genehm ist,
Auch dieses merk dir, Kind: nur dem geht's gut
Im Leben, dessen Wahlspruch:—Trau, schau—wem?—ist!

„Не все то золото, что̀ блеститъ, и то, что̀ не блеститъ, оказывается иногда чистымъ золотомъ; не всегда свѣтитъ солнце даже весною, и часто зимній день хорошъ, какъ весенній; у иной некрасивой дѣвушки душа—сладкое благоуханіе; а тотъ кто всегда улыбается, бываетъ завзятый пройдоха,—говоритъ Гамлетъ; многое, что̀ кажется вырѣзаннымъ изъ одного куска, на самомъ дѣлѣ кое-какъ слѣплено изъ кусочковъ, и на одномъ деревѣ могутъ вырости глупость и гордость; безсмысленное содержаніе часто скрывается въ изящной формѣ; произведеніе, которое нравится публикѣ, оказывается иногда совершенною дрянью, и нерѣдко

безъ малѣйшей жалобы проходитъ въ мірѣ женщина, растерзанное сердце которой несетъ смертельную рану; многое пользуется покровительствомъ олимпійцевъ, чтò никогда не будетъ пріятно Катону; и замѣть, дитя: только тому хорошо живется, чей девизъ: „Вѣрь, смотри только—кому!"

— Знаете ли,—сказала Эва,—чтò мнѣ напоминаютъ ваши стихи? Субботнее меню экономныхъ хозяекъ, которое называютъ обозрѣніемъ недѣли. Такъ и вы взяли понемножку изъ всего, чтò пережили до сихъ поръ, и дѣлаете видъ, что ваше произведеніе вырѣзано изъ одного куска, хотя на самомъ дѣлѣ оно слѣплено— не кое-какъ, въ этомъ отношеніи я должна защищать васъ отъ васъ самихъ, — но все же слѣплено изъ отдѣльныхъ кусочковъ. Позволите раскритиковать ваши стихи?

— Пожалуйста.

— Невзрачная бѣдная дѣвушка съ душой, исполненной сладкаго благоуханія,—Марта.

— Допустимъ.

— Чистое золото, которое не блеститъ, — лесть по моему адресу.

— Не лесть.

— Молчите! Дерево, на которомъ въ трогательномъ единеніи произростаютъ глупость и гордость—графскій...

— Угадали.

— Тогда какъ вѣчно улыбающійся пройдоха—нѣкій младшій директоръ, которому очень хочется угодить оберъ-директору.

— Именно!

— А на ряду съ нимъ очень выгодно оттѣняется гордый Катонъ—въ лицѣ господина автора.

— И это вы называете раскритиковать?

— Сейчасъ я кончу. Очень хорошо съ вашей стороны, что вы съ благоговѣніемъ упомянули о вашей милой матушкѣ, говоря о женщинѣ, которая проходитъ міръ безъ малѣйшей жалобы, и очень гадко, что въ первомъ же стихѣ вы отреклись отъ своего божества, какъ Петръ отъ Господа. И для чего? чтобы угодить мнѣ.

— Я васъ не понимаю.

— Но я беру назадъ свои слова и съ раскаяніемъ признаюсь: она не только блеститъ, она—золото, такъ что чистое золото въ сравненіи съ нею оказывается обыкновеннѣйшей мѣдью, да его и вообще Господь не создаетъ, а выдумываетъ фантазія поэта.

— Перестаньте!

— Согласна, такъ какъ страусъ признается, что снова попытался спрятать въ песокъ свою мудрую голову.

— Все, что вамъ угодно.

Эва подзадоривала меня, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка.

Что за женщина! Моей жизни не хватить, чтобы отблагодарить ее за ослѣпительный свѣтъ, который она внесла въ мое темное одинокое существованіе!

Принципалъ не ошибся: волненія горнорабочихъ въ Вестфаліи отозвались и среди нашихъ рабочихъ. До стачки еще не дошло, но можно ожидать ее каждую минуту. Въ рабочихъ кружкахъ гудятъ, какъ въ ульѣ передъ вылетомъ роя. Онъ постоянно на ногахъ, переходитъ изъ мастерской въ мастерскую, ободряетъ служащихъ, уговариваетъ рабочихъ, въ сотый разъ изслѣдуетъ давно изслѣдованные недостатки и прорѣхи. Я постоянно сопровождаю его. При переходахъ изъ одного мѣста въ другое, онъ старается растолковать мнѣ—чего раньше никогда не дѣлалъ— въ чемъ тутъ собственно дѣло и почему неправы рабочіе. Послушать его, такъ это непроходимые олухи. Да и точно: когда начнешь спрашивать, что̀ побуждаетъ ихъ къ стачкѣ, то получаешь въ отвѣтъ невозможный вздоръ. Одинъ жалуется на школьнаго учителя, который требуетъ линованныхъ тетрадей. Другой желаетъ стачки, потому что при послѣдней раздачѣ жалованья его обсчитали на двадцать крейцеровъ; третій—потому что оберъштейгеръ, его же крестный отецъ, говоритъ ему „ты“. Но я думаю, что всѣ эти глупости—результатъ смущенія и трусости людей, которые боятся говорить откровенно съ строгимъ оберъ-директоромъ. Между собой они говорятъ совершенно иное.

И когда онъ доказываетъ мнѣ цифрами, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не можетъ быть и рѣчи объ увеличеніи заработной платы, такъ какъ иначе придется устраниться отъ конкурренціи на міровомъ рынкѣ и понести дефицитъ,—я спрашиваю себя, почему эти бѣдняки въ закоптѣлыхъ блузахъ должны платиться за грѣхи королей всемірнаго рынка, и такъ ли великъ былъ бы дефицитъ, еслибъ господинъ графъ не всадилъ, въ свое время, двухъ милліоновъ въ постройку новаго замка, и удовольствовался на будущее время половиной прислуги и конюшни.

У этой медали двѣ стороны, и на одной ужасное лицо—лицо Медузы—на той, которую я вижу теперь ежедневно! Я думалъ, что достаточно ознакомился съ бѣдностью въ Эйзенгаммерѣ, но то была только поверхность, а не пучина нищеты, въ которую я попалъ теперь. Тамъ жилось по-царски въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я вижу въ деревняхъ и мѣстечкахъ вокругъ здѣшнихъ

каменноугольныхъ копей. Вчера мы были въ одномъ баракѣ, гдѣ обитаютъ въ трехъ комнатахъ семьдесятъ человѣкъ; въ одной, самой большой, помѣщается ихъ тридцать: мужчины, женщины, дѣти —ночью—половина пьяные!—Чтò можетъ быть ужаснѣе этого?!

Злополучные! какую ужасную печать положила нищета на эти истощенныя лица: мужчины—разбитые, сѣдые въ пятьдесятъ лѣтъ! Женщины—старухи къ тридцати годамъ! молодые, восемнадцатилѣтніе парни, съ мѣловыми лицами и трусливо-наглыми взглядами, въ которыхъ читаешь близкое знакомство со всевозможными пороками! И при этомъ милыя, нерѣдко красавцы — дѣти, которыя смотрятъ на васъ большими черными грустными глазами, точно спрашиваютъ: неужели мы для того родились, чтобъ сдѣлаться такими же, какъ наши отцы и братья, матери и сестры?!

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Это несправедливо, чтò бы ни толковали сильные міра сего, мудрецы и такъ называемые благомыслящіе люди! Что-нибудь неладно въ обществѣ, да и не что-нибудь: могущественное съ виду цѣлое, сознающееся въ своемъ безсиліи въ виду такого возмутительнаго положенія дѣлъ, подобно пышному зданію, выстроенному на рыхломъ, гниломъ фундаментѣ, который рано или поздно развалится и увлечетъ за собою зданіе.

Я подѣлился съ Эвой своими тяжелыми впечатлѣніями. Она не знаетъ, чтò сказать мнѣ въ утѣшеніе. Я убѣжденъ, что она смотритъ на вещи такъ же, какъ я.

Какъ же она относится къ своему супругу? Желать и не желать одного и того же—вотъ истинная дружба,—говоритъ Саллюстій. А дружба, говорятъ, лучшая часть любви.

Или это неправда? Можетъ ли быть любовь безъ дружбы? И истинная ли это любовь? Любовь, которая рѣшается сказать: —не все то золото, чтò блеститъ,—при чемъ ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія не помрачаетъ ея собственнаго блеска?

Чтò пришлось мнѣ пережить! Я долженъ записать это, чтобы впослѣдствіи не принять этихъ событій за мечту, дикій бредъ моей фантазіи.

Моя фантазія! Какое ребячество всѣ ея выдумки въ сравненіи съ ужасной гигантской машиной, которая называется жизнью!

Сколько времени я придумывалъ трагическій конецъ для Андерса въ моей деревенской исторіи,—а вотъ машина подхватила настоящаго Андерса, бросила его подъ колесо—и въ одну минуту все кончено!

Но я начинаю съ конца, а хотѣлъ быть точнымъ, какъ старинный хроникеръ.

Мы сидѣли за завтракомъ—въ эти безпокойные дни я сдѣлался у нихъ совсѣмъ членомъ семьи,—собираясь ѣхать на Маріинскій заводъ, какъ вдругъ вбѣжалъ Фридрихъ, блѣдный какъ полотно, съ письмомъ въ рукѣ, которое привезъ верховой съ Адамовскаго завода. Директоръ Маріинскаго завода хотѣлъ-было послать телеграмму, но проволоки были перерѣзаны возмутившимися рабочими. Тогда онъ написалъ письмо, которое одинъ надежный человѣкъ отнесъ, пробравшись съ опасностью жизни сквозь толпы, стекавшіяся къ Маріинской копи,—на Адамовскій заводъ. Но и здѣсь телеграфныя проволоки были перерѣзаны, такъ что директоръ отправилъ съ письмомъ верховаго. Такимъ образомъ прошло по крайней мѣрѣ полтора часа, и уже нельзя было терять ни минуты. Въ депешѣ было сказано: „Пріѣзжайте немедленно; не могу удержать людей“.

Директоръ бросился въ свою комнату; мы съ Эвой переглянулись. Она была очень блѣдна, но выраженіе твердости и самообладанія, которое не исчезало съ ея лица даже въ опаснѣйшія минуты у постели больного ребенка, сохранилось и теперь. Она протянула мнѣ руку и сказала тихимъ твердымъ голосомъ:—Ты не оставишь его.

Никогда еще она не говорила мнѣ: ты; да, безъ сомнѣнія, и теперь сказала безсознательно. Но меня это обращеніе потрясло до глубины души. Я не могъ говорить, и только схватилъ и пожалъ ея милую руку.

Тутъ появился оберъ-директоръ; онъ только засунулъ за поясъ револьверъ. Я убѣжденъ, что Эва не ожидала ничего другого.

Онъ нáскоро обнялъ жену, которая еще разъ протянула мнѣ руку: она была холодна какъ ледъ.

Затѣмъ мы усѣлись въ легкую телѣжку, кони подхватили,—къ счастію намъ пришлось ѣхать по шоссе и только незначительную часть пути проселкомъ. Какъ бы то ни было, переѣздъ продолжался по крайней мѣрѣ три четверти часа, которые показались вѣчностью моему принципалу. До тѣхъ поръ, даже въ критическія минуты, я всегда видѣлъ его спокойнымъ и хладнокровнымъ. Теперь же онъ не могъ скрыть своего волненія, какъ ни старался. Онъ нетерпѣливо шевелился на мѣстѣ, раза два приподнимался и высматривалъ, много ли еще ѣхать, но не торопилъ Іоганна, видя, что и кучеръ, и лошади, и безъ того изъ кожи лѣзутъ. Мы не обмѣнялись ни единымъ словомъ, чему я былъ очень радъ. Въ мозгу моемъ перекрещивались самыя противорѣчивыя

мысли, въ сердцѣ бушевали непримиримыя чувства. Если дошло до схватки, намъ придется принять въ ней участіе, — а я обѣщалъ Эвѣ стоять за него. Могъ ли я не обѣщать этого! и какъ я могъ обѣщать это! Стоять за него, — да, ради нея, — а ради него? Отчего же нѣтъ! Могу ли я отказать въ своемъ сочувствіи, въ своемъ уваженіи мужественному, рѣшительному человѣку? Но вѣдь его мужество, его рѣшимость, направлены противъ тѣхъ, къ кому лежитъ мое сердце! Возмущеніе—глупость съ экономической точки зрѣнія,—преступленіе съ точки зрѣнія закона,—но глупостью и преступленіемъ были возстанія рабовъ въ глазахъ римскихъ патриціевъ, и возстанія крѣпостныхъ въ глазахъ феодальныхъ бароновъ. А въ нашихъ? въ моихъ глазахъ? Какъ отнесутся къ нынѣшнимъ стачкамъ сто, пятьдесятъ лѣтъ спустя? Какъ къ буйнымъ порывамъ дикой, бѣшеной толпы, или какъ къ первымъ проявленіямъ неотвратимаго, неудержимаго движенія, которое должно закончиться возрожденіемъ человѣчества?

Всѣ эти мысли хаотически мелькали въ моей головѣ, и, конечно, не въ томъ порядкѣ, какъ я ихъ излагаю. Я былъ слишкомъ возбужденъ для того. Теперь я припоминаю, что утро было чудесное; нивы волновались подъ дыханіемъ теплаго лѣтняго вѣтерка; на лугахъ мирно паслись стада; на опушкѣ лѣса, мимо котораго мы проѣзжали, стояла парочка оленей; жаворонки звенѣли въ голубомъ небѣ! По мѣрѣ того, какъ мы подъѣзжали къ заводу, пейзажъ измѣнялся: появились холмы, гдѣ не было пастбищъ, потому что дернъ былъ срѣзанъ, чтобъ не мѣшалъ отыскивать руду, и голыя пятна краснобурой земли пестрѣли среди грудъ шлака и пепла. Такой видъ, должно быть, имѣетъ лава по склонамъ Везувія.

Мы проѣхали мимо стальной фабрики. Директоръ вышелъ къ намъ на встрѣчу; онъ съ нѣсколькими служащими одинъ остался при дѣлѣ; работники, два часа тому назадъ, ушли на Маріинскій заводъ, куда должны были собраться и люди съ Адамовскаго завода. Теперь тамъ скопилось, вѣроятно, не меньше тысячи человѣкъ. Такъ какъ вслѣдствіе порчи телеграфныхъ проволокъ нельзя было сноситься съ шефомъ, то онъ рѣшился на свой страхъ потребовать войско. Черезъ полчаса, если не раньше, оно будетъ на Маріинскомъ заводѣ. Начальникъ съ трудомъ подавилъ свое неудовольствіе: это значитъ только раздувать исторію и подливать масла въ огонь. Онъ одинъ управится съ толпой. Директоръ пожалъ плечами: народъ страшно возбужденъ. Для охраны завода остались только директоръ, двое служащихъ, вооруженныхъ, самое большее, револьверами, и двое жандармовъ; но что̀ они

могутъ подѣлать съ тысячной, возбужденной толпой, въ которой добрая половина пьяны?

Этотъ разговоръ между директоромъ и оберъ-директоромъ длился не болѣе двухъ минутъ, въ теченіе которыхъ дрожавшія, загнанныя лошади могли передохнуть. Затѣмъ мы снова помчались во весь духъ. Черезъ десять минутъ мы были на мѣстѣ. Уже издали слышенъ былъ глухой гулъ толпы, собравшейся, очевидно, по ту сторону зданія, хотя и на встрѣчу намъ попалось много рабочихъ, среди которыхъ мы промчались, не замедляя ѣзды. Наконецъ, пришлось остановиться. Толпа становилась все гуще; на большомъ дворѣ, гдѣ находится входъ въ шахту, она собралась въ сплошную черную массу. Принципалъ выскочилъ изъ телѣжки и бросился впередъ, расталкивая тѣхъ, кто не успѣвалъ посторониться. Но почти всѣ уступали ему дорогу; многіе даже сняли шапки по старой привычкѣ, повинуясь инстинктивному чувству уваженія.

Оно не исчезло и тогда, когда мы пробились, наконецъ, къ низенькому желѣзному крыльцу, на верхней ступенькѣ котораго кучка мужественныхъ людей уже два часа выдерживала натискъ угрожающей толпы. Ихъ разстроенныя, несмотря на мужество, лица оживились, когда они увидѣли, наконецъ, того, кого ждали такъ долго. Да, если кто-нибудь могъ унять бурю, то только онъ.

Нѣтъ! нѣтъ! это не его вина, — не его личная вина!.. Виновны условія, въ которыхъ мы всѣ сдавлены, какъ корабль въ полярныхъ льдахъ; а между тѣмъ...

Когда онъ началъ говорить, толпа нѣсколько стихла и вскорѣ совсѣмъ умолкла. Не могу съ точностью передать содержаніе его рѣчи. Насколько помню, онъ повторялъ то, что я слышалъ отъ него въ послѣднее время,—приноравливаясь къ ихъ пониманію: что они ухудшатъ свое же положеніе этимъ безумнымъ буйствомъ; что имъ извѣстно, какъ онъ всегда всѣми силами стремился улучшить ихъ положеніе, и будетъ стремиться, если они не помѣшаютъ его усиліямъ своимъ поведеніемъ, которое онъ долженъ назвать глупымъ и неблагодарнымъ. Пусть они выберутъ изъ своей среды депутацію, которая изложитъ ему ихъ жалобу—онъ дастъ ей отвѣтъ и объясненія; но если они надѣются застращать его угрозами, то ошибутся.

Заключительныя слова я, кажется, точно запомнилъ, вѣроятно потому, что они были послѣдними и связаны съ ужаснымъ происшествіемъ, случившимся вслѣдъ за ними:

— Насъ здѣсь только восемь человѣкъ,—сказалъ онъ,—но мы рѣшились скорѣе умереть всѣ до послѣдняго, чѣмъ уступить вамъ.

Чего вы хотите? убить вашихъ товарищей, потому что ихъ контрактъ для нихъ не пустое слово, а обязательство, согласно которому они и сегодня явились, какъ всегда являлись на работу, чтобы честнымъ трудомъ добывать хлѣбъ для себя, для своихъ женъ и дѣтей? Или вы хотите уничтожить машины, затопить шахту? Да вы не думаете о томъ, что потребуются мѣсяцы, чтобы возстановить то, что̀ вы разрушите въ два часа—если только можно будетъ возстановить—и вамъ же придется голодать, идти съ сумой, бродяжничать и кончить дни въ острогѣ или подъ заборомъ? Подумайте же о своихъ женахъ и дѣтяхъ! подумайте о самихъ себѣ! Совѣтую вамъ это. Я не такъ глупъ, чтобы не понимать, что тысяча человѣкъ, хотя бы и безоружныхъ, раздавятъ, растопчутъ восемь человѣкъ, хотя бы и вооруженныхъ. Некрасивая смерть, что̀ и говорить, но и умереть отъ револьверной или ружейной пули тоже не сладко. А такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь, такъ же вѣрно, говорю, что первый изъ васъ, кто подастъ сигналъ къ нападенію, кто ступитъ хоть три шага ко мнѣ, ляжетъ отъ моей руки. Вотъ мое послѣднее слово. Теперь дѣлайте, что̀ хотите!

Онъ умолкъ среди гробовой тишины, потомъ послышался ропотъ, усиливавшійся какъ вѣтеръ въ лѣсу, когда, поднявшись вдали, онъ несется все ближе и ближе, громче и громче, и, наконецъ, обвѣваетъ васъ съ шумомъ и воемъ. Толпа разбилась на группы, собравшіяся вокругъ вожаковъ.

Тутъ мнѣ почудился въ одной группѣ знакомый голосъ, хотя раньше онъ звучалъ всегда спокойно и кротко, а теперь раздавался рѣзкими, крикливыми нотами—если только это былъ онъ!

Но какъ онъ попалъ сюда изъ Эйзенгаммера, отстоящаго на двѣ мили отсюда?

И однако это былъ онъ.

Онъ внезапно появился передъ толпой, которая снова слилась въ плотную черную массу. Онъ стоялъ спиною къ намъ, вытянувъ руку по направленію къ толпѣ:

— Или вы трусы, или вы дѣти, что позволите запугать себя словами? Наше дѣло—справедливѣйшее въ мірѣ. Долой людоѣдовъ и ихъ берлоги! За мной! За мной! Я проложу путь свободѣ!

Онъ повернулся къ намъ, я видѣлъ его лицо,—блѣдное, обрамленное клочьями сѣдыхъ волосъ,—когда онъ бросился на насъ, а за нимъ съ оглушительнымъ ревомъ обезумѣвшая толпа.

Но тутъ...

Боже! До конца дней моихъ я буду слышать короткій сухой трескъ, раздавшійся подлѣ моего уха, буду видѣть высокую фи-

гуру, уже почти достигшую крыльца и вдругъ рухнувшую, какъ подрубленное дерево...

Чтò бы случилось, если бы въ эту минуту на дворѣ не появился отрядъ, вызванный директоромъ стальной фабрики?—бросилась ли бы на насъ толпа черезъ трупъ своего предводителя или отступила въ ужасѣ—какъ по крайней мѣрѣ казалось въ первую минуту — кто знаетъ? Я знаю только, что заводъ и теперь охраняется военной силой, десятка два зачинщиковъ арестованы, а въ остальномъ... все идетъ по старому.

Только не для меня! Я тотчасъ написалъ профессору Рихтеру, можетъ ли онъ принять меня немедленно? Если не можетъ,—все равно: я долженъ уѣхать.

Я не могу оставаться здѣсь долѣе. Не могу искренно пожимать руку, убившую моего лучшаго друга. Въ честномъ бою? Съ его точки зрѣнія,—да! Онъ сдѣлалъ то, чтò считалъ своей священной обязанностью. И можно ли было предотвратить это убійство? промедлить хоть мгновеніе? Еще секунда,—и бѣшеная толпа пронеслась бы по нашимъ трупамъ, чтобы убить своихъ безоружныхъ товарищей или утопить ихъ въ шахтѣ.

То, чтò совершилось, должно свершиться; но почему должно? Новая жертва Молоху—который не можетъ обойтись безъ такихъ ужасовъ, и онъ—убѣжденный представитель этого Молоха.

То, чтò онъ сдѣлалъ,—вполнѣ сознательно, исполняя священную обязанность,—онъ сдѣлалъ неохотно. На его лицѣ, когда-то одушевленномъ бодрой энергіей, легло съ тѣхъ поръ мрачное облако; голосъ звучитъ глуше. Эва говоритъ, что нерѣдко ночью онъ по цѣлымъ часамъ расхаживаетъ по комнатѣ.

Я вижу, понимаю все это... а между тѣмъ...

Мой бѣдный, злополучный, добродушный Андерсъ! Да, благодушный, несмотря ни на что. Ты тоже исполнялъ то, чтò считалъ своей священной обязанностью. И если подъ конецъ ты не могъ вполнѣ ясно сознавать того, чтò дѣлалъ; если твой мозгъ помутился, если ты былъ безумнымъ—то кто же сдѣлалъ тебя безумнымъ? Острое, сверлящее, доходившее до невыносимой боли чувство состраданія къ моральной и физической нищетѣ, смотрѣвшей на тебя изъ впалыхъ глазъ твоихъ собратій! Правда, они не были вполнѣ твоими собратьями! ты остался чистымъ среди нечистыхъ, безгрѣшнымъ, насколько это возможно для человѣка, среди грѣшныхъ. Изъ полноты своей любви ты почерпнулъ ненависть, и семейное горе было только послѣдней каплей въ переполненномъ кубкѣ...

Его отнесли въ большую деревянную постройку, гдѣ произ-

водился разсчетъ съ рабочими. Я проскользнулъ туда, когда остальные ушли. Трупъ еще лежалъ на длинномъ столѣ, на которомъ изслѣдовалъ его докторъ, вытребованный изъ города. Онъ сообщилъ мнѣ, что пуля пронизала сердце, и смерть послѣдовала мгновенно. Я приподнялъ платокъ, которымъ было прикрыто лицо. Никакой перемѣны, только густыя брови были грозно сдвинуты, и ротъ сохранилъ отпечатокъ суровой рѣшимости, точно говорилъ:—я сдѣлалъ бы то же вторично, еслибы могъ.

Такъ ты вполнѣ заслужилъ по-своему плату, которую тебѣ отсчитали сегодня...

Я написалъ Мартѣ, спрашивая, что̀ дѣлать съ ея сводными братьями. Теперь она, безъ сомнѣнія, возьметъ ихъ къ себѣ. Можетъ быть, мнѣ можно будетъ захватить ихъ съ собой въ Берлинъ.

Хоть бы ужъ ѣхать скорѣй! Разлука съ *нею* давитъ мнѣ сердце.

Профессоръ Рихтеръ пишетъ, что радъ принять меня во всякое время; Марта—что я долженъ захватить съ собой мальчиковъ.

Принципалъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Бреславль. Слава Богу! Онъ предложилъ мнѣ свой экипажъ для переѣзда въ городъ. Зачѣмъ отказываться отъ этого одолженія, разъ я принималъ столько другихъ? Въ Эйзенгаммерѣ захвачу съ собой дѣтей.

Послѣдній листокъ въ дневникѣ отшельника! Или я въ Берлинѣ буду опять одинокъ?

Эва говоритъ:—нѣтъ! Она настойчиво совѣтуетъ мнѣ пользоваться всякимъ случаемъ для сближенія съ людьми. Я долженъ былъ обѣщать ей это.

Странно, что вчера вечеромъ, во время нашей продолжительной бесѣды, я былъ гораздо спокойнѣе, сдержаннѣе. У нея же то-и-дѣло навертывались на глазахъ слезы. Сожалѣла ли она о „берлинскомъ обществѣ“, котораго теперь лишается? Надѣется, впрочемъ, что не надолго. Дурныя отношенія между графомъ и ея мужемъ не могутъ тянуться безъ конца. До сихъ поръ она всегда совѣтовала уступки, зная, какое значеніе имѣетъ кипучая дѣятельность мужа для его энергической натуры; теперь не станетъ совѣтовать. Его положеніе здѣсь становится невыносимымъ и въ другихъ отношеніяхъ,—она не сказала мнѣ, въ какихъ именно, такъ какъ мы вообще проходимъ молчаніемъ по-

слѣднія событія. Зачѣмъ растравлять и безъ того мучительныя раны? А я знаю, какъ глубока и мучительна нанесенная ей рана, какъ жестоко она страдаетъ,—тѣмъ болѣе жестоко, что не можетъ ни съ кѣмъ говорить, никому пожаловаться на свои страданія, такъ какъ иначе говорила бы и жаловалась мнѣ. Но тутъ возникаетъ между нами что-то такое, передъ чѣмъ должна отступить самая близкая дружба, самое безусловное довѣріе, самое горячее участіе.

И это нѣчто останется навсегда. Нѣтъ ничего совершеннаго на землѣ,—ни дружбы, ни любви,—ничего!

Сейчасъ она заходила ко мнѣ, въ мою комнатку, впервые съ тѣхъ поръ, какъ два года тому назадъ приготовила ее для меня,—узнать, не нужно ли мнѣ чего, и хорошо ли я уложилъ мои вещи, —мои семь всего вещей! Онѣ помѣстились въ маленькомъ чемоданчикѣ, меньшемъ, чѣмъ ящикъ съ книгами, которыя она дарила мнѣ въ разное время. Спрашивала, уложилъ ли я рукопись деревенской исторіи? Я долженъ кончить ее, самое позднее, черезъ двѣ недѣли; теперь у меня не возникнутъ сомнѣнія насчетъ конца, который такъ затруднялъ меня до сихъ поръ. И я обязанъ никого не щадить, ничего не смягчать, обязанъ высказать свое послѣднее слово вполнѣ откровенно. Отпечатокъ посредственности, лежащій на нашей литературѣ, сплошь и рядомъ зависитъ отъ недостатка мужества у нашихъ поэтовъ и писателей,—талантовъ, выросшихъ въ одиночествѣ и лишенныхъ характера, который просвѣтляется и укрѣпляется только въ мірскомъ водоворотѣ!

Все это она высказала, пересчитывая мои теплые носки.

Нѣтъ другой такой женщины!

Она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я уѣхалъ въ часъ, такъ какъ должна обѣдать у г-жи форстмейстеръ, празднующей нынче свое рожденіе; и ни за что не хочетъ пропустить празднества.

Итакъ, мы простились.

— Будь здоровъ, Юстъ, и не забывай обо мнѣ и о дѣтяхъ.

— Могу ли я забыть васъ!

Теперь — конецъ. Письмо отъ *нея*, съ двѣнадцатичасовой почтой, которая почти никогда не привозитъ писемъ. Оно такъ и должно быть: ей принадлежитъ послѣднее слово въ моемъ дневникѣ, какъ и въ бесѣдахъ, которыя ведетъ съ нею мое сердце.

Капри, Hôtel Quisisana, іюль, 188*.

„Счастливчикъ! Здѣсь ужасная жара! Ни облачка на хвастливомъ голубомъ небѣ; солнце палитъ, безстыдное, какъ лобъ м-ра

Эдуарда Бёгби (капитанъ въ Her Majestys Army), который предложилъ мнѣ сегодня утромъ прогулку вдвоемъ къ arco naturale. Ахъ, хоть бы разъ вздохнуть воздухомъ моего волшебнаго лѣса, Юстъ! хоть бы разъ взглянуть въ твои честные глаза! Мужчины въ полномъ смыслѣ слова: a nasty set—ты знаешь, что̀ это значитъ?—and really I have no longed patience with them. Хоть бы отдѣлаться отъ нихъ какъ-нибудь. Но они липнутъ къ тебѣ, какъ репейникъ...

„Да, такъ о чемъ же я хотѣла тебѣ писать? Вотъ что! я останусь здѣсь до сентября и буду вести тихую, уединенную жизнь, если только это мнѣ удастся—на что̀ я надѣюсь—спровадить отсюда м-ра Бёгби и полдюжины другихъ джентльменовъ, интересныя физіономіи которыхъ набили мнѣ оскомину уже въ отеляхъ Рима, Неаполя и Сорренто. Не слѣдуетъ объявлять за табль-д'отомъ, куда собираешься ѣхать. Ты можешь записать это въ своемъ дневникѣ, прибавивъ: „одобрено Изабеллой". Кстати. Не можешь ли ты прислать мнѣ свой дневникъ? Я не стану нескромничать и добросовѣстно пропущу всѣ страницы, на которыхъ говорится о „ней". Или весь дневникъ посвященъ ей? Я тебя не уполномочивала на такое вѣроломство; ты былъ прежде честнымъ человѣкомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставила, тебя, очевидно, сбиваютъ съ толку.

Счастливчикъ! слова: „съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставила", тяжело ложатся мнѣ на сердце. Но ты знаешь, я никогда не вычеркиваю ни единаго слова, а начинать новое письмо при такой жарѣ невозможно. Пусть же они останутся въ наказа́ніе мнѣ. Зачѣмъ? Не знаю, но мнѣ такъ грустно. Сколько тебѣ лѣтъ теперь, счастливчикъ? Кажется, двадцать-одинъ; если такъ, то ты еще юнъ—непростительно юнъ. Что до меня касается, сѣдая ворона не такъ стара, какъ я. Она тоже сто лѣтъ летаетъ вокругъ горы, въ которой людоѣдъ заперъ Майскую-Ночь, за то, что она не хотѣла выйти за его сына. Подѣломъ ей: зачѣмъ связалась съ людоѣдами! Зато она и превратилась въ старую-престарую, сморщенную старуху, и когда, наконецъ, вышла изъ норы и встрѣтилась съ Губертомъ, который тѣмъ временемъ достигъ твоего возраста, похорошѣлъ и сталъ „ловцомъ передъ Господомъ",—хотѣла броситься ему на шею. Но онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и, приподнявъ шляпу, сказалъ:—Матушка, я всегда любезенъ и вѣжливъ съ дамами; только, мнѣ кажется, вы ошиблись.—Тутъ она убѣдилась, что онъ не узнаётъ ее и впервые замѣтила, какъ ужасно измѣнилась. Тогда она повернулась и ушла, горько-горько плача, такъ какъ еще въ дѣтствѣ, когда

была маленькой феей, любила молодого охотника. Да и онъ—ее. Вотъ почему это вторичное свиданіе было такъ печально, тогда какъ иначе большія бы деньги нажилъ тотъ, кто изобрѣлъ бы способъ не узнавать другъ друга при встрѣчѣ, разъ встрѣча должна быть тяжелой.

„Слышалъ ли ты, что Арманъ въ одну ночь проигралъ въ клубѣ 300.000 марокъ? Богъ мой, счастливчикъ! какой ты былъ дурачокъ, когда могъ ревновать меня къ этому господину! Говорятъ, онъ все хорошѣетъ, такъ что скоро его будутъ называть: „красавецъ Арманъ“. Только этого недоставало! Я ненавижу „красавцевъ-мужчинъ“.

„Эдита пишетъ мнѣ, что ты поѣдешь осенью въ Берлинъ; а я, бѣдняжка, должна ѣхать въ Палермо, и на зиму—въ Каиръ. Сицилійскій адресъ—отель Тринакрія; египетскій—пока неизвѣстенъ; вѣроятно—Хеопсова пирамида, нижній этажъ налѣво, просятъ звонить сильнѣе!

„Почта, которая, разумѣется, не доставила мнѣ письма отъ тебя, уходитъ; я должна кончить. Итакъ, до свиданія, счастливчикъ, весною въ Берлинѣ! И да благословитъ тебя Богъ, если ты меня узнаешь при встрѣчѣ.—Твоя—„Майская-Ночь“.

Да! Теперь—въ чемоданъ, мой вѣрный дневникъ, въ чемоданъ! Двинемся изъ одиночества въ широкій міръ!..

А. Э.

ДВА ОЧЕРКА

I.

Ненадолго.

Кругомъ песокъ, песокъ; кое-гдѣ короткая трава, плоскія лужи съ грязными берегами и много вѣтряныхъ мельницъ. Около хатъ—ни кустика. Ту деревню зовутъ уже счастливой, гдѣ передъ колодцемъ стоитъ корявая верба.

У господскаго хутора разведенъ садъ—и хорошій садъ. Подальше, правда, идутъ деревья малорослыя, вишенье да сливы, но ближе, къ пруду, есть двѣ славныя аллеи, совсѣмъ темныя, одна кленовая, другая — изъ бѣлыхъ акацій и широколистыхъ грецкихъ орѣховъ.

Тянется, тянется лѣто — и конца ему не видно. Кажется, ужъ цѣлую вѣчность Любочка живетъ здѣсь, гуляетъ по кленовой аллеѣ въ бѣлыхъ батистовыхъ платьицахъ съ голубымъ кушачкомъ и пишетъ письма подругамъ. А между тѣмъ она только въ концѣ мая сдала послѣдній институтскій экзаменъ.

Любочка поклялась Варѣ Бутыркиной и Машѣ Бемъ говорить всю жизнь одну правду, и уже начинала быть неискренней. Она писала имъ, что блаженствуетъ, не видитъ, какъ летятъ дни, что кругомъ тишина, дивная природа, цвѣты, что сестра ея — премилая, а дядя не наглядится на Любочку, исполняетъ всѣ ея прихоти. „О, если бъ вѣкъ прожить въ этомъ тихомъ уголкѣ!“ —заключала она свои посланія.

Что-то мѣшало Любочкѣ написать, какъ ей порою бываетъ тоскливо. Дядя больше отдыхалъ на широкомъ кретоновомъ ди-

ванѣ; бабушка ворчала въ своей комнатѣ, а сестра Клавдія казалась Любочкѣ ужасно несимпатичной.

Это было неудивительно. Клавдія Ивановна относилась къ Любочкѣ злобно. Она и сама не ожидала, что такъ выйдетъ.

Когда Любочка тоскливо шла по аллеѣ, поднявъ глаза наверхъ, Клавдія Ивановна слѣдила за ней съ террасы и говорила про себя:

— Поскучай, поскучай! молодая дѣвица съ голубымъ кушачкомъ!

Клавдія Ивановна жила какъ птица небесная. Ничего не дѣлала, читала романы, грубо говорила съ дядей и бабушкой и только шлялась по песку. Она обладала здравымъ смысломъ и скоро догадалась, что ни къ чему непригодна, да и не за что ей браться; кромѣ того и наружность у нея была некрасивая. Это-то ее больше всего и злило. А когда злости не хватало и хотѣлось быть доброй, она утѣшала себя мыслью, что наружность не играетъ большой роли въ жизни.

Однако сестра Люба ее возмутила. Она и сама не знала, что̀ собственно въ Любочкѣ такого возмутительнаго. Мало ли куколъ розовыхъ да бѣлыхъ. Самой Клавдіи минуло уже двадцать пять лѣтъ, а по уму она была сущее дитя. И не любила думать—мысли въ ней все злобныя приходили.

Когда начинались лунныя ночи, она до утра просиживала въ саду и попеременно то плакала и жалѣла себя, вспоминая обрывки романовъ, и представляла, какъ было бы хорошо... и какая она несчастная, — то опять зѣвала и куталась въ свой платокъ.

Кромѣ злобныхъ мыслей и сантиментальныхъ мечтаній, у Клавдіи ничего въ головѣ не было. Куда! Ей едва и на это хватало времени.

Дядя и бабушка давно рукой махнули „на эту дуру“, какъ они говорили. „И замужъ ее не выдашь: толстая да черная, а ужъ характерецъ“...

Двѣ зимы дядя прожилъ съ Клавдіей въ губернскомъ городѣ. „И тамъ отъ себя всѣхъ отвратила!“—удивлялся дядя.—„Ну, сиди въ деревнѣ, коли такъ“.

Одинъ разъ, когда Любочка пришла къ обѣду на террасу, она застала тамъ гостя. Дядя былъ въ восторгѣ; гость оказался сыномъ стариннаго пріятеля и привезъ отъ него поклонъ.

— Вы что же, въ отпускъ?

— Да-съ. При производствѣ у насъ даютъ отпускъ. Меня ужъ въ поручики...

— Ну! Скажите, пожалуйста!—И дядя съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на розовенькое, нѣжное, почти дѣтское личико офицера.

У него и усовъ почти не было, а такъ, бѣлый пухъ. Голубые глаза смотрѣли почтительно и наивно. Такъ смотрятъ щенята, которые въ первый разъ слышатъ человѣческій голосъ.

Любочка вспыхнула при взглядѣ на „кузена". Такъ она почему-то мысленно назвала офицерика. И тутъ же, невольно и неожиданно для себя самой, представила себѣ весь свой будущій романъ: какъ „кузенъ" влюбится, признается въ кленовой аллеѣ, и Люба скажетъ: „нѣтъ! но мнѣ васъ жаль"... Опомнилась она, когда уже думала, что онъ застрѣлится... Вспыхнула еще больше отъ досады на себя за такія мысли, молча поздоровалась и сѣла за столъ.

Пришла Клавдія, позднѣе всѣхъ, въ ситцевой блузѣ съ полинявшими рукавами, и едва кивнула гостю головой. Для нея онъ былъ не человѣкъ, пустое мѣсто. Она сама была такимъ пустымъ мѣстомъ для другихъ, знала это и съ удовольствіемъ позволяла себѣ „презирать людей".

Еслибы „кузенъ", или иначе Аркадій Семеновичъ, могъ угадать ея мысли, онъ бы сейчасъ же подумалъ, подумалъ минутъ съ пять, открылъ бы записную книжечку съ цвѣточкомъ и записалъ мысль: „Ненависть и презрѣніе къ людямъ происходятъ изъ источника самолюбія, а также отъ собственныхъ недостатковъ: безсильность возбудить къ себѣ любовь другихъ".

Любочка робко заговорила съ офицеромъ. Онъ отвѣчалъ тоже робко, но любезно и мило. Любочка оживилась и послѣ обѣда предложила показать садъ Аркадію Семеновичу. Дядя сонливымъ голосомъ протянулъ: „ну, идите, идите, молодежь"...

Клавдія посмотрѣла вслѣдъ удалявшейся парочкѣ и фыркнула.

— Чего ты?—сказалъ дядя, немного проснувшись.

— А то же,—отрѣзала Клавдія.—Смѣшно и противно. Сразу. И видно—какъ! Дѣвчонка эта...

— А тебѣ, матушка, дѣла нѣтъ. Можетъ, это все къ лучшему. Я бы обѣими руками... Вы сироты. Конечно, загадывать нельзя...

— Наплевать мнѣ и на ваши разсчеты, и на херувима этого съ Любой... Я васъ не просила со мной разговаривать.

Клавдія пошла въ комнаты и хлопнула дверью, причемъ оставила между дверями свое платье и со злобой оторвала оборку.

Происходило что-то такое странное, что всѣ домашніе находились въ безпрерывномъ удивленіи.

Аркадій Семеновичъ все еще гостилъ въ Талалаевкѣ, каждый день собирался и каждый день откладывалъ отъѣздъ. Но въ этомъ-то страннаго ровно ничего не было. Дядя предугадывалъ, что офицеръ заживется. Удивительнымъ казалось, что за Любочкой онъ совсѣмъ не ухаживалъ. А на Клавдію, къ общему недоумѣнію, смотритъ умоляюще, когда проситъ ее за обѣдомъ пойти съ нимъ и съ Любовь-Ивановной на мельницу.

Въ первый разъ Клавдія отвѣтила грубо, даже неожиданно грубо, и не пошла. Потомъ ничего не отвѣтила и не пошла. А третій разъ точно подумала и сказала: „хорошо".

Всю дорогу Аркадій Семеновичъ говорилъ съ Клавдіей и говорилъ очень мило, хотя и смущался. А на Любочку даже и не смотрѣлъ. Впрочемъ, Клавдіи онъ показался недальновиднымъ и даже глуповатымъ. Онъ съ искренней невинностью хвалилъ дружбу вообще и съ похвалой отзывался о дружбѣ Клавдіи и Любы, хотя могъ бы легко замѣтить, что никакой дружбы между сестрами не было. Врядъ ли онъ допускалъ возможность случая, когда двѣ сестры не дружны. То-есть допускалъ гдѣ-нибудь тамъ, у злыхъ людей. Но самъ онъ еще никогда не видалъ злыхъ людей, или „неимѣющихъ нравственности", какъ онъ говорилъ.

— Гдѣ вы, батенька, жили?—восклицалъ иногда огорченный дядя.—Въ полку или въ институтѣ, скажите, пожалуйста?

— Я въ полку не жилъ,—отвѣчалъ Аркадій Семеновичъ.—Я всегда жилъ и живу съ мамащей и папашей. А въ полкъ я только хожу.

„Молокососъ!"—презрительно подумала Клавдія и отправилась въ свою комнату. Тамъ она улеглась на постель съ романомъ Евгеніи Туръ. Стемнѣло. Туръ не давала никакого успокоенія. Клавдія вскочила, схватила большой платокъ и побѣжала въ садъ.

Въ саду было темно, сыро. Молодая луна давно закатилась, непривѣтливый вѣтеръ шумѣлъ листьями. Клавдія прошлась по аллеѣ. Въ концѣ стояла скамейка. Клавдія сѣла на нее, закуталась въ платокъ и безцѣльно смотрѣла въ темноту.

Послышался скрипъ шаговъ на пескѣ.

— Вы, Клавдія Ивановна?

Это былъ офицеръ. Клавдія вздрогнула, однако сказала:

— Ну, я. Чего?

— Я видѣлъ, какъ вы прошли въ садъ. И я надѣлъ пальто

и тотчасъ за вами. Весьма пріятно пройтись въ прохладѣ послѣ душной комнаты. Можно къ вамъ присѣсть?

— Да садитесь, коли хотите.

— Благодарю васъ.

И Аркадій Семеновичъ въ темнотѣ приподнялъ фуражку.

Нѣкоторое время они сидѣли молча. Наконецъ, Клавдія спросила:

— А гдѣ же Люба?

Аркадій Семеновичъ встрепенулся, но, сейчасъ же возразилъ своимъ кроткимъ голосомъ:

— Почему, Клавдія Ивановна, вы меня такъ спрашиваете? Я думаю, вамъ болѣе извѣстно, гдѣ ваша сестрица, легла ли она почивать, или еще нѣтъ...

Опять наступило молчаніе.

— Вы вотъ ко мнѣ неласковы, Клавдія Ивановна,—проговорилъ Аркадій Семеновичъ;—не знаю, чѣмъ я ваше нерасположеніе заслужилъ. Это меня весьма огорчаетъ, тѣмъ болѣе, что я всегда изъ всѣхъ силъ стараюсь быть пріятнымъ. Съ вами мнѣ много о чемъ поговорить есть. Я несчастный человѣкъ, Клавдія Ивановна, я до крайности робокъ, нерѣшителенъ. Не пугайте меня своимъ недружелюбіемъ. Повѣрьте, оно для меня весьма, весьма грустно.

Клавдія помолчала, потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, сказала:

— А оттого, что всѣ врутъ. Или врутъ, или издѣваются. И наплевать на всѣхъ.

Аркадій Семеновичъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Господи Боже мой! Что это вы такое говорите, Клавдія Ивановна! Развѣ можно о людяхъ такое мнѣніе имѣть? Да вотъ я первый, я за великій для себя позоръ считаю неправду сказать, и никогда не говорилъ, развѣ въ очень раннемъ дѣтствѣ. И вамъ никогда не совру, Клавдія Ивановна, на меня во всемъ положиться можно. Иногда я, можетъ, и утаиваю про себя, но это потому, что друга такого нѣтъ около, или отъ робости. Главное, отъ робости, право.

— Ну, что-жъ. Говорите тогда мнѣ все. Я слушать буду.

— Да, а все-таки я васъ какъ-то боюсь. А мнѣ хоть съ вами-то посмѣлѣе бы себя вести.

— Я не укушу. Нечего меня бояться. И если кто самъ хорошій, то ему и отъ другихъ хорошее можно ждать.

— Вотъ это вы вѣрно!—обрадовался Аркадій Семеновичъ.—

Ужъ я зналъ, что вы не такая, какой съ виду кажетесь. Въ васъ все иное.

— А почемъ это вы знали?

— Зналъ, зналъ... И я радъ. Теперь мнѣ все легче будетъ.

Они помолчали.

— Клавдія Ивановна! Вы не разсердитесь, знаете, что̀ я вамъ скажу: изъ всѣхъ тварей, человѣкъ—самая несчастная, и по своей же волѣ: надо ему попроще быть. Вонъ звѣздочки смотрятъ, вѣтеръ утихъ, жуки полетѣли, птички ночныя, свѣтлякъ зажегся... Все они тихо, да мирно, да просто. Нѣтъ у нихъ злобы, обмана, недовѣрчивости этой. И человѣкъ такъ: если ему сразу довѣрчивость показать, думать про него, что онъ добрый, къ природѣ близкій, такъ онъ непремѣнно добрымъ окажется. Еслибъ не робость моя, на которую я самъ сержусь, я бы вамъ все сразу же открылъ.

— Это насчетъ чего же?

— Да, вотъ, что̀ чувствую. Чувства мои,—проговорилъ Аркадій Семеновичъ и вдругъ смутился, испугался, вскочилъ со скамейки, сталъ прощаться.

Когда онъ уже отошелъ нѣсколько шаговъ, Клавдія его окликнула.

— Послушайте!

— Что прикажете?

— Вы какіе романы читали? Вы много читали? Вы о чувствахъ начали. Что̀ вы о любви думаете вообще?

— Я о любви много думалъ и думаю. И я вамъ непремѣнно разскажу все, что̀ думаю. А романовъ я не читалъ, или очень мало читалъ. Мнѣ не особенно нравятся. Въ жизни все гораздо проще и милѣе.

— Вы, пожалуй, и стиховъ не читали?

— Я и стихи не люблю, право. Ну, что̀ они! Ненатурально. До свиданія, Клавдія Ивановна.—Онъ ушелъ. Клавдія посидѣла-посидѣла и тоже медленно поплелась къ дому. Она себя не узнавала. Не сантиментальничала и не злилась на офицера, ни капельки. Какое-то доброе чувство было въ ней. Вотъ, узналъ же человѣкъ, что она не такая, какою ее считаютъ. Говорилъ по душѣ. И еще будетъ говорить. Славный какой! Съ Любой вотъ не говоритъ двухъ словъ, сидитъ красный да молчитъ. Боится ее. Даромъ, что бѣленькая да розовенькая, не въ этомъ видно дѣло. И какую онъ все правду говорилъ. Именно такъ все. Съ нимъ сама лучше сдѣлаешься. Только неужели онъ?

Клавдія вдругъ остановилась, даже дверь за собой не притво-

рила. Умиленное выраженіе ея лица смѣнилось суровымъ. Она ожесточенно плюнула, сбросила платокъ и стала раздѣваться на ночь.

Аркадій Семеновичъ съ обѣими сестрами обращался ровно, гулять они ходили вмѣстѣ, только разговаривалъ больше съ Клавдіей, какъ со старшей, менѣе дичился ея. Однако всѣмъ рѣшительно казалось, что Аркадій Семеновичъ ухаживаетъ за Клавдіей: такъ непривычно и неестественно было это ровное отношеніе.

Дядя, любившій выражаться рѣзко, говаривалъ иногда бабушкѣ:

— Странный молодой человѣкъ, чортъ его дери! Чего онъ съ этой дурой возится? И вѣдь ужъ знаемъ мы молодежь! Какъ ни финти, а тѣмъ же кончитъ! Люба-то и теперь въ него по уши влюблена. Дѣвчонка ядреная. Чего еще мудритъ? Мнѣ ужъ и отецъ его писалъ.

— Ну, однако, онъ съ Любой-то не очень.

— Ладно, ладно. Только бы Клавдинька наша тутъ не попалась.

А Клавдія ужъ давно „попалась". Влюбилась въ Аркадія Семеновича незамѣтно для самой себя, незамѣтно обо всемъ стала думать какъ онъ, глупо восхищалась имъ, но мечтать о немъ себѣ не позволяла.

Она стала какъ-то мягче, привѣтливѣе со всѣми, смѣялась, шутила, иногда плакала безъ особой причины, но уже не отъ напускного сантиментализма.

— Знаю, что влюблена, знаю, — говорила она себѣ по ночамъ.—И глупо это, а только зачѣмъ онъ...

Тутъ она себя сама прерывала. Ну, что̀ онъ? Ничего, ровно ничего.

Клавдія сдѣлалась точно молоденькая дѣвочка. Выйдетъ утромъ къ чаю, ужъ не въ полинялой блузѣ, увидитъ Аркадія Семеновича—и вспыхнетъ. Сердится на себя, а сдѣлать ничего не можетъ.

Впрочемъ, Любочка тоже. Любочка ходила грустная, робкая, точно потерянная и не писала письма подругамъ.

Приближался конецъ августа, срокъ отпуска Аркадія Семеновича. И онъ сталъ грустенъ, безпокоенъ, часто подходилъ къ Клавдіи, сжималъ ей руки и говорилъ тихо: „Вѣдь вы—мой другъ, да? Вѣдь мнѣ можно на васъ надѣяться?" и смотрѣлъ ей въ глаза.

Клавдія опять мучительно краснѣла и говорила: „Ну, конечно. Вѣдь знаете".

Клавдія о многомъ не позволяла себѣ думать; и мысленно называла себя дурой.

— Нѐчего полуношничать. Да и погода какая. Расходитесь-ка. Я лампадки зажгу, да окна запру пойду. Ну-ка, Любочка, ступайте-ка съ Богомъ.

— Покойной ночи, бабушка.

Люба встала, молча подала руку Аркадію Семеновичу, поцѣловалась съ Клавдіей и вышла. Бабушка тоже ушла и потушила двѣ свѣчи. Стѣнная лампа едва освѣщала большую, низкую комнату съ бѣлыми обоями, двумя окнами и дверью на балконъ. Сквозь опущенныя кисейныя занавѣски видно было, какъ то-и-дѣло вспыхиваетъ молнія, безъ перерыва, точно громадный бѣлый огонь мелькаетъ отъ вѣтра. Грома не было слышно и дождикъ не шелъ. Такія ночи, мучительныя, тяжелыя, какъ невысказанная любовь, часто случаются на югѣ. Ихъ зовутъ воробьиными ночами.

По срединѣ комнаты стоялъ столъ. На немъ только-что ужинали. Клавдія сидѣла облокотившись и положивъ голову на руки. Она ни о чемъ не думала и не хотѣла думать; ей было только больно, больно...

Аркадій Семеновичъ подошелъ къ ней проститься. Она молча подала ему руку. Онъ вышелъ, она не двинулась, опять прилегла головой и смотрѣла на скатерть, на куски хлѣба, тарелку...

Вдругъ она услыхала, что дверь скрипнула. И не поднявъ головы она почувствовала, что это онъ вернулся.

Онъ быстрыми шагами подошелъ къ ней, сѣлъ рядомъ на стулъ.

— Клавдія Ивановна!

— Что?—сказала она и взглянула на него.

Лицо у него было необыкновенное, рѣшительное и почти больное.

— Я, Клавдія Ивановна, такъ не могу уѣхать. Вы одна можете меня спасти. На васъ буду надѣяться... Я знаю, мое поведеніе нехорошее, странное, не сходится у меня со словами, но что̀ мнѣ дѣлать? И пересиливаю себя, и не могу себя побѣдить. Пожалѣйте меня, голубушка вы моя... Сразу я увидалъ, что вы не такая, какой дѣлаете себя, и съ вами мнѣ легче, чѣмъ съ другими. Легче душу открыть.

Клавдія почти не сознавала, что̀ онъ говоритъ. Она дрожала. „Ну, откройте, откройте!"—повторяла она и почему-то хваталась за его рукавъ.

— Видите, вы меня о любви часто спрашивали... И я отвѣ-

чалъ, что думаю... Для меня это дѣло святое, великое и простое... Тутъ человѣкъ съ природой за-одно... Любить—это Богу молиться... Только надо, чтобъ обѣ души равно другъ къ другу стремились... Чтобы и тутъ безъ обмана, милая вы моя!..

Онъ остановился. Его волненіе все больше и больше передавалось ей. Блескъ молніи перебѣгалъ на лицахъ. Онъ говорилъ скоро-скоро, точно куда-то спѣшилъ, точно не могъ думать медленно въ эту ночь.

— Вотъ и молнія; теперь все въ природѣ на мнѣ отзывается,—сказалъ онъ, замѣтивъ это.—Клавдія Ивановна, родная, пощадите меня—сами угадайте. Я дѣвушку люблю, и не смѣю ей сказать, души ея не знаю... Нѣтъ силъ... А можетъ быть и не нужно говорить ей? Тяжело мнѣ... Милая, дорогая, нужно ли сказать? Любитъ ли она? Вы знаете, знаете! Любитъ ли и она?

Онъ вскочилъ, схватилъ ее за руки, сжималъ ихъ и смотрѣлъ на нее съ такимъ отчаяніемъ и надеждой, что она только могла вскрикнуть: „да, да, любитъ!"—вырвалась и убѣжала къ себѣ.

Все измѣнилось. Клавдія плакала, на колѣняхъ передъ своей постелью, упавъ головой на подушки, счастливыми и тихими слезами. И все измѣнилось кругомъ.

„Неужели,—думала Клавдія,—неужели это я—и я была прежде, и все было прежде? Давно, давно... Господи, благодарю Тебя!"

Она, вся въ слезахъ, сѣла на полъ и улыбнулась дѣтской улыбкой. Вотъ когда начинается, вотъ когда стало все понятно и просто... Да, просто, онъ опять правъ. И ненужно ничего, кромѣ этого, а это—нужно, нужно! Нѣтъ такого плохого человѣка безъ счастія... И всѣ добрые, потому что если есть счастье, нельзя быть злымъ...

Клавдія и тутъ почти боялась думать словами, только улыбалась да повторяла: „Ну вотъ! Благодарю Тебя, Господи!"

Она такъ не привыкла мечтать о возможномъ, всегда воображая себя или красавицей-виконтессой, или волшебницей, что не думала о будущемъ и теперь. Она чувствовала, что счастье съ нею, навсегда, она даже устала отъ него: такое оно великое и неожиданное...

— Развѣ я смѣла? Фу, ты, ну что это!

Она отворила окно. Молнія утихла. Вѣтеръ пробѣгалъ по листьямъ. За прудомъ свѣтлѣла полоса.

— Родненькій, миленькій!—шептала Клавдія—и больше ничего не умѣла выдумать.

Потомъ ей вспомнилось, какъ онъ о ней сразу иное подумалъ, чѣмъ другіе.

„Оттого я такой и прикидывалась, и дѣлала себя мерзкой, что всѣ точно ждали, что я мерзкая. И пусть, пусть! И рожа, и злая, и отвратительная, и ненужная! А я вотъ для него нужная, самая ему милая"...

Клавдія не замѣчала слезъ, которыя текли у нея по щекамъ.

„Какая стану — онъ даже и не ожидаетъ! — думала она.— Все теперь другое пойдетъ. Не обману его. Душа у него чистая. Голубчикъ мой бѣлый!"

Когда совсѣмъ разсвѣло, Клавдія сошла въ садъ, спустилась къ пруду и смотрѣла, какъ плывутъ тихіе туманы, какъ желтѣетъ небо и точно холодѣетъ неподвижная вода.

— Ты встала, Клавдинька? — послышался голосъ Любы за дверью.

— Что тебѣ?—съ легкой досадой проговорила Клавдія.

— Поздно, сейчасъ завтракъ. Выходи!

И Клавдія слышала, какъ застучали по корридору каблучки младшей сестры.

Клавдія не торопилась. Она съ тщаніемъ занялась своимъ туалетомъ. Надѣла сѣрое платье, которое ей шили къ Пасхѣ, и брошку приколола.

Смотрясь въ зеркало, она уже не находила себя такой дурной. Ничего,—а глаза даже выразительные. Волосы она причесала по обычному—чтобы сразу не удивились. Потомъ браслетъ надѣла узенькій, любимый. Она такъ себѣ положила, что онъ ей долженъ счастье приносить.

Что она скажетъ? Какъ они встрѣтятся? Клавдія мало спала и не успокоилась.

Ей хотѣлось плакать и говорить съ нимъ.

Наконецъ, она вышла. По корридору шла тихо, тихо. Изъ гостиной услыхала его голосъ—счастливый, веселый—и почему-то перекрестилась.

Въ столовой уже кончали завтракать. Аркадій Семеновичъ крѣпко пожалъ ей руку и заглянулъ въ глаза. Клавдія вся просіяла. Она не обратила вниманія, кто кромѣ его сидѣлъ за столомъ и что̀ говорили. Потомъ она встала и прошла въ гостиную. Все улыбаясь, сама не зная зачѣмъ, она сѣла къ роялю. Ей хотѣлось бы играть, много музыки, но она не умѣла... Она ждала, что онъ придетъ.

И онъ точно пришелъ.

Клавдія вся обернулась къ нему и протянула руки. Онъ схватилъ ихъ и крѣпко поцѣловалъ.

— Голубушка моя!—проговорилъ онъ:—никогда не забуду, правду мнѣ сказала! Какіе мы съ Любой счастливые теперь, и у ней въ душѣ то же было, что у меня! Безъ васъ я, глупый, никогда бы не рѣшился, любовь послѣднюю силу отняла... А послѣ вчерашняго откуда и смѣлость взялась, и вотъ и кончено все! Спасибо вамъ, родная!

Онъ опять поцѣловалъ ея руки. Люба вошла въ комнату и поцѣловала Клавдію.

— Ты рада? Клавдинька, правда, онъ милый?

— Что? Да... Я пойду,—сказала Клавдія, встала и вышла.

Женихъ и невѣста удивленно переглянулись. Аркадія Семеновича что-то непонятное кольнуло въ сердце.

Простое было не такъ просто, какъ ему казалось...

II.

Ближе къ природѣ.

Всѣ были недовольны.

Пока никто еще не говорилъ ни слова, но ясно было, что всѣ недовольны.

Непріятности начались съ минуты пріѣзда на станцію. Шелъ дождикъ. Облака бѣжали низко. Озеро тянулось сѣрое, тусклое. И оказалось, что до имѣнія Столбы, гдѣ двѣ семьи, Назаровы и Каминскіе, наняли вмѣстѣ дачу—дороги нѣтъ, и лошадей достать нельзя.

Поѣздъ ушелъ; на мокрой платформѣ лежали вещи—сундуки, коробки, матрасы, зашитые въ рогожи.

Экономка Текла Павловна поддерживала слѣпую бабушку. Два мальчика тянули за цѣпь большую сенбернардскую собаку. Старшіе совѣщались.

Тоненькая Лили, въ открытыхъ туфелькахъ, презрительно молчала, глядя въ сторону. Она даже зонтика не распустила, и высокіе стебельки мака на ея шляпѣ колебались печально отъ дождевыхъ капель.

Своей презрительно-покорной позой Лили точно хотѣла ска-

зать: „По-своему сдѣлали, не поѣхали въ Павловскъ—и отлично. И еще не то будетъ. И я очень рада“.

Въ сторонѣ, около вещей, стояла кухарка и двѣ горничныхъ. Всѣ онѣ были молодыя дѣвушки. Но одна, самая высокая и полная, отличалась рѣзко одеждой и манерами отъ двухъ другихъ. На ней была надѣта ватная деревенская кофта изъ черновато-рыжаго люстрина и большіе сапоги. Она молчала и смотрѣла глубоко-равнодушно.

Наконецъ, дѣло разъяснилось.

Дороги на Столбы точно не было. Дамы смотрѣли имѣніе зимою и ѣздили туда на саняхъ по замерзшимъ озерамъ и рѣкѣ. Въ полтора часа можно было доѣхать. Теперь же—единственнымъ средствомъ попасть на дачу оказывался пароходикъ. Онъ былъ такой крошечный, что больше напоминалъ кофейникъ, нежели пароходъ. Пассажиры садились вокругъ машины, вплотную на лавкахъ. Въ лицо—жара, сзади—вѣтеръ. Ѣхать такъ приходилось четыре часа.

Дѣлать было нечего. Дачники отправились къ пароходу по высокой желѣзно-дорожной насыпи. И точно сговорились, никто не выражалъ недовольства, всѣ смотрѣли угрюмо и молчали. Старшія дамы чувствовали, что онѣ виноваты, забыли справиться о лѣтнемъ сообщеніи. Студентамъ было все равно. Бабушка ничего не видѣла. А Лили думала: „И пусть, и пусть... Я очень рада“.

Тащили вещи; Луша и Оля кричали, что тюки уронятъ въ воду.

— Ну, иди ты! Чего стоишь! Тебѣ говорятъ, Дунька! Иди скорѣе, пароходъ отъѣдетъ.

Невозмутимая дѣвушка въ деревенской кофтѣ влѣзла, наконецъ, по доскѣ и умостилась на дровахъ у самой машины.

Пароходъ отчалилъ.

Но въ Столбы не доѣхали засвѣтло: на второмъ озерѣ еще три четверти часа просидѣли на мели.

Назарова и Каминская были двоюродныя сестры. Обѣ—дамы полныя, среднихъ лѣтъ, обѣ — вдовы и обѣ притомъ небогатыя, хотя и не бѣдныя. У Каминской было два мальчика и слѣпая бабушка, у Назаровой—взрослая дочь, Лили, и три сына студента.

Кузины рѣшили, что жить вмѣстѣ на дачѣ гораздо выгоднѣе. Даже прислуги можно не столько держать. Совершенно довольно двухъ горничныхъ. Текла Павловна не въ счетъ. Она—экономка и кромѣ того водитъ слѣпую бабушку.

Не нужно только забираться далеко отъ Петербурга. Станція, ближайшая къ Столбамъ, всего въ двухъ часахъ ѣзды отъ города.

Никто же не могъ предвидѣть, что тутъ явится еще пароходъ. Злополучный пароходъ дѣлалъ Столбы порядочной глушью.

Старый деревянный домъ, выстроенный не для зимняго жилья, былъ похожъ не то на дачу, не то на баракъ. Стоялъ онъ на пустой горѣ, а внизу текла рѣка съ зелеными мелями и лысинами. Кое-гдѣ изъ воды торчалъ тѣсный рядъ кольевъ для рыбной ловли, точно поломанные зубы какой-нибудь громадной твари.

На другой сторонѣ виднѣлся желтый пригорокъ и деревня. А правѣе деревни, вдалекѣ надъ кущей деревьевъ, возвышалась остроконечная соломенная крыша съ низкой трубой на самомъ верху: это была крыша стекляннаго завода.

Оказалось, что провизіи на Столбахъ доставать рѣшительно неоткуда. Мясники не ѣздили, о булкахъ и говорить нечего.

Первая Текла Павловна начала вслухъ высказывать свое недовольство.

— Что же это такое?—разсуждала она.—Ни мяса, ни хлѣба, картофелю даже нѣтъ! А управляющій этотъ, Анкудимъ (тоже—управляющій! прямо себѣ мужикъ), говоритъ: „Вы, говоритъ, ничего не достанете по деревнямъ. Развѣ, говоритъ, на заводъ съѣздите. Тамъ лавка есть. Можетъ, и достанете чего".

— А самъ-то онъ какъ же?—робко замѣтила Теклѣ Павловнѣ барыня.

— А ему чтò? Живетъ себѣ на мызѣ, тамъ коровы, куры. Хорошо еще, молоко намъ оттуда даютъ. А скоро, говорятъ, и молока не станутъ давать...

— Такъ надо, Текла Павловна, какъ-нибудь на заводъ...

Главная черта характера Теклы Павловны была полная безнадежность. Она никогда не вѣрила, что какое-нибудь дѣло хорошо кончится и что-нибудь удастся. Стоило члену семьи запоздать на прогулкѣ — она съ полной увѣренностью говорила, что онъ либо утонулъ, либо его задавили, ограбили... Сны она видѣла самые дурные, предвѣщавшіе смерть и всякія несчастія.

Текла Павловна совершенно не вѣрила въ стеклянный заводъ и не видѣла возможности туда попасть.

— Кто же это поѣдетъ черезъ озеро? — возразила она съ негодованіемъ. — Да я первая не поѣду. Пусть самъ Анкудимъ и ѣдетъ.

— Мы перевеземъ,—отозвались студенты.—На берегу яликъ есть, вверхъ дномъ лежитъ. Спросить надо управляющаго — гдѣ весла.

Студенты отправились на мызу и вернулись въ полномъ недоумѣніи.

Анкудимъ объяснилъ имъ, что на яликѣ теперь ѣхать нельзя, вода спала и отъ берега нужно идти сажени три по щиколку въ водѣ и яликъ нести, пока дойдешь до глубокаго мѣста.

— Тамъ пристать можно, а отъѣхать на яликѣ никакъ нельзя. У насъ берегъ низкій.

— Какъ же вы на ту сторону ѣздите?

— А на ботикѣ. Лопатой гребемъ. Теперь вода очень спала.

Бо́тикомъ назывался выдолбленный стволъ толстаго дерева, мелкій и шаткій, какъ щепка. Ѣхать можно было въ крайнемъ случаѣ двумъ, причемъ одинъ, стоя сзади, гребъ лопа̂той.

Студенты не рѣшились отправиться на ботикѣ. Требовался большой навыкъ. Въ воскресенье Анкудимъ обѣщалъ дать работника съ мызы.

Текла Павловна внѣ себя пришла на кухню. А еще надо было самой посмотрѣть пироги. Лукерья ничего не умѣетъ.

— Въ воскресенье!—волновалась Текла Павловна.—Жди-ка воскресенья! А у насъ ни картофелю, ни капусты, ни керосину! Да и не дастъ онъ въ воскресенье никакого работника!

— Что это, Текла Павловна? — спросила любопытная Оля.

Оля была хорошенькая петербургская горничная, затянутая въ корсетъ и скучавшая здѣсь не меньше своей барышни, Лили.

Текла Павловна принялась жаловаться.

— А что вы думаете?—сказала вдругъ Луша, доставая противень изъ духовой:—у насъ Дунька ботикомъ править умѣетъ. Около ихней деревни озеро есть.

Всѣ посмотрѣли на Дуню.

Она сидѣла на порогѣ открытой двери и толкла сахаръ.

— Правда, что-ли, Дуня? Ѣздила на ботикѣ?

— Ѣздила. Я могу.

Дуня совсѣмъ не шевелила губами, когда говорила, и потому слова ея были невнятны.

Полное лицо ея съ короткимъ носомъ и свѣтлыми глазами напоминало красивыя и невыразительныя лица нѣкоторыхъ статуй. Ротъ она никогда не закрывала и приподнятая верхняя губа давала ея лицу выраженіе равнодушной удивленности. Одѣвалась въ деревенскія платья съ лифчикомъ, но они не портили ея широкую фигуру. Когда Дуня шла босая мимо буфета, посуда звенѣла и дерево трещало.

— Вретъ она все, деревенщина,—проговорила Текла Павловна.

Дуня ничего не отвѣтила и продолжала толочь сахаръ.

— Не вретъ, — вступилась Луша. — Она умѣетъ. Я хоть сама съ ней поѣду.

— Поѣдете вы, какъ же! Вотъ поѣзжайте-ка, утоните-ка!

— Зачѣмъ утопать. Я могу на ботикѣ,—мѣрно проговорила Дуня, не шевеля губами.

Рѣшено было попробовать и отправить Дуню съ Лушей въ заводскую лавку.

— Ишь ты, какая умѣлая! — сказала Оля: — никто и не зналъ. Даромъ, что изъ лѣсу.

Дуню только два мѣсяца тому назадъ привезла къ Назаровой ея тетка изъ глухой деревни, которая была недалеко отъ ея собственнаго захолустнаго имѣнія въ тверской губерніи. Назарова давно хотѣла нанять деревенскую дѣвушку.

Дуня была ко всему равнодушна, говорила мало и непонятно, молча работала, сохраняя почти веселый видъ.

— Дуня, ты какой губерніи?—приставала къ ней прежде Оля.

— А я не знаю.

— Эка ты! А какъ царя зовутъ?

— Да не знаю.

— А Троица святая гдѣ?

— Какая Троица? На Троицу дѣвки вѣнки...

— А звать тебя какъ?

— Звать Авдотьей...

— Слава Богу, это хоть знаешь. Что у васъ всѣ такіе-то?

— Какіе?

— Да ничего не знаютъ, ни царя, ни Бога?

— А откуда что знать? Церква далеко. Школа далеко. Бабы всѣ такія.

— Ну, а мужчины?

— Мужики? Мужики похитрѣе.

— Откуда жъ мужики знаютъ?

— Они въ волость ходятъ. Имъ пѣдать... Ихнее дѣло не бабье.

Дуня устала отъ длиннаго разговора.

Однако Оля и Луша не унимались.

— А что, Дунька, у тебя женихъ есть?

Дуня взглянула удивленно.

— Да я-жъ въ услуженіи. Я замужъ теперь не пойду.

— Отчего такъ?

— Воля... Дѣвка—что хочешь, то и дѣлаешь. Баба—другое.

— А парни у васъ на деревнѣ есть?

— Есть.

— Что-жъ, тебѣ не правились?

— Ничего. Дѣвкѣ—воля. Вотъ баба—другое.

— Чудна́я ты, Дунька. Никакого у васъ понятія ни о чемъ нѣтъ. Люди тоже называются. Сторона-то глухая у васъ.

— Что-жъ, что глухая?

О ля не нашлась отвѣтить.

Солнце еще стояло высоко на небѣ, когда къ пристани стекляннаго завода причалилъ ботикъ.

Имъ управляла Дуня, стоя съ лопатой на одномъ концѣ. Внутри, держась обѣими руками за борты, сидѣла Луша.

У пристани пыхтѣлъ грузовой пароходикъ „Альбертъ“. Онъ только-что притащилъ четыре пустыя барки со станціи. На берегу валялись рогожи, мусоръ и кучи битаго стекла. Рабочіе кричали и бранились.

— Дяденьки, куда намъ въ лавку пройти? — робко спросила Луша.

— Прямо идите.

Луша и Дуня отправились по дорогѣ въ гору. Дорога была хорошая, съ двумя канавками, съ густыми деревьями по обѣимъ сторонамъ.

Заводъ оказался цѣлымъ небольшимъ поселкомъ. Домики, около домиковъ доски положены, въ родѣ тротуара. Приближаясь къ главному зданію, Дуня и Луша услыхали пронзительный свистокъ. Было четыре часа: рабочимъ полагался отдыхъ и чай.

Главное зданіе — большой черный деревянный сарай съ соломенной крышей—смотрѣло непривѣтливо. Внутри было темно, жарко, только бѣгали красные отсвѣты отъ пылающихъ печей; на полу валялись осколки и брызги стекла; люди въ высокихъ деревянныхъ башмакахъ суетились и что-то кричали. Едва-едва Луша добилась, чтобы ей показали лавку.

Въ лавкѣ были пуговицы, чай, сапоги, колбаса, замки, марки и капуста. Только все оказалось въ три-дорога и въ самой лавкѣ сильно пахло мышами. Толстая сердитая нѣмка и говорить не стала, когда Луша вздумала торговаться.

Пока отмѣривали и отвѣшивали, въ лавку вошелъ рабочій, одѣтый чисто, въ синюю рубаху съ кушакомъ.

— Копченой на пятачокъ!—сказалъ онъ, подавая книжку.

— На пять нельзя, на десять можно,—сказала нѣмка, записала что-то въ книжку и отпустила товаръ.

Рабочій взялъ, но не уходилъ.

— Чего-жъ ты, Филиппъ?—сказала нѣмка.

— А вотъ на красавицъ еще погляжу.

— Очень вамъ благодарны, — возразила бойкая Луша: — а только не стоитъ глядѣть.

— Нельзя ли по имени-отчеству узнать? Откуда, съ какой стороны?

— Меня Лукерья Аѳанасьевна, а это—Авдотья, — сказала Луша.—Мы не издалека, мы на Столбахъ живемъ.

— А, на Столбахъ! Ну, сосѣди, значитъ. Еще увидимся. Прощенья просимъ.

Онъ улыбнулся и вышелъ.

— Что, каковъ, красивый? — сказала нѣмка, которая стала добрѣе.

— Очень хорошенькій!—съ убѣжденіемъ проговорила Луша. —А кто онъ такой?

— Филиппъ, подмастерье, въ шлифовной работаетъ. Хорошо заработываетъ, только пьетъ. А такой недурной.

У Филиппа были—что̀ не часто между крестьянами—совершенно черные волосы. Сзади они вились правильными, блестящими кудрями. Небольшая борода и усы, здоровый цвѣтъ лица и серьезные свѣтлые глаза—все было въ немъ привлекательно.

— Дуня, тебѣ Филиппъ понравился?—говорила Луша, когда онѣ ѣхали назадъ на ботикѣ съ мукой, крупой и другими припасами.

— Ничего.

— Ничего! Эка разиня! Съ медвѣдями росла! Не видитъ, не слышитъ!

— Нѣтъ, онъ ничего. Онъ мнѣ понравился, — настойчиво произнесла Дуня.

Окна комнаты Лили выходили на маленькій балкончикъ, совсѣмъ отдѣльный.

Какая скука, Господи, какая скука! Лили къ тому же рѣшила наказать маму и тетю за выборъ дачи—и серьезно лишить ихъ своего общества. Если одиночество—такъ одиночество. Не гулять же съ мальчишками и съ ихъ сенбернаромъ, не заниматься же физикой съ братьями-студентами?

И цѣлый день Лили сидѣла на своемъ балконѣ, на низкомъ плетеномъ стулѣ, положивъ ножки на табуретъ.

Лили смотрѣла на свои ажурные чулки, изящныя красныя туфельки и думала о томъ, что ей даже читать нечего, и единственное возможное занятіе—смотрѣть на красныя туфельки.

Впрочемъ, отъ времени до времени Лили взглядываетъ и въ открытое окно своей спальни, гдѣ Дуня убираетъ. Лили сердится: почему нѣтъ Оли? Дуня вѣчно одѣяло постелетъ наизнанку, а то еще уляжется на кровать и спитъ.

Это была истинная правда. Ее нѣсколько разъ заставали спящею.

Дунѣ казалось, что въ жизни есть двѣ радости: сонъ и ѣда. Все свободное время надо употреблять для достиженія этихъ радостей. Часто Дуня улыбалась про себя при мысли, что придетъ вечеръ и она ляжетъ спать. Когда она думала, что никто не узнаетъ—и никто, поэтому, ее бранить не станетъ, она рѣшалась ложиться днемъ на господскія кровати. Она понимала, что худо, когда бранятъ, но не понимала, худо ли спать на кроватяхъ само по себѣ.

Сразу у Дуни никакъ не могло быть больше одной мысли, или много-много двухъ. Когда она видѣла постель—она думала о снѣ; видѣла чьи-нибудь слезы — понимала, что его бранили или обидѣли; видѣла вкусное—хотѣлось съѣсть; но въ послѣднее время стала думать тоже, какъ бы никто ничего не зналъ и не видѣлъ. Тогда—все можно.

Лили, услышавъ подозрительный звукъ бумаги, стремительно вскочила и вбѣжала въ комнату. Дуня стояла передъ коробкой шоколада отъ Крафта и преспокойно откусывала отъ каждой конфетки по маленькому кусочку.

— Что ты дѣлаешь?—закричала Лили.—Мой шоколадъ отъ Крафта! А, теперь я знаю! Вотъ куда дѣвались двѣ тягучки у меня со стола! Такъ ты еще и воровка! Вотъ это мило!

Дуня молчала, какъ пень, и смотрѣла въ землю.

— Ты не думай! Я мамѣ разскажу и тебя выгонятъ!—кипятилась Лили. Потомъ, пристально взглянувъ на молчавшую Дуню, она подумала: „Можетъ быть... ces gens-là... они не имѣютъ и понятія о нравственности... Ей можно бы внушить"...

— Дуня,—сказала она, сдерживаясь: — ты понимаешь, что ты воровка, что это чужое, что воровать дурно? Большой грѣхъ—брать чужое, понимаешь? И вообще нехорошо, и... (тутъ Лили запнулась) и Богъ не велѣлъ воровать. Ты знаешь заповѣди?

— Не знаю,—промямлила Дуня.

— Хочешь, я тебя буду учить? — въ порывѣ великодушія воскликнула Лили.—Ты тогда узнаешь, какъ это дурно, и еслибъ даже никто не видалъ—все равно дурно...

Именно этого-то Дуня и не понимала. И на лицѣ ея такъ ясно выразилось непониманіе, что Лили невольно перемѣнила тонъ и прибавила:

— Теперь иди. Помни, что я тебѣ говорила. Если еще увижу—мамѣ скажу и тебя прогонятъ. Слышишь?

Дуня пошла по балкону въ кухню, тяжело ступая босыми ногами.

Въ кухнѣ сидѣлъ сотскій.

Текла Павловна не особенно жаловала его за балагурство. Однако, чаемъ его поила.

Сотскій былъ богатый мужикъ изъ сосѣдней деревни. Пожилой, крѣпкій, сильно бѣлокурые волосы завивались крутыми кудрями, глаза голубые—онъ еще казался молодцомъ. Мѣсяца три тому назадъ овдовѣлъ и ужъ подумывалъ о новой женитьбѣ — дѣтей больно много въ дому, не справиться.

Оля и Луша до упаду хохотали его шуткамъ.

— Сотскій, правда, что тебя становой въ уѣздномъ городѣ знаетъ?—спрашивали дѣвушки.

— Меня-то? Со мной становой знакомъ лично. Онъ со мной за руку здоровается. Моя должность такая. А вы вотъ, красавицы, изъ низкаго сословія.

— Да, какъ же! Почище тебя! И какая такая твоя должность?

— А вы не знаете? Попросту сказать—фискалъ. Случится кража или убійство—я сейчасъ подъ дверями, подъ окнами долженъ подслушивать, что говорятъ. Ну и найду, кто виноватъ. А ужъ особенно я насчетъ младенцевъ люблю. И сколько я на своемъ вѣку этихъ младенцевъ доказалъ!.. Да ныньче въ воспитательный не очень навозишь. Этимъ лѣтомъ двоихъ дѣтей возили и назадъ привезли. Двадцать-пять рублей давай—тогда примутъ. По зимѣ хоть десять было, а теперь двадцать-пять. Ну, не у всякой тоже есть. Эхъ, дѣти, дѣти! Что мнѣ съ моими-то дѣлать! Вотъ жениться хочу.

— А взяли бы меня?—лукаво замѣтила Оля.

— Тебя? Бѣлоручку-то? Ну, нѣтъ, и даромъ не надо. Вотъ кого возьму!—закричалъ онъ, увидавъ вошедшую Дуню. — Вотъ красавица-то, лучше всѣхъ васъ, бѣлѣе да румянѣе! Дунюшка-свѣтъ, пойдешь за меня?

Сотскій даже со стула вскочилъ и подлетѣлъ къ Дунѣ. Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показался Филиппъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ.—Чай да сахаръ.

— Милости просимъ,—отвѣчали ему дѣвушки.

— За кого это ты сватаешься тутъ? — спросилъ Филиппъ, обращаясь къ сотскому.

— А тебѣ-то что? Твоего не тронемъ. И почище твоего найдемъ,—произнесъ сотскій, подмигивая.—Мы вотъ Дунюшку-красу за себя взять хотимъ.

Онъ попытался обнять Дуню, но она неожиданно вырвалась и оттолкнула сотскаго. Всѣ захохотали.

— Нечего! —сказала Дуня.—Только зубы скалить. Этакій старый-то. Замужъ не пойду.

— Ай да Дуня, молодецъ! — похвалилъ Филиппъ. — Вотъ люблю!

Дуня посмотрѣла сердито и вышла на крыльцо.

Филиппъ тоже сталъ прощаться. Онъ былъ на мызѣ и зашелъ мимоходомъ. У него и ботикъ на берегу.

На крыльцѣ онъ встрѣтилъ Дуню.

— Когда на заводъ къ намъ пріѣдете?—спросилъ онъ немного измѣнившимся голосомъ и свѣтлые глаза его стали свѣтлѣе и ласковѣе.

— Не знаю. Можетъ, пріѣдемъ.

— То-то. Или мнѣ, что-ли, въ гости побывать? А, Дунюшка?

— Побывай, ничего... Побывай!—сказала Дуня и вдругъ улыбнулась.

Онъ, надвинувъ картузъ, пошелъ къ рѣкѣ. Дуня не посмотрѣла ему вслѣдъ.

Филиппъ, когда не пилъ, очень много задумывался. Иногда онъ отъ мыслей-то и запивалъ.

Мысли были его горе. Войдетъ что-нибудь въ голову—онъ и самъ не радъ, а отвязаться не можетъ. Онъ былъ убѣжденъ, что это мысли его погубили. Жилъ съ женой хорошо—да сталъ думать, зачѣмъ ихъ повѣнчали, зачѣмъ они вмѣстѣ живутъ, когда настоящей любви между ними нѣту. И зачѣмъ непремѣнно жениться нужно, когда холостому лучше жить?—Ушелъ на заводъ, жена умерла. На заводѣ Филиппу хорошо; можетъ, онъ и самъ бы мастеромъ въ шлифовной сдѣлался, отъ себя бы подмастерьевъ и дѣвушекъ держалъ, да и тутъ мысли ему мѣшаютъ. Иной разъ просто пустяки, а ничего не подѣлаешь. Филиппъ до сихъ поръ помнитъ, какъ онъ два дня думалъ, отчего говорятъ: стеклянный

заводъ—и ситцевая *фабрика*, и бумажная *фабрика*, а сахарный опять *заводъ*—и ужъ тутъ не ошибешься, а отчего такая разница — неизвѣстно. Филиппъ мальчикомъ долго въ школѣ учился, грамотѣ зналъ хорошо, бывалъ и въ городѣ — однако, нигдѣ ему про это не говорили. Спрашивалъ онъ барина, дачника; тотъ помялся, помялся,—а сказать не могъ. Филиппъ въ село поѣхалъ, батюшкѣ покаялся, тотъ велѣлъ Богу молиться. Можетъ, де, Господь и откроетъ, если ему, Филиппу, знать это суждено. Филиппъ не выдержалъ—запилъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого пилъ.

Наташку Филиппъ не любилъ, а она сама какъ-то ему навязалась. Вначалѣ она ему нравилась. Высокая, худая, смуглая, носъ тонкій, лицо строгое. Она въ шлифовной рядомъ съ нимъ работала.

Онъ ее не обижалъ, дарилъ ей много и денегъ давалъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ увидалъ Дуню и она вошла въ его сердце—Наташа ему совсѣмъ не мила стала.

„И вѣдь вотъ, неизъяснимо какъ! — думалъ Филиппъ, идя въ шлифовную однажды раннимъ утромъ.—Чѣмъ она меня, Дуня эта, взяла? И слова-то путемъ сказать не умѣетъ, изъ какой стороны глухой, къ мѣсту нашему не подходящая,—а вѣдь взяла всего какъ есть, только о ней и думаю, только увидать бы... Эхъ!“

Шлифовная была большая, четырехугольная зала съ окнами кругомъ. Вдоль стѣнъ стояли высокіе ящики и сосуды съ водой и пескомъ, вертѣлись круглые маленькіе жернова, называемые здѣсь „шайбами“. Были тутъ и станки—на нихъ работали мастера и подмастерья, втачивали стеклянныя пробки въ горлышки графиновъ и банокъ, обрѣзали рюмки... Рюмки, еще сложенныя въ корзины, которыя то-и-дѣло таскали мальчишки, не походили на рюмки: онѣ были безъ отверстія наверху и кончались закругленіемъ, точно конецъ яйца.

Дѣвушкамъ давали работу попроще; стояли онѣ по три, потому что каждая вещь должна была пройти три „шайбы“. Новенькихъ ставили на чугунную шайбу. Шлифуетъ дѣвушка дно у стакана на чугунной шайбѣ, поливаетъ ее водой съ пескомъ: и дно станетъ бѣлое. Передаетъ другой—на каменную шайбу—и дно станетъ только мутное. Послѣдняя шайба—деревянная—донышко сдѣлается чистое и свѣтлое.

Наташа стояла на деревянной шайбѣ. Она была понятлива, но дѣло сегодня не спорилось. Филиппъ работалъ недалеко отъ нея. И онъ задумывался. Испортилъ двѣ пробки, пролилъ воду. Мастеръ на него сталъ косо поглядывать.

Никто не разговариваетъ. Лица, особенно у женщинъ, блѣд-

ныя и равнодушно-больныя. Лужи воды текутъ и стоятъ на полу. Слышенъ звонъ разбиваемой посуды, визгъ стекла и шумъ вертящихся колесъ. Хлопаютъ двери. Это мальчишки приносятъ корзины со стекломъ и уносятъ готовое. И опять визгъ, и бульканье воды, опять, безъ конца... Слава Богу, свистокъ! Двѣнадцать часовъ. Всѣ бросили работу, только мастеръ сердито кончаетъ стаканъ. Ему платятъ по-штучно.

Въ темныхъ сѣнцахъ Наташа остановила Филиппа.

— Чего тебѣ?—отозвался онъ сурово.—Проходи-ка, мнѣ время нѣту. Штрафныя двѣ пробки послѣ обѣда втачивать буду.

— Сейчасъ, сейчасъ, Филя, я только тебѣ сказать хотѣла. Давеча Митюшка Анкудимовъ опять бывалъ. На мызу, къ управляющему въ работницы зовутъ. Такъ кàкъ скажешь: идти али нѣтъ? Мать говоритъ—иди. Отъ заводской работы отдохну, а то здоровье-то мое какое. По осени, коли придется, можно опять въ шлифовню поступить... А? Филиппъ?

Она держалась за рукавъ его рубахи и смотрѣла робкими глазами.

— Что-жъ? Иди!—сказалъ, усмѣхаясь, Филиппъ, но усмѣшка у него вышла невеселая. — Иди, я въ гости побываю, на этой же недѣлѣ, коли случится.

Наташа вдругъ закрылась фартукомъ, прислонилась головой къ стѣнѣ и громко зарыдала.

Филиппъ совсѣмъ нахмурился.

— Это еще что! Чего ты?

— Знаю я, знаю... Я-ли тебя не любила... Теперь ужъ не то пошло... не ко мнѣ ты на ту сторону поѣдешь... Люди-то говорятъ... А я на мызу пойду... пойду... сама увижу...

Филиппъ схватилъ Наташу за руку и съ силой повернулъ ее отъ стѣны. Наташа сразу умолкла.

— Такъ вотъ какъ!—сказалъ онъ тихо, почти шопотомъ.— Ты за мной подглядывать идешь... Иди. Только мало ты Филиппа знаешь. Силкомъ его не возьмешь.

Онъ оттолкнулъ дѣвушку и вышелъ вонъ.

Уже цѣлый часъ сидитъ Филиппъ въ кухнѣ, шутитъ съ Олей и Лушей, а Дуни еще не видалъ. Филиппъ пріодѣлся, жилетъ клѣтчатый у него и визитка открытая. Въ рубахѣ онъ ходитъ только на заводѣ. Наконецъ, стало смеркаться.

— Пора веселой компаніи пожелать пріятныхъ сновъ,—сказалъ Филиппъ, вставая и безпокойно оглядываясь вокругъ.—А нельзя ли узнать, гдѣ скрывается Авдотья Лукинишна?

— Знаемъ, знаемъ, по комъ сердце болитъ, — засмѣялась Оля.—И весьма вкусу вашему удивляемся. Конечно, кому нравится необразованность.

— Мой вкусъ при мнѣ и останется, Ольга Даниловна. Напрасно вы себя безпокоите, съ нами, мужиками, разговариваете.

— Скажите, пожалуйста!

Оля обидѣлась.

Луша была добрѣе и сказала Филиппу:

— А ты пойди правой дорожкой къ рѣкѣ, — тамъ Дунька бѣлье полощетъ. Эка лѣнивая, до сей поры кончить не можетъ!

Филиппъ встрѣтилъ Дуню у самаго берега; она возвращалась домой съ кучей мокраго бѣлья на плечѣ. Изъ-подъ розоваго платья виднѣлись крѣпкія босыя ноги. Голова была непокрыта.

Филиппъ сразу почувствовалъ, какъ у него дыханье захватило отъ радости—и удивился. Никогда съ нимъ этого не было,

— Дунюшка, сердце мое!—тихимъ голосомъ началъ Филиппъ. —Я къ тебѣ на встрѣчу шелъ. Какъ ты мнѣ мила, родная, я и разсказать не могу. Вотъ какъ передъ Богомъ—ни жену, никого такъ не любилъ. И словечка съ тобой еще не сказалъ, а ужъ душу тебѣ отдалъ... Дуня, а ты, скажи? Не противенъ я тебѣ? Полюби меня, радость!

— Я ничего,—сказала Дуня медленно и улыбнулась.—Я тебя не манила. Ты самъ ко мнѣ льнешь.

— Дуня, хочешь гостинцевъ? Я тебѣ завтра изъ лавки всего навезу. А вотъ тебѣ пока рубль денегъ: можетъ, пригодится на что-нибудь. Хоть брось да возьми, красавица ты моя! Приходи завтра въ это же время сюда подъ липки. Придешь? А, Дуня?

— Чего не придти! Приду. Ты ласковый, пригожій. Ты меня не обидишь. Гостинцевъ-то привези.

— Привезу, привезу!

Онъ, радостный, крѣпко обнялъ Дуню, но не поцѣловалъ и бѣгомъ пустился къ рѣкѣ, гдѣ стоялъ его ботикъ.

Дуня, какъ только вошла въ кухню, первымъ дѣломъ объявила, заговоривъ отъ несвойственнаго ей волненія совсѣмъ подеревенски:

— А, дѣвоньки, послушь-ка, чтò я скажу: Филиппъ-то мнѣ встрѣтился, рубль денегъ далъ!

— Ну? Чтò ты! Покажи!

Дуня показала.

— Ишь ты, подцѣпила молодца! Смотри, однако, ухо вострò держи. Вотъ дурамъ-то счастье! Господа бы только не узнали.

— Не узнаютъ,—равнодушно проговорила Дуня.

— Дуня, а Дуня! — нѣжнымъ голосомъ начала Ольга.— Дай-ка ты мнѣ этотъ рубль. На что онъ тебѣ? А я завтра необходимо должна рубль денегъ Андрею въ Петербургъ послать. Я тебѣ вотъ ей Богу же отдамъ. А, Дуня?

— Да возьми.

Дуня сказала это просто и даже удивленно: она не понимала, почему Оля такъ умоляетъ? Коли надо—такъ пусть и беретъ.

Въ серединѣ августа, послѣ дождей, наступили холодные, ясные дни. Особенно холодно бывало ночью. Ни вѣтерка; порѣдѣвшія деревья стоятъ, опустивъ листья; круглая луна равнодушно смотритъ съ морознаго неба.

Бѣлыя, мертвыя пятна лежатъ на лугу и по стѣнамъ ветхаго дома. Стекла оконъ тускло мерцаютъ. И кажется, что эта недобрая, мертвая природа—не дѣйствительность, а сонъ, холодный кошмаръ. Надо уйти въ комнаты, зажечь свѣчи и крѣпко закрыть занавѣси, чтобы не проникнули злыя очи луны. Богъ съ ней, съ природой, въ такое время! Не другъ она человѣку.

Въ кухнѣ ужинали и собирались ложиться спать. Дунька дремала съ ложкой въ рукахъ. Говорили о томъ, что скоро и въ городъ ѣхать, что сначала отправятъ старую барыню съ Теклой Павловной и мальчиковъ, а потомъ ужъ и всѣ двинутся.

Кто-то постучалъ въ окно.

Луша встала и подошла ближе.

— Кто тамъ? Чего нужно?

— Это я,—раздался женскій голосъ за окномъ.—Вышлите мнѣ пожалуйста Авдотью. Мнѣ надо ей слова два сказать... Я не войду, некогда.

— Ну-ка, просыпайся, Дунька!—сказала Луша, смѣясь.— Иди, Варвара, на расправу. Это вѣдь Филькина Наташка. Она въ работницахъ на мызѣ. Развѣ ты ее не видала? Она сюда приходила.

— Нѣтъ, я видала,—протянула Дуня.

— Иди-ка теперь, чтò она тебѣ говорить будетъ. Иди, не бойся.

— Да я не боюсь. Чего ей меня обижать? Она, чай, не барыня.

У Дуни было твердое убѣжденіе, что „обижать“ могутъ только господа, а свой братъ, простой человѣкъ, чтò бы ни сдѣлалъ—ничего. Не страшно.

На крыльцѣ, бѣломъ и тускломъ отъ луны, сидѣла Наташа,

закутанная въ большой платокъ. Лицо ея казалось еще хуже и чернѣе въ тѣни этого платка, надвинутаго на лобъ.

Дуня вышла, даже не покрывшись.

— Здравствуй.

— Здравствуй,—сказала Наташа.

И, помолчавъ, прибавила:

— Ты присядь-ка, дѣвушка, здѣсь. Послушай, что̀ я тебѣ говорить стану.

Наташа хотѣла казаться спокойной.

Дуня присѣла на верхнюю ступеньку.

— Ты Фильку знаешь? — проговорила Наташа шопотомъ, наклоняясь къ ней.

И неожиданно для себя заплакала.

Дуня молчала.

— Дуня, чѣмъ ты его приманила?—говорила Наташа, немного успокоившись.—Развѣ онъ тебѣ подъ стать? Разсуди ты сама. Брось это дѣло, Дуня. Мѣсто ваше глухое, народъ вонъ какой сѣрый. Развѣ ты это понимаешь, чтобы любить кого-нибудь? У васъ этого и понятія нѣтъ. Оно—кто его знаетъ—можетъ и лучше, только у насъ-то не такъ. Сторона—сама видишь—заводская, городъ недалеко, у насъ такой обычай, что коли я люблю кого—такъ ужъ и буду любить... Извела ты меня, Дуня... Самая я несчастная изъ-за тебя... Онъ, Филька, непонятный человѣкъ. Развѣ ты ему подходящая? Брось ты его, Дунюшка, ро̀дная...

— Жалко.

— Чего тебѣ жалко? Кого жалко? Гостинцевъ, что-ли, жаль?

— Его самого жалко... Убиваться станетъ...

— А меня не жалко? Я какъ щепка высохла... Вѣдь онъ, Филька-то, какъ меня наряжалъ? Отцу, матери одежу пошилъ, мнѣ двѣ подушки пуховыя, перину, одѣяло ватное справилъ... Да ужъ не надо бы одѣяла, только бы онъ на меня разокъ посмотрѣлъ... Онъ за тобой и въ Питеръ потянется, коли ты его здѣсь не бросишь. Ты его не знаешь, Филиппа, какой онъ непонятный человѣкъ. А я его знаю. Онъ все конца ищетъ, во всемъ, во всякомъ дѣлѣ, во всякой мысли добраться хочетъ до послѣдняго. У насъ рѣзчики есть на заводѣ, отъ руки рѣжутъ вензеля да цвѣты, и онъ хорошимъ рѣзчикомъ былъ—такъ нѣтъ, это ему мало: почему не могу всякую картину вырѣзать, и людей, и все, а только буквы да листья?.. Коли рѣзать—такъ чтобы все умѣть... А гдѣ-жъ дойти? Это учиться надо... Ну и запечалился, да какъ! Пить сталъ. Пробки теперь—противъ сердца втачиваетъ. Ну вотъ и съ тобой такъ же: полюбилъ тебя — и все будетъ

больше да больше любить, пока ужъ и любви въ немъ не останется. Такой онъ человѣкъ, Филиппъ этотъ! Дунюшка, Дуня, на тебя одну моя надежда... Больная я, вся оборванная, ни чулокъ у меня, ни платьишка. Да и сердце все по немъ болитъ. Можетъ, онъ опять ко мнѣ, ежели ты-то, Дуня, ежели скажешь...

Она опять заплакала, плакала долго, всхлипывая. Дуня словно что-то соображала.

Потомъ тронула Наташу за плечо и сказала:

— Полно-ка. Не убивайся. Ничего. Я его не манила. Онъ самъ. А мнѣ что̀! Мнѣ, пожалуй, какъ хочешь. Завтра у насъ стирка... А потомъ поутру я къ тебѣ на мызу буду. Ладно? Тамъ уговоримся. Не плачь.

Дуня прибѣжала на мызу рано и вызвала Наташу къ ригѣ.

— Вотъ тебѣ!—сказала она, подавая ей узелокъ.

— Что это ты принесла?

— А тебѣ. Тутъ пара чулокъ барыниныхъ, да наволочка, да два полотенца. Не узнаютъ. Скажу—полоскала, такъ въ рѣчку упустила. У нихъ чулокъ этихъ—страсть! Въ годъ не переносишь. А тебѣ надо.

— Какъ же такъ?—нерѣшительно проговорила Наташа.—Вѣдь это не годится. Какъ же я возьму?

— Да вѣдь не узнаютъ же,—сказала Дуня убѣжденно.—Носи. Вотъ еще платокъ шейный, красный шолковый, отъ молодого барина. Ты Филиппу подари. Я сама хотѣла—да ужъ пусть лучше ты. Можетъ, онъ къ тебѣ...

— Ладно, Дунюшка,—заговорила обрадованная Наташа:—я подарю, спасибо тебѣ... А только если Филиппъ къ тебѣ нынче придетъ, ты его неласково прими... Много васъ, молъ, такихъ-то, шляется, скажи... Не сиди съ нимъ... Дуня, я тебя вѣкъ не забуду...

Когда Филиппъ явился вечеромъ, Дуня вошла на минуту съ самоваромъ и не поглядѣла на него.

— Мое почтеніе!—сказалъ Филиппъ.

— Много васъ такихъ-то шляется,—проговорила Дуня, какъ заученный урокъ, и поскорѣе вышла.

— Это что же значитъ-съ?—И Филиппъ большими глазами, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ольгу и Лушу.

— А должно быть всему конецъ бываетъ!—злорадно отозвалась Ольга.—Намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно...

Шумъ, сборы, суета.

Пьютъ чай, закусываютъ, несмотря на ранній часъ, слѣпую бабушку нарядили въ мантилью и чепецъ, мальчики опять держатъ на цѣпи своего сенбернара; Текла Павловна внѣ себя и увѣряетъ, что ничего изъ этого не будетъ, на пристань поспѣть нельзя, да и пароходъ, чего добраго, не пойдетъ.

Но пароходъ свиститъ.

Пора идти.

— Что же это такое?—вопитъ Текла Павловна.—Я должна и бабушку вести, и за мальчиками смотрѣть, и вещи сдавать? Я рѣшительно отказываюсь. Это не въ моихъ силахъ.

— Что же вы раньше не говорили, Текла Павловна?—сердится барыня.—Ну, берите Дуньку, кого хотите...

— Давайте Дуньку! Давайте Дуньку! Да скорѣе чтобъ собиралась! Пусть большой платокъ накинетъ, скарбъ ея послѣ привезутъ...

Дуньку въ мигъ собрали. Она уѣзжала совершенно неожиданно.

— Что, кланяться Филиппу?—спросила ее Луша на крыльцѣ.

— Кланяйся... А то не... не надо... Наташкѣ кланяйся,—прибавила Дуня, оживившись на минуту.

Филиппъ пришелъ въ тотъ же вечеръ, принесъ съ собою какой-то узелокъ.

— А Дуня-то уѣхала, прости-прощай!—объявила Луша.

— Куда уѣхала?—спросилъ Филиппъ, блѣднѣя.

— Въ Питеръ, ныньче утромъ. И кланяться не велѣла. Такъ и сказала: „не надо". „Наташкѣ, говоритъ, кланяйся, а Филиппу не надо".

— Не надо, сказала?—машинально повторилъ Филиппъ. Лицо его сразу осунулось, поблѣднѣло желтоватой блѣдностью.—Ну, не надо, такъ что-жъ... Такъ тому и быть.

Онъ повернулся и пошелъ.

— Куда ты, парень? Вотъ, узелокъ забылъ...

Филиппъ пріостановился, безсмысленно взглянулъ на Лушу, махнулъ рукой и пошелъ дальше.

Въ узелкѣ оказались леденцы, полфунта пряниковъ и три аршина голубого ситцу.

Пришла настоящая осень.

Дни стояли чистые, желтые, прозрачные; небо оказалось блѣдное и прохладное; пахло гарью и лѣсной паутиной; золотые листья падали тихо, безъ шума.

Даже потеплѣло.

Дачники оставались на Столбахъ послѣдніе дни. Лили была весела, вѣроятно, въ ожиданіи скораго отъѣзда, гуляла, играла въ крокетъ на площадкѣ передъ балкономъ.

Партіи случались интересныя. Играли студенты и даже „тетя“, какъ называла Лили m-me Каминскую.

Сегодня почему-то всѣ играли дурно.

Студенты не прошли средняго креста впередъ; Лили обыкновенно первая приводила свой шаръ къ палкѣ и на правахъ „разбойника“ крокировала всѣ шары; но теперь и она запоздала, ей не давали пройти послѣднихъ воротъ...

Порѣдѣвшіе кусты на берегу позволяли видѣть далеко рѣку и озеро. Труба стекляннаго завода слабо дымилась.

Вдругъ зоркіе глаза Лили замѣтили узенькій ботъ, медленно подвигавшійся отъ завода вдоль по рѣкѣ. На ботикѣ стоялъ бѣлый досчатый гробъ.

— Посмотрите, посмотрите, гробы возятъ! — взволновалась Лили.—Можетъ быть, эпидемія какая-нибудь на заводѣ! Нужно узнать!

— Въ самомъ дѣлѣ гробъ!—согласились студенты.

Лили, увидавъ около кухни водовоза, принялась кричать:

— Ѳедоръ, Ѳедоръ! сходите, пожалуйста, къ рѣкѣ, узнайте, чей это гробъ везутъ! Не болѣзнь ли на заводѣ? Ѣдутъ близко отъ берега. Пожалуйста, Ѳедоръ, поскорѣе!

Водовозъ побѣжалъ бѣгомъ. Видѣли, какъ ботъ остановился, и мужикъ, который гребъ, что-то долго кричалъ Ѳедору.

Ѳедоръ, безъ шапки, запыхавшись, вернулся къ господамъ.

Лили и студенты, съ молотками въ рукахъ, окружили его.

— А это, барышня, не болѣзнь какая,—объяснилъ Ѳедоръ,— а это вчера на зарѣ подмастерье заводскій Филиппъ утонулъ. Его въ село везутъ, къ батюшкѣ.

— Да не можетъ быть!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Филиппа знали. Лили даже слышала что-то о его ухаживаніи за Дуней.

— Je comprends...—протянула она.—Вы знаете, несчастная любовь,—обратилась она къ своимъ. — Но какъ же это онъ? Нарочно?

— Нѣтъ, зачѣмъ!—возразилъ Ѳедоръ.—Выпивши они были, онъ, кузнецъ съ заводу и еще одинъ рабочій. И вздумали на другую сторону ѣхать. А какъ Филиппъ больше всѣхъ выпивши былъ и въ неразсудительности могъ ботъ перевернуть, то кузнецъ и рабочій его по рукамъ и ногамъ связали, да на дно и поло-

жили. Однако и они тоже не выдержали, стали пѣсни пѣть, да то, да сё—ботъ-то и дѣйствительно перевернулся. Тѣ отрезвѣли и выплыли, а Филиппъ, связанный-то, какъ ключъ ко дну пошелъ. Утромъ только отыскали.

— Ай, какой ужасъ!—замѣтила тетя, довольно, впрочемъ, равнодушнымъ голосомъ.

Лили почему-то была немного разочарована.

— Вотъ что̀ значитъ пьянство!—поучительно произнесла она, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

Θедоръ сказалъ:

— Это точно.

Потомъ постоялъ, постоялъ и пошелъ въ кухню.

— Ну, что же, господа?—раздался звонкій голосъ Лили.— Будемъ продолжать. Надо же кончить партію! Тетя, пожалуйста! Господа, мой чередъ! Прохожу послѣднія ворота! Я—разбойникъ!

З. Гиппіусъ.

ДЕРЕВНЯ

— *Каронинъ* (Петропавловскій). *Разсказы.* Три тома. М. 1890—1891.

Въ прошломъ году, 12-го мая, умеръ въ Саратовѣ Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій, гораздо болѣе извѣстный въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ Каронина. Это былъ еще молодой человѣкъ,—онъ умеръ около 35 лѣтъ,—но онъ успѣлъ составить себѣ добрую извѣстность своими трудами, появившимися впервые въ „Отечественныхъ Запискахъ" временъ Салтыкова. Онъ не стоялъ въ первыхъ рядахъ нашей беллетристики, но его дѣятельность останется замѣтной чертой въ литературной исторіи послѣдняго времени. Когда завершилась и дѣятельность, и самая жизнь, личность писателя сама становится историческимъ фактомъ въ судьбахъ нашего общества, и надо желать, чтобы люди, близкіе къ Каронину, разсказали эту біографію, которая была печальной біографіей, и объяснили ту внутреннюю жизнь, результатомъ которой были и его сочиненія. До сихъ поръ мы видѣли въ печати лишь немногія біографическія данныя [1]).

Петропавловскій былъ уроженцемъ одного изъ глухихъ угловъ Самарской губерніи. „Происходя изъ духовнаго званія, онъ провелъ все свое дѣтство въ деревнѣ и такимъ образомъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ познакомился съ жизнью народа, сроднился съ его горемъ и радостями и, впослѣдствіи, отдалъ себя безповоротно на служеніе его интересамъ. Учился онъ въ семинаріи, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ выйти изъ послѣдняго класса".

Въ дѣйствительности, не только выйти изъ школы, но и оста-

---

[1]) Укажемъ некрологъ въ „Р. Богатствѣ", 1892, № 6.

вить свою родину. Не знаемъ въ точности обстоятельствъ, но по всей вѣроятности съ нимъ повторилась исторія юношескаго неопытнаго идеализма, за который надо было заплатить испорченною жизнью. Мы читаемъ въ некрологѣ: „Жизнь Н. Е. не была особенно богата разнообразіемъ событій, но она была богата содержаніемъ внутреннимъ и страданіями... Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Саратовѣ. Лишенія и жизненныя невзгоды давно уже подорвали его здоровье... Г. Мачтетъ, проведшій съ нимъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, не малое время въ одномъ изъ городовъ Тобольской губерніи, говоритъ, что онъ тогда уже казался совсѣмъ изможденнымъ, совсѣмъ больнымъ,—до того былъ онъ худъ и блѣденъ; первая мысль при взглядѣ на него—была мысль о зломъ недугѣ, о послѣдней степени чахотки. Но тогда ея еще не было,—все это было продуктомъ въ конецъ почти разбитыхъ, истерзанныхъ нервовъ". Настоящей чахоткой, какъ говорятъ, онъ заразился только въ послѣднее время, но болѣзнь, вѣроятно, нашла уже очень подготовленную почву. „Цѣлые восемь мѣсяцевъ больной мужественно боролся съ недугомъ, не переставая почти все время читать газеты и журналы и интересоваться вопросами русской жизни и литературы. Онъ сознавалъ, что умираетъ, и смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти... Люди, окружавшіе его въ это время, по истинѣ поражались силою его духа"...

Литературная дѣятельность Каронина началась въ концѣ 70-хъ годовъ. Кромѣ „Отечественныхъ Записокъ", его разсказы появлялись въ журналѣ „Слово", а въ послѣднее время въ „Русской Мысли". Во время своего пребыванія въ Тобольской губерніи онъ занимался экономическими изслѣдованіями южныхъ округовъ этой губерніи и получилъ за нихъ премію отъ Западно-сибирскаго отдѣла Географическаго Общества. Поселившись въ Саратовѣ, онъ принялъ-было участіе въ мѣстныхъ изданіяхъ, но потомъ писалъ только въ „Р. Мысли", а также въ „Р. Вѣдомостяхъ" и „Казанскомъ Листкѣ".

Мы читаемъ въ некрологѣ, что, „какъ человѣкъ, онъ своею необыкновенною добротою, гуманностью и мягкостью, своимъ вѣчнымъ стремленіемъ жертвовать своими интересами въ пользу другихъ, умѣлъ возбуждать любовь и уваженіе къ себѣ во всѣхъ, кому приходилось съ нимъ сталкиваться". На мѣстѣ, человѣкъ, очевидно, близко его знавшій, писалъ о немъ послѣ его смерти:

„...Съ перваго дня своей сознательной жизни и до конца своего тяжелаго, страдальческаго пути онъ посвятилъ себя людямъ; всѣ свои силы, знанія, свой талантъ, свои мечты и мысли онъ отдавалъ имъ, и никто не слышалъ отъ него, чтобы онъ просилъ

чего-нибудь для себя или жаловался за себя. А ужъ не ему ли было на что пожаловаться! Только въ послѣдній моментъ, разставаясь навсегда со всѣмъ, что онъ любилъ, онъ произнесъ въ бреду нѣсколько словъ, изъ которыхъ удалось разслышать просьбу „отпустить на волю"... Вся жизнь его прошла какъ безконечная цѣпь страданій; онъ не видалъ ни одного свѣтлаго дня, развѣ только въ своихъ чистыхъ мечтахъ, и какой высокій духъ долженъ былъ жить въ этомъ человѣкѣ, если онъ сохранилъ глубокую вѣру въ людей, если изъ устъ его раздавались не проклятія, не крикъ ненависти и презрѣнія, а слова любви и надежды"...

Приводимъ, наконецъ, слова того журнала, который по основнымъ интересамъ своей дѣятельности долженъ былъ въ особенности дать себѣ отчетъ въ томъ содержаніи, какое представляютъ произведенія Каронина. „Независимо отъ степени таланта,—говоритъ некрологъ „Р. Богатства",—намъ кажется, что главное достоинство произведеній Каронина, главная притягательная сила ихъ для мыслящаго читателя заключалась въ ихъ идейности, въ той горячей любви къ людямъ, униженнымъ, обездоленнымъ и страдающимъ, и въ любви къ народу. Въ произведеніяхъ послѣдняго рода Каронинъ стремился не столько захватить отдѣльные типы, сколько очертить извѣстныя народившіяся въ обществѣ явленія, которыя самому ему были близки и интересны, или гдѣ обнаруживалось трудное положеніе при соприкосновеніи интеллигенціи съ народомъ... Такимъ образомъ, подходя съ разныхъ сторонъ къ одному и тому же излюбленному имъ предмету, изображая то самую народную жизнь, со всѣми ея грустными тяжелыми сторонами, то интеллигенцію, желающую идти народу на встрѣчу, Каронинъ своими произведеніями затрогивалъ общественную мысль и самыя лучшія, самыя благородныя струны человѣческаго сердца".

Если біографія помогаетъ опредѣлить писателя, то и самыя сочиненія, хотя бы наиболѣе объективныя, способны раскрывать его личность. Какъ мы видѣли, въ настоящемъ случаѣ данныя личнаго характера, кажется, вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оставляютъ произведенія Каронина. Дальше мы приведемъ примѣры, что впечатлѣніе этихъ произведеній дѣйствительно таково, и самая личность писателя, съ ея психологическимъ содержаніемъ, представляется любопытнымъ историческимъ явленіемъ. Повидимому, высшія ступени образованія остались ему недоступны; жизнь прошла въ самыхъ неблагопріятныхъ, крайне тяжелыхъ условіяхъ, вдали отъ общественной жизни и отъ

воздѣйствій личнаго общенія съ другими силами; тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ у этого писателя широкое нравственное содержаніе, сильно развитое общественное чувство: глубокій интересъ къ народной жизни, которымъ проникнуты его сочиненія, воспринятъ имъ какъ будто изъ цѣлой особой атмосферы, окружавшей лучшіе умы и характеры молодого поколѣнія. Его „направленіе" не воспитано кружкомъ; оно какъ бы само развивалось въ захолустьяхъ, въ которыхъ проходила его жизнь; одна литература безъ сомнѣнія оказывала на него свое дѣйствіе, но существо его содержанія давалось его личнымъ наблюденіемъ жизни, въ той окраскѣ, какую сообщала упомянутая общественная атмосфера. Понятно, что при этихъ условіяхъ тѣмъ болѣе выростаетъ интересъ его произведеній: это—нѣчто непосредственное, жизненное и простое; оно любопытно и по собранному бытовому матеріалу, и по самой личности писателя, внутренняя исторія котораго сама является чрезвычайно характернымъ историческимъ фактомъ нашей общественности.

Каронинъ не отличался сильнымъ художественнымъ талантомъ. Изъ ряда писателей, посвящавшихъ свои силы изображенію народнаго быта, онъ далеко уступитъ Глѣбу Успенскому, уступитъ даже Левитову; но въ его дарованіи была привлекательная черта той искренности и правдивости, которая не давала ему уклоняться отъ непосредственнаго смысла дѣйствительности, не допускала впадать ни въ фантастическія мечтанія, ни въ каррикатуру. Его можно причислить къ беллетристамъ-народникамъ; но отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ его выгодно отличаетъ именно это отсутствіе преувеличенной идеализаціи, которая, вѣроятно, казалась обязательной для народнаго патріотизма, а на дѣлѣ, безъ сомнѣнія, сдѣлала вліяніе народнической литературы болѣе тѣснымъ, чѣмъ оно могло бы быть. Никогда онъ не дѣлалъ своего разсказа теоретическимъ разсужденіемъ; въ трехъ томахъ его повѣстей ни разу не встрѣчается рѣчи о деревенскихъ „устояхъ"; нигдѣ филиппики, направленной противъ „интеллигенціи"; если иногда изображеніе нѣкоторыхъ ея представителей внѣшнимъ образомъ похоже на тѣ язвительныя изображенія, какія встрѣчаются у другихъ народниковъ-беллетристовъ, а иной разъ и на тѣ сантиментальныя изображенія, какія посвящались у этихъ беллетристовъ людямъ образованнаго круга, увѣровавшимъ въ „устои", отрекшимся отъ золъ интеллигенціи и поселившимся въ деревнѣ, —то это сходство только внѣшнее (въ дѣйствительности встрѣчались писателю подобные эпизоды) и авторъ не думалъ дѣлать изъ этого ни теоріи, ни поученія. Онъ только разсказывалъ и

рисовалъ жизнь такою, какою она ему представлялась. Дальше мы встрѣтимся съ мнѣніемъ, которое видѣло въ Каронинѣ народника-пессимиста, а рядомъ съ этимъ полагало возможнымъ причислять его къ тѣмъ псевдо-народникамъ, какіе расплодились въ послѣднее время, между прочимъ, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ псевдо-народничества гр. Л. Н. Толстого. Намъ это мнѣніе кажется не совсѣмъ точнымъ или прямо ошибочнымъ. Едва-ли можно сказать, чтобы Каронинъ вообще представлялъ какую-нибудь предвзятую тенденцію подобнаго рода, и тѣмъ менѣе пессимистическую. Много его разсказовъ, если не всѣ, оставляютъ печальное, даже тягостное впечатлѣніе,—но никакъ не потому, чтобы онъ былъ пессимистомъ, чтобы онъ хотѣлъ представлять жизнь въ мрачныхъ краскахъ: онъ былъ только правдивъ, не хотѣлъ подкрашивать дѣйствительности и не его вина была въ томъ, что дѣйствительность слишкомъ часто поражала его своими мрачными красками; его глубочайшей затаенной мыслью было возбудить своей картиной человѣческое сочувствіе къ тѣмъ всячески заброшеннымъ людямъ, какихъ такъ много представляетъ деревня. Въ объясненіе или въ извиненіе этого характера его разсказовъ было замѣчено, что, изображая исключительно однѣ захудалыя деревушки и мужиковъ, дошедшихъ до послѣдней степени нищеты и разоренія, „онъ былъ въ полномъ правѣ въ этой своей односторонности, такъ какъ никто не можетъ воспрепятствовать художнику изображать такіе факты, которые болѣе всего занимаютъ его; къ тому же такіе факты преобладаютъ *въ настоящее время* въ народной жизни, стоятъ на первомъ планѣ и прежде всего просятся подъ перо“ [1]). Мы прибавили бы, что рѣчь идетъ, однако, не только о настоящемъ времени и не только о матеріальной захудалости. Русская деревня издавна вела довольно печальную исторію: во времена крѣпостного права даже случавшееся матеріальное благосостояніе было принижено рабствомъ; за послѣднее время, независимо отъ голода и гораздо раньше его, началось то стремленіе къ переселенію, которое было признакомъ большого матеріальнаго разстройства деревни; формы переселенія, сопровождавшагося крайней нищетой и смертностью, указывали кромѣ матеріальныхъ и общественныя неурядицы. Наконецъ, привычныя явленія быта издавна и до сихъ поръ свидѣтельствовали, несмотря на все предполагаемое могущество „устоевъ“, крайнюю безпомощность умственную и духовную. Не нужно было захудалыхъ

[1]) Скабичевскій, Исторія новѣйшей русской литературы, 2-е изд. Спб. 1893, стр. 349.

деревень и разорившихся мужиковъ для того, чтобы картина деревни оставалась мрачной. Новое размноженіе населенія готовитъ недостатокъ земли, и неумѣнье, или въ данныхъ условіяхъ невозможность, иначе поставить хозяйство поведетъ опять къ захудалости и къ новымъ переселеніямъ; примѣры мужицкаго богатства почти неизмѣнно изображаются и чаще всего дѣйствительно бываютъ не столько результатомъ разумнаго правильнаго промысла, сколько результатомъ такъ называемаго кулачества, и потому даже они не могутъ особенно радовать наблюдателя народной жизни.

Первый рядъ разсказовъ Каронина дѣйствительно поглощенъ почти безъ исключенія этими безотрадными картинами деревенской нужды, въ которую входитъ не только матеріальная бѣдность, но также общественная безправность и умственная безпомощность. Какъ мы сказали, у Каронина нѣтъ въ этомъ случаѣ никакой намѣренности. Его настроеніе можетъ намъ казаться пессимизмомъ, но онъ, очевидно, не выбиралъ нарочно захудалыхъ деревень, а изображалъ то, что̀ всего сильнѣе поражало человѣка, желавшаго добра этой деревнѣ. Можно находить недостатки въ его писательской манерѣ, но его нельзя упрекнуть въ выдумкѣ—той выдумкѣ, какой бывало не мало въ тѣ годы, когда лѣтъ сорокъ тому назадъ возникала спеціальная беллетристика изъ народнаго быта, и какая, несмотря на всѣ успѣхи нашей народной повѣсти, не вывелась и до сихъ поръ—въ ту или другую сторону. Деревня была знакома Каронину съ дѣтства, онъ вѣроятно видѣлъ ее не мало и послѣ, и этого знанія было достаточно, чтобы дать содержаніе его разсказамъ: онъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежалъ къ тѣмъ повѣствователямъ, которымъ приходится выдумывать сюжеты; онъ говорилъ о томъ, что̀ ему было хорошо извѣстно. То, что̀ называютъ „идейностью“ его повѣстей, заключается въ томъ, что ихъ содержаніе вовсе не есть анекдотъ, безразличная „картинка нравовъ“,—напротивъ, такъ какъ передъ нимъ всегда рисовалось общее положеніе деревни, его разсказы всегда связаны съ какой-нибудь существенной стороной народнаго быта: потому они и могли наводить читателя на размышленіе о томъ, гдѣ причина деревенской бѣды и какъ ей помочь. Мы не будемъ пересказывать содержаніе его повѣстей и приведемъ только нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ, гдѣ отражается это общее положеніе деревни въ ея домашнемъ быту и ея отношенія къ властямъ и къ разнаго рода „барину“.

Въ разсказѣ „Безгласный“ изображается мужикъ Фролъ, единственный грамотѣй на всю деревню, котораго зовутъ каждый разъ,

когда въ деревенскихъ дѣлахъ требуется „письменность" —нужно написать бумагу, объясняться по ней съ начальствомъ и т. п. Фролъ не отказывается отъ подобныхъ хлопотъ, потому что дѣло бываетъ „опчественное". Разъ пріѣхалъ въ деревню господинъ, собиравшій свѣденія объ общинѣ; на его желаніе поговорить съ знающимъ человѣкомъ, къ нему послали Фрола. Разговоръ вышелъ весьма нелѣпый; оба не понимали другъ друга. „Баринъ принадлежалъ къ числу тѣхъ праздношатающихся, которые, для пополненія празднаго времени, безъ пути слоняются по захолустьямъ и изслѣдуютъ вопросы съ точки зрѣнія своей собственной праздности. Это было время, когда только-что возникъ вопросъ: сейчасъ упразднить общину или повременить. Изслѣдователь, остановившійся у парашкинцевъ, этимъ вопросомъ и былъ занятъ". Разговоръ происходилъ такъ:

„—Скажи, пожалуйста... да ты что̀ стоишь? Садись, другъ мой.

— Покорно благодаримъ...

— Скажи, пожалуйста, какъ у васъ община... крѣпка?

— Это насчетъ чего?

— Не хотите землю дѣлить?

— Не слыхать будто...

— Значитъ, крѣпко держитесь общинныхъ порядковъ? Ну, а не бѣгутъ отъ васъ люди? не покидаютъ землю? не тяготятся вашими порядками? — спросилъ изслѣдователь, довольный тѣмъ, что вопросы такъ быстро разрѣшаются.

— Бываетъ, и въ бѣги даются.

— И много бѣгутъ?

— Бываетъ.

— Такъ, значитъ, община-то ваша распадается? — спросилъ пораженный изслѣдователь.

— Которые люди въ городъ бѣгутъ, тѣ отъ опчества отстраняются, а которые въ опчествѣ живутъ, ну, тѣ тутъ и живутъ... —отвѣчалъ Фролъ, недоумѣвая, зачѣмъ все это его спрашиваютъ".

Разговоръ кончился такъ:

„—Да ты самъ какъ объ этомъ думаешь? вѣдь есть же у тебя мнѣніе?

— Это насчетъ чего?

— Хорошо или худо подѣлить землю?

— Да я что же... какъ опчество...

— Да тебѣ плохо или хорошо жить при этихъ порядкахъ?

— Чего ужъ тутъ хорошаго!

— То-то же и есть; значитъ, хорошо подѣлить?

— Да какъ опчество...

„Баринъ сплюнулъ; лицо его было красно; сколько онъ ни предлагалъ далѣе вопросовъ, путнаго ничего не вышло“.

Разногласіе у барина и деревенскаго жителя авторъ опредѣляетъ такъ: „Между бариномъ и Фроломъ Пантелѣевымъ было, очевидно, полное непониманіе, и говорили они на разныхъ языкахъ, изумляясь легкомыслію другъ друга; да и трудно было имъ сойтись на какой-нибудь точкѣ взаимнаго разумѣнія. Для изслѣдователя община рисовалась въ видѣ полицейской будки, которую можно упразднить или оставить на мѣстѣ; а для Фрола „опчество“ было его собственнымъ тѣломъ, рѣзать которое, само собою разумѣется, больно. Первый могъ спокойно говорить объ упраздненіи, а второй и не думалъ объ этомъ никогда“.

Вѣроятно этотъ и два-три подобныхъ эпизода привели критику къ заключенію, что Каронинъ, какъ и другіе народники, изображая встрѣчи народа съ интеллигенціей, стремился къ посрамленію послѣдней. Заключеніе кажется намъ невѣрнымъ. Если, напримѣръ, г. Златовратскій представлялъ дѣло такъ, что обыкновенный интеллигентный смертный, оторвавшійся отъ народа, совсѣмъ не въ состояніи постичь общинныхъ порядковъ, не можетъ и мечтать уразумѣть глубины народнаго духа, то у Каронина мы этого не находимъ. Выведенный имъ „баринъ“ есть „праздношатающійся“ и глупый человѣкъ, который не знаетъ даже, что мужику можетъ быть непонятна книжная терминологія и что съ нимъ надо было говорить болѣе доступнымъ ему языкомъ. Что такіе люди бываютъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и здѣсь можетъ совсѣмъ не быть каррикатуры, — тѣмъ болѣе, что изображеніе другой стороны вовсе не польщено. Фролъ, по словамъ автора, могъ бы отвѣчать опредѣленнѣе, еслибы вопросы были сдѣланы вразумительно для него, — но въ самой общинѣ для Фрола не было такой святыни, какъ обыкновенно предполагаетъ народническая теорія и беллетристика. Что̀ сказалъ бы онъ, еслибы понялъ вопросъ? „Можетъ быть, онъ сказалъ бы, что владѣть одному десятиной и разводить на ней капусту гораздо лучше, чѣмъ владѣть ею сообща и сѣять на ней рожь; можетъ быть, онъ подумалъ бы наоборотъ, а можетъ быть, не долго думая, онъ сказалъ бы, что несравненно лучше всего прочаго плюнуть на эту десятину и „даться въ бѣга“.

Дѣло въ томъ, что для Фрола, въ данномъ случаѣ изображавшаго собою многія тысячи ему подобныхъ „членовъ общины“, его „опчество“ было привычной, единственной знакомой формой быта, за которую онъ естественно и держался; но когда она совсѣмъ переставала ему служить и нѣсколько его обезпечивать,

онъ былъ не прочь „даться въ бѣга“, т.-е. совсѣмъ съ ней разстаться. Многіе и „давались въ бѣга“. Его роль въ „общественной жизни“ авторъ изображаетъ такъ. Его односельчанамъ надо было выбрать отъ себя гласнаго въ земское собраніе; прежнимъ гласнымъ, старостой, были—по своимъ домашнимъ дѣламъ—недовольны и теперь выборъ палъ единогласно на Фрола, какъ человѣка письменнаго и уже имѣвшаго дѣла съ начальствами. Фролъ былъ пораженъ избраніемъ. „Парашкинцы (односельчане) недоумѣвали, поглядывая на странное лицо своего излюбленнаго, скорѣе деревянное, чѣмъ живое. А Фролу было дѣйствительно не по себѣ. Прежде всего, его поразила неожиданность его избранія; потомъ онъ очумѣлъ отъ страха. А потомъ, ясно представивъ себя дѣятелемъ въ сысойскомъ земствѣ, онъ почувствовалъ боль, отъ которой ныли всѣ его внутренности. Онъ погрузился въ себя, угрюмо и молчаливо шагая среди своихъ парашкинцевъ, ликующихъ, что, наконецъ, повинность справлена“.

Это настроеніе не было, однако, чертой исключительной. Для деревни Фролъ, какъ письменный человѣкъ, былъ кладъ и никто не сомнѣвался въ его способности „представлять невѣжество парашкинцевъ въ сысойскомъ земствѣ“,—но для него самого эта репутація не была полезна. „Прежде всего онъ, какъ извѣстный парашкинецъ, любилъ лучше сидѣть дома, чѣмъ тыкаться Богъ знаетъ гдѣ, и понятна горечь, съ какою онъ каждый разъ собирался въ уѣздный городъ Сысойскъ. Только дома онъ чувствовалъ себя хорошо; внѣ же дома онъ былъ рыбой, вытянутой на берегъ. Онъ всю жизнь держался правила или скорѣе вопля: „не тронь меня!“ Можно даже сказать, что и вся-то его жизнь заключалась въ несчетныхъ попыткахъ скрыться, утаить свою душу и тѣло и остаться незамѣченнымъ“.

Взгляды Фрола были, разумѣется, не единичные, и мы имѣемъ дѣло съ результатомъ цѣлой многовѣковой исторіи. Панегиристы „устоевъ“ полагаютъ, кажется, что ихъ порча и колебаніе происходятъ только отъ вины какихъ-то постороннихъ людей, не понимающихъ ихъ значенія; въ дѣйствительности, устои несомнѣнно подвергаются вліянію самыхъ разнообразныхъ отношеній государственно-экономической жизни, а самые носители ихъ едва-ли сдѣлали что-нибудь для того, чтобы охранить ихъ значеніе. Каронинъ не даромъ изображаетъ „письменнаго“ Фрола предпочитающимъ лучше сидѣть дома, чѣмъ „тыкаться Богъ знаетъ гдѣ“, и всего больше старающимся „скрыться, утаить свою душу и тѣло“. Обычная умственная неподвижность крестьянскаго быта мало измѣнилась противъ прежняго; великая реформа, доставившая лич-

ную свободу отъ помѣщика, не вызвала стремленія сознательно оглядѣться въ новыхъ условіяхъ; сельская школа въ огромномъ числѣ случаевъ все еще только терпима крестьянами и нѣтъ стремленія расширить ее до такого размѣра, гдѣ она доставляла бы серьезное пригодное знаніе. На примѣрѣ Фрола Каронинъ указываетъ, какъ сельское населеніе относилось къ земству. Онъ страшно смутился своимъ избраніемъ: что̀ будетъ онъ дѣлать въ этомъ земствѣ? „Прежде онъ приносилъ пользу парашкинцамъ тѣмъ, что во̀-время умѣлъ смолчать и скрыть; теперь онъ долженъ говорить, и притомъ гласно. Прежде онъ „дѣйствовалъ“, просилъ, умолялъ; теперь онъ долженъ доказывать, разсуждать, убѣждать. Но долгая привычка молчать, неумѣнье говорить о томъ, что̀ думаешь—все это качества, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться мгновенно и по первому требованію. Съумѣетъ ли онъ говорить такъ, чтобы не осрамить своихъ парашкинцевъ? А что его заставятъ говорить — это было для него ясно, иначе зачѣмъ и земство? Теперь, очевидно, его спросятъ: какія нужды имѣютъ парашкинцы? какими способами удовлетворить ихъ? Какъ ты объ этомъ полагаешь, Фролъ Пантелѣевъ? Фролъ представлялъ себѣ все это и болѣлъ. Ну, а если проврешься? Если осрамишь только парашкинцевъ? Если вмѣсто пользы принесешь имъ одно зло?“

Пріѣхавши въ городъ ко дню открытія земскаго собранія, онъ съ ранняго утра ходилъ около дома, гдѣ помѣщалось земское собраніе, пока, наконецъ, осмѣлился войти и встрѣтилъ тамъ одного сторожа, который сначала обругалъ его, но смягчился, увидѣвъ, что Фролъ „произведенъ въ гласность“. Сторожъ принялся руководить неопытнаго деревенскаго представителя. Главный совѣтъ, который онъ давалъ, состоялъ въ томъ, чтобы сидѣть и молчать.

„А почему? Первое дѣло, языкъ лопата, второе дѣло—умъ за разумъ зайдетъ у тебя, какъ это они начнутъ говорить.

„Мироновъ остановился, а Фролъ напряженно устремилъ глаза въ пространство и недоумѣвалъ.

— И все молчать? — спросилъ онъ.

— Молчи.

— Ну, а ежели такъ... къ слову, разумное, что ни на есть?..

— А я тебѣ говорю, молчи. Скажи ты необразованное слово, сейчасъ тебя, Господи благослови, за хвостъ да палкой“.

Затѣмъ Мироновъ объяснялъ, какъ бываетъ „балтировка“.

„—Когда тебѣ скажутъ: Фролъ Пантелѣевъ! Клади черный! ты клади черный; или опять скажутъ: клади бѣлый—клади бѣ-

лый; безъ ослушанія!—пояснилъ Мироновъ, самъ изумляясь своему краснорѣчію.

— Ну, а ежели я самъ... положу за кого надо...—нерѣшительно возразилъ Фролъ.

— Безъ ослушанія!—сурово проговорилъ Мироновъ, возмущенный недовѣріемъ Фрола".

Дѣло шло, однако, совсѣмъ не такъ, какъ преподавалъ сторожъ, отставной гренадеръ Мироновъ. На первый день происходилъ выборъ гласныхъ въ губернское земство и ничто не мѣшало Фролу въ его занятіи—примѣчать и учиться.

„Въ этотъ день онъ дѣлалъ то, чтѣ дѣлали другіе: сидѣлъ, когда всѣ сидѣли, вставалъ, когда вставали другіе; двигался вмѣстѣ съ прочими, и отличался отъ многихъ только тѣмъ, что абсолютно молчалъ въ то время, когда говорили вокругъ него. Тѣмъ не менѣе, внутренности Фрола не переставали болѣть и внутренняя работа не прекращалась въ немъ; ему хотѣлось понять смыслъ всего происходящаго, чтобы потомъ... а дальше онъ думалъ поступать какъ Богъ на душу положитъ. За этотъ день Фролъ такъ намучился, что, придя на свой постоялый, и почти ничего „не ѣмши", онъ какъ снопъ повалился на лавку".

Въ слѣдующіе дни онъ продолжалъ волноваться, но старался и прислушиваться къ тому, чтѣ говорилось. Между прочимъ одинъ вопросъ коснулся и парашкинцевъ, въ округѣ которыхъ не было школы. Гавриловскій баринъ настаивалъ, что школа для нихъ нужна, а чекменскій баринъ утверждалъ, что школа имъ не нужна, что они по невѣжеству не желаютъ образовывать себя. Многіе обратили вниманіе на Фрола, какъ представителя парашкинцевъ, и онъ рѣшился сказать свое слово: „Невѣжество — это такъ... но невѣжество надо учить, учёба ему надобна... Парашкинцы и рады бы учить своихъ ребятъ, да силъ-то нѣту". Чекменскій баринъ и другіе стали смѣяться, тогда Фролъ обратился къ сидѣвшему подлѣ него барину и проговорилъ:

— Грѣхъ вамъ, баринъ, смѣяться!..

„Хохотъ усилился; но въ это время со всѣхъ сторонъ удивленной залы послышались повелительные крики.

— Это нехорошо!

— Перестаньте смѣяться!

— Нечестно!!!

„А какой-то раздражительный голосъ прямо вскрикнулъ:—Подло!

„Взволнованный предсѣдатель принялся звонить. Когда же возстановилась тишина, онъ обратился къ Фролу:

— Продолжайте, господинъ гласный.

„Но Фролъ опять улыбнулся грустной, а больше странной улыбкой и только выговорилъ:

— Нѣтъ ужъ...

„И сѣлъ. Предсѣдатель поторопился прервать засѣданіе".

Фролъ сбѣжалъ въ деревню.

Другой примѣръ деревенской безпомощности изображается въ разсказѣ „Ученый". Этотъ ученый былъ нѣкто Иванъ Ивановъ или дядя Иванъ, совсѣмъ взрослый дѣтина, котораго одолѣла любовь къ грамотѣ, когда въ селѣ была открыта школа. Онъ выпросилъ у учителя позволеніе приходить иногда въ школу и учиться вмѣстѣ съ маленькими мальчуганами. Кое-какъ онъ выучился читать, сталъ покупать грошевыя книжки и разбиралъ ихъ, но въ книжкахъ встрѣчались иногда такія слова, которыхъ онъ никакъ не могъ понять. Къ тому времени школа закрылась, учитель уѣхалъ, и справиться объ этихъ словахъ было не у кого, кромѣ одного писаря, которому, однако, всегда требовалось выпить или опохмелиться, и потому за каждое объясняемое слово онъ требовалъ пятакъ.

„Вся душа Ивана была устремлена къ наукѣ.

„Что̀ онъ разумѣлъ подъ наукой—ему одному извѣстно, но только мучился за нее онъ нестерпимо, ужасно! А главное — безъ всякой корысти. Корыстныхъ видовъ онъ никакихъ не имѣлъ. Онъ былъ доброволецъ или, лучше сказать, жертва безразсуднаго стремленія „почитаться". Онъ ничего не ожидалъ отъ книжки, кромѣ „словечекъ", которыя одно по одному входили въ темную пустоту его головы и одиноко тамъ торчали, какъ вѣхи въ безграничной пустынѣ. Онъ никогда не думалъ о практической пользѣ... Никакихъ „право̀въ" онъ не добивался и не могъ добиться. Это нашелъ не только онъ, а всѣ парашкинцы, которые ничего не возражали, когда у нихъ уничтожили школу, и только какой-то шутникъ замѣтилъ: „а ну ее ко псамъ!" Учился дядя Иванъ не ради съѣстныхъ припасовъ, а лишь удовлетворяя свой умственный голодъ. Съ наукой ему нечего было дѣлать — продать ее было негдѣ, потому что и базара для парашкинской науки не устроено, да и цѣна ей грошъ мѣдный.

„Сума́сшедшая голова дяди Ивана была полна невозможностей. Даже Семенычъ смѣялся надъ нимъ. Парашкинцы тоже стали примѣчать, что дядя Иванъ сталъ чудёнъ! И парашкинскій староста изумлялся; часто, когда Иванъ ошеломлялъ его какимъ-нибудь нежданнымъ-негаданнымъ вопросомъ, староста разсказывалъ объ этомъ праздничной кучкѣ парашкинцевъ съ величайшимъ

негодованіемъ, начиная свою рѣчь съ оглушительныхъ словъ: „Ванюха-то!"

„Дядя Иванъ дѣйствительно началъ задумываться; иногда Богъ знаетъ о чемъ тосковалъ; часто даже „пищи рѣшался". Въ головѣ его копошились странные вопросы:

„Откуда вода?"

„Или опять тоже земля... почему?"

„Куда бѣгутъ тучки?"

„Иногда же странные вопросы достигали крайней несообразности; иногда ему приходило на умъ: откуда мужикъ? И многое множество такихъ нелѣпостей лѣзло ему въ голову".

Кончилось плохо: онъ забросилъ хозяйство, сталъ забывчивъ, за нимъ накоплялись недоимки съ ихъ послѣдствіями; однажды онъ собирался даже топиться и уцѣлѣлъ только совершенно случайно. Послѣ этого онъ совсѣмъ забросилъ книжки и только выпивалъ.

Въ числѣ деревенскихъ характеровъ Каронинъ рисуетъ и „Вольнаго человѣка". Это—молчаливый, сосредоточенный человѣкъ, соединившій съ хозяйствомъ кузнеческое ремесло и старательно охранявшій свою независимость. Онъ дѣйствительно достигъ въ деревнѣ извѣстнаго авторитета; затрогивать его боялись и иногда онъ оказывалъ подвиги мужества, напр. въ спорахъ со старостой, которымъ многіе удивлялись и особенно удивлялся боязливый мужикъ Илья Малый, который мало-по-малу сталъ его кліентомъ. Однажды, когда Илья Малый въ ихъ отрывочныхъ разговорахъ высказалъ соображеніе, что теперь „ничего, жить можно", суровый кузнецъ возразилъ, что „душа вольна нынче, а тѣло — нѣтъ"; другими словами, онъ доходилъ до извѣстнаго представленія о свободѣ мышленія, но не совсѣмъ надѣялся на житейскіе порядки.

„Егоръ Панкратовъ („вольный человѣкъ") дошелъ до своей мысли „своимъ умомъ", тягостно, цѣной всей жизни. Въ его головѣ царилъ такой хаосъ, что онъ съ трудомъ могъ разобраться въ немъ, чтобы выдѣлить свою мысль изъ кучи другихъ, по волѣ гулявшихъ представленій. Въ этомъ хаосѣ была всякая чертовщина и всевозможныя странности; между ними, напримѣръ, и то, что душа — паръ. Легко, поэтому, понять, что онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшался обнаруживать свои соображенія насчетъ тѣла и души, да и то по большей части запутывался въ словахъ и умолкалъ" [1]).

[1]) Т. I, стр. 95—96.

Къ сожалѣнію, эта независимость повела къ печальнымъ последствіямъ. Однажды онъ вступился за свои права и за права Ильи Малаго у барина, которому они работали и который не платилъ денегъ. На бѣду это случилось тогда, когда у барина были гости и между прочимъ самъ становой.

„По обыкновенію, Егоръ Панкратовъ былъ впереди, а Илья Малый прятался за нимъ.

— Сколько разъ васъ гоняли и говорили вамъ, что некогда? —бѣшено говоритъ Петръ Петровичъ...

— Намъ, ваша милость, дожидать нельзя—описаніе! Мы за своимъ пришли... кровнымъ!—отвѣчалъ съ возроставшимъ волненіемъ Егоръ Панкратовъ.

— Ступайте прочь!..

„А Егоръ Панкратовъ стоялъ передъ нимъ, блѣдный и мрачно глядѣлъ въ землю.

— Эхъ, ваша милость!.. Стыдно обижать вамъ въ этомъ разѣ...—сказалъ онъ.

— Да ты уйдешь? Эй! Яковъ! Гони!—шумѣлъ баринъ.

„Егору Панкратову надо было уйти, а онъ все стоялъ въ прихожей.

„На шумъ вышли почти всѣ гости, сосѣдніе помѣщики, Епифанъ Ивановъ и становой. Послѣдній, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ Егору Панкратову удалиться. Но Егоръ Панкратовъ не удалился; онъ съ отчаяніемъ глядѣлъ то на того, то на другого гостя и, наконецъ, сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Ты, ваше благородіе, не путайся въ это мѣсто"...

Это, конечно, не прошло ему даромъ. Егора велѣно было наказать, но староста побоялся поступить съ нимъ слишкомъ круто и его только заперли на два дня въ темную на хлѣбъ и на воду. Дѣло было глубокой осенью; Егоръ не принималъ никакой пищи и сидѣлъ въ холодномъ „канцерѣ". Когда онъ вышелъ оттуда, у него открылась горячка; кое-какъ онъ поправился, но здоровье его было надломлено; онъ упалъ духомъ.

„Несчастіе Егора заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ то время, когда не было ничего опредѣленнаго ни въ области мужицкихъ отношеній, ни въ кругѣ тѣхъ отношеній, которыя вліяли на него извнѣ. Его отецъ былъ крѣпостной человѣкъ, жизнь котораго была проста, какъ жизнь вьючнаго животнаго, и опредѣленна, какъ дѣйствіе машины, и который не имѣлъ права мечтать; сынъ Егора устроитъ свои отношенія человѣчнѣе и опредѣленнѣе... Но самъ Егоръ жилъ въ атмосферѣ загадокъ и „загвоздокъ". Кругомъ же его въ деревнѣ былъ хаосъ; ничего

прочнаго не видѣлось ему; старое, повидимому, рушилось, но новое еще не было создано. Въ немъ таилась частичка искры Божіей о волѣ, но такъ темно, что въ практическомъ смыслѣ она была безполезна для него, ибо не могла освѣщать его пути, да и занимала ничтожнѣйшее мѣсто въ немъ, а прочее все существо его было переполнено смутными ожиданіями чего-то худого и безнадежнаго. Опоры для какихъ бы то ни было человѣческихъ надеждъ деревня не представляетъ, гдѣ вся жизнь есть страхъ, беззаконіе, „загвоздка". Егоръ сидѣлъ между двумя временами, изъ которыхъ прошлое показывало ему цѣпи, а будущее—черную дыру; а въ настоящемъ, когда онъ вздумалъ вообразить себя вольнымъ, постоянно проходятъ передъ его глазами явленія, убивающія самыя низменныя мечты и желанія, подтачивающія всякую энергію. Переходное поколѣніе, къ которому Егоръ Панкратовъ принадлежалъ, самое несчастное, потому что оно не живетъ, а мается, и существуетъ не для самого себя, а для другихъ поколѣній; оно служитъ матеріаломъ для будущаго, но на него прежде всего падаетъ месть уходящаго прошлаго" [1]).

Еще новый примѣръ безпомощности деревни представляетъ исторія молодого деревенскаго мужика Дёмы [2]). У Дёмы въ деревнѣ надѣлъ („душа") и семья, старая мать и молодая, но больная жена; но жить на этотъ надѣлъ нѣтъ никакой возможности, и потому Дёма отправился на заработки, гдѣ кое-какъ пропитывался. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что ему нѣтъ никакой надобности оставлять за собой эту „душу", и онъ пришелъ въ деревню, чтобы окончательно сложить ее съ себя, передать ее міру, конечно съ той долей подати, которая на нее приходилась. Міръ долженъ былъ поступить съ ней, какъ знаетъ, но Дёмѣ она была совершенно не нужна. Міръ не соглашался: у Дёмы есть на мірской землѣ изба, гдѣ живетъ его мать и жена; кое-какой скотъ пасется на мірской землѣ, стало быть отказаться отъ души Дёмѣ нельзя; но съ другой стороны Дёма категорически заявилъ, что ему платить нечѣмъ и платить онъ не будетъ, а теперь у него взятъ годовой паспортъ, за который онъ заплатилъ деньги. Это послѣднее обстоятельство подѣйствовало, потому что дѣйствительно онъ заплатилъ деньги за паспортъ и долженъ имъ воспользоваться; рѣшено было, что у Дёмы останется полъ-души.

---

1) Тамъ же, стр. 103—104.

2) „Послѣдній приходъ Демы" (томъ I).

На первое заявленіе Дёмы о томъ, что онъ не желаетъ имѣть душу, міръ заволновался:

„— Это что-жъ такое?! Платить онъ не можетъ, не будетъ... въ какомъ смыслѣ? Уйдетъ въ бѣга — и лови его!.. Душу бросаетъ, хозяйство въ разоръ—по какой причинѣ? А тамъ плати за него... Плати, вѣрно!.. Ты за него не только плати, а прямо спину подставляй; за ихняго брата порютъ!.. Да, какъ же! Онъ душу свою измотаетъ, бѣжитъ, а міръ въ отвѣтѣ?.. Господи, Боже мой! Эдакъ всѣ въ бѣга... Я хозяйство брошу, другой броситъ, третій... бѣжимъ всѣ, ищи насъ свищи, кто-жъ останется?.. Кто будетъ платить, ежели мы всѣ въ бѣга, а? Кто?!"

Когда же, наконецъ, надо было согласиться оставить за Дёмой полъ-души, настроеніе схода было слѣдующее:

„Рѣдко парашкинцы находились въ такомъ гнетущемъ настроеніи; по большей части, каждый шелъ на сходъ съ тайнымъ желаніемъ стряхнуть съ себя обыденныя мерзости. На этотъ разъ, однако, дѣло было иначе, — парашкинцы торопились разойтись. Имъ было противно присутствовать на сходѣ, говорить безъ толку и глядѣть другъ на друга. Ничего они не могли рѣшить,—зачѣмъ же и шумѣть безъ пути? На лицахъ другъ друга они видѣли безпомощность и уныніе,—къ чему же и собираться вмѣстѣ?

„Ежели всѣ разбѣгутся, то кто же станетъ платить? Вопросъ нелѣпый; но парашкинцы все-таки ломали надъ нимъ свои худыя головы. Не оттого, что каждый изъ нихъ непремѣнно горѣлъ желаніемъ платить, но оттого, что передъ каждымъ изъ нихъ мелькала въ душѣ мысль — бѣжать изъ насиженнаго мѣста. Это дѣло будущаго, но оно мучило парашкинцевъ въ настоящемъ.

„Щемящая душу мысль вовсе не была вымышлена. Парашкинцамъ ихъ же однодеревенцы доставляли ежегодный примѣръ того, какъ люди бѣгутъ, куда бѣгутъ. Число парашкинскихъ бродягъ все болѣе и болѣе увеличивалось; образовался особенный кочевой классъ, который только числился на міру, а жилъ уже другою жизнью. Вонъ Климъ Дальній, Петръ Безпаловъ, Семенъ Бѣлый... да ихъ и не перечтешь всѣхъ! Каждый парашкинецъ поэтому понималъ, что если онъ нынче сидитъ твердо на мѣстѣ, то это совсѣмъ не значитъ, что онъ и завтра здѣсь будетъ сидѣть, — сидитъ онъ на мѣстѣ по произволенію Божію. А пройдетъ годъ, смахнутъ его съ мѣста, и онъ быстро войдетъ въ число „кочевыхъ народовъ".

„По опыту парашкинцы знали, что нынче человѣкъ легко или, правильнѣе сказать, внезапно покидаетъ насиженное мѣсто. Онъ нынче здѣсь, а на слѣдующій годъ уже за тысячу верстъ,

откуда пишетъ оглушительное письмо, что онъ платить больше не можетъ и не будетъ. Разъ же онъ выскочилъ изъ своего мѣста,—онъ рѣдко возвращается обратно; онъ такъ и остается въ числѣ „кочевыхъ народовъ". Бывали ли прежде такіе случаи? Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы парашкинцы только и думали, какъ бы наплевать другъ на друга и разбѣжаться въ разныя стороны? Не бывало этого и парашкинцы объ этомъ не слыхали.

„Тогда ихъ гнали съ насиженнаго мѣста, а они возвращались назадъ; ихъ столкнутъ, а глядишь—они опять лѣзутъ въ то мѣсто, откуда ихъ вытурили.

„Прошло это время. Нынче парашкинецъ бѣжитъ, не думая возвращаться; онъ радъ, что выбрался по-добру, по-здорову. Онъ часто уходитъ затѣмъ, чтобы только уйти, провалиться. Ему тошно оставаться дома, въ деревнѣ, ему нуженъ какой-нибудь выходъ, хоть въ родѣ проруби, какую дѣлаютъ зимой для ловли задыхающейся рыбы" [1])...

Что же привело этотъ уходъ Дёмы изъ деревни? Это были тѣ же общія причины, которыя были достаточно понятны и его односельчанамъ—простая невозможность существованія. „Какъ онъ дошелъ до крайности и до мысли бѣжать, это неизвѣстно. Дёма и самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ этомъ; онъ дожилъ до невозможности жить въ деревнѣ и бѣжалъ, а какъ и почему—не спрашивалъ себя. Впрочемъ, причины его хозяйственной несостоятельности были болѣе или менѣе извѣстны парашкинцамъ, которые не удивлялись исчезновенію Дёмы". Дѣло въ томъ, что передъ тѣмъ на деревню обрушился цѣлый рядъ бѣдствій: голодъ, скотскій моръ. „Много народу за то время скрылось съ поверхности парашкинской жизни; бѣжали и кучами, и въ одиночку. Между послѣдними былъ и Дёма, который съ тѣхъ поръ безпрерывно мыкался по свѣту".

Разъ ушедши изъ деревни, Дёма уже не возвратился въ нее; да ему и незачѣмъ было возвращаться: при нищетѣ трудно было поправить хозяйство, а кромѣ того внѣ деревни, какъ ни плоха была все-таки его жизнь, онъ находилъ то, чего деревня никогда ему не давала. Безполезно было бы при этомъ разсуждать и о „власти земли", которая кажется инымъ столь благотворной для мужика. Эту жизнь внѣ деревни Каронинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

„Первое время, послѣ ухода изъ деревни, Дёма употребилъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 110—111.

на то, чтобы *напѣсться*. Онъ былъ прожорливъ, потому что очень отощалъ у себя дома. Тѣ же деньги, которыя у него остались отъ расходовъ на прокормленіе, онъ пропивалъ. Поэтому домой въ это время онъ ничего не отсылалъ, или отсылалъ самую малость. Но Иваниха, впрочемъ, не упрекала его за это; она рада была и тому, что хоть самъ-то онъ кормился. Къ тому же Дёма скоро сдѣлался менѣе прожорливъ.

„Дёма былъ сперва очень доволенъ жизнью, которую онъ велъ. Онъ вздохнулъ свободнѣе. Удивительна, конечно, свобода, состоявшая въ возможности переходить съ мѣста на мѣсто „по годовому пачпорту"; но, по крайней мѣрѣ, ему не зачѣмъ было ныть съ утра до ночи, какъ это онъ дѣлалъ въ деревнѣ. Пища его также улучшилась, т.-е. онъ былъ увѣренъ, что и завтра онъ будетъ ѣсть, тогда какъ дома онъ не могъ предсказать этого.

„Дёма переходилъ съ фабрики на фабрику, съ завода на заводъ и такимъ образомъ кормился. Это былъ большой выигрышъ для него. Проигралъ онъ только въ томъ отношеніи, что сдѣлался оглашеннымъ; такой ужъ у него былъ родъ жизни. Дёма растерялъ свои мысли.

„Но это было неизбѣжно. Въ деревнѣ или на волѣ — все равно онъ сдѣлался бы оглашеннымъ. Такую жизнь онъ въ послѣднее время передъ уходомъ велъ и дома у себя; у него ничего не было опредѣленнаго насчетъ будущаго...

„Съ теченіемъ времени его появленія въ деревнѣ дѣлались все рѣже и рѣже. Его уже не влекло сюда съ такой силой, какъ прежде, въ началѣ его кочевой жизни. Къ деревнѣ его привязывали уже однѣ только нитки, которыя очень скоро могли оборваться.

„Деревня опостылѣла Дёмѣ. Являясь туда, онъ не зналъ, какъ убраться назадъ; по приходѣ домой, онъ не находилъ себѣ мѣста. На него разомъ наваливалось все, отъ чего онъ бѣжалъ; мигомъ онъ погружался въ обстановку, въ которой онъ раньше задыхался. Какъ ни жалки были условія его фабричной жизни, но, сравнивая ихъ съ тѣми, среди которыхъ онъ принужденъ былъ жить въ деревнѣ, онъ приходилъ къ заключенію, что жить на міру нѣтъ никакой возможности.

„Сравненіе было рѣшительно и безповоротно.

„Внѣ деревни Дёму, по крайней мѣрѣ, никто не смѣлъ тронуть, и то мѣсто, гдѣ ему было не подъ силу и гдѣ ему не нравилось, онъ могъ оставить; а изъ деревни нельзя было уйти во всякое время. Внѣ деревни онъ кормился, а деревня давала

ему только одну траву. Но, важнѣе всего, внѣ деревни его не оскорбляли, деревня же предлагала ему рядъ самыхъ унизительныхъ оскорбленій.

„*Страдало человѣческое достоинство*, проснувшееся отъ сопоставленія двухъ жизней, и деревня для Дёмы, въ его представленіяхъ, стала мѣстомъ мученія. Онъ безсознательно началъ питать къ ней недоброе чувство. И чувство это возростало и крѣпло“ [1]).

Исторія несчастнаго Дёмы приготовляетъ насъ къ разсказу о бѣдствіяхъ цѣлой его деревни. Она пришла въ окончательный упадокъ, и если не всѣ, то большинство ея обитателей начинали думать о томъ, какъ бы ее бросить. Въ деревнѣ еще уцѣлѣлъ одинокій столбъ, окрашенный въ бѣлую и черную краску, съ надписью, указывавшей, что въ деревнѣ Парашкинѣ числится душъ 470 и дворовъ 96; но въ дѣйствительности отъ множества этихъ дворовъ не осталось и слѣда.

„Повсюду кругомъ вѣяло запустѣніемъ и заброшенностью. Рѣка тихо катила свои мутныя струи, берега ея поросли мелкимъ кустарникомъ, а ея поверхность покрылась лопухами и кашкой, какъ поверхность озера. Нигдѣ не видно тропинокъ; даже дорога, ведущая къ мосту, заросла травой; только самъ мостъ уцѣлѣлъ, хотя его никто больше не поправлялъ, и онъ видимо готовъ былъ запрудить собой рѣку... На мѣстѣ большинства избъ виднѣется пустое пространство, заваленное навозомъ, щепками и мусоромъ и поросшее крапивой. Кое-гдѣ вмѣсто избъ, просто ямы“ [2])...

Жителей осталось немного, поля не засѣвались сплошь, какъ прежде; „кое-гдѣ вновь появились незамѣтныя прежде болота“. Нравственное состояніе обитателей представляло такую же мрачную картину упадка; на нихъ все больше находило полное равнодушіе.

„Это странное спокойствіе изо дня въ день становилось невозмутимѣе. Прежде они изъ-за всякихъ пустяковъ волновались, радуясь или огорчаясь, но въ послѣдніе два года успокоились.

---

[1]) Тамъ же, стр. 117—120. Передъ этимъ сообщается слѣдующая подробность. Вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ мать Дёмы, Иваниха, старая женщина, на которой лежало хозяйство (жена была болѣзненна и вскорѣ умерла), больше двухъ лѣтъ не платила податей. „Это обстоятельство возбудило въ волости вопросъ: слѣдуетъ ли ее *посѣчь* (!), или ждать, когда она добровольно выплатитъ долги. Но Сазонъ Акимычъ замѣтилъ, что Иваниха не правомощна, и потому вопросъ остается пока *нерѣшеннымъ*“.

[2]) Тамъ же, стр. 132.

Происходило ли какое дѣло въ ихъ селѣ, отнимали ли у нихъ свиней и овецъ, грозили ли отнять у нихъ земли... они оставались невозмутимы и не задавали себѣ никакихъ вопросовъ насчетъ завтрашняго дня. Даже разносимые богомольцами и солдатиками миѳы, что въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ странахъ живутъ люди съ песьими головами, или что въ Питерѣ стоитъ царскій амбаръ въ двѣ версты длиной, наполненный до верху хлѣбомъ, или что изъ-за моря приплывутъ къ Покрову десять кораблей съ мукой, назначенной для раздачи желающимъ,—даже эти миѳическія сказанія, составлявшія значительную долю умственной пищи парашкинцевъ, перестали обращаться между ними. Когда-то эта пища возбуждала ихъ, а теперь имъ было все равно.

„Положеніе ихъ давно сдѣлалось невозможнымъ, а они уже не думали изъ него выходить и употребляли всѣ силы, чтобы къ нему приспособиться... Чѣмъ хуже становились окружающія условія, тѣмъ хуже дѣлались и они, желая лишь одного—остаться въ живыхъ“ [1])...

Такимъ образомъ они стали питаться хлѣбомъ изъ отрубей, потомъ ихъ питаніемъ сталъ даже клеверъ, который они выпрашивали у помѣщика, не подозрѣвавшаго, на какое онъ шелъ употребленіе...

„Между тѣмъ о нихъ всюду начали говорить, хотя сами они ничѣмъ не заявляли о своемъ существованіи, ни на что не жалуясь. Еслибы сотая доля этихъ несчастій произошла въ другомъ общественномъ слоѣ, то поднявшійся по этому поводу оглушительный вопль проникъ бы всюду, куда предназначено; но парашкинцы молчали. Ихъ осталось уже немного, и въ деревнѣ царствовала мертвая тишина. Жены ихъ ходили и работали машинально, истомленныя, угрюмыя и вялыя; дѣти не играли, совсѣмъ не показываясь на улицѣ. Мужики не собирались на сходъ, или соберутся, но молчатъ, а если начнутъ говорить, то о пустякахъ; когда же кто хотѣлъ заговорить о дѣлѣ, на того накидывались и чуть не силой затыкали ему ротъ: до такой степени они дорожили своимъ спокойствіемъ. Свѣжему человѣку жутко было жить среди такого народа“ [2]).

Въ послѣдніе годы тѣ, кто видѣлъ голодающія населенія, отмѣтили тотъ постоянный фактъ, что голоданіе сопровождается глубокой апатіей, которая дѣлаетъ людей какъ будто совсѣмъ безучастными къ своей бѣдѣ. Это состояніе и изображаетъ Каро-

---

[1]) Тамъ же, стр. 135.

[2]) Тамъ же, стр. 139.

нинъ. У нихъ былъ формальный голодъ,—но Каронинъ описывалъ время, когда еще не принимались правительствомъ, земствомъ и обществомъ экстренныя мѣры для помощи голодавшимъ, и получалась слѣдующая картина:

„Даже исправникъ и становой на эту весну ѣздили къ парашкинцамъ только по необходимости. Первый посѣщалъ ихъ изрѣдка лишь затѣмъ, чтобы посмотрѣть, тутъ ли они, живы ли? Что касается до послѣдняго, то онъ, разумѣется, волей-неволей долженъ былъ навѣщать ихъ, но дѣлалъ это уже безъ прежней увлекательности, потому что никакихъ дѣлъ съ ними у него больше не было. Приневоленный своими обязанностями отъ времени до времени появляться среди парашкинцевъ, онъ ѣхалъ къ нимъ съ отвращеніемъ, уѣзжалъ съ страшной меланхоліей, какъ будто началъ сомнѣваться, дѣйствительно ли его должность и проистекающія изъ нея обязанности имѣютъ смыслъ послѣ того, какъ выбивать было больше нечего, и можетъ ли онъ по совѣсти сказать, что получаетъ жалованье за работу.

„Сами парашкинцы еще болѣе притихли, когда ихъ начали чуждаться сторонніе люди; они замкнулись въ себѣ и не предпринимали никакихъ мѣръ противъ своего несчастія, уклоняясь даже отъ взаимныхъ совѣтовъ, которыми въ прежнія времена они облегчали свои души... Шальное выраженіе лицъ, безцѣльность и безпричинность въ разговорѣ, полнѣйшее отсутствіе сознательности—таковы качества, отличавшія всѣхъ вообще парашкинцевъ. Ихъ забыли и они всѣхъ людей забыли“ [1])...

Въ средѣ ихъ нашелся, однако, человѣкъ, который придумалъ выходъ изъ невозможнаго положенія. Это былъ „солдатъ“ Ершовъ. У него была семья, изба и „душа“; но онъ также бѣдствовалъ; семья, изъ жены и дочери, разбрелась кто куда на работу и въ прислугу; самъ Ершовъ отыскивалъ пропитаніе всякими способами: „то онъ живетъ цѣлую недѣлю у попа замѣсто кухарки, которая вдругъ заболѣла, и мѣситъ пироги, обнаруживая въ этомъ занятіи увлеченіе и близкое знакомство съ дѣломъ; то отучаетъ у барина жеребятъ отъ соски и быстро достигаетъ своей цѣли, употребляя особые намордники и перцовку; то вдругъ дѣлается нянькой у богатаго мужика, живущаго за пятьдесятъ верстъ отъ Парашкина, и въ этомъ качествѣ живетъ всю страду, выговоривъ за свой трудъ скромное вознагражденіе—„дневное пропитаніе и сапоги къ Успенію“; часто онъ уходилъ, если ужъ нигдѣ не могъ пристроиться, въ Сысойскъ и тамъ въ подвалахъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 141.

куда имѣлъ по своему обширному знакомству свободный доступъ, ловилъ крысъ, продавая шкурки на лайку". „Солдатомъ" его называли за шинель, которую онъ носилъ, и за мѣдную пуговицу, которая болталась у него назади. Этотъ-то предпріимчивый и бывалый человѣкъ и нашелъ средство выручить парашкинцевъ. Средство было простое—„побросать домишки" и бѣжать; Ершова не разспрашивали даже, куда бѣжать: „пойдемъ, куда глаза глядятъ, и до которыхъ мѣстъ дойдемъ, тамъ и сядемъ". Ершовъ, однако, попытался изобразить мѣста, которыя онъ имѣлъ въ виду, и у него духъ захватывало отъ собственнаго разсказа: „Выходило такъ: хлѣба тамъ въ волю, ѣшь, сколько душа проситъ; въ лѣсу можно заблудиться; въ лугахъ можно пропасть совсѣмъ; въ рѣкахъ рыбу прямо руками бери; въ озерахъ караси кипятъ; птицы всякой—тучи; черноземъ—вô! при этихъ словахъ Ершовъ провелъ ладонью отъ земли до макушки своей головы. Дальше же его описанія были еще лучше: степь неоглядная, кругомъ ни души, воля! Жить можно. Только православныхъ нѣтъ, а все киргизъ" [1])...

Крестьяне не имѣли ничего и противъ киргиза.

Въ концѣ концовъ, послѣ таинственнаго совѣщанія въ лѣсу, рѣшено было бѣжать. Слѣдуетъ разсказъ, буквально достойный слезъ и смѣха, о томъ, какъ совершалось это бѣгство. Крестьяне безъ труда получили паспорты, такъ какъ въ волости думалы, что они хотятъ идти на заработки; чтобы дѣло было вѣрнѣе, рѣшили втянуть въ умыселъ и старосту, и когда тотъ отлынивалъ, его начали стыдить: „Что ты съ нами дѣлаешь? Гдѣ у тебя совѣсть-то? душа-то, крестъ-то есть ли у тебя?" Письменный Фролъ тоже не устоялъ и рѣшилъ идти: „отправился на огородъ, накопалъ тамъ изъ ямочки земли, положилъ ее въ кожаный кошель, висѣвшій у него за пазухой, и только тогда тронулся въ путь. Это было его послѣднее прощаніе". Парашкинцы дѣятельно и таинственно готовились: „Хлопотъ, впрочемъ, представлялось немного; къ этому моменту у нихъ не оставалось уже ни имущества, ни скота, а потому собирать и везти было нечего, кромѣ себя самихъ. Что касается избенокъ, всѣ рѣшили побросать ихъ, не продавая, потому что трудно было найти покупателей гнилушекъ". Наконецъ, была принята и послѣдняя предосторожность. Въ день отъѣзда, за деревней на пригоркѣ поставленъ былъ дуракъ Васька, слушать, не звенитъ ли колокольчикъ и не ѣдетъ ли начальство; а между собой переселенцы выбрали старосту для общаго руко-

[1]) Тамъ же, стр. 146.

водства предпріятіемъ; это былъ, конечно, опытный человѣкъ— солдатъ Ершовъ. Отъѣздъ ускорился еще однимъ обстоятельствомъ. Въ числѣ другихъ, не желавшихъ переселяться, былъ одинокій дѣдушка Титъ, сильно одряхлѣвшій, но еще находившійся въ полномъ разумѣніи; сколько его ни уговаривали, онъ отказался идти и имъ не пророчилъ добра.

„— Титъ! Дѣдушка! Какъ ты останешься одинъ? Да тутъ тебя вороны заклюютъ одного-то! Подумай, разсуди. Уважь нашу просьбу—пойдемъ съ нами! Уважь міръ!

„Но дѣдъ или молчалъ, или грозилъ.

— Не донесете вы своихъ худыхъ головъ... свернутъ вамъ шею! Помяните слово мое, свернутъ!"

На прощаніе Титъ, однако, расчувствовался, пожелалъ имъ добраго пути, отправился къ себѣ въ избушку, сѣлъ за столъ и облокотился на него.

„Въ такомъ положеніи онъ просидѣлъ весь вечеръ, всю ночь и весь слѣдующій день; въ томъ же положеніи его застали и парашкинцы...

„Потому что парашкинцы возвратились"...

Но дѣдушку они нашли уже мертвымъ. А возвратились они потому, что не успѣли они отъѣхать верстъ пятнадцать, какъ ихъ нагналъ становой, какимъ-то образомъ узнавшій объ ихъ бѣгствѣ; онъ бранился, усовѣщивалъ и приказалъ повернуть лошадей назадъ; становой ѣхалъ назади. „Передъ въѣздомъ въ деревню, куда погребальное шествіе пришло черезъ нѣсколько часовъ, онъ опять спросилъ, надумались ли они.

— Убѣгемъ!—съ мрачной твердостью отвѣчали парашкинцы".

Черезъ нѣсколько дней они дѣйствительно убѣгли, только не на новыя мѣста и не всѣ вмѣстѣ, а врозь и куда глаза глядятъ. Солдатъ Ершовъ очутился въ Питерѣ и торговалъ на Гороховой дулями, дряхлый и худой. „Другіе ушли неизвѣстно куда и никѣмъ послѣ не могли быть отысканы, продолжая, однако, числиться жителями деревни. Третьи бродили по окрестностямъ, не имѣя ни семьи, ни опредѣленнаго пристанища, потому что въ свою деревню ни за что не хотѣли вернуться".

Вторая половина перваго тома разсказовъ Каронина занята цѣлымъ рядомъ эпизодовъ изъ деревенскаго быта, представляющихъ ту же картину самой элементарной, буквальной борьбы за существованіе, примѣровъ „власти земли", полной нищеты и паденія человѣческаго достоинства. Остановимся изъ нихъ только

на одномъ („Праздничныя размышленія“). Дѣйствующее лицо—здоровенный мужикъ Чилигинъ, въ домашнемъ быту котораго была, между прочимъ, та подробность, что у него былъ старикъ-отецъ, который былъ уже неспособенъ къ работѣ, голодалъ, желалъ иногда выпить и иногда безъ спросу тащилъ въ домѣ что-нибудь съѣстное, за что сынъ его билъ. Въ домашнемъ быту онъ былъ вообще звѣремъ и для укрощенія его требовалось обыкновенно вмѣшательство сосѣдей. Иногда отецъ жаловался сходу на побои отъ сына: „Но сочувствіе никогда не было на его сторонѣ. Ему прямо говорили: „Тёръ-тёръ ты свои кости-то, и все конца тебѣ нѣту“. Онъ не работалъ,—слѣдовательно, не имѣлъ права жить; онъ объѣдалъ,—слѣдовательно, долженъ быть истребленъ измором. „Помирать бы давно надо, честь бы надо знать, а ты все мотаешься“, говорили ему въ глаза. Въ описываемомъ округѣ семейная жизнь вообще устроивалась по этому образцу: братъ корилъ сестру за ея безполезность и старался ее „спихнуть“; мужъ сживалъ со свѣта больную жену. Это была страшная, но неизбѣжная логика, и другой не можетъ быть тамъ, гдѣ египетская работа доставляетъ лишь сухую корку и медленно вгоняетъ работника въ гробъ. Тотъ идеалъ, который мы привыкли пріурочивать къ деревнѣ, обладаетъ свойствомъ внушать „нервную дрожь“ всякому, кто никогда не видалъ ея. Законъ, право, справедливость принимаютъ здѣсь до того поразительную форму, что съ перваго раза ничего не понимаешь. Законъ представляется въ видѣ здоровеннаго Васьки; право переходитъ въ формулу: „долженъ честь знать“; справедливость вдругъ превращается въ похлебку. А орудіями осуществленія этихъ понятій являются: чугунъ, кулакъ, зубы и ногти“.

Однажды съ Чилигинымъ случилась бѣда. Какъ и подобаетъ, въ пьяномъ видѣ онъ подрался съ другимъ человѣкомъ такого же независимаго характера, какъ онъ самъ, и среди побоища пропоролъ себѣ ступню о зубья бороны. Принявъ медицинскія мѣры, состоявшія въ томъ, что онъ засыпалъ рану пескомъ, онъ отправился домой, а потомъ и на работу таскать кули. Тѣмъ временемъ рана разболѣлась, онъ вынужденъ былъ обратиться къ фельдшеру; тотъ изъявилъ готовность его лечить, понадобилось лекарство внутрь и перевязка, за что фельдшеръ требовалъ тридцать двѣ копѣйки, а Чилигинъ торговался.

„— А нельзя ли двѣ гривны? Чтобы, то-есть, нутреное за гривну и гривна въ язву?“

„Мы привышны“,—утверждалъ Чилигинъ, и фельдшеръ тщетно убѣждалъ „верблюжью башку“, что его желудокъ не можетъ,

однако, переварить топора и что брюхо у него все-таки „почти-что естественное“.

Леченіе не состоялось, но въ ту же ночь онъ впалъ въ безпамятство, и баринъ, у котораго онъ таскалъ кули, распорядился отвезти его въ городскую больницу, гдѣ онъ очнулся уже много времени спустя и долго проболѣлъ, потому что ему надо было дѣлать операцію.

Въ больницѣ все время лежалъ какой-то баринъ. Когда Чилигинъ сталъ поправляться, онъ былъ пораженъ обстановкой, въ которой онъ находился: его хорошо кормили, ничего онъ не дѣлалъ, все кругомъ было чисто, всему онъ изумлялся. Баринъ началъ съ нимъ заговаривать, но хотя они лежали рядомъ, между ними была глубокая пропасть и говорить было не о чемъ, кромѣ ихъ общаго больничнаго положенія. Тогда баринъ сталъ читать книжку „О землѣ и небѣ“, школьное изданіе. Чилигинъ сначала побаивался книжки; баринъ при чтеніи объяснялъ, и въ результатѣ Чилигинъ нашелъ, что „книжица забавная, побаловаться отъ скуки можно“. Баринъ удивился отвѣту, и Чилигинъ добавилъ, что такое баловство мужику не идетъ, „жирно будетъ“.

„— Почему же жирно? Наука—для всѣхъ.

— А для мужика—предѣлъ,—возразилъ Чилигинъ.—Потому ему предѣлъ, чтобы онъ не безобразничалъ. А то книжки... ловко сказалъ!

— Да что же худого въ книжкахъ?—спросилъ тоскливо и съ удивленіемъ больной.

— Напримѣръ, развратъ и прочее.

— Какъ?!

— То-есть подлость!—Чилигинъ говорилъ мрачно.—Потому ты не балуйся, а живи по совѣсти. Назначена тебѣ точка, и ты сиди на ней, а нечего тутъ безобразія выдумывать, лежать вверхъ брюхомъ. Ты станешь книжку читать, другой мужикъ захочетъ тоже, а я за тебя отдувайся! Нѣтъ, ужъ ты сдѣлай милость, прекрати эти глупости; работай, братъ, потому тебѣ отъ самаго первоначалу положена эта самая точка, а не забавляйся... А то книжка... эдакъ всякъ бы захотѣлъ книжку читать да ручки свои беречь!“

Баринъ опечалился; онъ увидѣлъ, что они совсѣмъ не понимаютъ другъ друга. Тогда, чтобы добиться съ товарищемъ взаимнаго пониманія, онъ сталъ говорить о прошломъ, началъ издалека и разсказалъ въ простой формѣ, какъ жилъ крестьянинъ въ старыя времена, какъ его преслѣдовали, убивая въ немъ душу, унижая человѣка и доводя его до звѣринаго состоянія. „Въ немъ

сохранилось много живого, но многое умерло въ его душѣ и исчезло изъ его памяти и жизни. Онъ сталъ труслив въ отношеніяхъ къ высшимъ и часто жестокъ къ своему брату. Страдая самъ, онъ сдѣлался равнодушенъ вообще къ страданіямъ. Мѣру человѣческаго достоинства онъ тоже утратилъ... онъ потерялъ величайшую силу жизни—самолюбіе. Живя въ грязи, онъ думаетъ, что это такъ и слѣдуетъ. Ничего не зная, онъ говоритъ, что наука—доброе дѣло, но самъ для себя не считаетъ ее пригодною, потому что онъ мужикъ, т.-е. нѣчто среднее между человѣкомъ и какимъ-то неизвѣстнымъ животнымъ. И вотъ потому, что самъ онъ себя не уважаетъ, никто и изъ постороннихъ не питаетъ уваженія къ нему. Развѣ иногда пожалѣютъ.

— Вѣрно. Такъ. Не уважаютъ. Какъ есть ты свинья, такъ и нѣтъ тебѣ никакого снисхожденія!—взволнованно проговорилъ Чилигинъ, когда баринъ кончилъ свой разсказъ" [1]).

На первый разъ цѣль была достигнута. Чилигинъ заинтересовался разговоромъ, но онъ все-таки очень туго понималъ вопросы и давалъ отвѣты, неожиданные для барина. Напримѣръ, когда тотъ спросилъ его, чтò онъ считаетъ за худо, тотъ безъ запинки отвѣчалъ: „не жрамши быть", а хорошо было: „двадцать пять рублей". Оказалось потомъ, что эта цифра была для него почти миѳическая. Баринъ старался дальше объяснить, о чемъ онъ собственно спрашиваетъ—какую жизнь Чилигинъ считалъ бы вообще хорошей. Вопросъ очень взволновалъ Чилигина, но долго онъ никакъ не могъ выразить своей мысли. Баринъ сжалился и хотѣлъ уже отложить разговоръ, но наконецъ, послѣ величайшихъ усилій, Чилигинъ далъ барину слѣдующее объясненіе.

„— Нѣтъ, ты погоди. Я все тебѣ распишу по порядку!—торопливо началъ Чилигинъ.—Во-первыхъ, милый человѣкъ, скажу тебѣ насчетъ сытости, то-есть какъ должно всякому человѣку питаться, напримѣръ, и тутъ я тебѣ скажу прямо, что двухъ пудовъ вполнѣ достаточно для меня, а стало-быть для всего моего семейства, по той причинѣ, что мнѣ за глаза довольно мѣшка. Ладно. Два пуда. Теперича насчетъ хозяйства. Чтобы хозяйство было уже вполнѣ, какъ слѣдуетъ человѣку, а не какому-нибудь бродягѣ,—чтобы вполнѣ довольно было скота, птицы и прочаго обихода, потому безъ этой живности нашему брату, не говоря дурного слова, чистая смерть. Ладно. Птицы и прочее. Но главное—лошади, и ежели говорить по совѣсти, то лошадь должна быть дѣльная, натуральная, т.-е. прямо лошадь въ тѣлѣ, чтобы ежели

[1]) Тамъ же, стр. 204.

сорокъ пудовъ, такъ она везла бы честно. На такой лошади, братецъ ты мой, и выѣхать на улицу лестно, потому что она все равно какъ вѣтеръ, а со стороны тебѣ уваженіе.

„Больной баринъ рѣзкимъ движеніемъ завернулся съ головой въ одѣяло и мрачно уткнулъ лицо въ подушку" [1]).

Баринъ не желалъ больше слушать и показалъ видъ, что ему хочется спать. Но Чилигинъ не успокоился; онъ продолжалъ напряженно размышлять о хорошей жизни. Наконецъ, среди ночи его озарила неожиданная мысль.

„— Баринъ!—тихо, полушопотомъ, окликнулъ онъ сосѣда.

„Баринъ высунулъ голову изъ-подъ одѣяла.

— А вѣдь все это—бездѣльныя глупости!—прошепталъ онъ дрожащимъ шопотомъ.

— Что такое?

— А то, что я тебѣ вралъ насчетъ мереньевъ-то. Никогда этому не бывать. Главное не тутъ, что я вралъ...

— Гдѣ же?

— А въ томъ главное, что терпи и больше ничего.

„Сказавъ это, Чилигинъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ легъ и заснулъ.

„Больной человѣкъ сбросилъ съ себя одѣяло, желая еще о чемъ-то спросить, но Чилигинъ уже спалъ богатырскимъ сномъ".

Наконецъ, онъ выписался изъ больницы. Когда онъ вернулся въ деревню, оказалось, что жена его изъ-за хлѣба жила у попа; на другой день явился староста и объявилъ его должникомъ міра; въ волости явились многочисленные кредиторы, и Чилигинъ, „быстро сообразивъ, что съ него намѣреваются содрать шкуру, незамѣтно удалился со схода и тѣмъ спасъ себя на короткое время отъ неминуемой гибели".

Во второмъ томѣ разсказъ „Снизу вверхъ" представляетъ исторію одного рабочаго, который „оторвался отъ деревни", какъ говорятъ,—но оторвался по необходимости, потому что въ деревнѣ ему нечего было дѣлать. Въ немъ работала кое-какая мысль, но съ дѣтства онъ былъ уже ожесточенъ бѣдой и несправедливостью. „Съ колыбели, когда его кормили жеванымъ хлѣбомъ, набитымъ въ соску, до послѣдняго дня, когда онъ сталъ во главѣ разрушеннаго дома, онъ ни разу не испыталъ той нѣжности, которая смягчаетъ обозленное сердце. Мякина изуродовала его тѣло; безчеловѣчье, среди котораго онъ росъ, сдѣлало

[1]) Тамъ же, стр. 205—206.

его жесткимъ. Умственной пищи никто не думалъ дать ему, а ту умственную мякину, которою питались его прадѣды, онъ не считалъ уже годной. И онъ выросъ столь же темнымъ, какъ его родители, но болѣе несчастнымъ, чѣмъ они, потому что желанія его были широки, а средства все такія же грошовыя... Мало-по-малу онъ убѣждался, что разсчитывать въ жизни ему не на кого, кромѣ себя. Если желать что-нибудь получить, то это возможно не иначе, какъ силой. Въ противномъ случаѣ останешься въ дуракахъ. Отца его били, но онъ живьемъ не дастся. На всякое притѣсненіе онъ станетъ огрызаться. На безчеловѣчье онъ отвѣтитъ собственнымъ звѣрствомъ. Онъ ничего не знаетъ, но тѣмъ хуже, потому что всѣмъ своимъ сердцемъ онъ чувствуетъ, какъ жить худо“ [1]).

Онъ отправился въ городъ. Тамъ онъ думалъ найти свою новую жизнь и дѣйствительно на первыхъ порахъ встрѣтилъ земляка, который въ деревнѣ также бѣдствовалъ, а въ городѣ ему повезло: тотъ принялъ Михайлу (такъ звали рабочаго) подъ свое покровительство и увѣрилъ, что нажить деньги вовсе не такъ трудно. Этотъ покровитель, въ сущности глупый человѣкъ, ввелъ его въ одно дѣло, которое дало ничего не понимавшему Михайлѣ значительную для него сумму, но оказалось просто мошенничествомъ, за которое они оба попали вскорѣ въ тюрьму.

„Лукова (покровителя) осудили, но Михайло былъ оправданъ. Присяжные сжалились надъ нимъ. Ихъ поразили его слова, что „онъ ничего не имѣетъ въ своей жизни“. Они увидали передъ собою голаго человѣка. Но Михайло былъ голъ и внутри. Правда, совѣсть, руководящія чувства и мысли—ничего онъ не взялъ изъ деревни, гдѣ живутъ же чѣмъ-нибудь люди... У него вмѣсто всего были деньги. Въ нихъ заключалось для него все—цѣль, причина, побужденіе жить. Для того онъ и пришелъ въ городъ“ [2]).

Только счастливый случай спасъ Михайлу отъ полной гибели. Онъ встрѣтилъ человѣка, который среди его паденія увидѣлъ въ немъ задатки мысли, охоту и способность къ упорному труду, научилъ его грамотѣ и ремеслу, такъ что въ концѣ концовъ онъ сталъ дѣльнымъ рабочимъ. Но вся исторія была, однако, рѣдкая и исключительная.

Въ такихъ мрачныхъ чертахъ вообще рисуется деревня въ разсказахъ Каронина. Какъ мы упоминали, о немъ говорятъ,

[1]) Томъ II, стр. 21.
[2]) Тамъ же, стр. 59.

что онъ изображалъ исключительно деревни захудалыя и бѣдствующія. На это можно сдѣлать два замѣчанія. Во-первыхъ, если таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ по преимуществу предметъ его изображеній, онъ, къ сожалѣнію, вовсе не составляетъ явленія исключительнаго; напротивъ, за многіе послѣдніе годы исторія нашей деревни доставляетъ массу аналогическихъ примѣровъ. Люди, изображаемые Каронинымъ, несомнѣнные типы, которые считаются, конечно, десятками и сотнями тысячъ. Давнишніе толки о малоземельѣ; давнишнія надежды сельскаго народа на прирѣзку земли, на новый передѣлъ; постоянно повторяющееся весной и лѣтомъ передвиженіе народныхъ массъ на югъ въ поискахъ за полевой работой; постоянный вопросъ о недоимкахъ, лежащихъ на сельскомъ населеніи, и ихъ „выбиваніе"; стихійное движеніе переселенцевъ, идущихъ куда-то наугадъ, на новыя мѣста, — все это явленія того самаго порядка, какія описываетъ Каронинъ въ исторіи своей деревни. Изображеніе голода вѣроятно написано съ натуры и подтверждалось въ послѣдніе годы массой примѣровъ въ цѣлыхъ громадныхъ полосахъ Россіи. Но у Каронина рѣчь идетъ не только о матеріальной нуждѣ. Быть можетъ, не менѣе ужасна нищета умственная и духовная; въ этомъ смыслѣ его изображенія относятся далеко не къ однимъ захудалымъ и бѣднымъ деревушкамъ, а распространяются гораздо дальше, потому что и тамъ, гдѣ нѣтъ матеріальной нищеты, все-таки слишкомъ много этой нищеты духовной; то же общее міровоззрѣніе, то же господство сухого эгоизма, то же круглое невѣжество... Мы не рѣшились бы обвинять Каронина въ пессимизмѣ: безъ сомнѣнія, онъ писалъ подъ вліяніемъ видѣнныхъ и хорошо извѣстныхъ фактовъ; разсказы дышатъ правдивостью, и если эти факты были на-лицо, они имѣютъ право занять мѣсто среди другихъ изображеній деревни. Въ послѣднія десятилѣтія намъ столько говорятъ о деревнѣ, о великихъ общественныхъ началахъ, которыя она въ себѣ заключаетъ, о крѣпости и достоинствѣ ея „устоевъ", о поэтическихъ сторонахъ „власти земли"; намъ столько разъ совѣтовали идти въ деревню, опроститься и при этомъ столько разъ корили интеллигенцію за ея неспособность воспринять деревенскія начала, — что, очевидно, нужно было, для выясненія дѣла, внимательное и безпристрастное изученіе этой деревни. Графъ Л. Н. Толстой въ своей „Власти Тьмы" показалъ оборотную сторону медали; но еще раньше показалъ ее во многихъ случаяхъ Глѣбъ Успенскій и Каронинъ... Само собою разумѣется, что мрачныя картины деревенскаго быта, отталкивающія фигуры, которыхъ такъ много можно встрѣтить въ разсказахъ Каронина,

вовсе не означаютъ того „пессимизма", который такъ легко можетъ равняться совершенному безучастію; но онъ является необходимымъ предостереженіемъ противъ неумѣренной идеализаціи, которая можетъ дѣлаться прямо вредной, потому что распространяетъ неправду. Въ нашей литературѣ о деревнѣ мы уже видѣли не мало примѣровъ этой неувѣренной идеализаціи: она восторгается „устоями" и неразумно закрываетъ себѣ глаза на тѣ мрачныя стороны деревенскаго быта, возможное удаленіе которыхъ должно быть одной изъ первыхъ заботъ всѣхъ друзей народа, будутъ ли они называться народниками, или не пожелаютъ принимать этого уже запутаннаго термина. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что деревенскій бытъ не можетъ не отличаться извѣстными особенностями, прежде всего по самымъ свойствамъ земледѣльческаго труда, по естественному удаленію отъ большихъ городскихъ центровъ и вслѣдствіе того по медленности и слабости культурныхъ вліяній, а у насъ и по скудости матеріальныхъ средствъ. Вслѣдствіе этихъ условій жизни, къ которымъ нѣкогда присоединялось и крѣпостное право, а теперь присоединяется особое фискальное и административное положеніе, въ деревнѣ создалась масса особыхъ обычаевъ, естественнымъ образомъ чуждыхъ обычаю городскому и особливо обычаю образованныхъ классовъ. Здѣсь хранились и традиціонные остатки первобытной старины и въ видѣ высокой поэзіи, и въ видѣ чудовищныхъ практическихъ суевѣрій, и отголоски старой общинности, и простота сельскаго быта, и грубость его и обычаи, приведенные административнымъ положеніемъ деревни, и „власть земли" и „власть тьмы". Все это смѣшивается въ быту деревни, если однѣ стороны этого быта могутъ быть привлекательны, то другія,—какъ замѣчаетъ однажды Каронинъ,—способны произвести нервную дрожь въ томъ, кто знакомъ съ ними... Очевидно, Каронинъ никакъ не можетъ быть поставленъ безразлично въ рядъ писателей, которыхъ специфически называютъ народниками. Онъ—народникъ только въ томъ общемъ смыслѣ, что изученіе и изображеніе народной жизни осталось главнымъ или исключительнымъ его трудомъ и что онъ горячо принималъ къ сердцу интересы сельскаго народа; но именно поэтому бросались ему въ глаза бѣдствія этого народа, на которыхъ онъ и хотѣлъ остановить вниманіе читателя. Мы видѣли, что его разсказъ вовсе не есть случайная фотографія: въ каждомъ затронута та или другая сторона деревенской жизни и онъ не извлекаетъ изъ него морали, потому что она достаточно дается самой картиной. Понятно, однако, по всему тону его изображеній, что передъ нимъ рисуется гдѣ-то вдали идеалъ другой жизни, гдѣ

этотъ мракъ былъ бы удаленъ преобразованіемъ народнаго быта, участіемъ къ бѣдствію и просвѣщеніемъ.

Разсказъ „Мой Міръ“ и „Борская Колонія“ освѣщены другимъ настроеніемъ, которое казалось критикѣ обычной народнической идеализаціей деревни (при чемъ интеллигенція, при встрѣчѣ съ деревней, должна посрамляться), но на нашъ взглядъ не имѣетъ такого характера. „Мой Міръ“ написанъ отъ лица самого автора. Онъ жилъ въ столицѣ; онъ былъ нервно разстроенъ, почти боленъ. „Нравственное состояніе мое было самое неопредѣленное, словно я былъ внѣ времени и пространства... Лично для себя я не знаю ничего болѣе страшнаго, какъ то состояніе, о которомъ я говорю. Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые не могутъ абсолютно существовать безъ внутренняго мотива, безъ опредѣленной цѣли, безъ руководящей причины, безъ убѣжденій, безъ вѣры. Мнѣ непремѣнно нужна опредѣленная цѣль, чтобы чувствовать себя живымъ; мнѣ нуженъ хотя какой-нибудь принципъ, чтобъ я ощущалъ радость. Лишь только такая руководящая мысль исчезнетъ изъ меня, я моментально падаю и ощущаю невыносимый гнетъ жизни“. Его угнетала та общественная обстановка, въ которой проходила его жизнь; наконецъ, разладъ между идеальными стремленіями и дѣйствительностью дошелъ до послѣдняго предѣла. Онъ готовился быть адвокатомъ, но на первыхъ порахъ онъ уже долженъ былъ почувствовать всю тяжесть этого разлада. „Я уже готовился быть однимъ изъ тѣхъ выброшенныхъ жизнью подкидышей, для которыхъ нѣтъ мѣста на людскомъ торжищѣ. Расщепленный на двѣ половины, я становился безсильнымъ и негоднымъ, съ изорванными нервами, съ разодраннымъ умомъ, безъ воли и порядка въ поступкахъ. То безграничное отчаяніе, когда весь міръ кажется сплошною ночью, почти не покидало меня, и я не могъ сдѣлать ни малѣйшаго усилія, чтобы стряхнуть съ себя эту болѣзнь. Были минуты, когда меня отдѣлялъ одинъ шагъ отъ самоубійства или сумасшествія“ [1]). Помощи не предвидѣлось и одинъ пріятель далъ ему благой совѣтъ отдохнуть и развлечься въ деревнѣ. Онъ могъ поселиться у одного знакомаго, управляющаго имѣніемъ внутри Россіи, и отдохнуть на деревенскомъ воздухѣ и въ спокойной сельской обстановкѣ. Такъ и было сдѣлано; но когда путешественникъ пріѣхалъ на ту станцію желѣзной дороги, гдѣ долженъ былъ взять лошадей до

[1]) Томъ II, стр. 206.

имѣнія, онъ могъ только припомнить, что его встрѣтилъ какой-то мужикъ, съ которымъ онъ и отправился въ путь, но дальше онъ уже не помнилъ ничего. Оказывается, что въ теченіе дороги болѣзнь разыгралась и онъ впалъ въ безпамятство и бредъ; до имѣнія онъ не доѣхалъ, а очнулся, уже долго спустя, въ совершенно незнакомой обстановкѣ, а именно въ избѣ у того самаго мужика, который везъ его со станціи. Здѣсь онъ и остался: за нимъ ухаживали съ такимъ вниманіемъ, съ такой любовью, что онъ уже и не подумалъ уходить отъ своихъ добрыхъ хозяевъ и такъ сжился съ ними, что чувствовалъ себя какъ дома; здоровье его стало быстро поправляться, онъ окрѣпъ и, когда подошли лѣтнія работы, онъ вмѣстѣ со всей семьей принялъ въ нихъ участіе. Это были рѣдко добродушные люди, иногда грубые по языку и ухваткамъ, но нерѣдко очень деликатные по чувству; въ концѣ концовъ гость сталъ раздумывать о томъ, чтобы остаться въ деревнѣ совсѣмъ: у него завязались знакомства, даже привязанности; какъ человѣкъ „ученый", онъ сталъ для деревни очень полезнымъ ея членомъ; наконецъ, открылась и матеріальная возможность устроиться: общими силами ему придумали дѣло. Къ тому времени кончился въ деревнѣ срокъ мельничной аренды, онъ самъ не захотѣлъ быть новымъ арендаторомъ и придумана была такая комбинація, что онъ будетъ только управлять этой мельницей, хозяиномъ которой останется міръ; но въ то самое время, когда все было улажено и онъ долженъ былъ поселиться на мельницѣ, ему внезапно пришлось покинуть деревню, не по своей волѣ. Таковъ сюжетъ этого разсказа, который кажется привлекательной деревенской идилліей, конечно, не безъ нѣкоторыхъ тѣней, и даже какъ будто мало вѣроятной. Но собственно говоря, здѣсь могло бы не быть ничего невѣроятнаго: вездѣ возможны и вездѣ, къ счастью, бываютъ добродушные и честные люди и автору, вѣроятно, хотѣлось собрать въ этомъ разсказѣ (какъ и въ слѣдующемъ) тѣ свѣтлыя впечатлѣнія, какія все-таки встрѣчались ему въ изученіи деревни.

Такія свѣтлыя впечатлѣнія испытывалъ его герой съ первой поры, когда къ нему вернулось сознаніе. Въ семьѣ была великая радость, когда онъ, наконецъ, пришелъ въ себя; всѣ принялись усердно за нимъ ухаживать. Ему захотѣлось пить: „обѣ женщины угадали мой взглядъ: дѣвушка устремилась къ печкѣ, вынула оттуда молоко, налила въ чашку и передала ее теткѣ, а эта послѣдняя одною рукой приподняла мою голову, а другою поднесла осторожно къ моимъ губамъ чашку.

„— Господи благослови!.. Пей, сердешный!—говорила она,

когда я съ трудомъ разжалъ губы и сдѣлалъ нѣсколько глотковъ. Больше я не могъ.

„Въ эту минуту заговорилъ мужикъ:

— Ничего, пущай пьетъ... Пей, баринъ... Вѣдь вотъ эти бабы какія! Я бы вотъ совсѣмъ тутъ лишился головы, а ужъ онѣ знаютъ свое дѣло,—и молочка, и водицы, и подушку надо поправить, и волосья... А я бы тутъ только хлопалъ глазами, какъ дуракъ,—помощи въ этомъ разѣ у меня нѣтъ... Ничего, пущай поправляется... Ужъ теперь мы скоро бѣгать будемъ!..

„Онъ говорилъ весь взволнованный, его широкое лицо свѣтилось улыбкой, и онъ, повидимому, не могъ удержаться отъ выраженія своего восторга по случаю моего выздоровленія. Да и на всѣхъ трехъ добрыхъ лицахъ семьи сіяла радость, желаніе помочь мнѣ и простая доброта. Эта радость перелилась и въ меня. Что-то вдругъ забилось въ груди у меня, слезы выступили на моихъ глазахъ, мнѣ хотѣлось выразить благодарность, но я только въ состояніи былъ невнятно прошептать слова любви".

Дальше... „Съ этого дня я быстро сталъ поправляться и какъ бы вновь выросталъ тѣломъ и душой. Черезъ нѣсколько дней я уже самъ поворачивался на постели, а еще черезъ нѣсколько дней могъ сидѣть. Участіе всей семьи ко мнѣ проявлялось ежеминутно въ сотнѣ мелочей; мы какъ будто нѣсколько лѣтъ жили вмѣстѣ и привыкли во всемъ другъ къ другу. Между нами происходили постоянные разговоры, не возбуждавшіе никакихъ недоразумѣній. Отношенія становились дружескія, родныя" [1]).

„Молодая хозяйка съ перваго же взгляда казалась одною изъ тѣхъ умныхъ женщинъ, съ которыми такъ легко говорить и къ которымъ чувствуешь невольное уваженіе. Ловкая въ движеніяхъ, тихо, но съ необычайной быстротой работающая, Василиса все дѣлала съ величайшимъ тактомъ. На лицѣ ея блуждала чуть замѣтная улыбка, глаза свѣтились лаской и въ то же время каждое движеніе ея было твердое, какъ результатъ заранѣе обдуманнаго плана, а каждое ея слово, повидимому незначительное, вытекало логически изъ цѣлаго ряда разумныхъ мыслей. Никого въ семьѣ не насилуя, она пользовалась неоспоримымъ вліяніемъ. Я никогда не слышалъ съ ея стороны приказаній ни племянницѣ, ни мужу, но оба они дѣлали съ удовольствіемъ все, о чемъ она говорила. Она никогда не совѣтовала, но просто говорила, и однако слова ея принимались за послѣднее рѣшеніе; никого не принуждая что-нибудь сдѣлать, она сама работала, но

[1]) Тамъ же, стр. 215, 217.

всѣ старались взять на себя начатую ею работу. Даша питала къ ней безграничное довѣріе, а мужъ постоянно обнаруживалъ неравнодушіе къ ней".

Картина весны: „Быть можетъ, личное мое настроеніе все окрашивало въ радужные цвѣта, но я видѣлъ, что настроеніе всѣхъ облѣпившихъ берегъ было необыкновенное. И здѣсь, на мѣстѣ, я въ первый разъ понялъ тайну воскресенія мужика. Раньше эта тайна была недоступна мнѣ. Когда я въ газетахъ читалъ о голодѣ, положимъ, малмыжскихъ мужиковъ и подробности описанія ихъ послѣднихъ предсмертныхъ судорогъ, я съ ужасомъ констатировалъ фактъ: „ну, теперь малмыжскіе мужики померли, погубленные безчеловѣчіемъ людей и гнѣвомъ природы"; но когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ тѣхъ же извѣстій узнавалъ, что малмыжскіе мужики успѣшно обдѣлываютъ свои поля, я съ недоумѣніемъ думалъ: „но вѣдь малмыжскіе мужики погибли, — какъ же они, мертвые, могутъ обдѣлывать поля?" И я ничего не понималъ.

„Теперь я на мѣстѣ прочувствовалъ эту тайну воскресенія изъ мертвыхъ. Малмыжскіе мужики дѣйствительно ежегодно помирали, но ежегодно весной, вмѣстѣ съ возрожденіемъ земли, они воскресали, какъ умершіе и похолодѣвшіе корни растеній. Ихъ оживляло это голубое бездонное небо и этотъ теплый воздухъ; а когда яркое солнце вскрывало рѣки и растопляло землю, когда взволнованныя имъ воды съ грохотомъ уносили всю грязь и смрадъ, накопившіеся въ продолженіе цѣлаго года, въ сердцѣ малмыжскихъ мужиковъ разбивалось отчаяніе, и они мужественно принимались снова за прерванную жизнь".

Мало-по-малу и даже очень скоро стали завязываться деревенскія отношенія. Однажды случилось пріѣзжему дать совѣтъ мужику, которому нездоровилось; совѣтъ оказался полезнымъ и къ пріѣзжему потянулись и такіе больные, которымъ онъ никакъ не могъ помочь. Къ нему стали обращаться и съ другими дѣлами. Когда-то онъ занимался столярнымъ мастерствомъ и ему случилось поправить своему хозяину борону, и это опять подняло его въ глазахъ мужиковъ. Наконецъ ему стала знакома чуть ли не вся деревня.

„Впрочемъ, эти дѣлишки занимали незначительное мѣсто въ деревенской жизни; вскорѣ я увидалъ, что окружающіе меня во всемъ нуждались, и будь мои знанія въ тысячу разъ больше, они быстро были бы впитаны деревней, которая, какъ губка, жадно вбираетъ въ себя все, что̀ притекаетъ къ ней извнѣ. И мужики, и бабы невинно эксплуатировали меня всѣмъ, чѣмъ

только могли. Думаю, что то же самое продѣлываютъ они и со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ. Той заскорузлой косности и тупоумія, которыя приписываются мужику, я вовсе не замѣтилъ; напротивъ, всякое слово, слухъ, обрывокъ разговора, кусочекъ новости—все это жадно подхватывалось деревенскимъ умомъ и при помощи воображенія претворялось въ глубокое убѣжденіе, отчего нерѣдко какая-нибудь вещь, возникшая гдѣ-нибудь далеко, превращалась въ деревнѣ въ вычурную сказку; съ тѣмъ вмѣстѣ, голодный деревенскій умъ способенъ поглотить безконечную груду знаній" [1]).

Какъ мы сказали, пріѣзжій вошелъ сполна въ деревенскій бытъ. Когда начались полевыя работы, онъ скоро научился исправлять и свою долю труда; жизнь на свѣжемъ воздухѣ, сильная физическая работа, простая пища, достаточный отдыхъ поправили его здоровье и подѣйствовали на все настроеніе. „Я втянулся въ работу, гнулъ спину на жнитвѣ, трясся на рыдванѣ со снопами, встрѣчалъ бодрою работой утренній восходъ солнца изъ-за лѣса и провожалъ его вечеромъ за холмъ, гдѣ оно, въ послѣдній разъ позолотивъ желтыя нивы, падало въ ночную мглу. Если это назвать счастьемъ, то оно у меня было; если это только довольство, то я его испыталъ въ полной мѣрѣ. Ни одно изъ тѣхъ убійственныхъ волненій, какими богата была моя прежняя жизнь, больше не посѣщало меня...

„Ко всѣмъ остальнымъ деревенскимъ явленіямъ я относился безразлично. Случалось видѣть драки, ругань, эксплуатацію бѣдняка богачемъ, подлость бѣднаго противъ бѣднаго; видѣлъ то-и-дѣло я, какъ въ праздникъ какой-нибудь мужикъ летитъ къ кабаку, прижавъ судорожно женинъ сарафанъ къ груди, а за нимъ съ воплями бѣжитъ жена; видѣлъ и толпы пьяныхъ въ-повалку, и смерти отъ истощенія, и жизнь впроголодь; но все это какъ-то мимо меня проскользало; я въ этомъ не участвовалъ и равнодушно проходилъ мимо всего этого. Было ли это равнодушіе свойственно всѣмъ деревенскимъ людямъ, или только я, занятый тяжелыми и пріятными тѣлесными ощущеніями, оставался безчувственнымъ къ окружающему?

„Я уже говорилъ, съ какимъ спокойствіемъ я теперь переносилъ холодъ и жаръ, утомленіе и муки; разъ я напоролъ острою щепкой ногу себѣ—и ничего; боль въ ногѣ нисколько не обезпокоила меня. Такъ же равнодушно я смотрѣлъ и на чужія невзгоды.

---

[1]) Тамъ же, стр. 218, 223, 227.

„Я ничѣмъ не волновался и все видимое признавалъ естественнымъ“ [1]).

Къ осени явился, наконецъ, вопросъ: пора вернуться изъ деревни къ своимъ дѣламъ; но пріѣзжій такъ сжился съ деревней, такой отталкивающей стала казаться ему та жизнь, къ которой онъ долженъ возвратиться, что имъ овладѣло тяжелое раздумье; но его вдругъ озарила мысль: зачѣмъ ему покидать деревню? „Не поѣду. Хоть разъ въ жизни быть оригинальнымъ и свободнымъ. Ничего не бояться, сбросить съ себя иго привычекъ, не ходить пошлыми путями, пробить собственную дорогу—Боже!—какое это счастье!“ Въ деревнѣ ему прекрасно. Физическій трудъ укрѣпилъ его здоровье, простая жизнь въ незатѣйливой обстановкѣ освободитъ его отъ множества пустыхъ заботъ, о мебели, о фракѣ и т. п., а главное, избавитъ его отъ тѣхъ вольныхъ и невольныхъ лгуновъ, которые приводили его въ такое озлобленіе въ „обществѣ“.

„Свѣтъ, внезапно озарившій меня, освѣтилъ и все то, чтò до сихъ поръ темно мнѣ было. Когда, бывало, я платонически мечталъ о деревнѣ, то эти мечты всегда оканчивались ужасомъ за того бога, которому я молился, — за мысль. Я боялся, что мысль и тѣлесный трудъ—два конца, никогда не соединяющіеся. Я боялся, что тьма обязательно должна окутывать всякій физическій трудъ, и невѣжество—естественное слѣдствіе деревенской жизни. Теперь свѣтъ проникъ и въ этотъ темный уголъ.

„Что же заставляетъ меня разбить этого бога?

„На свѣтѣ нѣтъ ничего дороже мысли. Она—начало и конецъ всего бытія, причина и слѣдствіе, движущая сила и послѣдняя цѣль. Кто же заставитъ меня отказаться отъ нея? Люди прекрасны только въ той мѣрѣ, въ какой вложена въ нихъ эта міровая сила. Если міръ окутываетъ еще тьма, то потому только, что мысль не освѣтила ее; если среди людей бòльшая часть подлыхъ, то только потому, что мысль не освободила еще ихъ отъ безумія. Какой же смыслъ отказываться отъ нея? Я останусь въ деревнѣ; но значитъ ли это, что я долженъ опрокинуть тотъ жертвенникъ, который поддерживаетъ мою вѣру, и разбить того бога, выше котораго нѣтъ ничего въ человѣческой жизни? Моя мысль, мои познанія—вѣдь это все, чтò есть только лучшаго во мнѣ; но если это лучшее для меня, то въ то же время необходимое и для всѣхъ людей, кто бы они ни были—мужики, женщины, дѣти. Не большая заслуга сдѣлаться работникомъ; не

[1]) Тамъ же, стр. 264.

большая заслуга „выпачкать лицо навозомъ“ и въ этотъ же навозъ втоптать свою душу. Слѣпые вожди—тѣ, которые, унижая человѣческій умъ и все то, что онъ добылъ съ такими кровавыми жертвами, проповѣдуютъ сліяніе съ тьмой. Позорное употребленіе изъ своего ума дѣлаетъ тотъ, кто поднимаетъ невѣжество на пьедесталъ...

„Кто накормитъ голоднаго, тотъ сдѣлаетъ благородный поступокъ; но въ милліонъ разъ выше тотъ, кто отдастъ нищему духомъ свою мысль, кто напоитъ его жажду знанія, кто научитъ его чему-нибудь, кто зажжетъ свѣтъ тамъ, гдѣ царила тьма. Пожертвовать бѣдному кусокъ хлѣба не тяжело, и не трудно добывать хлѣбъ своими руками, но отдать всю свою жизнь, всю свою душу тому, кто лишенъ средствъ заботиться о своей головѣ,—выше этого нѣтъ другой жертвы.

„Но для меня же это и не жертва! Въ обмѣнъ на то, что я хочу дать деревнѣ, я получу отъ нея здоровье, волю и покой“ [1])...

Мы видимъ опять, что Каронинъ былъ не изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что сближеніе съ народомъ обязываетъ относиться презрительно и враждебно къ наукѣ, какъ это слѣдуетъ изъ иныхъ произведеній гр. Л. Н. Толстого. Напротивъ, онъ изъ числа тѣхъ, которые убѣждены, что только съ нѣкоторымъ запасомъ знаній деревня можетъ получить здравое человѣческое существованіе. Герой Каронина не хочетъ ничего уступать изъ того, чему онъ „молился“: дальнѣйшій выводъ и идеалъ, конечно, не тотъ, что просвѣщеніе должно приспособляться (не по педагогической формѣ, а по существу) къ содержанію „деревни“, а въ томъ, чтобы оно могло проникать въ нее сколько возможно шире. Теперь, конечно, нечего и говорить объ этомъ далекомъ идеалѣ: нужны, вѣроятно, еще вѣка, чтобы наша народная школа могла установиться разумнымъ и широкимъ образомъ; но по крайней мѣрѣ слѣдуетъ уразумѣть, что между „устоями“ и просвѣщеніемъ нѣтъ никакой теоретической противоположности и что, напримѣръ, борьба извѣстной доли народничества противъ именно „интеллигенціи“ есть чудовищное недоразумѣніе или просто безсмыслица.

Онъ началъ практически примѣнять ту роль, для которой остался въ деревнѣ. Когда пошли ненастные осенніе дни, онъ началъ читать вслухъ.

„Мое чтеніе сдѣлалось любимымъ занятіемъ всей семьи: днемъ некогда было,—возня по домашности отнимала все время... На-

[1]) Тамъ же, стр. 275—276.

чавши чтеніе съ сильными сомнѣніями, я мало-по-малу увлекся имъ. Вниманіе аудиторіи наградило меня радостью и вызывало энергію. Къ несчастью, книгъ со мной было немного, притомъ бо̀льшая часть вовсе не подходящихъ.

„Читать въ такой оригинальной обстановкѣ было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Я присутствовалъ при зарожденіи мысли и былъ свидѣтелемъ тайны раскрытія симпатій и антипатій, любви и ненависти“.

Чтенія стали расширяться. „Два-три мужика изъ близкихъ намъ людей также стали заглядывать, вначалѣ случайно, наконецъ каждый вечеръ. Какъ только увидятъ огонекъ у насъ, такъ и идутъ. Я не успѣвалъ подбирать книгъ и съ тревогой видѣлъ, что скоро мой ничтожный запасъ чтенія изсякнетъ.

„Между тѣмъ я убѣдился, что интересъ къ чтенію существовалъ не въ одномъ нашемъ кружкѣ, а чуть ли не въ каждой избѣ. Достаточно было случайно появиться въ деревнѣ какой-нибудь книгѣ, чтобъ она сію же минуту вошла въ общее употребленіе; обыкновенно такая книга (по большей части дрянная) переходила изъ избы въ избу, отъ одного грамотѣя къ другому и прочитывалась отъ корки до корки; сперва у ней заворачивались углы, потомъ на каждомъ ея листѣ появлялись пятна — слѣды усерднаго чтенія, затѣмъ листы ея становились мягкими, какъ ветошка, и, наконецъ, книга приходила въ то состояніе, въ которомъ читать ее больше ужъ нельзя,—книга съѣдалась“.

Онъ разсказываетъ, какое впечатлѣніе производили его чтенія. Приводимъ одинъ эпизодъ: „Однажды я читалъ разсказъ. Всѣ съ любопытствомъ слѣдили за движеніемъ разсказа, то-и-дѣло вставляя свои замѣчанія; часто раздавался взрывъ хохота. Но Игнатъ молчалъ, на этотъ разъ даже не вздыхая. Только когда я кончилъ чтеніе при всеобщемъ веселомъ смѣхѣ и оглянулся, то не узналъ его. Лицо его выражало удивленіе и въ то же время скорбь, и по немъ текли слезы, пробираясь по щекамъ къ густымъ зарослямъ бороды... Весь комическій элементъ пропалъ для него; онъ видѣлъ только мрачную подкладку этого смѣха и своимъ отзывчивымъ сердцемъ понялъ то, что̀ мы всѣ упустили, — страданіе, вызвавшее этотъ смѣхъ. Вотъ когда я оцѣнилъ эту темную, но глубокую натуру“ [1]).

Какъ мы сказали, дѣло было прервано.

„Я принужденъ былъ уѣхать.

„Странно дѣйствуютъ эти неожиданные перевороты! Мысли

---

[1]) Тамъ же, стр. 289—291.

разбиты въ дребезги, біеніе сердца кажется ненужнымъ, вся жизнь представляется злою нелѣпостью. На себя смотришь какъ на что-то внѣшнее, постороннее, и съ высоты опустѣвшей души наблюдаешь за каждымъ своимъ шагомъ" [1]).

Разсказъ „Борская Колонія" представляетъ также исторію сожительства интеллигентныхъ людей съ людьми деревенскими, но въ другомъ родѣ. „Колонія" возникла случайно. Земскій статистикъ Грубовъ занимается своими изслѣдованіями въ деревнѣ; съ нимъ проводитъ время пріятель, Неразовъ, владѣлецъ хутора въ сосѣдствѣ, добродушный, но безалаберный человѣкъ, который всегда ищетъ себѣ опоры, не находя ее въ себѣ самомъ. Грубовъ — человѣкъ много испытавшій въ жизни, вынесшій, между прочимъ, долгую ссылку за какое-то юношеское увлеченіе, сущность котораго стала ему даже индифферентна, человѣкъ утомленный и жаждавшій разумнаго покоя—въ томъ родѣ, какъ искалъ его герой разсказа „Мой міръ". Разъ, когда пріятели отдыхали послѣ охоты въ лѣсу около хутора, Грубову пришла мысль о томъ, какъ хорошо было бы совсѣмъ остаться въ этой мирной обстановкѣ, вдали отъ тревожной и неудовлетворяющей жизни, и зажить здѣсь спокойно маленькой дружеской колоніей; Неразовъ подхватилъ эту мысль и нашелъ, что это было бы совершенно удобно, такъ какъ его хуторъ былъ бы тотчасъ къ услугамъ колоніи. Дѣло было рѣшено. Къ нимъ присоединился вскорѣ третій пріятель, нѣкто Кугинъ; но такъ какъ они, очевидно, не могли обойтись собственными силами и сельско-хозяйственными знаніями, то въ члены колоніи выбрано было въ качествѣ пайщиковъ, но безъ права голоса, еще два мужика. Въ теченіе лѣта новые колонисты кое-что уже и работали, конечно, не важно, а одинъ изъ колонистовъ, Кугинъ, успѣлъ даже жениться на дочери одного изъ пайщиковъ-мужиковъ. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, здоровый и красивый, и старательно принималъ на себя видъ настоящаго интеллигентнаго мужика, брался иногда за тяжелую мужицкую работу, особенно когда было кому на это посмотрѣть, ходилъ въ кумачной блузѣ, старался говорить мужицкою рѣчью. Очевидно, это былъ пустой человѣкъ, ломавшійся отъ нечего-дѣлать; на собраніяхъ членовъ колоніи говорилъ „объ идеалѣ колоніи, о теоріи земледѣлія, о задачахъ интеллигенціи, о народѣ и обо всемъ, что̀ всегда и вездѣ говорится". Наконецъ, въ колоніи прибавился еще четвертый членъ. Однажды, когда Грубову пришлось ѣхать въ городъ по какому-то дѣлу, къ

[1]) Тамъ же, стр. 297.

нему явилась тамъ развязная, красивенькая барышня: оказалось, что она прослышала о существованіи колоніи и непремѣнно желала къ ней принадлежать. Конфузливый Грубовъ не зналъ, какъ отъ нея отдѣлаться, хотя видѣлъ, что она ни къ какой работѣ не можетъ быть пригодна, и взялъ ее съ собой: она хотѣла осмотрѣться, пока не приметъ окончательнаго рѣшенія. Пріѣздъ ея былъ началомъ распаденія колоніи. Работать, очевидно, она была неспособна, хотя и утверждала, что цѣль ея была: „жить своимъ трудомъ и приносить пользу народу!“ Дѣло было позднею осенью и въ началѣ зимы; работы у нея не было никакой. Она помѣстилась въ комнатѣ на хуторѣ у Неразова,—Грубовъ жилъ на квартирѣ въ деревнѣ, Кугинъ у тестя. Неразовъ, проживавшій съ барышней на своемъ хуторѣ, конечно, сталъ за ней ухаживать и попалъ въ положеніе прислуги, топилъ печи, ставилъ самовары; барышня предпочитала ничего не дѣлать и только надъ нимъ подсмѣивалась. Съ большимъ успѣхомъ сталъ за нею ухаживать и Кугинъ, что вскорѣ замѣтила его молодая жена-крестьянка, и была приведена этимъ въ отчаяніе. Грубовъ видѣлъ происходящую нелѣпость, которая могла стать зловредной и опасной, и, наконецъ, далъ понять своимъ товарищамъ, что по его мнѣнію красивой барышнѣ нечего дѣлать въ колоніи и что ей лучше всего было бы оставить колонію. Это дошло до барышни; она пришла въ негодованіе, и при новомъ объясненіи съ Кугинымъ Грубовъ сказалъ, что онъ самъ покидаетъ колонію; барышня, однако, рѣшила уѣхать; Кугинъ отправился проводить ее въ городъ, а тѣмъ временемъ его жена отравилась.

Таковъ сюжетъ разсказа. Его, кажется, хотѣли истолковать въ обычномъ смыслѣ народнической тенденціи, что интеллигенція оказывается негодной въ сопоставленіи съ деревней; но это толкованіе невѣрно. Предъидущій разсказъ указываетъ ясно взгляды Каронина: разумная интеллигенція не только не составляетъ чего-нибудь несовмѣстимаго съ деревней, но, напротивъ, можетъ прекрасно сжиться съ ней, то-есть съ ея наиболѣе разумными людьми, можетъ найти удовлетвореніе себѣ самой и принести существенную умственную и нравственную пользу для деревни. Въ томъ же разсказѣ мы видѣли его отвращеніе къ тѣмъ теоретикамъ, которые, „унижая человѣческій умъ и все то, что онъ добылъ съ такими кровавыми жертвами, проповѣдуютъ сліяніе съ тьмой“. Конечно, ему также противно было и другое явленіе, когда въ друзья народа лѣзли пустозвонные люди, желавшіе съиграть этимъ какую-то роль, занять свое бездѣлье, особенно на чужой счетъ. Такіе люди появились и въ „Борской колоніи“, а

именно, въ лицѣ Кугина и красивой барышни. Что авторъ могъ отнестись къ подобному явленію только отрицательно, это понятно само собой; оставался бы только вопросъ о томъ, бывали ли подобные факты въ дѣйствительности, не былъ ли разсказъ клеветой на народничество. Не знаемъ, существовалъ ли въ дѣйствительности оригиналъ Борской колоніи, но что другія фальшивыя явленія въ такомъ родѣ бывали, это, кажется, доказано въ литературѣ... Грубовъ былъ, очевидно, изъ разряда тѣхъ людей, которые, какъ герой „Моего міра", ищутъ въ жизни сознательной цѣли и дѣятельности: имъ понятны и близки интересы народа, но они и не могутъ, и не желаютъ „опроститься" въ томъ грубомъ смыслѣ, какъ это слово у насъ дѣйствительно принималось и фактически практиковалось. Утомленный жизнью, онъ мечталъ, что найдетъ отдыхъ въ сельскомъ быту, и у него мелькнула мысль о колоніи; но онъ уже вскорѣ разочаровался: въ то время, какъ онъ хлопоталъ о наилучшемъ устройствѣ колоніи, его мысль уже основательно разрушила ее.

„Разумѣется, очень хорошо жить трудами рукъ своихъ, благородно добывать хлѣбъ прямо изъ земли. Притомъ, это очень здорово и не лишено поэзіи. Только на первыхъ порахъ немного скучно. Отчего бы это? Можетъ быть, оттого, что въ этомъ раю всѣ мысли сосредоточены на себѣ: на своемъ тѣлѣ, на своей душѣ, на своемъ благородствѣ, на своемъ спасеніи,—все только на своемъ вертится мысль? Это естественно. Отчего же не думать и не заботиться о себѣ, когда это неизбѣжно? Но, въ такомъ случаѣ, это уже не мечта, не идеалъ, не стремленіе къ великому. Идеалъ вѣдь это нѣчто огромное и свѣтлое, какъ солнце; нѣчто такое, чего въ мелкой обыденной жизни нѣтъ, но къ чему человѣкъ стремится всѣми лучшими своими помыслами. Ну, а колонія имѣетъ ли хоть что-нибудь въ этомъ родѣ? Ничего. Чтò можетъ быть идеальнаго въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто сапогъ, падѣнетъ коты, вмѣсто городской квартиры будетъ жить въ избѣ и, вмѣсто добыванія хлѣба косвеннымъ путемъ, прямо будетъ царапать его изъ земли? Чтò идеальнаго въ томъ, что человѣкъ головою своей будетъ подпирать возъ съ соломой, а душу свою закопаетъ въ землю, окруживъ себя милліонами пустяковъ? И чтò идеальнаго будетъ въ жизни человѣка, который забудетъ другихъ и займется только своимъ совершенствомъ? Человѣкъ борется противъ жизненныхъ пустяковъ и стремится раздѣлаться съ ними, а тутъ ему пустяки возводятъ въ подвигъ и въ заслугу. Въ лучшія свои минуты ему хочется думать не о себѣ, а о томъ, чтò внѣ его, чтò велико, безкорыстно, а здѣсь

его заставляютъ усиленно думать о себѣ, о своемъ здоровьѣ, о своемъ благородствѣ. Въ порывѣ героизма (а такія минуты бываютъ у многихъ) онъ съ восторгомъ сбрасываетъ съ себя всю низкую, самолюбивую жизненную мелочь, а здѣсь его садятъ на мѣсто и говорятъ: сиди тутъ и копайся въ сору, береги свое тѣло, дыши свѣжимъ воздухомъ, работай здоровую работу—и ты будешь спасенъ и благороденъ. Увлечь человѣка можно всѣмъ, даже безумною мечтой, лишь бы въ ней заключались величіе, самопожертвованіе, новизна, подвигъ ради людей, но увлечь его обыденнымъ соромъ—никогда! И поднять также нельзя. Можно идеализировать соръ, можно сдѣлать его самодовольнымъ, но сдѣлать его выше и чище — нѣтъ, никогда! Личную свою жизнь можно возвести въ идеалъ только подъ однимъ условіемъ: совсѣмъ отречься отъ жизни, уйти въ пустыню или залѣзть на столбъ и сидѣть на немъ до смерти. Но если и возможно устроить интеллигентный монастырь, то только для тѣхъ, у которыхъ жизнь по истинѣ сошлась клиномъ" [1])...

Въ третьемъ томѣ помѣщено нѣсколько разсказовъ, изъ которыхъ мы остановимся особенно на двухъ. Одинъ изъ нихъ — „На границѣ человѣка". Сюжетъ очень простой. Нѣкто Зерновъ, молодой человѣкъ съ конторскими и газетными занятіями, долженъ былъ провести лѣто врозь съ своей супругой: она уѣзжала въ Италію повидаться съ больнымъ братомъ и потребовала отъ мужа, чтобы онъ поселился на дачѣ для свѣжаго воздуха и чтобы „непремѣнно окончилъ поэму",—онъ торжественно поклялся, что поэма будетъ готова. Дѣйствіе происходитъ въ провинціи, и маленькая дача, которую нанялъ Зерновъ, была весьма первобытная. Перебравшись туда, онъ былъ вскорѣ пораженъ совершенно невиданнымъ и невѣроятнымъ зрѣлищемъ: оказалось, что въ сосѣдствѣ проживали первобытные люди, ходившіе почти безъ всякаго одѣянія и жившіе въ пещерахъ. Мѣстность была неровная, съ пригорками и оврагами, гдѣ брали глину, и въ углубленіяхъ, можетъ быть искусственно увеличенныхъ, проживали эти новѣйшіе троглодиты. Это были, впрочемъ, люди мирные, и Зерновъ въ теченіе лѣта имѣлъ возможность нѣсколько присмотрѣться къ ихъ быту [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 383—384.

[2]) Мѣстность, повидимому, приволжская, и эти троглодиты составляютъ варіацію типа, существующаго и въ другихъ мѣстахъ; другой варіантъ представляютъ, напримѣръ, кіевскіе босяки, описанные М. Бѣлинскимъ.

„Обыкновенно Зерновъ садился гдѣ-нибудь на открытомъ мѣстѣ и слѣдилъ оттуда за всѣми движеніями голыхъ людей. Это не представляло неудобства,—голые люди совершали всѣ свои дѣла открыто, не стѣсняясь ни другъ друга, ни посторонняго глаза. Зерновъ предположилъ, что они—или совершенно дикая порода, не видѣвшая человѣка и относящаяся къ его появленію безъ страха, подобно нѣкоторымъ птицамъ необитаемыхъ острововъ, или они настолько одомашнены и лишены инстинкта самосохраненія, что не обращаютъ уже вниманія на людей, на подобіе коровъ или куръ".

По временамъ они отправлялись промышлять себѣ пищу—въ теченіе лѣта Зерновъ въ этомъ убѣдился: „Впрочемъ, способовъ добычи пропитанія онъ никогда не узналъ въ точности, потому что способы эти разнообразны, отличаются случайностью, и часто въ высшей степени рискованны и таинственны. Къ болѣе или менѣе привольнымъ занятіямъ можно отнести только похищеніе съ лотковъ булокъ и воблы изъ ларей, но натурально, что и такія опредѣленныя средства нерѣдко сопровождались неожиданными осложненіями. Нѣкоторая часть голыхъ людей занималась еще ловлей раковъ и мелкой рыбешки и собираніемъ травъ; наконецъ, аристократы среди голыхъ людей, обладавшіе панталонами и рубахой, служили на толкучкахъ и базарахъ посыльными. Однако, несмотря на это разнообразіе занятій, многимъ изъ обитателей норъ вовсе не удавалось по цѣлымъ днямъ схватить что-нибудь, что̀ можно бы было съѣсть; такіе въ свои норы не возвращались, а продолжали изыскивать средства къ жизни до глубокой ночи".

Зерновъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ просвѣщенный, то онъ не могъ себѣ не задать вопроса о томъ, что̀ онъ передъ собой видитъ.

„Прежде всего, онъ спрашивалъ, къ какому роду существъ надо отнести открытую имъ породу? Если это—животныя, то почему же они не пользуются многими привилегіями послѣднихъ? О дикихъ животныхъ заботится природа, надѣляя ихъ многими дарами, о домашнихъ же животныхъ заботится человѣкъ. Между тѣмъ голые люди безпомощны, и никто о нихъ не заботится,—слѣдовательно, ихъ надо отнести къ разряду людей. Но если это точно люди, почему же они лишены всего, что̀ характеризуетъ человѣка? Людямъ свойственно жить въ семьѣ и обществѣ и принадлежать къ опредѣленному отечеству. Однако, семьи у голыхъ людей не было, ни къ какому обществу они не принадлежали, ибо жили въ сорныхъ ямахъ за городомъ; если же не считать

норъ дачами, то у нихъ не было и опредѣленнаго мѣстопребыванія. Что касается отечества, то несомнѣнно, что они числились гражданами только номинально, а иногда и вовсе не числились. Но если голые люди не имѣютъ семей, находятся внѣ общества и не принадлежатъ къ отечеству, то кто же они?

„Зерновъ съ холодною тщательностью разсматривалъ эти вопросы" [1]).

Изрѣдка въ этой мѣстности показывались низшіе представители полицейской власти и, когда бывалъ посторонній свидѣтель, для водворенія порядка считали нужнымъ забирать пещерныхъ людей; но впрочемъ, когда послѣдніе успѣвали вырваться и обращались въ бѣгство, власти ихъ не преслѣдовали. Съ теченіемъ времени Зерновъ распредѣлилъ своихъ сосѣдей на три группы: во-первыхъ, мрачно-равнодушные (ихъ было немного); во-вторыхъ, безсознательные (это была бо̀льшая часть); въ третьихъ, трудолюбиво-хозяйственные. Вторая группа приводила Зернова въ особенное недоумѣніе: „къ какому роду существъ отнести такихъ субъектовъ, въ душѣ которыхъ царитъ вѣчная ночь и сонъ? Впрочемъ, Зерновъ былъ увѣренъ, что непробудный сонъ—счастье для нихъ; еслибы какая сила внезапно разбудила ихъ, они не вынесли бы пробужденія". Третья группа внушала ему смѣхъ и печаль: „Въ самомъ дѣлѣ, трудно даже вообразить себѣ хозяевъ, живущихъ за городомъ въ норахъ,—здѣсь непримиримое противорѣчіе. Можно быть хозяиномъ двора, избы, дома, фабрики, помѣстья, но невозможно быть хозяиномъ норы. И, во всякомъ случаѣ, для хозяина обязательно имѣть панталоны и рубаху—безъ этого хозяинъ немыслимъ. Между тѣмъ трудолюбивые голые люди на глазахъ у Зернова примиряли это нелѣпое противорѣчіе".

Зерновъ, какъ упомянуто, былъ писатель и даже поэтъ. Еслибы онъ принадлежалъ къ той новѣйшей школѣ поклонниковъ чистаго искусства, за которую, напр., такъ ратуетъ г. Мережковскій, онъ долженъ былъ остаться очень доволенъ своей находкой: оригинальный сюжетъ, интересная задача для „искусства". Онъ могъ бы прекрасно описать эти норы, подробности лохмотьевъ, нашелъ бы удачные эпитеты, сравненія, изобразилъ бы все хорошенькимъ стилемъ и получилось бы „художественное произведеніе", которое, конечно, не удостоило бы вмѣшиваться въ злобы дня, стало бы выше какихъ-нибудь общественныхъ тенденцій, однимъ словомъ, осталось бы вѣрно „строгому" искусству. Зерновъ, повидимому, былъ именно преданъ такому

[1]) Томъ III, стр. 10—13.

строгому искусству, когда задумывалъ поэму, которую супруга рекомендовала ему непремѣнно кончить. И теперь онъ сталъ-было изучать новое явленіе съ „холодной тщательностью“, но въ концѣ концовъ съ нимъ что-то случилось. Въ прежнее время онъ былъ совершенно спокоенъ. „Онъ былъ сынъ своего времени. Время же это вотъ какое: отвращеніе ко всѣмъ иллюзіямъ, смѣхъ надъ всѣмъ, чему еще недавно люди свято вѣрили, холодъ и душевная пустота. Несмотря на молодость, Зерновъ уже съ старческимъ холодомъ относился ко всему, что̀ его лично не касалось. Литературой занимался онъ такъ же, какъ личнымъ дѣломъ, прочіе же люди нужны ему были только въ качествѣ театральной публики, благодаря чему всякое его созданіе было пустопорожнимъ мѣстомъ, не занатымъ никакою мыслью, и красивымъ измышленіемъ, лишеннымъ цѣли“ [1]).

Теперь все больше стала преслѣдовать его мысль о пещерныхъ людяхъ: „Отчего онъ не видитъ никакой кровной связи своей личности съ людьми вообще и съ такими падшими существами, какъ его голые сосѣди, въ особенности“. Ему привелось случайно слышать разговоры пещерныхъ людей, удручавшіе его человѣческимъ паденіемъ. Ему случалось видѣть ихъ безпомощными въ болѣзни, и онъ задавалъ себѣ вопросъ: „чѣмъ эти люди живутъ? Какая сила заставляетъ ихъ жить и что̀ ихъ удерживаетъ отъ смерти?“ Но затѣмъ являлся и другой вопросъ: чѣмъ живетъ онъ самъ, что̀ удерживаетъ отъ смерти его самого? „Несмотря на молодость, въ сердцѣ его червоточина, онъ ни во что не вѣритъ, кромѣ жизненныхъ мелочей, онъ ничего не ждетъ, кромѣ завтрашняго дня; все выходящее изъ круга этихъ мелочей онъ считаетъ или глупымъ, или фальшивымъ. Съ людьми онъ ничѣмъ не связанъ. Вмѣсто обязательныхъ идеаловъ, у него пустопорожнее мѣсто. Въ мечтахъ и въ жизни онъ одинъ и самъ не знаетъ, ради чего и кого онъ существуетъ. Онъ просто босякъ, только въ другомъ родѣ“...

Разъ была сырая, вѣтреная погода; изучая пещерныхъ людей, Зерновъ какъ-то зазябъ и почувствовалъ себя нездоровымъ. Вернувшись на свою дачу, онъ затопилъ печку и, чтобы она хорошенько разгорѣлась, бросилъ въ нее романъ въ пяти частяхъ, а за нимъ и оконченную поэму („художественное созданіе“). Передъ тѣмъ, какъ бросить ее въ печь, онъ сталъ перелистывать ее—не потому, чтобы ему было ея жаль, но лишь затѣмъ, чтобъ еще разъ взглянуть на неповинную вещь. „Нѣтъ, ему не

[1]) Тамъ же, стр. 25.

жалко было ея!.. Чтобы писать, надо прежде всего имѣть душу, полную содержанія, чтобы писать прекрасно, надо любить что-нибудь: а тутъ одни слова. Только справедливость дѣлаетъ литературу дорогою для людей, только защита всего обездоленнаго и погибающаго составляетъ ея содержаніе. Слово имѣетъ свое сердце, и это сердце есть стремленіе къ истинѣ и борьба за все человѣчное... Здѣсь же холодныя риѳмы, красивые образы, разсчитанные на то, чтобы возбудить нервы сытаго... Эта тетрадь—знатная развратница, обѣщающая наслажденіе всѣмъ пресыщеннымъ и скучающимъ... Зерновъ перелистывалъ рукопись до конца и тихо положилъ ее на огонь. Огонь давно почти потухъ, и ему пришлось усиленно шевырять палкой въ тлѣющемъ пеплѣ, чтобы поджечь свою поэму; а когда она загорѣлась, онъ ворочалъ тростью листы ея до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что ея уже нѣтъ больше".

Зерновъ написалъ статью о деревнѣ,—потому-что всѣ эти пещерные люди вышли изъ деревни. Редакторъ мѣстной газеты, которому онъ принесъ статью, удивился, чтѝ сталось съ Зерновымъ, и, вѣроятно, не напечаталъ статью; самъ онъ, однако, заболѣлъ и съ мѣсяцъ пролежалъ.

„За это время успѣла пріѣхать молодая Зернова и была поражена всѣмъ, чтѝ увидала и узнала. Она теряла голову, не зная, чтѝ дѣлать и какъ поправить любимаго человѣка. Онъ поднялся съ постели, но уже сильно измѣнившимся во всѣхъ отношеніяхъ. Насчетъ этой перемѣны окружающіе высказывали различныя мнѣнія, среди которыхъ молодая женщина совершенно растерялась. Друзья совѣтовали ей увезти мужа въ Неаполь. Знакомый редакторъ настаивалъ помѣстить его на излеченіе въ больницу для душевно-больныхъ; докторъ совѣтовалъ обратить вниманіе, главнымъ образомъ, на желудокъ. Но самъ Зерновъ былъ иного мнѣнія. Въ откровенную минуту онъ разсказалъ женѣ, чтобы она не безпокоилась, что онъ ничѣмъ не боленъ, напротивъ, навсегда освободившись отъ босяка, какимъ онъ былъ, онъ выздоровѣлъ и только еще не знаетъ, какъ лучше употребить свое здоровье".

Послѣдняя повѣсть третьяго тома, которая была, кажется, и послѣднимъ трудомъ Каронина, называется: „Учитель жизни". Дѣйствіе ея происходитъ въ среднемъ кругѣ образованнаго общества, но косвеннымъ образомъ она опять связана съ деревней. „Учитель жизни" есть молодой человѣкъ того разряда, какіе стали встрѣчаться именно въ послѣднее время—особаго рода народники, полагавшіе, что они нашли высшую истину жизни,

отвергали науку, отвергали принятыя формы общественной жизни и требовали опрощенія. Отецъ этого молодого человѣка, по фамиліи Чехлова, былъ настоящій русскій купецъ, богатый самодуръ, подъ пьяную руку неистово бушевавшій, наводившій ужасъ на свою семью и на все его окружавшее, а потомъ каявшійся, поднимавшій иконы и т. д., до новаго буйства. Старшіе братья Чехлова были заняты отцовскимъ дѣломъ; младшаго онъ пожелалъ отдать въ науку. Отецъ прошелъ гимназическій курсъ и поступилъ въ университетъ, гдѣ, впрочемъ, занимался плохо. Это былъ юноша съ несомнѣннымъ умомъ, съ искусствомъ рѣчи, но выросшій одиноко въ семьѣ, думавшій только про себя; онъ развился неправильно, односторонне, угловато; его мысль, рано начавшая работать, приняла направленіе скептическое, ядовитое и себялюбивое, въ научномъ отношеніи она осталась недисциплинированной—наука не привязала его къ себѣ и осталась ему чужда. Въ юные годы онъ долго не могъ установиться и сколько-нибудь положительно опредѣлить свое міровоззрѣніе.

„Среди этого холода прошла вся его юность. Онъ не находилъ, кого и что̀ любить.

„Въ этомъ возрастѣ люди увлекаются впервые любовью къ женщинѣ, но онъ и здѣсь остался только въ роли сосредоточеннаго на себѣ наблюдателя. Ни одна женщина не могла увлечь его или, вѣрнѣе, его собственное самолюбіе не было удовлетворено ни одною изъ нихъ, а тѣ, съ которыми онъ знакомился, принадлежали къ подонкамъ „женскаго сословія“, изъ чего онъ вывелъ заключеніе, что, въ сущности, всѣ женщины одинаковы.

„И къ чему только ни прикасался онъ, все оказывалось пустымъ или отвратительнымъ. Были минуты, когда онъ съ наслажденіемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ разработывалъ картину смерти. Самоубійство было несвойственно его коренастой, здоровой натурѣ; по всей вѣроятности, рука его никогда не поднялась бы на самоуничтоженіе, именно потому, что и эта мускулистая рука, и все это здоровое тѣло любили жизнь и отказались бы повиноваться душѣ...

„Въ такомъ-то состояніи застало его вѣяніе одного нравственнаго ученія. Онъ его принялъ съ величайшею поспѣшностью, какъ будто это было его собственное, имъ самимъ созданное... Усвоивъ ученіе, Чехловъ сразу почувствовалъ въ себѣ небывалое мужество, увѣренность и силу, самъ признавалъ себя до этой минуты повѣсой, никому ненужнымъ и ничего незнающимъ; онъ вдругъ успокоился и гордо осмотрѣлся кругомъ... Ученіе не явилось для него въ видѣ солнечнаго луча, освѣтившаго ночь, и не

сдѣлало его умственно богаче; читая и обдумывая его, онъ не испытывалъ ни восторга, даваемаго истиной, ни любви, доставляемой милымъ, дорогимъ предметомъ,—нѣтъ, онъ почувствовалъ въ себѣ только приливъ самоувѣренности и безстрашія передъ жизнью, которая была до сихъ поръ темна и холодна; такою она и послѣ того осталась у него, только теперь онъ запасся на всякій случай крѣпкимъ, внушительнымъ оружіемъ.

„А любви, по прежнему, не знало его сердце“ [1]).

Чехловъ сталъ проповѣдовать и вскорѣ нашелъ себѣ поклонниковъ. Мы сказали выше, какъ направилась его проповѣдь. Любопытно сравнить два взгляда на это ученіе, какіе были высказаны, напримѣръ, г. Златовратскимъ и въ настоящемъ случаѣ Каронинымъ: первый преклонялся передъ этимъ ученіемъ и нѣсколько мистически называлъ его перваго изобрѣтателя „Большимъ человѣкомъ“; взглядъ Каронина увидимъ ниже. Чехловъ является въ провинцію и мы видимъ его въ деревнѣ, въ домѣ управляющаго имѣніемъ Хордина. Это заурядный человѣкъ, нѣкогда имѣвшій, кажется, идеалы, потомъ огрубѣвшій практикъ; жена его—нѣкогда слушавшая медицинскіе курсы, потомъ вынужденная не по своей волѣ жить въ далекихъ странахъ и свято сохранявшая идеалы своей молодости. Чехлова ввелъ къ нимъ одинъ изъ его поклонниковъ, нѣкто Мизинцевъ, молодой человѣкъ, хорошій и скромный; у него новое ученіе свелось на немногія элементарныя правила, которыхъ онъ строго держался,—онъ утверждалъ, что нужно: водку не пить, табакъ не курить, чужихъ женъ не прельщать, дамамъ турнюра не носить и т. п. Въ одно прекрасное утро Мизинцевъ привезъ Чехлова и тотъ съ первыхъ словъ въ общемъ разговорѣ успѣлъ всѣхъ раздражить противъ себя своей рѣзкой манерой и обличительной діалектикой, которая во всѣхъ обычныхъ пріемахъ нашей жизни открывала обманъ, лицемѣріе, противорѣчіе самымъ основнымъ правиламъ любви къ ближнему и т. д. Обыкновенно онъ избѣгалъ высказывать свои положенія прямо и предпочиталъ выспрашивать собесѣдника и затѣмъ нападать и опровергать его. Не будемъ пересказывать этихъ диспутовъ, проведенныхъ у Каронина очень искусно, и остановимся только на послѣднихъ впечатлѣніяхъ.

Между прочимъ Чехловъ выполнялъ всѣ требованія новѣйшаго опрощенія. Пріѣхавши въ провинціальный городъ, онъ поселился у своего кліента Мизинцева и первымъ долгомъ потре-

[1]) Томъ III, стр. 186—187.

бовалъ, чтобы въ указанной для него комнатѣ вынесли мягкую мебель: „Лучше всего, разумѣется, сидѣть на землѣ, какъ назначила природа; но если этого нельзя, то, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ садиться на пружины“; вслѣдъ затѣмъ онъ велѣлъ вынести изъ комнаты и кровать съ матрасомъ, потому что онъ спитъ на полу. Разъ въ окошко онъ увидалъ, какъ на дворѣ старуха возилась съ полѣномъ, котораго никакъ не могла разрубить; Чехловъ вышелъ къ ней и накололъ ей дровъ и т. п. Въ концѣ концовъ, однако, въ отношеніяхъ Мизинцева къ его гостю и учителю стало происходить какое-то раздвоеніе: повидимому учитель говорилъ все очень хорошо, но тѣмъ не менѣе у Мизинцева выростала къ нему какая-то антипатія. „Мизинцевъ не могъ объяснить себѣ это непостижимое противорѣчіе... Онъ по складу своего ума не могъ понять, что когда человѣкъ говоритъ большія слова, а подтверждаетъ ихъ ничтожными поступками, то это жалкая профанація, постыдное кощунство, оскверненіе храма слова.

„Не понимая этого, Михаилъ Егоровичъ раздвоился. Онъ долженъ былъ сознаваться на каждомъ шагу, что его гость поступаетъ такъ, какъ нужно, но, въ то же время, его прямая натура возмущалась каждымъ движеніемъ того. И чѣмъ больше они встрѣчались, тѣмъ все сильнѣе натура Михаила Егоровича возмущалась Чехловымъ. Это было смутное недовольство“ [1]).

Но это недовольство было еще сильнѣе у г-жи Хординой. Она не могла сговориться даже со скромнымъ Мизинцевымъ, который со словъ учителя настаивалъ, что единственная обязанность человѣка есть личное нравственное совершенствованіе. „Александра Яковлевна (Хордина) родилась подъ глубокимъ и свѣтлымъ небомъ и жила въ свѣтлое, горячее время, когда о себѣ почти некогда было думать; она на опытѣ знала, какъ въ огнѣ общественнаго дѣла очищается сама собой личность. И сама она до этого времени никогда не задавалась исключительною цѣлью очищать свою жизнь, потому что жизнь ея, безъ ея усилій, была чиста, какъ и вся ея натура... Мизинцевъ же воспитывался на одной изъ тѣхъ улицъ, какія существуютъ въ азіатскихъ городахъ, гдѣ каждый домохозяинъ, поддерживая образцовый порядокъ на дворѣ, на общественную улицу выбрасываетъ дохлыхъ собакъ и кошекъ, грязь и помои,—однимъ словомъ, сознательная жизнь его началась при полной мерзости запустѣнія, и вся его жизнь сосредоточилась на азіатскомъ идеалѣ — чисто обставить свой частный дворъ“ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 296.

[2]) Тамъ же, стр. 229—230.

Но еще больше г-жа Хордина расходилась съ самимъ Чехловымъ. На первый разъ въ его филиппикахъ поразили ее своей справедливостью нѣкоторыя замѣчанія о ненормальности человѣческихъ отношеній, о необходимости самонаблюденія, о любви къ людямъ; но на первыхъ же порахъ поразило ее въ этой проповѣди что-то ненормальное, напр. когда ставились требованія явно невозможныя и даже несправедливыя, когда подвергалась сомнѣнію или отрицалась наука, когда, наконецъ, самая проповѣдь „любви" и „разума" дѣлалась въ тонѣ вражды и самолюбиваго раздраженія; она скоро почувствовала во всемъ этомъ какую-то ложь и успѣла разобрать ее. Однажды, среди разговоровъ, въ которыхъ Чехловъ привыкъ къ эффекту своихъ словъ, ему показалось, что онъ замѣтилъ на ея лицѣ насмѣшку: она дѣйствительно увидѣла въ его словахъ недоказанность, противорѣчіе, и онъ потомъ очень обрадовался, когда она стала съ интересомъ разспрашивать объ его прошлой жизни. Онъ разсказалъ ей о своихъ родителяхъ, какъ онъ учился, гдѣ путешествовалъ; Хордина все предлагала ему новые вопросы. „Ничего не подозрѣвая, онъ съ жаромъ разсказывалъ, какъ много онъ читалъ, съ какими выдающимися людьми былъ знакомъ и какъ занимался самообразованіемъ, когда бросилъ университетъ, внушавшій ему отвращеніе бездушною шаблонностью... „Только одно самообразованіе создаетъ разумнаго человѣка",—кончилъ онъ.

„И вдругъ Александра Яковлевна замѣтила какъ бы про себя:

— Интересно, что̀ бы изъ васъ вышло, еслибы отецъ сдѣлалъ васъ своимъ приказчикомъ и еслибы послѣ его смерти вы остались съ братьями торговать лѣсомъ?..

— То-есть что̀ тутъ собственно интереснаго?—спросилъ Чехловъ, все еще ничего не подозрѣвая.

— Да откуда бы вы разумъ-то взяли, еслибы стали торговать бревнами?

„Чехловъ моментально оцѣнилъ этотъ неожиданный и мастерской ударъ и взоръ его безпокойно пробѣжалъ по комнатѣ, но онъ хладнокровно отвѣтилъ:

— При мнѣ бы и остался, если только онъ во мнѣ вообще есть!

— Но вотъ это-то и любопытно: выходитъ, что можно какъ угодно жить, чѣмъ угодно заниматься, хотя бы грабежомъ на большихъ дорогахъ, какъ есть ничему не учиться и все-таки, несмотря ни на что, носить въ себѣ какой-то разумъ, т.-е. высшее пониманіе всѣхъ вещей!—сказала Александра Яковлевна, но безъ ехидства, съ доброю улыбкой.

— Для васъ это невозможнымъ кажется, но это потому, что вы вѣрите не въ силу человѣка, а его положенія, и ему рабски подчиняетесь! — возразилъ Чехловъ, но уже съ явнымъ раздраженіемъ".

Ему замѣтили, что онъ дѣйствительно прекрасно сдѣлалъ, что ушелъ отъ своего положенія, такъ какъ иначе, вѣроятно, нельзя было бы услышать отъ него такихъ прекрасныхъ вещей о разумѣ.

„— Но вѣдь я же ушелъ отъ этого положенія! Значитъ, оно меня не поработило!—вскричалъ Чехловъ и въ первый разъ вышелъ изъ себя.

— Потому что вы имѣли средства бросить его, тогда какъ милліоны людей не могутъ оторваться отъ приковавшей ихъ цѣпи... Во-вторыхъ, потому, что вы кое-чему учились, прежде нежели бросить его, имѣли возможность и дальше учиться, и размышлять, тогда какъ милліоны не только не могутъ чему-нибудь учиться и о чемъ-нибудь размышлять, но часто и потребности такой не сознаютъ... Къ нимъ-то откуда разумъ придетъ?" [1])

Въ другой разъ она сказала ему:—„Ваше ученіе, кажется, все имѣетъ, что̀ нужно для каждаго ученія: и разумъ, и любовь, и совершенство, и пути къ нему, все! Нѣтъ только одной, но зато самой необходимой вещи — Бога. То-есть того объединяющаго центра, вокругъ котораго можно было бы расположить всѣ эти прекрасныя вещи—любовь, совершенство, простоту... Никто изъ нуждающихся въ вѣрѣ не приметъ вашего ученія, потому что въ немъ именно вѣры-то и нѣтъ! Оно холодно, умно и безчеловѣчно!.. Задуманное только ради богатыхъ, для нуждающагося бѣдняка оно даетъ только угрозы, жестокія обвиненія и ни одного луча надежды" [2]).

Для нея, воспитавшейся на другихъ идеалахъ, новое ученіе представляло вообще мало основаній къ сочувствію. Новое ученіе было прежде всего неясно и противорѣчиво, было слишкомъ похоже на капризъ и, наконецъ, осуждая различныя формы общественной жизни, относилось къ нимъ совершенно поверхностно и не давало взамѣнъ ихъ ничего разумно положительнаго.

Первая серьезная встрѣча съ дѣйствительностью нашла самонадѣяннаго учителя совершенно безсильнымъ. Во-первыхъ, въ немъ разгорѣлась страсть: онъ въ первый разъ встрѣтилъ въ Хординой женщину, которая произвела на него сильное впечатлѣніе

---

[1]) Тамъ же, стр. 264—265.

[2]) Тамъ же, стр. 318.

и своей женственной привлекательностью, и вмѣстѣ той силой ума и характера, которую онъ долженъ былъ увидѣть. Ему казалось, что она была нравственно неудовлетворена въ своихъ домашнихъ отношеніяхъ, и думалъ, что она готова будетъ раздѣлить съ нимъ жизнь: въ этомъ онъ жестоко ошибся,—ея жизненныя цѣли были иныя и онъ лично, хотя на первый разъ затронулъ ее своей проповѣдью, самъ по себѣ не внушалъ ей сочувствія. Проповѣдникъ „любви" и „разума" не въ состояніи былъ вынести ея отказа слѣдовать за нимъ и предался необузданнымъ порывамъ неразумія и ненависти. Но это испытаніе было вскорѣ совершенно заслонено другимъ: онъ получилъ оффиціальное извѣстіе, что частный банкъ, въ которомъ хранились его деньги, лопнулъ, что надъ дѣйствіями этого банка производится слѣдствіе и т. д.; другими словами, Чехловъ остался нищимъ. Повидимому, прекрасный случай освободиться отъ всѣхъ фальшивыхъ потребностей нашей жизни, противъ которыхъ онъ такъ горячо ратовалъ—отъ хорошей квартиры, отъ мягкой мебели съ пружинами, отъ дорогого платья, отъ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ (Чехловъ уже дѣлалъ опыты отрицанія ихъ и разъ пришелъ пѣшкомъ изъ города въ деревню къ Хординымъ,—къ нимъ можно было доѣхать по желѣзной дорогѣ); но теперь онъ вовсе не обрадовался этой возможности; напротивъ, онъ встрѣтилъ свою бѣду съ крайнимъ малодушіемъ, на занятыя деньги поѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ былъ банкъ, въ надеждѣ спасти, что̀ можно, изъ его крушенія, и тамъ узналъ только, что, быть можетъ, со временемъ, когда дѣло выяснится, вкладчикамъ останется гривенникъ за рубль; затѣмъ онъ бросился домой, пріѣхалъ туда больнымъ и взялъ нѣсколько денегъ у братьевъ: надо было начинать новую жизнь—вѣроятно, уже не въ духѣ прежняго ученія.

Мы указали существенныя черты произведеній Каронина. Если можно назвать его писателемъ народническимъ, онъ, очевидно, не утратилъ нимало старыхъ преданій нашей литературы и оставался сознательнымъ другомъ народа, далекимъ отъ фантастическихъ мечтаній, которыя, хотя въ заглавіи ихъ ставится имя народа, могутъ оказываться весьма неполезными для его существенныхъ интересовъ. Онъ не дѣлилъ общества „интеллигенціи" отъ народа, положеніе и того и другого ему казалось неправильнымъ, необезпеченнымъ въ ихъ самыхъ существенныхъ нуждахъ—матеріальныхъ и нравственныхъ; и въ томъ и другомъ онъ находилъ много мрачныхъ сторонъ, зависѣвшихъ въ большой мѣрѣ

отъ историческихъ условій ихъ положенія и отъ которыхъ не освободитъ никакое обособленіе народа отъ общества, а напротивъ, можетъ освободить когда-нибудь лишь совмѣстная работа на пути общественнаго развитія и просвѣщенія. Ему мечталась и теперь возможность дружескаго сожительства людей общества въ народной средѣ („Мой міръ"): быть можетъ, онъ спеціально указывалъ эту возможность въ опроверженіе тѣхъ, кому казалось, что интеллигенція можетъ быть только посрамлена въ своихъ попыткахъ сблизиться съ народомъ, столь высоко ее превышающимъ. Напротивъ, Каронинъ нисколько не скрываетъ отъ себя одичалости деревни, главные источники которой онъ видитъ въ ея нищетѣ и невѣжествѣ, и тѣмъ не менѣе онъ считаетъ возможнымъ, что найдется общая почва, гдѣ „интеллигенція" можетъ работать для народа, ничего не уступая изъ своего нравственнаго и умственнаго содержанія.

Весьма значительны и литературныя достоинства произведеній Каронина. Онъ знаетъ свой міръ и умѣетъ изображать его, какъ съ внѣшней бытовой стороны, такъ и въ его внутреннихъ побужденіяхъ; его народный языкъ простъ и вѣренъ и нигдѣ не страдаетъ той грубой или слащавой манерностью, какую до сихъ поръ еще можно встрѣтить въ изображеніяхъ народнаго быта. Въ цѣломъ отношеніи его къ народу нѣтъ также никакой сентиментальности, даже въ тѣхъ фигурахъ, въ которыхъ, какъ мы указывали, проходитъ передъ нами деревенская идиллія; но тѣмъ не менѣе вездѣ мы чувствуемъ самое теплое участіе къ народной жизни и въ беллетристической картинѣ проглядываетъ серьезное пониманіе вопросовъ народнаго быта.

Наконецъ, въ сочиненіяхъ Каронина есть еще одна симпатичная сторона: это—самъ писатель. Онъ уже кончилъ свое недолгое поприще, и надо желать, чтобы люди, ему близкіе, собрали данныя его біографіи, которыя освѣтили бы его внѣшнюю судьбу и исторію его внутренняго развитія: его дѣятельность сама по себѣ является уже въ разныхъ отношеніяхъ любопытнымъ фактомъ нашей общественной исторіи.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ СЮЛЛИ ПРЮДОМА

I.—РАЗБИТАЯ ВАЗА.

Вѣеромъ задѣта дорогая ваза,
Гдѣ цвѣты увяли—трещину дала.
Рана незамѣтной для простого глаза
Въ первый мигъ была.

Но она, вначалѣ скрытая отъ взора,
Дальше расходяся съ каждымъ новымъ днемъ,
Дѣлалась виднѣе, и собою скоро
Вазу охватила роковымъ кольцомъ.

И вервена влаги ожидаетъ тщетно,
Медленно, по каплѣ вытекла вода.
Не касайтесь вазы: это незамѣтно,
Но она разбилась разъ и навсегда.

Такъ порою въ сердцѣ—дорогой рукою
Лишь слегка задѣтомъ—остается слѣдъ.
И оно, разбившись вдругъ, само собою—
Для любви и счастья не воскреснетъ, нѣтъ!

Тайна этой раны отъ людей сокрыта,
Но мечты увяли въ глубинѣ его.
Не касайтесь сердца: вѣдь оно разбито
И прикосновенье—гибель для него.

II.—РОСА.

Я предаюсь мечтамъ, поднявъ къ лазури очи
Въ отрадно тихіе вечерніе часы,
Когда среди луговъ рукою блѣдной ночи
Разбросаны вездѣ жемчужины росы.

Откуда же на насъ, дрожа, онѣ упали?
Прозрачный сводъ небесъ блистаетъ синевой.
Не тамъ ли, въ вышинѣ сейчасъ онѣ сверкали
Предъ тѣмъ, какъ снизойти серебряной росой?

Откуда у меня явились эти слезы?
Лазурь безоблачна и даже вѣтеръ стихъ.
Не въ сердцѣ ли моемъ росли онѣ, какъ грезы,
Предъ тѣмъ, какъ заблистать во взорѣ глазъ моихъ?..

III.—ЖЕЛАНІЕ.

Здѣсь на землѣ все слишкомъ скоротечно:
И запахъ розъ, и пѣнье соловья.
Такой весны, что̀ остается вѣчно—
Хотѣлъ бы я!

Здѣсь на землѣ всѣ жаждутъ перемѣны,
Лобзанья здѣсь уходятъ безъ слѣда.
Я жажду тѣхъ, что̀ вѣчно неизмѣнны
И—навсегда!

Здѣсь на землѣ любовь непостоянна,
А дружба длится краткіе года̀.
Я чувства жду, какому тѣнь обмана
Была-бъ чужда̀!

IV.—ЛАСТОЧКА.

Ты, которая къ небу свободно
Направляешь отважный полетъ,
И не падаешь въ мукѣ безплодной
Съ недоступно суровыхъ высотъ;

Ты, которая жажду изъ тучи
На пути утоляешь порой,
Проносяся чрезъ горныя кручи,
Черезъ море и рѣки—стрѣлой;

Ты, ненастной порою осенней
Покидавшая насъ для того,
Чтобъ вернуться съ расцвѣтомъ сиреней;
Ты, которой дороже всего

Лишь родное гнѣздо и свобода—
Какъ съ тобою схожусь я во всемъ!
И во мнѣ пробудила природа
Все, что̀ въ сердцѣ ты носишь своемъ.

Я, какъ ты, поднимаюсь высо̀ко
На крылахъ лучезарныхъ мечты,
И стремлюся туда одиноко,
Гдѣ паришь одиноко и ты.

Я ничьей не завидую долѣ.
Раздѣляя порывы твои,
Я хочу лишь простора и воли,
И любви, безконечной любви!

V.—* * *

Два смѣлыхъ путника, взобравшись на утесъ,
Закрывъ глаза, внимали реву моря.
— Я слышу въ немъ всю прелесть райскихъ грёзъ!—
— А я—весь стонъ земного горя!—

Имъ тотъ же лучъ сіялъ на небѣ голубомъ,
И съ одинаковою силой
Имъ море-сфинксъ обоимъ говорило
Такую-жъ рѣчь, но разнымъ языкомъ.

VI.—СТАТУЯ И ЖЕНЩИНА.

(Les Vénus.)

Былъ зимній день угрюмъ и сѣръ,
Но я, подъ портикомъ античнымъ,
Взиралъ съ восторгомъ необычнымъ
На изваянія Венеръ.

И въ королевскомъ Луврѣ старомъ
Искусства видя образцы,
Я понималъ, что имъ недаромъ
Отведены у насъ дворцы.

Но нищую, идя дорогой,
На поворотѣ встрѣтилъ я,
И вмигъ была душа моя
Объята грустью и тревогой...

Болѣзненно истомлена,
Въ какомъ-то рубищѣ несчастномъ—
Какъ молода была она,
Съ лицомъ божественно-прекраснымъ!

Густыя пряди свѣтлыхъ косъ
Лежали мягкою волною,
Глаза, съ ихъ темной глубиною,
Хранили слѣдъ недавнихъ слезъ.

Рука, исколота иглою,
Была красива, но худа;
Отъ непосильнаго труда
При лампѣ, позднею порою

Ослабло зрѣніе у ней.
Скрывая стыдъ, скрывая муку,

Она протягивала руку,—
Но кто и чѣмъ поможетъ ей?

Кто видитъ гнетъ ея терзаній?
Она страдаетъ не одна.
Дворцы у насъ—для изваяній,
А ты—ты Богомъ создана!

Твоей красѣ не будетъ храма,
Они—для мертвой красоты.
И въ вихрѣ свѣтской суеты
Забудется простая драма...

Себѣ отыщешь ты пріютъ,
Быть можетъ, въ омутѣ разврата;
Для женщинъ мраморныхъ—палата,
Живыя—тысячами мрутъ!

VII.—* * *

Кто скажетъ: я забылъ весны очарованье?
Кто скажетъ: первую я позабылъ любовь?
Нѣтъ, даже старики, чья охладѣла кровь,
Не скажутъ этого, увидѣвъ дня сіянье.

Но развѣ не всегда любимыя черты
Мы видимъ предъ собой духовными очами?
И въ сердцѣ у себя мы не хранимъ ли сами
И первый поцѣлуй, и первыя мечты?

Когда сіяніе багрянаго заката
Угаснетъ, отгорѣвъ,—изъ наступившей тьмы
Проглянетъ звѣздочка, которую когда-то
Съ восторгомъ сладостнымъ привѣтствовали мы.

И я, отъ суеты и шума утомленный,
Оставшися одинъ, припоминаю вновь
Съ волненьемъ радостнымъ и съ грустью умиленной
Неумиравшую въ душѣ моей любовь...

О. Михайлова.

ИППОЛИТЪ ТЭНЪ

I.

5-го марта (21-го февраля) скончался Ипполитъ Тэнъ. Почти всѣ некрологи Тэна начинаются указаніемъ на необыкновенную многосторонность его таланта, необыкновенное разнообразіе его литературнаго творчества. И дѣйствительно, онъ былъ философомъ и критикомъ, историкомъ и публицистомъ, наблюдателемъ общественныхъ нравовъ на чужбинѣ и у себя дома. Не вездѣ, однако, онъ проложилъ новые пути и создалъ новые пріемы. Въ философіи онъ былъ продолжателемъ традицій XVIII-го вѣка, только лучше вооруженнымъ, благодаря успѣхамъ научнаго знанія. Въ „Замѣткахъ“ объ Англіи и о Парижѣ онъ шелъ по стопамъ Монтескьё, какъ автора „Персидскихъ писемъ“, и подавалъ руку Абу, какъ бытописателю „Современной Греціи“. Его политическіе и экономическіе взгляды немногимъ отличались отъ ходячей и даже нѣсколько стертой монеты буржуазнаго доктринерства. Перенеся ихъ всецѣло въ исторію недавняго прошлаго, онъ обратилъ ее въ обвинительный актъ, составленный съ удивительнымъ мастерствомъ, но меньше всего похожій на строго-научный трактатъ, первоначально задуманный авторомъ. Никогда, быть можетъ, разница между намѣреніемъ и исполненіемъ не была такъ велика, какъ въ послѣднемъ сочиненіи Тэна, которому онъ отдалъ чуть не половину своей трудовой жизни. Онъ хотѣлъ изучить процессъ образованія современной Франціи, какъ „натуралистъ“ изучаетъ „метаморфозы насѣкомаго“—а на самомъ дѣлѣ отнесся къ нему какъ участникъ политической борьбы, проникнутый непримиримой ненавистью къ противнику. Если въ моментъ приступа къ работѣ „любопытство“ историка и было „свободно отъ предвзятаго рѣ-

шенія“, то эта свобода продолжалась недолго. „Предвзятое рѣшеніе“ чувствуется уже въ описаніи стараго порядка, набрасываетъ густую тѣнь на картину дѣятельности учредительнаго собранія, неограниченно царитъ въ изображеніи конвента. Точно предвидя, что ему не удастся достроить громадное зданіе, авторъ спѣшитъ водрузить надъ нимъ свое излюбенное знамя—и громитъ третью республику, ничего не сказавъ о промежуточныхъ ступеняхъ, отдѣляющихъ ее отъ первой имперіи. C'est magnifique, mais ce n'est pas la guerre!—воскликнулъ кто-то изъ французскихъ генераловъ, смотря на англійскую кавалерійскую атаку при Балаклавѣ. Это остроумно, интересно, оригинально — но это не исторія: вотъ чтò хочется замѣтить послѣ прочтенія „Революціи“ и „Новаго порядка“. Блестящаго въ нихъ очень много, но это —блескъ такого рода, который не можетъ обходиться безъ дыма. Дымомъ, сквозь который трудно разсмотрѣть настоящія очертанія предметовъ, является здѣсь масса мелкихъ фактовъ, не провѣренныхъ, не взвѣшенныхъ, тенденціозно подобранныхъ, произвольно обобщенныхъ. Къ произведеніямъ, отмѣчающимъ или открывающимъ собою новый фазисъ въ развитіи науки (epochemachende Werke), „Происхожденіе современной Франціи“ не можетъ быть отнесено ни по своему матеріалу, ни по методу его обработки. Оборотная, закулисная сторона революціи была раскрыта, раньше Тэна, Валлономъ, Мортимеромъ-Тэрно и многими другими. Они вывели на свѣтъ ту массу мелочей, изъ которыхъ, даже въ наиболѣе критическія эпохи, слагается будничная, повседневная жизнь; они показали, что параллельно съ эффектными трагедіями, разыгрываемыми, при бенгальскихъ огняхъ и трубныхъ звукахъ, на главномъ, центральномъ театрѣ, идетъ, внизу и по бокамъ, непрерывная вереница тусклыхъ, заурядныхъ сценъ, въ которыхъ чередуются или смѣшиваются и грязь, и кровь, и слезы. Луи Бланъ утилизировалъ—съ другою, конечно, цѣлью, чѣмъ Тэнъ—мало извѣстную до тѣхъ поръ періодическую литературу временъ революціи. Легендарное представленіе о революціи, какъ о чемъ-то безусловно новомъ, не имѣющемъ корней въ прошедшемъ, невообразимо-чудовищномъ или безгранично-великомъ (смотря по точкѣ зрѣнія), было поколеблено уже Минье и Тьеромъ, разрушено Токвилемъ, Зибелемъ, Кине. Недоставало только такого труда, который, всѣмъ пользуясь и все объединяя, не будучи ни мертвенно-равнодушнымъ, ни ослѣпленно-пристрастнымъ, возстановлялъ бы, въ ихъ настоящемъ видѣ, важнѣйшіе факты эпохи, объяснялъ бы ихъ зависимость отъ прошлаго и ихъ взаимную связь, опредѣлялъ бы долю вліянія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществен-

ныхъ группъ, однимъ словомъ—возводилъ бы исторію на степень точной науки, насколько это возможно при нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній. Такого труда нѣтъ и теперь, послѣ появленія книги Тэна — нѣтъ, по крайней мѣрѣ, для внутренней исторіи революціи; по отношенію къ внѣшней ея исторіи, т.-е. къ той роли, которую она играла въ общеевропейскихъ международныхъ сношеніяхъ, желанная цѣль почти достигнута сочиненіемъ Альбера Сореля („L'Europe et la révolution française"). Успѣлъ ли Тэнъ окончить второй (и послѣдній) томъ „Новаго порядка" — это, покамѣсть, еще неизвѣстно. Славу покойнаго писателя онъ, во всякомъ случаѣ, не увеличитъ. Слишкомъ близокъ, для этого, его предметъ къ современной дѣйствительности, соприкосновеніе съ которою лишало Тэна главной и лучшей части его силы.

II.

Истинно-великимъ Тэнъ былъ только въ области литературной и художественной критики: здѣсь онъ составилъ себѣ имя, здѣсь праздновалъ свои величайшія побѣды. Его книги о Титѣ Ливіи и Лафонтенѣ, его критическіе этюды, его „Исторія англійской литературы", его лекціи въ парижской Ecole des Beaux-Arts (Philosophie de l'art, Idéal dans l'art) образуютъ одно гармоническое цѣлое, одинаково характеристичное и для самого автора, и для цѣлой эпохи. Попытка ввести науку въ критику и сдѣлать критику составною частью науки, входитъ, какъ необходимое звено, въ исторію философской мысли XIX-го вѣка—и вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ на себѣ яркій отпечатокъ индивидуальности писателя. Считаться съ Тэномъ должны, на этой почвѣ, даже его противники; можно пойти далѣе, подняться выше его, но нельзя не пользоваться его пріобрѣтеніями; они составляютъ фундаментъ, на которомъ могутъ быть возведены самыя разнообразныя постройки. Абсолютно-новымъ методъ Тэна, конечно, не былъ. „Открытія,—говоритъ самъ Тэнъ (по другому поводу, въ книгѣ о Титѣ Ливіи),—дѣлаются нѣсколько разъ; то, что̀ сегодня изобрѣтаешь, завтра, можетъ быть, найдешь въ своей библіотекѣ... У всякаго писателя есть свои предшественники". Нѣкоторые изъ предшественниковъ Тэна указаны въ книгѣ Брюнетьера, о которой мы, года два тому назадъ, говорили въ „Вѣстникѣ Европы" („L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature"): это—Кювье и Жофруа-Сентъ-Илеръ, снабдившіе его научнымъ мето-

домъ, англійскіе и французскіе позитивисты, сблизившіе исторію съ точнымъ знаніемъ, Сентъ-Бёвъ, перешедшій отъ изученія произведеній къ изученію писателей. Все взятое у другихъ, кто бы ни были эти другіе, переработано Тэномъ, во всякомъ случаѣ, настолько, чтобы стать его неотъемлемою собственностью. Излагать основныя черты его системы было бы излишне, особенно на страницахъ нашего журнала, гдѣ еще недавно была помѣщена подробная статья о Тэнѣ [1]). Мы коснемся только одной его особенности, большею частью отрицаемой или оставляемой въ тѣни. Въ критикѣ, все, повидимому, сводящемъ къ условіямъ расы, среды и момента, намъ хотѣлось бы показать цѣнителя наиболѣе индивидуальныхъ, наиболѣе интимныхъ сторонъ поэзіи; въ изслѣдователѣ, ко всему, повидимому, подходящемъ съ микроскопомъ и скальпелемъ, мы хотѣли бы показать поэта.

Въ сочиненіяхъ Сентъ-Бёва (Nouveaux Lundis, т. VIII) есть любопытная статья, посвященная Тэну—любопытная уже потому, что учитель говоритъ здѣсь объ ученикѣ, самостоятельномъ и непокорномъ, писатель, близкій къ концу своей карьеры—о преемникѣ, идущемъ къ нему на смѣну. Эта статья написана въ 1864 г., по поводу „Исторіи англійской литературы“ — т.-е. какъ разъ тогда, когда Тэнъ окончательно занялъ мѣсто на ряду съ первыми литературными силами своего времени. Подобно всему оригинальному и свѣжему, его труды вызвали массу нападеній, слѣдующимъ образомъ резюмируемыхъ Сентъ-Бёвомъ: „какъ бы прекрасно онъ ни описывалъ расу, въ ея общихъ чертахъ и основныхъ линіяхъ, какъ бы рельефно ни изображалъ нравственную атмосферу, господствующую въ извѣстныя историческія минуты, какъ бы искусно ни оріентировался среди событій и приключеній, опутывающихъ своею сѣтью жизнь даннаго лица—нѣчто отъ него все-таки ускользаетъ. Это нѣчто—самое живое въ человѣкѣ; это нѣчто—именно то, благодаря чему изъ сотни или тысячи людей, подчиненныхъ, повидимому, одинаковымъ внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ, только одинъ выдвигается впередъ и создаетъ своеобразное произведеніе. Тэнъ не схватилъ и не показалъ намъ самую искру генія; онъ рисуетъ передъ нами, деталь за деталемъ, только оболочку, въ которой появляется, дѣйствуетъ и торжествуетъ эта искра, эта жизнь, эта душа“. Противъ такой характеристики Тэна Сентъ-Бёвъ не возражаетъ; онъ беретъ на себя защиту

[1]) „Ипполитъ Тэнъ и его значеніе въ исторической наукѣ“, В. И. Герье, въ №№ 1 и 2 „Вѣстника Европы“ за 1890 г. Эта статья даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе; она подробно разсматриваетъ многіе изъ числа критическихъ этюдовъ Тэна.

молодого писателя, но доказываетъ не его невиновность, а только его право на снисхожденіе. „Хорошо уже и то,—говоритъ царь тогдашней критики,—что авторъ намѣтилъ задачу, близко подошелъ къ ней, окружилъ ее со всѣхъ сторонъ, свелъ ее къ наиболѣе простому выраженію, далъ возможность взвѣсить и сосчитать всѣ ея данныя. Въ самомъ тѣсномъ кругѣ талантъ или геній можетъ совершать чудеса — и если Тэнъ недостаточно изучаетъ эту способность, то, во всякомъ случаѣ, онъ ея не отрицаетъ; онъ только ограничиваетъ ее, облегчая для насъ этимъ самымъ ея опредѣленіе". Упрекъ сведенъ здѣсь до минимума, но все-таки остается упрекомъ; Сентъ-Бёвъ все-таки признаетъ, что „искра генія", т.-е. личный элементъ творчества, не входитъ въ кругъ изслѣдованій Тэна или, по меньшей мѣрѣ, не играетъ въ немъ роли, соотвѣтствующей его значенію. То же самое, четверть вѣка спустя, находятъ новѣйшіе критики—Брюнетьеръ, Геннекенъ, Брандесъ, Фаге. „Какъ бы ни была тѣсна,—говоритъ Брюнетьеръ въ названной уже нами книгѣ,—связь трагедіи Расина или краснорѣчія Боссюэ съ другими частями цивилизаціи XVII-го вѣка, ее нельзя считать *необходимой*, потому что къ тому же времени относится краснорѣчіе Бурдалу и трагедія Томаса Корнеля". Самое характеристичное въ рѣчи Боссюэ—это присутствіе въ ней самого Боссюэ; „Андромаха" зависѣла больше отъ самого Расина, чѣмъ отъ чего бы то ни было другого. Геннекенъ (въ „Critique Scientifique", о которой см. № 11 „Вѣстн. Европы" за 1888 г.) также оспариваетъ Тэна указаніемъ на одновременное появленіе такихъ несходныхъ писателей, какъ Эврипидъ и Аристофанъ, Лукрецій и Цицеронъ, Гёте и Шиллеръ, Уландъ и Гейне, Левъ Толстой и Достоевскій. Брандесъ (въ лекціи о критикѣ и критикахъ, напечатанной въ № 10 „В. Е." за 1887 г.) находитъ, что Тэну недостаетъ чутья и угадыванія (intuition, devination), безъ помощи которыхъ нельзя придти къ „истиннымъ выводамъ" относительно „индивидуальнаго ума писателя". По мнѣнію Фаге (см. некрологъ Тэна въ „Revue bleue"), Тэнъ видѣлъ въ литературѣ „математическое выраженіе общества, расы, среды—и ничего больше". То же самое выражаетъ, другими словами, и авторъ некролога въ „Temps", Сабатье. *Формальныхъ* основаній для такого взгляда на Тэна въ его статьяхъ и книгахъ можно найти сколько угодно. Какъ всякій новаторъ, Тэнъ съ особенною настойчивостью твердитъ именно то, что̀ считаетъ въ своей доктринѣ наиболѣе новымъ; какъ всякій теоретикъ, онъ стремится къ строго-опредѣленнымъ формуламъ, точность которыхъ не всегда совмѣстна съ полнотою. Рамка, сплошь и рядомъ, ока-

зывается слишкомъ узкой, чтобы вмѣстить все полотно; но тѣ его части, для которыхъ не нашлось мѣста, отнюдь не менѣе цѣнны, чѣмъ остальныя. Онѣ не отрѣзаны и не брошены живописцемъ: нужно только ихъ найти и присоединить ихъ къ цѣлому. Всего больше ихъ въ раннихъ произведеніяхъ Тэна, особенно въ его замѣчательной, слишкомъ мало у насъ извѣстной книгѣ о Лафонтенѣ.

III.

„Тайный историкъ (Сенъ-Симонъ), больной духомъ и тѣломъ геометръ (Паскаль), мечтательный добрякъ (Лафонтенъ)—вотъ единственные три артиста XVII-го вѣка, являвшіеся въ немъ рѣдкостью и нѣсколько его скандализировавшіе" (ils faisaient rareté et un peu scandale). Этими словами заканчивается одинъ изъ самыхъ первыхъ, по времени, критическихъ этюдовъ Тэна (о Сенъ-Симонѣ). Всѣ главные французскіе писатели временъ Людовика XIV принадлежали къ одной и той же расѣ, испытывали вліяніе одной и той же среды, почти однихъ и тѣхъ же моментовъ; и все-таки несходство Паскаля, Лафонтена и Сенъ-Симона какъ между собою, такъ и съ представителями господствующаго типа, не только прямо признается, но и рѣзко подчеркивается Тэномъ. Можно ли утверждать, затѣмъ, что онъ все сводилъ къ общимъ условіямъ, забывая объ особенномъ, индивидуальномъ? Очевидно — нѣтъ. Онъ установлялъ только правило, допуская и даже прямо указывая исключенія. Для него была ясна взаимная зависимость общественныхъ явленій; въ данномъ обществѣ, въ данную минуту, онъ видѣлъ какъ бы одно идеальное лицо, всѣ дѣйствія котораго проникнуты однимъ духомъ, исходятъ изъ одного преобладающаго свойства. Это идеальное лицо не поглощаетъ собою, однако, *всѣхъ* конкретныхъ, реальныхъ особей; оно служитъ показателемъ и выразителемъ массы, главной колонны (включая и ея вождей)—но не одинокихъ путниковъ, уклонившихся съ столбовой дороги. Французское общество второй половины XVII вѣка, разсматриваемое какъ одно цѣлое—это воплощеніе дисциплины, гармоніи, симметріи. Черезъ всѣ его составныя части, черезъ всѣ его функціи проходитъ одна красная нить, съ необыкновеннымъ искусствомъ выслѣженная и возстановленная Тэномъ (особенно въ статьѣ о Расинѣ, въ книгѣ о Лафонтенѣ и въ предисловіи къ „Essais de critique et d'histoire"). Аллея версальскаго сада, богословское разсужденіе Малебранша, сентенція

Боссюэ о царствѣ Божіемъ, правило стихотворства у Буало, законъ Кольбера о гипотекахъ, комплиментъ, сказанный въ пріемныхъ залахъ Марли — все это, повидимому, явленія совершенно чуждыя другъ другу, между которыми нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. А между тѣмъ Тэнъ справедливо сравниваетъ ихъ съ водами, текущими въ разныя стороны по разнымъ уступамъ, но изъ одного и того же резервуара. Это сравненіе сразу открываетъ передъ нами широкіе горизонты, сближаетъ отдаленное, бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннюю связь событій; но оно было бы невѣрно, еслибы рядомъ съ резервуаромъ, питающимъ цѣлую систему водъ, не оставалось мѣста для ручейковъ, имѣющихъ свои отдѣльные источники. Наличность такихъ ручейковъ Тэнъ не только признаетъ, но и объясняетъ. Раскроемъ, напримѣръ, въ книгѣ о Лафонтенѣ главу, озаглавленную: „les dieux". Законъ взаимной зависимости явленій примѣняется здѣсь къ представленію о божествѣ, измѣняющемуся параллельно съ другими понятіями націи или эпохи. Во Франціи XVII вѣка абсолютный, но законный король занималъ средину между восточнымъ деспотомъ и новѣйшимъ государемъ. Отъ перваго онъ отличался тѣмъ, что управлялъ болѣе или менѣе согласно съ законами, отъ второго — тѣмъ, что считался и считалъ себя выше законовъ. По образу и подобію царя земного французы этого времени воображали и царя небеснаго. Богъ, которому они поклонялись, былъ чѣмъ-то въ родѣ увеличеннаго и усиленнаго Людовика XIV. Переворотъ, происшедшій на землѣ, отразился въ понятіяхъ о небѣ. Мѣстные, независимые святые среднихъ вѣковъ стушевываются или подчиняются, какъ феодальные сеньёры; и тѣ, и другіе образуютъ дворъ поклонниковъ, „почтительнымъ окомъ" созерцающихъ блескъ своего господина. Религія, очищенная и великолѣпная, представляетъ зрѣлище корректное и благородное. Философія обращаетъ природу въ систему механизмовъ, организованную декретомъ свыше. Надъ этой правильной организаціей и послушной іерархіей возвышается властелинъ, карающій и награждающій, грозный врагамъ, милостивый къ покорнымъ слугамъ. Блаженство, уготовляемое имъ для послѣднихъ, сильно напоминаетъ обстановку версальскаго двора. Возвѣщая божественную волю, Боссюэ говоритъ языкомъ французскаго посла, грозящаго гнѣвомъ своего повелителя. Для божества, такимъ образомъ понимаемаго, нѣтъ мѣста ни въ природѣ, ни въ поэзіи. Буало не даромъ запрещаетъ литературѣ касаться божественныхъ тайнъ. Когда ей нужно вывести на сцену что-нибудь сверхъ-естественное, она прибѣгаетъ къ греко-римской миѳологіи, но только какъ

къ модному парику, какъ къ условной риторической фигурѣ. И что же? Бѣдные античные боги, низведенные на степень ширмъ или китайскихъ куклъ, нашли себѣ убѣжище въ сердцѣ поэта. Они устроили въ немъ маленькій Олимпъ, больше похожій, правда, на норку крота, чѣмъ на гору; они растеряли значительную часть своей серьезности, своего престижа—но остались, зато, живыми и полными жизни. Лафонтенъ ихъ любитъ, безпрестанно говоритъ о нихъ, дѣлаетъ ихъ хозяевами своей басни, товарищами звѣрей, которые всегда остались такими же, какими были при Гомерѣ, а слѣдовательно могли сохранить и прежнихъ боговъ. Въ своемъ взглядѣ на животныхъ Лафонтенъ столь же рѣзко расходится съ своими современниками, какъ и въ отношеніи къ божеству. Философія XVII вѣка считала животныхъ машинами, безчувственными и безсмысленными. Малебраншъ, кроткій и нѣжный Малебраншъ, съ спокойной совѣстью билъ свою собаку, потому что былъ увѣренъ, что она не чувствуетъ боли. Это было модное мнѣніе, свойственное не однимъ только метафизикамъ. Любовь къ разсужденію и къ дисциплинѣ породила поклоненіе разсудку, какъ чему-то независимому отъ тѣла и обитающему только въ человѣкѣ. Природа, бездушная и пустая, разсматривалась какъ мануфактура продуктовъ, полезныхъ для человѣка—и развѣ еще какъ поводъ къ хвалебнымъ гимнамъ въ честь ея строителя. Въ одномъ направленіи съ теоріей дѣйствовала привычка. Въ глазахъ людей, живущихъ исключительно салонною жизнью, крыса, кроликъ, хорекъ—существа низменныя и грязныя; курица—только резервуаръ яицъ, корова—складъ молока, оселъ—носитель травъ на рынокъ. Совсѣмъ не то видитъ въ животныхъ Лафонтенъ. Онъ убѣжденъ, вопреки Декарту, что у нихъ есть душа; онъ ихъ любитъ, изучаетъ ихъ чувства, слѣдитъ за ихъ разсужденіями, принимаетъ сердечное участіе въ ихъ судьбѣ. Онъ живетъ вмѣстѣ съ ними въ лѣсахъ, на мху, на полевыхъ тропинкахъ, въ хлѣвахъ и курятникахъ. Столь же сильно въ немъ сознаніе близости къ растеніямъ, ко всей природѣ. Онъ жалѣетъ о деревьяхъ, онъ признаетъ и за ними право на жизнь и способности страданія. Жанъ-Жаку Руссо приписывается обыкновенно честь „открытія природы“; на самомъ дѣлѣ ее открылъ Лафонтенъ, только безъ протестовъ и декламацій, которыми это открытіе сопровождалось у Руссо.

Итакъ, Лафонтенъ плылъ противъ теченія, не подчинялся вліяніямъ, все и всѣхъ порабощавшимъ вокругъ него. Отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы Тэнъ считалъ его совершенно изъятымъ отъ дѣйствія общаго закона. Онъ видитъ въ великомъ баснописцѣ

воплощеніе самыхъ основныхъ и постоянныхъ свойствъ галльской расы. „Писатель, — читаемъ мы въ заключительной главѣ книги о Лафонтенѣ,—можетъ быть разсматриваемъ какъ представитель того или другого духа, отъ котораго онъ заимствуетъ свое достоинство и свою природу. Если этотъ духъ—не болѣе какъ мода, продолжающаяся нѣсколько лѣтъ, выраженіемъ его служитъ какой-нибудь Вуатюръ. Если онъ управляетъ цѣлымъ вѣкомъ и образуетъ цѣлую литературную форму, выраженіемъ его является такой писатель, какъ Расинъ. Если, наконецъ, онъ составляетъ самую суть расы, переходящую изъ столѣтія въ столѣтіе, его выразитель достигаетъ высоты Лафонтена". Почему же, однако, именно Лафонтенъ явился, вопреки вліяніямъ *среды* и *момента*, представителемъ такихъ свойствъ галльской *расы*, которыя были оттѣснены и прикрыты цѣлымъ рядомъ наносныхъ наслоеній? Здѣсь-то и выступаетъ на сцену то угадыванье, то чутье, то проникновеніе въ индивидуальность писателя, въ которомъ несправедливо отказываютъ Тэну. Помимо расы, помимо среды, помимо момента, Тэнъ видитъ въ Лафонтенѣ *поэта*, т.-е. человѣка иначе организованнаго, иначе видящаго и чувствующаго, чѣмъ другіе. Сравнивъ описанія животныхъ у Лафонтена и у Бюффона и показавъ, насколько первыя полны *жизни*, недостающей послѣднимъ, Тэнъ продолжаетъ: „Поэту нѣтъ надобности быть ученымъ; ему несвойственно медленное накопленіе положительныхъ знаній; онъ не классификаторъ, не аналитикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ораторъ. Ему дано *чувствованіе цѣлаго* (la sensation de l'ensemble). Масса наблюденій накопляется въ немъ помимо его воли и образуетъ *одно* впечатлѣніе, подобно тому, какъ воды со всѣхъ сторонъ стекаются въ бассейнъ, откуда, другими путями, текутъ дальше. Онъ не копируетъ, а переводитъ; онъ не передаетъ видѣнное, а творитъ на основаніи видѣннаго. Ученый или ораторъ старается вызвать въ насъ, путемъ перечисленій и группировокъ, извѣстное окончательное впечатлѣніе; поэтъ сразу его достигаетъ и прямо переходитъ къ дальнѣйшему его развитію. Первые поднимаются на вершину медленно и трудно, не пропуская ни одной ступени; для послѣдняго вершина служитъ только подножкой, ведущей въ другую, высшую область. Они учатся—онъ знаетъ; они доказываютъ — онъ видитъ. Преобразуя дѣйствительность, поэзія служитъ наиболѣе вѣрнымъ ея выраженіемъ; свободное творчество—самое точное изъ всѣхъ воспроизведеній"... „Поэтъ, — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ той же книги,—идетъ къ цѣли самымъ надежнымъ, самымъ короткимъ путемъ, руководимый тѣмъ безсозна-

тельнымъ, слѣпымъ и божественнымъ инстинктомъ, который называется вкусомъ. Какая-то смутная мудрость заставляетъ его избѣгать безполезнаго и неумѣстнаго, стремиться къ лучшему и прекрасному. Этотъ *несвѣдущій разумъ* (raison ignorante) — не что иное, какъ геній". А вотъ что говоритъ Тэнъ о *словѣ*, какъ орудіи поэзіи: „въ началѣ всѣ слова были полны жизни, какъ молодая поросль полна соку. Только въ концѣ своего роста, послѣ многихъ превращеній, слова становятся неподвижными и сухими, какъ мертвое дерево. Удачный ихъ подборъ возвращаетъ имъ прежнюю жизнь, вызываетъ, черезъ ихъ посредство, совокупность яркихъ образовъ. Если подобныхъ словъ набирается цѣлая вереница, слогъ писателя становится чѣмъ-то въ родѣ факела, освѣщающаго, одну за другою, всѣ части картины". Именно таково слово у Лафонтена, который и здѣсь идетъ въ разрѣзъ съ своимъ временемъ. Для него нѣтъ словъ грубыхъ или низкихъ, устарѣвшихъ или вышедшихъ изъ употребленія; гдѣ бы ему ни встрѣтилось выразительное, колоритное слово — у забытаго ли автора, въ мѣстномъ ли діалектѣ, въ простонародномъ ли языкѣ — онъ считаетъ его своей законной собственностью и ставитъ его на подходящее мѣсто... Не меньше, чѣмъ значеніе *слова*, понятно для Тэна и значеніе *стиха*. „Написать шесть стиховъ истинно-прекрасныхъ—труднѣе, чѣмъ выиграть сраженіе... Стихи потому дѣйствуютъ на насъ такъ сильно, что возвращаютъ душу въ ея первобытное состояніе. Языкъ, въ его дѣтствѣ, не былъ собраніемъ отвлеченныхъ знаковъ; онъ отражалъ въ себѣ крики и жесты, его спутниками были пѣсни и танцы. Мысль, облеченная въ ритмическіе звуки, затрогиваетъ въ насъ давно умолкшія струны и овладѣваетъ нами всецѣло; мы не только прислушиваемся къ ней—мы ее переживаемъ и отдаемся ея власти". Что могло подсказать Тэну подобный взглядъ на „божественныя тайны гармоніи стиха", на великую силу слова, на поэзію и на поэта? Конечно—не теорія расы, среды и момента, а поэтическое чувство, пониманіе тѣхъ сторонъ творчества, которыя коренятся въ глубинѣ человѣческой души, вѣчныя и независимыя отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ.

IV.

Когда, шесть лѣтъ тому назадъ, Брандесъ посѣтилъ Петербургъ и прочелъ здѣсь нѣсколько публичныхъ лекцій, въ одной изъ привѣтственныхъ рѣчей, сказанныхъ на устроенномъ въ его честь обѣдѣ, были приведены извѣстныя слова Сентъ-Бёва: „il

existe, en un mot, chez les trois quarts des hommes un poète mort jeune à qui l'homme survit". Въ стихотвореніи Мюссе, вызванномъ этими словами, они перефразированы такъ: „souviens-toi qu'en nous il existe sonvent un poète endormi toujours jeune et vivant". Примѣненное тогда къ Брандесу, изреченіе Сентъ-Бёва и Мюссе вполнѣ примѣнимо къ Тэну, какъ и вообще ко всякому великому критику. Чтобы понимать и цѣнить поэзію, нужно самому хоть немного быть поэтомъ—поэтомъ въ стихахъ или въ прозѣ, въ молодости или въ старости, это все равно, лишь бы только въ душу проникъ хоть одинъ лучъ истиннаго свѣта. Поэтическій даръ Тэна выражается, прежде всего, въ его способности мыслить образами. Два первые критика Тита Ливія, Бофоръ и Нибуръ, являются ему въ видѣ „протоколистовъ, скептическихъ и ворчливыхъ, идущихъ по стопамъ тріумфатора, контролирующихъ его донесенія, на все требующихъ отъ него доказательствъ, повѣряющихъ число убитыхъ". Литература XVII-го вѣка—это театральные подмостки, на которыхъ Боссюэ, Буало, Расинъ, съ цѣлымъ хоромъ другихъ писателей, исполняютъ оффиціальную, величественную пьесу. Зрители (читатели нашего времени), сравнивая себя съ актерами, чувствуютъ себя грубыми, худо воспитанными, стыдятся своего черного фрака — наслѣдія тогдашнихъ подъячихъ. И вотъ, съ подмостковъ сходитъ герцогъ и пэръ (Сенъ-Симонъ), ведетъ смущенныхъ зрителей изъ партера за кулисы и показываетъ имъ актеровъ, смывшихъ румяна, снявшихъ парадные костюмы. Какая перемѣна! Безъ париковъ, лентъ и манжетъ, они очень похожи на насъ самихъ... Сенъ-Симона Тэнъ сравниваетъ съ люстрой, горящей множествомъ огней—но горящей, много десятилѣтій сряду, при закрытыхъ дверяхъ, въ пустой залѣ; когда, наконецъ, туда вошла публика, свѣтъ люстры все еще былъ ослѣпителенъ... Воображеніе Тэна увлекаетъ его еще дальше и заставляетъ его иногда мѣнять критическій анализъ на что-то въ родѣ драматическаго монолога. Ему нужно объяснить, напримѣръ, путемъ какихъ превращеній сухой и скучный разсказъ, сочиненный испанскимъ моралистомъ XVI-го вѣка, обратился въ прелестную басню Лафонтена: „le paysan du Danube". Онъ представляетъ себѣ Лафонтена, читающаго этотъ разсказъ, прерывающаго его своими замѣчаніями, скучающаго, досадующаго на педантизмъ автора — и рѣшающаго, наконецъ, что годится только основная тема, а все остальное нужно отбросить или передѣлать. Чтобы показать наглядно слабыя стороны Бальзака, Тэнъ выводитъ на сцену свѣтскаго человѣка, воспитаннаго на классикахъ, дорожащаго хорошимъ вкусомъ и хорошимъ то-

номъ—и ставитъ его лицомъ къ лицу съ кипой романовъ Бальзака. Его приводитъ въ ужасъ уже одно количество томовъ: „зачѣмъ новѣйшіе писатели пишутъ такъ много? Вѣдь уже Ла-Брюйеръ замѣтилъ, что не остается сказать ничего новаго?“ Онъ рѣшается открыть на удачу одинъ изъ томовъ—и сразу встрѣчаетъ фразу, требующую предварительнаго перевода на обыкновенный французскій языкъ. Опытъ повторяется нѣсколько разъ — и все съ такимъ же результатомъ. Онъ проситъ указать ему что-нибудь попроще; ему рекомендуютъ исторію скромнаго провинціальнаго священника („le curé de Tours“). Онъ принимается читать ее и наталкивается на „волосные сосуды“ женскаго судилища, на „могущественныя головы, въ которыхъ женскіе сосцы соединены съ божественною силой“. Въ разсказѣ о продѣлкахъ странствующаго коммиссіонера онъ встрѣчается съ „человѣческимъ пирофоромъ“, съ „вѣчнымъ миѳомъ Евы и Змѣя, низведеннымъ на степень ежедневнаго факта“. Онъ беретъ въ руки лучшее, по общему отзыву, произведеніе Бальзака (Eugénie Grandet)—и тотчасъ же его роняетъ, до такой степени напыщены и надуты первыя слова романа. Всѣ эти и еще многія другія злоключенія приводятъ его къ желчному приговору, характеризующему цѣлую категорію читателей—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлую группу особенностей Бальзака: „авторъ, котораго я читаю — это все равно, что человѣкъ, котораго я принимаю къ себѣ въ домъ. Monsieur де-Бальзакъ говоритъ какъ техническій словарь, какъ нѣмецкій философскій учебникъ, какъ энциклопедія естественныхъ наукъ. Если ему и случается промѣнять на что-нибудь эти жаргоны, то развѣ на языкъ подгулявшаго рабочаго. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ немъ пробуждается артистъ, это — артистъ болѣзненный, черезъ-чуръ полнокровный, съ трудомъ облекающій свои идеи въ вычурную, вымученную, преувеличенную форму. Никто изъ людей, соединяющихся, такимъ образомъ, въ лицѣ Бальзака, не умѣетъ разговаривать — и я никого изъ нихъ не пускаю въ свой салонъ“.

Приведенныхъ нами примѣровъ довольно, чтобы убѣдиться въ наличности воображенія у Тэна; но есть ли у него другія свойства поэта — стремленіе проникнуть въ тайную жизнь природы, возвыситься надъ будничной прозой, создать себѣ другой міръ, болѣе ясный и свѣтлый?.. „Когда слишкомъ долго смотрѣлъ на человѣка, — читаемъ мы въ книгѣ о Лафонтенѣ, — не хочется больше смотрѣть на него. На его лицѣ слишкомъ много морщинъ; онъ слишкомъ много работалъ. Сотни вѣковъ, тысячи переворотовъ, милліоны накопленныхъ размышленій положили свою

печать на его душу. Ему ничего не дано; все имъ пріобрѣтено. Каждый его жестъ, каждая черта лица, каждая складка одежды говорятъ о громадной работѣ. Мы подавлены опытомъ, мы тащимъ за собою, какъ цѣпь, результатъ предшествовавшихъ усилій и страданій. Современный человѣкъ похожъ на одну изъ современныхъ столицъ: мостовая прикрываетъ землю, дома заслоняютъ небо, искусственный свѣтъ разгоняетъ ночную тьму, изобрѣтенія загромождаютъ улицы; подземныя трубы, набережныя, дворцы, тріумфальныя арки, машины представляютъ собою великолѣпное, но печальное зрѣлище покоренной и изуродованной природы. Насъ утомили эти дорого стоющія чудеса; намъ хочется бѣжать отъ нихъ подальше—къ животнымъ, оставшимся такими, какъ въ первый день, свободнымъ отъ бремени наслѣдственныхъ разсчетовъ и усилій... Даже порабощенныя, они свободны; наше господство надъ ними — все равно что господство грозы или бури. Въ сущности они всѣ благородны. Еслибы у нихъ былъ даръ слова, они говорили бы намъ: *ты*, какъ дѣти. Въ самомъ дѣлѣ, это—дѣти, остановленныя въ своемъ ростѣ и сохранившія независимость и красоту дѣтства". Тоже чувство сближаетъ Тэна съ растеніями, со всею природой. Рядъ тополей, окаймляющихъ поле, кажется ему „братской семьей, вѣчный шопотъ которой твердитъ одно и то же слово. Чѣмъ тревожнѣе наша жизнь, тѣмъ привлекательнѣе для насъ спокойствіе деревьевъ. Мы почти удивлены, видя ихъ утромъ на томъ же мѣстѣ, на какомъ оставили ихъ вечеромъ. Намъ хочется спросить ихъ, что̀ они дѣлали ночью, среди молчанія и тьмы, подъ прозрачнымъ покрываломъ тумана. Намъ кажется, что они должны были обрадоваться, когда заря, своимъ прелестнымъ лучомъ, коснулась ихъ тонкой вершины. Они навѣваютъ на насъ тысячи плѣнительныхъ мечтаній, питаемыхъ уединеніемъ и исчезающихъ при первой встрѣчѣ съ человѣкомъ"... „Я не знаю ничего болѣе трогательнаго, — говоритъ авторъ нѣсколько дальше, — чѣмъ зрѣлище лѣса, срубленнаго осенью. Павшіе стволы на половину прикрыты травою; сломанныя вѣтви и смятые листья свѣшиваются на землю. Красная влага сочится изъ зіяющихъ ранъ; между кустарниками виднѣются пни, изувѣченные топоромъ. Весь лѣсъ становится тогда сумрачнымъ и молчаливымъ; мелкій, холодный дождь падаетъ на отцвѣтающую зелень; завернутыя въ туманный воздухъ, какъ въ саванъ, деревья точно плачутъ надъ своими покойниками". А вотъ еще страница изъ той же книги, позволяющая заглянуть еще глубже въ душу писателя: „Чувства, все преобразующія и освѣщающія чудеснымъ свѣтомъ—вотъ единственное прекрасное и доброе въ человѣкѣ.

Все равно, что служитъ ихъ источникомъ: ихъ можетъ внушить великая мысль, великое дѣло, точно такъ же, какъ и порывъ любви; но тотъ не жилъ, кто не зналъ ихъ. Мы ѣдимъ, спимъ, стараемся пріобрѣсти побольше почета и денегъ; мы плоско веселимся, живемъ мелочною или животною жизнью; подходя къ концу и оглядываясь на прожитые дни, много ли мы найдемъ часовъ или хотя бы минутъ, когда бы мы испытали чувство божественнаго (le sentiment du divin)? А между тѣмъ только въ этихъ рѣдкихъ часахъ — вся цѣнность нашей жизни. Грубое, вульгарное, однообразное полотно, на которомъ кое-гдѣ нарисованъ, нѣжной рукой, прекрасный цвѣтокъ—вотъ символъ нашего существованія; завидна участь того, кому такихъ цвѣтковъ дано сравнительно больше".

V.

Таковъ былъ Тэнъ въ молодости, когда писалъ свои первые этюды и книги; остался ли онъ такимъ и въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ? Безусловно-утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. „Человѣкъ, — читаемъ мы въ одномъ изъ самыхъ позднихъ критическихъ этюдовъ Тэна (о Мериме)—„человѣкъ только тогда можетъ произвести все, на что онъ способенъ, когда, создавъ какую-нибудь форму искусства, какой-нибудь научный методъ, однимъ словомъ—какую-нибудь общую идею, онъ предпочитаетъ ее всему (въ особенности—самому себѣ) и поклоняется ей какъ божеству, служеніе которому—высшее счастье". Въ этихъ словахъ сказалось, очевидно, убѣжденіе, вынесенное Тэномъ изъ собственнаго опыта. По мѣрѣ того, какъ выяснялся и опредѣлялся его научный методъ, онъ все больше и больше подчинялся его власти. Отсюда нѣкоторая исключительность, односторонность, которую, какъ видно изъ той же статьи о Мериме, сознавалъ самъ Тэнъ [1]), но которую онъ принималъ какъ *неизбѣжный* результатъ увлеченія господствующей идеей. Всего больше эта односторонность замѣтна именно въ самомъ крупномъ и зрѣломъ историко-литературномъ произведеніи Тэна — въ „Исторіи англійской литературы". Ошибочно было бы думать, однако, что поэтъ въ Тэнѣ умеръ или заснулъ навсегда. Если мы недостаточно чувствуемъ его присутствіе въ главѣ о Шекспирѣ, то онъ

[1]) „Всѣ наши научные методы, художественныя формы, общія идеи имѣютъ какую-нибудь слабую сторону; то или другое въ нихъ недостаточно, неточно, условно; чтобы находить ихъ совершенными, нужна вѣра, нужна иллюзія любви".

пробуждается и встаетъ во весь ростъ въ характеристикѣ Байрона, въ заключительномъ словѣ о Диккенсѣ. „Всѣ романы Диккенса сводятся, въ сущности, къ одной формулѣ: будьте добры, любите; источникъ настоящихъ радостей—только въ сердцѣ; чувствительность — это весь человѣкъ. Нѣжность, слезы, душевныя изліянія—самое лучшее въ мірѣ. Жизнь сама по себѣ — ничто; мало быть ученымъ, могущественнымъ, славнымъ; недостаточно быть полезнымъ. Истинно-человѣческою жизнью жилъ только тотъ, кто плакалъ, вспоминая о полученномъ или оказанномъ благодѣяніи". Правда, вслѣдъ за этимъ Тэнъ старается связать сердечность Диккенса съ основными свойствами англійской націи; но оцѣнка Диккенса измѣняется отъ этого столь же мало, какъ оцѣнка Лафонтена—отъ воплощенія въ немъ основныхъ свойствъ галльской расы. Чувствительность, по словамъ самого Тэна, зарыта въ Англіи подъ воспитаніемъ и учрежденіями. Чтобы добраться до нея сквозь всѣ препятствія, чтобы вызвать ее на свѣтъ, мало быть англичаниномъ, хотя бы самымъ типичнымъ— нужно еще быть поэтомъ... Всего яснѣе, быть можетъ, устойчивость поэтическаго чувства въ самомъ Тэнѣ выразилась въ послѣднихъ страницахъ „Исторіи англійской литературы"—въ параллели между Теннисономъ и Альфредомъ Мюссе, переходящей, по временамъ, въ параллель между англичанами и французами. Душевное волненіе, меньше всего свойственное разсудочному позитивизму, бьетъ здѣсь черезъ край, возвышается на степень истиннаго лиризма. Противопоставивъ размѣренности, уравновѣшенности англійскаго аристократическаго быта лихорадочную уличную жизнь демократическаго Парижа, Тэнъ продолжаетъ: „именно здѣсь, въ Парижѣ, нужно читать Мюссе. Читать его? Мы всѣ знаемъ его наизусть. Онъ умеръ—а мы все еще точно слышимъ его голосъ. Шутливый разговоръ въ мастерской артиста, красивая дѣвушка въ театральной ложѣ, улица съ почернѣвшей мостовой, блестящей послѣ дождя, свѣжее, смѣющееся утро въ фонтенеблоскомъ лѣсу— все напоминаетъ о немъ, все опять призываетъ его къ жизни. Раздавалось ли когда-нибудь слово болѣе звучное и болѣе правдивое? Онъ никогда не лгалъ; онъ говорилъ только то, что̀ чувствовалъ, и точно такъ же, какъ чувствовалъ. Ему не удивлялись — его любили, видя въ немъ нѣчто бо̀льшее, чѣмъ поэта: человѣка. Онъ обладалъ послѣдними добродѣтелями, которыя въ наше время еще уцѣлѣли — великодушіемъ и искренностью. У него былъ даръ, самый привлекательный для одряхлѣвшей цивилизаціи—даръ юности. Кто больше, чѣмъ онъ, испыталъ любовь, ревность, жажду наслажденій, всѣ пылкія страсти, поднимающіяся

изъ глубины молодого сердца? Онъ былъ переполненъ, покоренъ ими; онъ бросился въ жизнь, какъ породистая лошадь бросается въ ширь полей, опьяненная ароматами растеній и безграничнымъ просторомъ, увлеченная безумнымъ бѣгомъ, ломающая всѣ преграды, пока не упадетъ, сломанная ими. Онъ слишкомъ много требовалъ отъ жизни; онъ хотѣлъ сразу ее исчерпать, онъ срывалъ, мялъ, топталъ ея плоды—и остался съ загрязненными руками, жаждущимъ какъ прежде. Тогда онъ разразился рыданіями, нашедшими отголосокъ во всѣхъ сердцахъ. Онъ обожаетъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ проклинаетъ. Вѣчная иллюзія борется въ немъ съ непобѣдимымъ опытомъ. Онъ состарѣлся, оставаясь молодымъ; онъ поэтъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ скептикъ. Мирная красота музы, безсмертная свѣжесть природы, блаженная улыбка любви смѣняются передъ его глазами видѣніями разврата и смерти... И все-таки мы его любимъ; всѣ другіе, рядомъ съ нимъ, кажутся намъ холодными или лживыми. Мы выходимъ въ полночь изъ театра, гдѣ онъ слушалъ Малибранъ, и вступаемъ въ эту мрачную улицу des Moulins, гдѣ спалъ и умеръ, на продажной постели, его Ролла. Фонари бросаютъ трепетный свѣтъ на скользкую мостовую. Безпокойныя тѣни выходятъ изъ-подъ воротъ и волочатъ потертыя шолковыя платья на встрѣчу прохожимъ. Окна заперты; кое-гдѣ полоса свѣта, пробиваясь сквозь плохо-притворенные ставни, освѣщаетъ, на краю подоконника, увядшую георгину. Какъ! неужели здѣсь, въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ, создана самая страстная изъ всѣхъ поэмъ? Неужели здѣсь, среди вульгарно-уродливой обстановки гнуснаго притона, лилось божественное краснорѣчіе?.. Наше сердце наполняется состраданіемъ; мы невольно вспоминаемъ о другомъ поэтѣ (Теннисонѣ), спокойномъ и счастливомъ среди сирени и розъ, среди друзей и книгъ. И все-таки нашъ поэтъ, въ этой грязи и въ этомъ упадкѣ, поднялся выше, чѣмъ тотъ счастливецъ. Съ вершины своего сомнѣнія и своего отчаянія онъ видѣлъ безконечное, какъ видишь море съ вершины утеса, о который разбиваются волны. Торжество и паденіе религій, страданія и будущая судьба человѣчества, все что̀ есть великаго въ мірѣ пронеслось передъ его глазами, какъ бы озаренное молніей. Онъ испыталъ, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, ту внутреннюю бурю глубокихъ чувствъ, гигантскихъ мечтаній и интенсивныхъ наслажденій, стремленіемъ къ которой онъ жилъ и отъ недостижимости которой онъ умеръ. Онъ наложилъ свою печать на человѣческую мысль; онъ сказалъ міру, что̀ такое человѣкъ, любовь, истина, счастье. Онъ страдалъ, но создавалъ; онъ падалъ, но творилъ. Съ отчаяніемъ

вырвалъ онъ изъ своихъ нѣдръ выношенную имъ идею и показалъ ее всѣмъ, окровавленную, но живую. Это—труднѣе и прекраснѣе, чѣмъ созерцать и ласкать чужія идеи. На свѣтѣ есть только одно дѣло, достойное человѣка — порожденіе истины, въ которую вѣришь и которой отдаешься". За этимъ порывомъ слѣдуетъ финальная фраза, сравнительно холодная, но чрезвычайно характеристичная для Тэна: „публика, слушающая Теннисона (т.-е. англійская аристократія), лучше нашей аристократіи, составленной изъ буржуа и богемовъ; но я больше люблю Альфреда Мюссе, чѣмъ Теннисона". *Я больше люблю* одного писателя, чѣмъ другого—развѣ въ этихъ словахъ не звучитъ чисто-субъективная нота? Развѣ они совмѣстимы съ олимпійскимъ спокойствіемъ позитивиста-доктринера, какимъ обыкновенно выставляютъ Тэна?

Нѣтъ, теорія Тэна не исключаетъ ни энтузіазма, ни поэтическаго чутья, ни проникновенія въ интимную жизнь писателя. Раса, среда и моментъ объясняютъ многое, очень многое, но не все; есть еще, если можно такъ выразиться, нерастворимый остатокъ, изученіе котораго не составляло спеціальной задачи Тэна, но наличность котораго онъ вполнѣ признавалъ и, по временамъ, превосходно иллюстрировалъ. Методъ, изобрѣтенный или, лучше сказать, усовершенствованный Тэномъ, составляетъ большой шагъ впередъ въ области критики; не слѣдуетъ только считать его *единственнымъ*, упраздняющимъ или замѣняющимъ всѣ остальные. Рядомъ съ этимъ методомъ не только могутъ, но и должны существовать другіе, старые и новые, точные и приблизительные, индуктивные и интуитивные. Весьма вѣроятно, что научному *знанію* суждено играть въ критикѣ роль еще гораздо бо̀льшую, чѣмъ отведенная ему Тэномъ; но едва-ли оно когда-нибудь уничтожитъ всецѣло то непосредственное общеніе между критикомъ и поэтомъ, благодаря которому критика сама, по временамъ, становится поэзіей.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПАУЗА.

Морозный, тусклый день рисуетъ предо мной
Картину зимнюю красы необычайной:
Покрытый инеемъ недвиженъ садъ нѣмой;
Онъ замеръ, весь объятъ какой-то бѣлой тайной.

Движенья ищетъ взоръ, переходя вокругъ
Съ предмета на предметъ; но тщетно: садъ не дышитъ;
И, силясь уловить хоть мимолетный звукъ,
Слухъ напрягается, но ничего не слышитъ...

II.

ДЕВЯТАЯ СИМФОНІЯ БЕТХОВЕНА.

Въ ней геній выразилъ мятежность думъ печальныхъ,
Борьбу, мечтательность, святыхъ восторговъ кликъ —
И памятникъ себѣ изъ мыслей музыкальныхъ
Громадой звучною воздвигъ.

III.

СЪ ГОРЪ ПОТОКИ.

Весна, весна по всѣмъ примѣтамъ,
Куда теперь я ни взгляну;
Весна съ улыбкой и привѣтомъ...
Затѣмъ жить стòитъ въ мірѣ этомъ,
Чтобъ видѣть русскую весну!

Повсюду жизни даръ небесный
Нисходитъ радостно къ полямъ,—
И въ то же время, повсемѣстно,
Все о страданьяхъ смерти крестной
Великій постъ вѣщаетъ намъ.

То въ міръ земной, то въ идеальный
Мечты уносятся мои,
Когда, подъ благовѣстъ печальный,
Въ лучахъ весны первоначальной
Журчатъ веселые ручьи.

Алексѣй Жемчужниковъ.

ПАМЯТИ В. А. АРЦИМОВИЧА.

(2-ое—5-ое марта 1893 г.)

Развертывая утромъ свою газету, житель большого города невольно ищетъ,—съ болѣзненнымъ и, быть можетъ, втайнѣ радостнымъ—за самого себя—любопытствомъ,—черныхъ рамокъ съ объявленіями о кончинѣ, объявленіями, которыя говорятъ скупымъ и условнымъ языкомъ о только-что оконченномъ страданіи отшедшихъ, объ остромъ горѣ или тихой печали оставшихся. Внѣшнее однообразіе этихъ рамокъ сглаживаетъ глубокое внутреннее разнообразіе отдѣльныхъ случаевъ. Изъ-за него не слышится „надгробное рыданіе", не видится живой образъ того, кто нашелъ, наконецъ, недостижимый на землѣ, вѣчный покой. Вѣсть о новой смерти является для всѣхъ, не принадлежащихъ къ небольшому кружку близкихъ умершаго, исходящею „изъ равнодушныхъ устъ" и ей „внимаютъ равнодушно", спѣша обратиться къ другимъ новостямъ и къ „злобамъ дня".

По временамъ, однако, въ черныхъ рамкахъ стоитъ имя, громко и горестно звучащее для большого круга людей, близкихъ и далекихъ, знающихъ усопшаго лично или только по наслышкѣ. Тогда не хочется вѣрить глазамъ,— хочется думать, что это *не тотъ*, а кто-нибудь другой,—однофамилецъ, можетъ быть,—и сжатое скорбью, взволнованное сердце, вызывая съ особою яркостью представленіе и воспоминаніе о *живомъ*, лишь усугубляетъ этимъ силу и значеніе сознанія, что онъ мертвъ, что онъ утраченъ навсегда...

Къ такимъ именамъ принадлежитъ имя Виктора Антоновича Арцимовича, скончавшагося 2-го марта настоящаго года. На оффиціальномъ языкѣ обычныхъ некрологовъ въ его лицѣ опочилъ сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Владиміра 1-й степени, заслуженный и опытный по разнообразному прохожденію службы сановникъ. Но для тѣхъ, кто его зналъ,—а знали его многіе,—такой характеристики недостаточно. Она ничего не го-

ворить объ его яркой, самобытной и выдающейся личности. „Человѣкъ онъ былъ!"—и этого „званія" онъ достоинъ прежде всего и независимо отъ своего служебнаго положенія. Человѣкъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ слова, человѣкъ въ трудѣ и въ отдыхѣ, въ отзывчивости и терпимости, въ упорствѣ и горячности, въ словѣ и въ дѣлѣ... Онъ зналъ Россію съ разныхъ сторонъ,—знаніемъ живымъ, а не кабинетнымъ. Будучи правовѣдомъ второго выпуска (1841 г.), онъ шелъ по торной дорогѣ службы въ канцеляріяхъ сената лишь малое время, да и то съ промежутками, и скоро сдѣлался энергическимъ участникомъ сенаторскихъ ревизій. Эти ревизіи были своего рода тучами, которыя неслись съ сѣвера въ разные концы Россіи и, повиснувъ надъ той или другой мѣстностью, гремѣли во имя попраннаго закона, метали служебныя молніи въ „рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ" и смывали накопившуюся годами грязь распущенности и произвола... Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизующихъ сенаторовъ, это была лучшая практическая школа, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости и условій осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа. Впечатлительная горячность молодости и житейскій опытъ сенатора соединялись въ одномъ общемъ трудѣ, результаты котораго всегда оставляли благодарное воспоминаніе въ населеніи. Съ 1842 по 1845 годъ Арцимовичъ участвовалъ въ сенаторскихъ ревизіяхъ орловской и калужской губерній и таганрогскаго градоначальства, завѣдуя разнообразными отраслями дѣлъ, а въ 1851 году уѣхалъ, сопровождая генералъ-адъютанта Анненкова въ западную Сибирь для надѣлавшей въ свое время много благотворнаго шума ревизіи управленія нашимъ „золотымъ дномъ", во тьмѣ и молчаніи котораго ютилось не одно золото... Съ 1854 года онъ дѣлается тобольскимъ губернаторомъ. Служба въ далекомъ краѣ, при безлюдьѣ и громадныхъ пространствахъ, была трудная и—въ виду значенія Тобольска, какъ узла, связывавшаго въ то время въ себѣ всѣ нити и пути ссылки—очень отвѣтственная. Но Арцимовичъ имѣлъ свойство привлекать къ себѣ людей и выбирать себѣ добрыхъ и надежныхъ помощниковъ. Онъ обладалъ не только знаніемъ *людей* вообще, но что̀ весьма важно для государственнаго человѣка—знаніемъ *личностей* и умѣніемъ призывать ихъ къ совмѣстному труду. Это особенно сильно сказалось черезъ нѣсколько лѣтъ, когда, оставивъ Тобольскъ, сопровождаемый общимъ сочувствіемъ, отголоски котораго радовали его до самой смерти, и поработавъ въ подготовительныхъ по крестьянской реформѣ коммиссіяхъ — онъ, въ качествѣ калужскаго губернатора, долженъ былъ вводить освобожденіе крестьянъ. Новое дѣло потребовало самоотверженнаго труда и чистыхъ побужденій.

На зовъ Арцимовича собрался обширный кругъ молодыхъ людей, пошедшихъ въ непремѣнные члены и мировые посредники. Имъ приходилось переживать многое—и отъ „вольнаго и невольнаго" непониманія окружающею средою новыхъ условій быта, и отъ глухой вражды и явныхъ клеветъ,—но двери, сердце и глубокій умъ губернатора были имъ всегда открыты. Поддерживая ихъ внутренно указаніемъ на величіе дѣла, осуществляемаго по великодушной волѣ монарха, онъ внѣшнимъ образомъ служилъ имъ опорою всѣмъ своимъ авторитетомъ и личнымъ починомъ. Онъ самъ любилъ вспоминать это время, когда онъ жилъ всею полнотою своихъ силъ, согрѣвая и оживляя другихъ, какъ лучшее въ своей жизни. Несомнѣнно, что скорбная вѣсть о его кончинѣ, дойдя до живущихъ въ провинціальной глуши или, напротивъ, высоко ушедшихъ по служебной лѣстницѣ калужскихъ соратниковъ его, не одного изъ нихъ заставитъ понурить голову и умилиться при воспоминаніи о годахъ благороднѣйшей работы, когда приходилось дѣлить съ усопшимъ надежды и укоры, радости и недоброжелательное отчужденіе... Короткое сенаторство въ Москвѣ, замѣнившее калужское губернаторство, вскорѣ было прервано призывомъ къ труднѣйшей и сложной задачѣ участія въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ царства польскаго, которыя преобразовывались подъ утихавшій шумъ бурнаго волненія.

Открытіе новыхъ судовъ связано съ новымъ родомъ дѣятельности Арцимовича. Все, что было и есть въ новыхъ судебныхъ порядкахъ живого и жизненнаго, нашло горячій отголосокъ въ душѣ покойнаго. Никогда не любившій канцелярскаго производства и даже относившійся къ нему съ нѣкоторою брезгливостью, новый кассаціонный сенаторъ привѣтствовалъ *живого человѣка*, который, въ лицѣ тяжущагося или подсудимаго, поднимался изъ-подъ вороха бумагъ, подъ которыми его погребалъ старый судъ, становясь лицомъ къ лицу предъ судьею, руководящимся не безжизненною формальною схемою для сужденія, а свободнымъ убѣжденіемъ совѣсти. Но новые порядки нуждались въ упроченіи, въ разъясненіи, а новые дѣятели—въ руководительствѣ. Въ этомъ состояла первоначальная и чрезвычайно трудная задача кассаціоннаго суда. Ее выполнили первые сенаторы и оберъ-прокуроры—и въ исторіи реформъ Александра II-го почтенныя имена Буцковскаго, Ковалевскаго и др. не должны умереть. Не можетъ быть забыто и имя Арцимовича, несшаго на себѣ такъ часто и подолгу трудъ предсѣдателя нашего уголовнаго кассаціоннаго суда и оставившаго слѣдъ своихъ широкихъ взглядовъ, справедливости и уваженія къ личности человѣка на массѣ рѣшеній, въ коихъ онъ участвовалъ въ теченіе 16-ти лѣтъ.

Его не удовлетворяла, однако, дѣятельность кассаціоннаго судьи,

особливо когда работа вошла въ болѣе узкія, обыденныя рамки, когда приходилось уже не строить новое, а разъяснять, насколько въ томъ или другомъ дѣлѣ отступлено лишь отъ установленныхъ уже правилъ. Знаніе внутренняго строя и быта Россіи въ ихъ дѣйствительномъ осуществленіи и окраскѣ, воспоминанія объ осязательной по результатамъ и оставившей добрую память дѣятельности въ Калугѣ, глубокая вдумчивость въ государственные вопросы, любовь обращаться мыслью къ общему и цѣльному, а не къ детальному, мѣстному и условному—влекли его къ другой работѣ. Это былъ человѣкъ, не умѣвшій съ удобствомъ помѣщать свои чувства и мышленіе въ узкія рамки конкретнаго случая. Онъ сейчасъ же восходилъ отъ этого случая къ общимъ началамъ, къ основнымъ условіямъ общежитія, къ вѣчнымъ потребностямъ человѣческаго духа. Складъ его ума и характера требовалъ широкихъ взмаховъ кисти,—возможности, какъ говорятъ французы, „tailler en plein drap". Мелкая, мозаичная работа, съ забвеніемъ о ея назначеніи, размѣрахъ и значеніи въ общей картинѣ, не находила въ немъ живого сочувствія. Судьба дала ему слишкомъ большія и сильныя крылья,—и клѣтка *конкретнаго случая* давила его и стѣсняла его широкій полетъ въ область общихъ началъ и принципіальныхъ взглядовъ.

Разносторонняя и гораздо болѣе широкая сфера дѣятельности перваго департамента сената, которому, между прочимъ, принадлежитъ, по выраженію закона, высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія, обнародованіе законовъ, охраненіе правъ различныхъ сословій и попеченіе о средствахъ къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, гораздо болѣе была по душѣ покойному, и ей отдался онъ съ 1880 г. со свойственною ему энергіею. 12-ть лѣтъ стоялъ онъ во главѣ этого учрежденія, будучи старшимъ сенаторомъ, отдавая такимъ образомъ послѣдніе годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работѣ по сложнымъ вопросамъ, касающимся весьма чувствительнымъ образомъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ нашего общественнаго быта и потому всегда носящихъ въ себѣ зерно споровъ и разногласій. Эта борьба мнѣній не академическая, въ которой все сводится къ болѣе или менѣе успѣшной діалектикѣ,—она отражается тотчасъ же, въ своемъ окончательномъ результатѣ, на жизни населенія, производя въ ней подчасъ измѣненія годами сложившихся отношеній и сопровождаясь, въ разныхъ ея областяхъ, многоразличными развѣтвленіями разъ установленнаго взгляда или толкованія. Въ этой борьбѣ трудно участвовать съ олимпійскою безстрастностью. Арцимовичъ и не былъ никогда такимъ олимпійцемъ, а ставъ на сторону того, что̀ казалось ему правымъ или полезнымъ, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нерѣдко осуществляя старую поговорку: „etiamsi

omnes—ego non"! Но годы брали свое,—здоровье умалялось, подтачиваемыя давнимъ недугомъ силы стараго слуги государства слабѣли —и въ началѣ настоящаго года Арцимовичъ стоялъ на порогѣ къ отдыху въ менѣе трудовой и болѣе спокойной обстановкѣ общаго собранія сената. Но онъ его не переступилъ. Смерть стала на порогѣ и замѣнила для него временный отдыхъ вѣчнымъ. Можно съ увѣренностью, впрочемъ, сказать, что едва-ли бы онъ и сжился съ такимъ отдыхомъ.

Стоило взглянуть на его фигуру, чтобы убѣдиться, что *такіе* люди не отдыхаютъ. Жизнь сламываетъ ихъ, не давъ имъ умалиться въ проявленіяхъ своей энергіи, внутренней силы и „роптанья вѣчнаго души".—Большого роста, крѣпко и коренасто сложенный, давно уже, повсюду, гдѣ онъ ни появлялся, Арцимовичъ привлекалъ общее вниманіе своимъ величавымъ видомъ, звучнымъ голосомъ, въ которомъ часто слышалась нота глубокаго чувства—и, въ особенности, своею чудесною головою, обрамленною бѣлоснѣжными сѣдинами.—Эти сѣдые волосы, эти „остатки пѣны, покрывающей море послѣ бури", придавали покойному особую красоту и какъ-то особенно выдѣляли его изъ толпы, вызывая инстинктивное уваженіе къ этому „Монблану судебнаго вѣдомства", какъ его назвалъ кто-то... Но не въ нихъ однихъ была его внѣшняя привлекательность. Давно уже кѣмъ-то сказано, что лица людей похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри сыро и холодно. Не холодомъ, однако, вѣяло отъ *этого* лица. Въ добрыхъ, живыхъ, съ глубокимъ, то нѣжнымъ, то проницательнымъ взглядомъ, глазахъ свѣтилась теплота всепонимающей, терпимой и прощающей души, а въ улыбкѣ крупнаго рта сквозила добродушная иронія или привѣтливость человѣка благовоспитаннаго на старый,—увы! теперь забываемый, ладъ. Онъ бывалъ, говорятъ, тяжелъ и угловатъ въ спорахъ; у нѣкоторыхъ по его адресу проскальзывалъ, быть можетъ, упрекъ въ односторонности, въ тенденціозности. Но это упрекъ вовсе не заслуженный. Односторонность дурна, когда она умышленная,—тенденціозность возмущаетъ, когда она не вытекаетъ изъ убѣжденія. Человѣкъ цѣльный, смѣлый и прямой, Арцимовичъ, увѣровавъ въ справедливость подсказаннаго ему опытомъ и совѣстью взгляда и найдя справедливое, по его искренному убѣжденію, примѣненіе этого взгляда къ данному вопросу, уже не сворачивалъ съ дороги, а шумно, громкимъ словомъ и рѣшительнымъ жестомъ заявлялъ о томъ, что̀, по его мнѣнію, нужно и неизбѣжно. Тѣ, кто видалъ его часто и близко, въ частномъ быту, знаютъ, что въ его мнѣніяхъ съ оттѣнкомъ шутливаго пессимизма не было мѣста узкимъ партійнымъ, ритуальнымъ, племеннымъ или мѣстнымъ взглядамъ, и что если бы, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь мимолетныхъ причинъ, въ немъ и шевельнулись на мгновеніе такіе взгляды—они сейчасъ же потонули бы въ широкоразлитомъ въ его душѣ чувствѣ любви и состраданія

къ людямъ *вообще*, безъ всякихъ заслонокъ и перегородокъ. Быть можетъ, упрекъ въ угловатости, при той живости, которую онъ вносилъ въ споры, — отчасти и справедливъ. Но эта черта покойнаго только можетъ дорисовывать его образъ, ибо его такимъ, какимъ онъ былъ и живетъ въ памяти его знавшихъ, нельзя представить себѣ вкрадчивымъ и мягкимъ въ защитѣ своихъ убѣжденій. Да и недостатокъ ли такая угловатость? „Крупная скала, смѣло выдвинувшаяся въ море,—говоритъ румынская королева (Карменъ Сильва),—становится всегда съ каждымъ годомъ угловатѣе, — зато булыжникъ все закругляется".

Въ частной жизни Арцимовичъ отличался чрезвычайною привлекательностью. Его отношенія къ людямъ были отмѣчены всегда утонченною любезностью; когда онъ бывалъ въ духѣ, въ средѣ симпатичныхъ ему людей, онъ вносилъ въ разговоръ особое оживленіе безобидными шутками и простодушнымъ юморомъ. Житейскія испытанія, неизбѣжныя разочарованія и надвинувшаяся старость — онъ умеръ 73-хъ лѣтъ отъ роду—нисколько не отражались на его нравственномъ складѣ. Онъ до конца остался молодъ душою, ясенъ и свѣтелъ умомъ, терпимъ и снисходителенъ къ людямъ. Нужны были особенно рѣзкіе факты душевной неприглядности, непонятные его многоизвѣдавшимъ уму и сердцу, чтобы въ его добрыхъ глазахъ промелькнула тѣнь суровости и съ устъ сорвалось его обычное, въ подобныхъ случаяхъ, презрительное слово: „людишки!"... Интересуясь всѣмъ, на все отзываясь, онъ много читалъ, преимущественно по исторіи и любилъ литературную бесѣду. Почва для этой любви была подготовлена издавна, ибо онъ былъ женатъ на А. М. Жемчужниковой, сестрѣ извѣстнаго поэта, участвовавшаго когда-то вмѣстѣ со своими братьями и графомъ Алексѣемъ Толстымъ въ созданіи „Кузьмы Пруткова". Не играя въ карты, рѣдко бывая въ обществѣ и почти никогда въ театрѣ, Арцимовичъ имѣлъ, однако, мало свободнаго времени. Онъ отдавалъ его заботамъ о близкихъ и о нуждающихся. Послѣднимъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ. Съ особою чуткостью отзывался онъ тѣмъ, кому былъ нуженъ его совѣтъ, участіе, нравственная поддержка. Всѣ трогательныя свойства души его сказывались тогда съ особою силою. „Когда темнѣетъ во дворѣ—усиливаютъ свѣтъ въ домѣ",—сказалъ кому-то удрученному знаменитый русскій духовный ораторъ. Когда кто-нибудь изъ знавшихъ Арцимовича, тревожимый сгустившеюся вокругъ него житейской тьмою, стучался въ дверь его душевнаго дома—онъ тотчасъ же, радостно и заботливо, усиливалъ внутри его огонь, чтобы отогрѣть, ободрить, направить...

Не хочется вѣрить, что красивая, мощная фигура этого человѣка исчезла изъ нашего небогатаго цѣльными людьми обихода, что она не появится болѣе и въ любимомъ имъ уголкѣ, въ имѣніи близъ

Люцина—Рунторте, где все насажено и взлелеяно его руками. Безъ него, на этотъ разъ, оденется весеннимъ цветомъ описанная Жемчужниковымъ („Цветущая старость") его старая яблоня:

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней седой старикъ,
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ,
Духовныхъ силъ запасъ великъ...

Недуги взяли, однако, верхъ и изможденное ими тело упокоилось после тяжкихъ страданій, среди цветовъ и волнъ кадильнаго дыма, съ выраженіемъ спокойствія и тайны на исхудаломъ лице. Но „запасъ духовныхъ силъ" не истощился. Онъ долженъ отразиться во всемъ, къ чему покойный приложилъ свою мысль и свою руку,—на всехъ, кого онъ любилъ, кто имелъ радость встретить его на своемъ жизненномъ пути, и кому онъ можетъ послужить примеромъ стойкаго служенія добру и справедливости. Искреннія слезы были пролиты у его гроба и каждый изъ многочисленныхъ венковъ, которыми густо обросло подножіе этого гроба, говорилъ о томъ, *что* потеряли въ покойномъ не только его близкіе и друзья, но и целыя служебныя и общественныя группы. „*Человеколюбивому стражу закона*"—гласила надпись на роскошномъ серебряномъ венке отъ сенаторовъ; „*Отцу сиротъ*"—говорилось въ надписи на лентахъ венка, положеннаго чьею-то благодарною рукою. Въ этихъ двухъ надписяхъ—весь Арцимовичъ,—весь смыслъ его служебной и частной деятельности. Лица всякаго званія—отъ стоящихъ на высшихъ ступеняхъ служебной лестницы до безвестныхъ людей, которыхъ соединяло съ памятью умершаго какое-нибудь лишь имъ однимъ известное доброе его дело,—сошлись въ переполненной народомъ церкви св. Екатерины, на Невскомъ, подъ торжественные звуки „Dies irae, dies illa"... и проводили затемъ останки его на далекое выборгское кладбище. Тамъ, въ торжественномъ молчаніи, безъ всякихъ лишнихъ речей, съ увлаженными глазами, въ виду осиротелой семьи покойнаго, долго стояли подъ свежимъ дыханіемъ едва начинающей пробуждаться природы, надъ отверстою могилой, осиротелые друзья того, чей прахъ медленно опускался и навсегда исчезъ подъ землей. Последній зимній ветеръ шумно колебалъ надъ ними деревья, а первые лучи весенняго солнца въ то же время ярко светили и грели... Такъ это бывало и въ жизни покойнаго: онъ также умелъ светить окружавшимъ его и греть ихъ, несмотря на шумъ неизбежныхъ житейскихъ невзгодъ...

А. К.

5-го марта 1893 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1898 г.

Проектируемый государственный квартирный налогъ.—Можетъ ли онъ замѣнить собою налогъ подоходный? — Главныя условія взиманія квартирнаго налога. — Квартирныя присутствія. — Продовольственный отчетъ нижегородской губернской земской управы. — Земско-статистическія свѣденія о самарской губерніи.—Новые законы.

Весною прошлаго года, подъ вліяніемъ кризиса, вызваннаго неурожаемъ, въ министерствѣ финансовъ возникла—или, лучше сказать, возродилась—мысль о введеніи подоходнаго налога. Мы говоримъ: *возродилась*, потому что необходимость подоходнаго налога, земствомъ провозглашенная еще въ извѣстныхъ отвѣтахъ 1871 г., была признана въ принципѣ, около половины восьмидесятыхъ годовъ, и въ правительственныхъ сферахъ. „Если министерство финансовъ,—говорилъ Н. X. Бунге въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, при которомъ представлена была государственная роспись на 1884 г., — не рѣшилось сразу проектировать общій подоходный налогъ, то это потому, что та же цѣль, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній, и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податного управленія, потребность въ которомъ становится со дня на день болѣе настоятельною, но для устройства котораго потребуются значительныя финансовыя средства. Это послѣднее обстоятельство заставило министерство финансовъ нѣсколько замедлить преобразованіемъ, которое, однако, *должно быть осуществлено при первой къ тому возможности*". Препятствіе, указанное въ этомъ докладѣ, давно устранено; податная инспекція существуетъ уже около восьми лѣтъ и дѣйствуетъ удовлетворительно. *Возможность* осуществленія подоходнаго налога несомнѣнно наступила — и весьма понятно, что объ этомъ вспомнили въ тяжелую минуту. Встрѣтились, однако, новыя затрудненія—и введеніе подоходнаго налога

опять отложено на неопредѣленное время. Вмѣсто него проектированъ государственный квартирный налогъ, введеніе котораго предстоитъ, судя по слухамъ, въ ближайшемъ будущемъ.

Что же могло помѣшать реформѣ, справедливость и цѣлесообразность которой стоитъ внѣ всякаго спора? Повидимому—недостаточность свѣденій о доходахъ, подлежащихъ обложенію. Существуетъ опасеніе, что плательщики будутъ скрывать цифру получаемаго ими дохода, а администрація, не имѣя возможности обнаружить истину, будетъ дѣйствовать произвольно, вызывая массу жалобъ и неудовольствій. Что въ настоящую минуту администрація не располагаетъ точными данными о доходахъ, подлежащихъ обложенію — этого мы не отрицаемъ; но единственнымъ путемъ къ полученію такихъ данныхъ кажется намъ именно установленіе подоходнаго налога. Въ самомъ дѣлѣ, пока подоходный налогъ не существуетъ, нѣтъ причины отбирать показанія о цифрѣ получаемаго дохода; пока нѣтъ такихъ показаній, не можетъ быть рѣчи и о ихъ повѣркѣ — и разъясненіе вопроса не двигается впередъ, а преграда, въ сущности мнимая, остается неустраненной. Можно было бы, конечно, опросить, въ видѣ пробы, будущихъ плательщиковъ, но едва-ли получилось бы много серьезныхъ отвѣтовъ, разъ что каждый отвѣчающій видѣлъ бы въ самомъ опросѣ только опытъ, ни къ чему не обязывающій и никакихъ реальныхъ послѣдствій за собою не влекущій. Когда, девять лѣтъ тому назадъ, вводился дополнительный процентный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, свѣденіями о доходахъ, доставляемыхъ этими предпріятіями, финансовая администрація не располагала; къ собранію ихъ приступлено было одновременно съ установленіемъ сбора — и никакихъ особенныхъ неудобствъ отъ этого не произошло. Подготовка, въ такихъ случаяхъ, достигается только практикою; пріучить общество и администрацію къ подоходному налогу можетъ только дѣйствительное его взиманіе. Попытки уменьшить платежъ, посредствомъ невѣрныхъ показаній о количествѣ получаемаго дохода, будутъ встрѣчаться всегда, какія бы ни были произведены предварительныя работы. Есть цѣлыя категоріи доходовъ измѣнчивыхъ, случайныхъ и трудно уловимыхъ, не поддающихся заранѣе никакому, даже приблизительному исчисленію (напр. доходы отъ промышленности и торговли, отъ большинства такъ называемыхъ свободныхъ профессій); опредѣлить ихъ сумму можно только отдѣльно за каждый годъ, что, въ свою очередь, мыслимо только при дѣйствіи подоходнаго налога. Говорятъ, что наши мѣстныя общественныя учрежденія мало сдѣлали до сихъ поръ для выясненія доходности земель и городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Допустимъ, что это такъ (хотя на самомъ дѣлѣ оцѣнка земель во многихъ земскихъ губерніяхъ или уѣздахъ гораздо

ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ губерніяхъ не-земскихъ, да и между городами найдутся такіе, которые не мало потрудились въ этомъ направленіи); отсюда вовсе еще не вытекаетъ необходимость отсрочки подоходнаго налога. Единственное средство опредѣлить достовѣрно доходность съ земли—это кадастръ, производство котораго въ такой обширной странѣ, какъ Россія, займетъ очень много времени и обойдется очень дорого. Ждать его окончанія, какъ условія для введенія подоходнаго налога—значило бы отложить послѣднее sine die. Кадастръ чрезвычайно важенъ, притомъ, для опредѣленія поземельнаго налога, соразмѣряемаго съ положеніемъ и качествомъ земли, совершенно независимо отъ того, кто ею владѣетъ; онъ имѣетъ гораздо меньшее значеніе при опредѣленіи подоходнаго налога, въ которомъ главное — общая сумма средствъ плательщика. „Произволъ" администраціи легко можетъ быть введенъ въ сравнительно тѣсныя границы; для этого нужно только усилить роль общественнаго, выборнаго элемента въ смѣшанныхъ коммиссіяхъ или присутствіяхъ, повѣряющихъ показанія плательщика и окончательно устанавливающихъ цифру налога.

Не является ли, однако, государственный квартирный налогъ суррогатомъ подоходнаго налога, могущимъ примирить съ отсутствіемъ послѣдняго? Въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ приводится, обыкновенно, то соображеніе, что плата за квартиру служитъ довольно точнымъ показателемъ средствъ даннаго лица. Правда, чѣмъ выше доходъ, тѣмъ меньшую его часть составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, квартирная плата; но справедливость будетъ соблюдена, если допустить нѣкоторое прогрессивное возростаніе квартирнаго налога, нѣкоторое уменьшеніе его для лицъ многосемейныхъ и нѣкоторое увеличеніе для одинокихъ. Несоразмѣрность, проистекающая изъ неодинаковой, въ различныхъ мѣстностяхъ, цѣнности квартиръ можетъ быть устранена возвышеніемъ, для мѣстностей дешевыхъ, процентнаго отношенія налога къ квартирной платѣ. Невозможность примѣненія квартирнаго налога въ деревняхъ и помѣщичьихъ усадьбахъ, а также въ наименѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ, не представляетъ существенно-важнаго неудобства, какъ потому, что лица, проживающія въ деревняхъ, почти всѣ безъ того уже обложены прямыми налогами (чего никакъ нельзя сказать о городскихъ жителяхъ), такъ и потому, что въ деревнѣ качество и объемъ помѣщенія менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ состоятельности даннаго лица. Вполнѣ убѣдительными всѣ эти доводы назвать, по нашему мнѣнію, нельзя. Соотношеніе между квартирной платой и общей цифрой дохода подвержено массѣ слу-

чайностей, массѣ колебаній. Не нужно быть *многосемейнымъ* [1]), чтобы сравнительно много тратить на квартиру. Супругамъ съ однимъ или двумя дѣтьми квартира, ceteris paribus, обходится дороже, чѣмъ супругамъ бездѣтнымъ. Тому, кто вынужденъ, по роду занятій, жить въ одной изъ центральныхъ частей города, квартира стоитъ дороже, чѣмъ тому, кто безъ затрудненія можетъ поселиться на одной изъ окраинъ. Тому, чья больная жена не выдерживаетъ подъема на высокія лѣстницы, квартира стоитъ дороже, чѣмъ тому, кому ничто не мѣшаетъ подниматься, съ своими домочадцами, хоть въ пятый этажъ. Представимъ себѣ двухъ отцовъ семейства, съ одинаковымъ числомъ дѣтей и одинаковыми средствами. Одному изъ нихъ удалось помѣстить своихъ дѣтей въ закрытое учебное заведеніе, на казенный счетъ, и этимъ путемъ уменьшить расходъ не только на воспитаніе дѣтей, но и на наемъ квартиры; квартирный налогъ, упадающій на его долю, уменьшится, такимъ образомъ, именно тогда, когда увеличилась цифра его чистаго дохода. Другой, менѣе счастливый, будетъ по прежнему много тратить и на дѣтей, и на квартиру—и платить сравнительно крупный квартирный налогъ. При правильно организованномъ подоходномъ налогѣ дѣлается различіе между доходами фундированными (прочными, постоянными) и нефундированными (временными, случайными): первые облагаются въ высшей мѣрѣ, чѣмъ послѣдніе. При квартирномъ налогѣ такого различія установить нельзя; изъ чего бы наниматель ни платилъ за квартиру—изъ дохода ли съ процентныхъ бумагъ, составляющихъ его собственность и переходящихъ по наслѣдству къ его семейству, или изъ дохода отъ профессіи, прекращающагося съ его болѣзнью или смертью —это все равно, налогъ взыскивается въ одинаковомъ количествѣ... Прогрессивность— одно изъ основныхъ условій справедливаго подоходнаго налога. Квартирный налогъ, возвышающійся по мѣрѣ увеличенія квартирной платы, прогрессивенъ только по имени; возвышеніе не имѣетъ здѣсь иного смысла, кромѣ сохраненія *пропорціональности*, т.-е. удержаніе, по возможности, одного и того же процентнаго отношенія между налогомъ и доходомъ. Съ дорогой квартиры сборъ взыскивается въ высшемъ процентѣ только потому, что самая плата, по предположенію, представляетъ собою сравнительно меньшую часть всего дохода, получаемаго квартиронанимателемъ. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Положимъ, что квартирная плата въ 600 рублей представляетъ собою, въ среднемъ выводѣ, $^1/_7$ часть дохода, т.-е. соотвѣтствуетъ доходу въ 4.200 рублей, а квартирная плата въ 6.000 руб. представляетъ

[1]) Проектъ закона о госуд. квартирн. налогѣ установляетъ льготу для тѣхъ, у кого на иждивеніи болѣе трехъ членовъ семейства.

собою $^{1}/_{21}$ часть дохода, т.-е. соотвѣтствуетъ доходу въ 126.000 руб. Положимъ, далѣе, что съ первой квартирный налогъ взимается въ размѣрѣ 3% (18 рублей), со второй—въ размѣрѣ 10% (600 рублей). Что же составятъ цифры налога по отношенію къ доходу? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — нѣсколько менѣе $^{1}/_{2}$%; налогъ, слѣдовательно, является пропорціональнымъ, а не прогрессивнымъ. Между тѣмъ, при существованіи прогрессивнаго *подоходнаго* налога лицо, получающее 4.200 рублей, платило бы не только *пропорціонально*, но и *сравнительно* меньше, чѣмъ лицо, получающее 126 тысячъ рублей (напримѣръ, при 1% съ 4.200 руб. и хотя бы только 5% съ дохода въ 126 тыс., первое лицо платило бы 42 рубля, второе—6.360 рублей). Несоотвѣтствующимъ справедливости кажется намъ, наконецъ, и нераспространеніе новаго налога на сельскихъ жителей (конечно, здѣсь идетъ рѣчь не о массѣ крестьянъ, которые не подлежали бы квартирному налогу уже въ силу малоцѣнности занимаемыхъ ими помѣщеній). Изъ прямыхъ государственныхъ налоговъ на землевладѣльцахъ лежитъ, бóльшею частью, только налогъ поземельный, гораздо менѣе высокій, чѣмъ налогъ съ городскихъ недвижимостей; а между тѣмъ послѣдній не освобождаетъ городскихъ домовладѣльцевъ отъ привлеченія къ квартирному налогу. Правда, въ усадьбахъ чаще, чѣмъ въ городахъ, можно встрѣтить несоотвѣтствіе между объемомъ помѣщенія и средствами лица, его занимающаго: но *возможнымъ* такое несоотвѣтствіе является и въ городахъ, въ особенности по отношенію къ домамъ-особнякамъ, не приспособленнымъ для раздѣленія на квартиры. Владѣлецъ такого дома часто остается въ немъ и тогда, когда онъ перестала быть ему по карману—остается по той простой причинѣ, что не находитъ для него ни покупателя, ни нанимателя. Представимъ себѣ двухъ землевладѣльцевъ, обладающихъ одинаковыми средствами, но поставленныхъ въ различныя житейскія условія. Одинъ изъ нихъ, не имѣя ни дѣтей школьнаго возраста, ни занятій, требующихъ постояннаго присутствія въ городѣ, живетъ круглый годъ въ своей усадьбѣ. Другой по необходимости поселяется въ городѣ, съ которымъ его связываетъ или воспитаніе дѣтей, или дѣло, служащее для него главнымъ источникомъ дохода. Поземельный и другіе налоги, сопряженные съ землевладѣніемъ, оба платятъ на одномъ и томъ же основаніи — но для послѣдняго къ нимъ присоединяется квартирный налогъ, отъ котораго свободенъ первый. Эта явная неравномѣрность — тѣмъ болѣе чувствительная, что жизнь въ городѣ и вообще гораздо дороже, чѣмъ въ деревнѣ — не могла бы существовать при правильно организованномъ подоходномъ налогѣ. Прибавимъ къ этому, что въ большинствѣ случаевъ лицо, имѣющее возможность безвыѣздно жить въ деревнѣ, пользуется доходомъ фун-

дированнымъ, а лицо, прикованное къ городу—доходомъ нефундированнымъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, при дѣйствіи квартирнаго налога болѣе тяжелое податное бремя ложится на того, кому при дѣйствіи подоходнаго налога было бы дано значительное облегченіе. Существуетъ предположеніе, что городское населеніе вообще зажиточнѣе сельскаго, и что подоходный налогъ *фактически* падалъ бы почти исключительно на городское населеніе. Чтобы убѣдиться въ ошибочности этого предположенія, стоитъ только припомнить, что въ составъ сельскаго населенія, въ обширномъ смыслѣ этого слова— т.-е. въ смыслѣ населенія не-городского—входятъ не только землевладѣльцы, ихъ управляющіе, арендаторы, врачи, должностныя лица разныхъ категорій, но и фабриканты, заводчики, купцы, промышленныя и торговыя заведенія которыхъ, лично ими управляемыя, находятся за городской чертой. Государственный квартирный налогъ, пріурочиваемый только къ городамъ, создаетъ для всѣхъ этихъ лицъ ничѣмъ не оправдываемую податную льготу, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа privilegium odiosum.

Квартирный налогъ предполагается не распространять на нанимателей небольшихъ, дешевыхъ квартиръ. Предѣлъ наемной платы, освобождающей отъ налога, установляется различный, смотря по городамъ, раздѣляемымъ, въ этомъ отношеніи, на пять категорій. Чѣмъ крупнѣе городъ, тѣмъ выше этотъ предѣлъ, и наоборотъ; въ столицахъ, напримѣръ, онъ опредѣляется въ 240 руб., въ наименѣе значительныхъ городахъ (за исключеніемъ вовсе освобождаемыхъ отъ налога)—въ 48 рублей. Различно, въ различныхъ категоріяхъ городовъ, и процентное отношеніе налога къ наемной платѣ; въ городахъ первой категоріи оно достигаетъ максимума (10%) при наемной платѣ въ 6.000 рублей, въ городахъ послѣдней категоріи—при наемной платѣ въ 1.200 рублей. При дальнѣйшемъ повышеніи наемной платы процентъ налога остается неподвижнымъ. Здѣсь опять обнаруживается существенная разница между налогами подоходнымъ и квартирнымъ. Наемная плата, превышающая 6.000 рублей, составляетъ рѣдкость даже въ столицахъ; но не особенно рѣдки здѣсь дома, за наемъ которыхъ, еслибы они не были заняты самими владѣльцами, пришлось бы заплатить гораздо болѣе 6.000 рублей. Квартирный налогъ за такіе дома будетъ уплачиваться пропорціонально возможной, въ случаѣ отдачи ихъ въ наемъ, наемной платѣ, но безъ прогрессивнаго увеличенія, между тѣмъ какъ отношеніе предполагаемой наемной платы ко всей суммѣ дохода будетъ, по общему правилу, становиться все меньше и меньше. Если 6.000 рублей наемной платы составляютъ, по предположенію, $^1/_{21}$ дохода и соотвѣтствуютъ доходу въ 126 тыс. рублей, то 12 тысячъ наемной платы

навѣрное составляютъ не болѣе 1/25 дохода и соотвѣтствуютъ доходу въ 300 тыс. рублей; между тѣмъ квартирный налогъ будетъ, въ послѣднемъ случаѣ, только вдвое больше, чѣмъ въ первомъ. На высшихъ ступеняхъ дохода, т.-е. именно на тѣхъ, которыя всего удобнѣе могли бы быть привлечены къ усиленному обложенію, утрачивается, такимъ образомъ, не только прогрессивность, но и простая пропорціональность. Съ другой стороны, предѣлъ наемной платы, освобождающей отъ налога, кажется намъ слишкомъ низкимъ. Кто платитъ за квартиру въ Петербургѣ или Москвѣ 240 рублей, тотъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ (въ особенности если онъ обремененъ семействомъ) — человѣкъ рѣшительно бѣдный, для котораго чувствительны будутъ и 5 рублей квартирнаго налога. При невысокой квартирной платѣ она едва-ли составляетъ даже четверть всего дохода; платящій за квартиру 240 рублей сплошь и рядомъ получаетъ 1.000 рублей или еще менѣе—а такія лица, при существованіи подоходнаго налога, были бы, по всей вѣроятности, безусловно освобождены отъ налога.

Слѣдуетъ ли привлекать къ платежу государственнаго квартирнаго налога квартиронанимателей (или домовладѣльцевъ), состоящихъ на гражданской или военной службѣ? Этотъ вопросъ возникаетъ именно потому, что государственный квартирный налогъ проектируется какъ бы взамѣнъ подоходнаго, въ взиманіи котораго съ содержанія должностныхъ лицъ усматривается иногда уменьшеніе содержанія, ничѣмъ не вызываемое и не оправдываемое. Намъ кажется, что аргументы этого рода, несостоятельные даже по отношенію къ подоходному налогу, совершенно непримѣнимы къ налогу квартирному. Введеніе налога на государственныя процентныя бумаги равносильно, *фактически*, пониженію платимаго по нимъ процента — но развѣ налогъ становится, вслѣдствіе этого, неправомѣрнымъ и несправедливымъ? Онъ былъ бы несправедливъ лишь въ такомъ случаѣ, еслибы онъ падалъ *только на государственныя бумаги*; но разъ что онъ распространяется на бумаги частныя и общественныя, то несправедливо было бы, наоборотъ, освобожденіе отъ него государственныхъ бумагъ, владѣльцы которыхъ были бы поставлены, этимъ самымъ, въ положеніе привилегированное сравнительно съ другими. То же самое слѣдуетъ сказать и о подоходномъ налогѣ: разъ что онъ берется съ вознагражденія за трудъ неслужебный, нѣтъ никакой причины освобождать отъ него вознагражденіе за трудъ должностныхъ лицъ. Что касается до квартирнаго налога, то наемная плата, съ которой онъ взимается, составляетъ, по предположенію, извѣстную часть *всего дохода* квартиронанимателя. Если квартиронаниматель—должностное лицо, то его доходъ можетъ сла-

гаться изъ жалованья и изъ другихъ полученій, вовсе не зависящихъ отъ службы. Совершенно освобождать его отъ налога только потому, что въ составъ его дохода входитъ, *между прочимъ*, жалованье за службу, было бы явною несообразностью: уменьшать цифру налога, пропорціонально цифрѣ жалованья, значило бы усложнять взиманіе налога запутанными разсчетами и, что еще важнѣе, установлять неравенство между категоріями плательщиковъ, поставленными, въ сущности, въ совершенно одинаковыя условія. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ двухъ нанимателей, платящихъ за квартиры одну и ту же сумму и располагающихъ одинаковыми средствами; вся разница между ними та, что одинъ изъ нихъ состоитъ на казенной, другой—на общественной службѣ. Вводится квартирный налогъ—и обременяетъ бюджетъ одного изъ нихъ такимъ платежемъ, отъ котораго остается свободнымъ бюджетъ другого. Не ясно ли, что первый будетъ имѣть полное право считать себя обиженнымъ, и обиженнымъ незаслуженно? Вѣдь если для чиновника или офицера квартирный налогъ былъ бы уменьшеніемъ жалованья, то такое же точно значеніе онъ имѣетъ и для служащаго въ думѣ или въ банкѣ. Отъ того, что теряемая сумма поступаетъ не въ пользу учрежденія, платящаго жалованье, служащему въ частномъ обществѣ не холодно и не тепло: онъ знаетъ и видитъ только, что въ его рукахъ остается меньше свободныхъ средствъ, между тѣмъ какъ болѣе счастливый его сосѣдъ, носящій вице-мундиръ, сохраняетъ сполна весь прежній доходъ. Намъ могутъ возразить, что государственная служба должна же имѣть преимущества передъ общественной; но такихъ преимуществъ и безъ того довольно, увеличивать ихъ число нѣтъ никакой надобности. Изъ того, что чиновникъ имѣетъ право на пенсію, чины и ордена, а офицеръ, сверхъ того, на удешевленный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и удешевленное мѣсто въ театрѣ, еще не слѣдуетъ, чтобы въ ихъ пользу нужно было установить изъятіе изъ квартирнаго налога. Тѣ изъ чиновниковъ и офицеровъ, которые получаютъ скудное содержаніе и не имѣютъ другихъ источниковъ дохода, будутъ освобождены отъ квартирнаго налога на общемъ основаніи, въ виду малоцѣнности занимаемыхъ ими квартиръ. Само собой разумѣется, что должностныя лица, живущія въ казенныхъ квартирахъ—если только стоимость послѣднихъ (выведенная изъ сравненія съ соотвѣтственными частными квартирами или изъ размѣра назначаемыхъ, при недостаткѣ квартиръ въ натурѣ, квартирныхъ денегъ) превышаетъ извѣстную минимальную норму,—также должны быть привлечены къ платежу квартирнаго налога: это вытекаетъ изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ о невозможности установлять,

въ занимающемъ насъ вопросѣ, какое-либо различіе между частными и должностными лицами.

Для установленія наемной стоимости помѣщеній и для опредѣленія окладовъ государственнаго квартирнаго налога предполагается учредить городскія или (въ городахъ болѣе обширныхъ) участковыя квартирныя присутствія, подъ предсѣдательствомъ податного инспектора или особаго лица по назначенію управляющаго казенной палатой, изъ шести членовъ, избираемыхъ на одинъ годъ городской думой (или собраніемъ городскихъ уполномоченныхъ), изъ числа мѣстныхъ домовладѣльцевъ и квартиронанимателей. Опредѣленія присутствія постановляются по большинству голосовъ; но если съ большинствомъ несогласенъ предсѣдатель, онъ можетъ перенести дѣло на разрѣшеніе губернскаго по квартирному налогу присутствія. Въ составъ послѣдняго входятъ, подъ предсѣдательствомъ управляющаго казенною палатою, члены общаго ея присутствія, городской голова губернскаго города и три лица по выбору губернскаго земскаго собранія, а при разсмотрѣніи дѣлъ, возникшихъ въ уѣздномъ городѣ—и городской голова этого города. Жалобы на постановленія городского или участковаго присутствія приносятся губернскому присутствію, а жалобы на постановленія губернскаго присутствія — министру финансовъ. Эта организація потребуетъ увеличенія числа податныхъ инспекторовъ, занятія которыхъ, съ открытіемъ квартирныхъ присутствій, должны значительно усложниться. Мы слышали, что предполагается учредить 60 новыхъ должностей податныхъ инспекторовъ, не считая тѣхъ 111, которыя безъ того уже создаются, съ 1-го мая нынѣшняго года, въ земскихъ губерніяхъ. Общее число податныхъ инспекторовъ возростетъ, такимъ образомъ, съ 457 до 628; въ каждомъ уѣздѣ земскихъ губерній будетъ, по меньшей мѣрѣ, по одному податному инспектору. При такой многочисленности мѣстныхъ агентовъ финансоваго вѣдомства ничто не мѣшаетъ приступить къ введенію подоходнаго налога; препятствіе, передъ которымъ девять лѣтъ тому назадъ останавливался Н. Х. Бунге, теперь, можно сказать, болѣе не существуетъ. Ожидаемая сумма квартирнаго налога не составляетъ даже $5^1/_2$ милліоновъ рублей. Столь незначительной прибавкѣ къ государственному доходу едва ли соотвѣтствуетъ столь значительное увеличеніе чиновничьяго персонала; достаточнымъ оправданіемъ для послѣдняго могла бы служить только болѣе радикальная финансовая реформа.

Данныя о квартирахъ, подлежащихъ обложенію, доставляются квартирнымъ присутствіямъ домовладѣльцами; но это не устраняетъ собиранія свѣденій самими присутствіями, путемъ осмотра квартиръ, обозрѣнія контрактовъ и квартирныхъ книжекъ, справокъ въ нотарі-

альныхъ конторахъ и т. п. Сомнительной, по меньшей мѣрѣ, представляется намъ цѣлесообразность одного изъ этихъ способовъ — осмотра помѣщеній. Какія бы ни принимались мѣры, чтобы сдѣлать его менѣе неудобнымъ и непріятнымъ для квартирохозяевъ (напр. заблаговременное увѣдомленіе ихъ о времени осмотра, назначеніе для него часа не слишкомъ ранняго и не слишкомъ поздняго, производство его безъ участія полицейскихъ чиновниковъ и т. п.), онъ будетъ возбуждать множество неудовольствій и обратитъ квартирный налогъ въ одинъ изъ наиболѣе антипатичныхъ населенію. Между тѣмъ надобности въ осмотрѣ нѣтъ, въ сущности, никакой. На цѣнность квартиры вліяютъ—кромѣ ея размѣровъ, которые могутъ быть опредѣлены и снаружи—преимущественно мѣстность, гдѣ находится домъ, характеръ живущаго въ немъ населенія, степень его чистоты и опрятности, этажъ, въ которомъ расположена квартира, входъ съ улицы или со двора, наличность или отсутствіе водопроводовъ и тому подобныхъ приспособленій. Все это можетъ быть приведено въ ясность безъ осмотра самой квартиры. Внутренней ея отдѣлкой наемная плата обусловливается въ гораздо меньшей степени. Не всегда, притомъ, легко опредѣлить, что̀ именно въ этой отдѣлкѣ принадлежитъ домохозяину, что̀—квартиронанимателю. Оклейка обоями, напримѣръ, иногда производится на счетъ домохозяина, иногда—на счетъ квартиронанимателя, и въ послѣднемъ случаѣ нисколько не отражается на наемной цѣнности квартиры. Намъ кажется, поэтому, что осмотръ помѣщенія не слѣдовало бы включать въ число средствъ повѣрки показаній, данныхъ домохозяиномъ, тѣмъ болѣе, что за *умышленную* ихъ невѣрность онъ будетъ подлежать денежной отвѣтственности. Замѣтимъ, мимоходомъ, что опредѣленіе этой отвѣтственности слѣдовало бы предоставить не губернскому квартирному присутствію, а суду. Въ административномъ порядкѣ штрафы могутъ быть налагаемы только тогда, когда для этого достаточно *факта*, надлежащимъ образомъ удостовѣреннаго. Другое дѣло, когда нужно опредѣлить *намѣреніе, умыселъ*: здѣсь умѣстно только судебное производство.

Одну хорошую сторону государственный квартирный налогъ имѣетъ несомнѣнно: онъ составляетъ новый шагъ впередъ на пути къ той цѣли, которая была намѣчена Н. X. Бунге и затѣмъ совершенно упущена изъ виду — къ перенесенію части податного бремени на болѣе достаточные классы населенія. Къ сожалѣнію, этотъ шагъ еще менѣе рѣшителенъ, чѣмъ прежніе. Пять съ половиною милліоновъ потонутъ почти незамѣтно въ милліардномъ бюджетѣ и не облегчатъ бремени, лежащаго на массѣ. Остается только надѣяться, что государственный квартирный налогъ послужитъ переходною ступенью къ прогрессивному подоходному налогу.

———

Количество матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно будетъ, со временемъ, написать исторію послѣднихъ неурожайныхъ годовъ, постоянно ростетъ. Весьма видное мѣсто между ними занимаетъ отчетъ нижегородской губернской земской управы по продовольственной операціи 1891—92 г. Интересны здѣсь, между прочимъ, свѣденія о томъ, какъ измѣнялся постепенно взглядъ центральной администраціи на размѣры бѣдствія, а слѣдовательно и на размѣры помощи населенію. Лѣтомъ 1891 г. нижегородское губ. земское собраніе, въ экстренной сессіи, опредѣлило количество хлѣба, необходимаго для обсѣмененія озимыхъ полей и для продовольствія населенія, въ 8.229 тыс. пудовъ, на пріобрѣтеніе которыхъ требовалось, по тогдашнимъ цѣнамъ, столько же рублей. Центральная администрація, разсмотрѣвъ ходатайство земства, ассигновала, въ іюлѣ мѣсяцѣ, только два милліона рублей, при чемъ земству было объявлено, что *увеличеніе ссуды, за истощеніемъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала, не представляется возможнымъ, и земство должно обойтись двумя милліонами, ему выданными*. Вскорѣ, однако, это рѣшеніе поколебалось. Уже въ сентябрѣ, послѣ повторенія ходатайства со стороны второго экстреннаго собранія, земство получило еще 500, въ октябрѣ—также 500 тысячъ рублей. Болѣе точныя и подробныя свѣденія о положеніи населенія, собранныя губернскою управою къ половинѣ октября, повлекли за собою новыя ассигновки, всего на сумму 2½ милліоновъ рублей. Послѣ декабрьскаго очередного собранія, опредѣлившаго *всю* цифру ссуды на обсѣмененіе и продовольствіе въ 7.344 тысячи рублей, было назначено и выдано земству еще 1.100 тыс. рублей. Общая сумма выдачъ достигла, такимъ образомъ, 6.600 тыс. руб., только на 744 тысячи уступая той, о которой ходатайствовало, въ послѣднемъ счетѣ, земское собраніе. Гораздо болѣе значительной оказывается разница между цифрою *пудовъ*, первоначально вычисленною земствомъ (8.229 тыс.), и цифрою пудовъ, дѣйствительно заготовленныхъ (5.490 тыс.), хотя въ первую цифру не вошелъ сѣменной *яровой* хлѣбъ. Отсюда не слѣдуетъ еще, однако, чтобы первый земскій разсчетъ былъ черезъ-чуръ преувеличенъ. Онъ намѣчалъ, приблизительно, то количество хлѣба, которое понадобилось бы для поддержанія *благосостоянія* населенія; хлѣбомъ, дѣйствительно заготовленнымъ, поддержана была только его *жизнь*. Въ пониженіи ссуды громадную роль съиграли и низкая максимальная норма (30 фун. въ мѣсяцъ), опредѣленная на каждаго ѣдока, и уменьшеніе числа ѣдоковъ, исключеніемъ изъ нихъ всѣхъ лицъ рабочаго возраста, и „экономическая политика“, крайними выразителями которой явились пресловутые лукояновскіе „дѣятели“... Какъ бы то ни было, общая сумма ссуды оказывается гораздо болѣе близкой къ

первоначальнымъ земскимъ предположеніямъ, чѣмъ къ той цифрѣ, на которой, въ началѣ осени 1891 г., считала возможнымъ остановиться центральная администрація. Еслибы ассигновки съ самаго начала больше соотвѣтствовали размѣрамъ нужды, на ту же сумму можно было бы купить гораздо больше хлѣба. Раннія покупки (въ августѣ) производились по 1 руб. 17 коп. за пудъ, между тѣмъ какъ позже, въ самый разгаръ операціи, цѣны поднялись до 1 руб. 40 коп. и выше.

До конца декабря мѣсяца покупки производились губернской управой преимущественно на дальнихъ рынкахъ, потому что хлѣбъ стоилъ здѣсь значительно дешевле (съ доставкой—около 1 руб. 26 коп. за пудъ ржи и около 1 руб. 29 коп. за пудъ пшеницы, между тѣмъ какъ на мѣстѣ первый обходился около 1 руб. 38 к., второй—около 1 р. 44 к.). Къ покупкамъ на мѣстныхъ рынкахъ управа обратилась только въ январѣ, вслѣдствіе настояній губернатора и увеличивающейся затруднительности подвоза хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ; но покупки на дальнихъ рынкахъ все-таки не прекращались, пока, наконецъ, весною не подешевѣлъ хлѣбъ на мѣстѣ. Въ общемъ, такимъ образомъ, покупки управы постоянно производились тамъ, гдѣ это было выгоднѣе. Много способствовало успѣху покупокъ то обстоятельство, что управа заручилась безвозмезднымъ содѣйствіемъ такихъ лицъ и учрежденій, какъ предсѣдатель бессарабской губернской земской управы И. В. Кристи, президентъ полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества Д. К. Квитка, лохвицкое общество сельскихъ хозяевъ. Другія покупки производились агентами управы; обращенія къ торговымъ фирмамъ она избѣгала, и послѣдствія вполнѣ оправдали избранную ею систему. Довольно много шуму надѣлали, въ свое время, извѣстія о негодности нѣсколькихъ партій хлѣба, купленныхъ управой; но теперь, когда подведены всѣ счеты, можно сказать утвердительно, что неудачныхъ покупокъ было очень мало. Сумма всѣхъ расходовъ, вызванныхъ очисткою сорнаго и браковкою негоднаго хлѣба, опредѣлилась въ 11.308 руб., что составляетъ съ небольшимъ $^1/_2$ коп. на каждый пудъ доставленнаго съ дальнихъ рынковъ хлѣба. Еще меньше убытокъ, понесенный (въ видѣ недовѣса и т. п.) при перевозкѣ хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ. Вся сумма потерь на дальнихъ покупкахъ не превышаетъ 1 коп. на пудъ, между тѣмъ какъ сбереженіе въ цѣнѣ, ими обусловленное, составляетъ, какъ мы уже видѣли, отъ 12 до 15 коп. на пудъ. Нижегородское земство съ честью вышло изъ громадной и трудной операціи, неожиданно выпавшей на его долю.

Земская статистика продолжаетъ работать надъ изслѣдованіемъ разстройства, произведеннаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ неурожаемъ 1891 г. Чрезвычайно характеристичны, съ этой точки зрѣнія,

свѣденія, собранныя статистическимъ отдѣленіемъ самарской губернской земской управы. „Большая часть населенія,—читаемъ мы въ „Сельско-хозяйственномъ обзорѣ самарской губерніи за 1892 г." (выпускъ первый), въ дѣлѣ продовольствія своего скота была предоставлена самой себѣ, что и привело къ крайне печальнымъ результатамъ. Продовольственная ссуда, разсчитанная въ болѣе достаточномъ размѣрѣ, могла бы, по увѣренію всѣхъ хозяевъ, сильно воспрепятствовать сбыту скота и кормовъ... Съ наступленіемъ осени (1891 г.) лошади повсюду продавались на шкурье татарамъ: сосуны—по 25-30 коп., стриганы—по 70-80 коп. Средняя цѣна коровы въ осенней продажѣ была 6—8 руб.". Какъ велико количество скота, проданнаго по столь ничтожнымъ цѣнамъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ, заимствованнымъ изъ донесеній земскихъ начальниковъ: изъ 1.025 тыс. штукъ рогатаго скота, числившихся въ самарской губерніи до начала голодовки, къ 15-му января 1892 г. убыло 388 тысячъ, т.-е. почти 38%. Въ двухъ уѣздахъ, николаевскомъ и самарскомъ, эта убыль доходила до 45%! Между тѣмъ она продолжалась, конечно, и послѣ 15-го января, а въ иныхъ мѣстностяхъ продолжается, можетъ быть, и въ настоящее время. Урожай травъ въ сѣверныхъ уѣздахъ самарской губерніи былъ въ 1892 г. не выше средняго, часто спускаясь до плохого и очень плохого. Далеко не хорошо уродился тамъ и хлѣбъ. Сѣверъ самарскаго уѣзда, напримѣръ,—это сплошной, за немногими исключеніями, районъ недорода; въ пятнадцати волостяхъ урожай былъ самъ 1—2; въ бо̀льшей части уѣзда опять нѣтъ средствъ ни на обсѣмененіе, ни на продовольствіе. Въ ставропольскомъ уѣздѣ нуждающихся насчитывается до 50 тысячъ. Одинъ только новоузенскій уѣздъ не заявилъ ходатайства о помощи; нужда остальныхъ уѣздовъ, по разсчету уѣздныхъ земствъ, принятому губерн. земскимъ собраніемъ, выражается въ цифрѣ 1.834 тыс. пуд. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ссуда на продовольствіе и обсѣмененіе разрѣшена самарской губерніи только въ размѣрѣ 1.300 тыс. пудъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ году (30 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока нерабочаго возраста), но лишь по 1-е мая. При распредѣленіи ссуды министерство предписываетъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью и стараться, по возможности, сокращать издержки, въ виду большихъ расходовъ 1891 г. Значительному уменьшенію ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе подверглись и въ другихъ губерніяхъ: вмѣсто 39 милл. пуд., о которыхъ ходатайствовали земскія собранія, ассигновано всего около 25 милліоновъ (около 17 милл. на продовольствіе и около 8 милл. на обсѣмененіе). Самая крупная цифра ссуды приходится на долю воронежской губерніи (болѣе 6 милл. пуд.); затѣмъ идетъ губернія

тульская (около 3¾ милл.), херсонская (около 2½ милл.), орловская (менѣе 2½ милл.), самарская и саратовская (каждая по 1.300 тыс. пуд.), пять уѣздовъ курской (1½ милл.) и вятская губернія (1.100 тыс.). Изъ этихъ губерній не пострадала въ прошломъ году только одна херсонская; всѣ остальныя переживаютъ неурожай вторичный, т.-е. находятся въ условіяхъ особенно тяжелыхъ. Сокращеніе ссудъ, въ связи съ оскудѣніемъ частной и общественной благотворительности, неминуемо должно здѣсь повлечь за собою дальнѣйшій упадокъ крестьянскаго хозяйства.

Самарское губернское земство рѣшилось, какъ извѣстно, воспользоваться неурожаемъ 1891 г., чтобы понудить населеніе къ введенію общественныхъ запашекъ. Опытъ этотъ не вполнѣ удался, но мысль, его вызвавшая, все еще не оставлена. Въ совѣщаніи земскихъ начальниковъ самарскаго уѣзда, происходившемъ 18-го октября прошлаго года, „выяснилось, что продовольственные запасы всѣ истощены и *населеніе, по всей вѣроятности, будетъ принуждено согласиться на введеніе у себя общественныхъ запашекъ*" („Сельско-хозяйственный обзоръ самарской губерніи", выпускъ второй). Между тѣмъ многія сельскія общества продолжаютъ относиться къ общественной запашкѣ съ недовѣріемъ и даже *страхомъ* (усматривая въ ней, по всей вѣроятности, нѣчто напоминающее о барщинѣ); въ ставропольскомъ уѣздѣ ее ввела только ¼ сельскихъ обществъ, въ уѣздахъ самарскомъ, бугурусланскомъ и бугульминскомъ—приблизительно половина. Особенно туго она прививается въ обществахъ малоземельныхъ. Въ корреспонденціяхъ статистическаго бюро встрѣчается не мало указаній на плохую, небрежную обработку земли подъ общественную запашку, почему и урожай на ней сплошь и рядомъ былъ неудовлетворительный. Значительнымъ количество хлѣба, собраннаго съ общественныхъ запашекъ, можетъ быть названо только въ одномъ новоузенскомъ уѣздѣ; въ уѣздахъ ставропольскомъ и бугульминскомъ оно совершенно ничтожно. Одна половина сбора идетъ на покрытіе продовольственнаго долга, другая раздѣляется на двѣ неровныя части: три четверти ея (т.-е. три восьмыхъ всего сбора) идутъ на вознагражденіе смотрителей надъ запашками и на посѣвъ слѣдующаго года, одна четверть остается въ запасѣ. Смотрителя, по словамъ обзора, *выбираются*, но кѣмъ—самими ли крестьянами или ихъ начальствомъ,—этого изъ обзора не видно. Какъ бы то ни было, самое появленіе подобныхъ должностныхъ лицъ свидѣтельствуетъ о томъ, что дѣло поставлено неправильно. Ненормально и то, что земля подъ общественную запашку обработывается иногда (въ 20 случаяхъ изъ 88) *наемнымъ трудомъ. Поддержаніе* принудительныхъ общественныхъ запашекъ встрѣтитъ, по всей вѣроятности, еще болѣе препят-

ствій, чѣмъ ихъ *введеніе*. Усердіе, теперь вызывающее ихъ къ жизни, скоро охладѣетъ; предоставленныя, болѣе или менѣе, самимъ себѣ, онѣ уцѣлѣютъ только тамъ, гдѣ имъ сочувствуетъ населеніе.

Въ послѣднее время обнародовано нѣсколько новыхъ законовъ, измѣняющихъ къ лучшему ту или другую сторону нашей общественной жизни. Существенно важное значеніе имѣетъ, напримѣръ, законъ 14-го декабря 1892 г., присоединяющій ссылку на житье въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, къ числу причинъ развода. До сихъ поръ преступленіе одного изъ супруговъ давало другому право просить о разводѣ только тогда, когда оно влекло за собою „уголовное" наказаніе (ссылку въ каторжныя работы или на поселеніе), сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Между тѣмъ высшее изъ такъ называемыхъ „исправительныхъ" наказаній, соединенныхъ не съ потерей всѣхъ правъ состоянія, а только съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ —ссылка на житье въ Сибирь,—назначается, между прочимъ, за такія преступленія, которыя составляютъ болѣе чѣмъ достаточное основаніе къ расторженію супружескаго союза. Сюда относятся, прежде всего, многія преступленія противъ собственности—кража, мошенничество, присвоеніе, растрата, подлогъ, даже сравнительно легкія формы грабежа. Можно ли вообразить себѣ бо́льшую несправедливость, чѣмъ *принужденіе* женщины, ни въ чемъ неповинной, оставаться женою осужденнаго грабителя, мошенника или вора? Если она его все-таки любитъ, ничто не мѣшаетъ ей слѣдовать за нимъ на мѣсто ссылки; но если въ ней угасло всякое къ нему чувство, то болѣе чѣмъ жестоко оставлять за нею презираемое ею имя и запрещать ей вступленіе въ новый бракъ. Къ числу преступленій, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, принадлежитъ, далѣе, жестокое обращеніе мужа съ женою (за исключеніемъ случаевъ наиболѣе важныхъ, подвергающихъ виновнаго лишенію всѣхъ правъ состоянія); между тѣмъ и оно не признавалось до сихъ поръ законнымъ поводомъ къ разводу. Статья 998-ая уложенія о наказаніяхъ грозитъ отцу, изобличенному въ сводничествѣ дѣтей своихъ, ссылкой на житье въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ; и это преступленіе, слѣдовательно, не освобождало жену отъ брачныхъ узъ съ извергомъ, способнымъ торговать честью своихъ дѣтей! Правда, нашъ законъ допускалъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, *разлученіе* супруговъ, т.-е. не обязывалъ невиннаго супруга слѣдовать за осужден-

нымъ въ ссылку [1]); но бракъ оставался въ полной силѣ, и въ случаѣ помилованія осужденнаго или возвращенія его въ прежнее мѣсто жительства за нимъ сохранялось право требовать возобновленія совмѣстной супружеской жизни. Коммиссія, составляющая проектъ новаго уголовнаго уложенія, давно уже убѣдилась въ ненормальности такого порядка. Сначала она предполагала допускать расторженіе брака только въ случаѣ присужденія къ каторгѣ, поселенію или продолжительному заточенію; но въ виду многочисленныхъ возраженій, вызванныхъ этимъ предположеніемъ [2]), въ окончательной редакціи общей части проекта поводомъ къ расторженію брака признано и заключеніе въ *исправительномъ домѣ*, въ тѣхъ случаяхъ, которые будутъ указаны въ особенной части (т.-е., очевидно, при осужденіи за преступленія, позорящія виновнаго или вообще несовмѣстныя съ дальнѣйшимъ, безъ согласія невинной стороны, продолженіемъ супружескаго союза). Утвержденія и изданія новаго уголовнаго уложенія можно, однако, ожидать еще не скоро—и вотъ почему мы привѣтствуемъ законъ 14-го декабря, какъ первый шагъ къ достиженію желанной цѣли. Супругу лица, присужденнаго къ ссылкѣ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, предоставляется просить о расторженіи брака, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня вступленія приговора въ законную силу. Для насъ не совсѣмъ ясно, почему понадобилось установленіе столь продолжительнаго срока. Если лишеніе одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія даетъ другому супругу возможность *тотчасъ же* просить о расторженіи брака, то мы не видимъ причины, по которой нельзя было бы предоставить такую же возможность супругу лица, лишеннаго всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Два года оставаться связаннымъ, хотя бы только по имени, съ человѣкомъ, совершившимъ позорное преступленіе—это такая пытка, которой не заслуживаетъ невинный супругъ. Еще бо̀льшимъ недостаткомъ закона слѣдуетъ признать примѣненіе его только къ ссылкѣ на житье въ Сибирь. Отъ нея ничѣмъ существенно не отличается ссылка на житье въ другія отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, также влекущая за собою лишеніе всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, также назначаемая за кражу, мошенничество, присвоеніе, растрату, подлогъ, нанесеніе менѣе тяжкихъ ранъ и увѣчій (при признаніи за подсудимымъ права на снисхожденіе или при наличности обстоятельствъ, особо уменьшающихъ его вину). Въ настоящее время этотъ видъ ссылки служитъ основаніемъ къ разлученію супруговъ; гораздо правильнѣе

[1]) См. статью о разлученіи супруговъ въ № 8 „В. Европы" за 1884 г.

[2]) См. Внутр. Обозр. въ № 12 „В. Е." за 1882 г. и № 8 за 1885 г.

было бы считать его основаніемъ къ разводу. Скажемъ болѣе: поводомъ къ расторженію брака слѣдовало бы признать и присужденіе къ тюрьмѣ, если оно сопряжено съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Это наказаніе налагается, по нашимъ законамъ, именно за опозоривающія преступленія—кражу, мошенничество, присвоеніе, растрату,—при малоцѣнности похищеннаго, присвоеннаго или растраченнаго. Послѣдовательно ли признавать право на разводъ за женою вора, укравшаго 301 рубль, и не признавать его за женою вора, укравшаго 299 рублей?.. Право просить о расторженіи брака предоставляется закономъ 14-го декабря не только невинному супругу, но и виновному, если невинный не послѣдовалъ за нимъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, на мѣсто ссылки. Это постановленіе вполнѣ цѣлесообразно и гуманно: оно даетъ осужденному возможность вступить въ новый бракъ на мѣстѣ ссылки—и вмѣстѣ съ тѣмъ развязываетъ руки невинному супругу, не желавшему, по тѣмъ или другимъ причинамъ, взять на себя иниціативу расторженія брака.

Несмотря на множество законовъ, изданныхъ, въ послѣднее время, съ цѣлью устройства поземельныхъ отношеній, не предусмотрѣнныхъ Положеніями 19-го февраля, у насъ все еще остаются цѣлыя категоріи лицъ, поземельныя права которыхъ требуютъ законодательной регламентаціи. Двухъ категорій этого рода касаются законы 21-го декабря 1892 и 19-го января 1893 г. Первый изъ нихъ находится въ непосредственной связи съ злоупотребленіями, совершавшимися, лѣтъ 15 тому назадъ, въ уфимской губерніи. Множество башкирскихъ земель перешло, въ то время, во владѣніе частныхъ лицъ, по актамъ, которые были впослѣдствіи уничтожены сенатомъ. Между тѣмъ на этихъ земляхъ поселились крестьяне, положеніе которыхъ, послѣ возвращенія земель въ собственность башкиръ, оказалось крайне неопредѣленнымъ. Въ пользу этихъ-то поселенцевъ и предпринято теперь принудительное отчужденіе занятыхъ ими земель, при чемъ башкиры получаютъ отъ казны, въ видѣ вознагражденія, суммы, не доплаченныя поселенцами прежнимъ вотчинникамъ, а поселенцы возвращаютъ эти суммы казнѣ, примѣнительно къ положенію о выкупѣ. Къ выкупной операціи приближается и законъ 19-го января, на основаніи котораго православные арендаторы владѣльческихъ земель въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ, водворившіеся здѣсь до 19-го февраля 1861 г., получаютъ право выкупить, при содѣйствіи казны, занимаемые ими участки, если заявятъ о томъ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня обнародованія закона. Землевладѣлецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ, однако, обмѣнить этотъ участокъ на другой, соотвѣтственнаго достоинства. По свѣденіямъ „Новостей“, такихъ арендаторовъ числится всего

2.207 семействъ, владѣющихъ 18.189 десятинами. Несравненно важнѣе, чѣмъ эти два частные закона, Высочайшій указъ, данный сенату 18-го февраля 1893 г. и знаменующій собою приступъ къ регулированію крестьянскаго владѣнія въ остзейскихъ губерніяхъ. Вотъ подлинный текстъ указа: „признавъ своевременнымъ приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса о земляхъ, отдѣленныхъ отъ повинностной земли въ лифляндской губерніи и отъ крестьянской арендной земли на островѣ Эзелѣ и въ эстляндской губерніи, подъ соотвѣтствующими названіями квоты и шестой доли, повелѣваемъ: 1) министру внутреннихъ дѣлъ, по надлежащемъ выясненіи вопроса, войти, въ установленномъ порядкѣ, съ представленіемъ объ обращеніи сихъ земель къ законному ихъ назначенію, и 2) временно, впредь до разрѣшенія его представленія, пріостановить: *а*) производство по дѣламъ о неправильныхъ присоединеніяхъ, въ качествѣ квоты и $^1/_6$ доли, участковъ повинностной и крестьянской арендной земли къ мызнымъ угодьямъ, и *б*) продажу участковъ изъ состава означенныхъ земель, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда покупателями ихъ явятся лица мѣстнаго крестьянскаго сословія, не состоящія ни собственниками, ни арендаторами крестьянскихъ участковъ, а продаваемые участки, по размѣрамъ своимъ, не превышаютъ установленнаго мѣстными положеніями наименьшаго размѣра крестьянскихъ арендныхъ участковъ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1898.

Особенности французской администраціи и бюрократіи.—Старыя традиціи на новой почвѣ.—Послѣдній панамскій процессъ. — Флоке́ и его судьба.—Клемансо и Фрейсинэ.—Политическіе нравы и пріемы оппортунистовъ.—Темные факты въ панамскомъ дѣлѣ.—Смерть Жюля Ферри.—Болгарскія дѣла и правительственное сообщеніе.

Разсказываютъ, что послѣ революціи 1848 года во Франціи одинъ изъ членовъ временнаго правительства, вступивъ въ отправленіе обязанностей министра, былъ пораженъ количествомъ бумагъ, представленныхъ ему къ подписи: начальники отдѣленій стали почтительно обращаться къ нему по поводу накопившихся дѣлъ, какъ будто никакой перемѣны не произошло, кромѣ лишь назначенія новаго министра на мѣсто стараго. Внутренній механизмъ управленія почти не затрогивался политическими переворотами; французское чиновничество сохраняло старые свои обычаи и порядки, министерскія канцеляріи дѣйствовали по прежнему, даже полиція не измѣняла своихъ пріемовъ при республикѣ. Французская администрація остается теперь такою же, какъ при монархіи и имперіи; она не подверглась никакимъ преобразованіямъ, проникнута тѣмъ же духомъ рутины, тою же склонностью къ узкому формализму, тою же тяжеловѣсностью и медленностью дѣйствій, тѣми же традиціонными понятіями о государствѣ и обществѣ, какъ и при прежнихъ правительствахъ. Форма мѣняется, но сущность остается. И удивительнѣе всего, что радикальные политическіе дѣятели, получая доступъ къ правительственной власти, становятся упорными консерваторами по отношенію къ административной системѣ, унаслѣдованной отъ имперіи; незамѣтно, мало-по-малу они заражаются идеями бюрократіи, усвоиваютъ ея правительственные принципы и пассивно слѣдуютъ установившейся практикѣ въ текущихъ дѣлахъ управленія.

Эту слабую сторону нынѣшней республиканской партіи особенно ярко освѣтилъ процессъ о злоупотребленіяхъ панамской компаніи. Шарль Лессепсъ, обвиняемый въ подкупѣ членовъ парламента, ссылался на то давленіе, какое оказывали на него выдающіеся представители власти; онъ откровенно разсказалъ о вмѣшательствѣ Клемансо, Фрейсинэ и Флоке́ въ дѣловыя отношенія панамскаго общества съ Рейнакомъ. Вызванные въ судъ, эти столпы парламентской республики

неожиданно обнаружили воззрѣнія министровъ стараго режима, заговорили о важныхъ политическихъ мотивахъ своихъ дѣйствій и отчасти запутались въ банальныхъ фразахъ, смыслъ которыхъ былъ не совсѣмъ ясенъ въ устахъ республиканцевъ. Показанія Флокѐ, Клемансо и Фрейсинэ въ засѣданіи парижской судебной палаты 10 марта (нов. ст.) получили характеръ серьезнаго политическаго событія; они вполнѣ разоблачили все ничтожество идей, выражаемыхъ оппортунизмомъ, и безусловно подтвердили справедливость предположенія, что нѣтъ существеннаго различія между радикалами и умѣренными либералами въ республиканскомъ лагерѣ, что тѣ и другіе—одинаково оппортунисты. Клемансо и Фрейсинэ съумѣли по крайней мѣрѣ сохранить подобіе основательности въ своихъ объясненіяхъ; но Флокé потерялъ самообладаніе и совершенно испортилъ или даже уничтожилъ свою давнишнюю репутацію остроумнаго и талантливаго человѣка. Бывшій президентъ палаты, старый адвокатъ, дошелъ до того, что не могъ отвѣчать на вопросы защитника и смущенно бормоталъ: „мой дорогой собратъ", „дорогой коллега", такъ что предсѣдатель долженъ былъ напомнить ему, чтобы онъ обращался къ суду. Флокѐ, будучи министромъ-президентомъ въ 1888 году, въ эпоху горячей борьбы съ буланжизмомъ, считалъ своимъ долгомъ контролировать распредѣленіе панамскихъ денегъ между органами печати, заботился о предупрежденіи громкихъ процессовъ между панамскимъ обществомъ и частными лицами, призывалъ къ себѣ распорядителей кампаніи, Фердинанда Лессепса съ сыномъ, давалъ имъ совѣты и указанія, во имя интересовъ республики. По словамъ Шарля Лессепса, Флокѐ обращался также къ панамской кассѣ для покрытія экстренныхъ расходовъ правительства; ему понадобилось триста тысячъ франковъ на уплату нѣкоторымъ газетамъ за избирательную агитацію въ Сѣверномъ департаментѣ, противъ Буланже, а такъ какъ средства секретнаго фонда изсякли, то Лессепсу предложено было оказать правительству эту маленькую услугу и внести нужную сумму изъ панамскихъ денегъ. Флокѐ выразилъ свое желаніе въ крайне любезной и деликатной формѣ, предупредивъ заранѣе, что доброжелательное отношеніе его къ кампаніи нисколько не измѣнится въ случаѣ отказа, и что Лессепсъ можетъ поступить по своему усмотрѣнію, въ предѣлахъ своихъ полномочій. Лессепсъ хорошо понималъ, что нельзя отказывать въ чемъ-либо столь любезному министру-президенту, и черезъ нѣсколько дней деньги были выданы газетамъ, по указанію Флокé, переданному черезъ Артона. Посредникомъ въ первоначальныхъ переговорахъ, какъ и въ послѣдовавшей уплатѣ, былъ тотъ же аферистъ Артонъ, таинственный искуситель парламентскихъ дѣльцовъ, тщетно разыскиваемый теперь

французскою полиціею въ разныхъ странахъ Европы. Заявленіе Шарля Лессепса вполнѣ точно и опредѣленно не только въ общемъ, но и въ подробностяхъ; а между тѣмъ Флоке́ столь же положительно утверждаетъ, что ничего подобнаго не было, что никакого разговора о деньгахъ онъ не имѣлъ съ Лессепсомъ и ничего отъ него не получалъ для секретнаго фонда. Лессепсъ нѣсколько разъ категорически подтверждалъ свое показаніе на судѣ, при допросѣ Флоке́, и общее впечатлѣніе было таково, что Лессепсъ несомнѣнно говоритъ правду. Отрицательные отвѣты Флоке́ возбудили даже шумные протесты среди присутствовавшей въ судѣ публики, и предсѣдатель вынужденъ былъ распорядиться очистить залу засѣданій. Флокѐ доказывалъ, что секретные фонды министерства внутреннихъ дѣлъ далеко не были истощены во время апрѣльскихъ выборовъ 1888 года въ Сѣверномъ департаментѣ, что онъ не могъ въ короткій періодъ отъ вступленія въ министерство, съ начала апрѣля, израсходовать всѣ свободныя суммы и еще задолжать триста тысячъ, въ теченіе двухъ недѣль. Лессепсъ по этому поводу напомнилъ, что и предшественникъ Флоке́, Рувье́, долженъ былъ взять взаймы у банкира Власто значительную сумму на подкрѣпленіе секретныхъ фондовъ, и что часть министерскаго долга (50 тыс. фр.) была покрыта уже позднѣе Рейнакомъ изъ панамскихъ денегъ, при министерствѣ Флокѐ. Въ отвѣтъ на это напоминаніе почтенный радикальный дѣятель сталъ какъ-то растерянно говорить, что онъ не понимаетъ смысла и цѣли словъ Лессепса, что ему, Флокѐ, ничего не было извѣстно о долгахъ прежняго министерства, что поэтому онъ не обязанъ былъ платить ихъ, что это вообще не принято между министрами и т. п. Флокѐ ссылался также на то, что въ случаѣ надобности онъ могъ располагать суммою секретнаго фонда за цѣлый годъ, въ размѣрѣ болѣе милліона франковъ. Отрицая всякое участіе панамской кассы въ тогдашнихъ чрезвычайныхъ расходахъ правительства, онъ, однако, ни на минуту не останавливается надъ вопросомъ: удобно ли такъ открыто признавать денежное участіе самого правительства въ парламентскихъ выборахъ, которые въ принципѣ и по закону должны служить свободнымъ выраженіемъ народнаго мнѣнія и народной воли? Съ какой точки зрѣнія и по какому легальному основанію можно было употреблять государственныя средства на расходы по избирательной агитаціи? Не значитъ ли это, что республиканскіе министры допустили на практикѣ ту систему оффиціальной кандидатуры, противъ которой они такъ горячо боролись при имперіи? Во имя какого принципа правительство могло активно вмѣшиваться въ выборы, чтобы противодѣйствовать успѣху того или другого кандидата? Флоке́ говоритъ о правительственныхъ затратахъ на выборы въ такомъ тонѣ,

какъ будто дѣло идетъ о самомъ законномъ и понятномъ явленіи, о чемъ-то общепринятомъ, неспособномъ вызывать никакихъ сомнѣній. Газеты такъ же точно не замѣчаютъ странности самаго вопроса объ участіи секретныхъ фондовъ въ расходахъ по парламентскимъ выборамъ, а обсуждаютъ только степень правдивости и основательности объясненій, представленныхъ на судѣ. Большинство, очевидно, убѣждено, что Флоке́ пытался скрыть истину и выдалъ себя невольно своимъ смущеніемъ, въ виду яснаго и категорическаго разсказа Лессепса. Но принципіальный вопросъ о роли и значеніи секретныхъ фондовъ при республикѣ не обратилъ на себя ничьего вниманія и оставленъ безъ обсужденія печатью. Очевидно, воздѣйствіе администраціи на парламентскіе выборы при помощи средствъ, собираемыхъ съ народа, не противорѣчитъ господствующимъ понятіямъ и нравамъ республиканской Франціи. Далѣе, Флоке́, въ бытность свою министромъ-президентомъ, приглашалъ къ себѣ Лессепса-отца для объясненій по поводу претензій барона Рейнака къ панамской компаніи, при чемъ совѣтовалъ уладить затрудненія, нежелательныя для интересовъ правительства. Лессепсъ объяснилъ тогда министру-президенту, что Рейнакъ требуетъ съ компаніи десять или двѣнадцать милліоновъ безъ всякаго къ тому основанія, подъ давленіемъ настойчивыхъ требованій и угрозъ Корнелія Герца, и что панамское общество не боится процесса при такихъ обстоятельствахъ. Почему же правительство считало нужнымъ вмѣшиваться въ разсчеты и пререканія частной компаніи съ отдѣльными лицами? Флоке́ не объясняетъ этого въ своемъ подробномъ показаніи. „Съ разныхъ сторонъ,—разсказываетъ онъ, — мнѣ сообщали о крупныхъ претензіяхъ, которыя грозили панамскому обществу; объ этомъ говорилось въ служебныхъ докладахъ, въ полицейскихъ донесеніяхъ и отчетахъ, и для компаніи могла возникнуть опасность, на которую полезно было указать Лессепсу. Поэтому я просилъ обоихъ Лессепсовъ побывать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я передалъ имъ дошедшія до меня извѣстія и прибавилъ: подробностей дѣла я не знаю, и вы должны сами рѣшить, что дѣлать“. Флоке сознается, что не имѣлъ тогда никакихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи панамской компаніи и о характерѣ счетовъ ея съ разными лицами. „Я ничего не зналъ о всѣхъ этихъ дѣлахъ, я чуждъ коммерческому міру и не заинтересованъ ни въ какомъ предпріятіи; меня глубоко удивляетъ, что мнѣ приходится отвѣчать на какіе-то намеки по поводу дѣйствій, которыя я повторилъ бы завтра, еслибы это было нужно, и которыя я исполнялъ во имя общей безопасности, когда мнѣ довѣрена была охрана публичныхъ интересовъ“. Какіе же публичные интересы требовали устраненія споровъ съ Рейнакомъ и почему эти

частныя дѣла дожны были занимать и тревожить правительство? Если Флоке́ не былъ посвященъ въ коммерческія тайны и не былъ знакомъ ни съ положеніемъ панамскаго общества, ни съ дѣятельностью Рейнака и Герца, то является крайне странною попытка его вмѣшаться въ эти мало знакомыя ему дѣла, съ цѣлью побудить компанію къ уступчивости относительно какихъ-то предпріимчивыхъ и беззастѣнчивыхъ банкировъ. Оффиціально „приглашать" къ себѣ въ министерство такого человѣка, какъ престарѣлый Фердинандъ Лессепсъ, безъ законнаго къ тому повода и основанія,—это тоже пріемъ далеко не республиканскій, скорѣе напоминающій министровъ временъ имперіи или монархіи. Еще сбивчивѣе были объясненія Флоке́ по другому пункту—о мотивахъ его вмѣшательства въ способъ распредѣленія панамскихъ суммъ между газетами. Чтобы не остаться безучастнымъ къ этому важному дѣлу, онъ „внимательно, какъ можно ближе слѣдилъ за упомянутой раздачей, при помощи негласныхъ наблюденій и разслѣдованій". Надо было бороться съ буланжизмомъ, который впервые пустилъ въ ходъ широкое участіе денегъ въ избирательной агитаціи. Всѣ спрашивали, откуда эти деньги у буланжистовъ, и Флоке́ старался добраться до источника ихъ. Когда послѣ разрѣшенія панамскаго выпуска предстояла раздача нѣсколькихъ милліоновъ газетамъ, можно было опасаться, что значительная часть этихъ средствъ поступитъ въ распоряженіе противниковъ республики; поэтому заботливый министръ-президентъ „употребилъ всѣ обычныя средства, находящіяся во власти министра, и произвелъ необходимыя разысканія, чтобы узнать, не оказано ли панамскимъ обществомъ предпочтеніе той или другой фракціи при составленіи списка газетъ". А такъ какъ,—продолжалъ Флоке́,—нельзя дѣлать розыски и слѣдить за людьми безъ того, чтобы не почувствовали и не замѣтили этого самые объекты наблюденія, то ко мнѣ пришли лица, напуганныя распространившимися толками, и показали списокъ изданій, въ подтвержденіе равномѣрности раздачи между органами различныхъ партій". Флоке́ удовлетворился этимъ спискомъ и успокоился насчетъ интересовъ республиканской печати. Ему заданъ былъ на судѣ еще одинъ щекотливый вопросъ,—имѣлъ ли онъ въ рукахъ шантажныя телеграммы Корнелія Герца къ Рейнаку и зналъ ли ихъ содержаніе. Флоке́ отвѣчалъ, что частныя депеши, доставляемыя для просмотра министру внутреннихъ дѣлъ въ видахъ общественной безопасности, не могутъ быть разглашаемы, и что въ этихъ случаяхъ необходимо соблюдать строгую тайну. Цѣль вопроса была, однако, достигнута: угрожающія телеграммы Герца, адресованныя къ Рейнаку и къ другимъ лицамъ въ видахъ воздѣйствія на панамскую администрацію, не могли пройти мимо министра внутреннихъ дѣлъ и послужили

вѣроятно первымъ матеріаломъ для возбужденія его безпокойства по поводу панамскихъ интересовъ. Но принимать на вѣру телеграммы извѣстнаго афериста и основывать на нихъ цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ косвенно къ его выгодѣ — это было отчасти легкомысленно; а разоблаченіе такого легкомыслія неудобно для бывшихъ и настоящихъ министровъ, такъ что Флоке́ въ концѣ своего допроса не могъ воздержаться отъ меланхолическаго и рѣзкаго замѣчанія, имѣющаго уже явственно консервативный и даже реакціонный оттѣнокъ: „здѣсь допускается невѣроятное злоупотребленіе" (т.-е. свободою слова).

Старый радикалъ, одинъ изъ столповъ третьей республики, превратился въ заурядного хранителя административныхъ традицій, въ силу которыхъ министрамъ принадлежитъ право заботливой полицейской опеки надъ всею общественною и политическою жизнью страны, съ одной только исключительной точки зрѣнія—интересовъ правительственной власти и ея носителей въ данное время. Такъ какъ республика смѣнила имперію, то республиканскіе министры должны пользоваться тѣми же обширными полномочіями и правами, какія установлены были для министровъ стараго режима:—такова основная мысль Флокѐ и подобныхъ ему политическихъ дѣятелей. Распредѣлять секретные фонды, располагать многочисленною арміею тайной и явной полиціи, тратить казенныя суммы на поддержку благопріятныхъ газетъ, на противодѣйствіе тому или другому кандидату на выборахъ, вліять на раздачу частныхъ промышленныхъ капиталовъ для подкупа отдѣльныхъ изданій,—все это чрезвычайно заманчиво для республиканскихъ дѣятелей, и отказываться отъ такихъ преимуществъ или ограничивать ихъ казалось бы безразсудствомъ, крайне нежелательнымъ для республики. Такимъ образомъ прежняя система управленія сохранилась, съ тою только разницею, что исполнители называются республиканцами или даже радикалами, а министры, стоящіе во главѣ самостоятельныхъ вѣдомствъ, зависятъ отъ палаты, которая всего меньше интересуется устройствомъ бюрократическаго механизма, управляющаго дѣлами Франціи. Министры мѣняются часто, и зависимость ихъ отъ общественнаго мнѣнія и непрерывнаго публичнаго контроля составляетъ наиболѣе характерную черту парламентской республики. Флокѐ могъ произносить очень эффектныя радикальныя рѣчи въ парламентѣ, и всякія заявленія его могли вызывать рукоплесканія; но подчиненная ему администрація дѣйствовала въ духѣ старой полицейско-бюрократической рутины и навязывала эту рутину министру, какъ незыблемый и неизмѣнный законъ. Простота, съ какою бывшій президентъ палаты обнаружилъ свое пониманіе правительственныхъ задачъ, поразила многихъ еще по

другой причинѣ: Флокѐ, бывшій однимъ изъ украшеній республиканской партіи, дожилъ въ почетѣ до старости, и не будь панамскаго дѣла—онъ до сихъ поръ не имѣлъ бы случая раскрыть предъ обществомъ свое дѣйствительное внутреннее содержаніе. Бѣдность и ничтожество этого содержанія оставались бы тайной для публики; звонкія, округленныя фразы и блестки поверхностнаго остроумія принимались бы по прежнему за признаки скрытаго ума и таланта. Представительная, торжественная фигура Флокѐ производила впечатлѣніе въ палатѣ депутатовъ, внушала къ себѣ невольное довѣріе и сочувствіе; какъ президентъ, онъ былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ высокій постъ избавляетъ отъ необходимости серьезной умственной работы, отъ составленія докладовъ и произнесенія рѣчей по разнымъ вопросамъ. Но вырванный изъ этой обычной атмосферы и поставленный въ прозаическое положеніе свидѣтеля на судѣ, подъ вліяніемъ тягостнаго допроса, вынуждающаго его раскрыть всѣ свои карты, онъ вдругъ является предъ нами въ своемъ настоящемъ видѣ, безъ украшеній и натяжекъ,—является человѣкомъ, взявшимъ напрокатъ чужія готовыя формулы и неспособнымъ извлечь изъ нихъ какой-нибудь разумный смыслъ; онъ съ наивнымъ апломбомъ провозглашаетъ такія практическія истины, которыхъ никто другой не рѣшился бы высказать открыто; онъ не понимаетъ, почему его слова возбуждаютъ недоумѣніе, когда онъ такъ просто и убѣдительно обрисовываетъ свои занятія и заботы въ должности министра; онъ не видитъ и не чувствуетъ, что его самодовольныя указанія наносятъ сильнѣйшій ударъ той политической партіи, которую онъ привыкъ считать единственнымъ законнымъ выраженіемъ новаго политическаго строя. Для Флокѐ и его единомышленниковъ вся сущность республики заключается въ безпредѣльномъ господствѣ извѣстной группы людей, проповѣдующихъ республиканскія убѣжденія. Чтобы быть истиннымъ республиканцемъ, надо только принадлежать къ извѣстному лагерю, поклоняться установленнымъ принципамъ и противодѣйствовать всѣмъ приверженцамъ старыхъ династій;—этими идеями исчерпывается политическій кругозоръ Флокѐ. Быть или считаться однимъ изъ вождей республики, въ теченіе около двадцати лѣтъ, при подобной умственной ограниченности и безпомощности, при полномъ отсутствіи всякаго подобія самостоятельной политической мысли,—это уже сама по себѣ задача, предполагающая нѣкоторое искусство съ одной стороны, и довѣрчивое ослѣпленіе—съ другой. Видя неожиданное безсиліе и ничтожество Флокѐ, его неспособность разъяснить толково самыя простыя политическія обстоятельства, его жалкую растерянность передъ щекотливыми вопросами адвокатовъ въ панамскомъ процессѣ, французскіе наблюдатели были поражены

этимъ позднимъ откровеніемъ и усмотрѣли нѣчто трагическое въ судьбѣ этого человѣка, столь долго игравшаго выдающуюся политическую роль и теперь внезапно уничтоженнаго своими собственными невольными признаніями. Личная честность Флокѐ никѣмъ не подвергается сомнѣнію; онъ дѣйствовалъ извѣстнымъ образомъ, не въ силу какихъ-либо дурныхъ мотивовъ, а по твердому убѣжденію въ томъ, что иначе не можетъ дѣйствовать лицо, облеченное правительственною властью. Онъ даже повторяетъ, что поступалъ бы точно такъ же, еслибы былъ вновь назначенъ министромъ: онъ опять слѣдилъ бы за распредѣленіемъ чужихъ денегъ между органами печати, вмѣшивался бы въ разсчеты Рейнака и Герца, заботился бы о дѣлахъ и обязательствахъ Фердинанда Лессепса и т. п. И не онъ одинъ проявлялъ такое безпокойство относительно панамскаго общества, съ точки зрѣнія интересовъ республики; Клемансо и Фрейсинэ были вполнѣ солидарны съ нимъ въ этомъ отношеніи.

Предводитель крайней лѣвой велъ себя на судѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ Флокѐ, хотя былъ поставленъ гораздо хуже безпощадными разоблаченіями Лессепса; онъ по крайней мѣрѣ сохранилъ все свое остроуміе и свою парламентскую ловкость, нисколько не теряя пріятнаго самообладанія при самыхъ затруднительныхъ вопросахъ, бросавшихъ отчасти тѣнь на его личную репутацію честности и безкорыстія. Клемансо находился въ близкихъ дѣловыхъ отношеніяхъ съ Корнеліемъ Герцомъ, который былъ крупнымъ акціонеромъ и банкиромъ его газеты „Justice"; поэтому хлопоты Клемансо передъ панамской компаніею объ удовлетвореніи притязаній Рейнака и Герца имѣли уже другой характеръ, чѣмъ платоническое вмѣшательство Флоке́. Клемансо и сенаторъ Ранкъ обращались къ Фрейсинэ и просили его употребить свое вліяніе на Лессепса, чтобы побудить его уладить возникшія затрудненія, опасныя будто бы для республики. Рейнакъ сначала являлся къ Лессепсу и говорилъ о десяти или двѣнадцати милліонахъ, причемъ ссылался на требованія и угрозы Герца; Лессепсъ категорически отказалъ, но черезъ нѣкоторое время получилъ приглашеніе явиться къ военному министру, Фрейсинэ. Министръ совѣтовалъ ему „сдѣлать что̀ возможно", для избѣжанія скандала, неудобнаго для правительства въ виду горячей борьбы съ буланжизмомъ, тѣмъ болѣе, что процессъ съ Рейнакомъ могъ бы подорвать кредитъ компаніи и причинить ущербъ многочисленнымъ ея акціонерамъ. Лессепсъ возразилъ, что дѣло идетъ объ огромной суммѣ, которую нѣтъ ни малѣйшаго основанія платить, и что требованія Рейнака вызваны шантажными домогательствами Герца, которыя должны быть отвергнуты безусловно. Фрейсинэ отклонилъ отъ себя обсужденіе этихъ „подробностей" дѣла и не пожелалъ даже выслушать фактическихъ

объясненій Лессепса, такъ какъ сущность спора его не касается и онъ желалъ говорить о предметѣ не въ качествѣ министра, а какъ частное лицо, благосклонно относящееся къ панамскому предпріятію. Разумѣется, впрочемъ, что частное лицо не имѣло бы ни права, ни возможности вызывать Лессепса въ какое-нибудь министерство для бесѣды о частныхъ дѣлахъ. Фрейсинэ, при всей своей дипломатической осторожности, ясно далъ понять Лессепсу, что благоразумно будетъ вступить въ соглашеніе съ Рейнакомъ и удержать его этимъ отъ неудобнаго процесса. На судѣ бывшій военный министръ опять-таки сослался на общіе интересы республики, требовавшіе будто бы вмѣшательства правительственной власти въ пререканія Рейнака съ панамскимъ обществомъ. Клемансо тоже подтвердилъ, что, обращаясь къ Фрейсинэ, какъ хорошо знакомому съ Лессепсами, онъ имѣлъ въ виду предупредить непріятный скандалъ, который принесъ бы большой вредъ республикѣ и обрадовалъ бы ея враговъ. Шарль Лессепсъ былъ у Клемансо, по его желанію, и разговоръ также клонился къ тому, что надо „уладить дѣло“, чтобы избѣгнуть процесса и т. д. Послѣ вызова въ военное министерство, Лессепсъ убѣдился, что за Рейнакомъ стоятъ вліятельные политическіе дѣятели, съ которыми по-неволѣ приходится считаться; онъ рѣшилъ поэтому выдать хоть часть требуемой суммы и остановился на цифрѣ 5 милліоновъ. За Рейнака прямо или косвенно дѣйствовали такіе люди, какъ знаменитый „разрушитель министерствъ“, Клемансо, военный министръ Фрейсинэ и, наконецъ, Флоке́; всѣ они, правда, оговаривались, что не настаиваютъ на исполненіи своихъ совѣтовъ и не хотятъ вообще вмѣшиваться въ денежныя дѣла компаніи, но эти неизбѣжныя оговорки были вполнѣ правильно оцѣнены Лессепсомъ. Дѣйствительный смыслъ этихъ послѣдовательныхъ обращеній къ Лессепсу былъ слишкомъ ясенъ, и выдача денегъ Рейнаку состоялась черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ Фрейсинэ.

Нельзя предположить, что министры и парламентскіе ихъ союзники были заинтересованы въ дѣлѣ по какимъ-либо частнымъ и личнымъ мотивамъ; напротивъ, можно считать несомнѣннымъ, что тутъ главную роль играло неправильное пониманіе обязанностей правительства по отношенію къ обществу и частнымъ лицамъ. Ни одинъ изъ допрошенныхъ представителей республиканской партіи не могъ объяснить въ точности, какую связь имѣютъ интересы республики съ рѣшеніемъ существовавшихъ споровъ между панамскимъ обществомъ и возможными его кредиторами. Такъ какъ правительство не принимало никакого участія въ операціяхъ панамской компаніи и въ то же время не могло считаться солидарнымъ съ Рейнакомъ и Герцомъ, то возникшія пререканія, какъ имѣющія чисто частный

характеръ, не должны были вовсе тревожить министровъ и совершенно не касались законныхъ функцій государственной власти при республикѣ. Какое дѣло было министрамъ и вождямъ партій до денежныхъ счетовъ между финансовыми дѣльцами? Если претензіи къ панамскому обществу были неосновательны, то судъ отклонилъ бы ихъ, и, слѣдовательно, процессъ не достигъ бы цѣли; если же требованія имѣли основаніе, то почему надо было помѣшать предъявленію ихъ надлежащимъ судебнымъ порядкомъ? Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ процессъ абсолютно не затрогивалъ авторитета республики и ея министровъ. Если тѣмъ не менѣе республиканскіе дѣятели безпокоились и находили нужнымъ вмѣшаться, то они подчинялись въ этомъ отношеніи традиціонному мелкому взгляду, по которому всякіе вообще шумные общественные „инциденты"—и въ томъ числѣ скандальные процессы—признаются вредными для правительства, такъ какъ они могутъ подать поводъ къ оппозиціоннымъ нападкамъ и обвиненіямъ. Изъ этого видно, что во Франціи упорно держится еще воззрѣніе, приписывающее государству способность „создавать дождь и хорошую погоду", и что вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность власти часто расширяется далеко за предѣлы возможнаго. Передовые республиканцы могли быть свободны отъ такихъ первобытныхъ воззрѣній, совершенно неумѣстныхъ при общемъ и свободномъ участіи народа въ государственныхъ дѣлахъ. Отвѣтственность возростаетъ по мѣрѣ увеличенія и обособленія правительственной власти: тамъ, гдѣ правительство беретъ на себя исключительное и неограниченное разрѣшеніе всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, безъ участія общества и народа,—тамъ отвѣтственность за все совершающееся въ странѣ естественно ложится на власть; тамъ можно еще сказать, что правительство „дѣлаетъ дождь и хорошую погоду". Но во Франціи министры и вожди партій не распоряжаются обществомъ и народомъ безконтрольно, не навязываютъ странѣ своихъ личныхъ рѣшеній, а напротивъ, сами поставлены въ прямую зависимость отъ представителей общественнаго мнѣнія въ парламентѣ и журналистикѣ. Между тѣмъ многіе французскіе республиканцы продолжаютъ и теперь говорить объ отвѣтственности и авторитетѣ правительства въ такомъ тонѣ, какъ будто министры держатъ въ своихъ рукахъ всю настоящую и будущую судьбу Франціи, — хотя въ дѣйствительности ихъ собственная судьба рѣшается нерѣдко простымъ журналистомъ или депутатомъ, благодаря неограниченной свободѣ публичнаго слова и контроля. Что касается республики, какъ формы правленія, то трудно даже понять, въ какомъ смыслѣ она можетъ быть отвѣтственна за неудачу промышленныхъ предпріятій, подобныхъ панамскому. Еще труднѣе представить себѣ, какъ денежные споры и процессы, не-

имѣющіе политической подкладки, могутъ оказывать вліяніе на популярность и прочность республиканскаго управленія. Министры и предводители партій не олицетворяютъ собою республики, а только временно представляютъ ее; поэтому они не могутъ претендовать на окончательное направленіе ея по одному опредѣленному руслу, не могутъ смотрѣть на нее какъ на постоянную принадлежность той или другой парламентской группы, хотя бы и преобладающей въ данное время. Флоке́, напр., провелъ многіе годы въ томъ ошибочномъ сознаніи, что хорошая, настоящая республика есть только та, представителемъ которой служитъ онъ, Флоке́. Клемансо, человѣкъ гораздо болѣе талантливый и остроумный, твердо вѣровалъ, какъ и Флоке́, что истинная республиканская идея воплощается въ немъ, Клемансо, и въ его единомышленникахъ, а прочія демократическія теченія и тенденціи суть только ненужныя извращенія или усложненія этой идеи. Какова собственно эта республиканская идея радикальной парламентской группы—это до сихъ поръ осталось неяснымъ, несмотря на многія блестящія рѣчи Клемансо и его сотрудниковъ. Французскіе республиканцы обыкновенно относятся къ республикѣ, какъ бонапартисты — къ имперіи, монархисты — къ своей династіи; они забываютъ, что республика по существу своему не можетъ быть достояніемъ одной партіи, а должна обнимать собою всѣ классы и элементы населенія. Основная сущность республиканскаго строя — принципъ свободнаго народнаго самоуправленія—почти совсѣмъ отвергается на практикѣ въ области мѣстной жизни и дѣятельности, а въ сферѣ общей политики и центральной администраціи господствуетъ лишь въ формѣ непосредственнаго воздѣйствія на личный составъ правительства. Самоуправленіе понимается во Франціи несравненно ўже, чѣмъ въ монархической Англіи; правительственные, административные порядки французской республики гораздо болѣе стѣснительны для общества, чѣмъ бюрократическая система въ монархической Пруссіи. Въ этой ненормальности внутренняго положенія заключается источникъ видимой слабости французскаго правительства въ настоящее время; этой ненормальности какъ будто не замѣчаютъ передовые государственные люди Франціи. Министры слѣдятъ за мелочами и утопаютъ въ нихъ; главная забота ихъ — отвѣчать на нападки и запросы противниковъ въ парламентѣ, а текущія задачи дѣйствительнаго управленія они по необходимости оставляютъ въ рукахъ многочисленной, крѣпко организованной арміи чиновничества. Устарѣлыя, рутинныя понятія и странные полицейскіе пріемы повторяются и примѣняются министрами, вышедшими изъ радикальнаго лагеря; Клемансо и Фрейсинэ добродушно изла-

гаютъ административныя теоріи, отъ которыхъ не отказались бы крайніе бонапартисты и реакціонеры.

Публичное обнаруженіе этихъ особенностей министерской бюрократической дѣятельности составляетъ главный практическій результатъ послѣдняго панамскаго процесса. Эпизодъ съ г-жею Коттю, возбудившій столько шума въ парижской печати и едва не приведшій къ министерскому кризису, былъ лишь нагляднымъ подтвержденіемъ господства старыхъ традицій въ области французской полицейской администраціи. Начальникъ сыскной полиціи, Суанури, предлагалъ г-жѣ Коттю разныя льготы или даже смягченіе наказанія для ея мужа, если она доставитъ какіе-нибудь свѣденія или документы о раздачѣ панамскихъ денегъ между депутатами-монархистами. Г-жа Коттю чистосердечно разсказала объ этомъ на судѣ, и поступокъ Суанури вызвалъ бурю негодованія не только въ судебной палатѣ, но и въ парламентѣ и въ оппозиціонной журналистикѣ. Несомнѣнно, что еслибъ попытка полицейскаго дипломата увѣнчалась успѣхомъ и послужила къ раскрытію виновности нѣкоторыхъ депутатовъ правой, республиканцы восторгались бы его ловкостью и министры вполнѣ одобрили бы его, хотя и не публично; теперь же на него всѣ напали, а потомъ стали оправдывать указаніемъ на явную искусственность и неправдоподобность показанія г-жи Коттю. Но въ сущности Суанури въ своей сферѣ сдѣлалъ то же самое, что́ сдѣлали Флоке́, Клемансо и Фрейсинэ относительно панамской компаніи: онъ поговорилъ съ г-жею Коттю, чтобы повліять на нее въ интересахъ республиканской партіи, подобно тому, какъ названные политическіе дѣятели приглашали къ себѣ Лессепса, чтобы побудить его поступиться нѣкоторыми интересами компаніи ради воображаемыхъ интересовъ республики. Суанури, конечно, гораздо меньше виновенъ, чѣмъ его начальники и руководители: онъ не имѣлъ такой власти, какъ министры и разрушители министерствъ, и г-жа Коттю не могла потерпѣть особеннаго ущерба отъ предложеній и намековъ искусителя, тогда какъ незаконное вмѣшательство Фрейсинэ, Клемансо и Флоке́ обошлось панамскому обществу въ пять милліоновъ и косвенно привело администраторовъ компаніи на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ и растратѣ. Многіе факты не были разъяснены послѣднимъ процессомъ или оставлены почему-то въ какой-то полутьмѣ; поэтому общественное мнѣніе не могло быть удовлетворено всѣмъ ходомъ дѣла, хотя судебному разбирательству было посвящено цѣлыхъ двѣнадцать засѣданій. Между прочимъ, особенно бросаются въ глаза слѣдующія два обстоятельства, не затронутыя судомъ. Во-первыхъ, вліятельные республиканцы, узнавъ о претензіяхъ и угрозахъ Рейнака, не пытались успокоить послѣд-

няго, не обращались къ нему съ совѣтами и внушеніями,—какъ слѣдовало бы по здравому смыслу,—а прямо обратились въ другую сторону, стали звать къ себѣ Лессепса и пробовали заранѣе склонить его къ уступчивости, прежде чѣмъ ознакомились даже съ характеромъ, размѣрами и степенью основательности предъявленныхъ требованій. Почему же они не успокаивали Рейнака и не удерживали его отъ возбужденія процесса, ради интересовъ республики, а занялись исключительно подачей совѣтовъ и предостереженій Лессепсу и панамской компаніи? Во-вторыхъ, всѣ знали, что Рейнакъ дѣйствуетъ подъ давленіемъ Корнелія Герца, который имѣлъ съ нимъ какіе-то фантастическіе денежные счеты, и если въ самомъ дѣлѣ предполагаемый процессъ былъ неудобенъ для правительства и республики въ виду борьбы съ буланжизмомъ, то не было ничего легче, какъ уговорить обоихъ финансистовъ отсрочить шумныя пререканія и угрозы до болѣе спокойнаго времени, когда пройдетъ острый періодъ кризиса. Исполнить это было легко уже потому, что Фрейсинэ и Клемансо стояли въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Герцомъ и Рейнакомъ, чѣмъ съ Лессепсомъ и съ панамской компаніей, и что, сверхъ того, для отсрочки процесса не требовалось никакихъ матеріальныхъ жертвъ, между тѣмъ какъ для Лессепса дѣло шло о немедленной отдачѣ милліоновъ, даже безъ обсужденія вопроса о степени основательности претензій. Но главнѣйшая странность въ томъ, что Рейнакъ повсюду и открыто обвинялъ Герца въ шантажѣ и въ преступныхъ вымогательствахъ, а Фрейсинэ и Клемансо, хорошо знакомые съ Герцомъ, не только не отшатнулись отъ него и не старались повліять на него въ духѣ уступчивости, а напротивъ, принялись хлопотать объ удовлетвореніи всѣхъ его требованій, угнетавшихъ почему-то Рейнака. Почему къ Корнелію Герцу не была примѣнена система конфиденціальнаго политическаго воздѣйствія, которая столь безцеремонно примѣнялась къ знаменитому Лессепсу,—остается загадкою. Мелкій оппортунизмъ въ политикѣ приводитъ къ крайне непріятнымъ и двусмысленнымъ положеніямъ, которыя могутъ несравненно больше повредить республикѣ, чѣмъ самые шумные судебные процессы и скандалы.

Если кто-нибудь виноватъ въ политической путаницѣ, господствующей въ современной Франціи, то прежде всего виноваты, конечно, отцы республиканскаго оппортунизма, Гамбетта и Жюль Ферри. Неожиданная смерть Ферри (6-го марта нов. ст.), избраннаго за десять дней до того президентомъ сената, получила значеніе „національнаго несчастья" въ глазахъ громаднаго большинства умѣренныхъ республиканцевъ въ парламентѣ и въ странѣ. На Жюля Ферри возлагали еще какія-то надежды, хотя за послѣдніе годы, подъ бреме-

немъ многолѣтней газетной травли и сильной непопулярности въ народѣ, онъ не подавалъ повода къ особеннымъ ожиданіямъ и обнаруживалъ скорѣе признаки умственнаго утомленія и упадка. Горькій опытъ жизни не измѣнилъ его принциповъ и его политической программы; онъ, повидимому, не извлекъ серьезнаго поученія изъ прошлыхъ испытаній, а остался тѣмъ же старымъ оппортунистомъ, для котораго политическое искусство сводится къ осторожному лавированію между подводными камнями текущей политики. Такимъ характеромъ отличалась и послѣдняя рѣчь его, при вступленіи въ должность президента сената. Хорошія, звонкія фразы объ единеніи и сосредоточеніи республиканцевъ, о важныхъ задачахъ соціальныхъ и политическихъ, произносятся и печатаются постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ наиболѣе видными дѣятелями оппортунизма, и никто къ этимъ фразамъ не относится серьезно. Жюль Ферри еще болѣе, чѣмъ Гамбетта, способствовалъ упроченію и усиленію во Франціи того внутренняго разлада, который лежитъ въ основѣ нынѣшней спеціально-партійной республики. Сдѣлать послѣднюю истинно національною, одинаково открытою для всѣхъ политическихъ партій и направленій,—задача ближайшаго будущаго. Пока оппортунисты разныхъ оттѣнковъ владычествуютъ во Франціи, эта задача будетъ давать благодарный матеріалъ для оппозиціонныхъ движеній, въ родѣ буланжистскаго; но рано или поздно общество придетъ къ сознанію, что тѣ идеи борьбы за республику, которыя заставляли Гамбетту и Ферри смотрѣть на консерваторовъ и клерикаловъ какъ на враговъ, потеряли уже свой raison d'être послѣ окончательнаго утвержденія принципа народовластія въ странѣ. Въ настоящее время не видно еще признаковъ такого сознанія въ массѣ такъ называемыхъ радикаловъ и либераловъ республиканской партіи; радикалы и прогрессисты мало отличаются въ этомъ отношеніи отъ оппортунистовъ, съ которыми они вообще имѣютъ теперь очень много общаго.

Въ Болгаріи продолжались въ послѣднее время различныя попытки утвердить положеніе принца Кобургскаго и достигнуть по крайней мѣрѣ косвеннаго признанія его западно-европейскими державами; съ этою цѣлью, между прочимъ, правительство въ Софіи предложило измѣнить одну изъ статей конституціи относительно вѣроисповѣданія наслѣдниковъ перваго избраннаго князя, такъ какъ обязательность православной вѣры для потомства мѣшала до сихъ поръ принцу Фердинанду породниться путемъ брака съ какою-нибудь иностранною владѣтельною фамиліею. По этому поводу въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 21-го февраля напечатано было оффиціальное сообщеніе,

которое затѣмъ разослано было правительствамъ великихъ державъ вмѣстѣ съ объяснительною циркулярною нотою, текстъ которой появился только въ лондонскомъ „Times“. Приводимъ здѣсь это правительственное сообщеніе цѣликомъ:

„Императорское правительство неоднократно имѣло случай заявлять о взглядахъ своихъ на совершавшіеся въ болгарскомъ княжествѣ перевороты, и на тѣ начала, коими руководствуются въ своей политической дѣятельности софійскіе правители со времени захвата принцемъ Кобургскимъ княжеской власти. Нынѣ, по возвращеніи принца Фердинанда изъ заграничной поѣздки, вышеупомянутые правители предполагаютъ приступить къ созванію великаго народнаго собранія для измѣненія 38-й статьи тырновскаго устава, обезпечивающей принадлежность къ православной вѣрѣ князя болгарскаго и его потомства, за исключеніемъ лишь перваго избраннаго князя. Такимъ образомъ подготовляется посягательство на одну изъ основъ, присущихъ болгарской національной жизни—посягательство противъ народной вѣры, коей болгаре столькимъ обязаны въ своемъ прошедшемъ. Императорское правительство, твердо слѣдуя правилу не вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія княжества, не входитъ въ разсмотрѣніе явно пристрастныхъ мотивовъ, побудившихъ принца Кобургскаго и лицъ, стоящихъ у власти въ Софіи, къ принятому ими прискорбному для самой Болгаріи рѣшенію. Оно не можетъ, однако, въ виду нравственныхъ узъ, связующихъ Россію съ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ съ нею болгарскимъ народомъ, оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ попытки, направленной къ тому, чтобы поколебать господствующее въ княжествѣ вѣроисповѣданіе. Среди населенія самой Болгаріи попытка эта вызываетъ энергическіе протесты. Экзархъ болгарскій обратился съ представленіями въ Софію, стараясь внушить софійскому правительству отказаться отъ проектированнаго имъ нововведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, блаженнѣйшій Іосифъ предложилъ созвать по сему поводу святѣйшій синодъ. Но сподвижники принца Кобургскаго, само собою разумѣется, не согласились отдать тѣмъ самымъ на обсужденіе церкви столь важный вопросъ и отклонили это предложеніе. Несмотря, однако, на стѣснительныя мѣры, принятыя по отношенію ко всякимъ проявленіямъ несочувствія противонаціональнымъ стремленіямъ нынѣшнихъ болгарскихъ властей, протестъ экзарха нашелъ сочувственный отзывъ во всѣхъ слояхъ народа. Почти всѣ митрополиты Болгаріи одобрили поведеніе главы болгарской церкви и пожелали блаженнѣйшему Іосифу успѣха въ справедливой борьбѣ за народную вѣру. Помимо духовенства, нѣкоторые политическіе дѣятели, а равно и органы болгарской печати и многіе граждане выска-

зались противъ задуманнаго проекта, совѣтуя не упорствовать въ опасномъ замыслѣ.

„Въ виду вышеизложеннаго, Императорское правительство выражаетъ искреннее желаніе, чтобы возвысившіеся голоса болгарскаго духовенства и благомыслящихъ гражданъ послужили предостереженіемъ для всѣхъ болгаръ, безъ различія партій, и устранили опасность, которая грозитъ всякому народу, готовому вступить на путь отреченія отъ вѣковыхъ и самыхъ священныхъ своихъ преданій. Императорское правительство убѣждено, что задуманный нынѣ поворотъ въ духовной и политической жизни княжества не можетъ сопровождаться благопріятными результатами и ведетъ лишь къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ, путемъ внутренняго разлада и глубокихъ нравственныхъ недоразумѣній".

Послѣ такого категорическаго и не допускающаго никакихъ толкованій заявленія нашего правительства, не можетъ оставаться мѣста никакому опасенію относительно возможности какихъ-нибудь международныхъ осложненій, по поводу измѣненія одной изъ статей конституціи Болгаріи: по убѣжденію нашего правительства, такое измѣненіе можетъ породить одни внутреннія бѣдствія только для самой Болгаріи, посѣявъ въ ней внутренній разладъ и разномысліе: concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1893.

— *А. П. Энгельгардтъ.* Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ казанской и другихъ средне-волжскихъ губерніяхъ. Казань, 1893. Стр. 126.

Картина народнаго земледѣлія, какую рисуютъ намъ цифры и разсчеты г. Энгельгардта, имѣетъ значеніе не для одной казанской губерніи: тѣ же печальныя черты повторяются повсюду съ убійственнымъ однообразіемъ. По вычисленію автора, всѣ земледѣльческіе доходы крестьянства въ губерніи даютъ среднимъ числомъ не болѣе 10 р. въ годъ на душу; на эти деньги нужно прокормиться и одѣться, а между тѣмъ для продовольствія необходимо одного хлѣба больше чѣмъ на 10 р. въ годъ на человѣка (считая 21 пудъ разнаго хлѣба въ годъ, по средней цѣнѣ 50 коп. за пудъ). Недоимки и долги ростутъ съ каждымъ годомъ, подавляя собою запутанное и обѣднѣвшее крестьянское хозяйство. Къ началу 1891 года за крестьянами казанской губерніи состояло казенныхъ и земскихъ недоимокъ около $8^1/_2$ милл. рублей; къ 1-му января 1892 г. недоимки возросли уже до $12^1/_2$ милліоновъ. По продовольственнымъ ссудамъ къ 1-му января 1891 г. числилось за крестьянами около $2^1/_2$ милл. р.; затѣмъ, вслѣдствіе неурожая, пришлось выдать еще 13 милліоновъ, и на эту громадную сумму возросъ крестьянскій долгъ. Если еще прибавить недоимки по повинностямъ за 1892 годъ приблизительно въ 3 милл., то въ настоящее время за крестьянствомъ казанской губерніи числится недоимокъ казенныхъ и земскихъ на 15 милліоновъ р. и по продовольственнымъ ссудамъ столько же, а всего 30 милл. р., кромѣ частныхъ долговъ и взысканій; такимъ образомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ недоимки возросли съ 11 до 30 милл. р. Такъ какъ ежегодный окладъ всѣхъ повинностей составляетъ около 6 милл. рублей, то сумма недоимокъ равняется уже пяти годовымъ окладамъ. Съ 1875 до 1882 года, въ продолженіе семи лѣтъ, недоимки по налогамъ

увеличились въ шесть разъ, а до 1891 года, за шестнадцать лѣтъ, возросли въ 19 разъ (стр. 50). Чистаго дохода въ крестьянствѣ нѣтъ, а на вычисленную теоретически валовую доходность съ сельско-хозяйственныхъ крестьянскихъ имуществъ налоги падаютъ въ размѣрѣ 53%.

Г. Энгельгардтъ предлагаетъ установить нѣкоторыя общія мѣры для облегченія этихъ непосильныхъ податныхъ тягостей, разоряющихъ народное земледѣліе. „Одновременное взысканіе налоговъ, тотчасъ по снятіи урожаевъ, ведетъ къ спѣшной, несвоевременной распродажѣ хлѣба и другихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства, а одновременное большое предложеніе хлѣба на рынкѣ имѣетъ послѣдствіемъ несоотвѣтственное пониженіе цѣнъ“. Поэтому взиманіе повинностей не деньгами, а натурою—хлѣбомъ, въ мѣстностяхъ исключительно земледѣльческихъ, можетъ значительно облегчить положеніе крестьянъ. Насколько такой способъ оказывается удобнымъ для плательщиковъ и для казны, можно судить по опыту прошлаго года. Какъ извѣстно, крестьянамъ предоставлено было возвращать продовольственную ссуду за 1891 годъ не деньгами, а хлѣбомъ—пудъ за пудъ. Особыя коммиссіи по губерніямъ опредѣлили, какое количество хлѣба крестьяне могли бы ссыпать въ 1892 году въ возвратъ выданныхъ имъ ссудъ; земскія управы должны были организовать пріемъ хлѣба, устроивъ по возможности въ каждой волости склады для пріема. Результатъ превзошелъ ожиданія. Несмотря на то, что ссыпка хлѣба могла начаться лишь по мѣрѣ перемолачиванія хлѣба и по наступленіи зимняго пути, т.-е. около 1-го ноября,—въ теченіе одного только мѣсяца, безъ особыхъ принужденій, къ 1-му декабря 1892 г. было уже ссыпано въ земскіе склады казанской губерніи въ счетъ 550.000 пудовъ, предположенныхъ къ поступленію, слишкомъ 400 т. пудовъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ урожай былъ удовлетворительный, ссыпано крестьянами даже большее количество, чѣмъ было предназначено ко взысканію съ нихъ продовольственными коммиссіями (стр. 76—7). Факты такого рода въ высшей степени поучительны; они наглядно показываютъ, что можно весьма существенно помочь крестьянству безъ ущерба для казенныхъ интересовъ, однимъ лишь приспособленіемъ податныхъ и административныхъ порядковъ къ хозяйственнымъ условіямъ народной массы.

При нынѣшней экономической системѣ должны неизбѣжно усиливаться съ каждымъ годомъ симптомы упадка и разложенія земледѣльческаго хозяйства страны. Все болѣе увеличивается число безземельныхъ и малоземельныхъ хозяйствъ, безъ скота, безъ инвентаря. Возростающая потребность въ хлѣбѣ заставляла расширять пашни на счетъ выгона, луговъ и лѣса; съ истребленіемъ лѣсовъ исчезаетъ плодородіе почвы; умень-

шеніе луговъ и выгоновъ задерживаетъ развитіе скотоводства, урожаи постепенно понижаются, и народная бѣдность становится хроническою, при умственной безпомощности крестьянскаго населенія. Средній чистый сборъ хлѣбовъ въ казанской губерніи при хорошемъ урожаѣ не превышаетъ дѣйствительной потребности населенія въ хлѣбѣ; крестьянство „можетъ удовлетвориться собственнымъ хлѣбомъ безъ ввознаго, но и только, — излишковъ не остается", такъ что хлѣбъ вовсе не долженъ былъ бы идти на продажу. Между тѣмъ, подъ давленіемъ нужды въ деньгахъ для разныхъ обязательныхъ платежей, крестьяне продаютъ очень много хлѣба осенью, съ тѣмъ, конечно, чтобы снова перекупить его весною по возвышенной цѣнѣ. Даже въ годы хорошихъ урожаевъ населеніе не только не можетъ сберегать какіе-нибудь запасы, но „должно проживать весь свой доходъ, а при неурожаѣ и другихъ невзгодахъ входить въ долги и растрачивать часть основного и оборотнаго капиталовъ и такимъ образомъ постепенно ихъ сокращать" (стр. 45 и др.). Объ улучшеніи сельско-хозяйственной техники не можетъ быть и рѣчи при подобныхъ условіяхъ. Авторъ полагаетъ, что эти условія нисколько не лучше, а можетъ быть, и хуже въ другихъ поволжскихъ губерніяхъ, ибо въ предѣлахъ казанской губ. существуютъ еще значительныя пространства казенныхъ лѣсовъ и иныхъ оброчныхъ статей, служащихъ въ извѣстной мѣрѣ на пользу крестьянскому населенію; притомъ обширные казенные лѣса вліяютъ несомнѣнно на самый климатъ, умѣряютъ до нѣкоторой степени дѣйствіе засухъ въ губерніи (стр. 7). Общее положеніе крестьянства обѣщаетъ мало хорошаго въ будущемъ, а надежды на широкую практическую программу необходимыхъ и цѣлесообразныхъ реформъ остаются пока еще въ туманѣ.

— *Прогрессивныя теченія* въ крестьянскомъ хозяйствѣ. *В. В.* Спб., 1892. Стр. 261. Ц. 1 р. 35 к.

Тѣ немногія улучшенія, которыя вносятся въ крестьянское хозяйство, достаются народу съ большимъ трудомъ, какъ бы случайно, по иниціативѣ отдѣльныхъ крестьянъ, безъ правильной помощи и руководства спеціалистовъ. Много любопытныхъ свѣденій о такихъ крестьянскихъ усиліяхъ собрано въ интересной книгѣ г. В. В.

Крестьянамъ приходится часто открывать Америку, „изобрѣтать то, что извѣстно всякому полуобразованному агроному"; учителями массы являются „отхожіе промышленники, нищіе, возвращающіеся со службы солдаты и другіе сельскіе люди, не сидящіе дома, а ходящіе на промыслы въ чужія мѣста. Приходитъ солдатъ съ войны,

приноситъ на родину въ карманѣ горсть чечевицы, съ которой онъ познакомился на югѣ, хвалитъ ее сосѣдямъ, — и вотъ начинаются пробы новаго растенія; нищая, посѣщающая по своей профессіи чужую губернію, поражается ея травами, достаетъ ихъ сѣмена, приноситъ домой, — и здѣсь распространяется травосѣяніе" (стр. 14—5). Крестьяне одного изъ уѣздовъ самарской губерніи какими-то путями достаютъ съ Кавказа сѣмена неизвѣстнаго имъ растенія, разводятъ его въ грядахъ и пьютъ этотъ кавказскій чай вмѣсто китайскаго. Одинъ зажиточный крестьянинъ волоколамскаго уѣзда первый распространилъ употребленіе плуговъ въ своей мѣстности; онъ случайно наткнулся въ волостномъ правленіи на объявленіе рижскаго фабриканта земледѣльческихъ орудій, и такъ какъ ему необходимъ былъ плугъ для вспашки арендуемой подъ ленъ земли, то онъ и выписалъ три экземпляра. „Плуги чрезвычайно понравились окрестнымъ крестьянамъ, и ежедневно осаждаемый просьбами одолжить или продать свой плугъ, кр. Нефедовъ ко времени осенней вспашки рѣшился выписать еще 12 плуговъ, къ слѣдующей веснѣ—38 и черезъ годъ еще 50. Выписанныя орудія были раскуплены крестьянами сосѣднихъ волостей (стр. 51). Плуги отдаются въ починку или передѣлку мѣстнымъ кузнецамъ, которые мало-по-малу начинаютъ сами заниматься приготовленіемъ плуговъ, приспособленныхъ къ требованіямъ крестьянскаго хозяйства; такъ развивается кустарное производство сельско-хозяйственныхъ машинъ, причемъ въ каждомъ районѣ могутъ выработываться особые типы и образцы этихъ орудій, наиболѣе соотвѣтствующіе мѣстнымъ условіямъ. На конкурсѣ, устроенномъ московскимъ земствомъ въ 1890 году, признаны образцовыми 8 плуговъ, изъ которыхъ 6 оказались издѣліями кустарнаго производства. „Всѣмъ извѣстна рязанская или сапожковская молотилка, получившая послѣднія пятнадцать лѣтъ столь широкое распространеніе, что только одинъ рязанскій округъ ея производства ежегодно пускаетъ въ продажу тысячи экземпляровъ этого орудія. И эта молотилка изобрѣтена, строится и распространяется крестьянами. Первымъ ея конструкторомъ былъ крестьянинъ Хохловъ, служившій машинистомъ у Кошелева. Образцомъ для его молотилки послужилъ заброшенный и испорченный барретовскій конный приводъ, построенный заводомъ Бутенопа. Несмотря на то, что въ образцѣ недоставало одного зубчатаго сцѣпленія, Хохловъ понялъ устройство машины, сталъ ее сооружать самъ и создалъ не копію съ образца, а новое орудіе, которое по легкости и удобству пользованія считается спеціалистами превосходящимъ даже первоначальный барретовскій приводъ". За этимъ изобрѣтеніемъ „послѣдовало кустарное производство молотилокъ, распространившееся на рязанскую, тульскую, владимірскую

губерніи, а затѣмъ на многія другія, вплоть до вятской, пермской и даже уфимской". Успѣхъ этотъ объясняется какъ практичностью машины, такъ и дешевизною крестьянской работы. „Крестьянскія молотилки пріобрѣли такую славу даже въ крупныхъ хозяйствахъ, напр., поволжскихъ губерній, какою врядъ ли пользуются молотилки другихъ конструкторовъ. Виновникъ же этого широко распространяющагося движенія—крестьянинъ Хохловъ, едва-ли извѣстенъ многимъ, хотя бы по имени. Съ большою вѣроятностью даже можно допустить, — говоритъ проф. Эшлиманъ,—что самъ онъ и не знаетъ, что онъ изобрѣтатель весьма мудренаго переносного привода, и не только не воспользовался до сихъ поръ какими-либо выгодами и привилегіями изобрѣтенія, но „несказанно былъ бы радъ, еслибы кто-нибудь далъ ему за него хоть на чай" (стр. 60). Новыя отрасли производства создаются по почину самихъ крестьянъ и часто прививаются очень успѣшно: такъ, въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ, одинъ крестьянинъ попробовалъ истолочь сѣмечки подсолнечника и выжать изъ нихъ масло: продуктъ пришелся по вкусу, и сельчане принялись за новое производство. Черезъ нѣсколько лѣтъ производство подсолнечнаго масла было перенесено въ окрестности Саратова и оттуда распространилось по сосѣднимъ губерніямъ; огороды оказались тѣсными для культуры подсолнечника, и воздѣлываніе его перенесено въ поле, гдѣ онъ играетъ важную роль по своему вліянію на раздѣлку почвы (стр. 58). Общинное землевладѣніе не только не мѣшаетъ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, но придаетъ имъ бо́льшую силу и распространенность, дѣлая ихъ сразу обязательными для цѣлыхъ крестьянскихъ группъ. „Когда покойный Кавелинъ предложилъ бывшимъ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ перейти къ шестиполью съ посѣвомъ клевера, объяснивъ выгоды новыхъ порядковъ, убѣжденные имъ отдѣльные члены общины, стѣсненные въ своей хозяйственной дѣятельности обязательностью сѣвооборота, энергично повели пропаганду новой идеи. Рѣдкое собраніе крестьянъ проходило послѣ того безъ совѣщанія объ этомъ предметѣ"; крестьяне не хотѣли приступить къ столь рѣшительному преобразованію, не добившись единогласнаго рѣшенія всѣхъ сообщинниковъ. Если община перейдетъ къ новому сѣвообороту, то перейдетъ въ полномъ составѣ, безъ единаго исключенія (стр. 174). Въ одномъ изъ селеній псковского уѣзда два крестьянина, убѣдившись въ выгодахъ травосѣянія, предлагали односельцамъ заняться этимъ дѣломъ, но, не достигнувъ цѣли, занялись имъ сами, для чего общество отвело имъ въ сторонѣ три десятины земли. Послѣ хорошаго урожая травы, крестьяне начали изыскивать средства перейти къ травосѣянію цѣлымъ обществомъ (стр. 175 и др.).

Помѣщичье хозяйство не всегда даетъ крестьянамъ хорошіе примѣры, достойные подражанія, и притомъ тѣ усовершенствованія, которыя годятся для крупныхъ имѣній, большею частью непримѣнимы къ крестьянскому земледѣлію. Въ сосѣдствѣ крупныхъ владѣльцевъ заключается часто соблазнъ для крестьянина „свезти удобреніе не на свое, а на чужое поле, продать все свое время сверхъ необходимаго и лишиться такимъ образомъ возможности произвести лишнюю вспашку своей полосы; при всемъ этомъ онъ такъ и не скопитъ денегъ, чтобы пріобрѣсть орудіе, въ пользѣ котораго болѣе или менѣе убѣдился“ (стр. 31). Въ дѣйствительности крупныя владѣльческія хозяйства не играютъ замѣтной роли въ улучшеніи земледѣльческой культуры у крестьянъ, а скорѣе наоборотъ, задерживаютъ ея развитіе. Въ центральной черноземной Россіи, въ области искони помѣщичьей, крестьянское хозяйство отличается наиболѣе рутиннымъ характеромъ; къ сѣверу, рядомъ съ сокращеніемъ помѣщичьей запашки, замѣчается все большее распространеніе улучшенныхъ орудій и культурныхъ пріемовъ земледѣлія въ крестьянской средѣ; еще далѣе къ сѣверу крупное владѣльческое хозяйство почти вовсе исчезаетъ, а мелкое обнаруживаетъ еще большее стремленіе къ прогрессу (стр. 54 и др.). Между прочимъ, извѣстно, что крестьянскій молочный скотъ обладаетъ многими преимуществами предъ владѣльческимъ и даже предъ заграничными усовершенствованными породами, отчасти благодаря внимательному и крайне заботливому уходу, какого невозможно требовать отъ наемной прислуги; — мелкій хозяинъ повсюду имѣетъ въ этомъ дѣлѣ перевѣсъ надъ крупнымъ (стр. 80—1). Во многихъ общинахъ процвѣтаетъ огородничество; въ ростовскомъ уѣздѣ ярославской губерніи „нѣтъ почти селенія, гдѣ бы на при-усадебной землѣ не воздѣлывались цикорій, сахарный горошекъ и разныя овощи“, и это интензивное земледѣліе вполнѣ уживается съ мірскими порядками землевладѣнія. Крестьянство по мѣрѣ возможности выбивается на дорогу къ лучшему, но встрѣчаетъ на пути множество преградъ, иногда неодолимыхъ, и въ числѣ этихъ преградъ первое мѣсто занимаетъ повальное невѣжество массы, отсутствіе или ничтожество образовательныхъ средствъ. Свѣтъ знанія доходитъ до крестьянъ только „черезъ узкія щели“, въ видѣ случайныхъ и часто искаженныхъ обрывковъ, и тѣмъ не менѣе, несмотря на гнетъ матеріальныхъ условій, существуютъ въ народномъ земледѣліи „прогрессивныя теченія“, о которыхъ г. В. В. могъ даже написать цѣлую книгу, очень дѣльную и интересную.

Быть можетъ, авторъ слишкомъ склоненъ къ теоретическому, отвлеченному оптимизму; но съ отдѣльными выводами и замѣчаніями его трудно не согласиться, такъ какъ они опираются на массу тща-

тельно сгруппированныхъ фактическихъ данныхъ. „Не въ упраздненіи общиннаго землевладѣнія, — справедливо говоритъ г. В. В. въ концѣ своей книги,—а въ ослабленіи препятствій духовнаго и матеріальнаго характера, стоящихъ на пути устраненія уже на половину сознанныхъ крестьяниномъ недостатковъ своего быта, заключается настоящая задача здравой соціальной политики".

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. *Алексѣя Фортунатова*. Москва, 1893. Стр. IV и 254. Ц. 1 р. 25 к.

Изслѣдованіе г. Фортунатова касается спеціальныхъ вопросовъ сельско-хозяйственной статистики, но содержитъ въ себѣ также не мало свѣденій, представляющихъ значительный общій интересъ. Цифры приводятъ автора къ тому выводу, что „отмѣна крѣпостного права имѣла послѣдствіемъ повышеніе среднихъ урожаевъ ржи въ русскомъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ" (стр. 88). Урожаи повышаются вмѣстѣ съ увеличеніемъ плотности населенія, такъ какъ „въ большихъ массахъ увеличенная плотность населенія есть признакъ нѣкотораго увеличенія культурности населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшенія земледѣльческой техники" (стр. 148). Чѣмъ дороже оплачивается наемный трудъ, тѣмъ выше владѣльческіе урожаи сравнительно съ крестьянскими. Вліяніе грамотности населенія не поддается точной статистической оцѣнкѣ: съ одной стороны, максимальный общій урожай получается въ губерніяхъ съ наибольшимъ процентомъ грамотныхъ между рекрутами, а съ другой—наименьшіе урожаи оказываются въ мѣстностяхъ, гдѣ процентъ грамотныхъ выше средняго (стр. 151—2). Объясняется эта странность вѣроятно тѣмъ, что грамотные больше отвлекаются отъ земледѣлія, уходятъ въ города и на разные промыслы, въ ущербъ сельскому хозяйству. Крестьянскіе урожаи правильно повышаются по мѣрѣ уменьшенія надѣла на ревизскую душу; такъ же точно и для владѣльческихъ имѣній наименьшая величина урожая получается при максимальномъ крестьянскомъ надѣлѣ, а въ уѣздахъ съ наименьшими размѣрами надѣла владѣльческое хозяйство даетъ наилучшіе урожаи (стр. 155). Повидимому, меньшій размѣръ надѣла вызываетъ болѣе старательную обработку крестьянской земли и въ то же время обезпечиваетъ частнымъ владѣльцамъ достаточное количество рабочихъ рукъ. Болѣе высокіе урожаи являются вообще и болѣе устойчивыми; поэтому, повышая производительность своей земли, русскіе хозяева не должны опасаться уменьшенія устойчивости урожаевъ (стр. 203).

Авторъ придерживается исключительно статистическаго метода,

но онъ не преувеличиваетъ его значенія и вполнѣ признаетъ важную роль дедукціи и опыта въ народно-хозяйственныхъ вопросахъ. Можно думать, что г. Фортунатовъ видитъ интересы абстрактной науки тамъ, гдѣ есть матеріалъ только для практическихъ задачъ, болѣе или менѣе важныхъ и насущныхъ: съ изученіемъ перемѣнчивыхъ данныхъ объ урожаяхъ ржи въ разное время онъ ошибочно связываетъ стремленіе „приблизиться къ вѣчной, хотя и вѣчно недостижимой для человѣка цѣли научныхъ изслѣдованій,—къ истинѣ" (стр. 214). Авторъ въ своей работѣ не касается печальнаго 1891 года; но,— говоритъ онъ,—„когда настанетъ время научной разработки свѣдѣній о неурожаяхъ 1891 и 1892 годовъ, наша работа можетъ пригодиться хотя бы для установки хронологическаго значенія послѣднихъ неурожаевъ" (стр. IV). Для вѣчной истины и науки вовсе не нужны эти груды статистическихъ цифръ, имѣющихъ лишь временное, преходящее значеніе; эти матеріалы и дѣлаемые изъ нихъ выводы полезны только для экономической, сельско-хозяйственной политики, а никакъ не для отвлеченныхъ, теоретическихъ обобщеній. Какъ замѣчаетъ г. Фортунатовъ въ предисловіи, выясненіе дѣйствительной величины среднихъ урожаевъ даетъ матеріалъ для „общей оцѣнки современнаго уровня земледѣльческой техники какъ въ цѣлой странѣ, такъ и въ различныхъ областяхъ", для опредѣленія продовольственныхъ средствъ и для производства земельныхъ оцѣнокъ. Абстрактная наука и вѣчная истина тутъ не при чемъ. Было бы очень жаль, еслибы сложнымъ и дѣльнымъ трудамъ по хозяйственной статистикѣ ставились фантастическія, отдаленныя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ чисто-практическимъ содержаніемъ и значеніемъ изучаемыхъ явленій.

— *Крестьянское мірское хозяйство.* Составилъ *М. А. Скибинскій.* Стр. 187. Ц. 1 р. 70 к.

Какъ практическій дѣятель, поставленный въ близкія служебныя отношенія съ крестьянствомъ по должности мирового посредника (въ подольской губерніи), г. Скибинскій имѣлъ возможность наблюдать многія слабыя стороны и особенности сельскаго самоуправленія. Чтобы устранить эти недостатки, онъ составилъ подробную „нормальную инструкцію" о порядкѣ завѣдыванія мірскимъ хозяйствомъ и мірскими капиталами, правила о денежныхъ сборахъ и взысканіяхъ и о продовольственныхъ запасахъ, при чемъ приняты въ разсчетъ необходимыя условія контроля и отчетности при общей неграмотности населенія. Помогутъ ли, однако, подробнѣйшія инструкціи, когда,

напр., даже такое важное дѣло, какъ сборъ казенныхъ платежей, оставляется безъ всякой разумной организаціи, находясь всецѣло въ рукахъ безграмотныхъ лицъ, контролируемыхъ столь же безграмотными плательщиками?

Г. Скибинскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ производится сборъ обязательныхъ платежей съ крестьянъ. „Въ большинствѣ случаевъ плательщики собираются въ указанномъ мѣстѣ толпою, наполняютъ избу невообразимымъ шумомъ, бранью, ссорами и нерѣдко драками, берущими начало въ спорахъ изъ-за неправильно требуемыхъ съ нихъ сборовъ, и при такой обстановкѣ заваливаютъ неграмотнаго сборщика деньгами. Въ нѣкоторыхъ селахъ сборщики *иногда* удостовѣряютъ въ книжкахъ плательщиковъ пріемъ выкупныхъ платежей; при взысканіи же поземельныхъ, страховыхъ и мірскихъ сборовъ, они *ничѣмъ и никогда не удостовѣряютъ* ни времени, ни количества принятыхъ отъ плательщиковъ денегъ... Въ нѣкоторыхъ селахъ, вслѣдствіе неграмотности сборщиковъ и старостъ, крестьяне установили обычай платить кому-нибудь изъ грамотныхъ односельцевъ по копѣйкѣ или по двѣ за каждую сдѣланную имъ въ платежной книжкѣ отмѣтку (при сборѣ выкупныхъ платежей). Въ большинствѣ же селъ такого обычая не существуетъ. Неграмотные сборщики послѣднихъ, собравъ отъ плательщиковъ массу денегъ и платежныхъ книжекъ, обыкновенно *бѣгаютъ съ ними по селу*, пока не упросятъ какого-нибудь грамотѣя отмѣтить въ книжкахъ поступившіе платежи. Если никто не согласится помочь сборщику, что̀ случается очень часто, то послѣдній посылаетъ въ волостное правленіе десятскаго съ просьбою, чтобы къ нему прислали писца или помощника писаря для той же цѣли; но волостное правленіе не можетъ удовлетворять подобнымъ ходатайствамъ, потому что неграмотность сборщиковъ — явленіе общее, а взысканіе выкупныхъ платежей и поземельныхъ сборовъ производится одновременно во всѣхъ обществахъ волости въ теченіе 1—3 недѣль“. Притомъ, еслибы грамотѣй и отмѣтилъ въ книжкахъ поступившіе къ сборщику платежи, то „ни плательщикъ, ни сборщикъ не могутъ понимать, что̀ въ нихъ отмѣчено“; отсюда постоянныя жалобы на злоупотребленія и ошибки. Отмѣтки о времени уплаты и количествѣ внесенныхъ денегъ домохозяевами дѣлаются волостнымъ писаремъ въ податныхъ тетрадяхъ, по принятому обычаю, только два раза въ годъ, не выходя изъ канцеляріи правленія, со словъ сборщика податей; запомнить же въ теченіе полугода время уплаты и количество денегъ, уплаченныхъ сотнями такихъ плательщиковъ, для неграмотнаго сборщика не подъ силу. „Населеніе поэтому несомнѣнно находится въ полной зависимости отъ произвола сборщиковъ, а крестьянскимъ учрежденіямъ нѣтъ

никакой возможности провѣрить ихъ дѣятельность и основательность возбуждаемыхъ послѣднею жалобъ. Тяжелое и беззащитное положеніе плательщиковъ денежныхъ сборовъ — явленіе общее сорока-милліонному крестьянскому населенію имперіи" (стр. 67—70).

При такихъ условіяхъ надо еще удивляться, что собранныя деньги не всегда пропадаютъ, и что вопіющія злоупотребленія случаются не вездѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что высшіе образованные классы не выдержали бы подобнаго порядка вещей и давно запутались бы въ цѣломъ рядѣ систематическихъ хищеній и растратъ. Между тѣмъ г. Скибинскій обвиняетъ еще самихъ крестьянъ и находитъ сельскія общества „рѣшительно неспособными къ самостоятельной общественной дѣятельности", такъ какъ они предоставляютъ отдѣльнымъ лицамъ „безконтрольно эксплуатировать общественные интересы"; злоупотребленія происходятъ будто бы только отъ „полнаго небреженія обществъ къ своимъ интересамъ и безучастнаго отношенія ихъ къ дѣятельности вышеупомянутыхъ немногихъ, но ловкихъ лицъ, обыкновенно захватывающихъ въ свои руки общественныя дѣла и хозяйства" (стр. 7). Выводъ этотъ, очевидно, несправедливъ: безпомощность крестьянъ вслѣдствіе безграмотности и невѣжества вовсе не свидѣтельствуетъ о неспособности ихъ къ самоуправленію и о невниманіи ихъ къ общественнымъ дѣламъ. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ сельскіе порядки по сбору и храненію общественныхъ суммъ. Одинъ крестьянинъ состоялъ одновременно сборщикомъ податей и попечителемъ ссудовспомогательнаго общественнаго капитала (свыше семи тысячъ рублей); деньги хранились въ сундукѣ его жены, потому что установленнаго помѣщенія для нихъ въ обществѣ не было. Сборщикъ не устоялъ отъ соблазна и растратилъ болѣе полутораста рублей; волостной писарь, узнавъ объ этомъ, вошелъ съ нимъ въ стачку и хищеніе было легко возведено въ систему. Крестьяне скоро почувствовали на себѣ результаты этой сдѣлки. Подати и разные платежи исправно прибывали въ сундукъ жены сборщика, но внесенныя заемщиками ссуды далеко не всѣ отмѣчались по книгамъ и продолжали числиться за ними, какъ просроченныя; населеніе, уплачивая двойные поборы, стонало и роптало. Волостной писарь производилъ учеты денежнымъ сборамъ не одновременно съ ссудовспомогательнымъ капиталомъ и мірскими доходами, такъ что сборщикъ имѣлъ возможность при учетахъ всегда предъявлять сходу полную наличность, беря ее для пополненія растраты изъ тѣхъ наличныхъ суммъ, которымъ въ данное время учетъ не производился. Когда дѣло формально обнаружилось черезъ семь лѣтъ, то первые пострадали отъ этого ни въ чемъ неповинные крестьяне: съ нихъ вторично стали взыскивать довольно

крупную сумму выкупныхъ платежей, растраченныхъ сборщикомъ, и крестьяне, понятно, протестовали, за что были отданы подъ судъ и подверглись суровымъ карательнымъ мѣрамъ. „Въ настоящее время, —говоритъ авторъ,—сборщикъ и возбудившіе сопротивленіе властямъ иниціаторы крестьянскаго протеста сидятъ въ тюрьмѣ, а волостной писарь благополучно продолжаетъ свою общественно-служебную дѣятельность. Растраченныя же деньги конечно, пополнены сельскимъ обществомъ (стр. 12—14). Чаще всего сельскія общества дѣлаются жертвами ловкихъ людей, когда приходится вести тяжбу или хлопотать о чемъ-либо предъ начальствомъ; за дѣло берется мѣстный же крестьянинъ, „облакатъ", который старается перебрать какъ можно больше общественныхъ денегъ подъ предлогомъ необходимыхъ расходовъ. Облакатъ такого рода, получивъ деньги на дорогу и на хлопоты, ѣдетъ въ уѣздный городъ, сидитъ нѣсколько дней въ постояломъ дворѣ, потомъ, возвратившись въ село, разсказываетъ мужикамъ, что былъ въ губернскомъ городѣ, что не засталъ тамъ кого нужно было, или засталъ и ему обѣщали защитить крестьянское дѣло, и что мужички свое получатъ. Одна изъ такихъ исторій, по разсказу автора, окончилась тѣмъ, что, послѣ многократныхъ поѣздокъ уполномоченнаго въ разныя мѣста, крестьяне наконецъ снабдили его изъ мірского капитала большою суммою денегъ (болѣе 1.500 р.) и послали хлопотать ужъ прямо къ самому Царю. „Облакатъ дальше Ковеля не ѣздилъ, но, просидѣвъ тамъ съ недѣлю, возвратился въ село и разсказалъ крестьянамъ, что Царя не засталъ дома,—поѣхалъ на богомолье въ Іерусалимъ" (стр. 9). Растраты общественныхъ денегъ случаются постоянно въ разныхъ видахъ и формахъ; иногда деньги, неожиданно поступившія въ мірскую кассу, напр. по рѣшенію суда, пропиваются крестьянами при участіи всего общества. Вліятельные домохозяева часто присвоиваютъ себѣ нѣкоторую долю общественныхъ суммъ. Сколько подобныхъ фактовъ, — восклицаетъ авторъ,—происходило на всемъ пространствѣ имперіи въ продолженіе 32-хъ-лѣтняго существованія крестьянскаго самоуправленія и какія колоссальныя суммы общественныхъ денегъ погибли для крестьянъ безвозвратно! Само собою разумѣется, что дѣло вовсе не въ крестьянскомъ самоуправленіи, а въ полной умственной тьмѣ, окружающей сельскую массу и въ отсутствіи разумной организаціи даже такихъ серьезныхъ финансовыхъ функцій, какъ сборъ податей съ крестьянъ.

Практическія правила и инструкціи, составленныя г. Скибинскимъ, могутъ оказаться вполнѣ пригодными и полезными для сельскихъ обществъ. Въ концѣ книги приложены формы и образцы для счето-

водства и отчетности сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей и смотрителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. — Л. С.

— *Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ.* Отчетъ о помощи голодавшимъ нѣкоторыхъ мѣстностей моршанскаго и кирсановскаго уѣздовъ, тамбовской губерніи, въ 1891—92 г. Составленъ А. А. *Корниловымъ.* Москва, 1893. (Въ пользу голодающихъ).

Въ теченіе послѣдняго голода не однажды происходило то, что̀ разсказываетъ г. Корниловъ о предпріятіи ихъ небольшого кружка— помочь голодающимъ нѣкоторыхъ мѣстностей тамбовской губерніи. Это было небольшое и совершенно частное предпріятіе, но въ силу обстоятельствъ оно превратилось въ большое общественное дѣло, сохранившее, однако, совершенно частный, неоффиціальный характеръ, и это послѣднее обстоятельство побудило работавшихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ дать отчетъ въ своей дѣятельности не только передъ жертвователями, но и передъ цѣлымъ обществомъ. Г. Корниловъ замѣчаетъ въ предисловіи, что они могли бы, можетъ быть, не безъ нѣкоторой выгоды для своего дѣла, присоединиться къ дѣйствовавшимъ въ тамбовской губерніи оффиціальнымъ или полу-оффиціальнымъ учрежденіямъ, но предпочли, однако, сохранить свою независимость. „Мы рѣшились избрать этотъ путь, боясь, съ одной стороны, въ случаѣ присоединенія своего къ оффиціальнымъ организаціямъ, быть стѣсненными въ своей дѣятельности разными формальностями, къ которымъ мы чувствовали суевѣрный страхъ, а съ другой—намъ представлялся чрезвычайно важнымъ и глубоко интереснымъ дѣломъ самый опытъ совершенно частнаго веденія такого общественнаго предпріятія. При этомъ мы должны съ искреннею благодарностью вспомнить, что мѣстныя власти не только не мѣшали намъ въ этомъ, но оказывали, напротивъ, въ нашей дѣятельности нерѣдко весьма цѣнное для насъ содѣйствіе. Это дало намъ возможность произвести такимъ образомъ новый опытъ соприкосновенія представителей интеллигенціи съ народомъ въ очень оригинальной обстановкѣ, причемъ эти представители интеллигенціи явились не въ обычной для народа оболочкѣ представителей власти, а въ своемъ собственномъ видѣ безъ всякихъ чиновничьихъ или другихъ оффиціальныхъ аттрибутовъ“.

Среди тяжкихъ испытаній, какія пришлось вынести большой массѣ населенія въ теченіе послѣдняго голода, оказалось одно отрадное явленіе, которое, надо думать, не останется безъ слѣда и на будущее время: это—порывъ глубокаго участія, которое обнаружилось въ кругу образованнаго общества къ народному бѣдствію и вырази-

лось тою дѣятельностью, одинъ изъ фактовъ которой изображаетъ отчетъ г. Корнилова. Это участіе не могло не существовать, и если оно не высказывалось въ такомъ размѣрѣ въ прежнее время, если и въ данномъ случаѣ оно складывалось какъ бы неувѣренно,—виною этого тѣ общія отношенія, въ какихъ вообще поставлена у насъ общественная иниціатива: за нею нѣтъ никакого права; люди, которые хотятъ стать ея выразителями, рискуютъ всегда встрѣтиться со всякими препятствіями, даже съ крупными затрудненіями и непріятностями... Какъ извѣстно, и въ данномъ случаѣ не обошлось безъ такихъ затрудненій, но дѣло было такъ серьезно, необходимость помощи была такъ очевидна, что, къ счастію, затрудненія могли быть удалены и поданъ былъ примѣръ благотворныхъ вліяній общественнаго дѣла. Нечего говорить о томъ, какая прекрасная общественная заслуга принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые впервые брали на себя эту иниціативу, тратя на это много тяжелаго труда и времени. И нельзя не согласиться, что рѣшеніе начинателей дѣла сохранить за нимъ характеръ вполнѣ частной иниціативы было въ полной мѣрѣ разумно и цѣлесообразно: мы слишкомъ привыкли къ тому, чтобы все дѣлалось начальствомъ, и нужно было дать примѣръ общественнаго труда и нравственнаго долга тамъ, гдѣ однихъ распоряженій начальства было бы, пожалуй, недостаточно. Успѣхъ дѣла, кажется, превзошелъ ожиданія. Чтобы указать нужды голодавшаго края и привлечь пожертвованія, надо было сдѣлать предпріятіе именно общественнымъ, обратиться къ печати, и въ результатѣ явилось множество пожертвованій даже совсѣмъ неожиданныхъ. Такъ ясно было, что въ массѣ общества,—какъ мы ни извѣрились въ немъ за послѣднее время,—всегда найдется откликъ на здравое и хорошее дѣло.

Когда начинатели предпріятія рѣшали оставить его дѣломъ общественнымъ, а не оффиціальнымъ, то кромѣ привлеченія общественныхъ силъ была и другая сторона дѣла, для которой это было существенно важно: это было отношеніе къ самому народу. „Мы прожили,—говоритъ г. Корниловъ,—среди нуждавшихся крестьянъ, въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ ними, семь мѣсяцевъ и, конечно, не могли не вынести изъ этого общенія многихъ поучительныхъ для себя впечатлѣній, соображеній и заключеній. Подѣлиться съ обществомъ своими впечатлѣніями и нѣкоторыми свѣдѣніями о положеніи крестьянъ занятаго нами района будетъ также, быть можетъ, не безполезно. Руководясь этими соображеніями, кружокъ нашъ счелъ нужнымъ представить обществу и жертвователямъ полный и подробный, по возможности, отчетъ не только о томъ, куда и на что̀ были израсходованы собранныя деньги, но также и о томъ, какъ организовано было дѣло, въ какомъ положеніи мы нашли крестьянъ избран-

наго нами района, что, какъ и почему для нихъ сдѣлали, стараясь полнѣе и глубже посвятить читателя въ руководившіе нами мотивы". Авторъ извиняется въ томъ, что матеріалъ собранъ недостаточно равномѣрно: голодъ не ждалъ, рабочихъ силъ было немного, свѣдѣнія собирались разными лицами не по одной заранѣе опредѣленной программѣ;—намъ кажется, что недостатокъ совершенно точной статистики—бѣда небольшая, потому что и по тѣмъ даннымъ, какія есть, можно составить достаточное понятіе о бѣдственномъ положеніи населенія.

Отчетъ составленъ чрезвычайно обстоятельно. Мы укажемъ здѣсь только общую цифру пожертвованій, которыя были собраны для голодающихъ этой мѣстности. Эта сумма составила около 45.000 руб. и въ томъ числѣ было около 6.000 рублей (16.000 франковъ), присланныхъ изъ частной подписки во Франціи; кромѣ того поступало много пожертвованій натурой, въ видѣ хлѣба, сухарей, крестьянскаго платья, сѣна и пр.

Отчетъ останавливается еще на одной сторонѣ этого дѣла, чрезвычайно интересной, а именно, на вопросѣ о нравственномъ значеніи для населенія этой благотворительной организаціи и объ отношеніи къ ней какъ самого голодающаго населенія, такъ и другихъ мѣстныхъ жителей и администраціи. Разумѣется само собою, что говорится только о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ данной мѣстности, но это не лишаетъ ихъ гораздо болѣе широкаго интереса, потому что такія же условія повторялись, конечно, и въ другихъ мѣстахъ. Не будемъ упоминать о разныхъ толкахъ въ обществѣ, на которые отвѣчаетъ отчетъ, какъ, напримѣръ, о томъ, что голодъ „былъ раздутъ": составитель отчета замѣчаетъ объ этомъ послѣднемъ, что достаточнымъ отвѣтомъ можетъ служить описаніе состоянія крестьянскихъ хозяйствъ. Относительно того, что даровая помощь должна имѣть деморализующее дѣйствіе, и что взамѣнъ ея лучше было бы предложеніе работы, г. Корниловъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что работа подобнаго рода можетъ быть предложена лишь тогда, когда она совершенно правильно организована, и что недостатокъ такой правильной организаціи и былъ причиной того отказа населенія отъ предложенныхъ работъ, который, какъ, напр., въ курской губерніи, „повлекъ за собой вмѣшательство административныхъ властей и рядъ насильственныхъ дѣйствій съ полнымъ игнорированіемъ элементарныхъ правъ человѣческой личности и человѣческаго достоинства".

Для того кружка, который хотѣлъ работать для голодающаго населенія въ тамбовской губерніи, не представлялось и вопроса о возможности замѣнить даровую помощь оплачиваемой работой: такой

работы не было въ его распоряженіи—„приходилось безъ дальнихъ разсужденій скорѣе спасать населеніе отъ смерти, истощенія и полнаго разоренія" (стр. 209).

Составитель отчета не отвергаетъ возможности вопроса о деморализаціи, какая можетъ возникать изъ подобной филантропіи: она способна унижать человѣческое достоинство и съ другой стороны отъучать отъ необходимости собственныхъ усилій и труда. „Подавая помощь,—говоритъ авторъ,—мы всячески старались въ сношеніяхъ съ крестьянами щадить и поддерживать ихъ личное достоинство и устранять, по мѣрѣ возможности, т.-е. насколько это отъ насъ зависѣло, все принижающее его" (стр. 206). Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ, основываясь на практикѣ своего кружка, категорически отвергаетъ возникавшее предположеніе, что даровая помощь испортитъ крестьянъ, отъучитъ ихъ отъ работы и особливо отъ работы, принятой по обязательствамъ съ помѣщиками. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ заявлена была только одна жалоба со стороны помѣщика, который грозилъ даже обратиться къ губернатору съ просьбой приказать запретить выдачу крестьянамъ продовольственной помощи. По ближайшемъ разслѣдованіи жалоба оказалась, однако, совершенно неосновательной, и изъ всей мѣстности нашлось только два мужика, которые бѣгали отъ работы: это были, однако, извѣстные лѣнтяи и лежебоки. Что касается до вопроса о томъ, была ли у крестьянъ должная „благодарность" къ ихъ благотворителямъ, авторъ справедливо замѣчаетъ: „собственно вопросу о благодарности по настоящему не должно быть и мѣста въ мотивахъ человѣка, который, сознавая свои человѣческія обязанности, рѣшится принести свои силы на помощь постигнутаго бѣдой народа. Такъ называемая неблагодарность, подъ которую такъ легко подводятся всякаго рода недоразумѣнія и еще легче обобщаются, ни въ какомъ случаѣ не должна смущать человѣка, серьезно рѣшившагося принести добро народу" (стр. 213). Съ своей стороны кружокъ заявляетъ, что видѣлъ самыя разнообразныя выраженія благодарности „и внѣшней, формальной,—выражавшейся въ молебнахъ и обѣдняхъ, отслуженныхъ мужиками за здравіе наше, въ записываніи нашихъ именъ въ патерики (авторъ разумѣлъ, вѣроятно, помянники, для поминовенія за здравіе), въ словахъ и рѣчахъ, обращенныхъ къ намъ, и внутренней, душевной—такъ сказать, отпечатанной на лицахъ и выражавшейся иногда въ проявленіяхъ дѣтской радости, въ слезахъ и т. п.".

Но такое отношеніе крестьянъ къ дѣятелямъ кружка оказалось не вдругъ. Напротивъ, вначалѣ неожиданная помощь со стороны, притомъ приносимая людьми совершенно неизвѣстными, возбудила не мало толковъ и между прочимъ самыхъ нелѣпыхъ догадокъ о ея

происхожденіи; нѣкоторыя „знающія“ бабы опасались даже, не исходитъ ли эта помощь отъ антихриста, хотя, впрочемъ, населеніе не относилось къ бабьимъ догадкамъ серьезно. Но правильному отношенію крестьянъ къ помощи, имъ оказываемой, гораздо больше мѣшали другія соображенія: идея „царскаго пайка“ и кошмаръ круговой поруки. „Такъ какъ мы явились со стороны, то крестьяне не могли причислить насъ къ представителямъ помѣщичьяго элемента, и потому у нихъ сразу установилось убѣжденіе, что мы присланы начальствомъ распредѣлять казенную помощь. А такъ какъ они представляли себѣ казенную помощь въ видѣ ссуды, которую потомъ будутъ взыскивать при помощи круговой поруки, то естественно явилось опасеніе, что впослѣдствіи придется отвѣчать своимъ имуществомъ за бѣднѣйшихъ изъ нихъ и тѣмъ, которые и вовсе не получили никакой помощи. Поэтому чрезвычайно трудно было растолковать имъ, что помощь, которую мы распредѣляемъ,—не казенная, а частная и притомъ безвозвратная, что она идетъ отъ добрыхъ людей и является даровымъ и добровольнымъ пожертвованіемъ, которое, слѣдовательно, и распредѣлить нужно между одними только дѣйствительно нуждающимися и голодными, а никакъ не поровну между всѣми. Не мало пришлось потратить терпѣнія и краснорѣчія, чтобы разъяснить имъ это. Но полный отчетъ въ значеніи оказываемой имъ помощи они себѣ отдали не раньше, чѣмъ привыкли и присмотрѣлись къ намъ самимъ настолько, что стали питать къ намъ нѣкоторое довѣріе, видя, что мы не по должности, а искренно, добровольно желали помочь имъ. Тогда только они стали вѣрить и словамъ нашимъ, съ которыми раньше соглашались лишь по наружности“. Одинъ мужикъ, очень бывалый и, повидимому, смышленый, тоже никакъ не могъ понять этого дѣла, предполагая, что, вѣроятно, господа получатъ отъ Царя хорошую награду, и когда ему объяснили, что никакихъ наградъ тутъ не будетъ, и что дѣлается помощь вовсе не въ такомъ разсчетѣ, онъ разсудилъ, что значитъ это дѣлается „для души“. При каждомъ появленіи въ новой деревнѣ повторялась опять съ начала та же исторія: мужики требовали, чтобы помощь дѣлилась всѣмъ поровну; имъ объясняли, что не всѣ поровну разорились, и они какъ будто соглашались съ этимъ, поддакивали, но затѣмъ, кто посмѣлѣе, начиналъ роптать: „Что-жъ это вы будете теперь голь-то, да лѣнивыхъ, да пьяницъ кормить, а потомъ мы же за всѣхъ отвѣчай! Нѣтъ ужъ лучше раздавайте всѣмъ поровну,—мы у Царя всѣ равны“—и т. д., опять съ начала“ (стр. 215—218).

Это общеніе съ крестьянскимъ міромъ привело автора, а вѣроятно и другихъ членовъ кружка, и къ общимъ соображеніямъ о нравствен-

номъ и бытовомъ положеніи сельскаго населенія въ настоящее время. Эти соображенія кажутся намъ опять справедливыми. „Недовѣріе крестьянъ ко всякому культурному человѣку, обнаружившееся на первыхъ порахъ нашей дѣятельности, объясняется, конечно, историческими причинами, которыя слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться. Оно затрудняетъ сношеніе съ ними, а для человѣка нетерпѣливаго, или слишкомъ наивнаго и отвлеченнаго, можетъ сдѣлать ихъ совершенно невозможными. Въ этомъ обстоятельствѣ несомнѣнно кроются элементы, изъ которыхъ, при неправильномъ освѣщеніи и обобщеніи ихъ, легко можно вывести понятіе о неблагодарности крестьянъ и о низкомъ уровнѣ ихъ нравственнаго развитія. На дѣлѣ между ними, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, есть дурные, есть и хорошіе люди; но нельзя, разумѣется, отрицать, что та темнота и мракъ, въ которыхъ живутъ до сихъ поръ крестьяне моршанскаго уѣзда, часто не даютъ высказаться наружу многимъ добрымъ свойствамъ человѣка и, наоборотъ, представляютъ удобную среду для развитія нѣкоторыхъ дурныхъ чертъ человѣческой природы. Мѣстные помѣщики и управляющіе имѣніями обыкновенно бранятъ крестьянъ и утверждаютъ, что нравственность сильно упала среди нихъ за послѣднее десятилѣтіе. Конечно, въ этихъ сужденіяхъ видна иногда раздражительность, вызванная обычнымъ антагонизмомъ между предпринимателемъ и рабочимъ; но я не рѣшился бы все-таки утверждать, что сужденія эти совершенно несправедливы. Жалобы на то, что въ крестьянскомъ быту расшатались и частью уничтожились прежніе устои нравственности — патріархальный бытъ и семейное и родовое начало,—мнѣ кажется, справедливы. Крестьянское общество несомнѣнно находится теперь въ переходномъ состояніи; но безумна, разумѣется, мысль вернуть его къ прежнему быту какимъ бы то ни было путемъ. Мнѣ кажется, на государствѣ и обществѣ русскомъ лежитъ, напротивъ, обязанность помочь ему скорѣе выйти изъ теперешняго переходнаго состоянія не *назадъ*, а *впередъ*. Прежніе устои нравственности: великорусская большая семья и патріархальный бытъ — невозстановимы, они отжили свой вѣкъ и нечего ихъ жалѣть. Нужно помочь крестьянину скорѣе выработать и сознать въ себѣ новые, болѣе высокіе устои нравственности—человѣческую личность и человѣческое достоинство... Помочь же тутъ можно лишь послѣдовательнымъ признаніемъ за крестьяниномъ всей полноты человѣческихъ правъ и соотвѣтственнымъ обращеніемъ съ нимъ, а также скорѣйшимъ пріобщеніемъ его къ культурной средѣ“ (стр. 220—222)...

Читатель съ удовольствіемъ встрѣтитъ эти здравыя мысли въ книгѣ о предпріятіи, которое посвящено было народу и которое совершалось именно въ его средѣ, въ тяжелую пору. Эти мысли—новое под-

твержденіе того ожиданія, что общественная дѣятельность на помощь голодающимъ должна была принести и для самаго общества благотворный результатъ въ большемъ уясненіи нашего народнаго вопроса. Надо полагать, что впечатлѣнія, вынесенныя участниками настоящаго предпріятія, послужатъ съ пользой для тѣхъ, кому приводится быть въ общеніи съ народною жизнью на томъ или другомъ поприщѣ. Не считаемъ нужнымъ говорить много о томъ, какое прекрасное общественное и народное дѣло совершалъ тотъ кружокъ, историкомъ дѣятельности котораго является г. Корниловъ, и другіе подобные кружки, которые дѣйствовали въ послѣдніе годы въ средѣ народа.

— *Гроза гимназіи*. Разсказы изъ школьной жизни. Сигизмунда *Либровича*. Спб. 1892.

— *А. Желанскій*. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. Москва, 1893.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойная Хвощинская (Крестовскій-псевдонимъ) издала переводъ прекрасной книжки Де-Амичиса: „Дневникъ школьника",—разсказы о школьной жизни, въ которыхъ рисовалось воспитательное значеніе школы и передавались нерѣдко трогательные эпизоды изъ психологической жизни юнаго поколѣнія. Быть можетъ, не безъ вліянія этой книжки г. Либровичъ собралъ свои разсказы, гдѣ дается отчасти характеристика самой гимназіи, отчасти сообщается исторія нѣсколькихъ товарищей, разнесенныхъ жизнью на самые различные пути. Гимназія оставила въ авторѣ весьма теплыя воспоминанія; поставленный во главѣ учитель, „гроза гимназіи", на дѣлѣ былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ казался ученикамъ, а именно это былъ очень добрый человѣкъ и заботливый педагогъ, который видѣлъ въ своихъ питомцахъ не школьниковъ, ему надоѣдающихъ, а маленькихъ неопытныхъ друзей, которыхъ надо воспитывать и сколько возможно имъ помочь. Эта гимназія, въ которой обучался авторъ (посвящающій книгу своему сыну), существовала вѣроятно уже давно.

О гораздо болѣе новой гимназіи, именно гимназіи семидесятыхъ годовъ, разсказываетъ г. Желанскій. Программа книги другая: авторъ не имѣлъ въ виду разсказывать исторіи своихъ сотоварищей послѣ школы, а хотѣлъ только разсказать о самой школѣ. Передъ нами проходитъ весь преподавательскій персоналъ: директоръ, инспекторъ и учителя тѣхъ предметовъ, которые были для учениковъ главными, т.-е. которыхъ они всего больше боялись. Намъ изображается преподаваніе съ его особенностями у разныхъ учителей, воспитательскіе пріемы, отношенія къ тому и другому учениковъ. Сколько можно за-

мѣтить, гимназія не оставила въ тѣхъ, о комъ разсказываетъ авторъ, особенно благодарныхъ и пріятныхъ воспоминаній; ни одного лица, внушающаго сочувствіе, ни одного упоминанія о пользѣ, вынесенной изъ школы,—единственное лицо, не подходившее подъ общій уровень, есть учитель, въ которомъ ученики подмѣтили не заурядный умъ и знаніе, но и это былъ болѣзненный человѣкъ и большой скептикъ, къ ученикамъ равнодушный; былъ, правда, еще учитель — настоящій ученый человѣкъ, попавшій въ провинцію только потому, что его здоровье не выносило климата столицы, но, преданный своей наукѣ, онъ не былъ достаточно строгимъ учителемъ, а ученики, разумѣется, его не поняли. Уровень знаній у преподавателей авторъ изображаетъ вообще весьма невысокимъ; не разъ онъ характеризуетъ учителей какъ невѣждъ, различая только невѣждъ осторожныхъ и неосторожныхъ; ученики рѣдко занимаются сколько-нибудь сознательно: огромное большинство старается только какъ-нибудь сбывать уроки, то-есть получать удовлетворительныя отмѣтки, не заботясь о существѣ дѣла и стараясь только подъискивать различные вспомогательные способы скрыть отъ учителя свое незнаніе; у одного изъ учениковъ составился даже цѣлый „архивъ“ подобныхъ вспомогательныхъ средствъ, листочковъ съ выписанными уроками, „надбитыхъ“ экземпляровъ классиковъ (т.-е. снабженныхъ русскимъ переводомъ, вписаннымъ между строками), подстрочниковъ и т. п.,—этотъ „архивъ“ онъ по окончаніи курса могъ даже съ выгодой продать своимъ преемникамъ. Пребываніе въ школѣ состоитъ для учениковъ исключительно въ разныхъ мелкихъ событіяхъ школьной жизни, въ заботахъ о томъ, какъ сбыть урокъ, какія средства спасенія придумать для экзамена; главной тяготой служатъ, конечно, классическіе языки съ грамматикой, экстемпораліями и т. п.

Разсказъ ведется съ такими подробностями относительно преподавательскихъ пріемовъ учителей, быта и способа дѣйствій учениковъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что разсказъ вѣренъ дѣйствительности, если не составляетъ настоящей ея копіи. Цѣлями художественными авторъ, очевидно, не задавался; для него вопросъ былъ только въ томъ, чтобы нарисовать бытовую картинку, и она дѣйствительно получается и въ цѣломъ способна произвести удручающее впечатлѣніе. Все то, что мы читаемъ въ педагогической литературѣ о воспитательномъ и образовательномъ значеніи школы, что мы читаемъ у защитниковъ классицизма о великой пользѣ изученія древнихъ классиковъ, которое должно доставить ученикамъ наилучшую основу умственнаго развитія и т. п., все это совершенно отсутствуетъ въ школѣ, описанной г. Желанскимъ. Мы не хотимъ думать, что вообще таковъ характеръ новѣйшаго гимназическаго образованія; готовы ду-

мать, что подобныя школы составятъ только меньшинство, но существованіе подобныхъ явленій во всякомъ случаѣ есть напоминаніе о вопіющихъ нуждахъ нашего средняго образованія.—А. В.

— *Н. В. Горяевъ.* Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка. Съ приложеніемъ: 1) таблицъ соотвѣтствія гласныхъ и согласныхъ звуковъ въ сравниваемыхъ языкахъ; 2) конспективнаго обозрѣнія связи и развитія этихъ послѣднихъ, и 3) алфавитныхъ списковъ греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и армянскихъ словъ, поставленныхъ въ этомъ словарѣ въ связь съ русскими словами. Тифлисъ. 1892.

Въ нашей, вообще небогатой, филологической литературѣ особенно сильно чувствуется недостатокъ пособій, подобныхъ названному. Въ то время, какъ на западѣ (особенно въ Германіи) къ услугамъ интересующихся этимологіей своего родного языка имѣется изрядный запасъ самыхъ разнообразныхъ, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ пособій этого рода, предназначенныхъ и для средняго образованнаго человѣка, и для готоваго ученаго, русская наука можетъ указать до сихъ поръ только на двухъ предшественниковъ г. Горяева: Ѳедора Шимкевича, издавшаго въ 1842 г. „Корнесловъ русскаго языка, сравненнаго со всѣми славянскими нарѣчіями и съ двадцатью четырьмя иностранными языками“, и М. Изюмова, которому принадлежитъ „Опытъ словаря русскаго языка сравнительно съ языками индо-европейскими“ (въ четырехъ отдѣлахъ. Для учащихся въ гимназіяхъ вѣдомства минист. нар. просвѣщенія. Спб. 1880). Книга Шимкевича и въ свое время не стояла на высотѣ научнаго знанія, въ настоящее же время совершенно устарѣла и вдобавокъ не имѣется въ продажѣ. Словарь г. Изюмова также весьма мало извѣстенъ, о чемъ, впрочемъ, жалѣть не приходится. Вотъ какъ характеризуетъ эту книгу извѣстный ученый, профессоръ Бодуэнъ де-Куртенэ: „авторъ, очевидно, не признаетъ строгихъ звуковыхъ законовъ и опредѣленныхъ соотвѣтствій звуковъ отдѣльныхъ языковъ аріо-европейскихъ. Вслѣдствіе сего для людей, не знакомыхъ съ новѣйшимъ состояніемъ языковѣденія примѣнительно къ языкамъ аріо-европейскимъ, книга эта не только не можетъ быть полезною, но даже должна ихъ путать и развивать въ нихъ ложное представленіе о языковѣденіи и его пріемахъ. Лингвистъ-спеціалистъ найдетъ здѣсь богатый, хотя вовсе не безъизвѣстный, матеріалъ, съ которымъ, однакожъ, слѣдуетъ обращаться весьма осторожно и критически, такъ какъ онъ расположенъ не цѣлесообразно и далеко недостовѣренъ“. Существуютъ въ разныхъ нашихъ спеціальныхъ журналахъ этимологическія, часто довольно обширныя, собранія словъ Р. Брандта,

А. Потебни, А. Соболевскаго и др. Въ западной литературѣ имѣется далеко не полный и не совершенный „этимологическій словарь славянскихъ языковъ“ Ф. Миклошича (на нѣмецкомъ—Вѣна 1886), но этимологическаго словаря русскаго языка, удовлетворяющаго научнымъ требованіямъ, до сихъ поръ еще нѣтъ. При такой бѣдности научной литературы, книга г. Горяева является несомнѣнно желаннымъ въ нее вкладомъ. Разумѣется, при невысокомъ уровнѣ нашего общаго образованія подобное сочиненіе не можетъ у насъ разсчитывать на такой успѣхъ, какой имѣетъ, напримѣръ, въ Германіи „этимологическій словарь“ нѣмецкаго литературнаго языка проф. Клуге, съ 1883 года выходящій уже пятымъ изданіемъ. Подобный успѣхъ возможенъ лишь при высокомъ уровнѣ общаго образованія, какого мы долго еще не дождемся, а слѣдовательно и книга, въ родѣ труда г. Горяева, не можетъ у насъ разсчитывать и на десятую долю успѣха книги Клуге. Тѣмъ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнестись къ настоящему труду, который стремится заполнить несомнѣнный пробѣлъ въ нашей литературѣ и принадлежитъ, повидимому, провинціальному преподавателю гимназіи. Кто знаетъ умственную и научную обстановку нашихъ провинціальныхъ городовъ, не можетъ не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ доброму намѣренію автора, его очевидной любви къ предмету и посильной добросовѣстности, съ которой онъ приступалъ къ работѣ, вдали отъ библіотекъ и совѣта спеціалистовъ. Изъ имѣющагося въ книгѣ перечня пособій (стр. 240) видно, что авторъ знаетъ работы Боппа, Шлейхера, Курціуса, Лео Мейера, Дица, Миклошича, Лескина, Маценауера, Фика, Клуге и др. Изъ славистовъ встрѣчаемъ имена Срезневскаго, Буслаева, Каткова, Лавровскаго, Колосова, Грота, Соболевскаго, Ягича, Потебни; изъ журналовъ—„Филолог. Записки“ и варшавскій „Филол. Вѣстникъ“. Къ сожалѣнію, по неблагопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ авторъ не могъ „пользоваться многими лингвистическими русскими и иностранными журналами и книгами“, въ которыхъ (особенно въ такихъ, какъ спеціальные журналы по сравнительному языкознанію Куна и Бецценбергера) онъ нашелъ бы весьма богатый и большею частью вполнѣ достовѣрный этимологическій матеріалъ. Въ виду этого нельзя относиться къ труду г. Горяева со всею строгостью научной критики; но при всемъ уваженіи къ доброму намѣренію автора, нельзя не остановиться на его недостаткахъ; при дальнѣйшихъ изданіяхъ книги, которыхъ мы ей желаемъ, авторъ, вѣроятно, найдетъ возможность исправить ихъ. Первый и, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ— извѣстная отсталость автора въ отношеніи строгаго фонетическаго метода. Изъ таблицы звуковыхъ соотвѣтствій въ индо-европейскихъ языкахъ, приложенной къ книгѣ (стр. 234 и слѣд.) видно, что авторъ

(сознательно или нѣтъ) держится въ сторонѣ отъ современной теоріи индо-европейскаго вокализма, принятой теперь европейскими учеными (даже такими стариками, какъ Фикъ и Бецценбергеръ, не говоря уже о болѣе молодыхъ, какъ Іог. Шмидтъ и др.) и все еще стоитъ на оставленной уже въ началѣ 80-хъ гг. точки зрѣнія Шлейхера и Курціуса, признававшихъ въ индо-европейскомъ праязыкѣ только три гласныхъ: *a*, *i*, *u*. Мы имѣемъ въ настоящее время недавно законченный полный кодексъ современной сравнительной грамматики, безусловно необходимый для каждаго занимающагося сравнительнымъ языкознаніемъ, принадлежащій Бругману (Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogerm. Sprachen), который, вѣроятно, извѣстенъ автору (въ цитатахъ имя Бругмана встрѣчается) и съ которымъ можно настоятельно посовѣтовать ему познакомиться возможно ближе. Этимологія немыслима безъ самаго строгаго фонетическаго метода, и въ послѣднія 10—12 лѣтъ индо-европейская фонетика сдѣлала такіе громадные успѣхи (и такъ усложнилась), что игнорировать ихъ не представляется возможнымъ. Нерѣдко нашъ авторъ приводитъ такія этимологіи (книга имѣетъ преимущественно компилятивный характеръ, о чемъ и говорится въ предисловіи), которыя, съ точки зрѣнія современнаго строгаго метода, совершенно невозможны. Особенно часто вводитъ его въ бѣду въ этомъ отношеніи Лео Мейеръ, ученый съ совсѣмъ устарѣлыми фонетическими и этимологическими пріемами. Весьма довѣрчиво относится авторъ и къ этимологіямъ покойнаго Микуцкаго, большого оригинала по этой части. Собственныя этимологіи автора также подчасъ сомнительны. При установленіи извѣстной этимологіи желательно было бы приведеніе предполагаемой общей праязыковой основной формы даннаго слова или корня. Подобныя „праформы“ много помогаютъ въ смыслѣ наглядности и яснаго представленія о генеалогіи даннаго слова, и авторъ хорошо сдѣлаетъ, при дальнѣйшихъ изданіяхъ своего словаря, если введетъ ихъ. Самый лексическій запасъ русскаго языка, подвергающійся этимологизаціи, представляетъ довольно пеструю смѣсь словъ исконно славянскихъ или русскихъ съ самоновѣйшими, заимствованными и даже иностранными словами. Нельзя въ сравнительно-этимологическомъ словарѣ, основывающемся прежде всего на унаслѣдованномъ изъ индо-европейской общей эпохи лексическомъ матеріалѣ, ставить на одну доску слова въ родѣ: *мать*, *брать*, *имя*, *волкъ* и т. д., и *геній*, *герой, гигантъ*, *гитара*, *ехидна, иконостасъ*, *иссопъ*, *кактусъ*, *кардамонъ*, даже *рицинъ* (?) и т. д. Подобныя слова слѣдовало бы или вовсе исключить изъ словаря, или выдѣлить въ особый глоссарій, что было бы гораздо яснѣе и въ отношеніи историческомъ. Очень часто нельзя узнать, считаетъ ли авторъ приводимыя имъ иноязычныя слова первично

родственными съ русскимъ словомъ, или источникомъ, изъ котораго оно заимствовано, и пр.: „*пилигримъ*: ср. верх. нѣм. piligrim (нѣм. Pilger) изъ лат. „peregrinus, фр. pélerin“ и т. д. или „*ма-ть*..., ср. санскр. mata“ и т. д. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ несомнѣнное заимствованіе, во второмъ—исконное индо-европейское слово, но оба приводятся въ связь съ иноязычными словами посредствомъ одного и того же „сравненія“, тогда какъ умѣстно это только во второмъ случаѣ, а въ первомъ слѣдовало бы поставить „заимствованіе“, и т. д. Надо помнить, что подобной книгой могутъ пользоваться не одни спеціалисты, а также и вообще образованные люди, которыхъ легко такой неясностью и неточностью ввести въ большое заблужденіе. Болѣе подробная оцѣнка труда должна найти мѣсто въ спеціальномъ изданіи, и здѣсь мы замѣтимъ еще только, что рядомъ съ сомнительными и недостовѣрными объясненіями онъ заключаетъ много этимологій вполнѣ вѣрныхъ, трудолюбиво и разумно подобранныхъ для главнѣйшихъ словъ русскаго литературнаго языка, такъ что при критическомъ къ нему отношеніи, возможномъ, къ сожалѣнію, лишь для спеціалистовъ, можетъ служить полезной справочной книгой.—С. Б.

Въ мартѣ мѣсяцѣ въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Арнольда, Юрія, Воспоминанія. Вып. 3. М. 93. Стр. 204. Ц. за 3 вып. 5 руб.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 93. Стр. 603. Ц. 2 р. 50 к.

Бершадскій, С. А.—О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву. Спб. 92. Стр. 95.

Бремъ и *Россмесслеръ*. — Лѣсныя животныя. Вып. 2 и 3. Спб. 93. Стр. 81—224.

Гау, Дж.—Минерва. Введеніе при изученіи читаемыхъ въ классѣ писателей греческихъ и латинскихъ. Перев. съ франц. В. Алексѣева. Спб. 93. Ц. 1 р. 50 к.

Гейка, д-ръ К.—Святая Земля и Библія. Описаніе Палестины и нравовъ ея обитателей. Пересказъ съ англ. Ф. А. Коморскаго. Вып. 3. Спб. 93. Стр. 193—288. Ц. 1 р.

Гейслеръ, Ѳ. К.—Краткій курсъ клинической бактеріологіи для врачей и студентовъ. Спб. 93. Стр. 118. Ц. 1 р. 20 к.

Геркулесъ-Рюрикъ, О.—Краткое объясненіе, что такое право, и изложеніе исторіи русскаго права. Спб. 93. Стр. 16. Ц. 1 р.

Годлевскій, С.—Основы современнаго развитія. Очеркъ умственныхъ стремленій XIX в. Спб. 93. Стр. 80. Ц. 60 к.

Грѣшищевъ, Н. Е.—Нѣсколько словъ о съѣздѣ врачей, устроенномъ медицинскимъ департаментомъ въ 1892 г. Новг. 93. Стр. 15.

Дройзенъ, І. Г.—Исторія Эллинизма, перев. М. Шелгунова, съ франц., до-

полн. авторомъ изд., п. р. Буше-Леклерка. Т. II: Исторія діадоховъ. М. 93. Стр. 385 и 105. Ц. 3 р.

Жбанковъ, Д. Н.—Холерная эпидемія въ смоленской губерніи 1831—1872 гг. Краткій очеркъ. Смоленскъ, 93. Стр. 137.

Желанскій, А.—Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни 70-хъ годовъ. М. 93. Стр. 243. Ц. 1 р. 50 к.

Житецкій, И.—Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Кіевъ, 93. Стр. 249. Ц. 2 р.

Ефимовъ, А.—Метеоръ, стихотворенія. Спб. 93. Стр. 127. Ц. 1 р.

Загорскій, К. Я.—Торговые обычаи и биржевыя правила, какъ одинъ изъ элементовъ организаціи хлѣбной торговли. Спб. 93. Стр. 44.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).—Грёзы и пѣсни. Стихотв. Изд. 3-е. Спб. 93. Стр. 88. Ц. 25 к.

Кантани, проф. А.—Леченіе холеры. Перев. съ нѣм., вр. Т. Шабадъ. М. 93. Стр. 39. Ц. 30 к.

Каптеревъ.—300-лѣтній юбилей отца народной школы Амоса Коменскаго въ С.-Петербургѣ. Собраніе рѣчей гг. Каптерева, Миропольскаго, Модзалевскаго и Сентъ-Илера. Съ портретомъ Коменскаго. 1893. Стр. 66 и 3 стр. нотъ. Ц. 30 к.

Карно, И.—Исторія французской революціи. Перев. съ франц. п. р. и съ предисл. Р. И. Сементковскаго. Спб. 93. Стр. 349. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Развитіе культурныхъ соціальныхъ отношеній. Т. III: Восемнадцатый вѣкъ и французская революція. Спб. 93. Стр. 650. Ц. 3 р. 50 к.

Кастъ, д-ръ, проф.—Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными въ больницахъ. Перев. съ нѣм., п. р. Н. П. Иванова. Спб. 93. Стр. 132. Ц. 60 к.

Кольцовъ, А. В.—Избранныя стихотворенія (1809—1842 гг.). Кн. I, II и III. Изд. И. Жиркова. М. 93. Стр. 49. Ц. по 5 к.

Корниловъ, А. А.—Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ. Отчетъ о помощи голодавшимъ нѣкоторыхъ мѣстностей моршанскаго и кирсановскаго уѣздовъ, тамбовской губерніи, въ 1891—92 гг. М. 1893. Стр. 231 и 36 (таблицы). Ц. 1 р. (въ пользу голодающихъ).

Коссинскій, В. Д. г.-лейт.—Дополненіе къ Систематическому сборнику приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго Штаба, за 1892 г. Спб. 93. Стр. 369. Ц. 4 р.

Кремянскій, Я. С. — Научныя и практическія требованія отъ отчета и съѣзда врачей противъ холерной эпидеміи. Харьк. 93. Стр. 16. Ц. 30 к.

Кюллеръ, д-ръ.—Нервность и неврозы. Гигіена нервныхъ людей. Перев. п. р. ж.-вр. М. Волковой, съ предисл. С. Н. Данилло. Спб. 93. Стр. 298. Ц. 1 р. 25 к.

Лерминъ, Жюль.—Роялистская заговорщица (Reine). Перев. съ франц. Спб. 92. Стр. 350. Ц. 1 р.

Максимовъ, Евг., и *Вертеповъ*, Г.—Туземцы сѣвернаго Кавказа. Историко-статистическіе очерки. Вып. 1: Осетины, Ингуши, Кабардинцы. Владикавк. 92. Стр. 187. Ц. 1 р.

Мацкевичъ, В. Г.—Киргизскія степи Тургайской области въ холерную эпидемію 1892 г. Спб. 93. Стр. 83. Ц. 85 к.

Межовъ, В. И.—Русская библіографія. Указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 гг. Т. I и II. Спб. 92 и 93. Стр. 373 и 377. Ц. 6 р.

Нѣплюева, И. И., Записки (1693—1773). Спб. 93. Стр. 197. Ц. 2 р.

Обнинскій, П. Н. — Законъ подражанія въ области добрыхъ дѣлъ, какъ игнорируемый факторъ благотворенія. М. 92. Стр. 20.

Осиповъ, Н. Н.—Обзоръ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита. Спб. 93. Стр. 235.

Ризположенскій, Р.—О необходимости и значеніи почвенныхъ изслѣдованій для сельскаго хозяйства и оцѣнки земель. Каз. 92. Стр. 17. Ц. 20 к.

——— Естественно-историческое описаніе Казанской губерніи. Вып. I. Каз. 92. Стр. 129. Ц. 2 р.

Сербскій, Вл.—По поводу проекта организаціи земскаго попеченія о душевно-больныхъ московской губерніи. Отвѣтъ на возраженія П. И. Якобія. М. 93. Стр. 26. Ц. 30 к.

Созоновичъ, И.—„Ленора" Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Изслѣдованіе. Варшава, 1893. VII и 251 стр.

Соколовъ, А.—Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей. Т. II, ч. V, вып. 1: Основныя положенія судоустройства, учрежденіе судебныхъ установленій, основныя и общія положенія устава уголовнаго судопроизводства. Вильно, 93. Стр. 618 и 89. Ц. 3 р. 50 к.

Смирновъ, протоіерей Петръ. — О православіи вообще и въ частности по отношенію къ славянскимъ народамъ. Спб. 93. Стр. 29. Ц. 10 к.

Станюковичъ, К. М.—Пассажирка, разсказъ изъ морской жизни. Спб. 93. Стр. 187. Ц. 1 р.

Степовичъ, А. — Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 93. Стр. 111.

Тураевъ, Б. — Очеркъ исторіи изученія финикійской древности. Спб. 92. Стр. 76.

Фарраръ, Ф.—На разсвѣтѣ христіанства. Истор. ром. изъ временъ Нерона. Переработка М. К—ъ. Спб. 93. Стр. 393.

Фойницкій, И. Я.—Курсъ уголовнаго права. Часть особенная: Посягательство на личность и имущество. Изд. 2-е, пересмотрѣнное. Спб. 93. Стр. 440. Ц. 3 р.

Чернушенко, Д. Н.—Воздухоплаваніе „Летоходъ". М. 93. Стр. 48.

Dukmeyer, Fr.—Der Arbeiterkaiser, Trauerspiel. Berl. 92. Стр. 84.

Philippof, M. — Sur les invariants des équations différentielles linéaires. Thèse présentée pour le doctorat. Heidelberg, 92. Стр. 64.

— Журналы съѣзда производителей табака-махорки въ г. Лохвицѣ. Кіевъ, 92. Стр. 199.

— Моя Библіотека: № 22—27. Фламандскія народныя сказки, пер. А. Н. Галибинъ. Спб. 93. Стр. 387.

— Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 62 и 63: Майоръ-Марсъ. Изд. б. Товарищ. А. Гарбель и К°. М. 93. Стр. 2925—3020. Ц. по 40 к.

— Новая Библіотека Суворина: Орасъ, ром. Ж.-Занда, перев. В. Крестовскаго (псевдонимъ).—Жакерія, сцены изъ феодальныхъ временъ, Просп. Мериме́, перев. Д. Аверкіева. Спб. 93. Стр. 331 и 283. Ц. по 60 к.

— Обзоръ дѣятельности россійскаго Общества Краснаго Креста въ 1891—92 гг., по оказанію помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, и по борьбѣ съ холерной эпидеміей. Спб. 92. Стр. 35 и 10.

— Отчетъ о дѣйствіяхъ общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго собора въ Спб. за 1892 г. Спб. 93. Стр. 33.

— Отчетъ о лѣтнихъ колоніяхъ для дѣтей московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ (5-й годъ). М. 93. Стр. 22.

— Отчетъ по лѣсному управленію мин. госуд. имуществъ. Спб. 93.

— Отчетъ Тамбовской губернской Управы по продовольственной операціи 1891—92 гг. Вып. 1, 2 и 3. Тамб. 92.

— Памятная Книжка Гродненской губерніи на 1893 г. Гр. 92. Ц. 1 р.

— Первое десятилѣтіе дѣятельности прибалтійскаго православнаго братства, 1882—92 гг. Спб. Стр. 30.

— Семейная Библіотека: № 36. Девяносто-третий годъ, ром. В. Гюго. Т. II. Спб. 92. Стр. 116. Ц. 25 к.

— Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества. Т. 86. Спб. 93. Стр. 611. Ц. 3 р.

— Списокъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи на 1893 г. М. 93. Стр. 101. Ц. 50 к.

— Энциклопедическій Словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т. VIII, а: Германія—Го. Спб. 93. Стр. 479—958.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

L'évolution sociale, par *Bernard-Lavergne*, sénateur du Tarn. Paris, 1893.

Книга Бернаръ-Лаверня — не научный трактатъ, а популярное, тепло написанное разсужденіе о способахъ и цѣляхъ соціальной реформы. Авторъ, съ одной стороны, доказываетъ несостоятельность и неосуществимость крайнихъ требованій соціализма, а съ другой — признаетъ нѣкоторыя его стороны заслуживающими дальнѣйшаго развитія и примѣненія, оспариваетъ теоріи и идеи одностороннихъ защитниковъ промышленной буржуазіи и подтверждаетъ многими фактами возможность поднятія и улучшенія матеріальнаго быта рабочихъ, безъ ущерба для капиталистовъ. Бернаръ-Лавернь, принимавшій близкое участіе въ событіяхъ 1848 года, въ качествѣ члена законодательнаго собранія, и внимательно слѣдившій съ тѣхъ поръ за ходомъ соціальнаго движенія во Франціи, рѣшительно не понимаетъ новѣйшаго оппортунизма, который думаетъ устранить опасные и щекотливые вопросы простымъ отрицаніемъ ихъ. Во многихъ предпріятіяхъ, приносящихъ милліоны дохода, положеніе рабочихъ остается шаткимъ и ничѣмъ не обезпеченнымъ; возростающія богатства отдѣльныхъ лицъ, на ряду съ нуждою и бѣдностью трудящихся массъ, бросаются

слишкомъ рѣзко въ глаза, чтобы можно было разсчитывать на успокоеніе рабочихъ самодовольными фразами доктринеровъ-оптимистовъ. Упорное ослѣпленіе послѣднихъ тѣмъ болѣе странно, что непрерывный и угрожающій ростъ соціалистическаго движенія въ рабочемъ классѣ составляетъ безспорный, общеизвѣстный фактъ, съ которымъ такъ или иначе надо считаться. Законъ 1844 года о синдикатахъ установилъ извѣстную легальную форму для организаціи рабочихъ во Франціи, а въ послѣднее время дѣлаются попытки сближенія и соглашенія различныхъ синдикатовъ, съ цѣлью устройства общей федераціи ихъ, такъ что мало-по-малу подготовляется единство въ устройствѣ рабочаго класса. Это единство могло бы оказаться опаснымъ оружіемъ въ рукахъ практическихъ вождей соціализма, еслибы не было такой непримиримой розни между многочисленными группами самихъ соціалистовъ. Двѣ главныя партіи — революціонная и мирная—распадаются въ свою очередь на фракціи, которыя заняты больше взаимными спорами, чѣмъ борьбою съ капитализмомъ и буржуазіею. „Рабочая партія", руководимая Гедомъ (Guesde) и называемая поэтому гедистскою, держится ученія и программы Маркса; „центральный революціонный комитетъ" слѣдуетъ указаніямъ Бланки и стремится прежде всего къ политическому насильственному перевороту; „федерація рабочихъ" подчиняется Бруссу, а „рабочая соціалистическо-революціонная партія"—Алеманну: обѣ эти группы, „бруссисты" и „алеманнисты", враждуя между собою, составляютъ одну общую партію „поссибилистовъ", сторонниковъ мирной соціальной реформы, и энергически возстаютъ противъ „гедистовъ" и бланкистовъ, приверженцевъ и проповѣдниковъ вооруженнаго возстанія. При такомъ пестромъ разнообразіи и взаимномъ разладѣ соціалистическихъ группъ и кружковъ, буржуазія можетъ еще пока быть спокойною насчетъ наступательныхъ дѣйствій рабочей демократіи; но и теперь это спокойствіе нарушается періодическими стачками и столкновеніями, доходящими иногда до кровопролитія.

Бернаръ-Лавернь находитъ, что рабочій вопросъ прекрасно разрѣшается на практикѣ въ тѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, гдѣ примѣняется принципъ участія рабочихъ въ прибыли производства. Авторъ приводитъ интересныя свѣденія о фабрикахъ и заводахъ, доставляющихъ рабочимъ обезпеченіе въ старости и болѣзни; существуютъ такія мѣстности во Франціи, гдѣ старые работники пользуются достаткомъ и отдыхомъ, получая свою пенсію,—гдѣ дѣти проводятъ время въ образцовыхъ фабричныхъ школахъ и пріютахъ, и гдѣ рабочіе имѣютъ возможность откладывать значительныя сбереженія, благодаря системѣ раздачи дивидендовъ изъ прибыли предпріятія. Доходы хозяевъ и капиталистовъ отъ этого не уменьшаются.

а напротивъ, увеличиваются, насколько успѣхъ дѣла зависитъ отъ стараній и аккуратности рабочихъ; притомъ исчезаютъ поводы къ забастовкамъ, волненіямъ и безпорядкамъ, столь часто разоряющимъ обѣ стороны. Этотъ отдѣлъ книги (стр. 134—177) читается съ наибольшимъ интересомъ. По мнѣнію автора, разумныя мѣры и учрежденія, обезпечивающія рабочихъ при участіи самихъ хозяевъ, даютъ именно то, къ чему стремятся соціалисты; нужно только расширить область примѣненія той же системы, и результаты будутъ самые благотворные. Жаль только, что большинство капиталистовъ не раздѣляетъ гуманныхъ идей и чувствъ Бернаръ-Лаверня. Болѣе радикально авторъ рѣшаетъ вопросъ поземельный: онъ стоитъ за постепенный переходъ всей воздѣлываемой земли къ крестьянамъ, такъ какъ земледѣліе можетъ давать прочный доходъ только въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, ведущихъ хозяйство своимъ личнымъ трудомъ.

Искренній тонъ филантропіи, которымъ проникнута вся книга Бернаръ-Лаверня, невольно привлекаетъ читателя даже въ тѣхъ случаяхъ, когда теоретическія разсужденія автора кажутся спорными или ошибочными. Въ общемъ книга эта составляетъ пріятное явленіе въ современной экономической литературѣ, которая, особенно во Франціи, все болѣе вырождается въ сухое и претенціозное доктринерство.—Л. С.

II.

George Pellisier. Essais de littérature contemporaine. P. 1893. Стр. 391.

Этюды, собранные въ книгѣ Пелиссье, составляютъ дополненіе къ извѣстной книгѣ того же автора: „Le mouvement littéraire au XIX siècle“, и затрогиваютъ интересные вопросы текущей литературы: о пессимизмѣ въ романѣ и драмѣ, о новѣйшемъ развитіи французской поэзіи, о реформѣ метрики, о критическихъ пріемахъ Брюнетьера и т. д. Во всѣхъ этихъ очеркахъ, а также въ характеристикахъ отдѣльныхъ писателей (Октава Феллье, Золá и др.), замѣтна одна общая идея, руководящая сужденіями автора: его безпокоятъ крайности современныхъ литературныхъ направленій, и онъ протестуетъ противъ нихъ во имя стараго „l'esprit des lettres françaises“. Въ современномъ пессимизмѣ онъ видитъ вырожденіе въ мизантропію; въ уклоненіи поэтовъ отъ классическихъ принциповъ стихосложенія — вырожденіе французскаго стиха вообще. Это недовѣрчивое отношеніе къ смѣлости новыхъ теченій и видимая привязанность къ традиціоннымъ литературнымъ формуламъ придаютъ оттѣнокъ узкости взгля-

дамъ Пелиссье; но помимо этого книга представляетъ много любопытнаго въ смыслѣ оцѣнки литературной дѣятельности отдѣльныхъ писателей. Самыя интересныя главы въ книгѣ — этюды о современномъ пессимизмѣ и о критическихъ доктринахъ Брюнетьера. Въ первомъ авторъ не является противникомъ пессимизма вообще, а только доказываетъ, что современные писатели извращаютъ идею раціональнаго пессимизма. Пессимизмъ, правильно понимаемый, благодѣтеленъ для человѣчества: тогда какъ оптимистически настроенное общество, довольное собой и всѣмъ окружающимъ, не идетъ по пути прогресса, пессимизмъ обнажаетъ зло, возбуждаетъ сожалѣніе къ страдающимъ и побуждаетъ стремиться къ изысканію средствъ исцѣленія. Но не этотъ желательный и плодотворный пессимизмъ подмѣчаетъ авторъ въ современной литературѣ, особенно французской. Романисты, поэты и драматурги лишены того, что составляетъ сущность пессимизма — любви къ человѣчеству и сострадания. Они выкапываютъ все, что есть низменнаго въ человѣческой натурѣ, злорадно рисуютъ торжество пошлости и глупости въ жизни и не проявляютъ ни желанія побѣдить зло, ни надежды на болѣе свѣтлое будущее. Это равнодушное, холодно-научное отношеніе къ изображаемому злу побуждаетъ Пелиссье называть представителей современнаго романа не пессимистами, а мизантропами. Онъ тонко и остроумно проводитъ эту разницу между пессимизмомъ въ классическомъ значеніи слова и безплодной, во всѣхъ отношеніяхъ несимпатичной мизантропіей, мало выкупающейся даже талантами ея представителей. Но когда дѣло доходитъ до подкрѣпленія теоретическихъ сужденій доказательствами, взятыми изъ сочиненій критикуемыхъ авторовъ, авторъ „Essais" намъ кажется далеко не убѣдительнымъ. Такъ напр., говоря о Мопассанѣ, онъ характеризуетъ его эпикурейцемъ, мрачно смотрящимъ на жизнь, потому что она не представляетъ достаточнаго количества наслажденій чувствамъ и, главнымъ образомъ, достаточнаго разнообразія ощущеній. Идеалъ его, въ глазахъ Пелиссье, чисто матеріалистическій; философская подкладка его сочиненій—полнѣйшій сенсуализмъ, доходящій въ своихъ крайнихъ выводахъ до нигилизма и пессимизма. Съ этимъ, однако, трудно согласиться. Мопассанъ едва-ли производилъ бы такое неотразимо глубокое, удручающее впечатлѣніе на читателей, еслибы онъ занятъ былъ исключительно міромъ матеріальныхъ ощущеній. Вспомнимъ небольшой разсказъ Мопассана: „Solitude", очень характеристичный для его душевнаго склада. Проникающій его ужасъ полнаго нравственнаго одиночества человѣка въ жизни, сознаніе невозможности проникнуть въ душу другого, невозможность внутренней связи даже между любящими существами— все это, выраженное ярко и просто на нѣсколькихъ страницахъ, по-

казываетъ, что въ душѣ автора сильна потребность духовныхъ началъ жизни, и что только полное отчаяніе въ возможности удовлетворить ее заставляетъ его забыться въ ощущеніяхъ минуты. Точно также опроверженіемъ взгляда Пелиссье можетъ служить извѣстный романъ „La Vie“: героиня его именно потому и дѣлается жертвой жизни, что она ищетъ въ ней осуществленія духовныхъ идеаловъ, въ которыхъ авторъ „Essais“ отказываетъ Мопассану.

Въ этюдѣ о Брюнетьерѣ Пелиссье очень вѣрно отмѣтилъ заслугу академическаго критика предъ литературой: Брюнетьеръ спасъ, такъ сказать, чисто-литературную, эстетическую критику, начавшую уступать мѣсто блестящему историческому методу Тэна и увлекательнымъ парадэксамъ „импрессіонистовъ“. Брюнетьеръ возстаетъ противъ увлеченій и заблужденій этихъ школъ и доказываетъ, что искусство должно служить главнымъ образомъ не для изученія судебъ народа, а для воплощенія идеи прекраснаго, и что поэтому критика составляетъ отрасль не исторіи, а эстетики. Изъ этого основного принципа вытекаютъ всѣ достоинства и недостатки Брюнетьера. На послѣднихъ Пелиссье останавливается, впрочемъ, слишкомъ мало.

Отмѣтимъ еще въ книгѣ Пелиссье этюдъ объ Октавѣ Феллье, въ которомъ онъ видитъ выдающагося бытописателя высшихъ классовъ общества и первокласснаго стилиста.

III.

Stéphane Mallarmé, Vers et prose. Morceaux choisis. P. 1893, pp. 220.

Имя Малларме очень извѣстно во Франціи, а въ послѣднее время и у насъ; но подлинныя его поэмы слишкомъ разбросаны были до сихъ поръ по спеціальнымъ журналамъ или издавались какъ библіографическіе курьезы и доходили до публики большей частью лишь въ пародіяхъ противниковъ „символизма“. Теперь Малларме, считавшій до сихъ поръ типографскій станокъ профанаціей вдохновенія, рѣшился издать избранныя мѣста своихъ произведеній въ общедоступномъ сборникѣ, который, быть можетъ, разсѣетъ легенды о сплошной непонятности его поэзіи.

Въ „Vers et prose“ помѣщены образцы первой манеры Малларме, когда, принадлежа еще къ синклиту „парнасцевъ“, онъ отличался отъ своихъ собратьевъ только бо́льшей сложностью и интенсивностью чувства. Таково его „Apparition“, гдѣ символъ еще не замѣняетъ образа, но гдѣ самые образы, сочетающіе впечатлѣнія гармоніи звуковъ и красокъ, указываютъ на новый путь, по которому вскорѣ

пойдетъ поэтъ; таковы также: „Soupir“, „Brise Marine“ и др. Въ сборникѣ находимъ также прелестный драматическій отрывокъ „Hérodiade“, написанный вполнѣ яснымъ языкомъ и показывающій пониманіе авторомъ самыхъ причудливыхъ настроеній исключительныхъ натуръ. Отдѣлъ „Sonnets“ и эпическая поэма: „Après midi d'un Faune“ показываютъ читателю настоящаго Малларма—поэта-символиста, вѣрующаго въ необходимую и несомнѣнную связь между предметами внѣшняго міра и невидимымъ міромъ ощущеній человѣческой души. Всѣ эти непонятные при первомъ чтеніи сонеты объясняются философскимъ міросозерцаніемъ поэта, его вѣрой въ вѣчную гармонію вселенной, въ силу которой одни и тѣ же отвлеченныя понятія должны вызывать одни и тѣ же символы. Онъ вѣритъ въ правильныя, существующія съ начала временъ соотношенія между міромъ мысли и внѣшней природой, такъ что поэту стоитъ только напомнить о нихъ, чтобы они появились въ человѣческомъ сознаніи, не нуждаясь ни въ какихъ объясненіяхъ. Конечно, эта метафизическая теорія доведена имъ до крайности и не всѣ его сонеты дѣлаются понятными даже тѣмъ изъ его почитателей, которые проникли въ тайну его „символовъ“. Но зато какъ хороши въ своихъ недосказанныхъ образахъ, какъ бы открывающихъ завѣсу въ болѣе свѣтлый міръ фантазіи, стихотворенія: „Victorieusement fui le suicide beau“; „Tout orgueil fume-t-il le soir“; „Surgi de la croupe et du bond—D'une verrerie éphémère“!.. Прозаическіе отрывки въ сборникѣ Малларма заключаются въ его художественныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма точныхъ переводахъ Эдг. Поэ и въ отдѣльныхъ набросках, какъ бы взятыхъ изъ дневника, куда заносятся мимолетныя впечатлѣнія рядомъ съ самыми сокровенными мыслями. Много въ этихъ страницахъ аффектированнаго, болѣзненнаго пристрастія ко всему вычурному и неестественному, но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько поэзіи въ „Frissons d'hiver“, гдѣ поэтъ вызываетъ въ памяти образы лишь неодушевленныхъ предметовъ, мебели и objets d'art, и создаетъ этимъ способомъ картину меланхолической жизни человѣческой души, полной неразгаданныхъ желаній! Отмѣтимъ также „Chant d'Automne“ и „La Pipe“, приближающіеся по законченности формы и по капризной меланхоліи настроенія къ „Poèmes en prose“ Бодлэра. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1893 г.

Итоги дѣятельности Особаго Комитета.— Частная помощь въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году.—Одна изъ причинъ *невѣдѣнія* размѣровъ бѣдствія.—Трагическая смерть Н. А. Алексѣева.—П. Я. Александровъ †.—Юбилей В. Н. Герарда.

5-го марта состоялся Высочайшій рескриптъ на имя Наслѣдника Цесаревича, знаменующій собою окончаніе занятій Особаго Комитета. Задачи его признаны исполненными. „Обильный притокъ приношеній,— сказано въ рескриптѣ,—не только далъ возможность успѣшно бороться съ бѣдственными послѣдствіями неурожая въ теченіе минувшаго года, но и обезпечилъ способы благотворительной помощи въ нынѣшнемъ году въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ недородъ повторился". Суммы, поступившія въ кассу Особаго Комитета за время съ 3-го декабря 1891 по 19 февраля 1893 г., составляютъ всего 13 съ небольшимъ милліоновъ рублей, распадаясь на слѣдующія три главныя категоріи: 1) непосредственно внесенныя жертвователями—1.958.324 рубля; 2) перечисленныя въ распоряженіе Комитета изъ различныхъ учрежденій, уполномоченныхъ на пріемъ пожертвованій — 2.480.307 рублей, и 3) чистая прибыль отъ двухъ благотворительныхъ лотерей —8.650.013 руб. Израсходовано изъ этихъ денегъ по 29-ое декабря 1892 г., на нужды губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 г., 10.399.789 рублей. Послѣ 29-го декабря помощь оказывалась уже губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожая 1892 г.; на этотъ предметъ ассигновано всего 1.329.287 рублей (на воронежскую губернію — 500 тысячъ, на тульскую—400 тысячъ, на херсонскую — 100 тысячъ рублей; отъ 90 до 20 тысячъ получили губерніи орловская, курская, полтавская и бессарабская, другія—менѣе 20 тысячъ). Обществу Краснаго Креста возвращены 550 тысячъ рублей, издержанныя имъ въ прошломъ году изъ запасныхъ, на военное время, капиталовъ общества. Остатокъ—825 тысячъ рублей—оставленъ въ распоряженіи Наслѣдника Цесаревича, на нужды мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая 1892 г. Если принять въ разсчетъ пожертвованія, оффиціально зарегистрованныя до образованія Особаго Комитета и продолжавшія, послѣ его образованія, поступать непосредственно въ распоряженіе мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій, то общая сумма частныхъ пожертвованій превысить 10 милліоновъ рублей деньгами и 2.400 тыс. пудовъ хлѣба (стоимостью не менѣе $3^1/_2$ милл. рублей). Затѣмъ остается еще большое количество пожертвованій, сдѣланныхъ

помимо оффиціальныхъ благотворительныхъ учрежденій и потому не подлежащихъ точному опредѣленію. „Какъ значительны были иногда эти пожертвованія, — читаемъ мы въ отчетѣ Особаго Комитета, — можно заключить изъ того обстоятельства, что посѣтившими нѣкоторыя мѣстности представителями Общества Друзей въ Англіи, гг. Бруксомъ и Джонсомъ, было издержано на благотворительную помощь свыше 275 тыс. рублей". Чрезвычайно интересно было бы опредѣлить сумму хотя бы тѣхъ не-оффиціальныхъ, негласныхъ пожертвованій, которыя прошли черезъ руки частныхъ организацій. Такихъ организацій было очень много; средства, находившіяся въ ихъ распоряженіи, часто считались тысячами и даже десятками тысячъ. Приведемъ два примѣра, особенно характеристичныхъ. Намъ нѣсколько разъ приходилось упоминать въ прошломъ году о двухъ центрахъ борьбы съ послѣдствіями неурожая — въ николаевскомъ уѣздѣ самарской губерніи и въ моршанскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи. Въ № 49 „Русскихъ Вѣдомостей" напечатанъ окончательный отчетъ частнаго (дмитріевскаго) благотворительнаго комитета, дѣйствовавшаго въ николаевскомъ уѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ поселянина С. Шмидта. Онъ получилъ, въ теченіе года, почти 51 тыс. рублей деньгами, болѣе 9½ тыс. пудовъ хлѣба, до 1.500 предметовъ одежды, сверхъ того, лекарства, чай, сахаръ — всего, переводя на деньги, близко къ 65 тыс. рублей. Правда, въ составъ этой суммы входятъ 6 тыс. рублей, ассигнованныя Особымъ Комитетомъ, и 14 тыс. руб., доставленныя англійскимъ „Обществомъ Друзей"; но и за вычетомъ этихъ денегъ остается еще почти 45 тыс. рублей, собранныхъ частными лицами и не отмѣченныхъ въ отчетѣ Особаго Комитета. Дѣятельность моршанской группы подробно описана въ книгѣ А. А. Корнилова, въ высшей степени обстоятельной и интересной („Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ"; см. выше, Литературное Обозрѣніе). Сумма, находившаяся въ ея распоряженіи, превысила — не считая значительныхъ поступленій натурою — 45 тысячъ рублей. Двумъ частнымъ группамъ удалось, такимъ образомъ, собрать около 90 тыс. руб. частныхъ пожертвованій — а такихъ группъ, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ даже по имени, было, навѣрное, нѣсколько сотъ. Мы слышали отъ одного изъ наиболѣе уважаемыхъ московскихъ профессоровъ, что ему лично извѣстно о 200 тыс. руб., пожертвованныхъ нѣсколькими лицами, въ теченіе 1891—92 г., безъ всякой отмѣтки или записки куда бы то ни было и ускользающихъ, пока, отъ всякой регистраціи. Такихъ невѣдомыхъ пожертвованій, безъ сомнѣнія, было очень много; но даже и тѣмъ, о которыхъ въ разное время появлялись сообщенія въ газетахъ, итогъ до сихъ поръ не подведенъ. Съ достовѣрностью можно сказать только одно: нигдѣ по-

мощь голодающимъ не достигала до такой степени своей цѣли, какъ именно тамъ, гдѣ ею непосредственно, на мѣстѣ, распоряжались частныя лица или группы; нигдѣ распредѣленіе ея не было, да и не могло быть, основано на такомъ близкомъ изученіи дѣла, нигдѣ она не могла пріобрѣсти такого исчерпывающаго, широкаго характера. Частная благотворительность, если только она располагала сколько-нибудь достаточными средствами, не могла ограничиться избавленіемъ населенія отъ голода; она неизбѣжно должна была стремиться къ поддержанію или поднятію его благосостоянія, не прекращаясь и по окончаніи голоднаго періода. Дмитріевскій комитетъ, въ николаевскомъ уѣздѣ, израсходовалъ болѣе 20 тыс. рублей на покупку лошадей для безлошадныхъ крестьянъ; вернадовская группа, въ моршанскомъ уѣздѣ, прокормила, передъ началомъ и во время весеннихъ полевыхъ работъ, 1558 крестьянскихъ лошадей и раздала крестьянамъ (благодаря, въ особенности, пожертвованію присоединившагося къ ней Л. Ф. Пантелѣева) 374 лошади. Эта раздача (не даровая, а съ обязанностью уплатить стоимость лошади, четырьмя равными годовыми взносами) положила основаніе весьма полезному учрежденію—попечительству о безлошадныхъ крестьянахъ моршанскаго уѣзда. Средства этого попечительства составляются, между прочимъ, изъ денегъ, получаемыхъ въ возвратъ стоимости лошадей. Помощь, оказанная въ тяжелую неурожайную годину, становится, такимъ образомъ, источникомъ постоянной поддержки для крестьянъ, которымъ грозитъ безлошадность, т.-е. полное разореніе.

Теперь, когда подходитъ къ концу второй неурожайный періодъ, можно, къ сожалѣнію, сказать утвердительно, что частная и общественная благотворительность не достигла, на этотъ разъ, той высоты, на которой она стояла въ 1891—92 г. Почему это такъ случилось—вопросъ весьма сложный, выясненіе котораго принадлежитъ будущему. Едва ли можно отрицать, однако, что сравнительное безучастіе общества зависѣло, отчасти, отъ недостаточнаго распространенія въ его средѣ свѣденій о дѣйствительномъ положеніи дѣла—а въ этомъ недостаткѣ свѣденій повинны, опять-таки отчасти, наши газеты. И въ 1891 г. было время, когда недовѣріе къ тревожнымъ извѣстіямъ стояло à l'ordre du jour, когда дѣлались попытки уменьшить размѣры бѣдствія, набросить подозрѣніе на отзывы, выставлявшіе его въ настоящемъ свѣтѣ; но это время скоро прошло, и попеченіе о „нуждающихся“ (*голодающими* ихъ, все-таки, рѣшались называть не всѣ) сдѣлалось не только возможнымъ, но даже моднымъ. Въ 1892—93 г. такой поворотъ нѣсколько разъ казался возможнымъ, близкимъ; но съ такою рѣшительностью и силой, какъ годъ тому назадъ, онъ не наступилъ, хотя основанія для него всѣ были на-лицо. Нельзя же,

въ самомъ дѣлѣ, измѣрять тяжесть бѣдствія только предѣлами его географическаго распространенія; нельзя же утверждать, что положеніе голодающихъ улучшается или ухудшается прямо пропорціонально уменьшенію или увеличенію общаго ихъ числа. Что *районъ* бѣдствія въ нынѣшнемъ году меньше, чѣмъ въ прошломъ—это безспорно; но столь же безспорно и то, что его интенсивность, во многихъ мѣстахъ не меньше или даже больше прошлогодней. Между тѣмъ столичныя газеты, въ прошломъ году *всѣ безъ исключенія* способствовавшія, въ большей или меньшей степени, пробужденію и поддержанію въ обществѣ вниманія и участія къ голодающимъ, въ нынѣшнемъ году, за немногими счастливыми исключеніями (между которыми первое мѣсто занимаютъ „Русскія Вѣдомости" и „Русская Жизнь"), не исполнили этой задачи. Можно было думать, что нѣкоторыя изъ нихъ издаются не въ Россіи, а въ какой-то блаженной странѣ, не знающей неурожаевъ и голодовокъ. Вотъ, напримѣръ, что напечатано въ „Новомъ Времени" *7-го марта* (№ 6114), т.-е. полгода послѣ того, какъ вполнѣ обрисовались результаты послѣдней жатвы: „Намъ пришлось говорить съ нѣкоторыми видными общественными дѣятелями изъ тульской и орловской губерній. Отъ нихъ мы слышали печальныя повѣствованія о положеніи многихъ мѣстностей въ этихъ губерніяхъ, по случаю вторичнаго неурожая". Приведя, въ немногихъ словахъ, сущность этихъ повѣствованій, не представляющую рѣшительно ничего новаго, газета продолжаетъ: „мы не имѣемъ претензіи разжалобить читателей. Но мы боимся, не происходитъ ли это оскудѣніе общественной благотворительности отъ невѣденія? Двѣ-три, даже сильно пострадавшія, губерніи на всю Россію немного, и, конечно, эти двѣ-три губерніи не могутъ сдѣлать сильнаго впечатлѣнія послѣ года, когда 17 губерній были въ тяжеломъ положеніи. Естественно (!), что объ этихъ двухъ-трехъ губерніяхъ мало и разговоровъ. Кто не былъ на мѣстѣ, не видалъ тяжелой нужды, не слыхалъ жалобы и просьбъ, тотъ могъ и совсѣмъ не знать, что именно такія-то мѣстности и въ такой-то мѣрѣ пострадали. О нихъ не только не говорятъ въ столичномъ обществѣ, но и въ газетныхъ корреспонденціяхъ съ мѣста не очень распространяются. Избитая вѣдь тема!.. Но нужда есть, хотя и не вопіетъ о себѣ на весь міръ: придти на помощь этой нуждѣ было бы добрымъ и патріотическимъ дѣломъ общества, и мы увѣрены, что общество откликнется, потому что наше общество всегда отзывчиво на призывъ къ помощи ближнему. Но надо, чтобы мѣстные дѣятели, частью за тѣмъ и пріѣхавшіе въ Петербургъ, чтобы хлопотать о помощи нуждающемуся населенію ихъ мѣстностей,—надобно, чтобы эти дѣятели сами предприняли необходимые шаги для организаціи общественной

помощи. А то вѣдь немногіе и знаютъ, къ кому слѣдуетъ обращаться съ доброхотною помощью, да и принимается ли такая помощь (!). Вся благотворительная организація по случаю неурожая 1891 года предполагается болѣе несуществующею, за минованіемъ причины, ее вызвавшей. А публичнаго обращенія къ общественной благотворительности со стороны пострадавшихъ мѣстностей не было (!), и можетъ быть многіе отъ всей души желали бы помочь нуждающимся, да не знаютъ, какъ это сдѣлать". По-истинѣ невѣроятныя, удивительныя строки! Какъ! Журналисту, стоящему у самаго источника новостей, имѣющему подъ рукой всѣ провинціальныя газеты, понадобилась случайная бесѣда съ „видными общественными дѣятелями", чтобы узнать давно извѣстное всякому не совсѣмъ индифферентному наблюдателю нашей жизни?! „Сильно пострадавшихъ" губерній онъ насчитываетъ, даже послѣ этой бесѣды, только *двѣ-три*, тогда какъ ихъ, по меньшей мѣрѣ, *десять*! Ему кажется „естественнымъ", что „мало разговоровъ" о бѣдствіи, постигшемъ *только* двѣ-три губерніи!.. Но вѣдь *мало*—не все равно, что *ничего*; разговоры несомнѣнно происходили—нужно было только къ нимъ прислушаться. Съ января мѣсяца, а можетъ быть и раньше, во многихъ петербургскихъ и московскихъ кружкахъ начались устныя сообщенія очевидцевъ о положеніи дѣлъ въ неурожайныхъ губерніяхъ. Ничего не слышать объ этихъ сообщеніяхъ могли только тѣ газеты, которыя не *хотѣли* слышать о нихъ. Еще удивительнѣе увѣреніе, что со стороны пострадавшихъ мѣстностей не было *публичныхъ обращеній къ общественной благотворительности*. А письмо гр. В. А. Бобринскаго, напечатанное, въ нѣсколькихъ газетахъ, еще въ началѣ декабря прошлаго года? А его отчеты о дѣятельности богородицкаго попечительства Краснаго Креста, постоянно, съ тѣхъ поръ, появлявшіеся въ печати? А письмо г. Черткова о печальномъ положеніи южныхъ уѣздовъ воронежской губерніи? А письма госпожи Бобрищевой-Пушкиной, гг. Цвиленева, Бѣлоконскаго и многихъ другихъ? Не знать, что организаціи для помощи до сихъ поръ существуютъ, не знать, куда и къ кому могутъ быть направляемы пожертвованія, простительно только тѣмъ, кто ничего не читаетъ или читаетъ одну какую-нибудь газету, изъ числа молчащихъ о голодѣ—но непростительно самимъ представителямъ печати. Да, „оскудѣніе общественной благотворительности" происходитъ, отчасти, отъ „невѣденія"—но почему же газета, сѣтующая о томъ теперь, раньше не открывала глаза невѣдующимъ?.. Какъ бы то ни было, лучше поздно, чѣмъ никогда; хорошо уже и то, что хоть съ 7-го марта читатели, черпающіе всѣ свои свѣдѣнія изъ „Новаго Времени", потеряли возможность „оправдываться незнаніемъ" о голодѣ. Теперь они имѣютъ передъ собою письмо

госпожи Гротъ (изъ рязанской губерніи), послѣдній отчетъ госпожи Бобрищевой-Пушкиной (№ 6125); имъ нельзя, слѣдовательно, ссылаться и на то, что „нѣтъ публичныхъ обращеній къ общественной благотворительности"... Слишкомъ долго продолжавшееся равнодушіе можетъ еще быть, до извѣстной степени, заглажено; нужда особенно велика именно весною и прекратится—или уменьшится—только черезъ четыре мѣсяца.

Во что разростаются, на самомъ дѣлѣ, тѣ *двѣ-три* нуждающіяся губерніи, на открытіе которыхъ „Новому Времени" понадобилось цѣлыхъ полгода, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по письму госпожи Сѣровой изъ корсунскаго уѣзда (симбирской губерніи), напечатанному въ № 59 „Русскихъ Вѣдомостей". Симбирская губернія не принадлежитъ къ числу тѣхъ десяти, которыя оффиціально признаны пострадавшими отъ неурожая 1892 г.; а между тѣмъ въ селѣ Судосевѣ „больше половины жителей побирается, хлѣба нѣтъ, положеніе много хуже прошлогодняго... Какъ вздыхаютъ судосевцы по лебедѣ! Пополамъ съ мукой ею кое-какъ кормились, а теперь чѣмъ пробиться? Точно такое же положеніе въ Шуватовѣ, Енгалычевѣ, Елизаветинѣ, Ѳедоровкѣ, Починкахъ (въ первыхъ двухъ селахъ, вдобавокъ, свирѣпствуетъ тифъ); нищимъ перестали подавать, ихъ количество ростетъ съ неимовѣрной быстротой"... Намъ доставлены свѣденія изъ шадринскаго уѣзда (пермской губерніи), бросающія поразительно яркій свѣтъ на послѣдствія неурожая. Въ 22 деревняхъ этого уѣзда 1.473 семейства, имѣвшія, въ началѣ 1891 г., болѣе 1800 лошадей, къ лѣту 1892 г. оказались безлошадными. Коровъ у этихъ семействъ было 1.618, осталось—302; овецъ было 770, осталось—48; построекъ разнаго рода было 962, осталось—311; засѣвали они прежде болѣе 4.000 десятинъ, въ 1892 г. не засѣяли и 2.000. Въ 23 приходахъ шадринскаго уѣзда число родившихся въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ 1888 г. было 2.155, въ теченіе тѣхъ же мѣсяцевъ 1889 г.—1.977, 1890 г.—1.862, 1891 г.—2.063, 1892 г.—*1.423*. Умершихъ, за тотъ же періодъ времени, было: въ 1888 г.—1.167, въ 1889 г.—1.325, въ 1890 г.—1.542, въ 1891 г.—2.300, въ 1892 г.—*2.486*. Особенно зловѣщимъ представляется не столько послѣднее число, сколько *постоянное* возростаніе смертности, начиная съ 1889 г. Голодъ 1891 г. нашелъ здѣсь, очевидно, слишкомъ хорошо подготовленную почву. Сколько времени и сколько усилій потребуется для того, чтобы залечить столь глубокія раны?!..

Москва и вмѣстѣ съ нею все наше общество были глубоко поражены трагическою смертью московскаго городского головы, Н. А. Алексѣева.

Вполнѣ понятно, что въ первыя минуты послѣ печальной вѣсти всѣ вспоминали только добрыя качества покойнаго—тѣмъ болѣе понятно, что такихъ качествъ у него было не мало. Неизбѣжны и вполнѣ извинительны, при подобныхъ условіяхъ, даже преувеличенія, если только они остаются въ извѣстныхъ предѣлахъ и не обращаются ни въ явное извращеніе дѣйствительности, ни въ отрицаніе основныхъ началъ справедливости и права. Этихъ двухъ подводныхъ камней не съумѣли избѣжать нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, въ своихъ статьяхъ о безвременно погибшемъ московскомъ дѣятелѣ. „Н. А. Алексѣевъ, —читаемъ мы въ одной изъ нихъ,—уважалъ общественное мнѣніе и презиралъ общественную болтовню. Онъ ненавидѣлъ партійность и безпощадно давилъ оппозицію своимъ начинаніямъ, но охотно давалъ свободу здравому, толковому слову, когда оно преслѣдовало не праздные споры о правахъ, въ то время какъ надо было помнить только обязанности, а цѣли дѣйствительно практическія и близкія къ сути насущныхъ вопросовъ". Эта характеристика не только невѣрна фактически — она *оправдываетъ* то, что въ лучшемъ случаѣ можетъ быть лишь *объяснено*, какъ тѣневая сторона картины. „Безпощадное подавленіе оппозиціи" не можетъ идти рука объ руку съ уваженіемъ къ общественному мнѣнію, немыслимому безъ свободы порицанія и отрицанія. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо опасна теорія, признающая право на существованіе только за „здравымъ, толковымъ словомъ"—опасна потому, что она до крайности затрудняетъ борьбу съ „преданіями рабства", которымъ, по выраженію поэта, такъ „страшно вѣренъ" русскій человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто является, при дѣйствіи этой теоріи, судьею „здравости" и „толковости" слова? Тотъ, чьею дѣятельностью оно вызвано. Само собою разумѣется, что „здравымъ и толковымъ" ему будетъ казаться, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только слово согласія и одобренія. Не желая выслушивать противника, онъ будетъ увѣрять другихъ и вѣрить самъ, что налагаетъ молчаніе на ненормальность и безтолковость. Другой, заранѣе готовый предлогъ для „подавленія" оппозиціи—это ссылка на *партійность*. Группа людей, не раздѣляющихъ моего мнѣнія—это *партія*, т.-е. нѣчто зловредное и подлежащее искорененію, особенно на русской, на „истинно-русской" почвѣ. Другое дѣло—группа людей, всегда идущихъ рядомъ со мною или, еще лучше, вслѣдъ за мною: это — союзъ во имя правды и добра, заслуживающій всякаго вниманія и поощренія... Перенесенные въ общественное собраніе, такіе взгляды неизбѣжно приводятъ къ искусственному объединенію большинства, къ безсилію меньшинства, а если найдется человѣкъ съ крѣпкой волей и сильной рукой — къ его единовластію, даже въ томъ, въ чемъ оно всего менѣе нужно и умѣстно. Признаемся откро-

венно, намъ всегда казалось, что именно стремленіе къ единовластію —не только въ исполненіи, но и въ постановленіи рѣшенія—составляло главный недостатокъ дѣятельности Н. А. Алексѣева, какъ московскаго городского головы. Это было, по французскому выраженію, le défaut de sa qualité; его энергія выдвигалась на первый планъ даже тамъ, гдѣ болѣе желательны были другія свойства. Именно то, что дѣлало его превосходнымъ предсѣдателемъ городской управы, мѣшало ему быть идеальнымъ предсѣдателемъ городской Думы. Не отъ него, конечно, зависѣло соединеніе въ его рукахъ двухъ существенно различныхъ функцій—но именно его примѣръ свидѣтельствуетъ всего яснѣе о неудобствахъ такого соединенія. Безпристрастный историкъ его управленія отмѣтитъ всѣ крупныя дѣла, имъ предпринятыя или исполненныя (постройка боень, зданія думы, устройство водопровода и др.)—но не скроетъ, что ни одно изъ нихъ не было свободно отъ ошибокъ, коренившихся именно въ нетерпимости къ противорѣчію, въ безграничномъ довѣріи къ собственной непогрѣшимости. Можно любоваться, въ лицѣ Н. А. Алексѣева, „широкой русской натурой"—но не слѣдуетъ возводить „въ перлъ созданія" тѣ черты этого типа, которыя составляютъ его кажущуюся силу и дѣйствительную слабость.

Отъ признанія противниковъ Н. А. Алексѣева орудіями „партійности", „праздными" спорщиками о „правахъ", представителями „общественной болтовни"—только одинъ шагъ до заподозриванія ихъ мотивовъ — и этотъ шагъ сдѣланъ другой газетой. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", Н. А. Алексѣева „цѣнили и любили всѣ, *кромѣ лицъ, которыя изъ корыстныхъ или иныхъ нечистыхъ побужденій стремились стать ему поперекъ дороги*". Возражать противъ подобныхъ увѣреній (доходящихъ, нѣсколько дальше, до догадки, что за убійцей—если онъ не сумасшедшій—„могутъ скрываться другія лица, въ качествѣ подстрекателей и сообщниковъ"), конечно, нѣтъ надобности; мы ограничимся только небольшой справкой, не лишенной интереса. Въ одной изъ нашихъ давнишнихъ хроникъ („В. Е." 1887 г., № 1) мы нашли слѣдующую цитату изъ газеты, уже тогда воевавшей съ „безсословнымъ, безконтрольнымъ, безотвѣтственнымъ" городскимъ самоуправленіемъ. „Въ безсословной, безформенной Россіи,—говорила эта газета въ ноябрѣ или декабрѣ 1886 г.,—нѣтъ мѣста охранительнымъ началамъ, прогрессу, свободѣ, а есть мѣсто лишь началамъ отрицанія и разрушенія, да всякаго рода хищеніямъ: у царя — власти, у народа — его достоянія... Самодержавная власть во всѣхъ городахъ и весяхъ русской земли принадлежитъ царю, и только царскими законами должны мы руководиться, а законы рыковскіе, *алексѣевскіе* и иныхъ новоявленныхъ законодателей и самодерж-

цевъ, то-есть, все это царство фразы и лжи, должно быть неотлагательно устранено, какъ въ интересахъ населенія, такъ и государства". Газета, разразившаяся такою изумительною выходкою, въ нашей хроникѣ прямо не названа — но, если не измѣняетъ намъ память, именно она стоитъ теперь въ первомъ ряду панегиристовъ покойнаго городского головы. И пускай намъ не говорятъ, что измѣненіе ея тона вызвано измѣненіемъ характера дѣятельности Н. А. Алексѣева: нѣтъ, отличительныя черты этой дѣятельности съ самаго начала и до самаго конца оставались однѣ и тѣ же. „Либералы" въ печати и въ Думѣ, порицая деспотическіе *пріемы* Н. А. Алексѣева, не впадали въ противорѣчіе сами съ собою—да и самое порицаніе никогда не доходило у нихъ до тѣхъ предѣловъ, которыхъ достигла упомянутая нами газетная статья. Чѣмъ собственно она была вызвана, противъ какого *алексѣевскаго* „закона" спеціально была направлена—этого мы не припомнимъ; мы хотѣли только показать, что слабыя стороны въ дѣятельности Н. А. Алексѣева усматривались не одними только „мошенниками пера и разбойниками печати", и что московской газетѣ не подобало говорить о „корыстныхъ или иныхъ нечистыхъ побужденіяхъ", какъ о единственномъ возможномъ источникѣ нападеній на покойнаго.

Заподозриваніе мотивовъ, въ силу которыхъ дѣйствуетъ противникъ—явленіе, въ наше время, совершенно заурядное, и не въ немъ слѣдуетъ видѣть геркулесовы столпы, до которыхъ дошла наша печать, оплакивая Н. А. Алексѣева. Эта роль принадлежитъ по праву одному изъ „Маленькихъ писемъ" „Новаго Времени" (№ 6119). Называя убійцу городского головы „бревномъ въ образѣ человѣка", авторъ письма продолжаетъ: „и это бревно поступаетъ на испытаніе людей науки, оно будетъ ѣсть и пить, дышать воздухомъ и, пожалуй, высказывать свое неудовольствіе на то, что къ нему недостаточно почтительно и вѣжливо относятся. Не жалѣя свою жертву, это бревно жалѣетъ себя самого и бережетъ свою вредную для людей жизнь и, убивая, знаетъ, что останется жить. Ничего нѣтъ выше собственнаго „я", своего мелкаго эгоизма въ этомъ безсмысленномъ бревнѣ, которое воображаетъ, что и въ него Богъ вложилъ безсмертную душу, что онъ не безчувственное дерево, только и годное на то, чтобъ его срубить... Но онъ—жалкій сумасшедшій, скажутъ мнѣ. Однако, онъ не бросился съ выстрѣломъ на такое же ничтожное бревно, какъ онъ самъ. Онъ выбиралъ, подготовлялся къ своему преступленію, онъ мѣтилъ на лицо выдающееся, популярное; онъ нагло бравируетъ своимъ убійствомъ. Этой вмѣняемости довольно. Но его еще будутъ испытывать, производить два слѣдствія, адвокаты защищать, прокуроры обвинять, интеллигенція научная, судебная, административная

займутся этой презрѣнной особой, этой поврежденной или мелкой душонкой, стоящей ниже, въ порядкѣ Божьяго созданія, того муравья, котораго вы давите безъ сожалѣнія ногой. Какъ, подумаешь, удивительно создалъ самъ себя человѣкъ! Вѣдь еслибъ оцѣнить все горе, которое принесъ этотъ новохоперскій мѣщанинъ, еслибъ оцѣнить всѣ усилія ума, знанія, какія ему будутъ посвящены, еслибъ оцѣнить все то время, которое возьметъ онъ у суда, у слѣдователей, у присяжныхъ, у врачей и проч., еслибъ оцѣнить все это, то получилась бы такая сумма, которая спасла бы отъ нищеты цѣлую сотню полезныхъ и хорошихъ людей"...

Быть можетъ, нѣчто подобное проносится иногда въ головѣ человѣка, ошеломленнаго, ослѣпленнаго невознаградимой потерей; быть можетъ, такъ смотритъ иногда на убійцу, въ первыя минуты страшнаго горя, ближайшій родственникъ или другъ убитаго — но даже при такихъ условіяхъ чудовищная мысль не принимаетъ опредѣленной формы, исчезаетъ какъ кошмаръ, не выдерживающій соприкосновенія съ первымъ лучомъ дневного свѣта, съ первымъ проблескомъ проснувшагося сознанія. Какимъ же образомъ она могла фиксироваться въ умѣ посторонняго, по отношенію къ убитому, лица—фиксироваться настолько, чтобы появиться въ печати? Одно изъ двухъ: или вся приведенная нами тирада—не что иное, какъ причитаніе, претендующее только на эффектъ, а не на серьезное значеніе,—или она имѣетъ смыслъ до крайности печальный. Мы желали бы остановиться на первомъ предположеніи—но этому мѣшаютъ самые пріемы автора: онъ не только вопіетъ—онъ разсуждаетъ, предусматриваетъ возраженія, старается ихъ опровергнуть, обббщаетъ свои выводы. Въ другой странѣ, при другихъ нравахъ, его статья,—по справедливому замѣчанію „Новостей",—была бы призывомъ къ суду Линча; у насъ она является требованіемъ военно-полевого суда или какой-нибудь другой, еще болѣе „экспедитивной" расправы. Дерево, „годное только на то, чтобъ его срубить", муравей, котораго „безъ сожалѣнія можно раздавить ногой"—это, очевидно, не объектъ для сколько-нибудь нормальнаго суда; это—нѣчто подлежащее устраненію... Авторъ статьи не понимаетъ даже того, что правосудіе существуетъ не только для самого подсудимаго, но и для общества. Общество не можетъ чувствовать себя спокойнымъ и удовлетвореннымъ, когда гарантіи, выработанныя вѣками, уступаютъ мѣсто „упрощеннымъ" способамъ возмездія. Для него нѣтъ ни людей-бревенъ, ни людей-муравьевъ, а есть только *человѣкъ, всегда*, при всякихъ условіяхъ, сохраняющій свою человѣческую душу и человѣческія права. Нарушеніе этихъ правъ, даже въ лицѣ преступника, равносильно нарушенію правъ всего общества... „Маленькое письмо" осталось бы въ

нашихъ глазахъ „маленькимъ“ фактомъ, не заслуживающимъ и не требующимъ вниманія, еслибы мы не видѣли въ немъ признака времени. Пренебреженіе къ наукѣ и къ человѣческому достоинству —вотъ характерныя черты „модныхъ“ теченій, отразившіяся, какъ въ зеркалѣ, въ разбираемой нами газетной статьѣ. Смѣлость, съ которою провозглашается здѣсь вновь открытый суммарный способъ установленія вмѣняемости—это отголосокъ самодовольства, отрицающаго „чужеземныя, навѣянныя доктрины“ во имя доморощеннаго „практическаго смысла“. Рѣшительность, съ которою человѣкъ приравнивается къ вещи или къ насѣкомому,—это отголосокъ теоріи „спасительнаго страха“, не усматривающей существеннаго различія между народной массой и стадомъ животныхъ...

Всѣ органы печати, упомянувшіе о смерти П. Я. Александрова, —не исключая и тѣхъ, у которыхъ съ нимъ были когда-то личные счеты,—признали единогласно, что въ его лицѣ сошла со сцены одна изъ самыхъ крупныхъ силъ русской присяжной адвокатуры. И дѣйствительно, въ покойномъ были на-лицо всѣ условія, дающія адвокату не только успѣхъ, но и право на уваженіе. Тонкій умъ, основательное образованіе, любовь къ своему дѣлу соединялись въ Александровѣ съ твердостью убѣжденій, не отступавшею передъ самыми трудными и отвѣтственными задачами. Онъ выдвинулся еще въ то время, когда принадлежалъ къ прокурорскому надзору, выдвинулся не только какъ искусный обвинитель, но и какъ безпристрастный искатель правды, способный промѣнять, если этого требуютъ обстоятельства даннаго случая, обвиненіе—на защиту. Во всю свою ширь дарованіе П. Я. Александрова развернулось, однако, только на адвокатскомъ поприщѣ. Быстро слабѣвшія физическія силы не позволяли ему, въ послѣдніе годы жизни, часто выступать передъ судомъ, но не слабѣлъ его талантъ, выказавшійся въ полномъ блескѣ еще за мѣсяцъ до его смерти, въ защитительной рѣчи по дѣлу редактора „Новостей“ съ спб.-тульскимъ земельнымъ банкомъ. Въ этой рѣчи есть одно мѣсто, составляющее какъ бы адвокатское завѣщаніе П. Я. Александрова. Ему нужно было перейти къ разбору тѣхъ доводовъ обвинителя, которыми набрасывалась тѣнь на *мотивы* газетныхъ нападеній противъ тульскаго банка. „Господа судьи! — воскликнулъ защитникъ,—съ большимъ волненіемъ я хочу сказать вамъ, что я не въ силахъ бороться на почвѣ этихъ обвиненій, выставленныхъ противъ г. Нотовича. *Я человѣкъ стараго времени, я принадлежу началомъ моей дѣятельности къ первымъ годамъ судебной реформы. Я проникнутъ традиціями того времени*, а въ то время всякая непорядочность въ преніяхъ удалялась, и чистоплотность и порядочность

преній считалась однимъ изъ лучшихъ украшеній суда. Мнѣ не по́ сердцу, не по вкусу, не по характеру, не по силамъ, принимать борьбу на этой почвѣ—изслѣдовать мотивы, которыми руководствовался писатель, излагая ту или другую статью. Да развѣ преступленія печати представляютъ такія крупныя преступленія, по которымъ нужно еще рыться въ душѣ писателя и искать—почему онъ написалъ ту или другую статью?" *Традиціи первыхъ временъ судебной реформы*—вотъ, въ самомъ дѣлѣ, то знамя, которому до конца оставался вѣренъ Александровъ.

Между здравствующими и дѣйствующими адвокатами уцѣлѣло еще, къ счастію, не мало носителей этого знамени. Одинъ изъ нихъ, В. Д. Спасовичъ, оправился послѣ тяжкой болѣзни, по прежнему бодрый не только тѣломъ, но и духомъ. Другой, В. Н. Герардъ, праздновалъ недавно двадцатипятилѣтіе своей адвокатской дѣятельности. Многочисленные его товарищи, прежніе и нынѣшніе, чествовали въ немъ именно человѣка, вѣрнаго лучшимъ завѣтамъ шестидесятыхъ годовъ. Пока въ сословіи есть такіе люди и пока они пользуются въ его средѣ общею любовью и уваженіемъ, до тѣхъ поръ нѣтъ причины бояться за будущность русской присяжной адвокатуры. Какими бы упреками, заслуженными или незаслуженными, ее ни осыпали, она остается однимъ изъ тѣхъ немногихъ поприщъ, на которыхъ, съ сравнительной, свободой можетъ созрѣвать русская рѣчь, развиваться русская общественная жизнь. На обѣдѣ, данномъ въ честь В. Н. Герарда, много говорилось о благотворномъ его вліяніи на ближайшихъ его сотрудниковъ и вообще на начинающихъ адвокатовъ. Въ такомъ вліяніи, въ непрерывномъ общеніи между старыми и молодыми членами сословія, въ корпоративномъ устройствѣ, столь дорогомъ для адвокатуры, мы видимъ залогъ прочности традицій, созданныхъ первыми, счастливыми годами новаго суда. Тогдашніе идеалы померкли, но не исчезли, и могутъ снова засіять прежнимъ свѣтомъ...

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1893.

Книга третья. — Мартъ.

стр.

Горленки.—Разсказъ.—I-XX.—П. Д. БОБОРЫКИНА 5
Дикарка.—Повѣсть Эл. Оржешко.—Съ польскаго.—IV.—ГЛ. 37
Въ сорочкѣ родился.—Романъ въ шести книгахъ, соч. Фр. Шпильгагена. — Съ нѣмецкаго. — Книга третья.—I-X.—А. Э. 95
Публичные митинги въ Англіи. — Очерки изъ политической исторіи Англіи.— IV-IX.—Окончаніе.—В. Ѳ. ДЕРЮЖИНСКАГО 142
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка.—Изъ дѣлъ сибирской старины. — Разсказъ. —I-XIII.—Н. С. ЛѢСКОВА 177
Голоса.—I. Одинъ голосъ. II. Другой голосъ. — Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 201
Изъ поѣздки на Волгу въ прошломъ году.—Впечатлѣнія и замѣтки.—I-IX.—Л. НЕЛИДОВОЙ 204
Разсказы иностранца о Петрѣ Великомъ. — Записки Юста Юля, датскаго посланника при русскомъ дворѣ (1709—1711).—А. Н. ПЫПИНА . . . 255
Стихотворенія. — I. In memoriam.—II. На прощанье.—III. Nocturno nuovo. — М. МАРТОВА 294
Крестьянскія нужды и ихъ изслѣдователи. — Л. З. СЛОНИМСКАГО 296
Стихотвореніе.—Когда съ высотъ горящаго Сіона.—КН. Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВА . 319
Десять лѣтъ въ Америкѣ. — Изъ личныхъ воспоминаній.—VII. — П. А. ТВЕРСКОГО 320
Хроника.—Соляной налогъ и его значеніе.—Л. В. ХОДСКАГО 340
Внутреннее Обозрѣніе. — Сессія дворянскихъ собраній въ Новгородѣ и Петербургѣ. — Вопросъ о способахъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства.— Возраженія дворянскихъ собраній противъ проекта опекунскаго устава. —Заповѣдность дворянскихъ имѣній и воспитаніе дворянскихъ дѣтей.— Сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія. — Земства рязанское и костромское 367
Иностранное Обозрѣніе. — Парламентская „болтовня" и ея значеніе.—Политическая дѣятельность Гладстона. — Засѣданіе палаты общинъ 13-го февраля.—Новый ирландскій билль, его достоинства и недостатки.—Возраженія оппозиціи. — Вопросъ объ ирландской автономіи въ теоріи и на практикѣ. — Новые консерваторы въ Германіи. — Торжество оппортунизма во Франціи 388
Литературное Обозрѣніе. — Волна, сборникъ русской художественной лирики, К. Геруца. — Р. — Матеріалы для біографіи Гоголя, В. Шенрока. — Записки и Дневникъ А. В. Никитенка. — Этнографическое Обозрѣніе, кн. XIII, XIV и XV. — Извѣстія Общества археол., исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, т. X. — А. П. — Очерки Сибири, С. Елпатьевскаго.—Д.—Новыя книги и брошюры 401
Новости иностранной литературы.—I. Cosmopolis, par P. Bourget.—С. П—НЪ. — II. The Speeches and public Addresses of E. Gladstone, vol. X. — В. Д—ІЙ—III. L'Ennemi des lois, par M. Barrès. — З. В. 425
Изъ Общественной Хроники.—Развитіе борьбы съ послѣдствіями неурожая. — Усиленіе частной помощи; ея крайняя недостаточность. — Эксплуатація народной нужды.—Эпилогъ одного изъ лукояновскихъ дѣлъ.—Предложеніе черниговскихъ гласныхъ. — Еще о томскомъ обществѣ естествоиспытателей и врачей. — Ю. Э. Янсонъ †. 438
Библіографическій Листокъ.—Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова, кн. 6.—Исправительно-воспитательныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, Е. Альбицкаго и А. Ширгена.—Исторія нѣмецкой литературы, В. Шерера, пер. съ нѣм. п. р. А. Н. Пыпина, ч. I.—Изъ зеленаго царства, Д. Кайгородова. — Въ странѣ контрастовъ, изъ жизни и природы туркестанскаго края, Л. П. Шелгуновой.
Объявленія.

Книга четвертая. — Апрѣль.

Стр.

Изъ поѣздки на Волгу въ прошломъ году.—Впечатлѣнія и замѣтки.—XI-XXVI. —Окончаніе.—Л. НЕЛИДОВОЙ 453
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка.—Изъ дѣлъ сибирской старины.—Разсказъ.— XIV-XXIII.—Окончаніе.—Н. С. ЛѢСКОВА 534
Десять лѣтъ въ Америкѣ.—Изъ личныхъ воспоминаній.—VIII-IX.—П. А. ТВЕРСКОГО 562
Дикарка.—Повѣсть Эл. Оржешко.—Съ польскаго.—V.—ГЛ. 588
Искусство и нравственность.—Очеркъ.—КН. С. М. ВОЛКОНСКАГО 620
Въ сорочкѣ родился.—Романъ Фр. Шпильгагена.—Книга четвертая.—А. Э. 652
Два очерка.—I. Ненадолго.—II. Ближе къ природѣ.—З. ГИППІУСЪ . . 701
Деревня.—Каронинъ, Разсказы.—А. Н. ПЫПИНА 730
Изъ Сюлли Прюдома.—I. Разбитая ваза.—II. Роса.—III. Желаніе.—IV. Ласточка.—V. Два смѣлыхъ путника.—VI. Статуя и женщина.—VII. Кто скажетъ.—О. МИХАЙЛОВОЙ 783
Ипполитъ Тэнъ.—К. К. АРСЕНЬЕВА 788
Стихотворенія.—I. Пауза.—II. Девятая симфонія Бетховена.—III. Съ горъ потоки.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 805
Хроника.—Памяти В. А. Арцимовича.—2-е—5-е марта.—А. К. 807
Внутреннее Обозрѣніе.—Проектируемый государственный квартирный налогъ. —Можетъ ли онъ замѣнить собою налогъ подоходный?—Главныя условія взиманія квартирнаго налога.—Квартирныя присутствія.—Продовольственный отчетъ нижегородской губернской земской управы.—Земско-статистическія свѣденія о самарской губерніи.—Новые законы 814
Иностранное Обозрѣніе.—Особенности французской администраціи и бюрократіи.—Старыя традиціи на новой почвѣ.—Послѣдній панамскій процессъ. —Флоке и его судьба.—Клемансо и Фрейсинэ.—Политическіе нравы и пріемы оппортунистовъ.—Темные факты въ панамскомъ дѣлѣ.—Смерть Жюля Ферри.—Болгарскія дѣла и правительственное сообщеніе . . . 832
Литературное Обозрѣніе.—Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ казанской и другихъ средне-волжскихъ губерніяхъ, А. П. Энгельгардта.—Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, В. В.—Урожаи ржи въ европейской Россіи, А. Фортунатова.—Крестьянское мірское хозяйство, М. Скибинскаго.—Л. С.—Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ крестьянъ, А. Корнилова.—Гроза гимназіи, С. Либровича.—Скамья и каѳедра, А. Желанскаго.—А. В.—Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка, Н. Горяева.—С. Б.—Новыя книги и брошюры 848
Новости Иностранной Литературы.—I. L'evolution sociale, par B. Lavergne.— —Л. С.—II. Essais de littérature contemporaine, par G. Pellissier.— III. Vers et prose, par Mallarmé.—З. В. 857
Изъ Общественной Хроники.—Итоги дѣятельности Особаго Комитета.—Частная помощь въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году.—Одна изъ причинъ *невѣдѣнія* размѣровъ бѣдствія.—Трагическая смерть Н. А. Алексѣева въ Москвѣ.—П. Я. Александровъ †.—Юбилей В. Н. Герарда 863
Библіографическій Листокъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова —Германское торговое право, Карла Гарейса, пер. съ нѣм. п. р. Н. I. Нерсесова.—С. Ѳ. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ.—М. И. Миншъ. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ.—Вопросы дня и жизни, В. А. Гольцева.
Объявленія.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Кн. VII. Спб., 1893. Стр. 603. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящимъ выпускомъ заключается первый, почти полувѣковой періодъ жизни и дѣятельности Погодина — до оставленія имъ каѳедры русской исторіи въ Москвѣ. Какъ и въ предъидущихъ выпускахъ, авторъ живописуетъ избранную имъ историческую личность, по возможности, красками, извлекаемыми изъ подлинныхъ документовъ, какъ-то переписки, или изъ современныхъ Погодину журналовъ и газетъ, и притомъ со всею жизненною обстановкой и лицами, съ которыми Погодинъ состоялъ въ дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ получается панорама весьма интересная по тѣмъ подробностямъ, которыя развиваются предъ глазами читателя, перенося его живьемъ въ эпоху „сороковыхъ годовъ", когда впервые ставились первоклассными умами той эпохи тѣ вопросы, которые во многихъ отношеніяхъ не нашли себѣ удовлетворительнаго рѣшенія и полвѣка спустя послѣ того. О подробностяхъ картинъ того времени въ новомъ выпускѣ можно судить уже по одному тому, что этотъ весьма объемистый выпускъ содержитъ всего два, три года жизни Погодина (1842—44 гг.); сюда входитъ и то заграничное его путешествіе, описаніе котораго послужило поводомъ къ остроумной пародіи Герцена подъ заглавіемъ: „Путевыя Записки Вѣдрина", приводимыя также въ извлеченіи. Мы имѣли уже случай ближе познакомить читателей съ содержаніемъ предъидущихъ выпусковъ, а потому постараемся въ одной изъ слѣдующихъ книгъ журнала возвратиться и къ настоящему выпуску — особенно интересному.

Германское торговое право, Карла Гарейса. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Перев. съ нѣм. Н. И. Ржандковскій, п р. проф. Н. І. Нерсесова. Вып. 1. М. 1893. Ц. 2 р.

Торговое право составляетъ одну изъ наиболѣе космополитическихъ, международныхъ отраслей правовѣденія. Поэтому тщательно исполненный переводъ учебника Гарейса — одного изъ лучшихъ произведеній нѣмецкой юридической литературы по данному предмету — притомъ подъ руководствомъ опытнаго лица, составляетъ во всякомъ случаѣ полезное пріобрѣтеніе для всѣхъ, кого интересуютъ вопросы торговаго правовѣденія.

С. Ѳ. Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. Москва, 1893. Стр. XI и 230. Ц. 2 р.

Авторъ этой интересной и живо написанной книги, очевидно, гораздо лучше знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ, чѣмъ съ политическими вопросами и направленіями, о которыхъ онъ писалъ весьма поверхностно, въ качествѣ „славянофила" и сотрудника аксаковской „Руси". Стараясь изучить на практикѣ способы хозяйства въ образцовыхъ имѣніяхъ средней полосы Россіи, онъ долженъ былъ разыскивать эту русскую сельско-хозяйственную культуру „точно иголку въ сѣнѣ, по слухамъ, по разспросамъ". Г. Шараповъ ѣздилъ къ А. Н. Энгельгардту, Н. В. Верещагину и другимъ, имѣлъ съ ними длинныя бесѣды, и изъ этихъ разговоровъ, равно какъ и изъ личнаго осмотра разныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, вынесъ разнообразныя впечатлѣнія, то утѣшительныя, то печальныя, которыми и дѣлится съ читателемъ. Между прочимъ, авторъ невольно забываетъ свои славянофильскія теоріи и свою неприязнь къ нѣмцамъ, когда приходится говорить о полезныхъ начинаніяхъ нѣмецкихъ тружениковъ, занесенныхъ въ глубину Россіи; тутъ оказывается уже, что, напр., маленькое заведеніе нѣмца Гетце въ одномъ изъ селъ владимірской губерніи является „драгоцѣннѣйшимъ образцомъ" въ области русскаго *крестьянскаго* льноводства (стр. 179). Дѣло Гетце пошло блестяще, къ большой выгодѣ окрестныхъ крестьянъ, но затѣмъ разстроилось, вслѣдствіе общихъ неблагопріятныхъ условій нашего земледѣлія; „вокругъ Гетце образовался огромный пустырь, льноводство окончательно лопнуло", и предпріимчивый нѣмецъ вынужденъ ликвидировать дѣло и продавать насиженную усадьбу. „Не правда ли,—прибавляетъ авторъ,— любопытное культурное явленіе въ чисто русскомъ вкусѣ? На разстояніи 14 верстъ отъ города я могъ любоваться безконечными пустырями самаго безнадежнаго вида". Быть можетъ, г. Шараповъ уже близокъ къ тому заключенію, что желать появленія у насъ побольше такихъ нѣмцевъ, какъ Гетце, — не значитъ быть дурнымъ патріотомъ, и что газетная агитація противъ всего иностраннаго и особенно нѣмецкаго должна была бы уступить мѣсто болѣе реальнымъ настоятельнымъ заботамъ.

М. И. Мышъ. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Спб., 1892. Стр. 571. Ц. 2 р. 70 к.

Наше законодательство о евреяхъ разрослось до такихъ размѣровъ, что трудно уже оріентироваться въ этой области безъ помощи опытнаго спеціалиста. Масса различныхъ, отчасти противорѣчивыхъ и неясныхъ узаконеній увеличивается постоянно, изъ года въ годъ, все болѣе усложняя и запутывая практическую постановку такъ называемаго еврейскаго вопроса. Потребовалось, наконецъ, цѣлое „руководство" въ 570 страницъ для систематическаго изложенія и разработки этого огромнаго законодательнаго матеріала,—и эту трудную задачу взялъ на себя и исполнилъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и добросовѣстностью извѣстный юристъ-практикъ, г. Мышъ. Поучительная книга г. Мыша будетъ оцѣнена по достоинству всѣми интересующимися вопросомъ о юридическомъ положеніи евреевъ въ Россіи.

Вопросы дня и жизни, В. А. Гольцева. Изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". Москва. 1893. Стр. 250. Ц. 1 р.

Публичныя лекціи, рѣчи и статьи, вошедшія въ эту книжку г. Гольцева, касаются преимущественно вопросовъ общественно-литературныхъ и нравственныхъ, сохраняющихъ свое значеніе независимо отъ перемѣнчивыхъ текущихъ интересовъ „дня и жизни". Особенно интересны этюды о нравственныхъ идеяхъ Кавелина, о повѣстяхъ Элизы Оржешко и о современной русской литературѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ **1893** г.
(Двадцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою.	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается— **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ **Съ перваго апрѣля открыта подписка на вторую четверть 1893 года.** ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;— въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*— обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично— въ Контору журнала.— Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.— 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе— 40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.— 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер. 7.